

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Povnyĭ sbirnyk tvoriv

Marko Lukych Kropyvnyts'kyĭ

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY**

120

MS. 1-3
1890

Матко Лукуч, Кропивницький

Ромні збітрук творів

ПОВНИЙ СБИРНЫКЪ

ТВОРИВЪ

М. Л. КРОПИВНИЦЬКОГО

ВЫДАНИЯ ТРЕТЕ.

1. Дай серцеви волю, заведе у неволю. 2. Невольникъ. 3. Ломырыльсь.
4. Лошыльсь у дурни. 5. По ревызіи. 6. Лыхо не кожному лыхо,—
инчому й таланъ. 7. Вусы. 8. Лидгоряне. 9. Зайдыголова. 10. Дви семьи.
11. Чмырь. 12. Олеся. 13. Джигунъ. 14. Куплеты.

ГЛАВНИЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ конторѣ газеты „ЮЖНЫЙ КРАЙ“, Харьковъ, Николаевская площадь.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія И. М. Варшавчика, Николаевская ул., д. № 3.

1895.

PG 3948
. K 73
1895
v. 1-2

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 2-го Ноября 1894 года.

12-20-65

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.		Стран.
Дай сердцеви волю, заведе у неволю	1	Пидгоряне	160
Невольныкъ	34	Зайдыголова.	185
Помырылысь	58	Дви семьи.	223
Пошылысь у дурни	71	Чмырь	262
По ревызіи	100	Олеся	298
Лыхо не кожному лыхо,—инчому й таланъ	113	Джигунъ	350
Вусы.	122	Кулеты	379

Дай серцеви волю, заведе у неволю.

Драма въ 5-ты дїяхъ и 6-ты одинахъ.

Въ исправленномъ видѣ.

Л Ы Ц Е Д І И:

Семень **Мелныченко**, парубокъ.
Мывыта **Гальчукъ**, сынъ старшыны.
Иванъ **Непокрытый**, сырота, побратымъ
Семенивъ.
Омелько **Вертелецьный**, парубокъ.
Одарка **Степаненнова**, дивчына.
Морозыха, удова.
Маруся }
Горшына } Дивчата.
Хрыстя }
1-й } Старосты.
2-й }

Зачепыха, баба Одарчына.

Скубод, пьсарь.

1 }
2 }
3 }
4 } Парубкы.
5 }
6 }
7 }

Селяне.

Діетьця у Херсонщыни.

Д І Я І.

Село, у праворучъ хата, навкруги городъ зашетеный лозою; у городчыку била хаты, зъ причилку, квиты, сояшыкы и маненька верба. У ливоручъ простяглося село: хаты у зелени, дали дерева, сады, скырты хлеба и витрякы. Смеркае.

Л В А І.

Семень Мелныченко (*зъ горы шляхомъ иде, надійшовшы посередъ кону, зупыняетця, здїйма брыля и нобы зачарованный дывуетця*). Ось и любый край и ридне село! Давно, давно я попрощався зъ тобою, ридна батькивеська осѣле, дорогая краино. Я покинувъ тебе раннѣю весною; тоди ты була яка-сь сумна, невесела, мовъ пилса пожежи, и на токахъ тилько де-не-дѣ маячывъ невеличкый сти-жочокъ; дерева були обголени лютою зимою... Теперь ты зновъ звеселила; зновъ пишаеся у скыртахъ та у стогахъ; зновъ хаты заквитчалысь и потонулы у зелени,

и тилькы де-не-дѣ биліють помижъ густыми садкамы,—то вырнуть, то знову урнуть, мовъ лебеди на безкраимъ мори... Чы знайдетця жъ у свити хочъ одна людына, щобъ не захохалась на цей любый та тыхый, та веселый рай? А онъ дали и церковця Божа, а генъ ледве мріють витрякы; дали степъ, степъ синій, якъ море!... А онъ и хата мылои, весела, та свитла, якъ поглядъ дивочный. Чого жъ це у мене на серцеви нобы похолонуло? Руки тремтять и голова мовъ вогнемъ горить... (*Пидходить до хаты*). Боже мылий! якъ тутъ гарно, скилькы усякого цвиту! И свячена верба, що у двохъ, на вербній, зъ заутрени принесли и по-

садовылы, розрослась навдывовыжу: мабуць, часто польвана. А онъ сояшынкъ якъ высоченно рыгнався, ще й голову схлылвъ, наче зажурився и думае тяжки думы... Нибы то винъ розуміе и сумуе, що ось незабаромъ прыйде зима, звъялыть ёго, а буйный витерь вырве стебло зъ кориннемъ и занесе ёго далеко...

Я В А І І.

Семень и Одарка.

Одарка (*выйшла зъ хаты, признала Семена й ныщечкомъ до его пидійшла*). Хто це стоить?

Семень (*кынувся до неї*). Одарко, серденько мое!...

Одарка. Э, ни-ни, постривай, парубче! Рукамъ воли не давай!...

Семень (*тревсвижно*). Що це зъ тобою?

Одарка. Ачъ якый добренький, — пидійшовъ крадькомъ, тай въ хату не йде!

Семень. Я жъ оце тильки що прыйшовъ и думавъ...

Одарка. Що вже Одарка не любить тебе?

Семень (*зитхнувся*). Не думавъ покы... А тепера думаю и думци не верю.

Одарка (*прожогомъ кынулася ему на шыю*). Орле мій! (*Зарыдала*). Щастя мое!... Охъ, Боже жъ мій, якъ думала, що тебе вже й на свети нема... Де-жъ це ты взявся? Звидкиль прылнувъ до своєї мылой? (*Зъ радости и плаче, и сміється*).

Семень. А ты безъ жартивъ а ни на ступинь! Така жъ жартовлыва, якъ и першъ була? Ажъ налякала мене, що й Господы!... (*Сміється*). „Стривай, каже, парубче!“ У мене ажъ душа замерла и нибы земля пидо мною заколыхалась..

Одарка (*сміється*). Коли бъ я не такъ дуже скучыла за тобою, то ще бъ и гиршъ налякала. Якъ же ты змарнивъ!...

Слабый бувъ? А оченята блыщать. якъ зори. Ты певно утомився, мій голубе? Ходимъ у хату, спочынешъ ..

Семень. Не годятця у хату йты: люди постережуть, почнуть базикаты, шо я й до дому не зайшовъ, та... Мы жъ ще не заручени! Та тутъ такъ гарно, витрець свижий подыха! Сядьмо, та трохы побалакаемъ. (*Сидаютъ*). Що жъ бабуся твоя чы здрастуютъ ще?

Одарка (*жартуючы*). Пидскакують: зъ печи до долу, а зъ долу на пичъ. Вони такы частенько про тебе згадуютъ! Мабуть же й правду кажутъ, що не „втатця те коханячко, якъ у мишку шыло“. А ты й не бачышь нашои вербы, що удвохъ зъ завутрени прынесли та й посадовылы?

Семень. Я вже зъ нею зъ першою привитався!

Одарка. Що ранку й що вечора польвала я іи дрибненькымы слизоньками. Згадаю було тебе и гирко, гирко заплачу. Отъ и теперъ губы вже й сміютця, а слёзы-ще тремтять на очахъ. Не знаю, якъ я зъ жалю не вмерла. А оце якъ почалы повертатись зъ заробиткивъ, то я когб не зустрину, заразъ и пытаю: чы не бачылы, чы не чулы чогб про тебе? Прыйде вечоръ, дивчата зберутця на вулицю: спивають, сміютця, а у мене й охоты нема—ни до писёнъ, ни до жартивъ... Такъ вже менё вси й прозвалы черныцею. А яку я писеньку склала про свою журбу! нехай колысь тоби заспиваю. Правду кажутъ, що „Боже, Боже, чого та любовь не зможе!“ А ты дуже скучавъ за мною?

Семень. Ты пытаешъ? Хиба твое сердце не яснишь мои мовы тоби розкажуе?...

Одарка. Воно мени завше каже, що ты мене любишь дуже, дуже, билшь всего на свети, и я вирыла ёму...

Семень. Вирь, вирь, голубко, ёму докы воно бьетця у грудяхъ!

Одарка (*обійма его*). Буду, буду вшити! (*Помовчала*). Отъ вже й зирочка вечирня зійшла и засяла, такъ теперъ свитло у мене на души. То моя зирочка! до неї я що вечора молилась; ії одній я розсказувала мое горе; передъ нею однією я слизъ не ховала. Якъ же небо захмаритця и моєи зирочки не выдко, то мени такъ важко стане, нибы навкруги мене все повимре и я одна, одна на божому свити... Иньколы выйду зъ хаты о пивночи, сяду на цимъ мисци й задумаюсь... Ото й почне мени ввыжатись, буцимъ сыдымо мы поручъ и тыхо балакаемо про коханне; и я нибы бачу тебе, бачу твои очи, зхылюся до твоихъ грудей и чую, якъ твое серце бьетця...

Семень. О, моя зоре, мій цвите рожывый! Я не знаю, я не вмю тоби вымовыты, що зъ серцемъ монимъ діетця!... Скільки було въ нему смутку й горя... А теперъ все одлынуло, все забулось!... Скажи, голубко, за вищо ты мене такъ любишь?

Одарка. За вищо?... Чудно!... Коли бъ сердце змогло промовляты словами, то я бъ и розказала тоби... Воно нибы бъ то й промовляе и сама я розумю ёго мову, та пересказаты не зможу.

Семень. Правда, серденько! на одынци й балакаешъ зъ серцемъ нибы зъ людною, и выспяваешъ ёго й скарги, ёго й радости... А захочешъ подилытысь зъ кымъ иншимъ тією вагою, и не знайдешъ мовы... Теперъ, мое серденько, мы вже николи не розлучимось.

Одарка. Николи, николи, мій голубе.

Семень. Мени, спасьби Богови, похвортуныло! Заробывъ ще бильшь, якъ торикъ; такы ни одного буденного дня не прогулявъ, а иноди то й у празныкъ робывъ, хай Господь Милосердный простыть... Довелось, бачъ, мени у нимцивъ стати на поденну; бачу, а вони роблять и въ празныкы; думавъ я, думавъ, а дали

й кажу соби: не вже жъ нимци не таки люде, якъ и мы? У йихъ тамъ же въ колоніи и церква е, кырка по йихнему, и молотця вони у кныжку... Дывылся у раньци винъ йде до службы Божои, а писля обидъ за роботу.. Ото де-хто зъ нашого брата почалы гомониты: „чы й справди жъ воно грихъ у празныкъ робыты“? То инчи, а найпаче стари люде, не згодылысь законъ ламаты: а други стали такъ миркуваты: „теперъ, каже, коли мога заробыты добру копійку, то треба зароблять; а прыйде зима, то й робывъ бы, такъ роботы бракуе, а бо й цина така, що не вартъ и пради!—отъ тоди и молытысь“... Подумалы мы, подумалы; перехрестылысь, тай гайда у покись!...

Одарка. Не знаю, чы воно грихъ, чы ни. (*Помовчала*). Отъ я заплющыла очи и ввыжаецця мени, що мы сыдымо у садку, кругомъ пташечкы тыхо щебечуть и лысть на дереви ледве-ледве колываецця. Надъ нашыми головами посхылялось гилле, витерь нибы потыху зворухне ёго и тыхотыхо паросыть лыстямъ. А лысть же такъ тыхо шепотыть, такъ тыхо,—нибы то старенька бабуся, куняючи, шепче онучатамъ ѳазку. Не ходы никуды сегодня, будемо сыдаты довго-довго.. Заспывай мени яку-небудъ писеньку, та тыхесеньку, такъ тыхо, щобъ окримъ Бога й мене ништо не почувъ тіеи писни!... (*Схыляе голову до его грудей*). Якъ твое серце бьетця! Отъ я й знову заплющыла очи, а все такы тебе бачу.

Я В А ІІІ.

Ти жъ та Мыкыта.

Мыкыта (*Спива за лаштункамы*).

Вулиця гуде, до козакъ иде,
Ты, дубе, розывайся.
На козакови та два жупаны,
Ты, дивчыно, не важся.

*

Одарка (*тревожно*). Це вже й Мыкыту несе!

Семень. Нехай собі йде, хіба винь до тебе?

Одарка (*встає*). А хто ёго зна! Можо... Винь вже двичи прыславъ до мене за рушныкамы.

Семень. Це якъ и торикъ, знову вьяжетця?

Мыкыта (*спива*).

Ти два жупаны, що й скуру свыту

Винь пропье, прогайнуе;

Зведе дивчыну зъ ума, зъ розума,

Та й самъ помандруе.

Одарка. Торикъ у осени ажъ трычи простягався свататысь и теперь тїей жъ... Прыходъ на вечорныци, сегодня у перве зберутця. Прыйдешъ?

Семень. Добре! тилькы на хвылыну до дому забижу, бо я ще жъ не бачывся й зъ батькомъ. Прощай! (*Одарка йде у хату*).

Мыкыта (*здалеку*). Добры-вечиръ, Одарко! (*Прыдїйшовшы близьче*). Хто це такый?

Семень. Аджо бачъ, що людны!

Мыкыта. Бачу—та хто? (*Прыдывляетця и пизнає Семена*). Ты де у биса взявся?

Семень. А ты, певне, зъ бисомъ у добрый злагоди, що й противъ ночи его згадуешъ?

Мыкыта. Ачъ лыйкый мытець! Мабуть не вспивъ и перезутысь, та швыдчъ до Одаркы?

Семень (*усмихнувся*). Такъ—такъ! Захапався, бачъ, та гараздъ и не пидперезався! Дуже вже зкортило!

Мыкыта. Гляды, щобъ я тебе не пидперезавъ такъ, що й духъ зъ тебе выпре. Я тобі оскомыну зибью!

Семень (*спокойно*). Не хвалысь! Звисно, колы бъ свыни та рогы...

Мыкыта. Що?.. Геть видциля! нема тобі тутъ шляху, заросла вже твоя стежка! Ты знаешъ, що я сватаю Одарку?

Семень. Чувъ, чувъ! Оце жъ заразъ вона мени хвалылась.

Мыкыта. Ну!

Семень. Та не нукай! Колы не запрыгъ, то й не погайяй.

Мыкыта. Ты дуже ставъ балакучый! Я тобі утру носа!

Семень. Не хвалысь! Сказано: „покы хвалыкъ нахвалытця, то будыкъ набудетця!“

Мыкыта. Ой, бѣсуре, не попадайся ты мени! (*Йде до вкна*). Одарко, Одарко! а выйды сюды на часынку!

Семень (*сміється*). Казала, що вчора выйде!

Мыкыта. Одїйды, кажу тобі, сатано! (*Йде оз хату*).

Семень. Пиды, пиды въ хату, може пиднесуть тамъ дви сухихъ, а дви порожнихъ. А ну-ну, послухаю, що-то винь казатыме? (*Прытулывся до вкна*). Мовчыть! Мабуть не зна, зъ чого почать!... Осмилысь, забалакавъ... (*Сміється*). „Воды, каже, зайшовъ напытысь!“ Промочы, промочы горло: певно пересохло!

Я В А І V.

Иванъ (*выходе, спиваючи и прытанцевуючи*).

Якъ схватылась метельця,

Поламалася мелныця,—

Крыла жъ ии поламало

И мелныка занесло....

Якъ схватылась заверюха,

Поморозывъ песь вуха,

А прыкащыкъ собі носа,

Якъ ловылы вони лыса,

У ту самую годыну

Биля панського тыну...

Семень (*переходыть ему дорогу*). Здоровъ будъ, Иване!

Иванъ. Тю, дывы! видкиля це ты узався?

Семень. Та оце жъ тилькы що прышовъ. (*Обїймаютця*).

Иванъ. Ну, насылу тебе принесло. А тутъ, братъ така кумедія... Вже мабуть розказувала Одарка?...

Семень. Про Мыкыту?

Иванъ. Та эге жь! Вьяжетця, тай вьяжетця!... Вже я хотивъ ему ребра поличыты, та здорова, бисова лычына: боюсь, що бь самому часомъ печинокъ не видбывъ... Ну та дарма, вже винъ мени попадетця на зубокъ: я ёму допечу, колы не кулакомъ, то языкомъ.

Семень. Та цуръ ёму! Ну, якъ же ты пожываешъ?

Иванъ. А такъ: бреду горемъ, мовъ тимъ моремъ, и врагъ ёго зна, колы пербреду. Та про мене довга писня, багато говорыты, та нема чого слухаты. Стривай, стривай, дай я на тебе подывлюсь! Э, братухо, та й змарнивъ, неначе писля пропасныци!

Семень. Чужа сторона—не ридна маты.

Иванъ. Що й говорыты! А тутъ Одарка за тобою такъ вбывалась, що й... Часомъ почнешъ ии розважаты, то ще й гиршть! Чорты его батька знае, колы бь мене такъ дивчына любила... Що жь, далеко бувъ?

Семень. Та занесло мене ажъ у Басарабію!

Иванъ. Эге, близенькый свить! Багато заробывъ?

Семень. Висимдесятъ принись!

Иванъ. Ого! Та у Одарки зь пивсотни!

Семень. А ты жь почимъ знаешъ?

Иванъ. А якъ же, хвалылась, що давъ заховаты.

Семень. Що жь у васъ тутъ новбого?

Иванъ. Багато новбого! Земельне прибавылы, та ще на якусь школу!... Здырство, братъ, таке, що й!... Передъ Риздвомъ, кажуть, зновъ некрутына. Гаврыла Куксёнка у острогъ посадовылы, за те, що вкравъ курву у шинкаря!... Та цуръ ему зь такою новындою. Ходимо, тамъ хлопци зибралысь на раду.

Семень. На яку раду?

Иванъ. Березу на цю зиму обибраты. Та онъ же й воны йдутъ сюды. Онъ и Омелько, и Савка! (*Гука*). Говъ-говъ! (*Парубкы за лаштунками отклякаютця*).

Я В А В .

Омелько и други парубны.

Омелько. Якъ соби хочете, панове—товарыство, а я не можу; зберить соби кого другого, а й такъ за дви зимы приймавъ муку.

1-й парубокъ. Велька мука! Може ты ремствуешъ на кого зь насъ, може тебе хто зобидывъ, такъ кажы?

Семень (*идийшовъ до парубоцтва*). Добры-вечиръ вамъ, панове—товарыство!

Уси. Семень!... На жь тоби!... Здоровъ! Чы давно прийшовъ? Якъ пожываешъ?

Семень. Спасыби, братця, якъ васъ Господьмылуе? (*Цилуетця съ деякымы*).

Иванъ. Що жь, обибралы березу?

2-й парубокъ. Та онъ Омелько ерепенытыя!

Иванъ. Я жь казавъ, що безъ мене ладу не буде. Хлопци, хто за Омелька, обизвысь?

Голосы. Я! Я! Я!

Иванъ. Бачъ, Омельку, уси тебе бажакють; чого жь ты брыкаеся, мовъ той нёвукъ?

Омелько (*показуе на Семена*). Ось вамъ береза! и розумный и дотепный!

Де-яки парубки. Молодый ще дужо: хочъ и повно въ его голови розуму, такъ глевкый же ще той розумъ,—нехай зачерствіе!...

Омелько (*чуха потылицю*). Не хотилось бы мени... Ну, та нехай вже буде ваша зверху. Хто за мене, ставай у правдурчъ! (*Скільки парубкивъ переходять*).

Иванъ (*ставъ на пивдорози*). А я, братця, ни сюды, ни туды. Якъ що Омелько постановыть могорычу, то й я за него. (*Зъ хаты выходыть Мыкыта*).

Голосы. Почавъ вже выгадуваты!...

Иванъ (*ныбы не бачыть Мыкыту*). Аджэ жъ Мыкытынъ батько усихъ людей могорычывъ, щобъ ёго обирали за старшыну.

Мыкыта. А ты жъ бачывъ?

Иванъ (*здійма картуза*). И вы тутъ? Я хочъ не бачывъ, та чувъ!

Мыкыта. Гляды, щобъ часомъ тоби не позеладало!

Иванъ (*глузуючы*). За що жъ вы гниваетесь на мене, панычу? Звынить, будь ласка, мони вже цей разъ, а то все такъ буде! (*Регитъ*).

Голосы. Та годи тоби, Иване, перестань!

Иванъ. А що бо вы за народъ такий! тильки що вступывъ у речи зъ панычемъ, а вы вже й почалы гриматы.

Мыкыта. Я зъ такимъ дурнемъ и говорыты не хочу.

Иванъ. А звисно! бо вы жъ высокого коліна: вашъ батько, у купи зъ хортами, лызавъ панськи тарилки! Що жъ, Омельку, купышь могорычу?

Голосы. Годи-бо тоби теревѣни правыты!

Иванъ. И—лыхо, не дадутъ и поторгуватысь! Ну, нехай стара вьязне. (*Перейшовъ*).

2-й парубокъ (*переходючы*). И я туды, де бильшь!

3-й парубокъ (*тожъ*). У гурти й каша смажнищъ.

4-й парубокъ. Куды кобыла, туды й лоша!

5-й парубокъ. Що громади, те й баби!

6-й парубокъ. Гуртомъ и батька добре быты.

7-й парубокъ. Слушайте, хлопци, я ще вамъ торикъ казавъ, щобъ Соломію

прогнаты зъ нашої кумпаніи, бо вона въ гѣроди зовсімъ ошалила.

Иванъ. Стало быть, перевчылась на одынъ бикъ.

7-й парубокъ. Иноди такэ неподобне сплеще, що й парубкови соромно слухаты, не то що дивци. Тамъ якъ роспустыть губу, такъ и не вговтаешъ и!

6-й парубокъ. Такъ, такъ; вона такы любыть скордмынку.

Омелько. Та ну бо, не перебувай!

7-й парубокъ. Тенерь же зновъ кажу вамъ, що якъ вона буде ходыты на наши вечорныци, то я вамъ не товаришь.

Мыкыта. А я хочу, щобъ вона ходыла!

Омелько. Мало бъ чого ты не зхотивъ!

7-й парубокъ. Отъ, спарувать бы ии зъ Мыкытою,— була бъ пара.

Мыкыта. А чому жъ не зъ тобою?

7-й парубокъ (*сміючысь*). Бо вы обде панського кѣдла: твій батько зъ ланкызывъ, а ии зъ поваривъ!...

Иванъ. Отъ, якъ бы йихъ, братця, справди спарувать, якъ разъ на те бъ выйшло, що „чортъ симъ паръ черевыкывъ зтоптавъ, докы до купы зибравъ“.

Мыкыта (*згорда*). Ну, нехай бы вже хто пугній говорывъ, а то...

Иванъ. А то що? Ну-ну! Чого жъ ты замовкъ?

Омелько. Та перестань вже! (*До парубкивъ*). Я такъ, братця, думаю, що Соломія не зъ такъ-то й вынувата... Але жъ громада великий чоловікъ. Ну, одклякайтесь, хто не хоче, щобъ вона була въ нашіи кумпаніи.

Голосы. Я! Я! Я! Все не хочутъ!

Омелько. Що жъ, Мыкыто, бачышь, тильки ты одынъ за Соломію.

Мыкыта. Тьфу на ваши порядкы! (*Пишовъ*).

Омелько. Ой, не плюй, Мыкыто!

Иванъ. Знаешъ куды плюнь?

Голосы. Не зачепайте его, хай соби йде!

Иванъ. Що жъ винъ тутъ росплю-
вався!... Я не подивлюсь на его що винъ
папычъ!

Голосы. Та цуръ ёму!

Омелько. Та й то правда! Не зачи-
пай дурного, то й свого розуму не по-
щёрбышь! Слушайте жъ сюды, панове-то-
варыство: не хотилося мени, дуже не хо-
тилося буты за березу, ну та колы вже
ваша воля, то мушу послужыты. Будемо жъ
гуляты чесно, тыхо, та смирно, якъ слидъ
чесному й поважному парубоцтву, такъ
якъ гулялы наши диды й батькы... Ха-
зийку на вечорныцяхъ поважаты й ша-
нуваты, якъ матирь, зъ дивчатъмы оби-
хдытысь зъ повагою; та не забуваты,
братця, що чесна дивчына, то е краса
и честь усёго села.

Уси. Такъ, такъ!

Иванъ. Ну, вже Омелько що скаже,
то такъ, неначе дратвою прыстрбчыть.

Семень. Не пиде зъ идзыкою за ро-
зумомъ!

Омелько. Тепера у складчыну, та по-
кропымо вечорныци. Семене, ты будешъ
за михондшу: настановляй брыля! (*Кыда
у брыль Семенови срибни гроши*).
А ты, Гнате, збигай за музыкамы, та й
дивчатамъ дай звистку.

3-й парувокъ. Та це я знову за по-
пыхача!

Омелько. Бо ты жъ молодчий надъ
усихъ. (*Парубкы складають Семенови
гроши*).

Иванъ (*выверта кешени*). Де жъ
це мои гроши? Де жъ це воны у бисо-
вого батька подилысь? Отъ тоби й на!
Калавуръ! обикралы... Э ни, брешу, по-
стривай, постривай, - осьдечкы воны!...
Охъ, колы бъ же якъ не розсыпаты!...
На тоби, Семене, червинця.

Семень. Та це жъ шагъ, та ще й
щербатый!

Иванъ. Щербатый, тю! Така его й
маты щербата була. Веры, колы дають!

Знаешъ, бративу: зъ голого якъ зъ свя-
того!

Омелько. Теперь почынай песни—
звесельмо вулицю!

Голосы. А ну, гей, почнемо „чумака“!
Зачынай хто?...

Гулявъ чумака на рыночку,
Та пывъ чумака горилочку:
Пропывъ волю, пропывъ возы, }
Пропывъ ярма, ще й занозы — } ДВИЧИ.
Все свое добро!

Прокынувся чумака враньци,
Та полапавъ у карманьци —
Вси кешени вывертае,
Ажъ тамъ грошей вже й чортъ мае — } ДВИЧИ.
Ничымъ похмельтысь!

Ой, пиду я до шынкарькы:
„Всыпъ, шынкарько, хочъ зъ пивкварти“!
Шынкарочка къ чорту дметця }
Ще й съ чумаченька сміетця, — } ДВИЧИ.
Що гиркий пьяныця!

Скынувъ чумака жупаныну:
„Всыпъ, шынкарько, четвертыну“!
„Ой, по всыплю четвертыну,
Добудъ грошей хочъ зъ полтыну, — } ДВИЧИ.
Тоди пый, гуляй“!

Выйшовъ чумака на могылу,
Станувъ-глянувъ у долину:
Стоять волю, стоять возы,
Высятъ ярма ще й занозы, — } ДВИЧИ.
Не мое добро!...

Ой, пиду я у Молдаву,
Та симъ годъ я погорю;
Ой, симъ годъ я погорю,
Волю й возы покупуу — } ДВИЧИ.
Впьять буду чумака!

«Зависа».

Д І Я І І.

Серёдына хаты удовы Морозыхы, стиль, лавкы, пичь, кочергы, пиль, мыснѣк и усяке збижжа.

Я В А І.

Мыныта сыдыть за столомъ и лузкае насиння; Маруся зв деркачемъ у рукахъ: Морозыха сыдыть на полу.

Маруся. Прычепуру я, титочко, хочь трохы вашу хату, бо щобъ не прозвалы й вась нечуपाюдоу, якъ спивають про ту удову, — що „симъ день печи не топыла, синей, хаты не мела“...

Морозыха. Прычепуры, чепурухо! Та не выкыдай смиття на двирь, бо противь ночи не годытця.

Маруся. Хйба жъ я цёго не знаю? Я замету мижъ кочергы! (*Зупынылася проты Мыкыты и зв жартомъ говорить*). А ты, парубче, не смиты по хаты, а то я тебе ось цимъ деркачемъ по губахъ!

Мыкыта (*дае йй хушпыння*). На, выкынь!

Маруся. И самъ выкынешь, — не великый пань. И — розлушывся!

Мыкыта. Видчепысь ты видь мене!

Я В А І І.

Ти жъ и Одарна.

Одарка. Добры-вечирь!

Маруся (*швыдко*). „Сестры-вечирь, добрычкы, чы не телячылы вы моихъ ба-чагкывъ? А якъ же, телячылы, телячылы: задралы лозы та побиглы у хвисть“. Якымъ це вась витромъ сюды занесло?

Одарка. Тыкымъ же, якъ и вась. Здрастуйте, титко, чы вы ще живеньки — здоровеньки? (*Кладе хлѣбъ на стиль*).

Морозыха. Здорова, здорова, дивонько Якъ тебе Господь мылуе?

Одарка. Спасыби Госнодеви Мылосердному. Бабуся вамъ кланяютця.

Морозыха. Спасыби, спасыби!

Маруся (*тыхо до Одаркы*). Що, вже бачылася?

Одарка (*соромлючысь*). Зъ кымъ?

Маруся. Ачь, ще й пытае!

Мыкыта (*наслушавъ*). Такъ и вылетѣла ему на зустричь!

Морозыха. Хто? Кому на зустричь?

Мыкыта (*регоче*). То мы балакаемо про Одарчыного мыдруса.

Одарка. „Просымо вась, не смійтеса зъ насъ; мы объ тимъ не спорымъ, що вась не стоимъ; вы за нами не дуже, а мы за вами й байдуже“!...

Маруся. Онъ якъ видчытала!

Мыкыта (*удае зв себе спокойного*). „Говорыла покойна до самисенькой смерти, та все чортъ батька-зна щобъ“!

Одарка. Адже я зъ тобою не балакаю, то й не лизь у вичи. Я тоби вже не разъ казала, — не зачепай мене!

Маруся (*регоче*). Закусы, Мыкыто, чымъ Богъ пославъ!

Мыкыта (*до Маруси*). А тоби зась, колы не до тебе ричь! (*До Одаркы*). Такъ кажешь: „не зачепай мене“? Ачь, яка велика парсона!

Жиночый голосъ (*за викномъ*). Чы е хто въ хаты? А выйдить сюды на чашынку?

Маруся (*зазыра у викно*). А кого вамъ треба? (*Прыдывллетця*). Та це Сыдорыха. Це до васъ, титко!

Морозыха. До мене? чого-бъ то йй?

Маруся. Певно прыйшла прохаты, щобъ вы поворожылы. Вона вже льбонь зъ тыждень, мовъ не самовыта, по усяхъ ворожкѣхъ бигае, та пытае: чы скоро и чоловикъ повернетця зъ наймивь?

Морозыха. Ну вже, хай выбача: проты недѣли я й картъ у руки не вызьму. (*Пишла*).

Маруся (*смиючыся*). Слухай, Одарка! А ты багато ворожокъ одвидала, довы джедалася Семена? (*Скынула окомъ на Мыкыту*).

Одарка. Не личыла!

Маруся (*чвалыво*). Чого жъ це вы такъ запышалася,—чы не въ мищане прыпысалася?... (*Помовчала*). Чы не ворожать оце титка на збряхъ?... Треба питы та й соби повчытыся; бо лубонь незабаромъ и мени прыйдетця дэ-кого одшиптуваты... (*Глянувши зъ смихомъ на Мыкыту, побигла зъ хаты*).

Мыкыта (*встае и довог ходить по хаты. Балака нобы про себе*). Парсона, настояща парсона!

Одарка (*не дывытця у вичи*). Яка е, такую вже й зостанусь!...

Мыкыта. Пава, панянка!...

Одарка. Куды жъ намъ до васъ ривнятыся? Мы за вами й не потрапымо!... То ты зъ себе удаешъ паняча, а мы люде прбсти..

Мыкыта. Що жъ, багато Семенъ заробывъ?

Одарка. Снытай ёго!

Мыкыта. А тоби бъ то винъ и не похвалывся?

Одарка. Скільки заробывъ, стилькы й буде... У шынокъ не понесе.

Мыкыта (*глузуючы*). Не понесе! Я, бачъ, через те пытаю, що бачывъ сёгодня на ёму одержу и зовсимъ бы нова, та тилькы стари диркы та латкы!...

Одарка. Охъ, якъ же смийно! Чому жъ ты не регочешъ? А ну, зарегочы!...

Мыкыта. А тоби до плачу доходить?

Одарка. Мы у злыдняхъ выросли, то вже й звеклы.

Мыкыта. А вже грошей,—то певно повни кешени прынишь, та все мабуть балажкы, чы може червиньця?.. Багатырь! А якъ же вы до виньця, у хургони пойдете, чы на волахъ?

Одарка. Пидемо пишы! „Пишы, кажуть, нема замины“!

Мыкыта. Воно й безпешнишь! А то якъ барскыхъ вбней запряжеть, то щобъ бува не перекынулы та не покаличылы... Або щобъ и на те не выйшло, якъ спивають: „Ой, йихалы, та возылыся, — тпру,—стали, зачепылыся“!...

Одарка. Эге! и я жъ такъ кажу, достойтно такъ!

Мыкыта. Ай гарный же якый ставъ Семенъ, мовъ намалёваный!...

Одарка. Эге жъ, гарнисенькый такый! (*Усмихаецця*). Мабуть, маты у лубыстку купала.

Мыкыта. Лице мовъ высмоктано, а очи якъ банькы!... Вже й говорыты трохы навчылся, а першь було усе мовчыты...

Одарка. „Хто мовчыты, той двохъ навчыты“!

Мыкыта. А звисно! Винъ такы влюбднй!... Розумный парубокъ! тамъ такый розумный, якъ дядынина курка: що знесе яйце, той кудеудахка!... И такый вже тыхоня,—хочъ проты шерсты ёго гладъ, не вкусе.

Одарка. Вже винъ никого не драгуе и ни зъ кымъ не заведетця!... (*Глянула на его*). Та й до шынку стежки не втопче!

Мыкыта. Справди? покирный, выходыты, мовъ той ледачый пуцкыкъ: хочъ на хвистъ ёму наступы, то й не пысне!

Одарка (*пидвела очи*). И ты думаешъ уразыты такымы речамы? Та хочъ ты соби що хочешъ выгадуй, мели соби языкомъ скільки влизе, а мени ажъ ничогисенько!...

Мыкыта. Такый вже то, стало быты, до вподобы: хочъ медомъ обмажь ёго, хочъ дэгтемъ? Але мени цикаво ось що. Скажи мени будь ласка... не разъ вже я тебе пытавъ, але ты все одмовчувалася! Скажи мени: чимъ винъ тоби до вподобы?

Одарка. А тымъ, чога въ тебе бракуе!

Мыкыта. Що жъ винъ наврѣду кращый видъ мене? чы разумишь? чы поstattю, чы хыстомъ взявъ?

Одарка. Ни, не те, все не те ты ка-женщ! Може розумомъ та хыстомъ ты ёго й переважишь,—не знаю. А ось що: ты багатый, дукаръ; а винъ бидный—и за те я ёго люблю! Ты спрыткый и на́дто балакучый; а винъ тыхый — и за те я ёго люблю! У тебе що-разу смихъ та глумъ на уми; а у нёго праця—и за те я ёго люблю! Ты кожного зачепышь, зъ кожного кепкуешъ; а винъ никого й словомъ не ур́азыть — и за те я ёго люблю! Ты выхваляеся та чваняеся тымъ багатствомъ, що батько твѣй прыдбавъ, а самъ за холодну воду не бересея, а винъ змалку працюе и батькови свёму старому допомагае, и малыхъ бративъ та сестеръ до розуму доводить — и за те я ёго люблю! Ты мало що не що-дня пьяный, та бьесея, та бенькетуешъ; а ёго й зъ роду никто пьянымъ не бачывъ — и за це я ёго люблю! Чувъ? Отъ тоби и вся правда!... Що жъ це, ни титкы, ни Маруси? Це наче нарочыто насъ звелъ?... *(Хоче йты зв хаты)*.

Мыкыта. Ни, не вси ще ты одзнакы переличыла! Про те ще не сказала, що якъ винъ уміе улеслыво буркотаты, та слыны роспускаты!...

Одарка. А ты бъ то й не буркучучы задурывъ Маруси голову? звивъ дивку зъ ума, та й отсахнувся!...

Мыкыта. Нехай соби дуріе, колы прыступа!... *(Палко)*. Такъ ты певно йдешъ за Семена?

Одарка. Ще нехай зпершу подаю рушныкы, а тоди вже буде ричъ про весилле!...

Мыкыта *(скаженіе)*. Одсахнысь видъ него! Одсахнысь, кажу тоби!...

Одарка. Щуръ тоби! якый страшный у тебе поглядъ!... *(побигла зв хаты)*.

Мыкыта *(крычытъ)*. Одарко, постривай!... Що жъ теперь?... *(Ламае руки)*. „Страшный поглядъ!...“ Такъ!... Ажъ ось колы ты вся зъявилася передъ моими очыма мовъ на долони!... Тоби треба голубыной мовы, улеслывыхъ речей? А я тебе лякаю своимъ поглядомъ! Черезъ те я тоби не до вподобы?.. Не вирю, не вирю!... Це все никакемни речи!... Дратуешъ ты мене, якъ и торикъ дратувала, що слова правды у тебе николы не выпытаешъ? Але жъ першъ я николы не чувъ видъ тебе того, до чога заразы допытавъ!... Хочъ це й жартъ, але инчы; хочъ це й дратування, але воно вразкѣ, зневажлыве! Дратуешъ ты мене? постривай!... Я теперь тебе и люблю, й ненавядю!... Побачымъ, яки будутъ дыни зъ тѣи огудыны!

Я В А III.

Морозыха и Мыкыта.

Морозыха. Намоглась у одну душу: ворожы ий та й ворожы!... Ни жодной зиркы на неби, геть заволокло, та захмарыло... певно на дощъ! Дывылась, дывылась... блеснула одна зирка, та й знову заховалясь: эге,—на мою думку такъ выпадаетъ, що колы не заслабъ де у дорози, то чымъ-сь дуже бидкаетця. *(Сила на полу)*. Эге! то оце вже Семень и вернувся зъ заробиткывъ? Гарный парубокъ: тыхый та покирный!... Отъ буде пара...

Мыкыта. Кому?

Морозыха. Одарци! Оце вже вони, мабудъ, у осени и поборутця!

Мыкыта. Наврядъ!

Морозыха. Чому жъ? Вони одно другого стоятъ! Та й люблятця, лыбонь соби.

Мыкыта. Наврядъ, кажу, чы поборутця! То пуге дило. що люблятця!

Морозыха. Оцего то вже я й не зрозумію! Може ии хто инчы свата?

Мыкыта. Я иі сватаю.

Морозыха. Ты? Опамъятайся! Эге-ге, стривай, стривай! Правда, чула и я щось таке, нибы похоже... Кто жъ це мени казавъ — не прыгадаю?... Але жъ, кажутъ, що вона тебе ненавдыты?

Мыкыта. Можно такъ зробыть, що й полюбе.

Морозыха. Конешне: чого чарамы не зробишь?... На свити усяке е зилля и до отруты, и до любощивъ...

Мыкыта. И безъ чаривъ обйдемось!

Морозыха. А гроши — то, мовляв, найкращи чары! Эге-ге, ты якъ захочешъ, то знайдешъ соби такую дивчыну..

Мыкыта. А якъ я не хочу никого, опричь Одаркы?

Морозыха. Та що-бо ты це таке кажешъ? Якъ-же це?

Мыкыта. Те, що чуе! Та це, бачте, я шуткую! Я вчадивъ; а зъ чаду я можу такъ зробыты, що Семень и дутеля зъистъ.

Морозыха. Якъ? що таке? И Бога жъ ты не боишься стাকে казаты? Оце выгадавъ! Певно ты, парубче, зъ жыру дуріешъ! одно слово — дука, багатырь! черезъ те тоби отаке никчемне и въ голову лизе!...

Мыкыта. Що жъ мени робыты, колы я иі люблю? Тутъ и нехотячы зробицца нелюдыною, колы сердце болыть, мовъ гадына ёго ссе!... Кажутъ — сякый-такый Мыкыта, бешкедныкъ, коверзныкъ... А ништо не загляне Мыкыти у душу, ништо, не спыта, що тамъ у него дїетця. *(Надто зрушений)*. Знаете титко, що иноди щось на мене таке находыть, що здаеця, колы бъ моя сыла, то я бъ усихъ людей поризавъ; а Одарку розчавчывъ бы, мовъ ту гадыну, — на шматкы бъ иі роздерь! *(Помовчавъ)*. Нехай бы я бувъ паскудный на вроду, або жъ злодїй, чы шибеныетъ... Чому жъ Одарва не хоче

мене любыты? за що вона зневажае мене? черезъ що я иі осоружный?...

Морозыха. Та адже не даромъ, мабудь, кажутъ: „не родыся багатымъ, а родыся щаслывымъ“.

Мыкыта. Такъ отъ же кажу: хочъ бы я мавъ и душу свою завапастыты, а не попущу, щобъ Семень на иі оженывся; не попущу, щобъ надо мною узявъ верхъ отой обшарпанецъ, голодранецъ! „Не родыся багатымъ“!... Що зъ того, що я багатый, колы сердце мое пошматоване, гиршъ старцевои одежи?.. „Не родыся багатымъ“!...

Морозыха. Ты, мабуть, и справди пьяный?

Мыкыта. Ни, я не пьяный, а упрямый! Щобъ то я бувъ за парубокъ, щобъ не посватавъ, кого зхочу?

Морозыха. Бачу, парубче, що твое багатство тоби вже зовсимъ забыло паморкы. Жыруешъ ты!

Мыкыта. Та замочить вы Бога рады: не дорикайте мене, не ворухить мого сердца!... *(Довго ходыть по хатѣ)*. Титко, чы нема у васъ чаркы горилкы?

Морозыха. Та въ тебе й такъ хмелю того повно въ голови!

Мыкыта *(сизъ за стилъ)*. Не бійтись, я розуму не пропью. А що у мене отутъ засило у кистци *(показуе на лобъ)*. того ни горилкою, ни отрутою на занымышь!.. *(Спива)*.

Гей и пье козакъ нье,
Бо въ козака гроши е,
Гей за нимъ, за нимъ ненька старенька
Дрибни слизонькы лье.

Ой ты, сыночку, мій,
Ты, дытны моя,
Гей не пий, не пий тїя горилочки,
Бо зйдешь зъ ума.

Якъ горилкы напыюсь
Та й ума я наберусь,
Гей зъ невірною дружыною
Жыты не поймусь.

Я В А І V.

Тижъ, Одарка, Маруся, Хрыстя, Горпына й други дивчата.

Дивчата. Добры-вечиръ вамъ у хати!

Морозыха. Здрастуйте, мои любі дивчаточка!... Отъ же й гараздъ, що вы попрыходылы, а то тутъ Мыкыта...

Мыкыта. Я чувъ колесь приказку: „йижъ борщъ зъ грыбамы, держы языкъ за зубамы“.

Маруся. А вгадайте, титко, де це мы булы?

Хрыстя. Ну, та й языката!

Маруся. Це мы у насъ, на горищи, курей покралы!

Морозыха. Ой, буде тоби на горишх видъ батька!

Маруся. Про батька байдужэ, абы бь маты не дознались. Тоди буде мени сто чортивъ и сира свята! *(Регоче)*.

Мыкыта. Титко, дайте жь мени чарку горилкы!

Морозыха. И де бь то вона у мене взялась?

Мыкыта. А, чортъ батька-зна що!

Маруся. Давайте, дивчата, поскубемб курей, та зготовымо вечерю, а щобъ не посулы,—заспываемо.

Морозыха. Оце розумна ричь! Справди, заспывайте! Давно вже моя хата не чула спививъ!... Визьмы жь котра курей, та порижъ за хатою, а тоди вже й скубты!...

(Мыкыта зкрутывз цыгарку, одвернувся видъ дивчатъ и затулывз вуха; дивчата сидають на лавахъ, готують вечерю, инчи ложки перемывають та полумыскы; одна дивчина узяла курей и пишла зъ хаты).

Дивчата *(спивають)*.

Та нема гиршъ никому,

Якъ тій сыротнони,

Нихто не прыгорне } двичи.
Пры лыхій годныи. }

Та не прыгорне батько,
Не прыгорне маты;
Тилько той прыгорне, } двичи.
Що думае взаты. }

Налетили гусы
Зь далекого краю,
Замутылы воду } двичи.
Вь тихому Дунаю. }

Бодай сиры гусы
Зь пирьлячкомъ пропалы;
А що насъ розлучылы, } двичи.
Якъ голубивъ пару. }

Якъ мы кохался,
Якъ зерно вь гориси;
А теперь розійшлыся, } двичи.
Якъ туманъ по лиси. }

Мыкыта. Ну, вже завелы гарной! хай вамъ врагъ зь такою писнею.

Маруся. А ты заткны вуха, та й не слухай.

Мыкыта. Ба ни жь, завылы, не наче по мертвому!

Маруся. Я знаю, чому тоби не по нутру ця писня.

Мыкыта. Ты знаешъ—зъ носа та вь ротъ!... *(Смістця)*.

Маруся. „Засмійся Матвійку, дамъ копійку“.

Мыкыта *(зъ серцемъ)*. Що ты сказала?

Маруся. Те що чувъ! Хиба ты оглухъ?

Мыкыта. Щобъ тоби языкъ усохъ!

Маруся. „Богъ не дытна: не по-слуха дурного лывына“!

Мыкыта. Гляды, щобъ я тебе иноди бува не мазнувъ по губахъ! Щось у мене дуже сверблять руки!

Маруся *(регоче)*. Охъ, лышенько! Я жь тебе такъ точнисенько боюсь, якъ то-ришнёго снугу.

Морозыха *(до Маруси)*. Але й ты яка дивка! чы вже жь не можна змовчаты?

Маруся. Щобъ я ёму змовчала? Не дидже винъ цёго, отъ що! Вельке цабё!

МЫКТА (*зкочывъ*). Чы тоби заципить сёгодня?...

МАРУСЯ (*регоче*). Охъ, якъ же ты мене налякавъ, ажъ сорочка на мени пополотнила!

МЫКТА (*скрегоче зубамы и кыдаецця до неи зв кулакамы*). Ну, идолка, дамся я тоби у знакы!...

Я В А В.

Ты жъ, Семень, Иванъ, Омелько и парубны.

Омелько (*кладѣ хлѣбъ на стилъ*). Добры-вечиръ вамъ, титко, чы прыймаете гостей?

Морозыха. А яки жъ тамъ гости?

Омелько. Наше парубоцтво! Нараялысь мы прохаты васъ, щобъ зновъ прыйняли насъ и на цю зиму у вашу госпóду.

Морозыха. Чёсному парубоцтву моя хата настаижъ! А якъ що ты, Омельку, зновъ за березу, то за твоимъ розумомъ и моя голова не болитыме.

Омелько. Спасыби вамъ, титко. Теперъ же, хлопци, звеселить титчнну госпóду гарною писнею.

Иванъ (*прожогомъ вбига*). Осьдечкы й я! (*Швѣдко говорытъ*). Добры-вечиръ, титко, га? чы нема ката-тумана, выцьбы-шкюдывны,—попсы дитямъ дамъ; борщу забильного пидъ лавкою, хочъ покрышкою накрытого,—гребинка гарна е!... (*Парубкы тымъ часомъ чоломкаютця зв дивчатамы; дивчата соромлютця, штовхають одна другу. Иича ховаецця видъ парубка за дивчатъ*).

Семень. Ну, замоловъ! Почынай бо писни.

Иванъ. Писни? Ось заразъ! (*Спива й прытанцевуе*).

Заграй мени трандыбала,

Щобъ я трошки подыбала...

Омелько. Не пустуй-бо, Йване, заводь гуртовóи.

Иванъ. Негнивайтесь, ваше благородіе, заразъ почнемо. (*Спивають*).

Та лугомъ иду, та коня веду,
Розывайся, луже.

„Сватай мене, козаченьку,

Колы любышь дуже;

А хочъ сватай, хочъ не сватай,

Та хочъ прысылайся,

Щобъ и слава не пропала,

Що рикъ ты кохався!“

Я кохався, та не сміявся,

Думавъ тебе взяти,

За лыхымы ворогамы

Мушу покыдаты.

Покыдаю тебе, серденько,

Инчому такому,

Що не скажешъ ти щырой правды,

Що мени одному!

„Я ждала вечиръ, я ждала й другый—

Тебе не выдаты,

Та й мусыла чортъ-зна кому

Всю правду сказаты“!

Морозыха. Спасыби, добри молодци, за писню!

Иванъ. Це я, титко, добрый молодець, а то усе шушваль!

Морозыха. Що й казаты, безъ тебе яка й гульня!

Иванъ. А вже жъ, якый безъ жида ярмарокъ? може вамъ, титко, потанцюваты?

Морозыха. Танцюй, колы охота! (*Омелько и Семень становлять пляшкы зв горилкою*).

Иванъ. Ажъ жыжкы трусятця, такъ хочю танцюваты. (*Спива й танцюе*).

Колы бъ мени жупанъ чорный,

Шаравары сини,

Щобъ до мене дивкы лыплы,

Якъ до брагы свини. .

Отакъ, а не чортъ-зна якъ! Колы бъ це хочъ невірнёнъка музыка, то я бъ танцювавъ до самисенького свиту. Якъ тамъ кажуть, „хочъ погано, та за те довго“! (*Побачывъ пляшкы, почына*

стогнаты). Ой, дышонько! ой, пече жъ мене, пече! Мабуть сояшныци, або прыстрить!

Семень. Отакъ зъ нымъ, сиромою, разъ-по-разъ дѣтця, якъ тильки уздрить горилку. (*Сміетця*).

Омелько. Де жъ тамъ у тебе пече?

Иванъ. Та отугъ... и осьдечки... охъ, пропавъ же я! Омельку, рятуй мене, на-ль швыдче чарку, — я увилю у середьну, то воно тамъ може й полегша.

Омелько (*бѣре пляшку й чарку*). Постривай, тутъ е й старши видъ тебе (*Частуе Морозыху*).

Иванъ (*стогне*). Слабый та малый — то найстарши у хати.

Морозыха (*до Омелька*). У кого въ рукахъ, у того й въ устахъ! Дивчатка, подайте жъ тамъ закускы, та хутенько. (*Дивчата становлять на стілз закуску*).

Омелько. Дай же, Боже, гуляты намъ тыхо, безъ сваркы и безъ худого слова. (*Одпывз трохы, частуе Морозыху*).

Уси. Дай Боже!

Морозыха. Щасты, Боже, на усе добре. Гуляйте, диткы, такъ, якъ колысь гулялы ваши диды й баткы: чесно, та тыхо, якъ слидъ поважному парубоцтву. (*Пѣс*).

Иванъ. Та годи бо вамъ прычтываты. И почалы: „и дай Боже, и не дай Боже“! Тутъ чоловікъ пропада, а вони завелы такой довгои, що й до свита не переслухаешъ!..

Омелько (*частуе Ивана*). На вже й тобі!

Иванъ (*вытывз*). Чусшъ, якъ задюркотило, неначе у порожне барыльце?... Чымъ бы тутъ закусыты? И на що вы, дивчата, постановылы оце сало? и хто ёго йистыме? (*Бѣре сало й хутко йистъ*).

Семень. Одначе намынаешъ, мовъ той кить!

Иванъ. Та знаешъ, абы чымъ небудь напхаты пельку. Тю! я й не бачу, що Мыкыта тутъ! Чого це ты замыслывся, мовъ панянка, що замижъ хоче?

Мыкыта. Пиды собя геть, не твое дило!

Иванъ (*шуткуючы*). Ой, який сердытый! Звыняйте, Мыкыто. Степановычъ! Мени здаетця, що у васъ мухы завельсь у носі?

Мыкыта. Чого ты чепляеся до мене, идоле?

Иванъ. Та цуръ тобі! Я тильки такъ... Слухайте, хлопци, я вамъ роскажу одну казку.

Дѣ-яки. А ну-ну, що ты тамъ збрешешъ?

Иванъ. Э, ни, це не брехня! Давно це, братця, було: ще за царя Хмеля, якъ було людей жменя. У однимъ сели та жывъ соби заможній чоловікъ; що за крипацтва винъ отаманувавъ, такъ грошей нагарбавъ стилькы, що може ёго и въ дви тысячи не вберешъ; и бувъ у того чоловіка одинъ-однимъ сынъ, гарный парубокъ и здоровый такый, що й вола-бъ на двѣе роздѣръ; и такый шырый парубокъ!... тильки не до роботы, а до горилкы та до бійкы... Гуля той парубокъ, та й гуля! чы то будень, чы то свято, — для ёго однаково. Бѣтця, та лаетця, та бенькетус; и никто ёго не зупыня, затымъ, що багатый! Ото разъ, насмоктавшысь у смакъ горилкы, ставъ винъ думаты та гадаты, щобъ ще таке выгадаты, щобъ людей здывуваты и себе удоволныты. Думавъ, думавъ, а дали й каже соби: „не достае мени гарной дивкы“! А у тимъ сели та була одна сырота, та ще й убога, и шыро вона покохалася зъ тавымъ же сыротю, якъ и сама; и вже вони малы соби побратыся, тильки бѣ диджаты осены. Якъ ось багатырь почавъ за тѣю дивкою зорыты, и де-бъ то винъ ии не зуспивъ: чы на вулицы,

чы на работи, — лизе ій у вичи, та й лизе. Дивка плое ёму межы-очи, — а винь обитретця, та й зновь до неі!...

Мыкыта (*зкочывъ*). Брешешъ!

Иванъ. Хиба це про тебе? Правду жъ, мабутъ, кажуть, що на злодієви шапка горыть!

Одарка. Правда, правда, Иване!

Семенъ. Стривай, Иване, я докажу твою казку.

Мыкыта (*выходыть зз за столу*). Все вы брешете, якъ собаки! (*Иде зз хаты*).

Иванъ. Та хочъ попрощайся! (*Регитъ*).

Мыкыта (*до него*). Ну, сатано, одибью я тоби печинкы! (*Пишовъ*).

Иванъ. Отакъ! спасыби тоби, паниматко, за вчорашню квашу...

Омелько. Молодець Иванъ, — неначе окропомъ ошпарывъ.

Одарка. Добре видспивавъ.

Маруся. И за мене виддичывъ!

Омелько (*частуе Ивана*). За це — на тоби, Иване, чарку горилкы!

Иванъ. Та ты, Омельку, не дуже пиддобрыйся, бо я й про тебе де-що знаю.

Уси (*дывуючысь*). Про Омелька?

Омелько. Кажы, братъ, може що лыхе? Здаеця, за собою ничого такого не запримитывъ, але жъ зъ боку выднись!...

Иванъ. А вже жъ, що выднись! А чомъ ты не вышывъ повной чаркы, якъ титку частувавъ!

Омелько (*сміється*). Та й тилькы?

Иванъ. Ото й по всёму! Онъ якъ я, такъ разъ-у-разъ по повній пью. Не вырись? А ну, налий!

Омелько. Бачъ куды гне! Дуже жирно буде. (*Частуе парубкивъ*).

Иванъ. Ачъ якій скупый! Хлопци, загадаю я вамъ загадку! Хто вгада? „Чотыри чотырынкы, пъятый кавурныкъ, несутъ кривулицю черезъ тынъ на вулицю“.

Семенъ. Я колысь иі знавъ.

Иванъ. Та й давно то, мабутъ було — „ще за царя Гороха, якъ було людей трохи“?

Омелько. А справди, и я знавъ иі.

Иванъ. Та справди жъ, справди у рѣшети диркы! Эхъ, вы, неграмотни! А ну, вгадайте другу?

Маруся. Та-ты бо не забигай напередъ, першь цю скажы!

Иванъ. Ты жъ така догадлива, чы й досы не догадалась? Чотыри чотырынкы — то оци чотыри пальци, пъятый кавурныкъ — оцей палець, кривулиця — ложка, тынъ — зубы.

Дѣ-яки. Тю, дывы!

Маруся. А ну я загадаю?

Иванъ. Охъ, ты, моя зозулечко! А ну-ну, загадай!

Маруся. Що буде, якъ кози мыне симъ литъ?

Иванъ. „Маты привола Каленкы, та не скажу, якъ зовуть“! Восьмый годъ пиде! Ну, вже й загадку выдрала! А що, братця, значыть: „Андрій, симъ версть, по колина“?

Хрыстя. И де винъ, матинко, повдыравъ цихъ загабокъ?

Иванъ. Це, бачте, такъ було: йшлы три чоловикы надъ ричкою: ажъ йимъ на зустричъ иде чабанъ. Вони все трое и запыталы ёго разомъ: одынъ пыта — „якъ тебо звуть“? другый — „чы далеко до села“? а третій — „чы глыбока ця ричка?“ Винъ йимъ усимъ трёмъ и одповивъ заразомъ: „Андрій, симъ версть, по колина“. Ну, годи теревени правыты! Отъ, колы бъ це хто загравъ, хочъ на губахъ, покы музыкы прыйдуть, я бъ учыстывъ козака!... Ге, колы бъ вы, братця, зналы, яке мене лыхо спиткало, ажъ до плачу мени доходить!

Омелько. И певно, що лыхо велике, бо й тварь тоби зморщило, неначе постиль.

МАРУСЯ. Йй Богу! Це вже зновъ щось выгадавъ!

ИВАНЪ. Эге, добри выгадки! Коли бъ тоби такъ, якъ меня, то тоби бъ и голуу повернуло назадъ потылицю.

МАРУСЯ (*зареготала*). А хйба у мене голова потылицю напередъ?

ИВАНЪ. Догадалася! Знаете, панове—товариство, хотивъ я порадытися зъ вами, що оце у осени вже хочу я женытися, годи вже бурлакувать; та не знаю, яку мени й браты: чы слипу, чы криву, чы безносу,—бо проста не пиде за мене? Отъ добре моему побратымови Семенови, що ёму й на думку не спада женытися!

СЕМЕНЪ. Отъ, чортивъ парубокъ яке приклавъ!

ОДАРКА (*засоромылась*). Тебе, Йване, и за ничъ не переслухашъ.

ИВАНЪ (*до Одарки*). И ты обизва-лася? Такъ и выдко, що замижъ не хоче! (*Регитъ*).

ОДАРКА. А бодай тебе!

МАРУСЯ. Це не въ вико, а прямо въ око попавъ!

ИВАНЪ (*до Маруси*). Слухай, чор-нява, бровы якъ сметана, сажоку пидведе-нены, глыною зашпаровани,—чы ты пи-дешъ за мене?

МАРУСЯ. Якъ за такого хорошуна не йты! (*Регоче*). Кругомъ багатырь: видъ халявъ до потылицы!

ИВАНЪ (*подумавъ*). Ни, не буду я тебе свататы! Бо коли бъ ты була хочъ трошки вышча, або жъ выжча, або товща, чы тамъ тонча... А то якось не пидъ ладъ. Та ще й зовсимъ не балакуча, не-наче у тебе й языка нема!...

ХРЫСТЯ. Иване, я пиду за тебе!

ИВАНЪ. Ты? а ну постривай, я пры-двлюсь на тебе! (*Дыгытця йй у вичи*).

Эге жъ, та ты жъ калика!

ХРЫСТЯ. Отъ ще що выгадавъ!

ИВАНЪ (*шепче йй на вухо*). А правда? (*Хрыстя одныха его и би-жить мижъ дивчатъ*).

ОМЕЛЬКО. Ну, хлопци, шо жъ вы стовбычите? Поки музыкы прийдуть, грайте у картъ, або шо.

СЕМЕНЪ. Справдя, давайте згуляемъ у лавы! А въ кого е карты?

ОДЫНЪ ИЗЪ ПАРУБКИВЪ (*выймае карты*). Ось у мене е!

ИВАНЪ. А ну, покажы!... (*Прыдыв-ляетця на карты*). Та й засмалцё-вани! Славни будуть блыны, якъ диж-демо масляной.

СЕМЕНЪ. Ну, хто у хвилькы? (*Се-менъ и тры парубкы сидають на пожу и грають у картъ; де-колы промов-ляють*). „А въ тебе дундыкъ“? „Ходы крало!“ „Клады, чуть—лизе!“ „А въ кого курятныкъ“? „Клады стару!“ „Та не пидглядай!“ „Та вы-бо не змбргуй-тесь!“ „За одно пропадаты, козыряй не-хвалыдомъ“. „Клады пошивну...!“

Я В А VI.

Ти жъ, Грыць и Васыль (*музыкы*).

ИВАНЪ. За вовка помовка, а вовкъ и въ хату. Грайте мени заразы! (*Схопывъ одного музыку и почавъ пустувать*). „Ой, грай, коли граешъ“!...

МУЗЫКА. Та-ну бо, не пустуй—штру-ментъ розибъешъ!

ОМЕЛЬКО (*частуе*). Выпийте, братця, та учыстьте намъ якои небудъ!

МУЗЫКА. Можна, якои завгодно можна!

ИВАНЪ. Заграйте мени такой, щобъ я ажъ не стямывса!

МУЗЫКА. Усякою можна! (*Настроюе скрыпку*). Тилькы щобъ на струны було.

ИВАНЪ. За це не турбуйся, я за все платю!

ОМЕЛЬКО. А зъ якыхъ бы-то грошей?

ИВАНЪ. Зъ якыхъ? Шо зъ тобою ро-сказувать!...

Омелько. Та ты, Иване, не хапайся, — нехай зпершу дивчата потанцюють.

Иванъ. Оце вже не по моему... (*Музыкы заграли, дивчата по дві кружка танцюють*).

Иванъ (*довго дывитця, прытупуючи ногою*). Та вже бильшъ копы лыха не буде. „Тряситеся, рубци, дывитеся, хлопци... Розступитеся, мыряне, нехай

гыря погуляе!“ (*Схопывз одну из дивчатъ и танцюе з нею*).

Ой, пиду я въ лисъ по опенькы,
Таки найду дубъ зелененькый—
Сюды--туда дубкомъ стрепену,
Натрусыла жолудькивъ пелену.

(Зависа).

Д І Я ІІІ.

ЧЕРЕЗЪ ТЫЖДЕНЬ ПИСЛЯ ДРУГОЙ ДІИ.

На кону ти жъ обставины, якъ и въ першій дїи, тилькы хата Одарчына трохи дали къ селу; проты хаты, зовсимъ на переди, крыница и жолобъ. Вечеріе.

Я В А І.

Хрыстя и Маруся.

Маруся и Хрыстя (*идучы до крыницы з видрамы на плечахъ, співають*).

За тучамы, за хмарами
Совечко не сходять,
За лыхымы ворогамы
Мій мылий не ходять.

Ой, вы, тучи, вы, гризныи,
Розійдитця ризно,
Прыйды, мылий—чорнобрывый,
Хочъ не рано—пизно.

Прывыкайте, карі очи,
Самы ночуваты,—
Гей, пойхавъ мій мыленькый
У поле ораты.

Бодай волы живи булы,
А плугъ поламався,
Щобъ мій мылий—чорнобрывый
Зъ воламы прыгнався.

Хрыстя (*набира воду*). Чы буде жъ то Одарка клякаты на сватаннѣ?

Маруся (*тожъ перехыляетця у крыницю*). А хто їи зна! Ни, ты ось що скажи: що буде, якъ Мыкыта довидаеця про це сватаннѣ?

Хрыстя. А хйба жъ винъ и доси не знае? Та мина здаеця, що Мыкыта тилькы такъ соби коверзую!...

Маруся. Ой ни, не кажы цѣго, бо знаю я добре Мыкыту!... (*Озырнулася навкругы*). Чы ты знаешъ, що винъ ще позавчора пишовъ у Хвестунову, до якогось ворожбыта?

Хрыстя. Ой, лишенько! Эге!... И що жъ той ворожбытъ зробе?

Маруся. Що? Перекыне Семена ворулакою, отъ тоди й робы що хочешъ... Я вже шепнула про це Одарци, такъ вона, Господы, якъ плакала!

Хрыстя. Сердешна! Чула й я, сестрычко, що е таки ворожбыты... Хай Богъ боронить!... Адже онъ росказують, що позаторикъ, чы пакъ ще давнишъ, у Хайнивци, та одынъ упырь за щось-то ремствувавъ на якогось парубка... Ото той парубокъ посватався, а дали и звинчався... Тилькы що, каже, вышлы вони зъ церкви, ажъ ёго молада заразы и перекынулася у зозулю, вылетила на тополею та й почала куваты; а винъ перекынувся у собаку, та й побигъ, гавкаючи, у подовжъ села... И видъ тоди й чуткы про нихъ нема... Охъ, бороны Боже! Прощай, сестрычко! (*Пшла*).

Маруся. Ходы здорова. Господы, якъ то чудно у свити діетця: що кого широ покохаешъ,—одвертаетця видъ тебе, та ще й кепкуе, зневажае... Кого жъ ненавидышь, дывитця на ёго не хотила бъ,— у вичи лизе... Охъ, Мыкыто, завязавъ ты мени свить, отруивъ ты мою душу!... За те жъ теперъ и самъ караешся. Нудышь свитомъ за Одаркою, а вона й дывитця не хоче на тебе!... И чого винъ до неї лыпне? Дивно! Чи зрозуміе жъ вона ёго речи, ёго поглядъ, ёго душу?... (Спива.)

Чы я вплыла, чы я вбрела,
Чы мене пидмыто,
А чы козакъ любыть не ставъ,
Чы ёго отбыто?

Я В А II.

Иванъ и Маруся.

Иванъ (выходе видъ села). Чы ты тутъ, Марусе, спивала? Дивны! А я йду собі та й думаю,—певно, соловей!

Маруся. Тоби бъ тилько насмихатись..
Отъ щастя дивци!...

•Иванъ. Щастя, якъ трясеця,—кого нападе, не скоро покыне! Якій же то дивци?

Маруся. А вже безъ лыха не обійдетця, якъ хто-сь то довидаетця!

Иванъ. Про кого це ты кажешъ?

Маруся. Знаешъ про кого!... Щось буде, а чого-сь не стане...

Иванъ. Дурныця! хиба ты що чула про...

Маруся. Що вже я вухомъ чула, того у мене зъ языка не вхопышь!

Иванъ (зазыра ій у вичи). Справди? А ты не знаешъ, куды пропавъ Мыкыта?...

Маруся. А почимъ я знаю!... Хиба мени Мыкыта що? Свать винъ мени, чы братъ, чы яка ридня?...

Иванъ. Та такъ, нибы своякъ зъ ливови щокы?...

Маруся. Ты вже почнешъ чорты-батька-зья що выгадувати, та прытуляты горбатого до стины! Прошай! (Пшшла).

Иванъ. Идить здоровеньки! Ну, та й задрисна яка дивка! Вже ій, бачъ, и не по нутру, що Одарка першъ іи йде замижъ. Мабуть, ци пидстаркувати дивчата скризь однакови,—що дивку, котра йде ранишь йихъ замижъ, у ложки воды утопылы бъ!... Що жъ це Мыкыты ниде не выдко? Ще якъ позавчора бачывъ я ёго у ранци, у шыньку, та й доси! Такой понурый, та сердытый, усе пывъ горилку... О, завзятый, бисивъ парубокъ! Одначе, Маруся мабуть щось знае... Треба сёгодня буты на сторожи! Стривай, а це що? (Прыдывляетця). Хто жъ ото йде? Такъ и е! Семень зъ старостамы! А хто жъ то за старобтивъ? Бачъ: пысарь Скубко и старый Кугуть! А ну, заховаюсь та послухаю, що вони казатымутъ; може це й мени на старистъ знадобытця! (Ховаетця за жолобомъ).

Я В А III.

Семень, пысарь Скубко и два старосты.

1-й староста. Ты жъ, Семене, зостанешся на двори, а мы пидемо у хату, бо такъ законъ велыть; а тамъ вже, якъ що той... то й тебе поклычемо... Я пакъ и забувъ спытаты, якъ ты зъ дивкою,—що вона?... Бо треба знаты, зъ чого розмову початы!...

Семень. Вона согласна!... Тильки баба іи неначе трохи... Каже, що Одарка ще молода—„нехай, каже, погуля!“

2-й староста. А который же ій, къ примѣру, годъ?

Семень. Висимнадцатый.

Пысарь. Што жъ, дѣвчонка якъ разъ у поръ! Уже законный срокъ переросла!...

1-й староста. Та вже якось воно буде, якось-то Господъ намъ допоможе...

Пысарь. Знаете, якъ то кажутъ: „що було, то бачили, а що буде, то побачимо“. Уміємъ заговорить зубы и всѣ будуть какурать!

1-й староста. Ну, то ходимъ, пора! Господы благословы! *(Старосты пишли у хату Одарчыну)*.

Семень. Хай Господь Милосердный помогае! *(Сиди на камені)*. И чога воно на вулицы такъ тыхо: ни гомону, ни спививъ не чутъ? Хочъ бы що небудь гласъ подало. Тыхо, всюды тыхо! *(Задумався)*. Хочъ бы Иванъ на цей разъ трапився, винъ бы розбивъ мою тугу. Правду мабуть кажутъ, що першъ чымъ оженився, треба тричы зажуритись... Якисъ сумни думы роємъ обсили голову и одна другу жене и розбивае, мовъ хвилья хвилью!.. Одна думка не лизе мени зъ головы: зъ якого побыту Одарка позавчера, на вечорныцяхъ, якъ сказавъ я їй, що пришло у неділю за рушниками, нибы злякалась и затремтила, а потімъ якось чудно спытала: „а чы будемо жъ мы щасливы“? Щось таке натянула про Мыкыту, що боитця ёго... Ставъ я їй допытувать: хибя може, кажу, Мыкыта похвалявся? Вона замовкла й замовкла, неначе воды въ ротъ набрала. Зъ того часу я серця свого не заспокою! Разъ-позразъ мени здаецця, що ось-ось незабаромъ, усе чымъ я живъ, усе що мене тишыло на свити и що керувало моею тяжкою працею, одіймуть у мене на вики... Мовъ выхоръ налетыть, зопеуе и полама мое щастя...

Иванъ *(тыхо)*. Задумався! чы не налякаты мени ёго,—може звеселю?!..

Семень. Неначе хто балака?

Иванъ *(тыхо)*. Почувъ! *(Почына гарчаты по собачи)*.

Семень *(приглядаецця)*. Щось неначе лежить? *(Иванъ гавка)*. Собака, чы що? *(Иванъ нявчить по кошечі)*. Що

воно таке? *(Иванъ спива пивнемъ)*. Справди, чы не видьма!

Иванъ *(хутко кыдаецця до ёго и балака не своимъ голосомъ)*. Здоровъ будь, козаче!

Семень. Це ты, Иване?

Иванъ *(своимъ голосомъ)*. А то жъ якый бись! А куды це ты налагодився?

Семень *(усмихнувся)*. Хибя жъ видъ тебе выховаецця? Одначе, спасибі, що ты прыйшовъ, а то я трохы не здуривъ, тава мене туга взяла.

Иванъ. Чортъ-батька-зна чога журытця! Кажуть же, що кому хвортуна служе, то винъ ще й хвортуну лае. Дивка ёго любить, що й души не чуе, а ёго бере туга! Чудасія та й годи!

Семень. Та баба Одарчына щось морочыть.

Иванъ. Сказано—стара; треба жъ показаты, що у їй уся сыла. А може боитця, щобъ чога не нашкодывъ Мыкытынъ батько?

Семень. То-то бо и е! Щось и Одарка нибы не та стала.

Иванъ. Говоры! Одарка бабы не послуха; не такъ вона тебе любить, щобъ послухала бабныхъ вытребенёкъ; тилькы...

Семень *(на порозі)*. Семень, говъ! А йды сюды.

Иванъ. Бачъ, онъ вже й гукають тебе. А що, тѣхнуло серденько? Иды жъ, иды, тамъ вже Одарка выгледае тебе зъ хусткою!

Семень *(весело)*. Приходъ же, Иване, на сватанна,—ты жъ у мене й за боярына будешъ! Та клянъ усихъ хлопцивъ.

Иванъ. А я думавъ, що ты за боярына поклычешъ якогъ небудъ дуку...

Семень. Отъ, ще що выгадавъ! Мы жъ зъ тобою не чужи,—памъятаешъ, якъ колись хрестами поминялись?

Иванъ. Я памъятаю, абы ты не забудъ.

Семень. Приходь же, Иване, на сватанья; та збигай за однимъ заходомъ и за музыками. *(Пишовз. Иванз дывытця ему у слидз).*

Иванъ *(одынз)*. Чудный парубокъ: дивка безъ миры ёго любить, а ёго бере туга!.. Колы бъ мене такъ дивчына любила, то була бъ у мене й сорочка вышывана, и стѣжка шовкова; а то яка у мене стѣжка? Тилько слава, що стѣжка! мотузка, а не стежка! Эхъ, чорты ёго батька знае, здаецця и робышь гирко, а йисы усе жъ такы не солодко! *(Махнувз рукою)*. Эхъ, танцюй лыхо, смійтесь злыдни! *(Спивае и танцюе)*.

Ой, чомъ не прыйшовъ,
Колы мисяць зійшовъ,
Тоди тебе прынесло,
Якъ сонечко изійшло!
Ой, чомъ не прыйшовъ,
Якъ я говорила,—
Цилу ниченьку
Свичка прогорила.
Ой, хто до кого,
А я до Параскы,
Бо у мене чортъ-ма штанивъ,
А въ неи запаскы! *(Пишовз)*.

Я В А І V.

Одарна *(выйшла зз хаты)*, потимъ Маруся.

Отъ и рушныки я вже подавала, а й сама не знаю, чы рада я, чы не рада, що йду за Семена? Кого жъ бы це мени повлыкаты у дружкы? Пиду на село,—яку першу дивчыну зустрину, ту й покличу. *(Иде на село, йй на зустрічъ Маруся)*.

Маруся. Добры-вечирь! Не вже це ты й рушныки подавала?

Одарка. Подавала, сестрычко!

Маруся. За кого?

Одарка. Ще й пытае! Просу тебе, сестрычко, до мене за старшу дружку.

Маруся. Колы жъ весилля?

Одарка. У ту недилю.

Маруся. Щаслива ты! За Семена идешъ? И винъ щасливый!.. Бачъ, якъ то кажутъ: за териння Богъ дае спасиння; хочъ и довго ждала, а такы диждалася своего щастя.

Одарка. И ты диждешъ!

Маруся. И, дай помы! Мій суженый мабуць ще десь на прыпичку кашу йистъ.

Одарка. А Мыкыта? Не вже знову згордувавъ?

Маруся *(зз серцемъ)*. Дуже винъ за мною пеклуецця!

Одарка. Ну и якъ ты ёго, сестрычко, любишь! Мени здаецця, що я бъ ёго николи не покохала: такый у ёго страшный поглядъ,—мовъ опече тебе нимъ, якъ гляне! Та сердытый, та погавый на языкъ!.. Я й не знаю, чы зугаревъ винъ хочъ слово ласкове сказаты?

Маруся *(змитхае)*. Черезъ те я ёго люблю й покохала, шо не вмие винъ щоразу ни ласкаты словами, ни голубыты речамы; а однимъ поглядомъ усе тоби скаже!.. Орель, а не парубокъ! Разъ тилько я учула ёго закохану розмову и зтерялась: и сердце и душу ёму виддала! Зневажа винъ мене, гордуе мною, якъ витерь горою! Передъ усымъ мыромъ знущаетця надо мною й глузуе мени у вичи. А одно слово тилько скаже, та такъ якъ тилько винъ умие сказаты,—однымъ поглядомъ усе скаже и я всю ёго зневагу забуду и знову збожевилію и зтеряюсь!

Одарка. Бидна ты, сердешна!

Маруся *(зиркнула на ней)*. Бидна?! Чого жъ тоби такъ стало жаль мене?!..

Голосъ Скувка. А дежъ це наша молода?

Одарка. Це жъ вже мене шукають! Осъ я заразь! *(До Маруси)*. Бижы жъ, Марусе, та кличъ усихъ—усихъ дивчатъ, а я пиду лагодыты закуску; бо баба сами не вправлятця. Гляды жъ, не барысь, приходь хутенько! *(Иде)*. Стри-

вай — и забула: якъ думаешъ, сестро, кого мени ще клькаты за другу дружку? Покльчу Хрыстю, або Горпыну, якъ ты думаешъ? Кого ты раешъ? *(Пишла)*.

Маруся *(дывлячысь їй у слідз)*.
Про мене хочъ и Хрыстю! *(Регоче)*.
Тоби бѣ тилько щebetаты, та млыты видѣ солодкыхъ речей!.. Чы тямшъ же ты, що то таке коханья? Ты мене жаліешъ? Ты такъ багата щастямъ, що й мени хочешъ частыну ёго удилыты? Дурна, дурна!.. Однече дурному, та ледачому заўжде щастыты!.. Що не говоры, а бисова тинь гарнаго парубка пидхопыла!.. Це видимсько чудо! Розквасыть губы, та й дума, що—ось то яка я красуня!.. Хороша якъ курка задрыпана! *(Чутно за лаштункамы писню)*. Эге, це вже й парубкы йдуць на сватанья!.. Пиду та скльчу тоби дивчатъ, а цѣтимъ будемъ дывуватыся на те щастя!.. ха-ха-ха! А Мыкыта десь запропаствися!.. О, теперь я зъ нѣго поглузую!.. *(Пишла)*.

Я В А V.

Омельно, Иванъ и парубкы *(йдуть черезъ конз зъ писнею)*.

Гей, по сынѣму морю

Хвѣля грае,

Гей, турецкій кораблычокъ
Розбывае.

Гей, турецкій кораблычокъ
Розбывае,

Гей, сорокъ тысячь вѣйска
Вытопляе!

Гей, сорокъ тысячь вѣйска
Ще й чотыри.

Гей, то жъ йыхалы козаченькы
Та изъ Украины.

Гей, вони посадалы на могылы,

Гей, выкрасалы вогныку зъ оружыны...

(Выходять Семень, уклоняетця парубкамъ и просе ихъ у хату).

Иванъ *(вертаетця)*. Треба побигты ще за музыкамы. Чортъ ёго зна, яку йимъ и цину даваты? Ондечкы й дивчата вже йдуць. *(Пишовз)*.

Я В А VI.

Дивчата *(стають проты хаты и спивають)*.

Заручена та Одарка,

Зарученая;

Дала свою билу руку

На вичню заруку.

Чы мы жъ тоби, та й Одарко,

Не казалы.

Чы мы жъ твого та й серденька

Не втишалы,—

Не йды, не йды та до броду

Рано по воду,

Та не слухай тыхъ голубивъ,

Де два загудуть...

(Одарка выйшла зъ хаты и кланяетця дивчатамъ трычи у поясъ. Потимъ запрошуе ихъ до хаты).

Я В А VII.

Два музыкамы и Иванъ.

Иванъ. Идить же, дяденькы, прямо въ хату, а мени ще де-куды треба збигать. Такъ що жъ, дядюшка, договоръ такъ, якъ я казавъ?

Музыка. Ни, такъ буде не ловко! Четвертака до карбованця набавыштъ?

Иванъ. А, якый бо вы! Та берить двадцать копіекъ срибла,—прошу васъ!

Музыка. Якъ то можна! Штрументъ же що небудь стоить, ну й струнъ може на цилого грьвевыка зопсуешъ,—такъ воно чого-сь коштуе? Тепера сама тонча струна—такъ вона, братъ, аглыцька, або ще й дорожча!...

Иванъ. Ну, нехай буде по вашому, зъ ваы не зговорыштъ!

Музыка. Чудный ты! Тепера хочь и на скрипци,— навука чого небудь стоять?... Я може не одного карбованця заплативъ, докы навчився. Дамъ я тепера тоби скрипку, ну ты й не заграешъ; бо звисно, не туды пальци стоять. Воно до всякого дила е навука... Мени дратвою привязували пальци до скрипки, докы навчили! А вотъ какъ етотъ мальчонка бувъ предоставленъ до меня у вдравоученіе такъ што я зъ нимъ воспримчивъ бувъ. Ось роскажи какъ я тебя муштровавъ?

2-й музыка. Мене дяденька были, здорово были.

1-й музыка. Мальчснка вонъ ничаво, ну тольки пьеть, бида якъ пьеть!.. Разъ — однажды договорылись мы свадьбу гратъ за 75 випеекъ. Положимъ, продешевыли. Такъ вонъ побачивъ на вокни пляшку та й укравъ ии, та въ горло. Штожъ ты думаешъ, чуть дуба не давъ. Такъ я его, якъ схвативъ за холку, якъ трипонувъ, такъ-такъ увесь канихволь зъ него и выскочивъ.

2-й музыка. Мени у сиривци вымочували руки, а дали шевською смолою натырали лучкы, щобъ отакъ-о гудило? (*Показуе на бубни*).

Иванъ. Та добре, добре, йды вже; бо тебе й за день не переслухаешъ!

1-й музыка. То-то жъ бо й е! До всякого дила треба знаты, якъ и що!.. (*Пишовз у хату настроюючи скрипку*). Я тоби усякій танецъ такъ заграю, що... Я можу козакъ-вальца, и жыдивочку, и всяки панськи танци!..

Я В А VІІІ.

Иванъ. У кого бъ же це мени позычты на сватання цилу свиту, або хочъ невірненького жупанка? Пиду до старого Ганнушенка, у ёго, кажутъ, е червоный жупавъ, ще прадидивскій, — чы не позыче? .. Язъ одягнуся, то-то зъ мене

козарлюга буде, та й ловный же! Заразъ шапку на бакырь, визьмусь у боки и никому не зверну зъ шляху!... (*Пишовз*).

Я В А ІХ.

Мыкыта и Маруся, а згодомъ Иванъ підкрадаеця и приляга за жолобомъ.

Мыкыта (*тягне за руку Марусю*). Кажешъ, що вже посватавъ?

Маруся. Оце тужъ-тужъ, — вже льбонь и гульня почалась. (*За лаштункамъ чутно музыки до кинця діи*).

Мыкыта. Онъ якъ!... Марусе, выкличъ мени Семена на часничку, будь ласка!

Маруся. Такъ бы я тебе й послухала! и не просы, и не говори мени, —ничого не хочу слухаты!

Мыкыта. Марусе, слухай сюды!..

Маруся. Шкода вже мене обдурюваты! Дуривъ, дуривъ мало не два roky та й кынувъ на посмихъ людямъ!... Ще й лыхословышъ мене, та гордуешъ передъ усима, що звивъ изъ ума! И на вечорницяхъ тоди, що ты мени казавъ?!... Ще й бывъ бы може, якъ бы... Пóтимъ знову підлястывся и знову видкынувся?... Отъ и докотылася ниточка до клубочка!..

Мыкыта. Просты мени, я тоди й самъ не памъятавъ, що балакавъ! Выкличъ мени Семена або Одарку, я тилько скажу одно слово, —та й чортъ зъ нмы! Слухай, Марусе, колы ты выкличышъ Семена, то щобъ я кризъ землю провалився, щобъ я свита сопця не вздривъ, колы не буду тебе свататы!... Я хочу тилькы поглузваты зъ ёго! (*Маруся пыльно дывытця ему вз вичи*). Скажи жъ, навчы мене, чымъ зможу тебе ублагаты?... Не ймешъ мени виры? О, Боже, який же я нещасный! Хочъ бы одна була людына така, щобъ повырыла мени на крыхту... Ну, Марусе, колы й ты вже не ймешъ мени

виры, то пиду я, куды очи поведуть...
Та або втоплюся, або заряджусь!... (*Иде*).

Маруся (*кыдаецца до ёго*). Стривай, Мыкыто! Богъ одинъ бачить, що ты робышь зъ моимъ сердцемъ! Не маю слы спречтатся твой воли!...

Мыкыта. Ты выключешъ? Иды жъ, иды швидче, Марусе! Чого жъ ты стоишь?... Марусе, сердце мое! (*Пада передъ него на вколюшки*). Бачъ, Марусе, я на вколюшкахъ тебе благаю, грудку земли зъйимъ, щобъ тильки ты повирьла мени!

Маруся. Охъ, що жъ ты зо мною робышь?... (*Пидводе ёго*). Слухай сюды, Мыкыто! Похвалявся ты йти свить за-очи? и я тоби скажу, що загину, коли ты ще разъ скрывдышь мени! Не губы жъ ты мене, не губы, мій орле! Во пропаду, ий Богу, пропаду за тобою!.. Пидожды жъ, мій соколе, тутъ, а я заразъ!... (*Побигла вхату*).

Мыкыта (*одынкъ*). Чары, чары! Бачъ, бисивъ дидъ, якъ прычарувавъ! Сказавъ, що ще й до села не дйду, якъ вона сама мени на зустрічъ выбижить! Обдуривъ, клятый ворожьбыть! Тилько гроши зъ мене выдуривъ, та горилкы у волю насмоктався!... О, не попадайся жъ и ты мени теперь, чортивъ дидугане! Я тебе на-десятеро розирву, зтопчу якъ гадюку, на шматкы роздеру!... Добре прычарувавъ! О, чомъ я не зможу роздерты себе, щобъ вырвать зъ грудей сердце, зтоптаты ёго ногамы, собакамъ ёго жбурнуть, коли воно Одарци осоружле?!... Такъ ни, не буде цёго, николы не буде, щобъ Семень, отой обшарпанецъ, голодранецъ, узавъ верхъ надо мною! Та скорйшь пиду я на Сибирь, у каторгу, у пекло до самого сатаны—а не попушу тоби Одаркы! Задушу анахтежьску виру, убью якъ собаку! Де жъ ты, мій вороже, мій супостате? Выходъ мерщій! Дай же мени помстытьсь на тоби, сердце свое вдоволныты!...

Я В А Х.

Ти жъ и Семень.

Семень (*на пороzi*). А хто тамъ мене кльче? Маруся сказала, що якыйсь чужый чоловікъ!...

Мыкыта. Семень?... Боже, въ мене руки дрижать!... голова горить... Страшно мени!... Убыть?... Ни, ни, ни!... Убыть, а потимъ утекты?... Куды утекты?... Заразъ утекты? А вони завтра звинчаютця?... Люде все знаютъ... Мене осміють!... Ни, разъ маты породыла, — не двичы й помырать!... (*Пидходять до Семена и удае зъ себе спокойного*). Це я тебе клькавъ! Чого жъ крадесся, мовъ той злодій? Бачъ, якъ ты загордувавъ, що мене й не кльчешъ на сватанья!...

Семень. Тебе на сватанья? Ты бъ такы й лишовъ! Окريمъ того, мени сказали, що тебе и въ сели нема...

Мыкыта. А де жъ я бувъ? Ты знаешъ, де я бувъ? (*Бере Семена за груды*).

Семень (*видныха ёго*). Що це ты—здуривъ, чы пьяный?

Мыкыта. Здуривъ?!.. Я пытаю тебе,—де я бувъ? де я бувъ? (*Зновъ ухватывъ его за груды*).

Семень. Та видчепысь ты видъ мене! (*Видкыда ёго*). Чого тоби треба?

Мыкыта. Ты ще й штовхаешъ мене? (*Хана ёго за горло*).

Семень (*пручаючысь*). Це розбой!

Мыкыта. Ни, я шуткую зъ тобою! (*Выйма зъ кешени складный ножъ*).

Иванъ (*хутко схватывъ Мыкыту за руки*). Постривай! Не втношь, бо коротка шпага! Хлопци, сюды! Э, братъ, шуткы—шуткы, а хвистъ на бикъ! Хлопци, сюды!.. (*Крутить Мыкыты руки*).

Я В А Х I.

Ти жъ, парубкы, дивчата, музыкы, старосты, Одарка, Маруся и народъ.

Уси. А що тутъ таке?

Иванъ. Ще й пытають! Поможить бо в'язаты, бо пручаетця! (*Взянуть Мыкыту*). Бачъ, до якого ума доведе горилка!

Мыкыта. Пустить мене! За що вы надо мною знущаетесь? Лучче утопить мене, або вб'йте! Собаки! Ироды! Катюгы!

Маруся (*св жахомъ*). Мыкыто, Мыкыто! що ты наробивъ!?

Мыкыта. Геть зъ очей, гадыно!... (*Штовха ногою нижъ*). Семене, зарядь мене, бо ты моихъ руеъ не втечешъ!...

(Зависа).

Д І Я І V.

ЧЕРЕЗЪ ТРЯ ТЫЖНИ.

Середина Семенової хаты. Усе сбижжя новесеньке, хочъ и небогате.

Я В А І.

Зачепыха *сидить на печи*, Одарна *пеклуетця коло печи*.

Одарка. Отъ бачте, бабуся, яки бо вы недобреньки! Скільки васъ не прося, скільки не благаю—навчить мене старосвітськихъ писень—а вы все не хочете. Помрете, то й писни зъ вами помруть.

Зачепыха. И на що тобі та старовина? Теперъ всюды вже спивають новыхъ писень, або жъ московськихъ... Така вже теперъ, бачъ, поведенція стала,—що старе, то те нибы й непотрибне!

Одарка. Якъ кому! Инчому стародавнє до вподобы, а инчому новина!

Зачепыха. И тобі однаковисенько! Теперъ вже усе пишло на выворотъ... Хиба я не бачу?... Що жъ, чы скоро тамъ твій обидъ поспіє? може бъ я тобі що помогла?

Одарка. Отакои выгадайте! Вы й рогача не пидіймете! Вамъ тепера тилькы казкы казаты, та скубты пирья,—ото ваша уся й робота. Колы писни не хочете спиваты, то хочъ казку кажить!

Зачепыха. Казку? Я й до завтрєго ни ђдной не нагадаю... Уси позабувала... А що-то я йихъ знала! А писень, писень,—мабуть и за тыждень не переспивала бъ!... Мій батько бувъ зъ запорож-

цивъ. Господы! якъ почне було розказуваты про ту войну,—волосся до горы пидіймаецця! Охъ, давно те діялось!... (*Заснула*).

Я В А І I.

Ти жъ и Маруся (*у викини*).

Маруся. Чы жыви ще? Чы ще не задавлыло васъ щастя?

Одарка. Заходь у хату, сестрычко! Видь самого весилля ты й очей въ хату не навернула! Спасыби, що одвидала!

Маруся. Не дякуй, голубко, докы нема за що! А може я заступыла тобі сонечко, то я й видступлюсь видъ викина,—беры вже й весь свить сонця до себе!

Одарка. Ты щось чудне говоришь!...

Маруся. Я прыйшла до тебе зъ пѡзыкою! Удилы, сестрыце-багачко, и мени свого талану,—бо въ тебе ёго повно, якъ одежи у злыдня: „у щастя ходышь, щастя топчешъ, щастямъ умываецся, щастямъ укываецся!...“ Ха-ха-ха! Тамъ теперъ у волосты роздають таланъ, твій чоловікъ набравъ повенъ запиль! Ха-ха-ха!...

Одарка. Бабуся, що вона таке говорить?

Маруся. Твое щастя—полѡва! докы витру нема, воно й держытця купы, а

внтрощь подыхне—и полбву якъ языкомъ злызало!... Позычь же мени хочъ частыну того, чого и въ самой бракуе... Ха-ха-ха! Охъ, яка жъ ты паслява!... Клычте й насъ на весели слёзы,—и мы зъ жалю потанцюемо! (*Зареготала и пишла*).

Одарка (*пидбигла до бабы*). Чуєте, бабуся, що вона вищуе?... Охъ, страшно мени!... Я речей їи не зрозумію!... Про яки це вона весели слёзы говорила? Чы не стерялася вона?... Вона такъ страшно реготала, що й доси той регить лящыть и вчуваецця мени!... Чы не подіялось чого зъ Семеномъ? Здаецця, вона ничего такого страшного не сказала! Чого жъ л уся тремтѣ? Чого жъ на серцеви у мене нябы похолонуло?...

Я В А III.

Ти жъ и Семень (*засмученый*).

Одарка. Ось и Семень вернулся! А я тутъ безъ тебе мало не вморла! Бачышь, и доси мовъ пропасныця мене бѣе!... (*Семень мовчки сидае за стилъ*). Що це зъ тобою, мій голубе! Чого такъ засмутьвся? Голова болыть? Чому жъ ты, якъ першъ, не обіймешъ мене, не прыголубышь?...

Семень (*обійма їи*). Я?... Охъ, Боже мылый! Твоя святая воля!

Зачепыха (*прокынулась*). Отъ и гараздъ, що ты, Семене, вернулся. А я задримала и снытця мени, буцимъ-то у церкви стою. Охъ, Господы Мылосердный! Завтра великый празныкъ. Сходите, диточки, до церкви, та помолитесь Господеви... И я пошкандыбала бѣ, колы бѣ здужала...

Одарка. Я тоби, мій голубе, завтра щось таке гарне, гарне подарую... Вгадай що? Не кажить, бабуся. (*Бижытъ до сфыни и выйма вышывану сорочку*). Бачъ, яка гарна! (*Семень схыля го-*

лову на стилъ). Семене, та що це тоби подіялось? Йй Богу, я заплачу!...

Семень (*тыхо, у голоси чутно слезы*). Що жъ? Такъ, стало быть, на роду напысано! (*Спива*).

Ой годи журытѣся,
Пора мени женытѣся;
Визьму я чорнявую,
Ще й лыченькомъ билавую.
Вона гляне оченькамы,
Моргне чорнымы бровамы,
Мое сердце звеселытця!
Пора мени оженытця!
Гей, въ осены оженывся,
А на весни зажурывся,—
Запысаны у салдаты,
Треба жынку покыдаты...
Плачуть кары оченята,
Сохнуть, вьянуть бровенята;
Тяжко мени дывытѣся!...
На що жъ було женытѣся?

Одарка. Ему, бачъ, спивы на думци, а до мене й не забалака!... Чымъ я тебе прогнывыла?...

Я В А IV.

Ти жъ и Иванъ.

Иванъ. Здрастуйте! Помагай Бигъ вамъ на усе добре! (*Одарка смутна видходытъ видъ Семена и стае била печи*). Чого жъ це вы уся мовчыте! Поглохлы, чы що? Здрастуйте, кажу вамъ! (*Помовчавъ*). „Мылосты просымо сидаты!“ Спасыби, сидемо! (*Сида*).

Одарка. Сидай у насъ, Ивано!

Иванъ. Тоди просышь, якъ самъ сивъ? Здрастуйте, бабуся, чы вы ще пидскакуете?

Зачепыха. Пидскакую: зъ печи додолу, а зъ долу на пичъ!...

Иванъ. Соромъ же вамъ! Таки молоденьки, що тилькы бѣ танцюваты, а вы все на пичи... Злазьте, мерщій, та потанцюемъ!... (*Танцюе и спива*).

Ходить гарбузь по городу,
Пытаецца своего роду:

„А чы жывы, чы здорови
Вси родычи гарбузови?“

Вылизъ ведмидь на бузыну,
Сказавъ кукуруку...

Якъ у тебе, такъ и въ мене
Бровы на шнурочку.

А въ горѣди бузына,

А въ Книви дядько;

Тымъ я тебе полюбыла,

Що на пъяти перстень?

Чого бо ты журыся, Семене? Ще
гиршь бува!

Семень (*схопывся*). Охъ, Иване! Не
кажы! Нехай Одарка докы не знае... Я
самъ ий пѣтимъ скажу... Охъ, Иване,
за що, за що на мою голову такъ горе?

Одарка (*зв лякомъ*). Та що тамъ такъ?

Иванъ. Дуже цікава! А я й забуду
вамъ розказаты!... Чы вы чулы про Мы-
кыту? Якый-сь мищаньнъ розказувавъ сѣ-
годня, била шынку, що; каже, бачывъ
ѣго ажъ идѣ Книвомъ. „Дывлюсь, каже,
йде шляхомъ; я й спытавъ ѣго: куды?
Куды очи, каже, втрапять!... Кланай-
тесь тамъ, каже, батькови й матери и
скажыть йимъ, що вже на цимъ свити
мы не побачымось. Нехай, каже, не на-
рикають на сторѣжу, будимъ-то я ий
пидкупывъ; мени прынесла терпугъ одна
дивчына, я перепылавъ рещтуванна у
хвурдызи, та й утикъ“... Та вы, бачу,
й не слухаете мене? (*Пидійшовъ до
Семена*). Семене, дай сюды руку. (*Бере
его руку*). Жаль жынкы? Дуже жаль?
Эге! ажъ слѣзы у очахъ забыщали...

Семень. Охъ, Иване, колы бъ ты за-
глянувъ у мою душу!..

Иванъ. Видно, братухо, й по бчыхъ!
Страшна салдацька шывеля?

Одарка (*учувшы це*). Охъ, матинко!
доленько моя злая!... (*Рыдаючи, би-
жыть до Семена й падае ему на*

шыю). Боже мій, Боже мій, на кого жъ
ты мене покынешъ?

Зачепыха. Що тамъ такъ? Чого вона
голосыть?

Иванъ (*зрушений*). То вона зъ дуру,
бабусю! Бачте, Семена назначылы у нѣ-
круты...

Зачепыха. Охъ, лыхо мое тяжке!...
у нѣкруты! (*Голосыть*).

Иванъ. Отакъ заспывалы! Це неначе
надъ мертвецемъ! Та вгомонитця, та по-
слухайте сюды! И—заголосылы! Та слу-
хайте бо! Ну, колы вы не хочете слу-
хаты, то я буду розказуваты зъ гор-
шкамы! Такъ слухайте, горшкы, и вы,
кочергы! Назначылы Семена у нѣкруты,
а я якъ почувъ це, та й кажу соби: у
ѣго жинка молода, а у мене ни жынкы,
ни хатынкы!... Нехай же Семень знае,
що е у ѣго вирный и щырый побратымъ
Иванъ,—пиду я за ѣго у москалы!...

Семень и Одарка (*здыувалысь*).
Що ты кажешъ, Иване?

Иванъ. Та це я зъ кочергамы бала-
каю! Эге, та й кажу: пиду я за ѣго у
москалы!... (*Семень и Одарка кыдаютця
до Ивана*).

Семень. Опамъятайся, Иване! Моє
лыхо,—мени й одбуваты!...

Иванъ (*крычыть*). Мовчы! (*Семень
и Одарка обіймають его*). Та ну васъ,
це звалыте зъ нигъ! А вы думалы, що
Иванъ васъ тилько такъ любить? Що
Иванъ тилько вміе брехаты?... Такъ,
брате Семене? Ты мени ставъ замисць
батька!... Никлы и ни въ чимъ ты мени
не скривдывъ, видъ тебе я николы лы-
хого слова не почувъ! Знай же й ты
що у Ивана, пидъ оцією драною свыты-
ною, е серце, горяче серце... (*Чанко
утыра рукавомъ очи и сміетця кризь
слезы*). Дурны очи, почалы плакаты!...

Семень и Одарка (*радіючи*). Иване,
брате, друже!... товаришу вирный!..

Иванъ. Сухий, намазаний!... (*оттира очи*). Ачъ розплакалася! ще послитнуть, дїавольски очи! Давайте жъ хочъ горилки, або що! (*Сидя за стилз и бадёртыця; Семенъ и Одарка пеклуютця и подають горилку и закуску*).

Зачепахъ (*хлыпа*). Спасыби тоби, мій сыночку! Отъ и кажуть, що товариство перевезлось!

Иванъ. Та ну-бо вже, не хвалить, а то перехвалите на одынь бикъ! Не рюмсай-бо, Одарко, та давай швидче по чарци, а то й я зновъ заплачу! (*Одарка частуе его*). Прощай, парубоцтво! Прощай, моя латана свытыно! Прощай, моя пошарпана доле!... Э, та й бравый зъ мене буде москаль! Бережысь душа, — потопъ буде! (*Вытыва*). Не бере, зовсимъ не бере? Лый, Одарко, ще. Прощай, розуме, завтра побачымся! (*Вытыва*). Давай хочъ заспываю на оставци... (*Спыва*).

Гей, шпорышъ, шпорышъ по дорози,

А бурьянъ по облози;

Гей, та немае правдоньки ни въ кому,
Да тильки въ одному Бози..

Глады жъ, Семене, и ты, Одарко, — якъ побачыте колы сиротыну, то пошануйте й нагодуйте їи, якъ батько дытыну. Сироты — то моя ридня! Я за нымы по всякъ частъ пеклувався и побывався, я плакавъ зъ нымы... Плакавъ, та й тилько! Не забувайте мене, мои любї!

Семенъ и Одарка. Нехай Господь одъ насъ отступытця, якъ мы тебе забудемъ.

Иванъ. А якъ трапытця у васъ запышнїй карбованецъ, вы й прышлите ёго мени: я заразъ выпью, щобъ свить мени замакитрывся...

Семенъ. За це не турбуїся, брате!

Иванъ. Багато не треба, а такъ, колы не-колы карбованця, або й два! Эге, стривай, — ажъ ось колы джидусь! Слухай, Одарко, вышїи мени сорочку! Бо

въ мене ще й зъ роду не було вышываной сорочки.

Семенъ. Одарко, ты мени дарувала оцю сорочку, — подаруй же їи Иванови!

Одарка (*подае Иванови сорочку*). Нехай тоби буде на спомынь!

Иванъ. Оце такъ гостынецъ! Та якъ же гарно вымережана! За такыи подарунокъ годытця й поцилуваты!

Одарка (*цилуе его*). Чому жъ и не поцилуваты?

Иванъ. Ну, та й поцилувала, — не наче вогнемъ опекала!

Семенъ. Одъ шырого сердца!

Иванъ. А ты, Семене, не дримай, — частуй! (*Пжють*).

Семенъ. Чы въ памытку тоби, Иване, якъ мы, ще за крипацтва, утикалы у Басарабію? И тоди прыкашыкъ хотивъ насъ покрыты ризкамы за те, що телятъ упустилы въ шкodu? А памытаешъ, якъ мы було въ Аккермани ховаемося по ровахъ та по плавняхъ, якъ було найиде становый? Зазналы мы тоди горя!..

Иванъ. Эхъ, лыхо, лыхо! Колы ты насъ перестанешъ нянычыты? Хочъ бы ты на времья покумалося зъ багачамы!..

Голосъ (*за выкномъ*). Семене, а йды до волосты!

Иванъ. О, бачъ, вже й знову прыслалы! А що, тѣхнуло серденько? Ну, выпьемъ ще, та й ходимъ. (*Пжють*).

Гей, пѣ козакъ, пѣ,

Бо въ козака гроши е;

Гей, за нымъ, за нымъ ненька старенька
Дрибни слизоньки лѣ.

А за мною ни якыи бисъ и слѣзынны не пролье. Вставаймо, та ходимъ! (*Налыва чарку*). „Будь здоровъ, сволоче, колы никто не хоче!“ Прощавайте до якого часу! (*Одарка хоче обняты его*). Постривай, ще влїємо попрощатысь! ще не одну квартиру осушымъ, помы лоба забриють.

Одарка. Приходь же до насъ обидати.

Иванъ. Хочъ и не просы, то прыйду.
(Танцюе и спивае).

Ой, йихавъ я по за токомъ,
Зустривъ дивку зъ однимъ окомъ;
Така гарна, така гожа,—
Побый ии сыла Божа.

Ой, йихавъ я изъ снопами,
Сыдыть дивка пидъ копами;

Я на нея задывывся—

Мени визъ поломывся...

Ой, не жаль було бъ воза,

Колы бъ дивчына гожа,

А то руда та погана,

Та й та визъ поламала.

Сватай мене, козаченьку,

Бо мій батько багачъ:

Симъ паръ воливъ на обори,

Ще й въ намысти дукачъ.

Чорты беры, дивчынонько,

Зъ твоимъ батькомъ багачемъ,—

Все прыдане поздыхае,

Ты погана зъ дукачемъ!

Не дывуйся, дивчынонько,

Що я упывався,

Бо мій батько пывавъ сладко,

Я жъ у ёго вдався:

Мого батька повисылы,

А я одирвався! (Выходятъ зъ Семеновъ).

«Зависа».

Д І Я V.

ЧЕРЕЗЪ ЧОТЫРИ РОКЫ ПИСЛЯ ТРЕТЁИ ДНІ

ОДИНА ПЕРША.

Середына Семеновои хаты. Семень и Иванъ сидятъ на лави, Одарка порядкуе била печи.

Я В А І.

Иванъ, Семень и Одарка.

Иванъ (на мыльци). Стало быть, отакъ стоимо мы, а насупротивъ насъ непрятель, одно слово—вармїа. Скамандувалы намъ „у штыкы!“ ну, воны заразъ навтикача. Ото вскочылы й мы въ лись, здоровенный такый лись! Дывлюсь, турчынъ изъ за куща цїляе прямо въ мене. Пафъ! а куля, надъ самисенькымъ вухомъ,—„дзизъ!..“ Винъ биче, що не попавъ, та драла, я за нымъ!.. Догнавъ ёго, та зъ переляку якъ шпортнувъ ёго штыкомъ, такъ наскрызъ и проколовъ!.. Ото пишы мы дали. Колы це чую, щось пидъ колиномъ неначе мене цыганьскою голкою штрыкнуло. Я зыркъ,—а кровь джереломъ бижыть! Тутъ я, якъ побачывъ на соби кровь, то такъ якъ стоявъ, такъ и бабахнувъ объ землю... И вже

не памъятаю, якъ въ лазаретъ мене однеслы.

Семень. А страшно на вїйни?

Иванъ. Зпершу не такъ страшно, якъ сумно! Бо куды окомъ не зкынешъ, уси мовчать: салдаты якъ полотно; инчий мольтця, а инчий плаче, та просыть товариша податы звистку до дому, якъ що часомъ ёго вбъютъ. Дуже сумно! А якъ скомандують: „маршь!“—отоди тилькы почувешъ, якъ сердце тѣхне, а дали вже и не чуетъ ёго!..

Семень. Загре?! Отъ, ты тилькы росказуешъ, а у мене на сердцеви холоне й нобы волосся до горы лизе!..

Иванъ. Чого? Скилькы, братъ, не думай, а прыйдетця помыратъ; такъ хйба не однаково—чы дома вмерты, чы на вїйни? А то горе, якъ каликою на весь вѣкъ зоставлять...

Семень. И на щобъ-то воюваты?

Иванъ. Мабуць треба, коли воюють.

Семень. Звисно, не намъ, слипимъ людямъ, видаты про ти дила; але жъ на мою думву, то краще бь було не воуваты... А що, мабуць на служби й писень позабувавъ?

Иванъ. Правда, веселыхъ мало зосталось у голови, а ти, що йдуть до самого сердца, то разъ-у-разъ такъ и колупають тобі душу... Чы на часахъ було стоишь, чы походомъ йдешъ—усе мугычу соби яку небудь писню; и зъ кожною писнею згадаю кого небудь изъ нашихъ слобожанъ... Хто ёго зна, якъ бы я й на свити жывъ, коли бь не знавъ писень: певно, роспывся бь або здуривъ!.. Та то жъ коженъ день усе одно, та й одно: „на плечо! на калавурь! тыхымъ шагомъ!..“ Ляжешъ спаты, такъ и у снѣ тобі здаеця, що або маршируешъ, обо жъ ваксышь чоботы унтцёрови... Якъ заберушь було куды, такъ що ни жодна людына не постереже, отоди то я набалакаюсь самъ съ собою та на спиваюсь!.. Згадаешъ було свое одыночество, парубоцькый викъ, свою драну свытну—и гирко заплачешъ... Все жъ такы тоди краще було! Э, та що вже згадуваты те, що николи не вернетця! (*Помовчавъ*). Чувъ я, чувъ учора, йдучы селомъ, видъ де-которыхъ селянъ, що ты й геть-то гарный чоловикъ, що й людямъ помагашъ и сырить не забуваешъ... Учувшы такы речы, я прямо, брате, й причвалавъ до тебе въ хату. Вирь, братухо, що коли бь я почувъ про тебе инчу славу,—то вже на цимъ свити не побачивъ бы ты мене!..

Семень. Чы ты знаешъ, Иване, що завтра якъ разъ чотыри рокы, якъ мы побралися зъ Одаркою; такъ оце вона й заходылась зъ вечора коло печи, щобъ завтра нагодуваты усихъ старцивъ та сырить... Вона що году обидъ справля,—це твѣй заповидь!..

Иванъ (*до Одаркы*). Ай, молодыця! Оце саме спасене дило,—нагодуй сыроту разъ, то Богъ Мылосердный, якъ кажуть, воздасть тобі десятирцею!

Одарка. Богъ намъ дае хлибець то й мы жъ повинни зъ кожнымъ бидолахоу подилытись. Що жъ це дивка й доси не несе хмызу? У пичи зовсимъ погасло!.. (*Пишла зъ хаты*).

Иванъ. Каже—„повинни дилытись!“ Коли бь уси такъ думалы та робылы, то й бидныхъ не було бь на свити.

Семень. Хто зазнавъ на своимъ вигу горя, у того сердце чуле й до чужого горя... Одначе, чы не пора й свичку за-свитыты, вже зовсимъ темнѣ. (*Йде до комна и свите свичку*). А що, чы е яка чутка про войну! Чы може вже на-довго це замыренѣ?

Иванъ. Чого не знаю, про те не охочый я балакаты!..

Я В А ІІ.

Ти жъ, Мыкыта и провидныкъ; (*згодомъ*) де-яки селяне.

Провидныкъ. Здрастуйте, съ празныкомъ будьте здоровы. А хто тутъ соцькый?

Семень. Я! що вамъ треба?

Провидныкъ. Приймыть орештанта, насылу довивъ.. Казавъ же соцькому, що треба пидводу, бо винъ зовсимъ немощный. Такъ ни! „Веды ёго, кажешъ, пшкы!..“

Семень (*бере хыстъ*). А ну, Иване, прочытай, що тутъ напысано? Ты жъ хвалывся мени, що трохы шурупаешъ грамоты.

Иванъ (*чытае*). „Отправляется при семъ для водворенія на мѣстѣ жительства бѣглый крестьянинъ Мыкыта Гальчукъ!..“

Семень и Иванъ. Мыкыта?!

Одынъ изъ селянъ. Я жъ казавъ, що ця людына мени нибы по знаку!.. Ажъ це ось хто!

МЫКЫТА (*змучено*). Та що жъ, зрадили, що побачили?

СЕМЕНЬ. Та якъ же?... я думавъ, що тебе...

МЫКЫТА. Нема на свити? Якъ бачышъ, ще не здохъ! Подякувавъ бы Милосердному, коли бъ було пропавъ!...

СЕМЕНЬ (*не зна що казаты*). Та якъ же ты змарнивъ!.. Тебе й признаты не можна.

МЫКЫТА (*зкыпиво*). Твое дило, коли ты соцькій,—роспысатысь! (*Иванъ роспысався, провидныкз пишовъ*).

СЕМЕНЬ. Що жъ, якъ ты тепера, Мыкыто?...

МЫКЫТА. Зрадіють, мабуть, батько та маты, певно, зъ радощивъ не знатымуть, де й посадыты своего сына!...

СЕМЕНЬ. Та може бъ и справды зрадили, якъ бы... Хйба жъ ты й доси не чувъ?

МЫКЫТА. Що таке?

СЕМЕНЬ. Батько жъ твій померъ ще торикъ, а маты оце у Питривку.

МЫКЫТА (*мовъ приглушений*). Померлы?.. А хата?.. А худоба?..

СЕМЕНЬ. Усе ршылы! Якъ пишовъ ты зъ села, то лыбонь черезъ мислицъ, а може билшъ, Маруся збожевила и не тямлячи себе пидпалыла вашу хату, а сама десь помандрувала, та й чуткы про неи нема. Ото якъ згорило усе, батько твій почавъ пыты; пропывъ усе до тла, а дали й самъ померъ... А маты, на останци, жыла у мене; та Богъ ёго зна, чы ий пороблено такъ, чы що! дуже хворила а пбтимъ й померла...

МЫКЫТА (*зхотывъ себе за голову*). Обое померлы? „Усе ршылы?“ Такъ, чому жъ хочъ сокры не зоставылы? щобъ було чымъ зотнуты мени голову? На що жъ мене сюды привелы? На глумъ людямъ? И такъ вже я чотыри рокы, якъ той песь голодный, валявся по-пидъ чужымы тынамы!

Я В А III.

Ти жъ и Одарна.

ОДАРКА. Охъ горенько мое! Це жъ Мыкыта! сердешный!.. Боже мій, Боже мій!

МЫКЫТА. Пизнала? Чого жъ вы дывитесь на мене? Плюйте жъ на бродягу, каминнямъ у ёго жбурляйте... Жахайтесь ёго, якъ чумы! Теперъ ниhto вамъ не заборонить и вбты мене!... Теперъ вы смилыво можете помстытыся на мени!...

СЕМЕНЬ. Ось послухай, Мыкыто, що я тоби скажу!

МЫКЫТА. Ну?

СЕМЕНЬ. Коли жъ съ тобою и балакаты страшно...

МЫКЫТА. То й не балакай!

СЕМЕНЬ. Ты такый гордый, що й Господь тебе знае!

МЫКЫТА. Гордый? Злыдень я, обшарпанецъ, старецъ!... Гордый! Собака, котру проганяють, якъ дармойида зъ двору, швыдче знайде соби прыстановыще, нижъ я... Правда, що е чимъ гордувать!..

СЕМЕНЬ. Слухай же! Пока тамъ що вдіемо, зоставайся у мене...

МЫКЫТА (*мовъ опеченый*). У тебе? Щобъ ты що-дня поприкавъ мене шматкомъ хлеба!

ОДАРКА. О, хай Богъ боронить насъ!

СЕМЕНЬ. Я ни надъ чимъ горемъ николи не сміявся, зъ якого жъ побыту стану знуцатысь надъ тобою?

ИВАНЬ. Эхъ, Мыкыто, Мыкыто! довго я мовчавъ, та вже такъ приходится, що й мени треба сказаты слово! Чорты-батьва-зна що выгадуешъ, таке верзешъ, що й купы не держытця! Та отъ же тутъ и люде стоять, наши селяне; спытай ихъ, нехай котрый изъ ныхъ скаже, чы зможе Семенъ поприкнуты ёго шматкомъ хлеба?

СЕЛЯНЕ. О, ни, за це грихъ сказаты.

СЕМЕНЬ. Забудь, брате, те, що волись було; нехай те лыхо плыве за водою!

МЫКТА. Забуты?! Ни, скорішъ перестане сердце бытись у грудяхъ, очи мои не зглянуть на свить сонця, нижь я забуду, що я бувъ и що я теперь!..

ОДАРКА. Перестань, Мыкты, вирь моему слову, що мы тебе привитаемо, якъ ридного! (*Мыктыта мовчыть, схылывши голову на груди*). Ты мовчышь?

ИВАНЪ. Ну, й кляте жъ у тебе сердце!

ОДАРКА. Бачыть Богъ, якъ мени жалко тебе, Мыкты! Якъ мени тяжко дывтысь на твое безталанна, сердешный! (*Плаче*).

МЫКТА (*довго мовчыть, дали ледве промовывз*). Ну, робить зо мною, що хочете!

СЕМЕНЪ и ОДАРКА (*весело*). Отакъ бы й давно!

ИВАНЪ. Я теперь зъ радощивъ ажъ затанцюю! (*Приспивуе й танцюе*).

ГАНДЗЮ, ГАНДЗЮ кучерява,

Де ты въ биса почувала?..

Ой, ой, ой, кляте колино якъ запе-кло! (*Мыктыта зарыдавъ и впавъ на лаву*).

(Зависа).

ОДИНА ДРУГА.

У тій же хаті. Мыктыта лежить на печи, зодягнений у чысту сорочку; Семенъ спить біля столу, на лави; Одарка на полу; Иванъ доли біля печи, на соломи. Ничъ. Хату де-колы освичуе проминна мисаця.

МЫКТА (*винз зитхае и стогне; скильки разз пидводе голову и нибы прислухаецця, мовчыть. Черезз велику хвылыну пидводытця*). Послу-лы!... Вони щасливи, йихъ доля сміетця, йихъ доля дбае; а я, мовъ проклятый, мовъ матерью проплаканный, ни на хвылыну не заспокою свого замордованого сердца!.. Утекты видциля, утекты якъ найскорише!.. Завтра... Свить за очи!.. Щасливи!.. За вищо жъ йимъ судылося те щастя? Де жъ мои сылы? зтратывъ йихъ, блукаючи въ степахъ безкраихъ, въ байракахъ темныхъ!.. У тимъ, що мнуло, булы сылы, мыготило й щастя... Щастя? Чы знавъ же я ёго?.. Чы бувъ я колы щасливимъ?.. Ни, ни!.. Я знавъ горе, одне горе!.. А въ тимъ, що буде, окримъ кривавыхъ слизъ, окримъ безкраёго страшного горя, ничего не выдко!.. И не прыспышь ёго, того горя, не перебрядешъ ёго!.. Нема у мене ни батька, ни ненькы... Одну душу ридну—и сердце мое може спочыло бъ... Нема ни брата, ни сестры! — Срашно, страшно! Одынь, одынь, якъ былынка на голимъ поля!

Усе́му мирови свить сонця надае надію, а мени воно нибы слипыть очи, гноить мою душу... Настане день Божий,—я ёго клену; а ничцю нужусь, чому не свита!.. Все у мене поломане, все пошматоване!.. (*Мовчыть. Довго стогне, дали зновз встае*). Огыдло, остогыдло мени мое жыття!.. Та не маю сылы вкоротаты соби выгу! А на вищо жыты? (*Задумався*). Охъ, нене жъ моя ридненька, на що ты мене породыла? Краще бъ було мене маненькымъ утопыты, зтруйты, нижь маю я безъ спочывку страждаты!.. Куды жъ я теперь подинусь? до кого прыхылюсь?.. (*Замовкз*). Де я? Ни, це сонъ!.. Якъ це такъ сталося, що я прыхылвся до благання мого ворога!.. Я у Семена у хати? Ни, я сплю! Щобъ я бачывъ Одарку, бачывъ Семена, Ивана... и сердце мовчыть? Ни, я не сплю, я выираю!.. Боже, Боже мылый! (*Пада на вколюшкы*). Давно, давно я не молився Тоби; теперь хочу молытись Тоби, хочу благаты Тебе!.. безъ краю, безъ спочывку!.. Охъ, не вмю я, забувъ молытись! А мени такъ багато треба бла-

гаты! Чы вже у Тебе Мылосерднаго, щедраго, — бракуе за для мене й твоя частыны талану, що маю комашка маненька?.. На що жъ Ты прымушешъ мене зкорятись никчемній доли, прымушешъ вклонятись тому, хто видорвавъ у мене половыну серця? Чы вже жъ я ажъ надто мавъ того талану и занедбавъ ёго? Де жъ мій таланъ, Боже? Кому жъ Ты ёго, Боже, виддавъ? Де жъ Твоя сыла, мылосердний? Я ремствую, я нарикаю на Тебе!.. За що жъ Ты одному даешъ долю за долею, а у мене усе одймаешъ?.. (*Довго плаче, дали зхоплюетця*). Не хочу, не хочу Тоби молятись! Я давно вже запродавъ душу свою дїаволови!.. Сатано пекельна, де жъ ты? Допомогай же мени швидче! Я за чуже щастя здыхаю, караюсь, иду въ домовыну! Не хочу я въ домовыну!.. Я хочу жыты не людськымъ, а пекельнымъ жыттямъ! (*Шука пидз положз*). Тутъ я йи бачывъ, тутъ! Де вона?.. Нема!.. Темно!.. И ты, мисяцю, зрадывъ мени?!.. Де жъ ты, бурлацьке сонце, захмарылося? Свиты жъ, свиты, зрадныку, у останне, — а тамъ хочъ и на выки заховайся за хиары!.. (*Проминя на той часъ освичуе хату, Мыкыта побачывз пидз положз сокыру*). А, осьдечкы вона! Радій, помсто, лютой, серце! (*Пидкрадаетця до Семена*).

Семень (*кризь сонз*). Богъ зъ тобою Мыкыто!.. Братомъ риднымъ ты мени будешъ...

Мыкыта. „Братомъ!“ (*Сокыра падае зъ его рукъ*). Свята, свята душе!.. (*Прожогомз кыдаетця до дверей, ухопывся за одвирокъ и мовз бы зомливз*). Боже, Боже Мылосердний!..

Иванъ (*прокынувся*). Хто це по хати ходыть? (*Засвичуе свичку*). Це ты, Мыкыто. (*Пидходе до его*). Що це зъ тобою подїялось!

Мыкыта (*хапае его за руку*). Цыть, Цыть!.. Не буды Семена... Братъ! чужешъ, — братъ!.. Не буды жъ ёго!.. Споглянь на мене, — я вже мертвецъ... Зъяжы мене, задушы... я не пручатымусь... Чужешъ, я вже мертвецъ!.. Пташка манесенька крыльцемъ мене зачепе злегенька и я звалюсь, якъ снипъ... Бачышь онъ сокыру? Визьми жъ йи, зотны мови голу, тилькы не кажи Семенови!.. (*Шепотючи*). Свята, свята душа!..

Иванъ. Мыкыто, Мыкыто, що це ты задумавъ? Чы вже жъ ты забувъ, що Богъ Мылосердний е на неби, Котрый усе це бачыть?

Мыкыта. Цыть, цыть!... Мовчы!.. не гомоны!... Молись скоріше Господеви! Вниъ вчуе твою молитву и обернетця до твого благання!.. А я боюсь пидвесты очи!.. (*Прыпада до его грудей и важко дыха*). Одарко, Одарко!... На що ты такъ любо глянула мени въ вичи! Охъ, задавы жъ мене, Иване! Бачышь ондечкы сокыру? Дывысь, якъ вона блещыть!.. Я одвертаю видъ неи пбглядъ, а вона ще дужче лыснытця передъ очима... Розуміешъ, куды мене нечыстый вивъ? Я звирь лютой, скажений!...

Иванъ. Вгамуй свое серце, бидолахо! Бачышь, Господь одвивъ тебе одъ грѣха! Молись жъ Ёму, Мылосердному!

Мыкыта. Не вмю я молятись! Не вмю и не насмю!...

Иванъ. На що людямъ показуваты свое горе, колы у нихъ и свого до пропасты. Якъ-бы зибратъ слёзы усихъ тавыхъ бидолахъ якъ мы зъ тобою, то можна бъ було увесь свить затопыты!... Ты не злодїй, не душогуб!...

Мыкыта (*вхопывз его за руку*). Мовчы, мовчы!... Дывысь, дывысь! Ондечкы нечыстый простяга до мене свои залызни пазури!... Перехресты мене! Заховай, заховай мене видъ ёго пекельнаго пбгладу!...

Иванъ. Тоби зновъ невить-що ввыжаецця!... Заспокойся!...

Мыкыта. Ходимъ, пора... Ходимъ туды мерщій!.. Туды, на кладовище, до батька, до неньки... Ондечки кладовище!.. А на батьковій и неньчиній могыли и хреста нема!... Бачышь? Треба попроситысь, поблагословитысь въ далеку дорогу... Помру въ степу, ниhto не побачыть, ниhto не поплаче... Прощай село, колысь рядне! Прощайте, батькивська, неньчина могыла... Прощайте вси... Прощай, Одарко!... А ты чы згадаешъ колы бидолашнёго Мыкыту?... Охъ, якъ тяжко вымовыты у останне—прощай, Одарко!... Орлы розирвуть тило, выелюють очи, вырвуть зъ грудей сердце... А! нехай рвуть, шматують, не жаль мени свого сердца!...

Иванъ. Ты все лютуешъ?... Заспокойся! Все смерть передъ тобою маріе! Ты ще будешъ жыты...

Мыкыта. Ни вже... А хочетця жыты!.. (Лякаецця). Одійды, сатано! Геть!.. Бачышь, якъ очи его горять!...

Иванъ (у бикъ). Що це зъ нимъ вчынылося? (До ёго). Опамъятайся, Мыкыто!.. Горенько мени зъ тобою!...

Мыкыта (тремтячы). Проказуй молитву, а я за тобою промовлятьму!... Боже, Боже, Боже!.. (Хапаецця за груди и встает). Що це зо мною?... У мене у грудяхъ холоне!... У очахъ свить темніе!... Свиты, свиты, мисяцю-зрадныку! Я вымраты не хочу, не хочу!... Воды, хочъ рясочку воды!... Боже, не карай мене!.. (Иванъ виходыть). Вона, ондечки вона, Одарка!.. Ты, ты зоре моя!.. Ты прыйшла до мене? Ты вже не боишься мене?... Сюды... Руку, дай твою руку, до головы... О, якъ мени легко... Одарко, Одар... Од... (Помырае).

Иванъ (увійшовъ зъ кухлемъ). Бидный, сердешный страдныку! Боже, прыйми ёго гришну душу!... Семене, Одарко, вставайте!

Семенъ (вставъ). А що таке?

Одарка (побачыла доли Мыкыту).
Що це зъ нимъ?

Иванъ. Не здолавъ, сердега, свого горя!

Одарка (крыкнула). Померъ!...

(Зависа).

Написана въ 1863 році,
въ городи Бобринци.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Драматични картины у 5-ты одинахъ.

Въ исправленномъ видѣ.

Перероблено зъ поэмы Т. Г. Шевченка: „Невольникъ“.

ЛЫЦЕДИИ:

Василь Коваль, старый залорожець.
Ярына, его дочка, молоде дивча.
Степанъ, годованецъ его, молодой парубокъ.
Оксана, дивчына сусида.
Недобытый, бандурыста.
Опара.
Голощукъ. } Запорожци.
Недоризаный.

Покрышка.
Неплюй. } Запорожци.
Подорожній.
Зачепа.
Джура.
Поводарь, хлопецъ.
Запорожци, невольники, селяне и турець-
ки янычары.

ДІЯ І.

Село у литку. Хаты мовъ завитчаны у садахъ; по ливу ручъ хата Ковала зъ высокымъ часто-
коломъ, а надъ воритьми башта зъ виконцемъ; била хаты лавка, покрита килимомъ; на лави
сидять Коваль и Недобытый, а трохи даля, видъ деревомъ, стоить Степанъ засмученый.

Я В А І.

Коваль и Недобытый (*гра на бандури и
достивуе дужу*).

Коваль. Эге!... То мабуть якъ не думай, якъ не маракуй, а треба буде... Шкода хлопчыны,—молоде, ще й у колдочки не вбылось, але жъ...

Недобытый. У поли, на воли скорійшь вылюдніе.

Коваль. Рокивъ бы зо-два подождаты, ну тоди!.. Такъ думка жъ шыба, щобъ часомъ и люде не почалы дорикаты, що нянчусь зъ нимъ, та выхобую.

Недобытый. А правда, правда! А що правда, то не грихъ—дорикатымутъ!

Коваль. И такъ шкода, и такъ невыгода!.. Якъ бы моя сыла, самъ бы пойхавъ за нимъ, самъ бы доглядивъ. Кортыть ще разъ помиратись зъ бусурменомъ, ще разъ глянуты у вичи смерти,—а тамъ хочъ бы и въ домовину! Якъ гляну на молодого юнака, то сердце вогнемъ запала, а якъ зарже, якъ заграе кинь вороненькій, то, здаеця, выхромъ схопывся бъ на ёго, та й полетивъ, що й витеръ не догнавъ бы! Сказано жъ, колы бъ думка та сылою стала, то й море бъ перескочывъ; а нема сылы. то на що жъ думка молодіе? Який вже зъ мене козакъ? бильшь здався на стару бабу... За для чого жъ я живу на свити?

Заплывли мои молодны дита за синее море и въ горахъ-хвляхъ потоплы мою сылу, мою козацьку одвагу!.. Колысь цією рукою коня-невука обертавъ у лялечку, а татарву душывъ, мовъ бы кошеня!

Недовытый. А зъ мене якый теперъ козакъ? Слыл нема въ долони и на те, щобъ табаку до ладу ростерты; та й струны не слухаютъ, джыжчатъ, неваче джмели. Думка бъ ушкварыть веселон, а струны, буцимъ на злысть тоби, загудуть сумнои и розбуркають у старимъ сердцеви колышне лыхо, розвередать болячкы и дила колышни, дила давни, незабутни зрнуть наверхъ и плавають передъ очыма...

Коваль. Эге! И якъ не видганяешъ ти думы видъ себе, а вони стовбычатъ передъ тобою и колунають старый мѳозокъ. Згадаешъ мученикывъ праведныхъ, що зложыли свои буйны головы за виру Христову православну, поглянешъ навкруги себе на высоки могылы и заплачешъ гирко!...

Недовытый. Ну, мени часъ рушаты. Прощавай, Василю, зоставайся здоровъ! А за хлопця не забувай мою порады.

Коваль. Ходы здоровъ! За пораду спасыби, не забуду. (*Недобытый пишовз*). Що жъ тутъ вже думаты, колы часъ прыспивъ! Степане, а йды сюды! Чого ты такый, мовъ изъ за вугла мяшкомъ прыбытый!.. Хворый, чы що?.. Сидай лышневъ отуть, била мене. (*Степанъ сида*). Дывысь бо веселишь, сынку, та слухай, а я тоби де-що роскажу таке, чого може тоби и у княжци не доведетця побачыть. Бачышь, сыну, генъ—ту мыгылу, що ледве-ледве сывіе?

Степанъ. Бачу, таточку.

Коваль (*глянувъ на ёго*). Та що це, хай Богъ боронить, зъ тобою, ты ледве не плачешъ?

Степанъ. Такъ, щось голова болыть...

Коваль. Эге! Ну, то на отій самій могылы колысь-то, йдучы зъ Молдави на Подолію, оташувався зъ своимъ війскомъ преславный гетьманъ Иванъ Пидкова. Лядьски посланци прыйшли до ёго и стали прохаты, щобъ винъ йхавъ до нихъ меду-вына пыты; винъ, не вважачы на благанна своего війска, згѳдывся и пойхавъ; якъ пойхавъ, то вже й не вернувся зъ Варшавы: замистъ меду лыхы напоили его кровію, зотнули ёму, сердешному, голову—та й зотнули соби на погыбель: задалы запорожци такого йимъ чосу, такъ залылы за шкуру сала, що й доси длубаютця... хе, хе, хе!.. Завзяти чубати! Отакъ йимъ и треба, щобъ не ламалы прысягы, бо разъ давши прысягу передъ Господомъ Мылосерднмъ, передъ Его святымъ хрестомъ,—крыпысь, держи іи и въ домовыну несы іи зъ своимы кисткамы. Чы такъ, сынку? Та ты, бачу, мене й не слухаешъ?

Степанъ. Не здужаю я, тату: чого-сь мени млосно.. Пиду я, похожу по садочку, може полегша.

Коваль. Пиды, сыну! (*Тыхо*). Мабуть догадався, мабуть вже сердце вишуче!.. Охъ, диты, диты, рожевыи квыты!

Степанъ (*самъ зъ собою*). Батько замыслывся. Охъ, чуче мое сердце, що не довго вже мени гуляты... Не даромъ батько що-дня оглядае та примиряе зброю, та буланого муштруе... (*Пишовз*).

Коваль. И чого та татарва зновъ заворушылася? Зновъ забажалось погодуваты своимъ трупомъ вовкывъ-сироманцывъ, зновъ зкортило довидатись, чы не пощербылись ще шабли запорожськыи? А хотилося бъ мени на спомынъ души зъ десятокъ ще бусурменського падла послать Луцыперови на свидання!... А зъ Степана буде козакъ завзятый, чуче мое сердце, що буде! Не разъ подякуе Сичъ-маты старому Ковалеви, що выгодувавъ и выпестувавъ такого молодця... Якъ не круты,

якъ не верты, — а не вдержышь дома, не выховаешъ. Зробымо, мабуть, такъ, що нехай рокивъ зо-два по свиту погуля, спизна, по чимъ кившь лыха, та своен доли пошука, якъ я колысь шукавъ, а тамъ, якъ повернетця здоровъ, то й нехай... Самъ складе цину козацькій воли и козацькій голови. Эге, такъ воно й буде... Ярыво!

Я В А ІІ.

Ти жъ и Ярына.

Ярына (*выходытъ изъ саду*). Вы мене клыкалы таточку?

Коваль. Та клыкавъ же... А де Степанъ?...

Ярына. А онъ де, пидъ тыномъ, не наче вкопаний стоить.

Коваль. Эге! А я байдуже, не бачу. Отаки-то стари очи, — колысь то у темну ничъ за гоны було пизнаю чоловіка, а теперь... А йдить, лышень, диткы, сюды, та йдить обое. Господь Мылосердный пославъ намъ празнычокъ, — не грихъ и повеселытись, а то вы щось обойко блукаете мовъ непрыкаяни. А ну жъ, ушкварте, диточки, якон, звеселить мене, розворушить старечи кости. А ну жъ! (*Винз грае на бандури и тупцюе ногамы. Ярына и Степанъ танцюють, старый пидспивуе*).

Якъ бы мени лыха та лыха,
Якъ бы мени свекривонька тыха,
Якъ бы мени чоловікъ молодой,
До другон й не ходывъ, не любывъ.
Ой гоць чыкы-чыкы!
Та червони черевыкы,
Та тройисти музыкы...
Одъ вику до вику
Я любила бъ чоловіка.
Ой, гоць, заходывсь,
Зробывъ хату, оженывсь,
И ничъ затошывъ,
И вечерять наварывъ!...

(*Говорытъ*). А нуте, диткы, отавои! (*Хутко скочывъ и пишовъ прыстивуючы*).

Ой, чы такъ, чы не такъ,
Уродывся постернакъ;
А петрушку крышы въ юшку —
Буде смакъ, буде смакъ.
Ой, такъ, такы такъ, —
Оженывся козакъ,
Кынувъ хату и кимнату
Та й потягъ у байракъ.

Э, шкода й зѣмаху! (*Сидает*). Горе тій оренди зъ поганимъ жыдомъ! Не та вже моя сыла, зовсимъ розкысь... втомывся... А все це вы, мене, старого розворушылы. О, бодай васъ! Шкода, не туды вже й ноги стоять, танцюють мерщій до лавы!.. Мабуть, за такы танци ныхто тютюну не дасть и на понюхъ, не то що на люльку; а колысь-то було самъ гетьманъ по таляру дававъ за одне колино. А теперь зовсимъ не доладу!... Думка танцюе й скаче, а ноги ледве волочуть, наначе тоби якый бисъ прычепывся зѣду та й гне до земли. Охъ, охъ, охъ! Литя моя, сыло моя, — де вы подивалыся? (*Сизъ*). Ну, пиды жъ ты, доню, до господы, та злагодъ що небудь пополуднуваты, — гуляючы, якъ-то кажуть, шматокъ хлиба зъйиствы! Иды жъ, Ярыво, иды!.. (*Ярына пишла*). А ты, сынку, ходы сюды, сидай лышень тутъ, била мене. (*Степанъ сидает*). Слухай, сынку, сюды, що я тоби казатыму, слухай та не пропускай а ни жодного словечка! Якъ убылы твого батька Ивана въ Шляхетчныи, то ты ще бувъ тоди мапесенькымъ, Степане...

Степанъ (*здывувався*). Такъ я... я не сынъ? чужный вамъ, тату?

Коваль. Та не чужный бо, ни! Стривай, не забигай напередъ, а слухай готового. Отъ, померла й маты такы твоя...

Степанъ. Такъ я зовсимъ чужный вамъ?

Коваль. Якый бо ты нетерплячый! Ты слухай, та не хапайся попередь батька въ пекло! Ото, кажу, померла й твоя маты; а й кажу покойній Марыни, мойй жинци, а що, кажу, возьмео за дытну? тебе бь оде... Чого жь ты такъ засмутился?

Степанъ (*зв смуткомъ*). Чужый, сирота!... О, чомъ же я першь цѣго не знавъ?...

Коваль. Бо тоби до цѣго часу и не слидь було знаты. Слухай же дальше та не сумуй. Я, сынку, все бачу, бачу добре, де твои литають думкы и куды наляга твое сердце, я все бачу, дарма що стари очи... Добре, каже покойна Марына, чому не взять!.. взяли мы тебе, та й спарували зь Ярыночкою до купы...

Степанъ (*схотывши голову у руки*). О! Боже мій! Я жь цѣго не знавъ, я жь цѣго не гадав!..

Коваль. Теперъ же, сынку, ось що зробимо. Ты вже на лити, тоби льбонь рокивъ зь двадцять два, колы й не бильшь, и Ярына зріе,—йй вже поверта на висимнадцятий; треба буде людей шукаты, та де-що діяты... Якъ ты скажешъ, сынку?

Степанъ. Не знаю, не вмю зрозушиты... Я думавъ, що Ярына...

Коваль. Сестра тоби? Ажъ воно, бачъ, зовсімъ не те... Що жь, я не бороню: любитеся соби, та й зь Богомъ до шлюбу. Але жь, що ты бачывъ, що ты знаешъ живучы отуть? Рисъ якъ у Бога за дверыма, тилько й лыха було, що якъ ще вчывся у бурси, то може ивколы доводилось сконштуваты березовой каши. Такъ за для того, сынку й треба буде грохы по свиту поблукаты, козацького жупана провитрыты, та й шаблю погострыты, щобъ не заржавыла и щобъ ты запевне знавъ, що не тилькы свита, що у вякни. Треба подивытысь на чужи люде, яки вони и якъ жыуть,—чы орють, чы

не на ороному сіють, а просто жнуть и немолочене віють. Годытця й те знаты, якъ тамъ мелють,—чы языкомъ, чы каменемъ та й йидять,—чы ложкамы, чы жменями? Чого жь такъ замыслывся, мій друже, ты жь льбонь козацького роду?.. чы може у твоихъ жылахъ тече вода, а у сердцеви, замисць козачої одвагы, заяча хвабрысть? У кого жь ты такый никчемный удався?

Степанъ (*стрепенувся*). Ни, я роду козацького и одвага у мойй души живе и розцвітае, а несподивана розлука зворушыла мое сердце, збаламутила мою кровь!.. Охъ, важко мени! (*Закрыва лице руками*).

Коваль. Такъ треба въ люде на рикъ, на два питы, а тамъ вже побачымо, що дали буде. Той не вмытимо й пожыть, котрый не зугаренъ заробыть. Ну, то якъ же ты думаешъ, небоже?

Степанъ. Знаю, тату, що треба. И бороны мене, Боже, жакатыся козацького дила! Давно вже кортыть мени помиратысь сылю зь бусурменомъ, зогриты сердце одвагою!.. Давно вже мои мрія литають на степу и воюють зь ворогомъ лютымъ!.. Одно тяжко,—що васъ покынуты мұшу...

Коваль. Може не такъ жаль за мною, якъ... Не думай объ цимъ, сынку! Господь поможе и усе буде гараздъ!.. Ну, такъ якъ же, га? Зь Богомъ у дорогу? И колы кортыть тебе за певне знаты, де краще лыхомъ торгуваты,—иды ты у Сичъ: тамъ найисенся усихъ хлибивъ... Попойвъ и я ихъ за свій вихъ чымало — и досы нудно, якъ згадаю! Колы здобудешъ,—принесешъ, а колы загубышь,—пожывешъ мое добро!

Степанъ. Такъ, таточку... А сердце кровью облываеця!...

Коваль. Не потурай сердцеви, скораяй ёго рёзумови; а видь смерты не заховаеця и въ пичи не заслонисся, та й не

такий страшный чортъ, якъ ёго малюють. У Сичи набересся й розуму, навчыся козацького звичаю и молодецького хысту. Споглянь на себе, якый зъ тебе юнакъ? Ни у постати, ни въ очахъ—ни удали, ни одвагы, лице дивчаче, очи дытнячи,—ажъ соромъ дивытись! А пройды вулицю, чы застогне пидъ тобою земля? а скынь на дивчыну такимъ поглядомъ, щобъ усмихнулася чорнобрыва, та такъ усмихнулася. щобъ сердце ия замлило?.. Шкода! якый зъ тебе козакъ?..

Степанъ. Охъ, не зносыты мени моєи буйной головы!

Коваль. Одна голова на плечахъ, то й шануй ия. А тамъ, сыну, побачышь свита, та не такого, якъ у бурси, а живе „мыслыте“ прочитаешъ зъ товариствомъ... Тамъ навчыся й Богу молытись по молодечи, а не по чернечи харамаркаты!

Степанъ (*стрепенувся*). Серце вогнемъ запалало, душа просытця на волю, думкы витерь спережають! Выряжайте мене, тату, не гайте!..

Коваль. Отакъ зробимо, мій сыночку: помолывшысь Богу, осидлаешъ буланого, та й гайда въ дорогу. А й кинь же, кинь,— якъ змій, зо дна моря вынесе! Та що це й досы не дають полуднувати, Ярыно! чы злагодыла ты вже тамъ що небудь? Такъ отакъ, сынку!

Я В А III.

Ти жъ и Ярына (*вона выйшла ранишъ, учувшы розмову, ухотылась за одвирокъ и мовъ зомлила*).

Ярына (*ледве промовляе*). Уже, таточку! осьдечкы усе готово. Йижте на здоровьячко! (*Коваль йистъ, Степанъ засумовався*).

Коваль. Эге, яки смачни, вареныкы—самы у ротъ лизуть! Степане, ты жъ чому не йисы? (*Степанъ бере порожню ложку*).

Отакъ, порожню ложку у ротъ кладешъ?.. (*Сміється*).

Ярына (*дивлячысь на Степана*). Таточку, винь такы не здужае! Братыку, соколе мій! скажы, що въ тебе болыть? (*Степанъ похылышы голову мовчыть*).

Коваль (*самъ соби*). Чы жать, чы не жать,— а сяты треба!

Ярына. Степаночку, промовъ же хочъ одно словечко!

Коваль (*самъ соби*). А хто жъ поже тій жыва, що мы засивалы?

Ярына. О, Боже жъ мій! Що жъ це зъ тобою, Степаночку, подіялось? Таточку, чымъ вы ёго розгнивалы?

Коваль (*мовъ не чуе*). Отеперъ неначе трохи й пидершыньсь! Ну, колы йисты, то йисты, бо ничого гаятись! Спасыби тобі, доню, за полудень. Пиду жъ я оце до вечерни, може зъ кымъ зустрнуся та порадоюсь... А ты, Степане, ляжешъ спаты, щобъ до зори встаты, та коня сидлаты. (*Выйшовъ*).

Я В А IV.

Степанъ и Ярына.

Ярына. До зори коня сидлаты!.. Куды жъ то? Братыку, голубчыку, Степаночку! чого бо ты плачешъ? Глянь же на мене, на твою лѣбу сестрычку! Усмихнися! Бачъ якый, не дивытця. Не любышь ты мене? Йй Богу, я заплачу. (*Плаче*). Богъ-зна за вищо розгнивався, та й зо мною не гово́рышь. Хочешъ, я тобі заспиваю ту писеньку, що ты найбыльшь любышь? (*Прыгорнула до ёго и спива*).

Ой, одбыла одъ берега
Щука рыба ряску,
Потеряла дивчынюкы
Козакову ласку.

А я тую дрибну ряску
Та зберу въ запаску,—
Такъ жь тому козакови
Пидійду пидъ ласку...

И песни не хочешъ слухаты?.. Ну, стривай же,—колы ты такый, то я утечу видь тебе! ий Богу утечу, та й сховаюсь у бурьяни,— вже тоди хочь гукай — не гукай, не докльчеса. А що, злякавсь? Ни, ни, я не втечу, я сяду била тебе... (*Знову сиду*). Ты справды може нежду-жаешь? Я зилля достаю, за бабою збигаю, колы хочешъ,— може це зь прыстриту?

Степанъ. Ни, сестрыце моя, ни яке зилля не загобитъ мого горя!..

Ярына. Горя? Яке жь тамъ горе?

Степанъ. Негадане й несподиване! Не вже ты не чула, що батько сказавъ? Я до сѣго часу... я думавъ, що мы... Не дивься жь, не дивься такъ, любо, на мене, не тудьсь до мого сердца, бо я не братъ твій!..

Ярына. Господь зь тобою! що це ты кажешъ?

Степанъ. Не братъ я,—я чужый тоби, я круглый сирота! Такъ заразы сказавъ отець!

Ярына (*дыветця*). Що винъ таке говоритъ? Хочь бы татко швидче вернулись... Що мени у свити Божему робиты?

Степанъ. Не обіймай же мене, не голубь мене! не сестра ты мени. Я чужый, зовсимъ чужый!

Ярына. Та схаменься бо! Годи бо тоби пустувати! Чы не гряхъ же тоби такъ муцятися надо мною? Ты морочышь мене; тоби жарты, а въ мене сердце розрываеця... Бачь, я плачу!..

Степанъ. Не плачь, моя зирочка, не завдавай ще бильшь жалю моему сердци, дивься мени въ вичи: не жартую я, а щирую правду тоби кажу, що сказавъ мени зразь твій отець, що я годова-

нець, я сирота!.. Завтра я покину васъ и пойду далеко, далеко!..

Ярына. Степаночку, безъ тебе й мене не стане на свити! Я умру зь жалю за тобою! Охъ, чомъ же я першь не знала, що я не сестра твоя! Не любила бь тебе, не цилувала!.. Охъ, який соромъ! Не обіймай мене! Пусты мене! Бачь який ты добрый! Пусты мене, бо ий Богу заплачу! (*Притуляеця до ёго груди*). Боже, Боже!.. Я жь не знала!.. Я жь не знала!..

Степанъ. Ярыно! любо моя, квичотка моя, зоре моя! такъ ты и теперь мене любышь, хочь я й чужый тоби? О, який же я щасливый! Глянь же, глянь на мене своими оченятками карыми! Ты й теперь мене любышь? О, мои любии оченята!..

Ярына (*плачуць*). Та згаснуть вови видь дрибненькихъ слизь, потухнуть видь тяжкого смутку: покинешь мене, братику, суженый мій, дружно моя, покинешь одну однисеньку, якъ квичотку на голимъ поли...

Степанъ. Годи жь, годи жь плакаты, мое серденько! Не вмю тоби вымовиты, якъ тяжко мени розризнытися зь тобою...

Ярына. Може й забудешъ мене, Степаночку, на чужый стороны знайдешъ соби кращу!.. О, чомъ же я давнишь не знала свого горя,—не любила бь тебе, не цилувала бь, жахалась бы тебе!.. О, сердце мое, бидне сердце!.. (*За слезамы не може говориты*).

Степанъ. Не забуду тебе, моя зоре, докы свить сонця!.. не забуду, докы й не перестане бытися сердце у моихъ грудяхъ!.. Не хочу й не зможу я тебе забуты! Ты будешъ моею одвагою, моею молитвою, моимъ супокоемъ, моею надією! И колы я хочь на хвильну выкину тебе изъ сердца,— хай перша куля ёго пробь!.. Молысь за мене, моя ты зоре!..

Ярына. Буду молитысь, мій голубе, щиро буду молитысь!.. (*Обнялысь и замовклы*).

Я В А V.

Ти жъ и Коваль.

Коваль (*самъ звъ собою балака*). Уси у одынь голось радять выражаты Степана,—вже такъ воно й повинно буты. Я тилько боявся, щобъ не вражало люде, що, мовлявъ, якъ бы свій ридный бувъ сынъ, то не хапався бъ выпыхаты такъ хутко!.. (*Зупынывся*). Отаки-то мои молодята, вже й послулы! (*Зитхнувши*). Усе мынетця, усе забудетця: и горе, й радисть, и усяка прыгода; тилько щыре вохання, якъ та искра, тлитыме у серци до вику й по всякъ часъ будытыме ёго и зворушатыме. (*Пидйшовъ до Степана и Ярыны*). А ну, диточки, пора й у госпóду,—на двори смерка, а нчы коротенька! (*Степанъ и Ярына раптово схопылысь*). Що жъ, набалакалысь у волю? Бачу, бачу, що у васъ одно серце й одна думка! Жалко мени васъ розлучаты, ще й якъ жалко,—але й те скажу, дитки мои, що я й самъ гараздъ не знаю, кого

бильшь люблю: чы васъ мои голубьята, чы Вкраину? Та хочъ бы й васъ бильшь любывъ, такъ хйба не грихъ великый ламаты намъ звычай батькывъ нашихъ? Йидь, сынку, на рикъ, або й на два, у Сичъ, скоштуй гиркди и своєю одвагою нагадай бусурменамъ своего батька, жвавого козака, щобъ ёго душа на неби звеселылась, щобъ кисточкамъ ёго легше було лежаты въ сырйй земли; и я, якъ почуву, що про тебе йтыме добра слава, то й мени полегша! А Ярына твоя на вины. На возмы и!

Степанъ и Ярына. Таточку ридный, благословить насъ! Молите Господа Мылосердного, щобъ вынъ допомигъ намъ одружытыся й буты втихою и обороною вашй старосты!

Коваль (*пидйма руки*). Боже Праведный, Боже Сильный!.. Обережы моихъ дитокъ одъ болисты, одъ лютого ворога, спасы ихъ, Мылосердный, и помылуй! Сюды, дитки мои, до моего серця! (*Обйма ихъ*). Боже, зглянься на мене старого! (*Плаче*).

«Зависа».

Д I Я II.

Обстановка та жъ сама, що и въ першый дин. Свитае. За лаштунками чуты спивъ Ярыны й Степана.

Я В А I.

Коваль (*вынысз сидло и зброю, кладе усе до долу, бере шаблю у руку*). Шабле моя, гострая! Ты щиро мени служыла, послужы жъ такъ щиро молодйй ще сыли! (*Выйма звъ пиховъ*). Багато ты зотнула бусурменскихъ головъ, а ще й досы не пощербылася, ще й досы гостра та блескуча! А я вже давно заржавивъ и пощербывся, мовъ той никчем-

ный гóрщывъ... Не пронесусь вже и звъ тобою, шабле моя, орломъ гордымъ, ирудкымъ соколомъ, буйнымъ витромъ; другой тобою орудуватеме, другому ты станешъ сестрыцею-втишныцею!.. Ты ке будешъ блещаты и вылыскуватысь страшенно передъ очима бусурмена,—а я... я вже скоро ляжу у сырую землю гылою колодою. Ты була мени щырымъ товаришомъ и побратышомъ, теперъ покидаешъ мене одынокымъ сыротою.. Про-

щай, прощай на вики вични! (*Плаче й цилує шаблю*). Сиделечко орихове! Багато рокивъ ты носило мене, багато коней зминылося пидъ тобою! Не разъ и не два облывавъ я тебе дрибненькими слизоньками, не одну ничку ты выслушувало мои тяжкы думы, не одну краплю горячої кровы ты выпыло зъ моихъ рань!.. Придетця ще тобі, та й не разъ, упытыся теплою молодою кровію, обмытыся молодими козацькими слизоньками гарячими, ще й не разъ, не два, учадієшь, выслушаючи тяжкы думы! Рушныце моя гавивныце! Стара вже й ты, дуже стара! Похряпано тебе й понивечено лядськими шаблями та бусурменськими ятаганамы! Стрылай же митко, улучай хвацько, у самисеньке серце, щобъ ворогъ якъ снипъ валывся! Я звидциль сердцемъ буду чуты, якъ ты гриматымешъ страшенно, сердцемъ бачытыму, якъ ты нызатымешъ ворогивъ! Прощайте, мои вирныи товариши, мои единыи другы! Пыстоли мои смертельныи! Зъ вами найважче мени розризнятыся! Дывлючыся на васъ, згадую я колышню давныну и воскресєе передъ моими очыма колышнєе незабутнєе!.. Далеко, далеко я васъ здобувъ,—за моремъ за синимъ, еуды вже воронъ косты мою не занесе!.. (*Задумуетця*).

Я В А II.

Степанъ веде коня, поручъ зъ нимъ иде Ярына.

Ярына. Охъ, Степаночку! дывсь, ондечкы татко вже й збрюу выниєсь! Охъ, скоро жъ, скоро, мій голубе, мы попрощаемось зъ тобою!

Коваль (*побачывши йихъ*). Гай, гай, якъ вы барытєсь диты! Пора—вже й сонечко скоро зійде. (*Степанъ пидводе коня, Коваль ёго сидлає*). Пиды жъ, сыну, у комору, скынь свытыну та надинь одежу,—жуцанъ и все якъ слидъ.

Тамъ визмешъ, я заготовывъ, и саквы зъ хлибомъ та зъ сорочкымы. (*Степанъ пишовъ*). А ты Ярыно, пиды здіймы зъ божныци срибный образокъ. Ёго колысь подарувавъ мени старый чернецъ у Кыиви... Пиды й принєсы, доню, ёго сюды. (*Ярына пишла*). Що, буланый, чы чуєшь ты далеку дорогу? Ачъ якъ выкохався, мовъ обточеный! (*Надыва на ёго узду*). Постривай, потончаєшь! Мынулася твоя роскышъ-воля! Повезешъ свого пана, та вже не на полювання, не до сусидивъ пывамеду пыты, а повезешъ ёго у Сичъ... А я,—я вже николы не уздрю тебе, Сичматы! (*Усмихаєтця*). Ачъ якый гарный у зброи,—хочъ бы й пидъ кошового, то не соромъ!

Я В А III.

Ты жъ и Степанъ.

Степанъ (*выходыть у козацькый одежи*). Стривайте, тату, я самъ коня пидпопружу! (*Сидла коня*).

Коваль. Воно, сынку, такъ и годытця. (*Выходыть Ярына*). А ты, доню, подавай ёму збрюу.

Ярына (*плачучы дає шаблю*). Рубай, мій соколе, лютыхъ ворогивъ, бороны виру Хрыстову! (*Надыва на ёго шаблю*).

Степанъ (*здержує слєзы*). Буду, моя зоре, борониты, не обезславлю козацького роду.

Ярына (*дає рушныцю й пыстоли*). Стрылай митко, смертельно, та вертайсь швыдче до своєи мылоя!..

Степанъ. Вернусь, моя галочко, зо дна моря прылну до тебе, моя зоре!

Коваль. Бравный козаць, ажъ серце радуєтця! Эхъ, колы бъ моя сыла!.. Хочъ бы мени якъ небудь доплєнтатысь до Сичы,—я бъ тамъ хочъ коней бы пасъ, або що... (*Плаче*). Та не плачь, сынку! не годытця! Годы, Ярыно, сумуваты,

пора мылого въ дорогу споряжати! (*Бере у неї образокъ и благословляе нымъ Степана*). Нехай хранишь тебе цей образокъ Почаивської Вожої Матери видъ болисты, видъ кули вражои, видъ замривъ лхого чоловіка! (*Надива Степанови на шыю*). А теперь прощай, мій сыночку! (*Цилуе его въ голову*). Не барыся, та швыдче повертайся. Ну, пора, бо ось-ось незабаромъ и товариство зберетця на выгонъ...

Степанъ (*обійма Ярыну*). Прощай, моя любя сужена! прощай, моя квичочка, зирочка моя!

Ярына (*рыдаючи*). Тату, тату!.. О, якъ важко розлучатися зъ мылымъ!..

Коваль. Годи, годи, донечко! Прощай же, сыночку, ще разъ! (*Степанъ, уклонившысь старому до нищ, сивз на коня*). А ты, Ярыно, визьми коня за поводы, та й выведи за двирь. Гляды жъ, сынку, живы правдою, ни передъ кымъ не роспадайся! та й никому не шкودي; дурной порады не слухай, а доброй не бери, не подякувавшы. Не вытрусюй кешени по дурному, а зайвымъ шелягомъ подилысь зъ бидолахою; видъ кули не ховайся, бо сьризь вона тебе знайде; дывись смерты прямо у вичы. Шануй старшину, почитуй старшыхъ видъ себе, зъ товариствомъ поведься зъ повагою и живы у добрый злагоди. Прихавши на Сичъ, уклонись кошовому видъ старого Коваля, а оцей кашпукъ виддай

на церкву Божу, щобъ помолылись тамъ, у Сичы, за мою гришну душу... Горилку пий, та розуму не пропывай. Памъятай, сынку, що якъ сядешъ на коня, то памъятай Бога, а слизшы зъ коня, не забувай за коня! Шануватымешъ ёго и годуватымешъ, — то й винъ тоби вирно служытyme. Та не давай никому другому ни розсидлуваты, ни начуваты и привчай ёго до себе пбсвыстожъ! (*За лаштунками козацька писня*).

Ярына (*плаче*). Хто йтyme, або йхатyme, — передай звисточку хочъ на словахъ, хочъ на папери! Коню мій любый, коню буланенький! кохай мого мылого, шануй ёго!.. Прощай Степаночку, мій любый, мій орле сызкрылый! (*Рыдаючи пада до груди баткьови*).

Степанъ (*нызько кланяетця*). Прощайте, тату, прощай, моя зирочка! (*Швыдко одбійизжа*).

Коваль. Богъ тоби на помичъ, моя дитыно! Годи, Ярынонько, годи! Подывись, якъ полетивъ, — якъ стрилка зъ лука, ажъ серце радуетця!

Ярына (*крычыть*). Степане!.. орле мій!.. Дывитця, таточку, оглянувся... махнувъ шапкою!.. Щось балака!.. Не чую!.. не чую!.. Все дальшъ, все дальшъ... вже ледве маначыть... Шапка червоніе... Потонувъ... зновъ зъявився... Зныкъ!.. (*Зомлила пада*).

(Зависа).

Д І Я ІІІ.

ЧЕРЕЗЪ РИКЪ.

Сьризь розпязты наметы. Подекуды горять костры; побиля костривъ лежать запорожци, инчы курать люльки, други лагодять зброю, бильшь лежать передъ вогнемъ.

Я В А І.

Опара, Кукса, Неплюй и други запорожци.

Опара. Сёгодня чымало недоличымось своихъ!..

Кукса. Тыкъ певно и въ пивсотни не вберешъ.

Опара. А отаманъ молодець, довго не здавався, — чоловіка зъ десятокъ положывъ, докы й самого не протенулы.

Кукса. Завзятий бувъ козарлюга, вичный ему покой! Ну, та я такъ думаю, що й цей не дасть у кашу наплювати, дарма що молодой!

Опара. Молодой, та зъ старую головою. Выгодувавъ старый Коваль юнака козакамъ на втиху, а ворогамъ на погыбель!

Кукса. Запсуе не одинъ десятокъ голмозыхъ таракуцекъ!

Неплюй. Я сегодня зъ нимъ поручъ рубався. О, завзятий! Очи горять такъ страшенно, ажъ нбы пашыть видъ ныхъ; зубы стиснувь, та такъ и сиче, такъ и руба, якъ дрова! Буде бравый вояка, якъ що не зледаше.

Кукса. А, ходимъ, братця, якъ хто охочий, та подывимось, якъ тамъ старшина бенъкетуе?

Опара. Кортить промочити горлянку?

Кукса. Во пересохла вже. А тоби бъ то й байдуже?

Опара Чого байдуже? Я пью докы пьетця. Сказано „пий, докы пьетця, лий, докы льетця“.

Неплюй. Який тамъ бенъкетъ? Може по коряку смыкнули!.. Не бійсь, цей отаманъ не въ покойного: якъ тильки ёго выголосылы, то заразъ наказъ давъ, щобъ пьяного ёго око не бачыло! Це Опари не на руку ковинька: коштуватыме ёго спына не разъ бычивъ!

Опара. Чья спына до чого здатня: моя до бычивъ, а твоя до того, щобъ чорты на ній гопкы были!

Неплюй. Молодець, ий Богу молодець! Не довго длубався въ кешени, докы найшовъ слово.

Опара. У мене кешени плодуча: не всию вынять слово—якъ вже у ній выдупытця новыхъ два!

Неплюй. Ай молодець, хвалю! А хочете, братця, я вамъ роскажу, яке мене колысь лыхо спыткало?

Опара. А ну-ну, выгадай що небудь! Та тильки цуръ,—колы брехать, то брехать до ладу, а то й слухаты не хочу.

Неплюй. Ни, я вамъ правду роскажу.

Опара. Чуете, братця,—и витерь не наче ставъ прытыхаты,—мабуть хоче послухаты тией правды, що брехнею зветця...

Запорожци. Та ну бо, не перебаранчай: хай хочъ и бреше,—хыба тоби якъ? (До Неплюя). Брешы, брешы!

Неплюй. Давно це було,—ще якъ я живъ на сели, та чумакувавъ зъ своимъ дядомъ, а мого батька тоди ще не було на свити...

Запорожци. Отъ чортивъ сынъ выгадавъ!

Неплюй. Ото справылы мы дванадцать возивъ, та накупылы дванадцать паръ воливъ, ще й дванадцать батогивъ,—спорадылы настоящу чумачку. Пойихалы мы на Динь по рыбу. Тоди шляхивъ ще не було, такъ мы майнули мавивцями, навпростецъ, черезъ лисы та черезъ боры, черезъ Туретчыну та черезъ Шляхетчыну. Прийихалы на Динь, ажъ рыбы нема,—самисыньки раки! И—лышенько! Що тутъ вдяты? Сталы мы радытысь; я й кажу дидови: накупымо хочъ ракивъ, бо якъ же такы, кажу, порожнемъ вертатысь? „Добре, каже, сынашу!“ И накупылы мы тихъ ракивъ ажъ тры макитры й чотыри пляшкы, набралы повни ущертъ ящкы, затынули затычками та й пойихалы. Йидемо день, йидемо й другий, ажъ третёго дня прыйиздымъ до поромá. Поромышкы за переправу заломылы таку цину, що й раки не варты того. А мий дидъ дуже розумный бувъ—бо бувавъ такы у бувальцяхъ! Заразъ ударивъ себе келепомъ по лоби, ажъ гугля ёму выскочила мижъ очыма, завбыльшкы зъ кулакъ. Дило жъ, братця, таке голывне, що треба було помиркуваты. Ото, кажу, якъ почавъ мий дидъ думаты, якъ почавъ думаты,—а

думки ти такъ и сидають ёму на лоби, якъ чырякы! Та думавъ винъ льбонь зъ тыждень, а дали й каже: „Ось що мы зробимо: возы на цимъ боци продамо, а воливъ и ракивъ переженемо уплынь“. Якъ сказавъ мени це дидусь,—такъ я зъ радошывъ ажъ затанцювавъ и такого гоцака угривъ, що ажъ потылицы пя-тамы доставъ! Заразъ продали возы, а воливъ та ракивъ погналы уплынь. Во-лы жъ поплылы, а раки пирнулы. „Ничого, каже дидъ,—воны на тимъ боци вырнуты“. Ото, переплылы мы ричку, та й посадалы на бѣрези,—ждаты тихъ ракивъ... Сыдымъ до сниданеу—нема; вже й обидня пора—нема; стало сонечко звертаты на полудень, дали й на спочывокъ,—а нашыхъ ракивъ нема та й нема!.. Ажъ це мій дидъ зъ бпалу якъ закрычыть, якъ затупотыть! „Сякий такий, прысикався до мене,—нехай вже я думавъ та голову морочывъ,—ты жъ, каже, бисивъ сыну, байдaky бывъ; и чы вже жъ такы не можна було догадатсь, щобъ поналыгуваты тихъ гемоньскыхъ ракивъ?“ Эге, одказую,—теперь я й самъ бачу, що треба було!.. Мудрый ляхъ, кажу, по шкоди,—якъ коня вералы, то винъ тоди й станю заперъ!.. Ну, ничого робыты,—повставалы мы, занялы воливъ, взяли торбынкы на плечи та й потяглы. А тутъ ще мени прытычына трапылась, певно щось наврдыло, бо вже жъ не даромъ сказано, що якъ пиде на лыхо тоби, то беда до биды такъ и лыпне, якъ репьяхъ до кожуха! Такъ, кажу, беда сталася,—зовсимъ пидбывся, такъ що не могу йты. Сивъ я на шляху та й плачу. Тутъ, спасыби, дидусь ставъ мени въ велькый прыгоди. „Дурню, каже,—не знаешъ що робыты?визьмы ногы на плечи!“ Тю! кажу,—я й не догадався! Якъ схоплюсь я, та себе за ногы!.. Скинувъ ихъ на плечи—и заразъ мени polegшало! Довго ще мы йшлы,

ажъ гулькь!—пыходымо до дому. А тутъ Богъ намъ давъ радисть: батькомий на свить народывся. И такый бравый хлопчына, та такый балакучый... Надила маты на ёго сорочечку, штанцы; выбигъ винъ намъ на зўстричъ, поцилувавъ диду у руку, а мене якъ ухапывъ за чуба, якъ почавъ быты, якъ почавъ мяшкуртыть! Звисно, батько,—то вже й зна свое дило, я вже ёму мовчу—одно черезъ те що батько, а вдруге и видъ радошывъ, що винъ на свить народывся!.. Добре тому, братця, у кого хочъ пизно, та народытця батько; бо першъ якомь ажъ чудно було: йдешъ вулицею,—а люде й пытаютъ: „а де жъ, парубче, твій батько?“ Теперь вже усе село узнало, що й у мене е батько,—хочъ винъ и писля мене народывся, та все жъ такы е! Ото, кажу, прышли мы до своего двору, ажъ дывымосъ—двиръ нашъ такый велькый та просторый ставъ, а ворота такы, шыроченны, що скилько бъ возывъ пбручъ не йихало, то не зачепылыся бъ... Увійшлы мы зъ хату,—дывымосъ: тилько й старого у хаты, що пичъ, а то усе нове! На стинахъ хмары та лисъ, а на стели небо, и сонечко такъ сяе, що якъ глянешъ на ёго, то ажъ слёзы потечуть зъ очей! Спасыби сусидамъ,—добре пидновылы хату! Ото, дидъ заразъ почавъ порядкуваты: наварывъ олывьяныхъ галушбкъ та залызныхъ пампушбкъ, а мене пославъ зклькаты сусидывъ на батьковы хрестыны. Наклыкавъ я сусидывъ тихъ повнисеньку хату. Якъ тилькы увелы батька у хрестъ, то й почалы ми зъ дидомъ гостей частуваты,—дидъ бияя столу, а я коло порога. Кдтрый ухапе галушке чы пампушку,—то й бижить мерщій до порога, щобъ запыты юшкою, а я заразъ его и почастью макогономъ по потылицы; хмиль ему вдаре у голову, то винъ такъ сторчакá й дасть! Та такъ усихъ уконтентувалы, що де-котри й на

вины тамъ заснулы, а инчы ледве-ледве другого дня прочумалысь!..

Опара. Та ты й до свита не добрешешъ?

Нѣплюй. Вона ще довга,—та це, бачъ, ій кинець. Але же я заразы причеплю до неи другу.

Опара. Стривай, нехай моя зверху!

Нѣплюй. Брешы.

Опара. Тилько це не брехня, а справжня правда! Знаете, братця, на тимъ тыжни стоявъ я на варті; а ничъ буда така темна, що й носа свого не побачышь,—хиба якъ лапнешъ его рукою, тоди тилько й знатымешъ запевне, що винъ тутъ е. Стою я соби, та й думаю: чи вже жъ отой Неплюй брехнею свить пройде и назадъ вернетця? Ажъ зиркъ,—такъ, гинъ за двое,—котытця щось таке маленъке, руденъке,—котытця, та й котытця!.. Що воно таке, думаю? Прожогомъ догнавъ, та й пытаю: куды ты такъ поспириашъ? „Котюсь, каже, до вашого Неплюя, та хочу ёго зыйисти.“ А я ёго чоботомъ, чоботомъ,—та й роздавнвъ. А не йижъ, кажу, Неплюя,—нехай лучше винъ тебе зыйисти! (*Запорожци регочуть*).

Нѣплюй. Та це й кинець? Такъ ты жъ не знаешъ, що зо мною трапылось у ту жъ такы ничъ?

Запорожци. А ну-ну,—хто кого перебреше?

Нѣплюй. Знаете, братця, иду я пидъ лисомъ, ажъ дивлюсь—стоитъ чернець!..

Я В А ІІ.

Ти жъ и Голощукъ.

Голощукъ. А ну, годи вамъ дримати! Гляньте лишъ, якого пидсвынца сюды женуть! (*Двоє запорожцивъ выкочують барыло зъ горилкою*).

Я В А ІІІ.

Ти жъ, Порожній и Зачепа.

Порожній. Куринный приславъ вамъ барыльце чемерічки, щобъ прочалысь пия татарської табакы.

Опара. Чы й справди? Отъ такъ молодець,—зна чымъ гбиты запорожськи раны! (*Уставз, бере барыльце и пзе*).

Запорожци. А ты такъ безъ коряка й дудлышь?

Опара. Душа миру знае, а спына те, що черезъ край!

Нѣплюй. Та годи тоби смоктаты! Бачъ, допався, неначе вилъ до брагы,—ще лусне къ бисовому батькови!

Опара. Однаково помырать!

Нѣплюй. Отъ, чортова пьявка!

Опара. Отеперъ якъ разъ ущертъ, тилькы треба расперезатысь... Братця, а подай хто затычки! А, щобъ вы зозули не чулы! (*Достае хлибз и сало*). Отакъ ии заткнемо, щобъ не розхлюпалась.

Нѣплюй. А ну, генъ, братця, подайте сюды ваганы та казаны! (*Приносять посуду и вылившы зъ барыла горилку, пзють корякамы*).

Я В А ІV.

Ти жъ и Недобытый-бандурыста.

Запорожци. Отъ якъ разъ нагодився! тебе тилькы й бракувало!

Недовытый. Я знавъ, що тутъ е порожне місце за для мене!

Опара. А видкыля Богъ несе?

Недовытый. Зъ земли.

Опара. Та знаемо, що не зъ неба. А де жъ ты бувъ?

Недовытый. Противъ неба наземли. Гай, гай! Пъетё горилку, а дида й не почаствуете?

Опара. Хибл не знаешъ звичаю? Берн корякъ та й пый скільки влизе. (*Недобытый пзе*). Та де це ты таку бороду допьявъ?

Недобытый. У цапа позычывъ.

Неплюй (*регоче*). Мабуть правду кажешъ, колы не брешешъ!

Недобытый. Шкода, брате, правды у мене шукаты: я зъ нею тоди ще посправався, якъ зъ Неплюемъ спизнався!

Неплюй. Отакъ прыстрочывъ,—люблю за обычай! Эге! Теперъ отъ и подлѣбайся у голови, щобъ до ладу отповисты!..

Недобытый. Порожне у тебе въ голови! Скільки не длѣбай, а опричь ключа ничего не намацаешъ...

Запорожци (*регочуть*). Ай бандурыста,—загнавъ Неплюя на слызкѣ!

Неплюй (*регоче*). Йй же Богу, молодець!

Опара. А ну, диду зъ цапыною бородою, ушкварь намъ якои небудь!

Недобытый. Ушкварывъ бы, та струны позасыхали.

Опара Видь чого жъ то?

Недобытый. Та видь того жъ, видь чого й твои пороскысали. (*Регитъ*).

Опара (*регоче*). Чи не бисова пара!

Голощукъ (*пидносить корякъ*). На, дидусю, промочы голосныкы!

Недобытый. Оцей догадливый,—мабуть у твого батька не дурный бувъ сынъ.

Голощукъ. Чы не той, що Гарасымомъ звалы?

Недобытый. Якъ що ты Гарасымъ, то той самый.

Голощукъ. Я винъ и е!

Опара. А ну жъ бо, ушкварь,—бо мене вже такъ и коцюбыть до танцывъ!

Недобытый. А дуже кортыть? Гляды жъ, щобъ не побывъ пидметкы!

Опара. Ничого, я языкомъ налятаю.

Недобытый (*гра й прыстибуе, Опара танцюе*).

Ой, такъ чыны, якъ я чыню,

Любы жынку абы чыю,—

Хочъ попову, хочъ дякову,

Хочъ хорошу мужыкову.

Ой, до мене сыта, сыта,

Ой, до мене решетá,—

Ой, до мене запорожци,

Бо я бидна сырота!

Розступитесь, мыряне,—

Нехай гыря погуляе,

Щобъ зазналы вси мыряне,

Якъ гуляють голоштаны!..

Опара (*танцюючи*). А ну, пиддай хто охоты! А то вже ноги ледве човгають!

Недобытый. Зъ такими танцями,—лучше бъ ты й не рѣпався! ты мабуть тилькы языкомъ и вмѣешъ тропака выбываты?

Опара. Не сердъ мене, бо якъ роздягнуся, то буду танцюваты до самисенького свита!

Недобытый. У тебе й такъ вже лыбонь свитае въ очихъ!..

Опара (*скыда жупанъ*). Такъ ось же тобі! (*Танцюе мовъ несамовытый*).

Грай, колы граешъ,—побачымо, чыя визьме!

Неплюй. Та хочъ одпочынь, ледащо!

Опара. Пиды геть, не мишай! отакъ наши! Й!..сюды-туды, на вприсядкы. Пидспивуй! пиддавай вогню!

Недобытый (*пидспивуе*).

Ой, ты старый, я молода,—

Тымъ мижъ нами незлагода.

Ой, ты старый—вахы-вахы.

Я молода—хи-хи—хи-хи!..

Скынь бо вражий чоловиче, ще й сорочку, щобъ и та не зыважыла!

Опара (*пада на землю*). Стривай, я одпочыну, та й зновъ, а ты тымъ часомъ заспивай якои жалибнои. (*Выймае зъ кешени гроши*). На тобі, тымъ часомъ, таляра, а потимъ заграешъ мени ще ажъ на два.

Недобытый (*спива*).

Ой, пидь лисомъ, та пидь Лебедьномъ,
Курылася доризенька дымомъ.

Ой, тамъ молодь козаченько нудыть,
Пидь нымъ сывий кониченько блудыть.

Чы я жъ тоби, мій коню, та тяжкый,
Чы я жъ тоби, мій сывий, та важкый?

А чы моя та ясна збрѳя,
Чы тяжкая здобыченька моя?

Ой, ты мени, мій пане, не тяжкый,
А те мени тяжко буде, брате,

Якъ я буду на смитти стояты.

А ну, Опара, чы вже ты пидійшла?
(*Прыдывляється*). Эге, шкода,—захрипъ
сердега! Ну, прощавайте, добри молодци!
Пиду я ще по табору, та по наметахъ,—
може котрый тамъ занедужавъ або сумуе,
сердега... (*Пшшш*).

Голощукъ (*до Неплюя*). А дыви,
гей, Прохоре, що то за могылоу нибы
курава пиднялася?

Неплюй. Хмара встае, певно на дощъ.
(*Прыляга вухомъ до земли*). Ни, не
чуты, щобъ гупотило. Ну що жъ, пора й
спочывать! Наказъ бувъ рано рушаты,
щобъ у вечери у моря стати; на зустрічъ
повыини пидійты байдакы.

Голощукъ. А пора вже Туретчыну
провидаты: пообдыралысь зовсимъ, у ин-
чого й шеляга нема за душею!

Неплюй. Пора, пора полататысь. Якъ
мени, то вже й шынкарь набирь не вире.

Голощукъ. Такъ намочить ёго, пся-
виру, у ричци, щобъ йнявъ виры.

Неплюй. Мочывъ,—не йме, бисивъ
капцанъ! Ну, та вже чорта зъ два, щобъ
винъ завтра не давъ мени похмельтысь...
Задушу анахтемську виру!

Голощукъ. А пидля самъ будешъ
шынкарюваты, чы якъ? Це не въ Сичи,
—тамъ жыдивъ до биса, а тутъ одинъ:
якъ не стане й цёго, опухнемъ безъ го-
рилкы.

Неплюй. И то правда? Ну, нехай
ще пожыве на свити!

Я В А V.

Тимъ друмають; трохы згодомъ вы-
ходятъ Степанъ.

Степанъ (*сивъ на камени, задумався*). Ось вже рикъ мынае, якъ роз-
лучывся я зъ вирною дружною и по-
вынувъ ридну осёлю, а сердце зъ кож-
нымъ днемъ все гиршъ болыть... и ни-
чимъ его не заспокоишь! О колы бъ я
мавъ крылечка, щобъ полетиты хочъ на
хвыльничку у ридный край, глянуты
хочъ бы здалоку на той садочекъ выш-
невый, де зъ мылоу, якъ зъ голубонь-
кою, воркувавъ, цилувавъ ии кари очи,
чорни бровы!.. Одинъ бы тилько разо-
чокъ глянуты въ очи мылій, почуты изъ
устъ ии одне щыре слово,—и те слово
додасть мени сылы й одвагы... Теперь я
у славы, у повѳзы,—та що зъ того? На
що й слава, колы сердцеви нема супо-
кою! Витры буйни! чомъ не несетё ви-
стей съ ридного краю? Орлы сызокры-
лыи, побратимы козацьки! вы высоко ли-
таете, вы бачыте мою ридну Украину и
мою любую дружну... Скажите жъ, по-
видайте,—що сталося зъ моею голубонь-
кою? чы згѳдуе, чы жде мене?.. (*Задумався*).

Я В А VI.

Ти жъ и Недобытый.

Недобытый (*пидійшовъ крадькома
до Степана*). Здоровъ, Степане!

Степанъ. Хто ты за чоловікъ? (*Пры-
дывляється*). Стривай, я тебе десь ба-
чывъ...

Недобытый. Може й по знаку,—
прыдывысь гарненько!

Степанъ (*схопывшы себе за голо-
ву*). Я бачывъ тебе... Ни, не памѳятаю!..

Недобытый. Торикъ на зеленыхъ
святкахъ?..

Степанъ. Ты спивавъ думу про Наливайка?

Недобытый. Може й я. (*Здіймає бороду*). Познаєшь?

Степанъ (*зз крикомъ*). Той самый!

Недобытый. Та цыть! не гомоны... Почують...

Степанъ. Ты бувъ тамъ, у батька? Скажи жъ мени, що сталося?.. Кажы жъ! Ты знаєшь, про кого я пытаю?

Недобытый. Не годитця козакови, та ще й отаманови, на войни няньчытись зъ серцемъ! Оглянься навкруги себе: и каждый зъ оцихъ бидолахъ кого небудь покынувъ,—инчий батька-матирь, инчий чернобрыву дивчыну,—отъ якъ и ты... И уся вони ховаютця видъ людей зъ тією болячкою!

Степанъ. Ты мене мучышь, нибы щось страшнѣ хочешъ сказати!..

Недобытый. Дытна ты,—а ще й отаманъ!

Степанъ. Одно слово тилько скажи— и я зновъ буду козакомъ, зновъ полету на вѣрога, якъ на веселля!

Недобытый. Охъ, лета, лета молодьи! (*Смістця*). На жъ, осьдечкы, тоби цыдулочку видъ твоеи дружыны! (*Дає листъ*).

Степанъ (*цилує папиръ*). Видъ неи, видъ моеи мылои!

Недобытый (*запалює триску*). Прыдывись, що тамъ напысано, а я тоби посвиту!

Степанъ (*чытає*). „Сызокрылый голубоньку, любый мій Степаночку! Де ты, друже, пробуваєшь, де ты, орлыку, лигаєшь? Я оченькы выплакала, выгядаючи тебе. Полныя чорни бровы, личевько змарнило“...

Я В А VII.

Ти жъ и Джура.

Джура. Пане отамане!

Степанъ. Що скажешъ?

Джура. Орда на насъ наступає двома крылами — видъ моря и видъ Шляхетчыны!

Степанъ (*гризно*). До збрѣи! на коней! Панове молодци, за мною! (*Запорожци схоплюютця*). Коня швидче! (*Свыстыть*). Де кинь мій? Шабли наголо! Писню! писню, щобъ земля застогнала и заревла! (*Бижыть, за нымъ Недобытый и запорожци*). Коня мого, коня скорійшь!.. (*За лагитуньками стріляють, гвалтъ и писня*).

Гей, нумъ, братця, до збрѣи!

На герць погуляты,

Славы залучаты!..

А чы панъ, чы пропавъ—

Вдруге не выраты!

Гей, нумо до збрѣи!

Неплюй (*вбига, до Опары*). А про цѣго й забулы... Вставай, бисивъ пущырь, бусурманъ иде!

Опара (*кризь сонъ*). Грай на вси!..

Неплюй. А, щобъ тебе ледащо узяло!.. Ачъ, ёму танци на уми! Вставай бо, діяволе!.. Ну що тутъ робыть? треба укынуть у який небудь визъ, покы не проспытця. (*Бере Опару на плечы*). Стривай, сатано, зададутъ тоби завтра памьяткового,—скоптуєшь кыййвъ, ажъ занудыть. . Ачъ, якъ насмоктався!.. (*Несе ёго*).

Опара (*дрыга ногами*). Не рушь, кажу тоби, а то пыку розибью! Ну що за діявольскій народъ!.. Геть, ироде! Ну чого ты у вичи лизешъ?.. Геть, кажу!..

(Зависа).

Д І Я І V.

ЧЕРЕЗЪ ДВА РОКЫ.

Муровани стины безъ виковъ, двери; доли розкыдана солома, на котрій лежать невольныкы у кайданахъ. На гвиздеу горыть каганель.

Я В А І.

Степанъ, Опара, Неплюй, Голощукъ. Зачепа, Кукса, Недоризаный, Покрышка, Порожній, невольныкы.

Степанъ *(балака зъ Покрышкою)*. Такъ гляды жъ, якъ тилькы завтра поженуть насъ на роботу, — ты будь при мени и никуды не одризняйся; и будемо удучаѣты таку хвыльну, колы зостанетца коло насъ одынъ вартовий. Я прожогомъ кынусь на ёго и видъ разу пошлю ёго къ чортамъ на вырынкы, а ты мерщій здіймай зъ ёго одежу, переодягнись и тикай, яко мога...

Покрышка. А ты щобъ зостався у неволи? Ни, цёго никола не буде! Тикай ты, — твоя сыла и твоя завзятость ще здадутьца на Запорожжи, а я однаково, звився вже ни на що!.. Такой вже я ставъ немощный, що мене й курка заклоче. Такъ мени однаково здыхати!..

Степанъ. Охъ, не въ такы кайданы забуто мене, щобъ можно було розбыты йихъ! Твой жъ я видъ разу розибью.

Покрышка. За що жъ, пане отамане, ты мусышь погыбати? Ни, я хочу померты разомъ зъ тобою, у цимъ пекли, — я тебе не покыну!

Степанъ. Вирь, колы я ще потрібный на Украини, то товариство не забарытца прыйти за мною; а колы жъ за мене забуто, то може ты имъ прыгадаешъ... У тебе о й батько, е й маты, — вони тужать за тобою, побываютьца, а я... Ты звелычавъ мене отаманомъ, и я тобі, якъ отаманъ, велю и приказую! Слухай дали. Якъ що Господь допоможе тобі добратись до ридного краю, —

допытайся до хутора Коваливки, на Днипри, понызче Городыща; спытаешъ тамъ госпѣду старого Коваля, — тоби й мала дытына покаже... У тій госпѣди живе мій неридный батько. Скажешъ ты ёму, що ёго годованецъ, Степанъ, вже два рокы грызе бусурменьски кайданы... А якъ побачышь дочку ёго, то скажешъ ей... *(Ледве може балакати)*. Охъ, брате, — то жъ моя сужена дружынонька! Колы ты любывъ кого на свити, то сердце твое само тебе навчыть, що ей сказати! Роскажешъ имъ, якъ насъ хвылею прыбыло до Синопа и якъ насъ у полонъ забрато... Що боронылись мы, якъ звири, що изъ сотни зосталося насъ тилькы девъяторо!..

Покрышка. Нехай буде по твоему. Благословы жъ, батьку отамане, въ далеку дорогу! *(Пада до нигъ Степанови)*.

Степанъ. Богъ тобі на помичъ! Прощай, може на выкы... Богъ-зна, де доведетца намъ побачытысь, — чы на тимъ свити, чы на Украини! *(Мицно тысне ёго до грудей)*.

Голощукъ. А якъ мени, — то никому й поклона передаты... Не знаю, чы й бувъ у мене хочъ якый небудь батько; де родывся, де хрестывся — не памъятаю. Поклонись, брате, ридній земли та церковцямъ Божиимъ! *(Обійма Покрышку)*.

Кукса. И я такой же безридный! Спасыби ляхамъ — батька спалыли, а матирь у Днипри потопыли...

Неплюй. А мій батько своею смертію померъ: двое день ляхы здырали зъ ёго сырыцю, а третёго дня хотили зъ живого выняты сердце, та чортового бать-

ка поживылись! прыйшли до ёго, ажъ винъ вже и захолонувъ...

ОПАРА. Тоби й тутъ до жартивъ! Мабуть, якъ и на шыбеницю поведуть, то сміятимеся?

НЕПЛЮЙ. А то жъ плакаты? Все од-но не помылюють! Та й ты пидобравъ бы слыны, якъ бы оце пиднесы тоби чарку—другу Адамовыхъ слизокъ,—учы-стывъ бы гопака, ажъ земля задрижала бъ!..

ОПАРА. Такъ то жъ не своимъ розу-момъ... Мынулыся мои танци!

НЕПЛЮЙ. Ще тилько починаютья. Стривай, якъ пидіймуть на шыбеницю, то таке колино выкнешъ, що ажъ языкъ высолонить!

ОПАРА. Пиды тыгеть зъ своимъ жартамы!

НЕПЛЮЙ. Що страшно? А правда, що здаеця, неначе вже у тебе мотузка на шыи и чуешъ, якъ вона лескоче! Не знаю, якъ вамъ, братця,—а мени ий Богу, легче бъ було, колы бъ швидче повисыли! И допикаю жъ я проклятымъ туркамъ!.. Позавчора, якъ ламалы мы каминь, прыходыть якый-сь старшый,—я й почавъ ёго перекривляты: то языка ёму покажу, то дулю, то... Отъ, думаю, повисыть,—ажъ ни: вартовый давъ мени по шыи, трычи чы що, рушныцею, та й тилько! Я ёму дули тычу, а винъ мене топить по потылицы! Оджежъ я его такы переспорывъ,—я у останне даю ему дулю, а винъ плюнувъ, та й одвернув-ся... Першъ я молився, щиро молився Господёви, щобъ вывизъ насъ зъ цёго клятого лёху. А теперь пройшовъ рикъ, пройшовъ другый,—я й подумаю: чы вже жъ Богови тилько й дила, що вызволяты наши дурни головы зъ бусур-меньской неволи?

Невольныкы. Уже розпятакався, розпустывъ языка, бодай тоби ёго зкорчыло!

НЕПЛЮЙ. Лайте, быйте, а я кажу,—не вирою! Ну, й чого понадувались мовъ ти сычы? А ще й козаки! Разъ маты

породыла, не двичы й помыратъ! Все вы легкодухы, боитесь глянуты смерти у вичи, черезъ те вона вамъ и страш-на; а мени хочъ заразы на глаголя, далеби не здрыгнусь! Та, якъ по прав-ди сказаты, мене давно вже кортыть на той свить! Цикаво дуже мени хочъ однимъ окомъ глянуты, чы справды тамъ такъ, якъ дякы спивають: „идѣ же нѣсть ни печали, ни въздыханія, а жизнь безконечна?..“ А думаетця, одначе, що тамъ гарне життя, що скільки жъ то людей повмырало,—а ни одинъ не втикъ зъ того свиту!..

Де-яки (*гримаючы*). Чы тоби за-цѣпыть, ироде?

НЕПЛЮЙ. Мовчу, мовчу! а черезъ хвылину уси загомонятъ: чого мовчышь, чому чого небудь не збрешешь?.. Чортъ высь зна, якъ вамъ и догожаты? Такъ не буду жъ мовчаты, а спиватиму! (*По-чына спиваты, за нымъ други пид-тягують*).

Ревуть, стогнуть горы-хвыли
На сыненькимъ мори,
Плачуть, тужать козаченькы
Въ Турецкій неволи,
Вже два роки у кайданахъ
Терпять тяжкы муки,
За що жъ, Боже Милосердний,
Намъ пославъ ци муки?
Пидбуркалы янычары
Орлять Украины,
Пидбуркалы та й выкнулы
Жывыхъ въ домовыну.
Де жъ вы, славни запорожци,
Сыны вольной воли,
Чомъ не идете вызволяты
Насъ съ тяжкой неволи?

Я В А II.

Ти жъ и Недобытый.

Недобытый (*винъ у турецкій оде-жи зъ бороною; зъ нымъ два тур-*

чыма; вінъ показуе туркамъ якийсь значокъ, ти виходють). Чого розкрывались, нечестиви! Молитесь Богу, — сёгодня вашъ останній день! Я чувъ все чувъ, якъ вы тутъ змовлялись; завтра вашы головы будуть стырчаты на паляхъ! (До Степана). А тебе четвертують!

Степанъ. Такъ иды жъ швидче до свого султана, може выцгыпашъ у ёго хочъ по таляру за голову, а за девять таларивъ куны собі доброго налыгача, та й повисся! Ты чувъ, якъ мы змовлялись? А скажи жъ ты, колы ты чоловікъ, кому воля не мыла? На що штапка манисенька и та рветця на волю, — а мы жъ люде!.. Та й зъ кымъ я балакаю?.. хйба е въ тебе душа? А хочъ и е, то не дорожче вона тоби за таляра! Чы тямышь ты, що то таке воля? Вона дорожча золота, дорожча каминня самоцвитного, дорожча вику! Иды жъ, недоблюдку, видъ насъ, гостры швидче сокиры на наши головы, або жъ готуй налыгачы! Не вже ты думаешъ, що мы станемо благаты тебе, щобъ помылувавъ?

Недобытый. Побачымо, що скажешъ завтра!

Неплюй. Спасыби тоби, голомозый, за звисточку, — у мене зъ радощивъ ажъ пить покотывся!.. Що, братця, не кажи, а мени якось чудно: мабуть черезъ те, що первына, — що дывыся — сёгодня голова на плечихъ, а завтра на пали!.. (До Недобытого). А скажи, будь ласка, якъ мою голову настромяють: чы потылицею до васъ, чы очыма?

Недобытый. А тоби хйба не однаково?

Неплюй. А мабуть що ни, колы пытаю! Я бъ хотивъ до васъ потылицею, бо не хочу й пилса смерты дывытись на васъ, паскудныхъ!..

Недобытый (дывлячыся на Степанову сорочку). Хочъ и въ шматкахъ сорочка, та гарно выгантувапа! Мабуть видъ дивчыны подарункъ?

Степанъ. Одійды, бузувире, одъ мене!

Недобытый. Не одну ничку выплакала Ярына надъ нею, докы дошшла!..

Степанъ (здриснуувъ). Ты... ты диволь, а не чоловікъ!..

Недобытый. Аджо твою дивчыну Ярыною звать!

Степанъ. Одійды, сатано!

Недобытый. Степане, Степане! не вже ты й доси не признаешъ мене?

Степанъ. Та хто жъ ты?

Недобытый (здейма бороду). Та й доси той самыи, котрый тоби спивавъ думку про Налывайка!

Неплюй. Дывыся, Недобытый! отъ, чубатый бись!

Запорожци. Чы не старе шкандыбало, де ты взявся?

Степанъ. Кажы жъ, кажы намъ швидче, якъ ты тутъ опынывся?

Недобытый. Довго буде усе розказувати. Зъ того часу, якъ захопыли васъ у неволю, я тожъ причвалавъ у Туретчыну, на турецькому байдаку, и два рокы блукавъ, прыкыдаючыся то каликою, то нимымъ, докы навчыся по ихнему балакаты. Теперь, допьявши оцю одежынку, добрався до васъ! Ты, Степане, сказавъ, що девять таларивъ мени дорожче за девять головъ, — а я скажу, що девять головъ дорожче одній головы... Я прийшовъ васъ вызволты!.. Тикайте на Украину и якъ черезъ пивъ-року я не вернусь за вами, то видправте за мене панахыду... Ось вамъ помагачи! (Дае терпугы й молоткы). Та приймайтесь мерщій за роботу; а я пиду та роздобуду вамъ харчивъ на дорогу. (Выйшовъ).

Неплюй (ныляючы кайданы). Зъ доброго зализазроблены! Терпугъ ажъ свыстыть!

Недобытый. Ага, и тоби закортило на волю?

Неплюй. Э, брате, усе жъ такы голова дорожча кавуна, — за шеляга ии не купышь!

Недобытый. Пóбратесь жь по молодецьки, а я пиду на роздобудки и якъ спустю зь верху каната, тоди по одынци вылазь. (*Выходять*).

Я В А ІІІ.

Ти жь безъ Недобытого.

Степанъ (*выпустывз терпугз изз рукз*). Руки мліють, а ще й половыны не надпылявь!.. Де жь моя сыла, куды жь вона подилась? Зайили бусурмены, зайили!.. хочъ зубамы грызы!.. (*Грызе кайданы*).

Неплюй. Стривай, не занасты зубивь! Зь своїмы я вже справывся, то й тобі допоможу! (*Пыля ему кайданы*). Мицне зализо!.. (*Зверху зпускаетця канатз*). Эго, вже Недобытый справывся, и драбняку зь раю у пекло подавь! Прощай, кляте пекло! Але й кайданы,— вже й у мене руки деревьяніють! Братця, поможить! (*Запорожци прынялысь пыляты*). Ачъ, ажъ искры сыплютця! Подалысь! Що то чоловікъ, якъ подумашь,—скількы винъ лить длубався у голови, докы навчывся такъ гартуваты зализо! И на кого жь гартуе,—на такого жь чоловіка, якъ и самъ! Гай, гай, мылий Боже! одни добырають способу, щобъ гартуваты, а други, щобъ розгартуваты!..

Воно усе такъ на свити діетця, що одне другому у поперекъ иде... Ну, зовсимъ!..

Я В А ІV.

Ти жь и Недобытый.

Недобытый (*винз роздае пыстоли, ятаганы и шашкы*). Ну, въ дорогу, братця! Натє жь вамъ харчи, та подлитця! Огъ же вамъ моя порада: у день не йдить, а краще по лесахъ та по кущахъ перележете; а ничъ — то козацька вѣня,—и освижить и вѣховае. (*Обнимаецця зз невольныкамы*). Прощайте. Поклонитесь видъ мене ридній Вкраини й святимъ церквамъ! Хай же вамъ Господь Мылосердний допоможе! (*Выходять*).

Неплюй. А ну, хто праведнишій,—почынай лизты на небо! (*Запорожци пидіймаютця по веривци*). Щобъ тутъ таке на останци зробить, щобъ бусурмены зубы зь досады поламалы? Колы бъ шматокъ вугилля або крейды,—вылавь бы добре, а въ кинци намалювавъ бы дулю!.. Нема! шкода!.. Ну, нехай на цей разъ буде такъ!.. Прощайте, голомози!.. А ну, свята Опаро, пидсады мене! (*Беретця за веривку*).

(Зависа).

Д І Я V.

Обстапова якъ и въ першый дін.

Я В А І.

Ярына (*у садочку спива*).

Чомъ не гудуть буйни витры,
Не ламають витей?
Чомъ не несуть на крылечкахъ
Видъ мылого вистей?
Сохну, вьяну въ самотыни,
Вже й слѣзы не льютця,
А надъ моимъ тяжкымъ горемъ

Ворогѣ сміютця...

И сміютця й радіють,—

Я жь Бога благаю,

Щобъ вернувся мій мыленькій

Зъ далекого краю!..

Боже, Боже! Чы я не щиро тобі щодня, що-хвылыночки молюся, чы я жь тебе не щиро благаю? За що жь Ты такъ тяжко мене карашь, що до мого щырого благання Ты не зглянешся? Ни

достатку, ни щастя, ни доли у Тебе не благаю я, а благаю, щобъ хочъ при-свився мени мій Степаночко, щобъ хочъ у сні побачити ёго! Тоди мени бь по-легшало и хворе бь сердце одпочыло... И у Кывивъ на прощу ходыла! й усимь святымъ молялася и у Мыжегорського Спаса прычащалася, и въ Почаеви ры-дала й молялася!.. Та не побачыла ёго и у сні, не вблагала Милосердного! Зо-вьяне мій молодой вискъ, якъ квиточка безъ росы, змарніе краса моя, закрыютци на выкы и погаснуть кары очи, склеп-лятця устонькы рожевы на выкы!.. Охъ, доленько жь моя нещасная!

Я В А ІІ.

Ярына и Оксана.

Оксана (*выходыть*). Здрастуй, се-стрычко! (*Цилуе її*). Господы, усе ту-жыть та вбываетця!..

Ярына. Такой вже мій мабуць таланъ!

Оксана. А я це нарочыто забигла за тобою: тамъ дивчата збиралысь на шпы-лечку, спиваютъ. Ходимь, сестрычко, та хочъ трохы розважышь себе!

Ярына. Не такє мое горе, щобъ роз-важыти ёго спивамы або гульнею... Я своимъ смуткомъ тилькы вамъ заважу!..

Оксана. Коны бь ты знала, якъ мени тебе жаль,—що й Господы!..

Ярына (*обійма її*). Ты жь моя одна жалибыця й порадыця!

Оксана. Ходимь же, ходимь!.. У ко-роля будемо граты. Ты будешь король-ною, а я королеми,—я хочу тебе сёгодня зацилувати! (*Цилуе її крпико*).

Ярына. Робы зо мною що знаешь!

Оксана (*обняла її*). Охъ, яка жь я рада! Голубонько моя сызокрылая! (*По-чына спивати*).

А въ городи буркунъ-зилля
По тычыни вьетця;

Молодая дивчынонька
За козакомъ бьетця.

Ярына. Не спивай такой смутной, не розрывавай мого сердца!..

Оксана (*спива веселенько*).

Заграй, заграй въ сопилоньку,
Розважь, розважь дивчыноньку,
Розважь, сердце, обіймы,
До серденька прыгорны! (*Пишы*).

Я В А ІІІ.

Коваль.

Коваль (*дывытця у слидъ*). Пишла! Нехай йде,—може хочъ трохы заспоко-итця! (*Сидя*). Охъ, горе, горе! що ты зо мною зробыло, на що ты мене звело? Зовсимь вже похылився, якъ той під-точений дубъ... Мынае неясный мій день, мій свить темніс... Вже надъ головою держе косарь непевный неклепаную косу!.. Скосятъ мовчкы,—тамъ витерь буйный заривня й слидъ той—могылу, де захо-вають того, що колысь бувъ козакомъ... Кому жь роскажу, кому заповидаю ти тяжкы думы, що жывылы душу, згю-валы раны сердца, мовъ цилуючою водою?.. Нема мого Степаночка! Отъ вже й третій рикъ минувъ, якъ вырядывъ я ёго на Запорожжя! Чы ёго вбыто, чы въ по-лонь забрато? А може побратався зъ бу-сурменомъ? Промынявъ Украину, виру й прысягу?.. Тоди, земле сыра, не допусеты моишъ висткамъ лягты у тебе, изрыгны ихъ и розкыдай по полю, за те, що вы-годувавъ такого ирода!.. О, ни,—не та-кий мій Степанъ!.. ни, винъ козачого роду!.. Яки нечестыви думкы лизуть мени у голову... Спасы, Господы, и помылуй!.. Коны жь справды обусурменывся,—то проклята буде та маты, що на свить ёго породыла, та земля, котра ёго носыть! Будь проклять той часъ и годына, въ котру на свить винъ народывся! И щобъ земля

не приняла ёго нечестывого падла, щобъ уся кровь, пролытая батькамы й дидамы нашымы за виру и за ридный край, выступыла зъ земли й потопыла ёго!.. Коль жъ померъ, якъ слидъ чесному козакови, — то отверзы, Господы, праведній души ёго врата рая и да звеселытця и заквитчаеця рожевымъ цвитомъ та земля, де лежать ёго честни кости! А може винъ нудытця у неволи, гніе у кайданахъ! О! Боже Мылосердний!..

Я В А І V.

Коваль и Ярына.

Ярына (*выходытъ*). Не могу я слухаты веселыхъ писень, безпашного щоботання!.. Не могу, не могу!..

Коваль. Ты зновъ плачешъ моя дытныно?

Ярына. Тяжко, таточку, жыты у розлуци зъ мылымъ! Чую мое серце, що вже ёго очи козацькыи выкловалы орлы-побратымы, що ёго тило розирвалы вовкы сироманци!..

Коваль. Не вбывайся, доненько, не тужы!.. Все мы у Божій воли!.. Ты мене своимы смуткамы женешъ у домовину!

Ярына (*дывтыця ёму в з очии*). И вы плачете, тату, а якъ же мени не плакаты? Вы на своимъ вику зазналы й щастя, а мое щастя пролынуло передъ моимы очыма пташечкою легкокрылою!..

Коваль (*вытира очии*). Де ты тамъ набачыла слёзы? Хиба одна слёзынка та й та дурна! Бачышь, я вже й сміюсь?..

Ярына. Сміюсь, а слёзы тремтять на очахъ? На що вы, таточку, мене обманюете? Хиба жъ я не бачу, якъ вы що дня тужыте, якъ цилисеньку ничъ тяжко зитхаєте, та тыхо молытесь?

Коваль. То не видъ горя, а черезъ те, що пора вже у далеку дорогу у домовину!.. То й молюсь, щобъ Богъ простывъ мои тяжкы грихы!.. Ось пиды лы-

шень, та вынесы мени бандуру, — то й побачышь, якого я учыстю гопака!..

Ярына. Чы не думаете розважыты мене?.. Не хочу я такой розвагы и не благаю! (*Помовчала*). А день якый свитлый та теплы: пташечкы у садку весело щебечуть, дерева зеленіють, кузочка маненька — и та радіе Божому теплу, а я... (*Задумалась*). Таточку любый, видпуститъ мене у манастырь! Пиду я у чорныци, та буду молытсыя за душу свого мылого! (*Плаче*).

Коваль. Господь зъ тобою, моя дытныно! На кого жъ ты мене покынешъ старого, похылого, одынокого?.. Хто жъ догляне мою старысть, хто закрые мои очи?

Ярына. Тяжко мени у мыру жыты, — серце зъ тугы кровію облываеця, якъ спогляну на жыття другихъ! За що жъ я мучусь? Чы вже жъ мени судылося весь викъ плакатысь та побыватысь и своимъ жалёмъ другихъ засмучуваты?.. Ось и заразъ — пышла я до дивчатъ, а вони й спывы покынули, та почалы зо мною тужыты! Ни, таточку, не хочу я другимъ заважаты! Весь мыръ хрещеный веселытця й радіе, а я, неначе велика гришныця, все бъ сыдила мижъ стинамы нимымы, по закуткахъ темныхъ!.. А тамъ, у чернечій одежи, я не буду чуты веселыхъ спывивъ, и легше буде мени на души!..

Коваль. Ты своимы речамы, мовъ спысамы, мене колешъ! А до кого жъ я прыхылю мою сидую голову, зъ кымъ заговорю, зъ кымъ посумую?.. Иды, иды дытныно моя! Не зупыняю тебе, бо не маю сылы зупыныты! Самъ знаю, яка то мука щыре кохання!..

Ярына. Охъ таточку, таточку, що жъ мени робыты? (*Рыдаючы, пада ёму на шыю*). Ни, не покыну я васъ, николы не покыну! До цёго часу вы тайлысь видъ мене зъ своимъ горемъ, и мени здавалось, що до мого горя у васъ жалю

нема. Я думала, що я одна тилько мучусь!.. Теперъ я буду весела, я буду сміятись, танцювати... Я очунаю, одужаю, бо удвохъ легше тужыты й горювати!.. (*Коваль плаче*). Годи жь, тату, плакаты, ходимъ у хату, спочыньте! Теперъ мени такъ весело на серцеви, такъ свитло на души... Я чую, якъ мои силы ростуть и крипнуть! Продовжъ же, Милосердний, ци щасливи часы! (*Уводять отца. Здалеку чути співз веснянки: „Король у городи ходыть“; співз наближається; парубки и дивчата выбігають на конз св писнею; але постеригицы кобзаря зупынаютьця*).

Я В А V.

Селяне и дивчата.

1-й селянынъ. Дывитця, дывитця,— ондечкы йде кобзарь!

2-й селянынъ. Ще й молодой якый! Сердешный, тилькы бз радуватись на Божій миръ, та хвалыты Его, Милосердного,— а винъ вже й слипый! Певно, колы не въ лядьскихъ, то въ бусурменьскихъ рукахъ побувавъ!..

1-й селянынъ. Дыви, ще й у козачому жупани! Зупынымо его, та попросимо, щобъ заспывавъ яку думку.

Дивчата. Ни, нехай загра якои до танця, а потимъ заспывае.

1-й селянынъ. Ще мало танцювали отамъ на выгони?

Я В А VI.

Выходять Степанъ слипый, св хлопцемъ поводаремъ.

Селяне. Здрастуй, чоловиче Божій!

Степанъ. Здрастуйте й вы, чесни мяряне, щасті вамъ на усе добре! Поздоровляю васъ зъ святымы празныками!

Селяне. Спасыби!.. А вуды Богъ несе?

Степанъ. Буды ноги втраплять, бо очыма не бачу; тамъ мое прыстановыще, де спочываю!..

1-й селянынъ. Лыхо тяжке! Видкыля жь ты родомъ?

Степанъ. Зъ просторои Украины; тамъ мій отець-ненька, де застане ничъ темненька! тамъ моя хатына, де добра людына!..

2-й селянынъ (*бере его за руку и пидводе до тину*). Сидай отутечкы на перелази, спочынь, та роскажешъ намъ, страдныку Божій, що небудь про Сичъ та про Запорожя!

Степанъ (*сиди*). Систы сядемо, а спочываты будемо тоди, якъ ляжемъ у сырую землю.

1-й селянынъ. Якъ же це ты,— змалу слипый, чы може у бусурменьскихъ рукахъ побувавъ?

Степанъ. Бодай не росказуваты! Тилько одынъ рикъ мѣнувъ, якъ однялы у мене те, що найдорожче чоловикови,— свить сонця! Слухайте, люде добри, та навчайте дитей вашихъ, щобъ вони вчылись, та й дитямъ своимъ пересказувалы, якъ ту славу здобувають и якъ за виру, та за ридный край головы складають!.. Якъ вкынули насъ у турецьку хвурдыгу, закувалы въ тяжкыи кайданы... Два роки гнылы мы у тимъ лѣху, свита сонця не бачылы, якъ собаки издыхалы!.. Одынъ старый дидуганъ врятувавъ насъ, допомигъ утекті!.. Девотри й утекли; тилькы мои мабутъ грихы тяжки передъ Господомъ, що не допомигъ Винъ мени добратись до ридного краю!.. Догнали мене янычары и свить сонця на вкы однялы,— гарячимъ заломъ очи выпеклы!.. Забылы знову въ кайданы, въ тюрьму посадовылы, та й замуравалы!.. Подержалы ще та й выпустылы слипого на свить зъ товариствомъ.

Товариство на Сичь прямувало и мене зъ собою довели до кордону!.. Теперъ тыняю безъ пристановища...

1-й селянинъ. Горенько тяжко!.. Якъ що ласка твоя, заспивай намъ, чоловіче Божій.

Степанъ. Спиваты,—що слёзы проливаты, абы було кому слухаты та повчатись. *(Спива)*.

У неділю вранци равю
Сыне море грало;
Товариство кошового
На ради прохало:
Благословы, отамане,
Байдакы спускаты,
Та за Тендеръ погуляты,—
Турка пошукаты.
Чайкы й байдакы спускалы.
Гармáтамы рештовáлы,

Зъ Дніпровогогырла широкоговыплывалы;
Середъ ночи темной,
На мори сынёму,
Зъ островомъ Тендеромъ потопалы, про-
падалы...

Отамана куриного,
Сыроты Степана молодого,
Сыне море не втопыло,—

А въ Турецьку землю Агаряньску
Безъ кормилъ прибыло.
Тоди сыроту Степана,
Отамана молодого,
Туркы-янычары ловылы,
Въ кайданы кувалы!
Ой, Спасе нашъ Межыгорській,
Чудотворный Спасе!
Не допусты мене впасть
Въ тяжкую неволю!
Тамъ кайданы по тры пуды,
Отаманамъ—по чотыри...

И свита Божого не бачать, не знають,
Безъ спóвиды умырають,
Якъ собаки здыхають!

И згадавъ сырота Степанъ въ неволи
Свою далеку Украину,
Неридного батька старого

И не ридну сестру Ярыну...
Плаче, рыдае,
До Бога руки здіймае,
Кайданы ламае,
Утикае на вольную волю...
Туркы-янычары ёго догналы,
До стовпа въязалы,
Очи выймалы...

Я В А VI.

Ти жъ и Ярына.

Ярына *(выйшла вз кинци думы)*.
Степаночку! Степаночку! Степаночку, мое
серце! Де жъ це ты барывся? Тату, та-
ту! Йдить сюды, мерщій йдить, тату,
подивитесь!..

Я В А VII.

Ти жъ и Коваль.

Коваль. Чого ты, доню, голосышь?
*(Довго дывытця на Степана, дали
зз крыкомз)*. Сыну мій, сыну ты мій
безсталаный, моя ты дытныно! Чы тебе
жъ це я бачу, сыну мій єдиный?

Степанъ. Це я, тату, принисъ вамъ
тїен славы, що вы мене посылалы здо-
буваты!..

Коваль. Просты мене, мій сыночку!
Не такой жъ я тоби доленькы у Господа
благавъ!..

Степанъ. Тату, Ярыно! Я не бачу
васъ, я тилькы чую вашу любую та щы-
рую розмову! Я чую серцемъ, що я вашъ
ридний... Вы привитаєте мене, калику
слипого?

Ярына. Ты мій суженый, ты вернув-
ся до мене—и свить мій прояснывся!

Степанъ. Богъ зъ тобою Ярыно! Те-
перъ я не до пары тобі!

Ярына. Визьмы жъ, мылый, гостру
шаблю, зрубай голову твоїй любій, вы-

рижъ зъ грудей сердце!.. Коли не буду
твоею, то лучше смерть мени заподій!

Степанъ. Ярыно, Ярыно, просты мене!
Серце мое давно у тебе,—визьмы жъ
ты й душу мою!..

Коваль. Диты мои, квити мои!

Степанъ *(пада на вколюшки)*. Бо-
же Милосердный! Ты самъ довивъ мене
до ридной хаты, до вирной дружыны!
Благю жъ тебе, Милосердный,—выже-

ны изъ думкы, вывій изъ сердца тяжкее
лыхо и вселы въ мою замученую душу
тыхий та прывитный рай! *(Рыдаючи,
прыпада лыцямъ до земли)*.

Хоръ.

Боже, вси мы Твои диты
Вси мы въ Твоій воли,
Посылаешъ тяжки биды,
Пошли жъ, Боже, доли.

(Зависа).

Написана въ 1872 році,
въ городи Одесси.

ПОМЫРЫЛЫСЬ.

Комедія въ 1-й дн.

Л Ы Ц Е Д І И:

Панась **Гурынъ**, богатый мищаннъ.
Степаныда, ёго жинка.
Оксана, ихъ дочка.
Васылъ Сокуренко, волостный писарь и
сельскій вчитель.

Лахтіонъ Поповъ, кулашныкъ.
Степанъ Андреичъ Рыбкинъ, одставный
чыновныкъ.
Гершно, шинкаръ.
Діетця въ мистечку, у хати Гурына.

Середына хаты богатого мищанна. Багацько образивъ, вси вонн завѣшани намитками и вышываными рушныками. Передъ нѣонами чотыри лампадки, де-скільки восковыхъ свичоѣ власной работы и кыивськый псалтырь. Стинны завѣшани усякими кунштами суздальской работы, бильше всего генераливъ зъ жовтыми лыцами, у чорныхъ мундырахъ. Неволычке дзеркало, а зверху на рами райска птаха. Дзеркало навруги облиплене кунштыками изъ пукеркивъ. На покути передъ божныкомъ велыкий стилъ, вкрытый кылымомъ, а зверху сытцевою скатеркою. По-пидъ стинами велыкы лавы зъ спынками, тожъ навкрыты кылымамы, потимъ три дзыглыга и гарный розмалеванный мысныкъ зъ посудою. Въ другимъ угли кровать зъ подушками пидъ саму стелю, дви оковани скрини та моровыло. Въ третимъ угли рушныця стара креминна, та кылько торбыноѣкъ. Надъ дверыма само въ пузыри и клубкы нитоѣкъ усякого пвиту. Въ четвертимъ угли пичъ зъ лежанкою, на котрій стоять мавитры зъ медомъ, олиєю и опарою.

Я В А І.

Степаныда та Оксана (сидятъ на скрини, розглядають кунштъ страшиного суду и разз-по-разз зитхають).

Степаныда. Покынь вже шпѣртаты, годи, не годытця!.. Грихъ! Сонечко давно вже на полудень звернуло, — ось-ось незабаромъ и до вечерни задзвонють.

Оксана. Покы паламаръ зберетця ударыты у дзвинъ, то я й побыка дошыю.

Степаныда. Ой, не пустуй! Покынь, кажу тобі, бо грихъ! Чы хочешъ, щобъ и тобі такъ подіялось, якъ куми Лепестыни?

Оксана. Хиба то видъ тѣго?

Степаныда. А то жъ видъ чоѣго? Захотилось ий сукаты нитокъ проты пъятинкы, — отъ ий и посукало пальци!..

Оксана. Та то, мамо, може болисть яка..

Степаныда. Ты розумна! Кажу тобі, покынь заразъ, а то... батькови скажу!

Оксана. Пхи, боюсь я батька! Чудасія, та й годи: проты недѣли — грихъ

шыты, проты середины—грихъ, проты п'ятинки—грихъ... Коли жъ и робыты?

Степаныда. Не ты ци порядки настановляла, не тоби ихъ и переробляты,—отъ що! Люде богобоязливѣ проты недѣли або проты свята цилісенъкій день ѣ голкы въ руки не вызмуть, а проты п'ятинки то ѣ сиривцю не запарюють... А е таки, що ѣ понедилкують.

Оксана. Чого люде зъ жыру не выг'адують!

Степаныда. Що, що? Якъ це ты сказала, га? Отъ, капостна дивка! Ты хочешъ, щобъ тоби языкъ усохъ? Онъ поглянь на страшный судъ,—що тамъ выробляють тимъ, що багачко языкомъ мелють?

Оксана. Не хочу дывытись...

Степаныда. А що, страшно? Охъ, Господы нашъ Мылосердный, помылуй насъ гришныхъ! Дывы, бндечкы одного за ребро зачепылы, а зисподу ще ѣ вогнемя печуть!.. Охъ, яка страховына! *(Тяжко зитхае)*. Гришни мы, гришни! Въ старовыну меньшъ було гришныкывъ, нижъ тепера. Мабуть, вже кинецъ свита настае! Онъ чутка йде, що аныцбыль народывся... Стара дячыха росказувала, що ото плямы на мисяци,—такъ то, каже, Кавель Кавеля на вылахъ дѣржыть; а зъ меньшого Кавеля такъ кровь и дзюрчыть, такъ и дзюрчыть, та все въ казанокъ! Каже, якъ набыжыть казанокъ ущѣрть, тоди ѣ кинецъ свитови буде... Охъ, охъ, охъ!

Оксана. А я чула, мамо, шо то братъ брата на вылахъ дѣржыть. *(Смиѣтця)*.

Степаныда. Та эге-жъ! Охъ, Господы! Въ старовыну люде булы богобоязныши видъ насъ, то ѣ жылы соби у роскѣшахъ та въ багатствѣ, не такъ якъ мы...

Оксана. Яки бо вы з'здриетни! Коли бъ ваша сыла, то вы бъ увесь свитъ заг'арбалы!..

Степаныда. Дурна ты, отъ що! Теперъ свитъ такый наставъ, шо хто грошовый того уси ѣ почытають и шанують...

Оксана. А грамотныхъ хиба не шанують?

Степаныда. Дуже! Онъ, хочъ-бы ѣ твѣй батько,—поки бувъ убогий, то ни хто ёго не знавъ, ни хто ёго не бачывъ; а якъ розбагатывъ, то де ти ѣ прѣятеля узялысь! То бувъ соби Панасъ, та ѣ годи,—а тепера вже порехрыстылы ёго у Ахванасія... Дарма, шо не пысьменный!

Оксана. Що то гроши! А якымъ же побытомъ, мамо, вы такъ розбагатили?

Степаныда. Господъ намъ догомигъ,—сказано: „безъ Бога, а ни до порога“!

Оксана. К'ажете, шо Господъ догомигъ... Такъ якъ-же?

Степаныда. Моылысь щиро Господѣви, отъ...

Оксана. То бъ то вы сыдили соби, склавшы руки, та моылысь, а гроши вамъ такъ и сыпалысь? Та ѣ годи?

Степаныда. Дурна ты! Ну, забалакалась зъ тобою,—треба вже свитыты лампадкы!

Оксана. Та ще рано, мамо! Мени цикаво довидатися, видъ чого мы замѣнишь видъ усихъ тутешныхъ хуторянь? Чы правда, шо де-хто каже, шо нибы то батько, Господы, якъ обдыралы оту бурлачню, ще за крипацтва! Кажуть, шо було роблять, роблять тѣю бурлачнѣю, а якъ прыйдетця до рощоту, то воны ѣ повыгоняють ихъ, або ще ѣ станового на-кличуть...

Степаныда. Хиба жъ мы тилькы такъ робылы? И паны, и поны, и нашъ братчыкъ за нымы. Ще мы по Божому обиходылысь, а онъ якъ инчы паны,—то було роблять, роблять тѣю бурлачнѣю, поки звинчають жнывѣ. А писля жнывъ пов'язжуть ихъ, та доженуть до межи, влиплять имъ по скилько нагайвъ, та ѣ пустяты на уси чотыри стороны: — „идить, каже,

та хвалить Бога, що васъ у вострогъ не спровадывъ!“

Оксана. Онъ якъ! А Господь-же Милосердный усе те бачывъ,—не вже Винъ не покарае васъ за це?

Степаныда (*зв лякомъ*). Силь та печына тоби въ вичи! Що це ты верзэшъ? И не зацпыть тоби, га? Ачъ що каже—покарае! Хиба мы не щыро Господеви молылись? Онъ ажъ чотыри лампадкы що-празныка и що-недиди горять! А за для чого то? За для того, щобъ заробыть спасення души, онъ якъ! А сколько мы тратимось для Бога,—и на ольву, и на свичи?.. А бо й попови мало даемо, чы на молебствіе, чы на панахыду? Хочъ бы й были яки грихы, то вже мы ихъ замолыли...

Оксана. Мени, мамо, усе-жъ такы здаецця...

Степаныда. Йй усе здаецця! Що тамъ тоби здаецця? Ты якъ навчылась тамъ чытаты псалтырь, то думаешъ, що дуже розумна стала. Ачъ, до чого доводыть грамота! Бачъ, чому ихъ тамъ навчають! Ты бъ онъ подывылась на батька,—якъ винъ стоить у церкви, та цилисеньку обидню, сердешный, вѣхытае головою, та усе молытвы шепче... Ажъ пить зъ нѣго льетця!

Оксана. Хиба я не бачыла!

Степаныда. То-то, що бачыла. (*Крычить*), Хивре, Хивре! Настановляй самовара, бо вже скоро хазяинъ прыйде! (*За дверыма чутно голосъ: «Заразъ»*).

Оксана (*помовчала*). Мамо, и я бъ за васъ молылась... Моя бъ молытва швыдчъ до Бога дійшла-бъ, якъ бы...

Степаныда. Ты такы все свое? Знаю я добре, голубко, на що ты натякаешъ! Обрыдла вже ты мени зъ тымъ Васылемъ!.. Ось краще послухай, який мени сонъ снявся! Господы,—якъ нагадаю, то ажъ страхъ мене визьме! Буцимъ-то я йду вулицею, поубъзъ Сыдорышину хату,

до шыньку,—ажъ це на зўстричъ мени бижить Лукія, Семенышна невестка, та такы-жъ такъ галасъ, та все махае на мене, все махае... Добигла до мене, та й каже: „чы вы чулы, що вашого чоловіка Ярбышына свыня покусала?“ А я якъ галасну, та й прокынулась!.. Дывлюсь кругомъ себе й ничего незрозумію... А сама такъ и тремтю, и тремтю,—неначе мене пропасныця напала! Це мабутъ щось не добре! Я гараздъ знаю, що якъ у сны побачышъ мисяць, або почувешъ, що собаки гавкають, такъ то означа, що щось прыбѣтця зъ далекои стороны. А то ще бува, що й на дощъ гавкають... О, чуешъ,—вдарылы у дзвинь! (*Шепоче «Отче нашъ»*). Свиты лампадкы! (*Тыхо молытця. Оксана тежъ шепоче молытву*). Оце забалакалысь! (*Бере курылку и кадыть*).

Я В А ІІ.

Ти жъ и Сокуренко.

Сокуренко. Здрастуйте, та будьте здоровы зъ празныкомъ!

Оксана (*здыгувавшысь*). Охъ, Васыль!

Степаныда. Не дякуемо й не просымо сидаты!

Оксана. Мамо, що це вы?

Степаныда. Не твое дило! Колы вамъ, добродію, честыю сказалы, щобъ вы мыналы нашу хату, такъ хиба хочете, щобъ вамъ одвирка показали?

Сокуренко. За що-жъ вы гниваетесь на мене?

Степаныда. За що? Ачъ яка тыхоня, ачъ який смиренныйкъ! А що, докотылась нитэчка до клубочка? Такъ вы й не знаете за що? Бидненьки! А хто-жъ то у волосты заступався за Мыкыту?

Сокуренко. Я! Такъ подумайте-жъ самы: винъ чоловікъ убогий, сямъя у нѣго яка, диточкы маленькы, худобыны

ни якби, --одна-однимъ парка воликвивъ, та й ту Ахванасій Мыколаёвичъ хотили видняты!

Степаныда. Якъ видняты, якъ-то видняты? Хиба це грабижъ, чы якъ? На що-жъ винъ давъ таку бомагу, що якъ не скбсыть трѣхъ десятинь хлиба, то мусыть заплатиты штрафу трыдцять карбованчивъ? На що?

Сокуренко. Э, слухайте, паниматусю,—й не таку бомагу дасы, якъ скрутыть тебе лыхо! Мусышь и себе запрѣдаты, абы-бъ дитѣкъ нагодуваты... Алежъ Мыкыта вернувъ вамъ ваши гроши, та ще й зъ процентомъ?

Степаныда. Вернувъ, вернувъ!.. Нехай бы й штрафъ заплативъ!

Оксана. Це бъ то, мамо, зъ одного вола по дви шкуры дерты?

Степаныда. А тоби зась! Постривай, постривай,—прыйде батько! Давно вже я на тебе зубы гостру...

Сокуренко. Вы жъ, паниматко, за ти гроши нанялы соби людей, та й хлибець зибралы у пору.

Степаныда. А якъ бы ненанялы?

Сокуренко. И, слухайте! Абы булы, якъ то кажуть, побрызкачи, а послушачи знайдутця. У Мыкыты, бачте, такыи случай: зпершу хлопчына померъ, а тамъ знову самъ занедужавъ, та лѣбѣнь недиль зо тры пролѣжавъ. Тепера у нѣго свѣй хлибець высыпався, зибравъ тилько одну солому...

Степаныда. Та яке намъ дило, якъ хто тамъ! Йдуть соби, бо якъ Ахванасій прыйде...

Сокуренко. За що жъ вы, паниматко, гниваетесь? За що вы хочете занастыты мѣй молодой викъ? Не вже вы не знаете, що мы зъ Оксаною любимось вже билшь року? Вы жъ самы, дивлячысь на наше кохання, радувалысь та втишалысь...

Степаныда. Що було, те минуло! Отъ що!

Оксана. Кого ты просышь, Василю? У матери замисць серця каминюка!

Степаныда. У мене каминюка? У мене?

Оксана. А вже жъ, що такъ! Колы-бъ вы булы добриши, то вже бъ давно упрохалы батька, щобъ вони не сѣрдылыся на Василя.

Степаныда. Не буду прохать, та й годи!

Оксана. И не треба! Будете вы катятысь, та пизно буде... Нароблю я вамъ сѣрому! Визьму колы небусть та втечу зъ Василемъ, та й звинчаюсь!

Степаныда. Я тебе звинчаюсь!

Оксана. Що-жъ вы мени зробіте?

Степаныда. Що зроблю? Зъяжу, та запру въ комору...

Сокуренко. Змылуйтесь, пани-матусю, бо на вашій души грихъ буде!

Степаныда. Бачте, теперъ прѣсыте... А якъ-же то любивъ васъ Ахванасій, Господы! Тамъ такъ любивъ, мовъ ридного сына. Найбилшь вы ёму уподобалысь за те, що гарно чытаете святе пысьмо. Оце, було, тилько выйдете посередъ церкви, та разгорнете книгу,—то винъ такъ и заголосыть, такъ и залетця слѣзамы... Та такы-жъ такъ плаче, що й Господы!

Я В А III.

Ти жъ и Панасъ Гурынъ.

Панасъ (*пидъ чаркою*). Отакый свить наставъ! (*Уздрывъ Сокуренка*). Хто це у моѣй хати, га? Де це я? Чы не заблудывся часомъ? Хто васъ звавъ, господынъ пысарь, у мою господу, хто прохавъ?

Сокуренко. Я прыйшовъ, щобъ спытаты васъ, за що вы на мене гниваетесь?

Панасъ. Геть зъ моихъ очей!

Оксана. Таточку, любый!..

Панасъ. Цыть, а ни пѣсны!

Степаныда. Воны-жѣ соби люблятця...

Панасъ. Хто? Оцей обшарпаный, оцей... шыбенкы? Зѣ чымъ-же ты думаешъ мою дочку узяты, чымъ будешъ ии содержуваты? Хиба накравъ грошей у волосты? Мало ще служишь—безъ году недилю... Якъ ты посмивъ зайты у мою госпѣду? Вельке цабе,—волостный пысарь! А зѣ якого вы роду, га? Чы не зѣ тыхъ дворянъ, чы то пакъ помищывивъ, що три души зѣ свинямы, а дви хаты зѣ хливамы?

Сокурвенко. Ця мова мени на вдовѣнѣжу!..

Панасъ. Кращю мовы ты видѣ мене й не почувешъ! Я хазяипъ у мойй госпѣди! Геть заразъ видциля, щѣбъ око мое тебе не бачыло и вухо не чуло! Геть!

Сокурвенко. Спасыби за ласку! Богъ зѣ вами! *(Выходять)*.

Панасъ. А звисно, що Богъ зомною! Ичь, голѣта! *(До жинкы)*. Чому й доси лампадкы не засвичени? Черезъ те и попущеніе на насъ... Охъ, Господы Мылосердный! Отъ якый свить наставъ! На жъ тоби!

Оксана. Таточку, за що вы прогналы Васыля?

Панасъ. Геть зѣ очей моихъ! О, Боже нашъ мыль! *(Оксана тыхо йде до дверей)*. Куды ты? Вернысь! Свигитить свичи та лампадкы, почнемѣ гуртомъ молытись, може Мылосердный змѣлуецця надъ нами... О, Господы! Гришний я, гришний... *(Зъ слѣзамы)*. „Всякое дыханіе да хвалыть Господа“... О, Боже мій! Оце ускочывъ!

Степаныда и Оксана. Що-жѣ тамъ таке трапылось?

Панасъ. Хочъ и не пытайте! *(Зитхас)*. Лукавый напутавъ... Скилько разивъ приказывавъ тоби, щѣбъ у суботу, заразъ писля обидъ, свитыла лампадкы!

Степаныда. Ця горилка николи до пуття не доведо.

Панасъ. Ты тямышь! Горилка! Тутъ не горилка, а порядкы... *(Зитхас)*. Но вже-жѣ за це та на Сибирь?

Степаныда. Кого на Сибирь? За вищо?

Панасъ. Мене! Винъ мене налаявъ, а я ёго въ морду; такъ ёму ничего, а мене на Сибирь!..

Степаныда. Зѣ кымъ-же то ты бывся? га?

Панасъ. Зѣ Лахтіономъ, зѣ тымъ, що зкупѣуе гречаный попиль на мыло! Гулялы мы, бачышь, у шынку. Сыдымо мы отакъ поручъ зѣ Лахтіономъ, а винъ усе затына писень, та ни якъ не наладыть,—я й почавъ глзуваты зѣ нѣго. Дали винъ мене налаявъ, а я ёго, винъ знову мене... Ну, я не зтерпивъ,—звисно пъяный чоловикъ,—у морду ёго! Винъ мене, я ёго вдруге,—а винъ такъ сторчакá й давъ!..

Степаныда. Охъ, мени лыхо! Убивъ?

Панасъ. Та де тамъ у бисового батька убивъ! Такъ, тилько мазка зѣ носа потекла! Ото винъ зхонывся, та якъ закрычыть: „Прыкештуюсь, люде добри! Винъ, каже, мене убивъ“. Тутъ заразъ Гершко пидскачывъ до Лахтіона, та й каже ёму: „Не руште ёго, за це мы ёго спровадымъ ажъ на Сибирь!“ То-бъ то мене! „Е, каже, такой законъ, що заразъ ёго на Сибирь...“

Степаныда. Законъ такой? Бреше, бреше, бисивъ капцянь!

Панасъ. Эге, бреше! Ни, не бреше... Я й самъ зпершу не понявъ ёму виры, такъ Степанъ Андріевычъ, облакаты, отой, що позаторикъ бувъ у волосты пысаремъ, каже, що именно е такой законъ... Ничого сказаты, гарный законъ! За те, що двичи ударывъ, такъ на Сибирь? Отъ напасть... О, Господы Мылосердный! *(Пада передъ иконою на вколюшкы)*. Согрипывъ я, окаянный!

„Въ руди Твои, Господы, предаю духъ мій“... Хороши порядки! „Господы, Владыко живота моего“... Ставайте навкѣлюшки, заразъ ставайте! А то я васъ за патли... *(Прыпада лыцемъ до земли)*.

Степаныда *(стае на вкѣлюшки)*. Правду дядыха казала, що скоро буде кивецъ свитови! Оце-жъ и кивецъ ёму! *(Колы входе Гершко, обое разомъ встають)*.

Я В А І V.

Ти жъ и Гершко.

Гершко. Ну, здрастуйте! Хванасій, знаете што? Я вамъ пришель сказать, што у вашемъ дѣли та можно вамъ помогать...

Панасъ. Що, якъ? Та ты справди, чы... Слухай, Гершку, та я тоби й не знаю що давъ бы, абы-бъ тилько мени збўтысь ціи напасты... Я жъ, бачъ, не знавъ порядкивъ. Воно, стало бытъ, кожый може спиткнутысь. Будь ласка,— павчы, якъ мени выкрутытысь изъ ціей okazji!.. Я вже тоби дамъ ажъ... пѣять карбованцивъ!

Гершко. Пѣять карбованцивъ? Фе, пѣять карбованцивъ! За такое дѣло пѣять карбованцивъ! Звиняйте, што я вамъ скажу: чы вы дурненькы, чы вы глухенькы, чы вы такъ себѣ... звиняйте! Развѣ вы думаете, што это прежній судъ? Хорошее дѣло,— пѣять карбованцивъ. За такое дѣло пѣять карбованцивъ, то это фарфаленъ шганць поштройки!

Панасъ. Ну, слухай! якъ бы жъ я ёго побывъ, або що... А то такъ тилько, мазнувъ его на выдли...

Гершко. Это ушѣ равно! Знаете што? Я вамъ сказу одно слово: дайте минѣ корова и дѣло ваше будетъ харасо!..

Панасъ. Корову? За таке дило корову?

Степаныда. Охъ, матинко, корову!

Гершко. Корову! Ну да, корову! Не даете, га? Ну, какъ соби знаете... Ну, за швиданія зъ вами! *(Хоче йты)*.

Панасъ. Отъ ускѣчывъ! Та постривай бо, Гершку! Де жъ такы корову? Що ёго у свити Вожому робыты? Корову! *(Ударывшы обѣ полы рукамы)*. Беры вже й корову... *(На бикъ)*. Бодай тебе за печинкы узяло!

Степаныда *(до Оксаны)*. Бачъ,— шыла, не слухала?..

Оксана *(зъ лякомъ)*. Та цытьте, мамо!..

Панасъ. Що зъ тобою подіешъ? Я вже тоби дамъ ту рябенку, що зъ другымъ телямъ...

Гершко *(сміетця)*. Охъ, какой вы! П-сь! Рази это корова? Я завшѣмъ не хочу такая корова! То не корова, а бўзивокъ... Дайте минѣ чорну!

Панасъ. Ни, чорной не дамъ! Якъ можно чорну? Бачъ якый!

Гершко. Великый гешефтъ! ай, яй, яй! Какъ соби знает! Такой богатый человекъ, та лучше онъ пропадетъ, какъ дастъ корова... Это гаворить, такой умный, какъ у швити нема! Ой, вей! Я затыкаю сибѣ уха, та не хочу слухать! Какъ можно, щобъ таѣи слова та говориль такой человекъ зъ великимъ рѣзумомъ! П-сь!

Панасъ. Та вже ты говори тамъ, що хочешъ... Де жъ такы чорну корову?

Гершко. Ну, за швиданія зъ вами! Слушайте, Хванасій! Глядите, штобъ не каялись... Минѣ васъ жаль, ей Богу жаль! Я это для васъ тольки... Ну, за швиданія! *(Хоче йты)*.

Панасъ. Та постривай бо, чого ты втикаешъ... Посыдь! Та сядь бо, кажу... Ну що ёго?.. Це напастъ, та й годя! Та куды бо ты? А, що за чоловікъ! Непаче тамъ ёго шыло... И нўдытця, якъ той чортъ на заутрени! Що ты подіешъ? Ничого робыть, беры вже й чорну! *(На*

бихъ). Бодай зъ тебе духъ узяло! (*До ёго*). Отаки порядкы!

Гершко. Ну, вотъ и харасо! Ваше дѣло такъ будетъ хорошо, што ну... Мы такъ издѣлаемъ, што будетъ гитъ!

Панасъ. Ну, скажы жъ мени, якъ ты мене выправышь?

Гершко. Нашъ адвокатъ,—то онъ молодець! Онъ такой умный, што другого такого нигдѣ нѣтъ. Онъ еще какъ слызыль у земскомъ судѣ, та ушѣ его боялись... Знаете, отчего онъ такой умный, га? Онъ изъ насихъ! Зъ насихъ ушѣ умныи люди... Онъ такъ знаетъ нови законы, что какъ заговорыть, то ажъ страшно слюхать... У, умная голова!

Панасъ. Ну, а зможе жъ мене винъ выправыты?

Гершко. Вшѣ можно! Слюхайте, знаете, какъ законъ говорыть? Одна статья говорыть, отъ уголовного закона,—заслатъ его на Сибирь, а другая говорыть—не нузно его на Сибирь, а третя говорыть—заслатъ его ажъ за Сибирь, а тамъ знову говорыть—не надо его никуда!

Панасъ. Бачъ, онъ якъ! Дѣво, та й годи! Одна каже—зослатъ. а друга каже—не треба...

Гершко. А вы знаете, на што это такъ издѣлано? Какъ онъ сибѣ честный хазяинъ,—то его ослабаныть, а какъ онъ мошельникъ, грабительникъ,—то его на Сибирь...

Панасъ. Ачъ, якъ хитро зроблено!

Степаныда. Слухай Панасе! Та отой Степанъ, отой нечестывый аблакатъ, та буде тебе судыты?..

Гершко. Ай, вей! Какая ви... Рази можна такъ говорыть? Знаете, што за это слово, што ви говорыте: „нечестывый“,—та васъ можна подъ арестъ!

Степаныда. Охъ мени лыхо? За що?

Гершко. За сцо? За ругательство!

Панасъ. Чы чүешъ? Кинець свитови, ей Богу, кинець!

Гершко. Я вамъ скажу для васъ хорошево гешефтъ! Нашъ адвокатъ—та онъ не хоцетъ никакой плата. На што ему? Онъ сибѣ полюбывъ ваша Оксанка, та хоцетъ изъ нею оженыцца!

Оксана. Щобъ я пишла за отого лысого, мыршавого?

Степаныда (*Зъ лякомъ*). Цыть, цыть! Якъ це ты сказала?

Панасъ. Пидъ орешть хочешъ?

Оксана. Лучче у каторгу, ніжъ за тавого... Це зъ мосту, та въ воду! (*Иде зъ хаты*).

Гершко. Зъ мосту у воду? На што эта рахуба?

Панасъ. Молоде... дурне!

Гершко. Ну, какъ вы думаете?

Панасъ. Це халепа, та й годи! Винъ же той... трохы пога... той, якъ ёго?.. Винъ, бачъ, старенькый вже... Правда, що винъ изъ дворянъ, такъ голый-же!..

Гершко. П-съ! Теперь только адвокатамъ и жыть... Я самъ издѣлаю скоро адвокатомъ. Ай, ай, ай! Теперь только брать гроши,...

Панасъ. Конечно, такого чоловика мѣты зятемъ дуже добре; винъ тебе зо всякой биды възволыть. Часомъ и побьешъ кого, такъ...

Гершко. Онъ и сказалъ такъ; нехай дають за мене Оксана, та я вшѣ здѣлаю. А какъ не дадутъ, то я, говорыть ихъ на Сибирь...

Панасъ. Бачъ! Хочъ круть-верть, хочъ верть-круть! Ну, и пидвернувся-жъ бисивъ Лахтiонъ!.. А щобъ тоби, скурвыи!..

Гершко. Ну, говорыте: чы такъ, чы не такъ?

Панасъ. Огутъ помаракуй! Гей, Гершку, Гершку, колы бъ ты знавъ... Та нехай вже прыходыть!..

Гершко. Ну, а корову?

Панасъ. Корову! Ты жъ першъ зробы дило...

Гершко. Ну, то ви дайте мѣ рошписка.

Панасъ. Боги жъ я неграмотный!

Гершко. Это ницево! У васъ есть печать, та ви его прикладите на бумага, та й вшѣ!..

Панасъ. Яка печать? Та, що я прикладувавъ до журналивъ та протоколивъ, якъ бувъ ратманомъ у ратуши?

Гершко. Ну-да!

Панасъ. Подай, жинко, печать. Лыбонь вона тамъ, у скрини.

Гершко (*выйма вексельный папиръ*). Ну, вотъ вамъ бумага. (*Степанида подае печать*). А ну-ну, што тамъ написано? (*Чыта печать по складамъ*). „А-фа-на-сій Гу-ринъ“. Самаво хорошево дѣла!

Панасъ (*сѣре у нѣго печать*). Отъ, здаеця и не мудра штука: „Ахванасій Гуринъ“,— а якъ не вмѣшь, то й не прочитаешъ. (*Напалюе печать*). Не вчыли насъ батькы грамоты! Було мій батько кажуть: „Йидять люде хлибъ и непысьмѣнни“...

Гершко (*зв нетерплячкою*). Ну, годи вже, годи!

Панасъ. Ты вже не вчы мене, будь ласкавъ. Бачъ, осѣдечкы ще не почорнила! Бидови у насъ були чыновныкы, якъ ще я служывъ, кажу, ратманомъ: тамъ таки были, що й зъ мертвого здеруть! Инчий, часомъ, не дае хабаря, такъ вони ёму й кешени повывѣртуютъ...

Гершко. Годи тамъ вже пекты!

Панасъ. Ни, нохай ще трохи напшійлытця.

Гершко. Ну, будетъ вже...

Панасъ. Та постривай-бо! А разъ селетарь нашъ напысавъ рѣспыску, що будимъ-то нашъ голова та позывчывъ у нѣго сто карбѣванчивъ... А той здуру й видпысавъ! Отъ що выроблялы зъ нашимъ братомъ, неграмотнымъ!

Гершко. А што жъ издѣлалъ селетарь изъ та рошписка?

Панасъ. Що? Нареготався у волю, та й порвавъ!

Гершко. Фе, какой онъ глупый!

Панасъ. Може й ты напышешъ на цій божази тако, що й гришмы не видкупысся? Гляды!

Гершко. Я? Рази я какой? Рази ви мене не знаете? Ну, пора прикладувать!

Панасъ (*приклада печать*). Отъ и готово! Ачъ якъ выйшло—и слиный розбере! (*Тыка пальцемъ вз роспыску*). Отъ Хванасій, чы отъ Хванасій?

Гершко. А, што тамъ читать! (*Склада роспыску и шпарко хова вз карманъ*). Ну, за швиданія! Дай Богъ, штобъ наше дѣло было хорошо! За швиданія, мадамъ Степанида! (*Выходять*).

Панасъ. Це, мабуть, такъ ще буде, що й у снй якъ кого наляешъ, то пидъ орешть?

Степанида. Кажуть-же, що передъ кинцемъ свита усе пиде на выворить...

Панасъ. И такъ воно усе шкерѣберть пишло!.. Але я такъ налякався, що ажъ хмиль выйшовъ! Дарма, що цилу кварту укуталы!

Степанида. Може й промижъ себе не можна даятись?

Панасъ. Може... Теперъ усѣго жды!

Степанида. Що то слиный чоловікъ,—то й не знаемо, що дѣтця у свити! Онъ якъ Васыль, той добре грамоту зна.

Панасъ. О, той зна! Той зело грамотій!

Степанида. Якъ бы отдалы Оксану замижъ за Васыля... Винъ бы намъ святе пысьмо чытавъ... Краще слухаты псалтырь, нижъ до шынку ходыты. Йй Богу, краше! Васыль, Господы, якъ поштыво мене прохавъ!..

Панасъ (*не слуха и*). Ачъ, йродивъ Лахтѣонъ! Гараздъ, що нема никого чужого въ хати,— хочъ вылаю добре!..

Степанида. Та лай, лай! Я не докажу!

Панасъ. Тебе й по губахъ можна...

Степанида. Може й на це е законъ?

Панасъ. На це? Який на це законъ? Про це ще й не пысалы!

Степаныда. Отъ, правда на свити! Якъ жинокъ — то не щытають за людynu!..

Панасъ. Яка жъ вона людyna? Баба, одно слово — баба! Баба, та й годи! Зъ бабы яки узяткы? Хиба тилько чоловікы колы небудь попобье... А, щобъ тоби, бисивъ Лахтіоне, добра не було!

Степаныда. Щобъ ёму попрыщыло!

Панасъ. Именно, щобъ попрыщыло!

Степаныда. Стонáдцять чортивъ и сира свыта! Стонáдцять болячкы та пропасныць! Щобъ тебе земля не прыняла!..

Панасъ. Оце такъ, такъ! Але ты й ловко лаеся, неначе по пысаному!..

Степаныда. Щобъ ёму й ёго родови сбяшныци, та перелогы, та завійна, та прыстрить, та болячкы, та пропасныця, та... *(побачышы Оксану зъ ллякомъ замуляе рота)*.

Я В А V.

Ти жъ и Оксана.

Оксана *(ухмыляетця)*. Кого це вы, мамо, такъ лаете?

Панасъ *(до жинкы)*. Не кажы! *(На бикъ)*. Тепера й ридной дытны оберегайсь!..

Степаныда. Лаете! Що це тоби невить що вчуваетця? Лаете! Отакъ соби, балакаемо промижъ себе, та й годи! До це ты була?

Оксана. Я де була? Була... навго-рбди. *(Мовчыть)*.

Панасъ. Ну що-жъ, дочко, пидешъ за облаката?

Оксана. Не пиду, ни за що не пиду! Зъ якои рочы?

Панасъ. А якъ я, бува, та... прысылую?

Оксана. Кто, вы прысылуєте? Якъ сѣдуватимете, то я й втечу...

Панасъ. Хиба ты хочешъ, щобъ мене на Сибирь?

Оксана. Та яка тамъ, тату, Сибирь!..

Панасъ. Кто ёго зна яка, а кажуть люде, що страшна!

Оксана. Не треба бытысь, бо то сóромъ!

Панасъ. О, ты розумя! Ну, а якъ нехотячы вдарышь? Иноди такъ вдарышь, що й не зоглядыся! Описля вже й на-задъ бы, та ба!

Я В А VI.

Ти жъ, Лахтіонъ и Сокуренно.

Лахтіонъ *(поклонився иконамъ)*. Здравствуйте! Съ праздничкомъ васъ... Богъ на помощь!

Панасъ *(встае)*. Це що таке, га? Геть зъ моеи хаты!

Степаныда. Ще й сюды прыйшовъ заводыты колотнечу?

Панасъ *(до Сокуренка)*. Ты якъ посмивь?..

Лахтіонъ. Чаво лаеся? Погода, не гони, — дѣло скажу!

Панасъ. Не треба мени ни якого дила! Убирайся!

Лахтіонъ. Эхъ, голова! Вѣдь я мириться пришель! Вотъ дочь твоя да Василий Григорычъ упросили меня...

Панасъ. Мырытысь? Хиба можна?

Лахтіонъ. Вотъ, еще какъ! Давай руку, да и кончено! Зачѣмъ намъ ссориться? Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, всѣ мы христіане!

Панасъ. А хиба-жъ безъ суда можна?

Сокуренко. Можна! Я заразъ чытавь...

Степаныда. Що то грамотный чоловікы!

Панасъ. Чытавь? Ты це навсправжкы, чы, може, туману напускаешъ? Може, такъ тилько хочышь... багы забыть?

Лахтіонъ. Послушай! Я ужъ имѣлъ дѣло у мирового — съ однимъ пріятеlemъ во хмѣлю подрались. Мировой судья ска-залъ намъ: „Помиритесь, говорить, ребята, и дѣла за вами никакого не будетъ состоять“. Ну, что-жъ, по рукамъ,

ась? *(Панасъ мовчки подае руку)*.
Только, братъ, съ однимъ условіемъ...

Панасъ. Ну, а якъ аблакать не захочетъ Сокуренко. Яке-жь ёму дило? То винь збрехавъ, що казавъ на Сибирь. Я це усе чытавъ у закони.

Степаныда. Що то выдющый чоловікъ!

Панасъ. Именно, выдющый чоловікъ, такъ винь понимаі!

Лахтiонъ. Если ты, примѣромъ, пришибешъ,—ну, тогда плохо дѣло, потому главная причина—дохтуръ. Дохтуръ можетъ дать такое свидѣтельство, что въ Сибирь. Вотъ что!

Панасъ. Дохтуръ? Тю, дыви, голубчыку!

Лахтiонъ. Вся сила—дохтуръ! Ну, такъ миръ, что-ли? А условіе вотъ какое: что бы ты отдалъ дочь свою за Василія Григорыча? Ладно, что-ли?

Оксана *(идійшла до батька)*. Таточку, ридный! *(Пада ёму на груди)*.

Степаныда. Бачъ, хто до насъ щырый! Заразъ и прочытавъ... Якъ-бы не Василь, то обморочылы-бъ тебе.

Лахтiонъ. Что-жь молчышь! Говори! Ставь магарычъ и кончено! Афанасій!.. Эхъ, голова!..

Панасъ. Та якъ-же це? Це таке, що я й не розберу!

Лахтiонъ. Эка упорный мужыкъ!

Сокуренко. Ахванасій Миколаёвичъ, годи бо вамъ сёрдыгысь на мене!

Оксана. Таточку, вы-жь мене любыте?..

Панасъ *(ухмыляетця)*. У, ты вже якъ ясочка!

Лахтiонъ. Ну, не хочешъ мириться и не надо! Пусть тебя возьмутъ подъ арестъ. Прощай! *(Хочетъ йти)*. Я еще пойду къ дохтуру за бумагой...

Панасъ. Слухай, якый-бо ты! Дай-же хочъ подуматы... *(Про себе)*. Одна статя каже—на Сибирь, а друга каже—не треба... Дохтуръ дастъ свидѣтельство... Круты—не верты! Ну, давай руку!

Лахтiонъ. Вотъ и ладно! Ну, поцѣлуемся! *(Цилуютця з Панасомъ)*. И съ вами, хозяйшка, позвольте,—это по порядку! *(Цилуютця)*. По христіански, трижды, во уста сахарныя!

Оксана *(пада въ ноги батькови)*. Сокиль мій ясный!

Панасъ *(идійма їй)*. Годи, годи! Хай Богъ помага тобі на усе добре. Ходы-жь и ты сюды, Васылю. *(Сокуренко хоче поклонитця ёму въ ноги)*. Не треба, не треба! Що намахаеся головою, якъ настане весилля! Боже-жь васъ благословы, диты мои! Нехай вамъ Мылосердный щастыть на усе добре! *(Сокуренко и Оксана переходять до Степаныды)*.

Степаныда. Боже васъ благословы, диточки! Теперь вже Василь чыгатыме намъ святе пысьмо...

Панасъ. Э, то само собою, а то треба закони чытаты... Бѣ колысь такъ ускочышь, що тилько засвыстятъ...

Лахтiонъ. Ну, полно вамъ,—давайте магарычъ!

Панасъ. Малосты-жь просымо за стиль. Покры чай, выпыемо чыахы? А подай, жинко, пляшку! *(Оксана вносыть самоваръ, а Степаныда пляшку з горилкою и закуску)*.

Лахтiонъ. Да, по махонькой не мѣшаеъ!

Панасъ. Кажуть, що по старому звычаю пылы горилку до чаю?

Лахтiонъ. А по новому—пыють и послѣ чаю!

Панасъ. Пожлуста мовчы про новы порядкы...

Я В А VII.

Ти жъ, Гершко и Рыбкынь.

Гѣршко. Отъ и ми присли. Вусъ, што это такое? Хванасій, што это такое?

Рыбкинъ (*чванючысь*). Мое почтеніе, господа!.. (*До Оксаны*). Рекомендуюсь...

Гершко. Што это такое?

Панасъ. Помирылись!

Гершко. Помирылись? Вусъ помирылись? Кто помирылись?

Лахтлонъ. Помирились по христіански. (*Гершко зовсімъ перелякався*).

Рыбкинъ. Помирились? А, вотъ какъ! А позвольте васъ спросить, на основаніи какой статьи?

Гершко. Какой статьи отъ уголовного закона?

Лахтлонъ. А статья такая, что, стало быть, Афанасій отдасть свою дочь за Василя Григорыча.

Гершко. Вусъ? Мошельники! Грабительники!

Рыбкинъ. А знаете-ли вы, почтенные, что ссора и драка въ публичномъ мѣстѣ, на основаніи... Г-мъ, на основаніи... уголовного судопроизводства и рѣшенія кассационнаго департамента...

Гершко. Ушѣхъ на Сибирь!

Рыбкинъ. Такой обманъ, такое конфузное приключеніе, такое, можно сказать, казусное происшествіе... Погодите-же, я вамъ докажу, что мотивируя этотъ случай по анализу Желѣзнякова и примѣняясь...

Панасъ. Добродію, що хочете кажити, а я вже поблагословивъ, то слова не переламаю, бо то грихъ! Годи вамъ гниватись, сидайте за стилъ та вищемо...

Гершко. Мы ихъ ушѣхъ на Сибирь!..

Панасъ. А якый бо ты, Гершку! Що то жидовá—такы свое! Давайте лучше помиряться!

Сокуренко (*пидходить до Рыбкина*). Степанъ Андреичъ, та вгамуйтеся, Бога рады! Вы жъ чоловікъ зъ розумомъ,—чы вже жъ думаете насыльно мыльмъ буты?

Рыбкинъ. Да что вы? Вы знаете меня, знаете? Я... я... я...

Гершко. Такъ ви такъ изъ нами? Ну, харасо! Теперъ я подамъ на мировой судья вашъ вексель... Я напишу тамъ, што ви у меня позичили сто рублѣй.

Панасъ. Такъ ты такый чесный? Ачь, бисова тинь.

Гершко. Цесный, цесный, што цесный? Тамъ есть ваша печать! Поцему нецесный? (*Выйма вексель*). Ага, попалса? (*Дывытця на вексель*). Вусъ, вусъ? Ай, гвултъ! Калавуръ! Мошельники! Грабительники!

Вси. Що, що тамъ таке?

Гершко. Што таке, што таке!.. (*Тыкае Панасу вексель*). Што это такое, га?

Панасъ. Ничого не бачу!

Гершко. Ничого не бачышь, га? Штобъ тебѣ повилазило! На што печать на припечаталъ у гору ногами?

Панасъ. Тю! Дывы! Я й не примитывъ!

Гершко. Не примитывъ, не примитывъ! Разбойникъ! За што ты меня зарѣзалъ, за што меня обграбилъ?

Панасъ. Ото тебе Богъ покаравъ! Чужимъ не заблагатиешъ... Слухай, не речетуй, я тоби поминывся дати корову?

Гершко. Ну - ну, та што зъ того будить?

Панасъ. Ну, то коровы я тоби не дамъ, а п'ять рубливъ дамъ. Попросы жъ аблаката, щобъ винъ помирився зо мною!

Гершко. Ай, вей! Ну, харасо, харасо! Эхъ, Хванасій, какой ви хитрый... какой ви изъ рѣзумомъ... какой ви мастеръ...

Панасъ. Та маемо по троху.

Гершко. А водка на швадьба у меня взымете? Ну, харасо, харасо! (*Пидходить до Рыбкина*). Слюхайте, на што намъ эта рахуба? Помиряться!

Рыбкинъ. Помилуйте, Григорій Яковлевичъ, я обиженъ! Сколько я живу,—я подобнаго скандала не имѣлъ! Я вхожу сюда, какъ женихъ,—и вдругъ...

Гершко. Рази онъ утикаеть зъ нашихъ рукъ, утикаеть?.. Онъ еще двадцать разъ попадетца, я такъ издѣлаю,

што онъ попадетца! А нивѣста я вамъ найду еще двадцать! Слюхайте, за вами есть десять рублей, есть? Ну, нехай будить девять, га? Ну, нехай восемь? Нѣтъ? Ну, нехай будить семь съ половиною?

Рывкинъ. Нѣтъ, за чѣмъ же! Я, я... всѣ вамъ отдамъ!

Гершко. Отдамъ, отдамъ! Когда отдадите? Когда? Вы вшѣ говорите отдамъ и вшѣ пѣете водка.

Рывкинъ. Но подумайте, Григорій Яковлевичъ, какой-нибудь мужикъ и... позволяетъ себѣ...

Гершко. Ну, а скажите изъ швоя совисть: хто вамъ даетъ кліенты, га? А, видите? Ну, миръ? Ну, я васъ просю! За вами семь зъ полтинникомъ рублой, га? Ну, нехай семь съ полтинникомъ!

Рывкинъ. Г-мъ... По крайней мѣрѣ, пусть этотъ мужикъ извинится передо мною!

Гершко. Ай, вей! Какой вы видѣли изъ мужика деликатности? Ну, я васъ просю!

Рывкинъ. Извольте, Григорій Яковлевичъ! Повѣрьте мнѣ, что я это дѣлаю только для васъ... *(Дае руку)*.

Гершко. Ну, благодарю васъ! Господа! Ша! Просимъ дать мѣсто нашъ знаменательный адвокатъ! *(Вси встають)*.

Панасъ. Милосты просымо, залазьте у кутокъ! *(Вси сидають)*.

Гершко. Ну, господа! Дай Богъ, штобъ ми были хароши пріятели... Нехай будетъ такъ, какъ ми захотѣли! А правда? Ша!.. Ну, нехай будетъ такъ!

Панасъ. А ну, жинко, давай чаю! А покы що, выпьемъ чайхы! *(Нальва и пзе)*. Будьжо здорови! *(Пидносятъ Рыб-кину)*. Выкушайте! *(Рывкинъ бере горилку)*.

Рывкинъ. Ну, будьте здоровы, да подеритесь еще... *(Пзе)*.

Панасъ. Нехай Богъ боронить!

Лахтионъ. Подеремся и снова помиряся! Это ничаво!

Панасъ. Хай Богъ боронить! Мій бзтьбо не судився и я не хочу! Колысь-то можна було и попобыть, а теперь... *(Степаныда подае чай, а Панасъ частуе по чѣрзи)*.

Рывкинъ *(пзе чай)*. Что это у васъ за чай таковой?

Степаныда. А що, добродію?

Рывкинъ. Горькій!

Панасъ. То мы для духу кладемо по-трѣху гвоздычного перцю!

Степаныда. Господы, якъ гарно на похмилля! Ажъ за языкъ щыпа!

Рывкинъ. Странный вкусъ!

Лахтионъ. Что-жъ, будомъ пѣсни играть? *(Затынѣ)*.

Сидитъ воронъ, воронъ на березѣ,

Свищеть воинъ на войнѣ...

Пропадать тебѣ, мальчиѣ-мальчонокъ,

Въ чужой-дальней сторонѣ...

Панасъ. Голубчыку, не спивай! Бо якъ часомъ я не втерплю, то знову буде беда!.. Крычышь, неначе тебе хто рже!

Лахтионъ. Побьемся и помиримся!

Гершко. Ну, да!

Панасъ. Ни, спаснби за ласку! *(До публикы)*.

Теперь не той свить наставъ

Якъ колысь бувало, —

Пополунышь кого добре, } двичи.

Та й пышы пропало. }

Степаныда.

Хочъ не гарно мы зиграли,

Все жъ не треба гудить,

Не лайтеся! *(Показуючы на*

адвоката). Бо онъ якый! } двичи.

Заразъ всихъ засудить!

Сокуреньо.

Можна жыты и безъ лайкы,

Съ добрымъ, щырымъ сердцемъ.

Панасъ.

А вже жъ, що такъ! *(До публикы)*. Кажить: „эге жъ!“ } двичи.

Дамъ чаю вамъ зъ перцемъ. }

Лахтiонъ.

Больше жидъ здѣсь виноватъ,
Ужъ я съ нимъ сквитуюсь!

Гершко.

Ви слешите, гашпада,— }
Я вамъ протештуюсь! } двичи.

Вси.

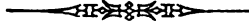
Просымъ щиро васъ, панове,

Щобъ вы розсудылы:

Чы годѣтця оця каша, }
Що мы наварылы? } двичи.

«Зависа».

Написана въ 1869 році,
въ городи Бобринци.

ПОШЫЛЫСЬ У ДУРНИ.

Шутка-оперетка въ 3-хъ дѣяхъ.

(Въ исправленномъ видѣ).

ЛЫЦЕДІИ:

Максымъ Кукса, богатый мищанинъ, мирошникъ, удовецъ.
Орышка, старша его дочка, лить 19-ты.
Степанъ Дранко, богатый мищанинъ, коваль, удовецъ.
Горпына, старша его дочка, лить 18-ты.
Антонъ, наймытъ Куксивъ, молодой парубокъ.

Василь, наймытъ Дранка, молодой парубокъ.
Сканунець, волостный писарь.
Нечыпиръ, захожий чоловікъ, лить 30-ты. Гости и народъ.

Діетця у мистечку.

ДІЯ І.

На кону зъ обохъ боківъ плетени тыны, зъ за котрыхъ выглядать хаты, повитки, амбары, хливы, коморы и пр. Пидъ тынамы лавы. Зъ ливого боку господа Куксы, зъ правого—Дранка. За господою Куксы видно водяный млинъ, за господою Дранка—вузня.

Я В А І.

Зъ млына выходять Кукса и Антонъ.

Кукса (спива).

Отакъ ось якъ бачышь, любый мій козаче,
Буды окомъ згляну, чы ногою стану,
Скрызъ кривда пануе, та правду гальмуе.

Антонъ.

Охъ, правда, паноче, що и такъ бувао,
Це вже такъ сказали якъ перомъ спысали.

Разомъ:

Охъ тяжко, тяжко, жыть въ свити важко. (2)

Кукса.

Такъ якъ шашоль точе серце тоби й душу,
Розумъ такъ здавило якъ муцирь пацѣшу,
Що вже дали буде, чы вгадають люде?

Антонъ.

Охъ, правда паноче и т. д.

Кукса. Доглядай, доглядай кажу тоби,
Бильшь якъ свого ока!

Антонъ. Та вже не турбуйтеся, хазяинъ,— я вамъ кажу, що ниhto вамъ такъ не потрапуть догодыты, якъ я! надійтеся на мене, якъ на камьяну гору!

Кукса. Одного тилько ни якъ я не розберу: за вищо ты такъ ненáвдышь, того бабського роду?

Антонъ. За вищо? Довго розказуваты! А тилько якъ побачу молодыцю, а найпаче дивчыну, то такъ мени зъ души верне, мовъ муху проковтнувъ. А вашихъ дочокъ ненáвдыю черезъ те, що вы мени, хазяинъ, дуже полюбылись; и жаль мени

васъ, просто беда, якъ жаль, що вы такъ зъ ными бидкаетесь!..

Кукса. Охъ, бидкаюсь!.. А ты не гниваешься на мене, що я тебе частенько ганяю?

Антонъ. Бороны мене Боже! Хазяинъ може й спаты й гуляты,—на те винъ е хазяинъ; а наймытъ повиненъ що-дня й що-ночи працюваты...

Кукса. Розумно, розумно миркуешъ!

Антонъ. Зъ нашимъ братомъ, зъ наймытомъ, безъ лайки не можна. Насъ треба быть, та ще й добре, бо мы дурни!..

Кукса. Тры мисяци ты у мене служышь, а я тебе вже такъ уподобавъ, якъ ридного сына!

Антонъ. И я скажу, що не знаю, чы любывъ я свого батька такъ, якъ васъ люблю! (*Помовчавъ*). Давно вже я хочу спытаты васъ, знаю, що вы одынь на всимъ свити скажете мени достомытну правду: на вищо оти бабы на свити?

Кукса. А й справди,—на вищо вони?

Антонъ. Безъ бабивъ, здаеця, краще бъ жылося на свити?

Кукса. Краще бъ? Такъ, такъ!..

Антонъ. Такъ на що жъ вони, оти бабы, на свити?

Кукса. Не скажу, голубчыку, не скажу! Скылько вже разывъ и я миркувавъ надъ цимъ запутаннымъ диломъ... Звисно, Богъ сотворывъ!

Антонъ. На спокысу?

Кукса. Именно на спокысу!

Антонъ. Отъ, спасыби, що вы мени це сказаны; а то я морочывся, морочывся!.. Теперь вы мени розвъязаны рота... Отъ, хочъ бы скажу про Оксану, сусидську наймычку...

Кукса. Що такъ?

Антонъ. Я позавчора бачывъ, якъ вы, отамъ за пывиткою, женыханы зъ нею!

Кукса. (*тревизижно*). Що?

Антонъ. И чувъ, якъ вы ий казаны, що купыте ий на спидницю моднёго сытцю и платокъ...

Кукса. Чувъ? (*У бикъ*). Попався. (*До нёго*). Ты чувъ? Гляды жъ, не проговорысь сусидови Дранкови... Я хотывъ ии перемануты до себе у наймы.

Антонъ. На що жъ вы мене обдурюете? Бачте, я передъ вами выкладаю усю свою душу, а вы... Я жъ чувъ, якъ вы ий сказаны: „выиды, якъ стемние, на леваду!“..

Кукса. Не казавъ!

Антонъ. Ни, казаны, казаны!

Кукса. Далэби, що про леваду я ни слова не казавъ!..

Антонъ. Ну, може це мени тилько почувлося!.. Одначе, я заразы такы тоди подумавъ: чы не дяволь то, пидъ дывочою одежою, скушавъ мого хазяина?

Кукса. А що ты думаешъ, може...

Антонъ. Пиду жъ я, думаю соби, до попа и попрошу ёго, щобъ винъ одмыгывавъ мого хазяина!..

Кукса. До попа? Чы ты не здурывъ?

Антонъ. Я жъ ще не ходывъ, а тилько навывылся! Якъ я знаю, що пипъ мае васъ за чоловика богомольного и богобоязного...

Кукса. Такъ, такъ... Я такыи, такыи справди! Ты не ходы до попа,—я краще самъ ёму признаюся на духу!

Антонъ. Нехай бы та Оксана до мене лыпла,—ще не дывно бъ було, бо я парубокъ и молодой чоловикъ; а що жъ ий на васъ уподобалось?

Кукса. Скушеніе, дявольское скушеніе!

Антонъ. Вже жъ не лысына ваша?

Кукса. (*гризно*). Що такъ?

Антонъ. Я той... я помылывся!.. Я хотывъ сказать,—чы не гроши ваши ии скушаны?

Кукса. Яки гроши?

Антонъ. А ты, що вы на тымъ тыжни переносылы у ноци на леваду, у полывья-ному глечыку...

Кукса. Не переносывъ!..

Антонъ. Шкода тилько, що я не бачывъ, куды вы переховали той глечынкъ!

Кукса. Не бачывъ?

Антонъ. Якъ бы я бачывъ, то разъ бы узывъ ихъ...

Кукса. Узывъ бы?

Антонъ. Чого вы такъ злякалысь? Я жъ кажу, — узывъ бы ихъ, принисъ бы до васъ, та й сказавъ бы: ховайте краше ваши копыталы!

Кукса. Справди?

Антонъ. Я зъ роду не брехавъ.

Кукса (*дывытця на него*). Отъ же я не розберу тебе, що ты за людына?

Антонъ. Я? — самá правда!

Кукса. Може, може!.. Ну, та й бойный ты на словахъ!

Антонъ. О, я на словахъ, якъ на органахъ!

Кукса. Бачу, бачу! Музыкантъ! Хе-хе-хе! А ну, подывысь мени въ вичи! (*Антонъ дывытця*). Здаецця, що ты не брешешъ. Ну, то я жъ оце пиду, а ты тутъ доглядай за дивчатамы.

Антонъ. Та вже не бійтесь — и ока не заплюшу! Може и радый бувъ бы заплющитъ, та колы жъ мени такъ бабы почынылы, що сонъ у мене на вискъ однялы!

Кукса. Ну, прощай до якого часу!

Антонъ. Слухайте, хазяинъ!

Кукса. А що тамъ ще таке?

Антонъ. Вы вже, пожалуста, не зачипайте отіей Оксаны, нехай вона скысне!

Кукса. Скушеніе, чысте навожденіе! (*Пышовъ*).

Антонъ. Ну, колы бъ мени удалось ще тебе пійматы хочъ на одній провны, — тоди бъ мы зъ тобою потягалься!

Я В А II.

Ти жъ и Васыль (*выходитъ зъ кузни*).

Антонъ. Ну?

Васыль. Ни ну, ни тпру!

Антонъ. Погано панъ пыше! Ну, а я свого бгара трохы гнуздаю! Ось-ось скоро й цурку надину на губу!

Васыль. А знаешъ, братухо, що я де-що прыдумавъ?

Антонъ. Кажы, що?

Васыль. Колы вже дило доходить до нивуды, то треба на хытрощи пускатысь!

Антонъ. Я це давво знавъ и такъ и роблю! Бо въ свити, на гроши и на господарськы достаткы бильшь бидныхъ людей, нижь багатыхъ, а що на розумъ бидныхъ, — то ще бильше. И ти люде, що жывуть въ достаткахъ, зъ де-бильшого мають дывну натуру: вони не можуть ступыть и одного ступня безъ поводыря, а иныч то ще й гниваюця, чомъ ихъ за нисъ не водять!..

Васыль. Якъ же це такъ? я й не розберу!..

Антонъ. А ось розмиркуй! Напрыкладъ, отъ скажу про мого хазяина: колы бъ я не запевывъ ёго у тимъ, що не навидю бабсьеого роду, — чы винъ давъ бы мени пидъ прыглядъ своихъ дочокъ?

Васыль. А й справди!

Антонъ. Першь винъ боявся выйти за подвирья, мучывся, сердешный, не спавъ покійно, не йывъ, не пывъ... Все ёму здавалось, що ёго дочки за хлопцямы бигають... А теперь винъ пишовъ соби до людей безпешно. Стало быть, я воду ёго за нисъ ёму жъ на корысть!

Васыль. Ну, та й хытрый же ты!

Антонъ. Та й ты жъ на хытрощи пускаецся?

Васыль. Моиы хытроцамы я тилько себе дую! Скажу тоби, братухо, що безъ Горшыны мени краше въ ополонку головою!..

Антонъ. Отъ, ще що выгадавъ! Нехай накладають на себе руки ти, за котрыми е кому жалевуваты; а нашъ братъ, бидолаха, загыне не своею смертію, скажуть: „туды ёму й дорога, ледацюзи!“ Я тожъ кохаю Орышку, а що жъ ты

вдієшь? Треба хитрувати: не можна через тинь,—лизь по-пидь тинь!..

Василь. Ты мени що-дня одне й те жь кажешь. Кажу тобі, що мени не ждетця!.. Ни, я ришывь! Оце я заразь несу роботу въ мистечко, та забижу до пысаря,—винь мени родахъ и щось-то вже винь мени та порадыть! Я чувь, що мій хазяинь не сёгодня—завтра дожида жениха зь города, хто-сь то мае приыхаты свататы Горпыну!..

Антонъ. И мій натякаі частенько про якого-сь жениха, тожь зь города.

Василь. Пиду, упаду прямо пысареву въ ноги,—нехай вызволя обохъ!..

Антонъ. Якимъ пдытомъ?

Василь. Про те вже винь знае. (*Пишовъ*).

Антонъ. А може й справди пысарь що небудь прыдума? Чувь я, що пысаря на пи штуку великы майстры! Що жь це Орышка и дасы не выходыть! Сказала жь: „якъ тилько батько зь двору, то заразь и выбижу!“ (*Побачывъ Орышку*). Иды, Орышко, не бійсь! Батько ондечкы вже ледве манячыть. Пишовъ по людяхъ гроши правыты за перемиль, то може тамъ и геть-то загостюетця...

Я В А III.

Орышка и Антонъ.

Орышка. Охъ, я такъ уся и тремтю!

Антонъ. Богъ-зна чого ты лякаеся!

Орышка. Де жь пакъ! Нещаслива наша доленька, що й побалакаты не доведетця до ладу...

Антонъ. Що жь, колы батько твій, бачь, все гне на те, щобъ до ёго дочокъ сваталась дукари, або купци!

Орышка. Охъ, горенько тяжке! „Виддамъ, каже, тебе, хочъ за старого та беззубаго, абы бъ за грошовытого!“

Антонъ. То-то жь бо й е! Що не кажы, а велике дило гроши! А ты по-

слухай батька, покорысь ёму, та йды хочъ за чорта за лысого!

Орышка. Богъ зь тобою, Антоне, якъ це ты говоришь! Ты гниваеся за щось на мене, и черезъ те такъ кривдышь мене! Чы я жь тобі у чимъ зрадыла?

Антонъ. А то жь и ни? На глумъ я тобі здався, чы якъ? Онь и вчора—цилисоньку ничь вьходывъ по левади, а тый не прыйшла!.. А я ходю якъ дурный... Мало не до свита блукавъ та выспивувавъ! (*Помовчавъ*). Ну, Орышко, що жь,—надумалась ты про те, що я тобі казавъ?

Орышка. Скажу прямо батькови: виддайте мене за Антона!

Антонъ. Колы жь то буде?

Орышка. Якъ тилько спобыжу таку году, що вони не будутъ сердыты...

Антонъ. Це буде якъ разъ на маненького Юрія, якъ ракъ свысне!

Орышка. Вони инколи бувають такы дуже добры!

Антонъ. На Мыкблы, та й никблы!

Орышка. Я скажу имъ прямо, що не переживу розлучення зь тобою!

Антонъ. Переживешъ!

Орышка. Охъ, яка твоя мова уразлива!

За що-жь, мылий, ты вражаешъ

У край мое серце?

Чы вже жь справди ты думаешъ,—

Кохавня мынетця?

Антонъ.

Хочъ думаю—не думаю,

Серця я не змушу:

Воно ные, воно рветця.

Гадыною вьетця!

Непрыспыть его й не спое

Сонь-трава, ни рута;

Одна смерть ёго загое,

Та зилля-отрута.

Орышка.

На що-жь смерть, нехай надія Обгортае душу,

Бо безъ неи, якъ безъ соньця

Загынута мушу.

Антонъ.

Занежаявъ я надію
И думкы залышывъ,
Тилько сердце порывас,
То влыщыть, то умилавъ...
Не прыспыть его й не спое
Сонъ-трава, ни рута;
Одна смерть его загое,
Та зилля-отрута.

Орышка.

Годи, мылый, орле сызый,
Годи жъ сумуваты;
Станемъ шыро у Господа
Доленкы благаты!

Орышка и Антонъ (*разомъ*).

Боже мылый, мылостывый,
Згляньсь на нашу долю,
Спаруй сердца паши й души,—
Вчыны святу волю!
Хочъ блага—не вблагаю,
Горя я не змушу,—
Бо не маю ёму краю: } двичи.
Вопо палыть душу.

Антонъ. Одначе, я все такы боюсь
вириты тоби! Бо не могу я своего сердца
зоспокоиты!

Орышка (*глянула у бикъ*). Ой, лы-
шенько,—батько вже вертаютця!

Антонъ. Чы й справдъ? (*Глянувъ у
бикъ*). Такъ, такъ! Вже ёго лыхе нысе!
Слухай, Орышко, идемо на пропаляе?..
Нив?.. Чого жъ ты мовчышь?.. Ты ба-
чышь, що сердце мое вогнемъ поняло! Ну
то якъ соби знаешъ, а тилько слухай
сюды: хочъ бы тамъ и смерть, а щобъ
ты сёгодня була на левади!..

Орышка. Буду, хочъ смерть, а пры-
лыну, мій орле! (*Пислы*).

Я В А І V.

Кукса *выходыть засмученый и сидае
на лави.*

Втомывся! Не такъ видъ ходы, якъ
видъ тыхъ думокъ, видъ того клѣпоту!

Куды не пиду, такъ думка ногы й по-
верта до-дому. (*Спива*).

Чы мени жъ хочъ марылось,
А чы у снѣ верзлось,
Щобъ отакъ на старистъ
Сумуваты прыйшлось?

За що жъ, за що, за що
Ты мене карашъ,
У землю вганяешъ,
Сылы видіймаешъ,—
Господы!—за що?

Доты я бувъ щасливый,
Доты я й не журывъсь,
Доты й незнавъ смутку,
Докы я не женивъсь.

На що, на що, на що
Жинку соби взявъ,
Дитворы придбавъ,
Клопоту зазнавъ,—
Господы! на що?

Куды жъ, куды, куды
Подивусь съ журьбою,
Зъ тяжкою нудьгою,
Зъ такою симъюю—
Господы!.. Куды?

Гай, гай! Не поможе, мылый Боже и
воскова свичка! И за якы грихы пока-
равъ мене Господъ отимъ никчемнымъ
зиллямъ? Ну нехай бы сказать одна, не-
хай бы вже й дви.. Ну ще й тры сякъ-
такъ! А то ажъ п'ять! Орышка, Па-
лажка, Оксаба, Тетяна, ще й Йивга! Ну,
якъ ты дасы имъ рады? Це жъ не те,
що тамъ, якъ бува у млыни що небудь
поламастця,—чы кулакъ, чы порилця:
цюкъ разъ, у друге—и полагодывъ! А
тутъ що-дегна, що хвылына беда!..

Антонъ (*зъ воритъ*). Хазяинъ! Вже
Гаврылове жыто змолодось; чые теперь
засыпаты: жыдове, чы дякове?

Кукса. Засыпъ жыдове! Зъ жыда швидче
гроши выправышь, а зъ дяка попра-
вышь! (*Антонъ пишовъ, Кукса огля-
нувъ*). Якъ це Антонъ постеригъ, шо
я переховувавъ гроши? Добре, шо я пилля

того ще разъ ихъ переховавъ! (*Зновз оглянувся*). Скільки жъ це у мене бракує до п'яти тисячъ? Зъ собою принісь сорокъ симъ рубливъ, та у малій скрини пидъ замкомъ шістьсотъ тридцять чотыри, у глечыку чотыри тысячи.

Антонъ (*з воритъ*). А якъ змелю жыдове, тоди чые засыпати?

Кукса (*хова гроши*). Чые хочешъ! (*Антонъ пишовъ*). Ни, мабуть якъ ляжу спати, тоди поличу; нема кращои добы личыты гроши, якъ у ночи,—нихто не мишае! (*Помовчавъ*). Отъ старша дочка, Орышка, то вже й зовсимъ приспила,—до парубкывъ ажъ горыть... А за нею вже й меньша пнетца у гору, якъ той будякъ! А женихывъ, якъ на злысть, нема та й нема! Тутъ бы, мовлявъ, виддавъ бы й за пивня, колы бъ тилько срибне пирья! Ну що, якъ бы до Антонової вроды, та грошей хочъ рубливъ п'ятьсотъ, та волить паръ зо-тры, та земелькы... Отъ бы зятемъ бувъ!.. Чы й справды жъ Антонъ такъ нев'ывидыть бабывъ? Якъ винъ постеригъ мене зъ Оксаною?.. Здаецця, такъ вже оберегаецця,—отъ же жъ и постеригъ! Мабуть не даромъ чоловикови дано два ока. Одначе, я думаю, що на бабу мало й двоухъ очей,—то вже таке проклятуще зилля, що за нымъ и въ чотыри не потрапышь!

Орышка (*з двору*). Тату! А де я визьму муки на вареныкы, чы у млыни, чы...

Кукса. Кортыть тебе у млынъ? Тьфу! усе забуваю, що у мене Антонъ служыть; ну, зъ цымъ наврядъ чы пожартуе! (*Гука*). Пиды у млынъ, нехай Антонъ визьме корьякъ зъ якого тамъ купецького лантуха. Пиды, пиды, та поцилуй ёго! (*Регоче*).

Орышка. Зъ якои речи? Цилуйтесъ самы зъ нымъ, колы винъ вамъ такъ до вподобы! (*Пишла*).

Кукса (*сміється*). Мабуть, вже колы небудь піймала видъ ёго облызня!

Я В А V.

Кукса и Дранко.

Дранко (*крычыть у себе на дворѣ*). И слухаты не хочю! Знаю, яки печерыци пидешъ збыраты! Сыды мени въ хати якъ прышыта! Що?.. Ну-ну, ты въ мене поговорышь! Що? пидешъ такы? То й не-вертайся до двору!

Кукса. Чого то мій сусида такъ розлутувався?

Дранко (*выходыть*). Це кара Господа! Ни въ день, ни въ ночи и ока не заплющъ,—такъ и зоры якъ той песь!..

Кукса. Добры-день вамъ сусиде!

Дранко. Ни, вже, мабуть, мени докы и свить-сонци—доброго дня не бачыты!

Кукса. А що тамъ таке трапылось?

Дранко. Видчениця вы видъ мене! Разъ-по-зразъ лыпнете до мене, мовъ смола до пидиска; що дня лизете мени въ вичи зъ своимы пытаньямы, якъ пыль зъ ву-гилля!.. Здаецця, добре вже знаете мій клопить!

Кукса. А, то вы все про тее?

Дранко. Та вже жъ не про оное! Онъ у васъ видъ п'ятёхъ кдпоту того по-венъ михъ, а въ мене ихъ ажъ симъ... Я вже не разъ кажу, що краще бъ мени ковадло на-десятеро триснуло, нижъ от-така що-денна гартивля!

Кукса. Та хай бы мени що-дня лотокы трощыло въ цуркы, опусть засмоктувало!

Дранко. Та що вамъ?

Кукса. Якъ що? Отъ тоби й здрастуйте!

Дранко. У васъ же ихъ тилько п'ять!

Кукса. Але жъ и п'ять...

Дранко. Але жъ не симъ...

Кукса. Але жъ и п'ять, кажу?..

Дранко. Але жъ и не симъ кажу? Гапка, Приська, Горынна, Хотына, Селета, Ялына ще й Хивря!

Кукса. Орышка, Палажка, Оксана, Тетяна ще й Ивга... Воно конешне!..

Дранко. То-то жъ бо й е!

Кукса. Та адже жъ, кажу, и п'ять въ ротъ треба взяти!

Дранко. Але жъ, кажу, й симъ—по бублѣку всимъ... Хочъ визьмы, забурай на визъ, притягни рублемъ та й вези на торгъ! Отъ такого жыгала достань у пачинки!

Кукса. У голови неначе у десятеро ступъ товче!

Дранко. Нехай бы товкло, а тутъ сердце, зъ пересердя, перепалыло тобі, мовъ на жужельницю!

Кукса. Чы не хочете понюхаты свиженькою? (*Пидносе тавлынку*).

Дранко. Добре, вже я чхаю и безъ табаку. (*Нюха*). Я жъ кажу: нехай бы була одна!

Кукса. Ну й дви ще ничего!

Дранко. Та воно й тры не велика печаль!

Кукса. Ще тры,—сякъ-такъ!

Дранко. То жъ не симъ?..

Кукса. Або жъ и не п'ять?..

Дранко. Але жъ не... Атчихи! (*Чхае*).

Кукса. На здоровлячко.

Дранко. Дякую! Мицна табака!.. У кого купували?

Кукса. У Свирыда!

Дранко. У того, що чотырѣхъ дочокъ мае?

Кукса. Эге жъ. Зъ крышталець! Крышталь зъ розбитыхъ ставанивъ товче, та пидмишуе у табаку, щобъ... щобъ шыпало у носи!

Дранко. До всѣго добырають скуства! А що, якъ пове веретено?

Кукса. Черкае ще по троху.

Дранко. Черкае?

Кукса. Эге, черкае! Я вже инколи думаю собі: чы не стоять наши хаты на такимъ кгрунті, що винъ такій плодучный на той бабський риді? (*Зъ Дранкового двору чути гавкання*).

Дранко (*хутко пидбигае до свого тмыну и загляда у двиръ*). Собаки загрызлися! Онъ вже Василь повернувся. (*Гука*). Иды жъ, иды до кузни, ничего тамъ переморгуватись!

Кукса. А винъ хйба й туды?

Дранко. Ни, теперь вже не помичаю, а першь трохы стрілявъ... Тилько моя Горпына до ёго...

Кукса. Горыть?

Дранко. Ажъ пашыть.

Кукса. Отакъ моя Орышка до Антона, тилько що Антонъ не таивський...

Дранко. Не вирьте!

Кукса. Ненавдыты бабивъ!

Дранко. А я вамъ кажу: не вирьте! Отъ за Василя,—то голову покладу пидъ ковадло! Якъ тилько котра зъ дивчатъ навѣрнетця до кузни,—то винъ заразы розигрие жыгало, та такъ у вичи й штрыкѣ!

Кукса. Не вирьте!

Дранко. Роскажуть!

Кукса. Не вирьте, кажу вамъ!

Дранко. Говорить собі!

Кукса. Охъ-хо-хо! За що на мою голову звалылось таке горе? Воно мовъ на шпоно потовкло мою душу, на крупы подерло мое сердце!

Дранко. Нехай бы тамъ дерло,—то пuste дило!.. А тутъ мовъ обценьками здавило тебе и риже тобі душу, лѣзь крыцю тупый терпугъ!..

Кукса (*спива*).

За що ты, Боже,
Зтруивъ мій вйкъ?

Дранко.

Безщастный на свити
Я чоловікъ!

Кукса.

Ой, чы вже-жъ мени що-хвыли
Блопить той трыматъ?

Дранко.

Чы вже жъ мени супокою
И хвыли не маты?

Дранко и Кукса (*разомъ*).

О-о-о-о-о-о!..

Згляньсь надо мною!

Дай хочъ хвыльну

Въ день супокою!

Дранко.

Ой, чы думавъ ты, Степане,

Що така беда настане?

Кукса.

Чы гадавъ же ты, Максиме,

Що така беда настыгне?..

Дранко.

Хочъ повисся,

Хочъ вдався!

Кукса.

Хочъ здурій

Або жъ втопця!

Дранко и Кукса (*разомъ*).

Або сядь, мовчы та дышъ,—

Отъ тоби, Гандзю, кнышъ!

Кукса.

Колы бъ знавъ те лыхо,—

Зроду бъ не женився!

Дранко.

Колы бъ гадавъ горе,—

Краще бъ удавця!

Кукса.

Якъ п'ять дочокъ маты,

То краще здуриты!

Дранко.

Ни, зъ сѣма дочкамы

Виду не дожыты!

Дранко и Кукса (*разомъ*).

Охъ-охъ-охъ-охъ-охъ-охъ,

Безшастна доле!

Яке я терплю

Тяжее горе!

Дранко.

Ой, чы думавъ ты, Степане? и т. д.

Кукса.

Чы гадавъ же ты, Максиме? и т. д.

Кукса.

Есть же въ свити люде

Що горя не мають,

Зампсыць сѣма дочокъ

Одну соби мають.

Дранко.

Инчый одну мае

Та й ту проклянае.

Кукса.

Охъ, правда, сусиде,

Що и такъ бувае.

Разомъ:

Охъ-охъ-охъ-охъ,

Згляньсь надо мною,

Дай хочъ хвыльну

Въ день супокою.

Дранко.

Ой чы думавъ и т. д.

(*Зъ дворивъ чуты регитъ*).

Дранко. Ий Богу, вже Горпына выкрадаецця кудысь! Де бъ мени дубыну зачоныты? Постривай же, я тоби дамъ печерыци! (*Вытягае зъ тыну килокз и блжыть у подвирья*).

Кукса. Питы ще у млынъ,—чы не засну хочъ трохы!

Антонъ (*постеригши его, крычыть на Орышку*). Убрыйся, убрыйся зъ млына,—ничого тоби тутъ засыжуватся!

Кукса. Ай, молодець Антонъ. (*До Орышкы*). Поцилуй ёго, Орышко, то винъ заразь подобриша! (*Регоче*).

Антонъ. Якъ вы, хазяинъ, отакъ будете навчаты ии, то я й роцоту попросю! (*Кукса сміючысь пишовз у млынъ*).

Я В А VI.

Орышка выходыть усмихаючысь.

Ну, та й не хитрый же Антонъ! Якъ достомытно удае зъ себе сердытого,—нибы й справди нонавдыть мене... А вже якъ винъ мене любе, якъ кохае,—то й не знаю, чы зможе лыйн инчый парубокъ кохаты такъ дивву! И цилуе, и прыгортае, и щечече!.. И такъ же то любо тоди стане на сердцеви, та весело! (*Спива*).

Любий Антоне,
 Мій ты соколе, —
 Ты жъ мій коханый,
 Ты жъ мій жаданий!
 Якъ мени любо
 Въ купци зъ тобою!
 Не зрадь же мене,
 Мій ты собою!
 Моя ты думко
 Мій ты крышталю,
 Тебе жъ серденько
 Щыро кохаю.
 Якъ мени любо и т. д.
 (*Пишла вз хату*).

Я В А VII.

Дранко и Горпына.

Горпына (*идучы через конз*). Я
 жъ вамъ кажу, що заразы вернусь!

Дранко. А я тоби кажу—вернись!
 Вернись заразы мени, бо ноги поперебиваю!

Горпына. А я вамъ кажу—не вер-
 нусь такы! (*Пишла*).

Дранко. Ахъ, ты жъ анахтема! (*Кы-
 да пальцю и попада вз Скакунця*).

Я В А VIII.

Дранко и Скакунець.

Скакунець (*пиднявз палку*). Ну що
 жъ, якъ оцей документъ та представляю
 мировому судьи?

Дранко. Выбачайте, то я ненарокомъ!

Скакунець. Що мени зъ вашего „вы-
 бачайте?“ Вы мой особи могли оцією
 особою ноги поперебиваты.

Дранко. Выбачайте, будь ласка.

Скакунець. Зяову: „выбачайте!“ Чуд-
 ный народъ!

Дранко. А чого жъ вамъ ще?

Скакунець. Не доводя до особи мы-
 рового судьи, предлагаю вашій особи за-

платить мой особи рубъ серебра! На це
 вамъ даю строку тры дни. Це одна статья.
 А другой параграфъ: маю до васъ лысть
 зъ города.

Дранко. Лысть? Давайте мерщій! (*У-
 бикз*). Певно, видъ Лахтіона Хведоро-
 выча зъ города!

Скакунець (*гука у двирз Куксы*).
 А хто тамъ е живый? Скажить хазяинову,
 шо маю до ёго лысть зъ города! (*Спила*).

Какъ безъ политики жыты
 На цимъ хымернимъ свити?..

Чы выкрешемъ зъ кремению

Вогню безъ кресала?

Чы солодко йистця

Борщъ голый безъ сала?

А кому до смаку

Пампушкы безъ часныку,

Безъ оли галушкы

Або рыба безъ юшкы?

Не знаю, панове,

Какъ на ваши зубы, —

А я одъ тій стравы

Одвертаю губы!

Божный писарь зъ поконь викъ,

Политычный чоловикъ:

Нельзя ёму слова свои

На витерь пускаты, —

За все винъ повиненъ

Требуваты платы...

Бо волостный писарь, —

Што въ слюсарни слисарь,

Што у плузи чересло,

Або въ човни те весло.

Не знаю, панове,

Какъ вамъ це здаецця?

Я жъ маракую,

Што скрызъ такъ ведетця!

Теперьъ визьмемъ кого зъ селянь, —

Не зъ грошовытыхъ, а зъ бидныхъ
 мырянъ:

Чы знайдетця хочъ одынъ

Такый вже не ласый,

Щобъ ёму передъ Риздвомъ

Не слыльсь ковбасы,

А у писть тарань, чахонь,
 Оселедец часомъ,—
 Писля чаркы, на похмилля,
 Хринь та редька зь квасомъ?
 Не знаю, панове,
 Што частишь вамъ снытця,—
 А што тій бидноти
 Кожну ничь м'ясныци!
 Отъ, грошовытый—то инча статья,
 Тихъ безпечнише всякъ часъ жытья:
 Не потіе, не хворіе,
 Карбованци лице,
 Усихъ гоньтє, зноважє
 И всимъ дули тыче!
 Люде вси ёму мовчать,
 Докы грошыкы брязчать!..
 И до вику, добри люде,
 Грошовытый въ шани буде,
 Бо гроши надъ нами
 Зарядже керують,—
 За гроши и дурни
 Розумъ купують!
 Теперъ, панове, скажите мени,
 Какъ безъ политики жыть на сели?
 Чы можна жъ намъ, писарямъ,
 Вороны ловыты,
 Колы свить такый наставъ,
 Што краще й не жыты!
 Потому я й не дримаю
 И де должно, запускаю,
 Будто-бы для рады штуку,
 У чужи кешени руки...
 Не знаю, панове,
 Какъ це вамъ здастця,—
 А мижъ писарямы
 Везде такъ ведетця...

ЯВА ІХ.

Кукса *хутко выходить зз млына.*

Кукса. Кажете, лысть до мене пры-
 неслы? (*У бикъ*). Певно, хто-сь изъ пры-
 ятеливъ жениха рае!..

Дранко. Давайте-жь мерщій, бо мени
 николи!

Писарь, Николи не треба хапатись!
 Кто хапаетця, той тилько дило псуе,— такъ
 и въ псалтыри показано: хто спиньтє, той
 людей сминьтє... Такъ-то, прыятели мои
 любезныи и мылостыви государи!..

Кукса. Пожалуста, мерщій давайте!

Писарь. Що?

Кукса. Та лысть-же!

Писарь. Який?

Дранко. А, яки бо вы! Тутъ повна
 голова клопоту!..

Кукса. Ажь гуде у голови, якъ у
 млыни.

Писарь. Слушайте сюды, я вамъ ро-
 скажу одну прычту. Йнахвъ одынъ чо-
 ловикъ черезъ вузенькій мистокъ, а ёму
 на зустрічъ полупанокъ. „Звертай“, кры-
 чыть полупанокъ. Той мовчыть. „Звер-
 тай!“ крычыть у друге. Той такы мов-
 чыть. Полупанокъ баче, що не перевага,
 вже промовывъ зтыха: „Будь ласка,
 зверны, чоловіче добрый“. А чоловікъ
 тоди и одмовывъ: „А де ваше—здрастуй?“

Кукса и Дранко. Хиба жъ мы зъ
 вами не здрастувалысь?

Писарь. По справци оказуетця, що ни!
 Дранко (*простяга руку*). То здра-
 стуйте!

Кукса (*тожъ*). Мое поштеніе!

Писарь (*стыса руки*). Доброго здо-
 ровьячка! Якъ вы соби поживаете?

Дранко. Та такъ, поманеньку!

Кукса. Полегеньку: то скокомъ, то
 бокомъ!

Писарь. Ну, слава Богу! Що-жъ у
 васъ тутъ нового?

Дранко и Кукса. О, вже знову по-
 чалы! Та мерщій бо!..

Писарь. Чого це вы до мене пры-
 лыпаете?

Дранко и Кукса. Та де жъ лысты?

Писарь. Лысты? Лысты тамъ де имъ
 слідъ буты,—на дереві!

Дранко. Та ни, лысты —ти пысьма?

Писарь. А, пысьма? У волосты!

Дранко. То такъ бы й казали зразу!
(До Куксы). Побижымо, сусиде?

Кукса. А що-жь, пошкунделаемо.

Пысарь. Волость замкнена.

Дранко и Кукса. А въ кого жь ключь?

Пысарь. У кого належить ёму по закону бутн. Законъ показуе: „Печать у старшыны, бляха у соцького, книга у зборщыка, а ключь у пысаря!“ Пысарь есть ключь до всякихъ дилловъ!..

Дранко и Кукса. Такъ одимкнить!

Пысарь. Одимкнуть не штука, колы бь не заржавивь...

Дранко. Лоёмъ помастыть...

Кукса. Або олывою!.. Олывою краще...

Пысарь. Но безпокойтесь! Я вси свои архыметыкы и безъ васъ понимаю!

Кукса и Дранко. Ну?

Пысарь. Не нукайте, не повезе... А якъ засыпаєте, то ще й хвыцаты почне!

Дранко и Кукса. Морока зь вами, та й годн!

Пысарь. Скажыть мени, любезнійши мои прыатели и мылостыви государи: якъ вы збыраетесь куды йхаты, чы вы гудуете коней?

Дранко. Хто-жь цёго не знае?

Кукса. Не погодувавши не пойидешь!

Пысарь. И оброку даете?

Дранко. Якъ не дасы вивса не побижыть!

Кукса. Що й казать,—прыстануть.

Пысарь. Стало быть йхаты—тпру?

Дранко и Кукса. А такъ, такъ—тпру?

Пысарь. Отъ вамъ и вся политика! Розумно вамъ?

Дранко и Кукса. Ни!

Пысарь. Такъ слушайте жь, я вамъ ростолкую усе по пунктахъ и по параграфахъ...

Дранко и Кукса. А лысты жь наши якъ?

Пысарь. Теперь я пиду до-дому, пообидаю, та ляжу видпочыты...

Дранко. Та це вамъ замарудылось подратуваты насъ, чы якъ?

Кукса. Ничогисенько не розберу!

Пысарь. Одначе, прощавайте! Завтра, якъ не забуду, то прынесу вамъ лысты.

Дранко и Кукса. Та це до завтрёго ждаты?

Пысарь (*дывытыця на обохъ*). Ачъ, каки нехытри! Ну, какъ выжу, то зь вами зь невыразымою хвылозопією не далеко дойдешь: чы вы справди, чы прыкыдаетесь? Но вже вы зовсимъ не догадалысь?

Дранко. Я ни,—я зовсимъ не догадлывы!

Кукса. А мени розжуйте и у ротъ положить, то я й тоди не догадаюсь. Хиба вже скажете; „йижь!“ А то такъ и буду стояты, роззявившы рота!

Пысарь. Справди?

Дранко. А такъ, такъ,—воны у насъ таки!

Пысарь. Стало, будемъ говорыты прямо?

Дранко и Кукса. Прямо краце!

Пысарь. Какъ упрямо, такъ и прямо! Уплатить мени, то й лысты заразы получыте!

Дранко. Такъ бы зразу й казали!

Кукса. А то й почалы закыдаты про коней та про овесъ!

Дранко. Та про якусь политику!

Пысарь. Таксу вы мою знаете?

Дранко и Кукса. А яка!

Пысарь. Першь була по пятаку, а теперь возвышена—по гривеньку! Бо скрыз теперь идеть на повышеніе!

Кукса (*у бикъ*). Отъ, чортывъ дряпизныкъ! (*Выйма зъ кешени гроши*). Нате вамъ!

Пысарь. А вамъ звольте лысты.

Дранко. Звольте и мои! (*Дае гроши*).

Пысарь (*дае лысты*). Пожалуйте и вамъ!

Кукса (*одійшовшы трохи, мане пальцемъ пысаря*). На часыночку!

Дранко (*тожъ мане соби*). На хвылыночку!

ПЫСАРЬ. Чого?

КУКСА. Милости просю!

ДРАНКО. Будь ласка!

ПЫСАРЬ. Такса тожь возвышена, — за прочытаніе десять копійекъ, за одпысаніе двадцять. (*Голосъ зъ двору Дранко-вого: «Тату, идить, до васъ паламарь чого-сь прыйшовъ!»*).

ДРАНКО. О, слава Господеви! Той мени даромъ прочыта! (*Пишовъ у свій двиръ*).

ПЫСАРЬ. Гривенекъ зъ кармана вылетивъ!

КУКСА. Отъ, щасливый сусидь, — ёму все дурницею обходытця.... Здилайте милость!

ПЫСАРЬ. Ну?

КУКСА. Прочытайте, що тутъ надряпано! Я за платою не постою!

ПЫСАРЬ (*протяга руку*). По такси!

КУКСА. Не турбуйтеся! Милкыхъ теперь нема! Завтра...

ПЫСАРЬ. Ни, спасыби... Мени вжо жывить пидвело видъ вашихъ завтракивъ!

КУКСА. Отъ же лышенько! Та ось хочъ сами помацайте, — порожнисеньки кешени!

ПЫСАРЬ (*хочетъ взяти за кешеню*). Позвольте!

КУКСА. И не соромъ вамъ лизты у чужу кешеню?

ПЫСАРЬ (*засовуе руку у ёго кешеню*). Зъ вашего прысогласу (*Вынявъ гроши*). Бачте, ось и намацавъ какъ разъ гривенка!..

КУКСА (*У бикъ*). А, щобъ тебе намацало! (*До нёго*). Отъ же не даромъ мабуть кажуть, що иноди и самъ чоловікъ не зна, у якій кешени у нёго чортъ сыдыть!

ПЫСАРЬ. Это вёрно! (*Роскрывъ листа, чытае*). „Прыятелю мій вселюбезнійшій, милостывый государь и шановный господынь!“..

КУКСА. Спасыби за шанобу! Мене таки, спасыби, люде шанують!

ПЫСАРЬ (*знову чытае*). „Шановный господынь!..“

КУКСА. Ажь двичи шануе мене? Це яка-сь дуже вже добра людина пыше!

ПЫСАРЬ. Вы бо не перебывайте, а слушайте готового! Воно заразъ пиде дали: „...Шановный господынь! Звыняйте, што такъ довго не одпысувавъ до васъ объ вашихъ дилахъ, касательно жениха...“

КУКСА (*озыраетця*). Чытайте, будь ласка, нышкомъ, — я не глухий!

ПЫСАРЬ (*чыта*). „...Касательно жениха, потому што не мавъ времени!..“

КУКСА. А якъ що и спради ёму було нёколы? Конешне, мушу выбачаты!

ПЫСАРЬ. Я, кажетця, здеру зъ васъ проты возвышеною удвое!..

КУКСА. За шо?

ПЫСАРЬ. За многоглаголаніе!

КУКСА. Мовчу, мовчу!

ПЫСАРЬ (*чыта*). „Ну, одначе, тепера подаю вамъ дорогую звистку: на этомъ тыжневи, когда не въ субботу, такъ неизбежно у недилу“...

КУКСА. Сёгодня субота!

ПЫСАРЬ. Ей Богу, я полизу до васъ у кешеню за возвышеною таксою! (*Чыта*). „...У недилу прыедить парнышка, жоны мои сродныкъ, на оглядыны до васъ. Хочъ вонъ вже и въ летахъ, и изъ себе на выду непоказной, но одначе-жь хвундаментной чалавёкъ и порядошный гаспадынь. Зумійте только прынять ёго въ настоящимъ хвасони, — и дщерь ваша Орына Максимовна возьмутъ себе у первое предысловіе превосходное щастіе и отсюда возникнетъ любовь и прочее“...

КУКСА. Подай господы!

ПЫСАРЬ. Ну, та й языкъ-же у васъ!

КУКСА. Мовчу, мовчу!

ПЫСАРЬ (*чыта*). „Може ёму прыдетъ у второе предысловіе прыкнутця убогимъ и одягнетця вонъ не по благородному, а по бедному, то вы не внимайте на этотъ хвакть своего обращенія...“

Кукса (*скризь зубы*). Подай Господы!

Пысарь. Чы вашъ языкъ може понимать яку небудь дисциплину? (*Чыта*).

„Желаю вамъ отъ усѣхъ моихъ совокупныхъ чувствій хорошо на весилы гулять и насъ вгощать. Советую не откладувать этого дила у продолжытельный ящкь,—везты у той же день до винця и слава Богу...“

Кукса. Аминь! Йй Богу, заразъ оце и до попа побижу и договору ёго! (*У бикъ*). Слава Тоби, Господы,—диждався! (*До нёго*). Мылосты просю и васъ на весилля!

Пысарь. Благодаримъ за вниманіе! Такъ какъ-же, развы вы завтра думаете ихъ и звинчаты?

Кукса. А що-жъ тутъ довго откладуваты?

Пысарь. Оце-жъ и по листови. А видъ кого винъ, вы догадальсь?

Кукса. Видъ Лахтіона Хведоровыча, зъ города?

Пысарь. Такъ и тутъ обознача: „Видъ Лахтіона Хведоровыча, зъ города“. Ну, до свиданія зъ вами! (*Иде*).

Кукса (*Хова листь*). Ну, я вамъ скажу, що за такого куценького листочка не вартъ було платиты гривенька!

Пысарь. Не великъ, кажуть, червинчкь, та дорогой! За те жъ заты багатого прыдбаете...

Кукса. Будь ласка, не гомонить!.. А хйба мени моя дочка обрыдла? Легко, думаете мени буде розставатыся зъ нею? (*Идучы в хату*). Слава тоби, Господы! Такъ и чую, якъ мени видъ сердца видтягло; а на души такъ якось весело стало, мовъ весняна вода прыбувае на лотокы! Колы-бъ тилько пипъ согласывся завтра ихъ повинчаты! Та нехай хочъ и 25 карбованцивъ загне—заплатю! (*Пишовъ*).

Пысарь. Треба-нада буде сповистыть Васыля, што наша полетика, кажетця, кыпыт!

Я В А Х.

Дранко и Пысарь.

Дранко (*балаха самъ зъ собою*). Я такы зразу догадався, що це видъ Лахтіона Хведоровыча. Пипъ до мене дуже прыхильный, то винъ мени ихъ завтра и звинчае! Паламарь каже, що можна хочъ и сёгодня звинчаты, абы документы были чысты! (*До пысаря*). А, вы ще тутъ?

Пысарь. Дождаю одъ васъ резолюціи на счотъ рубля серебра.

Дранко. А, яки бо вы! Отъ же, я добришій видъ васъ.

Пысарь. Любопытственно?

Дранко. Мылосты просю завтра до мене на весилля!

Пысарь. Благодарю! Це одна статья, а за рубъ серебра тры дни вамъ на розмышленіе. До свиданія.

Дранко. Тилько вы сусидови а ни словечка! (*Пысарь пишовъ*). Сёгодня або завтра женихъ прыбуде! Спасыби Лахтіонови Хведоровычови! Пыше, щобъ я завтра ихъ звинчавъ! Мотнусь оце заразъ до попа!

Я В А ХІ.

Кукса и Дранко.

Кукса (*идучи зъ своего двору и не бачучы Дранка, тыхо прыспивуе*).

И по хати тыны-тыны,
И по синяхъ тыны-тыны,
Вары, жинко, мени-мени!

Дранко (*побачывши, що Кукса танцюе, прыспивуе и соби*).

И по хати тупу-тупу,
И по синяхъ тупу-тупу,—
Вары, жинко, круду-круду!

Кукса (*уздривъ Дранка*). Чого це вы, сусиде, такъ радіете?

Дранко. А вась яке лихо розносило, що танцюєте?

Кукса. Хиба жь то я танцював? Я утоптував осьдечки землю, — бачте, якась чортяка покорпысала! Певно, капосни диты у хатовъ гралысь!

Дранко. А мени здалось, що вы танцюєте, я й подумавъ соби: а ну, пиддамъ сусидови охоты!

Кукса. Та чы намъ же танци на уми?.. Обь спасеніи души треба думаты!

Дранко. Чы не довечерни зибралысь?

Кукса. Эге!

Дранко. У лѣу церкву?

Кукса. До Спаса! Великы конячыну запрягты...

Дранко. А я пиду до Пречыстон. Охъ, грихы, грихы!

Кукса. Именно, що грихы! Здаеця и жыємо по Божому, и въ церкву учащемо, и посты додержуємо... Чы вы понедилкуете?

Дранко. А якъ-же, вже третій рікъ.

Кукса. А я шостый!.. А пидъ старисть все таки нибы чуешъ, яка сыла грихивъ за плечыма! Якъ писля доброй зимы воды у ставу...

Дранко. Эге, такъ и чуешъ, якъ прыгна тебе до земли, — якъ добрый лантухъ зъ землянымъ вугиллямъ!

Кукса. Отъ, часомъ, кузочку манесеньку паступышь ногою и задавышь ии ненарокомъ, — а воно й то грихъ! (*Дав понюхаты*). И цѣго зилля, кажутъ, грихъ вжываты...

Дранко (*нюха*). А якъ-же! Я чувъ видъ одного дяка, що, каже, на тимъ свити нечыста сыла, замисць цїен погани, буде тобі у низдри запыхать чемерыцю...

Кукса. Мени одынъ салдатыкъ розказувавъ: винъ, значытця, бувъ вже ажъ двичи на Ахтоньскій гори... та каже, що... каже — грихы нашы да й толькы!

Дранко. Прощавайте до якого часу!

Кукса. Ходить здорови! Може вась чымъ зобидывъ сѣгодня, то простить мене!

Дранко. И мене простить.

Кукса. Богъ простити! (*Поцилувавсь, пшыль по своихъ хатахъ*).

Я В А XII.

Василь, Антонъ, потимъ Горпына и Орышна.

Василь (*регоче, хапаючысь за боки*). Бачывъ, бачывъ, якъ наши хазяины мало не подуріють зъ радощивъ?

Антонъ. Видъ чого-жь то?

Василь. Посли, послы роскажу. Отъ, такъ штукеря!

Антонъ. Ой, не радій заздальгидъ! Одначе, покы тамъ що, а теперь наша воля! (*Гука*). Орышко! Мерщій сюды! Гукай на Горпыну!

Василь. Горпынко, моя рыбонько, скорій иды!

Орышка (*вбига*). Чого це батько такъ рано пойхалы до церкви, ще й до вечерни не дзвонилы?

Горпына (*вбига*). Чого це такъ рано сѣгодня пошабашылы роботу?

Василь. Охъ, яки вы дивчата цикави!

Антонъ. Старимъ Богу молытись, а молодымъ веселытись! (*Спивають*).

Антонъ и Василь.

Теперь намъ воля,

Теперь намъ роздолля, —

Гуляймо-жь, спиваймо,

Доки щастыть доля!

Дивчата.

Ой якъ-же любенько,

Бьетця серденько,

Сметця й радіе,

Зъ коханя мліе!

Вси.

Теперь намъ воля,

Теперь намъ роздолля, —

Гуляймо-жь, спиваймо,

Доки щастыть доля!

Антонъ и Васыль.
 Дивчыно-серденько,
 Любымось вирнецько,
 Кохаймось до вику
 Безь миры, безь лику!

(З а в и с а).

Д І Я І І.

Левада. Вербы и лоза, ричка. Ничь.

Я В А І.

Горпына и трохы з годомъ Васыль.

Горпына (*выходыть и прыдывляецця*). На сылу батько заснувь! Чого це винь такый веселый повернувся зь вечерни, мало не танцювавъ? „Одягайся, каже, завтра въ найкращу одѣжу, та сподивайся до насъ дорогыхъ гостей!“ Якихъ? пытаю. „Сама побачышь!“ И довго все щось натякавъ таке, але яничогисенько не розибрала. Все якысь шуточки, — ажъ обрыдъ мени! Ледве-ледве улигся спаты. Я такы, щобъ запевныты себе, чы й справди заснувь, взяла соломиньку та й пелоскотала ёго по щоци, а винь хочъ бы тоби вусомъ моргнувь, — хропе!.. Що жъ це ни Антона, ни Орышкы нема, и Васыль десь запропастывся? (*Сиди на пенёкз и спива*).

Свиты, свиты, мисяцю,
 И ты, ясна зоря,
 Просвиты дорижку
 А де мыла моя.
 У чыстому поли
 Тамъ шовкова трава,
 Гей, тамъ дивчына косу
 Та й розчисувала! (*Гукае*).

Гу-у! Орышко, гу!

Тамъ дивчына косу
 Та й розчисувала,
 Сестрыцямъ-подружкамъ
 Переказувала...

Вси.

Теперь намъ воля,
 Теперь намъ роздолля, —
 Гуллаймо-жъ, спиваймо,
 Докы щастыть доля!

Що-жъ це, й справди никто не йде? Самий якось ажъ вибы сумно сидиты. Гу-у! Та що-жъ це, й справди Васыля такъ довго нема? А може де-небудь прытанвся, та дождыае мои звисты? Чудный парубокъ! „Якъ часомъ я, каже, не одклькатымусь на твй голось, то знай, що то означа, що хто небуць за намы зорыть; тоди нявкны, якъ кишка — и я заразъ зъявлюсь!..“ А ну-ну, чы видклькнетця? (*Спива*).

Нявь, нявь, нявь!

Ни, не чуть!

До ты, мыленькій?

Васыль.

Нявь, нявь, нявь!

Горпына. О, видклькнетця!

Голубъ сызенькій!

Васыль (*крадетця левадою*).

Я тутъ, Горпыно!

Я тутъ, рыбчыно,

До тебе лину,

Моя едына!

Васыль и Горпына (*разомъ*).

Якъ мени любо,

Серденько мое, —

Яки жъ мы щаслыви

Теперь обое!

Горпына.

Безь тебе, сердце,

И свить не мыль!

Васыль.

Моему коханню

Немае миры!

Василь и Горпына (*разомъ*).

Якъ мени любо,
Серденько мое,—
Яки жъ мы щаслыви
Теперь сбое!

Горпына.

Моя ты думка,
Щыра дружно!..

Василь.

Дай, прыголубю
Мою одыну!

Василь и Горпына (*разомъ*).

Якъ мени любо,
Серденько мое,—
Яки-жъ мы щаслыви
Теперь обоє!

Василь. Моя ты рыбонько, моя утихо,
мое ты ясне сонечко!

Горпына. Справди? Мабуть таке ясне,
що ажъ въ очахъ темніє? Тоби бъ усе
тылько абы цилуватысь та голубытысь; а
ты й не знаєшь, що завтра лыбонь, ягесь
мене лыхо чекає? А казала тоби скылько
разывъ,—утечемо, та нышкомъ и звин-
чаймось? А ты все: „боюсь, боюсь!“

Василь. Завтра насъ може щаслыва
доля чекає, а не лыхо! Завтра, якъ то
кажуть,—бабка ще на-двое ворожыла!

Горпына. Якъ? Що тако?

Василь. А таке, що ото я таку пид-
вивъ машыну, що твій батько и Кукса
мало зъ радощывъ не подурилы!

Горпына. Яку машыну?

Василь. А що, цыкаво? Отъ, ты мене
разъ-по-зразъ урикала, що я полохлы-
вый и несмыльвый; а ну, нехай хто сми-
львый таку штуку выгада?

Горпына. Та кажы-жъ бо швыдче,
що таке?

Василь. Кортыть? Отъ же й не скажу!

Горпына. Скажы! я тебе поцилюю.

Василь. Эге, теперь вже й „поци-
люю!“ Отъ, ты все казала на мене, що
я полохлывый та не смыльвый!

Горпына. Ну, на те, щобъ кого об-
дурты,—невелькой хваброси треба!

Василь. Эге, розкажуй! Ну, та й штука
жъ буде! (*Регоче*).

Горпына. Та чого-жъ ты такъ радієшь?

Василь. Якъ чого? Я вже знаю чого!
Якъ тылько дило пиде й до кинця такъ,
якъ воно теперь наклонулось,—тоди ты
певно будешъ моею!

Горпына. Якъ то буду твоею? А якъ
я ще, може, за тебе не пиду?..

Василь (*зз лякомъ*). Якъ? та ты жъ...

Горпына. Божылася, що пиду? Такъ
що-жъ?.. А тепера отъ неху,—не хочу,
та й тылько!

Василь (*зз жаху не може промо-
выты*). Такъ ты мене...

Горпына. А ну, заплачь! Чого-жъ
ты не плачєшь?

Василь. Такъ ты ось якъ? Такъ ще
хочєшь, щобъ я й заплакавъ? Такъ не
диждєшь же ты цєго!.. Будь же ты...

Горпына. А дали що? Чого жъ ты
замовкь?

Василь. Ни, не замовкну! Будь же
ты анах.... Ни, не хочу я тебе прокль-
наты! Що зъ того проклятты? Ну, лю-
была, докы любый бувъ! Прощай, Гор-
пыно, тылько жъ ты мене й бачыла!

Горпына (*хана его за руку*). Ку-
ды жъ ты?

Василь. Не бійся,—не кынусь въ
рычку и на гылляци не почеплюсь! Ты
може цєго именно й хотила бъ? Одійды
ты видъ мене, зрадыце! (*Хутко йде*).

Горпына. Васылю, Васылечку! По-
стривай бо, вернись! Ще може й справди
въ рычку кынеця, або на гылляци по-
высне! (*Побигла*).

Я В А II.

Дранко *выбига зз дубыною*.

Дранко. Чувъ я, чувъ своими ву-
хами, що отутъ воны спывалы! И що то

Антонъ зъ моею Горшыною, — я готовъ
жменю жуželыци проковтнуты!.. Ну, коли
бъ мени его піймать!.. (*Пишовъ*).

Я В А III.

Антонъ (*спива за лаштункамы*).

Туманъ, туманъ по долини...
Шырокій лысьт на калыни,
А ще шырсій на дубочку.
Клыче голубъ голубочку!..
(*Выходьтъ*). Що воно за знакъ, що
Орышкы й доси нема? Вже давненько и
світло погасылы, а іи нема та й нема!
(*Выйма сопилку и грае жалибнои*).
Щось и сопилка гарчыть, неначе похря-
пана! Набуръ зовсімъ погано йде! Ну,
нехай же вона сёгодня не выйде! Бы-
туму, ій Богу, бытуму! Такъ оддубасю,
якъ то ій и не сылось! Я не подыв-
люсь на тебе, що ты багатырська дочка!
Э, ни, ты ще постривай надъ босымъ
сміятсь! Цей босый задасть тобі такого
чосу!.. Знае жъ идолка, що люблю іи,
якъ душу! Знае, що пропадаю за нею,
якъ... А може старый ще не сыть? Що
воно за знакъ? Яка прычта, — не роз-
беру... (*Грае веселои*). Щось неначе
шелестыть... (*Прыдывляеться*). Вона,
ій Богу, вона! (*Прысивъ за куццямъ*).

Я В А IV.

Орышка (*спива*).

Небо сыніе ажъ очи вбирае,
Зори навколо чудово блестять,
Онде и мисляць изъ за вербъ вырынае,
Що жъ соловейко не почына ляцать?
Якъ тыхо навколо,
Якъ страшно и дивно!
Сумно и страшно тутъ въ самотыни,
Не мовъ у лиси я заблудылась,
Чого жъ такъ довго забарылась
Горшына,

Онъ вже й вечерня зирочка зъявылась.
Якъ тыхо навколо,
Якъ страшно и дивно!..

Антонъ и Орышка.

Орышка (*иде полохлыво*). Отъ же,
ій Богу, нема ёго! Може розгнывався, що
я такъ довго не прыходыла, та й пи-
шовъ? Коли жъ батько и доси не сплять!
(*Спива тыхо*).

Де ты, Антоне,
Мій ты соколе?
Прыбуди хутенько,
Мое серденько!

Антонъ (*пидійшовъ*).

Я тутъ, Орысю,
Я тутъ, рыбчыно,
Лыну до тебе,
Моя дивчыно!

Антонъ и Орышка (*разомъ*).

О, якъ же любо
Серце забылось,
Якъ мои очи
Зъ твоими встрилысь!

Орышка.

Прыгорны жъ шыро
Свою кохану!

Антонъ.

Моя ты доле,
Мій ты талану!

Орышка.

Безъ тебе, орле,
Сумую дуже!

Антонъ.

Теперь про горе
Вдвохъ намъ байдуже!

Антонъ и Орышка (*разомъ*).

О, якъ же любо
Серце забылось,
Якъ мои очи
Зъ твоими встрилысь!

Орышка.

Якъ я щаслыва
Въ годыну цюю!

Антонъ.
Я видъ кохання
Серця не чую!
Орышка.
Нема вже у серци
Ни смутку, ни горя.

Антонъ.
Дай, поцилюю
Твои очн-зори!

Антонъ и Орышка (*разомъ*).

О, якъ же люблю
Серце забылось,
Якъ мои очи
Зъ твоими встрились!

Орышка. А що, ты дуже гнивався,
що я такъ довго барылась?

Антонъ. Теперъ вже прохолонуло.

Орышка (*сміється*). А дуже кыпило?

Антонъ. Якъ у цекли!..

Я В А V.

Ти жъ и Горпына зъ Васылемъ.

Горпына (*пидкралась до нихъ*). А
спрутпрусъ!

Орышка (*зв лякомъ*). Ой, леле!

Антонъ. Це Горпына дуріє!

Горпына (*тягне Васыля за руку*).
Люде добри, подывитця на оцѣго сыча!
(*Регоче*). Чы вы ѣго бачыли колы такымъ?

Антонъ. Що це зъ тобою, Васыль?

Горпына. Воны, бачто, розгнивался,
що я зъ ными пошуткувала!.. Ну жъ бо,
засмійся! (*Шарпа его*). Та засмійся бо!

Васыль. Ну, та що зъ того? (*Усми-
хається*).

Горпына (*плече въ долони*). Такы
на своему, табы на своему поставыла!

Васыль. Радій!

Антонъ и Орышка. Що жъ тако
трапылось?

Васыль. Атъ, сказано—кручена вивця!

Горпына (*регоче*). А такы на своему
поставыла! Такы росказавъ мени усе до чыста!

Васыль (*сміється*). Колись буде и
мое зверху!

Горпына. Дождыдайся! (*Чуты ше-
лестъ*).

Антонъ. Мовчить! (*Прыдывляється*).
Стійте, щось крадетця черезъ леваду!

Орышка. Ой, лелечко!.. Чы не батько?

Горпына. Я не боюсь, хочъ бы й
батько!

Антонъ. Тикайте, дивчата, въ кущи!
А ты, Васылю, иды сюды. (*Дивчата
ховаються*). Якъ що це твій або мій
хазяинъ, — давай, помнемо имъ добре
бокы!

Васыль. Ни, краще й мы тикаймо!

Антонъ. Дурный! Чого ты боисся?
Насунемо шапки на очи, то не признае,
та давай пополунымъ добре... Прыляжь!
(*Прыляглы трохи отдалъ*).

Я В А VI.

Ти жъ и Нечыпиръ.

Нечыпиръ (*прыдывляється*). Куды
жъ це я забривъ? Це, мабуть, мара мене
водыть! Святъ, святъ, святъ!.. Я й ба-
чывъ, що щось усе мени дорогу пере-
бигало, неначе китъ або тхирь!.. Та де
жъ це шляхъ? (*Прыдывляється*), Ска-
зати бы п'яный, а то тилько дви чаркы
выпывъ зъ кумомъ Петромъ, ще тилько
сонечко звернуло на спочывокъ... Лопада,
чы шо! Дядына мени казала колысь, шо
якъ заблудыся, то мерщій переверны
сорочку комиромъ назадъ, та чытай: „Да
воскресе Богъ,“ — то заразъ и выведе
тебо на шляхъ!

Антонъ. Це щось не зъ нашихъ!

Васыль. Щось чужостранне!

Нечыпиръ. И не пывъ же багато!..
Дви чаркы тилько и сѣрбнуйъ, а памо-
рокы такъ забыло, шо ничего не розчо-
лопаю. Вже мабуть скоро и пивничъ, а
я все блукаю! О, щось ныбы котытця, —
куценъке та чорне!..

Антонъ и Васыль (*перепынылы его*).
А хто це такый?

Нечыпиръ. Братыкы, голубчыкы, пу-
ститъ мене,—й Богу, я не злодій!

Антонъ. Хто ты такый? Заразъ пры-
знавайся!

Нечыпиръ. А хто ёго зна,—я и
самъ теперъ не знаю, хто я!

Антонъ. Та видкiля жъ ты?

Нечыпиръ. Я видкiля? Видкiля жъ
такы, зъ Ивановкы!

Васыль. Зъ якои Ивановкы!

Нечыпиръ. Зъ якои Ивановкы? Зъ
нашой, зъ цiи Ивановкы!

Антонъ. Це зъ тiей, що бiля Ре-
вуцького?

Нечыпиръ. Такъ тошно!

Антонъ. Чого жъ це тебе ажъ сюды,
за п'ятнаццятъ верстовъ, занесло?

Нечыпиръ. Ого-го! п'ятнаццятъ вер-
стовъ? Отъ анахтемська мара ажъ куды
завела!

Васыль. Яка мара? Та чы вы пры
своимъ умі?

Нечыпиръ. Мара? Черненьке таке,—
котытця попереду!..

Антонъ. Чы ты не божевильный,
часомъ?

Нечыпиръ. Объ тимъ я достоимтно
не звистенъ! Выдыте, выпывъ я зъ ку-
момъ Петромъ двi чарочки и выйшовъ,
ще тилько стало сонечко спочываты...

Васыль. Та вы бо роскажыть намъ
товкомъ, що зъ вами трапылось?

Нечыпиръ. Стривайте жъ бо! Кажу
жъ вамъ настоящимъ товкомъ: выпывъ
двi чарочки зъ кумомъ Петромъ, ще
тилько сонечко стало спочываты...

Антонъ и Васыль. Та це вже мы
чулы. А дали що?

Нечыпиръ. Ну-да! Значыть, вынывъ
я двi чарочки зъ кумомъ Петромъ... И
будъ у шынку ще той, що позаторыкъ...
ось, якъ ёго?.. Ну, що у Степана, Се-
мового зятя... ёго хата заразъ коло греблi!..

Антонъ. Та чы не конокрадъ ты, що
табъ плутаешъ?

Васыль. Богъ-зна що, Антоне, ты
говорышъ. Прыдывыся на ёго, хiба вынъ
похожій на конокрада?

Антонъ. Та вынъ и справди може бо-
жевильный?

Нечыпиръ. Отакъ було зо мною то-
рыкъ, якъ разъ на Велькiдень!.. Стало
быть, тожъ такъ: выпывъ я двi чарочки
зъ кумомъ Петромъ...

Васыль. Слухай, Антоне! Оце, по
моему, якъ разъ такый чоловыкъ, якъ я
тоби казавъ. Ни вынъ никого тутъ не
зна, ни ёго не знаютъ!

Антонъ. А што ты думаешъ? И справди!
Отъ буде кумедiя, такъ кумедiя!

Нечыпиръ. Може вамъ треба на шо
лыхе, то шукайте соби другога!

Васыль. Та ни! Мы не таки люде,
щобъ васъ на лыхе пидмовляты!

Антонъ. Дивчата! А йдыть сюды,
годи вамъ ховатысь!

Орышка и Горпына (*пидійшылы*).
Хто це?

Васыль. Не прыдывляйтесь, бо не пи-
знаете! Це чоловыкъ чужостранній!

Нечыпиръ (*до дивчатъ*). Якъ воно
сталося оце дило,—то й не розберу...
Чудасiя! Сказать бы п'яный бувъ, а то
зрозумійте тилько: выпывъ тилько двi
чарочки зъ кумомъ Петромъ,—тилько ше
сонечко сило...

Антонъ. Ходимо видкiля, бо тутъ не
безпешно—и тамъ вже до ладу про все
побалакаемо!

Нечыпиръ. Сторiя, та й тилько!.. Ну,
нехай бы бувъ п'яный!..

Орышка (*до Антона*). Та вы тов-
комъ намъ скажыть, що це вы затываете?

Антонъ. Нехай тебе покортыть... Хо-
димъ, ходимъ.

Нечыпиръ. Кажу жъ вамъ товкомъ:
выпывъ я зъ кумомъ Петромъ... (*Ан-
тонъ, Нечыпиръ и Орышка пшылы*).

Я В А VII.

Горпына и Васыль.

Васыль. Отъ, ты все казала, що я несмильвий и плохий, а отъ, бачышь,— вже дило наше выныть!

Горпына. Цяця, цяця! Дай я тебе погляду по головци!

Васыль. Гладь цуцыга, а я людына!

Горпына. Ты жъ мій цуцыкъ! (*Регоче. Пишлы*).

Я В А VIII.

Дранко иде зигнувшись зъ дубыною.

Щобъ мени молотка не вдержаты въ рукахъ, щобъ мени не довелось никды приварыты пъятки до косы, щобъ мени никды не загартуваты кресала,—колы я знову отутъ не бачывъ Антона своимы очыма, вже зъ сусидовою Орышкою!.. Це той, про вѣтраго Кукса каже, що ненавыдыть бабського кодла? Добре ненавыдыть! Ну, та й посмиюся жъ я зъ сусида! Що то не Васыль, то я певень, бо Васыль пишовъ до брата свого, ще зъ вечора одпросывся! Ну, колы бъ я ихъ пйймавъ,—узаявъ бы Антона за чуба, а Орышку за косы, та й прививъ до суеида, щобъ потишывся вымы!.. Стривай, щось иде... (*Прысида*).

Я В А IX.

Кукса и Дранко.

Кукса (*идучы, тихенько сива: «Ой, не шумы, луже, дибровою дуже»*). Щось не спытця! Колы бъ швыдче свитало,—ни якъ не диджудь того ранку. Неначе щось тамъ на неби загальмувало ничъ, та й задержуе ии на мисци, якъ воду на яловимъ опусти! Антонъ заперся

у млыни,—гукавъ. гукавъ, стукавъ,—не хочете видчыныты. А ну, навидаюсь до свого кладу, чы не хашнувъ ёго Антонъ?..

Дранко (*Кынувся на его зъ дубыною*). А, пйймавъ я тебе!

Кукса. Тю, хто це?

Дранко. Це вы, сусиде?

Кукса. А якый же бись? Що це вы, бодай васъ, мало мене дубыною не вгрылы?

Дранко. Та то я шуткувавъ! Хотивъ васъ налякаты!

Кукса. Добри булы бъ шуткы, якъ бы оперезалы по плѣчихъ!

Дранко. Чого це вы блукаете по левади?

Кукса. А вы чого?

Дранко. Та такъ... Прыснилося, бачте, мени, що нибы щось крадетця до кузни,— я прокынувся та швыдчъ на двиръ. Ну, а потимъ вже подумавъ,—колы вставъ, то обйду навкругы двору, такъ на всякій случай!..

Кукса. А дубыну жъ де зачепылы?

Дранко. По дорози... такъ, про всякій случай!

Кукса. Ото у васъ багато грошей наховано, черезъ те вамъ и спытця невить що!

Дранко. Искры та жужельця вамъ въ вичи! Яки тамъ у мене гроши? У васъ онъ ажъ скрыни трищаты видъ карбованцивъ!..

Кукса. Межыситка вамъ въ пельку! Мавшы пъяты дочокъ, чорта лысого выховаешъ!..

Дранко. Такъ у васъ же тилько пъяты, а въ мене ихъ сямъ!

Кукса. Та адже жъ и пъяты!..

Дранко. Але жъ не сямъ?

Кукса. Але жъ и пъяты, кажу!..

Дранко. Та у васъ буде скоро меньше!

Кукса (*у бикъ*). Видъ кого жъ це винъ провидавъ про жениха?

Дранко. А Антонъ вашъ и справди ненавыдыть бабського роду!

Кукса. Бачте, я жъ вамъ казавъ!..

Дранко. Бачу, бачу! (*Регоче*).

Кукса. Чого жъ це вы регочете? (*Дранко регоче*). Отъ же, я васъ вылаю проты недилы! Вдаете зъ себе богобоязного, а лизете на сварку.

Дранко. Та то я такъ, шуткую! (*Помовчалы*).

Кукса. Чудесно у вечерни дякы спивалы: „Блажень мужъ!“

Дранко. У Прочыстой краше! Тамъ одынь басыстый якъ ревне, якъ ревне, — ажъ неначе у голови тоби реве и волосся до горы лизе!..

Кукса. Конешне, е усякы скусныкы.

Дранко. Чы не хочете понюхать? (*Помовчавъ*). Завтра, кажуть, весилля у кого-сь буде?

Кукса (*у бикъ*). О, знову! Видъ кого бъ це винъ довидався...

Дранко. Чувъ я, що й васъ клякатымуть?

Кукса (*у бикъ*). Оцёго то я зовсимъ не розберу! (*До нёго*). До кого клякатымуть? Чы вы зъ просоння, чы... Я чувъ, що нибы то васъ клякатымуть, а не мене!

Дранко (*у бикъ*). Що це винъ товче? Хто бъ ёму це казавъ?

Кукса (*у бикъ*). Чы не пысарь ёму шепчувъ?

Дранко. Ну, колы вже про це довидалысь, то просымо...

Кукса. Васъ не мынаты? Де жъ такы, бороны Боже! Звисно, по сусидству, поклычемо й васъ.

Дранко. Та вы це якъ?

Кукса. Навспражкы!

Дранко. Хто зъ насъ спыть?

Кукса. Не знаю.

Дранко. Хто зъ насъ дурный?

Кукса. Не знаю! (*Регочет*).

Дранко. Тьфу!

Кукса. А вамъ двичи: тьфу!

Кукса (*спива*).

Що винъ затывае,

Що це винъ торочо?

Дранко.

Лыбонь выпытаты

Сусидъ мене хоче.

Кукса.

Вы навмысне, чы у смышкы?

Дранко.

Попуткувавъ зъ вами тришкы.

Разомъ:

Не такый я, не такый я выбчай,

Щобъ прызнатысь на отчай!

Кукса.

Хыба вже прызнатысь,

Щобъ не зволикатысь?

Дранко.

Ачь, нибы й не злытця,

Ой хытра лысця.

Кукса.

Що вы чулы те правдыво.

Дранко.

Завтра въ когось буде дыво.

Разомъ:

Не такый я и т. д.

Кукса.

Чого винъ смыетця,

Банькы вытрыщае?

Дранко.

Неначе сорока

Въ вичы заглядае.

Кукса.

А що кортыть, прызнавайтесь?

Дранко.

Пожалуста не вьдайтесь.

Разомъ:

Не такый я и т. д.

Дранко. Краше, давайце зпрохаемось та й пидемо спочываты, а завтра, якъ Богъ дастъ дидедемо. (*За Куксою Васыль чхае*). Доброго здоровьячка.

Кукса. Дякую! Тилько це не я чхнувъ, бо я ще й не понюхавъ, то чого жъ бы чхавъ?

Дранко. Та не вже? А мени здалося...

Кукса. И завжды вамъ Бо-зна що здаеця. Такъ що кажете завтра? (*За Дранкомъ щось чхае*). Доброго здоровьячка!

Дранко. Ой, що це таке?

Кукса. Що?

Дранко. У мене за плечыма щось такъ чхнуло, що ажъ неначе симсотъ свичокъ въ очахъ блеснуло!..

Кукса. Бачте, я казавъ вамъ не разъ, що це мисце не безпешне.

Дранко. Хто вамъ казавъ? (*Чутко: свистъ, хрюканне, гавканне и гоминъ*).

Кукса. О, о! Чуєте! (*Обе з лякомъ утикають*). Тикаймо!.. Куды? Туды!.. Сюды!..

Я В А Х.

Выбігають: Антонъ, Василь, Орн-шка и Горпына. (Спивають).

О такъ мы ихъ налякали
Що обое повтикалы,
Не вернутця вже сюды
Теперь мы злышмылысь биды.

Ну жъ-бо веселище, заспиваймо що любище.

Ой дивчына горлыця
До козака горнетця,
А козакъ якъ орель
Якъ побачывъ такъ и вмеръ!..

«Зависа».

Д І Я ІІІ.

Обстанова така жъ, якъ у першій дн. День.

Я В А І.

Дранко *одынъ*.

Дранко (*стоитъ на тыну и дывытця на гору, на шляхъ*). Що воно за знакъ, що й досы той женихъ не йде? Вже й люде почалы зходытысь на весилля а ёго нема та й нема! О, щось закурыло!.. Трое, чы двое коней? Здаеця трое? Такъ, трое... Ще й добри кони... Эге, поспиа! Поспиа! Поспиа! Прыстяжни ускачъ бижать! Добри конячки! Здаеця, винъ у сынёму жупани? Чы то, може, сертуе? А тилько у сынёму! Ни, здаеця у чорній бурци! Певно, бурку накинувъ, щобъ не запорошыло... О, вже ближче!..

Я В А ІІ.

Кукса и Дранко.

Кукса (*выйшовъ з двору и не бачучы Дранка, вылазе на тынъ*). И—бида! Вже гостей повно у подвирья и въ хати,— а жениха й досы не выдко, не йде та й не йде! И хто ихъ наклывавъ,

тыхъ гостей? И сваты у третихъ, и кумы мои, и кумы братовы, и своякы кумивськи! Нализло такого, що й не переличышь. Не ловко спытаты, хто ихъ сповистывъ... (*Дывытця на гору*).

Дранко. Чы не дыво! То зовсимъ не кони, а щось нибы теля жене...

Кукса (*дывытця*). Щось свыню жене, мабуть у базарь!.. (*Постеригъ Дранка*). А чого то вы зопъялысь на тынъ, якъ та проява?

Дранко. А вы чого тамъ маячте, якъ пугало?

Кукса. Та сказали диты, що десь пожежа!

Дранко. То вы лизьте на хату, видтиля выднине буде.

Кукса. А хочъ бы й на дымарь вылизъ, вамъ що до того?

Дранко. Вылизьте, вылизьте, та визьмить ще клепало въ руки... Склыкайте людей на гвалтъ!

Кукса. А вы визьмить виху та махайте!

Дранко. Не лизьте осою въ вичи!

Кукса. Не чыпайте мене!

Дранко. Який чортъ васъ зачупае?

Кукса. Отой, що балака!

Дранко. Вы хочъ бы лысину прикрылы,—блшыць на сонци, якъ бляха у соцького!..

Кукса. А вы бѣ розчесалы свою куштру, а то горобци подумаютъ, що кудельця, та обсымають на гвизда!

Василь *(зз двору)*. Хазяинъ! Який-сь чужостранній чоловікъ иде до васъ.

Дранко *(зкочывз зз тыну)*. Невже? Слава тобі, Господи! Якъ це я ёго прогавывъ! *(Побигз у свій двиръ)*.

Я В А III.

Антонъ и Кукса.

Антонъ *(выбигз зз двору)*. Хазяинъ! Який-сь чоловікъ, лыбонь парубокъ, захавъ у зайзжій двиръ до Гершка, переодягся у стару одѣжу, спытавъ де ваша хата и иде вже сюды!

Кукса. Чы й справды? Ты ёго самъ бачывъ?

Антонъ. Якъ же, своими очыма бачывъ! Я йшовъ зъ мистечка пѣузъ постояльй двиръ, дывлюсь — що воно за чудасія? Яка-сь людына скыда гарну одѣжу и надива стару! Я й прислухався,—чую: пытае, „де Куксова господа?“

Кукса. Спасыби тобі за звистку, Антоне! Я тебе, Антоне, люблю, ий Богу, люблю! Зоставайся у мене ще роқивъ на два, або й на тры,—заслужишь чымало грошенятъ, тымъ часомъ, може твое серце привернытця до дывчатъ,—тоди свататимешъ мою Палажку! И вона тымъ часомъ пидросте та вылюднѣ!

Антонъ. Колы такъ, то вже краще виддайте за мене Орышку!

Кукса. Орышку? И Орышку виддавъ бы, та... *(Оглянувся, тыхо)*. Це жъ прыйихавъ женыхъ до Орышкы!

Антонъ. Женыхъ? Ну, якъ що Орышку вы виддасте за цѣго женыха,—тоди

попрощайтесь и зъ Антономъ, и зъ млыномъ своимъ, и зъ госпѣдоку?

Кукса. Якъ, що?

Антонъ. А те, що спалю!

Кукса *(у бикъ)*. Онъ воно що! *(До его)*. Такъ ты такъ ненавдышь бабывъ?

Антонъ. Ненавдывъ, а оце раптомъ привернуло мене знову до бабывъ!

Кукса. Привернуло? Богъ зъ тобою! Ты... ты... Оце, якъ ты мене налякавъ! *(Хутко иде у двиръ)*. Отъ тоби й вглядывъ у два ока! *(Пшилы)*.

Я В А IV.

Нечыпиръ *(выходе зз за хаты)*.

Побачымо, що зъ цѣго выйде? Мушу вже стати у прыгоди добрымъ хлопцямъ. Спасыби имъ: нагодували мене и грошей поминылся дѣты ажъ десять карбонанцивъ!..

Я В А V.

Нечыпиръ и Дранко.

Дранко *(выбигае зз своего двору)*. Мылосты просю! *(Хана его за руки и тягне до себе)*.

Нечыпиръ. Чого це вы присталы?

Дранко. Вы видъ Лахтіона Хведоровыча? Я заразъ догадався!

Нечыпиръ. У чимъ догадалысь?

Дранко.

Мылосты просю покорно!

Нечыпиръ.

А куды жъ то такъ проворно?

Дранко.

У мою госпѣду!

Нечыпиръ.

У вашу госпѣду?

Дранко.

Все вже якъ сльдъ

У мене готово!

Нечыпиръ.

Я не роблю дѣла

Зъ одного слова.

Дранко.
Я вже й попа договоривъ!
Нечыпиръ.
Хто жъ вамъ ханатысь такъ веливъ?
Дранко.
Одно тилько слою,—
Та й маршъ до винця.
Мы доведемъ дило
Зразу до кинця!
Нечыпиръ.
Стало быть, все справно,
Тилько окомъ моргъ,—
Поспіемъ, поспіемъ
Зъ козами на торгъ!
Дранко.
Перекусылы бъ хочъ мало.
Нечыпиръ
Я вже йивъ и хлибъ и сало!
Дранко.
Зъйили бъ ще борщу та кашу...
Нечыпиръ.
Ще не йивъ борщу та кашу.
Дранко.
Ходимъ, не гаймось,—
Вже въ церкви насъ ждуть!
Нечыпиръ.
Стало быть, поившы—
Та й зъ Богомъ въ путь?
Дранко.
Та й чого жъ тутъ видкладаты?
Нечыпиръ.
Може бъ до завтра подождаты?..
Дранко.
Скажить одно слово—
Та й маршъ до винця.
Мы доведемъ дило
Зразу до кинця!
Нечыпиръ.
Стало быть, все справно,
Тилько окомъ моргъ,—
Поспіемъ, поспіемъ
Зъ козами на торгъ!
Дранко. Коли поспіемъ, якъ поспіемъ?
Нечыпиръ. А вы хто такый?
Дранко. Дранко!

Нечыпиръ. Дранко? Чудне яке про-
зыще!..

Дранко. Такъ одъ родителівъ!.. Ну.
ходимъ же въ хату.

Нечыпиръ. Ни, вынести сюды добру
чарку горилки,—я выпью для хвабросты!

Дранко. Сюды? Ничого робыты! (*У-
бикъ*). Отъ штукарь! (*Побигъ у свое
подвирья*).

Нечыпиръ. Коли бъ мени не забыты
про нашу ўмову зъ хлопцями...

Антонъ и Василь (*зъ двориъ*).
Крепысь, Нечыпире!

Нечыпиръ. Ще крелюсь!

Дранко (*выбигае*). Выпийте й за-
кусить! А я заразъ такы догадався, що
вы видъ Лахтіона Хведоровыча!

Нечыпиръ. Догадалысь?

Дранко. Ну, ходимъ-же у хату, бо
вже пора,—хочъ и до винця!

Нечыпиръ. А добра горилка и за-
куска,—хочъ и не на голодни зубы!
(*Иистъ*).

Дранко. На здоровьячко!

Нечыпиръ. Славныпирожки зъ мясомъ!

Дранко. Вы ще не бачылы мои
Горпыны?

Нечыпиръ. Гм...

Дранко. Тамъ така окуратна, ягъ
аглыцькы обенькы!

Нечыпиръ. Справди? А ну, давайте
ще й по другій!

Дранко. Выпийте, та швидче будемо
доводыты дило!

Нечыпиръ. Чудасія трапылась зо мною
учбра: тилько дви чарочки выпывъ зъ
кумомъ Петромя,—ще тилько що сонечко
почало сидаты... Правда, я й забувъ, що
вамъ цего не треба знаты!..

Дранко. Що, якъ?

Нечыпиръ. Ни-якъ! Отеперь нибы
пидкрепывъсь! Ну, коли вже робыты дило,
то робыты,—що дали?

Дранко. А що жъ дали?

Нечыпиръ. Давайте ще й дивку сюды!

Дранко. Якъ суды?

Нечыпиръ. Передъ мои очи! Тутъ мы зробимо оглядыны.

Дранко. Люде жъ сміятмутця!

Нечыпиръ. А въ хату я не пиду, докы не розхвабрюсь!

Дранко (*у бикъ*). Отъ штукарь! Ну, та й штукари жъ оци городськы панычи! (*Побигъ у двиръ*).

Нечыпиръ. Одначе, горилка здорово ударыла въ голову!

Василь и Антонъ (*з двориъ*).
Кренись, Нечыпоре!

Нечыпиръ. Ще креплюсь!

Я В А V I.

Кукса и Нечыпиръ.

Кукса (*выходе з за тьну*). Куды жъ це винъ дився? Бигаю, бигаю, шукаю, шукаю — нема! (*Побачывъ Нечыпира*). Чы не винъ оце? Отъ такъ штукарь! (*До него*). Мылосты просю въ госпѣду! Вы видъ Лахтіона Хведоровыча?

Нечыпиръ. Може! А вы хто такый?

Кукса. Кукса.

Нечыпиръ. На яку ногу?

Кукса. Ни, це, бачте, таке мое призвище, хвамылія моя!

Нечыпиръ. Ну, то здрастуйте!

Кукса (*спива*).

Просю покорно!

Нечыпиръ.

Дуже проворно!

Кукса.

Давно вже васъ жду!

Нечыпиръ.

Въ хату не пиду!

Кукса.

Годи бо вамъ прыкыдатись,—

До винця пора зыратись.

Нечыпиръ.

Не слидъ никѣлы спышыты,

Щобъ людей не насмишыты.

Кукса.

Та якъ же це буде?

Въ мене все готово!

Ну, скажите вже, Бога рады,

Вы свое вже слово!

Нечыпиръ.

Легко сказаты,—

Тяжко зробыты:

Перпъ треба подумать,

Въ голови подлубать!

Кукса.

Я зразу роблю!

Нечыпиръ.

Я такъ не люблю.

Кукса.

Думайте жъ скорій!

Нечыпиръ.

Якый вы мудрій!

Кукса.

Перестаньте вже смишыты,—

Пора диломъ намъ спышыты!

Нечыпиръ.

Далеби, й я не сміюсь...

Я не той, якымъ здаюсь!

Кукса.

Годи, годи, сыну!

Скынь драгу сытыну,—

Вона теперь не въ прыгодн:

Посмишывъ та й годи!

Нечыпиръ.

Вчыню вашу волю,

Ничого робыты!

Тилько цуръ, щобъ потымъ

Не прыйшлось жалиты!

Кукса. Та годи тоби смихотворыты!
Отъ, якый, ий Богу, втишний! Кажу жъ,
що я вже догадався!

Нечыпиръ. Догадалысь! Тилько шы-
воротъ-на-выворотъ?

Кукса. Якъ шыворотъ-на-выворотъ?

Нечыпиръ. Вѣвною на верхъ!

Кукса. Що ты говорышь?

Нечыпиръ. „Здоровъ, каже, Исаю!“
—Та чаёкъ шукаю! — „А чы живъ-
здоровъ?“ — Ба, чотыри знайшовъ! — „Що

ты, дурню, говоришь? — Та старои не вловишь.

Кукса. Що таке?

Нечыпирь. Куркулю-муркулю! Розберы що я говорю?

Кукса. Ну, та й штукарь же ты, паньчу!

Нечыпирь (*довго дывытця на него*). Давайте сюды дивку!

Кукса. Якъ?

Нечыпирь. Несердыте мене, а робить, що я приказую! Ну, жыво, хутко! Дивчыну сюды и добру чарку горилкы!

Кукса. Отъ, якый втишний! Побачымо, що зъ цёго выйде! (*Побигз*).

Нечыпирь. Отакъ ихъ попоганянь, якъ жеребцивъ на аркави!

Антонъ и Васылъ (*зъ дворивз*). Крепысь, Нечыпоре!

Нечыпирь. Ого-го-го! Ще креплюсь!

Я В А VII.

Нечыпирь, Дранко, Кукса, Горпына и Орышка.

Дранко (*тягне Горпыну*). Хочешъ, щобъ за патли тебе потягъ?

Горпына. Пустить, я й сама пиду! (*Вырываетця и иде до Нечыпира*). Вы хотили на мене подывытцесь? Ну, дывитця!

Кукса (*тягне Орышку*). Иды, иды, ничо́го тамъ страшного нема!

Орышка (*ледве сдержуетця видз сниху*). Охъ, я жъ соремлюсь!

Кукса. Та чо́го-бо ты, дурочко! Воно тилько спершу трошкы якосъ нибы няково! (*Подносе Нечыпорови горилку, побачывз Дранка зъ дочкою*). А це що таке?

Нечыпирь (*до Орышкы*). Подозвольте на васъ прыдывытцесь?

Дранко (*Нечыпорови*). На вищо той чортъ лысый прытыривъ сюды свою слыпяву?

Кукса (*Нечыпорови*). На вищо це мій сусида прыперъ сюды свою вытришкувату?

Нечыпирь (*до дивчатз*). Подозвольте вамъ подывытця въ зубы!

Дивчата. Зъ якои речи?

Дранко (*Горпыни, сміючысь*). Роззявъ вже ёму рота!

Горпына. Не хочу!

Кукса (*Орышци*). Покажы вже ёму зубы!

Орышка. Ни за що на свити!

Кукса. Дывысь, я свои покажу! Що жъ тутъ тако́го?

Дранко. Дывысь я свои вышкварю! Нехай дывытця!

Нечыпирь. Якъ бачу, то вы дуже церемовни.

Дранко (*Горпыни*). Роззявъ пожа-луста!

Кукса (*Орышци*). Покажы, здилай мылость!

Дранко (*Горпыни, сердыто*). Роззявъ, вкажу тоби!

Кукса (*Орышци*). Покажы, вкажу тоби! (*Дивчата утикають; зъ дворивз народъ наблыжаецця до воритз и де-яки почынають гукаты: «Свате! Чы скоро мы побачымо вашого жениха?»*).

Дранко и Кукса (*до своихъ дворивз*). Заразъ!

Дранко (*у бикз*). Певно, що Лахтіопъ Хведоровычъ обомъ намъ одного жениха приславъ!

Кукса (*у бикз*). Певно, цей женихъ залутався!

Дранко. Подывытцесь описля! Кинчайте, Бога рады!

Кукса. Описля заглядатымете хочъ и що-дня! Тилько боржій доводьте дило до кинця!

Нечыпирь. Я вже скинчывъ!

Кукса. Вы, може, думаете, що сусида мій — то це я, а що я, — то це мій сусида?

Дранко. Певно вы думаете, що я — то це мій сусида, а що мій сусида — то це я?

Нечыпирь. Ни, я ничего не думаю!

Кукса. Ну?

Дранко. Ну?

Нечыпирь. Ну? Та не сипайте-бо мене, якъ цыганъ дохлу шкапу! Я, одначе, ни-якъ не розберу, про вищо мы товкували?

Я В А V I I I .

Ти жь, Васыль и Антонъ.

Васыль (до Дранка). Хазяинъ. Пипъ приславъ, — каже, щобъ швыдче йихали, бо церкву запре!

Антонъ (до Куксы). Вже музыкы прыйшли, — пытають, чы починаты гратъ?

Кукса и Дранко (у бокъ). Отъ тоби й здрастуй! Треба йти на одчай! (До Нечыпира). Ну, котору-жь?

Нечыпирь. Радъ бы на обохъ женигнись!

Дранко. Якъ на обохъ?

Кукса. Хиба можна на двоохъ разомъ?

Нечыпирь. У туркывъ можна й на трехъ!

Дранко. Я це чувъ.

Кукса. Тамъ можна!

Нечыпирь. А въ насъ не можна, бо я вже жонатый!

Кукса и Дранко. Жонатый?.. Якъ жонатый? Ты хто жь такой!

Нечыпирь. Нихто!

Кукса и Дранко. Що жь теперь?

Нечыпирь. А теперь, — спасыби вамъ за хлѣбъ, за силь и за ласку! Прощавайте!

Кукса и Дранко. Стривайте! Якъ же це?

Народъ. Ну, та й довго вы тамъ торгуетесь! Неначе вола або коня купуете!

Кукса. Выходыть, що я самъ себе обдурывъ!

Дранко. Выходыть, що я самъ себе пошывъ!

Кукса. Кого жь теперь лаять, кого быть? Дайте мени ёго, я ёму все волосся выскубу!

Дранко. Дайте мени ёго, я ёго роздеру!

Кукса. Такъ ни жь, не такъ буде, а ось якъ! А, теперь я дсгадася! (До Дранка). Це вы, мабутъ, нарочыто пидволы пидъ мене таку машыну, щобъ мене осоробыты передъ усныъ мыромъ?..

Дранко. А то хиба не вы наклыкали мени повенъ двирь гостей? Якъ я теперь гляву людяъ у вичи?

Кукса. Такъ не посметесь же, не диждете! Антоне! Клычъ заразы сюды Орышку! (Антонъ по бигз и хутко веде Орышку). Ого-го. Ще той на свить не народывся, щобъ зъ мене покепкувавъ!

Дранко. Такъ и я же не дамъ вамъ у кашу мени наплювать! (Гукъ въ свѣй двирь). Горпыно, тягны сюды Васыля!

Антонъ и Орышка. Мы тутъ!

Кукса. Антоне! Я помылывся! Оцей женихъ прыйихавъ до сусиды. А я вже давно наважывся виддаты за тебе Орышку, — беры и! Ось якъ у насъ.

Орышка (кыдаеця до него). Та-точку, голубчыку, мій риднесеный!

Кукса (до Антона). Я хотивъ тилько трошки подратуваты тебе! Ну, уклонься жь хазяинову въ ноги за таку честь!

Дранко (крычыть). Горпыно! Швыдче сюды!

Кукса (до Антона). Що-жь ты стовбычышь?

Антонъ. За що-жь я вамъ кланя-тымусь?

Кукса. Гордый! Отъ за це именно ты мени до вподобы! Оттакый и я гордый! Але-жь якъ законъ велыть, то и я вклоняюсь!

Антонъ. Хиба що законъ! Законъ мушу сповныты! (Бере Орышку за руку). Благословять насъ, тату, на чесный шлюбъ!

Василь и Горпына. Мы тут!

Дранко. Мерцій мени у ноги!

Василь. Я могу! (*Кланяецця*).

Дранко (*до Куксы*). А у насъ ось якъ! Сусиде! лывитця!

Кукса. Вачу! Не повылазыло мени!

Дранко (*до дочки*). А ты?

Горпына. Голова не згынаецця!

Дранко. Ачъ яке зиллячко! Я радый, що выпыхаю тебе зъ двору, менчъ клопоту мени!.. Але все жъ такы уклонитысь батькови мусышь, бо такъ законъ велыть!

Горпына. Хиба що законъ. (*Кланяецця зъ Васылемъ*).

Кукса. Боже васъ благословы!

Дранко. Боже васъ благословы!

Василь. Теперь, хочъ вы на мени уси клищи побыйте, я вамъ слова убоперекъ не скажу!

Дранко. Черезъ те ты мени й любый що такый покирный! Я вже трое клищивъ на тоби побывъ,—а ты все корысса!..

Кукса. Сусиде! Теперь тилько чотыри!

Дранко. А въ мене тилько шистъ.

Кукса и Дранко (*гукають*). Люде добри, мылосты просымо сюды! Витайте нашыхъ молодыхъ!

Нечыпиръ. Отъ и слава Богу!

Кукса и Дранко (*до него*). То васъ, стало быть, не Лахтіонъ Хведоровычъ прыславъ?

Нечыпиръ. Ни!

Кукса и Дранко. Хто жъ вы такый?

Нечыпиръ. Я жъ вамъ кажу,—такъ соби, ни хто.

Дранко. Такъ чого-жъ ты лизешъ у вичи?

Кукса. Убрався бъ соби зъ двору,—и любесенько!

Нечыпиръ. Я й пиду!

Кукса. Може ще женихъ и прыйде...

Дранко. Може ще жёныха можна й подождаты?

Я В А І Х.

Ти жъ и пысаръ Сканунець.

Пысаръ. Не прыйде, и не дожыдайте!

Кукса и Дранко. Якъ?

Пысаръ. А такъ! (*Спива*).

Какъ безъ политики жыты

На цимъ хымернимъ святи?..

Бо то я таку политику пидвивъ, и лысты до васъ напысаны оцією скусною рукою!

Кукса и Дранко. Чорты бъ васъ побралы зъ вашою политикою!

Орышка (*до Куксы*). Годы, таточку, гниватысь! Такъ, стало быть, Богу завгодно...

Горпына. Тату, не робыть бёшкету, бо видкынусь видъ благословення!

Пысаръ. Вселюбезнійши мои прыатели и мылостыви государи! Послушайте мене, дурного, то, можетъ быть, Господь поможе и вамъ порозумнишаты!.. Во время оно, когда еще, будемъ говорить откровенно, не було ни неба, ни земли, а стоявъ только одынъ плётеный тынь... И бувъ тоди, мои вселюбезнійши прыатели и мылостыви государи, будемъ говорить откровенно, одынъ царь...

Кукса. Це вы вже знову нудбту зятягнете? Я поблагословывъ,—стало быть, слова вже не зламаю!

Дранко. Або може пидведете пидъ васъ таку политику, що й очи рогомъ полизутъ? Благословеніе дано, стало быть—аминь!

Пысаръ. Въ такомъ случаѣ, будемъ говорить откровенно: юра́, юра́, юра́! (*Спива*).

Кожный пысаръ, зъ поконь вичъ,

Политычный чоловікыть...

Дранко. Сусиде! Чы не помырытысь намъ на радощахъ, та згуляты два весилля въ одынъ кошть?

Кукса (*протяга руку*). А що-жъ!
(*Цилуютьця*). У васъ — вже пивчи до-
говорени, а въ мене музыки! (*Тыхо*).
Пошылися въ дурни обое, — треба вже
мовчати.

Дранко. Перемудрували!

Кукса. Гей, свашкы, прыданкы! Убы-
райте молодыхъ та споряжайте ихъ зъ
Богомъ довинця! Дружечкы! Ну жъ, гув-
нитъ весильнои. Сиовистыть Божый миръ
про нашу радисть!

Дранко. Просымо дорогыхъ гостей
вельчаты нашихъ молодыхъ весильною
писнею!

Хоръ.

Ой попе, попе,
Батьку нашъ!
Видчыйнай церковцю
Проты насъ,
Звинчай диткы
Однолиткы
Въ Божый часъ!

(*Кукса и Дранко радіючы пока-
зують одынкъ другому на пальцяхъ,
що вже не п'ять, — а чотыри, не
сімъ, — а шість*).

(Зависа).

Напысана въ 1882 році,
въ городи Къивн.

ПО РЕВЫЗИИ.

Этюдъ въ 1-й дѣй.

(Въ исправленномъ видѣ).

ЛЫЦЕДИИ:

Василь Мыроновичъ, старшина.
Севастьянъ Савватеевичъ Снубко, писарь.
Рындичка, старая баба.
Гарасымъ, ии свидокъ.

Приська, салдатка.
Сторожъ при росправѣ.
Діетця у росправѣ.

Середина великой хаты. Стілъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на столи каламаръ, щоты, великая книга и скільки бумагъ. На угли стола лежить пакетъ запечатанный двома печатамы, дали зъ другого боку небольшой стілъ; на нему три книги, каламаръ и бумагъ, била столу стуло. На стини календарь, у входныхъ дверей шкапъ зъ бумагами коло стины, де календарь,—лавка.

Я В А І.

Сторожъ (*сидитъ за столомъ и раздвѣляется на щотахъ*). Ну й якъ той писарь може выкласты усяке дило на оцій выдумци? Вже я скільки разивъ прыдвѣлявся, та ни якъ ничего не второпаю. „Оце, каже, симдесять копіекъ!“ „А оце рубль десять, а оце девъять — десять пѣять“, и наговоре, наговоре такого грошей, що й въ тыждень, здаецця, не перечисль-бы. Одже винъ: цокъ, цокъ! Цокъ сюды! Цокъ туды! и носе не вспіешъ всякаты, якъ винъ уже й полывъ! Що то воно подумаешъ навукъ; до всякаго дила добирае способу! Его мабуть учено десь не близько: винъ каже, що винъ десь, ажъ зъ пидъ Чыгырына, ну, а я такъ думаю, що винъ и за Чыгырыномъ бувавъ. Та то жъ голова

така, що й хто ёго зна, де вже есть разумнища, кого не спытай, увесь миръ каже, що зъ такою головою можна и до станового доступны! Ну, а я такъ думаю, що винъ и передъ справникомъ не здригне. То жъ якъ почне розказуваты де винъ тилько не бувавъ и чого винъ не выдавъ, такъ тилько рота роззявышь. Аглычавына винъ тоби бачывъ, и въ Кнывы бувъ ажъ двичи: и за моремъ-окіяномъ де живутъ псыголовци и туды ёго носыло!.. Бувавъ и въ тихъ земляхъ де свини бильшь видъ нашего вола... звисно якъ чоловікъ бувалый, розкаже тоби, то такъ увесь свить и побачышь передъ очыма, якъ на долони... Онъ якъ я, такъ дали Елысавета не бувавъ, такъ мени здавалось, що за Елысаветомъ вже не далеко кинецъ свиту. А, ну, чы вышчытаю, скільки мени заста-

лось день до года. А скільки-жъ у году день? Чи буде зъ двисти, чи мабуть ни? Ну, оце нехай буде видъ водохрыща до пущення. (*Кладе на щотахъ*). А оце видъ пущення до великодня, а оце — до зеленыхъ святъ, а оце до Покровы. Такъ що жъ? А все такы воно ничого не покаже! (*Вставъ*). Ни, мабуть, колы не пиць, то не мыкайся и въ рызы. Пидместы ще хату або-що. Та й нудна оця робота сидиты у росправи цилисенкый рикъ! (*Мете хату*). Чи загляне хто небудь сегодня въ росправу? Ще до свита якійсь чоловікъ прынисъ бумагу видъ посерединка чы що? Ждавъ, ждавъ, роспыскы, та зъ тымъ и поихавъ. Иды каже пошукай писаря, або самъ роспышисъ. Эге! Добре тобі казаты: „роспышисъ!“ Отъ же здаеця и не велика штука повести перомъ по бумази, одначе хочъ ты мени пальцы повидрубуй, а не напышу! Уже я скільки разивъ нацелявся напысаты: украду оце шматокъ паперу, та й почну выводиты перомъ по бумази, здаеця такъ якъ и писарь, и перо умочу въ чорныло, и налагодюсь якъ разъ такъ: чыркъ, чыркъ, а воно чортъ батька зна що выходять!

Я В А II.

Входять Старшына.

Старшына. Щобъ черезъ пивъ годны кони булы передъ порогомъ! Чуешъ? Щобъ мени по щучому веленію! Мени треба небезпрѣменно сѣгодня йихаты по ревизіи на Чубайвку та Васыливку...

Сторожъ. Та кони ажъ у степу, на паши.

Старшына. Ну такъ що!

Сторожъ. Такъ це за нымы бигты?

Старшына. А ты якъ думавъ? Що це тобі первына, чы якъ?

Сторожъ. Та воно...

Старшына. Зновъ начадывъ махровъ скільки разивъ казавъ тобі, щобъ не смивъ курты отіи погани у присуствіи.

Сторожъ. Начадывъ?... Я вже й забувъ якій той тютюнъ на масть!.. (*У бикъ*). Загранышного тобі буду купуваты — велике жалування платышь...

Старшына. Що ты тамъ мымрышь?..

Сторожъ. Та воно... Ни, вже колыбъ швидчъ дослужыты до года, хай ему бисъ, щобъ я зостався у цѣму пекли!..

Старшына. Ну, а якъ я звелю громади присудыты вкы отгуть тобі служыты.

Сторожъ. Хиба що громада прымусятъ, звисно громада великый чоловікъ.

Старшына. Ну, то-то жъ бо й е! Я тобі ще учора наказувавъ, щобъ кони у ранци булы передъ порогомъ.

Сторожъ. Учора? Та я васъ учора и въ вичи не бачывъ: вы ще проты понедилка загадали мени! И кони стоялы цылый понедилокъ, и въ вивторокъ до обидъ.

Старшына. Мовчатъ! зъ кымъ це ты губу розпустывъ? сказано тобі, щобъ по щучому веленію.

Сторожъ. Та про мене, я й пиду! Але-жъ я запевне знаю, що вы й сѣгодня не пойдете.

Старшына. Ну, ну, базинай! Геть зъ хаты, свине!

Сторожъ. А звисно.

Старшына. Ты хочешъ, щобъ я тебе по мармызи затопывъ?

Сторожъ. Хиба це первына? Бййте, на те вы начальство.

Старшына (*плюе*). Тьфу!

Сторожъ (*у бикъ*). Ачъ якъ!.. Ондечкы бумага, якійсь чоловікъ прывизъ. Такый зъ себе огрядный, у сыній чумарци, зъ бородою, у картузи и шарпомъ шыя завязана.

Старшына. Збигаи по писаря!

Сторожъ. Та ёго теперъ и зъ собакамъ не знайдешъ: винъ ще позавчора поихавъ на хutory кумувати!

Старшына. Щобъ винъ мени заразъ тутъ вродився.

Сторожъ. А за киньмы хто-жъ побизыть?

Старшына. Ну, живо! Щобъ одна нога мени тутъ була, а друга тамъ! По щучому веленю!

Сторожъ. Отъ напасть! (*Пишовъ*).

Старшына. (*Одынъ, распечатавъ пакетъ*). Видъ кого-жъ бы це? (*Чыта по складамъ*). „Предписываю оному волостному правленю принять энергическiя мѣры...“ Яки? Нергически мѣры? Що жъ воно означа: нергически? А ну, дали! (*Чыта*) „къ самоскорѣйшему составленю систематическаго...“ Та й довге яке слово!.. „Указателя и категорическихъ...“ Ни, мабуть вже якъ писарь прыйде, то вдвохъ розберемо! Бо самъ я ще до цѣго не дойхавъ! Отъ якъ прыпынуть, що розыскуеца пара лошадей, масти гнидой, на лоби биле пятно!.. або въ уизди появлялась на рогатимъ скоти чума, принять мѣры... Такъ тутъ вже й безъ писаря знаю, що ци документи треба покласты пидъ сукно. (*Походывъ трохи по хати*). Одначе сѣгодня треба вже непременно поихать по ревызiи. Та куды-жъ це писарь подився? (*Сплѣвуе*). Тьфу, якъ погано на похмилля!.. (*Дывытця у вишко*). Эге, вже сонечко высоченько пидбылося, а въ мене ще й риски въ роти не було... Хиба послать за восьмушкою. У досвита прокынувся, та такъ щось коло сердца запекло, ажъ злякався! Повернувся на другiй бiкъ, неначе трохи видпустыло; а теперъ знову щось пашыть у середнiи! Погано, погано! Негодытця що дня пыты, учора пывъ, позавчора пывъ. Стривай! Який же це у насъ сѣгодня день? (*Дывытця на стину де выстыть календарь*). Що

воно? „Перве Октября.“ Та це-жъ було лыбонь на тимъ тыжневи? Отто вже я не люблю безпорядкивъ. Казавъ же скилько разивъ писареви, щобъ що ранку выставлявъ чысло, щобъ часомъ не погубыты намъ днивъ; ось же й календарь нарочыто купывъ. А тутъ стоить перве Октября! Отъ тоби и загубылы день! Стривай! якъ же це? На Покрову, я бувъ у ярмарку! Такъ, у ярмарку! На тимъ тыжневи у пятницю прыздывъ становый? Такъ, становый! У недилю була сходка?! У вечери прыйихалы до мене кумы мои: матушка и пасаломщыкъ? Тамъ! У понедилокъ гулялы цилый день; а въ вечери прыйихавъ и пишъ. Ну, а дали що жъ було? Було ще чы мало гостей! Старшына зъ Кандалуповой, пысьномоводытель зъ жинкою... Гарна у нѣго жинка, моргуха тилько велика! Вона такы разивъ зъ пѣять мени пидморгнула, та якъ iй сердешный и не моргаты; iн-жъ чоловікъ такы настояща смерть, а вона свижа, повна, та дебела... Чудово вона спива оцю писню, що каже:

„Ой кужелю, мiй кужелю,

Робыты я не здужаю!

До кужеля рука дрижыть

А чарочку добре держыть!..“

Попадья наша штукаръка! Запроводыла моду, щобъ кожный, якъ одно другого почастуе, то щобъ заразъ и поцилувалыся!.. И пышло частування! Матушка зъ пасаломщыкомъ цилуютця, а я зъ пысьномоводытельшою! Тамъ-таки гарячы губы, що ажъ пашыть. Одначе iй усе жъ такы далеко до Приськи до московкы: ото молодыця. На выду, якъ на кыръ горыть; а якъ иде то ажъ земля пидъ нею дыгтыть... Эхъ, матери ёго ковиныка! Шкода що я жоватый! А то, стало бытъ, якъ началыкъ, заразъ бы по щучому велинню. А ото, на тимъ тыжневи у середу, у ночи, трохи-трохи було не вскочывъ, якъ кажуть: у нукуды! Тилько що

пидійшовъ до Присъчної хаты, ажъ стара Рындычка изъ своей хаты рыпъ дверима! „А хто то, пытае, добываецця до московкы?“ А я зигнувся, та по пидъ загатою, та на втѣкы! Вона якъ зацькуе собаками, а клятый рябий песъ, трохи лытокъ не полатавъ! Треба буде претыкола зробыты, щобъ вона отого собаку на цепури держала.

Я В А III.

Входять Рындычка и Гарасымъ.

Рындычка (*уклонившись*). Помогай-би! зъ п'ятинкою, бувайте здорови!

Старшына (*зъ жахомъ*). Хиба-жъ у насъ сѣгодня п'ятныця?

Рындычка. А якъ же? Звисно що п'ятныця, та ще й друга п'єсля Покровы!

Гарасымъ (*пзланный*). Такъ тошно!

Старшына. Чы не помыляетеся вы?

Рындычка. Оттакъ пакъ! Щобъ я та помылылася.

Старшына. Якъ же це воно такъ сталося що сѣгодня вже п'ятныця?

Гарасымъ. Я объ томъ незвестенъ... Одинъ Богъ!

Рындычка. Та адже-жъ прыгадайте, на здоров'ячко. Въ понедилокъ ваша сусида, ота шулудыва кишка, Гапка пидщыпана, та золыла сорочки, у жлукти. А я й прысикалася до неї! Чы не соромъ, кажу, тоби молодыце не знать, що въ середу празныкъ!

Старшына. Празныкъ?

Гарасымъ. Такъ тошно.

Рындычка. Празныкъ святого Хомя! Та й кажу: чы не соромъ тоби? Коны жъ ты поперешь сорочки, що сѣгодня кладешъ у буквъ? А тутъ вы, бувайте здоровеньки, выйшли зъ хаты, та й почалы на насъ гриматы, ще мене такъ погано налаялы... Эге, кажу, та й почалы на насъ гриматы, щобъ мы утышылись. Стало быть у васъ була почесна беседа, а мы

своимъ гвалтуваннямъ перебаранчали вамъ гуляты.

Старшына. Ничого не прыгадаю! Вирышь стара, що мы начальныкы, такъ заклопотани...

Гарасымъ. А звисно началство... Якъ можна.

Рындычка. Та якъ же мени цѣго не знаты. Вы жъ одинъ, а насъ мыру, сколько? Тутъ треба дви головы на плечахъ маты. Адже жъ и мій покійнычокъ, царство ёму небесне, вичный покій ёго душеньци, бувъ за начальныка, чы по просту сказаты, за свынопаса, коло громадскихъ свынэй, то такъ було заклопочытця, такъ заклопочытця.

Старшына. Винъ лыбонъ видъ горилкы й вмерть?

Рындычка. Умеръ, голубычокъ свый! Черезъ велыкы клопоты й пывъ!

Старшына. Отъ черезъ ти клопоты иводи и я шью! Лехче якось на серцеви, якъ выпьешъ.

Гарасымъ. Верно!

Рындычка. А якъ же! Горилка вона заразы такы тоби видтягне видъ серця! Такъ и бачышь якъ той клопить гарячою парою зъ рота выходыть! Эге, то отто жъ, кажу, було въ понедилокъ. А у вивторокъ я бабувала у Зивкы Тухленковой, старого Молочая невесткы, и прынесла вамъ попелясту курочку и прохала на родыны.

Старшына. Курочку? Отъ-же й цѣго не пам'ятаю.

Рындычка. Ще ваша жинка, Андріёвна, нехай будутъ здоровеньки, вамъ на радисть, мырови на втиху! Узялы у мене ту курочку и почаствовали мене пывомъ, спасыби имъ, повнисенькій стаканъ выпыла!

Старшына. И бувъ я на родынахъ?

Рындычка. Ба-ни. Вы одмовылись тимъ що у васъ беседа була.

Старшына. Оттакъ заклопочысь якъ мы, начальныкы, иводи заклопочуемось.

Рындычка. А въ среду, пилса обидни, до васъ ще пидъыхалы госты. Батюшка и ще зъ яеымы съ людмы...

Старшына. У среду, кажешъ?

Рындычка. Эге жъ! А учора посварылась я зъ Приською Московкою, и прыходыла до вашей милости скаржытысь.

Старшына. Зъ кымъ? Зъ Приською, кажешъ?

Рындычка. Зъ нею, такъ тошно!

Старшына. Та ты це навспражы, чы може дурнышъ мене?

Рындычка. Навспражы! Та я ий пёго не подарую.

Старшына. Помогай тоби, Боже! Це дило интересне!

Рындычка. Вы-жъ самы учора сказалы мени, щобъ я прыйшла сегодня, бо вы вчора, выбачайте въ цимъ слови, булы пьяненьки, па здоровьячко вамъ.

Старшына. Клупоты! Що у мене того клупоту, стара! Такъ стало быть выходыть, що сегодня пятныця? Слава Богу, що хочъ знайшлы день!

Рындычка. Та тутъ не то що день загубышт, а йисты забудешъ. У васъ же того клупоту повна голова!

Старшына. Бильше!

Гарасымъ. Черезъ голову польетця... Такъ тошно!

Старшына. О, польеця! *(До Гарасыма)*. А ты-жъ по якому дилу?

Рындычка. Це жъ мій свидоць.

Гарасымъ. Такъ тошно, господынъ старшына!

Старшына. Ты, стало быть, чувъ, якъ вони сварылись?

Гарасымъ. Такъ тошно, верно... Ну, що вони былись, такъ я объ томъ незвестенъ!.. По закону, значыть, по правди?.. Хйба у насъ земля безросудна?.. Истинная правда... Аминь и весь обманъ на лыцѣ.

Старшына. Пиды жъ, поклычъ сюды, Приську Московку, то мы заразъ и вчынемо судъ!

Гарасымъ. Вчынить судъ праведный, якъ перець Господомъ Мылосерднымъ!.. Бо вони проклятуци бабы!.. Имъ обомъ небезприменно треба задубыть манаткы, та березовою кашою, щобъ не клопоталы... Бо вони анахтемы, такъ тошно, ваше благородіе!

Старшына. Веды ии сюды передъ мои очи по шучому велинню!

Гарасымъ. Приведу! Нельзя обижать!.. Я ии анахтему... Кажу, вклонись старій и ни котораго дила... Постановы, кажу, четверку и Богъ тоби простыть... Правда? Не сваритця, кажу, бо чыстый калавуръ! *(Пишовъ)*.

Старшына. Треба жъ мабуть и пысаря подождаты.

Рындычка. Ой, батечку, розсудить же вы мене самы...

Старшына. Та розсудить то можна! Алежъ може мени прыйдеця довго здійматы допроеь съ Приськы? А тутъ треба мени йихать по ревызіи... Якъ бы можна, це дило хочъ до-завтрёго пидъ сукно!?

Рындычка. Ой, розсудить же мене! Бо якъ не розсудыте, то не вытерплю, та яжъ.... *(Шепче ему на ухо)*.

Ой, розсудить же мене; а я батечку вамъ завжды у прыгоди стану. Памьятаето, якъ ще вы не булы за начальныка, та позывалысь зъ Тыхономъ за кожуха? Мало я тоди гриха на душу взяла?

Старшына. Ну, те що колысь було, ничого згадуваты; ничого вже зъ тобою робыть... Такъ кажы товкомъ: за вищо тамъ у васъ взялося? Зъ якого побыту горщыка розбылы?

Рындычка. Охъ, батечку, та тутъ таке, що якъ до ладу розсказаты, то й волосся на голови до горы полize! Адже жъ вы знаете, що мій вгородъ та выходыть якъ разъ потылицею до ии повиткы.

Старшына. Потылицею? Такъ и запышемо.

Рындычка. Ще мій покійничокъ, царство ему небесне, вичный покій его душеньци и всімъ помершимъ душамъ вична пам'ятъ! Ото, кажу, якъ ще мій покійничокъ живый бувъ, то й выкопавъ ривъ проты іи повиткы, щобъ, стало быть, звернуты стежку зъ іи дворища по надъ ровомъ... Бо вона було, якъ иде—чы проты череды, чы въ поле, то такъ тоби и преця черезъ мій вгородъ!

Старшына. Эге-ге! Постривай! Я бачу, що це дило дуже заплутане! Доказательства маешъ?

Рындычка (*выйма пляшку зъ горилкою и бублыкы*). Осьдечкы, хіба-жъ я чести такы та й вашого звычайу не знаю.

Старшына. Отъ бачышъ, може-бъ я й не пивъ сегодня, колы-бъ не таке голивне дило!

Рындычка (*частуе*). Милости прося!

Старшына. Приходьця выпиты, щобъ у голови... Пожалуйте, звольтесь самы!

Рындычка. Пошли-жъ Боже помершимъ душенькамъ царство небесне, а живымъ на здоров'ячко! (*Выпила и поднесе старшыни*).

Старшына. Благодарю покорно! (*выпивъ*). Теперъ трохи неначе яснишъ дило.

Рындычка. А якъ же. Воно заразъ у голови розвзднетця! Закусить же бублычкомъ. (*Дае бублыкъ*).

Старшына. Що воно, ніби щось задзвенило у вуси?

Рындычка. Ото такъ похмилля паруе, що ажъ дзвенить. Выкушайте ще!

Старшына. Та пожалуй! Чарка въ тебе не велика, то воно можна ще по одной.

Рындычка (*налива*). Я вамъ скажу, що по манисенъкій краще пыты. Каже:

„Ой чарочко-жъ моя

Чепурушечко,

Ой потишъ же мене!

Моя душечко!“

Милости прося!

Старшына (*выпивъ*). Теперъ неначе замовело у вуси, якъ по щучому велінню! А соби-жъ?

Рындычка. Та я вже, не вамъ кажучы, зъ своимъ свидкомъ выпыла зотры. (*Налива*). Дай же Боже, щобъ ворогы мовчали, а сусиды не знали. (*Выпила*). Ото-жъ, кажу, якъ выкопавъ мій покійничокъ ривъ, такъ видъ тоди пишла про межъ насъ що-денна сварка!

Старшына. Що-денна?

Рындычка. Эге-жъ!

Старшына. Ну, такъ мы й запышемо.

Рындычка. Та якъ же не щоденна, колы я своимы очыма бачыла, якъ вона, що ранку Божого вынесе, та й высыпае попилъ у мій ривъ. Я ій докоряю, та звычайу, а вона мовчить, неначе не до неї ричъ.

Старшына. Мовчить?

Рындычка. Звисно губы мовчатъ, а въ середыни що въ неї?

Старшына. Ну, що въ середыни хочъ воно й цікаво, такъ це до дила не касательно.

Рындычка. И що жъ бы вы думалы? Оттакечкы що дня, высыпаючы попаял, заривняла мени ривъ зовсимъ. Оттожъ и стала я думаты: за для чого бъ ій оттаке на капистъ мени коиты? Чы нема тутъ якої инчой причты. Сыдю я на тимъ тыжнови, лыбонъ проты середы, чы проты вивтирка? Ба, такъ, проты вивтирка! Бо въ понедилокъ, я ходыла по зилля, у Деріеву балку... Та ще яка мени прытычына трапылась?

Старшына. Що таке? Ты вже ро-сказуй, усе до чыста, щобъ дило було якъ на долони.

Рындычка. Тилько що перешла я лошыну и простяглась на вманя, черезъ стерни, ажъ це зъ пидъ моихъ нигъ звиць: пльгъ, пльгъ, пльгъ. Щобъ мени языкъ опухъ, колы брешу.

Старшына. Заіць, кажеш? Чы це жъ до дила кусательна?

Рындычка. А якъ же воно не кусательна, колы то не заіць бувъ?

Старшына. Не заіць! А що-жъ воно?

Рындычка. Та кажу-жъ вамъ, що зхопылось, та пльгъ, пльгъ пльгъ! Попередъ мене.

Старшына. Та це вже запысано, що пльгъ, пльгъ!

Рындычка. Такъ вы думаете, що й справди то заіць бувъ?

Старшына. А що-жъ таке?

Рындычка. Нечыста сыла!

Старшына. Та ну?

Рындычка. Правда, покотывъ, та й покотывъ черезъ гору! А я заразы такы трнчы перехрестылася, а дали сплюнула на ливый бикъ.

Старшына. И що жъ, счезъ?

Рындычка. Якъ языкомъ злызало.

Старшына *(пыше)*. Якъ языкомъ злызало.

Рындычка. Ой стрывайте-жъ, що жъ я наказала? *(Думае)*. Эге, такъ кажу, ото набрала я тамъ зилля, прынесла до дому и почала его вялыты на спрызбы, а вже звисно, що якъ идешь по зилля та перестрине тебе заіць, або перебижыть тоби пляхъ, то...

Старшына. Такъ що-жъ таке треба робыть?

Рындычка. Э, цего не можна казаты, бо якъ розскажешъ, то те зилля хочъ визьмы, та выкынь его на смитныкъ.

Старшына. Стало бытъ, не поможе не видъ якои хворобы?

Рындычка. Ни, не те, а такъ, звенить, смердитыме що й носа до нёго не навернешъ. Ото вже якъ зовсимъ стемнило, сыдю я соби на спрызбы, та й задримала; сныця мени, що я молода та така хороша, хочъ зъ лыця воду пый.

Старшына. Ну, це ты почала розсказуваты сонъ рябой кобылы.

Рындычка. Та я жъ такы була хороша молодую, така хороша!

Старшына. Ну я-бъ цего не подумавъ.

Рындычка. Мынулося! Та за мною парубки було такъ мордююця, що ажъ попару не знайдуть, ажъ тыны трыццать.

Старшына. Та це жъ було за царя Непытайла. Ты дило кажы!

Рындычка. Стривайте жъ бо! Отто й задримала я. Ажъ чую, щось няка на мого рябка. Вы-жъ знаете мого рябка, торикъ Палажка, Гуннына невистка, позывала мене за те, що нибы то винъ порвавъ на ий нову юбку.

Старшына. Такъ его рябкомъ звуть; це треба у претяколъ запысать.

Рындычка. Я бабувала на хуторахъ у Вайбакивъ—видить ого прынесла щеняжъ, и казано мени, що воно ярча! Одначе-жъ я его и недумала выховуваты пидъ осыновою бороною. А вже звисно що якъ ярчаты оттакечкы не выховуваты, заразы видьма визьме такы и подушыть.

Старшына. Подушыть? А чы не пора намъ пидлыть чорныла у чорныльницю. Бо воно щось не охотно слушаеця!

Рындычка *(нальва)*. Дай же Боже, щобъ усе було гоже! А що не гоже, того не дай Боже! *(Выпыва и частуе)*.

Старшына *(вымыв)*. Добра горилка. У якимъ шынку беретъ?

Рындычка. У Вороха!

Старшына. Эге! Це така що тилько-бъ мени й пыты. Ну, доведъ же дило до краю! Що це вывъ Присыкы не веде?

Рындычка. Такъ отто чую, щось няка на мого рябка; на пюцю! на! Слухаю, ажъ то вона: прыманыла ёго до себе, та й дае ёму щось зъ своихъ рукъ! Я до неи и озвалася; а що то ты, кажу, матери твоий стонадцать болячокъ и симъ пропасныць! Що то ты робышь? На що ты чужу собаку годуешъ? „Щобъ знавъ, важе, мене та не рвавъ!“ Якъ прынялася я ии кореныты, лаю на всю губу, а вона

мовчыть, та все годуе рябка. Дали зъ пересердя плюнула, такъ такы голосно, кажу: тьфу! тьфу! тоби дѣвольска дочко!

Старшына. Куды це ты плюешъ? (*Вытирае лице*). Анахтема, плюе прямо у палтретъ!.. Стань на цей биякъ.

Рындычка. Ажъ другой ночи, сыдю я на печи, а у мене съ печи виконечко, якъ разъ проты іи дверей. Сылю я, ажъ чую, мій рябко на когось гавка. Я мерщій прожогомъ до виконьчка, а щось чымчыкуе черезъ мій ривъ, прямисенько до неи; пидійшло до дверей, поторгало, и стыха промовыло: „видченить!“...

Старшына. Колы це було, кажешъ?

Рындычка. На тимъ тыжневи, у середу.

Старшына. На тимъ тыжневи. (*На бикъ*). Отъ такъ штука! (*До неи*). Ты сама бачыла?

Рындычка. Своими очыма! Щобъ мени новылазыло, колы брешу!

Старшына (*у бикъ*). Держысь Васылю! (*До неи*). А незапримыла его облычъя?

Рындычка. Та що тутъ? Це вже всімъ людямъ звисно. Ныбы-бъ то вы й не догадуецесь?

Старшына. Я!.. слухай стара, ты не тее..

Рындычка. Ба, ни! Скажу жиньци!

Старшына. Чы ты-жъ не здурила?

Рындычка. Вона мене лыхословыла передъ усімъ мыромъ, що ныбы то я украла у неи пивня.

Старшына. Якого пивня?

Рындычка. Чорного зъ жовтымъ хвистомъ!..

Старшына. Та я й на подвирьби не бачывъ такого пивня!

Рындычка. Отъ такъ же и я его точнисенько бачыла! А вона пащикуюе: украла, та й украла! Я жъ іи шельменній дочки выбью очи іи чоловикомъ хвойдныкомъ.

Старшына. А въ холодній ты щене сядила?

Рындычка. За отту задрипанку? За ту нечупайду?

Старшына. Брешешъ! Брешешъ, стара! Ще одно уразливо слово и я тебе пидъ дванадцять замкивъ, по щучому велинню?

Рындычка. Щобъ мене пидъ дванадцять замкивъ за отту полудыву Грыцьху. Та я швидче...

Старшына. За яку Грыцьху?

Рындычка. Кажу-жъ вамъ, що то Грыцько добывався до Приськы.

Старшына. Грыцько?

Рындычка. Та винъ же, винъ!

Старшына. Такъ ты жъ такъ и кажы! Розбовтай жо чорзыло, а то вже зовсимъ загушло.

Рындычка (*частуе*). Винъ же, кажу вамъ! Эге, отто жъ учора враньци выхожу я зъ своеи хаты, ажъ и вона, била свого порогу, крыше закрышку у борщъ. Поздоровбалася я до неи, та й кажу; „а яки то до тебе гости добывалысь у глуху ничъ. Чы не чоловикъ, кажу, вернувся зъ службы?“ Вона на мене якъ вытрищыця, та хочъ бы словечко. Я іи докаряю, а вона мовчыть. Чы тоби й не стыдъ, кажу, та й не соромъ. Чоловикъ твій Богу, Государю служыть, може побываетця за тобою, якъ пташечка у клятци, а ты такъ за нимъ журисся, що чужыхъ чоловикивъ до себе уночи—прынадюешъ? Вона, слухала, слухала, дали встала, повернулася до мене потылицю. (*Шепче ему на вухо*). Отъ щобъ я пропала, колы брешу!

Старшына. И свидокъ все те бачывъ?

Рындычка. Ни, серденько, не бачывъ, а тилько...

Старшына. Це дило треба розжуваты, тутъ треба пидкрепыты доказательства.

Я В А І V.

Входять Гарасымъ и Приська.

Приська. Добры день вамъ!

Старшына. Здорова ягідко!

Приська. За якимъ диломъ мене покликвалы?

Рындычка. Якъ ты посмила мени старій жиньци?

Старшына. Не прыскуйся стара, бо я тутъ начальныкъ. *(До Приськи)*. Якъ ты поживаешъ серденько?

Приська. Якъ горохъ пры дорози! Хто не ливуецця, той тилько и невыбыва мени очей!

Рындычка. Ачъ яка тыхоня, свята та Божа!

Старшына. Мовчы стара!

Гарасымъ. Кажу, ваше благородіе, зъ ными настоящій калавуръ.

Старшына. Мовчать!

Гарасымъ. *(Бге себе по губахъ)*. Мальчать!

Старшына *(до Приськи)*. Такъ, кажешъ, якъ горохъ пры дорози?

Рындычка. Та що вы зъ нею цяцкаетесь!

Старшына. Ты мене будешъ вчыты, якъ допроса здійматы! Ты? Мовчы, а ни пысны!

Гарасымъ *(до Рындычки)*. Мовчать! Вони ихъ благородіе, вони понимаютъ. Такъ тошно!

Приська. За якимъ диломъ мене кликвалы? Мени николи тутъ зъ вами пятакаты!

Рындычка. До вечора ще не близько, успіешъ побачыцца!

Приська. Не лизьте, бабо, осою въ вичи, бо пры людяхъ вылаю.

Рындычка. Ты мене лятынешъ? Та ще той на свить не народывся, щобъ мене перелаявъ! Та я тоби сто и симнадцять болячокъ.

Старшына *(до Рындычки)*. Геть зъ хаты, я на одыньци здійму допроса. *(Выыха и)*.

Гарасымъ. Настоящій калавуръ зъ ными!

Старшына *(бере Гарасыма и Рындычку за плечи и выыха)*. Геть, пидь три чорты!

Гарасымъ. Вони краще поним...

Старшына *(до Приськи)*. Насылу я диждався шаслывого часу, що бачу тебе на одыньци!

Приська. Велько щастя! Чого вы мене кликвалы?

Старшына. Прысьдъ, Присю!

Приська. Зъ якою речы?

Старшына. Колы-бъ ты знала, яка ты красыва.

Приська. Красыва, та не для васъ.

Старшына. Та смытай котру хочешъ молодыцю на сели, яка-бъ не рада була щобъ старшына до неї залыцявся?

Приська. А одъ мене облызня піймаете!

Старшына. Справди? *(Хоче и облыт)*.

Приська. Ну, рукамъ воли не давайте, бо й волосся у васъ на бородине зостанетьця!

Старшына. Такъ ты такъ зъ началствомъ?

Приська. А хйба вы на те началоство, щобъ прилыпаты до чужихъ жинокъ?

Старшына. А въ холодну не хочешъ?

Приська. Не за для мене холодна та мурована!

Старшына. Побачымо. Ты, дурочко, подумай краще! Чымъ я не вдатный зъ себе?

Приська. Вдатный, та не мій. Залыцяйтесь до своей жинкы!

Старшына. А до тебе?

Приська. Кажу вамъ, що засъ!

Я В А У.

Выходять писарь пьяный.

Писарь.

Однажды собралася
Компанья въ кабацъ

И каждый тамъ говорюваль }
На своемъ языкѣ. } двичи.

Какъ немецъ по немецкому:

Ай, ай, ай, лй, ай, лй,

А турокъ по турецкому: } двичи.

Алла, алла, алла!..

А руськой похварбей усѣхъ

Давъ турку тумака,

А немецъ похитрей усѣхъ } двичи.

Давъ тягу зъ кабака.

Старшына. Отъ чортяка ёго принесла.

Пысарь. Василь Мыроновичъ, душа моя, мое почтеніе, какъ ваше драгоцѣнное?

Старшына. Вы тилько пьянствуете, а тутъ дила повна голова!

Пысарь. Все аттестуемъ въ лучшемъ культурномъ состояніи... А, кумушка! По какимъ такимъ экстреннымъ требованіямъ?

Приська. Спятайте ихъ!

Старшына. А вы це колы успили покуматися?

Пысарь. Не далѣ какъ перваго Октябрю на Покрову Пресвятя Богородицы.

Старшына. Тыжъ-то ты така смилыва, що вже зъ подручнымъ началства покумалысь.

Приська. Ба-ни! Я таки зъ роду не зъ полохлывого кодла.

Пысарь. Вы мою кумушку не смѣйте обиждаты, потому, хочъ я и пидручный, но можу задаты началству таку цивилизацію...

Приська. Вони вже мене й холодною стращали.

Старшына. То-жъ я шуткувавъ!

Пысарь. Холодна, нехай буде холодною, а намъ пора погритысь. (*Выйма бутылку и чарку*). Кума, сидай! Василь Мыроновичъ, душа моя. (*Частуе*).

Старшына. Ни, у мене вже и такъ у голови гуде, то мабуть не буду пыты, бо треба-жъ намъ по ревузію йихаты.

Пысарь. Пустякъ дило, выпьемъ и пойдемъ! Просю покорно.

Старшына. Тамъ получена яка-сь бамага!

Пысарь. Прочытаемъ и резолюцію покладемъ. (*Чыта бамагу нышкомъ*).

Старшына. Про вищо вона дряпа?

Пысарь. Откатегорьемъ усю систему въ свое время. (*Кыдѣ бамагу пидъ стилъ*).

Пустякъ вниманія.

Старшына. Невже пидъ сукно?

Пысарь. Въ архивѣ. (*Частуе Приську*). Кума, чарочку.

Приська. Ни, куме, спаснби.

Пысарь. Якъ, видъ мене чаркы горилкы не выпьемъ? (*Спива*).

Тыжъ було, кума моя,

Тыжъ було, люба моя,

Тыжъ було, селомъ идешъ,

Тыжъ було, въ дуду ревешъ,

Тыжъ було, куды идешъ не мынешъ!

Оберныся, обіймы, поцилуй,

Велію мылость!

Мылости просю!

Приська (*одныва*). Охъ, яка жъ пекуча!

Пысарь. Всю, всю!

Приська. Не можу, не можу! (*Одныва*).

Старшына (*у бикъ*). Якъ бачу коло пійей молодыци треба ины заходы. (*До неи*). Такъ выкупайте жъ уже на мырову зо мною!

Приська. Я зъ вами не сварылася! (*Знову пзе*).

Пысарь. Кума, у тебе хата простора. А я писля завтрѣго мынынныкъ. Вары, рижъ, печы! Твоа страва, мои гроши и мое пытво! Эхъ, Василь Мыроновичъ, неуміешъ ты зъ бабами дило робыть? Чы такъ, кума? Кумасю, не наровить чаркы. (*Приська пзе*).

Старшына. И я прыйду на меныны.

Приська. Та вже, звисно, не выжыну зъ хаты.

Старшына (*Пысарю*). Шелестянь Салатовычъ.

Пысарь. Севастьянь Севватъевичъ.

Старшына. Все рывно! Позволте пляшечку ще й я почастую вашу кумасю! (*Частуе*).

Приська. Ой, це вже буде багато!

Старшына. Не буде мало! Просю коротко.

Приська (*хыльнула*). Зъ нашой сестры ласкою усе можна взяты. (*Сміється*). Отъ я уже пьяненька...

Старшына. А по другій, ще видъ мене?

Приська. Та вже лйте, куды ты, нехай вже й четвертого доганя. (*Регоче*).

Старшына (*нахва*). А ну, хыльнитъ.

Пысарь. Ай молодець, Василь Мироновичъ. (*Иде до порога*). Гей! Хто тамъ? На, пляшку, пиды у шнвѣкъ и прынесы ще дви.

Старшына. А ну, смиллице! (*Хоче поцилуваты*).

Приська (*бѣе ёго по губахъ*). А тыресь, мурый!

Пысарь. Василь Мироновичъ, нельзя! Кума почынай писня, такой щобъ ажъ... (*Спива*).

Гусарь на шаблю обпирався,

Въ глубокой гордости стоявъ!

Приська. Не вмю я такой! Ой, я вже пьяна. (*Регоче*).

Пысарь. Почынай свои! А мы зъ Васылемъ Мироновичемъ пидтягнемъ.

Приська (*спива*).

Ой, выпыла, выхылыла,

Сама себе похвалыла,

Бо я паньского роду } двичи.
Птю горилку якъ воду }

О, мій мыйый умеръ, умеръ,

А въ комори дуду заперъ,

А я пишла муки браты, } двичи.
Тай почала въ дуду граты }

Ой, ты дуда-жъ, моя, дуда!

Я молода, сюда, туда!

На впрысядкы та въ долени } двичи.
Пишла мука по комори }

Я В А VI.

Рындычна и Гарасымъ.

Рындычка. Бачъ, якый вони тутъ допрось берутъ?

Старшына (*до Рындычки*). Мырьсь, стара, заразь мови! А то я тебе, чортову кочергу!.. Знаошь мене: по щучому велинню.

Пысарь. Объ чомъ споръ? На основаніи якои статья?

Рындычка. Выслушайте-жъ мене, Шелестянь Салатовичъ!

Пысарь Севастьянь Севватъевичъ!

Рындычка. Ой, батечку, не вымовлю-жъ я! Що вона тилько зрбыла; вы тилько подумайте! (*Шепче ёму на вухо*).

Приська. Не гнивить Бога, бабо! Чы л-бъ такы стыда не мала?

Пысарь. Та не можетъ быть? Чистое горо!

Гарасымъ. Настоящій калавуръ!

Приська. Що я повернулась до васъ потылицею цо правда, а останне...

Старшына. Помыритця заразь! Вы жъ такы сусиды.

Голосъ за дверыма. Нате горилку.

Старшына. Отъ и мырова пидоспила. Це вже наша! (*Бере пляшкы*). А ну, хто моторнишый—частуй, бо я вже разварывся.

Гарасымъ. Позволте, я сполню... Хйба у насъ земля безросудна!

Пысарь (*бере пляшкы*). Смирно. Сидай, стара, билл старом кумаса! Лавку сюда прысуньте! Такъ. Василь Мироновичъ на почотное мѣсто, билл кумасы, пожалуйста! Гарасько тутъ!

Гарасымъ. Сѣвъ-верно!

Пысарь. Кумасю, поцилуйтесь зъ старою!

Приська (*регоче*). Чому й не поцилуватись.

Рындычка (*зъ плачемъ*). Ты думаешь, що мени тебе не жалко? Ты-жъ така молода, та хороша, та якъ та сыриточка!.. Никому тебе не прыголубты, ни пожалуваты.

Пысарь. Годи стара! Цилуйтесь!

Гарасымъ. Цилуйтесь... Началство велить!... Цилуйтесь, чортовы сорокы...

Настоящій калавуръ зъ нымъ! (*Бабы цилуютця*).

Пысарь. Отъ и шабашъ! Ну, за мною! (*Почына спиваты, за нымъ усю*).

Во саду ли, въ огородѣ, (*bis*)

Пташечкы поють. (*bis*)

Ой тамъ наши родытели,

Ой тамъ наши прытели,

Горилочку пьють (*bis*)

(*Частуе Прыську*)

Антоновна наывають...

Прыска. Мыроновичъ выпывають...

Гарасымъ. На многи лита.

Вси. Многи лита, многи лита! и т. д.

Прыска. (*Частуе старшыну*). Теперь уже и вы выпыйте видъ мене!

Старшына (*зовсимъ уже пзяный*).

Благодарю покорно... Одъ васъ зъ удвольствіемъ! (*Пзе дви*).

Пысарь. Васылъ Мыроновичъ! душа моя, не валысь!

Старшына. Держусь, ще воздержусь!..

Прысю, поцилуй мене! Поцилуй началство!..

Прыска. Нехай якъ выяснитця! (*Частуе Рындычку*).

Рындычка. Чы я-жь тебе та й не жалую, моя голубочко! Завтра прыйды до мене, я тоби и бурячкывъ и капусточки и картопелькы!

Гарасымъ. Стара, не задержуй, чаркы, може ще хто хоче выпыты.

Рындычка. Устаровыну не такъ спивалы. (*Спива*).

Ой хто пье—тому наывайте,

Хто не пье—тому не даывайте,

А мы будемъ пыты,

И Бога хвалыты,

И за васъ, и за насъ,

И за неньку стареньку,

Що навчыла насъ горилочку пыты

по маненьку.

Ой хто пье—той кривытця,

Хто не пье—той дывытця.

А мы будемъ пыты и т. д.

Пысарь. Васылъ Мыроновичъ! захрипъ! Э, шкода!

Гарасымъ. Бо имъ клопоту, настоящій калавуръ!

Я В А VII.

Ти жъ и сторожъ.

Сторожъ. Кони готовы!

Пысарь. Сёгодня вже годи йихаты по ровызі!...

Сторожъ. Та це знову кони стоятымутъ?

Пысарь. Не твое дило. Внесы сюда дзвинокъ! (*Сторожъ пишовъ*).

Прыска. Ходимъ, бабуся, до дому!

Рындычка. Ходимо, моя дытны!

Пысарь. Стой, кума! Кататця пойдёмъ!

Прыска. Э, ни, кумцю! Пый, кажутъ, та ума не пропый! Спасыби за честь, спасыби що помырылы!..

Рындычка. Я тоби, моя люба и квасолькы, и огирочкывъ дамъ... У мене хвалыты Бога уродыло.

Гарасымъ. Тилько не сваритця!

Прыска. Прощайте, Шеластянъ Салатовичъ.

Рындычка. Спасыби вамъ, що помырылы насъ!

Пысарь. (*Рындычка и Прыска пишылы*). Севастьянъ Савватъевичъ! (*Провожа ихъ до порогу*). Кумасю, гляды-жь не забувай меныны!

Гарасымъ (*тимъ часомъ хова пляшку и бублыкы*). Настоящій калавуръ!.. Бо имъ клопоту... Ну, що вони былысь... Прощаывайте! (*Пишовъ у шкафъ*).

Пысарь. (*Бере ёго за кожира и вытыха*). Эка свынота, нажретця такъ што й!..

Я В А VIII.

Сторожъ (*вносе дзвинокъ*).

Сторожъ. На вищо вамъ дзвинокъ здався? (*Дае*).

Пысарь. Не твое дело. *(Почына дзвонить пидз ухомз старшыны)*. Нё, конячкы!..

Старшына *(скрыз сонз)*. Поганай, поганай! Звертай на Чубайивку! Та не задёрлуй-бо прыстяжвои!

Сторожь. Пойихавъ по ревызіи.

Пысарь. Ну, буде зъ нёго, нехай йиде. А я пойиду на хutory другу ревызію робыть.

Старшына *(сонный)*. Пышы прыговоръ!

Пысарь. Чыстое горе зъ оцима пъяныцямы!.. *(Пишовз)*. Какой я только зъ нымы мученыкы!

Сторожь. Добра ревызія! Це знову на цилый тыждень; цей дома кружлятыме, а той — по хуторахъ. *(Бере зз столу бублыкы и дойида, потимз бере щоты, сида на земли и выклада)*. Ни вже, хай ему врагъ, що-бъ я зостався у цимъ пекли! Я такы выщытаю скільки мени зосталося день службыты до года.

Старшына *(спива сонный)*. Многа лита, многа лита...

(Зависа).

ЛЫХО НЕ КОЖНОМУ ЛЫХО, — ИНЧОМУ Й ТАЛАНЪ.

Траги-комычный этюдъ въ 1-й дѣй.

Л Ы Ц Е Д І И:

Хотына Журавлыха, стара жинка.
Приська Кугутенкова, дивчына, племянница Журавлышына.
Несыхій Евтихievычъ, паламарь, молодой чоловікъ и гарный на вроду.
Даныло Нандалупенко, парубокъ таранкуватый.

Хведько Чепименно, парубокъ.
Ганна Лелекова, дивчына.
Хивря, сусида Журавлышына.
Парубкы и дивчата.

Діетця у Журавлышыній хати.

Середына хаты, стиль, лавы, пичъ, полиця, мысникъ, пилъ, жертва.

Я В А I.

Хотына Журавлыха (*сидячы на лави, допрядае кужелю; спива*):

Свиты, мисяцю,
И вы, ясни зирныци, —
Нема мылого
На весели вечерныци...
Визьму ведерця
Та пиду до крыныци, —
Ажъ тамъ мій мылый
Цилуе удовыцю...
Ой, годи, мылый,
Удовыцю цилуваты, —
Ходимъ до дому
Вечерю вечеряты...

Я В А II.

Хотына и Хивря.

Хивря (*зазыра у вихню*). Отакою на старість загулы?

Хотына. Эго жъ, я сама соби дывуюся, — зъ якого це побыту я ии згадала? Заходь бо въ хату.

Хивря. Дайте покій, ніколы. Це бижу до шыньку по свого мацапуру: якъ попхався ще зъ ранку, та й доси кулыкае!

Хотына. Не дывытця, що будень?

Хивря. Ему однаково, — що будень, що свято, — на те не вважа: пѣ та й пѣ, якъ той павукъ, щобъ винъ вже луснувъ ёму!.. Та нехай винъ мене хочъ и побѣе, а я ёго такы сёгодня вытурю зъ шыньку! Та оце, йдучи поўзъ вашу хату, чую, — щось спивае, — я й зупынылась.. Це лыбонъ вы старосвитской спивалы?

Хотына. Эге жъ! Видколы я ии ще знаю, — ще якъ дывувала, а теперь вже й волося мій посывивъ!

Хивря. И що воно, скажыть мени на мылость Божу, означá: що инчу писню якъ заспиваешъ, то вона нибы змолодыть тоби думку, прыгадае молоди лета й дывувапнячко. . И нибы бачышь усе те пе-

редь очыма: зеленый та пахучый садочокъ, и ничь зоряну, и вербу надъ крыныцею, и карі очи мылого... (*Хлыла*). А мылй, — бодай вже винь кривй гарячой напывся, — у печынкахъ мени сыдыть!...

Хотына (*глянула ненааркомъ у вкно*). Чы не дыво, — вже й соночко лыбонь зайшло!

Хивря. А зайшло вже, зайшло!

Хотына. Це жь вже й череда мабуць зь поля прыйшла? Охъ, питы та одбыты видь череды тельцю, бо незабромъ и на вечорныци збыратымутця. Чы багато жь то парубкивъ та дивчатъ до зимы зостанетця, що не поберутця въ осенй? Мабуть, и въ половыну не вберешъ!

Хивря. А ни, не вберешъ! Я чула, що ныбы вашу племянныцю, чы то пакъ небогу вашу Приську, паламарь свата?

Хотына. Хто ёго зна! Я Приськы не розберу, — то чудна яка-сь дивка!

Хивря (*глянула у вкно*). Чы не дыво!.. мій мацапура лизе до дому, та ще лыбонь й тверезый!.. Прощавайте! (*Пышла*).

Хотына. Ходы здорова! Де жь це моя юпка, або горсетка?

Я В А ІІІ.

Хотына и Приська.

Приська. Добры-вечирь, титочко! Зь суботою будьте здоровеньки!

Хотына. Несподивана гостя! Здорова, здорова! Спасыби, що провидала!.. Пора, пора хочъ черезъ поригъ плюнуты. Що жь тамъ маты твоя, сестра моя, — ще жывенька-здоровенька?

Приська. Не пытайте мене... Я теперъ ничо́го не знаю! Не такый у мене клопять!.. Я оце, титочко, нарочыто ранишь до васъ забигла... Давненько вже я не одвидувала васъ...

Хотына. Що жь робыты, колы вже теперъ скрызъ такъ повелося, що до ба-

гатои ридни, — то й пышкы бижать, а до бидной й кони не везуть!..

Приська. Не вражайте мене, титочко, бо й такъ печаль мене тяжка спиткала... Я чула, що вы ныбы за щось гниваетесь на мене, то оце я й прыбитла, щобъ переспросытыся зь вами... Може й справди я зь дурного ума й сказала вамъ яке прыкре слово?

Хотына. Не було у мене й нема ни якого сердца проты тебе!

Приська (*плачучи*). Охъ, спиткала мене, титочко, лыха годына та нещаслыва!

Хотына. Та що жь тамъ и навспражкы трапылося?

Приська. Выдымське лыхо! Ще якъ свить сонця, то ниhto такого не зазнавъ!..

Хотына. Ото, нехай Богъ боронить! Я жь ничого такого не чула! Хиба оце свижъ зкбилося?

Приська. Ни, давно, давно вже воно, титочко, наклонулося; а теперъ дійшлось до того, що мени хочъ у ополонку головою!

Хотына. Та хто жь той супостатъ?

Приська. Даныло Кандалупенко.

Хотына. Чы й справди? Не сподивалась я видь ёго ка́посты!.. Та постривай-бо! Якъ же це, що я й не зба́гну? Позавчора, отуть такы, на цимъ самисенькимъ мисци, Даныло пидсявъ до мене та й каже мени: „Нома у насъ дивкы надъ Приську Кугутенкову, отъ скилько, каже, не прыдвляюсь, а нема! Колы бь вона, каже, пышла за мене замижь...“

Приська. Пиду, титочко, зь дорогою душею пиду!

Хотына. Якъ же це ты не встереглася? Що жь, винь тебе дурманомъ напоивъ, чы...

Приська. Хто?

Хотына. Та Даныло жь!

Приська. Вы не те, титочко, говорите!.. А ось що мени скажыть: чы не знаете вы якого одвороту?

Хотына. Прывороту, кажы?

Приська. Ни, одвороту!

Хотына. Отакъ пакъ! Одворотожъ одвернешъ, а приворотомъ привернешъ!

Приська. Одвороту жъ и треба!

Хотына. Цёго то вже я й не розчолопаю! Кого жъ треба одвернути?

Приська. Мене.

Хотына. Тебе?

Приська. Спершу одвернути, а потимъ привернути!

Хотына. Выходыть, що винъ тоби не до вподобы?

Приська. То то й горе, що до вподобы!

Хотына. Та що ты верзешъ: то до вподобы, то не до вподобы,—а хто до вподобы, хто не до вподобы,—не розберу! Та перестань бо рюмсаты, та розкажы товкомъ!

Приська. Яки бо вы на старисть, выбачайте, стали не розсудливы! Чуете: мене треба видвернути, бо я ёго, Господы, якъ люблю!

Хотына. Та кого жъ ёго?

Приська. А, Боже мій! Кажу жъ вамъ товкомъ: щобъ мене одвернуло, та до другого привернуло, а ёго щобъ до другои приворнуло, а одъ мене одвернуло!

Хотына. Хочъ ты мени вси пяморокы вымотай,—ничого не тямлю! Хто жъ той другый?

Приська. Не Даныло, а зовсимъ другый!

Хотына. Вже не Даныло? Ну, добре, нехай буде другый, не Даныло. А хто жъ друга?

Приська. А якъ винъ мене любить,—то й Господы, якъ любить!

Хотына. На вищо жъ ёго видвертаты, колы любить?

Приська. Не можна, не можна! Зробить, титочко, щобъ мене до Даныла привернуло, а видъ того одвернуло!

Хотына. Хмырни бажання! Чы той другый жоватый, чы якъ?

Приська. Ба, ни!

Хотына. Ридня, може, не дозволя ёму одружытися зъ тобою?

Приська. Ни! у ёго ни якои ридни нема!

Хотына. Що жъ винъ — панъ, чы купецъ, чы якый начальникъ?

Приська. Ни, ни, ни!

Хотына. Та хто жъ винъ такый?

Приська. Ажъ страшно казаты! (*Озыраетця*). Нивсихъ Нивтыховичъ, нашъ паламарь!

Хотына. Те-те-те! Такъ ось воно що? Я й забула, що винъ за тобою ханькы мнявъ, ще либонъ зъ торшнѣи весны?

Приська. Мнявъ, титочко!

Хотына. То це винъ налыхотворывъ?

Приська. Ничогисенько винъ не налыхотворывъ!

Хотына. Якъ ничогисенько?

Приська. Та такъ же такы, ничогисенько!

Хотына. Зновъ ты мене морочышь! Що жъ? винъ парень розумный и такый улѣслывый...

Приська. Такъ паламарь!

Хотына. И на врѣду, ни въ року ёму, дуже гарный.

Приська. Такъ паламарь же, кажу!.. Пала-марь!

Хотына. А ты бъ хотила за попа, чы якъ?

Приська. Не хочу я, не хочу! Вы прыдывылся, титочко, якый на нѣму балахонъ довгій,—ажъ до самисенькихъ п'ятъ, а ззаду киска, неначе мышачый хвистыкъ?

Хотына. Такъ що жъ, що киска?

Приська. Погано, погано! Не могу бачыты!

Хотына. Така вже ёго путь, стало быть, служба така! У кожного свои клейноды!

Приська. Нема мени черезъ нѣго просвитлой годины! Якъ тилько хлопци постерегли, що я зъ нымъ кохаюся, — за-

разъ и почалы прикладаты мени усякы имення та призвища,—просто хочъ и на вулицю не заявляйся, хочъ пропадай! И теперь винъ мени такій гыдкый та протывный ставъ! Що мени Даныло за ёго допика! Ну, за вищо Даныло знущаетця надо мною? Инчий бы, добрый, то пожаливъ бы мене, що я тава нещаслыва зародылася, що покохала не людыну, а якусь прояву. Теперь я й сама бачу, що то правда, що паламарь—зпереду жыдъ—не жыдъ, цапъ—не цапъ, а щось не людське, а ззаду—шолудыва дивка!

Хотына. Якъ же ты ёго покахала?

Приська. Охъ, подумайте-жъ тилько!.. Торикъ, на Велькдень, надивъ винъ сынй каптанъ,—сынй, сынй, такій сынй, ажъ очи въ себе бере! На голови новый соломяный брылькъ зъ сынёю стёжкою; чобитки маненьки, ажъ вылысуютця; зъ кешени стерчыть, такъ якъ не выпадє, червона шовкова хустка, на пальцахъ перстни зъ каминцями... Ну, такій же хорошунъ, що й сказать! А якъ ще похрыстосувався зо мною, а видъ нёго, знаете, такъ и пахне якымьсь пахощамы: чы чебрыкомъ, чы мъятою—не знаю. Тутъ я сразу такъ и збожевылыла!.. Ажъ це парубы и дивчата и постереглы,—и заразы же такъ и вхопылы мене на зубкы!.. И видтоди вже й пишло, й пишло!..

Хотына. Нехай бы соби сміялысь, а мени й байдуже!

Приська. Якъ-то байдуже? Заразы Даныло и почавъ: „Чы чуєте, хлопци, якъ тутъ ладаномъ пахне?“

Хотына. Хиба-жъ ладанъ погано пахне?

Приська. А дали пыта: „Зъ кымъ то ты, каже, Присько, хрыстосувалася? Чы не зъ тїєю шолудывою Галькою, що въ городи терезамы насиння продає?..“ Ой, титочко, матиночко! видвернуть же мене видъ паламаря и прывернуть до

Даныла, бо заженє у труну мене отой мышачый хвистъ!

Голосъ (у вижнї). Вы, мабуть, хочете, щобъ вашій тельци ноги поперебывалы? Вперлася отамъ въ леваду та й тыняетця, якъ паламарь по-пидъ виковню!

Хотына. Чы не капосна ёму худоба! (Побигла зъ хаты).

Приська. И тутъ паламарь! Таке, куды окомъ не скынешъ,—скризь паламарь! Даєтця хто небуть,—заразы и загне: „Щобъ тоби, каже, що-дня въ голови гудило, якъ тому паламареви видъ дзвонивъ!..“ Почуешъ, що хто небудь що тамъ розкаже,—и тутъ прытуле: „а винъ, каже, якъ забелькоче, такъ якъ той паламарь на заутрени!..“ На що вже свынаръ,—женє черидку свыней и той лаєтця: „а чю-чю, клышовога паламарьска!“ Усиль той паламарь у зубахъ завъязъ! (Задумалася). А яки-жъ то въ нёго очи чудовы та ласкавы: якъ глянешъ въ ныхъ, то нибы бачышь ёго душу и ёго думкы! А якъ винъ чудово спива! а голосокъ якъ дзвонокъ, якъ у соловейка!.. На все здатный: и до спививъ, и до розмовы, и до любовы... Боже мій, Боже мій! За що ты мене такъ люто покаравъ? (Подумала). Переможу, переможу себе! Я знайду такы видвороту! Прощай, мій голубчыку, мое щастя, мій талане! Нехай протывно мени буде, а скажу Данылови, щобъ сватавъ мене скорше, бо пропаду!..

Я В А І V.

Приська и Ганна.

Ганна. Добры-вечиръ! А де жъ дитка Хотына?

Приська. Пишлы десь... не знаю!

Ганна. То це ты сама въ хати? Чого-жъ це у тебе очи таки, якъ цыбуля? видъ слизъ, чы, може, видъ паламарьскихъ кнышивъ?

Приська. Такъ мени й треба! Смійся, смійся зъ мене, сестрычко!

Я В А V.

Ти жъ и дивчата.

Дивчата. Добры-вечирь! (*Побачылы Приську*). О, и черныци вже ходять па вечорныци!

Ганна. Черныцяжъ не можна, а паламарькамъ ничого. (*Дивчата регочуть*).

Приська. Смійтеся, смійтеся! глузуйте! Спасыби вамъ, сестрычки, що до розуму мене наvertsаете!

Ганна. Чулы, дивчата, що вже теперъ ладанъ подорожчавъ? Кажуть, що паламари беда якъ крадуть та роблять якусь мазъ на ольви, и мастять нею голу и своимъ паламарькамъ, щобъ пахло...

Приська. Смійтеся, смійтеся!

Я В А VI.

Ти жъ и Даныло.

Даныло (*побачывши Приську*). Паки й паки!.. Подай, Господы, зъ масломъ, подай, Господы, зъ саломъ!

Приська (*дыгытця ёму оз вичи*). Спасыби й тоби, Данылочку, спасыби!

Даныло. Благословить, матушка! Позвольте ручку поцеловать! (*Дивчата регочуть*).

Приська. Отъ мїтець на выгадки! А дивчата тутъ безъ тебе почалы глузувати, — такъ куды имъ, не зугарни!

Даныло. Ну, а якъ у васъ теперъ у пистъ мысочки: зъ кнышыкамы, чы зъ бублычкамы?

Приська. Ой, не смишы жъ мене! (*Регоче черезъ сылу*). Сидай, Данылочку! Титыкы нема въ хати, то й никому буты хозяйкою... Сидай, и я била тебе сяду! (*Сидаютъ*).

Даныло. А якъ теперъ плата за подзвиння? (*Дивчата хыхыкають*).

Приська. Ой, пропаду зъ реготу! Ты такой гарный, Даныло, такой бравый, такой розумный! Колы бъ ты знавъ, якъ мени стане любо, якъ ты почнешь прыкладаты мени усякы призыща!...

Даныло. Справди?.. А де-жъ паламарь?

Приська. Нехай винъ тоби ськысне! Оце вже п'ятый день, якъ пойихавъ у городъ, — та бодай я не вернувся! Щобъ ёму тамъ собаки балахона обирвали и киску одгрызлы!

Даныло. То-бъ то такой вже винъ тоби протывный ставъ?

Приська. Ажъ зъ души мени верне! Ну, посмишы жъ мене ще тришечкы!

Даныло. Заплаты, то посмишу!

Приська. Дивчата, нумъ-бо, сестрычки, гуртомъ ёго прохаты!

Дивчата. Просы сама! Гайда, гей, та внесемо соломы та въ пичи затопымо! (*Пышылы*).

Приська. Данылочку, голубчыку, подратуй мене ще хочъ капельничку!..

Даныло. Годи! Не прыльпай!

Приська. Мій лебедьку, мій соколе!

Даныло. Кажу, не прыльпай!

Приська. Отъ яка правда на свити! Правдыво у писни спиваетця; „Я до тебе зъ щырымъ сердцемъ, а ты зъ неправдою!“

Даныло (*дыгытця довго на неи*). Та ты це у шутку, чы...

Приська. Зъ мовою можно шуткувати, тилько не зъ сердцемъ!

Даныло. Знаемъ мы добре вашу сестру! Якъ до васъ усю душу наvertsашъ, якъ за вами пропадаешъ, — то вы тоди пiby ничого й не помичаете!..

Приська. А бувають, бувають такы дурни!

Даныло. Та вси вы такы!

Приська. Ни, не вси! инча зпершу трохы подуріе, а дали й схаменетця!

Даныло. Наврядъ!

Приська. Думай соби, якъ знаешь!
(*Глянула на ёго, у бикъ*). Охъ, якый же винъ гыдкый!

Даныло (*подумавъ*). Хто ёго зна,—
може й твоя правда!

Приська. Чого жъ ты мене не по-
драгуешь ще?

Даныло. Та що це ты, Присю!

Приська. Я не хочу, щобъ ты такый
бувъ понурый!.. Дивысь мени въ вичи!
Охъ, якый же ты... гарный!..

Даныло. Присю! голубко моя, сер-
денько! (*Хоче обняты*).

Приська. Посли, послы! Теперь не
треба!

Я В А VII.

Ти жъ и Хотына.

Хотына. Насылу загнала капосну те-
лицю! (*Побачыла Даныла*). О, вже й
Даныло прыйшовъ. Ачъ, якъ рядкомъ
посидали соби, неначе заручени!

Даныло. Може Богъ и поможе!

Приська (*у бикъ*). Охъ, що жъ це
зъ моимъ сердцемъ дїетця?..

Я В А VIII.

(*Входятъ*) Хведько Чепиженно, парубки
и дивчата.

Парубки. Добры-вечиръ всимъ хатнимъ!

Хотына. Здрастуйте, здрастуйте! Вви-
ходьте разомъ хутчишь, не выхоложуйте
хату.

Де-яки парубки. О, и Приська тутъ.

Дивчата (*до Приськи*). На сылу
давъ Богъ сылу!

Хведько (*протяга до Приськи
руку*). А слыхомъ слыхать, Фросыну Мы-
тровну у вичи выдать! Ладанъ вамъ та
кадыло.

Приська. Опизнывся! (*Хутко иде
до Хотыны*). Охъ, титочко, я вся тремтю,

мовъ видъ пропасныци! (*Тыхо шепотытъ
зъ Хотыною*).

Даныло (*до Хведька*). Ну вже, чїя бъ
гарчала, а твоя бъ мовчала!

Хведько Ов-ва! черезъ що-жъ то?

Даныло. А такъ!.. А колы хочъ,
кажы, а я послухаю!

Хведько (*почервонивъ*). Нема вже
бильшь ничего,—все выкыпило!

Даныло. Шкода, що такъ мало на-
варывъ!

Хведько. Маньське було горщятко!..

Даныло. Ни, я бачу на твоихъ плѣ-
чахъ чималый горщыкъ, зъ добру ма-
китру,—тільки мабутъ товсти дуже че-
репки та винця!..

Хведько (*не зна, що сказать*).
Ов-ва! (*До хлопцивъ*). Неначе я до
нёго... И причепывся.

Даныло. Не причепывся, а не до
речи—отъ що! Колы вы мене обирали
за берѣзу, то я тутъ старший. Ты гнешъ
на сварку або на колотнѣчу,—та не по-
можетця!

Парубки (*тыхо бубонятъ*). Ще за-
ведитця!.. отъ чортъ надавъ!.. Не можна
хиба безъ сваркы?..

Приська (*тыхо до Хотыны*). Я вже
чую, титочко, якъ мое сердце ниміе,—я
ёго подужаю...

Хотына. Поможы тобі Боже!

Я В А IX.

Ти жъ и Паламаръ.

Приська (*у бикъ*). Охъ, мое горенько!

Паламаръ. Мое поштеніе! Мыръ дому
сему со чады и домочадци! Парубкамъ
и дивчатамъ привить, хазяйци дома ре-
шпектъ.

Хотына. Спасыби, спасыби! Сидайте.

Даныло. На сылу васъ прытырыло,
Нивсїхъ Нивтыхычъ!

Паламаръ. Несыхій Евтихїевичъ. Такъ
бо и въ святцяхъ обозначено: Несыхій
и Евтихїй!

Даныло. Та воно-жъ все ривно!

Паламарь. Ни, не все ривно! Отъ, напрыкладъ, васъ звать Даныломъ Хвильмоновичомъ, а я жъ не кажу на васъ — Барыло Лымоновичъ?

Даныло. Ну, то выбачайте!

Паламарь. Та некотораго гнива и въ помышленіи не маю; а тилько якъ имення намъ отъ Бога, то, стало быть, такъ и почитуваты треба.

Даныло. Чого це вы въ городъ йиздыли? Чы не настановыли васъ тамъ дьякономъ, або попомъ?

Паламарь (*зитхнувъ*). Настановыли!

Парубкы. Справди?

Паламарь. Сейчасъ роскажу вамъ настоящу прытчу: дайте духу у себе набраты. Я заразъ оце зъ города и прямо сюды! Мое поштеніе, Евфросыня Дмитровна!

Приська. Не треба, не треба!

Паламарь. Це жъ якый стыхъ, зъ якого бытія? А, то, стало быть, вы догадалысь, въ чомъ суть? Вотъ это жъ була и есть моя мука, и горе, и досада! Цѣго я именно и боявся, какъ гришникъ великый страшного суду! Но смирюсь передъ судьбой непобидимою, хочъ и знаю, какое мое скорбное сердце вопіюще на секретни стражданія!..

Даныло. Та що тамъ и справди трапылось?

Паламарь. Скоро сказка кажетця, та не скоро дило робытця! Скоро я васъ, мои друзи, повидаю!...

Приська. Охъ, колы бъ же швыдче!

Паламарь. Не пидганяйте, Евфросыня Дмитровна, главная печаль и скорбь души моей, — не пидганяйте!

Даныло. Може васъ перевели куды, чы якъ?

Паламарь. Перевели! И такъ, давайте жъ у останне повеселымыя и розпроцаемыя! (*Выйма зъ кешени штофъ*

зъ горилкою). Це буде начало, а кинецъ въ шыньку! Спершу скажу тость, якъ ведетця це теперъ всюды промежъ панивъ. (*Налывае чарку*). Мылостыви государи и мылостыви государыни! Чы то пакъ, господа парубкы и госпожы дивчата! Въ сей день, що сегодня мы маемо, выбувае едина вивця изъ стада, яко непотрибна, — це я! Я вирую и правдою служывъ! Я знаю всю свою службу, якъ своихъ двадцять пальцивъ на рукахъ и ногахъ! Хто швыдчъ мене змигъ бы роздуты ладанъ у кадылници! Хто умивъ жалибницъ видъ мене спиваты на гласы? Хто голоснишъ видъ мене прочытавъ бы апостола? Хто пысавъ метрыкы, рапорты и видомости? А на останци скажу: хто краще мене ударывъ бы у дзвоны, — чы на „достойно“, чы „на многа лета“, чы „по мертвоу?..“ Та хочъ бы и „журавля?..“ Кажу вамъ, що я могу по всімъ цимъ предметамъ выдержаты экзаментъ! Мало вамъ цего? Знаю я ще греческу азбуку одъ альфы до омеги, и багато я усякихъ наукъ знаю. Теперъ мене знесено, якъ греблю водою, выкинуто, якъ слипе щеня, выгнано, якъ шкодлыву кишку: мене переведено у другой рангъ! Забудьте-жъ и вы преславнаго того паламаря на вики вични! Пью за ваше здоровьячко, парубкы и дивчата!

Приська (*ухопылася за Хотыну*). Охъ, сердце-жъ мое, сердце!

Хотына. Переможь себе, моя дытны!

Даныло. Та що таке й справди зъ вами трапылось? Роскажить бо товкомъ!

Паламарь. Позвольте! Вы булы свидкомъ самы и ще де-хто зъ васъ, хлопци: скажите но правди, чы е у свити трудниша служба видъ паламарської? Окримъ того, що безъ него у церкви, якъ безъ винька у хати, — а опрочъ церкви!.. Хто выпрошуе за для матуш-

кы-попади поросятъ, курей, воску, меду, сыру, масла, якъ йвздыть винъ зъ батюшкою у пистъ зъ молитвою по хатахъ?—Паламарь! Хто у литву пасе на дачи коней батюшчыныхъ и дьяконовыхъ?—Паламарь! Хто найчастішъ чыстыть конюшню и двиръ батюшчыныхъ?—Паламарь! Хто нянчыть дитей батюшчыныхъ, якъ нянькы немае?—Паламарь. Скризь паламарь и паламарь!

Де-хто. Та це правда!

Паламарь. То-то, що правда! *(До Даныла)*. Пытаешъ, що трапылось? Ты стрыгъ колы небудь овецъ? Пытаешъ, що трапылось? Невообразимое и певироятное глумленіе!... Стрыгъ, пытаю, овецъ?

Даныло. Ну, стрыгъ!...

Паламарь *(выйма ножницы и дае Данылови)*. На, держы! *(Нахыля до него голову)*. Одрижъ мени мою духовну прыпадлежность!

Даныло. Та що це вы? Хйба вы рострыга, чы якъ?

Паламарь. Рострыга! Теперъ я свойскій чоловікъ!

Приська. Чы й справди?

Паламарь. Теперъ паламаривъ не буде духовныхъ, а будуть наймыты! И нашому брату велено избрать родъ жызни, то бъ то прыпысатысь у податное состояніе... Рижъ, кажу тобі, мою духовну прыпадлежность!

Даныло *(риже ножницами косу и показуе ёму)*. Уже!..

Паламарь. Дайте мени хто небудь свыту! У кого е зййва? *(Парубкы дають свыту и поясъ; винъ надивз свыту, а каптанъ скинуувъ)*. А цей балахонъ,—нехай винъ пропаде! Теперъ я зовсимъ свойскій чоловікъ!..

Приська *(закрычала)*. Ой, матиночко жъ, матиночко! Теперъ же я пропала, на вкы пропала! *(Упала до плеча Хотыни и рыдае)*.

Даныло. Що це зъ нею? Що це зъ тобою, Приську, вчынылося? *(Пидбигз до неи)*.

Приська *(одыха Даныла)*. Геть, гыдкый, осоружный!

Паламарь. Евфросыня Дмитровна! Промовте жъ до мене, хочъ на прощання, одно драгое слово!

Приська. Нивсихъ Нивтыхычъ! я... я...

Паламарь. Вы одрикаетесь отъ мене, потому што у теперешнимъ моемъ состояніи мени грошъ цина? Скажу жъ прямо, што не то було мое горе, што мене знычтожылы, а то, што зъ монимъ знычтоженнямъ я потерявъ на вкы тебе, сокровыще души моей!

Приська *(кыдаеця до его)*. Охъ, убый же мене та тилько не покыдай!

Даныло. Якъ? Що таке?

Паламарь. Евфросыня Дмитровна! Возьмить соби у предисловіе ту печальну запъяту у своихъ мысляхъ, што ожели вы не моя, то сыралъ земля—мать моя!

Приська *(тыхо)*. Твоя жъ, я твоя!.. Охъ, не кыдай же мене!

Паламарь. Парубкы и дивчата! Правду кажутъ, що чоловікъ не зна, де знайде, а де загубыть! Мое лыхо мени жъ похвортуныло! Пыймо жъ, мои друзи, за мое лыхо, котре мени стало щастямъ; а черезъ тыждень на свадьбу васъ позовемъ и зробымъ настоящей балъ!

Даныло *(лютуе)*. Такъ ось воно що? Такъ ось яка ты, Присько!

Приська. А я жъ не забороняю тобі мене вохаты!

Даныло. Батькови своему лысому роскажы!

Паламарь. Што за прытча во языцъхъ?

Даныло. Хлопци, дивчата! Тутъ намъ не мисто! Хто за мною?

Хотына. Я не выганяю никого зъ хаты! Хто хоче зоставатысь,—зоставайся: гуляйте, якъ и до сёго часу гулялы!

Парубкы. А намъ що? Хата тепла, люде добри!

Даныло. Такъ нехай вамъ бись! Зберить соби другого березу, а я вамъ не товаришъ! (*Пишовз*).

Парубкы. И не будемъ просить! Дивчата! котра не хоче буты бытою, щобъ зъ хаты а ни ногою!

Дивчата. А намъ Даныло що? Не хай соби йде!

Паламарь. Што за оказія? Объясните!

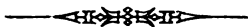
Приська. Нехай я тобі послѣ усе до-чыста роскажу.

Паламарь. Ну, титко Хотыно! Частуйте гостей; а буде недостача — вешеня настаче! Заграй хто хочъ на губахъ, колы нема штрумента, а я ушкварю!..

Парубкы. Охрине! А ну, выймай сопилку! Утны!

Паламарь. Дивчата и парубкы, — метельцю! На цю пичъ мое пытво, мой й стравя!.. Титко Хотыно, рижте курей, колить поросять!... Печить, варить, йижте, — я за все платю! (*Ганцюють метельцю*).

(Зависа).

ВУСЫ.

Комедія у 4-хъ дѣяхъ и 5-ты картынахъ.

(Позычка зъ розказу того жъ именина Олексы Стороженко).

ЛЫЦЕДИ:

Иванъ Степановычъ Бразолій, поміщыкъ, пожилыхъ литъ, служывъ у военній.

Фекла Гаврыловна, его жинка.

Марья Уласовна, сусидка Бразоліивъ, по жыла дивыця.

Кырыло Онуфріевычъ Пыщы-Муха, поміщыкъ, литъ 60-ты, служывъ у гражданскій.

Назаръ Семеновычъ Тулу - Табунець - Буланеньій, поміщыкъ, дуже старый чоловікъ; штыкъ - юнкеръ въ отставци.

Ластивка } поміщыкы, недоросли зъ дво-
Горобецъ } рянъ.

Адамъ Ивановычъ Фрыкъ, нимецъ колониствъ. Председатель изъ Петербурга.

Фома Петровычъ, секретаръ.

Григорій Григорычъ Захарченко, лакей.

Орышка, стара баба } слугы Бразолія.
Оверно, парубокъ }

Сторожъ } безъ ричей.
Дви дивчыны }

Діетця въ Полтавщыни въ 40-хъ годахъ.

Дія 1-а и 3-я у доми Бразолія, дія 2-а и 4-а у Полтави.

ДІЯ І.

Кимната у господо Бразолія. Старосвитскы канакы, дзыглыкы, столы, шкафы, дзеркала зъ райскымы птыцамы, картыны, на стинахъ винкы зъ колоскывъ хлиба и зъ васылькывъ; надъ выкнамы и была дверей, на килочкахъ, вышываны рушныкы.

Я В А І.

Иванъ Степановычъ и Фрыкъ (*за столомъ грають у дамокъ, Фрыкъ мугыче: Мейнз либерз Августинз*).

Иванъ Степановычъ. (*Помовчавъ*). Люди добри ще въ обидни стоять, а мы зъ тобою, Адаме Ивановычу, заходылися дамкы соваты. Отаки мы гриховодныкы!

Фрыкъ. Аберъ, Aber es ist nichts, це нишого Man Kaps, — мошна.

Иванъ Степановычъ. Та вамъ, нимцямъ, усе можна! Вы и у Пылы-

пивку и у великый пистъ исте скоромне, а у насъ инчый законъ. Тоби, може, ничего не буде на тимъ свити за те, що въ дамокъ до обидни грайешъ, а мени щобъ часомъ не попрыварювали дамокъ до пучокъ. (*Помовчавъ*). Оце тоби фукъ, а по фуку стукъ!

Фрыкъ. Гальтъ!... Це я піймавъ ворона? Погано тетяно! Теперь нема, куты хотывъ!... Аберъ то сакраментны штукъ, зновъ програвавъ!..

Иванъ Степановычъ. (*Посунувъ шапку*). А теперь мылосты просымо пропустыты нашего кавалера у дамкы.

Я В А II.

Ти жъ и Марья Уласовна.

Марья Уласовна. Мыръ тому, хто у цямъ дому, а першъ усега хазяинові! Господь видъ щедротъ своихъ даруйе васъ своею мылостію! (*Подайе Ивану Степановичу проскуру*).

Иванъ Степановичъ. (*Цилуйе проскуру и оставляе на божницю, а потимъ чоломкайетця зъ Марьею Уласовною*). Дякую вамъ, поштенная Марье Уласовно, що вы въ молитвахъ вашихъ про насъ грешныхъ не забудьайте! (*Цилуйе ей руку*).

Марья Уласовна. Де же тамъ забыты!

Фрыкъ. Гуть-моргенъ, мадамъ! (*клянцятця*).

Марья Уласовна. Буку мерси!

Иванъ Степановичъ. Просимо садовытця.

Марья Уласовна. Що це вы, за мисьць того, щобъ до обидни, та у дамокъ заходылсь граты?

Иванъ Степановичъ. Та такъ,— скувы рады. Цю ничъ, не вамъ кажучы, мовъ дуба давъ. Добре що хочъ Адамъ Ивановичъ нагодывс! Такъ мени поясницю заломыло, що зовсимъ упавъ на крыжъ. У досвита прихавъ Адамъ Ивановичъ, та, спасьби ему, пораявъ шкыбыдарёмъ вытертысь,—туть трохи видпустыло.

Фрыкъ. О, я! Скапыдаръ, то дуже гарна лекарествъ на поясницъ!..

Марья Уласовна. (*Першъ чымъ систы, змахнула хусточкою зъ дзыглыка, потимъ прослала хусточку и сила*). А котра же теперь годныя?

Фрыкъ (*выйма зъ кешени дзыгарыкъ*). Скоро тесять.

Иванъ Степановичъ. Ой, ой, ой, невже десять? Скоро и обидня пора! Отъ такъ загулялся...

Фрыкъ. Мыни бъ вше треба йхавъ до Кременчукъ, на ярмарка...

Иванъ Степановичъ. Ну, вже, якъ соби хочешъ, а безъ обьида не пушу.

Фрыкъ. Пословыць каже: казаниъ майе свій правъ, а гость мусыть мовчыть. А вы, Иванъ Степанъ, не поихавъ на ярмарокъ?

Я В А III.

Ти жъ и Оверко.

Оверко. Вже прыгнали овецъ зъ степену. Чабанъ пытае, чы на розколъ пускаты, чы прямо у кошару загонять!

Фрыкъ. На розколъ. Мощна добре роздывывся, який вовна, Иванъ Степанъ, я пиду до кошаръ и дывлусь тамъ вивца и буде курывъ соби файка?.. Вы не лупыть якъ дымъ у хата зъ тютюнъ?..

Иванъ Степановичъ. Та про мене ще й байдуже; а отъ моя Оекла Гаврыловна, то ненавидыть тютюнового дыму.

Марья Уласовна. Воно жъ и справди не годытця тамъ, де на покути лыкъ Господень, кадыты отіею поганню!..

Фрыкъ. О я, я снай! Аберъ пословыць каже: „у чужого уставъ не пхай своя монастырь!“ (*Пишовъ набываючы люльку тютюномъ, за нымъ слидкомъ Оверко*). Мейнъ либеръ Августинъ!..

Иванъ Степановичъ. Вы такы, вселюбезнійша Марья Уласовна, завиталы до насъ?

Марья Уласовна. Якъ бачыте, завитала!..

Бразолій. Тыжнивъ зо два не бачылись.

Марья Уласовна. А буде, буде!

Иванъ Степановичъ. По який прычыни?

Марья Уласовна. Теперь скрызъ соляня иде та выбирка хрукту, той нйколы було... Отець Сосипатръ витають васъ и такъ вже дякують, такъ дякують

вамъ за ти два вульки бджилъ, що вы имъ подарували на литнего Миколая; кажутъ, що зъ одного вулька вже третего роя взяли.

Иванъ Степановычъ. Ну, слава Богу! Нехай соби корыстуетця на здоровья.

Марья Уласовна. А гындычата у нихъ, звунить у цимъ слови, геть повыздыхали. Отутъ не въ мою миру на гнѣвци щось таке зробытця, нибы пыпотъ, и заразы здохне. А дежъ цо Оекла Гаврыловна?

Иванъ Степановычъ. Тамъ десь по хозяйству. (*Марья Уласовна хоче иты*). Позвольте, достойная Маріе Уласовно, продлыть прятну беседу.

Марья Уласовна (*сила*). А миру—миру було у церкви!.. И генеральша Дрыгалева була, зъ невесткою и онуками.

Иванъ Степановычъ. Богомольна особа генеральша?

Марья Уласовна. Трычи на рикъ говіе! Двичи у нашый паракви, а третій разъ у Києви, або въ Воронежи. (*Помовчала*). Такъ, кажете, вамъ поясницу заломыло? Осъ пошлите вы за бабою за Шкандыбыхою, вона и генеральши Дрыгалевій багато разивъ помогала! Нехай вона розитре васъ гарненько кавунячымъ росоломъ, та горщечкы поставыть, звунить у цимъ слови, про мижъ лопаткамы, то заразы якъ языкомъ злыже!

Иванъ Степановычъ. Тадже-жъ вы й сами, Маріе Уласовно, велька скусыця до всякихъ лѣкывъ?

Марья Уласовна. Такъ щожъ зъ того?

Иванъ Степановычъ. Може бъ вы мени де що пошенталы, за мисць бабы Шкандыбыхы?

Марья Уласовна (*соромытця*). Чы мени-жъ незамужній дивыци це прыстойно?

Иванъ Степановычъ. Людямъ же видшытуете.

Марья Уласовна. Правда, що видшытую, тилькы жъ не мушынському, а

дамському полку. И генеральши Дрыгалевій скыльки разивъ, звунить у цимъ слови, завійну видшытувала!...

Иванъ Степановычъ. Бачыте, самы хвалытесъ, що уміете допомогаты другимъ, а мене залынаете, це вже не по хрыстіянськи... Чымъ хрыстіянынь повиненъ себе украшаты—якъ не добродійствомъ: помогаты недугующымъ, утишаты скорбящихъ?.. Та я готовъ чымъ завгодно ручытесъ, якъ вы мени пошепчете, то заразы полегча!

Марья Уласовна. Почнить Лазаря спиваты.

Иванъ Степановычъ. Вы сѣгодня достаточно интересны. (*Подсовуетця*). Пошепчете?

Марья Уласовна. Якъ вамъ не соромно прылпаты? Що дамський полкъ, то то щось инче, а що мушынський. то зновъ щось инче... Я, на лыхо соби. така соромліва вродылася, що не можу не червоніучы даже бачыты голои мушынської шыи, а не що другый предметы. Отъ ей-ей истынно!

Иванъ Степановычъ. Подозвольте. почтенная Маріе Уласовно, прыгадать вамъ, що сіи слова ваши не суть истынны, ибо во времена оныя вы мене бачылы однажды почты зовсимъ безъ одіянія...

Марья Уласовна (*зовсимъ засоромылась*). Перестаньте, пожалуста, неподобне выгадуваты. Николы цѣго не було!

Иванъ Степановычъ. Якъ не було? Вы купалыся въ саду быля кладокъ зъ мою покойною сестрыцею Глахвиною, а я по той бикъ въ куцахъ роздытсѣ, цурнувъ, та й вырнувъ ажъ быля васъ!

Марья Уласовна (*затуля вуха*). Годи, годи вамъ бо-зна колышне згадуваты, пора те чортъ-зна що й забыты!

Иванъ Степановычъ. Охъ! И до смерти не забуду вашей лебединой ходы, вашего анголського посмаху, вашего херувымського писнопенія!

Марья Уласовна. Перестаньте! Що якъ почувють Өекла Гаврыловна, то зададутъ вамъ такого наганяя, що й до новыхъ виныкивъ памьятатымете!

Иванъ Степановычъ. О время, жестоке время, сокрушительне—неумолыме, ты ничого не жалюешъ, все уничтожаешъ!.. Боже, Боже, якъ тилько подумаю яки, вы были красыви дивыця—чудо! Не знаю, чы й бувають кращы на найкращыхъ картынахъ?

Марья Уласовна (*зитаючы*). Може й красыва була, та не прыпала вамъ до сердца?

Иванъ Степановычъ. Не гнivyть Бога, Марья Уласовна! И до сердца вы мени были и до души... Ну, що жъ не похвартуныло намъ одружытысь и насладытысь щастямъ! Повырьте, що

„Не я тому выноу,

Що разлучепъ я зъ тобою!“

Марья Уласовна. Такъ, такъ я вамъ и повирыла (*дывытыця на нёго*). Ачъ яки святи та Божи!.. Все вы, чортовы дурывиты, такъ кажете. Ой, не дывытысь, не дывытысь на мене такъ палко, хай вамъ цуръ, хай вамъ пекъ!.. Оти чортовы очи, що й досы искратця, оти чортовы вуса, що вже сывыють—и досы болячкоу лежать у мене па сердцеви!

Иванъ Степановычъ. А вы думаете, що моя грудь не зазнае що денного томленія:

Ты стогнешъ, ты ныешъ,

Серце, въ груди,

Тебе не загоешь

Въ сцйлющій води!

Именно не загоешь въ сцйлющій води...

Чы памьятаете вы ту писню, що вы мыни такъ часто спывали пидъ гитарни звуки (*спива тыхо*):

Леты, дружокъ мій билогрудый,

Леты, давно тебе я жду!..

Або ось цю. Стрывайте, возьму гитару. (*Бере гитару*). Згадаймо ко-

лышне, пидъ мелодычни звуки дывного инструмента.

(*Спывають*).

Куды летышь, кукушечка?

Куку, куку!

Туда лечу, куда хочу,

Куку, куку!..

Повѣдай мнѣ, кукушечка,

Куку, куку!

Чы жывъ—здоровъ мой душечка,

Куку, куку!

Я В А І V.

Ти жъ и Өекла Гаврыловна.

Өекла Гаврыловна. Бачъ, якъ тилько Марья Уласовна на поригъ, то мій супругъ и про поясныцю забулы! Та ще и спывають!

Иванъ Степановычъ. Та то мы... Я спывавъ... прокымень гласъ пятый... Я бачте, хотивъ доказаты Марья Уласовни, що хочъ я й не бувъ сёгодня у обидни, а знаю, якый прокымень дьякы спывалы...

Марья Уласовна. Та все жъ такы не той прокымень! (*Здоровкаецця з Өеклоу Гаврыловною*).

Өекла Гаврыловна. У якымъ же то прокымени спываетця: „Чы жывъ—здоровъ мій душечка.“

Иванъ Степановычъ. Вамъ, Өекло Гаврыловно, разъ-у-разъ, невѣтъ-що вчуваетця! Вы позавчора застудылыся, на протязи, якъ марынувалы слывы, то й досы у васъ свыстыть у вухахъ, черезъ те и не дочуваете... Краще-бъ мовчалы, ніжъ отакъ передъ людьмы соромытысь!.. (*Сердытый выходыть до выкна и са-рабаныть по склу*).

Өекла Гаврыловна. Пора бъ вже вамъ и вговтатысь, диткы вже подро-стають, старшенькому сынови симнадцятый годокъ, а вамъ и досы залёты на думци...

Иванъ Степановычъ. Торохтить, торохтить — сёгодня наставъ вашъ день!

Өекла Гаврыловна. Не знаю, хто зъ насъ бильшь торохтить?!

Марья Уласовна. Вы, Өекло Гаврыловно, нибы до моеи чести стежочку топчете.

Иванъ Степановычъ. А хйба имъ розумъ завадыть! Отъ наказаніе Господне!.. За вищо Ты, Мылосердный, осудывъ мене на що-денни терзанія?

Өекла Гаврыловна. Та цуръ вамъ пекъ! Якъ же васъ, Марье Уласовно, Господь мылуе?

Марья Уласовна. Вашымы молитвамы... эге, вашымы молитвамы! (*Цилу-тиця*).

Өекла Гаврыловна. Це вже и вы надулы губы?

Марья Уласовна. И не думала.

Өекла Гаврыловна (*помовчала*). Що це вы вже положили яблука у писту?

Марья Уласовна. Ни, ще, завтра думаю покласты. Завтра якъ разъ пидповня!..

Өекла Гаврыловна. А я вже положила. Думала сёгодня зибратыся до обидни, та неспроможнысть. А тутъ ще нимця Адама Ивановыча у дóсвита лыхе прынесло, розбудывъ насъ усеихъ: заразъ сніданокъ велила ёму зготовыты та кохвїю, бо воно сказано: нимота! Не вважа на те, що недїля, а давай ёму кохвїй. Що жъ вы, Иване Степановычу, такъ вже дуже розгнивалыся? Заграйте хочъ у „Марьяжа“ зъ Марьею Уласовною, або у кончыны, докы обидъ поспїе.

Иванъ Степановычъ. А сяду граты у „Марьяжа“, то вамъ зновъ у очахъ що небуть помарнїе! Краще бъ дали чогонебуть попойисты, бо вже часы давно прокукукалы десять!

Өекла Гаврыловна. Може бъ нимця пидождати, докы винъ вернетця видъ кошаръ?

Иванъ Степановычъ. Якъ немецъ прїйде, зновъ можна буде перекусыты.

Марья Уласовна. За мене, серденько, не турбуйтеся! Я зъ обидни заходыла до отца Сосипатра и выпыла у ныхъ чаю зъ прбскурую, и вже такъ вдоволнылася, такъ вдоволнылася!

Иванъ Степановычъ. Намъ нужды нить до того, чымъ тамъ васъ панувалы у попа.

Өекла Гаврыловна. Що у батышвы закусылы, то ваша печаль, а що у насъ пидкрепытесъ, то це вже наше дїло... Иванъ Степановычъ оце не за-довго пылы кохвїй зъ немцемъ, ажъ по тры стаканы выпылы, а кортыть зновъ до йижы, то чому жъ и не закусыты, воно не завадыть.

Иванъ Степановычъ. Велить же мерпїй подаваты сніданокъ!

Өекла Гаврыловна. Орышко, давай сніданокъ! Ось покуштуете, Марья Уласовно, моихъ опенёкъ, позавчора тилько змарынувала, по тїй выпысочци, що Иванъ Степановычъ выпрохалы у Городнычыхъ зъ Золотоноши... А печерыци моя певне не вдатни, бо заразъ пїсля дощу збирани.

Я В А Ч.

Ти жъ и Орышка.

Орышка. Мнышкы ще смажятця, а курчата вже зарумянылысь.

Өекла Гаврыловна. Становы жъ на стїль що поспїло, а останнє опїсла подасы.

Иванъ Степановычъ (*до Орышкы*). Не забудь податы полынковои: воно дуже ползытельно.

Орышка (*бурчыть*). Неначе я не знаю, колы полынковои, а колы якои инчои?

Өекла Гаврыловна (*до Орышкы*). Та гляды мени, щобъ мнышкы не пересмажылысь!

Орышка. Вчыть мене, вчыть; гарненько вчыть! Нибы то я ще не вчена, не знаю, якъ догодыты? (*Пшшла*).

Марья Уласовна. Чудесна у васъ куховарка оця Орышка.

Иванъ Степановычъ. Та нехай не то що де-небудь, а хочъ и въ самій Москви хто-небудь зварыть такий борщъ, який вона варє! Не варє, ей-Богу, не варє!

Өекла Гаврыловна. А вертушу зъ сыромъ, або зъ павыдломъ, чы зробе хто краще?

Иванъ Степановычъ. Ну, що до вертушы зъ павыдломъ, то це вже я можу передъ цилымъ свитомъ сказати, що то я їи першый выдумавъ, першъ нигде и не чутко було про вертушу зъ павыдломъ.

Марья Уласовна. Такъ неже жъ це вы сочинылы вертушу зъ павыдломъ? Стало бытъ вы сочинытель!

Иванъ Степановычъ Якъ бачыте!

Марья Уласовна. А я дывуюся й не надывуюся: видкиля та мода пишла на вертушу зъ павыдломъ. Не одминно доложу генеральши Дрыгалевій, хто сочинытель вертушы зъ павыдломъ. (*Помовчала*)... Оце я у васъ вдоволяюся прыятною беседою, а тамъ моя Хвяделька та мои вѣдонкы скучаютъ за мною, знаю, що капосна Йедоксы не догадаеця погодуваты...

Өекла Гаврыловна. Це жъ яка вже у васъ: Недопсы?

Марья Уласовна. Ни, не Недопсы, а Йедоксы! Генеральша Дрыгалева прозвала свою горнышну Явдоху Йедоксею, то й я вже, потрапляючи за модою, и свою Явдошку такъ дражню. А Приську клычу „Прозерпыною.“

Иванъ Степановычъ. А воно справды якось краще выходыть: „Прозерпына,“ ніжъ Приська?

Марья Уласовна. Це бачте, поповычъ давъ мени прочытаты таку кныжку. Чудесна кныжка! „Прозерпына, жона... Отъ же й забула, чныя жона?

Иванъ Степановычъ. Дуже, дуже красыве имя: Прозерпына!

Өекла Гаврыловна. А по моему следъ людей зваты такымы именнымы, якы имъ попомъ подавано: Орышка, Лепестына, Ивга, Вустя...

Иванъ Степановычъ. Або: Оверко, Шеледпянь, Яцько?.. Такъ це жъ именныа дуже престонародни.

Марья Уласовна. А прыдывытця вы до духовенства. Теперечкы вже и духовенство наше прыцляеця до моды; онъ хочъ бы и отецъ Сосипатръ, то звуть свою матушку вже не Параскевою Хвядосіевною, а „благо мое!“

Өекла Гаврыловна. Якъ, якъ?

Марья Уласовна. „Благо мое!“ и такъ такы не кажутъ: Параскево Хвядосіевно, а кажутъ: „благо мое...“

Иванъ Степановычъ. „Благо мое? И благо мое“ якъ дуже благопрыстойно, зовсимъ такъ благопрыятно! „Благо мое!“ Треба буде, өекла Гаврыловно, сочиныты и вамъ якесь прыстойныце именныа?

Өекла Гаврыловна. Та чы вы жъ зугарни?

Иванъ Степановычъ. Що жъ-то я, выходыть по вашому, вже ни до чого недотепный?

Өекла Гаврыловна. Якъ же це можна сказаты, що ни до чого, а на залѣты та на прокымень: „куда летышь, кукушечка?“

Иванъ Степановычъ (*скытывъ*). Вы зновъ вѣдатысь? Зоставте краще въ туни вашы шчылькы та голкы, вытекающія изъ жерла слипои ревности!..

Я В А VI.

Ти жъ и Орышна.

Орышка (*вѣгає*). Гости, гости йидуть! Тамъ такого гостей, що й не перечышыть!

Иванъ Степановычъ и Ѳекла Гаврыловна. Та хто жъ таки? Чы не пипъ зъ прычтомъ?

Орышка. Де тамъ пипъ? Зъ дзвинкамы та зъ талабончыкамы!.. Такъ и бижать, такъ и бижать!.. Инчы вже у двиръ зайздзять, а де-яки ще зъ горы ботять!

Иванъ Степановычъ и Ѳекла Гаврыловна (*зашамоталыся*). Оце, якъ несподывано! Прыбирай тутъ швыдче! Та поклычъ сюды кого зъ дивчатъ, щобъ крыхты тутъ поподметалы (*Орышка побигла*). Що жъ то за гости?

Марья Уласовна. Позвольте, й я вамъ допомогу. (*Уставляя столы и поправляя скатерку*). У генеральшы Дрыгалёвой...

Ѳекла Гаврыловна. Треба бигты до кухни, щобъ на обидъ де що прыбавылы! (*Бижыть*).

Иванъ Степановычъ. Отъ тоби и поснидалы. Скажыть же тамъ Свирыдови, щобъ заразъ взявъ зъ кошары ягня, котре зъ рябою вовною, та щобъ заризавъ и оббилувавъ! Та нехай Ленестына забье зо два гындыка, та курей зъ пятеро... А Шелестянови скажыть, нехай заразъ понацижуе усыкыхъ наливокъ... Та навязыть ёму, щобъ самъ не нацидывся такъ, що и до завтрёго не прочумаемъ ёго!

Ѳекла Гаврыловна (*повернулась у дверяхъ*). Не знаю, щобъ таке зъ солдкого додаты до обиду?

Марья Уласовна. Зробыть шулыкы зъ медомъ, або маковныкы, щобъ по моднему... Отъ и у генеральшы Дрыгалёвой...

Ѳекла Гаврыловна. Та шулыкы, чы воно жъ справды буде по моднему?

Марья Уласовна. А якъ же не по моднему, це первый хвасонъ! (*Иде за Ѳеклою Гаврыловною*). Адже и у генеральшы Дрыгалёвой...

Иванъ Степановычъ. Вы, Марья Уласовна, тилько Орышци натякыть, хочъ

обнякыма, то вона зразу прицлытця до всякой моды!... (*Бижыть до вкна*). Та якы жъ то справды гости? Чы не сиравынкъ зъ стрипчымы йдуть куды на следствіе!

Я В А VII.

Входыть Пыщы-Муха.

Пыщы-Муха (*декламуе*):

„Тутъ плюсь Еней, якъ будто зъ ноба: ось-ось де я, колы вамъ треба, Дидони поклонюся самъ!“

Здоровъ, прыятелю, чы пизваешъ?

Иванъ Степановычъ. И хто жъ бы то не пизнавъ Кырылла Онуфрисыча?

Пыщы-Муха. Та ще й Пыщы-Муху? Колись то ёго превосходытельство, нашъ господынь гражданскій губернаторъ и кавалеръ, зустрывъ мене въ церкви та й пытае: „отчего, каже, васъ прозывають Пыщы-Муха?“, А я ёму на це и одповивъ: „мого дида звалы, кажу, Муха, а господынь губернаторъ, якъ прытысь ёго за якась дило, такъ што той сердошный ажъ запыщавъ, то люды зъ того часу и продражылы ёго Пыщы-Мухою! „Вы, каже, за словомъ не полызыте въ кешеню!“ (*Регоче*). Ну здоровъ, здоровъ ще разъ. (*Цилуюцца*).

Иванъ Степановычъ. Та й поста-рилы жъ вы!

Пыщы-Муха. И ты не помолодчавъ?

Иванъ Степановычъ. Товкылся тамъ по тихъ Петенбурхахъ, розуму набра-лыся у волю, а волосся на голови позбулысь?..

Пыщы-Муха. Не зъ волоссямъ жыты, а зъ добрыми людями, та зъ розумомъ. (*Декламуе*). Каже:

Не дывуйся, Катерыно,
Що я лысый, якъ колино,

А до танцивъ ще проворный
И чепурный, и моторный:
Я якъ врижу гайдука!..

Ну, якъ же тебе Господь мылуе?

Иванъ Степановычъ. Та такъ... Якъ же васъ?

Пыщы-Муха. Спасыби! Та що це ты мени выкаешъ?

Иванъ Степановычъ. Такъ вже... вы, звисно, люде Петенбургски!..

Пыщы-Муха. А я тоби на це скажу такъ, якъ казавъ той бондарь якомусь чоловікови: „не дывись, каже, на мене, що я бондарь, а говоры зо мною, якъ зъ простымъ!“ *(Роздягається)*.

Я В А VIII.

Ти жъ и Тупу-Табунець Буланенький *(у жіночій шуби заячій и у картузи зъ лысычыхъ лапокъ)*.

Буланенький. Поклонъ тому, хто у цимъ дому.

Иванъ Степановычъ. А, Назаръ Семеновычъ! Скільки литъ, скільки зимъ?!

Буланенький *(не дочуває)*. Спасыби, спасыби! А ты якъ поживаешъ? *(Цилюється)*.

Иванъ Степановычъ. Ще пидскакую.

Буланенький. „Ломакою?“ Кажешъ, що не добъешъ мене ломакою? Ни, вже скоро зжынуть мене сусиды зъ свита, скоро зжынуть, заклюють, якъ шулыки курку!

Иванъ Степановычъ. Сидайте, гости дороги, просю покорно: Назаръ Семеновычъ, ось сюды, на мякеньке! *(Усажує його)*.

Пыщы-Муха. Систы сядемо, тилько не на великый часъ!.. Якъ той казавъ:

„Хлиба-солы зкушаты,
Де чога послухаты,
Та й дали трюхаты!“

М. Л. Бровиначій.

Буланенький. Нюхаты? *(Выйма табакерку и нюха)*. Давно, давно вже нюхаю. *(Пидносыть Ивану Степановычу)*. Посмакуй, зъ чебрыкомъ! Не хочешъ? Ты жъ першъ нюхавъ, хиба оце свижо покынувъ? А я все нюхаю й досы нюхаю!

Иванъ Степановычъ. То родытель мій нюхавъ, а я николи не вживавъ!

Буланенький. Ну, якъ хочешъ... зъ чебрыкомъ.

Пыщы-Муха *(огляда кимнату)*. Давненько, давненько, Иване Степановычу, я въ тебе не бувавъ. Що жъ, багато дитей наплодывъ, мабутъ повнисенький запичокъ?

Иванъ Степановычъ *(сміється)*. Не обидывъ Господь! Дае Господь дитей, дасть, якъ кажутъ, и на дитей. *(Часы бзють 11-ть)*.

Буланенький *(слуха)*. У тебе ще зозуля куде въ саду, а у насъ вже пода-вылась.

Пыщы-Муха. Та то часы кукають, а не зозуля *(сміючысь)*. Мовчала бъ глуха, менчъ було-бъ гриха! *(до Буланенького)*. Та вы повыймайте клоччя зъ вухъ, то, може, хочъ що небуть почуете? *(Дывыця на свои часы)*.

Буланенький. Га? Що ты кажешъ?

Пыщы-Муха *(гука ёму на вухо)*. Выйми, кажу, клоччя зъ вухъ!

Буланенький. А, клоччя! А я й забувъ! *(Выйма клоччя и завязує у кинчыкъ хусткы)*.

Я В А IX.

Ти жъ, Горобецъ и Ластивка.

Горобецъ. Здрастуйте, та не застуйте! „Отсуньте, каже, мои плечы, то й въ хати розвидныця!“

Ластивка. Осьдочкы й мы! А якъ частуете гостей: чы макогономъ, чы опо-

лонькомъ? (*Цилуютьця зъ Иваномъ Степановичемъ*).

Иванъ Степановичъ. Ополонькомъ, ополонькомъ. Спасыби, спасыби, що завитали. Просымо!

Пыщы-Муха. Мы до тебе, якъ та татарва, цілою ордою!

Иванъ Степановичъ. Знайдотця, чымъ ушануваты дорогыхъ гостей, не объисте вухъ, не зобыдывъ насъ Господь. Чы вси вже?

Горобецъ. Не знаю, я не оглядався. (*Регоче*).

Ластивка. Все, все! Я мезынчыкъ!

Пыщы-Муха. Ну, хазяине, я тоби такъ скажу, якъ казавъ колысь покійный капельмейстеръ капеллы ёго превосходительства поміщыка и кавалера Льва Григоровыча Мылорадовыча, Адольфъ Карловычъ... А чудесно винъ гравъ на скрипци варьяці: „ихавъ козакъ за Дунай!“ Такъ, бувало, якъ прыдаве саму тончу струну, такъ вона и нлачо, и вымовляе!.. Ну, та не въ тымъ сыла. Такъ, кажу, якъ було де зберемься у кого зъ прыятельвъ, и Адольфъ Карловычъ тутъ, то заразы було и каже: казійнъ, давай каныхволь, а то смышокъ рыпляе...

Ластивка. А рыпляе, рыпляе! бо мы верстовъ зъ пятнадцать протрюхали!

Пыщы-Муха. У, здорово пывъ. И ни-колы не закусовавъ. Отъ штука!

Иванъ Степановичъ. Заразы, заразы дамо й каныхволи, мы свій порядокъ знаемо! (*Пидходе до дверей и гука*). Өекло Гаврыловно, дилайте порядокъ, бо гостей нетерпяча бере!

Өекла Гаврыловна (*за дверыма*). Заразы, заразы! Потерпять крыхотку!

Пыщы-Муха. Выбачай, вселюбезнійший! Я й забувъ спытаты, якъ твоя жиночка?

Горобецъ. Өекла Гаврыловна ще благоденствуютъ?

Ластивка. Ще здоровеньки-живеньки?

Иванъ Степановичъ. Дыба ще по троху, мовъ та качка кыльваетця (*смѣтця*)

Пыщы-Муха. Стало быть, Господь скоро благословить, котрымъ же то?

Иванъ Степановичъ. Одыпадцятымъ!

Пыщы-Муха. Стало быть, вже ажъ десяточокъ прыдбавъ, и вси живи?

Иванъ Степановичъ. Трѣхъ Господь прыбравъ, а семеро растутъ.

Пыщы-Муха. Ну, нехай Господь не зменьшае! Дай Боже, щобъ росли щаслыви та здорови! Вельки и вси хлопци?

Иванъ Степановичъ. Старшому пишовъ симнадцатый видъ Лвтнѣго Мыколы, а то все погодочки.

Пыщы-Муха. Вчатця вже?

Иванъ Степановичъ. А якъ же. безъ того не можна!.. Старший вже дѣшовъ до Нового Завиту; а мали, то ти ще бильшь деруть горобенячь по загонахъ, та по клуняхъ.

Пыщы-Муха. Це гараздъ, гараздъ!

Ластивка. Не заморочуйте паморкивъ дитямъ змалку, не заморочуйте! Повирьте мени, що йдять люде хлибъ и не пысьменни! Мій отецъ покійный було каже: вчысь сынку по водженню зъ людмы та прыдывляйся, якъ други, щобъ такъ и ты, а грамота пуге дило!

Пыщы-Муха. Це мы якъ разъ зибрались такъ, якъ колысь, ще якъ я служывъ стряпчымъ... Це було въ 1831 роци... Такъ полученъ бувъ тоди указъ правытельствующаго сената во вниманіе къ ходатайству ёго превосходительства господына начальныка губерніи, изложенному въ доношеніи... отъ забувъ, отъ якого чысла октября? Тилько памьятаю, що въ октябри за № 4315. Такъ. кажу: во вниманіе къ ходатайству ёго превосходительства господына начальныка губерніи, правытельствующій сенатъ указомъ отъ... Тѣху, забувъ, видъ якого чысла указъ той бувъ! Ге шкода. стара вже памьять стала!.. Ну, та не

въ тимъ сыла, якъ той казавъ, що кобыла сыва, а въ тимъ, що не везе! Такъ, кажу: указомъ, скажемъ, отъ такого то марта 1833 року за №... здаеця № 1724? Правительствующий сенатъ опредилывъ...

Буланенький *(увесь часъ прислухався)*. Опредилывъ? Ось якъ опредилывъ: взискать зъ помищыка Лопаты-Деркачевського за убіеніе трѣхъ гусей и покражу лошака масты чалои...

Пыщы-Муха. Та вы це про вищо товкуете?

Буланенький. „Зъ проторамы и волокытамы зъ 1821 рока, со дня прошенія...“

Пыщы-Муха. Товчы просо, пшоно буде. Ну, скажыть на мылость, панове, кому цикаво слухаты ёго сутяжничства?

Буланенький. „Двадцать тры рубля одинадцать копіекъ!“

Пыщы-Муха. Товчы, Грыцю, Богородыцю! *(Гука ёму на вухо)*. Та мы не про ваше дило товкуемо!

Буланенький. Га?

Горобецъ *(крычитъ ему на вухо)*. Не про ваше дило ричъ!

Буланенький. Га?.. А я думавъ... ну, ну, слухаю... *(Згодомъ выйма зъ боковой кышени якыйсь папиръ и чытае. Посидившы трохы, оглядуеця и пересиди на другий дзыглыкъ, дали на третій. Все ему здаеця, що винъ сивъ на протязи)*.

Горобецъ. Кто зъ чымъ, а Назаръ Семеновычъ все зъ своими проторамы та волокытамы...

Ластивка.. Що въ кого свербыть, то винъ те й чуха! *(До Пыщы-Мухы)*. Такъ що сенатъ опредилывъ?

Пыщы-Муха. Такъ, кажу: правительствующий сенатъ указомъ губернському правленію отъ такого то числа марта 1833 року за № 1724, заслухавъ оное

доношеніе... Стривайте, про вищо жъ це я хотивъ сказаты, га? Ота глуха тетеря зовсимъ мене збыла зъ паптылку!..

Ластивка. Вы щось казали про указъ правительствующаго сената...

Пыщы-Муха. Знаю, що про указъ, та про котрый же?!.. Про вищо жъ я хотивъ? А щобъ тебе, бисивъ глушманъ, беперя взяла!.. Стривайте! Чы не про судья почавъ, про господына Ныкорыцю?

Горобецъ. Це про того, що десь то, на якимсь рапорти пидписався: прапорщыкъ Ныкорыця никоу не покорытця?

Пыщы-Муха. Та про него жъ! *(Входять Оекла Гаврыловна)*. Ну, нехай описля вамъ роскажу!

Я В А Х.

Ти жъ и Оекла Гаврыловна.

Оекла Гаврыловна. Выбачайте, гости дороги, що не зустрила васъ на порози, якъ звычайно це водытця! *(Все встають опричь Буланенького и пидбищежъ пидходятъ до Оеклы Гаврыловны и цилуютъ їй ручку)*.

Иванъ Степановычъ *(Оеклы Гаврыловны на вухо)*. Не забувайте, що Кырыло Онуфривычъ чоловікъ Петенбургскій.

Пыщы-Муха. Позвольте, достойночтымая и премногоуважаемая Оекла Гаврыловна, отъ полноты души моя, засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее почтѣніе и искрннійшу преданность, зъ которымы имію честь пребыть навсегда вашимъ благожелателемъ и всепокорнійшимъ слугою!..

Оекла Гаврыловна. Не вмію до ладу видповисты вамъ на вашу красну и вчену прымовку... Дякую, що не минулы нашои господа...

Иванъ Степановычъ *(тыхо)*. Додайте по французькому.

Горовецъ. Свидѣтельствую душевное поштеніе и сердечну преданность... имію честь! *(Уклонився и видѣйшовъ)*.

Ластивка. Вашъ блажелатель и всепокорнійшій... *(Видходять)*.

Өекла Гаврыловна. Прощу садовытця! Мерсы, ще разъ мерсы!.. *(Сила)*. Прощу садовытця. *(Сидаютъ)*.

Пыщы-Муха. Осмилюсь, достойночтымая Өекла Гаврыловна, обезпокоить васъ крайне любопытнымъ вопросомъ, вытекающимъ не столько зъ цикавосты, сколько изъ блажеланія и благорасположенія: какъ вы себе чувствуете въ своимъ здорволю?

Горовецъ и Ластивка *(до Өеклы Гаврыловны)*. Въ своимъ здорволю? Якъ чувствуете?

Өекла Гаврыловна. Такъ соби, мерсы! Якъ погода погожа, то й себе нибы вчуваешъ веселишь. Же ву ремерсы!

Пыщы-Муха. Справедливо, Өекла Гаврыловна! Стало быть, сегодня вы повинны быты въ вождепенномъ здравіи, ибо днесъ годына „упоительна и благоуханна!“ Хочъ воно трошечкы зъ востока зехвыромъ подыхае, но впротчемъ:

„Зехвыръ прохладоу лаская,

Шевельтъ тыхо лысть древесъ!“

Горовецъ. Я вамъ скажу, що це вже почнуть зехвыры подыхаты, чымъ дали, то все холоднишь робитця. Уже журавли и черногузы збываютьця у табуны.

Ластивка. У ночи вже бувають чы малы приморозкы... Позавчора я вертався у ночи зъ полювання, такъ мени зехвыръ мало-мало не одморозывъ носа, увійшовъ у хату, якъ глянувъ на носа, ажъ виявъ бялый, якъ крейда, а згодомъ почервонивъ, якъ папрыса. Вся птыця вже у вырїй збираетця летыты.

Өекла Гаврыловна. Господь и птыци умудрие!

Пыщы-Муха. Справедливо извольте розмышлять, Өекла Гаврыловна! Ежлы

птыци и всякій иной прочій твари не дано разума чоловика, то дано некоторое вразумленіе, руководящее опымы...

Горовецъ и Ластивка. А такъ, такъ, дано вразумленіе!

Пыщы-Муха. Поелыку Господь, творя и созидаю, въ первый день свить, во второй твердь или выдымне небо, въ третїй отдилывъ воду одъ земли и повеливъ земли произвесты ростенія, въ четвѣртый создавъ сонце, луну и звизды, въ пьятый — рыбъ и птыць. *(Часы бьютъ дванадцять)*. А шо, пане хазяине, рыба плава у води? И всяка тварь безъ водопою не прожыве, якъ ты думаешъ?

Иванъ Степановычъ. Өекло Гаврыловно, межъ тимъ, межъ прочымъ, дїлайте порядокъ!

Өекла Гаврыловна. Заразъ, заразъ! Все вже готово! *(Иде до дверей и гука)*. Орыніе, подавай обидь! *(Входять Орышка и дви дисчыны, накрывають стилъ и ставляють посуду)*. Хутенько, хутенько!

Я В А Х І.

Ти жъ и Фрыкъ.

Пыщы-Муха. А, нимоць! Ты якъ скуды забривъ? *(Чоломкаетця)*.

Горовецъ и Ластивка. Адамъ Ивановычъ, моргенъ!

Фрыкъ. А, гуть моргенъ! Якъ пожывайтъ? Нишого? Здоровъ?.. А гуть, гуть, хорошь!..

Пыщы-Муха. Ты все гладчаешъ, все ковбасы йисы?

Фрыкъ. Ковбасъ? Имо и ковбасъ, и зальцысонъ! *(До Ивана Степановыча)*. Геръ Иванъ Степанъ! вивця вашъ гарный, вовна нишого!.. Купувать жошня! *(Кива пальцемъ до Ивана Степановыча, котрый до него пидходять)*.

а за нымъ Пыщы-Муха и други; починають нышкомъ балакаты).

Өекла Гаврыловна (коло столу). Сюды, Орныіе, давай ще прыбора. Стаканивъ побільше постановы та чарокъ, щобъ коло кажнаго прыбору...

Орышка (бормоче). Це вже якісь нови выгады... (Ставляе).

Буланенькый (показуе Өеклы Гаврыловны пальцемъ у бумази). Осьдечкы (чытае). „Сенатъ опредилывъ: възскаты сь помищыка, подпоручыка Афанасія Тимофіева сына Лопаты-Деркачевскаго за убіеніе онымъ трехъ... (глянувъ на Өеклу Гаврыловну ненарокомъ и здывувався). А, мое поштеніе! Вы давно прыйхалы?

Өекла Гаврыловна. Видкиля прыйхала?

Буланенькый. Га?.. Слава Богу, по маценьку!. А вы й не старіітесъ!

Өекла Гаврыловна. Де тамъ не старііюсъ!

Буланенькый. А мы оце прыйхалы за вашымъ зятемъ!

Өекла Гаврыловна. За якимъ зятемъ?

Пыщы-Муха (постерегшы цю розмову, пидбигъ до Буланенькаго, гука ему на вухо). Та це жь хазяйка дома, хйба жь не пизналы?

Буланенькый. Що ты мене вчышь? Хйба я не бачу?!

Пыщы-Муха (гука). Мы у Ивана Степановыча Бразолія!

Буланенькый. Вачу!.. я не слипый!.. Якъ пожываєте, Ганно Ивановно?

Өекла Гаврыловна. Я не Ганна Ивановна! Ганна Ивановна, то булы моя маты... вони давно вже на тимъ свити!..

Буланенькый. Померла, померла моя голубка, вже шостый рикъ якъ померла!.. Царство небесне, вичный покой (заклынавъ очыма). Теперъ зостався я одинъ, якъ палець... Заклюють мене сусиды, якъ шулікы курку!

Пыщы-Муха. Вы, Өекло Гаврыловно, зъ нымъ не розбалакаетесъ! Ему давно вже пора въ ямку, та тилько про него певно забулы на тимъ свити.

Буланенькый (до Пыщы-Мухы). Ну, чого ты скалышь зубы?

Пыщы-Муха (взявъ его пидъ руку и повивъ, шепчучы ему щось на вухо). Розуміете?

Буланенькый. Не морочъ мени, Бога рады, паморокивъ. (Сивъ бормочучы и знову почавъ перечытуваты бумагы).

Иванъ Степановычъ (пидходе до Өеклы Гаврыловны). Дилайте, пожалуста, скорышь порядокъ! А де-жь Марья Уласовна?

Өекла Гаврыловна. Скучылы вже? Не забарятця прыйты, вони пышы погодуваты Хвядельку, писля обидъ прыйдутъ! (До гостей). Мылосты просымо дорогыхъ гостей сидаты за стиль! Не обезсудьте! (Вси сйдають).

Иванъ Степановычъ. Кырыло Онуфріевычъ, садовытця поручъ зъ хазяйкою. Выпьемо-жь, панове, зъ початку. У насъ, выбачайте, такъ вже заведено видъ батькывъ.

Горовецъ. У чужый манастырь зъ своимъ уставомъ не потыкайся!

Ластывка. Що городъ, то и норовъ; що край то, й обычай! (Выпывають).

Пыщы-Муха. А про Назара Семеновыча й забулы.

Иванъ Степановычъ. Якъ забулы? Мылосты просымо за стиль. (Веде Буланенькаго за стиль). Та тямлыть, Назаръ Семеновычъ, що треба выпыты зарзомъ тры, не закусючы!

Буланенькый. Вчы, вчы! Пылы мы и пъять!

Пыщы-Муха. Бачъ, якъ про горилку, то й почувъ! (Усадовывъ его и налива ему тры чаркы пидъ рыдъ)..

Горовецъ. „Господь и слищывъ умудряе!“ У мене е одинъ дидуганъ-пасиш-

ныкъ, зовсимъ вже слипый, а горилку за сотню ступенивъ носомъ чую.

Ластивка. Та хто ёго й не почую, такого добра, хочъ и за двисти ступенивъ?

Өекла Гаврыловна. Перижечкивъ до борщу! *(Подает)*

Пыщы-Муха *(помовчавъ)*. Борщъ вашъ. достойнотымая Өекло Гаврыловно, благоуханный и зело апетыттый. Попрошу паькы одну тарилочку. *(Пидставля тарилку)*.

Горобецъ *(пидставля Өекли Гаврыловни свою тарилку)*. Достойнотымая!

Ластивка *(пидставля тожъ)*. Отъ щедротъ вашихъ!

Пыщы-Муха. Отъ нимци не вмють варыты борщу!

Фрыкъ. Мошна!

Горобецъ. Ни, такого борщу не зварють!

Ластивка. Куды ямъ!

Фрыкъ. Мошна, усе мошна!

Иванъ Степановычъ. Що жъ, любы гостенькы, щобъ не задриматы, выпьемо ще по одній.

Горобецъ. Хазайске дило командувать, а гостеве слухатысь команды!

Ластивка. Ради старатыся!

Буланенькый. Мій отецъ покойный часто мени казавъ такъ, що покы выпьешъ по четвертій, то ще сякъ-такъ сыдытця, а пнсля пъятой ннбы вже й соромно тоби стане, що такъ довго не частують!

Вси. Ай да Назаръ Семеновычъ! Хвалю! *(Вымылы)*.

Пыщы-Муха. Во время моего пребывания у Петербурси, въ 1829 році, на обиди у ёго превосходительства господына исправляющаго должность дыректора департамента неокладныхъ сборовъ, тайнаго советныка и кавалера... *(Дивчата вносятъ жарене)*. А це що, — гндыкъ жареный и баранчыкъ? Давай,

дивко - чернобривко, сюды и гндыка и баранчыка! *(Бере соби на тарилку два шматкы)*. То одынъ достопочтенный нашъ землякъ, тайный советныкъ и кавалеръ — Мыронъ Радывоновычъ Трегубъ-Накывайло, узавъ у руку стакана зъ наливкою *(до Горобця)*. А налыи мени! *(Горобецъ налива)*. И сказавъ таеъ: *(встает)* „за здоровье достопочтеного начальныка нашего ёго превосходительства господына исправляющаго должность дыректора департамента и кавалера—ура!“ А я скажу: за здоровье достопочтеного сусида нашего Ивана Степановыча Бразолія, многа лита!

Вси. Многа лита!

Фрыкъ. Многа лита, гохъ! Многа лита: щобъ много вивця плодывся. *(Вымылы)*.

Буланенькый *(тсперъ только побачывъ Фрыка)*. А, Иванъ Карловычъ, ты ще живешъ? Кто жъ це мени сказавъ, що ты поморъ?

Фрыкъ. То мій отецъ бувъ Иванъ Карловычъ, а я Адамъ Ивановычъ!

Буланенькый. А памъятаешъ ту буру кобылу, що ты у мене купывъ? Що вона ще возе?

Пыщы-Муха. Мабуть давно вже на тямъ свити возе мертвыхъ,

Фрыкъ. Винъ дума, що я мой отецъ!

Буланенькый Га? Спасыби, спасыби!.. *(Пзе)*.

Пыщы-Муха. А дали, государи мои, ось що скажу! Хлебъ-хлибомъ, а мовя мовою. Знаешъ ты, Иване Степановычу, чога це мы до тебе зайихалы? Тоби, мабуть, и въ снн не вбачалось? Господынъ нашъ губернскый предводитель дворянства, отъ 3-го чысла прошлого мнсяца, почтытельнйше увидомляе мене, — певно и тебе такожъ почтытельнйше увидомывъ, якъ и всихъ здесь прысутствующихъ таковымъ ныжеслндоующымъ лыстомъ: „Мылостывой государь мой *(имя рекъ)*! Имъю честь почтытельнйше увъдомить васъ, ми-

лостивый государь мой, что 10-го числа будущаго мѣсяца сентембрія имѣють происходить дворянскіе выборы въ разныя должности, замѣщаемыя по выборамъ отъ дворянства. А по сему, почтительнѣйше извѣщая васъ о семъ, милосливой государь мой (*имя рекъ*), прошу пожаловать на таковыя выборы 10-го числа сентембрія въ городъ Полтаву, въ домъ дворянскаго собранія, въ 9 часовъ по полудни. Точка. Съ истиннымъ почтениемъ и достоодолжнымъ уваженіемъ пребываю навсегда вашимъ, милосливой государь мой, всепокорнѣйшимъ слугою, предводитель дворянства, отставной секундъ-майоръ и кавалеръ. — Нашъ господинъ предводитель дворянства слово: кавалеръ выше черезъ два „ырцы!“ Ну то якъ ты, Иване Степановичу объ цему думаешь?

Иванъ Степановичъ. А що жъ я думаю? Дай Боже здоровья нашему господину предводителю дворянства и кавалеру (*налива чаркы*) на многа лета!

Пыщы-Муха. Отъ бачъ и не догадався. Мы оце зайихалы, щобъ и тебе захопыты на выборы.

Өекла Гаврыловна (*зв. лякомъ*). Отакой!

Пыщы-Муха. Не лякайтеся, достойная Өекло Гаврыловно! Треба жъ вашему мужу послужыты громади? Такъ то, брате, годи вже тоби слывы сушыты, солыты, та наливаты!

Иванъ Степановичъ. (*Розвивъ рукамы*). Та якъ же це?

Пыщы-Муха. А що, не сподивався?

Горобецъ. Оце мы васъ заступалы, якъ у гороси!

Пыщы-Муха. Пора, пора тоби послужыты громади! А правда, Өекло Гаврыловно? Вы тилько посудить благоразумно, достойная Өекло Гаврыловно?

Өекла Гаврыловна. Та воно якъ розсудыты, то... Конечно и я скажу, що краще служыты, нижъ байдакы быты,

та зъ Марьею Уласовною въ „Марьяжъ“ граты!

Иванъ Степановичъ. Дався вамъ той „Марьяжъ.“ Це, панове, щось таке зовсимъ не сподиванё!.. Не розберу ничогисенько.

Пыщы-Муха. Нічого тутъ розбираты, а треба такы послужыты.

Горобецъ и Ластивка. Треба, треба послужыты, Иване Степановичу, нічого вамъ вже сперетчатъсь!

Иванъ Степановичъ. Та вже звисно, колы вси такъ прыплы, то мушу!.. Але, якось цо такъ нежданно, не гадало..

Пыщы-Муха. Отъ и молодець Иванъ Степановичъ!

Иванъ Степановичъ. Тилько що я вамъ скажу, панове, не хотилося бъ мени, дуже не хотилося бъ у гражданську, заразь тебе крючкомъ подражнють. Отъ колы бъ у военну, то я бъ, пожалуй, зъ радистю, хочъ и заразь: шаблю до бока, та й гайда!

Пыщы-Муха. Воювавъ колысь ты шаблю, а теперь новою ще перьяною! Ну, то ось якъ мы зробимо: подякувавши хазяинамъ за хлибъ-силъ и за ласку, будемо збиратыся у дорогу!

Иванъ Степановичъ. Якъ, заразь и въ дорогу? Ни, я на це не прыставъ! Якъ то можна заразь?.. Треба жъ подуматы, помиркуваты!..

Вси. Та нічого вже назадъ отсыты!

Пыщы-Муха. Збирайсь, збирайсь въ дорогу! А то ты мене знаешь, якъ не пойдешь, то я такъ тебе передъ усимъ дворянствомъ розмалюю, що хочъ и носа не показуй у Полтаву.

Горобецъ и Ластивка. О! Кырыло Онуфріевичъ, якъ вже захочуть кого розмалюваты, то буде згадуваты!..

Пыщы-Муха. Дружба дружбою, а служба службою!

Иванъ Степановичъ. Що-жъ, якъ збиратыся, то... Тилько шкода мени, не

въ военну! *(Вси встають з застолу и дякують хазяинамъ, уклонившысь перизъ до божныци)*. Якъсь це все такъ раптово трапылося. *(До Өеклы Гаврыловны)*. Зберить же мене, Өекло Гаврыловно, скорій у дорогу.

Өекла Гаврыловна. *(Хлынае)*. Радіете, що зъ дому втикаете!...

Иванъ Степановычъ. Непостыжимал вы особа, Өекло Гаврыловно: сами заразъ пидьохочували мене до гражданськой, а теперь вже й рюмсаете!

Өекла Гаврыловна. Радійте, радійте!... *(Идучы)*. Чы и брытвы вамъ покласты?

Иванъ Степановычъ. А якъ же, треба жъ буде щетыну трохы выголыты, а то борода геть заросла тырсою!

Пыщы-Муха. Ну, збираймося же худчишь, панове!

Горобецъ *(до Ластивкы)*. Ходимъ на пиддѣпокъ та покуримо, побы коней запряжуть, а то у мене такый бакуноць, якъ закурю въ хати, вси мухы попадають

Фрыкъ. И я зъ вами, буду курывъ файка! О я! *(Пишлы)*.

Пыщы-Муха *(до Бразоля)*. Та що це зъ тобою, ты мовъ опущенный у воду?

Иванъ Степановычъ. Та такъ якось... Не служивъ, не служивъ, а це вже зновъ службы... Це, мабуть, ще прыйдется и законы чытаты.

Пыщы-Муха. А треба буде! А не хочешъ чытаты, то й такъ служытымешъ, секретарь за тебе чытатымо, а ты знай одне: пидысуй, що пидсувають!

Иванъ Степановычъ. Та хйба жъ воно легко, хочъ бы и пидпысуватись?

Пыщы-Муха. Та ты вже, бачу, хочешъ, якъ медъ то и ложкою?

Я В А XII.

Ти жъ и Өекла Гаврыловна.

Өекла Гаврыловна. Усе вже збрала, и кони готови.

Иванъ Степановычъ. Уже готови? Пыщы-Муха *(до Буланенького)*. Затыкайте вже вуха, пора!

Буланенькый. Га? вуха? Заразъ, заразъ! *(Затыка вуха клоччямъ)*.

Иванъ Степановычъ. Почастуйте жъ насъ, Өекло Гаврыловно, на коней, щобъ часомъ не прыстали, та щобъ все благополучно! *(Өекла Гаврыловна напыва чаркы)*.

Я В А XIII.

Входять Горобецъ, Ластивна и Фрыкъ, а згодомъ Оверко.

Пыщы-Муха. Беримъ, панове, чаркы, тай будемо прощатыся! *(Выпылы)*.

Өекла Гаврыловна *(до мужа)*. Березить себе въ дорози... не розхристуйте на прыгязи, щобъ часомъ не простудылся. *(Замотуе ему шыю шарфогомъ)*. Доглядайте, пожалуста, Кырылло Онуфріевычъ, мого старенького.

Пыщы-Муха *(збираетця)*. Не турбуйтес! Повернетця здоровъ и невреднымъ.

Оверко. Картуза надинете, чы шапку?

Иванъ Степановычъ. Давай картуза! *(Оверко подае)*. Все це мене спобыгло такъ несподивано, такъ несподивано... Хочъ бы до завтрего пидождаты? Це й зъ Марією Уласовною не доведется попрощатыся! Ну, сядемо жъ, щобъ усе добро стало. *(Сидаютъ вси и Оверко поручъ)*.

Өекла Гаврыловна. Ты бъ, лобуряко, сивъ доли, а не поручъ зъ паномъ.

Иванъ Степановычъ. А теперь прощайте, душко.

Өекла Гаврыловна *(кынулася ему на шыю)*. Прощайте, мій соколе, мій голубе сызенькый! *(Плаче)*.

Иванъ Степановычъ. Не тревожте себе, пожалуста! Знаете, що вы теперь въ takimъ положенію, що вамъ не следъ себе тревожыты!

Оекла Гаврыловна (*зарыдала*).
Ой, на кого жъ вы мене покидаете, мій
возуле!

Иванъ Степановичъ. Не терзайте
себе, бо й я страдаю!... (*Плаче*).
(Зависа).

ДІЯ ІІ.

КАРТЫНА І.

(*Приемна*). Диваны оббиты кожою и такі жъ дзыглыкы, велмыый стиль, на котормъ лежать
вызнатна книга въ полатуркахъ. На кову никого нема; згодомъ чутно дзвінокъ.

ІВА І.

Лакей (*выходить у галаныцяхъ
розгниванный*). Вотъ ихъ нынче разно-
сило, не дадутъ и чайкомъ побаловаться!
(*Видчиля двери*).

ІВА ІІ.

Пыщы-Муха, Буланенький, Иванъ Степано-
вичъ, Горобецъ, Ластивна и ще де яки.
(*Вси въ мундырахъ, або въ козакынахъ*).

Пыщы-Муха. А що, чы прыйма?

Лакей. Никакъ нѣтъ-сь, его превос-
ходительство не изволятъ принимать... не
удогно ли вамъ росписаться? (*Показуе
на книгу*).

Пыщы-Муха. Росписаться?

Иванъ Степановичъ. Що жъ це
таке: тилько що прыняли прысягу, та
вже и писаты?

Буланенький. А чого жъ мы зупи-
нылись, ходимъ дали.

Лакей. Да что жъ вы, господа, рты-
то пораскрыли? Извольте-сь записываться.
Вси. На биса-жъ?

Лакей. Такъ угодно его превосходи-
тельству.

Пыщы-муха. Це, панове, якась новына,
я ще у перше чую!

Иванъ Степановичъ. Ну вже колы
й ты осовивъ, то намъ и Богъ веливъ!

Горобецъ. Та що жъ вопо оце за
книга?

Лакей. Визитная-сь, нешто сами не
изволите понимать?

Пыщы-Муха. Кажу жъ, що це нова
якась выдумка! Во якъ я бувъ у Петер-
бурси у ёго превосходительства госпо-
дына товарища мыныстра въ 1838 ро-
ци ноября, отъ не памьятую, якого
чысла...

Горобецъ. Може це той альбомъ, що
на памьять вирши нышуть, та пробити
стриламы серця малюють?

Иванъ Степановичъ. Чого доброго!

Лакей. Извольте-же, господа, запи-
сываться! Вѣдь, у насъ чай и другія
занятія полагаются,—какъ вы понимаете
объ этомъ?

Пыщы-Муха. А, може, господыну
председателю схотилось побачыть, якый
у кого почеркъ?

Горобецъ. И це може буты! Вже жъ
вона на вицось тутъ лежать, безъ на-
добности ии бъ не поклалы?

Ластивка. А не поклалы-бъ!

Иванъ Степановичъ. Ось знаете що!
Нехай вже за насъ Кырыло Онуфріевычъ
мизкуе, бо винъ чоловикъ бувалый, а мы
за нымъ пошхаемось—якъ вивци.

Пыщы-Муха. Це насъ, я вамъ кажу,
якъ разъ тако лыхо спобигло, якъ ко-
лысь зо мною трапылося, у тысяча во-
симсотъ...

Вси. А що жъ таке, роскажы?

Иванъ Степановичъ. И справди,
роскажы! Може твоа прыгода наведе насъ
хочъ на якый небуть розумъ!

Вси. Недаромъ поговярка е: „не пытай
розумного, а пытай бувалого!“

Пыщы-муха. У 1831 роци, въ бытность мою стряпчымъ въ Кобеляцкимъ повіти, получывъ я предложеніе о немедленномъ отбытіи моемъ, купно съ временнымъ отділеніемъ въ уздѣ для произведенія слѣдствія по дилу: „о верховой ѣздѣ помѣщика, гвардіи поручика Семена Ивановича Вышняка, на жидѣ Гершкѣ Заславскомъ, и объ оборваніи и припечатаніи первымъ борода послѣднему и побытіи съ членоврежденіемъ.“

Лакей. Сдѣлайте одолженіе, господа, росписывайтесь: чрезъ пять минутъ я запираю приемную!

Пыщы-Муха. Ну, похай я вамъ объ цѣму другимъ разомъ роскажу; а теперь ось якъ зрблю: бильшь копы лыха не буде, а въ коцу не вберешъ, чы такъ? Вы якъ соби знайте, а я наважывся... не повисять же за те, якъ що выйде не до шмыгы. *(Взявъ перо, подумавъ)*. Може винъ дума, що мы й пысать не вмисмо? *(Пыше, голосно дыктуючы)*. Пры сей вѣрной оказіи, спѣшу выразити душевное мое прыскорбіе и сердечное сокрушеніе, что по непредвидимымъ обстоятельствамъ лишень счастья лично засвидѣтельствовать мсе глубочайшее уваженіе и преданность, съ которымъ почтеннѣйше честь имѣю пребыть вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга, коллежскій ассесоръ, Кирило Онуфріевъ сынъ Пыщы-Муха! Ну, я вже напысавъ, а вы якъ соби хочете.

Иванъ Степановычъ. Де вже тоби не напысать: самъ терся по тыхъ Петенбурхахъ!

Пыщы-Муха. Та вже, що касаетця словосочненія, то я й самого чорта загвуздаю! *(Дае перо)*. А ну, пидходить кто! *(Вси отступаютьця)*.

Ластивка. Иванъ Степановычъ, берить вы, берить...

Иванъ Степановычъ. Не хочу! Хочъ що хочте, а не хочу!

Пыщы-Муха. Бери, бери, Иванъ Степановычъ! утны тамъ що небудь! Якъ такы тоби не выгадаты, що напысать; ты-жъ такы на всю Опонію брехувъ!

Иванъ Степановычъ. Отъ халепа! *(Бере перо)*. Що жъ я ему напышу? *(Стромля въ черныльницю)*. Й же Божови моему, не знаю, що й прыдуматы? *(Зновъ стромля перо)*. Хочъ ты меня вымотай уси паморокы, ничогисенько въ голову не лизе! И перо тремтыть у руци, неначе у того, що куры кравъ.

Вси. Та, ну, вже годи тоби нацплятись!

Пыщы-Муха. Выразы въ стыхосложеніи, або въ витійній мови свое поштеніе и чувства преданности по толыку, по колыку возмагаешъ!...

Лакей. Пожалуйста, господа, записывайтесь! Вѣдь это, какъ вамъ угодно, а эдакъ долго не возможно-сь!

Иванъ Степановычъ. Хиба намалюваты сердце пробите стрилою, колы-жъ я не зугаренъ малюваты.

Горобецъ. Та выражайте чувства по толыку, по колыку ..

Иванъ Степановычъ. Хиба ось-що! Винъ дуже ласый до дивчатъ, вехай же посміетця. *(Пыше)*. Ужъ! *(Вставъ)*.

Горобецъ. Я можу и въ стыхосложеніи, не злякаемось! *(Дыктуючы пыше)*:

„Спробувавъ пера и чорныла,

Що въ ёму за сыла;

Такъ перо пыше,

Якъ муха дыше.“

(Пидпысуетця). Северьянъ Симзановъ сынъ Горобей.

Ластивка *(взявъ перо)*. Я виршь ни якыхъ не знаю. Расчеркнусь прямо: ..съ глубочайшимъ почтеніемъ“ та й годи. *(Пыше)*. Отакого крючка загнувъ, якъ у чорта хвистъ. *(Дае перыну Буланьскому)*.

Буланенький. Що таке писать?
Пыщы-Муха (*гука ему на вухо*).
Що въ голову забреде, то й пыщы!

Буланенький. Це може жалобна кн-га? (*Довго пыше и стыха прыговоруе*). Сусидь мій... жаждой любостяжанія... многократно... яко тать... многоплодного.. гречаною кашою... Буланенький...

Горобець. Та кинчайте вже, Назарь Семеновычъ, швидче!

Пыщы-Муха. Що винъ тамъ почавъ розмаловуваты?

Иванъ Степановычъ. Отъ же я вамъ скажу, дарма що Назарь Семеновычъ старый, а глядять, колы винъ не утне щонебудь ще краще видъ насъ.

Буланенький. О, теперь и зовсимъ!

Лакей. Не скажетеь вамъ его превосходительство за это писанье спасибо!... (*Сміється*).

Иванъ Степановычъ. А що-жь? якъ вмилы, такъ и напысалы; ему-жь хотилося нашего писанья, — нехай чыта по субботахъ.

Пыщы-Муха (*до лакея*). Такъ, стало быть, мы его превосходительства такъ такы сегодня и не побачымо?

Лакей. Этого мы не можемъ-сь знать!

Пыщы-Муха. Ну, то ходимъ!

Иванъ Степановычъ. Прощайте до якого часу! (*Пишлы вси*).

Я В А ІІІ.

Лакей. (*Одымз, дывытця у кыгу*). Вотъ оно что значить хохлацкая провинція, но смыслять дажо, какъ слѣдоваецъ въ визитной книгѣ расписаться! Дворяне то они дворяне, а въ деликатной политикѣ выходить менѣе моего смыслять! Не дарожъ, значить, и на театрахъ случалось видать, представляютъ хохловъ простофилями. Одно слово, невѣжество захолустное. (*Чутно дзвюнокъ*). Кого еще несеть? (*Видчиля двери*).

Я В А ІV.

Лакей и Оома Петровычъ.

Оома Петровычъ. Что, его превосходительство принимаютъ?

Лакей. Приказывали доложить, какъ придете. Повремените-сь! (*Пишовз*).

Оома Петровычъ. Що жъ-то, чы вже учынылы явку наши вновь избранни члены? (*Розверта кыгу*). А пу, подывлюсь, яки у ныхъ почеркы? (*Дывытця*). Що це, що це таке? (*Чыта*): „Имѣю честь почительнѣйше донести вашему превосходительству, что сусѣдъ мой, отставной поручикъ Θεодосій Карповъ сынъ Халява, движымый жаждою любостяжанія, унаслѣдованной стъ отца его, судившагося многократно за обиды, чинимыя сусѣдомъ, — яко тать, ночью стъ 5-го на 6-е августа, зашедъ ко мнѣ въ птишню, укралъ у меня многоплодного индюка и, приготививъ его подъ щавелевымъ соусомъ и начинивъ онаго гречаною кашею, съѣлъ такового. Отставной штыкъ-юнкеръ Назарь Семеновъ сынъ Тупу-Табунецъ-Буланенький“ ... Що-жь це буде? Це прямо хочъ тикай зъ Полтавы! Отакои налыхотворылы!

Я В А V.

Входытъ Предсидатель.

Предсидатель (*до лакея*). Что ты врешь, этого быть не можетъ! Да какъ они осмѣлились?

Лакей. Извольте сами, ваше превосходительство, прочесть.

Предсидатель (*побачывъ Оому Петровыча*). А, здравствуйте, любезный! Что тамъ такое эти господа осмѣлились написать въ визитной книгѣ?

Оома Петровычъ. Языкъ коснѣеть, ваше превосходительство; неслыханная дерзость и своеволие, — просто ума помрачение!...

Председатель. Читайте, что тамъ такое?

Оома Петровычъ. Не пристойно читать, ваше превосходительство!

Председатель. Читайте, говорятъ вамъ.

Оома Петровычъ. (*Третьячымъ голосомъ*).

И учора галушки, и сегодня галушки,

Прйды, прйды, сердяятко, на би-
ли подушки.

И учора кулишь, и сегодня кулишь,
Прйды, прйды, сердяятко, мою
душу потишь.

Председатель. Какая наглость! Это возмутительно!...

Оома Петровычъ (*чѣта*):

Спробувавъ пера и чорныла,

Яка въ нему сыла...

Председатель. Довольно-сь! Напишите сейчасъ повѣстку, чтобы эти сочинители сію минуту ко мнѣ явились!... Пошлите съ курьеромъ!... Слышите, чтобы сейчасъ явились. Это, чортъ знаетъ, что такое!... Куда же это, наконецъ, я попалъ, въ какую страну, въ какую трущобу? Это какіе-то дикари, а не люди!... Чтобы сію минуту они явились.

Оома Петровычъ. Тутъ еще, ваше превосходительство, господинъ Буланенкый занесъ жалобу за многоплоднаго индыка.

Председатель. Потребуйте ихъ ко мнѣ сію минуту! (*Побѣзъ розгниванный*).

Оома Петровычъ. Ну, налыхотворылы! Не знаю, чимъ це й кинчитця? (*Сиди и пише*).

Лакей. Я имъ внушала, что, дескать, господа, поймите, что этакъ нельзя-сь!.. Да развѣ ихъ вразумишь?

Оома Петровычъ. А вамъ, Ларивонъ Мыколаевычъ, треба-бъ було имъ сказаты, щобъ не писали такого...

Лакей. Помилуйте-сь, развѣ это наше дѣло? (*Помовчавъ*). Точно, что дикая страна! Я такъ полагаю, что ежели таперича поѣхать въ Питеръ и поразсказать кому хошь, эти исторіи, такъ тамъ даже не повѣрятъ. Изругаетъ тебя анафемой, еще того хуже, коли ежели станешь увѣрять, что это точно такъ бываетъ здѣсь, въ дикой странѣ.

Оома Петровычъ (*встает и дае въ двери бумагу*). Курьеръ! Заразъ одишли цей объявительный листъ по принадлежности! (*Вертаецця отъ дверей*). Колы бъ ще не попались пидъ судъ, за цю штуку? Не знаю, що объ цему законъ гласить? (*Бере на столи законъ и перельстуете*).

Лакей. Неужто, Оома Петровычъ, это здѣсь диковина, къ примѣру эта самая визитная книга?

Оома Петровычъ. Точно, що мы про таку книгу у перше чумо!

Лакей. Ну, я вамъ скажу, что у насъ, въ Питерѣ, это давно ужъ заведено. Конечно, что говорить, здѣсь у васъ въ провинці простота насчетъ визитовъ и всякихъ обращеніевъ. Языковъ иностранныхъ здѣсь тоже что то не слышать. За то у насъ въ Питерѣ даже, скажемъ къ примѣру, извозчика спросите: что значить: „каманъ ву парте?“ Онъ вамъ тотчасъ объяснитъ, что это означаетъ: „какъ ваше здоровье?“ а не то чтобы не понять, что значить визитная книга. Опять возьмите горничную. У васъ горничная иня даже званія не стоючал. — Такъ говорю, возьмите горничную, которая ежели изъ порядочнаго дома, ужъ ты ей не моги сказать: „какъ, молъ, ваше здоровье?“ — потому мужикомъ обзоветь, оконфузить на всю жизнь. А говоришь ей: „каманъ вотъ санте?“ — тебѣ въ отвѣтъ: — „мерси!“

Оома Петровычъ. Мерси?

Лакей. Да съ, мерси, — не иначе! Ей-Богу — право! Точно что Питеръ городъ,

можно сказать, первѣющей по всемъ заведеніямъ. У васъ вотъ купчихи даже здѣшнія ходють платками головы покрывши, али шалими; а у насъ, всякая горничная въ шляпкѣ и при перчаткахъ, при зонтикѣ и не при своей природной физиономіи, а нарумянимшись и безпримѣнно въ карналинѣ! (*Сторожъ приноситъ бумагу и видходытъ*).

Оома Петровычъ. Въ карналинѣ?

Лаквѣй. Да-съ въ карналинѣ! Потому карналинѣ помогаетъ всякимъ дамамъ насчетъ тѣлеснаго сложенія. (*Помовчавъ*). А какъ вы обо мнѣ понимаете, Оома Петровычъ! Я тоже не токма что по французскому, а даже по аглицки могу кой что смекать!.. Мы, примѣрно скажемъ, хоть и въ лакейскомъ званіи состоимъ, а образованію блюдемъ.— На балахъ бываемъ, также и въ машкарадахъ. Я могу танцевать всякіе господскіе танцы; ну и за столомъ всякое блюдо какъ братъ,—вилкой али ложкой—тоже понимаемъ, потому обучены этому. (*Помовчавъ*). Вы бы насъ, Оома Петровычъ, когда нибудь, пригласили къ себѣ съ визитомъ.

Оома Петровычъ. Якъ то съ визитомъ?

Лаквѣй. Значить, въ гости! Вы не безпокойтесь, потому мы себя, то есть, ни передъ какимъ дамскимъ обществомъ не оконфузимъ. Какъ у васъ таперича, примѣрно, дочери взрослыя, такъ мы можемъ имъ поеазать и столичныя манеры, для ихъ собственнаго образованія... Мы въ столицѣ у многихъ чиновниковъ не то въ кумовьяхъ, а и въ шаферахъ бывали.

Я В А VI.

Ти жъ, Пыщы-Муха, Буланенькій, Иванъ Степановычъ Горобецъ, Ластивна и др.

Пыщы-Муха. А чога це его превосходительству такъ приспичило неукоснительно насъ бачыты?

Иванъ Степановычъ. Чы не на закуску прыглаша?

Горовецъ и Ластивка. Хто-жъ хлиба-солы цураецця?

Оома Петровычъ (*до лакея*). Доложить его превосходительству. (*Лакей пшшовъ*). Буде вамъ закуска!

Вси. А що такое?

Оома Петровычъ. Побачыте!

Пыщы-Муха. Не лякайте лякавыхъ!

Оома Петровычъ. Вже кому-кому, а вамъ, Кырыло Онуфріевычъ, то й соромно.

Пыщы-Муха. Та ты-бо не кажи загадкамы, не морочъ; кажи прямо, що тамъ зкоилося?

Буланенькій (*до Оомы Петровыча*). А що, яку резолюцію положывъ его превосходительство на мою жалобу за покражу многоплодного индыка?

Оома Петровычъ. Ось винъ вамъ самъ скажо!

Буланенькій. Га, що ты кажешъ? Чога ты усмихаецся? Тоби-бъ усе тилько зубы скалыты, чортивъ грошолупъ! Вамъ и байдуже до того, що чоловіка кругомъ грабують!... Постривай, попоскалышь ты въ мене зубы! 🍷 тебе пряткыну!...

Я В А VII.

Ти жъ и Предсидатель.

Вси (*забубонилы*). Честь имѣю явиться!

Предсидатель (*до Бразолія*). Къ кому вы явились? (*Бразолій мовчытъ*). Я васъ спрашиваю, къ кому вы явились?

Иванъ Степановычъ (*здвижує плечыма*). Къ вамъ!

Предсидатель. А я кто такой?

Иванъ Степан. Хведоръ Ивановычъ!

Предсидатель. Не Хведоръ Ивановычъ, а ваше превосходительство господинъ предсѣдатель, вашъ начальникъ, милостивый государь мой!

Иванъ Степановычъ. Нехай буде й такъ!

Председатель. Такъ къ кому вы явились?

Иванъ Степановичъ. Къ вашему превосходительству! (*У бикъ*). Нехай буде по твоему.

Председатель. А какъ вы явились? (*Бразолій мовчить*). Отвѣчайте, милостивый государь мой, какъ вы явились?

Иванъ Степановичъ (*у бикъ*). Що за напасть така? Не знаю, що ему и казати? (*До него*). Съ достодолжнымъ уваженіемъ.

Председатель. Развѣ въ такомъ видѣ являются къ начальству съ достодолжнымъ уваженіемъ! Посмотрите вы на себя?

Иванъ Степановичъ (*оглядуе себе, у бикъ*). Чы не роздерлось що небудь? Здаеця, якъ увиходылы у двери, то я за клямку зачепився?...

Председатель. Я вамъ говорю, посмотрите вы на себя!

Иванъ Степановичъ. Дивлюсь!

Председатель. Видите?

Иванъ Степановичъ. Ни, не видно! (*У бикъ*). Що винъ на мени таке бачыть?

Председатель. Видите?

Иванъ Степановичъ. Ничого не видно! (*Обертаетця до другихъ*). Чы не знаете, хочъ вы, чого одъ мене треба его превосходительству господину председателю, нашему начальнику.

Председатель. Что-сь? Вы, кажется, шутить со мной вздумали? Вы, милостивый государь мой, не имѣете должной атенціи къ начальству, не исполняете установленныхъ формъ, нарушаете государственныя узаконенія! Я васъ въ двадцать четыре часа продамъ суду!

Иванъ Степановичъ. Якъ буде за що, то можно и заразъ предать суду... (*Крутнувъ вуса*). Позвольте и мени васъ спросыть: чого вамъ одъ мене треба? Хиба дворянство на те мене выбрало, щобъ на мене крычали, якъ на лакея? Чого вы прылылы до мене, якъ шевська смола до чобота? (*Стукнувъ шаблюю*).

Председатель. Молчать!... Вы еще осмѣливаетесь разсуждать!... Посмотрите въ зеркало, въ какомъ видѣ вы явились къ начальнику! (*Подводе Бразолія до дзеркала*).

Иванъ Степановичъ (*дывытця у дзеркало*). Здаеця-жь? все обстоить благополучно? Та отъ же медали на своемъ мисци, козакыпъ зачепнутый на чаплыкы, шаблюка якъ слидъ!...

Председатель. Что, видите?

Иванъ Степановичъ. Ничогисенько не выдю, чого вамъ одъ мене схотилося!

Председатель. Какъ ничогисенька? На какомъ основаніи вы осмѣлились явиться ко мнѣ въ ухахъ? Вы теперь состоите въ гражданской службѣ, а потому право ношенія усовъ на васъ не распространяется!

Иванъ Степановичъ (*оторопивъ*). Якъ? ..

Председатель. А такъ-сь! Слышите ли: не распространяется!

Иванъ Степановичъ (*у бикъ*). Оце такъ халепа! (*До него*). Зъ сего-бъ и почалы; якъ не распространяеця, то й выголюсь! Ничого було й крычать, якъ на живить: се бъ и губернаторъ, и самъ мыныстръ такъ глоткы не дравъ.

Председатель. Прошу не разсуждать, а исполнять, что вамъ приказываютъ, что бы сегодня же выбрили усѣ, а не то я васъ подъ арестъ посажу.

Иванъ Степановичъ. Колы не распространяеця, то и выголюсь!

Буланенькый (*помовчавши*). Га?

Председатель. Я васъ пригласилъ, милостивые государи, чтобы выразить вамъ крайнее мое неудовольствіе за то неуваженіе и непростительную дерзость, которую вы учинили вашимъ неумѣстнымъ поступкомъ.

Пыщы-Муха (*выступа*). Позвольте узнать, ваше превосходительство, въ чемъ заключается неумѣстный поступокъ, учи-

пенный нами, изъ котораго можно бы усмотрѣть неуваженіе къ вашему превосходительству и непростительную съ нашей стороны дерзость?

Председатель. Какъ изъ котораго? а какъ вы могли позволить себѣ писать въ визитной книгѣ такую дичь и галушки, и кулиши, и жалобы записывать, словно на почтовой станціи, — когда вамъ слѣдовало записать только ваши фамиліи.... Это просто бунтъ противъ правительства?

Пыщы-Муха. Наши именныя списки доставлены уже вашему превосходительству, слѣдовательно, мы никакъ не могли предполагать, чтобы вамъ предстояла надобность въ нашихъ фамиліяхъ, а полагали, что ваше превосходительство интересовались болѣе нащотъ нашихъ почерковъ и словосочиненія...

Иванъ Степановичъ *(до другихъ)*. Оцей ему допече!

Пыщы-Муха. А потому, каждый изъ среды насъ, по мѣрѣ силъ своихъ, потщився выразить свои чувства и мысли...

Горобець *(до другихъ)*. Цей ему утро носа.

Пыщы-Муха. Никакъ не предполагаю, чтобы ваше превосходительство...

Председатель. Ну довольно, довольно!

Иванъ Степановичъ *(тихо)*. А що, доникъ такы тебо!

Председатель. Вы, какъ маятникъ въ часахъ, тронъ васъ разъ, такъ вы десять разъ покачнетесь!

Пыщы-Муха. Позвольте, ваше превосходительство, уразумѣть суть основанія сего вашего запрещенія, выраженнаго вышеупомянутымъ словомъ: „довольно?“ Ибо служа въ продолженіи многихъ лѣтъ, въ разныхъ классныхъ должностяхъ и даже въ послѣднее время...

Председатель. Довольно-съ!

Пыщы-Муха. Никакъ-съ нѣтъ, ваше превосходительство, не „довольно!“ Ибо въ

приложеніи къ узаконеніямъ о дворянскихъ выборахъ, изданія тысяча восемьсотъ...

Председатель. Довольно!..

Буланенькый *(помовчавши)*. Га?

Председатель. Теперь, господа, извольте отправляться; на первый разъ я васъ прощаю, но въ другой — будьте осторожны: я не люблю шутокъ! *(До Бразолія)*. А вы, милостивый государь, чтобы сію минуту обрили! Понимаете? *(Выходятъ)*.

Иванъ Степановичъ. Якъ не понять! У мене е дурень, що слывы стережо, такъ и той васъ пойме!

Председатель *(оглянувся)*. Что-съ?! Молчать, не разсуждать! *(Побѣгъ)*.

Я В А VIII.

Ти-жь безъ Председателя.

Пыщы-Муха. Оце намъ и закуска!

Горобець *(до него)*. Ну й вы жъ ему добре допеклы!

Пыщы-Муха. А що жъ то винъ дума, що я ему мовчатыму, чы якъ? Запровадывъ якусь дурныцю, якусь выдыгу, тай прыскае!

Ластивка. Эго, прыска неначе шапувалъ сукао моче! Та ажъ пидскакуе видъ злости, мовъ те зиньске щеня!

Ив. Степ. Видкыля ёго выдралы тако-го? Невже тамъ вси такы въ Петенбурси?

Оома Петровычъ *(пидійшовъ до Бразолія)*. И якъ такы можна въ гражданскый вусы носить!

Ив. Степ. Та хочъ вы мовчыть: чортъ батька зна зъ чого таку куру пиднялы! Не то вусы, — и борода дилу не помиха!

Оома Петровычъ. А въ вызытній кныжци що вы нанисалы? Або на обявительному листу: „буду, хлиба-солы не цураюсь?“

Ив. Степ. Поцилуйте мене сегодня, а я васъ завтра!.. *(Пишлы)*.

(Зависа).

КАРТИНА II

(У ТРАХТЫРИ).

Простенька мебель: стіль, дзыглыкы, дзеркало, лїшко и всяке збижьзя.

Я В А I.

Оверко (*сыдыть бїля вїкна*). Що це пань мїй такъ довго барытця? Сонечко вже почало звертаты на полудень, пора бѣ и выздыть, а ёго нема та й нема. Досыдытця до вечора, а тамъ, якъ выдемо, то й почне грызты тоби голову: „торкай-бо, торкай, поганяй швыдче!“ Та ажъ обрыдне тоби ота грызотня. (*Помовчавъ*). Ну, тай сумно у цимъ городи сыдїты: ни зѣ кымъ ни побалакаты тоби, ни поспиваты... Хочъ бы у хвилькы зѣ кымъ зограты, або у воза? Такой сумъ тебе обгорне, такой сумъ, — сказано: чужа сторона. Такъ нїбы й чешь, якъ вона тебе точыть, якъ та черва дерево, та сушыть тебе, та вялыть... Сегодня вже й спавъ, и ходывъ до памятникы, и ажъ до рїчки ходывъ, дыввися: видкїля Ворскло тече, здаеця що зѣ Тахта у Лївки? И на муштру солдацьку ходывъ дывытысь: муштрують бїдныхъ людей, щобъ вышче ногы пїдїймалы, — и на дзвїныцю лазывъ, выгядаты, чы далеко до нашего села? Манячатъ богато сїль, а нашего лыбонь и не выдко!.. Бо такы жѣ и далеченько; я такъ думаю, що видѣ насъ до Полтавы буде верстовъ на двадцять, колы ще й не бїльшь?..

Я В А II.

Иванъ Степановычъ *входитъ*.

Оверко (*оставъ*). Насылу я васъ дождався. Чы заразъ будемъ йихаты до дому?

Иванъ Степановычъ. Не твое діло! (*Ходѣ по хати засмученый*).

Оверко. Я все вже купывъ: лехтю взявъ дви кварты, тарани тры десяткы, чახони...

Иванъ Степановычъ. Не прылїпай!

Оверко. А сїль для овецъ мабуть вызме-мо тоди, якъ будемъ ихаты до дому черезъ базарь. Тамъ ще Гарасымъ прохавъ, щобъ купылы ёму ремёню на чоботы!..

Иванъ Степановычъ. Чы тоби зацїп-пыть?

Оверко. Морока зѣ вами тай годи! А потимъ мене жѣ будете лалты, скажете: „чому не нагадавъ, якъ булы въ городи?“

Иванъ Степановычъ. Пїды геть зѣ очей моїхъ!

Оверко (*помовчавъ*). То коней запрягаты?

Иванъ Степановычъ. Геть, кажу тоби, кѣ бїсу!

Оверко. Чы не думаете вы й цю нїчъ тутъ заночуваты? Ей-Богу не знаю, якъ вамъ, а що мени то тутъ такъ остогыдло, що я бѣ прыставъ на те, щобъ хочъ и заразы йихаты!

Иванъ Степановычъ. Мени, може, у десятеро бїльшь остогыдло!

Оверко. Та чого тутъ зсоставатысь, я буду запрягаты!

Иванъ Степановычъ. Пїды ты пїдѣ тры чорты, надїовъ.

Оверко. Це щось дывне зѣ вами пїдїялось! (*Пишовъ*).

Иванъ Степановычъ (*самъ*). Лїзе мени въ вичи зѣ своею нудьгою! Тутъ здаеця и на свїть Божїй не дыввися-бѣ, а вїнъ зѣ своимъ ременемъ прылїпае!.. (*Помовчавъ*). До дому, каже, пора! Чорта зѣ два тутъ урвесся до дому; може й зовсимъ не пусгаты! Такъ отака-то служба на корысть ромагди? Ну, сучїй сынъ буду, що колыбъ я оце не давъ прысягы, утикъ-бы, заразъ утикъ бы зѣ Полтавы! Чы я кого зкрывдывъ, чы зобидывъ, чы, може, за грїхы моїхъ батькывъ я караюся що

таке лихо звалылося на мою голову! (*Сиди на дзыглыкѣ*). Ну що-жъ, давъ присягу, треба впрягатысь въ ярмо. (*Крычуть*). Оверко! Оверко!..

Я В А ІІІ.

Входять Оверко.

Оверко. А що, надумалысь вже? Запрягати коней?

Иванъ Степановычъ. Принеси мени заразъ окропу у малымъ горняти!

Оверко. Та вы-жъ учора голылися, на вищо-жъ той окропъ?

Иванъ Степановычъ. Не твое діло!

Оверко. Хіба чай пытмете, то краще я самоваря настановлю?

Иванъ Степановычъ. Окропу!

Оверко. Добре, принесу и скропу! (*Вертається*). Тамъ ще коваль казавъ, щобъ купылы тамлянки, та стали, каже, пиде оранка на зябъ, а лемеша не понаварювани!

Иванъ Степановычъ. Ты хочешъ мабутъ, щобъ я тобі шью намыльв? Окропу, кажу тобі, принесу! Мени теперъ не до лемешивъ! Хай воно те хазайство пропаде тамъ, погные, нехай уси плугы и бороны поламаютьця, мени ничогисенько теперъ не треба.

Оверко. Та що це вы кажете?

Иванъ Степановычъ. Окропу! (*Помовчавъ*). Такъ отакъ-то, Иване Степановичу, чы думавъ ты колы небуть, що тебе спобижить така напасть. Де тамъ? Тоби и въ голови николи не ройлося таке лихо!.. Скільки живу на свити, слава тобі Господи, вже шостый деслятокъ пишовъ, а ни хто ще на мене не крычавъ; ни зъ кымъ я не лаявся, — тилько де колы зъ жинкою. И сусиды мене поважали, и пиць що неділи, й що свята прѣскурую дарувавъ, и самъ губернаторъ, — якъ позаториць підносылы мы ёму адреса, — цилувавъ мене въ самисовькы губы... А тутъ и не всте-

ригся, видкиля та сварка вырвалася, бо дай ёму до смерти такъ пидскакувать та прыскать! Ну щобъ було хочъ вернутысь та вылаять гарненько иродона сына, може теперъ не такъ бы досадно було! А, щобъ тобі й твоему родови ни слывы ни вышни! Щобъ тобі и твоему родови що року гусеныця хрукту и овощъ зъидала! Щобъ тобі ни буряка ни капуста! Щобъ ты, докы й свить сонця, не бачывъ зъ свого баштану а ни огирочка! Чы сіють же тамъ баштаны у Петербурзи?

Я В А ІV.

Оверко.

Оверко (*несе окропъ*). Натє ось и окропъ, гарячий такый, ледве въ руци удержу. Чы й чаю достаты? (*Ставить горня на стілз*).

Иванъ Степановычъ. Не треба чаю, иды собі! (*Оверко выйшовъ*). Защепнуты двери, щобъ хто не втыснулся! (*Защепнувъ двери*). Де жъ це мои бритвы? (*Выйма бритвы и рушныкз*). Осьдечкы вони! Ще якъ на злисть давъ позавчора цылюрныкови погострыты! Краще бъ було мени васъ забыты дома!.. Эге, забудешъ, колы сама Оекла Гаврыловна нагадала: „чы й бритвы, каже, визьмете зъ собою?“ (*Сиди проты дзеркала*). Ни, не хочу дывытысь у дзеркало, буду голытысь на мамай! (*Намылює вуса*). Чы довго жъ то треба заходу, щобъ зголыты губу? Черкъ разъ, черкъ у друге, и довги вуса упадуть на рушныкъ, якъ скошена трава; а острахъ бере, и руки тобі дрижать, на лоби холодный питъ выступа, нибы зовсимъ вмираты чоловикъ налагодився!.. Бачывъ я сѣгодня судейскыхъ паньчывъ у церкви, вси безъ вусивъ, таки брави та молоденькы! Чого доброго, може й я помолодчаю, якъ выголюсь? Воно, якъ розмиркуешъ гарненько, то ничогисенико

нема тутъ страшного... (*Лана себе за вуса*). Вже й мыло къ бису засохло!.. (*Намылюе знову*) Якъ розсудышь спокійно, то ажъ смихъ тебе розбера! (*Голе вуса*). Разъ ёго, у друге ёго! отъ и зовсимъ, и не вмерь, а жывисенькый!.. (*Глянувъ у дзеркало и ухопився мовъ ужаленый*). Ой, батечкы! калавурь!.. Хто це? Це не я, ей Богу, не я! Чортъ батька зна на кого похожий, и ротъ кривый, и щокы позападады, и нисъ похнюпывся: зовсимъ це не я, а нимецъ Адамъ Ивановычъ Фрыкъ. Щобъ меня до завтрёго не дожыть, колы брешу! Ой, лелечко, за вищо жъ це я занастывъ себе? Охъ, у першо, якъ жыву на свити, довелось мени зголыты вуса. Якъ бы знавъ, що такымъ паскуднымъ зроблюсь, то Богъ мене побый, колы бъ збрывъ; хочъ бы не то що падъ судъ, хочъ бы жылы зъ мене тяглы! (*Зитхнувъ*). И кому зъ того прыбуло, що я безъ вусивъ?.. Кому вони мишалы чы йсты, чы пыты, чы, якъ кажуть, вирую и правдою службы!.. Якъ я теперь до жинкы вернусь?.. Якъ я гляну въ вичи Марьи Уласовни? Краще утикаты свить за очи, або зъ кручы сторчъ головою! (*Сивъ на дзылыку*). Чы на те жъ я кохавъ васъ, мон чорни, щобъ на старисть заведбаты? Охъ, лыйтесь, гирки слезонькы, выльвайте мою печаль тяжку! Плачте, очонькы, не слезамы, а кровью!.. (*Мовчыкы плаче*). А якъ ще я бувъ молодой, не одна чорнобровка було, глянувшы на мон вуса, збирала губкы на оборочку, не одна цилувала и мылувала ихъ! А теперь, це не я, а якась проява: малпа не малпа, смерть не смерть, а тилькы не я!.. Мій Боже мылый! За що жъ ты мене такъ люто покаравъ? (*Стукъ у двери*). Що воно таке стука? Чы не зновъ яка бумага одъ господына председателя, нашого начальника? (*Знову стукъ*). Заразъ, заразъ! Ну, та вже теперь тебе я не

боюсь; зхотилось тоби зробыты зъ мене нимця, дывись же теперь на мене, хочъ нехай тоби й повылазять!..

Оверко (*за дверыма*). Пане, видчынить. Ось прыйшовъ до васъ якыйсь чоловікъ зъ бумагою!

Иванъ Степановычъ. Такъ воно й е, що зновъ клыче! Ось заразъ видчыню! (*Иде до дверей*). Ни, не хочу такъ! (*Вертаеця и бере рушныкз*). Чого доброго ще налякаю такъ Оверка, що чортъ батька зна куды забижыть! (*Замотуе рота рушныкомз*). Отакъ краще! (*Видчыня двери*).

І В А В.

Иванъ Степановычъ, Оверко и сторожъ.

Оверко. Що це зъ вами, пане, почынылося?

Иванъ Степановычъ. Быыха нарядылася! (*Сторожъ подае ёму бумагу*). Що це за бумага? (*Чытае*) „Отъ сего нижеписаннаго числа, имѣете вступити въ должность черезъ семь дней“. Ажъ черезъ симъ день? (*Роспысуеця, сторожъ пишовз*). На що жъ я?.. Хочъ бы було ще хочъ зъ тыждень пожыты на свободи!

Оверко. Чы не ошпарылись вы окропомъ?

Иванъ Степановычъ. А якъ и ошпарывся, тоби яке дило? Запрягай мерщій коней!

Оверко. О, бачте, якъ почало вечериты, то теперь и запрягай! Будете теперь цилу дорогу грызты голову: „торкай, торкай швыдче!“

Иванъ Степановычъ. Ни, не треба гнать коней, не треба, щобъ потомывъ!

Оверко. То збиратысь?

Иванъ Степановычъ. А ты жъ якъ думавъ? (*Оверко збира скарѣз и увязуе*). Повдемо соби потыхсеньку, пидтюпцемъ, по хазяйски (*у бикз*). Треба такъ наровыты, щобъ у ночи до дому прыхаты, бо жинка теперь не порожня, якъ гляне

разомъ на мене та злякаєтця, то ще, нехай винъ сказытця, приведе Адама Ивановича Фрыка (*одляєтця*).

Оверко. А за ременемъ та за сильно заидемо?

Иванъ Степановичъ. Не треба! Завтра кого-небудь нарочыто пошлю.

Оверко. Це вже якась новина. А знаете, пане, що я вамъ посоветую? Під-

ночуйте, бо вже скоро почне смеркати, а въ досвіта поидемо. А то ще якъ заблудемо.

Иванъ Степановичъ. Коней запрягай, чортова заблуда! Хай вона провалитця оця Полтава, щобъ я въ ній zostався. (*Пидходыть до дзеркала и лякаєтця*).

(З а в и с а).

Д І Я І І І.

Спальня у дому Бразолія. У праворучъ постіль, завишана сытцевою зависою, у ливоручъ кананка, дзыглыки и столы. На столи горыть сзичка. Сутеніє.

Я В А І.

Оекла Гаврыловна и Марья Уласовна.

МАРЬЯ УЛАСОВНА. (*Спива пидъ гытару*):

Вотъ мчится тройка удалая

Вдоль по дорожкѣ столбовой...

Оекла Гаврыловна. Годи, серденько, выть, годи, не такъ за сердце хапа вашъ спивъ, якъ у вухахъ видляскуе. (*Пози-ха*). Охъ, серденько, така журба, такый сумъ мене обгортае, — що й Господи! Такъ я пеклююсь, такъ боюся, щобъ часомъ не подіялося чого зъ Иваномъ Степановичемъ?.. Де жъ, голубочко, тилькы подумайте хочъ те, що оце видъ Семена пишовъ вже 23 рикъ, якъ мы одружилися, а й ни разу-жъ то Иванъ Степановичъ не выиздыли зъ дому на такый довгий часъ. Колы-не-колы, не въ ряды-годы поидуть було день на двое у ярмарокъ чы по якому дилови та й до дому мерщій; а це жъ вже шостый день, про нихъ а ни слуху, а ни висточки. А тутъ ще й сны що noci таки выжаютця, що ажъ страшно розказувати!..

Марья Уласовна. Заспокойтеся, Оекло Гаврыловно! Теперь тамъ, знаете, зибралося дворянство зъ усій губерніи, то вже не безъ того, щобъ не зробыли склад-

чныи та не встроили такъ якого чы бенкету, чы обиды, чы вечерыны... Воно же вже такъ и подобае, такъ заведено видъ родытеливъ: що де достойне дворянство збиретця, тамъ и пыръ на весь мыръ!..

Оекла Гаврыловна. Та оно такъ, серденько, такъ, а все жъ страшно!

Марья Уласовна. Чулы новыну? Бяля Кобелякъ, у якимсь хутори, одна женська особа розродылася не дытѣмъ, а поросямъ! Кажуть, що настоящимъ такы поросямъ!.. Генеральшы Дрыгалевой прыкащыкъ такъ божывся, що своими власными очыма бачывъ... Каже: „не крычыть, якъ дытына, а кувика та хрюка!..“

Оекла Гаврыловна. За грихы Господь карае!..

Марья Уласовна. Именно, за грихы.

Оекла Гаврыловна. Сегодня тилько що лягла писля обидъ спочыты и ще й не заснула гараздъ, — ну сказать, такъ тилько-тилько що очи заплушыла, ажъ це выдылося мени, що бѣчимъ то де не взялась кишка, та така велика, — а й зъ роду не бачыла такыхъ велечезныхъ кишокъ, — дыка бѣ то, чы що? та якъ марвавене на мене, якъ визвиритця!.. То выпустыть пазурны, то зновъ заховае... Боже мій! А стрывайте! чуєте, неначе щось пришло? Ни, тыхо. Дали, зновъ якъ марвавене, якъ замявчыть, якъ скочыть на мене,

я я якъ голосну, та ажъ зъ лижка ско-
тылася до долу!.. Зхопылася я, стала на
ноги и не розберу, де я, и що зо мною..
О, зновъ щось стукнуло!..

Марья Уласовна. Ни, то витерь, сер-
денько, виконницею стука.

Оекла Гаврыловна. И справди ви-
терь! А сама, вирыте, такъ и тремтю, такъ
и тремтю — наче мене пропасныця тѣпае.

Марья Уласовна. Цей сонъ означа,
що якыйсь ворогъ у васъ е! Кажете: то
выпустыть пазуры, то заховае? Ворогъ,
именно ворогъ! И такъ винъ прыпада, що
ѣму и хотилось бы васъ побороты, та не
сыла ѣго... А яка на масть кишка?

Оекла Гаврыловна. Сыва, сыва, та-
ка, сказать, сыва—якъ туманъ, або дымъ!

Марья Уласовна. То ще хвалите Бо-
га, що сыва! Це означа, що вси замиры
того лыхого чоловіка рѣзійдутця, якъ ту-
манъ, або якъ дымъ! Отъ якъ, звинить
у цимъ слови, чорна кишка прыснутця,
то вже не къ добру.

Оекла Гаврыловна. А такъ, такъ,
не къ добру. Що разу якъ тилько по-
бачу у снѣ чорну кишку, або собаку, що
шкыритця на мене, то то вже прикмета,
що небавомъ посварюся зъ Иваномъ Сте-
пановичемъ! Охъ!.. А тутъ ще... (*По-
мовчавъ*). Чы не знаете вы, серденько,
якого средствія, або заговору, щобъ дѣ-
тей не було? Такъ вже мени ти диты
обрыдлы, такъ обрыдлы!..

Марья Уласовна. Средствія можно
буде достаты у генеральши Дрыгалевой.
А то я чула ще, що у Києви, у Кы-
таевскый пустыни е такый пустелныкъ,
который вычтуе.

Оекла Гаврыловна. Треба доконче
достаты средствія, або поихаты на про-
шу у Києвъ. Такъ вже мени ти диты
обрыдлы та остогыдлы... Що мени кло-
поту зъ нымъ! Позавчора, чы вирыте, що
зробылы мой хлопцы зъ бурсакомъ? Пишлы
зъ нымъ до ричкы купатыся тай почалы

тамъ баблятыся у болоти, винъ на ныхъ
и гримнувъ. Що жъ вы думаете, вони
капостни диты взяли та й обмазали ѣму
всю одежу болотомъ... А потимъ стар-
шый скочывъ ему на плечи, та й давай
хвоськаты ѣго батогомъ по жыжкахъ!..

Марья Уласовна. Що жъ, сердень-
ко, на те вони й диты, щобъ пустоваты:
пидростуть—вылюдніють, то й поразум-
нищакють! Генеральшы Дрыгалѣвой онукъ,
старшенъкый, торикъ у Пылыпку пи-
шовъ у ночи зъ хвонаремъ до конюшни
горобцивъ дерты та й спалывъ конюшни.

Оекла Гаврыловна. Сказано: дыты-
на, не розсудливе... (*Позихае*). А кын-
те, серденько, хочъ разокъ на картахъ, чы
придуть сегодня Иванъ Степановичъ, та
вже й спаты полягаемо... (*Позихае*).

Марья Уласовна. Та кынуты не шту-
ка, тилько наврядъ чы скажутъ правду:
бо я вже сегодня гадала нымъ своій Про-
зерпыни! А це вже звисно всему миро-
ви, що колы хочешъ, щобъ карты сказа-
лы тоби правду достометну, то треба ихъ
на всю ничъ покласты пидъ подушку, и
на тій самій подушци, пидъ которою во-
ны ночувалы, треба й гадаты и гадаты
одній тилькы особи, тоди вже вони якъ
въ око вплиять! Сегодня я вже нымъ
годала на одну особу. А й хто жъ та
особа?—Моя Прозерпына. Гадала ий, зв-
нить у цимъ слови, про ии ламура—за-
сидатѣлевого кучера! (*Взяла карты и
выняла короля, дае Оеклы Гаврылов-
ни*). Одначе попробую! А нате, визьмитъ
краечокъ карты у губы, та й думайте,
може що-небудь и выйде! (*Оекла Гав-
рыловна бере карту у губы*). А те-
перь помишайте карты та й сдѣймить!
(*Росклада карты*).

Я В А ІІ.

Входять Орышка.

Орышка. (*Несе на рукахъ хлопця
годъ десяти*). Ну, осьдечкы тоби и ма-

ма, чога жъ тутъ не ревешь? Вже всихъ повкладала, а зъ цымъ ничего не вдію. Ну, чога жъ мовчышь? Нехай вже цей спыть зъ вами на кровати. (*Кладе его на кровать*). Мыкола такъ мене ударывъ у груди нижкою, що я ажъ заточылася, ледве, ледве не впала... Чы не пора бъ и вамъ лягаты, на слободи вже скрызъ погасылы свитло; а собаки такъ страшенпо выють, чы не зверь пидходить до кошаръ?

Марья Уласовна. Скынъ зъ ливои ногы черевыка та переверны его пидшовою до горы и поклады носкомъ до порога—заразъ выты перестануть, заразъ такъ и зацпыть вмъ! (*Орышка пишла. Марья Уласовна розклала карты*). Охъ, якъ же вамъ чудесно выпало! Думаютъ объ васъ Иванъ Степановычъ, уси думкы свои до васъ наворачтають... А осьдечкы и пиздня дорога до своего дому О, якъсь имъ пошаноба була велика... А осьдечкы свиданіе у собственнымъ дому, пры собственнымъ интереси...

Өекла Гаврыловна. То, кажете, гарно выпала?

Марья Уласовна. Дуже, дуже гарно!.. А це вже якъсь прыятна бесида зъ пожылымъ чоловікомъ... Червовый интересъ...

Я В А III.

Входить Орышка.

Орышка. Ну, скажыть на мылость Божу! такъ якъ разъ вчынылося, якъ вы сказали: не вспила перевернуты черевыка, якъ вси собаки замовкы. А чымъ мы завтра будемъ выпарюваты глечыкы, ще деревію зовсижъ нема? (*Позихае*). Та чы вы скоро покынете ворожыты?

Өекла Гаврыловна. Лягай соби, хйба тоби хто бороныть?

Орышка. И на що бъ те свитло даромъ збавляты? Хйба не можно поночи розсказуваты, колы не спытця?

Марья Уласовна (*зйбрала карты*). Дуже, дуже гарно вамъ выпало! (*Позихае*). А що, Орынїе, чы вже перши пивни спывали?

Орышка. Хи, вже ось незабаромъ и други заспывають!

Өекла Гаврыловна (*зъ лякомъ*). Справди? Оце якъ мы забалакалыся. Часы зупынылыся ще позавчера, то й не знаешъ, яка теперъ годына.

Орышка. Ажъ сумно якось у хати, неначе у пустци, що не чуть, щобъ цокалы.

Марья Уласовна. На добра ничъ вамъ, мое серденько! Пиду вже я спочываты.

Өекла Гаврыловна. Орышко, чы ты постелыла постиль за для Марьи Уласовны, у гостыній-спальни?

Орышка. Оце чудасія, неначе я не знаю?

Өекла Гаврыловна. А перыны перебыла?

Орышка. И Господы! ще що-небудъ спытайте?

Өекла Гаврыловна (*Марьи Уласовни*). Може бъ вамъ звелиты пяткы почесаты?

Марья Уласовна. Ни, дякую!

Өекла Гаврыловна. Спочывайте здорови, моя голубонько! (*Марья Уласовна пишла*). Охъ Боже мій, Боже мій, чога то нашъ панъ такъ довго барытця?

Орышка. Эге, ажъ страшно, якъ нема ихъ дома, неначе яка хороба перейшла черезъ село, або татарва!.. Никому на тебе ни гримнуты, ни наляты!.. Вже нашъ панъ до всего вдатни: и гриматы майстеръ, и на жарты мїтець! а якъ прыймутыця ляты, то краще й не треба!

Өекла Гаврыловна (*ляга на постиль*). Буду зодягнена спаты, може у ноци Иванъ Степановычъ прыйдутъ?

Орышка. И чога бъ то вони попленталысь у ноци! хйба мало дня?

Өекла Гаврыловна (*помовчала*). Ты-бъ, Орышка, розсказала яку казку, щобъ не такъ сумно було?

Орышка. Та яку-жь? Вамъ якъ почнешь розказуваты страшну, то вы цилу ничь не спыте, та жахаецесь!..

Өекла Гаврыловна. Ни, цуръ ий страшній, не розкажуй — тутъ и такъ сердце замирае!..

Орышка. Хиба про Лева та Пролева?

Өекла Гаврыловна. Розкажы! Я оціей ще не чула льбонь?

Орышка. Отакъ-пакъ! Мабуть вже разивъ зъ двадцять я ии и вамъ и дитямъ розказувала.

Өекла Гаврыловна. Отъ же не памьятаю!

Орышка. Ну, то слухайте! *(Ляга доли)*. „У якимсь царствіи, не нашымъ осударствіи, за моремъ-кыяномъ, за бурменськымы степамы, за страшеннымы горами, ажъ за Кыивомъ, на конци свита: де небо хмарами черкае за землю, на сонци варять страву, а на рогахъ у місяця сунать сорочки... у великый приври, у бездонній бескети жывъ соби Левъ... *(Позихае)*. Ой, Господы нашъ Мылосердний!.. Чы вы спыте?

Өекла Гаврыловна *(дримаючи)*. Слухаю, слухаю!

Орышка. Та ото кажу, жывъ соби Левъ... Разъ пишовъ той Левъ на розбуткы у лисъ; ажъ зыркъ, такъ гинъ за трое, а може и бильшъ, иде ему на зустрічъ якась проява. А хто жъ та й проява? Сказать просто... цыганъ! Отъ Левъ якъ зареве, якъ заквылысть!.. Цыганъ ажъ пополотнивъ зъ переляку, одначе, що то цыганьска пара! — заразь такы очумавел, та якъ гукне и соби до того Лева: „А чого це ты, каже, такъ ревешъ, що у мене ажъ нибы щось за вухомъ шкребе?“ Чы вы слухаете?

Өекла Гаврыловна *(кризь сонз)*. Слухаю!..

Орышка. Хто ты такый, що взявъ соби волю ревити на воеь лисъ? — пытае цыганъ. — Я Левъ! — Ты Левъ, а я Про-

левъ! Стало быть, я старшій видъ тебе!.. Ну, колы такъ, каже Левъ, то будьмо братамы? — Чы вы слухаете?.. Добре слухаете, що вже й захроплы! Абы тилько до лижка, то вже и хрупуть... *(Позихае)*. И колы тилько вони высплятця? Писля сниданку сплять, писля обидь сплять, писля полудня сплять!.. Добре панамъ! А нашъ братчыкъ тилько и спыть, що у ночи, та тамъ на яку хвыльнку прыляжешъ писля обидь, -- ото тилькы й твого!.. Ще на свить не поблагословытця, а ты вже товчесся... съ коморы у хату, а зъ хаты у комору, а тамъ зновъ у погрибъ, або до... *(Дримае)*. На Маковія ото, якъ святылы зилля... чотыри глечкы сметаны... не затовчешъ саломъ, то вже то не борщъ тоби... Що чаплія то не рогаць... задымыла геть кашу... а воно якъ полахне... глечкы деревіемъ выварюваты... *(Заснула. Настае тыша; черезз невеликый часъ щось заторохтило, нибы пидзыхало до хаты, почалы гавкаты собаки)*.

Я В А І V.

Иванъ Степановычъ.

Иванъ Степановычъ *(гука на двери)*. Тю, дурни, хазяина не признали! *(Входытъ у хату)*. Не знаю, чы будыты жинку, чы прокрастысь до другои кимнаты? *(Натыкаецця на стиль)*. Що воно за чортяка: стиль, чы що? Переставылы его безъ мене, чы що? здаецця, на цимъ мисци стола не було!..

Өекла Гаврыловна *(проснулася)*. Льбонь хтось увійшовъ у хату!

Иванъ Степановычъ *(пидходе до кровати)*. Вы ще не спыте, Өекло Гаврыловно? *(Хоче ии поцилуваты)*.

Өекла Гаврыловна. Хто се? *(Бьсе его по губахъ)*. Ой лыщечко!.. Злодій!.. Орышко, вогню, вогню!.. *(Орышка схо-*

пылася и свите свичку, дытына пидняла ревы).

Иванъ Степановычъ. Та, Господь зъ вами, Өекло Гаврыловно, чога це вы такыи галась пиднялы?

Өекла Гаврыловна. Не пидступай, не пидступай!

Орышка (*прывсичуе*). Хто це?

Өекла Гаврыловна. Ой лышенько, щось чуже! (*Прывдвляецця*). Що це зъ тобою сталоса? Чы ты жывый, чы ты мертвыи?

Иванъ Степановычъ. Тымъ то и мое лыхо, що жывый!

Өекла Гаврыловна. Що зъ тобою зробывъ оглашенный?

Иванъ Степановычъ. Се жъ дяка тоби: тепереньки вже не буду байддыкы быць та зъ Марією Уласовною въ марьяжа граты!..

Я В А В.

Выходять Марья Уласовна.

Марья Уласовна. Насылу васъ Господь прынесъ!. Я тилько що задримала, ажъ чую... (*Глянула на него*). Що це зъ вами?..

Өекла Гаврыловна. На що жъ ты ты вусы збрывъ?

Иванъ Степановычъ. Теперъ состою на гражданскый, а потому право ношенія усовъ на мене не распространяецця.

Өекла Гаврыловна. Чы винъ пьяный, чи здуривъ? Ой, Боже-жъ мій, що жъ це зъ нымъ подіялось! Охъ доленько жъ моя нещасливая!.. (*Плаче*).

Орышка. Це вже мабутъ кинецъ свитови наступае! (*Бере дытыну за руку и веде*). Цыть, цыть!., Перелякалы дытыну, глядять, щобъ не довелось переполоху выльваты. Ходимъ у ту кимнату. (*Повела*).

Марья Уласовна. Дывлюсь и очамъ своимъ не вирю! Ни, це не Иванъ Сте-

пановычъ, а якась, звынить у цимъ слови, проява, якась малпа!.. Ажъ глянуты на васъ гыдко!..

Иванъ Степановычъ. А вы думаете, мени легко дывытця на свить Божый? (*Хлыпае*). Перестаньте, курипочко моя, Өекло Гаврыловно, хлыпаты — не поможете; тилько себе розтревожуете та мени жалю завдаете своимъ тяжкымъ смуткомъ. (*Сивз и пидперся рукою*).

Өекла Гаврыловна. Охъ, якъ жо мени не плакаты? Булы на чоловика похожи, а теперь... Це я, я винна, що пиддохочувала васъ до гражданскый!.. Охъ, не дывытця на мене, бо я збожевилю; або хочъ рукою затуляйте те мисце, де булы вусы!..

Марья Уласовна. Та хто жъ це вамъ звеливъ зголыты вусы?

Иванъ Степановычъ. Его превосходительство господынъ председатель, нашъ начальныкъ!..

Марья Уласовна. Стало быць, така-бъ то мода? Отъ и у генеральши Дрыгалевой поваръ зъ Москвы и лакей!..

Иванъ Степановычъ. Законъ такыи е: колы въ гражданскый состою, то право ношенія оцего волосся, що поверхъ губы, на мене не распространяецця.

Өекла Гаврыловна. И выдумаютъ же такыи законъ, щобъ знивечыты людну.

Марья Уласовна. Може це тилько обманомъ, щобъ поглузуваты падъ вами? Адаже жъ памятаете, якъ покойный капитанъ-справныкъ Иванъ Даныловичъ Жлутко зибравъ до себе своихъ жыдивъ-шынкаривъ, тай почавъ имъ стрыгты пейсы та бороды, кажучи, що такыи законъ свижо выйшовъ!..

Иванъ Степановычъ. Такъ тожъ жыды! Зъ жыды тильки той не глузуе, котрый линуетця; а я жъ хрыстыяныи?

Я В А VI.

Входитъ Орышка.

Орышка. Хтось прихавъ зъ дзвинкомъ, пытае, чы дома панъ? (*Пшла*).

Иванъ Степановычъ. Хто-жь бы то такъ пизно? Треба хочъ затулыты губу, а то ще на глумъ пидійме! (*Затуля хусткою губы*).

Я В А VII.

Входитъ Захарченко.

Захарченко. Выбачайте, що у ночи прямо лизу до васъ, у господу. Йду солемъ, дывлюсь, свитытця у вашихъ горныцяхъ; дай, думаю, провидаю, давно не бачывся. (*Чоломжаютця*). Здрастуйте, Өекло Гаврыловно, Маріе Уласовно! Ну, якъ же васъ Богъ мылуе?

Өекла Гаврыловна. Краще вже и не пытайте! .

Захарченко. А що тутъ таке трапылося, що за прыгода?

Өекла Гаврыловна (*показуе на Ивана Степановича*). Отъ подывитця!

Захарченко. Здоровъ, Иване Степановычу, якъ ся маешъ? Та що це зъ тобою, братыку?

Иванъ Степановычъ. Пропадаю. Се й моя черга за мною прышла!

Захарченко. Та не брешы, тебе ще й полиномъ не добыешъ. Тилько дуже спаскуднивъ: чого це?

Иванъ Степановычъ. (*Открывае гулу*). Хиба вамъ повылазлыло?

Захарченко. Вусы збрывъ?

Иванъ Степановычъ. Эге.

Захарченко. На биса?

Иванъ Степановычъ. Нечыста маты въ гражданську понесла, такъ тешеречкы право ношенія усовъ на мене не распространяетця.

Захарченко. Хто се тоби выгадавъ?

Иванъ Степановычъ. Его пре... тее, щобъ ему добра не було!

Захарченко. Брехалы его батька сыны. та й винъ зъ ными. Ты жъ зъ мундыромъ въ отставци?

Иванъ Степановычъ. Такъ що?

Захарченко. Такъ колы мундыръ на тоби, такъ и вусы пры тоби!

Иванъ Степановычъ. Ей Богу?

Захарченко. Побачышь, я тоби й указъ дамъ.

Иванъ Степановычъ. Батьку мій ридный, на свѣтъ ты мене народывъ. (*Кыдаецця до сго обниматы и цилуваты*).

Захарченко. Ну тебе бъ бису, якъ шылькамы шыгаешъ!..

Өекла Гаврыловна. Охъ, одъ сердца видлягло! Спасыби вамъ, Грыгорій Грыгоровычъ!.. Ей Богу, колы бъ вы оце не прихалы, то може бъ я до ранку и вмерла.

Марья Уласовна. Спасыби вамъ. мерси, що выдволалы видъ напасты нашого достойного Ивана Степановыча!..

Захарченко. Колы мундыръ на тоби, той вуса пры тоби!

Иванъ Степановычъ (*зразу повеселивъ*). Справди? Ты часомъ не обдурюешъ?

Захарченко. Завтра тоби и указъ дамъ!

Иванъ Степановычъ. Өекло Гаврыловно, дилайте порядокъ! Нехай намъ заразъ подадутъ сюды наливкокъ усякыхъ. покы тамъ самоваръ поспіе. Я вже й не зяю, якъ мени тоби дякуваты?

Захарченко. Скажи спасыби, тай и годи! (*Өекла Гаврыловна и Марья Уласовна кынулыся клопотаты*). А потимъ дай чарку-другу запиканкы тай и квытъ!

Иванъ Степановычъ. Ну, колы ты мени дасы указа, то вже й я тоди сважу. що мабутъ тому и не брехня, що люде про тебе розказуютъ: що винъ, кажуть. и въ чорта тяжбу выиграе!..

Захарченко. Я тобі скажу, братику: законъ—то очи для чоловіка! хто не знає закона, той слипий!

Иванъ Степановичъ. А такъ, такъ! *(Оекла Гаврыловна и Марья Уласовна подають на стилъ закускы и пытво).*

Оекла Гаврыловна. Отъ же мабутъ не даромъ, Григорій Григоровичъ, сердце мое завже до васъ лежало?

Захарченко. О, справди?

Иванъ Степановичъ. Ото правда! Якъ тилько про кого зайде балачка, то вже Оекла Гаврыловна заразы тебе и згадують: нема, кажуть, на свити розумнищого чоловіка надъ Григорія Григоровича!

Марья Уласовна. Дуже, дуже вони васъ похваляють!

Захарченко. Спасыби вамъ, Оекло Гаврыловно! Я васъ тако жъ разъ у разъ почитую и шаную, якъ достойну особу!

Иванъ Степановичъ. Ну, выпьемо-жъ на радощахъ! *(Нальвають и выпывають).* Тешерь у мене и апетытъ явився, а то й ижа на думку не йшла! *(Закусують).*

Захарченко. Я вамъ скажу, що не дуже густо у насъ у повыти такихъ людей, щобъ налапали той законъ, якого треба, зъ де бильного шукають, шукають, та й плюнуть...

Иванъ Степановичъ. А такъ, такъ!.. Та отъ я хочъ и про себе скажу: колы бъ мени его превосходительство сказавъ, що право ношенія не то вусивъ, головы на моихъ плечахъ не распространяетця, то я бъ, здаетця, не думавшы довго, зотнувъ бы голову, та такъ бы й ходивъ. Щобъ я пропавъ, колы брешу!

Захарченко. Ну, це ты вже замолвся: якъ же безъ головы ходыты?

Иванъ Степановичъ. А правда, що безъ головы якось... Це вже я зъ радо-

шивъ и самъ не знаю, що плещу, та вже, брате, знаешь що?

Захарченко. А що таке?

Иванъ Степановичъ. Колы вже хочешъ зробыты добро чоловікови, то робы швидче. Давай оце заразы и поидемо за указомъ?

Захарченко. Нехай же хочъ трохи кони видпочынуть.

Иванъ Степановичъ. Колы бъ тилько й клопоту, що кони! А въ мене хоба ихъ мало?

Я В А VIII.

Ти жъ и Орышка *(вносытъ самоваръ).*

Орышка. Вже трети пивни спивають! Вже люде добри встають, а мы ще й спаты не лягаль!

Иванъ Степановичъ. Що вичъ? Ничъ одна не въ зачотъ, за те буду зновъ зъ вусамы!

Орышка. Та на що жъ було ихъ й голыты? Учора булы зъ вусамы, сегодня безъ вусивъ, а завтра знову зъ вусамы? То такъ до васъ и не презвычайеся ни зъ якого боку!..

Иванъ Степановичъ. Бо вчора думавъ, що не распространяетця, а сегодня, бачъ, вже знову распространяетця!

Орышка. Говорить соби, глузуйте!.. Не розберу я вашихъ паньскихъ хымеривъ *(пишла).*

Иванъ Степановичъ. Поклычъ заразы сюды Оверка та скажы Шелестянови, щобъ коней мерщій запрягавъ, що бъ живо мени. Колы бъ швидче йихаты!

Захарченко. А, якый бо ты петерпличый! Ось выпьемо по стакану чаю, тай у дорогу.

Иванъ Степановичъ. Ось якъ мы зробымо! Моихъ коней запрягты, а твои нехай одпочынуть; збигаемъ до тебе, а потимъ вернемось сюды, и такый задамъ бенкетъ, що ажъ у Полтави вси судейски ковтатымутъ слыну!

Захарченко. Нехай буде й так!
(*Входить Оверко*).

Иванъ Степановичъ. Скажи Шелестянови, щобъ заразъ запригъ коней. Що винъ зробивъ зо мною дорогою оцей дурноляпъ, смихъ тай годи!

Оверко. Эге, добре вамъ сміятсь, а мене такъ и доси неначе пропасниця трясе. Де жъ—, йдемо до дому, а я й не знавъ, що вони зголыли вуса, поганяю соби конячокъ, коли це зыркъ назадъ, ажъ дывлюсь, на нашій натичанци сидыть щось чуже та таке страшне, та гыдке, а пана нема. Якъ скочивъ я зъ брычки, та якъ побіжу... воно гука на мене: „вернись, вернись!“ а я ще дущь втикаю.

Иванъ Степановичъ. Одбигъ такъ якъ зъ пивъ гинъ, ставъ тай гука: „признавайся, хто то сидыть на нашій натичанци?“ Та це я! кажу.— Неймо мени виры, бисивъ сынъ, тай годи. „Голосъ, каже, вашъ, тилько це не вы, пане, а мабуть перевертень“.

Оверко. Бо мени такы и здалось, що то перевертень, або вовкулака; колыбъ вы не зняли шапки, та ажъ трычи не перехрестылись, то я, Богъ зна, куды забигъ-бы.

Иванъ Степановичъ. Потимъ вже йдемо дорогою, то я тилькы обизвусь до него, винъ зыркъ на мене, та заразъ и шепоче; „святъ, святъ...“

Оверко. Та де жъ, зовсімъ не на чоловика стали похожи, а на щось таке, що й вымовыты соромно!.. (*Пишовъ*).

Марья Уласовна. У генеральши Дрыгалёвой лакей Сержій тожъ зголывъ соби вуса, ну такый же винъ, звунить, паскудный ставъ, достометный бульдогъ собака зъ вышкыренными зубами!..

Иванъ Степановичъ. Слухай, Грыгорій Грыгоровичъ, може ты це мене пиддуривъ, щобъ тилькы заспокоиты?

Захарченко. Ну и якъ такы я стану пиддуриваты чоловика тоди, якъ винъ на ладанъ дыха!

Иванъ Степановичъ. А такъ, такъ!.. Пропавъ бы я, якъ бы тебе Господь не прынисъ; я й не знаю, щобъ оце тутъ діялося у моій хати?.. Вавылонъ бувъ бы, настоящий Вавылонъ!..

Оекла Гаврыловна (*входить*). Кони готови!

Иванъ Степановичъ. Ай, Шелестянъ, молодець! За це завтра подарюю ему пивъ-смущка на шапку.

Захарченко. Ну, достойна Оекло Гаврыловно! прощайте жъ до якого часу!

Оекла Гаврыловна. Вертайтесь худчищъ, рады Бога не барытця!

Иванъ Степановичъ. Чы добрыхъ коней запригъ Шелестянъ?

Оекла Гаврыловна. Моргунчыка та Задрыцу!

Иванъ Степановичъ. О, ти въ скачъ повезуть. Ну, прощайте до якого часу, дай Боже, щобъ усе благополучно! (*Идутъ*).

Захарченко. А де жъ твоя шапка?

Иванъ Степановичъ. Тю, зъ радощивъ и про шапку забудъ! (*Взявъ шапку*). Дайте ще й шархва замотаты губу, а то бисови собаки зновъ не признають, пидіймутъ галасъ. (*Замотався шархвожъ и пишовъ*).

Оекла Гаврыловна. Орышко, буды всю двирню, годи спаты. Заразъ почнемо готовытсь до бенкету.

Марья Уласовна. И я вамъ поможу. Отъ и генеральша Дрыгалёва безъ мене а ни на ступинь. Чы дрижи у васъ е: покажу вамъ, якъ робыть генеральшинъ поварь пиригъ на слывахъ.

(Зависа).

Д І Я І V.

ЧЕРЕЗЪ ДВА МІСЯЦА.

Присутственна кимната. По середини великій стілъ, за котрымъ сидятъ члены; збоку пидъ стиною невеличкій столъ секретаря. Въ одномъ углу шкафа зъ диламы; на вивнахъ и доли лежать купамы дила и бумагы.

Я В А І.

Пыщы-Муха, Горобецъ, Ластивка и Оома Петровычъ.

Пыщы-Муха. А що, Оома Петровычъ, чы багато ще тамъ zostалося не пидписанныхъ бумагы?

Оома Петровычъ. А звисно що багато! Потому, ежели вы, Кырыло Онуфріевычъ и на дали такъ будете робыть, шо кожны бумагу перечытуватимете по десять разивъ, то у насъ черезъ годъ будуть цили ворохы не пидписанныхъ бумагы.

Пыщы-Муха. Що жъ подіете, Оома Петровычъ, колы я люблю, щобъ усе було аккуратно; я привыкъ зъ молоду ще всяку бумагу, скільки небуть замичательну, вивчыты на память: не тилько отъ якого чысла, года и за якимъ номеромъ; но даже и текстъ оной. Поелыку же мои товарищы Спырыдонъ Харлаповычъ и Игнатъ Виссаріоновычъ люде въ дилахъ канцелярскы-ухыщренныхъ мало свидуши...

Горобецъ. А такъ, такъ, я вже зъ мисяць прыдывляюся до всёго, а й доси ничогисенько не помлю: пидписую, шо пидсунуть, та й тилько!..

Ластивка. Я спершу цикавыяся, передывлявъ де-де яки бумагы, щобъ уразумиты суть оныхъ; шо-жъ, дывыися, дывыися якъ у воду, а дали й махнувъ рукою.

Пыщы-Муха. Того рады я и не пропускаю ни одній бумагы, не изучивъ ии зъ оныхъ сторонъ.

Ластивка и Горобецъ. Спасыби вамъ, Кырыло Онуфріевычъ, шо хочъ вы за насъ усердствуете!..

Оома Петровычъ. Поусердствуютъ ще зъ мисяць, то й вони угвтаютця! Выдали мы вже на своимъ вику и не такихъ басныхъ, та усъковалысь скоро...

Пыщы-Муха. Отъ вы вже ныбы й гниваетеся?

Оома Петровычъ. Потому, шо, говоря откровенно, вы своими промедлениями можете до невыроатной томытельности довести чоловіка.

Пыщы-Муха. Знаете, Оома Петровычъ, есть поговирка: двадцать разъ прымирь, а одинъ разъ одрижь! И я чту сію поговирку и по ній соизмиряю вси свои поступкы.

Горобецъ. А хыбы други члены, котри до насъ служыли, не такъ робыли якъ мы?

Оома Петровычъ. Кырыло Онуфріевычъ, якъ булы секретаромъ у земскимъ суди, то морылы канцелярскыхъ отъ зори до зори!

Пыщы-Муха. Що жъ, шо правда, то не грихъ! Любывъ всегда усердствовать и другихъ прыгонявъ до пради.

Оома Петровычъ. Що говорыть, бувають строги начальныкы наисправедлывы, котри доводятъ людей до путя, многихъ постановляють на путь истынный, на стезю добра и благоденствія. Бувалы таки начальныкы, котри казалы такъ: берить взяткы: я никому не бороню! Берить, вси берить, тилько за дило; колы взявъ, то зроби дило аккуратно и честно!.

Пыщы-Муха. Вы куда жъ це клоните?

Оома Петровычъ. А туды, шо отъ хочъ бы и сказать и про господына нашего председателя; хыба такы бувалы першъ председатели? Достойнійши и мудрійши бувалы начальныкы, многихъ и многихъ выводыли въ люде. Напрыкладъ Антонъ Дмитровычъ Зозулька. А хто винъ,

хочъ бы й той Зозулька, зъ якого роду? Изъ кантонистивъ! А теперъ начальникомъ отдиленія въ казенній палати; иміе два дома камьяни, капиталъ тысячъ на двадцять и дитей вчыть по гимназіяхъ... Або Авросій Лаврентіевычъ Загныхвистъ—паламарський сынъ, тай тилько; а ныни въ чыни надворного совитныка, въ до- статкахъ и пры капиталы... А хто ихъ вывивъ въ люде?..

Я В А ІІ.

Входятъ Предсидатель.

Предсидатель. Мое почтеніе, господа! Все (*встають и кланяются*). Имъ- емъ честь.

Предсидатель (*держитъ въ рукахъ пакеты*). Ома Петровычъ, что это у васъ бумаги посылаются на почту, въ небы- валье города?

Ома Петровычъ. Какъ, ваше про- восходительство, не можетъ быть, чтобы сіе учынялось?

Предсидатель. Какъ не можетъ быть? Да что же, я лгу, по вашему, лгу? Из- вольте-сь посмотрѣть: „въ Таврическую губернію, въ городъ Таврію!“ Что это такое? (*Чытае другой пакетъ*). „Въ Бессарабекую область, въ городъ Бесса- рабію!“ Въ Донскую область, въ городъ Донъ. Гдѣ вы нашли эти города?

Ома Петровычъ. Бумаги посыла- ются по... по... существу, ваше превос- ходительство, и по бытію оныхъ городовъ.

Предсидатель. Никогда такихъ горо- довъ не существовало!..

Ома Петровычъ. Помилуйте, ваше превосходительство, даже пѣсня есть, ко- торая поѣтся:

„Ой по гори та сунныченьки,

А въ долини полуныченьки,

Пишовъ мылый на Динь по силь,

А мылая у черныченьки.“

Предсидатель. Вы вздоръ замолоти. Повторяю вамъ, что такихъ городовъ ни-

когда не существовало. Чортъ знаетъ, что такое творится!.. Я ужъ не говорю о вашемъ безграмотномъ и безтолковомъ со- ставленіи бумагъ, я не рожденъ въ сферѣ канцелярской процедуры и чуждъ всѣхъ этихъ казуистическихъ измышленій и по- тому, а... но согласитесь сами, что это. Да, повторяю, что этакъ невозможно!.. Потрудитесь купить географію Ободов- скаго и тамъ вы прочтѣте, что въ Тав- рической губерніи губернской городъ— Симферополь, въ Бессарабской области— Кишиновъ, а въ Донской—Новочеркасскъ.

Ома Петровычъ. Запамлтую, ваше превосходительство, ибо я допрежъ сего не вѣдалъ и въ помышленіи не имѣлъ, чтобы губернскіе города не по имени губерній именовались.

Предсидатель. А вотъ еще одинъ антикъ. (*Показуе папиръ*). „Здѣшнему Капитанъ-Исправнику, въ г. Здѣшенскъ?..

Ома Петровычъ. Такъ точно, въ го- родъ Здѣшенскъ.

Предсидатель. Да что вы чепуху плетете? Здѣшнему значить мѣстному— понимаете? т. е. нашему капитанъ-ис- правнику, а не какому-то: — „здѣ- шенскомъ!“

Ома Петровычъ. Не сообразилъ, ваше превосходительство!

Предсидатель. И часто вы посы- лали бумаги, напримѣръ, въ городъ Бес- сарабію?

Ома Петровычъ. Случалось неод- нократно!..

Предсидатель. Какъ же это на почтѣ принимали?

Ома Петровычъ. По знакомству, ваше превосходительство!

Предсидатель. Чтобы у меня этого больше не повторялось,—слышите? Прошу помнить, что городовъ: „Донъ, Таврій и Бессарабія“—нѣтъ и никогда ихъ не было! Вообще я удивляюсь, какъ это вы попали въ секретари.

Оома Петровычъ (*на бикъ*). Я самъ удивляюсь.

Председатель. Совѣтую вамъ купить географію и читать её: это будетъ вамъ гораздо полезнѣе, нежели бѣгать по трактирамъ,—строчить тамъ какія-то ябеды да выворачивать карманы у просителей.

Оома Петровычъ. Никогда сего не случилось

Председатель. Ну ужъ, пожалуйста, не говорите, я знаю васъ.

Оома Петровычъ (*помовчавъ*). А на географію г. Ободовскаго прикажете изъ казенныхъ суммъ употребить?

Председатель. Нѣтъ-съ, изъ вашего-съ жалованья. Повѣрьте мнѣ, что это будетъ вамъ очень полезно. Замѣтите на будущее время вотъ что: при составленіи важныхъ бумагъ обращайтесь за совѣтомъ къ Кириллу Онуфріевичу, какъ къ человѣку толковому и многознающему.

Оома Петровычъ. Исполню совѣтъ вашего превосходительства.

Пыщы-Муха. Я радъ стараться, ваше превосходительство, на пользу отечества, по толику—по колику возмогутъ помочь мнѣ въ семь случаевъ мой разумъ, память и мои долготѣни пріобрѣтенныя свѣдѣнія.

Председатель (*сидя на свое мисъце*). Да, я вамъ серьезно совѣтую, Оома Петровычъ, свои манеры на счетъ просительскихъ кармановъ бросить, если дорожите мѣстомъ; и отъ нынѣшняго дня вообще за всѣми свѣдѣніями обращайтесь къ Кириллу Онуфріевичу!

Оома Петровычъ. Будетъ исполнено. Запомаяту, ваше превосходительство!

Пыщы-Муха. Вторично докладываю вашему превосходительству, что почту своей священной обязанностью руководить и напутствовать нашего уважаемаго секретаря Оому Петровича во всѣхъ многотрудныхъ случаяхъ...

Председатель. И прекрасно!

Пыщы-Муха. Да, ваше превосходительство, да! Ибо нѣкій мудрецъ изрѣкъ въ своёмъ бытописаніи, что „одинъ въ полѣ не воинъ!“ Ежели человѣкъ человѣку оказываетъ содѣйствіе, то симъ онъ оказываетъ услугу общему преуспѣянію и благополучію...

Председатель. Разумѣется!

Пыщы-Муха (*гаряче*). О, разумѣется! Человѣкъ же, не радѣющій своими знаніями съ ближнимъ, достоинъ хулы и порицанія, потому что ежели бы...

Председатель. Да, да, конечно! (*вытирае носа въ бумаги*).

Пыщы-Муха (*гаряче*). Конечно, конечно! Потому что ежели бы человѣкъ не знающій, до кого бы то не обратился изъ своихъ ближнихъ, получалъ бы отъ оныхъ вмѣсто разсужденій, совѣтовъ и наставленій,—едьное молчаніе, либо мычаніе, выражаемое звуками: „гмъ, хмъ, текъ, ага!“ и прочее сему подобное, то людей тѣхъ, рекомыхъ ближнихъ, можно уподобить скотамъ и тварямъ...

Председатель (*у бикъ*). Онъ меня уморить. (*До него*). Совершенно съ вами согласенъ. Но прекратимъ разговоръ и примѣмся за дѣло.

Пыщы-Муха. Дѣло прежде всего. (*Сидя и пыше*).

Горобецъ (*до Ластивки*). Ну, тай говорить Кырыло Онуфріевичъ, иначе по нысаному!

Ластивка. Выдко, що не одну книгу проковтнуть.

Горобецъ. Именно, якъ кажутъ; „оцей зывъ быблію!“

Пыщы-Муха (*вытеръ перыну и заткнувъ за вухо*). Но всё же позволте мнѣ, ваше превосходительство, болѣе ясно и обстоятельно изложить мою мысль, по пунктамъ.

Председатель. А что, Оома Петровычъ, послана ли господину Бразолію третья повѣстка о немедленной явкѣ?

Өома Петровычъ. И на третей повѣсткѣ, ваше превосходительство, отъ господина Бразолія таковой же отвѣтъ полученъ: „по случаю приключившейся внезапно болѣзни!“

Председатель. Да неужто онъ и въ самомъ дѣлѣ заболѣлъ?

Өома Петровычъ. Не можетъ сего произойти, ибо онѣй Иванъ Степановичъ человекъ зѣло крѣпкаго тѣлосложенія. Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, что онаго Ивана Степановича много лѣтъ знаютъ какъ гг. Кирило Онуфриевичъ, Спиридонъ Харламовичъ, Игнатъ Виссаріоновичъ...

Пыщы-Муха. О, смѣю утверждать, что это есть завѣдомый лѣнивонецъ и упрямый человекъ. Теперь еще подоспѣло время соленія позднихъ сливъ и послѣдняго цвѣта огурцовъ, то, по обсужденіи сихъ данныхъ, я тоже могу завѣрить, что онаго Ивана Степановича вы нынѣ и канатомъ изъ села не вытянете.

Председатель. Такъ въ такомъ случаѣ послать предписаніе становому, чтобы онъ препроводилъ его къ мѣсту служенія за карауломъ?

Өома Петровычъ. Сего нельзя учинить, ваше превосходительство, съ потожественнымъ дворяниномъ и кавалеромъ.

Председатель. Ужъ будто бы нельзя? Почему?

Пыщы-Муха. Увы, улы, сего невозможно!. Ибо по привилегіямъ, статутомъ даннымъ дворянству, невозможно сего совершить, дондеже...

Председатель. Ахъ, оставьте пожалуйста ваше дондеже: вы посоветуйте, что мнѣ съ нимъ дѣлать? Не стану же я ему кланяться и просить дескать: будьте такъ любезны и милостивы, потрудитесь пожаловать на службу?

Өома Петровычъ. Единое средство, буде ежели по справкѣ окажется, что онѣй помѣщикъ, господинъ Бразолій, точ-

но провождаетъ свое время въ соленіи огурцовъ и сушеніи сливъ и сими способами уклоняетца отъ службы, то предать онаго суду.

Председатель. Отлично, превосходно! Суду его, суду, въ двадцать четыре часа!...

Пыщы-Муха. Точно, ваше превосходительство, точно ежели смотрѣть на службу государственную какъ на пользу высшую всѣхъ домашнихъ дѣлъ, то отсюда вытекаетъ прямая необходимость преданія онаго суду, ибо нѣкѣй пѣнта сказалъ:

„И кровь и плоть для блага ближнихъ,
И весь душевный скарбъ мой дамъ
Точенья времени волнамъ.

Есмь сынъ родины...“

Председатель. Но мы, полагаю, здѣсь собрались не для декламированія торжественныхъ одъ?

Пыщы-Муха. Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, продолжить сію поэмю, и вы узрите во очію, что въ оной весьма убѣдительно изложена мысль о служеніи отечеству и всеобщему преуспѣванію!..

Я В А III.

*Иванъ Степановичъ входитъ въ вусахъ,
у руци держе папыръ.*

Иванъ Степановычъ. Имію честь явиться!

Председатель. Что это, милостивый государь мой, вы уклоняетесь отъ службы и вторично осмѣливаетесь явиться ко мнѣ въ усахъ?

Иванъ Степановычъ. Се ще не вусы, а усышкы, а отъ лѣвъ выростуть, то будутъ усыща!

Пыщы-Муха (*тыхо до товарищывз*). Чы винъ не пьяный часомъ?

Горовецъ (*тыхо*). Пропавъ, якъ собака въ ярмарку.

Председатель. А такъ вы вотъ какъ изволите разговаривать съ вашимъ началь-

никомъ? Я васъ, милостивый государь, въ двадцать четыре часа...

Иванъ Степановичъ. Не горячьтесь, кровь спортете; а ось подывытця!... *(У бижъ)*. Дывысь, хочъ нехай тоби по-вылзять!..

Председатель. Что это? Ужъ не удостовѣреніе ли отъ лекаря о вашей болѣзни? Знаю я ваши болѣзни: вы только сказываетесь больнымъ, а сами изволите тамъ заниматься соленьемъ огурцовъ и сливъ?! Я все знаю!..

Иванъ Степановичъ. Та не дзвонить-бо у дзвона, а першъ загляньте у святци. Ось нате, кажу, подывытця!

Председатель *(взявъ бумагу и читаетъ)*. Э... Эома Петр... Петровичъ! Что это такое?

Эома Петровичъ *(читаетъ)*. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ... *(Оглядаетъ бумагу)*. Высочайшій...

Председатель. Безъ васъ знаю, а распространяется ли право ношенія усовъ?

Эома Петровичъ. Конечно... ежели... изъ сего вытекаетъ распространяется!...

Председатель *(тихо до Эомы Петровича)*. Какой же вы послѣ этого секретарь если ничего не смыслите?

Эома Петровичъ *(тихо)*. Всѣ Высочайшіе въ памяти моей, а сей по не досмотру, ваше превосходительство, или по поущенію Божію. *(Обидва посадалы)*.

Пыщы - Муха. Невже распространяетця!

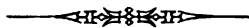
Иванъ Степановичъ. А ты жъ якъ думавъ? Бачъ, по тыхъ Пытенбурхахъ лияти вси тамъ пообтыравъ, волосся погубывъ, та розуму не прыдбавъ. Прыхавъ ты до насъ, и мы прыняли тебе за розумнаго и всезнаючого, бо якъ-же иначе: „винъ зъ Петенбурха!“ чоловикъ бувалый, багато свита бачывъ!... Языкъ у тебе, якъ млынокъ той, що диты на воротахъ ставляють, що безъ толку крутытця на обидва боки; черезъ отой языкъ ты й здався намъ за чоловика всезнаючого... Правда, ты багато такы знаешъ, тилько не того, що слидъ знати. Ты отъ памьятаешъ, якого чысла и мисяця бувъ обидъ у господына исправляючаго должность дыректора департамента неокладныхъ сборивъ, и яки стравы подавали на тимъ обиди, а того, що може вызволиты чоловика ого видъ наглои смерти, ты й не знаешъ? Тоби певно николи и въ голови не верзлось: що за Богомъ молитва, а за царемъ служба николи не пропадае. Що я за пятнадцатылитню безпорочну службу выслужывъ соби те, що ни яке превосходительство на свити не зброе мени вусивъ, отъ що!

Председатель. Довольно, довольно!

Иванъ Степановичъ. Тай годи уже. *(Дае указъ Пыщы-Мухи)*. На та вывчы добре, видъ якого чысла, когда и за якимъ номеромъ.

Пыщы - Муха *(зъ крикомъ)*. № 1723! Воды, дайте мени воды!..

З а в и с а.

ПІДГОР'ЯНЕ.

Мелодрама у 3-хъ дїяхъ.

(Перероблено зъ галицкаго).

Л Ы Ц Е Д І И:

Трохымъ.
Ганна, его жинка.
Ольга, ихъ дочка.
Степанъ Крипчанъ, парубокъ.
Чопорій, вїйтъ.

Тетьяна, его жинка.
Василь, присяжный.
Знахорна.

Селяне пидгорьски.

Д І Я І.

Село пидгорьске, за котрымъ выдко Карпатськи горы. Село межъ горами. Сельска хата.

Я В А І.

Ольга (*коло хаты спива*).

Чого лозы похылылись
Пры тихій води,
Чому слизонькы пролылись
Мени молодїй?
Пиду лугомъ зелененькымъ, зидля накопаю,
Прыложу ёго до сердца, забуття дизнаю.
Охъ, боюся, спыта маты:
Що, доню, тобі?
Не можъ сердцю приказаты,
Такъ плачу соби.
И кинця своимъ роспукамъ въ свити не
видаю,
И весь вечеръ и поранокъ слезами витаю.

Я В А ІІ.

Ольга и Ганна.

Ганна. Ольго! Ты сумна, ты спиваешь сумну пїсню! Перше ты спивала

весело, и було весело дома. До тебе збиралысь у неділю пѣдругы, выбигалы. гралысь у садочку, смїялысь, ажъ ды- вытысь було любо, тоди я соби гадала: що моя Оля межъ всима найкраце вбрана. Теперъ у будень, чы у неділю ты ходышь сама, блукаешъ якъ сыритка, не добьесся видъ тебе слова. Сумуешъ и сумуешъ... Скажы бо, що зъ тобою?

Ольга. Я сама не знаю, мамо, чого мени на сердци тяжко и чого, мени сумно. Выйду въ поле и подывлюся на нивы и долины, мени стане скучно, а сердце рветця не знаты куда, нибы хотилося бѣ обгорнуты весь Божый свитъ и расплакатысь... Не дывуйтесь моимъ пїснямъ: теперъ и пташкы сумно спивають, и вѣтеръ по деревьямъ и въ лузи глухо шумьт, а калына сумуе... Стану надъ водою, почну слыдыты за рыбкою, вона плыне, врына пидъ каминь и въ моимъ сердци тоди закамьянїе. Вертаюсь до дому.

вы мене ждете у ворить,— я сама себе пытаю: чого мени таеъ прыкро, колы я одна у ненькы, якъ одинъ мисяць въ неби,—одна я у батька, якъ одна у нёго гадка, щобъ я була щаслывою, и все те не розбыва мои тугы.

Ганна. И нема чого журытыся, моя доню. Будь весела! Чого жъ бо тоби бракуе? Въ скрыняхъ повно полотень, всякой одежи, якои забажаешъ, и у хати и въ подвирья у насъ достаткы. Все есть у насъ!

Ольга. Достаткы безъ доли не корыстни!

Ганна. Ольга! ты мало ще въ святи жыла. (*Подаетъ ей снопъ пшенишный*). Ось выберы цю пшеницю, хай Богъ прийме въ церковцю, на часточку. Колы головка болыть, то якъ сыхлышъ инъ пидъ свято Евангеліе, то й стане тоби лехче.

Я В А III.

Ти жъ и Степанъ.

Ольга (*выбираетъ пшеницю и прыспивуе*):

У поли, у поли пшениця розцвилась,
Каже маты свой дони,
Щобъ не журылась...
Пшениця погнулась,
Якъ тихый Дунай,
Доня усмихнулась,
Буде коровай.

Степанъ (*спива самъ*):

Горою, горою громы покотылись,
Объ дивчыни добри висты
Всюды разносылысь.
Прийшлы до ней люде,
Зъ риднихъ Украинъ
Дивка имъ витае
Нызеный поклинъ.

Ганна (*спиваетъ*).

Въ садочку, въ садочку барвинокъ
розвывся,
Пошла маты по садочку,

Винъ зазеленився.
Барвинку, стелыся,
Будешъ на yineць,
Доню, уберыся,
Прийде молодець.

Ганна, Степанъ и Ольга (*разомъ*):

По ричци густіи туманы осилы,
То жъ не сыла переплысты
Велькыи хвыли!
Дивко! не страйся,
Vineць не зовьявъ,
Богу ты виддайся
И Его прославъ!

Ольга. Чому, Степане, такъ довго у насъ не бувъ? Чы до насъ зарубана дорога? Бачъ, якый ты не добрый!

Степанъ. Все не було часу!

Ганна. Чы не издышъ по ярмаркахъ зъ крамомъ?

Степанъ. Я не торгую, бо не маю чымъ, а що й справди кунци переказалы мною, що прийдуть куповаты до васъ во-лы. Счасты вамъ Боже на добрый торгъ! (*Глянувъ на Ольгу*). Ольга, ты ныбы слаба, чого такъ зблидла зъ лица?

Ольга. Була слаба, а теперъ полехчало.

Ганна. Напыйся свижой водныци, я разъ прынесу тоби. (*Пишла*).

Степанъ. Идучи зъ миста до дому, встрився я зъ вашыми людмы, а вони мени й сказалы, чы знаешъ, Ольго, що?

Ольга. Що?

Степанъ. Не знаю, чы правда цёму, але и въ сели де-яки люде говорятъ.

Ольга. Що говорятъ?

Степанъ. Говорять, що у вйта Чо-порія буде весиля.

Ольга (*выбираетъ пшеницю и натрапля на два колоскы на одной стеблы*). Дивы, Степане, два колоскы на одной стеблыци! Люде кажутъ: де два разомъ колоскы ростуть на одной стеблыци, тамъ пидъ стеблемъ ложыть щастя закопано.

Степанъ. Може, але не знаты, чые! Гарна пшениця! Олю, на що ты ии выбираешъ?

Ольга. На Бога! на часточку въ цорковцю.

Степанъ. Росте пшениця на поли, а не зна, кому вона достанетця.

Ольга. Про що це ты кажешъ?

Степанъ. Такъ, ни про що, отъ такъ соби. А знаешъ, Олю, кому ты до серця прыпала?

Ольга (*назырцемъ погляда на нёго*). Кому?

Степанъ. Ты пытаешъ? Коли-бъ ты не розгнивалась, я бь сказаць тоби, що тилько объ тоби одній думаю и не надумаюсь и тилько на одну тебе хотивъ бы дывытись и не надывытись... А видъ чого воно такъ?

Ольга. Не знаю! Не знаю й того, видъ чого и мови веселище, якъ ты прыйдешъ до насъ.

Степанъ. Олю, я тебе люблю! Я скажу це цилому свитови, скажу матери твоій, батькови и тоби! Не йды ты за Чопоріевого Ивана!

Ольга. Степане, Степане, не кажи маме, не кажи никому, не кажи! Не пиду я за Ивана, бо мое щастя зъ тобою!

Ганна (*входитъ и несє одду*). Напийся, доню, сегодня надто топлый день, а тоби душно.

Ольга (*нє*). Ни, мамо, ничего; мени видъ Степановой мовы полехчало и згаго мынулася!

Степанъ. Пани матко, не дайте вашій Ользи загнунты, вона одна у васъ, и на цилимъ сели нема надъ неи кращои!

Ольга. Бачте, мамо, якъ Степанъ розговорився.

Ганна. Що й говорыты, винъ на словахъ красный, та часъ бы вже йты ёму до своего дила.

Ольга. Чого?

Степанъ. Справди такъ! До васъ стежка одна, лехко знайти, а видъ васъ богато; черезъ те й тяжко выйти, а те тяжче угадаты, куды прямуваты? (*Задуметця*). А де батько Трохымъ? Зайду ще до нихъ. Зоставайтеся здорови! (*Отходьты*).

Ганна. Ходы здоровъ! Доню, ты зновъ сумуешъ? Чы и справди не перестаете болиты голова? На все я знайду раду, коли бь лышь знахорка прыйшла: у неи згля зъ высокихъ горъ, здатне до усякихъ хворобъ.

Ольга. Мамо, не вдавайтесь до знахоркы, бо то грихъ. Я памьятаю, якъ ще я ходыла до школы, то намъ говорывъ вчытель, що на лыки знахорокъ здаватися—нескаяный грихъ.

Я В А І V.

Ти жь и Трохымъ.

Трохымъ. За добрымъ всюды впадаютъ люде, де що люде постережуть, разь тамъ и вродятця! На посились на мои волы, торгують и вже торгу добывають; выдео, що имъ полюбылысь, якъ и мени, бо то жь ривни и парни, якъ соколы; чы въ плузи, чы въ вози идуть якъ вода; тилько покеруй ными, то й горы перевернешъ. Що, Ганно, продаты ихъ. чы хай ще плавають по лузи?

Ганна. Продай, продай! Для дытны есть волы й коровы, а грошей буде треба. (*Ольга слухает и зитхає тяжко*).

Трохымъ (*погляда то на Ганну, то на Ольгу св жалемъ, и обернувшись до дочкы*): Олю, бачыла ты, якъ пташеня молоде, убравшысь въ пире. стрепене крыльцями и вылитає, покыдаючи ридне гнзздо и свою матирь? А пташка—маты, pozyраючи на свое дытя, тишытця, що дождалася того, що воно надъ гнзздомъ вьетця, и сама пидлитає до неи:

то зохоуче до лѣту, то вабыты ии зновѣ до гнизда и обгортае своимы крыльцями, щобѣ видпочыла ще хочѣ часочекѣ била матерного сердца.

Ольга. Бачыла, таточку, и мени жалѣ було пташеняты; я тоди думала соби: чы найдешъ ты таке сердце на широкимъ свити, якъ у матери, и чы прысплять тебе инчы письни якъ ридной матери, що сыдила надъ тобою на гарячимъ сонци и на холоднимъ витри?

Трохимъ. Бо пихто не зна, яка кому доля, все въ рукахъ Творця, Отця Милосердного!

Ганна. Трохиме! зустрічався ты зъ вѣйтомъ Чопоріємъ сегодня?

Трохимъ. Ни, не зустрічався, але-жъ чувъ, що ишовъ селомъ винъ.

Ольга (*у бикъ*). Охъ, не хочу я бачыты цѣго чоловіка, може винъ сюды прыйде, ёго поглядъ гыдкый, не можу ёго вынести. (*Голосно*). Мамо, тату, я пиду оце на гору и подывлюсь, чы не зблыжаютця вже пастухы зъ вивцями та чередою до воды. Зпогляну, якъ тамъ наша худобнына!

Трохимъ и Ганна. Якъ хочешъ, до-ню! (*Ольга отходьтъ*).

Ганна. Чы ты, старый, помичаешъ, що це зъ нашою Ольгою. Въ поле то выскокомъ иде, а якъ вернетця, то сумус знову; треба щось радиты; невже тоби не въ голови, що марніе дытына, и люде вже трапляютця и переказуютъ за неи, не дивуваты жъ ий вѣкъ?

Трохимъ. Жинка бильшь думае и говорытъ, а чоловікѣ бильшь робе.

Ганна. У тебе, певно, есть щось на уми?

Трохимъ. Яки вы, жинки, цикави; все хочете напередъ знаты, чого й други не знаютъ! Вьдко, у васъ вже така натура!

Ганна. Тоби добре говорыты; якъ бы ты знавъ, яки мени сны що-ночи ввыжаютця.

Трохимъ. Що жъ зъ тихъ снівъ? Чы ты мудрища видъ ныхъ стала, чы якъ? Хто вирить снамъ, той николи не дїйде до киньця.

Ганна. Якъ же не вириты имъ, коли вони правду говорять; якъ бы ты чувъ якъ знахоркы розбѣраютъ сны, а скилько удаецця до ныхъ людей изо всихъ крайнѣ, и якъ вони же видгадуютъ, якъ у око влиплать! Ось недавно наша знахорка вгадала, що Сохвія Петрышина видадзеця за Савчыного Илька, и видалася,—що въ нашимъ сели буде тры весилля, и на то выходытъ, що будуть,—и багато инчого де-чого вона говорытъ, и все такъ досто-метно выходытъ, якъ на долони.

Трохимъ. Ой, бабы, бабы,—колыбъ вы объ чимъ мудрицимъ думалы, нижъ объ знахоркахъ, може бъ краще було на свити.

Я В А V.

Ти жъ и Чопорій.

Чопорій. Куды пиду, мосьпаненьку, всюды не ладъ, и вже не можу дати соби й рады! Угрився та втомився, якъ сирый вовкъ, мосьпаненьку!

Трохимъ (*весело*). Та кажуть же, що вѣйтъ голова ладу й порядку въ сели.

Ганна. Абы вы, вѣйте, здорови булы, то всюды буде добре. Люде васъ шануютъ и слухаютъ, куды окомъ кинете.

Чопорій. Бо знаютъ, мосьпаненьку, що у мене нема куды танцюваты; хочъ бы й ридный братъ, не дарую, мосьпаненьку; и тоди хай иде, куды хоче, за правдою,—всюды моя правда! За мною и уряды и вси старши начальныкы и не можуть за для мене сливъ знайти. Кажуть: нема и не буде у насъ вѣита, якъ Чопорій!

Трохимъ. На свити такъ: хто у власти, той и въ чести.

Чопорій. Уже кильконадцять литъ буде тому, якъ, мосьпаненьку, вѣитую и не

одну справу славно розв'язавъ я въ тихъ литахъ. На то, мосьпаненьку, треба головы и розуму! (*Показує на пальцю*). Тилько оця колы бѣ говорыты умила, сказала бѣ усе, мосьпаненьку!

Ганна. Дай Боже по правди вамъ вѣйтуваты!

Чопорій. Теперь, мосьпаненьку, мени далеко лехче, якъ передъ цимъ, бо вже й сынъ мій дорисъ и праці догляне и зарядыть, всимъ якъ краще! Добрий, мосьпаненьку, парубокъ удався! Въ нашимъ сели, я такъ думаю, нема такого, якъ мій сынъ!

Трохымъ. Вже й того годи, що вѣйтивськый сынъ!

Чопорій. Правда, мосьпаненьку, що люде на те дивлятця; правда й тому, що якъ бы не я, то бѣ и моему Иванови не було такого пошановку та поваження!

Трохымъ. Краще самимъ молодцямъ здобуваты доброй славы, нижъ отцевською заставлятця.

Чопорій. Вже жъ воно лучше, мосьпаненьку, сидаты на добре хазяйство, якъ почынаты на голій земли. За обидраного та за злыдня, мосьпаненьку, вы певно не дали бѣ вашу Ольгу, чы правда?

Ганна. Бороны Боже! Хiba я на те полотно билыла, кылмы ткала, сорочки шовкомъ вышивала, та на все старалась, щобъ воно поручъ зъ лахмоттамъ стояло въ одній скрини! Бороны насъ Боже видъ такого зятя!

Чопорій. Ото-то-жъ бо й е! Вы, Ганно, мосьпаненьку, розумно судыте. Я самъ пры справѣ, мосьпаненьку, на те задивляюся, хто якого роду, стало бытъ, якои хвамыліи, якого колина! Теперь вы самы нибы зустрілись зъ моею гадкою; черезъ те мушу зъ вами поговорыты, мосьпаненьку, близчымы словами: знаю, що зъ вами, мосьпаненьку, не па витерь пускатыму мой началнычи слова!

Ганна. А кажыть, кажыть. Розумни речи ради слухаты!

Чопорій. Мій сынъ, мосьпаненьку, прыйшовъ вже, якъ я вамъ сказавъ, до своихъ литъ, до литъ здравомыслія и твердого розуму, господарює, худобы дозырає, въ поли и межъ людмы не постыдаєся ёго, мосьпаненьку! Ёго головы вже не вколупнешъ якъ лою, бо розуму стане на двѣ головы зъ походомъ. Часъ бы вже оженыты ёго, бо, мосьпаненьку, лита йдутъ и не ждуть. Я завжды вашу Ольгу, мосьпаненьку, мавъ на своимъ оци; вона буде добра невестка, мосьпаненьку! Любыть чыстенько убраться, красна, мотorna! Вона такъже прыходыть до своихъ литъ, мосьпаненьку! Хочъ вона й не вѣйтивна, и такъ сказать, безчыновня, такъ за тежъ ривня Иванови по краси и якъ багатырська дочка (*выжыдає*). Тому, мосьпаненьку, дыктую и по справди определяю, що була бѣ пара, мосьпаненьку, пидъ виноць моему сынови.

Ганна. Бачу, що вы, вѣйте, свой дытныи отецъ!

Трохымъ. Дякуємо вамъ, вѣйте, за добре слово про нашу Ольгу!

Чопорій. Хвамылія ваша, мосьпаненьку Трохыме, и колино ваше було. на мій взиръ, здавна заповажни. Кожиный скаже, що мы, якъ вы, такъ и я дитей ведемо добре, по Вождому! Теперь мени, мосьпаненьку, скажыть, що и якъ думаете, мосьпаненьку?!

Ганна. Хай Трохымъ говорыть...

Трохымъ. Скажу, тилько не сразу, а подумаю.

Чопорій. Тутъ, мосьпаненьку, нема чого довго думаты и говорыты: вы, Ганно, мосьпаненьку, свое вже сказаны, а Трохымъ мусе потакнуты, мосьпаненьку, чы такъ? (*вессело*) и мы тоди прышлемо хормально за рушныками, щобъ, мосьпаненьку, все церемоніально отбулося, якъ прыстойно первымъ хазяинамъ и не-абы якого ко-

лина людямъ. А що, мосьпаненьку, чы добре я кажу? Скажыть, мосьпаненьку Трохыме, вашу резолюцію!

Трохымъ. А хто зна серця нашихъ дитей? Черезъ силу посвататы ихъ и звинчаты не зхочете, певно, ни вы сами, вйте, ни я. Богъ одинъ зна, кому хто судывся! Вутле деревце росте межъ инчымъ деревомъ — дубомъ та сосною роскишно й буйно, здаеця ёму тамъ не зле буты, а чы можна видгадаты, якъ набизыть выхоръ, чы не зломыть его, або пересажене въ огородъ, чы не змарніе въ одинци, не на риднимъ вгрунти?

Чопорій (*пальцемъ водыть по носу*). Воно, мосьпаненьку, бува й такъ.

Трохымъ. Шкода, що вы, першъ чымъ свататы сына, не заглянули въ сердце ёго, а мы не знаемо серця нашої Ольги.

Чопорій. Хто, мосьпаненьку, дававъ бы волю дитямъ? Якъ бы я, мосьпаненьку, уважавъ, чого кому хочетця въ громади, то бъ мало, мосьпаненьку, було ладу. Я дыктую и определяю, мосьпаненьку, що дитямъ нема на що даваты воли!

Трохымъ. Шлюбъ не на день, а на цiele жыття!

Чопорій. Я дыктую и определяю, мосьпаненьку, що мій Иванъ прыстане на мій прыказъ, и хочу ще разъ довидатись, мосьпаненьку, чы прыслаты людей до васъ?

Трохымъ. Шкода, що вы мало звернули увагы на мою баечку про вугле деревце. То мушу ще додаты, що наша Ольга теперъ дуже засмучена и жалуетця все на голову... Опричъ того, у насъ и злагоды нема до виддавання. Мы ще обчымъ не думалы.

Чопорій. Дивоча хвороба, мосьпаненьку, доты й хворобуе, докы не заграе музыка, докы, мосьпаненьку, парубокъ гарный не подывытця ій въ вичы. Я, мосьпаненьку, вйтую здавна и знаю добре, якъ межъ людмы...

Ганна. Що мени злагода? Колибъ тилько журбы въ голови, то я бъ и байдуже! Пшеницю тилько вымыты, одежа готова, кылыми готови и усякого збизжя у Ольги нового повни скрыни, а гроши у насъ лежать въ схованци, — то й чого журытця, Трохыме? У насъ тилько одна дытыня, то бильше не маемъ, кому даваты.

Трохымъ. Правда, черезъ те, що одна и думаю и журюся и не могу йты проты іи серця!

Чопорій. Ваша жинка, Трохыме, дыктуе краще и розумвище, мосьпаненьку! (*выжыдае*). Я вже забарывся, а тамъ, мосьпаненьку, ждуть мене судци, соцькы зъ пысаремъ; мосьпаненьку, йты треба, безъ головы не буде нигде ладу. Будьте здорови, мосьпаненьку Трохыме; надіюсь, що ще наши стари косты, мосьпаненьку, потанцюють. До забачення!

Трохымъ и Ганна. Ходить здорови!

Чопорій. Подумайте, и на другий мій прыхидъ зготуйте кращу резолюцію.

Я В А VI.

Ти жъ (*безъ Чопорія*).

Ганна. Та що зъ тобою сталося, Трохыме? Зъ якого це побыту ты зволикаеся и людей багатыхъ видсуваешъ видъ своей дочкы?

Трохымъ. Легко сказаты, та тяжко зробыты. Багато батькивъ, похопывшысь свою дытыну виддаты, замистъ того, щобъ ушаслывыты, утопылы іи самохитъ...

Ганна. Ты бо, Трохыме, на резумъ берешъ кожне слово, ажъ прыкро слухаты. Краще не мудруй, щобъ не перемудрувавъ. Отъ виддай Ольгу за вйтового сына, и въ тимъ вся твоя мудристь.

Трохымъ. Ты все правышь свое, а памятаешъ, якъ погано люде говорять про Чопоривъ? Вони носятця своимъ вйтивствомъ, выносятця надъ усихъ: лю-

дей не шанують, кривдять и не мають страха Божого.

Ганна. Тоби ихъ повоження зъ людьми въ голови, а того не знаешъ, що за вѣтвого сына ни хто бъ изъ чужостороннихъ хазяинивъ не задумався и на хвыльну не звагався — бѣ виддаты свою доньку; котру бѣ схотивъ, ту-бѣ и засватавъ!

Трохымъ. Добрый, розумный — робочый парубокъ луччій, якъ багатый та не вдатный. Бидный працюватимо, а багатый та никчемный готове розвѣе и Ользи свить завьяже.

Ганна. Ты-бѣ, може, бажавъ Степана Крипчака, бо видъ давна щось ёго хвалышь...

Трохымъ. Той певно бувъ бы луччій, якъ вѣтивський сынъ.

Ганна. Цуръ тоби зъ нимъ та пекъ. Степанъ, окримъ земли и хатыны, не мае ничого; та я бѣ стыдялася, щобъ моя Ольга йшла селомъ у недилю до церкви поручъ зъ такимъ, у котрого ни роду, ни воливъ, ни оборогивъ.

Трохымъ. Багацтво — роса; подуе вѣтеръ, прыпече сонце, — уже ии й нема. Мы й сами, побираючысь, не були багатымы, а Богъ благословивъ, и теперъ маємо стилько, що можемо допомогты й бидному.

Ганна. Дывьсь, яке старому прыпливло до головы. Ни, мабутъ тоби якась лукава душа перейшла сѣгодня шляхъ.

Трохымъ. Ганно, надійся на Бога, и тилько на Его, бо безъ Его воли ни одынъ волосъ не спаде зъ головы людны. Мужа и жону Богъ сочета ихъ души. Безъ Божой святой воли ничого не дѣтця у свити. Осъ тоби моя остання порада! (*Пишовъ*).

Я В А VII.

Ганна и Знахорка.

Знахорка (*спышыть, не замичая Ганны*).

Ганна. Слава Богу! Нагодылыся въ самисенькый часъ!

Знахорка. А де ваша доня?

Ганна. Прийде незабаромъ.

Знахорка. Вы переказували, що ии головка болѣть; бидна дытына!

Ганна. Не такъ дуже голова, якъ чогось усе сумуе, ажъ страшно мени за нею.

Знахорка. Не бѣйтесь и не страхайтесь. Тутъ маєте всяке зилля, воно поможе видъ усѣго (*выйма изъ кошыха зилля*).

Перше — на умыття,
Друге — на пыття,
Третье — на любощи,
Четверте — на нудоши!

На дорози перехресній
Господари зѣйшлись чесни;
Одынъ каже: вливо,
Другый хоче вправо;
И годи имъ розмынутысь,
Имъ доригъ не стало.
Ой се дыво, ой се дыво,
Имъ доригъ не стало!
Межъ горами высокымы,
Межъ ярами глыбокымы
Зилля я збираю,
Коринни копаю —
Тимъ людямъ допомагаю,
Вси дякують щиро,
Що я роблю дыво!
Першый коринъ на любощи,
Другый коринъ на нудоши,
Видъ пидвию третій,
Видъ колькы четвертый —
Тимъ людямъ допомагаю,
Вси дякують щиро,
Що я роблю дыво!

Ганна. Мени жаль, що вы давнищъ не завитали до насъ.

Знахорка. Не було зъ чымъ; зилля я недавно вызбирала.

Ганна. Дамъ вамъ, чоґо бажаєте, тилько поворожить мой дитяни, щобъ не сумувала и щобъ їи серце стылылось до вѣтивського сына.

Знахорка. А що буде мени, Ганно, якъ я поворожу такъ, що вѣтивський сынъ буде забигаты и пропадаты за вашею донею?

Ганна. Сыра, масла, полотна, и навить грошей не буду жалиты, абы тилько моя дитяна розвеселылась! А на мого чоловіка щось найшло, нибы яка загнубилъ, щось ёму такъ сталося, що не хоче и не хоче сказаты, що гадає и що думает!

Знахорка. Такъ вашъ Трохымъ не хоче даты доню за Ивана?

Ганна. Винъ такъ и самъ не знае, чоґо хоче, и я ёго не розберу!

Знахорка. Скажыть мени, якимъ вамъ здаеця Чопорій? Правда, дуже сордытымъ и упрямымъ? Отъ же ёго жинка що схоче, те й робе зъ нимъ, а знаете, Ганно, черезъ що? Вона видъ свого дила не видступыть, хочъ бы и вмерла, а Чопорію не дастъ и виддохнуты, помы на їи волю не прыстане, хоча бы винъ и вмеръ, а въ кинци бачыть вѣтъ, що нема чоґо вдѣяты, прыстане на все, чоґо жинка схоче. Такъ само й вашъ Трохымъ прыстане на вашу волю, тилько не зкоряйтесь ёму, бо не даромъ и поговирка иде: „хочъ чоловікъ и не онее, колы-жъ жинци бачышь тее, то треба їй догодыть!“

Ганна. Ни, бабуню, то грихъ! Мій Трохымъ въ жыттю николы не замутывъ воды, и мы жывемо промежъ себе, якъ голубы. Та я-бъ не пережила незлагоды зъ моимъ Трохымомъ; винъ добрый, тилько що теперъ щось ёму сталося, що не рыхаетця Ольгу виддаваты.

Знахорка. Пождить - бо, пождить, прыйде свѣй часъ, и Трохымъ вашъ сяде на лаву поручъ зъ вами и поблагословить свою дочку. Бувайте здорови, дастъ

Богъ, не задовго зновъ буду у васъ (*отходыть*).

Ганна. Заходьте, будь ласка, просымо!

Я В А VIII.

Ганна, Тетяна, *потимъ* Ольга.

Тетяна. Здорови булы, Ганно!

Ганна. Спасы-Богъ вамъ, що не мынули мои хаты.

Тетяна. Я давно збиралась до васъ, та не можна було покынуты господарство.

Ганна. Отакъ и я никуды не урвусь.

Тетяна. Вы вже, хвала Богови, диждалися донькы, то вамъ вже лехче.

Ганна. А вы сына диждались.

Тетяна. А де жъ ваша Ольга, чы дома?

Ганна. На грядкахъ ополые квиты.

Тетяна. Стало бытъ, працевыта вона у васъ?

Ганна. О, за це грихъ сказаты!

Тетяна. Що жъ, порадылись вы вже зъ старымъ за Ольгу?

Ганна. У насъ ще не було на це рады, та я думаю, що Богъ поможе и намъ и вамъ!

Тетяна. Мы не хочемо якъ и вы дѣтямъ злого, — тилько щастя; чы правда? Иванъ, ажъ мыло на него дывытысь, якъ ёго уберу въ гарну та дорогу одежу, то другого не бачу ему равного въ цѣлимъ сѣли. Не кажу цѣго, якъ маты, боронь мене Боже! Все люде завыдують, що винъ вѣтивський сынъ та хоче вашу Ольгу свататы.

Ганна. И я-жъ кажу моему старому те само.

Тетяна. А Трохымъ вашъ що на тее?

Ганна. Ще не зна що, бо каже: треба бъ довидатысь видъ Оли, чы їи серце прыстало до вашого Ивана?

Тетяна. Мы тожъ, якъ по правди сказаты, не знаемо, якъ думает нашъ Иванъ, але воля батька й матери.

Я В А ІХ.

Ганна, Тетяна и Ольга.

Ольга (*выходе*). Отъ, мамо, мамо, яки наши грядкы—очи соби берутъ! (*до Тетяны*). Здоровы булы, вѣйтыхо!

Тетяна. Здоровенька! Що це ты нибы трохы змарнила?*

Ольга. И матуся тежъ говорятъ, черезъ те й не сылуютъ мене ни до якои работы, навить и малои.

Тетяна. Олю, чы не лучше бѣ тоби було, колыбѣ дви матери обѣ тоби старалысь?

Ольга. Мени добре у моєи нени, на вищо жѣ мени ще й друга? Я всимъ сердцемъ кохаю мою неню, то чы зможу жѣ ёго роздвоиты? И мамо моя засмутилась бѣ, колы бѣ я хочъ частыну своёго сердца видпяла видѣ неи. Чы такъ, мамо?

Ганна (*у бикъ*). Вона володіє моею душею, и думкы мои плутаютьця въ ии щирѣй мови!

Тетяна. Ой, ни, Олю, не кажы такъ! Ты бѣ не змарнила, не засумувала бѣ; бо якъ не одна, то друга маты тебе голубыла бѣ и не дала бѣ марниты.

Ольга. Не знаю, чы краще бѣ такъ було, якъ вы кажете, тилько що мой мамо и тато мене дуже люблять.

Тетяна. А скажы, Олю, чы тоби подобалось у мене, и чы наша хата тоби до сердца?

Ольга (*мовчыть, а потимъ слива въ отвѣтъ*):

Ваша хата зъ огородомъ
Надъ быстрой водою,
Наша хата и зъ садочкомъ
Надъ тихой рикою.
У васъ хата вѣйтивська
Зъ двома каминамы,
У насъ хата господарська
Зъ вузькымы виенамы.
Я изъ нашего виконця

Лугъ бачу зеленый,
А зъ вашого подвиронька
Небо та лисъ темный.
Мени маты наказала
Въ темный лисъ ходыты,
А на лугъ мене пускала
Рвать лугови квыты.

Тетяна. У кого це ты навчылася такои пильни?

Ольга. Въ сели спиваютъ дивчата (*заговорюе*). Ой, що жѣ це й досы нашихъ косаривъ не выдко, а малы оце не забаромъ прѣиты лугъ косыты!

Ганна. Хазайство, тобѣ-то газдвство великый клопить. Нема краще, якъ вамъ: люди вамъ все зрблять, выхвуть, зкосять, зложать и звезуть у тикъ, ажъ мыло. А тутъ прѣйдѣтця иноди не въ моготу у жныва та въ синокоси.

Тетяна. Якъ бы у мене була така донька, якъ ваша Оля, то бѣ ходыла, якъ пани, гарно зодягнена, и ничего не робыла бѣ, бо е, Богу дякуваты, кому робыты. Мій чоловікъ тилько пошле пальцю въ село, а вже и челядь прыходыть. Куды хочъ пошлы пальцю, усе зрбить якъ найлучче.

Ганна. И я не прымушую донькы до работы. Безъ ии пращи обѣдетця, е зъ видки ще наняты робитныка, а якъ ни, то зѣйдутця добри люди и помогутъ збраты хлибець!

Тетяна. Одначе подумайте и намъ доладню одновидь дайте! Прощайте до якого часу! (*Пишла*).

Ольга. Осъ и татко зъ косарямы! (*бѣжыть до батька*).

Ганна. Не знаю, якъ и що вдѣяты: шкода й дытны, шкода й вѣйтового багацтва. (*Пишла*).

Ольга (*до Трохыма*). Тату, тату! Скажыть, адже вы мене кохаєте дуже? Не зможе батько своєи дытны втопныть? Правда?

Трохымъ. Заспокойся, моя люба доню!

Я В А Х.

Ти жъ и Трохимъ зъ косарями.

Трохимъ (*до косаривъ*). Славна буде й цѣго року косовиця, якъ Богъ допоможе! Спасиби вамъ, люде добри, що зибрались до мене на толоку. Чы й теперъ положыте весь лугъ, якъ торикъ? Трава якъ лись, уже дойшла самого цвита, поляже на косы, ажъ зашумить! Година трапылась погожа, музыка заграе вамъ за для охоты, щобъ не наскучыло гуляты по лузи! А ну, за для початку утнить пьсьни, розбудить лугове штаство, щобъ ховалось видъ гострыхъ косъ!

Хоръ косаривъ:

Мы въ лугъ идѣмъ вси зъ косами,
И якъ станемъ въ рядъ,

Винъ устелытця травами,
Скопенымы въ ладъ;
Коженъ зъ насъ, що соколы,
А вси разомъ, якъ орлы!
Косы намъ не затупіють:
Клепани гараздъ,
Руки наши не умліють,
Скосымъ лугъ заразъ!
Коженъ зъ насъ, що соколы,
А вси разомъ, якъ орлы!
Есть де розгулятысь въ волю,
Батько нашъ Трохимъ
Дастъ намъ стравы, хлиба й солы,
Ну жъ гуртомъ за нимъ!
Коженъ зъ насъ, що соколы,
А вси разомъ, якъ орлы!

(Зависа).

Д І Я І І.

(ОТКРЫТЕ МІСЦЕ).

Я В А І.

Тетяна и Василь.

Тетяна. Охъ, яка жъ то ничъ була страшна! Давно, давно вже не бачыла я такого вогню, якый у Трохима бушувавъ. Та пожежа, то було якесь страховисько!

Василь. Богу дякувати, що Трохимъ зъ жинкою, дочкою та челядью выритувавъ свое життя! Въ самій первосни, а звисно, що чоловікъ найкричче спить зпочатку, якъ скоро ляже. Такъ кажу, въ самій первосни, ще перши пивни не спивали, якъ поломень обгорнувъ хату. А вашъ чоловікъ, панъ вийтъ, де бувъ, що не выдко ёго було при пожежи?

Тетяна. Нема дома; мени дуже безъ него було страшно! Поихавъ у городъ по якомусь дилуви, такъ я цилу ничъ мала

поганный сонъ. Снылось мени, неначе все наше подвирье укрылось болотомъ та грязью, и по нимъ ходивъ мій чоловікъ, чорный, у злыденній одежи и такый худый-худый; отаке мени снылось!

Василь. И выснылось вамъ на вогонь?

Тетяна. Охъ, я боюсь, щобъ моему чоловікови не зкоилось въ дорози якого лыха?

Василь. То вийтъ ще не призывъ до дому?

Тетяна. Та ни жъ, ни! ще вчора поихавъ у мисто видибраты гроши за се за те и поорудоваты де ще у чимъ. Не знаю, що зъ нимъ діетця: винъ не любить ночуваты у мисти, а отъ не вернувся, певно щось зкоилось.

Василь. Въ котрій пори видлихавъ вийтъ учора?

Тетяна. Сонце стояло ще на полудень.

Василь. Чого жь такъ пизно? У важнымъ дили? На ничъ выиздыть зь дому не безпечно!

Тетяна. Не знаю, чого ёму такъ прыпало!

Василь. Громадської справы, здаеця, не було, щобъ зь вечора хапатысь, можна було ранку подождаты. Хазяйство можна було безпечно кинуты на сына!...

Тетяна. Кажу жь вамъ, шо не знаю. Будь ласка, Васылю, вйдити до нашої хаты, прошу хоть на короткый часъ, не забыватысь.

Василь (*у бихъ*). Треба буде подывытысь, хто у Чопорія есть (*голосно*). У васъ свитылось до пизной ночи, я бачывъ?

Тетяна. Ходить, прошу! (*Пшшлы*).

Я В А II.

Чопорій и Знахорка.

Чопорій (*самъ*). Насылу виховався у соломьяннику на току, сказавшы сусидамъ, шо иду до города. Теперь наша взяла. Ни слиду, мосьпаненьку, зь Трохымового господарства! Теперь уже, мосьпаненьку, нема куды и чымъ хвалытысь, и зо мною мирятысь! А дывы, якый бувъ мудрый! Думавъ, шо надъ него другого нема мудришого въ сели! Такъ, Трохыме мосьпаненьку, тоби и треба! Не задырай до горы носа! Не хоче дати свою дочку за мого Ивана, вымовляеся сюды-туды, теперь стане мене просыты, щобъ я прысылавъ старостивъ. Я не бажавъ ёго господарства, у мене о свое; я хотивъ тилько грунтъ у вини взяты; теперь це зможу зробыты. Гола земля безъ худобы и господарства, мосьпаненьку, якъ чоловікъ безъ чобитъ и безъ одежы; теперь я постараюсь бия Трохымовой земелькы; одначе ще разъ попробую довидатысь, чы видасть те-

перъ Трохымъ свою дочку за мого Ивана. Я хочу, щобъ у мого сына була жинка красою та вродою на всю околицю! Я такъ миркую, шо цимъ я роблю вельгу честь Трохымови! А мени треба, щобъ на мою певистку задывлялысь люде, стало бытъ начальныкы, видъ которыхъ залежыть мое пидвыщення. Невистка гарна у хаты вйта и усякого пидручного, це важна статъя! Не схоче Трохымъ теперь, то заберу у него грунтъ, бо той грунтъ бувъ колысь, якъ кажуть, громадскый, а громадське хай иде на громаду! Хай лышь Трохымъ пограе зо мною, хай лышь иде дальше по своему шляху. Въ одній сорочци, мосьпаненьку, буде танцюваты пидъ мою дудку, побачымо, чы буде це лехко ёму и ёго красній дочци. О, Чопорій, мосьпаненьку, не одному пидкраивъ довгого кожуха и не одного спутавъ, хто не йшовъ по ёго воли! Кожный хай знае, мосьпаненьку, шо моя рука довга, а зь вйтивьською палыцею шо довша, мосьпаненьку! Достану, хоча бы и за хмару зховався! Я дыктую и опредиляю, такъ, мосьпаненьку, и додержу слова!

Знахорка (*выходытъ*). Я уже ноги сходыла за вами, вйте. Чы вы тутъ сами, нема бильшь никого?

Чопорій. Самъ, мосьпаненьку! Шо нового, мосьпаненьку?

Знахорка. Вы ёго не бачылы?

Чопорій. Трохыма? а радъ бы я, мосьпаненьку, бачыты ёго, чы ще и теперь буцкаеця, якъ баранъ? Чы може, мосьпаненьку, обшмалылась вовна?

Знахорка. Я зробыла по вашому прыказу. Пидпалыла въ первосни на вси чотыри вуглы хату его...

Чопорій. Мовчы, мосьпаненьку, бабо, я не прыказавъ тоби, мосьпаненьку, выбовтуваты, яка умова межъ нами сталася!

Знахорка. Я тилько вамъ, вйте, кажу, бильше никому.

Чопорій. О, попробуй кому хочь слово сказати, то дыктую и определяю тобі, що згынешь въ кайданахъ, стара видьма!

Знахорка. Присягаюсь, що никому не сказала объ тымъ, що вы мени велили пидпалыты Трохыма.

Чопорій. Мовчы, стара! Знаешть, що якъ Чопорій дыктуе мовчаты, то мовчаты!

Знахорка. А гроши за мою послугу?

Чопорій. Гроши... а, гроши... Хто бувъ першый пры вогни? Ты, мосьпаненьку, була тамъ?

Знахорка. Я не була, а розказують, що Степанъ Крипчакъ прыбигъ найпершый!

Чопорій. Такъ!.. О, мосьпаненьку, того мени тилькы и треба!..

Знахорка. Теперь я мовчатыму, якъ рыба, тилько дайте мени гроши.

Чопорій (*выйма гроши и дае*). На, та памьятай соби, мосьпаненьку, мовчаты и маты розумъ, мосьпаненьку, розуміешть?

Знахорка. Памьятатыму, хай мене Богъ скарае, колы кому хочь словечко!.. (*роздывляється на гроши*). Скільки жъ це вы даете? За два коповыка та я взяла такый грихъ на свою душу? Вы поминывся даты мени десять карбовонцивъ.

Чопорій. Поминывся? То-то я, мосьпаненьку, поминывся!

Знахорка. Охъ, що жъ це я наробыла, за два коповыка зъубожила цилу семью!

Чопорій (*бачыть, що двери одчыляються и изъ хаты выходыть Василь*). Годи, стара, выты, ты мене знаешть, мосьпаненьку! Иды видцила скорыще, бо заразъ звелю забыты у кайданы! Дыктую тобі и определяю: геть видцила пидъ тры-чорты!

Я В А ІІІ.

Чопорій и Василь.

Чопорій. Якъ тилько нема въ сели головы, мосьпаненьку, то нема й ладу. На тебе, Васылю, не можна й спустытысь, мосьпаненьку!

Василь. А черезъ що жъ то?

Чопорій. Ты, мосьпаненьку, пытаешть? А пожежа?

Василь. Сталось, ричъ объ томъ, хто пидпалывъ Трохыма?

Чопорій. А такъ! Якъ же ты, мосьпаненьку, не зловывъ и не закувавъ того, на кого, мосьпаненьку, найбильше пидозряння падае?

Василь. О тожъ то й горе, що тако-го чоловіка ще не помитывъ!

Чопорій. Покажетця це, мосьпаненьку, у протоколи. Ты знаешть, що теперь на все, мосьпаненьку, на все протоколы. Визьме дидъ у чужій хати вогню, уже й протоколы! Розстелыть баба лёвъ сушыты на грядци, уже й протоколы! Поноухавъ ты, мосьпаненьку, у ночи табакы и чхнувъ такъ, що разбудывъ сусида, протоколы! Плюнувъ ты, мосьпаненьку, на шляхъ, а тутъ витерь нанисъ чужу полу, чы рукавъ, протоколы! То, мосьпаненьку, очевыдно, що й вогонь цей ночи не мусыть мынуты протокола! Я самъ дыктую и кажу тобі, Васылю, буде бида!

Василь. Бида биду побье, то выйде на добре!

Чопорій. Гмъ! Ты бувъ, Васылю, пры вогни и знаешть, мосьпаненьку, хто тамъ первый явывся?

Василь. Знаю; Степанъ Крипчакъ вырятывавъ усыхъ, усю семью Трохыма! Безъ него може бъ и згорыли!

Чопорій. Це, мосьпаненьку, ничего не означа! Менп, мосьпаненьку, говорено, що то винъ пидпалывъ Трохыма, щобъ тымъ скорійще оженытысь на ёго дочци!

Знаешъ, мосьпаненьку, якый винъ гуляка, и розуміешъ, до чого воно йдетця?

Василь. Я не думаю, що за для того, щобъ ожениыты, треба було підпалыты Трохыма! Трохымъ безъ пожежы давно вже маркуе даты свою дочку за Степана, догадуючысь, що вона за нымъ ажъ гыне.

Чопорій. Але маты не хотила, мосьпаненьку, свою багату дочку виддаты за такого голодранця, мосьпаненьку, якъ Степанъ.

Василь. Ба ни, и маты не дуже цёму протывытця. Степанъ певный зять Трохымивъ. Все люде такъ товкують! Самъ Трохымъ мени якось сказавъ, що Степанъ буде ёго зятемъ, але зволкався винъ зъ весиллямъ черезъ те, що Ольга ёго ще молоденька! Теперъ якъ знову Трохымъ стане на ноги, то поможы имъ Боже!

Чопорій. Гмъ!.. Добре уміешъ замятаты, мосьпаненьку, стежки за Трохымомъ и ёго будущимъ зятемъ.

Василь. Що люде кажутъ, те й я!

Чопорій. Одначе, мосьпаненьку, не такъ говорятъ розумни люде. И тоби, Васылю, треба бъ подлубатысь у свой голови и роскынуты розумомъ, а не няты на Трохымови слова виры. Кажу тоби, мосьпаненьку, що розумни люде не такъ кажутъ.

Василь. Якъ же?

Чопорій. Гмъ... Степанъ підпалывъ Трохыма; винъ первый бувъ, мосьпаненьку, пры вогни. Ясно, що підпалывъ для того, мосьпаненьку, щобъ Трохымъ зъубоживъ и, мосьпаненьку, за него, убогого, ршывся виддаты свою дочку. Степана треба було заразы, мосьпаненьку, браты й възаты.

Василь. То це вже свить стане до горы ногамы, колы такой кривды вирыты!

Чопорій. Хай стае, мосьпаненьку, а воно такъ е, мосьпаненьку, якъ я кажу!

На Степана май око, а скоро зустрінешъ ёго, беры до арешту. Розуміешъ, мосьпаненьку? Я такъ дыктую и определяю!

Василь. Чы замолыте вы того гриха, якъ цему не правда?

Чопорій. Правда, мосьпаненьку; длай, якъ машъ видъ мене приказъ! Ты, мосьпаненьку, прысяжный, я вийтъ, и во всемъ моя голова. Всюды поставъ заразы варту и того волоцюгу Степана, мосьпаненьку, первого ловы. Такъ я, вийтъ, дыктую и определяю! (*Пишовъ*).

Я В А І V.

Василь и Степанъ.

Василь (*самъ*). Онъ якъ Чопорій взявся! Приказуе Степана зловыты и хоче на него тяжку биду звалыты. Мушу приказъ сповныты, хочъ мени жалъ бидного Степана. Не хочу я цему вирыты, щобъ Степанъ бувъ такимъ безсердечнымъ до симы, въ котрій ёго любя дывчына выроста и пышаецця! Ни, щось воно не такъ; але мушу сповныты приказъ! (*Пишовъ*).

Степанъ (*выходе и стывае*):

Моя мыла, чорнобрыва,
До ты, серце, пробуваешъ?
Ты зросла усимъ на дыво,
Ты весь мыръ въ соби ховаешъ!
Якъ на мене ты споглянешъ,
Я самъ себе забуваю,
А якъ писню заспиваешъ,
Що зо мною, самъ не знаю!
Якъ селомъ ты, серце, лынешъ,
Все на тебе вдывляютця,
А на кого окомъ скинешъ,
Ти до тебе лыцяются.
Разъ ты, серденько, сказала,
Що кохаешъ мене дуже,
И зъ тией годныонкы
Серце мое ще бильшь туже!

Василь (*вышовъ*). Осъдечки й винъ! Спиваешъ, небоже, а не знаешъ, що тебе жде... Хочъ бы винъ не побачывъ мене, та швыдчъ соби заховався куды!

Степанъ (*замичае Васыля*). Помогай Бигъ! пане присяжный! Чы вы вже давно тутъ? Не йшли часомъ сюды якы люде зъ того кинця села?

Василь. Не йшли, а тоби, небоже, на що ти люде?

Степанъ. У Трохыма лежыть усе лоскомъ у поли, такъ я оце йду просыты допомогты у добрихъ хазяинивъ и спиваю соби, щобъ писнею заглушты биду та клопять.

Василь. Пожды, Степано, я маю приказъ тебе не пустыты дали.

Степанъ. Який приказъ? Що жъ-то заперта дорога у нашымъ сели, чы якъ?

Василь. Не всимъ людемъ, а тилько тоби заперта. Я мушу тебо привести до вѣята! Чопорій щось напосився на тебе.

Степанъ. Знаю, що винъ давно на мене гострытця, хоче погубыты мене!

Василь. И ты не стережешся?

Степанъ. Думаю утекты згодомъ, якъ допоможу Трохымови хочъ трохи опам'ятатысь отъ несподиванного лыха!

Василь. Це було бъ Чопорієви на руку.

Степанъ. Мене люде добре знаютъ, не осудять за побигъ, а скажуть: такъ и слидъ було зробыты!

Василь. Ни, такъ не робы! Ты не бѣйся, я тебе видамъ, я тебе й вызволю зъ биды. Тилько теперъ не втикай, бо гиршъ буде...

Степанъ. За що жъ мене маете арештуваты? Скажыть, кому я що выненъ?

Василь. Не знаю и ничего тоби теперъ не скажу. Кажу тилько знову, що послухай мене, Степане, и не бѣйся!

Степанъ. Боятця злодѣи та душугубы, а я моихъ очей не маю за що ховаты видъ людей! Я вирую въ Бога и пам'ятаю по всякъ часъ святыи Ёго заповідь!..

Я В А Ч.

Ти жъ и Чопорій.

Чопорій (*дывытця на Степана*). Ты тутъ, мосьпаненьку, гуляко, волоцюго? га? Соколыку, попался въ клитку, мосьпаненьку, хоча й не було твого голубка, мосьпаненьку, котрый тебе приманывъ сюды!

Степанъ. Чого вы хочете видъ мене?

Чопорій. Дывы, теперъ який покирныи, а недавно верховодывъ въ цилимъ сели!

Степанъ. Черезъ те корюся вамъ и разъ-по-разъ корывся, що вважаю васъ за урядныка надъ нами и послухаю тѣи власти, котра расъ настановыла надъ нами. А якъ вы мене арештуєте неповынно, тоди цей грихъ спаде на вашу душу!

Чопорій. Ого! якъ красно балака, мосьпаненьку, мовъ по писаному. Доставъ ёго, Васылю, до мене, а я вже ёго запроторю туды, де належыть буты такому гуляци, волоцюзи!

Степанъ. Не звычайте мене, пане вѣйте, тымъ словами, докы не довидалысь объ мой выпи. Е судъ вышчыи, котрый мене судытеме, а вы мени не судья!

Чопорій. Вяжыть ёго!

Степанъ. Вязаты не дамъ! Я не суперечу вашу накажу и пиду, куды звелыте! Соромъ вамъ, пане вѣйте! Я вамъ николи ничего злого не вчынивъ, окримъ того, що наробывся вамъ якъ виль безъ найменьшой заплаты!..

Чопорій (*вз гниси*). Беры ёго, веды, мосьпаненьку, и забый въ дыбы, щобъ не втикъ!

Степанъ. Не довго вже вамъ, пане вѣйте, знущатысь надъ чужымъ дитьмы! Осъ якъ, люде добри, буває на свити! Будь добрымъ, працюй чесно, не зважай на те, чы справедлыва старшына, чы ни, а будь ий преклоннымъ. А не стерпышъ,

то укрутыть тебе, потне твое тило, звяже твои руки и ноги и скаже тобі въ вичи, що ты злодій, бродяга, харцызъ, безчесныкъ и все, що о лыхого на свити, намотае на тебе! Отакъ и вы, пане вѣйте, мени теперъ видаете за мое добре злымъ.

Чопорій (*зз великымъ гнивомъ*). Беры ёго, вяжы: винъ бувъ першымъ на пожежи. Винъ, мосьпаненьку, то винъ підпалывъ.

Степанъ. Не рупне вязати! Я иду самъ! (*Присяжный зз Степаномъ и людъмы пишы*).

Я В А VI.

Чопорій и Тетяна.

Чопорій (*самъ*). Уже зъ однимъ, мосьпаненьку, до половины готовъ. Найтяжче, мосьпаненьку, зъ нымъ до арешту, а тамъ може соби, мосьпаненьку, посидити, якъ задиктую и скажу свое, то може и постаритысь дочка Трохыма, покы винъ, отой волоцюга прыйде ии свататы.

Тетяна. Ты якъ кризь землю провалывся, ледве тебе знайшла.

Чопорій. Е, мосьпаненьку, дила дуже важни!

Тетяна. Онъ вси люде на тебе говорятъ и клануть тебе, що звеливъ Степана видвесты до арешту ни за що.

Чопорій. А имъ що до того, вони вси таки, якъ Степанъ!

Тетяна. И куды твій розумъ подився? Наклыкавъ соби биду, що теперъ и на сели не можна зъявытысь.

Чопорій. Хто тобі, мосьпаненьку, це сказавъ?

Тетяна. Я сама своими вухамы це чую, що люде говорятъ и якъ клануть тебе!

Чопорій. Хай я пройдусь промежь ныхъ! доты мыши скачуть, докы ката не зачуютъ! (*показуе на палець и піднима до горы*). Ось, у мене послухачъ

у руци; тилько підійму отакъ у гору и заразъ задиктую усимъ такъ, мосьпаненьку, що имъ роты якъ позашнуровуе!

Тетяна.

Бодай тобі лыхо сталося,
Розходывся Чопорій,
Все село насъ видцуралось,
Ты жъ на старистъ все дурій.
Въ очи вси тобі плюють,
Уси гонять, вси клануть.

Чопорій.

Чы ты, жинко, замовчышь,
Все якъ гадына сычышь,
Бильшь мене ты допекла,
Нижъ вси люде изъ села.
Всюды вѣита ще шанують,
Тилько зъ тебе вси кепкують,
Чого жъ, бисе, ты тыркочешъ,
Може палець ты хочешъ.
Глузду стилько, якъ въ сови,
Въ твоій дурній голови.

Тетяна.

Чопорію, цуръ тобі,
И пекъ твоій голови.
Цуръ тобі, цуръ тобі!..

Чопорій.

Мосьпаненьку, вгомоньсь!..

Я В А VII.

Тетяна, Ганна и Ольга, *посли Трохымъ*.

Тетяна (*сама*). Иды, иды, самъ звиря, яки товкы йдутъ промежь людъмы. Збожевилывъ чоловікъ, зовсимъ загубывъ розумъ! (*Ольга и Ганна выходять, не помичаючи Тетяны*).

Ольга. За вищо взяли Степана до арешту? Де винъ теперъ, мамо, куды ёго повелы? Може ёго вже закувалы у кайданы? (*Плаче*). Ходимъ, я хочу ёго бачыты!

Тетяна (*у бикъ*). Послухаю, що мати скаже!

Ганна. Ольго, Ольго, бидна моя дытно, тобі не видь того тяжко, що Степана нема, а через те, що не слухаешь мене. Я рада тобі зъ за моря дистаты доли, та теперь бачышь сама, Богъ на насъ пославъ нещастя: циле наше господарство тліе у попели... Тебе хоче посвататы Иванъ, сынъ вѣйтивський. У нѣго е воды, коровы и усячына. Сядешъ на готове господарство, за нимъ не будешъ бидуваты.

Ольга. А Степанъ скаже: Ольга, котру я зъ вогню на своихъ рукахъ вынишь, поласылась на багацтво и запродала свое сердце й душу.

Ганна. Теперь вже Степана нема въ сели. Вѣйтъ ёго видославъ до суду!.. Вже винъ не вернетця! Знаешь, яка сыла у вѣйта, запакуе такъ, що й не пытай куды.

Ольга. Тымъ гирше!

Тетяна (*наблыжаецця*). Я все чула, Ганно; мени здаецця, що Ольга ваша не знае добре мого Ивана, а нехай винъ прѣйде до Ольгы та поговоре, тоди вона забуде того Крипчака.

Ганна. Ольго, ты сама одыхаешь свое щастя.

Ольга. Охъ, мамо, мамо, яку вы мени страшну порадудаете! Невже вамъ сердце мое здаецця за каменя?

Ганна. Забудь, донечко, Степана, вгамуй свое сердце; чы я жъ не бажаю тобі щастя! А якъ Степанъ теперь у тюръми, то подумай, якый теперь поговиръ на тебе пиде?!

Ольга. Поговиръ мени лехче перебути, нижъ сердце заморозыты. Мучъ, мамо, мое сердце, розбий его, а Степанъ умре въ нимъ разомъ зъ сердцемъ.

Ганна. А може, доню, Иванъ любыты тебе ще бильшь буде?!

Ольга. Може й буде, та я окримъ Степана никого не зможу любыты.

Не можна серцю двохъ любыты,

Хочъ бы само хотило,

Бо той давно его вялыты,

Кого разъ полюбыло.

Тетяна и Ганна.

Забудь же, доню, ты его,
Не мучь своей головкы,
Мы хочемъ щастя твоёго,
А не людськой помовкы.

Ольга.

Не радъ же, мамо, ты мени
Кохання залышиты,
Бо лехше полягты въ труни,
Нижъ вѣкъ зъ нелюбымъ жыты.

Годи, мамо, сылуваты мене за нелюба, коли вамъ хочетця, щобъ я ще на святи пожыла.

Трохымъ (*пидійшовз*). Такъ, доню, такъ, моя дытно! Ты одна пидпираешь мою старость; о, якъ бы не стало тебе, тоди и передъ нами незабаромъ роскрылась бы могыла, бо въ нашій недоли не було бъ вже кому намъ и воды податы. (*Обнима ю*).

Тетяна (*у бикъ*). Ни, мабуть цій дивчыни не зломашь воли! Батько за неи тягне руку, а маты й сюды й туды. Бачу, що вже мени тутъ ничого манячыты. (*Пишла*).

Ганна. Трохыме, намъ ще такъ не було, якъ теперь. Чы на те жъ мы выгудувалы дытну, щобъ дывытыся, якъ вона зъ нами скытатыметця! Ще разъ кажу: хай Чопорій прысылае за рушвыками!

Трохымъ. Крепысь, Ганно, Богомъ крепысь! Любылы мы господарство свое, якъ воно сповняло скрыни и комори, полюбымъ же теперь и наше попольще! Богъ дае, Богъ и бере! Не ремствуй, а молись и хвалы Его святого. Ольга коха Степана, нехай и дожыда Степана; диждетця — нехай иде за нѣго, не бороны ий и не перечь!

Ганна. Нехай буде по твоему! Ни не по твоему, а такъ, якъ Богъ дастъ!

Ольга. Благоаю васъ, тато й мамо, зоставьте мене одну. У сердцеви моему зъявлетця бажання зостатысь на одынци! (*Трохымъ и Ганна пишлы*).

Я В А VIII.

Ольга. По полю тихо, и витрець не пові, и травця не зашелестять; чуты, як мушка летить, як переполця своихъ дитокъ склыкае, якъ рыбка плюскаетця въ водыци. Всюды тихо... На неби не видно ни хмаркы. Якъ любо на около, — тилько мени тяжко и невесело. Нема Степана, нема его бия меня... Нема кому сказати ёму: Степане, не сумуй, твоя Ольга тебе кохае, вона тоби вирна! Що винъ мени найчастичъ говорывъ, треба прыгадаты: колы, каже, насъ розлучать, и я тебе не побачу, то прыснюся тоби въ шлюбній одежи: на мойй голови буде шапка съ трѣма барвинковыми винками, однимъ видъ тебе, другимъ видъ родины, третимъ видъ твоей матери. Тоди черезъ тры дни надійся, що прыйду; а якъ не прыйду — виддайся Богови, бо мои очи засыплють сырою землею. Чы прыснутця жъ винъ мени? Боже! Ты одынъ властивецъ надъ моимъ биднымъ, малымъ разумомъ безсильнымъ пробачты и те, що черезъ хвыльну сполешъ ты мени! Ты одынъ жывышъ мое сердце невымовною силою! Я не насмію ни объ чимъ Тебе благаты, Милосердній, тилько бажаю, щобъ въ сердцеви моему довично жыла молитва, прославляюча Твою благисть, Твою цыристь, Твою мылость.

Я В А IX.

Чопорій *выходить*.

Чопорій (*до Ольги*). Не було тутъ, мосьпаненьку, никого?

Ольга. Я тутъ сама! (*у бикъ*). Якимъ винъ мени здаецця страшнымъ!

Чопорій. А батько твій де, мосьпаненьку?

Ольга. На ныви, тилько вони заразъ прыйдуть.

Чопорій. Що це ты, небого, мосьпаненьку, ще бильшь змарнила? Вогонь обшмалывъ, мосьпаненьку, твои крыльця, пташци безъ крыльцевъ не литаты!

Я В А X.

Ти жъ и Трохымъ.

Трохымъ (*выходе, не замича Чопорія*). Есть ще на свити добри люде. Мою нещастя не отстраныло ихъ видъ мене! Спасыби имъ, дай имъ Боже прожыты и не зазнаты никола того, що я зазнавъ.

Чопорій. Звонъ хлибець скоричъ зъ поля, щобъ не опизнывся, мосьпаненьку.

Ольга (*у бикъ*). Не могу дывытысь бильше на цѣго чоловика, такый винъ мени осоружный. (*Пишла*).

Трохымъ. Добри люде помогутъ звезты, а я не маю чымъ.

Чопорій. Имъ, мосьпаненьку, прыпадало вже давно звозыты.

Трохымъ. Во я просывъ ихъ тилько оце незабаромъ.

Чопорій. Я це дило, мосьпаненьку. Трохыме, розумію иначе и черезъ те, мосьпаненьку, дыктую и определяю, що поле пидъ твоимъ посивомъ не твое!

Трохымъ. Чне жъ воно, якъ не мое?

Чопорій. Воно громадське, мосьпаненьку, и я забираю ёго зновъ на громаду! Дыктую и определяю видъ ныни ёго не займаты ни плугомъ, ни бороною!

Трохымъ. Якимъ правомъ и судомъ? Ще за мого дида заминала громада наше поле за те, котре и мій отецъ посадавъ и котре и мени передавъ.

Чопорій. Видъ ныни воно вже не твое, мосьпаненьку, а колы твое, мосьпаненьку, то процесуй громаду; я такъ дыктую и определяю! Чувъ? Отъ тоби моя остання резолюція! (*Пишовъ*).

Я В А ХІ.

*Трохымъ, потимъ билгше людей и жи-
ноцтво.*

Трохымъ (*самъ*). Якъ? Чы я справ-
ди чувъ, чы мени у снѣ це все вы-
жаеця? Не повинно буде, щобъ я не
спавъ, певно моя беда помутыла мій ро-
зумъ, я марію!.. Щобъ ту землю, котра
насъ жывила, зодягала и заступала въ
лхій доли, видіймавъ ворогъ? Стану я
до суду, та чы зможу жъ я дійты и до-
просытысь справедливости? Хто сыльни-
шый, того и слово, й правда! У мене не-
ма грошей на тяганыну съ грошовытымъ
ворогомъ. У суди скажуть ждаты и жда-
ты, помы выйде та справа, а поле мое бу-
дутъ ораты чужи люде!... Якъ правды
дійты злыдневи?... Охъ, Боже! ще мени
не було такъ гирко, якъ оце раптомъ,
зпобигла лыхая година! (*Стива*).

Поле мое, поле,
Кистымы изорано,
Грудью зволочене,
Слезамы зальяне,
Слезамы зальяне
Зъ пидъ серця, зъ пидъ грудей.
Скажи мени, мое поле,
Де е добри люде,
Поле мое, поле,
Прадидный добытку,
Чому мни не маты
Изъ тебе пожитку?
Не маты пожитку
Черезъ зліи люде,
Скажи мени, мое поле,
Колы добре буде?
Поле жъ мое, поле,
Тяжка кривавыця,
Я тебе изъ давна
Засивавъ надежно!
Засивавъ надежно,
Посвящавъ вси труды,
Скажи мени, мое поле,
Колы лехче буде?

(*Помовчавъ*). Ни, вже, здаеця, лех-
че не буде до самой труны. Хай Чопо-
рій кривдыть, хай зъубожеуе и обдыра
и не таеъ мене, якъ мою дытну, а во-
на такы не буде ёго новисткою! Въ ёго
хату даты Ольгу, стало бытъ, утопыты
и! Хай забира поле сылю не правды-
вою, тилько не виномъ. Е ще на неби спра-
ведливый Богъ!

Одынъ изъ людвй (*входе*). А куды
везты ваши снопы, батьку Трохыме? и де
ихъ зложыты? Насъ е тутъ багато, все
вамъ заразъ звеземъ, сёгодня вашъ день.
(*Входе билгше людей*).

Трохымъ. Хай вамъ Богъ нагородыть
за вашу щыристь! Я теперъ не знаю, лю-
де добри, хто я, и що мое и де мое доб-
ро! Бо все вже забирають у мене; и те
поле, зъ котрого хлибець звозыты, видъ
сёгодня вже не мое, бо на громаду заб-
равъ вйть!

Вси разомъ. Ему хто наказавъ? Гро-
мада не велила?

Трохымъ. Та що жъ зъ того? Вы мени
не поможете, панове!

Вси. Побачымо! побачымо!

Трохымъ. Поспишайте, мои любы; сон-
це вже сидае, завтра свята недѣля, грихъ
робыты. Першъ було чымъ васъ ушано-
ваты и угостыты, а теперъ нема де пры-
тулытысь на старистъ самому зъ однію
дытною и жинкою. Все треба прыйматы
безъ ремства, бо на все е воля Божа!

Выходятъ Ганна и Ольга.

Х о р ь:

Скинчытця день и тяжкый трудъ,
Къ тоби мы руки зносимъ,
Ты насъ, о Боже, не забудь,
Тебе въ терпнини пашимъ просимъ.
Въ Тоби Едыннимъ вси надїи,
- Вси нашы думы и вси ирїи!
Ты Нашъ Отець и наша твердь,

Мы плачемъ предъ Тобою,
Въ Твоій руци життя и смерть,
Дай намъ Твою Святую волю!

Въ Тоби Едвннимъ вси надіи,
Вси наши думы и вси мріи!
(Зависа).

ДІЯ ІІІ.

(Зъ одного боку згоріла хата, зъ другого на скоро построена хата съ трема стинами. На постели лежать во сні Ольга, коло неї лежать саквы; Ганна сидить въ їй головахъ, задуманна и смутна).

Я В А І.

Трохымъ, Ганна и Ольга.

Трохымъ (*зъ костуромъ и саквами на плечахъ*). Сонце вже височенько піднялось, а Оля ще спить. Бідна дитина ще не нажылась, а вже скільки натерпилась биды та горя!... На все Божа воля!...

Ганна. Колыбъ намъ якъ до Гошева дійты; хто ёго зна, чы дійдемо, жарота та духота—страхъ! Ольга не зможе на ногахъ усгояты, така хвора! Вчора ходыла вона вечеромъ по лузи и все щось до себе говорыла: то кыкала Степана, то ламала руки, то сяде надъ ричкою и такъ сумно спива. Бодай николи наши ворогы не диждали добра на своимъ вику! Мало имъ було знущатися надъ нами, ще й бідну дитину почали ганыты та кореныты.

Трохымъ. Не проклянай, Ганно, грихъ! Люде, завжды люде! Не насъ, то другихъ славытнуть. Та зибралыся йты на прощу до святыхъ мисецъ, то забудь вси клопаты и думай объ спасеніи души.

Ганна. Вони теперъ говорятъ, шепчуть межъ собою и мало не пальцемъ показують на Ольгу, що нибы зъ ума зійшла, збожевилыла!

Трохымъ. Не дывуйся, кажу, людскимъ языкамъ! Вони найдуть завжде провищо говороты. И мени моя дитина дорога! Правда, що теперъ намъ гирко усимъ, та не журысь. Бачышь мои оци высохлы руки тилько кости, иначе зъ

пидъ земли выгребу, абы васъ вдовольныты. (*Дывытця на Олю*). Не знаю, чы розбудыты, може бъ їй було здоровше! (*Помовчавъ*).

Ганна спива:

Чы мы тебе, доню,
Къ серцю не тулылы?
Чы мы твою долю
Де запродастылы?

Що ты такъ багато намъ горя завдала,
Що що-дня тужыты, горюваты стала.
Пробудысь, голубко, пробудыся, ридна,
Не плачь, моя доню, та не вбывайсь
бідна!

Чы мы тоби слово
Не добре сказали?
Чы мы все готово
Тоби не подалы?

Чого жъ якъ сыритка, плачешъ, нарикаешъ,

И биліи рученяточка ламаешъ?
Пробудысь, голубко, пробудыся, ридна,
Не плачь, моя Олю, та не вбывайсь,
бідна!

Ольга (*пробудылася*). Мамо, тату, якъ же мени любо було у во сні! На що я пробудылася? Лучше бъ було якъ бы я довше спала, довше бъ бачыла у сні свою красну долю. Куды вы, тату, выбираетесь? Визьмить и мене зъ собою, може я повеселицаю!?

Ганна. Ты, Олю, и сегодня нибы веселица и здоровша стала, противъ вчорашнёго! Бачъ и устаньки твої сміютця.

Ольга. Не знаю, видь чога мени лехче на серци? Я бачыла у снѣ, що нѣбы наши грядкы коло хаты розцвилысь, я ходыла промежь ныхъ и тишылась квитками, вони нѣбы до мене пидносили свои головкы, неначе хотили щось сказати. На небѣ було ясно, горы зеленылысь, скільки окомъ ськынешь. А якъ почала я рвати квиткы, тоди выйшовъ зъ нашего садочку Степанъ въ чыстѣй и гарно облямованѣй одежи, а на голови у нѣго була чорна шапка зъ трема позолочеными вынками. Я сама не знала, що робыты, чы маму клыкаты, чы до таты бигты, винъ уклонывся мени и сказавъ веселымъ голосомъ: Олю, це я, ось скоро прыбуду до твого отця и матери и вже зъ вашою господы никуды не пиду. Я не могла одъ радости и слова сказати. Мамо, мамо, чы вернетця ще хочъ зъразъ такѣй любый сонъ у моймъ безталаннимъ жытти?

Ганна. Може сонъ говорыть и правду.

Трохымъ. Степанъ не провынывъ ничего; винъ вернетця, бо за нымъ вся люде жалкують и постоять за него передъ судомъ людей.

Ганна. Чы знаешъ, доню, що мы оце выбираемось до Гошева?

Ольга. Ходимъ, и я пиду на прощу, може тамъ довидаюся у людей, чы не бачыли Степана, чы не чулы що про нѣго? Тамъ бувають на богомилыли люде зъ усякыхъ сторонъ.

Трохымъ. Мабуть сѣгодня вже пизно, лучше бъ завтра!

Ганна. А чы буде Оля завтра здорова? Ходимо, доню, ходимо сѣгодня, Богъ поможе, то дѣйдемо ще за выдня!

Ольга. Чы чуєте вы, мамо, якъ раннѣй витрець холодомъ вѣе и зъ травцею тыхенько шепоче? Вона прыгнаетця до земли и зновъ встае и тыхесенько шепоче зъ витромъ... О, колыбъ я знала, що винъ ий шепоче, може мени стало бъ лехче на души. Чуєте, мамо, якъ по мо-

нимъ горячимъ лыци витрець легенько подунувъ. То не витрець, мамо, то Степанъ махнувъ рукою, щобъ мое лыце охолодыты, бо мени душно, душно. Цытьте, цытьте, чы то въ садочку пташкы спивають? Ни, то на добры-день грають музыкы зтыха, щобъ мене не збудыты, и щобъ я не постыдылась, що такъ довго передъ моймъ весиллямъ заспала. Мамо, мамо, на що вы такъ довго дали мени спаты? Я ще не вбралась въ весильню одежу! О, въ лузи щось стукнуло; ни, то не въ лузи, то Степанъ одпырае наши ворота, цытьте: винъ вже йде... Мамо, выйдите, привитайте ёго, поговорыть, скажыть, що я ще не вбралася, якъ змогла; винъ не подывуе мени на весилля, я уберусь краще! Росплету мои косы, росчешу ихъ, а дружкы прыберуть мене въ зеленый барвинокъ, а вы, мамо, покропыте мене свячоною водою. Правда? Що такъ же пидъ винецъ убѣрають? Я вже готова! *(Падае передъ отцемъ и матерью на колѣня)*. Мамо, тату, благословить свою доню.

Ганна *(зъ плачемъ)*. Встань бо, доню! Що це зъ тобою вчынылося?

Трохымъ. Боже мылый! Що це зъ моею дытыною зкоилося?

Ольга. А де жъ Степанъ? Я вже до церкви готова. Охъ, Степане, Степане, якъ ты довго барывся!

Ганна. Доню, рыбка моя, що це ты таке говорышь?

Трохымъ. Опамьятайся, моя дытына!

Ольга *(прыходьты до себе)*. Хѣба я що говорыла вамъ, мамо? То бувъ сонъ, не кажыть никому... То сонъ бувъ, любый сонъ!..

Ганна. Охъ, Боже мылый! за що ты насъ такъ тяжко карашъ?

Ольга. Не бидкайтесь, мамо! Богъ благословляе насъ, а вы сумуете.

Ганна. Ходимо, доню, походимо на свѣжимъ повитри, може тоби намьять твоя звернетця. Видна, бидна дытына! *(Пшшлы)*.

Я В А II.

Трохымъ и Васыль.

Трохымъ. Не доведы, Боже, якъ Оля моя затеряетца, я и самъ тоди не переживу й годины!

Васыль. Дай Боже добрый часъ! Куды вы зибралися, чы не до миста?

Трохымъ. Ни, до Гошева: та мабуть ажъ завтра пидедемъ.

Васыль. А чы знаете вы, що сталося въ сели?

Трохымъ. Богъ зна, я не хожу никуды.

Васыль. Вашего найгиршого ворога уже зловылы!

Трохымъ. Кого?

Васыль. Знахорку! Сама выдалась, не хотячы, що васъ пидпалаыла! Я ии бувъ виддавъ до Чопорія, щобъ оправдалась, чого по нашимъ сели ходыть, а Чопорій выпустывъ бабу, ну, а вона ходе безпечно по сели, якъ и перше, и стала выхвалятысь, що такъ поворожыть уміе, що вси пидуть зъ дымомъ, якъ Трохымъ! Взялы бабу пидъ стражу, привели до мене и сказали ий все те, що вона пащекувала въ очи. Вона мовчала, мовчала, а далы заплакала та й каже: „Высылю, голубчыку, не хочу бильшь таятысь, то я пидпалаыла Трохыма, але Бигъ мене вынувата, мени такъ приказано!“ Дальше вже не хотила ничего говорыты, ну та теперъ вона на своимъ вже мисти.

Трохымъ. Боже, що я ий заподіявъ! Здаетца, я для неи бувъ завжды добрымъ, выколы не выпустывъ зъ хаты безъ куска хлиба.

Я В А III.

Ти жъ, Чопорій и Тетяна.

Чопорій. Я его, мосьпаненьку, тутъ найду!

Васыль. Кого шукаете?

Чопорій. Тебе, мосьпаненьку; такъ ты такій прысяжный?

Васыль. А що тамъ трапылось?

Чопорій. Що? Чы ты, мосьпаненьку, не знаешь вйта въ сели? Ты знаешь, що безъ ёго прыказу не можешь и пальцю до горы пидняты. Я тебе, мосьпаненьку, скину зъ твого уряду; уже хочешь переросты мене и старшуешь надо мною и всима! Хто тоби сказавъ, мосьпаненьку, знахорку звязаты и до суду прыставыты? Я дыктую и определяю, що треба було мене порадытысь и спытаты!

Васыль. На неи люде говорылы, и вона не видрыклась!

Чопорій. Таки люде, мосьпаненьку, якъ ты?

Васыль (*зз гнивомъ*). Покы я тебе, Чопорію, незнавъ, то й шанувавъ тебе. Теперъ все пропало! Наловывся ты чужихъ людей, дитей и наневольв ихъ по дыбахъ! Я тоби часто говорывъ, що ты гнивався и сварывся на мене. Всёму бува свій кинець! Або ты упадешъ, або правда на сели. Громада сыльниша надъ тебе и не дастъ соби тесаты килья на голови и Чопоріямъ по своей спыни скакаты!

Чопорій. То ты, мосьпаненьку, такий бунтовникъ?

Тетяна. Я давно тоби, старый, те казала, та ты не вирывъ и не слухавъ. коверзувавъ надъ миромъ хрещенымъ, теперъ видбувай! А казала тоби! Бодай же ты до хаты не дійшовъ и на вколынахъ не долизъ!

Васыль. Не бійся, господыне, ничего ёму не буде, тилько те, чого заслужывъ: на колынахъ ще лехбо лизты. а якъ прийдетца...

Трохымъ. Одплатыты за людську кривду. .

Чопорій. Мовчы! Вы вся мовчыть, я такъ дыктую и определяю, мосьпаненьку!

Василь. Пизно диктувати и определяти! Довго мы мовчали, сердце й розумъ розв'язує языкъ, а якъ винъ вярветця зъ пидъ каменя, котрый прыгни-тивъ сердце, не спынешъ ёго, на него арешту не знайдешъ. Прыгадуешъ собі, Чопорію, скільки разъ я прохавъ тебе, щобъ ты не безчестывъ людей и не брехавъ на нихъ?

Тетяна. Иды, старый бисе, до дому!

Чопорій. Пожды, мосьпаненьку, хай ёго зъ присяжного скыну.

Василь. Мене громада выбрала!

Чопорій. Я диктую и определяю!

Тетяна. Иды до дому! Ничого вже намъ турсыкатись! Налыхотворывъ добра, що теперь и не знаешъ, якъ оборнутися!

Чопорій. Але я тобі, мосьпаненьку, такы продыктую, потанцюешъ ты у мене въ кайданахъ.

Василь. Поки хвалько нахвалытця, то будько набудытця (*иде вз ту сторону, куды Оля пишла*).

Тетяна. Ходимъ, кажу, до дому!

Чопорій (*жинци*). Слухай, мосьпаненьку! пе прыпытай до мене, бо я, яко мужъ, можу тобі продыктувати таку резолюцію, що й носомъ заорешъ.

Трохымъ. Прошу васъ, не робыть у мойй господи колотнечи! Идыть собі зъ Богомъ!

Чопорій. Ну, я-жъ, не я буду!

Василь. Побачымо, побачымо! Ось ходимъ селомъ, почувешъ, що тамъ люде говорятъ!

Чопорій. О, мосьпаненьку, ще моя пальця у мене въ руци!

Василь. У пальцы два кинця! (*пишлы свартючысь*).

Я В А І V.

Василь и Степанъ.

Степанъ (*самъ*) Я бачывъ заразы, то винъ пройшовъ, Чопорій! Та и хто бъ

не пизнавъ злодія, брехуна! Въ одномъ пекли не можна було бъ ёго розпизнати, бо чорты мають вси однакове лице, вси лыхи, вси нечестыви! Кровь моя запыла, и мало я не пиднись костура на людоида. Тилько подумавъ, що якъ убью, або скаличу ёго, то и не спокутую своихъ грихивъ? Нехай живе, хай люде знущаютця надъ нимъ, хай плюють ёму въ вичи, хай зневажаютъ ёго, то гирша буде для нёго мука. Нехай побачыть Ольгу и мене щаслывымы и скрегоче видъ задросты зубамы, що не вдалось ему насъ розлучыты и погубыты. Ни, я не пидійму мои руки на Чопорія, нехай караетця! Тамъ, здаетця, бувъ Трохымъ. Чы може мени въ страшнымъ гниви такъ показалось?

Василь (*вертаетця*). Кого я бачу? Здоровъ, Степане! Охъ, якъ же я радый, що ты вже прийшовъ!

Степанъ. Васылю, вы стали мени замисьць отця ридного, бо вы мене спасли! (*Обнимаютця*).

Василь. Чы бачывъ тебе хто въ сели?

Степанъ. Нихто мене не бачывъ, батеньку, бо я витромъ перелитывъ и тилько одну малу дытynu спытавъ, чы Трохымъ и Оля, чы вси вони дома!

Василь. А розказавъ ты передъ судомъ все такъ, якъ мы тобі зъ села переказувалы?

Степанъ. Все розказавъ.

Василь. И тебе прызналы невыуватымъ?

Степанъ. Вони побачылы, що тилько Чопорія помста и лютость мене мала погубыты.. Я помщусь не нёму!

Василь. Не треба, ни, не треба, — Степане! На все свій часть: довголютый звырь гуляе по лиси и творыть лыхе людемъ, але все-таки прыйде часть, що винъ попадетця въ капканы, або пада видъ кули на землю.

Степанъ. Але чымъ скоріше винъ упаде, тымъ менше пакосты. Скілько моихъ донь пішло марно черезъ того Чопорія, и скілько я наневольвся. Ни, я піду и зловлю его, звяжу, якъ винъ мене зкрутивъ, и самъ доведу ёго до суду! Тамъ хай подивляютьца на нёго люде, и хай понесе зароблену кару!

Василь. Не думай такъ, бо то не чесно!

Степанъ. Що то за право, коли лхый чоловікъ не боитця ёго, выкручуетця, ламае право и зневажа ёго, а люде дивлятьца на те й боитця виддаты злодія до суду?

Василь. Підожди, Степане, ось сюды вертаецця Трохымъ.

Степанъ. Я піду ёму на зустрічъ!

Василь. Ни, не йды, нехай винъ тебе тутъ знайде, ёму бильшъ буде радости!

Я В А V.

Ти жъ и Трохымъ.

Трохымъ. Люте и сердытця Чопорій за правду.

Василь. А де вы его подили?

Трохымъ. Пустывъ ёго селомъ.

Степанъ. Я бъ ёго не пустывъ!

Трохымъ (*прыступа до Степана*).
Що? це нашъ Степанъ?

Степанъ (*цилуе ему руки*). Я, тату! Невже вы не признали мене?

Трохымъ. Охъ, сыну мій, якъ же зсушила та звяялыла тебе неволя. Охъ, нехай же тебе Богъ благословить. Намъ тутъ безъ тебе и свить бувъ не мылий!

Степанъ. Хвалыты Бога, правда зломыла кривду! А де жъ Ольга, тату?

Трохымъ. Тужыть та плаче за тобою, змарнила бидна дытына такъ, що може ты и не признаешъ?

Степанъ. Такъ я піду и пошукаю, я хочу и чымъ скоріщъ бачыты!

Я В А VI.

Ти жъ, Ганна и Ольга.

Ганна. Щось е нового въ сели. Людчогось стоять по дорози купамы.

Василь. Може хто не сподиванный въ село прыйшовъ.

Ольга. Пора намъ, тату, йты на прощу!

Степанъ (*про себе*). Вона смутна й не дивытця на мене; невже стерялася! Що зъ нею, скажыть мени?

Ганна. Степане, ты вернувся?

Степанъ. Здрастуйте, мамо! Та шо це зъ Ольгою, скажыть? Невже смутокъ ии прывивъ до безпамятства? Охъ, трудно мени! На шо жъ я сюды вернувся? Одна, одна ще надія zostалася: заспиваю ии пильню, котру вона такъ любила, може онамятаецця и призна хочъ мій голось, коли мене не признае! (*Спива*).

Плыла рыбка золотая,

Вода не мутылась;

Поверхъ воды буря злая

На неи сварылась.

Веселенько рыбци було

Гратыся водою,

Теперь щастя пролынуло,

Якъ хвыля рикою!

Позавыдували рыбци,

Вода сколыхалась,

И на тихій, чыстій ричци,

Рыбка вже не гралась.

Пожды жъ, рыбка золотая,

Витерь зупынытця,

Розійдетця густа хмара,

И небо прояснитця!

Ольга.

Лехче рыбци спочываты

Въ водыци мутній,

Якъ надію прысыпаты

У думи смутній.

Прошу сонця, прощу зирокъ,

Щобъ мени сказали,

Чы мылому у неволи

Хочь разожъ засіялы.
 Не можу ихъ допытаты,
 Чы вистка прыбьетця,
 Чы згадуе мене мыльй,
 Чы за мною бьетця?..

(Пидносе голову зз задумання). Рыбка
 была щаслыва, и я була подибна їй, а
 теперь не знаю, куды подилосъ мое щастя!

Ганна и Трохымъ. Бидна, бидна ды-
 тына! Охъ, Боже мій, за що таке горе?

Васылъ. Ты, Олю, не знаешъ, яка ще
 твоя доля? Може вона ще и сегодня пе-
 реминьтця, може Степанъ близько вже...
 Що тоди, Олю, скажешъ? Чы прыйдешъ
 до мене поклоньтысь зъ дружкамы передъ
 своимъ весиллямъ и чы будешъ просыты
 мене на свадьбу? Я диждусь, що Оли
 будуть дружкы винокъ плесты и весильни
 пьсьни спиваты; якъ ты, Олю, про то
 думаешъ? Чы буде воно такъ?

Ольга. Васылю, Васылю, негодытця
 такъ говорыты пры чужому чоловикови!

Степанъ. Вона мене мае за чужого чоло-
 века! *(До неи)*. Хочь я чужый, одначе я
 добре знаю Степана, а ты бъ пизнала ёго?

Ольга *(вздыха)*. Я давно бачыла его.
 Може винъ теперь въ тяжкимъ арешти,
 певно змарнивъ? Мени оце заразы пры-
 снылося, що винъ померъ, я ёго бачыла...
 Почорнивъ такъ, якъ земля. Певно винъ
 у тюръми, прыпавъ журбою, що ёго не-
 волять та мучать. Лохче на серцеви, якъ
 не маешъ ні якои надіи, ніжъ маешъ зрод-
 лыву гадку! Пытаю у сонечка, у мисяця,
 у зорь, чы свитять моему мылому у не-
 воли,—воны мовчать... А серце не за-
 спокоейтця—все пытае!..

Степанъ. Прыдывьси, Олю, ты пыльно
 на мене: може я тоби прыгадаю Степана,
 колы не забула ёго.

Ольга. Я ёго не забула!

Степанъ. Олю, серце, рыбонько моя,
 пташечка моя! Вдывляйся, вдывляйся въ
 мене ще пыльницъ!.. Олю, якъ ты мене
 не пизнаешъ, я зтеряюсь!

Ольга *(стоит недвижимо и вдыв-
 ляетця)*. Степане, це ты?

Степанъ *(бере Олю за руку)*. Вона ме-
 не пизнала! Це я, я, Олю, вернувся до тебе!

Ольга. Ты вернувся? Тебе не заму-
 чылы! *(Падае на колина)*. О, Боже!
 Ты умылосердывся надо мною бидною. Ты
 побачывъ мои гирки слёзы, мій смутокъ,
 мое горюванячко! Не даромъ же я такъ
 горяче молылась и просыла Тебе! *(Пры-
 ходыть до себе чымъ разз бильше)*.
 Ты зъ неба, Боже, выслухавъ мольтву
 мою и, щобъ серце зъ радости не змерло,
 ты зиславъ любый сонъ на мене, що ни
 бы мій Степанъ вертаетця! Степане мій,
 тату, мамо, охъ якажъ я щаслыва! Те-
 перъ вже я не буду тужыты, небуду ва-
 шихъ очей що-дня сповняты слёзами, те-
 перъ мы будемъ вси щаслывы и весоли!

Трохымъ. Богъ почувъ мою мольтву...

Ганна. Донекб, утихо наша!

Васылъ. Бачъ, Степане, ты послу-
 хавъ мене, и моя рада выйшла тоби на
 корысть. Все призналы тебе за невынов-
 ного! А якъ бы ты бувъ тоди утикъ, то
 самъ бы себе обвыноватывъ! Теперь ходы
 сюды, я заступлю тоби отця, бо ты сы-
 рота. Ходы жъ и ты, Олю *(бере ихъ за
 руки и пидводе до Трохыма Сте-
 пана и Ольгу)*. Воны видъ цего часу
 ваши диты, благословыть ихъ! *(Ольга и
 Степанъ падають на колина)*.

Трохымъ *(зв плачемъ радисно)*. Боже
 и мое благословеніе зъ вами буде на
 выкы вичны!

Ганна. Хай васъ благословыть Богъ
 и я васъ благословляю!

Я В А VIII.

Ти жъ и люде зъ громады. *(Роздаетця
 крыкз за лаштункамы, утыхае на хвы-
 лыну и знову крыкз)*.

Одынъ зъ громады. Чопорія ведуть
 до арешту, люде збигаютьця дывытысь на
 нёго, мовъ на звиря!

Другый зъ громады. Знахорка при-
значалася, що винъ їй веливъ Трохыма під-
палыты!

Трохымъ. Одпусты имъ, Боже, ихъ
грихы! И одна й друга не скаяни души!

Вси разомъ. Вже по вѣтвствѣ Чо-
порія, теперъ, панове-громадо, выберемъ
соби вѣта! Васылю, кажыть кого?

Васыль. Панове-громадо, радивъ бы
вамъ vybraty Трохыма на вѣта!

Люде. Трохымъ нашъ вѣтъ! Тро-
хымъ, Трохымъ! *(Кланяютця)*.

Трохымъ. Воля громадська и я мушу
їй послужыты! *(Кланяетця)*.

Чопорій *(зв'язаний и народу)*. Я
ще вамъ продыктую и определю!

Люде. Продыктуешъ за рещтуваннямъ
у залізній клитци! *(Проводять)*.

Васыль. Ну, Трохыме, вы теперъ нашъ
батько, мы поставимъ вамъ господоу, и

все, якъ було, а вы порядкуйте нами по
правди! А теперъ, панове, потанцюемо
на весилли нашихъ дитей и заспываймо
разомъ.

Хоръ:

Хто за нами, мы за нымъ!

Ну жъ на радошахъ гукнимъ.

Хай заграе намъ музыка,

Радисть намъ усимъ велька!

Въ підквичокы мы ударимъ

И голосно заспываемъ!

Нехай кривда загыбае,

А правдонька процвитае!

Слава наша хай гремыть

И весь мыръ оповистыть,

Що любовь живе межъ нами.

Нумо вси въ гору шапкамы!

(Кыдають шапкамы оз гору).

(З а в и с а).

ЗАЙДЫГОЛОВА.

Драма у 5-ты діяхъ.

ЛЫЦЕДИИ:

Захарно Лобода, заможній селянынъ.
Гапка, его жинка.
Мытрохванъ, старшый ихъ сынъ, жонатый.
Василь, меньшый сынъ, парубокъ, потимъ жонатый.
Домаха, дивчына, въ 3-й діи жинка Васылева.
Лукія, дивчына, въ 3-й діи молодыця.
Карпо, жонатый чоловікъ, середнихъ литъ.
Палажка, удова, середнихъ литъ.
Агапонъ, шынкаръ.
Вивдя, его жинка.

Степаныда (Стехванія), ихъ дочка.
Медзеря }
Канупиръ } чоловікы середнихъ литъ, сваты.
Мыхайло }
Пылыпъ } парубкы.
1-й парубокъ.
2-й парубокъ.
1-а молодыця.
2-а молодыця.
Соцькый, поняти, парубкы, дивчата и народъ.
Діетця на сели.

ДІЯ І.

Село. На першымъ плану вулиця у поперекъ черезъ конь; зъ правого боку, поручъ, двѣ хаты—перша зъ однимъ дымаремъ, друга зъ двома; дали—повиткы, загоны, клуна и т. п. Въ глыбини кону левада, садкы, вербы и очереть. На кону сутеніе. Діетця въ осены.

Я В А І.

Василь *иде вулицею, співаючы:*

Поламалась полычка у плузи,
Та чогось моя головонька въ тузи.
А чы мени полычку тесаты,
А чы до дивчыны на всю ничъ чухраты?
Ой, накыну свытыну на спыну,
Такы до дивчыны на всю ничъ полыну.
(*Зупыняецця посередъ шляху*). Ще не зовсімъ стемнило, а мени вже и не сыдытця у подвирьы. Це, певно, Лукія нарочыто мени поробыла таке, що прыть-можъ тягне мене до неі. Отакъ колысь тагло мене до Домахы. Тилько почне було сутениты, вже й лечу до неі, мовъ

на крылахъ... Теперь видъ Домахы трохы одвернуло, а до Лукіи сылою веде! Осьдечкы й хата Домашына, а мени пре неі неначе зовсімъ байдуже. А першъ що було? Якъ одынъ вечиръ не побачуся зъ нею, то вже й ничъ здаецця мени довгою та чудною, потимъ цилисвинькый день нудю свитомъ та блукаю, мовъ не прыкаяный; ни до роботы, ни до йжи, ни до чого не бере мене охота. А теперь отъ самъ бачу, що вже зовсімъ не те. Оце тилькы заразы, якъ згадавъ про неі, то нибы трохы защемило и доскотно стало въ грудяхъ. Кохавъ такы я иі, здорово кохавъ! Такъ кохавъ, що наврядъ чы те коханя иі мынетця. На вдаху, щобъ такъ лехко забулося: зга-

дуватыметця такы; на який часъ може й заниміє, а потимъ и згадаєця... Що не кажы, а жаль іи. Посылали мене маты до ворожки, щобъ видшпѣтала видъ Домаха... Положымъ, видшпѣтала, та не зовсимъ. Колы бъ Домаха веселищю була, або якою инчою, щобъ не такою... Якъ згадаю, яка вона, ажъ сумъ обгортає!.. Лукія, та зовсимъ не така. Здаєця, що колы бъ Домаха була такою, якъ Лукія, то я николи й не подумавъ бы про другу дивчыну и нищо не одвернуло бъ видъ неи. Де жъ, прямо отъ такъ и чую, якъ тягну мене до Лукіи! Якъ побалакавъ зъ нею, такъ и засила мени у думкы. Вже жъ и дивчына, наврядъ чы й е де така друга! Колыбъ маты гарненько вдывылыся въ Лукію, то зроду-вику не сылували бъ мене свататы Степаныду шынкареву. Прысикуютьця що-дня та грызуть голову, щобъ я сватавъ Степаныду. Степаныда й ничого соби дивчына и лыбсь до мене ажъ палахтыть; одначе жъ якъ не бачу іи, то й байдуже, а до Лукіи мовъ за руку мене веде. Колы бъ Домаха хочъ зненавдыла мене, або занежала, щобъ видсахнулася. А то якось... Якъ же такы такъ видсахнутыся самому? такъ же не зненавдыть, не видсахнетця, — знаю я іи добре. Прямо напастъ! А Степаныда хытра! Якъ тилько зустринетця, то мовъ наумысно моргає на мене. Отъ що вона звычайна, такъ це правда! Не каже на мене—Васылю, а Васылёмъ Захаровычемъ волычає! Ухъ, и Лукія хытра. А котра зъ ныхъ хытрища, такъ розберы? Позавчора зустривъ Лукію на ричци, прала сорочки... Ну й дивчына-жъ! Якъ вона ловко спива, та якъ тонко та голосно выводе—ажъ неначе той голосъ у грудяхъ тоби дзвеныть. Домаха такъ не заспива, куды ій: Домаха все жалибныхъ спива, а Лукія голосныхъ. Колы бъ маты сылували мене свататы Лукію, то ябъ зъ радистю. Позавчора йду берегомъ,

чую, щось спива, глянувъ, ажъ то вона пере сорочки, я й пидійшовъ до неи... Ну й гостра-жъ на мову! На нашимъ кутку такыхъ дивчатъ и заводу нема. Якъ гляне, якъ поведе очыма, якъ зныже плечыма, то такъ тоби въ очахъ и затуманіє и ничого не бачышь, опричь іи одніи. Полома, а не дявка!

Я В А ІІ.

Лукія йде вулицею видъ лсады зз видрамы.

Васыль (*побачывъ іи*). О! Лукіє! Видкиля це ты зъявилася?

Лукія. Видкиля я надумаю, видкиля й зъявлюся. Зъ неба зиркою впаду, зъ воды рыбкою зирну, така вже соби зародылася!

Васыль. Ты й справди чы не видемоского кодла.

Лукія. Хиба вже затуманыла тоби свить? Ой, лышенько! и не встереглася! (*Регоче*).

Васыль. Дзыга! Ни, справди, видкиля це йдешъ?

Лукія. Такъ и е, що вже зовсимъ заслипыло сердешному! (*Показує очыма на видра*). Адже бачышь, що не зъ гулянкы.

Васыль. Та бачу.. (*Не зна, що сказатъ*). Дай воды напытыся.

Лукія. Хиба такъ дуже пашыть у тельбухахъ? Напыйся! (*Сміетця*).

Васыль (*пзючы*). Чому жъ не кажешъ: доброго здоровъячка пывшы!?

Лукія (*усмихаєця*). Щобъ не захлыбнувся зъ радощивъ, що мене вздривъ, щє й тыгнешъ!

Васыль. А тоби жаль бы було?

Лукія. И... Господы, шкодувала-бъ! Такъ зъ жалю опукою й гримнулася бъ объ шляхъ. (*Регоче*).

Васыль. Дурывитка!

Лукія. Не вирышь? Ой, заплачу! Не завдавай серцю жалю, бо розиллюся, якъ риченька, слезамы.

Василь. Ой, не глузуй!

Лукія. Докы весела — глузую, а обгорне сумъ — плакатыму.

Василь. За кымъ?

Лукія. Не за тобою... За тобою мнча плакатыме.

Василь. Що — о?

Лукія. Не шокай, щобъ згодомъ не захтокавъ!

Василь. Чого на нашъ кутокъ по воду прыйшла?

Лукія. Тутъ вода солодча! А може когось хотила бачыты?

Василь. Наврядъ, щобъ тутъ бувъ такый.

Лукія. Ба, е! Е такый, що поведу бровамы — побижыты цуцыкомъ у слидъ; скыну очыма — зипнетця на ланкы й потанцюе!..

Василь. Та хто-жъ вынь?

Лукія. Бачъ, вже й захтокавъ... Цюцю на!

Василь. Ачъ яка!.. Лукіе, чуешъ, пиду и я зъ тобою!

Лукія. А цыба!

Василь. Та ну-бо, не дурій!

Лукія. Докы дйдешъ, геть воду выхлебчышъ. Преподобныкъ.

Василь. Я прыйду, якъ стемніе. Выйдешъ?

Лукія. Не охота.

Василь. Царемонна! *(Помовчавъ)*. Чуешъ, выйдешъ?

Лукія. Морозъ великый на двори, боюся змерзты видъ твоихъ палкихъ речей. Ачъ яка мармуза!

Василь. Бисъ, а не дивка!

Лукія. Глянься у воду на свою вроду, то побачышъ, що й самъ зъ чортомъ схожий! Хорошунъ!

Василь. Де ты ночуешъ? у клуни, чы въ комори?

Лукія. У куточку, на килочку!

Василь. Ны, справди?

Лукія. Напыйся швыдчъ погожои воды, бачъ якъ розжеврився!..

Василь. А якъ безпечнишъ прократысь: черезъ леваду, чы черезъ тикъ?

Лукія. Черезъ викно, або черезъ дымарь.

Василь. Хиба я злодій? Я пройду черезъ леваду!

Лукія. Въ левады капушту поламаешъ, а якъ прямуватимешъ черезъ тикъ, почувуть вуха, буде ногамъ лыхо!

Василь. У мене ногы прудки.

Лукія. Очи прудчишъ! *(Иде)*.

Василь. Скажы-жъ хочъ — прощай!

Лукія. Не було — здрастуй, не буде й прощай! *(Регоче)*.

Василь. У, бисъ!

Лукія. Красунъ, мовъ намалёванный. Патреть!

Василь. Ой, хытра!

Лукія. Эго-жъ, якъ иду, то й хытаюся!

Василь. Постій-бо ще, побалакаемо.

Лукія. Цикавого ничого не скажешъ, а не цикава й дома обрыдло! *(Пишла)*.

Василь. О, оглянулася! Ей-Богу, моргае! Що? кажы-бо дужче, не чую! Прыты?

Лукія. *(За лагитункамы)*. Цю-цю, кучерявый!

Василь. Жартовлыва!

Лукія *(спива)*. Ой вербо, вербо кучерява, хто тоби, вербо, кучери звывъ?

Василь. Ачъ, якъ заляскотала, ажъ луна пишла! Колы бъ швыдчъ стемнило, пиду до ней! Ажъ у грудяхъ клыкотыты, такъ тягне. Гуляй, парень, докы въ тебе воля е! Що буде, то буде, а пиду такы до Луків! *(Пишовъ)*.

Я В А ІІІ.

Домаха выходыть зъ пидвирья.

Домаха *(прислухаецця)*. Куды-жъ вынь подився? Думала, на тикъ пишовъ,

побигла туды,—нема. То жъ винъ спивавъ, то ёго голосъ. Куды жъ пройшовъ? Чы не погнавъ воливъ до ричкы? (*Дывытця у глыбыну кона*). Ни, и бидя ричкы нема! Бачу, бачу вже добре свое лыхо и якъ не сылкуюся видвернуты видъ нёго поглядъ, а воно наскрызъ тебе пронизуе! (*Зитхнула*). Бодай вже тоби, Васылю, такъ лехко спивалося, якъ мени дыхаетця!

Я В А І V.

Карпо *выходе зъ сусиднѣи хаты.*

Карпо. Добры-вечиръ, Домахо!

Домаха. Здрастуйте, Карпе!

Карпо (*пидходе*). Чого така не весела?

Домаха. Такъ собя... нибы й не знаешь? Не стилько, Карпе, смутку, скилько думокъ, думкы дуже посадають!

Карпо. Исмутокъ незагаеця—прыйде, хочъ и не кльчъ ёго—насуне. Воно такъ и мусыло зкоитыся, бо якъ же инче?

Домаха. За вищо жъ, Карпе?

Карпо. Виддала ты ёму душу, а винъ за те й залышывъ тебе. А ты думаешь, за що инче?

Домаха. Може ще не залышывъ?

Карпо. Давно вже не ты ёму на думци.

Домаха. Хто жъ така?

Карпо. А я почимъ знаю?

Домаха. Не драгуй, Карпе, серця, думаешь лехко? Не сыла моя перебуты розлучення!..

Карпо. Хочъ и не сыла, а мусышь сылкуватися.

Домаха. А якъ не осылю, и та боротьба штовхне мене въ кручу, або на гыляку?

Карпо. И такъ трапляеця.

Домаха. А чы мусыть же воно такъ трапляеця?

Карпо. Мусыть, чы ни,—це инча ричъ.

Домаха. Почимъ ты постерегаешъ. що Васыль залышывъ мене?

Карпо. Я те кажу, що бачу. А сама бъ то ты того й не бачышь?

Домаха. Одна думка зъ жалю умливає, а друга надією живе. Но такъ мени шкода самой себе, якъ шкода свого серця. (*Сила, схыльшы голову на руку*).

Карпо. Зъ серцемъ найтяжче, порозумитися—не слухняне!

Домаха. Якъ писля цего у свити жыты, кому вириты?

Карпо. Мабуть такъ вже воно скрызъ у миру коитця, що де люде—тамъ и горе! Одна надія на таланъ, якъ що винъ у тебе е! (*Сидя бидя неси*).

Домаха. Лыбонъ, нема ёго у мене?

Карпо. А кажутъ, що Господь на кожного долю посылае таланъ, тилько що инчий и по-викъ его не натрапыть.

Домаха. Бильшь года кохалыся, бильшь года! Слова лыхого никола видъ него не почула, вирила ёму... вповала... Може батько, або маты неволятъ его браты другу, а не мене?

Карпо. Лыбонъ.

Домаха. Справди? Ты це чувъ?

Карпо. Одначе мени пора вже воливъ на пашу гнаты! (*Встае*).

Домаха. Стрывай, не йды, ще дай душу одвесты... Тоби жаль мене, Карпе. правда? Черезъ те й не хочешъ сказаты, що чувъ про Васыля.

Карпо. Одне скажу. Дывына у свити коитця, ще й яка дывына!

Домаха (*помовчала*). Видъ чого иноди, Карпе, якъ стысене журба, то й хата й подвирья здаеця такымы тиснымы, мовъ воны ще гиршь тебе стыгають, мовъ не стане чымъ и дыхаты, и въ ту хвылю хотилося бъ втекты куды-небудь далеко, далеко—и зъ хаты, и зъ села, щобъ и чуткы и висты пощезлы, щобъ и люде забулы объ тоби? Я иноди думаю соби: колы бъ мени крылечка, по-

летила бѣ я високо-высоко, ажъ до най-выщон зирочки и звидѣль дывылася бѣ на Божый мырѣ и ни на кого бѣ я не нарикала и усимѣ, усимѣ людамѣ прохала бѣ у Господа щаслывои доленькы. Бачышѣ гень оту ясну зирочку, ажъ до неѣ полетѣла бѣ.

Карпо. Колю сердце почувает, що воно сыротіе, а сыроті завжды лехчѣ въ самотыни, то й порыва ёго дали видѣ людей: у пуцу, въ лисѣ, въ поле...

Домаха. Може й такѣ... Певно, що такѣ, бо ты вже перебувѣ такѣ лыхо.

Карпо. Перебувѣ? (*Зитхнувъ*). А вже жѣ перебувѣ... Перегорѣло й погасло, не варта про нѣго й згадувати!..

Домаха. Ты казавѣ якось, що въ степу роскыдавѣ свою тугу?

Карпо. Въ чыстѣмъ поли и думкамѣ воля и слѣзамѣ просторѣ.

Домаха. Колю бѣ и я змогла такѣ передужаты себе!?

Карпо. Посылакуйся! Я и въ наймы пшовѣ за для того, щобѣ бильшѣ у степу жыты, щобѣ выховатысь видѣ цыкавыхѣ порадныкывъ... Що зѣ того, що е въ мене и грошенята, й худоба, и одежа? Хиба и я колысь не бувѣ хазяиномѣ? Ты тоди ще малою була, може й не памѣятаеш! Бувѣ хазяиномѣ, та ще й не абы-якымѣ: була въ мене и хата своя, було и въ хати и въ обори. А на вищо теперѣ мени та хата,—щобѣ було де горобцямѣ та мышамѣ плодытыся? Хата бѣла, та стѣна нѣма—то ще сумнищѣ въ своѣй хати, нижѣ у чужѣй загати!

Домаха. За вищо, Карпе, покынула тебе Приська?

Карпо. За вищо? Спытай чоловика, котрый учора нагодувавѣ злодія, за вищо той злодіѣ сѣгодня укравѣ у нѣго коняку? Скаже: „за хлибѣ, за силѣ, та за ласку...“

Домаха. Ты догожавѣ Присьци?

Карпо. Годывѣ, якѣ лыхѣй болячци. Домаха. Може й мене Василь черезѣ те запуравѣ, що догожала ёму?

Карпо. А хто ёго зна! Приська була одынокою, тынялася по чужѣхѣ хатахѣ попыхачемѣ, я те-жѣ вырѣсь пидѣ чужымѣ прыпичкомѣ, змалку самѣ собѣ. Думавѣ: якѣ-разѣ одно другому буде до пары. Обое въ волю натерпылся, обое въ волю наилься чужѣхѣ штовханывѣ, то й шануватымемѣся. Запала мени въ око, а тутѣ ще й самы... якось зустрѣлся, йдучы зѣ гробовыща, разбалакался: „беры мене, каже, Карпе, буду тоби вирною й покирною!“ Я, не довго думавшы, й оженився. Не пройшло й року, якѣ почала нудытыся. Спытаю: чого нудышѣ свитомѣ?—Мовчыть. Хочу прыголубыты иѣ— вона якѣ камѣяна; а дали й одрубала: „не кохала, каже, я тебе николю и не вповала кохаты, а що обрыдлы мени злыдни, черезѣ те й пишла за тебе“... Онѣ якѣ! Завѣязала мени свитѣ, та й майнула...

Домаха. И якѣ такы не кохаючы йты замыжѣ?

Карпо. Та каже жѣ, що злыдни прысылувалы.

Домаха. Ты дуже иѣ кохавѣ?

Карпо. (*Зитхнувъ*). Мынулося.

Домаха. Правду кажешѣ, Карпе, що де сердце, тамѣ и лыхо! (*Помовчала*). А що якѣ Приська зновѣ вернетѣя, ты не проженешѣ иѣ видѣ себе?

Карпо. А хто ёго зна: може й прожену, може й ни! Самѣ не пиду иѣ шукаты, нехай вже иѣ злыдни шукають. Спершу не хотивѣ бамагы иѣ даты, и люде раилы: „выхворосты иѣ“ кажуть, „гарненько, схаменетѣя!“ Такѣ я не послухавѣ людей, подумавѣ: сылю не вдержышѣ, нехай краще иде зѣ очей, лехче обомѣ буде!

Домаха. Не гараздѣ Приська вчыныла!

Карпо. А ты думаешъ, що Богъ иі за це не покара? (*Помовчавъ*). Не я одинъ у миру бидкаюся, то й не ремствую. Скризь, куды окомъ не скинь, скризь лыхо стыскае людей: инчихъ на вики прыплюше, що вже й не пручаютьця, а инчихъ прытысне, та й пошкодуе! (*Помовчавъ*). И вчора Василь не приходивъ?

Домаха. И очей не навернувъ. Оце заразъ кудысь пройшовъ вулицею, ще й голосъ подавъ, нибы дражнивъ. Куды винъ пишовъ?

Карпо. Туды, куды повела ёго дурна голова!

Домаха. А якъ божывся, якъ прысгався...

Карпо. Инчій людны забожытця, якъ рукою махнуты. Хто зугаренъ до-ладу белькотаты та заслиплюваты очи, того бильшь и слушають, и слово такого белькотуна завжды зверху!..

Я В А V.

Палажка зъявляецця зъ-за тыну.

Палажка (*у бикъ*). Онъ якъ любенько балакають! (*Голосно*). Хто языкомъ грае, той и шану мае! Добрывечирь!

Карпо (*кывнувъ головою*). Ачъ якъ тыхо пидкралася!

Палажка. Карпе, голубчыку!

Карпо. Знову тїен-жъ? Отъ бачышь, зроби тоби що небуть, то вже й не видчепыся!?

Палажка. Въ останній разъ.

Карпо. Це я що-дня чую. Скажи що небуть новище...

Палажка. Самъ подумай, де-жъ я иі пастыму?

Карпо. Ну, а якъ хазяинъ зновъ постереже, що на его стерняхъ пасу твою тельцю, то зновъ мусытиму ёму тыждень, або й бильшь набуваты?

Палажка. Я вже тоби папушу тютюну куплю! Завтра пожену иі въ базарь, продамъ. Хай иі абы-що, продамъ!

Карпо. Давно вже ты иі продаешъ. Та що зъ тобою вдїешъ? Выжены иі заразъ за слободу, видтила й займу; а у досвита пережену иі на громадську толочу. Та хочъ никому не хвалыся. Языкъ у тебе якъ лопата!

Палажка. Щобъ мене сей та той побывъ, колы я кому хочъ словечко. Дай тоби, Боже, здоровъячка! Я знаю, що ты добренький! Я тоби завтра куплю папушу тютюну.

Карпо. Не треба мени твого тютюну.

Палажка. Чулы дывину? И що воно тилькы у свити Божому дали коитымытця? Остапъ Махтейчукивъ кохавъ Ганю, зъ Лепестыною гулявъ, Секлету посватавъ!..

Домаха. Невже?

Палажка. Оце тужъ-тужъ повернувся зъ рушныками, сама бачыда! Пишовъ до Ганны зъ старостамы, а Ганнынъ батько й каже: „не виддамо! Мы безъ неи зостанемось якъ безъ рукъ, мы иі выгудувалы и до пуття довели, нехай спершу на насъ видробе!..“ Остапъ, за однимъ заходомъ, у другу хату, до Лепестыны. А Лепестынынъ батько й одризавъ: поклады сорокъ карбованцивъ на стиль, тоди й бери иі, — за якого я, каже, дидыка справлятыму весилля? И де бъ той Остапъ узывъ таку суму? Сорокъ карбованцивъ, тожъ гроши! А въ нёго тилькы, мовлявъ, и худобы, що чорни бровы. Тоди Остапъ зъ пересердя заразъ шустъ до Секлеты, а тамъ зразу й подавалы рушныкы, безъ торгу. Щобъ не подавалы? Секлетынъ батько раднищый за кого-бъ не виддаты Секлету, абы выпхаты мерщи зъ хаты, бо дивка вже пидстаркувата, зовсимъ дохожала.

Домаха. И якъ такы свататы таку, про котру навить и въ головахъ соби не покладавъ? Та й Секлета, якъ такы такъ, не думаючи?

Палажка. Буде ще тихъ думокъ повна голова, якъ выйде замижъ, остогыдіють ще ти думкы! Ты черезъ що такъ миркуешъ? черезъ те, що у васъ яка симъя: ты та батько. Тоби й можна вередуваты. А тамъ, де симъя якъ половы, а дитворы якъ кашы,—не остогыдіе хйба товктыся за всыма? Пидешъ, зъ досады пидешъ, заплющывшы очи, за першого, котрый лучытця. Хочъ гирше буде, та инче! *(Голосъ за лаштунками: „Карпе, а де ты? жены вже худобу на пашу, бунтуетця, геть загату рознесе).“* Хазяинъ вже гука.

Карпо *(видкуетця)*. Ось я заразъ. *(До Палажки)*. Выганяй же мерщи тельцю!

Палажка. Прощавайте! *(Побигла)*.

Карпо *(сміетця)*. Цокотуха! Достоветна сорока билобока, наскреготала, наскреготала, що й у дви прыгорщи не захопышь. Друга-бъ засумувала, або задурялася, мавшы тилько й достаткывъ, що обидрану хату та тельцю, четверо дитей, якъ ти пупьяныкы що одно другому и воды не зугарне податы, а вона... я соби такъ мркую, що мій хазяинъ не зубожіе видъ того, що ін тельця попадетця на ёго стерняхъ.

Домаха. Ты ій и гроши позычаешъ?

Карпо. Це вже мое дило. Оце заразъ пиду, та якъ выйду на моголы, роскладу соби вогныще, ляжу та и буду думаты.

Домаха. Про вищо?

Карпо. Може й про тебе... Я щоразу, якъ стану на моголы, якъ погляну навкругы, на просторъ, заразъ такъ и вкрыють мене думкы, обсядуть якъ та галичъ, часомъ такъ забунтують, що й рады имъ не дасы!.. Думкы бунтують, а я соби мугычу та щось мыррю пидъ нись... Мугыкаючы, иноди й писню складу, и голосъ до ней выведу и слова пидладнаю... И хто ёго зна, видкыля той голосъ и ти слова визьмутця? Чы ихъ ви-

теръ навіе, чы пичка нажене? Та ще иноди такъ щильно прыпадуть до голосу, нибы я ту писню не самъ склавъ, а видъ когось чувъ іи. Наспиваюся у волю, тоди все у мене заниміе и лехко дыхаецця. А думкы якъ почнуть мене водты: одна веде мене въ одну хату, друга-въ другу... У кожній хаты побуваю, и кого тилько не побачу, зъ кымъ тилько не набалакаюся. Такъ коженъ, про кого думаю, такъ винъ и змалюетця передъ моиы очыма.

Домаха. А про мене жъ що думаты-мешъ?

Карпо *(дыветця на неи)*. А те, що дурный твій Васыль. Винъ не баче, яке у тебе дороге серце!... *(Пишовъ спиваючы: „Та хто лыха не знае, та нехай винъ мене спытае).“*

Домаха *(сама)*. Кажешъ: „дороге серце!“ та не Васылеви воно дороге. Вряза серцеви, зневага коханню—завищо? Вже краще прыйшовъ бы та въ вичи сказавъ, нижъ такъ обмануючы та выховуючысь... *(Помовчала)*. Якъ сумно самій! Зъ Карпомъ хочъ тугу розибьешъ... *(Задумалася)*. Не диджудся мабутъ ёго и сёгодня. *(Тыхо спива):*

Чого жъ тая хмельнонька

На тыночокъ похылылася,

Чого жъ тая дивчынонька

Та тяженько засмутилася?

Ой, хмелю мій, хмелю,

Рясный, та зеленый!

Уси квиткы рясно цвютуть,

Хмельнонька похыляетця,

Вси подружкы въ щасты жывуть—

Зъ мене-жъ доля насмихаецця.

Ой, хмелю жъ мій, хмелю,

Рясный та зеленый! *(Пишла)*.

Я В А VI.

Гапка и Вивдя проходять вулицю.

Гапка. Це-жъ вже я такъ нагостювалася у васъ, такъ нагостювалася, спа-

сьби! Добренько вамъ, ажъ завидкы беруть, що свій шывёчокъ маете, колы хочете, тоди й почаствуетея и добрихъ людей пошануете!..

Вивдя. Важко, голубонько, и въ цимъ дили, Господы, якъ важко! Вже якъ видамо свою Стехванію замижъ, то зятови и шывёкъ передамо. Бо мій старый небезпроенно наважаетця переихаты у мистечко та завести тамъ крамницю, або постоялий двирь. Тутъ нема ёму простору, не та комерція! А шывёкъ видамо зятеви въ прыдане за дочкою. А що мени, голубонько, спротивылося село, то й Господы, якъ спротивылося!

Гапка. Вже правда, якъ межъ такими людондамы жыты, якъ наши селяне, краще свить за́-очи.

Вивдя. И Стехванія наша сколько разивъ казала: „мамашо! Нема мени тутъ кумпаніи, ни съ кымъ мени разволикатця!“ А теперъ вже дивчя, закохалося у вашимъ Васылеви. Такъ такы й каже: „красавчыкъ мій!“ Що-жъ, вона у насъ одна! Бачыте, я вамъ прямо кажу, щобъ вы знали. Перебалакайте зъ своимъ старымъ та зъ Васылемъ. Вона у насъ одна, то нехай и буде по іи воли. Закохалася канальска барышня, страшно, щобъ зъ роспuky на себе ручокъ не наложила! Оце, сыдыть, сыдыть та й каже: „що колыбъ, мамонько, надиты на Васыля Захаровыча сердука, або спинжака, правда красавчыкъ-бы бувъ?“ Понаравыла вона вашого Васыля, онъ якъ понаравыла!

Гапка. И справди, якъ одягты Васыля у городське, прыстало бъ!

Вивдя. Мы вже й хвайтона прыдбали за для Стехваніи, щобъ у хвайтонови издыла. Издыть же у хвайтонови прыказчыкы, посесоры... Агапонъ взявъ у одного панка за довгъ хвайтона и дешево взявъ. Яка мени прытычына трапылася зъ тымъ хвайтономъ! Звисно, воно

ще первына! У ту недилу зибралыся мы зъ Стехванією до церкви, а тутъ, голубонько, дощъ якъ сыпоне. Стехванія въ одну душу: нехай запряжуть хвайтона, бо я, каже, не пойду до церкви пидъ зоптыкомъ и въ пидмастоіи, та на повозци. Ото жъ и поихалы мы зъ нею у хвайтони. Пидъиздымо до церкви, Стехванія й каже: „злазьте, мамонько!“ А я, голубонько, — кажу жъ вамъ, що воно ще первына! не потрапыла куды лизты, не одщепнула хвартуха у хвайтоновъ, та й лизу черезъ хвартухъ у ту дирку, що межъ хвартухомъ и поверхомъ, — тилько що долизла до половины та хотила вхопытыся за що небудь руками, якъ посковзнуся, якъ шелёсну сторчъ, такъ въ болото и полетела!.. Тутъ люде якъ за регочуть, якъ почалы тюкаты!..

Гапка. А звисно тюкатымуть, зъ заздросты тюкатымуть! И не доведы Господь, якый у насъ заздристный народъ!

Вивдя. Але, голубонько, зъ посмиху люде бувають.

Гапка. Авжежъ! Щасливый той буде, кого визьмете соби за зятя: вичній шматокъ хлиба та ще й якый шматокъ!

Вивдя. Не легко винъ, голубонько, й достаецця! Клопоту, клопоту зъ тымъ диломъ!

Гапка. А якъ же! Воно хочъ и поцьяному дилови, безъ клопить не можна.

Вивдя. На кожного треба потрапыты! Инчому така хвантинель улизе у голову, що й... Пъе, пъе, а дали й почне вередуваты: не мицна, каже, горилка! Давай, каже, мицнищои, бо пиду у другый шывёкъ. Тутъ вже и мусышь пидмишуваты: чы тамъ гымбырю, чы папрыкы, чы часныку, або й тютюну пидмишась, Не можна, голубонько, треба биля нёго клопотатыся... Одному, другому не догдышь, то вже и вбытоє! Отъ моя Стехванія, та вже буде достометною шывкаркою, зна, до кого якъ пидійты и пидда-

брызнытыся! Бо не даромъ чотыри роки служыла въ городи пры ростыраціи.

Гапка. Що вже прыятна ваша Степанида, така вже прыятна!

Вивдя. Въ городи, голубонько, набралася усякыхъ прыятностивъ. Я вже й не знаю, до кого мени іи и прыривняты? По розмови хйба до попывѣнъ, по одежи—до посесорши, а що вже по прыятностяхъ!..

Я В А VII.

Домаха зъявляецця и слуша.

Гапка. Коли бъ, серденько, зкоилося такъ, якъ ми зъ вами уповаемо! Я певна, що Васыль мени зкорытця.

Домаха *(у бикъ)*. Що таке?

Гапка. Отъ тилько за свого старого не знаю.

Вивдя. Якъ це вы, голубонько, прожыли вйкъ зъ своимъ Захарькомъ, а не зумили ёго замордаты? Щобъ мій чоловікъ та не робывъ по моему? Жинка повинна буты головою у господи.

Гапка. Такъ бы то воно мусыло буты, та ба!..

Вивдя. А що сынъ вашъ, то вже вийнъ мусыть вамъ безъ суперѣкы зкорытця—мезынчыгъ же, та ще й мазунчыкъ?

Гапка. Та ще й якый мазунчыкъ!

Вивдя. Якъ вже и диты, бороны Боже, пидуть у поперекъ родытелямъ, то краще ихъ маленькымы потруты!..

Гапка. Якыйсь, серденько, дывный теперъ свить наставъ. Отъ старшый сынъ, Мытрохванъ, по свой воли оженився. И зновъ дочка Мокрына виддалася за злыдня... А якъ я не хотила, якъ вговорювала!.. Охъ, серденько, дывный свить наставъ!

Вивдя. Одна у насъ Стехванія, якъ сонце въ неби. Кого понаравыла, нехай за того и йде. И я такы люблю гар-

ныхъ парубкивъ. На гарного задывнесся и сама нйбы молодчаешъ. Мени, щобъ зять бувъ гарный зъ лыца, а моему Агаповови, щобъ бувъ покирлывий.

Гапка. Тамъ такый вже покирлывий, якъ ягняте!..

Вивдя. Шкода, голубко, що вы не чулы, якъ моя Стехванія спива моднихъ писень. Тамъ якъ заспивае, якъ выведе голосомъ, то я заразъ такъ и плачу, такъ и обиллюся слѣзамы!.. Ну, прямо выверта, цилкомъ выверта мени печинкы!.. Свиданія, голубонько!.. *(Цилуютьця)*.

Гапка. Щаслыво! *(Вивдя пишла)*. Отъ щастя саме въ руки лизе! Бо такы Васыль мій щаслывий, у сорочци родывся, до году купала ёго у любыстку... Вийнъ мене послуха, то-жъ моя кохана дытна. Домаха ёму замарудыла свить, спаснби, ворожка видшентала. Вивдя каже: шынѣкъ зятеви виддамо у прыдане. Отъ щастя! Коли скортыть, тоди й почагуесся: чарочку, дви, та й доволи!.. А мени бильшь и не треба. Чарочку, дви, а иноди й тры... *(Пишла)*.

Домаха *(сама)*. То це Васыля наважаютця оженыты на Степаниди шынкаревій? Та про неи жъ по всѣму селу лыха слава йде!.. Хйба грошыма замаже очи людымъ... Боже, Боже, а що-то буде, якъ и мене почнуть лыхословыты?

Я В А VIII.

Васыль бижыть вулицею.

Васыль. Отъ чортови розбышакы, постереглы!.. Тутъ ихъ не боюся! *(Побачывъ Домаху)*. Домахо, ты? Здорова була!

Домаха. Видѣля такъ хутко бигъ?

Васыль *(чоломкаетця)*. Та тамъ... Ходывъ на той кутокъ, батько посылали до одного чоловіка. Тогобныцьки парубкы погналыся, ледве втикъ. Отъ бусурманы! Ажъ у грудяхъ коле! *(Важко дыха)*.

Домаха. Гараздъ, що хочъ загнали тебе до мене...

Василь. Ей-Богу, николы було!.. И теперь по дилу ходывъ!

Домаха. Мабуть вже тобі всі шляхи до мене перекопани?

Василь. Хто жъ то ихъ перекопавъ?

Домаха. Не ховай очей, кажы вже прямо... Васылю, Васылю! чы було хочъ одне слово правды до мене у твоихъ речахъ?

Я В А І Х.

Вулицею сижать два парубкы.

1-й парубокъ. Втикъ, ну щастя ёго!

2-й парубокъ. Я пужнѣвъ за нымъ ломакою, та шкода, що не влѣчывъ по ногахъ (*побачылы Васыля и Домаху*). А це хто стоять? (*Пидходять*).

Василь (*ухопывся за килокъ зъ тыну*). А вамъ кого треба?

1-й парубокъ. Та чы не винъ це? (*Прыдывляетця*).

Василь. Мени не довго й килка зъ тыну вытягты. Чого сюды прытѣпалыся? Знаете, що тутъ гряниця, тутъ вже наша вулиця. Геть зъ нашої вулицы!

2-й парубокъ. Ты не дуже!

Василь. Я заразъ гукну на нашихъ парубкивъ, мы вамъ задамо!

1-й парубокъ. Ну, попадесся ты намъ у друге.

Василь. Ов-ва!

2-й парубокъ. Не доличыся ребра!

Василь. Ов-ва!

1-й парубокъ. Мы тобі покажемо, якъ до нашихъ дивчать залыцятися!

Домаха. Онъ якъ!

Василь. Та нехай вони вамъ повыздыхають! (*Парубкы нишлы*). Супостаты, задѣры!.. Чужою вулицею хочъ и не ходы!

Домаха. До кого жъ це ты унадывся?

Василь. Та що вони брешуть!.. Отъ анахтымы! (*Сидя*).

Домаха. Хто жъ та моя розлучниця, скажы?

Василь. Ей-Богу, вони брешуть!

Домаха. А чого-жъ ты за цилисийный тыждень и очей не навернувъ до мене?

Василь. Та николы було... (*Помовчавъ*). Домахо! За вищо мои маты табъ зненавидылы тебе? Чы ты имъ що у поперекъ сказала, чы може колы не по-здоровкалася?

Домаха. Чого жъ бы то я була такою не звычайною? На матиръ звертаешъ? Чы ты й тоди зъ матерью радывся, якъ почавъ до мене залыцятися? Чы не вона тебе навчыла стоптаты и мою дивочу честь? Иды соби, маминъ мазунчыку!

Василь. Домахо! Мѣни, мабуть, почынено! (*Ухопывъ голову въ руки*).

Домаха. Эге-жъ, почынено... Женыты тебе наважяютця?

Василь. Знаю!..

Домаха. Чого жъ прыйшовъ? Мало сорому завдавъ, такъ хочешъ, щобъ ще й люде мене ганьбылы!.. (*Одвернула ся и здержуе себе, щобъ не зарыдаты*).

Василь (*не знаючы що сказаты, бере соломыну зъ стрихы*). Домахо! Бачышь оцю соломынку? Отъ узывъ у зубы, перекусывъ на-двое... Отакъ и мы теперь зъ тобою!..

Домаха. Насылу развѣязывъ рота! Не велика розмова, та велика тиха, не сподивана, за те онъ яка люба!..

Василь. Колы бъ ты знала, якъ мени жаль тебе, такъ жаль!.. Все въ мени стогне, все плаче!.. Здаетця, теперь и не видѣйшовъ бы видъ тебе!.. А дома, якъ почнуть маты пекты, якъ почнуть морочыты!.. За вищо тебе табъ маты зненавидылы!..

Я В А Х.

Ти жъ и Гапка.

Гапка. Чы нема тутъ нашего Васыля?
Васыль (*тыхо*). Домахо, не бажы,
заховай мене!

Домаха. Здурила я хйба? (*Голосно*).
Осьдечкы винь!

Гапка (*пидійшла*). А йды, сыну,
до дому, батько кльче!

Васыль. Чого тамъ? я ще не хочу
спаты, ще рано...

Гапка. А ты, дивко, замисць того,
щобъ прынажуваты парубка, краще бь
пшла до обору та прыглядила за коро-
вою, чого то вона тамъ такъ реве! Одну
маете коривку та й та згыне, або ска-
личіе за такую хазяйкою!

Домаха. Не спроважуйте мене, коро-
вы нашой и въ загати нема, вона въ по-
ли. Не торбуйтесе, титко, ще ваша пора
не прыйшла мене вчыты.

Гапка. Вона й не прыйде, щобъ ты
знала.

Домаха. Я обь тимъ и не печалуюся!

Гапка. Отъ визьму сына за руку та
й поведу до дому!

Домаха. Може за руку не доведете,
то визьмить за чуба!

Васыль. Мене за чуба?

Гапка. Ходимъ, сыну! Бачь, яка вона
гостра супроті мене!

Васыль. Не пиду!.. не хочу!..

Гапка. Не пидешь? Я тебе проклену!

Васыль. Кленить!.. Вы зовсимъ мене
заморочылы!..

Домаха. Васылю, не спретчайся-бо,
йды! Визьмить, визьмить ёго, титко, за
чуба! (*Хутко пишла*).

Васыль. То ты ось яка, Домахо!?

Гапка. Ты дочекаёсея, що я батька
за тобою приведу, та ще й зъ батогомъ!

Васыль. То ты така, Домахо! Хо-
димъ... Тилько по вашому наврядъ чы
буде! (*Пишлы*).

Я В А ХІ.

Парубны проходять черезъ конь и спи-
вають:

Ой, тамъ за Дунаемъ молодець гуляе.
Та подай перевозу, та й перевезуса,
Та на свою Украину та й надывлюся.
Та не такъ на Вкраину, якъ на ту
дивчыну.

Молода дивчына, то жъ моя прычына...
Мыхайло. Домахо! гайда на вечерныци!
Пылыпъ. А Васыль де?

Домаха. Не знаю!

Мыхайло. Гайда! Москаль сегодня
прыйде, буде штуку показуваты! (*Пишлы*).

Я В А ХІІ.

Домаха (*одна*). Покинуть, на вики
покинуть! Нехай бы мене саму, а то не
пошкодувавъ и того, що пидъ сердцемъ
моимъ трипоче!.. Думаешъ, плакатыму? Не
дждешъ, не дждешъ!.. Залышу, залы-
шу свое кохання, або страчу себе, а ты
не посміесея зъ мене, ни!.. Охъ, якъ же
тяжко! (*Ухопылася за голову и пры-
пала на прызъбу*).

З а в и с а.

Д І Я ІІ.

Середина хаты заможного селянина. Стизь, лавы, скрыня, пиль, жердка, пичь, мысныкъ и т. п.
Соха посередь хаты, на соси горыть лампочка).

Я В А І.

Захарко, Гапка и Васыль.

Захарко. Зважуй, сыну, власнымъ ро-
зумомъ про все те, що я тобі оце кажу.

Мени е пидмога видъ тебе—и въ поли,
и въ дорози; а матери й справди нибы
уже й сутужно безъ пидручнёи,— чы у
поли, чы въ обори, якъ била печи, такъ
и била жлукта—скрызъ вона одна. Давно

вже мати натяка мени про це, але я самъ вже бачу, що пора и їй дати помочи. Скажи теперъ свое слово!

Василь. Миркуйте, тату, вы за мене, а я що?

Гапка. А хіба й справди не втомылася я, що-дня роблючы, обмываючы та обшываючы васъ; годитця на старосты и мени запобіггы хоч невирненькой шаны. Якъ звалюся раптомъ, хто вамъ тоди исты зваре, чы хліба зпече?..

Василь (*зглянувся з матирью*). Якъ вы мени, тату и мамо, загадаете, я такъ и мусытиму вчыныты.

Гапка. Не казала я тобі, старый, що Василь безъ батькового дозволу а ни на ступинь? Такъ, сыну, разъ—позразъ такъ и робы: шануй батька та матирь.

Захарко. Та це то гараздъ, що повчашь ёго шануваты батька—матирь, тильки що у цимъ дили, про котре балакаемо, батькова та материна воля мусють не передъ весты, а потрапляты за сїноювою думкою. Скажи, сыну, може вже въ тебе е на прыкмети, котра тобі до мысли?

Гапка. Абы бъ намъ, старимъ, вона була до мысли, чы правда, сыну?

Захарко. Та ты не прысиеуйся до нёго. Не люблю я, якъ ты починаешь пидсовуваты ёму свого розума. Лыбонь у него голова не куряча?

Гапка. Що то за невестка, котра не мала бъ насъ потрапляты? Бачыла я вже почитування видъ одній такой невесточки,—видъ Мытрохвановой красули. Годи вже, вдоволылася такимъ почитуваннямъ!

Захарко. Почитування той запобига, который вартъ ёго... Щось вы сёгодня обое ныбы чудно балакаете?

Гапка. Якои тобі ще кращон балачки треба?

Захарко. Не потайнои! Васылю, що це ты удаешь зъ себе такого покирлывого? Ой, миркуй, кажу тобі, на вспрямъ-

кы! Тоби жыты зъ тією, котру визьнешь за жинку, чы намъ?

Василь. Я, тату, волю взяты ту, на котру впаде ваша та материна думка.

Захарко. Такъ кажуть тилько пидлесныкы, або ти, у котрихъ свого розуму бракъ.

Гапка. А мени отака мова й люба! Сватай, Васылю, Степаниду Агапону, кажу тобі—сватай и! Степанида найбільшь мени до мысли. За нею дають дви пари воливъ, тры коровы, дви телыци, двоо коней, хургонъ... А одежи у неи безъ лику, безъ зносу, та все яка одежа!—шарахваны, пидмастоны, бурмусы, шуба котыкова, сынею люстрыною вкрыта... Тамъ такой одежи, що й повикъ не зносе. Ще й шынёкъ дадутъ зятеви въ прыдане.

Захарко. Ага, ондечкы де чортяка сыдыты: шынёкъ у прыдане!

Гапка. А що жъ, вичній шматокъ хліба! Спершу шынёкъ, а згодомъ и лавочку можна видкрыты.

Захарко. Шынёкъ, лыбонь, краще! Якъ ты думаешь, стара? Отъ роскышь бы була!

Гапка. Чого усмихаеся? Грошей за нею бильшь, якъ на тры сотни.

Захарко. А чы ты довидувалася, шо у Степаниды пидъ тією гарною одежою? Шынёчокъ тобі прынада!

Гапка. А вже жъ прынада, не мени, а грошамъ прынада. Хочъ бы й Агапонъ якъ розжывся зъ шынку, а чы давно почавъ шынкарюваты?

Захарко. Кому жъ наше добро достанотця писля насъ, якъ не Васылеви? Мало хіба ёго, такъ ще й шынёчокъ! Старши диты вже свое забрали: Антонъ. Мытрохванъ, Мокрына—воны вже свое взяли,—все, що мы маемо, спаде одному Васылеви.

Гапка. А якъ и за жинкою визьме гарный посагъ, то ще краще,—буде пер-

шымъ хазяиномъ: и почитування, и повага, и пошаноба! И въ началныкы ёго заразъ выберуть!

Захарко. Одначе Агапона, сколько не шинкарюе, а щось не выбираютъ?

Гапка. Бо самъ не хоче.

Захарко. Якъ будемо вси пануваты, то никому буде й хлививъ зачыннаты...

Гапка. У достаткахъ и щастя й таланъ!

Захарко. А чы такъ ты миркувала, якъ була молодю?

Гапка. Дурна була, черезъ те чортъзна якъ и миркувала. Краще зазнаты на своимъ вику достаткивъ, ніжъ кохання. Зъ кохання кожуха не зшыешъ.

Захарко. Инчу люднуну хочъ по вуха засыпъ рёскошамы, а вона такы бельбоче: „мало, мало!“ Таке вже воно вилупытця зъздисне, та не важерлыве! Слухай, Васылю! я хочу довидатися твоихъ думокъ: не ховайся зъ нымы, а кажи щиро; не ворогъ я тобі, що въ мой воли— все зроблю. Отъ скоро й люде прыйдутъ за тобою, миркуй, щобъ описля не нарикавъ!

Васыль. Не нарикатыму!..

Захарко. Щось ты сёгодня дуже скупый на мову, кожне слово зъ тебе треба вытагаты! Якъ про що инче йде балачка, то ты й надто буваешъ балакучымъ. Не видъ сердца ты кажешъ, Васылю!

Васыль. А може й видъ сердца?

Захарко. Може! Ну, колы вже ты наважывся выховуватися видъ мене зъ своимы думкамы, то якъ соби знаешъ. Про мене, сватай хочъ и Степаныду.

Гапка. А вже жъ Степаныду!

Захарко. Якъ же ты зъ нею?

Васыль. Зъ кымъ?

Захарко. Зъ Степаныдою.

Васыль. Якъ?.. якъ зъ другимы дивчатын, такъ и зъ нею.

Гапка. А звисно якъ и зъ другимы.

Захарко (до Гапки). Помовчы лышь!

Гапка. Що ты мени й слова не даешъ вымовыты?

Захарко. Багато вже й такъ намолола! (До Васыля). Балакавъ ты колы зъ Степаныдою?

Васыль. Траплялося... Кажу жъ, що я волю такъ, якъ вы.

Гапка. А звисно! сказано: дытына слухняна!

Захарко. Дивно! Двадцять два рокы парубкови, а сердце, чы ще не почынало жыты, чы вже нажылося? На гулянци та у жартахъ ты мало не превидьця.

Гапка. Ну, надопомъ прычепывся до парубка!

Захарко. То бъ то тобі ни одна дивчына не впадала въ око?!

Васыль. Мени вси дивкы однакови! (Зитхнувъ).

Захарко. Онъ яке парубоцтво почало зъявлятися! А чого жъ це ты зитхаешъ?

Васыль. Такъ соби!

Гапка. Бо обрыдъ ты ёму зъ своимы пытаннямы!

Захарко. Гапка! не роспускай губы, знаешъ, що я того ненавыжу!

Гапка. Чого такъ звырсыся?

Захарко. Не наклыкай биса, бо винъ и безъ поклыку тыняетця помежъ людмы!

Гапка. Може кортыть до бійкы? Рокывъ зъ десятокъ вже не бывъ мене...

Захарко. Отъ же краще й не нагадуй того, що мынулося!

Гапка. А за що ты мене бывъ?

Захарко. За дило. Дурня и въ церквы бьютъ!

Васыль (глянувъ на выкно). Лыбонъ хтось иде? (На двори собаки загавкалы).

Захарко. Пиды, проведы видъ собакъ. (Васыль пшыовъ).

Гапка. И вмёратыму, не забуду тобі того, якъ ты надо мною знущався!

Захарко. Коли бь и справди зну-
щався, то не роззявляла бь ты й теперь
рота. Эй, Гапка, схаменись, ще ты не
всю силу выварыла зь мене!

Я В А П П.

Выходят Медзеря и Канупирь.

Медзеря. Здрастуйте! Щасты Боже
на все добро!

Канупирь. Добрывечыр! Удлыва у
вась ота куценька собачка, такъ и хапа
за лыткы.

Гапка (*у бикъ*). Де жь це Васыль,
чы не майнувь до Домахы?

Захарко. Просымо сидаты! Залазьте
на покуття!

Медзеря. Спизнылыся трохы, то по-
ра бь вже й рушаты. (*Сидаютъ*).

Гапка (*у бикъ*). Пиду подывлюся, де
це Васыль? (*Хоче выйты*).

Захарко. Стара, подай швыдчъ го-
рилку и закуску, почаствуемо, та й зь
Богомъ!

Медзеря. Та по чарци годытця, та-
кый вже законъ.

Канупирь. А якъ же! Опричъ того
горилка заразъ розбуркае балачку, такъ
вона й польетця, якъ медъ.

Медзеря. Не въ кожного вона бува
солодка.

Канупирь. Я вамъ скажу, якъ бувъ
я за присяжного засидателя у окружномъ,
та якъ судылы мы усякы качества... То
отъ—ти, якъ бо ихъ? Присяжни пови-
рени! Шуткы сказать!..

Медзеря. Ну, та й обрыдъ ты мени
зь своимы качествами!

Канупирь. Та постривай-бз, адже За-
харко не чувъ про це! Правда, я вамъ
не розказувавъ?

Захарко. Про вишо?

Канупирь. Кажу, присяжни повирен-
ни! Отъ вони и вчени люде и вныжку
всяку прочитають... Такъ и промежъ

ныхъ е таки, що докы не выпше чаркы—
другой, то й мова зь нѣго якось не йде.
Може въ середины тамъ и багато у нѣ-
го, такъ на двирь же ничего!.. Оце ба-
лака, балака, нибы ось—ось до краю до-
веде, а дали: пыкъ—мыкъ, мыкъ—пыкъ!
Якъ же збигае до бухвета,—тамъ у су-
ди, на другимъ поверси и бухветъ е!—
Ловко все встроено. Такъ, Кажу, якъ збига
до бухвету, сѣрбнѣ чарку—другу, отаки-
сенькымъ огирочкомъ, або рыбною, зав-
бильшкы зь палець, закусе... Якъ по
воны и за обидомъ такъ мало идать, то
хто ёго зна, чымъ воны й живуть? Кажу.
проковтне рыбу, потимъ цыгарку, пыхъ—
ныхъ и зновъ чарку. Ажъ це вже судеб-
ный приставъ и гука: „судъ идѣть!“
Що жь вы думаете? Писля того якъ забала-
ка, якъ забалака!.. повирете, ажъ у вѣ-
хахъ у тебе заласкотыть, а винъ цвень-
ка та цвенька!.. Ну, ловко жь балака,
такъ ловко!.. Совокупность... касціѣноде-
партаменка!... Телеграфъ!... Помылуйте.
господа судди!.. Головна кодепса!.. Какъ
ежели, теперыча, господа судди, не то
што, но даже, такъ, якъ будто воно идѣть
супроты совисты... потому Господъ на не-
би, Господъ и на земли!.. Уси люде гриш-
ни, стало быть, невозможно!“ Слухаешъ.
слухаешъ ёго, ажъ голова тоби почне ма-
китрытысь, а винъ сыпе та й сыпе, якъ
зь мишка, якъ лопатою зь засика! „Го-
спода, каже, судди, господа присяжни за-
сидатели! Подывитця на подсудымого, по-
мылуйте, не зобиждайте! Какъ, ежели вы
зобидыте ёго, то такъ невозможно по-
ступкы понимать!..“ ну такъ же жалибо-
но почне улещаты, що й... Судылы мы
одного конокрада... (*У цей часъ За-
харко налива горылку*). Кушайте на
здоровья! Такъ, Кажу, судылы мы одно-
го конокрада!..

Медзеря (*до Канупира*). Чы не ду-
маешъ ты приспаты насъ твоею побре-
хенькою?

Захарко (до Медзеря). Будьмо здорови!

Канупиръ. Що ты соби думаешъ? (До Захарка). Күшайте на здоровья! (До Медзеря). Та якъ бы я зъ пивъ года посыдивъ у суди, а онъ якъ навчився бъ балакати!

Медзеря. А докы не навчився, то мовчы. (Взяв чарку, мовчки здоровкається и пье).

Канупиръ. То бъ то ты такій розумный, що я мушу проты тебе затулаты пыска? Де жъ ты ёго, того розуму набрався?

Медзеря. Тамъ де й ты. Хиба жъ и я не бувъ присяжнымъ засидателемъ?

Канупиръ. Такъ що жъ, що бувъ, а чому жъ ты тамъ навчився? Якъ я, такъ я кожне слово на литу хапавъ; а ты бильшь дримавъ. Отъ скажи, на прикладъ, що означа: головна кодепса?

Медзеря. Хочъ я й не знаю, та це мени не вадыть.

Канупиръ. А я тобі скажу. Хочешъ, скажу? А що означа! ливиру... лизиру... отъ не вимовлю! Лирзуция?!

Медзеря. Означа: пый, колы частують!

Канупиръ (вытывз). Дай Господы, щобъ мы высватали вамъ онъ яку неvistку!

Гапка. Просимо годуватьця на здоровьячко!

Канупиръ. Такъ що означа релизу...

Медзеря. Та ну, годи бо тобі! Треба про дило толкувати.

Канупиръ (сміється). Ай, чудацьк! Такъ воно жъ и означа, що я пытаю: кого маемо свататы? а по судейскому виходыть: лизиру... Що це у мене языкъ заскакуе? А ну, милостывый государю, нальйте ще по одній.

Медзеря. Та перестань бо! (Захарко частуе).

Канупиръ. Тебе завьдыкы берутъ, що я можу на вси языкы? (Пють).

Медзеря (до Захарка). Такъ до кого жъ маемо йти за рупныками?

Гапка. До Агапона.

Канупиръ (до Захарка). А ваша, милостывый государю, яка релизу... Тьфу! някъ не вимовлю!

Медзеря. Що жъ, дивка дохожала й гожа!

Канупиръ. И модныця!

Медзеря. А Василь же якъ зъ нею? Була промежъ яка умова?

Канупиръ. Стало быть, передварытельное обслидствие?

Медзеря. А, та й не вхвалывъ я отого, що ты якъ почнешъ белькотаты!... Якъ же вашъ Василь зъ Степаныдою?

Канупиръ. Зъ Стефаниєю Агапоновою у якій согласіи?

Захарко. Пытавъ ёго, такъ винъ каже, що ёму „вси дивчата одинакови!“

Канупиръ. Вонъ, тошно, таки й е. Тилько, що у одной така хватка, а у другой инча... ну, й шабашъ! Допросы зняты, теперъ частуйте!

Медзеря. Клычте жъ Васыля въ хату та благословляйте ёго хлибомъ—силлю.

Канупиръ. Та й рицилю... Отъ някъ не вимовлю, неначе бджола за языка вьусыла!

Захарко (до Гапки). Гукны на парубка!

Гапка (иде до дверей и гука). Васылю! А ходы въ хату.

Я В А ІІІ.

Ти жъ и Васыль.

Захарко. Ну, сыну, дякуй добрымъ людымъ, що згодилися потрудытсы... Скажи жъ теперъ въ останне: волиешъ ты Степаныду Агапонову за себе зьняты?

Гапка. Почавъ знову допытуваты!

Медзеря. Пожды, Гапко, Захарко правду каже. Намъ що? намъ однаково,

куды не йты. Кажы, козаче, куды твое сердце хылытця, туды й пидемо.

Канупирь *(до Васыля)*. Може маешь яки показанія допультельни?

Медзеря *(до Канупира)*. Ну, й языкъ у тебе!

Канупирь. Судейскый!

Васыль. Проты матерыной и отцёвськой воли я не хочу йты!

Канупирь. Маладця! Частуйте!

Медзеря *(до Васыля)*. Ну, колы вже такъ ты обмиркувавъ, то благословыся у батька—ненькы, уклонься...

Канупирь. До нигъ уклонься!

Захарко и Гапка *(благословляютъ хлѣбомъ, Васыль уклоняетця имъ до нигъ)*. Нехай тоби, сыну, Господь до-помога й щастыть на все добре!

Медзеря. Теперь хочъ и частуйте!

Захарко *(почастувавши, передае Медзеря хлѣбъ)*. Балакайте жъ тамъ доладнищъ!

Медзеря. Цѣму вже мени не вчытыся!

Канупирь *(вытывъ)*. Принесемъ до-стотетну резнюлюцю!—Ажъ ось-колы вы-мовывъ! *(Медзеря, Канупиръ и Ва-сылъ пилили зъ хаты)*.

Захарко *(помовчавъ)*. Дивно мени, що Васылеви однаково на кому бъ не женытыся?!

Гапка. Покирлывий!

Захарко. Товчы!

Гапка. А що зъ того, що ты давъ волю старшымъ сынамъ? Яко пуття вый-шло, що Мытрохванъ взявъ соби жинку до мысли? Яка намъ втиха видъ того?

Захарко. Мытрохванъ бравъ за для себе жинку, а не за для насъ, ёму й втиха.

Гапка. Гарна невисточка! У вивторокъ иду вулицю, дывлюсь—вона мисыть глыну била своей хаты, зыркнула на мене та й видвернула. Надхожу бльжче, вона зновъ: зыркъ! та й зновъ видвернула. И тоди тилько, якъ по-

ривнялася я зъ нею, баче, що никуды очей заховаты,—промовыла кризь зубы: „здрасуйте, мамо!“

Захарко. Ну?

Гапка. Кажу жъ, що звычайна не-висточка!

Захарко. А ты бъ хотила, щобъ вона за двое гинъ почала тоби головою кы-вати? Бачъ, така-бъ-то велика радисть, свекруха йдуть!?

Гапка. Та я знаю, що ты хотивъ бы, щобъ мене вси зневажалы?

Захарко. Тьху, ты божевильна баба! Та чы ты не пьяна часомъ? *(Дывытця на нею)*. Такъ и е, що сѣрбнула! Ко-лы жъ це встыгла? Мабуть, покы подала людымъ на стиль, то сама по переду по-частувалася? А я балакаю, мовъ зъ тве-резю. Отъ за те я тебе й бывъ, що ты пьешь безъ толку, що дуже ласа до чаркы. Гей, Гапко, часъ вже тоби опамъятатыся!

Гапка. Бодай вже мои ворогы такъ выпвалыся, якъ я сѣгодня бачыла хочъ рисочку! *(Зитхнула, сида на полу, пидпершы голову)*. Може досада мене посида, а тоби здаетця, що я пьяна!

Захарко. Яка тамъ ще досада?

Гапка. Ондечкы, позавчора, Мокрына зустрелася зо мною била ставу, та якъ заголосыть, якъ заголосыть!..

Захарко. Чого жъ бы то?

Гапка. „Чомъ вы, каже, мамо, не зупынылы мене, щобъ я такъ рано за-мижъ не йшла? Теперь дитвора облипыла мене, якъ та черва!..“

Захарко. Ну, видъ Мокрыны наврядъ ты тако почувешъ?

Гапка. А що, каже, грудве дытя, то воно вже скоро всю кровь зъ мене выссе!

Захарко. Та що зъ того? Сказала правду. А якъ повырастають дыты, то тоди вже вони пеклуватымутця била батька—матери; а теперь, звисно, маты му-сыть зъ нымы воловозытыся. Якась чудна у тебе сѣгодня балачка: зъ одного на

друге перескакуешъ, тилько до купы не зберешъ! Та чы тебе хочъ одна людныа у свити задоводныла?

Гапка. Не правда!

Захарко. Ну-ну! не загннай брехни!

Гапка. Якъ высвата Васыль Степаныду, то побачышъ, якъ я ии шануватыму, якъ жалуватыму!

Я В А І V.

Ти жъ и Мытрохванъ.

Мытрохванъ. Добрывечыръ вамъ у хати! (*Цилуе батька и матиръ у фуку*).

Захарко. Ачъ якъ пройшовъ, що й собаки не дзявкнули!

Мытрохванъ. А чого жъ бы вони на свого кыдалыся?

Захарко. Та й то правда. Видкиля такъ пизно? (*Гапка выйшла*).

Мытрохванъ. Та возывъ на свой конячыни якогось панка до вакзалу.

Захарко. На стрыгунови?

Мытрохванъ. Э, та який стрыгунъ!

Захарко. Не прыставъ?

Мытрохванъ. Ни, тупа! Тамъ такъ бадёртыця; якъ вздрьт на шляху бурьяныну, ще й хропе! Весною тилько буде третяка. Теперь ще воно лошя, а якъ осыліе, добряча буде конячына!

Захарко. Багато людей йиде по чавунци?

Мытрохванъ. Сыла! У вакзали, у третёму класи, неначе у церкви: иконы, ставныкы, свичкы горять, лампадкы!.. А я оце нарочыто зайшовъ порадытыся зъ вами, тату! Той панокъ, що, кажу, одвизъ ёго на вакзалъ, мае тутъ-десъ, не далечко, земельку, — десятинъ зъ трыста, такъ клыче мене до себе за хазиныа, до плугывъ. Дорогою почавъ мене роспытуваты, та якъ довидався, що я й сокрыю трохы цюкаю, такъ и каже: наймыся до мене за хазиныа до плугывъ, я

бачу, що ты жаліешъ свою шеащыну, то може й мою худобыну шануватынешъ! Теперь, каже, таки катюгы повылуплювалыся, що нивечяты сердешну худобу, ажъ душа болыть!

Захарко. Багато дае?

Мытрохванъ. Висимдесяты на рикъ и паекъ.

Захарко. Одному, чы зъ жинкою?

Мытрохванъ. Ба одному!

Захарко. Ого!

Мытрохванъ. А хочешъ, каже, то наймыся и зъ жинкою.

Захарко. Це цина гарна! Вважай, чы зручно тоби буде!

Мытрохванъ. Про це жъ и треба обмиркуваты.

Захарко. Прыходъ завтра у ранци, та й обмиркуемо гуртошъ.

Мытрохванъ (*встае и заглядае у вкно*). Стоить мій огырь! (*Усмихаецця*).

Я В А V.

Входытъ Гапка.

Мытрохванъ (*до Гапки*). Мамо! Що тамъ у васъ зъ Одаркою зкоилося.

Гапка. Звычайна у тебе жинка, надто звычайна!.. Диждалася чести!

Мытрохванъ. Отъ и розберы бабивъ! А вона тежъ плачетця, що каже: „поздоровкалася я зъ матирью, а вони хочъ бы головою мотнули, одвернулыся!“

Гапка. Бреше вона!

Мытрохванъ. Ни, брехаты вона въ мене не навчылася. „Нехай бы, каже, я сама була, не такъ бы болячэ було, а то якъ-разъ тутъ кума Палажка нагодылася. Завдали, каже, мени маты сорому, а за вищо?“

Гапка (*звожтыла*). Не треба мени шаны видъ твоеи жинкы, знайдутця таки, що й безъ неи пошануютъ!

Мытрохванъ. Чудасія!

Захарко. Дывуеся? А я вже переставъ и дывуватыся.

Мытрохванъ. А де жъ Василь?

Захарко. Пишовъ зъ старостамы.

Мытрохванъ. Невже? А вы й не хвалытыся! До Домахи бъ то?

Захарко. До якои Домахи?

Мытрохванъ. Якъ до якои? А ось що... (*Показуе рукою на вакно*). О, чы не капосна шкапына, рушыла до дому, колы бъ ще воза не поламала. Прощавайте! (*Хутко пишовъ*).

Гапка. Ну, та й нѣнавядю я Мытрохвана, якъ винъ почне плескаты на здогадъ!..

Захарко. Про яку це винъ Домаху каже?

Гапка. А хто ёго зна.

Захарко. Чы нема тутъ якои капосты?.. Черезъ що жъ то Мытрохванъ такъ здывувався, що не до Домахи Василь пишовъ?

Гапка. Мытрохванъ усѣму дывуетця! (*Смѣтця черезъ сылу*).

Захарко. Гапко! Щось ты погано смѣеся?!

Гапка. Чого ты прысикуеся? Може Василь якый тамъ разъ и постоявъ зъ Домахою...

Захарко. Постоявъ тилько?

Гапка. Хіба не трапляецця, що инча дивка вѣже на якого тамъ парубка, тад же жъ не все такъ коитця, якъ бажаецця!..

Захарко. Та звычайно трапляецця... Тилько чого це ты очыма клипаешъ? Выбовтуй, выбовтуй вже до краю!

Гапка. Я кажу такъ соби, — навтякы!

Захарко. Може, бороны Воже, Василь накойвъ якого лыха? (*Собаки раптомъ загавкалы*). На кого це такъ пружономъ кинулся? (*Дывытця у вакно*). Щось била ворить манячыть! Колы бъ ще не порвалы! (*Хутко пишовъ зъ хаты*).

Гапка. И прытаскало жъ того лобуряку, Мытрохвана, роспустывъ тутъ своего

языка! Колы бъ ще не пишло все шке-ребертъ. Колы Степаныда не буде моею невесткою, то краще мени въ домовину, або свитъ—за-очи!.. Грошей, грошей скільки за нею, та ще й шынёкъ у прыдане!.. Прямо зъ рукъ щастя выплюсне, якъ вьонъ выплюсне!..

Я В А VI.

Гапка, Захарко и Домаха.

Захарко (*веде Домаху*). Э, ни, дивко, такъ не годытця, грихъ!

Гапка (*у бикъ*). Домаха!?

Захарко. Ачъ, задумала повисытыся на нашихъ воротахъ!

Домаха (*ледве промовляе*). Пустить мене, дядечку! Пустить, не хочу я вашого порятунку! Яка вамъ печаль до мене?

Захарко. Не пустю! Життя тоби обрыдло? Молода ще!..

Домаха. Пустить мене, Бога рады!

Захарко. Бога згадуешъ, а такыи грихъ хотила вчыныты?.. Зъ якого лыха навожылася руки на себе накласты?

Домаха. Мое лыхо, мени ёго й видуваты, а вамъ що до того!?

Захарко. Якъ лыхо, то заразы и голу въ петлю?

Гапка. Онъ до якого краю сваволя доводыть?!

Захарко. Росказы мени, Домахо, свое горе, може ще ёго и обменути можна?

Гапка. Маненька ты, не знаешъ, що у парубка слова ласкави, а чортова думка!

Домаха. Одне я знала: хто ёго батько й маты!

Захарко. Лыбонъ, я догадуюсь, въ чимъ дило! Ни, Домахо, тоби ще рано помераты! (*Чутно на двори гоминъ*). А, це вже Василь повертаецця! Гараздъ! Колы Василь вынень передъ тобою, Домахо, то пшвдчъ ця хата розвалытця, ни жъ ты выйдешъ зъ неи! Онъ якъ воно

мусыть буты! Иды, стань осюды, докы я зъ Васылемъ перебалакаю! (*Ховае ии у закутокъ*).

Домаха. Богъ зъ нимъ! Слыуватымете ёго, я не пиду за нёго!

Захарко. Не слыуватыму! У нёго е сердце, тилько горе, що здався винъ на лыху пораду! (*Веде ии за пичъ*). Не такъ воно мусыть буты, не такъ!

Гапка. Осудовысько, осудовысько!..

Захарко. Гапко, затулы пыска!

Я В А VII.

Медзеря и Канупиръ зъ рушныкамы и хлибомъ, за нымы Васыль.

Медзеря. Ось вамъ, батьку, и хлибъ обминенный, пожалуйста! (*Подае хлибъ, Захарко не бере*).

Захарко. Стривайте! Маю слово до васъ промовыты.

Канупиръ. Якъ сказавъ я одне слово по судейскому, заразъ рышенне и пидписалы.

Медзеря. Ты сказавъ? Отъ вже хвалько!

Захарко. Спасыби вамъ, люде добри, що потрудылись! Але хлиба видъ Агапона не прийму!

Медзеря.. } Якъ?
Канупиръ. }

Захарко. Стривайте! Выслушайте, а потимъ жахайтеся! Васылю, а глянь у вуютокъ, що то у насъ за гостя?!

Васыль (*глянувъ*). Домаха?! (*Похытнувся*).

Домаха (*зъявляецця*). Не я вынна!.. Хотила розвъязаты тоби руки, батько твій зупынывъ!..

Захарко (*до Васыля*). Кажы, якъ передъ Богомъ, выненъ ты передъ Домахою?

Васыль. Выненъ, тату, простить! (*Пада на вколупшы*).

Захарко. Першъ Бога просы! Першъ Бога ты прогнывывъ, а потимъ батька. Волиешъ ты ии взяты за себе?

Васыль. Волю, тату!

Гапка. Охъ, Боже мій!

Захарко. Не полохайся, стара! (*Пидійма Васыля и цилуе*). Теперь ты мій сынъ. Иды жъ и ты, невестко, сюды! (*Домаха пидходе и падае ёму вз ногы*). Пидіймы, сыну, твою сужену. Стара, благословы нашихъ дитей! (*Васыль и Домаха пидходятъ до Гапкы*).

Гапка. Я... Я..

Захарко. Годи якаты! Путнищого ничего не выгадаешъ! Отъ и кинецъ! Виднесить, люде добри, цей хлибъ Агапони и скажитъ, що намъ самъ Богъ пославъ невестку! Коли жъ ласка ваша буде, то просымо не погребаты повесты порядокъ у насъ на весилли!

Канупиръ. Отъ люблю, маладця! Ну, Захарку, вы достометно якъ прысяжный повиренный!.. И я скажу: нѣтъ, не выновець!

Медзеря. Ну, вже жъ и весиллямъ заправлю на вдывовыжу всимъ!

Канупиръ. И я жъ тутъ буду, такъ вже по судейскому все буде! Отъ тилько, що Агапонъ може захоче зиськаты зъ васъ судебни здержкы?

Захарко. Та вже, якъ що прийдетця, то й заплачемо.

Медзеря. Карбованцивъ зъ десятокъ за безчѣстя!

Канупиръ. Весильни, значыть, пошлыны!

Захарко. Сидайте жъ, люде добри, за стиль, мылосты просымо! (*Сидаютъ вси троє*). Сидай и ты, стара, спочынь, годи тоби губу копылыты. Ну, сыну, почасть насъ; а ты, невестко, попорядкуй за свекруху. Все мусыть буты по Божому!

(Зависа).

Д І Я І І І.

Подвір'є Захарка Лободы. Ливоручь—хата, праворучь—комора; въ глыбни кону: клуна, тнєъ, повитєы, огородъ, садокъ, левада и крыныца.

Я В А І.

Васылъ и Гапка (*выходятъ зъ хаты*).

Васылъ (*зтурбованный*). Боже, Боже, якъ вона мучытця сердешна! Чы не краще бь поклыкаты хвершала, щобъ ця бабка лыха не накопила?

Гапка. Ще що выгадай! Може мотнєся въ городъ по дохтуря, або по акушерку? Це вже свить пиде на выворить, якъ и до мужыкывъ почнуть дохтуривъ кыкаты!

Васылъ. Та я не те... а що хвершалъ, на мою думку, швыдчъ допомигъ бы!

Гапка. Хиба то хвершалове дило—бабуваты? Зь поконь-вику бабы коло породилъ пораютця; а хвершала кычуть, якъ треба кровъ пустыты, чы банкы поставыты...

Васылъ. Страждае жь сердешна, ажъ душа болыть! Богъ зь нымы и зь тымы дитьмы, якъ черезъ ныхъ таку муку прыйматы!

Гапка. Ще перше тилько, та вже такъ клопочєся, а якъ посыплотця що года!

Васылъ. Згодомъ може й звыкну.

Гапка. Кожна породилла торпыть мукы,—чымъ же твоя жинка краца другыхъ, що била неи треба такъ панькатыся?

Васылъ. Черезъ те й панькаюся, що вона мени жинка! Якъ вамъ не грихъ, мамо, пидцьковуваты!?

Гапка. Думашь, лехко васъ порождаты? Мало й я хиба страждала, докы породыла васъ пьятєхъ?

Васылъ. То жь колысь було, певно и батько била васъ пеклувалыся!.. А Домаха теперъ страждае!..

Гапка. И, Боже мій, скылько я мукъ прыйнала! Найбыльшь прыйшлося страждаты, якъ тебе порождала. Що вже бабка не робыла зо мною, докы выкыкала тебе на свить: и на кожуси мене качала, на рядни, и пидъ пахвы пидіймала та трясла, и въ подовжь хаты клала та вымиряла ополонкомъ и черевыкомъ, и въ каглу гукала, на вси ймення гукала!.. Докы не выгукала по девять—девять разывъ усыхъ ймень зь нашою слободы, доты ты не народывєся,—отакый бувъ упартый! Не доведы Господы, скылько я тобою вымучылася! Черезъ те быльшь усыхъ тебе й жалувала и пєстыла, що за тобою найбыльшь горя прыйнала.

Васылъ. Та хиба жь я вамъ не виро? Тилько жь видъ цого не лєхше мени. Я не знаю, на вищо вы мени усе це кажете, хиба тымъ заспокоете, чы якъ?

Гапка. На те кажу, що якъ бачышь, и доси жывысьинька и безъ хвершалывъ, и безъ дохтуривъ обійшлася, и всыхъ васъ зростыла и до пуття довела. И поженыла и замижь повиддавала... Ни, не я васъ поженыла, не я й замижь повиддавала. Сами поженылыся, не по мойй, а по батьковій воли! Думаешь, це мени не гирко, не болячє? Ось на що тоби кажу!

Васылъ. Чого жь вамъ теперъ гирко та болячє? Все мы васъ почитуємо, шануємо...

Гапка. Этъ!.. Бачу я, якъ вы мене почитуєте. Хочъ бы й ты: таку пару втерывъ, таку пару!..

Васылъ. Годи вже, мамо, про це! Ей Богу, обрыдло! Ну, що жь, ну втерывъ... Того вже не вєрнешь, що минулося!

Гапка. Теперъ и самъ жалкуєшь?

Васылъ. И не думаю жалкуваты.

ГАПКА. Говори! Я тебе бильшъ знаю, ніжъ ты самъ себе.

ВАСЫЛЬ. Та отъ же, Ей-Богу, й на думци не маю.

ГАПКА. Теперь кажуть, що Степаныду свата лкыйсь купецъ зъ города!

ВАСЫЛЬ. Нехай соби свата!

ГАПКА. Эге, нехай! Таку пару втеряти!.. За те жъ ты зъ величнёго роду жинку соби взявъ: батько ии увесь вискъ за свинопаса бувъ, а маты по наймахъ тынялася, докы не вмерла!

ВАСЫЛЬ. Вы такы знову своєї? Не всимъ же й пануваты.

ГАПКА. А вже жъ, що не всимъ. Тилько тобі—и зъ лнца и зъ постати зовсимъ не прыстало зъ плугомъ ходыты, це вже и все село баче!

ВАСЫЛЬ. Мало кому що не прыстало! Одному бъ треба буты кравцемъ, а винъ зробывся шевцемъ, другому слидъ бы пануваты, а винъ череду пасе. (*Усмихається*). Якъ Богъ допоможе, то може и я розжывуся и наймытивъ тоди держатиму, то й не буду самъ за плугомъ ходыты.

ГАПКА. Якъ-разъ! Думаешъ, що батько постановить тебе на власне хазяйство?

ВАСЫЛЬ. А чому жъ и ни? Мытровова жъ постановылы, або й Антонова!..

ГАПКА. Бо то батькови мазунчыкы!

ВАСЫЛЬ. А на мою думку, мы вси за для батька однакови.

ГАПКА. Колы винъ видъ мене выхывуе гроши, що николы й копійкы мени до рукъ не дасть, то тобі вже й по вискъ не бачыты ихъ. Помре, въ домовину зъ собою забере, або де-небудь закопа!.. (*Гапка, побачывшы Захарка, зныка за хату*).

Я В А II.

Ти жъ и Захарко (*зз видромъ воды*).

ЗАХАРКО. Васылю! А йды въ хату! Поздоровляю тебе зъ сыномъ!

ВАСЫЛЬ. Чы й справди? Слава жъ тобі, Господови!

ЗАХАРКО. А де жъ маты?

ВАСЫЛЬ. Тилько що тутъ булы!.. Пышлы на тикъ, чы що!.. (*Йде хутко въ хату*).

ЗАХАРКО. Хвалыты Господа мылосердного, що все свинчылося благополучно! А якъ сердешна Домаха вымучылася: двое день и дви ноци выстогнала та выквылыла такъ, що й Господы! (*Пишовъ до крыныци*).

Я В А III.

Гапка вернулася.

ГАПКА. Ой, горенько, горенько! Учора перестрила мене Степаныда бия гребли та якъ почала прохаты: „нехай, каже, Васыль Захаровичъ, хочъ на часыночку прыйде, хочу на него въ останне надывытыся. Виддаюся, каже, у городъ замизъ, вже бильшъ его може й не побачу!“ Ну такъ же прохала, такъ благала!.. Потимъ такы прысылувала зайты, и въ хату, я й не хотила, такъ такы жъ прысылувала. Почастувала мене наливкою... зроду такой смачной наливкы не пыла! Два стаканы, не мовъ за однимъ духомъ, выпыла. Таке щастя Васыль утерявъ, таке вже щастя, що й у казци такого не почувешъ!.. А якъ Степаныда мене шануе, якъ почутуе. „Я васъ, каже, тетинько, люблю, якъ ридну!..“

Я В А IV.

Захарко и Гапка.

ЗАХАРКО (*зз видромъ воды*). Иды жъ, стара, въ хату, поможы баби онука впораты.

ГАПКА. Хиба вже?

ЗАХАРКО. Слава Богу! Тамъ такый козарлюга: мицный та крыельвный!..

ГАПКА. Велика радисть! теперь буде крыку повнисенька хата.

Захарко. Дуроци ты плетешь.

Гапка. А ты вже зрадивъ, що зъ радощивъ и цапа пострыбаешь!

Захарко. А ты бѣ то й не рада?

Гапка. Якъ такы не рада, ажъ не стямлюся видъ радощивъ! (*Пшла въ хату*).

Захарко. Ни, такы шо не говоры, а скажена баба! (*Пишовъ*).

Я В А V.

Карпо *иде вулицею*.

Карпо. Отъ тоби Приська й донудылася! Завдала мени тугы, хочъ бы жъ сама зазнала щастя... Царство ий небесне, вичный покій! А колы бѣ не комызылася, дожила бѣ може й до старосты, якъ у Бога за дверыма.

Я В А VI.

Василь и Карпо.

Василь (*выходячы зъ хаты*). Здоровъ, Карпе! Отъ якъ разъ до речи!

Карпо. Здоровъ! А що тако?

Василь. Просю тебе у кумы: Домаха подарувала мене сыномъ!

Карпо. Ну, слава Господеви! Нехай росте вамъ на втиху щасливый та здоровый!.. Тилько не такый часъ, Васылю, щобъ... Выбачъ, не могу!..

Василь. Черезъ шо?

Карпо. Приська померла!

Василь. Невже? Царство ий небесне!

Карпо. Оце заразъ бувъ у волосты, бумага прийшла: зиськаль зъ мене симъ рубливъ пятьдесятъ копѣекъ. Мабуть на труну та на подзвиння! У городи, въ болыници померла.

Василь. Шкода, шкода. Сердешна Приська!

Карпо (*зитхнувъ*). Нехай вже надъ нею земля перошь!

Василь. А я такъ було наважылся: кого першого зустрину, того й въ кумы поклычу.

Карпо. Раднищый бы бувъ... Чувъ я, що Домаха дуже хворила? Ну, слава Богу, що благополучно! Кажуть, що кумы повинни быты веселымы, щобъ заталяныло рожденному, а въ мене, брате, якъ бачышь, свое лыхо!.. Кланяйся Домаси, хай Господь допомога ий швыдчъ вычуняты. Пеклуйся бяля неи, Васылю, вона чудесна у тебе людина! Колы чесно закинчывъ коханья, то вже пыльнуй чести до краю. Зъ такою жинкою можна й талану запоныгы и радощивъ зазнаты.

Василь. Та хвалыты Бога, покы шо, жывемо у злагоды!

Карпо. Прощавай, Васылю! (*Пишовъ*).

Василь. Ходы здоровъ!

Я В А VII.

Василь и Гапка.

Гапка. Здытця, Карпо пишовъ?

Василь. Та винъ же.

Гапка. Не втерпывъ, щобъ не навидатыся!

Василь. До кого?

Гапка. Знаемо, до кого!

Василь. Приська померла!

Гапка. Домучывъ такы

Василь. Хто?

Гапка. Та не хто жъ, якъ винъ. Господы, шо винъ вымучывъ ту бидолашну Приську!.. Звисно, мусыла втекты...

Василь. Та шо це вы, мамо, кажете? Карпо такъ зъ нею панькався...

Гапка. Верзы! А чого жъ вона втекла? Зъ доброго дыва не втече! Хата покрышка! А шо мени розказувала про ихъ жыття сваха Палажка!?

Василь. Та кого тилько сваха Палажка не обпылювала? Не йму я ий выры!

Шкода мени, що не такъ трапылося, якъ я хотивъ.

Гапка. Що таке?

Василь. Клыкавъ Карпа у кумы, такъ не згбдвся. Приська померла, такъ це ёго дуже засмутило.

Гапка. Оце бъ було якъ-разъ до ладу! Це-жъ уже бувъ бы такымъ хрещенымъ батькомъ, якъ кращого и не треба!

Василь. Винъ гарный чоловікъ!

Гапка. И Домаси якъ-разъ бы було до смаку!

Василь. Це правда, Домаха ёго дуже шануе.

Гапка. Якъ же такого й не шанувати? Кого жъ ий бильшь и шанувати, якъ не Карпа?!

Василь. Та що це вы, мамо, якось чудно балакаете?

Гапка. Чы тоби заслиплено, чы тоби почынено! Невже ты й доси не дочухався, черезъ що такъ Домаси гыкаётця Карпо?

Василь. Черезъ що жъ?

Гапка. Тоби треба розжувати та ще й въ ротъ покласти! Невже ты вповаешъ, що Домаха була тоби вирною?

Василь. Що це вы кажете, мамо?

Гапка. Те, що знаю! Думаешъ, що то твоя дытна?

Василь. Якъ?!

Я В А VІІІ.

Ти жъ и Захарко.

Захарко. А чомъ ты, Васылю, не йдешъ за кумами?

Василь. Та ще поспію.

Захарко. Гляды, щобъ попа не втепрати, може після вечерни куды поиде!

Василь. Заразъ пиду.

Захарко. Клычъ у кумы Мытрохвана, а за куму...

Гапка. Степаныду шынкареву. Вона новорожденному грошей подаруе!

Захарко. Не зачепай, сыну, Степаныды. Ии батько й доси на насъ дмётця!

Гапка. А якъ покумаемося, то й задоволнытця!..

Василь. А вже жъ... Краще у миру жыть, нижъ у сварци.

Захарко. Якъ хочешъ, Васылю, а я бъ не совитувавъ клыкаты Степаныду.

Василь. Поклычу Мытрохвана за кума, а за куму ту, котру першь зустрину, чы молодыцю, чы дивчыну, ту й поклычу!

Захарко. Хочъ и такъ.

Василь. Де жъ це мій картузь? (*Иде въ хату*).

Захарко. Що ты тутъ все шепочисся зъ Васылемъ?

Гапка. Радыла баба, щобъ за зиллямъ на купиль збигаты до Антыныхы... Каже, що у неи всяке зилля е.

Захарко. Та я не про те пытаю.

Гапка. А, ніколы мени зъ тобою балкаты! Побижу мерщи до Антыныхы!.. (*у бикъ*). Пиду, выклычу Степаныду, щобъ Василь ии першу зустривъ. (*Пшла*).

Захарко. Чы й справди жъ то Гапка такъ турбуетця про онука, що сама й за зиллемъ побигла? Може й справди одумалася.

Я В А ІХ.

Захарко и Василь.

Василь. А сколько треба заплатиты попови за те, що въ хрестъ уведе?

Захарко. Це вже не твоя турбація, а кумова. (*Василь пишовъ*). Чы не хытруе часомъ Гапка? Здаетця, що вона й доси ніякъ не вгамуетця, що Василь взявъ Домаху. Колы бъ Гапка не спантелычыла Васыля? И то подумаешъ: маты! Звычайно, вона бажае, щобъ пестованій дытныи якъ найкраще, якъ найлехче... Колы бъ же то вона, запобигаючы своему мазунчыкови талану, не навила лыха? (*Пишовъ въ хату*).

Я В А X.

Василь.

Василь. Якъ-разъ здыбавъ Степаныду! И не хотилося бь мени ии клыкаты, такъ мало жь не сама напрохалася... Одначе якъ вона зь лыця зблidlа! Давно ии не бачывъ, ажъ жалко стало! Черезъ що у неи неначе слёзы заблещалы въ очахъ, якъ глянула на мене! Може вона й справди мене коха? Ну, та що вже?.. А яка гарна та прыятна на мову. Ну, та що вже... Богъ зь нею!

Я В А XI.

Лукія и Василь.

Лукія (*молодыцею, зь заступомъ на плечахъ*). Здоровъ, кучерявый!

Василь. Здорова, прыдзеглѣвана!

Лукія. За таке прызвыще я й по мармызи дамъ!

Василь. Коротки руки!

Лукія. До твоеи пыкы достягнуть!

Василь. Чого зачепашть? думаешъ, я навспряжки впадавъ тоди за тобою? Ой, яка гарна! Не бачывъ я кращикъ?!

Лукія. А ты ще паскуднищымъ ставъ!

Василь. Колюбъ бувъ паскуднымъ — не моргала бь!

Лукія. И теперь моргаю, бо чорни бровы маю! Ну, й шкода жь мени, що тоди парубкы бокивъ тоби не подалама: якъ я тоди ловко пидстроила, отъ же выпорснувъ! А що, ухопывъ горячого до слизъ!? (*Регоче*).

Василь. Иды бо соби, пожалуста, своею дорогою, не цикаво мени зь тобою балакаты.

Лукія. Ты подякуй мени за те, що я тебе на розумъ навела. Ачь, одній затуманывъ свить та й другій думавъ заморочыты паморокы? Шкода, що я тебе не такъ провчыла, якъ годылося бь! Ачь, яки дурывиты почалы зьявлятыся!

Василь. Видченыся, кажу!

Лукія. Якъ дидешъ сннивъ, то повчай ихъ, щобъ вони не булы такымы бузувирамы, якъ ихъ скажений. батько! (*Пишла*).

Василь (*одывъ*) Заморочуете добре и вы намъ паморокы, чортовы сорокы! Ачь яка! Отъ и вгадай, чымъ иноди людина дыха? (*Помовчавъ*). Що це мени маты сказалы про дытнну? Та невже жь?.. Ни, це хтось наклепавъ, це брѣхни!.. Одначе, черезъ щось же то кажуть люде про жиночу породу, що: „баба, то наймудрища загадка!“ Та отъ хочъ бы сказаты и про Лукію. Якъ бисова тинь прывблювала мене до себе, а на думци мала. щобъ мени парубкы печинкы видбылы. Тьфу! провлята моргуха!

Я В А XII.

Василь и Гапка.

Гапка. А що, кого поклыкавъ за куму?

Василь. Степаныду.

Гапка. Хочъ не довелося за невестку маты, то нехай хочъ кумою буде. Утерывъ, сыну, щастя, таке вже щастя, що й руками ёго не обгорнешъ!

Василь. Годи, мамо, про це! Ей-Богу. я й такъ вже заморочыся!

Гапка. Ще бь не заморочыся! Тры мисяци якъ оженився, а вже й дытны. Звисно, морока, та ще й не абы-яка морока! А крыгу, а пыску скилько буде въ хати!..

Василь. Та я не про те...

Гапка. Колю бь ще бияя своего дытаты паныкатыся...

Василь. Мамо! видъ кого це вы чулы? Ну, колы цѣму правда?..

Я В А XIII.

Ти жь и Мытрохванъ

Мытрохванъ (*цилуе оз руку матирь*). А що, мамо, ради, що диджалы вже й видъ мезынчыка онука?

Гапка. А якъ же не радиты! Серце зъ радощивъ такъ и плѣга у грудяхъ!

Мытрохванъ. Ну, дай Господы, щобъ жывыи бувъ та щасливый! А хто жъ за куму?

Василь. Степаныда шныкарева.

Мытрохванъ. Що це ты, Васылю, вже межъ жырондивъ заберается?

Василь. Та такъ... А хйба що? Яку першу зустривъ...

Мытрохванъ. Правда, шо кажуть, нйбы бъ то воно такъ и годытця за куму браты ту, котру першу зустринешъ. То бъ то диты не будуть помераты!..

Гапка. А вже жъ!

Мытрохванъ. За для такой кумы прыйдетця, мабуть, ныва, або вына поставиты? Горилкою, мабуть, не ловко частвуваты?

Гапка. Добудемо и пыва, и вына!

Мытрохванъ. Що вже треба, то треба! (*Глянувъ на вгородъ*). А то хто пидъхавъ? О, то жъ кума, Степаныда, та ще й у хвайтони! Це вже зовсимъ по паньски хрестыны справымо. (*Васыль пишовъ на зустричъ Степаныди*). Це й мени прыйдетця у хвайтона сидаты? Про мене, хочъ и у хвайтони ихаты, тилько хто ёго зна, якъ у нёго садовытця?

Гапка. Такъ сядешъ, якъ и други сядаютъ.

Я В А Х I V.

Ти жъ и Степаныда.

Степаныда. Што жъ, когда фхать, такъ фхать, за мною никоторой остановки!

Мытрохванъ. Зайдымо жъ, кумо, въ хагу до породили, визьмемо дытну та й до попа!

Степаныда. Со вдовольствіемъ! Прыглашайте насъ, Васылій Захаровычъ!

Василь. Просымо!

Мытрохванъ. Теперъ вже не Захаровычъ, а кумъ.

М. І. Бронявничій.

Степаныда. Ну, куманёкъ любезной!

Василь. Пожалуйте, кумушка!

Степаныда. Съ особеннымъ вдовольствіемъ, куманёкъ дорогой! (*Васыль, Степаныда и Мытрохванъ пишы въ хату*).

Гапка (*сама*). Яка жъ прыятна Степаныда, така вже прыятна!.. Одипхнувъ видъ себе Василь таланъ, власнымы рукамы одипхнувъ!.. Охъ, не судылося, мабуть, мени запобигты ёму щастя та роскошывъ! А якъ я бажала, якъ бажала!..

Я В А Х V.

Захарко и Гапка.

Захарко (*выходе зъ хаты*). Казавъ же, шо не слидъ було клыкаты Степаныды. А-а, оце вже не гараздъ! Якъ тилько увійшла Степаныда у хату, Домаха такъ збентежылася, не мовъ онижила!.. Якъ то можна хвору людну бентежыты, та ще й яку хвору!..

Гапка. Потураты йй!

Захарко. А звисно, шо докы хвора, то треба потураты! Чы не ты це все пидстроила?

Гапка. Чого ты до мене шо-разу прысикуеся?

Захарко. Та цуръ тоби! Я тилько кажу, шо не такъ воно повинно було вынытыся, не такъ!.. На вищо намъ звязуватыся?..

Гапка. Панькайся зъ любою новистокою, дастця вона намъ у знакы!

Захарко. А, хочъ не плеты не путящого, угамуйся хоть на цей часъ!

Я В А Х V I.

Ти жъ, Мытрохванъ, Степаныда и Василь.

Степаныда (*пидъ бурмусомъ несе дытну*). Какой красавчыкъ мій хре-

щеникъ, настоящей папаша! (*Мытрохванъ, Степаныда и Ганка тилы*).

Захарко. Дай же, Господи, вамъ благополучно повернутися!

Василь (*самъ зъ собою*). Отъ ше, стану я потураты прымси!

Захарко. Чого зъеретуався?!

Василь. Та... Домаха гниваетця, що Степаныду покликавъ за куму. Що я, справди, за такой дурноляпъ, щобъ усе пидъ жинчыну писню плыгаты? Котру зхотивъ за куму взяти, ту й взявъ!

Захарко. Та то Домаха може зъ болисты? Хвора людина—треба выбачаты!..

Василь. Дуже вже вона манижытця! У мене, слава Господеви, голова не по-

ловою набыта!.. Дайте, тату, грошей. збигаю за горилкою та за пивомъ.

Захарко (*дае гроши*). Забизышь на той биезь, у лавку до Дяхтіона, либонь у нѣго е выно? Визьмешъ тамъ пляшку, тилько не дорогого!

Василь. Ба, найдорожчого визьму! Хиба вже не можна за для новорожденнаго лышню колийку переплатыты (*пишовъ*).

Захарко. Та визьмы, визьмы й дорогого. Коли бъ зъ цѣго кумованья не вчынылося якого каламуту!

(Зависа).

ДІЯ ІV.

(Ти жъ обставины, що и въ третій дн.)

Я В А І.

Домаха *точе на рядни зъ пидсытка зерно.*

Домаха. Якый славный витрець. Зранку подыхавъ, а теперь зовсимъ затыхъ. Мабуть, сѣгодня й половины не переточу? (*Тыхенько спива*):

Ой зацвила червона калына
Надъ крыныцею,
Горе жъ мени, моя матусенько,
Жыть зъ пьяныцею.

Що пьяныця—не робитныця,

Якъ день, такъ ничъ—ще,

А якъ прыйде изъ корчмы до дому,
Мене молодую бѣ.

Ой видсуну я та кватыроньку,
Матусенька йде,

Пытаетця диточокъ маненькихъ,

Чы пьяныця дома е?

И що це соби Василь задумавъ: що-дня въ шынькъ та въ шынькъ, до кумы!.. Кажуть, що Степаныда дурить ёму голову,—чы правда жъ? невже жъ такы у неи стыда нема, жонатого чоловіка

та ще й кума принажуваты! Коли вже скортило морочыты наморокы, морочыла бѣ якому парубкови, мало хиба ихъ? И свекруха унадылася туды. Тилько зъ свекромъ и одведешъ душу. Ни, годи, сѣгодня Васылеви прямо скажу: або я, або инча! Нехай соби якъ знае, визьму дитыну та й пиду у наймы.

Я В А ІІ.

Вулицею проходятъ молодыци и дичата зъ полотнамы.

Молодыци (*до Домахи*). Боже поможи!

Домаха. Спасыби!

1-ва молодыця. Гайда зъ нами полотенъ бильты!

Домаха. Нема часу. Треба бѣ ось зерно переточыты.

1-ва молодыця. Яке тамъ точинна! Витерь вже, мабуть, сивъ обидаты, а пясля обидъ ляже спочыты! (*Смѣтця*).

2-га молодыця. Чому й не спочыты. якъ е пясля чого? Погудуваты бѣ ёго сыривцѣмъ зъ глевтякомъ, но до спочывку бѣ було.

1-ва молодыця. А може й тамъ сугуты на харчъ?

2-га молодыця. Де? За моремъ — Бяномъ, де витерь спочыва? Э, я чула, що тамъ всёго доволи!

1-ва молодыця. Та мало чого не кажуть! А ще кажуть и такъ: що тамъ серизь гарно, де насъ нема (*до Домаха*). А якъ твій Ивась?

Домаха. Хвалыты Бога, росте.

1-ва молодыця. Кажуть, якъ вылытнй Василь?

Домаха. Якъ зъ нёго змалёваннй!

2-га молодыця. А въ кого жъ ёму и вдатся?

1-ва молодыця. Прийдешъ на ричу?

Домаха. Ни, я вже завтра почну свои бильты.

1-ва молодыця. Багато наткала за зиму?

Домаха. Дё тамъ багато, тилько два сувби. Довго хворила!..

2-га молодыця. Прощай! (*Останни хытають головами*).

Домаха. Ходить здоровы!

(*Молодыци и дивчата, йдучы, спивають*):

Ой, на ставу, на ставочку
Плывуть качы въ тры рядочки.
Одна другу спережае,
Кожна соби пару мае!
А я жыву въ Божій кари,
Не давъ Господь мени пары.
Якъ давъ мени Господь долю,
Та й та пишла за водою...

Я В А III.

Захарко *вышовз зъ хаты*.

Захарко. Иды, Домахо, въ хату та погодуй дытну: тамъ такъ галаса, ажъ поспынило! Я самъ зберу зерно, а завтра, якъ дастъ Богъ витрець, можна буде до сниданку й переточыты.

Домаха (*доточыла зъ решета*). Чого воно тамъ репетуе, неначе давно годоване!

Захарко. А Васыля нема? Чы може зновъ де заховала пьяного?

Домаха. Не прыходывъ!

Захарко. Гляды, чы не заховала зновъ?

Домаха. Лыбонь вже други его выховують!

Захарко. Отъ супостать! и въ кого винъ такнй удався?

Домаха. Колы бъ други нымъ не орудувалы, може й скаменувся бъ.

Захарко. Та бачу, бачу! Та й ты, Домко, вынна. Хотивъ я ёго на тымъ тыжневи провчыты, вже й батога взявъ у руки, а ты выпрохала. Обстоюешъ за нёго, а винъ черезъ те ще бильшъ пантельчытця! Зъ инчымъ можна й мовою, а на такого не охайного треба пугу.

Домаха. Колысь и винъ дйде до розуму.

Захарко. Якъ ты мовчышъ ёму, то думаешъ тымъ ёго дйняты? Не такывськнй винъ, бажу тобі!

Домаха. А шо, чы вамъ хочъ трохи полехчало?

Захарко. Эге жъ, заговорой зубы... Та такъ нобы трохи зсунуло зъ грудей. Мабуть, кровь. Колы бъ швыдчъ май мисяць, треба буде кровь пустыты. Пиды жъ бо та погодуй дытну.

Домаха. И чого воно тамъ деретця? Нижне яке, нехай не звыка! (*Пишла*).

Захарко. И ума не прыберу, що це Василь забравъ соби въ голову! (*Згортае зерно зъ рядна и сыне в змишокъ*). Здаетця, що зъ такою жинкою, якъ Домаха, тилько бъ жыты та Бога хвалыты: роботяца, розсудлива, покирлива, и не геть-то балакуча... А якъ жинка не сварлива та ще й на языка скупна, то це кладъ у сямби! (*Помовчавъ*). И разъ-по-разъ воно такъ: колы жинка наважаецця, щобъ думками по-

трапляты за чоловикомъ, то чоловикъ дыбкы стае, колы жъ чоловикъ панькаецця била неи та догожае, тоди жинку неначе пидмывае на супереку. И видъ чого таке коитця? Певно, що безъ дявола це дило не обходьтця! *(Бере рядно зъ зерномъ на плечи и несе в з коморю).*

Я В А І V.

Гапка *(йдучы зъ видрамы до хаты).* Отъ такъ—якъ бачыте! Невистка гладчае та баглаи годуе, а свекруха працуюе, пухыривъ на рукахъ не выгоюе: и исты вона наваре, и воды нанбсе!..

Я В А V.

Захарко *(выходячы зъ комори, наслуха).* Втомылася, сердешна, знесмылася въ тяжкій праці: за цилу весну у перше пишла по воду та вже й веремію здіймаешъ!?

Гапка *(до Захарка).* Панькайся, панькайся зъ твоею любово невветкою: прыпала тоби до души?

Захарко. Прыпала. А тоби бъ хотилося, щобъ и я ии ивъ, якъ гыржа зализо? Буде же зъ неи и твоихъ зубивъ!

Гапка. Та ну тебе! *(Пишла оз хату, балакаючы щось соби пидъ нисъ).*

Захарко. Бубоны, бубоны! Хочъ ты прямо руки опусти! Увесь викъ сылкувавеса прыхылыты ии до згоды, та вже й надіи занышывъ! *(Помовчавъ).* Отъ же, такъ-такы й зрблю, якъ надумавъ, то хочъ моя кривавыця не пощезне мърно. Пиду до старшыны, нехай заразы такы бумагу пыше на хату и худобу: Домаси та дытныи. Якъ раптомъ помру, то Гапка зъ Васылемъ усе, въ одну мить, процвындрасть. Годи зволикатыся, пиду такы сѣгодня до старшыны, бо хылюся я вже, якъ та трюхлява верба, лыбонъ вже Богъ до себе клыче? *(Пишовъ у хату).*

Я В А VІ.

Палажка и Карпо.

Палажка *(иде вулицю зъ праннямъ на зустричъ ий Карпо).* Куды Богъ несе?

Карпо *(шапкуетця).* Та тутъ по двлови!

Палажка. Чы ты й справди хочешъ позычыты гроши Онопрѣви?

Карпо. А тоби жъ яке дило?

Палажка. Ой, не позычай, бо каяты-месся! Зроду-вику не виддасть! Мало твоихъ грошей попронадало на людяхъ?

Карпо. А хочъ бы й пропалы, тоби що до того? Ты бъ краще глядила за своимъ носомъ!

Палажка. Колы бъ позычывъ мени? Вынна я тоби й такъ багатенько... Ко-лы бъ позычывъ тры карбованьци до Пѣтра! Якъ покынувъ ты наше село та пишовъ на хutory у наймы, я заразы таби тельцю й продала. А теперъ отъ трапляетця куньты вивцю зъ ягнямъ...

Карпо. Ты бъ зъ цѣго краю й почала!

Палажка. Позычышь?

Карпо. Нехай, якъ зберу по людяхъ. то може... Свырыдъ повиненъ виддаты пятьдесятъ, Канупиръ трыдцять пѣять...

Палажка. Позычь, голубчыку, позычь, свесенькый!

Карпо. Та кажу жъ, якъ зберу по людяхъ, теперъ нема й карбованьця пры соби.

Палажка. Отъ спасыби тоби! Дай тоби, Господы, здоровья и вику!

Карпо. Не дякуй за здалегодь.

Палажка. Якъ не дякуваты! Ты жъ у насъ одна спасена душечка на все село!

Карпо. Не люблю я, якъ ты почнешъ...

Палажка. Чувъ про Васыля та Домаху? Сердешна Домаха! Ко-лы бъ ты знавъ. що тутъ про тебе та Домаху плешуть?!

Карпо. Що жъ тако?

Палажка. Таке, що й языкъ не повернетця вимовити! Яки тилько е катаржни люде!.. Ото жъ, якъ дійшла та чутка до Василя, то видтоди винъ зовсимъ закрутився. Степаныда зовсимъ прывадыла Василя до себе: у шыньку сидыть видъ зори до зори!.. Сегодня тамъ таке було у шыньку! Ціен нѣчи, лыбонь, Василь и дома не почувавъ! Та я, бувшы бѣ Домахою, та я й не знаю, щобъ я ему зробыла!

Карпо. Онъ яка новына! Та ты це на вспряжки кажешъ?

Палажка. Щобъ мене покаравъ сей та той, щобъ мени зацпыло, колы брешу!

Карпо. Я мушу все вывести на свижу воду, я—не я буду, колы не визнаюся, хто першый пустывъ на мене та Домаху лыху славу! Чы не ты це часомъ намолола?

Палажка. Та нехай мени языкъ скорчыть, колы я хочъ словечко колы про тебе!..

Карпо. Гляды, щобъ и справди тоби ёго не скорчыло! Ты такы любышь пидбрехнѣты!

Палажка. Може про кого инчого, а що про тебе!..

Карпо. Дидьво васъ, бабивъ, знае, якый у васъ языкъ: якъ засвербыть, то кого вы тилько не опаскудыте!

Палажка. Щобъ я, бувшы Домахою, та щобъ я не взяла подушокъ та не понесла Васылеви у шынькѣ!.. Принесла бѣ та й жбурнула бѣ у вичы! сказала бѣ: на та пидмости своій крали пидъ боки, щобъ ій мняхче було лежаты!.. Я осоромыла бѣ ёго нередъ усымъ мыромъ!

Карпо. Хйба ты скаженого зупынешъ?

Палажка. Та вже якъ тамъ не трапылося бѣ, а хочъ сердце вдовольныла бѣ! Степаныда та Вивдя и не видходють видъ Василя, навить не дають ёму и вытверезытыся. Агапонъ ще у понеделокъ поихавъ у городъ, по горилку бѣ

то, чы що? Такъ тамъ вже Вивди безъ Агапона роскишь-воля!

Карпо. Пиду у шынькѣ, загляну, що тамъ творытця. Це бѣ то Василь зовсимъ вже залышывъ соромъ? (*Пишовъ*).

Палажка. Зайды до мене, Карпе, по обидаты!

Карпо. Може й зайду, не знаю. Спасыби. (*Пишовъ*).

Палажка (*одна*). Отъ же, ей-Богу, я й не памъятаю, видъ кого я чула про Карпа та Домаху? А такы видъ когось чула. Видъ кого жъ бы то? Видъ когось почула, а потимъ розказала свасы Гапци! Ну вже й сваха Гапка! словечка ій николы не можна сказаты — заразы росплеще!.. Отъ хотила сказаты ій про те, що бачыла, якъ Степаныда сидала на колинкы Васылеви, прывселюдно сидала... А що про Карпа та Домаху, то певно такы тамъ не безъ гриха було, бо Карпо дуже впадавъ за Домахою. А зъ якон бѣ то хворобы! Карпо ажъ почервонивъ, якъ я ёму про це сказала. А вже жъ що не безъ гриха! Чого бѣ ёму червониты? Дурый кого другого, а мене не обдурышь!.. (*Пышла*). Побажу и я у шынькѣ!

Я В А VII.

Захарко (*выйшовъ зъ комори*). Чы дома жъ то старшына? Пиду та й скажу, нехай пыше духовну! (*Пишовъ*).

Я В А VIII.

Гапка (*выходе зъ хаты*). Де це Захарко? Куды винъ поплентався? Постерегла ёго у комори, лыбонь, личывъ гроши. Куды винъ ихъ тилько выховѣ? Вже не разъ вси закуточкы обнышпорыла, някъ не знайду! И заразы выйшовъ зъ комори, мабутъ, и гроши понисъ. Чы не закопуе винъ ихъ де на току, або въ левади? Колы бѣ мени пидстерегты, за-

брала бѣ уси и, хочѣ бы ризавѣ мене, або пикѣ, не призналася бѣ!..

Я В А ІХ.

Палажка (*хутко бижыть*). Кумо, кумо Гапка! Васыль вышѣ у шыньку бѣетця зѣ Карпомѣ!

Гапка. За вищо?

Палажка. Хто жѣ ихѣ розбере!

Гапка. Нехай Васыль наклепа пыку Карпови! Це Карпо за Домаху здійма колотнечу! Якѣ вы казалы мени, свахо, про Карпа та Домаху, то такѣ воно й е!

Палажка. Перехреститьця, свахо! Про Карпа я вамѣ а ни словечка не казала!

Гапка. Якѣ не казалы! Хибѣ жѣ не вы росказувалы, що бачылы не разѣ, якѣ вони женихалыся?

Палажка. Господѣ зѣ вами, це вамѣ, мабуть, прыснылося? Я, завжды, Карпа почитувала, и, Господы, якѣ почитувала!

Гапка. Та чы вы пры своимѣ уми?

Я В А Х.

Мыхайло и Пылыпъ идуть вулицею.

Мыхайло. Гайда худчищѣ, не выдавать Карпа!.. О! сверблять у мене руки!

Пылыпъ. Розчешемо кучерявого чуба!

Мыхайло. Розчешу я й Степаныди косу! (*Пройшлы*).

Гапка. Чуете, це вони на Васыля похваляютьця! Гвалть, гвалть! Убьють, убьють!

Палажка (*крычыть*). Гвалть! Мыхайло такый катюга, що налыхотворыть! Гвалть!..

Я В А ХІ.

Домаха (*выбига зѣ хаты зѣ дытныю на руци*).. Чого гвалтуєте?!

Я В А ХІІ.

Захарко (*хутко йде*). Що трапылося?

Гапка. Васыля бьють у шыньку! (*Побигла зѣ Палажкою*).

Домаха. Ой, Боже жѣ мій! Татку, визьмить дытну, я побижу!

Захарко (*хана їи за руку*). Стривай! куды побижышь? Щобѣ голову тоби провалылы? Сыды дома, я самѣ пиду!

Домаха. Пустить мене, пустить!.. Васылю, Васылю, серденько мое!

Захарко. П'янный, що скажений! Хочешь сама пидвесты ёго пидѣ ватаргу? Зостанься дома! (*Хутко пишовѣ*).

Домаха (*сама*). Ой, горенько жѣ мое!.. Васыльчку, дорогой крышталю! До чого жѣ ты себе допустывѣ? Бьють тебе, рвуть твои любы кучери, шмагують биле тило!.. Бодай же тому руки покорчыло, хто крапынку пролле твоєи кровы!.. (*До дытны*). Дытны моя, дытны любѣ, просы Бога, щобѣ не попустывѣ на поталу твого таточка! Господѣ учѣ твою дытячу, янгольску мольтовку!.. Охъ, якѣ жѣ мы зѣ тобою безталанни! За вищо. моя дытны, мы такѣ тяжко покарани? Боженку, зглянься надѣ малою дытныю! Васылю мій, Васыльчку, що жѣ то тамѣ зѣ тобою теперѣ сталосѣ? Побижу, побижу туды!. (*Зхотылася бигты*).

Я В А ХІІІ.

Захарко (*ледве промовля*). Батька, батька за груди вхопывь?

Домаха. Що таке, тату?

Захарко. Коли бѣ не Карпо, може и вбывѣ бы мене!

Домаха (*зѣ лякомѣ*). Васыль?! Охъ, що жѣ це коитця у свити Божому! Де жѣ Васыль?

Захарко. Нехай винѣ пропаде!.. Будѣ винѣ прокл..

Домаха (*пада передъ нимъ на колѣнѣхъ*). Тату, тату, не проклинайте ёго! Мене, мене треба проклинати!.. Я винна! Черезъ мене й винъ знелюдывся!.. На вищо я увійшла у вашу сямъю, принесла зъ собою тилько лихо!

Захарко (*пидійма Домаху, зъ слёзъ ледве промовля*). Тебе клясты? Ни, ты не выновата!

Я В А ХІV.

Гапка (*блжыть*). Якъ звірь! якъ звірь!.. Я жъ казала, що зъ цёго спарування усимъ намъ буде горе!..

Захарко. Ахъ, ты, сатано! Чы не ты и е, та дхѣ искра, зъ котрой зъявляся оця пожежа?..

Я В А ХV.

Люде ведуть звязаного Васыля.

Васыль (*пзяный*). Дайте мени сюды Карпа!.. Нехай винъ сюды йде!.. Мы тутъ зъ нимъ помиряемся на простори!

Захарко. Не ведить ёго въ мое подвиръя, я бачыть ёго не хочу!

Домаха. Таточку риднесеный!

Захарко (*заламавъ руки*). А!.. Укыньте того лущыпера куды-небудь у сажъ до свыней, нехай тамъ проспытця! (*Хутко тишовъ у хату*).

Домаха. Васылю, Васылю! До чого ты себе прививъ? На батька пиднявъ руку!

Васыль. Нехай не зачыпа!

Домаха. Що ты кажешъ, Васылю? опамъятайся!..

Васыль. Я—Васыль, а ты хто така? Ты Карпова полюбовниця!

Домаха (*зъ жахомъ*). Полюбовниця?

Гапка. Годи тобі, сыну! Иды, проспыся краце!

Васыль. Не ваше дило!.. (*До Домахы*). А вже жъ, що полюбовниця; мени все, якъ на долони, выявлено!

Домаха (*пидносе дытynu*). А оцей свидокъ що тобі выявляє?

Васыль. Га? (*Довго дывытця на дытynu*). Ивась?.. Розвяжить мене!.. Вже нема серця, прохолонувъ!.. Ей-Богу, пальцемъ никого не зачеплю!.. У, якъ голова морочытця!.. У середины ажъ пашыть, мовъ вогнемъ пече!.. (*его розвязали*).

Я В А ХVІ.

Ти жъ, Карпо и ще де-хто.

Карпо. Не зупыняйте мене, я ёго не боюсь!.. (*Пидходе до Васыля*). Ну, ось дечкы я! Ударь мене, колы вырышь брехнямъ, ударь!..

Васыль. Га?.. Отъ, братъ, голова якъ морочытця!.. (*До Домахы*). Дай мени дытynu!

Палажка (*зъ крыкомъ*). Не давай, не давай, Дожко!

Васыль. Що? Моеи дытны мени не давати?!

Палажка. Не давай, убъе!..

Васыль. А щобъ ты свита—сонця не вздрила!.. Щобъ ты...

Домаха (*дае ёму дытynu*). На, визьмы!

Васыль (*бере дытynu на руки*). Щобъ я ридну свою дытynu!.. Бороны мене Воже! (*До дытны*). Чуешъ, що та дурна тетя белькоче? А-гуси! Визьмы татка за чуба! Гарнонько ёго визьмы! Карпе, дывысь, якъ зъ мене зпысаний!

Гапка. Дурню ты, дурню!..

Васыль. А звичайно!.. А вы все личыте мене за розумного? Вы розумни, а я дурень!.. Вы мене якъ дурного й заморочылы!.. Домахо, серденько! визьмы мене за чуба! (*Чукае дытynu*). Гопъ-чукъ-чукъ!..

Я В А XVII.

Захарко (*появився на пороги*). Ачъ, якый прымирный батько! Веды ёго, Домко, у хливъ, нехай выпытця, а завтра промежь насъ буде инча розмова. У кого нема свого розуму, то треба вчыть! Дур-

ня и въ церкви б'ють! За дурною головою и ногамъ лыхо!

Василь (*плаче*). Тату, визьмить мене за чуба! (*Пада на вколишкы*).

З а в и с а.

Д І Я V.

(Середына Захарковой хаты).

Я В А I.

Карпо и Домаха.

Карпо. Отъ же на мою думку ты, Домахо, зовсимъ зпантелычылася.

Домаха. Карпе! У кожного свій розумъ и сердце. Ты радышь терпнты, а я на те не зг'ожуюся, то й годи про це!.. (*Гапка видчиня синешни двери и слуха*).

Карпо. Пидешъ ты зъ села, почнуть плесты, лыхословыты.. Скажутъ: певно тому правда, що натякають про неи та Карпа, черезъ те вона и зъ села змандрувала.

Домаха. Нехай кажутъ, нехай пашекують: не ила душа часныку, то й не смердитыме. Тоби може буде нияково видъ того, то ты за себе й клопочься, а за мене не турбуйся.

Карпо (*помовчавъ*). Такъ такы йдешъ?

Домаха. Що я, мала дытына, чы така вередльва, що десять разивъ буду перебаблювати: то йду, то не йду! Иду! Карпе, не вговорюй! Ты не можешъ терпнты, а я!.. Та ще хто ёго зна, де бильшь прыйдетця терпнты: тутъ чы тамъ? Але жъ вовка боятыся, въ лисъ не ходыты.

Карпо. Якъ такъ, то прощай! (*Выйма зъ кешени карбованця*). На, купышь дытыни медянычка, або що.

Домаха. Не треба мени.

Карпо. Я жъ не тоби даю, а дытыни.

Домаха. Терпнтыму я, и воно мусыть терпнты.

Карпо. Отъ за це вже зовсимъ дурна. Чымъ дытя вынне, що вы не порозумилыся? Що воно: розбере, якъ ты ёму скажешъ: нема?

Домаха. Ну, давай!

Карпо (*дае гроши*). Може й тоби позычыты карбованцивъ зо-тры?

Домаха. Не хочу!

Карпо. Якъ соби знаешъ. Ну, щаслыво тоби! (*Пишовъ*).

Домаха (*помовчала, пидходе до колыскы*). Ходимъ, дытыно моя, зъ татковои хаты; не нагрлы мы тутъ мисця, пошукано де-инче. (*Взяла дытыну на руки и спива*):

Ой, не пугай, пугаченьку,

Въ зеленому байраченъку.

Ой, якъ мени не пугаты,
Що все лисы та байракы?

Та йшла вдова дольною,

Зъ малою дытыною;

Сила вдова видпочыты,

Мале дытя покормыты!

Ой, сыну жъ мій ты едывный,

Якый же ты не щаслывый!

Я В А II.

Входыть Гапка.

Гапка. Чы тоби жъ ото не грихъ, що ты загадала соби? Куды ты послала св'єкра, думаешъ, що я ничего не знаю?

Домаха. И гараздъ, що знаете. Хиба я выховуюся зъ своимъ замиромъ?

Гапка. Та й не злюка жъ ты? Коли бъ була доброю, порадылася бъ зо мною, уклонилася бъ вызенько та звычайно попрохала, то може бъ я дала тобі онъ яку пораду. И що це ты соби забрала въ голову?

Домаха. Видкиля у васъ зъявйтця жалъ до мене, чы витромъ ёго навѣ, чы водою пидмые?

Гапка. Хиба у мене нема жалю у серцеви? Може й до тебе винъ обернетця? Чый ото вылупокъ у тебе на рукахъ, чы воно-не мого сына дытя, чы сынъ мій не моя кровь?

Домаха. Тымъ то й горе, що ваша кровь!

Гапка. Тобъ то ягъ?

Домаха. Та такъ! Ягъ зъ початку все пишло у пбперекъ, то такъ вже воно й загальмувалося, докы не догальмувалося до краю... За того годá, що жыву у васъ, ласкавого погляду видъ васъ не бачыла, а не то, щобъ слово людське почула. Дбкы важкюю ходыла оцымъ вылупкомъ, що вы тилько не казали на мене, чымъ тилько не попрекали мене?... Терпила я!.. Чула я, якъ вы й людямъ казали, що я й сяка, й така, що я чымсь опонила Васыля, що цей вылупокъ не Васыливъ... Що я й линыва, и вередыва, и не чупайда, и гадючого кодла... Мовчала я! Отъ же вамъ и цёго мало було! Намовыли Васыля, щобъ взявъ Степаныду у кумы...

Гапка. Не правда!

Домаха. Нацькувалы ёго на мене, звелы ёго зъ Степаныдою!..

Гапка. Не правда!

Домаха. А гляньте на Бога!

Гапка. И гляну!

Домаха. Не глянете!

Гапка. Ты зъ мене хочешъ прысягу здійматы, чы ягъ?

Домаха. Вы не хочете прысягты, такъ здіймать зъ мене прысягу! Я, дывлячысь прямо на Бога, заприсягну, що супроты васъ николи й думкы лыхой не мала, а вы мене пеклы. А за вищо? И теперь, выхóдячы видъ васъ, не маю ничего проты васъ лыхого. Нехай Богъ васъ розсудыть за мене. Що вы маты своему сынови, що вы бажалы, щобъ ёму якъ найкраще догодыты... Черезъ те й не выную васъ!

Гапка. Куды жъ ты пидешъ?

Домаха. Коли бъ одна була, може бъ у ричку кынулася, або повысла на гилици, а теперь мушу жыты, хочъ важко, а мушу!.. Пытаете: куды пиду? Що я: калика, чы робыты не вмюю? Знайду шматокъ хлиба—чы гиркый винъ буде, чы солодкый, тó вже моя печаль!

Гапка. Це жъ ты осоромышь насъ на все село!

Домаха. Свій соромъ захыщаєте, а до мого сорому вамъ було байдуже! Бачте, своя сорочка бльжче до тила.

Гапка. Та це сусиды мени очи видяты!

Домаха. А мени вже давно вылы! (*Помовчала*). Передывитця отамъ у вузлыку мое зблжжя, щобъ часомъ чого вашого не захопыла.

Гапка. Що це ты? Те, що тобі зроблено, то воно все твое.

Домаха. Ни, не мое. Мое тилько те, що зъ собою прынесла, батькивынна. Ондечкы чоботы ти, що Васыль справывъ, не визьму ихъ; ондечкы, на жёрдци спидныци, два хвартухы и хустка...

Гапка. Одумайся, Домко! Може я що й не такъ казала супроты тебе, може зъ жалю, або зъ пересердя...

Домаха. Що вже, мамо, перевюваты полову, зерна тамъ нема!

Гапка. То бъ то я супроты тебе кругомъ вынувата?

Домаха. Про те вже вы знаете. Що це такъ довго батько не несуть бумаги зъ волосты?

Гапка. Опам'ятайся, кажу тобі, Домко! Може воно все зминьця та й на добре выйде.

Домаха. На вищо вы оце все важе-те? Сами жъ учора ажъ зрадили, якъ Васыль сказавъ, що й билета мени дасть, щобъ я йшла соби, куды захочу!..

Гапка. Васыль сказавъ зъ пьяныхъ очей; а я щось тамъ бовкнула,—кажу жъ, що може зъ пересердя... Не ославилю насъ, Домко, грихъ тобі буде! Куды ты прихилився зъ малымъ дятямъ, борони Боже, занедужаешь, або дятя заслабне!.. И на насъ гриха наклечешъ.

Домаха. Мое дятя, мій и грихъ буде, якъ що не доведу ёго до пуття!

Гапка. Ей-Богу, вже мени й жаль тебе!

Домаха. Пизно пожалили. То такъ тилько, на хвыльну. Ще й за гору не зайду, якъ заспокоитесь... А Васылеви розвяжу руки!

Гапка. И винъ пошкодуе, ще й якъ пошкодуе!.. Серце у нёго, Господы, яке мянке!

Домаха. Та мянке жъ... И вы це знали та й орудували тимъ серцемъ по своїй волі.

Гапка. Може... Добра ёму бажала! Охъ, Домко, Домко! Коли бъ ты ранищъ, отакечкы, по серцю побалакала зо мною, зовсимъ не те бъ було.

Домаха. Хиба жъ я мусыла початы таку розмову?

Гапка. И це правда, ей-Богу, правда! Мени треба бъ було... Що жъ, якъ ухапывъ мене жаль за серце, якъ ухапывъ, що Васыль тебе взявъ, а не Степаныду,—ну не мовъ зтерлася!.. И зненавидыла тебе, такъ же зненавидыла, що ажъ душу мени вывертало!

Домаха. Коли бъ знала, що отаке мене не спобижить, перемогла бъ себе абы гинула, а не йшла бъ за Васыля!.. Ты мене що пидвіяло, чы мене пидмыло, мовъ несамовыта буда. Якъ я опынылася бреша вашого подвирья—не пам'ятаю; якъ зорпыла зъ себе пояса и хотила повисытця—не тямлю...

Гапка. Не выдай насъ, Домко, не выдай! Все переминытця... Не я винна супроти тебе, винни сусиды. Якъ пишовъ глумъ по хатахъ, якъ пишло пащекування!.. Дали почалы намовляты мене, нацьковуваты... Побажы, кажуть, нежданній невестци, що ты господына у своїй хати, що ты свекруха! Ажъ теперычкы зашморгнулося воно. Такъ робышь—не гарно,—инакъ робытемешъ—не гараздъ! Була бъ я доброю для тебе—засміялы бъ на увесь виекъ, засміялы бъ; почалы золыты тебе, ще бильше лыхо зкоилося!..

Я В А ІІІ.

Ти жъ и Захарко.

Захарко. Ось тобі, Домко, билетъ. А оце тобі друга бумага, заховай ии. Якъ прийде тобі до скруту, тоди покажешъ кому, щобъ прочытали, то й знатымешъ, що діяты.

Домаха. Яка жъ це друга бумага?

Захарко. Тамъ побачышь.

Домаха. Не визьму! Я не знаю, що тамъ напысано, не треба мени ии.

Захарко. Тобі не треба, такъ Ивасеви знадобытця.

Домаха. Ни, не визьму!

Захарко. Якъ не визьмешъ, то й не треба, виддамъ ии попови. Нехай у попа лежыть до моеи смерти.

Домаха (*заховала билетъ*). Прощайте, тату!

Захарко. Якъ, заразъ хочешъ и въ дорогу?

Галка. Пообидала бѣ.

Домаха. Не пиде шматокъ у горло. Спасыби!

Захарко. Не думавъ я, Домко, щобъ ты такъ швидко покынула нашу хату... Але не зупняю тебе, знаю, якъ важко тобі.

Домаха. Благословить, тату, вашого онука. *(Кланяється)*.

Захарко. И онука благословляю и тебе, моя безщасна донечко! *(Обіймає)*.

Домаха. Тату, не завдавайте жалю чулымы речамы, не выцижуйте слизъ зъ очей моихъ, бо ще вони мени знадоблятьця... Прощайте, мамо!

Галка *(почына голосыты)*. На кого жъ ты мене покыдаешъ, моя люба невисточка?!

Захарко. Галко! Хочъ на розлучѣнни не кривы душею!

Галка. Думаешъ, не шведа мени ии?

Домаха *(уклоняється до образивъ)*. Поможы мени, Боженьку, перебуты мою бидоньку не всыпучу, мою скруху тяжку!.. Зглянься, Мылосердныи, надъ дятямы малымъ, не розумнымъ! *(Хутко пишла, Захарко вышовъ за нею)*.

Галка *(сама)*. Та невже жъ Домаха и справди насъ покынула? Якъ же чудно стало въ хати, неначе у пустци! Може и я вынна супроты неи?.. Якъ це раницъ я не довидалася, що у неи таке гарне серце? Думала все, що вона мени лыха мыслыть, ажъ бачу... Та невже жъ я тымъ гришыла, що мыслыла свой дятыни добра?

Я В А ІV.

Захарко *(входить засмученный)*. Нехай иде зъ Богомъ! *(Сивъ край столу и схылывъ голову на руки)*. Отъ и оженила мезынчыка на радистъ та на втиху. Пропаде, пропаде въ шыньку за поставцемъ! Хылысь, моя сыва головонька,

до сырой землицы, швыдчъ хылысь, бо ни до кого вже буде тобі прыхылытыся!.. Увесъ видъ дбавъ, щобъ звыты тыхе та любе кубелечко.. Галко, Галко! Запалыла ты мій рай...

Галка. Ты думаешъ, що й мени не тяжко?

Захарко. Тоби тяжко? Чы не прыйшло каяття, тилько чы не пизно?

Я В А V.

Ти жъ и Васыль.

Васыль *(идъ чаркою)*. Де Домаха? Нехай заразы готуе закуску, кума до насъ иде и други гости!

Захарко. Погукай на жинку, може вернетця.

Васыль. Що таке? Куды жъ вона пишла?

Захарко. Туды, куды самъ спровадывъ.

Васыль. Що—о!

Захарко. Пишла въ городъ, у наймы.

Васыль. Та що це вы!

Захарко. Самъ же вчора сказавъ старшыни, що даешъ ий билета на годъ!

Васыль. Ну?

Захарко. Взяла билета и пишла.

Васыль. Та що це вы мене морочыте? А дятына де?

Захарко. И дятыну взяла.

Васыль. Ни, це но може буты! *(Бижыть зъ хаты)*. Мабуть, вона въ комори? Домахо!.. *(Пишовъ)*.

Галка. Гукай! Знайдешъ витра въ поли!

Васыль *(вернувся)*. Це вы мене драгуете! Та що жъ це таке?

Захарко. Розмиркуй самъ, болы не слухавъ батька, самъ соби давай пораду!

Васыль. Та якъ же це?

Захарко. Що, сыну? Чы смачно частвовала тебе кума, чы мицно тулыла до

серця? Безпутный ты, выродку! Не мій ты сынь, а діяволивъ! Геть зъ моеи хаты! Иды до своєї кумы! Иды до Агапона, нехай тоби Агапонъ стане за батька!

Гапка. А Вивдя за матирь!

Василь. Якъ! И вы, мамо, супроти мене?

Гапка. Покўтуйся, сыну! нехай мене Богъ скарае за те, що, бажаючи тоби добра, накоила лыха!

Василь. Що жъ оце таке вчынылося?

Я В А VI.

Ти жъ, Степаныда и гости.

Степаныда. Куманекъ, ваши гости!

Василь. Бачу!

Степаныда. А де жъ кумушка?

Василь. Геть, хвойдо, зъ моеи хаты!

Степаныда. Куманекъ, опамъятайтесь!

Василь. Насылу опамъятався! Геть, гадно, сатано люта!..

Степаныда. Такъ ты такъ, падлецъ, зо мною? Я жъ тебе ославию, я жъ тебе опаскужу на всю округу!..

Василь. Ще слово промовъ, задавлю тебе!.. *(Кыдаецця на неи, Степаныда и гости зныкають)*. Домко, Домко! Де ты, моя мученице безщасна? *(Плачучы падае на лаву, Захарко и Гапка кыдаютьца до нёго)*.

Я В А VII.

Ти жъ и Мытрохванъ.

Мытрохванъ. Що тутъ у васъ подялося? Кума Степаныда гвалтуе на всю вулицю, що когось ославить!.. Хотивъ поздоровкатысь зъ нею, такъ вона мене пидъ три чорты послала.

Василь *(кыдаецця до Мытрохвана)*. Братикъ риднесенькый! Домаха мене покынула и сына взяла, сына!

Мытрохванъ. И добре зробила! А що жъ зъ такимъ закрутыголовою бильше робыты, якъ не плюнуты на нёго?

Василь. Дожены ии, ублагай!.. Скажы ий, що страчу себе, якъ не вернетця!

Мытрохванъ. Тоби, Василью, давно слидъ выситы на гиллиця!

Захарко. Мытрохване, що ты кажешъ?

Мытрохванъ. Правду кажу! Що ёго шкодуваты, скаженого? За вищо винъ насъ усихъ осоромывъ?

Василь. Верны ии, братикъ! Покаюся, передъ усымъ мыромъ покаюся!..

Мытрохванъ. Ачъ роспустывъ слыны! Домаха наврядъ чы здастця на мое благання? Хиба маты пойдуть зо мною? Мамо, на мою думку, вамъ слидъ Домаху перепрохаты, бо що не кажитъ, а вы, ей-Богу, ще бильшъ Васыля проты неи вынны!

Гапка. Бачу, сыночку! Поидемо мерщи! Буду благаты, у ноги ий упаду.

Захарко. Гапко! Та невже жъ це я чую твою мову?

Гапка. Покўтуюся, вынна я, гришныця!

Захарко. Насылу!

Мытрохванъ. Идемo жъ, мамо, скорышъ! *(Мытрохванъ и Гапка пидылы)*.

Василь *(плачучы)*. Домахо, моя вирная дружыновько! Сыну мій, сыночку мій коханий!..

Захарко. Плачь, плачь! Сплачъ зъ сердца гыдоту, котра прыгнитыла ёго! Може, хочъ зо дня зрынуть чысти слёзы.

Василь. Тату!.. Визьмить батoга, сполосуйте мене, щобъ по виць сынякы не сгоювались, лехче мени буде!..

Захарко. Зновъ ты, Василью, согришывъ передъ Богомъ, а Богъ все те бачыть! Согришывъ за жинку, согришывъ и за сына!

Василь. Оплелы мене, мовъ муху павутиною! Колы я теперь видвернуся видъ Домахи, колы я видречуся видъ мого единого сына, то нехай мене Господъ поквара, якъ найтяжче, якъ найболячищъ!

Захарко. Коли видь сердца кажешъ, то може Господь ще й змылуеця надъ тобою. Слухай же, що я тобі радитиму, у останне радитиму.

Василь. Приказуйте, тату! Теперь ваше слово для мене, якъ Боже!

Захарко. Коли Домаха повернетця и згодитця зъ тобою жыты, то якъ найхутчищъ обминяемо, або продамо свою хату и надилъ та перейдемо у друге село, куды-небудь, дали видциля. Тутъ намъ не рука зоставатся.

Василь. Оце правда!

Захарко. Всю мою худобу и достаткы я списавъ вже на Домаху та на онука!

Василь. А вже жъ! Мени ничего не треба, нехай воно буде Домашине та дитямъ.

Захарко. Намъ старимъ ничего вже того не треба. Дожывемо до старосты, якъ що Господь потерпять грихамъ, помремо, поховаете насъ...

Василь. Памъятатиму до вику вашу порадую. Може Мытрохванъ не тымъ пляхомъ поихавъ, щось довго нема? Може не вернетця Домаха? Вы не гниваеця на мене, тату? А такы чудесно бъ вы зробылы, коли бъ выхворостылы мене на вси боку!..

Захарко (*усмихаеця*). Добре вже ты й самъ себе выхворостывъ.

Василь. Правда ваша! Неначе зовсимъ переродывся! Здаеця все те, що за пивъ годины коилося, далеко, далеко видсунулося, и на сердцеви такъ тепло стало, нибы воно слизьмы умылося и все въ мени ажъ тремтыть.

Захарко. Дай Господы, щобъ таке чудо съ тобою вчынылося.

Василь. Коли бъ Домаха вернулася. Стривайте! А що жъ буде зъ гришмы?

Захарко. Зъ якымы гришмы?

Василь. Та що ота скажена кума подарувала. Каже: „зробы соби сердука и усяку городьску одежу: чоботы на вы-

сокихъ закаблукахъ“... Ажъ сто карбованцивъ подарувала.

Захарко. Нехай заразы Мытрохванъ виднесе ихъ отій хлѣрци!

Василь. А вже жъ... (*Шука въ кешеняхъ*). Де жъ це вони? Невже загубывъ? Дала цилу Катеринку. Де жъ це вона? Поклавъ у кешеню... Ей-Богу, нема!

Я В А V I I I .

Ти жъ, Домаха, Гапка и Мытрохванъ.

Василь. Домахо! Сыну мій! Домко! Я... Я выненъ!..

Домаха. Васылю, вирою тобі! Видь сердца ты кажешъ, я це бачу! Любий, любий! (*Кыдаеця ему на шыю*).

Василь. Тату, мамо, братику! Дывитця, дывитця, якый я щасливый!..

Гапка (*взяла у Домахи дытиму*). Ну, крычы жъ, крычы! Теперь ты найстаршый у господи! Охъ, ты мое янголятко! (*Туле его до грудей и общиловуе*).

Захарко. Отъ и щастя, отъ и таланъ! Дывитця, диткы, прыглядаетеся: де той таланъ, та щастя, якъ не въ своей семьи?

Я В А I X .

Ти жъ, Агапонъ, соцьный, Паламна, Карпо и ще де-яни люде.

Агапонъ. Обиськайте ёго заразы! У нѣго, въ кешеняхъ повинно буты сто карбованцивъ, цила сотенна бумажка. Обиськайте Васыля, тоди й побачыте, що я правду кажу.

Василь. На що жъ трусоты? Степаныда подарувала мени сто карбованцивъ, и я хотивъ оце заразы Мытрохвана видослати ий. (*Шука по кешеняхъ*). Де жъ це вони подилыся? Чы не въ комори я ихъ загубывъ? (*Бижыть у комору*).

Агапонъ. А що, чуєте, винъ самъ признаецця? Тилько вона ему не подарувала, а винъ укравъ! Господинъ соцькый, звелить ёго звязати!

Палажка. Брешешъ! Я своими очыма бачыла, якъ твоя дочка дарувала ёму Катерынку!

Агапонъ. Кто—кто, а ты краще й рота не роззявляла бь!

Василь (*вертаецця*). Нема! Може въ синяхъ? (*Бижыть въ сини*).

Карпо (*выйма гроши*). На, Агапоне, пивтораста, тилько не зводь на Васыля провинны! Василь не злодй, брешешъ ты, хрестопродавче!

Агапонъ. Мени твоихъ грошей не треба: я самъ тоби жбурну въ вичи п'ятьсотъ. Я хочу злодйство покараты! Василь злодй!

Василь (*попьяетця*). Кто? я злодй? (*Схопывъ зв полици ножа*).

Вси, окримъ {
Агапона. {
Що ты робышь? Одй-
мить у него ножа! (*Схо-
плюють его за руки*).

Василь. Пустить! Я распутный! Я п'яныця!.. А злодйемъ я николи не бувъ!.. Я загубывъ гроши!.. Перетнить мени горлянку! Мене злодйемъ взычають!.. Не могу я такои паругы стерпити!..

Соцькый. Вгамуйся, Васылю! Е свидокъ, що ты не вкравъ тихъ грошей, тилько заразъ виддай ихъ!

Палажка. Не вкравъ, сама бачыла, якъ дарувала тоби Степаныда. Заприсягну!

Захарко. Де жь мы заразъ таку суму визьмемо?

Карпо (*до Агапона*). На, та й меты швыдчъ зв хаты! (*Дае сто рубливъ*).

Агапонъ (*взявъ гроши*). Хороши порядкы, ничого сказаты! (*Пишовъ*).

Василь (*пада на вколишкы*). Боже, просты мене гришного! Люде добри, простить мене! Покутуюся въ свой тяжкй провинни: передъ отцемъ—невькою, передъ жинкою и сыномъ и передъ усымъ хрещенымъ миромъ!

(З а в и с а).

ДВИ СЕМЬИ.

Драматични малюнки, зъ закутного жытця, у 4-хъ дїяхъ.

ЛЫЦЕДИИ:

Сафронъ **Жлудь**, богатый мищаньнъ.
Настя, его жинка.
Самрось, ихъ старшый сынъ.
Зиньна, его жинка.
Романъ, меньшый ихъ сынъ, парубокъ.
Степанъ Рева, крепакъ.
Хотына, его жинка.
Хведосна, ихъ дочка, дивчына
Ганна, молодыця.
Мотря. } Дивчата.
Любка. }
Нырыло, старый дидъ.

Харытонъ.
Денокъ. } Чоловики.
Пылыпъ. }
Свырыдъ. }
Юхымъ, Харытонынъ сынъ, парубокъ.
Чыномка, шынкаръ и крамаръ.
Юхымъ Ненапоровычъ, старшына.
Мануйло Андреевичъ Балалайна, волост-
ный писаръ.
Дружкы, свитилка, буяре, старосты, му-
зыка и весильни гости.
Дїетця на сели.

ДІЯ І.

На прыгори село. Въ глыбни кону штукованый церковный барканъ (палісадъ) и ворота; за барканомъ садовъ; дерева ледве роспускаютця; бльже, по ливоручъ—„волостное правленіе“, у праворучъ—„постоялый дворъ“ и „бокoлѣная лафка“. Ранокъ.

Дїетця у першый день Великодня.

Л В А І.

Мотря, **Хведосна** и **Любка** *выходятъ изъ за баркана.*

Хведоска. Та и тиснота жъ у церк-
ви: мыру-мыру, якъ бджилъ у вулыку,
такъ и кышать, такъ и гудуть.

Любка. Гляньте, сестрычкы, вже и со-
нечко зійшло, та яке червоне та свитле!

Хведоска. На Великденъ, мабуть, и
сонечко радїе празныкови?

Любка. Ще бъ не радило! Увесь Божый
миръ радїе.

Хведоска. Не знаю якъ вамъ, сест-
рычкы, а що мени то такъ тмяно стало

на серцеви, якъ ото скоро дочыталыся
до Хреста, и пипъ промовывъ: „Хрыстосъ
Воскресъ!“ Такъ все у мене въ грудяхъ
и стрепенулося; а потимъ нибы похоло-
нуло: и радистно и боляче—сама себе не
зрозумію! И въ ту хвилью, здалося мени,
що не тилько уси люде, а и образы, и
корогвы, и стины, и царьски врата,—
нибы усе заразомъ отповило: „воистыну!
воистыну! воистыну!..“ Яка то, сест-
рычкы, велична, яка незабутня хвилья!

Любка. У той ментъ, якъ дочытаютъ
ця до Хреста, ни одна видьма не зможе
устояты въ церкви, заразы втече у ба-
бынецъ!

Мотря. Мусыть втокты, бо заразы такъ нею и гримне обь доливку!.. Моя маты колысь сами бачылы, якъ одну видьму жбурнуло, та якъ почало нею качаты, ажъ пина зъ рота покотылася!..

Хведоска. Що жъ люде?

Мотря. Повтыкалы зъ церкви! Тилько одинъ знахарь догадався и покрывъ ии чорною хусткою, заразы и перестало быты... Чуешъ, Любка, а я, Господы, якъ дывувалася, якъ це Хведоска у церкви не зомлила?

Хведоска. Тю на тебе! Хиба и я видьма? *(Регоче)*.

Мотря *(до Любки)*. Чы ты помитыла, скилько вона сегодня свичокъ постановыла? За кого ты ихъ ставляла?

Хведоска. Отъ тоби и знаешъ: „за кого?“ За батька, за магирь, за ридь и мырь хрощеный.

Мотря. И за того мырянина?

Хведоска. За котрого?

Любка. А за того, що цилого семыгрывенного укынувъ тытареву у карнавку.

Мотря. Розщедрывся!

Хведоска. Пхи!.. Ажъ ничогисенько не розберу!

Любка. Такому не дыво и карбованьяця выкынуты, —сказано: багачъ.

Хведоска. Зъ якои речи що разу прытуляете? Ей-Богу, вже ажъ обрыдло!.. Я и въ головахъ ничого такого не покладаю... Байдужисенько!

Я В А ПІ.

Самрось и Романъ.

Самрось. Якъ це я не похрыстосувався зъ кумомъ лавошныкомъ? Прогавывъ его у церкви, теперь винъ пишовъ до дому, та якось уже й не ловко!..

Романъ. Чы не нарочыто ты его прогавывъ?

Самрось. Покры люде запырчастытця. збигаю та похрыстосуюся зъ Онопріемъ Мытрохвановычемъ. *(Иде до постоялого двору)*.

Романъ. Це вже тамъ наклюкаеся?

Самрось. Хиба я не знаю, що сегодня таке свято, що слидъ у свойй семьи розговитыся? Лыбонь, я ще не самошедчый!

Романъ. Це вже мы не разъ чулы.

Самрось. Не думай, що ты вже такий вченый! Що ты вчывся у городьскый школы, то це ще не вельке щастя.

Романъ. Батько запырчастытця, заразы бы й до дому йхаты.

Самрось. Заразы же и до дому. Слухай, Романе, будь ты розумнымъ, тилько за для себе. Я старшый, а ты меншый. то тоби зась мене повчаты! *(Пишовъ у лавку)*.

Романъ. Це вже напыетця тамъ!.. *(Оглядаетця)*. Лыбонь, Хведоска заразомъ зъ якимысь двома дывчатамы выйшла зъ церкви, куды жъ вона подилася? Тилько що протыся до неи, а вона, якъ той вьюнъ, такъ и пошылася по межъ людмы. И завжды такъ! Та невже жъ и сегодня не доведетця зустритыся, щобъ хочъ словцемъ перемовитыся?.. Досадно! Скилько разивъ бачу ии, а ни разу ще не трапылося такъ, щобъ побалакаты, або хочъ поздоровкатыся. Колы сама иде до церкви, то неначе наумысене обстофонь обходыть; а якъ зъ подругамы, то нобы й не бачыть мене. Чы вона глузуе, чы драчуе?.. Дывлюся на неи и очей не могу видорваты и всима думкы до неи лыну, а йй може и байдужисенько! Ну, вже сегодня, або завтра конче спизнаюся! Колы сердце радие и трипоче, бачучы ии, то кого жъ и слухатыся окрымъ сердца? Такъ, чы не такъ, а мушу сегодня зъ нею побалакаты. Чы не пышла вона въ ограду? *(Пишовъ за барканъ)*.

Я В А III.

Харытонъ, Кырыло, Пылыпъ и Денысь.

Харытонъ. Гарно сёгодня выводывъ Романъ Жлуденко: „Святися, святися!“ Такъ голосно, та тонко!

Кырыло. Га? Не даромъ у городи вчывся.

Денысь (*кашля*). Та й довго жъ прычащаютъ!

Харытонъ. Спасёлныкывъ сыла.

Денысь. Тутъ йсты ажъ душа болыть!

Кырыло. Га? Може шельбухи болять? инчому шельбухи на думци, а инчому душа!

Денысь. Вы стари, то вамъ про душу и душаты.

Харытонъ. Дидь Кырыло, такъ вони якъ пообидали у чыстый четвергъ, та й доси постылы, — правда?

Кырыло. А тоби яке дило?

Харытонъ. Та я, бачте... Що инчий може, а инчий не зможе!

Кырыло. Га? Хто зхоче, той и зможе.

Харытонъ. Ни, не кожый. Отъ я, бувшы бъ вами, сидывъ бы теперь дома; а то щобъ часомъ черезъ васъ хто гриха не нажывъ.

Кырыло. Батькови своему лысому рскажи! Ты якъ напьявъ отого балахона, то, лыбонь, зовсимъ ставъ крученимъ?

Харытонъ. Де жъ, людей у церкви якъ комашни, мало васъ не задавылы!

Кырыло. Га? Богъ смерти не дасть, то й вовкъ не проковтне.

Пылыпъ. А звычайно. Безъ Бога а ни до порога!

Денысь. Ачъ, якый богобозазный знайшовся!

Кырыло. Щобъ у таке свято не питы до церкви—я не бусурмень!

Харытонъ. Та воно... Тилько що я кажу...

Кырыло. А я того, що ты белько-чешъ, не чую!

Денысь (*кашля*). Тьху на тебе! Ото прычепылося, неначе тамъ що у середины горчыть, або гавка?

Пылыпъ. То такъ горилка зъ срывцемъ сварытця.

Денысь. А хочъ бы й горилка, тоби що до того?

Пылыпъ. Та я такъ... Коны бъ до цёго кашлю та ще колькы?

Денысь. Коны бъ тоби до очей та бильма?

Пылыпъ. Меньчъ трискавъ бы кукульвану—не давило бъ.

Денысь. За твои я трискаю? Ты мене частувавъ?

Пылыпъ. Траплялось не разъ.

Денысь. Бильшъ не трапйтця! (*Кашля*).

Пылыпъ. Ловка бухыкалка!

Денысь. Отъ же я тебе вылаю!

Пылыпъ. Не повинна!

Кырыло. Га? А ну, заведитця била церкви!

Денысь. Чого жъ винъ влязно? Ко-лысь, не въ ряды-годы, почаствувавъ та й пышаецця, якъ свыня на матузци!.. (*Кашля*). Якъ тилько розговіюся, заразы на пичъ та до горы чёрева,— спатыму ажъ до провидъ.

Харытонъ. А до шынку?

Денысь. Шкода, братухо, въ кошени а ни дзенькне!

Харытонъ. Що жъ то за празныкы? Хиба жъ не можна набиръ?

Денысь. Набрался вже й такъ по самисенькы вуха!

Пылыпъ. Знайдутця таки, що поча-стуютъ.

Денысь. Може думаешъ, що въ тебе визьму на видробитокъ? Дидька лысого диджесся,—отъ що!

Пылыпъ. Побачымо.

Денысь. Та скорисць здохну, нижъ у тебе позычу!

Пылыпъ. Не зарикайся.

Денъсь. Дасы полтыныка, а вид-
робляй тоби рубля?

Пылыпъ. У мене дурнычку хава зъила.

Денъсь. Вона и тебе тужъ-тужъ
стриска.

Пылыпъ. А стриска. Що ступинь,
то все бляжъ до домовыны.

Кырыло. Та годи вамъ!

Харытонъ. Хвалыть Господа Мыло-
сердного, джидалыся тепла! Надивъ сѣ-
годня гедзетыка, думка шыбала: змерзну!
А воно и въ гедзетыку парыть.

Кырыло. Га? То ще кровь въ тоби
воюе; а якъ мени то и въ кожуси холодно.

Харытонъ. Ни, безъ шутокъ! Ачъ, якъ
по гори брындуши цвитутъ!.. Ондечкы и
сонъ зацвивъ, а горыцвить ажъ жовтіе!.. Ну,
я вамъ скажу, и зима була сутужна.

Денъсь. Була бъ ще сутужницъ, та
уже й никуды.

Пылыпъ. Довга зима!

Харытонъ. Такихъ довгихъ зимъ, ма-
буть, ще й не бувало?

Кырыло. Га? Бувалы усякы зимы!

Денъсь. Зима-зимущка!

Пылыпъ. А тоби видъ неи за ву-
хожъ свербило?

Денъсь. Зяновъ въязнешъ?

Пылыпъ. Тадже жъ ты ни за пашею,
ни за топлывомъ не бидкався?

Денъсь. Ну й чого лизешъ у вичи,
якъ та словка?

Пылыпъ. Ни волека жъ, ни коривкы?
Хиба якъ топлыва не стало, то хату
обдеръ!

Денъсь. Обдеръ. Свою обдеръ, чы твою?

Пылыпъ. Хазяиновытый!

Денъсь. Зъ такымы сусидами роз-
хазяинуеся. Хиба я въ тебе, чортова
скныпа, не прохавъ позычыты топлыва?
Скылько у тебе соломы гные, а ты по-
зычывъ? Ачъ, ще й зубы скалыть.

Пылыпъ. Позыка, — то лышня турбота.

Кырыло. Дали зимы ще довши будуть.

Де-хто. Черезъ що жъ то?

Кырыло. Га? Передъ кинцемъ свита
усе переплутаетця: замисць зимы буде
лито, а замисць лета — зима...

Денъсь. Мабуть, за цю зиму и хав-
рахъ повимерзавъ? Торишню весну скылько
було, а теперъ ще й не выдко! Торики
мои хлопчакы паловылы ихъ ажъ на
одынадцять цилковыхъ; а теперъ, ма-
буть, чортъ ёго матыме и того заробитку?

Пылыпъ. И въ Гершка заробитокъ
зменьшитця.

Денъсь. Тьху, сатано!

Кырыло. Га? Хочъ ловытнуть, хочъ
не ловытнуть, а якъ Господь захоче пока-
раты, то видкиля та ночысть и визьметця.

Харытонъ. Лыбонъ, на тимъ тыжневи,
якыйсь проишый чоловикъ, била шыньку.
росказувавъ. Такий у нѣго хургонъ ко-
ваный, пара конячокъ, рушниця у хур-
гони и цылый лантухъ вѣвса... Мабуть,
зъ далеку! Такъ розказувавъ, що у их-
нихъ краяхъ такъ одинъ чоловикъ усихъ
хаврахивъ повывловлювавъ на своїй ныви,
а сусида ёго не зачепывъ ни жодного.
Такъ каже жъ, що вчынылося? Дывына,
прямо дывына! У того, що половывъ,
хаврахы выбылы хлибъ до цурочки; а
въ того, що не зачепавъ ихъ, хочъ бы
тоби стеблыну знивечылы!

Денъсь. Торики, у Василя Шпрамка
увесь ячминь выбылы хаврахы, а у Да-
ныла Лободы и не зачепылы.

Харытонъ. Бо Даныло средствія та-
кого знае, ще зъ дѣда-прадида знае!

Денъсь. А, мабуть; зна!

Кырыло. Га? Краще не чепаты тиен
погани!

Харытонъ. Адже бува отъ що й градъ,
або кузка: у одного геть вытолоче, а
другого обмыне?..

Я В А І V.

Ти жъ и Свырьдъ.

Свырьдъ. Про вищо чурукаете?

Пылыпъ. Про те, що шо-дня муляе!

Харытонъ. О, муляе, ажъ дошкуля!
Деннсь. Було бѣ ще дошкульнищъ,
та вже й никуды.

Свырыдъ. Чуєте, сѣгодня видѣмъ ба-
чылы у церкви?

Кырыло. Росплодылося вже ихъ до
пропасты! Куды махне рукавомъ, туды и
хмары попливуть!.. Показавъ бы я имъ!

Харытонъ. Онъ воно що! А я ды-
вуюся, що воно за знакъ, що дощивъ
нема? Учора зовсимъ було нахмарылося
на дощъ, думка шыбала: ось-ось ушкваре,
ось-ось полье!.. Отъ же погремило, поблы-
скало... Одинъ бы дощбѣкъ на озимину!

Кырыло. Га? Йиздылы колысь вони
на мени, ну вже жъ и я ними йиздывъ.
Ого-го, ще й якъ йиздывъ. Якъ сяду було,
якъ замордаю та якъ почну хвоскаты
хвайдою по жыжкахъ, ажъ мыло зъ неи
клубкѣмы котытця!..

Свырыдъ. Стало бытъ, и вы ихъ сѣ-
годня бачылы?

Кырыло. Бачывъ.

Вси. Невже?

Кырыло. Якъ тилько дочыталыся до
Хреста, я лупъ очыма: ажъ сунетця по-
пличъ мене мацапура и шырытця... Ще
й зъ дѣйницею на голови!

Вси. Невже зъ дѣйницею?

Кырыло. Га? Зъ дѣйницею! Я тыць
ий дулю; на, видме, отакечкы о, на, видме!
На тоби, кажу, хвостато прояво!—Счезла.

Де-яки. Не любыть дули?

Кырыло. Га? Глянувъ у праворучъ,
ажъ и друга просоветця... Ажъ ши-
стѣхъ бачывъ!

Свырыдъ. Хто знае средствѣя, той
може ихъ бачыты.

Харытонъ. Це вже звисно, що дидъ
Кырыло знають средствѣя, ихъ якыйсь
лытвынъ навчывъ,— правда?

Кырыло. А хочъ и знаю?

Харытонъ. Кажуть, що треба на пу-
щени взяты сыра за губу та такъ и
переночуваты!..

Свырыдъ. Отъ же Романъ Жлуденко,
якъ почалы люде гомониты, що бачылы
видѣмъ, такъ винъ усимъ хотивъ роты
затулыты. Каже: „то выгады!“

Деннсь. О, то великый грамотий!
Знае зъ носа та въ ротъ!..

Пылыць. А я миркую, що Романъ
зъ витру не скаже. А отъ Деннсь, якъ
заговлявся, такъ оставивъ за губою пивъ
чаркы горилкы, а въ ранци прокынувся:
ковтъ-ковтъ, а вона й не лизе!.. Та ще й
видтоди и до сѣго часу гудуть у него
чмели въ голови! (*Де котри регочуть*).

Деннсь. Ну й вылаю жъ я тебе сѣ-
годня! О, ты разумный!

Пылыць. И я тебе не за дурня маю!

Деннсь. Ни, я дурень!

Свырыдъ. Я вамъ скажу, що видмы,
такъ це—кара Господня!

Деннсь. Я дурень, та ще й не абн-
якый, а пысано дурень!.. А дайте мени.
отакъ, якъ я оце стою, десятинь зъ
двадцять земли на вичнисть, та щобъ я
годивъ зъ десятокъ не знавъ ни якыхъ
оплаткывъ.

Пылыць. Ачъ, чого забавнулося?

Деннсь. Тоди побачыте, якимъ я
зразу зроблюсь разумнымъ!

Пылыць. А такъ, такъ!..

Деннсь. Ты бо не такай! Багато
васъ теперъ разумникывъ росплодылося.
Шкуродеры чортови! Якъ набывъ кѣшени,
такъ винъ вже й панъ!.. Теперъ у тебе е:
четверо коней, тры пары воливъ,—ты й
разумный! У Свырыда — тожъ: пѣятеро
коней, дви пары воливъ,—и винъ разум-
ный! У Жлудивъ симдесять десятинь
земли, худобы повни оборы, грошей скиль-
ко тысячъ, отъ Жлуди вже надъ усима
разумнищи!.. Черезъ те й Романъ забыва
усимъ бакы. У него ще молоко на гу-
бахъ не обсохло, а винъ вже етарымъ
людямъ въ вичи брехню загына! Сказано:
багачъ!

Я В А V.

Ти жъ и Романъ.

Романъ. Христось Воскресъ!

Вси. Во истыну!

Романъ. Кому жъ то я въ вичи брехню загынавъ?

Денъсь. Ось винъ розумныкъ! Ачъ якый!

Романъ. Якый же я?

Денъсь. Такъ чуєте, я и кажу: дай мени сыду, чы й я не показавъ бы себе?

Пылыпъ. Ажъ ось колы достометну правду внявавъ, таку вже правду, якъ на квытанціи спысавъ. Хто-хто, а що ты, то показавъ бы себе: що-дня вси шынькы одвидувавъ бы!

Денъсь. А чы не загну я тоби?..

Кырыло. Отъ же такы заведутця!

Свырыдъ. Цытѣте лшнень, на молытву дзвоняте. *(Вси скидають шапкы и йдуть за барканъ).*

Романъ *(самъ)*. Це певно Денъсь за видѣмъ мене шустрывъ? Комусь зъ просоння помарило щось въ очахъ, а черезъ хвыльну вси загомонили: видьмы, видьмы булы у церкви!.. Надало мени впутатися въ ихню розмову. Якъ сказавъ, що видьмы—то баблячы выгадки, и, Боже, якъ вси озвирылыся. Колы бъ не била церкви, то може и были бъ. Есть же и школы по селахъ, и вчытели, або и поны, котри запевняють мырянъ, що ни якыхъ видѣмъ нема на свити... Отъ же й неймутъ виры! Мабуть, не такъ то легко выкореныты то, що видъ прадидивъ всмокчетця—и въ кровь и въ кисты? *(Романъ пишовъ оз церкви).*

Я В А VI.

Зинька.

Зинька. Заразъ поманыла очыма Романа, щобъ выйшовъ. Роскажу ёму все, все, що гнытыть мою душу, пора, давно

уже пора! Горенько мое, що замижня я! Була бъ я не замижнею... Чы не лыло тяжке спиткало мене? Кого я покохала? Кого? Чоловиковаго брата... Ой страшно!.. Та вже тамъ якъ не зкоитця, а не выховаю того, що не дае мени ни на хвыльну супокою... Що буде, то буде, сѣгодня признаюсь ёму. Тутъ найбезпечнищъ перемовыты,—нихто не постереже, а дома неваче свекруха зорыть и чоловікъ, лыбонь, постерега... А якъ постереже й справди?!—Смерть моя!! Та чого жъ винъ такъ довго барытця? Скоро й служба скинчытця! Чого жъ то винъ не похрыстосувався зо мною?

Я В А VII.

Зинька и Романъ.

Зинька. Що жъ ты и не похрыстосувався зо мною?

Романъ. Давай похрыстосуюся. Це жъ законъ!

Зинька. А колы бъ не законъ, то тоби бъ и однаковисенько?

Романъ. А хочъ бы й такъ?

Зинька. То й не треба! Чого такъ озыраеся? Збентежений чогось, чы замучений?

Романъ. Не самъ себе чоловікъ замучуе, а прыгода...

Зинька. Вже почавъ загадкамы балакаты!

Романъ. Чого бо ты еретуеся? А я хотивъ зъ тобою порадытись, та не знаю, якъ и початы. Якась ты чудна зробылася... Слухай, сестро! Ты ничего не помичаеся?

Зинька *(Зитхнула)*. Де вже тамъ не помичаю?

Романъ. Мабуть же правду кажутъ, що не втаптця коханячко, якъ у мышку шыло!

Зинька *(потупыла очи)*. Чого жъ ёго и таиты, пора бъ вже й выявыты.

Романъ. Та все якось не выпада. Вирьшъ, що зъ кожнимъ днемъ все бильшъ турбуе мене думка: а що якъ я їй не до мысли?

Зинька. А якъ до мысли?

Романъ. Коли бъ же то! Чую я, сестро, що вже дали наврядъ чы вгамую свое серце.

Зинька. На вищо жъ ёго и вгамувати? Кажы, Романочку, я жъ всею душею слухатиму тебе!

Романъ. Ты щыра душа, Зинько.

Зинька. Невже?

Романъ. Тилько яки вы бабы хытри! Кажешъ: „помичаю!“ Такъ тоби цёго ще мало?.. Ну, скажы ты сама, що ты помитыла?

Зинька. Памъятаешъ, якъ Самрось хотивъ мене быты и я втекла до ставу и вже наважылася шагнуты въ ополонку, якъ ты схопывъ мене за руки и почавъ богатны не губыты свои души?

Романъ (*дыветця*). Ну?

Зинька. Якъ мени тоди легко зробылося видъ твоихъ ласкавыхъ ричей; ниhto ще николи такъ прыязно не балакавъ зо мною... Але жъ пилья того ты ставъ нибы инчимъ, не знаю, зъ якои причыны? Скилько разивъ и я наважылася сказаты тоби, що я...

Романъ. Стрывай, Зинько! Ты жъ це про вищо? Лыбонъ, мы одно другого не разуміемъ.

Я В А VIII.

Ти жъ и Ганна зъ дыткою на руци.

Ганна (*до Зиньки*). Бачъ де вона, а я їй въ церкви дывлюся.

Романъ (*у бикъ*). Що це Зинька соби въ думкы забрала? Чы вона въ жарть, чы?.. (*Пишовъ*).

Ганна. Давненько, давненько не бачылася.

Зинька (*у бикъ*). Чого винъ такъ здывувався? Та невже жъ винъ другу покохавъ? Ой, Боже!

Ганна. Мало не що недили буваешъ у обидни, а до мене и очей не навернешъ? Куды жъ намъ до васъ ривнятыся? — багатырька! Воно завжды такъ у свити коитця: багачи до багачивъ тультя, а злыдни одно-одного зажерають! Кажуть же, що: багачество дме, а лыхо у дугу гне.

Зинька. Ничого не розберу, ничого не тямлю, чого ты видъ мене хочешъ?

Ганна. Такъ бы то запанила, чы запышталася?

Зинька. Галю, Галю! Може мени не вортыты и на свить Божый дывытыся!

Ганна. Що? Та невже? Ой, Зиню, пробачъ же мени, це я зъ досады!.. Що таке, розкажы!

Зинька. Що розказуваты, не варта!

Ганна. Та тоби и справди гирко жыветця? То це бъ то люде правду кажуть, що Самрось надъ тобою знущаетця?

Зинька. Знущаютця вси, кому забачнетця!

Ганна. Ой горенько, ой лышенько! А я скилько чула, та все кажу: мабутъ, то брехня! Господы, Господы! Здаетця, тилько жыты та Бога хвалыты. Де жъ, всёго доволи, всёго повно; яки роскопи, яки достаткы, неначе у панивъ!.. Ажъ воно онъ що?

Зинька. Черезъ достаткы и мене загублено. Була бъ бидною, може ниhto и не поквалывся бъ. Хочъ бы подивувала, якъ други, а то...

Ганна. Охъ, правда, правда! А тутъ таке говорятъ, таке говорятъ про твое жыття зъ Самросемъ, та що Божого дня; а я прямо вуха затуляю. Розказували на прыкладъ, що нибы то Самрось — чы у Пылыпивку, чы ще раницъ? — роздягъ тебе до сорочкы, а косу забывъ килкомъ у лаву, та якъ почавъ катуваты!..

Зинька. Годи, Галю! Кому видъ того боляче, якъ не мени!

Ганна. А мени бѣ то тебе и не шкода?

Зинька. Жалобынць багато, та допомоги а ни гычѣ!

Ганна. Та и якъ ёго допомогты? Чоловикъ—голова, що зхоче, то й зробить!..

Зинька. Допоможе мени заступѣ, та лопата, та дубова хата!..

Ганна. Охъ, жиноча доле, бодай тебе блискавкою спалило! Ну, а Романъ же якъ? Винь, кажуть, тебе жалуде,—чы правда?

Зинька (*зитхнула*). Жалуде... Тилько що инчого жалоши гиршѣ крошмы жалуде.

Ганна. Симъ, чы висимъ годъ не бувавъ винь дома? Стара Жлудуха. Настя, такъ зненавидыла Романа, що Сафронъ мусывъ одвезты ёго у городъ до своего брата... Одначе якъ путяще, то воно промезъ чужымы людмы ще скорышѣ вылюдне. Кажуть, що Романъ, Господы, яка гарна людина! А свекруха якъ зъ тобою?

Зинька. Якымъ витромъ повие на неи, такымъ вона й дыше!

Ганна. А на мою думку, чы не вона до всёго лыха привидця? Тамъ у васъ на хутори коитця дывына! Скрызъ чоловікы керують у семьи, а у васъ надъ усима баба верхъ узяла. Люде не надывуютця, якъ це вона Сафрона такъ прытысла, що той и пары зъ усть не пусте? Я де-що чула про неи та про волостного писаря...

Зинька. Цуръ имъ, Галю!.. Якъ же тоби жыветця?

Ганна. А що я? У наймахъ зросла, зъ наймивъ и замижъ пишла. Не зазнала роскошывъ, то й не заздрыся. Чула ты прыказку про сирого вола, що робе винь до втомы, не вгаваючы, а ёго що дали то бильшѣ хвоськають? Тилько що я, лыбонь, и сирого вола заламала бѣ у

ярми.—Десять диль у мене за однымъ заходомъ и горило и кыпило!—Тилько що я, лыбонь, и сирого вола заламала бѣ у ярми.—Тры рокы жыла и я, якъ у пекли, просвитлой годины не знала. Чоловикъ у мене похнюпа. Поскаржылася разъ на свекруху—мовчыть; поскаржылася у друге—заскреготивъ зубамы; поскаржылася у трете—замахнувся, хотивъ мене ударыты... Не варта, подумала я, бильшѣ и скаржытыся. Та й замовляла и вуха затулыла!

Зинька. Все мовчала?

Ганна. Якъ зацпыло мени! И що жѣ ты думаешь? Такымъ побытомъ перемогла обохъ: и свекруху, и своего похнюпу.

Зинька. Терпяча ты!

Ганна (*Показуе на дытмы*). Оци вылупкы чому тилько не навчатъ?

Зинька. За те хочъ на решти доскочыла щастя...

Ганна. Щастя? Гмъ! А що воно таке оте щастя? Скажы мени, за для кого воно выгадано? Не зазнала ёго зъ малку, то наврядъ чы зазнаю й до останку! Що жѣ, диткы у мене пидрастають, черезъ рязъ вже й помичъ буде видъ старшенькой: чы тамъ полумысочкы помыты, чы ганчырочкы попраты... Чоловикъ по троху розбалакався,—сказать: привыкли одно до другого; и свекруха втомылася гриматы... Ныбы бѣ то й заталавыло! Хлибець не позыченый, и худибка е и одежынка... Тилько що сыла въ мене вже не та... (*Зитхнула*). Ось чого мени тилько й шкода: сылонькы мои!

Зинька. И ни яки вже думкы не турбують тебе?

Ганна. Яки тамъ думкы?

Зинька. Я памъятаю, ты кохала одного парубка...

Ганна (*зв крькомъ*). Цуръ ёму, не нагадуй, грехъ. За клопотамы не часъ баблятыся зъ якымъ тамъ ще думкамы... Колысь цвилы думкы и раснылы... а те-

перъ пополовили и завъялы... Цуръ имъ тимъ думкамъ и грихъ такы! Ходимо у вограду, посыдымо тамъ проты сонечка, — ногы беда якъ болять. Четверо день, лыбонь, и не прылягла и не прысила. Паскы сама попекала, хату пошпарувала и выбилыла, дитвору пообшывала и пообшывала... Колы бѣ ты теперъ заглянула у мою хатыну, сказала бѣ, що въ раю! (*Пишлы*).

Я В А ІХ.

Хведоска, Мотря и Любка.

Мотря. Це жѣ Жлуденковыхъ невестка, Зинька.

Любка. Якъ гарно вбрана! А доброго намыста скилько, ажъ шыя вгынаецця!

Мотря. На вищо ты коралы й дукаты, колы ій свить не мылы!

Хведоска. Черезъ що?

Мотря. Чоловикъ ій, Господы, якый клятый! Якъ що и меньчий Жлуденко такымъ удастьця, то комусь буде життя не зъ медомъ.

Хведоска. Вже знову почала?

Я В А Х.

Ти жѣ и Романъ.

Любка (*побачывши Романа*). Винъ, винъ! Глянь, Хведоско!

Хведоска. Хто? (*Побачыла Романа и вдае зъ себе спокійну*). Байдуже!

Мотря. Ачъ якъ позыра, неначе той яструбъ. (*Ныбы голосно*). Чого ты тамъ зорышь, куды очи зводишь? Осьдечкы вона!

Хведоска (*затуля ій рота*). Чы ты жѣ зъ розумомъ?

Мотря. Ей-Богу, винъ хоче похрыстосуватыся зъ тобою, Хведоско! Зостанься тутъ, а мы обійдемо.

Хведоска. Зъ якои речи? Ни за що не зостануся.

Мотря (*зхопывши ій за руку, круте навкругы себе*).

Керелеси, Керелеси,

Ходе Керель вздовшъ по плеси,

Керельха по надъ плесомъ,

Керелята по пидъ лисомъ...

Хведоска (*у ту хвылыну, колы Мотря ій закручуе*). Що бо ты робышь, не пустуй?! Ой, видчепься! Пусты бо!.. (*Мотря и Любка бижать видъ неи, Хведоска крутитця*). Ой, що жѣ оце ты, Мотре, зробыла зо мною? Хи! У голови мовъ у дзвоны гуде!

Романъ. Вона сама зосталась, пидійду.

Хведоска. Въ очахъ неначе колеса крутятця. Ото нависна дивка!... Охъ, жовто якъ! Паморокы геть заморочыло! Не втраплю, куды й йты!.. Отъ скажена Мотря!.. (*Помовчала*). И що це дивчата выгадують? Кажуть, якъ тилько увійде винъ у церкву, то такъ и ввишьетця очыма... Зовсимъ никола того не було. Хиба тилько сѣгодня, якъ ото ставъ проты мене, то ныбы й справди выпьвся очыма!..

Романъ. Наважывся пидійты, а ногы а ни зъ мисця!

Хведоска. Эго жѣ, выпьвся? Радій, Хведою, раденька, — що дурненька.

Романъ. Та невже жѣ я такый не-смилывый? (*Иде*).

Хведоска. Зовсимъ я ёму не до мысли. Богъ за нимъ, никола не хочу й думаты про нѣго, щобъ бильшь не снывся мени...

Романъ (*пидійшовъ*). Отакъ несподиванно зустрѣлся!

Хведоска. Отъ тоби й разъ! (*Засоромылась*).

Романъ. Хрыстось Воскресъ!

Хведоска. Та що зъ того? Де жѣ це батько?

Романъ. Зъ празныкомъ... Не гнивайтеса, що я зъ нечевья... Чы у васъ хрыстосуютця зъ чужыми парубкамъ?

Хведоска. И дивчата десь забиглы?

Романъ. Теперь вже такъ повелося: що вулиця, то и звичай, що хата, то й законъ. Може гнивается й справди, що я васъ перепынывъ?

Хведоска. Я... я не знаю. Чого мени гниватися?

Романъ. Що разу обмынаете мене, нибы полохаєтеся, чы боитесь мене?

Хведоска. Може й боялася... Чого жъ бы я у вичи лизла?

Романъ. Та й то правда. (*Помовчавъ*). Пысанка у васъ е?

Хведоска. Та не поминяюся!..

Романъ (*выйма зз кешени пысанку*). Моя осьдечкы.

Хведоска (*глянула на пысанку*). Ой, яка жъ гарнисенька.

Романъ. Поминиймося. Нател!..

Хведоска (*не бере*). Городська, ма-буть, и не дешева?

Романъ. Визьмить же!

Хведоска. Зъ якои прычынны?

Романъ. Сегодня жъ таке свято, що слидъ минятися пысанкамы... Хочъ може й грихъ, що не хрыстосуючысь?..

Хведоска. Хиба грихъ?

Романъ. Розмиркуйте!

Хведоска. Може й справди?

Романъ. Хрыстось Воскресь!

Хведоска. Та вже: „во истыну!“ (*Хрыстосуютыця и миняютця пысанкамы. Народъ выходить зз ограды и розиходытыця вулицямы*).

Зинька (*проходить вв глубыни кону*). То це ось зъ кого дивчата регочуть: „на сылу, кажуть, звелы ихъ до купы!“

Хведоска. Чы не хытри жъ?

Романъ (*дывытыця на пысанку*). Певно самы малювалы? Сорокъ кльнцывъ?—Ловко!

Хведоска. Ачъ, яки хытри! Але жъ и гарнисенька пысанка, а ии покладу пидъ образы.

Романъ. Теперь вже не будете обмынать мене?

Хведоска. Може й буду.

Романъ. Мени и свято здалося бъ за будень, колы бъ и сегодня не трапылося зъ вами спизнатыся.

Хведоска. Вельке щастя!

Романъ. Може вамъ й байдуже, а про себе скажу, що вы цилкомъ заполонили мою душу!..

Я В А Х.

Ти жъ и Мотря.

Мотря (*проходлычы поузв Зиньку*). Затуляйте очи, щобъ не бачылы вуха! (*Зинька пишла*). Та годи вже вамъ, невже й доси не намылувалыся? Вже й ти, котрымъ не слидъ слухаты, бильшь вчулы, ніжъ вы набалакалы.

Хведоска (*полохлыво*). Хто, сестрычко? Чы не батько?

Романъ (*до Мотри*). Хрыстось Воскресь!

Мотря. Давайте пысанку то буде й: во истыну! А безъ пысанкы умыйтеся!

Романъ. Я вамъ описля. .

Мотря. Набиръ? У насъ набиръ тилькы лаютця. „Обицанка—цяцянка, а дурневи радистъ“. Знаемо васъ. Ось прыходьте сегодня у вечери до насъ, на вулицю: музыкы гратымутъ, парубкы найнялы; гойдалка у насъ висока, висока.. Тилько прыносте пысанку, тоди вже буде достомитне во истыну! А що вже мы васъ ждатымемъ, ажъ очи лизтымутъ на лоба! Правда, Хведонку?

Хведоска. Може хто й ждатыме...

Мотря. Чысто! (*До Романа*). Вы уміете танцюваты полькы? Ще бъ не вмили, у городи усякыхъ танцивъ навчылыся! Чого жъ вы мовчыте?

Романъ. Я за вами и не похаплюся.

Мотря. Чы правда, що кажуть нибы то вы дивчатъ сахаєтеся?

Романъ. Въ вичи никоу не лизу.

Мотря. А що вже очима та бровами, то ловко промовляєте. Правда, Хведоню? Прийдете, чы погордуєте може?

Романъ. Я чувъ, що ваши парубкы задёрн?

Хведоска. А вамъ що до нихъ?

Мотря. О, бачте, вже й заступниця у васъ знайшлася?

Хведоска. Эге выгадай!..

Мотря. Постановите квартиру зо дви горилы, то наши парубкы зразу приймутъ васъ у свою юрбу.

Романъ. Та й пивъ видра не розирь.

Мотря. Чисто! (*Дражне*). Всихъ купимо и продамо?

Романъ. Не въ тижъ сила...

Мотря. Эге жъ, що кобыла сыва?

Романъ. Ну, у васъ дивчата гостры на языкъ.

Мотря. А ще гострици на сердце! Правда, Хведоню?

Романъ. Я жъ у вечери прийду.

Мотря. Захопыть зъ собою и ту кныжочку, що вы читали людемъ, у сторожци, якъ говилы!

Романъ. Я другу принесу.

Мотря. Почтаєте намъ?

Романъ. Абы була охота слухаты. Такъ я жъ прийду.

Мотря. Мылосты просымо, докы цыхъ не зносымо! (*Романъ уклонившысь пшовз*).

Хведоска. Ой, яка бо ты, Мотря! Винъ ще розгниваетця!

Мотря. Хиба у него сердце зъ перцемъ? Ну, Хведоню?

Хведоска. Вельке щастя?

Мотря. А перстнивъ багато знявъ?

Хведоска. Такъ бы то я ему и дала?

Мотря. А ну, покажи пальцы? Я вси твои перстни знаю. (*Дывытця йй на пальцы*). Ну, вже й парубокъ, хочъ бы одного перстенника знявъ!.. Ненавжжу!.. Кваша, а не парубокъ.

Хведоска. И мени винъ не до вшодобы. (*Ховае очи*).

Мотря. (*Зазырае йй въ вичи*). Ой-ой! А де жъ его писанка! Чы й писанкы не давъ?

Хведоска. Осьдечкы, о!

Мотря. Яка жъ гарнишенька! За такую писанку и я похрыстосувалася бь.

Хведоска. На що винъ ии мени давъ?.. Виддамъ кому-небудь...

Мотря. Дай мени!

Хведоска. И на вищо винъ мени ии давъ? (*Ховае у кешеню*). Не треба було клыкаты его на вулицю.

Мотря. Ой, Хведоню! А ну, глянь мени въ вичи.

Хведоска. Та що зъ того! Я й на вулицю не выйду!..

Мотря. Побачымо, хто першый выбижыть.

Хведоска. Отъ же такы не выйду!.. (*Пишла*).

Я В А Х I.

Романъ, Самрось и Чыкалка.

Самрось (*идъ чаркою*). Приздить же сегодня до насъ, кумцю—душко!

Чыкалка. И що жъ бы я бувъ, дыскать, за животная такая необразованная, щобъ чести не знавъ? Низьменно просю васъ, дыскать, не мынать и моеи хыжыны, Богомъ хранымой. Я готовъ каждый разъ, дыскать, у ножкы вамъ велоннытыся, ось якъ я васъ почитую! Ну, тилько васъ одного, а не другихъ—прочыхъ, котри, дыскать, гребують моимъ хлибомъ силой!

Романъ. Зовсимъ я не гребую, а хочу розговитыся зъ отцемъ—матерью. Такъ воно заведено видъ давна.

Чыкалка. Гордуєте нами, при своимъ образованіи, ну й мы, здаетця, не зъ послиднихъ? Тилько вы, дыскать, объ насъ не то што, но даже... Такъ какъ вамъ завгодно... Щасливо! (*Почоломався зъ обьма и пшовз*).

Самрось. Теперь хочь и до дому. Отъ бачь, и не забарывся и въ менть тутъ зъявывая, якъ на папери спысанный!.. Поганый!

Романъ. Залывъ слипы, вже тилько блымаешъ?

Самрось. Знаешъ, якъ кумъ—лавашныкъ каже: „никогда и во викъ да не забуде чоловікъ!..“

Романъ. Чого не забуде?

Самрось. Да не забуде! Такъ воно и дали. Значыть, якъ по складамъ, такъ и по верхамъ. Азъ-бука—буряка, печеная редька, примостывся Хведька до кисло-го молока, въ нёго ложка не така!..“ Ты розумный! А ну вгадай, куды воно нациля?

Романъ. Доки трезвый, — чоловікъ якъ чоловікъ.

Самрось. Чай-чай, примичай, куды гайкы летать!

Романъ. Мелы въ гуртъ, завтра розберемъ!

Самрось. Одинъ дурень укыне каменя, а десять розумныкы не вытягнуть. Отъ тоби й замокъ, а ты одимкны!

Романъ. Мудрый. Ну, ходимо.

Самрось. Ты думаешъ, що я пьяный? Ни, я не пьянъ, ну, тилько грубянъ!

Романъ. Воинъ?

Самрось. А вже жь! „Роздайсь, море, триска плыве!..“ Ты знаешъ, яку мы зъ кумомъ лавашныкомъ механыку строимъ? Отъ ты розумный, а ты дурный. Я зроблюсь помещыкомъ!..

Романъ. Чулы вже це.

Самрось. Ну-да! Я хочу помещыкуваты, бо мени вже обрыдло мищанське колино! Нема мени у цимъ званію простору! (*Крычить*). Роздайсь, море!..

Романъ. Дурыть тебе твій кумъ та що-дня кешени тоби вывертае.

Самрось. „Никогда и во викъ да не забуде чоловікъ!“

Романъ. Мотаешъ добро, та колыбъ це свое, а то жинчыне!

Самрось. Моя жинка, мое и добро. А вгадай: на чымъ кумъ—лавашныкъ на-стоюють горилку? Гу, и смачна жь! Така смачна, що й мертвый зачмокавъ бы губамы!..

Романъ. Заговорюй зубы!

Самрось. А на що жь мене мамаша оженылы?

Романъ. А твій же розумъ де бувъ?

Самрось. Звелилы мамаша: „Оженысь!“ кажуть, я и оженився. Я бувъ бы вольный козакъ, куды зкортило, туды й политывъ. На страженіе? Давай ружо! Въ Америку?—Хочъ заразъ! А мене оженылы!.. Теперь я бью Зиньку, помщяюся за свою волю!.. Вона мени, анахтема, мовъ поперекъ горлянкы стала! Я запорожець, я!.. У мени сыла такъ и грае!.. Я на кого дмухну, заразъ и впаде. Онъ кумъ—лавашныкъ, якъ дмухну на нёго, такъ и беркыцне, ажъ нижкамы задрыга!..

Романъ. А ты его заразъ за то и даруешъ!

Самрось. А вже жь!.. Я можу усихъ даруваты... Зроблюсь помещыкомъ на всю округу!.. Куплю хвайтона, а мамаша зонтика куплю... Нехай и въ хати сыдятъ пидъ зонтыкомъ.

Романъ. Ну, йидемо!

Самрось. А ни зъ мисця!

Романъ. Якъ бачу, тебе честию не вблагашъ? (*Бере его у поперекъ*).

Самрось. Не рушь! Убю!.. Пусты бо! (*Романъ пускае его*). Але ты й здоровый, якъ ведмить! Невже ты здоровый видъ мене? Задача! А ну, давай, поборемося!

Романъ. А, ну тебе!

Я В А XII.

Ти жь и Зинька.

Самрось. Ось и мадама. Десь чорты таскалы, та й зновъ прытырылы на мою голову.

Зинька. Тебе жъ якъ ухоплють, то наврядъ чы вернесся!

Самрось (*здывувався*). Га? Що таке? Отъ вже въ мене и руки сверблять!..

Романъ. Ну—ну, гляды, щобъ у тебе чупрына не засвербила!

Самрось (*до Зиньки*). Що ты сказала?

Зинька. Пролетило!

Самрось (*наступа*). Що ты сказала?

Романъ. Ну жъ бо ходимъ!

Самрось (*до Романа*). Мальчаты! Во хрунтъ! (*Романъ тягне его за коми-ра*). Ты мене честю просышь?

Романъ (*тягне его*). Та честю жъ!

Самрось. Пусты, самъ пиду. (*До Зиньки*). Розуміешъ ты, вивця необразована, мене честю просяты, я и пиду. (*Пишовъ*). У, здоровый!..

Зинька (*перепыля Романа*). Зъ якою то ты дивкою христосувався?

Романъ. Ще й пытае!

Зинька. Насылу Богъ давъ сылу спизнатися. Тенерь радый?

Романъ. А якъ же не радуватись?

Зинька. И мени твоя радисть у серце шпыгнула! То ты такый?

Романъ. Зинько! Ты це въ жартъ, чы на вспрямкы? Ты не знаешъ?

Зинька. Такъ ось на чымъ окошылося? Ой, сердце мое, сердце!.. (*Ухопылася за груди*).

Романъ. Зинько, що зъ тобою? Та певже жъ? Ни, це ты морочышь мене! Невже жъ ты, сестро, вповала, що я?.. И Бога ты не боишся?... Я зъ тобою по ридному, а ты онъ що задумала?!

Зинька. Годи! Женыся, женыся! Благословляю тебе обома руками!

Я В А ХІІІ.

Ти жъ и Самрось.

Самрось. Що жъ вы, господа дворяне, пожалуйте! Я вже й коней запригъ и нашылныкы повтягувавъ.

Зинька (*хапа Романа за руку*). Пропаду, Романочку.

Романъ. Бога рады, видсахныся ты видъ мене! (*Пишовъ*).

Зинька (*регоче*). Винъ по ридному зо мною! А я дурна—нерозсудлива марила!..

Самрось. А ну, ты, мадыстка, давно быта, гайда йихаты. Гей, ты, чубернанка!

Зинька. Берн мене за косы та й волочы, якъ паплюгу!

Самрось. А бодай ты не диждала, щобъ я на першый день Велькодня объ тебе руки паскудывъ!

Зинька. Катюго ты, собака скажена!

Самрось. Що—о! Ахъ, ты жъ анахтемська манухветура! Отъ же не выпразныкую!..

Зинька. Ударь, ударь! Отутъ ще не бывъ! Отутъ ще е живе мисъце!

Я В А ХІV.

Ти жъ и Романъ.

Романъ. Вже колотнеча?

Самрось. Та нехай мене свята паска побье, колы я ии хочъ мезыяномъ черкнувъ!

Романъ (*до Зиньки*). Йидемо, сестро, до дому!

Зинька. Геть, любый братыку! Грихъ? Соромъ? Ачъ, якый богобоязный, безъ драбынкы лизе на небо! (*Пишла*).

Самрось. Ну, якъ таку гадыну не быть? А ты що-разу обстававъ за неи.

Романъ. Мало чого не трапляетця.

Самрось. Ну, щастя йй, що це трапылося на першый день Велькодня!..

(З а в и с а).

Д І Я ІІ.

Просторна мищанська винната. Стиль покритий гарною скатеркою; на стинахъ картины: „Страшный судъ“, „Хожденіе души по мытарствамъ“, „Коть катафѣичъ“, „Была жинка мужика“, „Генераль Скобелевъ“, „Сраженіе подъ Карсомъ“, де-скільки фотографій не знаемыхъ осибъ и дрибныхъ картиновъ. Дзеркало, шахва, скрини, канапки, дзыглыки, кылимы и рушныки.

Я В А І.

Настя (*иде зъ боковыхъ дверей до середнихъ*). Що це горилкы й доси не везуть, гости зовсімъ засумовали! А що вже я не люблю отого Демьяна: колы не пошлешъ ёго за горилкою, завжди забарытця. (*Глянула у окно*). А це ще хто? Мануйлычко прихавъ, мій голубчычокъ, мій красавчычокъ!.. Бачу: не обманувъ. Охъ, и люблю жъ я ёго, Господы, якъ улюблена! Старшына зъ нимъ и кумъ лавошныкъ. Оци гости мени приятни. (*Иде назустрічъ*).

Я В А ІІ.

Старшына, волостной пьсарь и Чыкална.

Пьсарь. Вторично! Потому скрызъ скука! А у васъ отдыхъ души! (*Чоломакетця*).

Старшына. Ты жъ гости та въ ту жъ хату. Ще разъ: Хрыстось Воскресъ! (*Цилуетця зъ Настею*).

Пьсарь. Позволю и соби вторично прыложытця. (*Цилуетця зъ Настею*).

Чыкалка. Кумушка, кажетця, и въ мене губы, дыскать, не шкребныця? Ну, тилько я ще и въ ручку похрыстосуюся. (*Цилуе Настю въ губы и въ руку*). Вы наша благоддушная душечка!

Пьсарь. Утишительныця въ грустяхъ!

Настя. Такимъ гостямъ що часу ради!

Старшына. Скільки по хуторахъ объиздылы та й зновъ до васъ, нигде такого вдовольствія... Вы у насъ на першимъ плану!

Настя. Спасыби, спасыби, що пожалувалы, оченьо ради. Та вамъ же тилько й погостюваты що въ свято, у будень васъ и не диждеся.

Старшына. Нема уремьяны въ гору глянуты. Тилько въ празныкъ и зробышъ проманажъ.

Пьсарь. Ныни: празныкъ празныковъ, торжество изъ торжествъ. Розришеніе вына и елея! И потому, не теряя времени, угощайте насъ, Настасія Ивановна, выномъ, а елей для тыхъ, хто оный потребляе. Что жъ касаетця диловъ, то оныхъ никто за насъ не робытме. Чы такъ, Юхыме Нечыпоровычу?

Старшына. Охъ, дила! Носа ниеоли высякаты за тими диламы.

Пьсарь. Всихъ диловъ не переробымо.

Чыкалка. Дыскать, головоломни дила?

Старшына. Та ще й яки головоломни. Слухайте мене. Я вамъ усе по настоящей совисты роскажу.

Чыкалка. Нихто сыладныщъ васъ не роскаже!

Старшына. Зъ нашимъ музыкомъ — морока, та ще й не абы яка морока!... Кругомъ така необразованность!..

Чыкалка. Да, да! Дыскать, ниеоторой прыбавкы!

Старшына. Никотрой. Знаете вазку про стрыжене та голене? Отакъ и нашъ музыкъ: вилъ ему на голови тешы, а винъ такы своей!

Чыкалка. Истина, голословна истина! Дыскать, якъ и сб-духы праведни выходытымуть зъ нёго, винъ и тоди гнутыме своей?

Старшына. Именно! Помера, вже зовсімь со-духы праведни выходять зъ нѣго, а винь таки свое гнѣ!..

Писарь. Гнѣть, какъ какая-нибудь упрямая животная!

Чыкалка. Отъ, Мануйло Тымофеевичъ, истыну голословну сказали. Тошно: какъ какая-нибудь упрямая животная! Ну, попуститъ нашему мужычку, дыскать, вижкнѣ, на груди сяде.

Старшына. О, сяде! Та отъ, якъ була у насъ торикъ нападенія, стало быть, чума. Чумный скоть велено вѣнваты, а воны—бунтоваты.

Чыкалка. Ужась, ужась!..

Старшына. Положимъ, що и вы у цимъ дили не безъ гриха. Прыказувавъ же вамъ: заприть шинѣкъ, щобъ трезвость була?..

Чыкалка. Помылуйте! Торговля торговлю, а бунтъ бунтомъ!

Старшына. Коли бъ мужыкы тоди не понапывалыся, може бъ и бунту не було?

Чыкалка. Помылуйте! Я за патентъ платю...

Настя. Що жъ мы стоимо тутъ? Ходимо до спальной, тамъ цила кумпанія.

Старшына. Ни, стрывайте! Тепера скажемо, не про друге—проче, а хочъ и объ самуваряхъ. Якъ понаиздять: справныкъ, дохтурь, слидователь, становой... Крычатъ: „подай самуваря! Подай сахарю-чаю!...“ Десятныкъ чы соцькый,—хиба воны зугарни? Звели ему самуваря зогреты, винь воды налье туды, куды следъ вугилля вкынуты. Й же Богу, правда! Отутечкы й впорядкуй!

Я В А III.

Ти жъ и Самрось.

Самрось (*пьяный, выходячы зъ боковыхъ дверей*). А, господа начальныкы! (*Цилуютьця*).

Старшына. Мы, Самросій Сафроновичъ, зновъ до васъ и зновъ не зъ порожними руками, а привезлы вже вамъ лахвету. У, ловке выно! (*Выйма зъ кешени дви пляшкы*).

Чыкалка. Знаемо, дыскать, кому чымъ догодыты. (*Выйма дви пляшкы*). Самъ старався, собственной работы.

Самрось. А! и „роспывочно и на вынось“ тутъ? Во хрунтъ!

Чыкалка (*выпынаетця*). Готовъ!

Самрось. Кланяйся мени въ ноги, просы пардону! А то якъ дмухну, такъ и беркыцнешъ!

Чыкалка (*кланяетця*). Какъ повсигда.

Самрось. Цилуй у руку!

Чыкалка (*цилуе*). Какъ водытця.

Самрось. Мамаша! Оце настоящий чоловікъ! Дарую тобі тельцю! (*Чыкалка цилуе его у руку*). Просымо до кумпаніи!

Настя. Просымо, просымо!

Писарь. Нигде такого прятного времяпровожденія, какъ среди нашей аликратіи. (*Пишлы у бокови двери*).

Чыкалка. Потому, воны у насъ благодущни душечкы!

Я В А IV.

Сафронъ и Романъ выходять зъ середнихъ дверей.

Романъ. Зновъ прыхавъ старшына зъ кабатчыкомъ и зъ писаремъ. И коли ця гульня скинчытсья? Одни гости въ хату, другы зъ хаты; а старшына то вже и по двичи на день. Прямо веначе въ трахтыри!

Сафронъ. Я вже, сыну, на те й рукою махнувъ. Сколько разивъ Настю и прохавъ и сварывся зъ нею, щобъ не заводыла цихъ бѣнкетивъ, такъ и вухомъ не веде. Ото тилько й мого, що якъ об-

рыднуть гости, то втечу видь ныхъ чы у поле, чы у пасику... А попробуй выгнаты цихъ гостей—старшыну, чы пысаря?!—Такъ вони тебе такъ прытиснуть, що ни одного наймыта не жатынешъ зъ усїей волосты.

Романъ. Хиба по другыхъ мисьцяхъ не можна наймитивъ знайти?

Сафронъ. Та воно можна, але жъ... Краще: „одійды отъ зла!“

Романъ. Коли бъ же то, одійшовшы, можна було злышатись ёго!

Сафронъ. Наврядъ! Ну, та вже такъ воно завелося... Ото жъ, сыну, я и кажу, що треба бъ тоби и зъ матирью порадитися.

Романъ. Та якъ же це зробыты за гостями?

Сафронъ. А чого жъ такъ хапатыся?

Романъ. Такъ, тату, дило выходыты.

Сафронъ. Не шукай тилько, сыну, роскошывъ, а слухай сердца, то запобяжышь и ладу; бо роскошамы на якый часъ заслипышь соби очи, а сердца не вдовольнышь, и пидь старисть защемяты воно, та ще не й не абы—якъ защемяты,—не знайтинешъ, куды и подитысь зъ нымъ. Беры жинку въ одній лели, та щобъ була до любви. Усе, що ты бачышь, усе, що и е у насъ,—и въ хати и въ подвирьи—все це моя праця, моя кривавыця. Погнався за роскошамы, зъ опалу оженився, а замисць роскошывъ взявъ видь покойнаго тестя тры вирвы въ шню. Каже: „писля смерти моеи все заберешъ!“ А якъ померъ, то довелося ще й поховаты на свїй кошгъ. Отъ якыхъ роскошывъ здобувъ! А живъ тесть на всю губу!.. Я оженився зъ опалу, черезъ те й ладу у насъ нема. Скільки рокивъ трудыся, рукъ не покладаючи, а супокою на старисть не прыдбавъ. Але жъ, усякому терпинню бува й край, отъ же й мїй терпець скоро урветця.

Романъ. Тату! Про те, що у васъ тамъ зъ матирью—це дило ваше, и не прыстало мени судыты васъ.

Сафронъ. Бачъ, якый у тебе розумъ, якъ обягнувъ!.. Коли жъ, сыну, дошкулыло! Оце ты мене ажъ засоромывъ. Отъ теперь и балакай, якъ знаешъ. Ну, а хочъ бы сказаты и про Самрося. Оженився винъ на Зиньци то жъ зъ опалу; правда, що прыдане взявъ велике, а що ихъ за жыття? Одынь грихъ! Що дня гармыдерь, колотнеча!.. Сердешна Зинька! Ото, сыну, достомитна страдныця!

Романъ (*зитхнувъ*). Це правда!

Сафронъ. Черезъ те я тебе й остерегаю. У Самрося скажена натура!.. Увесь у повїйнаго тестя. Але ты, сыну, такъ мени видрубавъ, що я и не очуваюся!.. А тутъ дошкуля! та що й якъ допкуля! Скажи мени, хиба воно такъ и повинно було вчынытыся, щобъ ты вылюднивъ не въ батьковїй, а въ чужїй хати?

Романъ. Якъ вже не трапылося, а минулого не вернешъ.

Сафронъ. А я въ тимъ не вынувать, хочъ и запрысягты. Бо це моя, сыну, хата и не моя! Увесь викъ дбавъ про те, щобъ зажыты супокою, а... Виддавъ я тебе до брата, въ городъ... Думаешъ, легко мени було це вчыныты?

Романъ. А я за те вамъ дуже вдячний.

Сафронъ. Справди?

Романъ. А чому жъ бы я тутъ навчывся? Хиба хвосты воламъ крутыты? Дядько, спасыби ёму, навчывъ мене реместву, виддавъ до школы...

Сафронъ. Теперь тоби дядько ридныщый?

Романъ. Богъ зъ вами, тату! Я кажу тилько, що я дядькови вдячний...

Сафронъ (*зитхае*). Такъ, такъ...

Романъ (*помовчавъ*). То вы, тату, радыте мени женытыся?

Сафронъ. Абы до мысли та до любви, то й благословляю зъ дорогою ду-

шою. Але все жь такы не хапайся, сыну, а обмиркуй гарнецько!

Романъ. Не сегодня я, тату, задумавъ це дило и не вчора. Пора вже мени здубуваты свій закуточокъ. Въ свой хати своя правда, и сыла, и воля!

Слафронъ. Такъ, такъ... Ачъ ягъ воно щильно прыгнано: „въ свой хати своя правда, и сыла, и воля!“

Романъ (*помовчавъ*). Та ще скажу и ось що. Що я тутъ не зостануся, а поиду въ городъ, тамъ швыдчъ знайду соби дило.

Слафронъ. Зновъ покынешъ насъ? Яке жь ты тамъ знайдешъ дило?

Романъ. Абы руки булы, а работа знайдеться. Спершу робытму поденно: хочъ на чавуници, чы въ якій слисарни, а потимъ може й на свою майстерьку забьюсь.

Слафронъ. А хйба въ сели майстеривъ не треба?

Романъ. А за що жь я руки зачеплю?

Слафронъ. Буде за що, буде! Ни, ни, не кыдай мене, сыну! Чуешъ, не кыдай! Грхъ!

Романъ. Що це вы, тату, Богъ зъ вами! Вы плачете?

Слафронъ. Дошкулыло, сынку! Не кыдай батька!

Романъ. Та я радый, щобъ и вы зо мною ихалы. Богъ поможе, не опухнемо зъ голоду!

Слафронъ. Онъ яке у тебе сердце! Отъ же щось сюды иде. Не хочу бачыты отихъ п'янюгъ. Прыходь у пасику, тамъ доладницъ порадымось. Ты мене, сыну, розворушывъ и оживывъ. (*Идучы, промовля*). „Въ свой хати—своя правда, и сыла, и воля!“.. (*Пишовъ*).

Я В А V.

Зинька и Романъ.

Зинька (*Запыляеться на порози*). Не хочу ёго бачыты! (*Хоче вернутись*).

Романъ. Зинько! Ты вси празныкы нарочыто обмынаешъ мене та обмовчуешъ?

Зинька. Першъ ты мене обмынавъ, а теперъ моя черга. Тоби хйба не однаково?

Романъ. Я хотивъ бы побалакаты зъ тобою по сердцю.

Зинька. Эге жь... Якъ зъ сестрою?

Романъ. Чого ты ремствуешъ!

Зинька. Не ремствую,— а ни крыхоткы, а ни капылыночкы. Дійшло вже, бачъ, до байдужого!..

Романъ. Не вирю я тоби. Хйба я не бачу? Думаешъ, мени тебе не шкода? Давай же побалакаемо спокійно, безъ пересердя.

Зинька. Мынулося...

Романъ. Я якымъ бувъ до тебе, такымъ и зостався.

Зинька. Та не такымъ здався.

Романъ. Про це жь и хотивъ бы я зъ тобою поговорыты. Прийдеться жь намъ, Зинько, зустрічатися, прийдеться и дывытыся одно-другому въ вичи,—на що жь носыты въ соби якусь загадку, котра, якъ лыха искра, бодай згодомъ не розжеврилася въ пожежу?

Зинька. Не зрозумію твоеи мудрой балачкы... Та балачка мене и затуманыла! Хочешъ дати мени пораду, чы що?— Обійдуся...

Романъ. Вважай, якъ тоби краще.

Зинька. Чого ты пеклуеся про мене? Ну, пропаду, що тоби?

Романъ. На вищо жь пропадаты?

Зинька. Охъ, яке жь дороге жыття!.. Одного я не зрозумію. На вищо ты щоразу обстававъ за мене, на вищо оборонявъ видъ Самрося? Бывъ мене Самрось, поневирявся, що тоби за печаль була? Скылько разивъ наважалася стратыты себе, въ ополонку хотила пугнуты, къ чортамъ на вырныкы! Хто мене надъ ополонкою зупынывъ? Хто щоразу вговорувавъ не губыты душу? Кому жь теперъ та душа потрібна?

Романъ. Стратыты жыття зъ опалу!..

Зинька. А на що воно мени? Ты благавъ мене терпitys — за для чого?.. Що я тобі? (*Кланлетця*). Спасыби жъ тобі, братыку, за твою оборону и за пораду и за твою заступу!.. Серця не чую видъ подякы!

Романъ. А краще бъ я не бачывъ цѣго пекла! На вищо я сюды прыйшовъ?

Зинька. Проклята той часъ-година, у яву я тебе побачыла! О, чомъ мени у ту хвыльну очи не вытеклы, сердце не розирвалося!..

Романъ. Бачу, що я тутъ якъ та скыба одризана... Я тутъ чужей, зайвий!..

Зинька. Грихъ? Соромъ? Ха-ха-ха! Ты бъ у чепьци йшовъ.

Романъ. Зинько! Не прыстало мое сердце до твого, — отъ шо!

Зинька. Не прыстало?... До Хвядошыного прыстало? Вона краща видъ мене?

Романъ. До сердца прыпала.

Зинька. Я сама, сама вынна!.. Не жалъ мени, каже, на галоньку та ворионьку, якъ жалъ мени та на свою голивоньку!.. О, колы бъ хто розчавывъ оцю скажену голивоньку!

Я В А V I.

Ти жъ и Ганна.

Ганна (*зъ дыткою на руци*). Хрыстосъ Воскресъ! Зъ празныкамы та зъ проводамы!

Романъ. Во истыну! Лыбонь, подруга Зиньчына?

Ганна. Була колысь нею!

Романъ. Просымо сидаты. Я не буду заважаты вашій розмови.

Ганна. Наша розмова, якъ полова: не чепай — лежыть, дмухны — летыть. (*Романъ пшыовъ*). Забигла до тебе, Зиню, не на довгый часъ, покы тамъ чоловикъ напоить худобу. Йдемо оце у ярмарекъ,

думка, щобъ на ничъ и до дому, бо двое вылупкывъ zostалося, а оцѣго взяли зъ собою. Свекруха не здужае, то никому й доглянуты. Хотылы завтра поухаты, такъ завтра жъ понедилокъ — важкый день.

Зинька. Эге жъ!..

Ганна (*дывытця на нею*). Може я не въ часъ, якъ той татарынь? Плакала, чы шо?

Зинька (*зитхае*). Угадала, Галю... сидай!

Ганна. Спасыби! (*Сила*). Ведемо оце де-що зъ худибкы у ярмарокъ, думка: або продаты, або заминяты. Идемо поузь вашъ хутирь...

Зинька. Бодай ёго пожежею поняло, выхрѣмъ змело!

Ганна. Хиба шо вчынылося?

Зинька. Ничого... Спасыби, шо провидала!

Ганна. Кажу: идемо поузь вашъ хутирь, я й кажу своему похнюпи: чы не забигты мени до Зинькы? Колысь, кажу, у купи дивувалы.

Зинька. Не довго я надивувала.

Ганна. А й справди? Чы тобі було хочъ годивъ зъ шестнадцать, якъ замизъ йшла.

Зинька. Не знаю!..

Ганна. Ба не було такы, не було!.. Я памъятаю, шо пишъ зпершу не хотивъ васъ и винчаты. Эге, завъязалы свить. Достометно якъ у тій писни спиваетця. Каже:

Гыля, гыля, сиры гусы,
Та на тыхий Дунай;
Завъязалы голивоньку,
Теперь сыды та думай!

Зинька. Охъ, думай, думай!

Ганна. Симъ годъ ты мучыся. Симъ годъ прожыты у пекли — не поле перейты. За такой часъ и гыржа зализо зъистъ!..

Зинька. Кажуть, шо якъ симъ годъ люднына не говіе, то обернетця у чорта; а я симъ годъ межъ чортамы жыву.

Ганна (*вдвляється в неї*). Як же ти змарнила!

Зинька. Чи в'яне квітка підъ ро-сою на сонечку? Чи змарнила бь, коли бь не горе?..

Ганна. Що й казати! Сушитъ воно, в'ялять!.. (*Зв другої хати чути спів*). Весело у васъ! Гостей понайиздыло, мовъ до прычастя: повозокъ та хургонивъ повне подвирье. Мабуть, все значны люде? И старшына тутъ, бо и земська пошта у подвирьі?

Зинька. Нехай вони пропадуть!

Ганна. Якъ же твої празныкы минулы?

Зинька. Слезьмі розговилася, слезьми и заговіюся.

Ганна. Хиба?

Зинька. До краю, Галю, доходить.

Ганпа. И — лыхо! Знаю, голубко, знаю по собі.

Зинька. Не знаешь, Галю, ничего не знаешь! Не те, що ты думаешь, зовсімъ не те... Що чоловікъ поневираетця, що свекруха зольтъ — хиба то горе? Я таке горе, якъ лыху славу, рукавцемъ розмахую!..

Ганна. Накльвай, кажуть, талану, а безталанна й само тебе здыба. Та що жь и справди зкоилось?

Зинька. Невже жь ты, Галю, ничего не берешъ на вздогадъ. Пам'ятаешъ, на першій день Велькодня, натякнула я тобі? А теперъ, зовсімъ на ризнь пшлы наши думкы...

Ганна. Про кого це ты?

Зинька. Заразъ ты бачыла ёго.

Ганна. Зиню!.. (*Дывытця їй вгичи*). Невже ты покохала Романа?

Зинька. Ц-сь! Мовчы, боляче!..

Ганна. Такъ я и вповала, та боялася тобі и вымовыты... Ой лышечко! Та якъ же инакше? Жыла ты тутъ, мовъ у домовни, з'явився Романъ и мовъ зирка освітывъ темну яму... Скільки не плющъ очей, а все кортитыме споглянуты на ясну зирку. И винъ тебе коха?

Зинька. Коли бь же то, чы прызналася бь? Теперъ винъ захожуецця женытысь...

Ганна. И нехай, нехай женытця. Хиба довго до гриха?

Зинька. До якого гриха? Стривай! Чы я зтерлася, чы вы вси навкругы ошалилы? Де жь той грихъ, я не бачу! Хиба по своїй охоти пишла я за Самрося? Хиба по добрій воли зв'язала зь нымъ свою руку? Прыгадай, Галю, що везлы мене до виньця, мовъ на заризъ: сторгувалы й продалы, нибы поле, або деревыну. Чый же це грихъ? Молодй викъ мій занехаялы, знівечылы мое життя... Чый же це грихъ? Чы пышалася я хочъ годочокъ своею красою? Чы глянула я на свиточокъ? Чый же це грихъ? Мій? Це мій грихъ? А ти, котри мене втопылы, вони безгришны? Одна тилько я нескаянна гришныця. Божою волею, чы людскою сылою свить мени зав'язано? Взялы дытя не доросле, дивча не розумна и стратылы!.. Чый же це грихъ? Мій? Коли я почула въ собі серце?.. Серце намъ, Галю, видъ Бога?

Ганна (*не зна, що сказаты*). Якъ вже тамъ не зкоилось, а закону не переламлешъ!

Зинька. Закону? Не вмю я тобі ро-сказаты... Коли сама зь собою миркую, то все въ мени говоре, що нема ни якого закону у моимъ винчанни.

Ганна. Хто зь жинокъ не бидваецця, хто зь насъ не пье гиркою?..

Зинька. Хто-хто? Я хочу знаты, за вищо я мучусь?

Ганна. Не скажу, голубко, не скажу!..

Зинька. И ништо не вгада, ништо!..

Ганна (*помовчала*). А знаешь що, Зиню! Мы зь свекрухою збыраемося передъ Зелеными Святамы на прощу у Кыивъ, чы не пишла бь и ты зь нами?

Зинька. На прощу... (*Жваго*). Пиду, Галю, пиду, коли бь швидчъ!

Ганна. Чы ты, Зиню, молился Богови?
Зинька. Хіба жъ я яка? Молюся,
Галю, слизонькамы молюся!

Ганна. Я черезъ те, бачъ, пытаю, що
якъ дйде було мени до нестерпучого, то
я впаду на вколинкы передь образамы,
голосю, голосю, ажъ усе въ мени голосе!..
Выголосюся, що вже й гласу не одведу,
тільки рыпнуть у грудяхъ, то заразъ мени
и полегче.

Зинька. Пиду, пиду на прощу! (*Зъ
другою кимнаты гукае Самрось*). „Гей,
де ты, давно быта?“

Ганна. О, вже гука Самрось! Заба-
рылася я въ тебе.

Зинька. Пиду у Кывивь!.. Буду мо-
лытсы, буду благаты Мылосердного!.. И
ты, Галю, мольтымыся за мене,— правда?

Ганна. Шкода, що намъ ранищъ не
вправка. (*Самрось крычыть: „гей, жин-
ко, передъ мои очи!“*) Прощай, Зиню!
Що це я й забула, що ажъ до Возне-
сення не можна казаты: „прощай!“ (*Бже
злегенька дыткну по руци*). А куды
ты все руки засовуешъ, куды? Ачт, все бѣ
ѣму до пазухы!

Зинька. Щаслыва ты, Галю, що въ
тебе диткы е!

Ганна (*згорда*). Щобъ ты знала,
що оци вылупкы найкращи порадыкы. Ну,
ходимо до татка? Ахъ, ты замазура!

Зинька. Ходимъ, проведу тебе. Чы
не йде, Галю, хто ранищъ на прощу,
розвидай? (*Пишлы*).

Я В А VII.

Пысарь (*выходе зз боковыхъ дверей зз
скрыпкою*).

Одначе ихъ тутъ нема! Зенида Ан-
дреевна, куда жъ вы сокрылись отъ об-
щаго вниманія? Ухъ! Отъ такого нахаль-
наго частування мозкы пидуть на выво-
рить: чарка за рюмку, и нема тоби пе-

редышкы, а ни Боже мой! Можно на-
пытця, какъ какая-нибудь тварь негод-
ная. Ахъ, скільки не адресую своихъ
взглядовъ до Зениды Андреевны, ну все
не клюётъ! А стара Настя такъ вже
обрыдла, какъ какая-нибудь... Чепляетца
и чепляетца на шыю! Тилько и пользы,
що гроши позыча. Но, кажетца, это до-
вольно не благородно съ моей стороны!
Що жъ я пороблю, когда лезыть, какъ
какая-нибудь свындя.

Я В А VIII.

Пысарь и Настя.

Настя (*пьяленька*). Зновъ іи шу-
каешъ?

Пысарь. Ково?

Настя. Знаешъ, кого! Чого втикъ видъ
кумпаніи?

Пысарь (*пидморгуе*). Душка! Тоску,
не лобызая предмета мечтаній, понимаешъ?
Дура разви какая-нибудь можетъ не по-
нять. (*Обнима іи*).

Зачѣмъ ты, безумная, губышь
Того, хто завлекся тобою?

Навѣрно меня ты не любишь,

Не любишь? Такъ Богъ же зъ тобой!

Ну, во-вторыхъ, этотъ водочный вопросъ
такъ хочъ кого озадачыть. Вышоль пе-
много обвитритця.

Зачѣмъ ты меня прывлекала,

Зачѣмъ заставляла любыть?

Теперыча прочъ отганяешъ

И хочешъ покынуть, забыть!..

Настя. Охъ, не розтрывожуй моего
серця!.. Такъ жалибно спиваешъ.

Пысарь. Ахъ, душка-мадама! Почему
ты не вдовушка?

Настя. Такъ бы и оженився?

Пысарь. Прямой расчетъ! Не вирышь?
Такъ дай мне ятаганъ, али-бо алибур-
веръ, и сычасъ я прострельну свою грудь,
какъ какую-нибудь...

Настя. На що ты впадаешъ за Зинькою, завдаешъ мени жалю?

Пысарь. Штобъ былъ отводъ глазъ. Потому што, хотя твой мужъ и сумашедшій—дуракъ, но онъ важысь помичатъ. И потому надо будетъ намъ ршительно поворотыть свои дила.

Настя. Душко мій! Совитуй, совитуй, якъ найкраще, я все за для тебе зроблю, бо не сыла моя дали мучытыся зъ отымъ старымъ дидькомъ. Якъ не бачу тебе, то такъ сумую, що й йижа не йде на думку. Спасыби попаді: навчыла кыслый совусъ варыты, тилько кысленькымъ и жыву, тилько кысленькымъ и годуюсь.

Пысарь. Да, кысле и на похмилля гараздъ. Платочекъ, который ты презентовала, я до сердца прыгортаю и не разъ кыпучо-горючымъ облываю. Когда возьму скрипыцю въ руки, и тилько вона свойственнымъ мелодіємъ нагадуе звуки твои.

Настя. Оця жъ скрипочка и свить мени замакитрыла. Колысь въ сердцахъ розибыю иі!.. Якъ поведешъ, душко мій, смычечкомъ по струнахъ, то нибы сердце мени на двое перетнешъ.

Пысарь. Но якъ ты чувствительно разсуждаешъ, какъ какая-нибудь...

Я задую тебя въ моихъ объятяхъ,
Я проклену тебя въ моихъ проклятьяхъ.

И вотъ, наконецъ, когда ты не будешъ моею, я кынусь въ волны кыпучого моря, какъ сумашедчый. Жалко, што здесь нема моря-океана, я доказавъ бы тоби! (*Обнима ии и цилуе*).

Я В А І Х.

Ти жъ и Зинька.

Настя. (*Побачывши Зиньку*). Геть бо; отъ уже ненавйжу! И все бъ имъ цилуватыся. Отъ ще поцилуйко! А що, доброго ляпаса вніймалы по губахъ? Ото

вдруге не лизьте, бо я того не терплю. Ще якъ хто побачыть... Ты тутъ, Зиню? Де це ты була, моя донечко?

Зинька. Тамъ, де вженема, моя матусю!

Настя. Якъ це ты одновидашъ?

Зинька. Весело вамъ, любо?..

Настя. (*До пысаря*). Бачыте, я жъказала, што вы своими шуточкамы доведете до того, што ще й Бо-зна што подумаютъ. Отъ и Зиня...

Зинька. Ничого я не думаю, тилько, што вси вы преподобни!

Пысарь. Зенида Андреевна не безъ ума-роума, штобы не понять, што вы какъ мамаша, а я какъ сынъ. Какой же тутъ подзоръ?

Настя. То я вже такъ и зватому васъ сыночкомъ.

Пысарь. Зенида Андреевна! Будъте настолько добры, насколько я васъ просю, объясните: отчего вы не въ общій кавалькади?

Зинька. Белькочы, шельхвосте!

Пысарь. Какъ вы изловили?

Настя. Ій треба клопотаты та порядкуваты. Ты, Зиночко, клопчы та порядкуй, душко моя, а я въ кумпанію посыжу.

Я В А Х.

Ти жъ и Самрось.

Самрось. Щобъ моя жинка не потанцювала, якъ я того зхочу? „Никогда и во вйкъ“... Буде танцюваты и дриботыты... Кума—лавошныця нотной выводе, а моя жинка и черезъ ноту перескочыть!..

Пысарь. Самросій Сафронович! Позвольте ручку. Ну, и уважаю жъ я васъ, какъ какого-нибудь... То есть Господи!

Самрось (*крычыть*). Во хрунтъ!

Пысарь (*вытмаецця*). Радъ старатьця!

Самрось. Ривнайся, нацилайся! Мамаша! Оце достометный чоловікъ. Я вже

зъ нымъ побрѣтався. Зинько, маршъ танцювати!

Настя. Чуешь, Зиню, що мужъ прыкажуе?

Самрось. Чуешь, ты моя—не чужая?!

Настя. Потанцюй, Зиню, „ножнички“, або „жыдивочку“. Я колысь, Господы, якъ гарно танцювала „жыдивочку“.

Пысарь (до Самрося). Братець! У вашой супругы голосъ херувымы и серафымы! Зенида Андреевна, лучше воспойте што-либо.

Самрось. Зинько! Поцилуй мого побратыма!

Пысарь (пидходе). Позвольте, по родственному.

Зинька (якъ ужалена). Не пидступай!

Самрось. Цилуй!

Зинька (твердо). Гараздъ! Ходимъ, тамъ пры всихъ поцилую! Коны цилуваты, то цилуваты привселюдно, а не въ закутку. Правда, матусю? (Пишлы).

Я В А Х I.

Романъ (выходе зъ середнихъ дверей). Батько зовсимъ засумовавъ, що я наважывся въ городъ переихаты. Зоставатися тутъ, щобъ Зиньци разъ-у-разъ мозолыты очи? За що їй мукъ завдавати? Николы и въ голови мени не роилося, щобъ вона закохалася въ мени... Дивно! Ї якъ то треба оберегаться кожного слова. Побалакавъ зъ нею разъ, чы двичи ласкаво, и отъ що вчынылося!

Я В А Х II.

Зинька, Самрось, Настя и гости.

Зинька (выбига зъ боковыхъ дверей). Тутъ просторно, тутъ тоби не перешкождать мене вбыты!

Самрось (зъ пляшкою въ руци, его держуть). По морди дати моему побратымови, моему найлюбезному!

Романъ (зхопывъ его за груди). Скажонный, опамьятайся!

Самрось. Пусты, убью!

Зинька. Пусты его, Романи!

Пысарь (до Самрося). Братець, образумтесь! Я ни котрой обиды. Сестрыця!

Зинька. Пидйды, пидйды блыжче! Я тоби банькы выдеру зъ лоба!

Старшына. Такого колина люде, а ни котрой образованности!

Романъ (однявшы пляшку у Самрося, пха его). Геть, пьяне барыло!

Самрось. Не хочетця тилько захожуватися. (Его уговорюють).

Романъ. Не хвалысь!

Настя. Ой, Зиню, душко моя, якъ же такы такъ?

Зинька. Мовчыть, мамо, мовчыть! До сердца доходе, все выявлю, привселюдно выявлю!...

Настя. Господь зъ тобою, моя дытныно!

Чыкалка (биля Самрося). Ну, мырь! Зъ пустякывъ, дыскаць, неприятности. Скільки разывъ вы были мене по ланьти, то повсигда я вамъ подставлявъ и другуу.

Пысарь. Романъ Сафроновичъ, подайте другъ другу руки, и аминь!

Романъ. Вы що тутъ за мыровый?

Пысарь. Я по родственному.

Романъ. Пидъ тры чорты!

Настя. Ну-ну, ты, болване! Це мій гость.

Романъ. То й цилуйтеся зъ нымъ.

Настя (зъ лякомъ). Що?

Самрось. Сказавъ бы я тоби слово!..

Романъ. Видкашляйся, може въ горлы застрягло!

Чыкалка. Самросий Сафроновичъ, ударьте мене въ обыдвы ланьты, щобъ ваше сердце вдоволнылось.

Самрось. Азъ-буки, печеная редька! Тьху, на твою вченисть!

Старшына. Ходимъ, ходимъ! Люде образовани, а таку необразованность заводите!

Писарь. Алистократы, а какъ будто какіе-нибудь!..

Чыкалка. Самросій Сафроновичъ, попрошу васъ, ударьте мене по ланты и заспокойтесь. (*Пишлы*).

Зинька. Зновъ оборывъ?... А я не дякую, бачышь, яка я не звычайна!

Романъ. Не треба мени твои подяки.

Зинька. Ачъ, стара, беззуба!.. Ій залётн на думци! Ха-ха-ха!

Романъ. Що таке?

Зинька. Послиплы, вси посллиплы! Ахъ, вы праведни души! Ха-ха-ха!..

Романъ. Заспокойся, сестро!

Зинька. Иды геть!.. Не жалуй мене, боляче! Иды, не замурувай мени очей!..

(*Романъ пишовъ*). Де жъ твій гримъ, Боже? Де жъ твоя блискавка, Мылосердний? Чомъ не вбле мене, не спалыть! Охъ, колыбъ же швидчъ померты!.. Щобъ разомъ, якъ однимъ подыхомъ!.. Боляче вмераты по капелыночци! Охъ, якъ боляче! (*Зарыдала*).

(Зависа).

Д І Я І І І.

Село. По середини кону хата Степана Ревы, котра выходыть прыгилкомъ до авансены, з лива вулиця, зъ права комора; въ глыбни: тикъ, садокъ, огородъ и т. под.. Дали зъ лива хата Харытона.

Дієтця въ неділю.

Я В А І.

Хотына и Степанъ сидятъ на спрызбѣ.

Степанъ. Що то, подумаешъ, весна: сонце ясно та хороше свите, нибы наскрызъ тепломъ тебе пронзыуе. А жайворинны якъ щебечуть!

Хотына. Певно не забаромъ и соловейко затехка? (*Помовчала*). А що, якъ нашъ хлибъ?

Степанъ. Чудово зазеленивъ! Якъ перепаде одинъ—другий дощыкъ, то можна сподиватыся урожаю. У посессора озыма пшениця геть зарушылася, и ярна росте, ажъ шумыть!

Хотына. Завжды у посессора хлибъ кращый видъ людського!

Степанъ. Инчий обробитокъ и инча снасть. У посессора мяке поле трема парамы орють, а нашъ братъ и твердого перелога двома дряпа. Не та спроможнисть, не та й худоба...

Хотына. А звычайно. (*Зитхнула*).

Якъ почнешъ отакечкы вдывлятыся, що якъ то у поли гарно зеленіе, та якъ сонечко ласкаво гріе, то такъ весело стане, неначе ажъ кисткы въ тоби лускотять, и нибы почувашъ себе молодчою?..

Степанъ. То сыла муцуетця, порыва ии до праці. За зиму сылы нагуляешъ, вона на весну вже й грае въ тоби.

Хотына. Колы бъ Господь пославъ урожай!

Степанъ. Календаръ каже, що будуть весною дощи, я чытавъ.

Хотына. Та дай, Господы Мылосердний! (*Помовчала*). Де це Хведоска такъ довго барытця? Прохала кума Ганна, щобъ я до неи на часыночку забигла, якесь, каже, пыльне дило?

Степанъ. То й збигай, а я постережу хату.

Хотына. Я не буду барытыся. (*Пишла*).

Степанъ (*глянувъ въ гору*). Сонечко вже на полудень зверта, ачъ якъ сєе, мовъ дивча усмихаєтця. Благодать!

Я В А ПІ.

Харытонъ и Юхымъ *выходять зъ своєї хаты.*

Харытонъ. Я тобі дамъ нову кухвайку! Це прямо грабижъ, розбой!.. Хочъ зъ села втикай, збирай збижжя та й тикай на Амуръ!

Юхымъ. Теперъ до нашихъ парубкивъ приходять на вулицю хуторськи парубки: Романъ Жлуденко, Антонъ Колупайченко и ще де-яки, — вси зодягнени у гарну одєжу, а я якъ той злыдень... Романъ иноди книжку чыта. Хиба й мене не коргыть послухаты?

Харытонъ. Знаю я, що тебе коргыть?

Юхымъ. Менн теперъ тилько й погуляты: у осени визьму жеребокъ, тоди я царськый.

Харытонъ. Де жъ я визьму грошей на нову кухвайку, де?

Юхымъ. Мало де?! Позычте!

Харытонъ. Напозычався вже й такъ по саму завязку!

Юхымъ. И двирськи хлопци ходють: лєкєй, кучырь, поваръ и машиньстый, — вси въ пуджакахъ... А я, хазяйскый сынъ, та пиду въ свити? Дайте хочъ вашого джекєта, або рубъ серебра на сытцеву рубашку. Лавошникъ привизъ учора зъ города: кухвайкы, пуджакы и сытцєви рубашкы!..

Харытонъ. Це ты чы не хочєшь заслиныты мєни очи? Мабуть, коргыть у „заборонку“? Програвъ на проводы тры злотыхъ?

Юхымъ. А вы хиба не гралы?

Харытонъ. Такъ я жъ выгравъ, ажъ трыдцять симъ копїєкъ выгравъ. Я вси карты наскрызъ бачу, я знаю, колы можна

замырыты; а ты, чортова роззява, зъ симкою козырною та зъ двома хлапамы кричышь: „замырывъ!“ Отъ ще чортъ не выдавъ, завєлы моду у заборонку грати!

Юхымъ. Дайте бо рубъ серебра!

Харытонъ. Не дамъ!

Юхымъ. За такимъ батькомъ вращє на гыляку!

Харытонъ. Що ты сказавъ? Та я тебе!.. Ахъ ты жъ супостать!

Степанъ. Що, сусидє, лєхко слухаты видъ сына таки рєчи?

Юхымъ (*у бикъ*). Ну й чого та бормота разъ-по зъразъ чєпляєтця?

Харытонъ (*до Юхыма*). Та я тобі, собачый сыну!..

Степанъ. Смилищъ, смилищъ берн єго за чуба!

Юхымъ. Ов-ва!

Харытонъ (*скыда жокєта и жбуфля Юхымови*). На, подавься нымъ!

Юхымъ (*хутко зодягаєтця*). Не подавлюсь (*у бикъ*). Де жъ то теперъ парубкы грають у картъ: чы въ провали, чы пидъ млынамы? (*Пишовъ*).

Степанъ. Чувъ ты, Харытоне, письню, що каже:

„Ой, мамцю моя,

А я донька твоя,

Було бъ мене быты-вчыты,

Якъ маненька була!

Харытонъ. А якъ єго вчыты?

Степанъ. Змалєчку лозыною, а теперъ вже й дубына не поможе.

Харытонъ. Та змалку винъ слуханымъ бувъ, а теперъ... А яка роззява, чы вы чулы? Я оцє думаю кынутыся до мирового? Помылуйте! Знаєте, купывъ я єму хвинєлєву кухвайку, сказаты: настоящю нимєцьку! И такъ було гоже глянуты на нєго: не Юхымъ, а колоньстый, однимъ лицємъ колоньстый! Що ка винъ, чортова роззява, зробывъ? Пишлы мы зъ нымъ па страсть. Соломїя Гаврыкова стала позадъ Юхыма та свичку зъ вогнемъ и

притулыла до Юхимовой кухвайки. Що жь вы думаете? — Геть спыну у кухвайци спалыла. Рубь симдесять три копійки якъ у воду жбурнувъ!.. Хиба на це е законъ?

Степанъ. На кого жь ты маешъ скаржытыся?

Харытонъ. На неи! Якъ вона може палыты чуже добро? Дай ей путывочку, вона й хату мени спале! Це просто роспутство!

Степанъ. Дурныцю ты правышъ. Во-на жь ту шкоду зробыла ненарокомъ, у снй?..

Харытонъ. Нехай не спыть у церьви!

Степанъ. Та й ты жь, мабуть, задримавъ?

Харытонъ. Правда, согришывъ! Такъ я жь никому шкоды не вчынывъ. Ни, не кажыть, — роспутство у насъ завелося.

Степанъ. А завелося: гедзеты, плюндры, чоботы, обблямовани цвяшканы, сытцеви сорочки... Чы та жь одежа прыстала до чорной роботы? Одынь тилько день косую помахай, заразы плюндры потрискаютця, и сорочка розлизетця, якъ павутыння.

Харытонъ. Колы жь дывыся, якъ други, прымеромъ у городи, — мищане, або ремесныкы, — то й соби такъ потрапляешъ.

Степанъ. Городъ не село: тамъ инча робота, то инча й одежа.

Харытонъ. Що не кажыть, а въ гедзети якось акуратницъ. Якъ и на базарь пойдешъ у гедзети, то вже коженъ тоби каже: поштанный! А напнешъ сирачынну, то тилько й чуешъ: „гей-ты, мужыкъ! Хамло! Мазепа!“...

Степанъ. А тоби не хочетця буты мужыкомъ? То жь бо то й горе!

Харытонъ. Та що вы все гарчыте? Ну, а скажыть, якъ воно мусыть буты? Вы жь чытаете псалтыря, що тамъ покажуе?

Степанъ. А ты навчыся чытаты, то й знатымешъ, що покажуе.

Харытонъ. Мы, — що мы? Якъ други, то такъ и мы. Бачымо, напрыкладъ, що въ гори небо, а пидъ ногами земля, а що тамъ вышче, або ныжче, чы утнемо своєю головою?..

Степанъ. А ты за хмары не залазь, а частиць дывыся пидъ ногы. Думаешъ, що земля не промовляе? Тилько шыро помолыся та прыпады до неи, то вона й промовыть до тебе, промовыть, якъ маты.

Харытонъ. Це вже вы щось таке балагаєте, що я не вмію такого й слухаты... (*Помовчавъ*). Що це наши громодяне такъ бавлютця, пышы царыну оглядаты, та й доси тамъ воловодятця!

Я В А III.

Ти жь и Романъ.

Харытонъ (*побачывъ его*). Сафронывчу, куды Богъ несе?

Романъ (*пидходе*). Здрастуйте!

Харытонъ и Степанъ. Доброго здорывьячка!

Харытонъ. Куды це, пытаю?

Романъ. Коженъ свого шука. Прыйшовъ до вашихъ парубкывъ, занудывся дома.

Харытонъ. На вдаху чы теперъ ихъ здыбаешъ. Десь, хочъ по кручахъ, або по ровахъ у заборонку грають. Въ сели не можна: соцьней розганяе, такъ вони по кручахъ роспутство заводять.

Романъ. Инчой забавкы нема, черезъ те може й въ картъ грають.

Харытонъ. Отъ чортъ не выдавъ, выдумалы заборонку!

Степанъ. Прысядь, козаче, якъ що не хапаеся.

Романъ (*сидя*). Прыхапокъ, якъ и вхъ-покъ: лызнувъ — не вхопывъ, сёрбнувъ — не наився. Де люде, тамъ и розмова; а

де розмова, тамъ и розумъ. Вы жъ тутъ про вищо розмовляли?

Степанъ. Перелявали зъ порожнёго та въ те, що безъ клёпокъ.

Харытонъ. Сказать: пустословыли!

Романъ. Кожна балачка мае вартистъ. Зъ балачки и дило зъявляеця; не було бъ розмовы, не було бъ и дила.

Степанъ. Слово до слова, то вже й два. Такъ, такъ. Може розкажешъ намъ що нового? Буваешъ часто у городи?— тамъ усякы чуткы йдуть.

Харытонъ. А якъ же. Телеграфъ и всяки способы. Мы тутъ якъ у пуци, а тамъ брынькнувъ у дритъ, и вже й е новына.

Романъ. А що намъ до тией новыны, котра брыззка?

Харытонъ. Якъ що? Примеромъ, про войну. Кажуть, що аглычанъ дуже напосився?

Романъ. Про те не нашимъ головамъ мирувати.

Степанъ. А якъ цина на хлибъ, нечувъ?

Романъ. Пишла въ гору.

Харытонъ. Отъ колы бъ було до ціи поры хлибъ додержаты?.. А якъ ты ёго додержышь, колы оплаткы и всяки... Учора якыйсь прохожый салдатъ розказувавъ. Каже: „бида, якъ сильно аглычанъ напера!“

Я В А I V.

Ти жъ, Кырыло, Пылыпъ, Свырыдъ и ще сколько чоловикывъ. *Вси шапкуютця.*

Кырыло. Це вамъ Романъ казавъ? А я вамъ кажу: не вирьте тому, що винъ плеще. Кажу вамъ, що нема ни Лондому, ни Парыжу! Тилько и е Петербурхъ, бо тамъ царъ живе, та святой Кыивъ, бо тамъ мощи.

Романъ. Уже й дидови Романъ навязъ у зубы? За що це вы, диду, людей на мене нацьковуете?

Кырыло. Га! Щобъ ты не заморочувавъ паморокиивъ.

Романъ. То по вашому виходыть такъ, що чого вы не бачылы, то того й нема?

Кырыло. Мене не заморочышь!

Романъ. Та вы жъ и Петербурха не бачылы?

Кырыло. На картыни бачывъ. И Петербурхъ и Кыивъ бачывъ.

Романъ. А якъ я вамъ покажу на картыни и Лондонъ и Парыжъ, тоди поверыте?

Кырыло. Думаешъ, що якъ не грамотный, то й не розберу? Я сразу признаю, де усякый городъ!

Романъ (*выйма зъ кешени кныжку*). А оде що?

Кырыло. Дурнычка, дытяча забава. Мене не заморочышь! (*Иде, бормочучы*).

Романъ. А що? Чого жъ вы такъ швыдко метете ногамы? (*Смиетця*).

Кырыло. Я ще не безъ розуму, щобъ зъ дурнемъ у патёки захотиты. (*Пишовъ*).

Романъ. Отъ тоби и здрастуй! Нд за що ни про що ще й дурнемъ облаявъ!

Я В А V.

Ти жъ, Пылыпъ, Свырыдъ и Денысь.

Пылыпъ и Свырыдъ. Доброго здорoviaчка!

Денысь (*идъ чаркою*). Гуляй душа, наливайся халава!

Степанъ. А де жъ твое здрастуйте?

Денысь. Хочъ и не треба.

Степанъ. То й ты тутъ зайвыи!

Денысь. Це твоя вулиця, твоя? Вона обчеська, а я обчеський собствелныкъ, — о! Я пры своимъ закони!

Пылыпъ. И пры своимъ розумови?

Денысь. И ты тутъ? Пылипе, мовчи! Сяду отутъ посереду вулицы, на своимъ обчеськымъ положенію. (*Сивъ*). Отъ якъ прыкныивъ!

Свырыдъ. У иного пибы и голова на плечахъ, а прыдивысса гарненъко...

Пылыпъ. Побачышь свыстуна.

Степанъ. Або жъ пляшку.

Денысь. Самъ ты пляшка! Нехай моя й пляшка, а твоя не вартъ и цвяшка! Думаешъ, не вмію до ладу одно-висты? Хочъ ты й чабанъ, такъ я тоби не вивця! (*Дражне*). „Бырно-бырно! Цкалей!“ О! Ты мене розжуй!

Пылыпъ. Та й выплюй.

Денысь. Я кожного зъ васъ на пальцахъ знаю.

Пылыпъ. Це вже такъ и на лоби у тебе написано.

Денысь. А вже жъ! Ей-Богу, я всіхъ васъ на пальцахъ знаю! (*До Романа*). Ты розумный, розумный?

Романъ. Вамъ виднищъ.

Денысь. Отъ я и бачу... Ну, а хто давъ кози имня?

Романъ. Адамъ.

Денысь А хто...

Романъ. Стривайте жъ бо! Теперъ вже я вамъ загадаю.

Денысь. Отъ за це люблю!

Романъ. Тилько цуръ не лаятысь! Скільки вы сёгодня выпылы?

Денысь. Скільки?

Пылыпъ. Отъ тебе и загналы на слызькѣ!

Денысь. Бачу, ты не дурень!.. (*До Пылыта*). Пылыпѣ, зарятуй мене. Говорить отутъ, пашыть!..

Пылыпъ. Що, Денысе, опеньгався?

Денысь. Ни, ты, Романе, Ей-Богу, не дурень! (*До Пылыта*). Позычь полтнинька?

Пылыпъ. А пидешъ завтра до мене гречку сіяты?

Денысь. Завтра... завтра не пиду! А въ вивторокъ прямо йды до мене въ хату та й тягны за чуба!.. А завтра похмилятимуся! Я тоби онъ якъ видслужу!.. Теперъ цина поденному трыдцять пятаь копійкѣ, а я пиду до тебе за двадцять, — онъ яка у мене совість! Чуешъ, за двадцять пиду!

Пылыпъ. Ну, ходимъ, зарятую. (*До другихъ*). Треба бидолагу зарятуваты.

Денысь (*до Романа*). Я тоби скажу, що ты зовсимъ не дурень! Люблю, хвалю! (*До Харытона*). Харытоне, гайда, по-частую!

Харытонъ. Не хочу! Колы бъ у заборонку?

Денысь. А карты е?

Харытонъ. Въ кешени!

Денысь. Частуй! Чы то пакъ: здавай! (*Пишлы*).

Свырыдъ. Ходимъ и мы до шынку. Степане, гайда!

Степанъ. Не пиду, щось не охота. (*Свырыдъ и други пишлы*). Пылыпъ такъ и ловыть запіякъ. Отъ и пиде до нёго Денысь за пивъ цины робыты. И отакъ ризъ-у-разъ.

Романъ. А чомъ же старшына не втручуетця въ таки дила?

Степанъ. Старшына? Якъ бачу, ты й справди новый чоловикъ на сели. У насъ старшына — затычка; старшыною керуе пысаръ. А пысареви до насъ байдуже. Адже ты чувъ, що була у насъ школа? Пысаръ не захотивъ, посварывся зъ учителемъ, и школы вже нема: знычтожылы; а хату найняли лавошныкови пидъ постоянный двиръ. Той лавошныкъ вже шостый годъ, якъ прыплентався до насъ; прышовъ злыднемъ, а теперъ розжывся такъ, що ось-ось и въ купци выскочыть. Колы хочешъ правду знаты, то отой лавошныкъ усимъ селомъ заправляе. Постояный двиръ ёго, лавка ёго, шынкъ ёго!.. Захопывъ всіхъ у свои лапы. Теперъ захожуетця били мищанъ та полупанкывъ, адже и до твого брата добираетця?

Романъ. Зализь у кешеню.

Степанъ. Такого зилля ви якъ не выкоренышъ!

Романъ. Ну, а громада? Громада жъ великый чоловикъ.

Степанъ. Великий та дурный.

Романъ (*помовчавъ*). Дивно, дивно
якось конця у миру. (*Пауза*). А я оце
нарочыто зайшовъ до васъ.

Степанъ. Масшь яке дило?

Романъ. Маю. Тилько не знаю, якъ
вамъ ёго и выявити?

Степанъ. Якъ знаешъ, такъ и кажы.

Романъ. Та, мабутъ, прямо краще.

Степанъ. И на мою думку такъ.

Романъ (*помовчавъ*). Покохавъ я ва-
шу дочку.

Степанъ. Якъ?

Романъ. Це вже и въ Бога такъ за-
писано.

Степанъ. Отъ тоби й прытычна!
Х—мъ! Якъ же це, колы?.. Эге, пытаю,
неначе самъ не бувъ молодымъ? Воно, якъ
бачу, и завжды такъ конця, що вже й
сусиды, вмовлявъ, знаютъ, а батько—ма-
ты на останци... А ты жъ зъ Хведос-
кою балакавъ?

Романъ. Колы бъ не знавъ іи сердца,
не зважывся бъ обертатыся до васъ зъ
пытаннямъ.

Степанъ (*помовчавъ*). Що жъ, ии во-
ля. Ии воля, ии й доля?! Ни сылувати,
ни видмовляты не хочу: колы це ій видъ
Бога, то Богъ ій и талану залышывъ.
Чувъ я, що ты не въ брата свого, чувъ.
Хочъ и кажуть, що лыха слава бижитьъ,
але жъ и добра не завжды лежитьъ. Хо-
че йты—поможы ій Воже; не хоче—сла-
ва Богу!

Романъ. Спасыби вамъ за шыре сло-
во. Де жъ, батьку, Хведоска?

Степанъ. Що? (*Усмихаеця*). То
ты такой козарлюга, що чуже дило, мов-
лявъ, руками розведу, а до свого й ума
не прыберу? Бодай васъ зъ такымы па-
рубками! Не побижу жъ я іи шукаты.
(*Шуткуе*). Чы не подалася у байбузы?

Романъ. Та я... Я такъ тилько спы-
тавъ.

Степанъ. А, бодай тебе!.. Ачъ
червонивъ, якъ калына. Якый зъ те
ловикъ буде?

Романъ. Вылюднію! Це вы мене
симъ засоромылы. Прощайте! (*У-
нытысь, пшовъ*).

Степанъ (*самъ*). Отаки парубки
родылысь! Пыта: „де Хведоска?“
гай! А якъ мы колысь парубковалы,
якъ зтырлѹю вѹвци, на шылю, билы
ла, выйду на могылу, та якъ свѹ-
летытъ Хотына, ажъ зилля пидъ нею
дыгытытъ! Мынулося, а й доси сердце ожы-
на, якъ згадаешъ. (*Задумався*). Таланъ
це Хведосци, чы омана? Колы покоха-
ла, то повинна знаты, кого... Ачъ! Не-
ма жъ и моеи Хотыны дома, пышла до
кумы... Прытычна!..

Я В А VI.

Степанъ и Хведоска.

Хведоска (*идучы селомъ*). Казала
Мотря, що Романъ пшовъ у подовшь
села, куды жъ то?

Степанъ (*побачывъ ии*). А де ты тамъ
вемтаесся? Ще тоби не обрыдлы спивы
та гульня?

Хведоска. Отакои! Почнить гриматы!

Степанъ. И маты, и дочка майнули
зъ подвирья, ни на бого й хаты кыну-
ты. Мабутъ, и худоба не напоена?

Хведоска. Худоба жъ у степу.

Степанъ. Я й забувъ!.. Ходышь тамъ...
Може яке баловство? Ты гляды мени!

Хведоска (*у бикъ*). Невже воны по-
стереглы?

Степанъ. Думаешъ, лехко васъ до
розуму доводыты! Зостанься била хаты, а
я... Може надійде.

Хведоска. Хто?

Степанъ. Хтокало! Думаешъ, що вы-
ховалася? Ты у мене гляды. (*У бикъ*).
Прытычна. (*До неи*). Пиду, пошукавъ
матеря.

Хведоска (*сама*). Такъ и е, що батько постерегли! Ой, лышечко!.. Вони вже, мабуть, давно постерегли! И де жъ не давно, коли сегодня за обидомъ казали: „конѣви стання, а волдѣви ясла.“ Це жъ вони мени навздогадъ, а я й не туды. Що жъ оце буде? Коли бъ же хочъ маты булы дома, розказала бъ имъ... Якъ треба, тоди ихъ и нема дома! (*Идучы на огородъ*). Що жъ це буде? (*Пишла*).

Я В А VII.

Романъ. Сказала Мотря, що Хведоска побигла до дому, якъ бы жъ мени и побачыты? Може въ хати, хочъ бы у ви-конце выглянула.

Я В А VIII.

Хведоска *вертаецця з огорода*.

Хведоска. Ну вже й маты, якъ пидуть куды, то й не диждесся ихъ! (*Побачыла Романа*). Це ты?

Романъ. Я, мое пташенятко!

Хведоска. Ой, Боже жъ мій! Чого жъ такъ рано, ще й не вечоріе?

Романъ. Мабуть, скучывъ?

Хведоска. Ой, не стій же тамъ! Ще якъ и сусиды постережуть, начнуть плескаты... Куды жъ мени тебе подиты?... Клопитъ зъ тобою!... Иды мерщій хочъ пидъ повитку. (*Идутъ пидъ повитку*).

Ну й хто выдавъ такъ рано приходыты?

Романъ. Та вже якъ чоловікъ знантелычтыця, то такъ помилка за помилкою и чепляецця.

Хведоска. Эге, тоби смішкы! Смішкы зъ кумыной вишкы! Ой, якъ сердце трипотыты!..

Романъ (*бере и за руки*). Хведоню!

Хведоска. Якъ ты сказавъ тамъ, била воруять?

Романъ. Пташенятко мое!

Хведоска. Ачъ, якъ гарно!

Романъ. Пташенятко мое, коли бъ ты знала, що зо мною оце свижо трапылося. Отъ напикъ ракивъ! Серденько мое, та коли жъ я диждуся того щастя, що назву тебе привселюдно моею любовою? Голубяточко мое! Я видамъ тобі все жыття мое; мы будемо зъ тобою щиро працоваты и тимъ здобудемо талану и щастя,— правда?

Хведоска. Я щыра до праці, ще й тебе за пояса затяну! (*Глянула на огородъ*). Ой, лышенько! Маты йдуть... Якъ ихъ не треба, тоди вони и зъявлюця! Тикай худчыщ!.. Заховайся!..

Романъ. Прощай, скоро побачымся!

Хведоска. Мерщій тикай! (*Романъ пишовъ*). Це жъ маты постережуть!.. Хочъ бы бувъ не поцилувавъ, лыце такъ и зашарило!.. У перше сегодня поцилувавъ!.. Якъ смытають маты: чого такъ почервонила, що я скажу. Хочъ бы хто лынувъ на мене холодною водою!... Прыкынуся, нибы ихъ не бачу. (*Злягла на тынз и ледвє стыва*).

Свиты, свиты, мисяцю,

И ты, ясна зорю,

Просвиты дорожку,

А де мыла моя.

У чыстому поли —

Тамъ шовкова трава,

Ой тамъ дивка косу

Тай росчисувала.

Тамъ дивчына косу

Тай росчисувала,

Сестрыцямъ — подружкамъ

Переказувала!

Сестрыци — подружки,

Вы кайтеся по мени,

Не доймайте виры

Вы козаченькови.

Я В А IX.

Хотына (*иде з огорда*). Онъ якои сумной завела!

Хведоска. Це такъ, мамо... ще тилько письня така...

Хотына. А й чога бѣ тоби сумовати? Ты шаслыва, доню.

Хведоска. А... а вы почимъ знаете?

Хотына. Якъ то: „почимъ?“

Хведоска. Хытруете? Ачъ яки!

Хотына. Чога жѣ бы то я хытрувала?

Хведоска. Бачу я по очахъ!.. Мамочко, ластивочко, чы вы теперъ добреньки?

Хотына. Ну?

Хведоска. Ни, вы засмійтеся!..

Хотына. Чога таеъ лабузнысея?

Хведоска. Мамочко! Сядемо отутъ, на спрызби. (*Садовытъ ии поручъ зъ собою и голубытця*). Ой, страшно! Ненечко, порадовько моя! Я жѣ у васъ люба дитына:

Хотына (*гладе ий голову*). Одна, то й балувана.

Хведоска. Ни! Ей-Богу, не балувана. И батько казали, щобъ я не балувалася... Чы я жѣ у васъ не покирлыва, чы не слухняна?

Хотына. Ба покирлыва.

Хведоска. И слухняна, правда?

Хотына (*сміетця*). Трошки съ гедзомъ!

Хведоска. Тилько трошки жѣ? Ненечко! Ой, страшно!.. Стривайте, я заплащю очи. (*Заплющюе очи*). Ластивочко, вы ничога не постерегаете?

Хотына. Ба постерегаю.

Хведоска. Та й доси мовчали?

Хотына. Тоби, доню, висимнадыцять годивъ, масшъ вже свого розума, я тебе повчала, колы ты була ще не розумныцею... Якъ памьятаешъ матерыну науку, то й тямшъ, якъ слидъ поводитыся.

Хведоска. Я все памьятаю.

Хотына. Приходывъ до тебе у ночи въ комирчыну якыйсь парубокъ другого дня Велькодня?

Хведоска. Приходывъ, ненечко, и третёго, и четвертого, и...

Хотына. Та бачыла жѣ, бачыла. Лыбонь и батько постеригъ. Якосъ прокы-

нувся у ночи, мабутъ, почувъ, що рыпнули двери въ комори, та й каже: „а глянь, стара, въ викно, лыбонь, ничъ зоряна!“

Хведоска. Ой, що жѣ оце буде?

Я В А Х.

Ти жѣ, Степанъ, Свырьдъ и Пылыпъ.

Степанъ. А йды, стара, въ хату. Ось, бачъ, ци люде здыбалы мене по середу шляху та й прысыкалыся... Кажуть, що у насъ е якыйсь крамъ, а въ вихъ купецъ! Лыбонь мы зъ тобою николы не крамарювали? Чы може вони не на ту стежку втрапылы, чы въ манывцяхъ заплуталыся? (*Глянувъ на Хведоску*).

Хотына. Мылосты жѣ тамъ свитло, щобъ бува по ночи лоба не розбылы,—нехай роздывлютця: де той у насъ крамъ?

Свырьдъ (*до Хведоскы*). Чога жѣ ты, дивчыно, раки печешъ?

Степанъ. Уклонись же людякъ та звычайненько. (*Хведоска уклоняетця*). Не здыуйте! Вона у насъ хатня, промежъ людьмы не густо бува,—все бильшь пидъ матерынымъ крыломъ, то наврядъ чы зугарна до ладу и вклонитыся.

Пылыпъ. У дивчатъ вже така звичка: очи въ землю!

Степанъ. Колы прыблудылыся, то йдить у хату, свитло вже засвичено.

Пылыпъ. Посыдымо, побалакаемо...

Свырьдъ. Идить же, пане хазяине, вы попереду, бо мы не знаемо, якъ ваши двери видчыняютця.

Степанъ. Доброму чоловикови въ середыну; а лыхому и викно—двери и дымаръ—ворота!.. (*Пылыпъ*).

Хведоска. Якъ на вугилли стояла. Въ голови заметушылося, у вухахъ якъ ципамы молотытъ!.. Видъ кого жѣ це люде? Невже не видъ Романа? И—и! Не доведы, Господы! Ни за кого не пиду опричъ

Романа!. Шо якъ не видь него? Втечу, втечу!... *(Пишла на огородъ).*

Я В А Х I.

Зинька *(хутко выходить из за прыжилка)*. Романъ вже й старостивъ шле! Ганна хотила мене обманути, а я такы довидалася!.. *(Загляда у вишко)*. Он-дечкы жъ и старосты; Романа нема!.. Чого жъ я сюды прыйшла? Шо жъ я задумала, що жъ я хотила?.. Не розмиркую. Задумала завтра у Кывивъ, на прощу! Завтра? Чому жъ сегодня не завтра? Мовъ вихремъ раптомъ мене вхопыло и закрутыло, мовъ перьину!.. Кудысь несло, перекидало, жбурляло!.. Тутъ зупныло.. Нiby вси пляхы мои тутъ до купы зйшлися!.. Въ голови то порожне, то важко стае, мовъ що перелываетця, важко якъ!.. *(Вхопылася за прыжилокъ).*

Я В А Х II.

Хотына *(выйшла з хаты и вытира рукавомъ очи)*. А де ты, Хведоню? А ходимъ лышень въ хату. Хведоню — гу! Куды жъ це вона забигла? Отъ капостне дивча, якъ засоромылася, що й зъ двору майнуло! *(Шука).*

Я В А Х III.

Пылыпъ, Хведоска и Хотына.

Пылыпъ *(выходе з хаты)*. Питы, привесты Романа, швидчъ дило буде. *(Пишовъ).*

Хведоска *(иде на зустрічъ Хотыни)*. Я тутъ, нене. Тилько не буде по вашому.

Хотына. Чого жъ ты ховасся? Мы тебе не сылуемо, ты у свой воли. Якъ тобі Господь на думку покладе, такъ и робы, такъ и людянь видповидай.

Хведоска. Видь кого жъ ти люде. Хотына. Парубка звуть...
Хведоска. Невже не Романомъ?
Хотына. Ба Романомъ! Винъ?
Хведоска *(засоромылася)*. Винъ, матиночка! Винъ, лебидочко! *(Пишлы в хату).*

Я В А Х IV.

Ганна *(выходить из-за прыжилка)*. Зинько! Шо жъ оце ты робышь. На хвылыну увйшла въ хату та й счезла... Гарна гостя! Спасыби!

Зинька. Не знаю, Галю, що роблю!..

Ганна. Гай-гай! Де твій розумъ? Бачъ, це такъ на прощу збираеся?

Зинька. Охъ, колы бъ же швидчъ ранокъ... Ходимъ! *(Пишлы).*

Я В А Х V.

Пылыпъ и Романъ.

Пылыпъ. Шаную Степана, що кременый чоловікъ. Хочъ бы вусомъ моргнувъ. „Дочку, каже, сватаете, доччына и воля, а я а ни жé не скажу“!..

Романъ. Невже жъ и справди такый вже свить наставъ, що все мирлетця гришмы?

Пылыпъ. Бо вони всему голова!

Романъ. Ни, це помилка.

Пылыпъ. Поживешъ, побачышь. *(Пишлы).*

Я В А Х VI.

Зинька и Ганна.

Зинька *(хутко йде)*. Пусты мене, Галю! Пусты, серденько... Я чула ёго голось!

Ганна. Якъ бачу, ты зовсимъ зтерялася!

Зинька. Дай у останне поднытыся на нёго. *(Прылына до вишна).*

Ганна. Жыруешъ ты, голубко, отъ що я тобі скажу! Жыруешъ! Кортить, щобъ все село знало, щобъ потимъ кожны палець на тебе показувало; щобъ прылипылы прывыще, котрого и повикъ не збудесся? Мусытнмешъ що-разу ховаты очи видъ людей, що-разу оглядатся, щобъ яка-небудь мерзюта, котра нигтя твого не вартъ, не на-сміялася надъ тобою прывселюдно! . Не разъ заквылышъ: „ой, Боже, Боже, колы той вечыръ буде, колы вже про мене на-говорятця людю!“ Ходимъ, кажу тобі!

Зинька. Не пиду! И сылю мене не поведешъ! Не пиду!..

Ганна. Роспустила ты свое сердце! Якъ хочешъ, такъ и робы!.. *(Пишла)*.

Зинька. Нехай мене картають люде, нехай цкуютъ, нехай!.. Не вытруять изъ сердца коханья, хйба вырвуть разомъ зъ серцемъ! . *(Голосючы, прыпада до спрызбы)*.

Я В А XVII.

Хведоска *(выбига з хаты)*. Де жъ такы я пры чужыхъ людяхъ признаюсь, що кохаю Романа?.. Нехай маты за мене признаютця. *(Прыслуhaustця)*. Хто це рече? *(Прыдивляецця)*. Хто-то на сирзбы? Це вже котрась зъ дивчатъ дуріе! Котра це? Мотре, ты! Та ну - бо не пустуй!.. Любо, обизвысь! *(Бере Зиньку за плечи)*. Думаешъ, злякась? Отъ вже ненавжу!..

Зинька *(пидняла голову)*. Чого тобі?

Хведоска *(видсахнулася)*. Хто це?

Зинька. Гарна, якъ замалёвана! . Ма-люнокъ красуе очи, а сердце въялыть.

Я В А XVIII.

Хотына. Хведоню, скажы жъ вже... А це хто?

Зинька. Не по знаку?

Хотына. О, якъ не по знаку? *(Ци-луе Зиньку)*. Отъ же й гараздъ!.. Те-

перъ вже якъ свои. *(До Хведоскы)*. А ты хйба не признаешъ?

Хведоска. Ба признала *(до Зинькы)*. Чого вы сюды прыйшлы?

Хотына. Ходимте у хату. А моя Хведоня, чы вы бачылы таку соромлыву, не хоче сказаты пры чужыхъ людяхъ, що коха Романа!

Зинька. Не лехко вымовыты! А ще тяжче, якъ вымовышъ душу, — ажъ дывнесь, та душа курямъ пидъ сідало!

Хведоска. Якъ, яка душа?

Хотына. Що ты тамъ, дурочко, бель-вочешъ? Ходимо!

Хведоска *(тыхо Зиньци)*. Я все знаю!

Зинька. Тобі жъ краще! *(До Хотыны)*. Частуйте жъ мене, дорогу гостю, видъ порога ажъ до покуття. *(Пишлы)*.

Я В А XIX.

Настя и Пысарь.

Пысарь. Настасія Ивановна, душекы моя, неробы скандалу какъ какая-ныбудь...

Настя. Пусты мене, Манылочку! *(Пид-бигла до вкна)*. Ачъ, якъ рядочкомъ посидалы! *(Крычыть у вкно)*. Гусь свыни не товарыщъ!

Я В А XX.

Ти жъ, Степанъ, Хотына, Романъ, Хведоска и останны.

Степанъ. Хто це тутъ репетуе?

Настя *(до Романа)*. Ты якъ же це безъ матерного благословенія, крадькома?

Романъ. Я прохавъ васъ, вы не захотылы й слухаты мене.

Настя. Нема тобі мого благословення! Порочышъ наше званіе на всю округу!

Романъ. Ваше званіе пры васъ и зостаецця.

Настя. Мовъ багнюкою жбурнувъ мені вь вичи!.. Осудовысько! Зъ давныхъ-да-

венъ потомствени мищане, онъ якого колина: и купци у нашихъ роду е, навить и вдворяне! На дочки чабана сватаецця, на обидранци, задрыпанци!

Степанъ. Та що жъ оце ты, вихтева затычка, влизла въ мое подвирье та ще й веремію здіймаешъ? Та я тебе хутко вкоськаю, ще й цурку на губу накыну!

Настя. Не смій мене порочыты!

Степанъ. Помелá скільки непорочъ, що воно въ сажи, а воно зновъ лизе въ каглу, бо на те воно помело!

Настя *(до Романа)*. Щобъ вухо мое тебе не чуло, око мое тебе не бачыло! Ой, зтеряюся! *(Пада тысареву на плече и голосе)*.

Степанъ. Слухай, Романо! Коха тебе Хведоска, нехай иде! Иды до насъ у прыймы. Наша хата хочъ и маненька, та правда въ ній шыренька. Стане тиснищъ, буде теплищъ! Хочъ три ступни видъ покуття до порога, за те въ ній тыхо, якъ у Бога.

Настя. Не сынъ ты мени, не сынъ!

Романъ. Я и самъ думаю: чы я не обминьчá часомъ.

Степанъ. Романо! Цёго я не люблю! „Чты отьця твого и матирь твою!“

Настя. Соромъ, соремъ!.. Теперъ попада та дячыха высміють мени очи!

Я В А XXI.

Ти жъ и Сафронъ.

Сафронъ. Демоя жинка, тамъ и гвалтъ!

Настя. Ты чого сюды прытетюрывся?

Сафронъ. А ось послухай!

Настя. Нехай тебе злыдни слушають! *(Хоче йты)*.

Сафронъ *(хапа ии за руку)*. Такъ стій же!

Настя. Що-о?!

Сафронъ. Довго я тоби волю дававъ, довго слдва тоби у поперекъ не сказавъ...

Спытаешъ: черезъ що? — Не скажу! Не зрозуміешъ, а чужымъ людямъ до того байдуже. Ще бъ може терпивъ, коли бъ венарокомъ не пидслухавъ твоєи умовы зъ оцымъ шарлатанюгою. *(Показуе на тысаря)*.

Пысарь. Но я могу и протестовать. *(Просовуетця промежъ людъмы и счеза)*.

Сафронъ. Забый же мени бакы, Насте! Скажи привселюдно, що промежъ васъ ни якои на мене лыхой умовы не було. Ховаешъ очи? Слава Богу, що хочъ крххта сорому ще zostалася! Видъ цёго часу не ты голова у моимъ добри, а я! Чуешъ: я! Твое тилько те, що ты видъ батька маешъ: пыхá! Цяцьбайся зъ нею! А теперъ, сыну, покажи мени твою сужену!

Романъ *(показуе на Хведоску)*. Оце жъ и вона, тату! *(Хведоска, уклонившись, цилуе его въ руку)*.

Сафронъ. У розумного батька и дытна звичайна! *(До Насти)*. А теперъ, стара, ходимъ до свата въ хату.

Настя. Скорищъ утоплюсь, нижъ пиду!

Сафронъ. Вольному — воля, спасеному — рай, а скаженому выгинъ! *(Идутъ вси въ хату, опривъ Насти)*.

Настя *(помовчала)*. Що жъ це? Маныло взявъ у мене пивтораства карбованъцивъ, щобъ йихаты въ городъ, пысаты бумагы на старого дидька, щобъ ёго посадовыты у сумашедчый домъ!..

Я В А XXII.

Пысарь и Настя.

Пысарь. На чимъ скинчылося?

Настя. Манылочку, рятуй мене! *(Кыдаецця ему на шыю)*.

Пысарь. Ты жъ казала, що все имущество твое?

Настя. Заграбувалы, все заграбувалы!.. Тилько й мого, що ты у мене напозычавъ!

Пысарь. Итого: триста пятнадцать рубливъ зъ полтыною! Цей довгъ запышы вуглемъ у комини!

Настя. Якъ?.. И ты мене грабуешъ?

Пысарь. Ты обманула мене, какъ какая-нибудь...

Настя. Охъ, не выдай же мене, Манылочко!

Пысарь. Съ обманщицкы у мене не которыхъ дилловъ! (*Видитовхуе ии*). Ну што ты чепляеся на шыю, какъ какая-нибудь свындыя. (*Пышовъ*).

Настя. Охъ, збожевилію!

З а в и с а.

Д І Я І V.

Середына убогой хаты. Замисць столу скрыня, покрыта простою, самодильнею скатерков. По середыни за скрыннею сидыть Хведоска, зъ обонхъ бокивъ дружкы; на столи гильце в ласоци; бия столу староста (*Свырыдъ*), бия порогу пидстароста (*Пылыпъ*); бия печи стоять Степанъ и Хотына и скилько старыхъ людей.

Я В А І.

Дружкы спивають:

Казавъ соловейко: сяду-не-впаду;

Казала Хведоска: замнжъ не пиду.

Казавъ соловейко: политаю;

Казала Хведоска: погуляю.

(*Квитчають Хведосци стричкы голову росчисують косу*).

Ой дай, маты, масла:

Я жъ твою коривоньку пасла,

Выганяла въ раннюю росу,

Дай помазаты косу.

(*Хотына подае дружкамъ стричкы*).

Ой, попе, попе Гордію,

Не дзвоны рано въ неділю,

Задзвоны рано въ субботу,

Завдай дружечкамъ роботу.

Свитилка:

Ой вы, галочки, литайте,

Ой вы, дружечкы, спивайте,

За косою квитку носыте,

Хведосци правдонькы не кажыте.

Дружкы:

Ой вы, дружечкы, рядочкомъ,

По пидъ зелененькымъ садочкомъ;

Та вырвемъ квиточку зелененьку,

Заквитчаемо Хведоску молоденьку.

Свитилка.

Ой, дружечкы, по малу идить,

Нашого винограду не топчыть;

Бо нашъ виноградъ скрызъ порисъ.

Куды тебе, Хведоноу, Богъ понисъ?

(*Скинчылы часаты*).

Свырыдъ. Старосто, пане пидстаросто!

Пылыпъ. А мы ради слухаты...

Свырыдъ. Благословыть молоду квитчаты. Разъ, и вдруге, и въ трете.

Пылыпъ. Богъ благословыть! Всеи три разы Богъ благословыть!

Дружкы:

Въ долину, буяре, въ долину,

По червону калыну,

По хрецагыи барвинокъ,

По зеленей василёкъ.

Голосъ за викномъ. Молодой иде, молодой зъ буярамы!

Свырыдъ. Дружкы, квитчайте скоричъ, та витайте молодого. Та не осоромтеся передъ буярамы, не шкодуйте голосивъ.

Дружкы:

Маты Романа родыла,

Мисяцемъ обгородыла,

Зорею пидперезала,

До теши выряжала.

Маты сама выряжае,

Выряжае, научае:

Ой йидь, сыну, та до теци вь гости,
Та сядь, сыну, вь теци на помости.

Святилка.

А якъ буде, сыну, теца частуваты,
Не пий, сыну, першой чаркы,
Выльй, сыну, та коню на гриву,
Щобъ була теца ласкава.

Дружки.

Ой по пидь лисомъ бытая дориженька,
Ой туды пишовъ Романъ зь буярамы,
Имъ калына дорогу заступыла,
Вынявъ шабельку, ставъ калыну рубаты,
Стала калына до него промовляты.

Не за для тебе ця калына сажена,
Не за для тебе Хведоска наряжена.

Нарядыды, якъ панське дытя,

Посадовылы, якъ сыротя.

Пылыпъ. Старосто, пане пидстаросто.

Свырьдъ. А мы ради слухаты.

Пылыпъ. Благословить молодому вь хату вступыты, молоду звеселыты, отцю-неньци поклоннытыся, до винця споряжатыся.

Хотына (*тыхо до Степана*). Пылыпъ доладнищъ промовля.

Степанъ (*тыхо*). Воны обьдва вси законы знаютъ.

Свырьдъ (*до дружокъ*). Скинчылы? (*До Пылына*). Богъ благословить!

Пылыпъ. Разъ, и вь друге, и вь трете!

Свырьдъ. Трычи Богъ благословить!

Я В А II.

Романъ зз двома хлибами за пидъ плечыма, за нымъ буяры. Романъ зз повагомъ кланлетця батькови й матери.

Дружки спивають:

Явиру, явирочку,
На жовтимъ песочку,
Тамъ щука-рыба грала,
Сама соби дывувала,
Що хороше выгравала.

Романъ пидходе до столу, злегенька вклоняетця Хведосци, котра встает и трычи ёму кланлетця.

Дружки спивають:

А ще наша квичочка

Не циювана,

А ще наша Хведоня

Не циювана.

Романъ цилуетця зз Хведоскою трычи, вона бере его за руку, заводыть за стилъ и садовыть поручъ зз собою.

А вже наша квичочка

Обцинована,

А вже наша Хведоска

Обцилована.

Свырьдъ. Старосто, пане-пидстаросто!

Пылыпъ. А мы ради слухаты!

Свырьдъ. Благословить молодымъ до винця збиратыся, образамъ поклонятыся.

Пылыпъ. Богъ благословить!

Свырьдъ. Разъ, и вь друге, и вь трете.

Пылыпъ. Богъ благословить. Трычи Богъ благословить. (*Выводыть молодых зз за столу*).

Дружки спивають:

Пиднимайте, дружечкы, ноги

Черезъ высоки пороги,

Во на двори ричкы-калюжки,

Будуть тоби, Хведоню, гиркы дружкы!

Пылыпъ. Батьку, берить образа, — маты, берить хлибъ-силь!

Свырьдъ. Молоди, вклоняйтеся, благословляйтеся!

Степанъ бере образа, Хотына — хлибъ; Романъ и Хведоска пидходят до нихъ; буярыны и дружка стелютъ доли рушныкъ, на котрый молоди, ставшы, вклоняютця батькови и матери по трычи вз ноги, цилуютъ образъ и хлибъ. Дружки плачуть. Вси выходятъ зз хаты опричъ Степана и Хотыны. Буярыны взявъ образа, дружка хлибъ.

Дружки, выходячи спивають:

Тыхше, дружечкы, йдите,

Хведоню пидъ пахвы ведыте,

Щобъ вона не спиткнулась,

Щобъ вона не схвбнулась.

Степанъ. Отакои! Чого, Хотыно, хлыпнешь? Кажы: слава Господови, що джидалься доччыного весилля; просы Бога, щобъ допомогъ джидаты ще й онукивъ. Сама Хведоня покохала Романа, сама и талану свого пыльнуватиме; а не выпльнуе, то сама и пошкодуе.

Хотына. Жалко мени Романа, Господы, якъ жалко! Маты ридна не захотила даты благословення.

Степанъ. Не поблагословила теперь, поблагословить згодомъ! А Сафронъ! Здавався мачулою, тилькы и бракувало очипка на голови; а якъ терпець урвався,—загомонивъ такъ гризно, мовъ весняна вода, що гребли рве.

Хотына. Певно дошкулыло до живого.

Степанъ. Чоловикъ смиренный, я ёго зъ молоду ще знаю: не чепаи ёго, а винъ и зроду тебе не зачепить: а отъ... Бувають усяки люде!... (*Помовчавъ*). Якъ це мы зъ тобою: выжыли, а й ни разу не погрызлись?

Хотына. Якъ то ни разу. А хто похвалявся мене быты, якъ я поихала у базаръ та чотыри цилковыхъ загубыла?

Степанъ. Такъ тилько жъ похвалявся. А ты бъ вже хотила, щобъ я ни разу тебе и не напобхавъ?

Хотына. И то жъ, якъ колысь проспала та не вынесла тоби въ поле поплуднуваты, якъ тоди скрыготавъ зубамы?

Степанъ (*сміється*). Та то... Тоди у мене зубы свербили! То ще не сварка и не грызотня. Муха яка мала, та й та гниваетця. А якъ я напывся у Мороза на весилли та почавъ бунтоваты, а ты мене упыхнула въ комору та й заперла.

Хотына (*усмихається*). Описля жъ самъ сказавъ, що розумно зробыла?

Степанъ. А сказавъ, бо правда. Мабуть, такы та горилка була зъ дурманомъ. Де жъ: зразу мене такъ и зва-

рыло,—що ничого й не памьятавъ!... (*Помовчавъ*). А що жъ, чы все вже у тебе злагожено?

Хотына. Страва вже уварылася, а коровай печетця у кумы Ганны. У насъ трохи тисненько въ хати, та й личъ мала...

Степанъ. Якъ видгуляемо весилля, заразъ комору переробимо на свитлицю, и будуть у насъ хоромы на дви половыны! Романъ казавъ, що доты не пиде до батька жыты, докы у Самрося зъ жинкою не буде ладу. „Не хочю я, каже, щобъ Хведоска жыла у тимъ гармыдери. Та й маты, каже, буде дывтыся косо на насъ обохъ!“..

Я В А III.

Ти жъ, Самрось и Зинька.

Зинька. Вже поблагословылы? Може мы й несподиванни гости, та все жъ мусыте уконтентоваты.

Самрось. Здрастуйте, поздравляемо! (*Цилуетця*). Якъ тамъ не зкоилося, а мусыть бутъ все по ридному. Нельзя, братъ едноутробный!

Степанъ. А й маты прииде, будемо и ий ради, не выженемо зъ хаты.

Самрось. Мамаша не приидуть... За слабы. А батько заразъ будуть, збярютця. Вачылы, яки у насъ, ий-Богу, молодецъ! Учора якъ напосылыся на мене: золылы-золылы мени голову, вже такъ усовищувалы... А й да батько! Отъ кажутъ, що якъ чоловікъ задуріе, то вже нема ёму зупыну,—не правда!

Зинька. Краще мовчавъ бы.

Самрось. Ни, стрывай, розкажу! Якъ же мени передъ людмы не похвастатся, та ще й передъ сватамы? Слухайте. Отъ на що вже я, зовсимъ бувъ знателычывся, мовъ та кручена вивця, а отъ... Правда, задача? Якъ почала Зинька...

Зинька. Та годи-бо!

Самрось. Ни, постривай! Кажу: якъ почала Зинька благаты, якъ почала прохаты: „йидемо, каже, до Романа на весилле!“ Мамаша кажуть: „не йидь!“ а Зинька просе. Хотьв ударыты Зиньку, не змигъ, рука не пиднялася. Отъ штука! Уклонься, кажу, въ ноги: поиду. Вклонылася, трычи вклонылася!

Зинька *(не дывлячысь у вичи)*. Першъ не корылася—дурна була!

Самрось. Чуоте?—Нехай вона теперъ визьме мене за чуба—мовчатыму!.. Зкрылася, вклонылася въ ноги, поцилувала въ руку, и миръ.

Степанъ. Чы на довго жъ?

Самрось. А хто ёго зна. Теперечкы у насъ въ господи вси порядкы перевернулыся. Першъ мамаша командували, а теперъ—батько. Отъ чудасія!.. Я вамъ скажу, що мене тилько треба усовистыты, уміючы усовистыты.

Степанъ. Хымеры та примхы! Жыръ тебе мордуе, якъ гедзь скотыну. Чоловикъ вже бородою зарисъ, скоро й сывити почне, а й доси у повиточку... Усовистыты ёго, бачъ, треба. Бычёмъ бы тебе посовистыты, та ще быча добре попарыты, щобъ гнучиць бувъ.

Хотына. Та годи тоби, Степане.

Степанъ. Ачъ, щобъ жинка ёму ноги мыла та юшку пыла?

Самрось. А то жъ лья?

Степанъ. Не дружына та, котра безъ повны скоряетця, та ще й въ ногахъ повза, а мерзота! У ногахъ повза потайный ворогъ, або гадына, котра выбира мисце, дебъ болячиць ужалыты!.. Богъ звеливъ мужу и жони жыты въ добрій згоди, та въ любви. Де згода, тамъ и благословеніе Боже; а де ии нема, тамъ дьяволь кублытця!

Самрось. Мамаша завжды велать: „бий жинку, розумнишою буде!“

Степанъ. Колы бъ вона на себе на-клькала такой науки.

Самрось. Це, я вамъ скажу, задача! *(Помовчавъ)*. Чуешъ, Зинько! Ось якъ треба мене до розуму доводити. Мамаша кажуть: „бий!“ Задача!

Я В А І V.

Ти жъ и Ганна.

Ганна *(зз коровамъ въ рукахъ)*. Осьдечкы вамъ и коровай! Та якъ вырись! О, и Зинька тутъ?.. Це вже, кумо, прыкмета: якъ коровай росте, то такъ ростыме и таланъ молодыхъ. *(Ставляе на стилъ)*. Теперъ бы и страву выйма-ты зъ печи. Зинько! Давай, повыймаемо! *(Выймають страву зз печи и ставляють на прыпичокъ)*.

Степанъ. Порядкуйте, порядкуйте, щобъ усе було въ ладу.

Хотына. Спасыби вамъ, що за мене клопочетеся.

Ганна. А у насъ сегодня радистъ: тельця—третяка, cervистка отелылася! Чоловикъ ввись бычка въ хату та й каже: „оцего бычка подаруемо молодымъ на плидь!“ Кумо! Чы дيجا готова, щобъ заразъ передъ поригъ вынести, якъ тилько молоди увійдуть у подвирь? А кожухъ, кумо, де? Не забудьте вывернуты кожуха вовною на верхъ, якъ зустричатымете зятя. Де жъ пляшка та чарка? Осьдечкы! *(Наслуха)*. Ой, лубонь, вже йдуть? Вже, вже! *(За лаштунками почынають дружкы спивать)*. Швыдче! *(Ганна бижытъ зз хаты)*.

Дружкы спивають:

Котылося яблоко зъ Мыргорода,
Пидкотылося пидъ ворота,
Видчиняйте ворота,
Бо й де Хведоска молада.
Ой мы були въ церкви, та бачылы дыво,
Два винци на стильци,
Третій на голивци.
Выйды, матинко, витайся,
У своёго дятаты пытайся:

Де жъ твое дытя бувало?—

Пидъ царськимъ винцемъ стояло.

Ганна (*вбига*). Идить, кумо, частуйте зятя. Ну, вже жъ и пара: якъ квиточки, якъ ягідкы! (*Хотына пишла, Степанъ накынувъ на пси кожухъ*).

Самрось. Ачъ яки законы, зовсимъ не по мищанськи! Правда, Зинько? У насъ тилько и спивають, якъ вже зовсимъ выражають молодыхъ зъ двору. Свашкы спивають:

Не плачь, не плачь, красоточка,
Не плачь ты объ мине,
У волюшку наплачешься,
Какъ выйдешъ за мине.

Ще й кларнетъ пидграе, або хлейта!
(*Пишовъ зъ хаты*).

Ганна (*станове коровай и страву на стилъ*). Зинько, ты бачыла молодыхъ? Ось глянь у викно.

Зинька. Поспію!

Ганна. Мы у вивторокъ вже йдемо на прощу. Пидешъ?

Зинька. А вже жъ... А знаешъ, Галю, я ныбы зовсимъ вже не чую сердца!

Ганна. О то й краще! Хай ему абы що тому сердцеви!..

Зинька. Передужаю себе.

Ганна. Колы, голубко, сами не зазналы цилкомъ щастя, радіймо хочъ людськимъ. Визьмы ножа, та покрай хлиба на стилъ. (*Скочыла на полицю*). Осьдечкы нижь. Чы гострый же? Поточы объ горня. (*Давшы Зиньци ножа, выбигае*).

Зинька. Якъ Степанъ казавъ? Котра безъ провны скоряетця, въ ногахъ повза:— „мерзота, гадына, потайный ворогъ!“ Кому я ворогъ? (*Ненарокомъ глянула на себе у дзеркальце, що въ стини замазане*). Кто це?! Невже це я?! Охъ, яка жъ я гыдка стала, жовта, очи позападали!.. Це но мои очи, зелени, якъ у ящеры!.. (*Одвертаетця видъ дзеркала*). Де жъ моя краса? Де жъ моя

погорда?.. Все, все пропало!.. Пый, Зинько, гирку, пый до краю, до деньця!.. (*Вхопыла себе за голову и сила на лаву*).

Дружкы спивають:

Пусты, свате, въ хату,
Тутъ насъ не багато,
Четверо, та пятеро,
Та всихъ девятеро!

Зинька. Радій, Зинька, чужымъ щастямъ, колы сама не зазнала!.. Не зазнала а ни крыхоткы, а ни капелыночкы.

Дружкы спивають:

Ой винчалася Хведоска, винчалася,
У червони чобиткы взувалася,
Червони чобиткы на нози,
Що купывъ Романъ на торзв!

Зинька. Романа витають!.. Зновъ ты. сердце, затрипотило?.. Цыть, бидне, папны дамь!.. Цыть, прысплю тебе, заколыхаю, бай-бай заспиваю!..

Я В А V.

Свырьдъ *веде молодыхъ въ хату за рушныкъ, за пымъ все весилля, музыкы и гости*.

Зинька (*зустрича молодыхъ*). Поздоровляю тебе, братику, и тебе... сестро! Романъ и } Дякуемо видъ щырого
Хведоска } сердца!
Самрось (*цилуетця зъ Романомъ и Хведоскою*). Кажу: нельзя — братъ единоутробный!

Свырьдъ. Старосто, пане-пидстаросто!

Пылыпъ. А мы ради слухаты.

Свырьдъ. Благословить молодыхъ на посадь садовыты, виномъ-медомъ частуваты, хлибомъ-силью годуваты.

Пылыпъ. Богъ благословить. Трычи Богъ благословить!

Свырьдъ *заведе молодыхъ за стилъ. Зъ боку била молодой становлютця дружкы, била молодого буюре. Свы-*

рыдз бере пляшку и чарку. Дружки спивають:

Якъ ишовъ Романъ на посадъ,
Зустричавъ его Господь самъ,
И зъ долею щасливою,
Та зъ доброю годиною.

Свырьдъ. Пошли жъ, Боже, нашимъ молодымъ, князеви и княгине, щастя, доли и вику довгого! Дай Господи, щобъ вони жылы на радисть и втиху всему миру, всѣму родови, всѣму посполу и Богови святому. (*Пиднисз чарку до рота*). А що жъ скажу я вамъ, сваты: горилка у васъ гирка, не можна и до губъ донести!

Пыльпъ (*тыхо молодымъ*). Поцилуйтеся. (*Романъ и Хведоска цилюютьця*).

Зинька (*крыкомъ*). Охъ, якъ солодко!.. (*Зныка зъ хаты*).

Свырьдъ (*выпывши, частуе молодымъ, потимъ батька и матиръ, старосту, дружокъ, буюръ, гостей*)... А що жъ музыкы мовчать? Дружки похриплы, покы гласъ отведуть, утнить що-небудь. (*Музыкы починають строить скрыпки*).

Хотына (*усажуючы гостей и ридню*). Контентуйтеся, спасыби вамъ. Годуйтеся, чымъ Богъ пославъ, не огудьте та не обезсудьте! (*Усажуе билия Романа Самрося*). Де жъ Зинька? Кумо, Ганно, гукнуть лышь на Зиньку. (*Глянула у вихно*). А осьдечкы приехали и свать Сафронъ Михайловичъ и сваха Настасія Ивановна!

Ганна. Де жъ це Зинька? (*Выйшла зъ хаты*).

Я В А VI.

Входять Сафронъ и Настя.

Романъ и Хведоска встають и кланяютьця трычи батькови и матери.

Настя. Хочъ неvistочка и не зъ високого колна, за те жъ зъ лыця, якъ паняночка!

Сафронъ. Гарыздъ, що зъ лыця уподобылася, може прыйде часъ той, що и до сердца тоби прыпаде.

Свырьдъ. Що жъ вы, музыкы, такъ довго брынькаете? Почынайте граты!

Музыкы (*выводе на струни крыкльву ноту*). Бачте, якъ пыты просе!

Свырьдъ. Заграйте попереду, то й почаству!

Музыкы. Колы жъ и смычокъ рыпыт!

Свырьдъ. Тебе, мабуть, не переспорышь. (*Частуе, музыкы починають граты*).

Я В А VII.

Ти жъ и Ганна.

Ганна (*вбигае*). Ой лышечко! Ой горенько!

Вси. Що, що таке?

Ганна. Зинька въ комори повисылася! (*Вси занямылы*).

Сафронъ. Сердешна страдныця! (*До Самрося*). Що, зайдыгболово, чья це провнына?

Самрось (*похылывз голову*). Моя, тату!

Сафронъ. Не такъ твоя провнына, сыну, якъ моя; люде добри, выпуюся передъ вами у мой тяжкій провныни. Кайтеся, люде добри, по мени. Хочъ и не все те я бачывъ, що конлося у мой хаты, але й того ныбы не добававъ, не мовъ наумысне видвертавъ поглядъ, миркуючы своею не розумною головою: а може все те пройде, мынетця и выйде на добре? И ось яке лыхо вчынылося! Боже Мылосердный, просты мене гришного!

З а в и с а.

Ч М Ы Р Ъ

(Ч У М А З Ы Й).

Комедія въ четырехъ дѣяхъ.

Л Ы Ц Е Д И И:

Демко Пшинка, мищанынъ, бондарь.
Варьна, его жинка.
Зинько, ихъ старшій сынъ, парубокъ.
Вустя, ихъ дочка, дивчына.
Панасъ, ихъ меньшій сынъ, хлопецъ.
Серёга, братъ Варьчынъ, старшій чоловикъ.
Марына, дивчына.
Сильвестръ (по вулычному Шелестъ) Кононовичъ.
Конашъ, богатый хазяинъ, отставный унтеръ-охвицеръ.
Овсѣй Харытоновичъ Вареныкъ, шынкаръ.

Гарасымъ, парубокъ.
Конашыха.
Староста.
Волостный писаръ.
Гапка, дивка.
Старшына.
Комедянтъ.
Судебный приставъ.
Чоловики.
Музыка, наймыты, наймычки, народъ и диты.
Діетця на сели.

Д І Я І.

Подвирье убогого селянина. Стара хата зъ обсыканымъ дахомъ, зъ причылка пидперта сохою; повитка, комора, хливъ, пидъ тыномъ борона и рало; била повиткы: бочка, переризъ, шалыкъ, два бочонка, обручы, клепка и скилькы видеръ, бондарскый верстакъ и струментъ.

Я В А І.

Демко (*струже клепку*). Левко Гаюненко не додавъ за перериза рубъ двадцать три копійкы; Мышка Наглёнокъ за видра—трыдцять симъ. Рубъ двадцять три та трыдцять симъ: до двадцяты трѣхъ якъ додаты три десяткы, то буде пять десяткывъ ще й три копійкы; та ще симъ копѣекъ, то й шість десяткывъ,— а всихъ —рубъ шестьдесятъ. Треба закарбуваты. (*Выйма зъ кешени карбыжку и карбуе*). Оце за Левкомъ, а оце за Мышкою. (*Дывытиця на карбыжку*). Колю бъ уси, що вынни, та виддалы зра-

зу, то можна бъ було и корову купыты, не то що чынша заплаатыты.

Я В А ІІ.

Демко и Варьна.

Варька (*выйшла зъ хаты*). Старшій, не бачывъ ты Вусты, куды вона подилася? Тилько дай їй яеу роботу, такъ зразу и майне зъ подвирья!..

Демко. Я їи до Конаша пославъ, понесла цеберъ.

Варька. Наказувавъ же, щобъ гроши выправыла?

Демко. Звеливъ, щобъ безъ грошей цебра зъ руеъ не выпускала.

Варька. Колы бъ же то! Таки багачи, а й зубамы своего не вырвешъ у нихъ...

Демко. Чымъ бильшъ чоловікъ багатчае, тымъ дурнищымъ робытця...

Варька. Черезъ що?

Демко. А хто ёго зна; мабутъ, такъ та копійка нымъ овладае та опануе, що вже винъ якъ замакытренный...

Варька. А скільки намъ вынии, то й... Та хто выненъ, все багачи: Гаюны, Наглы, Конашъ, Лепенко!..

Демко. Ну що жъ, якъ вынии? На горлянку кожному не наступышъ, — видадуть...

Варька. У Конаша якъ зъ горла не выдерешъ, то закарбуи на пропале. И жинка ёго така жъ, якъ и винъ: скупендряга чортова, та ще й брехуха! Ще позаторикъ позычала у мене чотыри повисма прядыва. (*Передражнюе*). „Виддамъ, ей-Богу виддамъ!“ Та й доси виддае. А ще й сваха, та ще й у первыхъ сваха.

Демко. Ото вдруге не позычай.

Варька. Та вже теперь и розхряпаного черенка не позычу.

Демко. А чы не пора бъ тоби хату обмазати? Дви бабы у хати—маты й дочка, а хата облуплена, мовъ пустка...

Варька. А, не грызы хочъ ты мени головы...

Я В А III.

Ти жъ и Конашъ.

Конашъ (*зъ за тыну*). Здрастуйте, зъ вивторкомъ. Це жъ вы каки вже законы завелы, що чуже добро грабуете?

Демко. Не знаю, хто зъ насъ таки законъ заведе?

Конашъ. Какъ жо? Приходыт ваша дивчонка, прыносить цеберъ и провозглаша такыи приказъ: „доки денегъ не виддасте, доты й цебра не дамъ!“..

Варька. Инчого прыказу и не дожыдайтеся видъ насъ...

Конашъ. Чудной вы чалаэкъ! Што я по вашому: шарлатанъ, чы якой халамыдныкъ? Лыбонъ хазяинъ, якъ и слидъ, и званіе достаточное?..

Варька. Та хочъ бы вы и вышчого званія булы, а гроши виддайте...

Конашъ. Кажетця, и Богу—Государю служывъ!..

Демко. Виддайте гроши, тоди и цеберъ берить...

Конашъ. А, та й чудной вы чалаэкъ!.. Мы жъ зъ вами по сусидству?..

Я В А IV.

Ти жъ и Вустя.

Вустя. Тату, а що я зъ цымъ цебромъ робытму?

Демко. Несы ёго сюды...

Вустя (*перелизла черезъ перелаз и становытъ цебра*). Кажу: виддайте, дядку, гроши! а воны заразы почалы въ батька—матиръ лаяты...

Конашъ. Ну, це вже ты, дивко, брешъ!..

Вустя. Еге! Ще й ударыты мене хотылы...

Конашъ. Точно, што кагды ты мени согрубыва, я хотывъ тебе вдарыты...

Варька. Быть — треба купытъ. (*До Вусты*). Пиды тамъ до печи, щобъ що не скыпило. (*Вустя пишла въ хату*). Колы вже и ридня одно другому выидае очы, то чого жъ сподиватыся видъ чужыхъ?..

Конашъ. Здаетця, що мы завжды до васъ, якъ и порядокъ вылытъ...

Демко. Еге жъ, завжды надымаете губы...

Конашъ. Чудной вы чалаэкъ! То вже такыи порядокъ, що кожний себе соблюда. Ну, тилько супроты васъ ни которои!..

Варька. Чужымъ, свате, не забагатієте!
Конашъ. Лыбонь, я чужого не воздержую?..

Варька. А хіба ваша жінка не позачала у мене позаторикъ чотырѣхъ повисмъ прядыва?..

Конашъ. Ето ваша бабьяча комерція...

Варька. Це прямо грабижъ!

Конашъ. Позмыку до грабижу нельзя подь ранжиръ, потому некоторого сходствія. Свате, виддайте, пожалуста, цебра: скотыну пора напуваты, видрождъ не натягаосся...

Демко. Виддайте, пожалуста, довгъ, та й берить цебра...

Варька. А вже жтъ!

Конашъ. Ну, сказать бы, багато выпещь, а то плѣве дило...

Демко. Вамъ плѣве, а намъ то сумма...

Конашъ. Я таку сумму могу жбурнуты старцеви.

Варька. Вы жбурнете? Вы скоричъ удавытесъ...

Демко (*до Варьки*). Може й жбурне... Чому не дуриты, колы прыступа? Вы, звисно, чоловикъ пры копытали...

Конашъ. Та й у васъ копыталь въ рукахъ.

Демко. Якый?

Конашъ. А ваше ремество? Пры вашимъ скуствіи такъ можна онъ яки копыталы...

Демко. Махны рукою!

Варька. Це такы и правда. Скилько разивъ и я казала: покынь, Демку, пыты!..

Демко (*усмихаеця*). Це бѣ то, щобъ тоби бильшь зосталося, чы якъ?

Конашъ. Звисно, вы пры своимъ прави.

Демко. Якъ кожного дурня слухаты.

Конашъ (*помовчавз*). Свате, Демку! оставте, пожалуста, бомбандыровать, виддайте цебра.

Демко. Свате, Шелесте, виддайте довгъ.

Конашъ. А, чудной чалаэкъ!

Вустя (*на порози*). Мамо! А чымъ я затовчу борщъ: ни сала, ни пшона а ни крхоткы?..

Варька (*До Демка*). Не виддавай цебра безъ грошей! (*Пшла из хату*).

Демко. Ну, це може и не твое дило.

Конашъ. Свате, Демку?

Демко. А що, свате, Шелесте?

Конашъ. Та й чудной вы чалаэкъ!

Демко. Вы, лыбонь, чуднищый?

Конашъ. Какды бѣ вы до насъ иначе, такъ и мы бѣ до васъ... Отъ, значить, теперъ у васъ случай: ни сала, ни пшона, а въ насъ и те и друге ..

Демко. То що?

Конашъ. И большъ ничаво! (*Помовчавз*). А ежели я теперъ вазьму цебра та й пайду?

Демко. А ежелы я оцимъ стругомъ та за вами пузну?

Конашъ. Такъ, значить, вы на штуржъ? Чудной чалаэкъ. Только што у мене всичъ грошей нема; сколько есть у партманети, столько и виддамъ. (*Выйма*). А заглянте у вашу запысь: сколько тамъ за мною?

Демко (*выйма из кешени карбижку и дывытця*). За два обручи на бочку—дванадцять копійекъ!

Конашъ (*дывытця у свою запыску кыгу*). Такъ тошно.

Демко. За тры новыхъ кленкы на дижку зъ шаткованю капустою, пятьдесятъ чотыри копійкы?

Конашъ. Верно!

Демко. Бачыте, яки у васъ царемни: капуста не яка-небудъ, а шаткована.

Конашъ. Скусь другый!

Демко. Прымхы. Нове дно у кадку на бурякы—сорокъ копійекъ?

Конашъ. Было дѣло подь Полтавой!

Демко. Нови обручы на водовозну бочку—штырьдесятъ копійекъ?

Конашъ. Такой договоръ!

Демко. Теперъ зъ нову кленку и дно до цебра—трыдцять штырь?

Конашъ. Ето по совисты, верно! Ня, у васъ усё честно.

Демко (*лычыть*). А всихъ грошей: два рубля и дви копійкы.

Конашъ. На што вамъ и табличка сложенія? Верно, такъ и въ мене виходыть. Якъ вы можете на карбижци усяки копыталы? Спытай хто мене: що воно оце таке? Сказавъ бы: цурочка, палочка, покыдкывъ братъ... И до цёго е наука!

Демко. А зависно, що е. Це ще мене покойный батько вчылы. (*Показуе пальцемъ*). Оце у мене рубли, оце полтыныкы, оце гривеныкы, а цо копійкы. Въ старовыну усяка позыка була, кажуть, на карбыжку, а не то, якъ теперь: росныскы, вексели, заклады... Теперь зкапостывся народъ! А першъ було: позычывъ гроши, заразъ и закарбувавъ, а посереду карбыжкы выривавъ хрестыка, та и дае тому, котрый взявъ у позыку гроши,—поцилуваты хреста и потимъ кладе ту карбыжку за образа...

Конашъ. Г-мъ, шуткы сказать!

Демко. А якъ прыйде строкъ, и той позыкы не несе, тоди цей бере зъ за образа карбыжку та й йде до нёго правыты „Виддавай, каже, заразъ, а то зламаю хреста!“ Тоди той и виддае.

Конашъ. Виддае? Скажы пожалуста!

Демко. А якъ бува не спромога прытьмомъ виддаты, то вже прыпада на-вколюшкы та блага, щобъ поборгавъ.

Конашъ. Да — да! Вонъ какъ воно було въ старовыну. (*Бере цибёрз и огляда*). А не протикатыме?

Демко. Що то вамъ у перве доводыця корыстуватыся моимъ ремествомъ, чы якъ? Хто мени колы прыкынувъ мою роботу? Давайты лышъ гроши.

Конашъ. Та нате вже. Чудной чалазкъ! Ось семдесятъ висимъ копіёкъ, бильшъ нема пры соби, хочъ сами загляньте у партманетъ.

Демко (*лычыть гроши на долони*). Я не знаю, якъ ходыты билия того партманету, то не хочу и заглядаты. (*Хова гроши у гаманецъ*). А скилько коштуе ота выгадка?

Конашъ. Рубъ трыдцятъ. Ловка штука! На тры подила и на тры замкы.

Демко. Добре, що вамъ спала батькывышна, то й можна пармынеты купуваты. Отець вашъ на вколишкахъ повзавъ та складавъ копійку до копійкы, а вы вже одежу городську, часы и всякы вытребенькы!

Конашъ. Ето не разореніе, а соблюденіе свого званія. (*Бере цибёрз*). Прощавайте! (*Пишовз*).

Демко. Ходыть здорови! (*Почына стругаты*).

Варька (*зз дверей*). Виддавъ гроши?

Демко. Не вси.

Варька. Теперь и дождыдайся ажъ до маненького Юрія, докы ракъ свысне, ажъ тоди тоби Конашъ виддасть останни.

Демко. Ну, тадже жъ не я у него въ рукахъ, а скорыщъ вивъ у мене: на все село и на всю округу одынъ тилько бондарь я!

Варька. Дай же мени грошей, збигаю до шынку, визьму: солы, оли...

Демко. Та я й самъ збигаю, тамъ и работа е.

Варька. Добре Конашамъ батькывышною корыстуватыся.

Демко. Инчому таланъ, инчому два, а инчому и дуля та ще й ажъ пидъ самисенкій нись! Одынъ змалку працую, у праці и помера и дитямъ въ нащадокъ зоставля одну тилько гирку працю...

Я В А В.

Ти жъ и Марына.

Марына (*зз видромз у руци*). Добрыдёнъ, зъ вивторкомъ!

Демко и Варька. Спасыби, розумныце!

Марына. Дядечку, голубчыку, пагадыце мени видерце. Якось нехотячы ударыла бокомъ обь цярыну, та дви елечкы такъ и ввигнулыся въ сярэдыну, тешеръ беда, якъ тече.

Демко (*взявъ видро и розгляда*). Обь цярыну, кажешъ? Скажы краще, обь килокъ ударыла.

Марына. Та хйба не аднакова?

Варька. Кянчай, старый, худчищъ роботу, обидаты сядемо. (*Пшла въ хату*).

Демко. Мабуть, на когось розгнвалася та й шелеснула видромъ обь килокъ, або обь камень? Сёгодня якъ небуць справлю, а завтра раненько прынесешъ, то я перетягну обручи (*почына лагодыты видро*).

Марына. А Вустя въ хати?

Демко. Въ хати. А ще кого тоби треба?

Марына. Бильшь никого!

Демко. А Зинька въ хати нема! (*Усмихаецця*).

Марына. Эге! Трынды-рынды!..

Демко. Зинько на току молотыты просо.

Марына. А може я ёго вже й бачыла?

Демко. Хйба?

Марына. Ну й чого бь я глузувала? А вы пiby бь то и не булы молодымы?

Демко. Та бувъ же.

Марына. То-то жь бо й е. (*Хутко побигла въ хату*).

Демко. Гарне дивча, чепурне и морторненьке. Зинькови якъ разъ пидь пару, та ще одно другому и до мысли. Коны бь спромога, заразь бы оце писля Дмитра и за рушныкамы посылаты. (*Зитхнуваз*). Коны жь ни съ чого потягнутыся. Шкода буде, якъ подае рушныкы за инчого, а не за Зинька.

Я В А VI.

Демко и Зинько.

Зинько (*зз цпыльномъ и бычымъ въ рукахъ*). Кумедія! И пивъ копы просо

не збывъ, а вже бычови голову скрутывъ. Де бь, тату, взяты сырыцы, одрызаты реминьчыка?

Демко. Тамъ у комори, на бантыни. (*Зинько пишовъ въ комору*). Це вже углядивъ, що Марына прыйшла, то й быча не пошкодувавъ отбыты, тилько бь ускочыты у подвирье та хочъ переморгнутысь зь нею. Любляця соби, та ще й не абы якъ!

Зинько (*выходыты зз коморы*). Треба питы въ хату та взяты свого складного ножа.

Демко. Винъ же у тебе въ кешени.

Зинько. Ба, ни, въ хати.

Демко. На мого (*дае*).

Зинько. Чы гострый же?

Демко. Ондечкы брусь, поточы.

Зинько (*бере ножа*). Цей нижь такий, тилько славы, що нижь (*точыты*).

Демко. Я пиду твого вынесу. Де винъ тамъ лежыты?

Зинько. Та тамъ...

Демко. На якимъ мисьци?

Зинько. Та все одно вы не знайдете. (*Демко пишовъ въ хату*). Де жь Марына? Це ии видро (*роздывляецця*). А вже жь, що ии. Бигла заразь поузь тикъ та й каже на бигу: „треба намъ худчий побачытысь, лыхо мене спобигло!“

Я В А VII.

Зинько и Марына.

Марына (*хутко*). Прыиды заразь у вербы, треба перебалакаты.

Зинько. Про вищо?

Марына. Сылуютъ мене батько замижъ за Лаврина, за дякового сына...

Зинько. Сылуютъ? А ты коза, чы тельця, котру взявъ за рогы та й повивъ, куды схотивъ?

Марына. Эге, добре тоби казаты.

Зинько. Такъ це бь то мени мае буты легко видь цией звистемъ? Тоби може аднаково: чы за мене, чы за другого?

МАРЫНА. Коли бь однаково, не пры-
бигла бь до тебе на пораду.

ЗИНЬКО. А въ тебе у грудяхъ де-
ревьяне сердце, чы камьяне?

МАРЫНА. Якъ свазали батько про
Лаврина, то такъ мене мовъ у пропас-
ныцю затрясло, и доси тремтю...

ЗИНЬКО. Не знаю, якъ тамъ тоби, а
про себе скажу ось що. Тилько подаешъ
рушныкы за другого — тикай зь села!
Кого я кохавъ опричь тебе? — Все ребра
тоби поламаю. Душу мою ты цилкомъ
забрала! Не попадайся жь, уси патлы
обирву!.. Та мени лехче у крыныцю сторчъ
головою!..

МАРЫНА. Богъ зь тобою (*жахається*).

ЗИНЬКО. Не вспію розплющты очей,
про батька-матирь, може про Бога не
згадаю, одну тебе пам'ятаю! — Убью!

МАРЫНА. Та нехай мене хочъ печуть,
хочъ рижуть!

ЗИНЬКО. Не чувствена ты, идолко!..
Хрестъ мене побий, убью!

МАРЫНА. Соколоньку мій, орленьку!..
Ни за кого опричь тебе. Выйды ў ве-
чера до крыныци. Выйдешъ?

ЗИНЬКО. Ще бь не выйшовъ, а вже жь
выйду.

МАРЫНА. Гнивається?

ЗИНЬКО. Ни, шуткую! Бачь, зь шу-
токъ ажъ питъ покотывся. (*Вытирає
рукавомъ лице*).

МАРЫНА (*бере відро*). Прыходь же.

ЗИНЬКО. Иды вже.

МАРЫНА. Хочъ глянъ же ласкаво на
мене.

ЗИНЬКО. Про це буде ричь у вечери.
(*Марына пишла*). Ахъ ты жь!.. Бачь,
ій неваче шуточки. Коли бь не кохавъ,
роздеръ бы кляту дзыгу, на двоє раз-
деръ бы, на десятеро, на шматкы!..
Тыху ты, ажъ у грудяхъ мре... Бачь,
порадытысь прышла. Давно вже кортыть
мени виддубасыты тебе, та рука не здій-
маецця... Ну!..

Я В А VIII.

Демко и Зинько.

ДЕМКО. Полагодывъ?

ЗИНЬКО. Кого?

ДЕМКО. Ципа.

ЗИНЬКО. Я й забувъ. Заразъ полагажу
(*бере ципыльню и бычъ*).

ДЕМКО. Де жь це Марынене відро?
И Марыны нема, — де вона?

ЗИНЬКО. А чортъ іи зна!

ДЕМКО. Це жь за вищо?

ЗИНЬКО (*иде на тикъ*). Та ну іи
къ бисовому батькови.

ДЕМКО. Зь якого жь це часу?

ЗИНЬКО. Хочъ бы и повикъ іи не
бачыты (*пишовъ*).

ДЕМКО. Эге, якъ бачу, то пора вже
Зинька оженыты, пора. Коли почавъ лю-
товаты, то це вже прыкмета, що сердце у
нѣму загорилося и вже палахтитыме, докы
ѣго не загасышь... Знаю, знаю по соби.

Я В А IX.

Демко и Вареныкъ.

ВАРЕНЬКЪ. Розбезсовисный ты жы-
вотный! Та ще й ось що я тоби, Демку,
скажу: якъ говорыть на чыстоту, такъ
тебе и падлецомъ мало назваты! Я зь
тобою по людськи, даже по благородному,
а ты... Та другий, котрый соблюдае себе,
такъ отакъ харкнувъ бы та й плюнувъ
тоби у самисеньку пыку!.. (*Плюе на бикъ*).

ДЕМКО. Я жь вамъ сказавъ, що за-
разъ пилса обидъ прыйду.

ВАРЕНЬКЪ. Я вже давно пообидавъ.

ДЕМКО. А я ще й не думавъ.

ВАРЕНЬКЪ. Що за народъ такый вы-
дуплюецця! Совисты, що называецця, а
ни же, а ни на макове зерно. И куды
тільки та совисть подилася? Якъ я, то
кожному догожаю, кожному потрапляю,
щобъ якъ найкраще!.. Ну, скажи, коли
я тоби не зробывъ прыятности, коли?

Демко. Та що казать?

Вареныкъ. И передъ Риздвомъ, и передъ Велькоднемъ, и колы завгодно, завжды даю набиръ. Беры, та знай мою добристь,—о! Законъ, щобъ набиръ, чы пидъ закладъ, а ни Боже мій! А въ мене законъ у мой совисты...

Демко. Що й казать.

Вареныкъ. О, бачышь? Скажы, колы я не давъ тоби набиръ, колы?

Демко. А колы я вамъ не видробывъ?

Вареныкъ. Тутъ не въ тимъ роцотъ, а що совистъ у мене!.. Эхъ, розбесовисный животный! Теперь мени треба буряки и капушту класты, а кадкы течуть.

Демко. Та ось я заразъ ложку-двн борщу зъймъ та й прийду.

Вареныкъ. Якъ кому нужда, то вси до Овсія Харытоповыча: слякый-такый намазанный, дай набиръ, дай пидъ закладъ, поборгуй!.. А якъ Овсію Харытоповычу що треба, такъ тоди ыды, Овсію Харытоповычу, та покланяйся пры своимъ звани. И куды тилькы совистъ людська подалася—навдывовыжу! Прийдешъ?

Демко. Тадже жъ сказавъ.

Вареныкъ. Скорище жъ (*спокойно*). Тамъ ще двн клепкы треба будо переминыты у дижци, що зъ водою... Я вже тоби дамъ восьмуху.

Демко (*усмихаеця*). Та гараздъ.

Вареныкъ. Бачъ, усмихаецся, та облызуецся? Кто бъ васъ пожаливъ, якъ бы не я? Колы-небудть у серцяхъ визьму та й занехаю васъ, перейду у друге село, де у людей совистъ е,—плакатымете за мною. Я вамъ, якъ отецъ ридный, онъ якъ догожаю. Що у мене хйба горилка не купована, чы я ии самъ роблю?.. Прощавай, треба що до колесныка забигты: и той те жъ вже четвертый день колесо лагодыть... А якъ вамъ прыпаде нужда, такъ заразъ до Овсія Харытоповыча: „Овсій Харытоповычъ! батьку ридный, благодитель, всыпъ хочъ пивъ-кварточкы!“

Эхъ, розбесовисный животный! Приходь же! (*Пишовъ*)

Демко. О, ты щедрый! Тилько що черезъ твою щедристъ не то що зайвои миркы хлеба, а й кожущыны на нашій спыни скоро не зостанетця... Ни, годи вже! Колы бъ Господь допомигъ диждаты великого посту—покыну пыты, хай ий абы-що. Якъ така нечысть та що-дня мае паскудыты тебе своимъ гыдкымъ языкомъ..

Варька (*зъ хаты*). Чого той псыголовець зновъ тутъ деръ свою горлянку?

Демко. Мицне горло, черезъ те й дере.

Варька. Ты жъ казавъ, що вже ничего не вынонь ёму, що видробывъ?

Демко. Та видробывъ же, а це поминывся за выгоду обтянуты двн бочки.

Варька. Неначе за гроши: тамъ процентъ, а тутъ выгода?

Демко. Тадже жъ.

Варька. Онъ яке завелося здырство.

Демко (*нюха зъ рижка*). Якъ тилько дижду пыльпывки, покыну пыты и зарикъ дамъ, щобъ никола й до губъ ии не доторкнуты.

Варька. Зарикався вже ты не разъ.

Демко. Такъ не выдержка жъ! Оказія яка, чы случай, ну й... Попробуй не выпыты на весяли, або у беседи, заразъ скажуть: загордувавъ! Иный прыпрошуе-прыпрошуе, а дали й каже: „пый, а то за комира вылью!“ Ну й мусышь выпыты, бо такы вылье за комира. А выпывъ одну, то вже видъ другон и не видкрестыся и не видмолыся! А тамъ вже й пиде.

Варька. Воно такы правда, що иный, Господы, якъ улеслыво прыпрошуе, не зчуецся, якъ и вынешъ! А все жъ краше бъ не пыты.

Демко. Клянъ на чотырѣхъ ногахъ, та й той спотыкаетця. Бува жъ и такъ, що чоловикъ скылько годывъ пантылычтыця, а потимъ и схаменетця. А може мени наврочено, або почынено? Я такы

помичавъ за собою не разъ: иноди зов-симъ отъ наважуся не пыты ии, щобъ зацураты; отъ же чую, якъ щось невыдыме прямо насыльно тягне тебе до шынку. Ну й пидешъ...

Варька. Росказують, що десь тутъ, на хуторахъ, проявилася така знахарка, що вышыптуе видъ перепюю.

Демко. Коли бь вона сюды прыдыбала, вже бь и я прыставъ на те, щобъ пошептала. У насъ на сели ий гарный бы бувъ заробитокъ. Якъ тилько згадаю: скільки день моихъ марно пройшло, що одныхъ понедилкивъ прогуляно, то ажъ страшно тоби стане!

Варька. А лайка, а сварка, а гармыдерь?

Демко. И — беда! Хай ий врагъ, залышу! Отъ дывись, Варько. Пывъ я, пывъ? А теперь годи, якъ видрубавъ!

Я В А X.

Ти жь и Панасъ.

Панасъ (*блжыть зь току*). Тату, тату!

Демко. А що тамъ?

Панасъ. До насъ у тикъ, Конашеви быкы вперлысь и чысто стижокъ жыта розвернули.

Варька. Чы не капосни!

Демко. Побижы жь та выжены. А де жь Зинько?

Панасъ. Пишовъ чогось у вербы. Може загнаты быкы въ у обору?

Демко. Виджены ихъ до Конаша та скажы, щобъ не пускалы у друге, бо штрафъ заплатять. Бижы жь швыдчъ! (*Панасъ побигз*). Чого бь то Зинько пишовъ у вербы?

Варька. Тамъ Марына коноплы вытяга зь воды. Оце жь свижо прыбигла.

Демко. Такъ що?

Варька. Хиба не помитывъ, яка збен-тежена? Я чула, якъ вона шепнула Ву-сти, що мае хтось ии свататы.

Демко. Онъ воно що!

Варька. Шкода, якъ Марына не буде намъ за невестку.

Демко. Ще й якъ шкода.

Варька. Чы не позывывъ бы Конашъ карбованьцивъ зь трыдцяткоъ, щобъ весилле справыты? По нашихъ достаткахъ можна бь и трыдцяткомъ обійтысь.

Демко. У Конаша посереду зимы лёду не выпросышь, а визымы у Варенька, то надинешъ соби ярмо до вику.

Я В А XI.

Ти жь, староста и волостный писарь.

Староста. Здрастуйте, зь вивторкомъ.

Варька и Демко. Спасыби, будьге и вы здорови.

Староста (*до писаря*). Здіймайте зь нихъ допросы, по всей правыли. А вы на всякий опытъ кажыть настояшу правду.

Волостный писарь (*до Демка*). Якъ вашого отця звалы?

Демко. Васылемъ.

Волостный писарь. Такъ. А дида вашого, батькового батька?

Демко. Семеномъ.

Волостный писарь. Такъ.

Демко. Вы це чыншь прыйшлы правыты? Поборгуйте, будь ласка, отъ зберу по людяхъ...

Волостный писарь. Не перебувайте. Бувъ у вашого отця сынъ ще, и якъ ёго звалы?

Демко. А вже жь бувъ. А, це за подушне зновъ прыйшла бамага? Годивъ зь пятьнадыцять тежъ прысикалыся булы до мене за подушне, такъ я справывъ ихъ на братове жытельство.

Волостный писарь. Вы слухайте и не прыкословте. Отвичайте: де вашъ братъ?

Демко. Якъ покійни батько померлы, царство имъ небесне, вичный покій, мени тоди було годивъ зь десятокъ не бильшь;

а старшому братови, льбонь, чотыр-надьцять?

Волостный пысарь. Якъ старшого вашого брата звали?

Демко. Андріємъ.

Волостный пысарь. А де жъ винъ числытця на лыцѣ?

Демко. У Кьѣви. Якъ zostалыся мы сыротами, безъ отца-неньки, такъ старшого брата узавъ за малчыка, у лавку, якыйсь купецъ, сказать бы прыятль батькывъ, чы що? та й повизъ ихъ зъ собою у Кьѣвъ, а я zostався у хутори, тамъ такы, де батько нашъ жылы на чыниши. Тамъ вже я и зрись, тамъ и вылюднивъ. Сказать такъ: чужи люды довели до розуму, чужи й оженылы...

Волостный пысарь. А не пысавъ вашъ братъ, Андрей, пысьма колы до васъ?

Демко. О, якъ то не пысалы. Пысалы, ажъ тры пысьма пысалы. Все пысьма у мене за образами лежать. Братъ, Андрій Васылѣвичъ, такъ воны ще й хрещени батько мого старшого сына Зинька. Pokійна Хрыстя Чавунова колысь то ходыла на прощу у Кьѣвъ, то одвидувала брата, и воны прыслалы хрещеникови золотого хрестыка, сытцю на сорочечку и два цилковыхъ грошей. Трете пысьмо, льбонь, позаторикъ прыйшло?

Варька. Позаторикъ же, якъ разъ на Полупетра.

Волостный пысарь. И вы одпысували до брата?

Демко. Та я не грамотный, а тутъ у насъ бувъ салдатыкъ, такъ я ёму казавъ одпысаты, ще на першого лыста. Осъ пыды, Варько, прынесь ты лысты сюды. *(Варька пишла въ хату)*.

Волостный пысарь. Колы жъ вы одпысували?

Демко. Та щобъ по правди вамъ сказаты, то буде, мабутъ, годивъ зъ двадцяткокъ. Скылько разывъ думка шыбала напысаты, щобъ братъ Андрій Васылѣ-

вичъ прыслалы грошей, що я, стало быть, пры великій нужди... *(Варька выносе лысты и дае пысареву)*. Разъ якось Конашь згодывся напысаты и такъ ловко почавъ лыста: „братыку мій ридный, братыку едыноутробный! Визьму перьину въ руки, край столу я сяду, и спышу я нужду горьку и свою печаль-досаду.“ Та й доси не допысавъ, все якось часу не було.

Волостный пысарь. Такъ брата вашого едыноутробного звали Андреемъ Васылѣвичемъ Пшонкою?

Демко. Андріємъ Васылѣвичемъ Пшонкою.

Староста *(до пысаря)*. Якъ на вашу думку: ци пысьма настоящи, чы хвалшь?

Волостный пысарь. По давности и мухойсначканости надо заключыть, що настоящи. *(Кашля)*. Теперь прочытаемъ бумагу.

Староста. Хрестытця, Демку, хрестытця и вы, Варьку.

Демко. Та перехрестытця не штука. Чого жъ бы то?

Волостный пысарь. Братъ вашъ едыноутробный, Андрей Васылѣвичъ Пшонка, волю Божією помре...

Демко и Варька. Царство небесне, вичный покій!

Демко. Братыку риднесеный! *(Хлыла)*. Отъ скылько разывъ збирався на прощу, осе ще недавно миркувавъ: иду цѣго року у Кьѣвъ, ажъ осъ колы провидаю братыка.

Волостный пысарь. Горя безъ радосты не бува.

Староста. Щобъ некоторой втихы— не полагаецця, такъ воно видъ Господа Мылосердного!

Волостный пысарь. Слухайте жъ, що я вамъ прочытаю *(чытае)*: Объявыть мѣщаныну Дементію Васылѣвичу Пшонкѣ, что послѣ смерти брата его, Андрея Васылѣвича Пшонки, умершого въ г. Кьѣвъ, въ домѣ купца... Отутъ не роз-

беру хвямліи: чы Калинина, чы Малинина! Здаецца — Бадилина? (*Староста загляда в лыстэ*).

Староста. Язык до Кнѣва доводить. Абы бь тилько туды, а тамь у людей допытаяцца. Спытають: де тут тавый то померь?

Волостный пысарь (*чыта*)., Въ домѣ купца Давилина осталось духовное завѣщаніе, котрымъ онъ завѣщаль ему, Дементію, налічными деньгами шесть тысячъ рублей серебромъ, находящіеся на храненіи въ государственномъ банкѣ, домашнее имущество и одежду на сумму пятьсотъ рублей. Духовное завѣщаніе и опись на завѣщанное имущество найдутся при дѣлѣ у мирового судьи Подольскаго участка.“

Староста. Бачыте?

Волостный пысарь. Подпишите, що вамъ объявлено.

Демко (*здывованно*). Це вы не шутокуете? У мене въ голови все перевернулося, у вухахъ дзвенить... Ничого не зрозумію! Варько, ты розбирала?

Варька. Що жь тутъ розбираты? Бундючылися супроты насъ люде а теперь и мы пидіймемо до горы носа.

Демко. Кажете: шість тысячъ копыталу и одежи на пятьсотъ карбованцьивъ? Варько, посылай Вустю за пиво — квартиру! Мылосты просимо у госпуду (*Варька пишла в хату*).

Я В А XII.

Ти жь и Вареныкъ.

Вареныкъ. Ну и не розбезовисной ты животный? Неначе у него миллионъ триста тысячъ. А, господа начальныкы! (*Чоломкаетця*). Супостате ты, Демку?

Демко. Ну - ну, теперь вже Демка нема, а Дементій Васылѣвичь.

Вареныкъ. Що таке?

Демко. А таке, що я теперь тоби не робитныкъ та й никому не бондарь! (*Скыда зъ себе хвартухъ, ременьць зъ головы*) Хай хто инчыи бондарюе, а я попаваю! (*Жбурия хвартухъ и ременьць*).

Вареныкъ. Вже насмоктався? Хто жь це тебе намочывъ?

Демко. (*До пысаря*). Прочытайте, пожалуста, отому дурневи рѣшеніе!

(Зависа).

Д І Я II.

Середина хаты Демковой, пичь, лавы, пиль, стиль и таке инче.

Я В А I.

Входыть Варьна, за нею Вареныкъ.

Вареныкъ. Истину говорю вамъ, що бачывъ Дементія Васылѣвича учора въ городи и думавъ, що вже вони у собственнымъ дому.

Варька. Чого жь винъ тамъ воловзытця? Тры тыжни, якъ пойхавъ у Кнѣвъ, другой вертався бь скоричь до дому, а винъ ще й въ городи засивъ.

Вареныкъ. Теперь у Дементія Ва-

сылѣвича можуть быть дила по всій пути — видъ Кнѣва и ажъ скуды (*суда*).

Варька. Певно тамъ загулявъ?

Вареныкъ. Не безъ того, есть малость, тилько вони соблюдаютъ себе.

Варька. Тутъ борошна а ни пылыночкы, никому зерна виднести до млына: Зинько заслабъ, а Панаса старый взявъ зъ собою въ Кнѣвъ...

Вареныкъ. Чому жь вы мени не сказали про борошно? Та скільки завгодно! Ай, розбезовисная жь вы!..

Варька. А потимъ виддавай вамъ вдвое?

Варенникъ. Отъ вы и не знаете, яка у мене совість. А може я й нічого не взявъ бы? А що першъ я бравъ процентъ, чы выгоду зъ Дементія Васыльевича, такъ то жъ другій роцотъ... Першъ бувало я и вылаю Дементія Васыльевича и до роботы прыгоню, якъ и кожного прыгоняю, такъ то жъ имъ на корысть. Бувало кажу: не пьянствуй, Демку, труждайся, Богъ труды любить... Отъ теперъ Господь Мылосердный наградывъ Дементія Васыльевича, а черезъ що? Може черезъ мою навуку. Знаете: нхто якъ Богъ!

Варька. Де яки сусиды, а найпаче сваха Конашыха вже на глумъ мене пидймають, що ніякого наслѣдствія нема, що то одни выгадки.

Варенникъ. Есть наслѣдствію. Якъ списано у бумази, що ото волостный писарь чытавъ, то все воно есть. Зустрився я у городи зъ Дементіємъ Васыльвичемъ. такъ гордосты у ныхъ та пыхы—бида! Здрастуйте, кажу, Дементій Васыльвичъ, а вони зыркъ на мене: „А, и ты тутъ, дурню!“ (*Сміється*). Значить, признали. Одно слово, смихотворъ! И вже навчылся пыхы такой: нбы зъ тобою говорить, а дывлюця онъ куды. Чудодій! Не було бъ наслѣдствія, не було бъ и вони пры такимъ соблюденіи своєї гордосты.

Варька. Коли бъ, борони Боже, не обикрали его?

Варенникъ. Деньги вони у городськой банокъ положили, а мужество прыныхъ.

Варька. Що жъ то за банокъ?

Варенникъ. Така велика комора, зализны двери, викно зъ зализнымъ рештуваннямъ и замкы. А сынокъ же вашъ чымъ недужный?

Варька. Така думка мене шыба: чы не зъ любощивъ?

Варенникъ. Х-мъ! Эхъ, розбезсовисный народъ! Котра жъ то накоила такого лыха?

Варька. А хйба мало ихъ е такихъ, що на лыхе згожи? Щобъ кому добре зробыты, то такого не вышукать и вь донь зъ хвынаремъ; а на лыхе и вь темну ничъ наткнесся.

Варенникъ. Кровь бы ему пустыты, не пробували? Бида якъ помога, якъ кровь пустышь, або банкы поставышь. Можна и дыкохть. Дыкохть тожъ помога, бида якъ помога!.. А може зъ очей, потому бувають глаза розбезсовисны. Бабу Репыху покличте, щобъ злызала, або вышптала! Мене скылько разывъ злызувала!

Варька (*дывытця на него*). Ну, и чога прытыслыся зновъ вь хату, чога вы сегодня цылисенный день слидкомъ за мною ходыте?

Варенникъ. Варвара... якъ васъ по батыщци, звынить на томъ, не знаю?

Варька. А що вамъ за печаль до того?

Варенникъ. Вы скажыте мени: куды тилько теперъ совість людська подилася? Навкругы такой розбезсовисный народъ! Якъ що и вы, и Дементій Васыльвичъ окажете прымичаніе, якъ прочыи—покыну васъ, покыну село и перейду туда, де есть у людей совість.

Варька. Та якъ тамъ не балакайте, а щобъ на прыятну розмову, то души мои до себе не навернете. Ненавыжу васъ, ажъ гыдую! (*Одвертаетця видъ его*).

Варенникъ. За вищо жъ? Эхъ-хе-хе! Потому жъ я и пытаю васъ: де совість людская?

Варька. Пожалуста, не пидсыщайтеся, мы теперъ поведемо кунпанью хйба тилько зъ попомъ, зъ посессоромъ, та ще може зъ дякономъ.

Варенникъ. Такъ и я жъ у тій кунпаніи свій чоловікъ.

Я В А І І.

Ти жъ и Вустя.

Вустя. Мамо! Заразъ казали посессоръ, що бачыли татка за селомъ, вже

татко йдуть до дому. Поссесоръ тюкы биглы, а татко йдуть ходю, бо зъ влады йдуть!

Варька. Слава Господеви, що вже вертаеця! Не знаю, чы бигты на зустричь, чы на порози зустриты?

Вареныкъ. Зустриньте на порози, — зъ хлибомъ — силлю.

Варька. Я не васъ пытаю.

Вустя. Мамо! Вы не знаете, чы привезуть мени татко подмостона та ботыкы городьски?

Варька. Тадже жъ прыйде, побачымо.

Вареныкъ. А звычайно привезуть.

Вустя. Я й одного дня не носытиму юкы та оцыхъ черевыкывъ, що бовтаютця на ногахъ неначе постолы.

Вареныкъ. Вопо й справди до такои хвазмоніи такъ черевыкы не хвасонъ.

Варька. Може вже не далеко йде? *(Выгляда у вишко).*

Вареныкъ. *(Бъе себе по лобови).* Ахъ я балванъ! Чого жъ я тутъ стою? Демонтиъ Василючычъ провизжатымутъ мымо шынку, воздамъ же я имъ честь: зустрину ихъ горилкою и пывомъ! *(Побигъ).*

Варька. Видцила не выдко, а ну гляну на гору? *(Побигла).*

Вустя *(сама)*. Коли бъ татко привезлы подмостона та ботыкы. Ну, а якъ привезуть и сережки срибни, и каблучку, и намысто!.. А може й зонтыка привезуть. Учора на вечерныцахъ, якъ сказала я, що буду шо-дня носыты плаття, а спидныци виддамъ нашымъ наймычкамъ, — адже татко наймутъ наймычокъ? Дивчата заразъ ухапылы мене на зубы и почалы докладаты. Одна барышнёю мене звелычала, друга панночкою, третя попивною, четверта поссесоршою... Байдуже! А Гарасымъ и соби туды жъ, думавъ дошкулты. Було бъ тоди зачипаты, якъ ты мени подобався, а теперь байдуже мени про тебе. Осъ тилько зачепы, такъ и плюну въ вичы!

М. Л. Кропивницкій.

Я В А III.

Вустя и Марына.

Марына *(вбига)*. Слава Тоби Господеви Мылосердному, злышылася! Завтра пиду у церкву, прыпаду на вколюшкы, всю душеньку мою змыю слизонькамы.

Вустя. Зъ якихъ радощивъ?

Марына. Женыха своего злышылася.

Вустя. Лаврина? Що жъ винъ померъ?

Марына. Жывисонькый!

Вустя. Добре злышылася, що подавала за него рушныкы!

Марына. Ще бъ не подавала, колы батько й маты прыслувалы: „або давай рушныкы, або геть зъ хаты на вси чотыри витры!“ Мусыла подаваты. А ты що бъ на моимъ мисеци зробыла?

Вустя. А я почимъ знаю?

Марына. То-то жъ бо й е! А де жъ Зинько?

Вустя. У комори недужый лежить.

Марына *(зъ крыкомъ)*. Ой леле! Голубчыку мій сызоперый, лебедыку!.. *(Хутко йде до дверей, на зустричъ Зинько).*

Я В А IV.

Ти жъ и Зинько.

Зинько *(блудный, запалы очи)*. Подратуваты прыйшла, ще не вдовольнылася?

Марына. Не гнивайся! Одійды, Вусте. *(Вустя йде до вишка).*

Зинько. Взять тебе за ноги та головою объ причилокъ!..

Марына. Выслухай мене, мій лебедоньку! Батько-маты прысыкалыся: „давай рушныкы, або жъ на вси чотыри витры!“

Зинько. А ты й подавала?

Марына. А вже жъ.

Зинько. Водай тебе болячка давала! *(Хоче йты зъ хаты, Марына хапа его за руку).*

Марына. Бо думала: не переможу батька-матирь, може переможу Лаврина? Перехрестылася та й подавала на отчай!

Зинько. Ну, що ты мене держышъ за руку, пусты!

Марына (*держе*). Ото й почавъ ходыты до мене Лавринъ що-вечера.

Зинько. Бодай ёму ноги покорчыло!..

Марына. Якъ винъ у комирчыну, я заразъ у слёзы. Цилисеньку ничъ выплачу и слова до нёго не промовлю. А вчора прыйшовъ, я — пуць ёму въ ноги: и сякый и такый, и довичнё за тебе Бога молитыму, видкаснысь видъ мене, бо загыну! Винъ мовчавъ-мовчавъ, а дали пиднявъ мене за плечи, посадовывъ поручъ та й каже: „Не до пары мы одно другому — бачу! Завьяжу тобі свить и соби завдамъ жало. Знаю, кого кохаешъ, переконався...“

Зинько (*хутко*). Ну?

Марына. А оце тужъ-тужъ ёго батько вернувъ рушныкы и хлибъ-силь.

Зинько (*радисно*). Та невже?

Марына. Ей Богу!

Зинько (*об'йма їй*). Ахъ ты жъ идолка!..

Вустя (*биля вилна*). Осьдечкы й батько прыйхалы!

Зинько. Та невже? (*Вси хутко выходять*).

Я В А У.

Варьна, Демко, Вустя и Зинько, а потимъ мали диты.

Варька (*вбига вз хату, хапае зз польщи хлибъ и стае на порози*).

Демко (*пры часахъ, зз ланцюжкомъ черезъ шыю и вз городськй одежи*). Здрастуй, Варвара Назаровно! Здрастуй, супруго моя любезная и верная! Чы признаешъ? (*Цилуетця*). А вы, дятвора, пидходьте по черзи. Не разомъ, не разомъ...

Зинько. Здрастуйте, тату.

Демко. Доки що, кажы вже хочъ и тату, а якъ трохы образую тебе, тоди казатынешъ: папама! Цилуй спершу въ руку, а потимъ у губы (*цилуетсяя*).

Вустя. И мени такъ?

Демко. А вже жъ. Такой порадокъ у людей образованныхъ. (*Цилуетця зз усима*). Я васъ хутко образую, бо бачывъ усякы образования своими очыма. Отъ дывтыця на мене, хйба я такымъ видциля пойхавъ? Образование це штука немедлена.

Вустя. Тату, а де жъ Панасть?

Демко. Зоставывъ за малчка прылавци у того купця, де покійни братъ, Андрій Василёвичъ, прыкащывувалы; стрывайте, чы заводывъ я часы? (*Выйма часы и ключыкы*).

Варька. Що воно таке?

Демко. Часы. Отъ настановляй вухо (*пидставля їй часы до уха*). Ну, чуюшь?

Варька. Щось дзенька и цыка!

Вустя. А ну й я, тату, послухаю. (*Демко дае їй слухаты*). Пхи, чудася! Дзень-дзень!

Демко. То-то, що дзень-дзень! По оцй выдумци сонце ходе. У яку добу закортило, глянь на ней и знаешъ, чы вже обидня пора, чы вечерня...

Зинько. Я бачывъ у якономического машинного таки, винъ давъ за ныхъ симъ рублей. Тилько ти били, а ци жовти.

Демко. Бо це золоти.

Вси. Невже золоти?

Демко. Вони зз оцымъ ланцюжкомъ коштують бильшь, якъ сто карбованьцивъ..

Вси. Сто карбованьцивъ?!

Демко. Це покійного брата, Андрія Василёвича, царство имъ небесне.

Варька. Вичный покій ёго душецци!

Зинько. Машыныстый гляне на ныхъ и заразъ свыстокъ дае...

Демко. А на, Варько, ключыка та заведы.

Варька. Я не вмію!

Демко. Отъ бачышъ. Стало бытъ, треба тебе ще образовуваты.

Варька. Та вже образувуй.

Демко. Охъ, буде мени морокы зъ вами, бачу вже, що буде! Осъ якъ вони заводютця. (*Почына заводити*). Эге, вони вже заведени! А якъ не заведени, то якъ крутнешъ ключыкомъ, то тамъ у середини заразъ шось и дырчыть!

Зинько. А якый теперъ часъ, чы буде вже двадцять пятый?

Демко (*дывляцця*). Отъ, ніякъ ще не завчу: чы оця стрилка показуе часъ, чы оця? Якъ що оця, такъ теперъ, мабутъ, буде часъ одинадцятый; а якъ оця, такъ четвертый. Одначе забалакався зъ вами та й забувъ про хуру. Треба жъ коняку выпрягты та поносыты усе зъ воза.

Варька. Хиба жъ то наша коняка?

Демко. А то жъ чья? Купывъ у городи.

Зинько. Ловка коняка, ще краща, якъ у Конаша.

Вустя. Ходимте, мамо, та поносимъ все.

Демко. Стривайте! Вы ще тамъ щонебудь поламаете. Осъ якый порадокъ зробимо: Зинько нехай коняку выпряга, маты буде установляты, а я зъ Вустею зносытиму. А вы, дрибнота, геть зъ хаты! (*Пишовъ*).

Варька (*сама*). Дивлюсь на свого чоловіка и не надывуюся: зовсимъ не наче не Демко, а якый підпанокъ, або купецъ! Якъ оглянуся навкруги себо, то мени ажъ нібы ніяково зъ нимъ поручъ и систы.

Я В А VI.

Демко и Вустя несуть дыванъ.

Демко. Потыхеньку, потыхеньку, щобъ не зачепыты за одвирокъ; становы отуть

его по середини. Це зветця одыванъ (*ставляють*).

Вустя. Я бачыла у посесоривъ таке сидало, якъ ходыла поденно мазаты горныци.

Демко (*сидз на дыванъ*). Садовысь, Варько, и ты, Вусте, садовысь. Це не на чуже сидаете, а на свое,—прывчайтесъ, бо це штука немедлена.

Варька (*сила*). Ачъ, вгнываетця.

Вустя (*сила и гецае*). Неначе на гойдальци.

Демко. Ну, ходимъ, Вусте, за другмы диламы (*пишлы*).

Варька. Добре панамъ, що вони разъ-у-разъ сыдять на такому мянкому та йидять пундымы.

Я В А VII.

Демко (*несе кресло и круглый столыкъ*). А теперъ, Варько, сядь на оце и обипрысь рукамы на оци быльця (*ставляе кресло и столыкъ*).

Варька (*сида*). Якъ ловко! А столычекъ якый, не наче коржыкъ.

Вустя (*вносытъ два стула*). Тату, на вищо отуть, де сидаты, та все дичокы? (*Ставляе стула*).

Демко. Це майстеръ такъ прымадыкувавъ; а за для чого, то вже и я не розберу. Е таки майстери, що вони на всяки выгады (*пишовъ зъ Вустею*).

Варька. Оце жъ у свахы Конашыны ажъ зубы скрыптитымутъ видъ заздрысты. На вищо цей столычокъ, що на ёму можна роботы? Хиба закрышку у борщъ кршыты, бильшь винъ не до чого. И по-выдумують же!

Я В А VIII.

Демко и Вустя вносытъ скрыню.

Демко. А це скрыня братова, зъ одежою (*ставлятъ підъ стину*). А осъ

усяки лікарствія, що братъ гоилыся, и мази усяки (*выймае скількы пляшечокъ и баночокъ и ставляе на мыську. Пишовъ зъ Вустею*).

Варька. Отъ до речі и лікарствія привизъ (*роздывляеця*). Треба буде Зинькови дати. Ось у цій пляшечці багато, якась жовтенька водичка. Може це зъ Почаива або зъ Печеръ?

Я В А ІХ.

Демко (*вноситьъ дви лампы*). Оцю лампію на цей столыкъ, а цю можна й на мыснѣкъ постановыты. Згодомъ купымо и другого столыка (*ставляе ще пляшечкы на мыснѣкъ*).

Варька. Бачъ, до чого цей столыкъ!

Вустя (*несе мидни підсвичныкы*).

Мамо, дывытьця, яки цяцьковани підсвичныкы! (*показуе Варьци*). Колы бъ вы бачылы, мамо, що людей поналазило у двирь, та дитворы, ажъ тыны вгнаныця! (*Зъ надвору люде тыскнутця у вишна*).

Зинько (*зноситьъ ящыкъ*). А тутъ що таке?

Демко. Усяка посуда: стаканы, тарилкы, чашочки. Всяка тамъ немедлена провизія (*пишовъ*).

Зинько. Тамъ ще ящыкы вь сыла (*пишовъ*).

Вустя. Спытайте, мамочко, татка, чы воны прыезлы мени подмастона та ботыкы?

Варька. Тадже жъ побачымо: якъ привизъ, то й видасть. А свахы Конашыкы межъ людмы нема?

Вустя. Ни, ще нема (*пишла*).

Демко. (*зъ самоваромъ*). А оце тоби, жинко, самуваръ, зъ которого паны та купци пьютъ солодку юшку. Я тоби покажу, якъ его настановляють—штука! А знаешъ, якъ та юшка зветця, що зъ оціи штуку пьютъ?

Зинько (*вноситьъ ящыкы*). Чай!

Демко. А ты жъ почымъ знаешъ?

Зинько. Колысь возывъ до станового пакота, такъ становый звелывъ дати мени ажъ два стаканы чаю: таке солодке та гаряче, тилькы шо найдуду ніякого.

Демко. Бачу, що ты вже трохы и образованый. А настановлять самуваря вміешъ?

Зинько. Роздывлюсь, то й доберу способу (*пишовъ*).

Вустя (*вноситьъ вузолъ, зъ которого выпада лымонъ*). А це що таке: яблуко, чы груша?

Демко. Палцынъ.

Вустя (*пидійма*). Его можна йсты?

Демко. Можна. Визьмы и соби, Варько. (*Бере Варька зъ вузла лымонъ*).

Я В А Х.

Ти жъ и Конашъ зъ Конашыкою.

Конашъ. Зъ прыйвдомъ, сватокъ, поздоровляемъ!

Демко. Та що зъ того?

Конашъ. Значыть, слава Богу, що все благополучно.

Демко. А дали що?

Конашъ. Позвольте за ручку почоломкатыся (*простяга руку*).

Демко. На вищо?

Конашъ. Чудной чалазъ!

Конашыка (*входыть*). Здрастуйте, свате, здрастуйте, свахо! (*Иде до Варькы цилуватыся*).

Варька (*одвертаеця*). Вымыйте першъ губы! (*Конашыка здывувалася*).

Конашъ. Вы якъ же це зъ нами?

Демко. Якъ хочу, такъ и повожуюся. А хто мене може повчаты?

Конашыка. Я прынесла вамъ, свахо, чотыри повисма прядыва, що позычала.

Варька. На бисового батька теперъ воно мени?

Конашъ. Я, Дементій, принисъ вамъ довжокъ: рубъ двадцять чотыри копійкы.

Демко. Дарую вамъ!

Конашыха. Хороше жъ вы насъ витаєте!

Конашъ. Одначе гниватись на свата не стоить. *(Сидает на скрыню)*. Сидай, жинко! *(Конашыха сиду поручъ)*.

Демко. Здрастуйте вамъ! Вы чого жъ це розсылыся? Я васъ прохавъ садовытця, чы жона моя?

Конашъ. А ловка скрыня! Чуешъ, жинко, якъ сватъ отакъ и дали дуритымыть, то хутко процъвындраць братове добро, тоди мы купымо у нихъ оцю скрынюку.

Демко. Не диждете! Чого вы розсылыся? Я васъ пытаю, чы кого? *(Конашии мовчатъ)*. Це що жъ за порадкы?

Конашъ. Бундючесь, свате, пышайтесь, а мы подывымся. А ну, покажить ще якый хвокусь?

Демко. Це, це... Та що жъ це таке?

Конашъ *(до Вусты та до Варькы)*.

А вы чого зъ лимонами держытесь?

Демко. Яки алымоны, то палцыны!

Конашъ. Я може сколько сотень, у Турціи какъ булъ, перейивъ апылцынивъ, такъ мени не знать? Це лимоны.

Демко. Та що винъ мени бакы забыва? Я самъ ихъ у городи купывъ у лавци, ажъ два десяткы купывъ. Я бильшь десятка ихъ зъивъ у Кыёви, у купывъ.

Конашъ. Може у купывъ вы и апалцыны йлы, а це тошно што лимоны.

Демко. Не вирь, Варько. Облупы лупшиння та й йижъ! Йижъ и ты, Вусте!

Варька *(куштуе)*. Ой, яке кысле.

Вустя. Ажъ губы стягуе!

Демко *(дражнитъ)*. „Губы стягуе!“

Що то якъ воно не образоване. Дай мени, я зъимъ. *(Варька и Вустя видаютъ ему, винъ почына йисты)*.

Справди неначе не палцыны!

Конашъ *(регоче)*. Годуйтесь, свате, на здоровьячко!

Демко. Це, стало быть, мене лавушныкъ обдурывъ?

Вустя. Пиду, рота выполошу! *(Пишла)*.

Конашъ. Чого жъ обдурывъ? теперъ будете чай пыть зъ лимонами. Позычте й намъ зъ пивъ десятка?

Я В А Х I.

Ти жъ и Вареныкъ.

Вареныкъ. Вторычно мое поштение!

Демко. Знаешъ, куды иды зъ своимъ поштениемъ?

Вареныкъ. Смихотворъ вы, Дементій Васылёвычъ! *(Сидает)*.

Демко. Я якый е, такымъ и буду, а ты... Це й ты сивъ? Та ты хто такый, якый на тоби чынтъ? *(Показуе на Конаша)*. То хочъ ундерхвыцерь, винъ на войны стражався, а ты хто?

Вареныкъ. А я хйба мало стражався зъ вами та поучавъ васъ, щобъ якъ найкраще? Що жъ вы теперъ такъ вже дуже соблюдаете свою гордость проты мене?

Демко. Вы вси мене малы колысь за дурня, такъ теперъ вже те минулося, пролетило, гень-гень, видцила ёго й не выдко вже. Розуміете: минулося!

Конашъ. Лыбонъ саме прыступае?

Демко. Га? що ты ундерхцерь, а ты пынкаръ, такъ це мени мае буты прыятнысть зъ вами? Ни которои! А ни собъ, а ни цабе! Идить геть зъ хаты! Я заразъ ляжу спочываты, бо уси образовани люде, якъ прыидуть до дому, заразъ лягають спочываты. Та чы мени васъ коцюбою, чы макогономъ гнаты?

Конашъ. Ну, жинко, и справди вже мы нагостювалыся у свата, пора й до-дому.

Вареныкъ. И я могу, по дружеству, зробыты Дементію Васылевычу усяку пошанобу. До свиданія *(пишовъ)*.

Демко. Хочъ и не треба? *(до Конашивъ)*. А вы жъ чого мнетесь?

Конашъ. Позычте полъ десятка лымоновъ.

Демко. А ни одного! *(До виконз)*. Чого у викна лизето?

Конашъ. Що то у васъ за ланцюжокъ на шни?

Демко. Не ваше дило! Жинко, дай мени сюды подушку, тутъ и спатыму, наплювать мени на такихъ гостей. Стривай, чы завивъ я часы?

Конашъ. Показитъ часы!

Демко. Ты бѣ то й тямышь? *(Заводыть)*. Ни, заведени. *(Варька дае подушку, винз ляга)*.

Конашъ. Показитъ же.

Демко. Ну—на, дывысь *(показуе часы)*. И що винъ въ ныхъ розбере?

Конашъ. Хочъ анкоръ, хочъ цилиндръ на дванадцять каменивъ.

Демко. Що то вже ненавыжу, якъ воно почне базикаты! Идитъ соби зъ хаты, бо сѣгодня вже ни якои розмовы зъ вами не буде, та й на частування не сподивайтеся. Варько, повыгонь мухъ, щобъ не кусалы. *(Лигз и повернувся стыною)*. Та позатулай викна.

Варька *(почына ганяты мухы)*. Що за уйдливый народъ.

Конашъ. Я жалавъ зъ вами, щобъ дружбу, потому по сусидству и якъ сроднымы; а какъ вы мордяку видвергасте, такъ я вамъ скажу, что не стоить зъ такимъ чмырякою и розговору плодыты. Самашедчой чалаэкъ!.. *(Пишлы)*.

Демко. Мелы языкомъ, а я вже сплю.

Варька. Хочъ бы и по викъ васъ не бачыты.

Демко. Ичъ, свынота необразована!

Я В А XII.

Ти жъ и Вареныкъ.

Вареныкъ. Це правда, що вже Конашъ, якъ до кого прычепытця!..

Демко *(повернувся)*. Жинко, жены Овсїя въ потылицю!..

Вареныкъ. Ха-ха-ха! Смихотворъ! Спочывайте, спочывайте, я вже сокрылся *(пишовз)*.

Демко. Чысте наказанїе! Варько, запры хату й сины *(заплющывз очи)*.

Я В А XIII.

Ти жъ и Вустя.

Вустя *(тыхо зв синей)*. Мамо, снытайте татка, чы привезлы мени подмастона та ботыкы?

Демко. Привизъ: ботыкы, пальтусака и пальчаткы.

Вустя *(сплеснула рукамы)*. Невжѣ? Побижу, похвастаю передъ дивчатамы! *(Побигла)*.

Демко *(помовчавз)*. Отъ заплущывъ очи, и такъ увесъ Кмѣвъ и выпрыщыло мени передъ очыма.

Варька. Велькый городъ?

Демко. Несходымый! А Днипро, брать ты мой!.. А мисть? мисть, такъ то прямо: штука немедлена! *(Засына)*.

(Зависа).

Д I Я III.

Та жъ хата. Мебель розставлена по де-куды; посуда проста перемишана зъ дорогою; на одномъ викни сытцева зависа, на другомъ кумачева; по стинахъ всякы картыны; пичъ застелена кылымомъ била кровати тежъ кылымъ зъ левомъ, або жъ зъ конемъ.

Я В А I.

Вустя *(сидлычы передъ дзеркальцемъ, чепурытця и спива)*:

Калына-малына,

Я розовый цвѣтъ,

Быль у мене ципа-мама,

А теперъ и нѣтъ.

Черное платье,
 Бѣлый воротничъ,
 Ходивъ ко мнѣ ципа-мама,
 А теперь отвыкъ.
 Черное платье,
 Бѣлая конва,
 Былъ у мене ципа-мама,
 А теперь нема.
 Звонкая походка,
 Серенькій картузъ,
 Бритая головка,
 Бубновенькій тузъ.
 Любила я, любила я,
 А онъ падлецъ утѣкъ...

Я В А II.

Вустя и Зинько.

Зинько (*входе*). Куды це ты зновъ
 вырядылася?

Вустя. Туда, куда мнѣ завгодно.

Зинько. Чы не до прыкащыквивъ зновъ?

Вустя. Можыть бытъ.

Зинько. Скажена.

Вустя. Ни можыть бытъ.

Зинько. Тьфу!

Вустя. Ахъ, скажите ради Бога! (*Пиш-
 ла регочучы*).

Зинько (*махнувши рукою*). Розгар-
 дѣяшъ пишовъ у нашій семьи, куды не
 глянь — всепишло навыворить! (*Пишовъ*).

Я В А III.

Демко и Варька.

Демко (*Йистъ солоный огирокъ,
 входячы зз боковой двери*). Оце саме
 але-на похмилля!

Варька (*Йистъ канхвета*). Може
 внести ще й сиривцю?

Демко. Ни, не треба, огирокъ краще
 (*дывытця на Варьку*). И колы ты найи-
 сыся отыхъ ласощивъ? Якъ на мене, то
 хочъ бы й повиекъ ихъ не було...

Варька. А я тилько бѣ и йла солодке.

Демко. Йисы и такъ видъ ранку й
 до вечера! Вже й диты вдоволнылыся,
 не дуже ласуютця; зъ початку онъ якъ
 булы навынулыся, неначе сарана.

Варька. Тоби жаль, чы якъ?

Демко. Та я не про те... А що,
 чому жъ мени байдуже до солодкого: чы
 така натура у мене, чы гостецъ не прыйма?..

Варька. А я черезъ що йимъ кан-
 феты, отъ вгадай? Та зъ роду вику не
 вгадаешъ! Не думай, що въ тебе жинка
 така вже дурна, що ажъ выхыляетця! А
 ну вгадай?

Демко. Що жъ тамъ я вгадувати?

Варька. Та не вгадаешъ...

Демко. Кажы вже, що тамъ, не мо-
 рочъ головы.

Варька. У недилу була я въ церкви.

Демко. Та була жъ. Не то що люде,
 а й тытаръ здывувався, що выперлася
 на самъ передъ, мало ставныквивъ не по-
 перевертала!

Варька. Тыслася туды, ажъ де пани
 стоять: поссесорша, полковныця, попивны
 и всяки дворяне... Насылу протыслася!..
 Сваха Конашыха такы нарочыто не пу-
 скала мене; своимы вухамы чула, якъ
 вона шепнула Мокрыни та Лыкери: „не
 пускайте на передъ оти барыни-суда-
 рыни.“ А я такы протыслася!

Демко. Чого?

Варька. Бо докы стояла поручъ зъ
 простымъ народомъ, то нибы що ажъ
 штовхало мене до панивъ!

Демко. Та якъ розмиркуваты доладу,
 то тоби теперь нѣяково стояты зъ муж-
 вою поручъ.

Варька. И тоби такъ здаетця? Отакъ же
 точнисенько и мени. Отъ, вдывляюся я
 въ тебе и нибы бачу проты себе не Демка,
 а якогось прыкащыка, або купця!

Демко. Бо образувався...

Варька. А тоби не здаетця, що нибы
 и я овсимъ не мужычого роду?

Демко. Та положимъ, що бувають усяки покоління и усяки предмети. У мене въ голови теперъ плантъ такой склався, щобъ швидче у купци, розумієть? Не знаю тилько, за яку бь коммерцію взятись? И грамоту треба знати. хочъ трохи, а треба. Безъ грамоты ни собъ ни цабе! Коммерція це штука немедлена. Овсій Харытоновичъ трохи вже навчывъ мене, але ще мало, самъ бачу, що мало. Ну, беда, якъ хочетця у купци!..

Варька. Першъ я боялася, щобъ Овсій тебе не обдурывъ, дуже винъ биля тебе захожувався; а теперъ бачу, що винъ и справди надто щирый до насъ.

Демко. Я жь тоби и раниць це казавъ, бо я чоловіка бачу наскрызъ! Тилько бь мени грамоты навчытьсь, тоди можна й Овсія на бикъ: все такы винъ намъ не купанія!

Варька. Чому?

Демко. Званія на нему мало. Окримъ того, дуже вже волюкый дурень!..

Варька. Учора, якъ гуляли мы у нёго въ беседи.

Демко. Хибя мы вчора у нёго гуляли?

Варька. А въ кого жь?

Я В А І V.

Ти жь и Вареныкъ.

Демко. О, за вовка помовка!

Вареныкъ. Не знаю, якъ вы за нами, а що мы, якъ не бачымо васъ, такъ отъ примеромъ, и сонце ясное свитыть, а намъ пасмурно (*чоломжаютця*).

Демко. Та й я за тобою засумовавъ.

Варька. Тильки-тьльки що васъ згадували!

Вареныкъ. А по чыихъ же дилахъ я клопочу, якъ не по вашыхъ? Я готовъ уси свои дила на бикъ, щобъ тилько вамъ, Дементій Васылевичъ, догодыты, щобъ вы понятія обь мени держалы—не

таке, якъ люде, а щобъ содержувалы мене на примичаніи своихъ чувствій...

Демко. Ты бо кажи не такъ мудро.

Вареныкъ. Вы учора наградылы мене великою зневагою. (*Зитхае*). Богъ зь вами!

Демко. Скылько жь я тоби давъ? Невже мало?

Вареныкъ. Спасыби, вдоволнылы!

Демко. Чого жь тоби ще?

Вареныкъ. Кажу жь: спасыби, прывселюдно вдоволнылы!

Демко. Та що ты верзешъ, я ничего не розберу?

Вареныкъ. А хто учора плюнувъ у тварь мени и мойй жинци?

Демко. Та невжо?

Вареныкъ. Варварія Назаровна, докладуйте имъ.

Варька. Посоромывся бь хочъ люде! Вони обои Овсій Харытоновичъ и Васылына Хведоровна панькаютця биля тебе, цилують руки, посадовылы на кровать, подушкамы обложылы, а ты...

Демко. Що жь я зробывъ?

Вареныкъ. Плюнули у глаза,—сперначалу мени, а потимъ и Васылыни.

Демко. Цего не памьятаю!

Вареныкъ. Я душу свою готовъ за васъ, а вы.

Демко. Що жь, я заплачу!

Вареныкъ. А я отъ кажу вамъ, якъ передь Богомъ, що не гниваюсь на васъ и платы ни якои не хочу!

Демко. А я хочу тоби заплатыты. Ну не тоби, такъ твойй жинци!

Вареныкъ. И вона такъ, якъ и я. Не плату намъ треба, а ваше примичаніе.

Демко. Хибя я тебе ще мало примичаю?

Вареныкъ. Ехъ-хе-хе. Пидождемъ—потерпымъ. Що жь, може привесты?

Демко. Кого?

Вареныкъ. Якъ кого, вже забулы? Вчора жь наказъ мени далы, щобъ я вамъ переминывъ усихъ наймытивъ и наймычокъ...

ВАРЬКА. А вже жь наказувавъ. Одарка согрублыла тобі, що ты звеливъ їй поцилувати тебе въ руку, а вона видказала: „я наймалася робыты, а не лызаты ваъь руки.“

ВАРЕНЬКЪ. Такий бувъ видъ вась наказъ.

ДЕМКО. Де жь вони?

ВАРЕНЬКЪ. Тамъ, у мене дома дождаютьця.

ДЕМКО. Коли такой наказъ мій бувъ, такъ веды ихъ сюды (*Варенькз хутко пишовз*). Ого-го, це, мабуть, добре учора свыснулы, що ничего й не памъятаю!

ВАРЬКА. Невже не памъятаешъ и того, якъ вы у двохъ зъ старшыною ведмедивъ прыставлялы: старшына за цыгана вбрався, а ты за ведмедя?

ДЕМКО. Невже? Фю-фю-фю! Онъ яку хуру учора пиднялы. Ще, мабуть, и часы не заведони? (*Выйма и дывытця*). Аже жь, що ни (*заводыть*). Вже десятый часъ...

ВАРЬКА. Скоро вже й вечеритыме.

ДЕМКО. Ягъ? А обидаты жь колы мы будемъ?

ВАРЬКА. Я жь тебе будыла, а ты сказавъ, що не хочешъ.

ДЕМКО. Сказавъ? И справди мени йижа не йде на думку. Отагъ закурылы!....

ВАРЬКА. Завтра пиду до церкви, якъ ще не дзвонытумуть, та й стану на самисенькимъ переди, поручъ зъ полековныцею. Який гарный духъ видъ панивъ иде, ну такъ у нись тобі й лизе, ажъ лоскоче у низдрахъ. Завжды вже теперъ стоятыму межъ панямы, що разъ у разъ йидять ласоци та пундыкы, черезъ те й пахъ видъ ныхъ гарный.

Я В А В.

Ти жь и Вустя.

Вустя (*убрана оз платти и оз нятныхъ перчаткахъ, хутко вбигае*).

Мамо, понюхайте, чымъ у мене пахнуть руки?

ВАРЬКА (*нюха*). Чебрыкомъ, чы що?

Вустя. Татку, понюхайте!

ДЕМКО (*нюха*). Неначе морквою, чы новымъ кожухомъ... Чымсь гарнымъ!...

Вустя. Це мени прыкащыца налыла на руки. Прыбигла за зонтыкомъ, бо мы оце заразы йидемъ зъ прыкащыцею до вечерни. Колыбъ вы, мамо, бачылы, якъ зо мною панькаютця прыкащыкы, Господи! якъ вони мене люблять! Вже мени ажъ скучно зъ вами, побижу мерщій, бо мене тамъ дождаютьця (*пишла*).

ДЕМКО. Отъ, чы довго побула у прыкащыкывъ, а вже їй тисно въ нашій хати. А тобі, Варько, наша хата не здаецця тисною?

ВАРЬКА. Ни!

ДЕМКО. А мене вона неваче давты. Отъ и заразы такъ и закрутылася передъ очыма. Ачъ, якъ крутытця! Якъ поживъ у Кыёви, у купцивъ у хоромахъ, такъ теперъ зовсимъ не можу жыты въ тисній хати: давты, та все крутытця! Не можу. Якъ запышнымося у купци, куплю великого дома.

ВАРЬКА. Тилько щобъ блыжче до церкви, бида якъ люблю слухаты, якъ дзвоны дзвонють! Якъ ще була малою, то було на Великдень цилый день высыдю на дзвиницы та все слухаю, якъ дзвонють.

ДЕМКО. И водопроводу соби зроблю. Я бачывъ у Кыёви водопроводу... А на Подоли, братъ ты мой, у лева въ роти водопровода, такъ джереломъ вода й хлющыть, ажъ шумыть. Ловко прымадыковано. Я тобі, жинко, и тутъ зроблю водопроводу,—чуешъ? Выкопаю въ сняхъ крыницю та й кинецъ. Водопровода, це ще пuste дяло, а отъ яку бъ коммерцію?...

ВАРЬКА. Бакалію, або пидваль?

ДЕМКО. А якъ бы бондарство? Колы въ слободи воно дае дохидъ, такъ тамъ,

братъ ты мой!.. Скільки тамъ купцівъ та панівъ? По одній кадочці кожному зробы, такъ и то онъ скільки!.. Окримъ того тамъ и цина бильша. А напрыкладъ, якъ звелять зробыты бочкы за для салдативъ: на солонину, на огиркы, на капусту?.. Такъ це копыталы!

Варька. Багато у городи вѣйска?

Демко. Сыла! Сказать: сыла! Мени розказувавъ у Кьѣви одинъ пужарный. Тамъ били того купця, де я жывъ, такъ и пужарна команда е. У досвита було встану, та, покы купци сплять,— у городахъ бида якъ слыно народъ спыть!— иду до пужарныхъ. Такъ одинъ пужарный розказувавъ, що, каже, якъ переличыть одныхъ опораливъ, що скільки ихъ е по городахъ, такъ буде бильшъ, якъ на сотню.

Я В А VI.

Ти жъ и Вареныкъ.

Вареныкъ. Прививъ.

Демко. Багато ихъ?

Вареныкъ. Шестеро.

Демко. А чы не мало? У того купця, що я бувъ, у Кьѣви, такъ у него висимнадцять одныхъ наймытивъ: прыкащкы, малчкы, кучери, лакеи... Правда, мы ще не запысалыся у купци, то покы буде й цыхъ. А якъ же ихъ звать?

Вареныкъ. Якъ наказано: вси пидъ одне именная, щобъменьчъ вамъ було зъ ными морокы та клопоту!

Демко. Це бъ то я такый наказъ давъ?

Вареныкъ. Не памьятаете?

Демко. Якъ то не памьятаю? Памьятаю... Тилько чы не глузуватимуть зъ мене люде?

Вареныкъ. Дывуватымутця!

Демко. Якъ що такъ, то й але! Мени тилько бъ людей дывуваты, оте мени тилько й до чмыгы. Ну, кльчъ ихъ.

Вареныкъ (*видчыля двери*). Ну, вы, армя, идить сюды!

Демко (*у бикъ*). Ничогисенько не памьятаю! (*До Вареныка*). А ты жъ не забувъ, на яки именная веливъ я ихъ зваты?

Я В А VII.

Ти жъ, наймыты и наймычны.

Вареныкъ (*до наймытивъ и наймычокъ*). Якъ я васъ вчывъ, то такъ и робить. (*Наймыты по одынци пидходять до Демка, потимъ до Варькы, цилують у руку и промовляють: „Здрастуйте, дядинько! Здрастуйте, тетинько!“*)

Демко. А якъ же ихъ зваты?

Вареныкъ. Такъ, якъ вы прыказувалы. Дивчата вси—Гапкы, а хлопци—Иванѣ.

Демко (*якъ скинчылы наймыты*). То ось якый порадокъ буде. Станьте вси врьдъ, якъ москали. Отъ ты найвыщый, тебе будемо дражныты: Иванъ довгый; тебе, що нись, якъ у качкы—Иванъ носатый; а тебе, куденькый—Иванъ зносокъ. А дивчатъ ось якъ. Найвыщу:—Гапка довготелеса; а тебе, що око пидслипувате:—Гапка пидслипувата; а ты, чого все носомъ шморгаешъ, га?

Наймычка. У мене нежить.

Демко. Тебе дражнытемомъ: Гапка куца. Розуміете?

Наймыты. Розуміемъ.

Демко. Служылы вы по мужыкахъ, такъ тамъ инчи звычай, а у мене служытымете, такъ у мене вже образовани порады! Вставъ у ранци, умывся, помолывся Богови и заразы мене въ ручку и хазяйку: „добрыдень!“ Розуміете? Понсидавъ—хазяина и хазяйку въ ручку; пообидавъ, те жъ робы... Розуміете? У мужыкивъ теперь сутугы на харчъ, тамъ двичы на день йидять, а у мене йистымете чотыри разы и кожень разъ дякуйте и въ ручку.

Наймытъ довгий. А якъ пѣтый разъ?

Демко. Ни, пѣть разивъ не йстымете. Согласныи?

Наймыты. Согласныи.

Демко. Варваріе! Иды, дай имъ поспидаты.

Варька. Яке тамъ: поспидаты? Може пополудноваты?

Демко. Та тамъ що знаешъ. А потимъ усяку роботу. Ну, идить соби (*наймыты пишли*).

Варька (*йдучы*). Колы бѣ ты, Дементію, знавъ, якъ вже мени важко й роботу завдаваты (*пишла*).

Демко (*дывытця довго на Варенька*). Ну?

Варенькѣ. Сегодня у старшыны беседа.

Демко. Знаю. А дали?

Варенькѣ. Що?

Демко. Прыдвысь мени въ вичы гарненько, про вищо я думаю?

Варенькѣ. Туманъ, туманъ въ очахъ— не зрозумію!

Демко. Хочу тобі подаруваты сертука братового (*иде до скрынни, выйма старого сертука и дае Варенькови*). Никому не давъ бы, а тобі, на; на, та знай мою добристь! Учора плюнувъ тобі въ тварь, а сегодня вже й наградивъ, розуміешъ?

Варенькѣ (*пада на вколужкы*). Дементій Васылёвичъ! Визьмить мою душу и мое сердце пидъ ваши ногы!

Демко. Що, що таке?!

Варенькѣ. Думавъ я сѣгодня, думавъ учора, позавчора и вси дни я думавъ и додумавел, що зъ вашымъ розумомъ не можна такъ! Та дайте мени ваши копыталы, такъ я зъ моимъ малымъ розумомъ усю округу у жменю заберу!

Демко. Встань-бо та кажы толкомъ!

Варенькѣ. (*Встае и хапа его за руку*). Вирыте теперъ, що я вамъ добра бажаю?

Демко. Ну, а якъ не вирю?

Варенькѣ. Позвольте ручку.

Демко. На!

Варенькѣ (*цилуе*). Позвольте и другу (*цилуе*). Визьмить мене у компанію, черезъ десять годъ у насъ буде мылліонъ трыста тысячъ!

Демко. Колы бѣ же то? Тилько отъ що, грамоты я не дуже.

Варенькѣ. Вывчу, ей вывчу!

Демко. Скилько кажешъ: мылѣнь сколько тысячъ?

Варенькѣ. Або плюньте мени заразы у тварь и про женить зъ передъ своихъ лонныхъ очей, щобъ николи не смивъ я зъявляться и на порози вашого дому; або жъ скажить: „вирюю тобі, Овсію, робы такъ, щобъ обомъ намъ добре було!“

Демко. Це штука немедлена. Вирюю тобі, Овсію!

Варенькѣ, Позвольте це разъ обидви ручки (*цилуе*). Робить дило?

Демко. Робы!

Варенькѣ. Щобъ на всю округу?

Демко. На всю округу!

Варенькѣ. Черезъ десять годъ: мылліонъ трыста тысячъ. Тилькы умова, щобъ ни жинка, ни сынъ и ни хто не втручався въ дила.

Демко. Та що вони тямлять? Мы зъ тобою обмиркуемъ це дило, обмиркуемъ; а теперъ пріймаймосъ за грамоту. Де жъ це моя кныга?

Я В А V I I I .

Ти жъ и Гапка.

Гапка. Здрастуйте, будьте здорови— хочъ зъ понедилокъ, хочъ зъ вивторкомъ.

Варенькѣ. А ты, дивко, й не знаешъ, якый сегодня день?

Гапка. Або понедилокъ, або вивторокъ.

Демко. А чого тобі?

Гапка. Казалы люде, що вы Гапокъ наймаете.

Вареныкъ. Опизнылася.

Гапка. Ни, ще не стемнило.

Демко. А що жь ты робытмешь?

Гапка. Воду носыты, хату пидмитаты, податы, прыняты, розбыты, закынуты—не прызнатця!... Наймиць мене, бо я Гапка!

Вареныкъ. Иды соби зь Богомь!

Демко. Стрывай бо, Овсію. *(До Гапки)*. Ты жь теперь у кого находыся?

Гапка. Ни вь кого.

Демко. А першь де була?

Гапка. По людяхь.

Демко. Чы ты прудко бигаешь?

Гапка. Разь парубкы погналыся, хотили зь мене спидныцю здерты, а я втекла. Гы-гы-гы!...

Демко. Чуешь, Овсію, це штука немедлена! Пры такихь дилахь, якь мы маемо завесты, такь вона буде потрібна мени. Часомь пишовь куды зь дому, и вопа якь хорть слидкомь за мною; на дорози нагадавь я, що треба тамь якусь штуку немедлену, не вертатця жь мени самому? Гапко, наливо кругомь!

Гапка. Я не вмію.

Демко. Мовчы, дуря, не зь тобою говорять! *(до Овсія)*. Оть вона заразъ и бижить до дому, виднесла мій приказъ и зновь на ливо кругомь!—Догнала мене,—розуміешь? Памьятаешь: писарь розказувавъ про телеграфъ, такь це на мою думку буде ще краще видь телеграпу.

Вареныкъ. Нехай буде й такь.

Демко. Ты скажы, чы розумно воно буде?

Вареныкъ. Ну й розумъ же у вась!

Демко. Справди? А хлиба мого вона не перейисть. У мене свынямь та собакамь выкыдають те, що зостаецця видь обида, то нехай и вона й исть.

Вареныкъ. Нехай.

Демко. Ни, ты скажы, чы розумно воно буде?

Вареныкъ. Я й по вибь не выгадавь бы такой штуку.

Демко. Такь у мене же не кавунъ на плечахь. *(до Гапки)*. Зоставайся, служытмешь—за харчъ та за стару одожу. А зватымомь тебе: дурна Гапка.

Гапка. Не лайтеся, бо я й вась вылаю.

Демко. Чуешь, Овсію! Вона втишна *(регоче)*. Поцилуй же мене вь руку, бо такый порадокъ.

Гапка. Мени соромно.

Демко. Комедна! Иды жь та скажы, щобь дали тоби тамь попойисты *(шука книгу)*.

Гапка. Нехай дадуть булкы зь масломь.

Вареныкъ. А ты хйба йила булку зь масломь?

Гапка. Ни. Батько казалы, що дядько бачыли, якь жыдь йивь.

Демко. Иды вже соби.

Гапка *(пишла и вертаецця)*. А колы жь на выпередкы бигытмешь?

Демко. Описля, иды соби *(Гапка пишла)*. Оце заченывь пеню! та нехай. Де жь моя книга? *(Шука)*.

Я В А І Х.

Ти мь и Зинько.

Зинько *(до Вареныка)*. Ось выйдить, будь ласка, на часынку зь хаты.

Демко. На вищо?

Зинько. Маю, тату, пербалакаты зь вамы—на одынци.

Демко. Балакай пры нему.

Вареныкъ. Зиновій Демонтовичь, я жь у вась, якь свій.

Зинько. Ни! Це таке дило, що треба зь отцемь на одынци.

Демко. Я догадуюся... Выйды, Овсію.

Вареныкъ. Може одійты вь кутокъ? Я затулю вуха и...

Зинько. Пожалуста, выйдить. *(Вареныкъ выходыть и потимъ пидслуухае билля дверей)*.

Демко. Це ты чы не про Марыну?

Зинько. Про неі...

Демко. Я тоби разъ сказаў, що вона тоби теперъ не пидъ масть, то й годи про це.

Зинько. Вы тоди може въ сердцахъ сказали?

Демко. И тоди сказаў и теперъ те жъ скажу: моя воля, щобъ ты сватаў прыкащывну.

Зинько. Цёго не буде.

Демко. Якъ то не буде, колы мій плантъ такый, щобъ прыкащывна була мени невесткою?

Зинько. Мои воли на те нема.

Демко. Я тебе не пытатыму!

Зинько. Пиць спыта.

Демко. Та ты якъ це зо мною?

Зинько. Такъ, якъ и завжды... А отъ вы, тату, теперъ зо мною не такъ.

Демко. Я видъ свого слова не вид-ступаюсь.

Зинько. И я ни!

Демко. Та ты зо мною на сварку?

Зинько. Бороны мене, Боже! Слова зневажлывого вамъ не скажу.

Демко. Та я тебе выжену зъ подвирья!

Зинько. На що жъ выганяти? Колы вже я вамъ такъ спротывився, то я й самъ пиду.

Демко. Геть зъ очей! Це тебе чы не дядько твій Серёга навчывъ? О, то розумный! Тилько мени теперъ на нёго плювать. Знаешъ ты, де розумъ, знаешъ?— У партманети. Тамъ винъ увесь! Щобъ я бильшъ про Марыну и не чувъ...

Зинько. То не почувете жъ бильшъ и про мене! *(Хутко пишовъ)*.

Демко. Що то якъ воно не образо-ване, то сколько мороки зъ нымъ.

Я В А Х.

Варька, Вареныкъ и Демко.

Варька. Що це зъ Зинькомъ?

Вареныкъ. Одни дураци, заспокойтеся.

Варька. Промовывъ: „прощайте, ма-мо!“ А очи ёму такъ зразу и залылися слёзами.

Демко. Що не кажы, а кремезный парняга, зъ плоха ёго не нахылышъ.

Вареныкъ. Отакый точнисенько зъ замолоду и я бувъ. Кажу, якъ ще бувъ парубкомъ, такъ покійни батько звелилы мени свататы Васылыну, такы теперешню мою жинку; а мени, вирите, гыдко було на неі й глянуты!—Теперъ вже мы прывыклы одно до другого. Звисно, сколько времяны пройшло, а першъ: а ни на очи!—Тилько и толку, що вона була пры копытали. Я й кажу батькови: утоплюсь! Побигъ у берегъ, зупынився у вербахъ та й дывлюся: чы бижать батько мене рятуваты? Бачу, що ниhto промоне не турбуетця, навить и батькови ридному байдуже, я й подумавъ: зъ якои речи втоплюсь? На другой день поблагословывся та й до Васылыны за рупныкамы. И отъ, якъ бачыте, и по сей день живемо у согласіи, Бога дякуемо та дитей годуемо. И даже возлюбывъ и свою жону!

Демко. Варько, верны Зинька!

Вареныкъ. Що вы робыте, не попус-кайте вижки!

Демко. Швода парубка.

Вареныкъ. Якъ вы ёму теперъ зако-рытесъ, то винъ забере собя въ голову, що въ хати старшый винъ, а не вы. Краще згодомъ.

Варька. А що ты думаешъ, Дементію? Овсій Харытоновычъ, лыбонъ, правду кажутъ.

Демко. А пиды, подывысь, що винъ робе? Ничого ёму не кажы, а тилько подывысь. *(Варька пишла)*. Винъ першъ николы, щобъ у поперыкъ мени...

Вареныкъ. А теперъ забравъ собя въ голову. Отъ тутъ верстовъ за двадцять, розказувавъ сегодня мени одынъ прои-зжый,—такъ якый случай?—Жывуть

соби отецъ зъ сыномъ, въ миру хазяи-
нують, и слава скрызъ иде, що хазяины,
значыть, на всю губу. Батько сказавъ
слово сынови, сынъ согрубывъ, батько
вдруге, сынъ ухопывъ дрючка та батька
по плечахъ...—Онъ якый теперь роз-
безсовисный народъ вылуплюютця! И куды
тільки совисть людська подилася?

Демко. Ну, Зинько никола... Бороны,
Боже!

Вареныкъ. А все жъ попускаты дѣ-
тямъ не можна. Отъ у мене навукa: про-
вынывъ хочъ малость—на вколюшки, на
горохъ! Вильше?—На дрибки солы! Ще
бильше?—Батигъ! Отъ я тутъ, а въ мене
тамъ старшенькый сынокъ, и въ лавци
винъ и въ шынку. Ему ще тильки четыр-
надцятый годочокъ, а нехай хто ёго
обдурить, хочъ на копійку, хочъ на
шагъ! Нехай у нёго хто выпросыть на-
биръ, чы въ позыку—не дасть, плака-
тыме передъ нимъ, умиратыме—не дасть;
скорищъ я дамъ, низъ винъ. Я за нимъ,
якъ за своею головою. А якъ малость
провынывъ—батигъ! Нельзя иначе.

Демко. Та звычайно.

Я В А Х І.

Ти жъ и Варька.

Демко. А де винъ?

Варька. Кажуть: подався на гору у
городъ бы то, чы що?

Демко. Ачъ! якый упартый! Де не
блукатыме, а вернотця до дому: не ясла
йдуть до вола, а виль до ясель.

Вареныкъ. Верно. Тилько це вже
поганымъ пахне: отецъ ему слово ска-
завъ, а винъ заразы черезъ гору!

Варька. Лыбонь, ты знаешъ ого на-
туру, що ему не дорого и въ ричку
кынутысь.

Демко. А я тоби скажу ось що: хочъ
бы й на гыляку!

Варька. Що ты кажешъ, Дементію?
Демко. Отець я ёму, чы ворогъ? Мы
теперь у такимъ возвышенію, що намъ
треба за выщыхъ чеплятысь, а винъ за-
разъ черезъ гору! Хочъ и на гыляку!
Ачъ якый... (*Помовчавъ*). Одначе, годи
про це, е важници дила. Варваріе, иды
соби куды-небудь, бо мы заразы за гра-
моту приймымосл.

Варька. А може й мени цикаво по-
слухаты, може и я навчуся одного-дру-
гого слова?

Демко. Тоби грамота не потрібна.

Варька. Чому?

Вареныкъ. Безъ никотори надобно-
сты, одынь тилько грихъ!

Варька. А я було, Господы, якъ
люблю слухаты, якъ ще Зинька Юнашъ
вчывъ чытаты. Шкода, що тилько одну
зиму вчывъ.

Демко. Ще мало вчений, а вже су-
проты отцевськой—матерыной воли!

Варька. Тадже жъ ты й старый вже,
а вчылся?

Демко. Мени нема, проты кого йты.
Опритъ того, треба вчытысь для коммерціи.

Варька. Якъ почне було Зинько чы-
таты, то я слухаю—слухаю, а дѣи за-
дримаю, и почне мени вчуватыся, що нибы
то котыкъ мурлыка пидъ самисенькымъ
вухомъ. Я, Господы, язь люблю, щобъ
котыкъ мени мурлыкавъ.

Вареныкъ. Жиньци навукa одна: слу-
хаты мужа и покирствуваты ёму. А гра-
мота, одынь тилько грихъ! Адаже чулы,
отутъ верстовъ за пятнадцять случай?
У одного панка була дочка и така жъ
то упадыва до чытання, що й сказати!
Сваталы ии усяки гарни женыхы и ба-
гати. Напрыкладъ, сватавъ одынь ку-
пець, винъ уже сказати въ литахъ и
удивецъ, ну тилько показный зъ себе,
такый показный, що наврядъ чы й влизъ
бы у ваши двери. А копыталу въ нёго:
мылліонъ трыста тысячь! Що жъ вы ска-

жете? Не пішла! Ото жь якъ начыта-лася вона про всякы моря-окняны и чужы земли, заразы до отца: „дайте денегъ, пойду у Парыжъ, або ще й дали, всякой навуки довачысь!“ Шуткы сказати? Значыть, дуристь ий увійшла вже и въ голову, и въ корпусъ и скрызъ... Ну, отецъ, певно, не помитывъ, що у неи въ голови пішло на выворить. Я бь ий заразы: на горохъ! На дрибкы соли! У мене зразу очумалася бь. А винъ ий тилько сказавъ: „дурищи, не дамъ ни копійкы!“ Вона выйшла зъ горныць, выняла зъ кешени алирверъ, такый подсто-летъ маненькый, та бабахъ себе у сами-сенке сердце!.. Такъ онъ до чого бабу кнѣжка доводыть.

Демко. Бабыча голова, конешне, не до кнѣжки, а до печи. Ажъ осьдечкы кнѣга! (*Бере зъ запичка кнѣгу и сида за стилъ*). А ну, почнемо. Чы може спочатку выпьемо по чарци рому?

Вареныкъ. А вамъ якъ у нутрен-ностяхъ?

Демко. Та такъ нибы просе.

Вареныкъ. А ежели просе, такъ тре-ба й дати.

Демко. Варваріе! Подай тамъ ту пляшку, що чорный билетыкъ налип-ный. (*Варька пишла вз комиръчыну, а Демко почына чытати*): бра, вра, гра, дра, жра.

Варька (*гука зъ комиръчыны*). Тутъ у цій пляшци нема вже й каплыночки.

Демко. Якъ то нема? Може ты не ту пляшку намацала? (*Чыта*): зра, кра, дра...

Варька. Тутъ вси пляшкы вже но-рожны...

Демко. Це вже брехня! (*Иде вз комору*).

Вареныкъ (*самъ*). Цвындырьт Демко гроши, ажъ душа болыть! И хто тилько нымъ не корыстуетця? Старшына, старо-ста, волостный пысарь! А Конашь, такъ

той зъ усихъ бокивъ заходе коло нѣго, якъ чортъ била гришныка. И за вищо вони нымъ корыстуютця? Демко плюе мени въ тварь, а други зъ нѣго пирья скубутъ; черезъ що жь други, а не я одынъ? Я постеригъ, що винъ почавъ за жинкою моею впадаты... здалось це мени, чы навспряжкы? Хочъ винъ плюнувъ и ий въ морду, але після того все до неи пидсовувався. Нибы бь то ненарокомъ то ущипне, то обійме, то поцилуе. А я все удаю такъ, нибы ничего того не бачу. Баба, це найкраща вудочка, зъ котрой вже короць не зирветця... А жинци я сказавъ, що на те ось якъ дывлюся, крызъ пальци, абы бь дило це було ко-рыстне. Не первына намъ зъ нею ци дила роботы.

Демко (*выносыть пляшку зъ ро-момъ*). Брате, Овсію, пора вже намъ у городъ йхаты за провзыією, — це вже остання пляшка. (*Налыва*). Доброго здо-ровьячка. (*Вытывъ и частуе Варены-ка*). Добро!

Вареныкъ (*вытывъ*). Ловкый ромокъ! Почымъ пляшка?

Демко. Рубъ пятьдесятъ! Варю, жинко моя любая, вышый зъ нами (*частуе*).

Варька (*вытыла*). Цѣго напытку я не дуже вхвалыла; — а онъ те, якъ бо ёго, що шыпыть?

Демко. Донське?

Варька. Эге жь, ото саме таке, що я прыстала бь ёго пыты хочъ и що-дня.

Демко. Якъ пойду за провзыією, то привезу тобі и донського. Ну, приймай-мося за науку (*чытае*). Бре, вре, гре, дре...

Я В А XII.

Ти жь и волостный пысарь.

Волостный пысарь (*идѣ чаркою*). Науки юношей питають, отраду старцамъ подають!.. Што жь вы, господа, сыдыте

дома, развѣ не знаете, де вамъ слѣдъ сѣгодня бутъ?

Вареныкъ. Мы собиралися до господына старшыны.

Демко. Хотили трохи повчытысь.

Волостный писарь. Хоча й сказано, що „ученье-свѣтъ, а не ученье-тьма,“ но разсуждають еще и такъ: вѣкъ вчусь, а дурномъ помрешъ! А по этому: я ничому не вчусь, ничего не читаю, а тилько шytaю. Сто рубливъ въ годъ: восьмь рубливъ трыдцять тры копійкы въ мѣсяцъ! А у мене тры сына и чотыри дочкы. Отъ я й думаю: почему у мене тры сына и чотыри дочкы, а жалуванья — сто рубливъ въ годъ? Думаючи такъ, иду я вулицею и зриаю черезъ тынъ, положымъ, до Грыцька. Выжу я, що у Грыцьковимъ подвирьи ходять: куры, гындыкы, гусы и всяка жывность. Отъ я й шytaю курей: двадцять тры! Двадцять тры? Нехай бы двадцять; а на що жъ ще й тры? Почынаю я хвылософствовать и выжу ясно, що эти тры курыцы мои! Понимаете? Теперъ выжу я, що у васъ въ хати тры мидныхъ пидсвишныка. Хвылософствую я: на вищо жъ тры? Адже жъ тры свичкы разомъ не можна свитыты?—чый же той третій пидсвишныкъ? Хвылософія моя шопче мене: — „твій!“ А якъ виаъ мій, то я ёго й беру. *(Бере пидсвишныкъ у кешеню).*

Демко. Га? Варваріе! Це що жъ таке?

Волостный писарь. Овсію, маю я право взяты пидсвишныка, чы не маю? Ежели я не маю права взяты цѣго пидсвишныка, то ты хйба маешъ право даваты горилку пидъ закладъ?

Вареныкъ. Позвольте... потому що у мене совість у мойй души...

Волостный писарь. И въ мене вона тамъ же. А законъ що гласыть? А вы, Дементій Васылѣвичъ, лыбонъ гнивааетеся, що я взявъ пидсвишныка?

Демко. Не то що, а яекосъ воно...

Волостный писарь. А который иже мѣсяцъ у васъ пашпортъ простроченный? А чы не вгодно вамъ прогулятыся етапнымъ порядкомъ верстовъ за двести?

Демко *(злякався)*. Та я жъ ничего...

Волостный писарь. Краще жъ жытымемъ у миру та въ согласіи. Примеромъ. У Овсія Харытоновича за ёго хвукусы давно треба бъ видныты шынкѣ — скажу слово, и Овсій Харытоновичъ въ трубу! Одначе жъ я не доношу на него обществу, — не черезъ те, щобъ виаъ мене бувъ другомъ, чы до вподобы, а що й другый на ёго мѣсяцъ буде такымъ же котолупомъ, якъ ще й не гирынымъ!

Вареныкъ. Коло такого дила иначе невозможно. Якъ я ихъ не пожалію, такъ хто жъ ихъ пожаліе?

Волостный писарь. Ну, ну, пожалуста, не замазуйте очей! Отъ и вы, Дементій Васылѣвичъ. Вдаето вы зъ себе розумного и образованого, а Овсій валяе передъ вами дурака.

Вареныкъ *(хутко частуе его)*. Чудова штука!

Волостный писарь *(чыта ярлыка на пляшци)*. „Ромъ Ямайскый.“ А, можна! *(пѣе)*. Такъ отъ я й кажу...

Вареныкъ *(налива)*. Выкушайте ще...

Волостный писарь. Не вредно! *(выпива)*. Овсій валяе...

Вареныкъ. Дементій Васылѣвичъ, почастуйте жъ ще й вы.

Волостный писарь. Такъ отъ я й кажу...

Демко *(частуе)*. Мылосты просю.

Волостный писарь. Передъ джонкою, пожалуй, пользытельно *(выпива)*. Такъ я й кажу: Овсію Харытоновичу, свалыть дурака...

Вареныкъ. А до Варвары жъ Назаровны треба ще поздоровкатыся?

Волостный писарь. Наливай! *(выпива)*. Овсію, думаешъ: не понимаю мuzzyкы? Печать на уста положымъ. А тилько

скажу: у насъ дуракъ та мошенникъ— на голо! А по середини никого нема, одишь тилько я... А у мене тры сына и чотыри дочки, а жалуванья: восьмиъ рублей трыдцять тры копійкы въ мисяць... Эхъ! давай, выпьемъ! (*Частуютьця*). Не стоить толковать... зъ кымъ толковать? Ходимъ швидчъ, вже джонка зварылася... То я прыдумавъ джонку: голова сахару, видро горилкы и десятокъ стрюковатого перцю!

Варвникъ. Ходимте и справди мерщій? Демко. Варваріе, одягайся худчій. Я ще никола не пывъ жонкы (*одягаютьця*).

Волостный писарь (*обійма Варвника и Демка*). Эхъ, друзи мои! (*до Демка*). Ты дуракъ! (*до Варвника*). Ты мошенникъ!.. А я, получаю восьмиъ рублей трыдцять тры копійкы въ мисяць, должовъ хвылософствовати! А вамъ, Варвара Назаровна, тилько бъ солоденького? Уважаю! Потому всимъ солодко, а у мене: тры сына, чотыри дочки, а жалуванье!.. (*Спива и йде*):

Вотъ мчтыця тройка удалая...

(Зависа).

Д І Я І V.

Двиръ Демкивъ: хата трохы полагожена и обмазана, тилько у подвирьн все пороскыдано, або въ кучу звалено.

Я В А І.

Серёга (*иде зз воритъ до викна зз заступомъ на плечи*). Такъ и выдко сразу, що тутъ жыуть люде хазяинувати та працёвыти. Ачъ якый гармыдёръ у подвирьн. (*Пидходе до викна*). А выйдь сюды, Варваро!

Я В А І I.

Варька и Серёга.

Варька. Здрастуйте, братику! Насылу васъ Господь прынясь. У однимъ сели жыємо, а й очей до насъ не навертаете?

Серёга. Якъ вы зъ нами не дуже, то й мы за вами байдуже. Ты, сестро, теперь у таке званіе зализла, що може вже тоби ніяково и балакаты зо мною?

Варька. Ото, де жъ такы? Ходимте у хату.

Серёга. Я не въ гости прыйшовъ, а по дилу; на хвыльну видъ роботы одирався.

Варька. Та все жъ годытця зайты въ хату.

Серёга. Не пиду! Слухай, ты ще не зовсимъ задурылася?

Варька (*здывовано*). Вн такъ прыкро балакаете зо мною?

Серёга. Балакаю такъ, якъ слидъ; а не хочешъ слухаты, такъ иды соби геть!

Варька. Та чого це вы такы сердыти?

Серёга. У Демка зовсимъ вже голова повернулася потылицею напередъ: ничего, навить, и пидъ носомъ не бачыть, то може хочъ ты ще добачаешъ? Отъ вже правду кажуть: хочешъ бачыты скаженого, подаруй дурневи червону шапку. Дай чоловикови зъ розумомъ такы гроши, яки спалы Демкови, такъ той и свою сямью задоволишь бы и сусидямъ допомигъ бы; а отъ Демко такъ и свою сямью розигнавъ...

Варька. Якъ розигнавъ?

Серёга. А де жъ Зинько? Колы вже такого парубка тыхого та роботящего выгнавъ зъ двору, то останни и сами скоро покынуть батькову хату.

Варька. Зинько самъ пишовъ.

Серёга. А якъ же ёму и зоставатыся въ сели, колы куды не обернетця,

скризь на нѣму людськи очи, вси товариши дывлятця на него, якъ на брехуна?

Варька. Теперъ скризь пишло вже такъ, що докы дивка не повинчана, нехай не каже, за кого йде замижъ, щобъ не помилялася.

Серѣга. Скризь бы то брехня запанувала? Видкиля це ты, сестро, набралася такого розуму? Невже сыдячы на дивани та вылежучы боки на пуховыкахъ? Ну, та не въ тимъ сыла, а те, що Зинько вернувся.

Варька. Вернувся? Де жъ винъ?

Серѣга. У мене. Пишовъ въ городъ, хотивъ нанятись, такъ нигде безъ билета не приймають; ну й вернувся. А Демко й доси въ городи?

Варька. И ума не доберу, чого винъ такъ довго барытця?

Серѣга. Тамъ вже биля нѣго Вареныкъ ума добирае.

Варька. Що? хйба що чулы?

Серѣга. На вищо вуха, колы й очыма выдко. Слухай, сестро, треба рятуваты Зинька: загине парубокъ, марно загине... Колы прийде Демко та хочъ трохы вытверезытця, заразы побалакай зъ нимъ.

Варька. Колы бъ вы побалакали, вастъ винъ колысь слухавъ?

Серѣга. А теперъ рыло видверта, якъ проздыты поузы хату.

Варька. Я за вами прыбизу, колы прийде.

Серѣга. Ни, цѣго не робы. Знаешъ мою натуру: я такый, що й бытуму! Не подывлюся, що винъ у сертуци та пры часахъ. Гляды жъ, перебалакай зъ тымъ скаженимъ, бо шкода парубка. Прощавай! (*Пишовъ*).

Варька. Отъ колы бъ Серѣга взявъ Демка въ руки, у цѣго не задуривъ бы, о, ни! А Вареныкъ, лыбонь, и справди запантылычывъ вже его. Де жъ, тры тыж-ни и очей до дому не зъявля! Овсй ра-

живъ зо два навидувався та й знову въ городъ. Зпершу забравъ у мене якисъ бумаги, былеты бъ то зъ банка чы шо, а вдруге взявъ пашпорта Демкового.

Я В А ІІІ.

Варька и чоловики.

Чоловики. Здрастуйте, зъ суботою.

1-й чоловикъ. Нема ще Дементія Васылѣвича?

Варька. Якъ бачыте.

1-й чоловикъ. Х—жъ, шкода, шкода! (*До чоловикывъ*). Колы бъ Дементій Васылѣвичъ булы дома, такъ вони бъ насъ розсудылы.

2-й чоловикъ. Якъ найкраще розсудылы бъ.

3-й чоловикъ. Звычайно, разумный чоловикъ такъ винъ и вздовжъ, и впоперекъ и навругы—зъ одного слова обмиркуе усяке дило...

4-й чоловикъ. Такъ.

3-й чоловикъ. Пошукай по всій окрузи другого Дементя Васылѣвича. Нема такого, нема!... Вони зпершу глянуть на чоловика, потимъ чы на зори, чы на місяць, чы на сонце, та хочъ и въ воду глянуть, и неначе що невыдыме подасть имъ звидты онъ скылько розуму, ну и розсудять.

1-й чоловикъ (*помовчавъ*). Що жъ, Дементія Васылѣвича нема, то я такый, що оце заразы и мотнуся до мирового...

4-й чоловикъ. Колы не хочешъ подождаты, то...

1-й чоловикъ. Не то що не хочу, а не могу, ий Богу, не могу. Ты мене забиждаешъ передъ людмы, а я мушу прыхлытыся до твого благання?.. Не могу!

3-й чоловикъ. Краще бъ подождаты Дементія Васылѣвича. (*До другого*). Правда, Васылю?..

2-й чоловикъ. А вже жъ.

4-й чоловікъ. Коли вже наважився до мирового, такъ гайда, я постановлю четвертку.

1-й чоловікъ. Що четверту? Що мени твоя четвертка?

4-й чоловікъ. А скільки жъ?

3-й чоловікъ. Четверкою не видбудеся...

1-й чоловікъ. Та ни! Я, бачте, хочу сказати, що не въ тимъ сыла, що...

3-й чоловікъ. А звичайно! Становы квартиру. (*До першого чоловіка*). Правда, Андрію?

1-й чоловікъ. Та ни, вы бо не зрозумили, що я хочу...

Варька. Яке жъ у васъ дило?

3-й чоловікъ. О! Отъ Варварія Назаровна васъ розсудять.

4-й чоловікъ. Щобъ баба мене судыла? Це вже пиде свить на выворить!

Варька. А може у мойй голови бильшъ розуму, нижъ у твойй?

3-й чоловікъ. Верно! На дви головы стачить...

4-й чоловікъ. Та хочъ бы й на тры...

Варька. Яке жъ, пытаю, дило?

3-й чоловікъ (*до першого*). Давай-те показанія.

1-й чоловікъ. Сказать бы вельке дило, а то... Йидемо мы у понедилوکъ зъ базарю, я й кажу: „сусиде! А гляньте, що воно за оказія, що у васъ задне колесо неначе пьяне колываетця на вси боки?..“

4-й чоловікъ. Це бъ то вы отакычкы й казали?

1-й чоловікъ. А то жъ якъ?

4-й чоловікъ. Вы мене пьянымъ образылы, а не колесо! А я овсимъ, хочъ и заприсягты, пьянымъ не бувъ...

1-й чоловікъ. Ни, я колесо назвавъ пьянымъ, а не васъ...

4-й чоловікъ. Та що розказувать? Якъ до мирового, то й до мирового. (*Иде*).

3-й чоловікъ. Та пострывай бо. Давай-те показанія, давай-те смилыво! Варваро Назаровно, розсудить ихъ швидче.

Я вже бачу, що вы розсудите и почастуете! Давай-те, давай-те показанія.

Я В А І V.

Ти жъ и волостный писарь.

Волостный писарь. Варваръ Назаровнъ поклонъ. (*Чоломжаецця*).

Варька. Здоровеньки булы, Радывоновичу! пожалуйте въ горныцю. Заходь-те, мылосты просю.

Волостный писарь. Заразъ иду. (*Варька пишла*). А, почтенные крестьяне—

собственники, горемыки и многострадальци! Хлебъ убралы, змолотылы, на базарь одвезлы, продалы, пропылы и вси счоты и росчоты скипчылы? Теперь те няетеса видъ хаты до хаты, чы не знайдетця де такый дурень, що почастуете васъ,—не такъ ли? И дило яке-небудь уже наклонулося. Хто жъ кого за чуба поскубъ, чы за нисъ ущипнувъ?

1-й чоловікъ (*до другихъ*). Я такый що мотнусь оце до мирового.

2-й чоловікъ. Та прийдетця, мабуть.

3-й чоловікъ. Шкода, що Дементія Васылёвича нема дома.

4-й чоловікъ. Якъ до мирового, то й до мирового.

Волостный писарь. Не йдите тилько горою, а йдите низомъ поузь шынокъ.

1-й чоловікъ. Пожалуста, не вчыть.

2-й чоловікъ. Знаемо дорогу.

3-й чоловікъ. Чого надъ людмы глузуете?

Волостный писарь. Певно хлопецъ шынкарьвъ не давъ вамъ набиръ? Признавайтесь, не давъ?

1-й чоловікъ. А може мени про горилку й байдуже?

2-й чоловікъ. Не кождому вона на думци.

3-й чоловікъ. Якъ оказія, то чому не выпыты; а не то, щобъ що-дня ною й дыхаты.

4-й чоловікъ. Та нехай ій цурь!
Волостный пысарь. А Варенькъ
прыйхавъ.

Чоловикы (*хутко*). Невже прыйхавъ?

1-й чоловікъ. Треба забигты, чы не
прывизъ якои звесткы видъ сына салдата?

2-й чоловікъ. Зайты та спытаты:
якъ теперь цина на хлибъ?

3-й чоловікъ. Я чувъ, що въ горо-
ди сыльны дощы йдутъ.

4-й чоловікъ. Та вже ходимъ гур-
томъ (*пишлы*).

Варька (*зъ хаты*). Радывоновичу,
пожалуйте.

Волостный пысарь. Не маю времени.
Зайшовъ просыты васъ у кумы: награ-
дивъ Господь пятою дочерью! Диты
прыбувають, а жалованна восьмъ рублей
трыдцять тры копійкы въ мисяць. У васъ,
кумушка, пшенишнои муки повенъ за-
сыкъ, а у мене ни пылнкы. Почему жъ
у мене ни пылнкы, а у васъ повенъ
засыкъ?

Варька. Прышлить наймычку зъ ми-
шечкомъ, я дамъ.

Волостный пысарь. Прышлю не най-
мычку, а паймыта и зъ лантухомъ. А вы
не жалійте ни наймыта, ни лантуха— не
пидорвутця, понесутъ и пять пудивъ.
Сало у васъ е, знаю, бо самъ бачывъ,
якъ недавно кололы кабана, ще й здо-
рового кабана. Прышлить и сала. А
останнёго—що ласка ваша, здаюсь на
вашу совість. Хрыстыны завтра. А теперь
позвольте зъ вами, кумушка, по род-
ственному во уста (*цилюютця*). До сви-
давія. Пиду взыратъ черезъ тыны, у кого
що есть лышнёго. Ибо: жалованна во-
сімъ рублей трыдцять тры копійкы въ
мисяць, а семейство: тры сыны и пять
дочокъ! (*Пишовъ*).

Варька. Та вже за такую честь, що
поклывалы у кумы, мушу даты и того,
и третёго, и десятого. (*Пишла въ
хату*).

Я В А В.

Вустя и Гарасымъ.

Вустя (*иде черезъ перелазъ*). Хочъ
бы й до смерти тебе не бачыты.

Гарасымъ (*за тыномъ*). Слухай ты,
моднице, ты чого жъ такъ закопылыла
губу?

Вустя. А якъ я хочу копылыты, хто
мени забороне?

Гарасымъ. Гляды, щобъ я не оббывъ
тоби тией губы!

Вустя. Короткы руки! А гыдкый, а
осоружный!... И якъ ты мени давнищъ
не зпротывывся? Отъ у прыкащыка пле-
менныкъ!...

Гарасымъ. Гарный? У— красивый!
На мордяци неначе чорты горохъ моло-
тылы.

Вустя. За те яка одежда на вёму,
якъ чудово гра на гытари, якъ спива...
А якъ улеслыво балака! Що вже умыз-
гаецця била мене!...

Гарасымъ. Це ты за для нёго такъ
и нарядылася?

Вустя. А то жъ за для кого?

Гарасымъ. Скилько не копыль губы,
въ яку одежду не вбирайся, а якъ була
мугыркою, то мугыркою й здохнешъ!

Вустя. Я безъ никоторого вниманія
на твой слова, потому шо ты балванъ!

Гарасымъ. А ты балванця. Чуешъ,
выйдешъ сегодня на вулицю?

Вустя. А чого я тамъ не бачыла, чы
може прыйты подывытыся на тебе? Мени
теперь вулиця зпротывылася, краще хо-
дытиму въ гости до прыкащыкы, до по-
пивень!...

Гарасымъ. Тадже жъ и тамъ бачы-
тымуть, шо ты дурна.

Вустя. Самъ ты дурный!

Гарасымъ. Хто не гляне, зразу по-
стереже, шо скажона!

Вустя (*сотае дули*). На ось тоби!

Гарасымъ (*зхотывъ жменю земли и жбурля на ней; Вустя тикае въ хату*). Ахъ ты жъ паскуда! Нехай же тоби биеъ, щобъ я на тебе колы й глянувъ. Тьху! (*Пишовъ*).

Я В А VI.

Демко, Вареныкъ и комедіантъ.

Демко. Гей, слуги мои верныи! Жона моя, красо малеваная! (*До Вареныка*). Якъ тебе: Вареныкъ, чы Галупка?

Вареныкъ. Ежели побраталыся, такъ побратымошъ.

Демко. Ну, гараздъ. Слухай, побратыме! Чому жъ це насъ никто не зустрічае?

Вареныкъ. Не деры горла, зараздъ и порадокъ зроби́мо. Сёгодня твій день.

Демко. И сегодня, и завтра, и після завтра и-и разъ-у-разъ! Пиды, навчы моихъ слугъ, щобъ зустрічали мене таеъ, якъ мы бачылы на кинській кумедіи (*Вареныкъ пишовъ*). Отъ побачышъ, яки у мене законы.

Комедіантъ. (*Зъ вузлыкомъ у руци и зъ папыросою въ зубахъ*). Оце вашъ и дворець? Не очень штобы! Но пословыця глаголетъ: „не красна изба угламы, красна пырогамы!“

Демко (*дывытыця на него и почи́на реготаты*). Ни, ты скажы мени: видкиля ты взявся на мою голову? А ну, поважы кінтры?

Комедіантъ (*балака за двоухъ*). Ты, мужыкъ, дуракъ?

— Точно такъ!

Чиво въ тибя красной носъ?

— Покусавъ мене барбось.

Демко. Ха, ха, ха! Ой, ну тебе! И видкиля ты на мою голову взявся?

Я В А VII.

Ти жъ и Варька, за нею Вустя, потимъ наймыты и наймычкы становлятыця въ два ряды; нымы керуе Вареныкъ.

Демко. Здрастуй, супруго, Варваріе! (*Цилуетця*). Здрастуй, дочко, Вустыніе! (*цилуе Вустю*). А теперъ вы: Гапкы та Иваны! (*Наймыты пидходять и цилуютъ его въ руку, прыволяючы: здрастуйте, дяди́лька! зъ благополучнымъ прыйиздомъ!*). А ось тоби, Варваріе, и тоби, Вусте, комедіантъ, прывизъ ёго нарочыто, щобъ и васъ потишывъ (*Штовха комедіанта*). Прывизъ имъ шо-небудъ.

Комедіантъ. Но я полагаю, шо артысть тоже челаеъ, и потому надо его накормыть и напоить, а потимъ представленіе дать (*до Варькы*). Такъ-ли, мадамъ, я говорю?

Демко. Ну та й втишний же ты! Варька. Шо воно оце такъ?

Демко. Ни, ты спытай ёго: видкиля винъ взявся на мою голову? Варю! Нагодуй ёго и насъ почастуй. А вы, слухайте команды!.. Бижить зараздъ по селу и склыкайтё людей, гукайте. Кажитъ: хазяинъ прывизъ кумедію, идить дывытыця! (*Наймыты по тиглы*). Ходимъ покы шо почаствуе́ся.

Комедіантъ (*до Демка*). Кузенъ, какъ мой здоровъ? Харошъ! (*Бъе Демка по потылицы*).

Демко. Ну, й чудаеъ! (*Варька и Вустя пишы въ хату*).

Комедіантъ. Ну, але-машыръ, кушай што-нибудь немножка! Глечыкъ молока, четвертыну сала, пивъ хлиба чорного, два хлиба билого, макитру вареныкывъ та ще колы бъ и пырогивъ стилько... Такъ ли, мусью капралъ, штобъ тибя чортъ побралъ (*бъе по потылицы Демка*). Здрастуй, кузенъ!

Демко. И де ты взявся на мою голуву? (*Пишли въ хату*).

Я В А VІІІ.

Конашъ и Конашыха, *потимъ* Гапна и Вустя.

Конашыха. Де жъ та кумедія?

Конашъ. Тадже побачымо.

Конашыха. Чы справди батько твій привизъ кумедію?

Вустя (*ставляе зъ Гапкою дывана*).

Привезлы, тилько не батько, а папаша!

Конашыха. Куды жъ наши!

Конашъ. А якъ же! Вустя, такъ вона не простого сидала затычка.

Вустя. Но Вустя я вамъ, а Вустыпія! (*Пишла въ хату и скількы разивъ выносыть стулья, лавкы, кресла и ослоны*).

Конашъ. Може кому другому, а мени лъ була задрыпоу, то нею и зосталася.

Конашыха. Не зчепай, цуръ ій!

Конашъ. И то правда (*помовчавъ*). Я выдавъ не разъ кумедію. Стало быть, такъ халабуда (*показуе рукамы*), въ гори завишано кумачомъ алибо калинкоромъ. И кагды шарманка почынае граты, такъ зависа заразы открываецця, и выходитъ кукла и провозглаша: „Здрастуйте, гаспода! Я прышоль до васъ сюда. Чы будемо бытысь, чы мырытысь, алибо веселытысь?“ (*У цей часъ народъ зъ усихъ бокивъ насовуе и почына слухаты*). И почне усяки штуку прывставляты. Народъ, хто зможе заплааты: первое место—двадцять копіекъ, второе—грывеннѣкъ, а третее—пять, — входить у ятку дывытця, и инчый ажъ помирае зо смиху. Потимъ выходитъ дивчонка, сычасъ запыла: „ва пустыню удаляюсь!“,

а винъ почына плакаты, тутъ вона пидскочыла до него, поцилувала, и пашлы у двоухъ „комарыцьку!“ жарыть. Потимъ вже пайдуть зъявлятыця усяки чынов-

ныкы: дохтуръ, смерть, нимыць, цыганъ зъ конякою, мужыкъ пьяный и жинка Хвеська, жыдъ Сруль и жыдивка Хайка... Сыла усякыхъ зъявляецця! Потимъ кракадывъ, такый страшный гадъ, вылазтыть, роскрыва, роскрыва рота и отого самого стихотвора ковта, а той крычыть: „кракадывъ, кракадывъ, ты меня праглотывъ“! Штучная кумедія! Ну а потимъ вже выходитъ настоящий чалазкъ и почына перекрыдатыця.

Конашыха. Якъ перекрыдатыця?

Конашъ. Значыть, высыть така гойдалка, ну винъ беретця за качалку и почына перекрыдатыця: то повысне вынъз головою, то колесомъ закрутытця, то вывернетця по пидъ руки.

Конашыха. И якъ винъ такъ може?

Гарасымъ (*котрый франщъ пидійшовъ и довго наслухавъ*). Я чувъ, що якъ беруть малчыка у кумедію, такъ заразы его выварюють у молоци, а потимъ роблять щолокъ зъ трухы зъ пидъ сина, або зъ перію и парють. Такъ кажуть, що писля того кисткы розмякнуты, що гны ихъ, куды зкортыть, гны, якъ лозыну, або дрыть.

Конашъ. Тоби колы жеребокъ брать?

Гарасымъ. У цимъ роци.

Конашъ. Якъ пидешъ у службу, такъ тамъ тебе и безъ молока та трухы навчаты перекрыдатысь. Дуря твоя голова, не понимаешъ, што это прывставленіе гимнастыкой зветця!

Я В А ІХ.

Ти жъ, комедіантъ, Демко, Варька, Варыныкъ, а въ ворота входить: старшына, волостный писарь, староста и други поважны люде.

Старшына. Дементій Васылевычъ, съ поворотомъ (*чоломжаютця*).

Волостный писарь. Кумедію намъ привезлы, посмотримъ (*чоломжаютця*).

Староста. Значыть, позабавымся (*чолжхаютця*).

Демко. Ось побачыте, якій втишны! И де винь на мою голову взявся? (*Показуе очыма на кумедянта*).

Комедянтъ. Теперь покажемъ почтенной публикѣ свое искусство, или же фокусъ-покусъ (*показуе на перериззъ первернутый дноз до горы*). Это будетъ сцена (*показуе на комору*). А это будетъ моя уборная. Какъ бы мнѣ не опоздать на вокзаль. Который часъ?

Демко. Стривай, чы я жъ завивъ часы? А де жъ вонъ?

Вареныкъ. Невже забувъ, що мени видавъ? (*Дывытця на часы*). Теперь два часы.

Комедянтъ. О, не опоздаю! Отправлюсь за кулисы, а вы усадите публику. И музыканты есть? Отлично. Когда скажу вамъ: играйте, — вы тогда берите смычбы въ руки и играйте. Екъ кузень (*пшшовз вз комору*).

Демко (*до людей*). Садовитьця починамъ. Господынъ старшына, пожалуйте на одыванъ и вы господынъ староста; а я межъ вами посередныи. Господынъ пысарь и Варварія на кресла. Потимъ вже садовитьця старыкы. Конашамъ зовсімъ не слидъ бы було сидаты.

Конашъ (*сидыть*). Ни, я вже встану тоди, якъ самъ захочу.

Демко. Та сиды вже, сиды (*порядкуе*). Сидайте, сидайте!

Вустя (*тыхо до Гарасыма*). Ты чого прыйшовъ? Скажу батькови — выженуть.

Гарасымъ. Не чипай, бо такъ и морену по патрету.

Демко (*до Вареныка*). Овсію! а ты садовысь позадъ мене, якъ вытютянтъ.

Вареныкъ. Сегодня я позадъ тебе, а завтра ты позадъ мене.

Демко. Хочъ ты мени и побратымъ, тилько це наврядъ чы буде. Глядитъ же,

якъ почне кумедянтъ сотяты стѣжки зъ рота, чы грошы хапаты на лѣту, такъ вы плещить въ долони.

Конашъ. Ну, што вчыть учоныхъ? Кажетця, я бувъ самоглазецъ усякыхъ у свити кумедій!

Демко. Конашу, мовчы, — бо выжену зъ подвирья.

Конашъ. Тоди вже будешъ настоящою свинею.

Варька. Та годи, Дементію.

Старшына. Господа, смырно!

Демко. Дурень.

Конашъ. Отъ дурня слышу!

Старшына. Дементій, Шыльвестъ! та годи-бо вамъ.

Конашъ. Што жъ онъ хвокусъ представляеть: самъ клычетъ черезъ своихъ слугъ, а потомъ провозглашаеть: „выжену!“

Демко. Та сиды вже, бодай ты каменъ сивъ!

Я В А Х.

Ти жъ и комедянтъ.

Комедянтъ (*зъ тарилкою и палочкою, на нему фракъ мало не до пьятъ, выдко, що чужый*). Имъю честь представиться здѣшной публикѣ! Вотъ здѣсь у меня одна тарелка, а вотъ здѣсь у меня одна палочка; вотъ я ставлю эту одну тарелку на эту одну палочку; и вотъ эта одна тарелочка на этой одной палочкѣ будетъ вертѣться. Извольте посмотритъ! Музыка, играйте что-либо.

Демко. Плещить, плещить въ долони! (*Почымаютъ плескаты вз долони*).

Я В А Х I.

Ти жъ и судебный приставъ зъ двома понатымы.

Демко. Глянь! Невже це кумедянтъ переодягся? А маладьця!

Судебный приставъ. Что это за собраніе?

Демко (*до старшины*). Цей, мабуть, ще чуднищи хokusы покаже, ніжъ той?

Старшина (*тихо*). Чого це до насъ судебный приставъ? (*До судебного пристава*). Здрастуйте, Михайло Ивановичъ!

Судебный приставъ. А, господинъ старшина, а я васъ и не узналъ.

Старшина. По якимъ диламъ?.. (*Зъ за прищилку показується Зинько*).

Судебный приставъ. Кто здѣсь Дементій Пшонка?

Демко. Я!

Судебный приставъ. Одесскій мѣщанинъ, Дементій Васильевичъ Пшонка?

Демко. Винъ самый и е.

Судебный приставъ. Вы продали Чугувекому мѣщанину Евсею Харитоновичу Варенку движимое имущество, заключающееся въ мебели и домашней утвари, (*выйма бумагу и чита*) какъ-то: диванъ, два кресла, шесть вѣнскихъ стульевъ, кровать орѣховаго дерева, столъ преддиванный, два ломберныхъ стола...

Демко. Та що це вы выгадуєте?

Судебный приставъ. Деньги за все полностью получили.

Демко. Я?

Судебный приставъ. Да, разумѣется, никто же иной, какъ вы! Зачѣмъ же вы проданное имущество удерживаете у себя и не отдаете покупщику? Я пріѣхалъ съ исполнительнымъ листомъ, чтобы удовлетворить претензію господина Вареника.

Демко. Овсію, що це? Люде добри, це що жъ?

Варенкѣ. Демку, перестань смішныи людей, не соромся. Ну що ты все дурака валяешь? Иноди смішно тебе слухати, а теперъ ажъ досадно.

Демко. Ты дававъ мени у шутки підписувати якісь бумаги, потімъ возывъ мене до нотаруса контракта на коммерцію підписувати.

Варенкѣ. Яки шутки? Що мы диты зъ тобою, чы якъ, щобъ у хатокъ гра-тысь. Мы зъ тобою напысали вси бумаги, якъ слідъ по форми.

Демко. Це розбій!

Варенкѣ. Ты бѣ зпершу протверзвися, тоди и розчувавъ бы дило. Бачъ, залывъ паморокы, та й выбаньчывся на людей, якъ баранъ!

Демко. А гроши мои, де мои гроши?

Варенкѣ. Яки? Мои гроши, пять тысячъ пятьсотъ рублей, точно, що лежать у городскимъ банку, я оце недавно положывъ; а ты вже свои процвындри-въ. Дывитьця, люде добри, пыта, де ёго гроши? Кто жъ краще видъ тебе зна, де вони? А що ты мени часы подарувавъ, такъ це правда, и за те я тоби повикъ вдячний!

Демко. Подарувавъ?

Варька. Та ты це у сны, чы на вспряжки?

Варенкѣ. Прочумайтеса, Варваро! (*Кланяється Демкови*). За часы спасибо! Отъ пры людяхъ дякую тобі, во-лы хочешъ, и въ ножкы уклонюся? Це така вже пам'ятка!... Господинъ приставъ, просю до мене у господа, спершу пообидаете, а потімъ и за дило. Зъ города проихалыся, перекуситы варта. А Демко, винъ чоловікъ добрый, выдасть безъ суперекій, окримъ того мы зъ нимъ и побратымы. Оце свижо побраталыся у городи, при свидытеляхъ. Господа началныкы, просю поситыть мене. (*Иде зъ приставама*).

Демко. Ограбувавъ, по середу билаго дня ограбувавъ!

Старшина (*проходе билля Демка*). Якъ же це ты, дурню, таку ворону впіймавъ? (*Пишовз*).

Староста. Дурнови треба дурнемъ и помераты. (*Пишовз*).

Волостный писарь. Весьма и весьма глупо! (*Пишовз*).

Конашъ. Оце такъ хвокусъ-покусъ! Приходьте, сватокъ, до насъ, и мы вамъ честь за честь воздамо. *(Пишовз. Люде почынають тыхо розходьтысь).*

Вустя. Тату, якъ же це? Я звыкла до зонтыка, до пальчатокъ!... *(Почына плакаты).*

Демко. Все, все покынули! Навверугы нибы все зразу померло, нибы оцепинило и замовело! Ни порады, ни розвагы... И сынъ ридный, Зинько мій, и той мене видцурася!

Зинько *(выходьтъ)*. Не видцурася я васъ, тату, абы вы мене не видцуралыся.

Демко. Зиньку, сыну мій! *(Обіймае его)*. Одурено мене, обморочено, зновъ нагъ я, якъ штахъ!.. Бидни мы, сыну!.. *(Хлыта).*

Зинько. Ни, тату! Бидный той, що въ болоти сыдыть, а чоловикъ, докы е на нему хрестъ,—не бидный!

(Зависа).

О Л Е С Я.

Драма у 4-хъ дїяхъ и 5-ты одминахъ.

Л Ы Ц Е Д И И:

Киндратъ Антоновичъ Балтызь.
Лукерія Степановна, его жинка.
Олеся (Александра), ихъ дочка.
Матвій Гнатовичъ Тасюра, вчитель.
Ныхвинтъ Варфоломеевичъ Знаменскій,
бурсакъ.
Марфа Варфоломеевна, его сестра, дивчына.
Яківъ Михайловичъ Воздвыженскій, пса-
ломщынь.
Старшына.
Волостный писарь.
Павло }
Горпына } слугы.

Марына, вдова.
Власть, ии сынъ, парубокъ.
Галя, ии дочка, мала дивчына.
Шлома } лавошныкы зъ мистечка.
Гершно }
Пфейферъ, немецъ.
Левна, лакей.
Леонидъ Петровичъ Загрыва, поміщкы.
Гости и диты.
Староста.
Леоныла Агапоновна Козубська, пидстар-
кувата дивчына.
Дїетця въ Украины.

Д І Я І.

Кимната у панськыи будынку, але вбрана по мищавському: ничого то й надто, а ничого бракъ.

Я В А І.

Павло и Горпына.

Горпына (*Вытираючи викна, спива*):

Ой колы бѣ же я биду знала,
Не йшла бѣ замижѣ, та гуляла,
Ого-го-го, гоа, гоа,
Голиванька бидна моя.

А теперѣ я биду знаю,
Пизно ляжу, рано встану,
Ого-го-го, гоа, гоа,
Голиванька бидна моя.

На городи квиткы вьютця,
А за мене хлопци бьютця,
Ого-го-го, гоа, гоа,
Голиванька бидна моя.
Не быйтеса, нема за що,

Хочѣ я гарна, та ледащо,
Ого-го-го, гоа, гоа,
Голиванька бидна моя.
Якѣ вамѣ, дядьку, гарно у сердуци,
теперѣ зовсимѣ вы не похожи на че-
редныка.

Павло (*розтавля дзыглыкы*). Бувѣ
бы я ранищѣ розумнымѣ, досы не таки бѣ
сердуки носывѣ.

Горпына. Чы й справди?

Павло. Щобѣ ты знала. Чого ска-
лышь зубы? Чула, що якѣ ще тутѣ сы-
диды наши ридны паны, не оци посессоры-
жыроиды, а справжни паны?..

Горпына. Такѣ, такѣ. Згадады те,
видѣ чого вже и слиду не зосталось.

Павло. Эхѣ вы! За справжнихѣ па-
нивѣ жыття було!

Горпына. Та ну?

Павло. Що вже тануткаты? Скільки не танукай, а якъ воно тпрукнуло, то дали не поїде. Ну, и понимай ты тепера, що я бувъ мало не тры года за лакея.

Горпына. Невже?

Павло. А ты миркувала, що я зроду чередникъ, та й годи? Не, братъ, беры вышче. Ты спытай мене, де я не бувавъ; сытай, чы е що таке въ свити, щобъ я ёго не выдавъ? Хочешъ, я тебе зразу, однимъ словомъ остовпыню? Скажу таке слово, що ты тилько банькы вытрещышъ. Отъ, напрыкладъ, скажы мени: що таке гостыняця? (*Сидя у кресло*).

Горпына. Гостынецъ?

Павло. Гостыняця! Дура ты. Що гостынецъ, такъ и мала дытына зна, що то ласоци; а я тебе пытаю, що таке гостыняця?

Горпына. Мабуть, не вгадаю?

Павло. Ну, а бильярдъ ты бачыла? А портерську лавку? А трахтырь зъ выскою: „захадите, гаспада, тутъ веселие всегда!“

Горпына. Якъ же це вы булы лакеемъ, а на решти череднымомъ стали?

Павло. Спытай ты мене, то я, братъ, и самъ гараздъ не смирюю, якъ воно зкоилося. Збираютця, примеромъ, чуешъ, нашъ покійни панъ, Петро Рыгоровычъ выйиздыты въ загрыяню, поелыкалы мене, та й пытають: „што, Павлушка, паедешъ зъ нами въ загрыяню?“ А мене неначе якый бисъ сипъ за языка. Не пойду, кажу. „Пачаму?“—Боюсь. Ще, кажу, якъ, бо-роны Воже, помру на чужій стороны, то никому буде й поховаты. Бачъ, мени тоди миркувалося, що на чужыни нема ни людей, ни попывъ, а скрызъ тилько одна пуца, нетри, та безкеты... И кортило жъ мене у ту загрыяню, ну сказать... ажъ тило на мени свербило, такъ кортило; а языкъ, неначе винъ не мій, одне белькоче: не паёду. Прямо, мабуть, щось на-

врочыло! Почавъ, примеромъ, выгадувати: я не знаю, кажу, видкыла тамъ и сонце сходыть, та ще чы и свитыть воно тамъ, чы не свитыть! Ге, дай тоди мени оцёго розума, що теперь у мойй голови...

Горпына. Що жъ, и не пойихалы?

Павло. Господа пойихалы, а я зостався. Доси вже бувъ бы може комардыномъ, колы не швейцаромъ; а може ще й вышче забрався бъ.

Горпына. Що жъ воно таке швельцаръ?

Павло. А таке, що сыды увесь день на крысли, та рыпай дверыма, та дывись у казету, отъ тоби и вси роботы.

Горпына. Рыпай дверыма, х-мъ. И не обрыдне жъ?

Павло. Якъ хто подзвонывъ—одимкны; знявъ шывелю, чы шубю—грывенькы; надивъ—грывенькы, або й бильшъ тово!

Горпына. За вищо жъ грывенькы?

Павло. Отъ якъ доведетця тоби колы побуваты въ городи, то й побачышъ, за вищо дають грывенькы. Потому образование... У городи и розуму набересся и гостыняци побачышъ, и кандытерську.

Горпына. Що воно таке кандыръ... Я й не вымовлю.

Павло. Кандыртерська? И я, братъ, попумчывся, докы наламавъ языка, а теперь такъ и потраплю зразу усяки розмовы и вси примеры. Кандыртерська, це така крамыця, що до чого не доторкынься, усе, братъ, солодке. Далась вона мени у знакы. Послалы мене покійни панъ, Петро Рыгоровычъ, зъ запыскою у кандыртерську; нимецъ узявъ у мене ту запыску, подывывся, дали зыркнувъ на мене и зновъ очи встромывъ у запыску; згодомъ промовывъ до мене: „Васъ“, а потимъ до другого: „Херь-меръ-меръ!“ а той до нёго: „Я“. А цей зновъ: „та ты жъ!“ И заразы той другый и понакладувавъ у папиръ усякыхъ порожныхъ, та й давъ мени. Несу я те порожне, дер-

жучы обома рукамы, щобъ не выпорснуло. Чую, щось мени по руди неначе потекло. Зыркъ! ажъ тече сметана. Я лызъ языкомъ—солодке; лызъ у друге—бида, яке солодке!.. Та покы донись те порожне до гостыницы, всю сметану вылизавъ. Принись, та й подаю панови. Якъ закричыть на мене панъ, якъ затупотыть... Смиха та й годя! (*Хутко хана Горпыну за кешени*). А це що въ тебе у кешени, сахаръ?

Горпына (*бже его по руци*). Та гетьте бо! Видкиля бъ у мене взявся той сахаръ?

Павло. Хйба не можна хапнѹть?

Горпына. Чорта лысого хапнешъ, колы все позапирано.

Павло. Невже? А за ридныхъ панивъ такъ все було настижъ; беры, чого хочешъ, чого душа бажа, беры въ волю!.. Отъ жыття було! А я думавъ, що то у тебе сахаръ, зъивъ бы грудочку. (*Зитхнувъ*). Давно вже я не йивъ сахару.

Горпына. Сёгодня, якъ чай нальватимуть, я може вамъ роздобуду.

Павло. Беры, чого зивать? Сахаръ, це не крадижка. Беры смилыво!

Горпына. Колы бъ мени довелося побуваты у городи, вже бъ надывылася усякыхъ дывъ.

Павло. Попросы хазяина, щобъ повизъ.

Горпына. Зъ якои речи?

Павло. Тадже жъ лабузынца до тебе, думаешъ, не бачывъ?

Горпына. Эге, выгадайте пивтора людського...

Павло. А ты дурею не будъ. Скаже винь тоби: „поцилуй!“ А ты заразы ёму: давай цилкового, або и два, то поцилую.

Горпына. Не плетить дурущивъ...

Павло. Ни, справди. Слухай бо. Якъ почне хазяинъ биля тебе пивнемъ стрѣбаты, ты й скажы ёму: постановыть Павла за клюшныка.

Горпына. Ей-Богу, я васъ вылаю.

Павло. Дура! Ты себе оберегай, а якъ дають, не зивай.

Горпына. Мовчыть, бо такъ навидли оцією ганчиркою и морснупо пнци!..

Я В А II.

Ти жъ и Киндратъ Антоновичъ.

Киндратъ Антоновичъ. Хазяйки тутъ не було?

Горпына. Ба, оце недавно навидувалысь.

Киндратъ Антоновичъ. А що, Павле, краще тоби у горныцахъ, нижъ у загоны?

Павло. Павлови скрызъ однаково, якъ у хливи, такъ и въ горныцахъ; чы доли сыдиты, чы въ крисли зъ казетою въ руци: его тымъ не здывуешъ.

Киндратъ Антоновичъ. А що якъ тебе взяты и зовсимъ за лакея?

Павло. Я и на те прыставъ.

Киндратъ Антоновичъ. Ну, сёгодня прыдывлюсь, якъ ты справлятымесся.

Павло. Колысь умивъ догожаты справжнимъ панамъ, то може и вамъ потраплю.

Киндратъ Антоновичъ. Топерь справжній панъ той, котрый мае въ кешени.

Павло. А хйба мени важко сказаты на васъ и ваше высокоблагородіе? Якъ звелыте, такъ и велычатимемъ.

Киндратъ Антоновичъ. Я тебе годую, стало бытъ, я твѣй и панъ.

Павло. А такъ. Звисно: вы наши, а мы ваши.

Киндратъ Антоновичъ. А ке прынесы мени воды, побачу, чы е у тебе до того кебета?

Павло. Сихчасъ! (*Пишовъ*).

Киндратъ Антоновичъ. Чому не прышла у повитку, якъ я тебе влыкавъ?

Горпына. Не чыпайте мене, бо хазяйци скажу... Онъ вже и люде почалы постерегаты.

Киндратъ Антоновичъ. Яки людю?
Горпына. Хочъ бы и Павло.

Киндратъ Антонов. Павло? Хто жъ Павлови повире? Мени на двадцять Павливъ начхать! Краще не манижся; подумай, чымъ ты згадаешъ свои молодощи, котри не двичи бувають на вику.

Горпына. Идить до Гапки.

Киндратъ Антоновичъ. Що-о?

Горпына. А колы и Гапку вже залышылы, то пидить до Приськы.

Киндратъ Антоновичъ. А-а, ты ревнуешъ? Отъ за це хвалю. Ты краща видъ Гапки и видъ Приськы, и видъ усихъ!.. Бувъ бы я удивцемъ, я озолотивъ бы тебе!..

Я В А III.

Ти жъ и Павло.

Павло (*несе на пидноси стаканъ воды*). Звольте!

Киндратъ Антоновичъ (*дывытця на него*). Ты такы зовсимъ маладець! (*Бере стаканъ, пге*). Лыбонь я такы зоставлю тебе пры горныцяхъ?

Павло. Не жалкуватимете.

Горпына. И мени меньчъ бы було работы... Де жъ це виныкъ?

Павло. Тамъ у тій кимнати, за шахвою. (*Горпына пишла*). Бадёрна дивчына! (*Показуе очыма на Горпыну*).

Киндратъ Антоновичъ. До вподобы тобі? Чы не думаешъ свататы?

Павло. Ни, я вже спизнявся. Вона у мій бикъ и не дывытця, гне вышче.

Киндратъ Антоновичъ. Що-о!

Павло (*хихихнувъ*). Понима акуратно, де раки зимують.

Киндратъ Антоновичъ. А ты краще знай своего носа!

Павло. Я такъ сказавъ, на витерь... Мовлявъ: „йижъ борщъ зъ грибами, держы языкъ за зубамы.“

Киндратъ Антоновичъ. Держаты-меншъ ты и безъ грибивъ.

Павло. Правильно! А тилько якъ мы бувалы пры панахъ, то й знаемо, якъ дило повернуть зъ дивчатамы.

Киндратъ Антонов. Тянешъ ты?

Павло. Чого не пснимаю, за те николы не визьмусь!

Киндратъ Антоновичъ. Овъ? Але я тимъ не цыбавлюсь... (*Дывытця на него*). Одначе, нехай буде й такъ, що видъ сегодня на тоби чынъ лакал. Побачымо, чому ты у панивъ навчывся!

Павло. Я вмію и невыдущымъ прыкнутысь, якъ треба буде.

Киндратъ Антоновичъ. Я не про те... Гляды жъ мени, визначысь сегодня передъ гостямы такъ, щобъ не довелось за тебе мени червониты. (*Иде, а потимъ вертаетця*). Жалованья тоби не прибавлю, а одежу стару зъ мене, якъ зуміешъ заслужыты,—матимешъ. Розуміешъ, зъ мене одежу. А про Горпыну не смій мени бильшъ николы натякаты, чуешъ? (*Пишовъ*).

Павло (*помовчавъ*). Ну, Павле, но будь дурнемъ, то буде тобі що и исты, и пыты, и въ чимъ хорошо походыты. (*Чутно голосъ Лукеріи Степановны*).

Я В А IV.

Горпына и Павло.

Горпына. Чуєте, зновъ кеочка роскудеудахталася?

Павло. Нехай кудахка, тилько и іи, що покрычыты; вона на те господыня. Але мы зъ тобою все жъ такы тутъ найстаршымы будемъ.

Я В А V.

Ти жъ и Лукерія Степановна.

Лукерія Степановна. Та й довго вы воловозытеся, скоро вже и гости почнуть

сходитесь, а вы и одніи горницы ще не опорядили, якъ слидъ. *(До Павла)*. На вищо ще й тебе у горницы взяли, мало й такъ дармоидивъ?

Павло. Правильно. За ридныхъ панивъ слугъ було сыла, такъ тожъ были справжни паны...

Лукерія Степановна. У кого дзенька въ кешени, той и панъ.

Павло. И я васъ почитую, якъ достометну пани. Та дай вамъ тилько прозорну трубу въ руки, та щобъ шляпка пры голови и вже: ваше осіятельство! Правильно. Тилько що осіятельство и безъ лакея, чы але жъ?

Лукерія Степановна *(до Горницы)*. Куды жъ ото ты ставляешъ отого дзыгльча, хйба не знаешъ, що ёму належыть буты отутечкы.

Горница. Почалы вытребенькуваты!

Павло. Правильно, що ёму отутечкы именно и слидъ стояты, де господня приказують.

Горница. Учора бувъ отамечкы, а сегодня вже онъ куды ставляй его!

Лукерія Степановна. Эге жъ, учора бувъ отамечкы, а сегодня буде осьдечкы.

Горница. На вищо жъ це?

Лукерія Степановна. Я такъ хочу!

Павло. Понимаешъ, дура, господня такъ жалають, и правильно.

Горница. На такую господню нико-лы не потрапышъ догодыты.

Лукерія Степановна. У кого нема тямы, той и не потрапе.

Павло *(до Горницы)*. А ты навжайся потраплаты. Було покійни панъ Петро Рыгоровычъ кажутъ: „Павлушка, штобъ завтра етая небель, що стоитъ у цій киннати стояла въ тій; а та, що въ тій, щобъ стояла въ цій!“ — Слушаю! И завтра зроблено такъ, якъ звелено. Господню треба слухаты, бо вони наши, а мы ихни.

Горница. Та такъ же!..

Лукерія Степановна. За зиму видлежала бовы, то це въ тоби жыръ почына граты.

Павло. Правильно! Людныа, якъ и скотына — почуву весну. Горнице, чуешъ, я тоби не велю грубиянствовать!..

Горница. Робышъ що-дня, якъ той сирый виль, невгаваючы, а тебе ще за те дармоидомъ взычають!..

Павло. Бо вони на те господня, стало быть, и можуть взычатъ, а ты на-беры въ ротъ воды.

Лукерія Степановна. Ты бъ може хотила папуваты? — Пыкою не вдалась!

Горница. *(усмихнулася)*. Якъ на чны очи!

Павло. Правильно, що патретомъ не выскочыла.

Лукерія Степановна. Чы сукно па оцимъ столыку вытерто, чы й досы въ крейди? Адже жъ у картъ гратымутъ.

Горница. А я почимъ знаю, що гратымутъ?

Лукерія Степановна. Чы тій же лампы отамечкы и слидъ стояты, куды ты ии прымостыла?

Горница. Вона жъ тутъ разъ-у-разъ стоять.

Лукерія Степановна. Стояла тамъ, а теперечкы осьдечкы стоятыме. Товбу у твой голови а ни на шагъ.

Павло. Горнице, робы такъ, якъ велыть! Отъ покійни панъ, Петро Рыгоровычъ...

Горница. Ще й вы тутъ распанька-лыся зъ своими покійныками, ажъ обрыд-ло слухаты!

Павло. Инчого покійныка охитныщъ згадаешъ десять разывъ, ніжъ якого жы-вого одынъ разъ.

Лукерія Степановна. Намочы за-разъ кинчыгъ рушыча у воду та вытры столыка.

Павло. Водою не годяться. Бувало за покійного пана Петра Рыгоровича, якъ тилько де пляма на сукни, заразь водою, а водою тилько розквацяешъ.

Лукерія Степановна. А вже жъ, що тилько розквацяешъ. Пиды, отамъ у шахви стоить горилка, нальй тришки у рюмку, або у стаканъ. (*Горпына пишла*).

Павло. Не вхвалывъ я того, що у васъ шахва, у котрій стоить горилка—видперта. Отъ тилько увйшовъ у горныци, а вже й де непорадокъ. Чы и сахаръ таеъ?

Лукерія Степановна. Ни, сахаръ та чай пидъ замкомъ.

Павло. Хочъ и пидъ замкомъ, а все жъ такы не давайте ключивъ Горпыни.

Лукерія Степановна. Хиба ты що постеригъ за Горпыною? Я жъ казала, що й вона така жъ, якъ и Приська.

Павло. Я тилько зыркнѣвъ сюды-туды, заразь и бачу, що не такъ, и не до хвасону... Ну, и хто це звеливъ оци крисила отутечкы попрытуляты?

Лукерія Степановна. Хто жъ, якъ не я?

Павло (*переставля крисила*). Такъ вы жъ, мабуть, велилы ось якъ ихъ постановыты? (*Ставляе по своему*). За покійного Петра Рыгоровича...

Лукерія Степановна. Отакъ же и я хотила, такъ у Горпыны хиба е нато тьма?

Павло. Ну, не турбуйтеся, пры мени все контыметця пидъ панськый апетытъ.

Лукерія Степановна. Чы ты жъ зугаренъ мени догодыты?

Павло. Я? Та хиба жъ я не бачу, що вы хочете, щобъ у васъ все було на загряншнй штальт? А що, не вгадавъ?

Лукерія Степановна. Ба, вгадавъ. Треба буде даты тоби косынку на шыю, а то такъ якось не чепурно... А сорочка на тоби яка?

Павло. Десятчана.

Лукерія Степановна. Я дамъ тоби тонку, стареньку, хазяинову.

Павло (*цилуе їи руку*). А хочъ и дщи, хиба я не зумію подякуваты?

Лукерія Степановна. На мою думку, ты тилько и смигъ бы потрапыты на мене.

Павло. Господине! (*Бѣе себе у груди*). Ось якъ я вамъ!... Ей-ей!... Знаете я якый? Скажыть мени: Павле, нирны въ ополонку! Ей-Богу, я такый. (*Цилуе їи оз руку*). Отака була нижна ручка у покійной барыни, Маріи Вькторовны... А Горпыни ключивъ видъ сахарю не давайте.

Лукерія Степановна. Ой, мабуть, ты щось помитывъ за Горпыною?...

Павло. Я окомъ тилько зыркнѣвъ и понимаю...

Я В А V I.

Ти жъ и Горпына (*зъ стаканомъ*).

Лукерія Степановна. Умочы жъ краечокъ рушныка въ водку.

Павло. Наберы въ ротъ, та й спрысны, такъ краще буде.

Лукерія Степановна. Або спрысны, то ще й краще буде.

Павло (*бере въ ротъ горилку и спрыскуе*). Отако-о!

Горпына (*вытыра столыка*). Ачъ, якъ ловко вытыраецця, сукно неначе нове.

Лукерія Степановна. А ты, дурна, и не знала цего?

Павло. Куды жъ ій? Я бильшь свита и людей бачывъ, якъ вона, а и то за вашымъ розумомъ ледве-ледве похоплюся.

Лукерія Степановна (*идуцы*). Якъ зберутця гости, то треба буде заразь и до обиду лагодытись. Чы ты, Павло, уміешъ чай налываты?

Павло. Спытайте Павла, чого винъ тилькы не зна? Навдаху, чы й е що у свити таке, до чого бъ Павло не добравъ способу?

Лукерія Степановна. То наливають сегодня чай, а я хочь трошки попаную. (*Пишла*).

Павло (*до Горпыны*) Чула?

Горпына. Ну?

Павло. Кешени у тебе простори? Буде солодко и тоби и мени! (*Бере стаканъ зъ горилкою*). Ого, сколько лынула! На вищо добро пропадатыме? (*Выпывъ*). Смачна!

Горпына. Ходимъ, дядьку, ще оту горныцю приберемъ.

Павло. Слухай, докы я бувъ чередныкомъ, доты бувъ и дядькомъ! а теперъ вже клычь мене Павломъ Семёновичемъ. (*Пишлы*).

Я В А VII.

Киндратъ Антонов. (*одынъ; хутко иде*). Де жь це Горпына? Треба сказати й, щобъ вышла до...

Я В А VIII.

Киндратъ Антоновичъ и Лукерья Степановна.

Лукерія Степановна (*зъ другихъ дверей иде*). Ну, старенькый?

Киндратъ Антоновичъ. А що, старушечка?

Лукерія Степановна. Дайте жь, я васъ ще разъ проздравлю зъ менынами. Сегодня вамъ двичы свято: помищыкомъ зробылись и именинныкъ. (*Цилуютьця*). Це вамъ вже на пятьдесятъ шостый повернуло?

Киндратъ Антоновичъ. Выгадай! Ще тилько на сорокъ шестый.

Лукерія Степановна. Э ни, душко! Я парочыто давала вашу метрыку Олеси, вона прочытала и вышчытала.

Киндратъ Антоновичъ. Отого я не люблю, що ты починаешь рытыся у моихъ бумагахъ.

Лукерія Степановна. Та я, душко, до ныхъ николи и не доторкувалася; а метрыка ваша вже годивъ зъ двадцатокъ лежить у мене въ скрынни.

Киндратъ Антонов. Ага... Сколько, кажешь, мени годивъ? Такъ, такъ, прыгадую... Повийни отецъ мени не разъ казали, що у метрыци прибавлено мени годивъ.

Лукерія Степановна. Та чы прибавлено, чы убавлено, а вже никто ни васъ видъ мене, ни мене видъ васъ не видибе.

Киндратъ Антоновичъ. Ну-да, а тилько...

Лукерія Степановна. Двадцять симъ годочкывъ прожылы, якъ одынъ часочокъ. Дай Господы тавъ и на дали.

Киндратъ Степановичъ. Велька сыла порозумянне та згода у семьи; де согласіе та ладъ, тамъ и благословеніе Боже. Ну, а скажы видъ сердца, не выховаючысь: лехче тоби теперъ жыветця, правда лехче?

Лукерія Степановна. Що вже згадувати колышне! Молода була, хйба диво, що трохы дурила? Кобы бь не любила, чы ревнувала бы васъ?

Киндратъ Антоновичъ. Ты ревнувала мене, а я тебе за те не гладывъ по головци. Теперъ ты схаменулася, порозумнишчала, и промежь насъ ладъ.

Лукерія Степановна (*зитхнула*). Та що вже? Ни на кого я такъ не жалкую, якъ на Марыну, и досы плачусь на неи: за другихъ було дасте стусанъ та й годи, а за Марыну вы мене найгиршь были и голову мени розбылы... Вже видтоди бильшь десятка годивъ пройшло, а голова и заразъ морочытця, и у вухахъ гуде.

Киндратъ Антоновичъ. Ну, то пус-те, що гуде, то пройде. Можна буде у аптеци взять ликарства, и заразъ пройде... Не досадно бь було, колы бь и справди варта було ревнувати.

Лукерія Степановна. Годи вже болячѣ згадувати.

Киндратъ Антоновичъ. Дурочко ты! Ну, и на що мени чужи молодыци, колы у мене своя е голубочка-сызоперочка? (*Цилуе її*).

Лукерія Степановна. Якъ вы отакъ прыязно балакаете до мене, то я все своо горе забуваю. (*Плаче, прынавшы ему до плеча*). Охъ, знивечылы вы мій викъ, погубылы мою красу... Черезъ ваши кулаки я двохъ дитей скинула...

Киндратъ Антоновичъ. Це вже ты завела стару псыню... Годи мынуде згадувати. (*Цилуе її*).

Я В А ІХ.

Ти жъ и Воздвыженскій.

Воздвыженскій. Зрю и преклоняюсь передъ стоустой молвой, несущейся изъ края въ край о добронравномъ и благополучномъ жытіи вашомъ, ибо и самъ ныне торжественно и громогласно реку: во истыну треба прымирь браты зъ кроткаго и голубынаго жытія супружывъ—Киндрата Антоновича и Лукеріи Степановны.

Киндр. Ант. и Лук. Степ. Та то мы такъ згадалы молодощи...

Воздвыженскій. Блаженъ, хто зъ молоду былъ молодъ! Назыдательно, весьма назыдательно. Поздоровляю именьныка и зъ именьныкомъ. (*Чоломкаютця*).

Я В А Х.

Ти жъ и Знаменскій.

Знаменскій. Многоуважаемый Киндратъ Антоновичъ, зъ именьнамы! Многоуважаемая Лукерія Степановна, зъ именьныкомъ. (*Чоломкаютця*).

Киндратъ Антоновичъ. Дякуемо, Нихвинтъ Вархоломеевичъ.

Лукерія Степановна. Вы зъ сестрыцею, чы сами?

Знаменскій. Сестрыця zostалася била ричкы зъ Олександрою Киндратовною и другими дывыцями.

Воздвыженскій. Тамъ гусы та качкы плавають, такъ вони занимаютця наблюденіями.

Знаменскій. Чулы новыну? Аркадій Рафаиловичъ Арцымашь волюю Божією помре?

Киндратъ Антоновичъ. Царство небесне, вичный покій! Вымирае панство, беда, якъ вымирае.

Воздвыженскій. Таковъ законъ природы. Знаете, якъ Гамлетъ розсужда: „всѣмъ жывущимъ умирать, таковъ нашъ жробій!“

Киндратъ Антоновичъ. Хто, кажете, такъ розсужда?

Воздвыженскій. Гамлетъ.

Киндратъ Антоновичъ. Розумно и справедливо розсужда. Хто жъ той Гамлетъ?

Воздвыженскій. Це на театри представляють: „Гамлетъ, принцъ Датскій.“

Киндратъ Антоновичъ. А, на театри? Ну, це насъ не касаетця, а я думавъ...

Знаменскій. Я те жъ выдавъ Гамлета. Ну, гробокопатель тамъ чудаць, такъ вже именно смихотворъ!.. Это страшна трагедія, та ще й зъ смертоубійствомъ...

Киндратъ Антоновичъ. Намъ таки театры и дома остогыдлы: смертоубійства та крадижкы мало не що-дня. Садовытця, господа, чого жъ мы стоимо? Остогыдлы, остогыдлы намъ ци театры. (*Посидалы*). И хто ёго зна, якъ вже воно буде дали? Всюды тилько и чуешъ, що тамъ обкрадено, тамъ обмошеничыно, тамъ обдурено... Отъ вы, господа, бильшь нашего вчылысь, то повинни бильшь и розумиты, и око ваше мусыть дали и глыбше заглядаты; а мы, якъ ти слпы оводы, жы-

вемо навпомацкы, мовлявъ и того не добачаемъ, що пидъ носомъ коитця! Бо насъ же не такъ и вчыды, якъ васъ, зовсімъ не такъ. Наша навѹка не мудра була: черезъ спыну, або поперекъ—колы не батогомъ, то налыгачемъ. Мени дячокъ проказавъ разивъ зъ пѹять псалтыря: „блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути;“ та ото и по науци. У два мисяци скинчывъ и вси курсы и вси экзамены.

Знаменскій (*сміетця*). Не хитра була наука!

Киндратъ Антоновичъ. Насъ вчылы на мидни гроши; а на васъ то вже и срибныхъ не настачылы. Отъ хочъ и про нашу Олеся скажемъ: мало вона намъ стоить? У тысячу карбованцивъ не вберешъ всія навукы, ей-Богу, не вберешъ!

Лукерія Степановна. А клопоту зъ тією наукою, а гвалту!..

Воздвыженскій. Вы куды жъ цю розмову ведете, до чого клоните? Балакайте не такъ широко.

Киндратъ Антоновичъ. А до того, що инчий, напрыкладъ, якъ я, и тією наукою, що на мидни гроши, задовольняюся; а другий не задовольняетця. Отъ наша Олеся що разу бидкаетця: чомъ вона того не зна, то чому ии тому, та инчому не навчено?.. Такъ отъ, якъ вы, господа, бильше нашого вчени, то повинни понимать: куды жъ воно теперъ все йдетця и до чого воно дійдетця?

Воздвыженскій. Ага, ажъ ось куды вы метнулы?

Знаменскій. Довольно пространно.

Киндратъ Антоновичъ. Постерегаєте, якъ теперъ у свити повелося: одни пнутця въ паны, други въ мужыкы; одни товплютця, давлють одынъ другого, одіймають останній шматокъ зъ рота, други самі видають: инчи ажъ тремтять до навукы, и, скильбо не дай имъ книжокъ, все имъ мало; други и зъ однією книж-

кою не справляютьця. Онъ и зновъ благородни, прирожденни господа кыдають званіе прирожденне, надивають сиракъ и берутця за плугъ? И куды намъ гнуты, до кого пристаты, не розберешъ!

Воздвыженскій. А вы идить своєю дорогою.

Киндратъ Антоновичъ. Такъ хто жъ ёго втрапе зо слицу на свою дорогу?

Воздвыженскій. Це вопросъ довольно сложный.

Знаменскій. У газетахъ можно вычитаты, тамъ все сказано: куды, якъ и що...

Киндратъ Антоновичъ. Я шо-дня у газету дывлюся, а указанія не бачу.

Воздвыженскій. А я вамъ дамъ советъ благый. Краще не пидіймайте на свои рамена такой головоломности, а швидчъ сядемъ въ обязательну по пятнадцять копійкъ.

Киндратъ Антоновичъ. Отъ вамъ все шуточкы, а я иноди цилисеньку пичъ не засну та все думаю: куды воно йдетця?

Воздвыженскій. А вы краще приймить на ничъ лампадкы дви, або й тры очищенной и пречудесно спатымете. Видъ очищенной всяки вредни мысли изчезають, яко таить воскъ отъ лица огня...

Я В А Х І.

Ти жъ, Олеся, Марфа Варфоломеевна, Леоныла Агапоновна и ще дивчата.

Леоныла Агапоновна. Зъ именинами! (*Чоломжаютця, други дивчата те жъ роблють*).

Марфа Варфоломеевна. Киндратъ Антоновичъ, зъ именинами! Лукерія Степановна, зъ имениныкомъ! (*Чоломжаютця*).

Лукерія Степановна (*до Олеси*). Ты хочъ бы рады хатнёго празныка, рады батьковыхъ именинъ одяглась, якъ слидъ.

Олеся. Хіба жь такъ не гарно?

Киндратъ Антоновичъ. Молоди люде подумаютъ, що въ тебе нема, въ вищо и переодягтись.

Олеся. Якъ що ци молоди люде задвлятымутця тилько на мое убрання, то мени до ныхъ байдужисенько.

Киндратъ Антоновичъ. Ачъ якъ гостро видрубала, це вже такъ зъясувала, що ни зъ якого боку и не підточышь.

Лукерія Степановна. Валивона ты у насъ, Олеся! Якъ же такы такъ можна?

Олеся. Яку вы зъ мене хотили зляпаты, такую я и вдалась: ни краще, ни поганча. *(Регоче)*. Злипылы дяю на себе глядя, а теперъ и цяцкайтесь. Сидайте, сестрычкы!

Знаменскій. Но на мій поглядъ, Олександрі Киндратовни украинська одежа дуже прыстала.

Олеся. А що, мама, бачыте?

Козувська. Никоторого хвасону!

Марфа Варфоломеевна. Кому що къ лицу.

Козувська. Знаемо, у чый огородъ каминьци жбуряете.

Марфа Варфоломеевна. Видчепитця вы, Бога рады, овсимъ вы мени и не на думци. Чого прысикуетеса?

Козувська. Не знаю, хто зъ насъ сёгодня до кого прысикуетця!

Марфа Варфоломеевна. Тилько не я.

Олеся. Оце вже мени прыкро слухаты. Годи, сестрычкы, змагатыся, хочъ рады сёгодняшнёго дня!

Киндратъ Антоновичъ. За це разумно, дочко. Це правда, що сёгодня якось не годытця.

Лукерія Степановна. Не на те жь мы васъ, справди, закльвалы, щобъ вы одна одній очи выдралы.

Олеся. Ходимо краще до мене у свитлычку, я вамъ де що цикаве покажу. *(Встае)*.

Воздвыженскій. Но украинська одежа даже и на театри преукраша взоры.

Лукерія Степановна. Не нагадуйте, пожалуста, про кياتри, хай имъ цуръ. Нашій Олеся торикъ якъ замарудылося въ одну душу: пиду въ актёркы!

Олеся. Я ще ту думку не зовсимъ залышала.

Лукерія Степановна. О, чуєте?!

Воздвыженскій. Театръ дуже соблазнительна штука, колысь и я подвызався въ качестви хорыста, або безсловесныхъ лицедивъ въ Украинскій труппи; но таланта не розбудывъ въ соби.

Олеся. Невже?

Киндратъ Антоновичъ. Театръ—то баловство! У насъ и своихъ театривъ дома доволи.

Козувська. По моему, иты у актёркы за для тїи особы, котра личыть себе благородною, зовсимъ не прыстойно.

Лукерія Степановна. Отакъ же и я кажу.

Марфа Варфоломеевна. Дворянкамъ може и справди конхвузно.

Козувська. А дьяконивнамъ саме пидъ масть.

Марфа Варфоломеевна. Инча дьяконивна бува звычайнищю видъ справжней потомственной, колы, не до неи пьютъ, не каже: „здорови пйте!“

Козувська. Николы хамъ панови пидъ плече не пидійде!

Олеся. И вже знову почалы шпыгатысь! Марфушо, я розгниваюсь на тебе. *(Цилуе її)*.

Марфа Варфоломеевна. Та цуръ имъ, тимъ дворянкамъ!

Козувська. А дьяконивнамъ пекъ!

Олеся. Та годи вамъ! Краще давайте прохаты нашихъ кавалеривъ, щобъ вони насъ окрытыувалы.

Воздвыженскій. Я крытыкой не занимаюсь, потому што до многихъ предметовъ равнодушень.

Олеся. Чуешь, Марфушо? (*Усмихається*).

Знаменскій. Крытыкують, котори ідіоти и болваны.

Козувська (*до Знаменського*). Ну, вы вже, пожалуй, хочь и не говорить, вы, просто ужась, ужась, якый крытыкань!.. Кожного зь нигь до головы окрытыкуете. Хйба то не вы пустылы крытыкуете. Хйба то не вы пустылы крытыкуете. Хйба то не вы пустылы крытыкуете про Матрену Петровну, нйбы у неи одна нога куца? А про Сохвыю Дмитровну, що вона соби кой, - що подмошуе?

Дивчата. То вы ось яки, Ныхвинть Варфоломеевичь?!

Знаменскій. Никогда я не интересовался даже недостатками тихь особь, ибо вони мени безь надобности.

Козувська. Такь мы вамь и повирылы!

Дивчата. Теперь же мы знатымемь, яки вы!

Олеся. А я дуже бь хотила, щобь Ныхвинть Варфоломеевичь мене окрытыкувалы.

Лукерія Степановна. Що це ты, донечко, до жь такы.

Знаменскій. Це бь було совершенно напроты моихь чувствь.

Воздвыженскій. Пущайте.

Олеся. Пожалуста, окрытыкуйте!

Киндратъ Антоновичь. Ну, и що ты, Олеся, выгадуешь?

Лукерія Степановна. Де жь такы щобь такь ни зь того, ни зь другого. Чы вони пьяни, чы якь?

Олеся. Хйба, щобь крытыкуваты, треба буты пьянымь?

Лукерія Степановна. Онъ выйдн на шпыль проты гребли, та послухай, якь на тимь боци, бйля шыньку одынъ одного по морди крытыкують.

Воздвыженскій (*регоче*). За таку крытыку покорно благодарю!

Киндратъ Антоновичь. Це вже ты почала пальцемь у небо.

Олеся (*до Ныхвинта*). Пожалуста, окрытыкуйте мене!

Воздвыженскій. Пущайте, пущайте!

Знаменскій. Вы певно на щось натякаете, тилько я нйакь не соображу.

Олеся. Хйба жь не скучно зь вамь? Оть кавалеры! Одынъ похнюпа, другый тютхтій... Гайда, сестрычки, видь ныхь, безь насъ вони швидчь розбалакаютця.

Козувська. Зь такымы кавалерамы можно у меланхолю вступыть.

Дивчата. Не весели собесєдныкы!

Марфа Варфоломеевна. И нхто ихь не вкраде. (*Регоче*). Давайте, продамо ихь цыганамь! Ха-ха-ха! (*Вси дивчата зарєготалы и побіглы*).

Воздвыженскій. Весела особа Олександра Киндратовна.

Знаменскій. Це для мене неожыданна новына, що сказала Леоныла Агапоновна.

Лукерія Степановна. Нєгоныли не дорогого заходу коштуе и пидбрєхнуты.

Киндратъ Антоновичь. Не все те слйдь перейматы, що поверхь воды плыве.

Воздвыженскій. Но впакы неприянищь то, що мы тратымь дороге времяя. (*Дывытця на часы*). Вже и чась адмиральскый прыспє, а партнеривь и досы нема. Нєвже старшына та пьсарь не будуть?..

Киндратъ Антоновичь. Обищалы поситыты.

Воздвыженскій. Довго барятця! Подывлюсь, чы не йдуть. (*Пишовєз*).

Киндратъ Антоновичь (*до Знаменського*). Що жь вы знайшлы вже соби должность?

Лукерія Степановна. Теперь вже, мабуть, зайдете за трыдєвять земель?

Знаменскій (*зитхнуєз*). Многоуважаемые, Киндратъ Антоновичь и Лукерія Степановна! Я вже однажды роскрывь передь вамы свій душевный плапнь, и вы знаете оный: сокруша мою грудь

буря що-деннихъ, сердечнихъ ураганивъ!... Изреките: возрадуватця ли смятенному духу моему, или суждено оному ввергнутця въ пучину скорбей и скрежету зубового плача?

Киндратъ Антоновичъ. Що жъ, поштенный, вы ни пры якому дили, и званія у васъ никоторого!

Лукерія Степановна. Якъ же безъ званія?

Знаменскій. И званіе буде: треба тилькы пидмазаты. Спершу писателемъ у судъ, вже папаши обищали; а черезъ скилько литъ судебнымъ приставомъ.

Киндратъ Антоновичъ. Обищанка, то дитяча забавка. Якъ же це вы, паньчу, маєте вже мало не тридцять рививъ, а й досы баклуши бьете?

Знаменскій. Потому што страдаю, и нияке занятіе не захохоче.

Киндратъ Антоновичъ. Страданія страданіямы, а званіе окреме, бо це дуже важна статя!...

Знаменскій. Но просывъ я васъ однажды и ныне слезно прошу вторычно.

Киндратъ Антоновичъ. Ось послушайте вы мене, поштенный, якъ у моимъ мозкови складаецця оце саме дило. Балакатыму зъ вами не по вашому, не по вченому, а по просту, якъ умію. Свить зъ кожнымъ днемъ посовуетця впередъ и переминаецця, чы такъ?

Знаменскій. Звычайно!

Лукерія Степановна. Вида, якъ посовуетця!

Киндратъ Антоновичъ (*до Лукеріи*). А ты зъ своимъ носомъ не посовуйся, коли я балакаю. Що було вчера, того сегодня не буде; а завтра вже не буде того, що було сегодня. Такъ и думкы чоловічи, вони що-день миняютця. Свить иде все впередъ, и народъ впередъ посовуетця. И кожна людина, у котрой не вовною голова набыта, щобъ не зостатысь у дурняхъ, мусыть потрапляты за

гуртовымъ розумомъ. И хто прозива те, що сегодня мимо рта пльвло—завтра вже того не здожене, бо завтра вже буде завтрашне.

Лукерія Степановна. А після-завтра—послязавтрашне.

Киндратъ Антонов. Ну да! Після-завтра—послязавтрашне, тилько ты краще мовчы. Пантруйте, поштенный, дали за моими думками. Наша Олеся не яка-небудь безпряданныця, щобъ намъ надто хапатысь и видданямъ,—розуміете? Бувъ бы я безштанько, а вы, якъ и теперъ, дьяконьскимъ сыномъ, вы бъ зроду вику и не подывылыся на нашу Олесю.

Знаменскій. Напрасно, всегда, какъ ныне и присно...

Киндратъ Антоновичъ. Не вирю! Прыдане вамъ муле очи? Положымъ, що гроши усему голова. Такъ, такъ... Ще позаторикъ оти панкы, що тутъ навкруги мають клаштыкы земли, надымалы проты мене губы, не мовъ не добачалы мене; а теперъ, коли Господь благословилъ мои труды, коли я здобувъ оцю земельку, то я вже не хочу зъ ними чоломкатысь, а вони сами хапаютъ мене за руку. Выходыть, що хвортуна повернула колесомъ у нашъ бикъ... Вы, паньчу, чоловікъ безъ званія, а мы пиднялысь у гору на стилько, що нибы и на панивъ закандзюбылыся. Не на ривній вже линіи мы стоимо. Ни копыталу, ни званія у васъ, то яка жъ вамъ и цина?

Лукерія Степановна. Яка жъ вамъ цина?—Никоторою.

Знаменскій. Чы давно казалы, що не знаете, куды йты и якымъ шляхомъ? Одначе жъ за свою льнію здорово ухопылыся.

Киндратъ Антоновичъ. Ну, то были розсужденія, а це... Треба жъ про що-небудь розсуждаты... А якъ дило доходить до...

Знаменскій. Значыть, вси мои надежды и упованія были всеу.

Киндратъ Антоновичъ. Це вже ваше дило.

Лукерія Степановна. А вы не сумуйте, та сватайте собі Негонылу Агапонову, у неї и земелькы десятины зъ пятнадцять, и левада, и садокъ, и грошенята, мабуть, е,—бо дуже скупенька.

Знаменскій. Да, пожалуй! Быть можетъ, съ отчаянія и Неонилу Агапонову посватаю. Томытця грудь моя подь бременемъ грозь!... *(Бѣе себе въ груди)*. Мовчы ты, уязвленное сердце! Ахъ-ха-ха!.. *(Почавъ ходыты по хати)*.

Я В А XII.

Ти жъ и Олеся.

Олеся. Мамо! Дайте ключи! Достану альбома. И на що вы его зновъ заховалы?

Лукерія Степановна. Щобъ кожные не бабляло рукамы. *(Дае ключы)*. Послухай, донечко, щось Ныхвинтъ Варфоломеевичъ кажутъ.

Олеся. Що таке, невже цікаве? Шкода, мени николы послухаты.

Знаменскій *(зитха)*. Всеконечно, вы догадуетесь?

Олеся. Чы не зновъ про чувства? Коли бъ вы менчъ про ныхъ говорылы, то ихъ виднищъ бы було.

Знаменскій. Або добыйте мене однимъ словомъ, або звелыть жыть и счастье наслаждаться!

Олеся. На вищо вы таки рогати слова промовляете, ажъ страшно слухаты? Я ще такъ мало на свити жыла, а вамъ и те заздритно, хочете видняты у мене волю?

Знаменскій. Ваша воля пры васъ и зостанетця.

Олеся. Ни, дивоча воля до шлюбу; а шлюбъ узяла—волю виддала.

Лукерія Степановна. Охъ, донечко, правда, правда...

Знаменскій. Никогда я такъ не слывь. Это напрасно!

Олеся. Скажу вамъ прямищъ: не до пары я вамъ. *(Побигла)*..

Знаменскій. Что сіе? О, невжли же конецъ прыблыжывся, душе моя, твоимъ упованіямъ? *(Малевно ухотывся за одвирокъ)*.

Киндратъ Антоновичъ. Така вже вона у насъ, якъ бачыте.

Лукерія Степановна. Своевольна.

Знаменскій. Погыбли мои надежды, погыбли мечты!.. Теперь же я дожыль до чернаго дня!..

Я В А XIII.

Ти жъ, учитель, старшына, пысарь, псаломщыкъ и ще два—тры чоловина.

Учитель. Зъ именинами. *(Чоломаецця)*.

Пысарь. Пожелавъ вамъ всего лучшаго въ мірѣ, считаю долгомъ выразить поздравленіе!..

Старшына. Щытаю долгомъ. Мы до васъ гуртомъ, щобъ по одыньци хаты не выхоложуваты.

Воздвыженскій. Теперь уже въ збори вся наша арыстократія.

Кин. Ант. и Лук. Степ. *(Витаютця зъ кожнымъ)*. Спасыби, що не забулы, дякуемо!.. Благодарымо!.. Садовытця! Мылосты просымо!.. *(Сидаютъ)*.

Старшына. Вы, Лукеріе Степановно, чудови хазяйка. У нашихъ бабивъ гусы ще тилько починають нестысь, а въ васъ же й гусынята повылуплювалысь.

Пысарь. Вы образцовая хазяйка! Хочъ на всемірну выставку!

Чоловики. А такъ, такъ... Образцови, образцови...

Старшына. Средства, мабуть, такого знаете? Правду кажутъ, що багатому чортъ дитей колыше.

Воздвыженскій (*показує старшын-ни карты*). Не теряя дорогого времени, приступимъ.

Старшына. Я могу, не знаю, якъ други.

Воздвыженскій. Господа! (*Розбирають карты*).

Учитель (*до Знаменського*). Що це вы, Ныхвинтъ Варфоломеевичъ, носа повисыли?

Знаменскій. Все на свити пустякы!

Учитель. Що це на васъ нашло?

Воздвыженскій. Матвій Гнатовычъ, а вы стукнете?

Учитель. Я згодомъ, а теперъ щось не охота. (*У цю хвилю чутио дивочый хоръ*).

Пысарь. Тыхше, тыхше, господа! (*Слухають*). Какой дивный мелодій, вперше чую.

Старшына. Чудово якъ у вухахъ видляскъ лунае!..

Киндратъ Антоновичъ (*до учителя*). Осъ слушайте, Матвій Гнатовычъ, пидить вы до дивыць, та й присогласить ихъ сюды. Олеся васъ певно послуха, а за нею вже й останни.

Учитель. Можна. (*Пишовъ*).

Воздвыженскій. Господа, на миста! (*Спивъ замовкае*).

Собирайтесь, игроки,

Вынимайте кошелькы...

Киндратъ Антоновичъ, не мишае для вдохновенія, докы обидъ посліе, испить по одной лампадци. Господа, хто согласенъ зо мною, пидіймайте руки. (*Вси пиднимають*). Яке еднородушіе и едномысліе!

Киндратъ Антоновичъ. Лукеріе, ну, лишь распорядысь. (*Сидаютъ за стилъ. Лук. Степ. пишла*). По якый гра-тынемъ?

Старшына. Пожалуста, не по великій, бо я дуже гарячый, швидко спорожню партимонъ.

Пысарь. Партманеть!

Старшына. Все ривно!

Пысарь. По девять копіекъ обяза-тельна. (*Здае*).

Воздвыженскій. Почему не по пять-надцять?

Старшына. Э, ни, то дуже дорого, мы не согласны.

Чоловики. Мы не согласны...

Воздвыженскій. Не хотивъ бы я, знаете, буты и архіереємъ, тилько бы знаты що разу, яки въ прыкупци карты. Въ темну!

Киндратъ Антоновичъ. Стукнемо.

Старшына. Та и я за громадою!

Пысарь. Сколько кому? А Киндратъ Антоновичъ певно зъ тузкомъ, або зъ королею и кралею?

Воздвыженскій. Прошу два!

Киндратъ Антоновичъ. Одну!

Пысарь. Ну-да; такъ и есть!

Старшына. Чотыри.

Воздвыженскій (*взявъ карты*). Ого-го! Це: кеске-се, высочайшый сортъ! (*Почынають гратъ*).

Я В А XIV.

Ти жъ, учитель, Олеся и останни дивчата.

Учитель. Ну, панове, колы слухаты, то просымо слухаты мовчкы. Якывъ Михайловычъ, пидтягуйте!

Воздвыженскій. Могу! (*Видкашлюетця*).

Учитель. Прошу спивать по руци, разомъ и не наважатыся перекрыкуваты одна-одну. Заспиваемъ: „Стоить гора высокая“. (*Задае тонъ, и почынають спиваты*):

Стоить гора высокая,
По пидъ горсю гай,
Зеленый гай, густесепькый,
Неначе справди рай.

А пидъ горою риченька,
Якъ скло, вода блещыть,
Долною далекою
Кудысь вона бижыть.

Я В А XV.

Ти жъ и Лукерія Степановна, Павло зъ пидносомъ, на которомъ тры графынчыка и чаркы, и Горпына зъ закускою.

Павло. Чого ты пресея напередъ, чого? Все. Ц-сь, ц-сь!

Павло. Та чого жъ вона суне напередъ свою пыку? Горилку спершу пьють, а потимъ закусують. Отъ и за покойного Петра Рыгоровыча...

Лукерія Степановна. Та замовчы!

Павло. Та замовчати можна; а тилько кажу, що и за покойного Петра Рыгоровыча...

Пысарь. Ахъ, якъ жаль, що перепынылы чудову пысьню.

Воздвыженскій. Но бувають случаи, що и поиздъ зупыняють на всимъ бигу.

Старшына. Чувствытельна пысьня!

Чоловики. Дуже чувствытельна.

Воздвыженскій. Вони намъ ще заспивають. А теперъ треба обратыть внимавіе на прычину, зупынившую поиздъ, дабы изслѣдовать оную немедленно и неукоснытельно. *(Налывае чаркы)*. Лампадкы у васъ, почтенные домохозяева, не безобидны. Господа, не теряйте торжественнаго моменту: за здравіе имениныка, источныка безсмертнаго испійте! *(Выпивають)*.

Пысарь. А теперъ просымо барышень продолжать сладковзвучный мелодій. *(Сидаютъ)*.

Старшына. Такой вже сладковзвучный, що и сказать...

Чоловики. Бида, який сладковзвучный! *(Почынають грати)*.

Павло. За покойного Петра Рыгоровыча, якъ были меныны, то заразъ музыка, пивчеськи... Для двирськихъ бочку горилкы, бочку меду, бочку...

Киндратъ Антоновичъ. Ну, тебе про це ништо не пытае...

Павло. Цыганы ведмедивъ понаводять...

Киндратъ Антоновичъ. Иды вже, лагодься тамъ до обиду.

Павло. Добро колысь було! *(Пишовъ)*.

Киндратъ Антоновичъ. Ну, Матвій Гнатовычъ, мы слушаемъ.

Учитель. Третій куплетъ. *(Спивають)*:

На берези у затышку,
Де вяжутця човны,
Тамъ тры вербы схылылыся,
Мовъ журятця вони.

Я В А XVI.

Ти жъ и Павло.

Павло *(вбига)*. Отъ такъ штука! Левонидъ Петровычъ прыйихалы, я сразу ихъ познавъ!

Киндратъ Антоновичъ. Невже? Зовсимъ не сподивався! *(Все схопылыся и заметушылыся)*.

Я В А XVII.

Ти жъ и Загрыва.

Загрыва. Здравствуй, Киндратъ Антоновичъ, какво поживаешь? *(Цилуютця)*. Здравствуйте, Лукерія Степановна! *(Чоломкаютця)*. У васъ веселье?

Воздвыженскій. Господарь сего дома имениныкы.

Загрыва. А, вотъ что! Никакъ Воздвыженскій?

Воздвыженскій. Узналы?

Загрыва. Еще бы! *(Чоломкаютця)*. Такъ я попалъ на семейный праздникъ? Поздравляю имениныка! Не помѣшалъ ли я вамъ?

Киндратъ Антоновичъ. Спасыби, шо прыйихалы, якъ разъ у пору, дуже ради.

Загрыва. Рады?—тѣмъ лучше. Познакомъ меня съ гостями, всё это, разу-

мѣется, сосѣди? Оно и кстати. Вѣдь я предполагаю поселиться въ деревнѣ и превратиться въ хлѣборода. Помнишь, Кондрать Антоновичъ, я объ этомъ въ юности мечталъ, и ты, бывало, меня экзаменуешь: заставляешь отличить яровой хлѣбъ отъ озимаго, или плугъ сложить?.. Теперь я думаю осуществить мечты.

Киндрать Антоновичъ. Це теперь, кажутъ, у моди.

Старшына. Чутка йде, що на панивнѣ ныби пошестъ яка напала, що все до мужычкивъ пидсовуютьця.

Киндрать Антоновичъ. Це наши начальныкы. Отъ господинѣ старшына. Пидходите!

Загрыва. Лицо знакомое.

Старшына. Невже не признали? А прыдывытця гарненько. Колись у коней разомъ бигалы, гавенять у купи дерлы, рыбу вудылы... Корнѣя Корлюка пам'ятаете?

Загрыва. А, Корнѣй? Давно ли казись, а ужъ мы почти старики.

Киндрать Антоновичъ. Ваша старистъ ще за горами.

Старшына. Теперь вже, мабуть, забулы и по нашому балакаты, а колись ловко чесалы.

Загрыва. Ня, маракую и теперъ по троху.

Киндрать Антоновичъ. А це волостный писарь. Пидходите!

Писарь. Иванъ Семеновъ, снѣтъ Трандафилловъ.

Киндрать Антоновичъ. Господинѣ сельскый учитель, а оце сынокъ нашего дьякона. Осъ и моя Олеся!..

Загрыва. Олеся! Да неужто это она? Вотъ этакой крошечкой помню васъ. Подумаешь, сколько времени прошло. Въ національномъ костюмѣ? Прелестно.

Олеся. А мама гниваютьця на мене, що я городской одежы не долюблю.

Лукерѣя Степановна. Не то, що, а якось...

Козубська (*Прысида*). Леоньла Агацоновна Козубська, потомственная дворянка. Покійни мои маменька часто було годують васъ коржыками, або вертугою, якъ було заходите до насъ зъ охоты.

Загрыва. Да, помню, помню. Очень радъ! А что, Кондрать Антоновичъ, съ дороги не мѣшаеть пропустить по одной?

Киндрать Антоновичъ. Мылости просымо! (*Налыва*).

Загрыва. Господа, вышьемъ ради новаго знакомства!

Воздвыженскый. Не вредно! (*Допысаря*). Дерзай, Сементъ!

Павло (*пидходе*). Левоньдъ Петровичъ, а мене неужто не признали? А ну прыдывитця.

Загрыва (*вдывляетьця*). Не дуракъ ли Павлушка?

Павло. Такъ тошно. Тилько що теперъ не дуряеть.

Загрыва. А помнишь ли, какъ ты покойному батюшкѣ говорилъ: „не пойду я въ загряницу?“

Павло. Теперь пойхавъ бы хочъ и на край свита!

З а в и с а .

Д І Я І І.

Въ глыбни кову скалыстый берегъ ричкы, по, де-куды порослыи очеретомъ, куюю, лозою и терномъ. Биля лозы прывязаныи човень; по той бжкъ ричкы мріе село; на другимъ плану, ливоручъ—садъ, плить и хвиртка, праворучъ—крыница зъ журавлемъ и жолобомъ.

Я В А І.

Олеся и Марфа Варфоломеевна выходятъ зъ хвиртки и спивають, пидходють до ричкы. У Марфы Варфоломеевны въ руци вузлыкъ зъ роботою.

Не тамъ щастя, не тамъ доля,
Де багати люде;
Кого злуче коханячко,
Тамъ и гараздъ будо.

Ты, дивчыно засмучена,
Скажы, що думаешъ:
Що-дня нудышь билымъ свитомъ,
Рученькы ламаешъ?

Ой тымъ я нудюся,
Рученькы ламаю,
Що лита мой мынають,
А доли не знаю.

Половина литъ мынуло,
Щастя не зазнала,
Биле личенько змарнило,
Бривонькы злынялы.

Не втишайтесь, вориженькы,
Моій прыгодоньци,
Що йдуть марно лита мой,
Якъ лысть на водоньци.

Безталанною вродылась,
Такою й загнуу,
Породыла мене маты
Въ нещастну годуу.

Марфа Варфоломеевна. Сонечко вже на полудень звернуло, довгенько я засыдилась у васъ; докы перехоплюсь черезъ ричку, почне вечориты. *(Иде въ човенъ)*.
Колы жъ ты до насъ, Олесю?

Олеся. Колы надумаю. Що у мене робота яка, чы дило пыльне, котре прымуше мене сыдиты дома? Я билоручка:

ни панянка, ни мужичка, ни Богу свичка, ни чорту кочерга! *(Регоче)*.

Марфа Варфоломеевна. Робышь те, що и вси роблять у твоимъ становыщи.

Олеся. Мени такъ не подобаетця. Що то за жыття—безъ цили, безъ напрамку? Я не могу, Марфушо, такъ жыты: инча у мене натура. Колы бъ я змогла тоби розказаты все, що діетця у моихъ думкахъ, ты бъ зрозумила бъ... Не сыла моя згорнуты ихъ до купы, черезъ те що-разу все гиршь налагають вони на душу. Колы бъ змогла заразомъ обмиркуваты ихъ—не заморочувалася бъ до знесылення. Прыгничуе мене переконанне, що постерегаю въ соби що день все більший бракъ освичення.

Марфа Варфоломеевна. Мало чого кому бракуе, та не все коитця по нашому хотинью, по щучому велинью. Це все видъ байдикивъ лизе тоби таке въ паморокы: що того бракъ, а того и надто; теперь ще понакуповувала усякыхъ книжокъ, то й не дасы рады—ни соби, ни книжкамъ. Попоробыла бъ що-дня до втомы, напрыкладъ, тягаючы горшкы зъ печи, та въ пичъ, або хлибъ вымискуючы, не заморочувалася бъ.

Олеся. Хиба я иноди не роблю до втомы?

Марфа Варфоломеевна. Що иноди? Иноди не що-дня.

Олеся. Роблю, и не помага!

Марфа Варфоломеевна. Стережысь, щобъ ты зовсимъ не стерялася.

Олеся. Ну, що, Марфушо, якъ я и справди стеряюсь. А воно нибы такы до того и йдетця. Ось слухай. Почну шыты що, чы вышиваты—думкы, якъ галичъ, вкрыють, визьму кпыжку чытаты, якый

небуть фактъ такъ докирлево ущемить за сердце, що годи вже й читаты: зрадлыви думкы налопомъ обгорнуть душу и давлють їи и рвуть на шматкы. Я кыдаю кныжку, бжжу зъ хаты въ поле, на леваду... А тамъ, якъ спогляну, що якъ то други за той гиркый шматокъ хлиба день у день сыну гнуть та кривавымъ потомъ умываютьця, и тоди вже мени не тилько важчае, а ще и соромно робытця, такъ соромно, що хочъ и кризь землю провалытись!..

Марфа Варфоломеевна. Чого жъ соромно?

Олеся. И сама не знаю... И кынула-ся бъ я до тїен праці и робыла бъ до втомы, до знесыллєннє... Ажъ тутъ раптомъ обхопыть мене мовъ перевесломъ инча, глумлыва та зла думка, и нбы зазырае тоби въ вичи и допытуе: а дали жъ що? Наробыся й ты до втомы, а дали жъ що?... Пидъ впливомъ цїен невидчепной болячки я немовъ умливаю, опадають мои руки, и въ голови метушытця!..

Марфа Варфоломеевна. Чудна! Краще подумала бъ такъ, що не всимъ же гирко працюваты, бо не всимъ однакова доля и таланъ.

Олеся. А за яки вчынкы? Отутъ мои думкы завжды и зупыняютьця!

Марфа Варфоломеевна. Ну, и що жъ такого?

Олеся. Мене те муче и не дае супокою!

Марфа Варфоломеевна. А мени про те байдужисенько.

Олеся. На вищо насъ такъ мало вчать, що ничому не довчають? Я хотила бъ кожній свой думци дати розвій и напрямокъ, а мушу зупынятись на першимъ ступни и бидкатысь, що ни зъ кымъ не порадытись, ни спытаты ни у кого?.. Отакъ моя наука! И до чого вона мени? Нбы зъ подъ полы показаны ту науку, якъ пхыкавій дытны цяцьку, та

й зновъ заховалы. Ну, на вищо виддали мене до школы?

Марфа Варфоломеевна. Спытай вже заразомъ: на вищо тебе й на свить породылы? (*Регоче*).

Олеся. Чому не виддали мене въ гимназію?

Марфа Варфоломеевна. Мало бъ чого ты не захотила.

Олеся. Краще не знаты ничего, ніжъ мало знаты!

Марфа Варфоломеевна. Не бжжы за великымъ, щобъ малого не загубыла.

Олеся. Нема чого губыты. Не шкода мени тїен навукы, котра скыдаеця на прыказку: „цыть, не плачь, маты спече калачъ, медомъ помаже, тоби покаже, а сама зъисть.“

Марфа Варфоломеевна. Дякуй, що тебе й тому батькы навчылы.

Олеся. Я хочу ще вчытись.

Марфа Варфоломеевна. И не думай, бо не пустять.

Олеся. Якъ не пустять, я чого-небуть налыхотворю.

Марфа Варфоломеевна. Ты одна у отця-ненькы, звисно, шкода видпустыты.

Олеся. А не бійсь, колы бъ замижъ захотила, то зъ дорогою душею виддали бъ. (*Вдывляеця у подовжъ ричкы и показуе рукою*). Ондечкы бачышъ?

Марфа Варфоломеевна. Що такє?

Олеся. Черезъ що я могу байдюкваты, а ота молодыця—ондечкы, бачышъ, по той бикъ перє соречкы, а побикъ неи ажъ пятеро дитворы, якъ пупьянкы?—Черезъ що жъ вона мусыть, не розгынаючы спыны, працюваты видъ ранней зори и до пизней?

Марфа Варфоломеевна. А ты бъ замисць того, щобъ морочыты паморокы такымы загадкамы—видъ чого, та черезъ що,—краще бъ майнула оце хутенько, та й допомогла їй праты сорочокъ.

Олеся. Ну й гараздъ. Сегодня допомогла бѣ, а дали що?

Марфа Варфоломеевна. А тамъ вже воно само вызначытця.

Олеся. А завтра жъ вона зновъ мусытyme працювати?

Марфа Варфоломеевна. И, слава Богу, якъ мусытyme, а отъ якъ знесылтця.

Олеся. То-то якъ знесылтця! Я про те жъ и миркую, що буде, якъ вона знесылтця?

Марфа Варфоломеевна. А буде те, що Богъ дастъ.

Олеся. А людямъ бы то до того нема й дила? Ни, Марфушо, такъ не можна. Люде повинни знаты, що буде: и зъ нею, и зъ отыми пупьянками! Коли бъ я мала велыкы достаткы...

Марфа Варфоломеевна. Та й миркувала бѣ зовсимъ инакше.

Олеся. Ни за що на свити! Николы я не переминою своихъ замиривъ, николы!.. Качаешь головою? Звычайно, що ты теперъ властна дати моимъ, яке хочешъ, прозвище, та и мене саму образаты пустомелею, чы фантазеркою, якъ вже не разъ ображала. Ну, що жъ, ображай ще.

Марфа Варфоломеевна. Пустомелею була, пустомелею и до вику зостанесся. Кожному зростови свои выграшкы, а то би й до старосты ляльки людьмы здаватымутця.

Олеся. Звисно, що я дурочка, а ты умочка. Тилько ця дурочка такъ глыбоко загляда соби въ душу, якъ умочци и не вбачаетця.

Марфа Варфоломеевна. Мени нема чого заглядаты соби въ душу.

Олеся. А мени есть чого. Краще, Марфушо, заглядаты соби въ душу, якъ найглыбшь и якъ найпрозоришь тоди, коли ще зможешъ дывытця въ неи, не червоніючы.

Марфа Варфоломеевна. Це вже зъ якоись новои кныжки утыла? И чого бѣ

ты мала червониты? Чы ты що вкрала, чы ограбувала кого?..

Олеся. А ты бѣ то й не знаешь?

Марфа Варфоломеевна (*здывовано*). Що таке?

Олеся. Марфушо, не хитруй, а важы видъ сердца, якъ щыра подруга: якъ ты на це дывысся?

Марфа Варфоломеевна. На вищо? Постривай, це ты въ жарть, чы?.. Я ничего въ товкъ не визьму.

Олеся. Ты чула, що люде кажутъ? Скажы, якъ кажутъ?

Марфа Варфоломеевна. Та про вищо? про вищо жъ бо?

Олеся. Допытуе, нибы не зна! Про могó отца та про Леоньда Петровыча що люде кажутъ?

Марфа Варфоломеевна. А-а? То такъ бы сразу й пытала. Кажутъ, що Леоньдъ Петровычъ мостытця тебе свататы.

Олеся. Та ни, я зовсимъ не про те, тебе пытаю. Що люде кажутъ... про землю? Ты жъ знаешь, що земля Леоньда Петровыча досталась намъ?

Марфа Варфоломеевна. Знаю.

Олеся. А знаешь, якъ дисталась?

Марфа Варфоломеевна. Якъ и другимъ дистаетця. Люде кажутъ, що теперъ бы Леоньду Петровычу оженытысь на тоби, то й полатався бѣ.

Олеся. Не те, все не те ты кажешъ...

Марфа Варфоломеевна. Ну, що жъ, будешъ помищицею, зробысся дворянкою... (*Глянула на сонце*). Хи, вже скоро й сонечко заходытyme, ото забалакалася!

Олеся. Стривай! Отъ дывысь на мене, Марфушо, ничего я не вкрала, никого я не ограбувала, — правда? червонію. Кажутъ, що диты не повинни въ грихахъ батькивъ своихъ; а отъ я нибы повинна.

Марфа Варфоломеевна. Эге-ге, це ты вже щось тако почала выгадуваты!.. Якъ соби знаешь, такъ и миркуй, а мене

не сылкуйся заморочыты. Родытеливъ тоби судыты зась, отъ що!

Олеся. Хиба жъ я сужу? Я кажу тоби, що мени соромно, я червонію! Та-дже земля Леоньда Петровыча у двое дорожче стоить тїи цины, за котру намъ дисталася. Якъ же такъ, Марфушо? Це, стало быть, прытысла людynu до стивні и взялы за горлянку!..

Марфа Варфоломеевна. Годи, годи, не хочу и слухаты!.. *(Одмахується рукою и йде у човенъ).*

Олеся. Ну, я вже замовкла, годи, не треба. Знайду зъ кымъ инчымъ це обмиреуваты. Не хочешъ зрозумити! Давай про що-небудь инче молоты языкомъ!

Марфа Варфоломеевна *(помовчала)*. А признайся, кортыть тоби буты дворянкою?

Олеся. Чортъ батька зна що мелышь!

Марфа Варфоломеевна. Я думаю, що намъ вже теперъ до васъ и не ривнятыся.

Олеся. Бачъ! тоби така мова подобаетця, щобъ шпыгаты ни за що, ни про що.

Марфа Варфоломеевна. Думаешъ, мени Ныхвинтъ не розказувавъ?

Олеся. Про вищо?

Марфа Варфоломеевна. Що ты сказала ёму, що винъ тоби не до пары.

Олеся. Сказала. Якъ у мене на души, такъ я й укажу. Не до впадобы мени Ныхвинтъ Варфоломеевычъ. Та й не вирю, щобъ и випъ мене кохавъ. За вищо ёму мене кохаты, ни лыцемъ, ни думкамы не прыстала ёму до сердца?

Марфа Варфоломеевна. Я ёго сердца не знаю, тоби выдницъ.

Олеся. Я жъ и бачу. И думкы нашы идутъ на ризнь. У Ныхвинта Варфоломеевыча яки замиры? Выйшла бъ я за него замижъ, то не було бъ зъ того шлюбу ніякого товку. Спытала ёго якомъ: „що бъ вы, кажу, робылы, якъ бы малы достаткы?“— „Купывъ бы каже, у городи домъ“. А дали?— „Виддавъ бы ёго пидъ ква-

тыры“.—Та й тилькы?—А потимъ забравъ бы, каже, ще грошей, та купывъ бы и другый домъ.—А дали, кажу, и третій? А винъ мени на те: почему жъ и не четвертый? А дали що? пытаю. А що жъ дали? видмовывъ, усмихнувшысь. И такъ гыдко усмихнувся, ажъ морозъ у мене по за шкурою пишовъ. Хиба жъ це, Марфушо, життя?

Марфа Варфоломеевна. А якого тоби ще кращого?

Олеся. Памьятаешъ, якъ мы колысь марилы, що якъ повырастаемо, то виддамо себе цилкомъ на корысть и пидмогу людямъ?

Марфа Варфоломеевна. Дурни мы булы, то дуροщи й плелы. Ты ще й досы у хмарахъ летаешъ, а я вже свинчыла итогы и зъ мариннямъ и зъ дуриннямъ и перейшла на практичный грунтъ. Натякнула тоби, а теперъ кажу навспряжкы: пиду замижъ за псаломщыка, ото и кипець.

Олеся. А дали що?

Марфа Варфоломеевна. А дали буде те, що Богъ дасть. Прощай *(иде въ човенъ)*. Давай, будемъ перегукуватысь, ажъ докы дойду до того берега, охотницъ йихатыму. *(Видгизжаючы, почына спивать, Олеся пидтягуе)*.

Та болять ручки, та болять ножкы,
Гей, та пшениченьку жнучы,
Та пшениченьку жнучы,
Та уже мени надокучыло,
Гей, та миленького ждучы.

Та нема жъ мого миленького,
Гей, та нема мого пана,
Та й уже жъ моя та постиль била,
Гей, та пылочкомъ прыпала.

Та изъ-за горы, та изъ-за кручи,
Гей, та рыпляютъ возы идучы,
А волы ремыгаючы,
А чумаченькы та выгукуючы...

Я В А II.

Лукерія Степановна и Олеся.

Лукерія Степановна (*звук*). Олесю-гу! А я тебе шукаю по саду та по левади, думала, зновъ сапдешъ огородину за котрись поденну?

Олеся. А хочъ бы й такъ?

Лукерія Степановна. Воно жъ такы тоби и прыстало.

Олеся. Робота бильшь прыстала, нижъ баглаи.

Лукерія Степановна. Ояъ тамъ, на градкахъ, Харытонныхъ обполже баклажаны та дуже бидкаеця, що никому поняньчты дытну.

Олеся. Ось пиду заразь та й понянчу.

Лукерія Степановна. Пиды, пиды мерщій! Учора вона реготала на всю леваду, що знайшлась нянька за дурничку, нехай й ще сегодня порегоче.

Олеся. Нехай! Це вы чы не хочете мене роздратуваты, мабутъ, нема на кому зирваты серця, то на мене напалысь?

Лукерія Степановна. Не въ тимъ сыла!... Ондечкы Леваныдъ Петровычъ прыйхавъ, оце свижо прыбигъ видъ предводителя.

Олеся. То що зъ того?

Лукерія Степановна. Чого винъ почавъ учащаты до предводителя?

Олеся. А намъ яке дило?

Лукерія Степановна. Колы бъ ты побачыла, який на вѣму мундырь, а орденивъ скилько!.. Дви мендали и два хреста отутечкы на грудяхъ высять; а одинъ хрестыкъ на шыи. Певно, що на вѣму не малый такы чынъ.

Олеся. И нехай соби.

Лукерія Степановна. Я оце у перше побачыла ёго у мундыри. Охъ, колы бъ винъ не накоивъ намъ лыха зъ тѣю закладною, щобъ та земелька намъ сокомъ не выйшла. Якъ ты думаешъ?

Олеся. Ничого я про те не думаю.

Лукерія Степановна. Ты жъ тамъ у книжки дывыся, то тоби виднищъ, нижъ мени.

Олеся. У законахъ про те пишуть, а не въ тихъ книжкахъ, у котри я дывлюся.

Лукерія Степановна. А ты бъ и законы передывыла.

Олеся. Де жъ я ихъ визьму?

Лукерія Степановна. Бачъ, чортъ зна якыхъ кпнжокъ що-разу понакупувешъ добиса, а тыхъ, котри прытьможъ потрибни, якъ разъ и нема.

Олеся. Та чого вы такъ метушытесь?

Лукерія Степановна. Якъ глянула я на мундыра та на ордена, то такъ уся и затремтила. Певно, винъ мае не малу сылу и били мыныстривъ, а може и били Царя...

Олеся. Ему те и на корысть, а вамъ чого тремтиты?

Лукерія Степановна. А хто жъ ёго зна чого? Такый жахъ мене обгорнувъ, такый жахъ, якъ глянула на мундыра та на мендали, а видъ чого—не зрозумію!

Олеся. А що, мажо, якъ Леоныдъ Петровычъ виддасть гроши, чы татко вернуть ёму землю?

Лукерія Степановна. Зъ якои рѣчи? Вона намъ дисталась по закладній.

Олеся. Мабуть же, земля дорожча тѣи цины, за котру вона була закладена?

Лукерія Степановна. Хочъ бы вона и втрое дорожча була, такъ вона намъ хвормально перейшла зъ торгивъ, по купчій.

Олеся. Такъ що жъ, що хвормально, хвормально жъ можна и вернуть. У Леоныда Петровыча у той часъ не було грошей.

Лукерія Степановна. То це жъ вже вивъ и выненъ, що не роздобувъ.

Олеся. Та винъ же, ниhto другий. А якъ винъ захоче виддать гроши?

Лукерія Степановна. Мало бь чого винь не схотивъ. Земля намъ перейшла хвормально.

Олеся. Це выходить очевидячки будуваты свое щастя на чужимъ базтанни?

Лукерія Степановна. Не знаю, якъ воно выходить по книжному, а мы потрапляемо за громадськимъ розумомъ: якъ люде, такъ и мы. Дали бь мы зивка, то други ухопылы бы земельку, а мы зосталыся бь зь московскою борулкою.

Олеся. А я певна, що батька не захочуть такъ дешево взяти.

Лукерія Степановна. Вже и взявъ. Земля намъ хвормально дисталась.

Олеся. Це вже я чула, що хвормально. А якъ, кажу, Леонидъ Петровичъ верне гроши?

Лукерія Степановна. А хйба мы мало клопоталыся, докы здобулы цю земельку? Ще бь то по твоему выходить, що: сегодня я куплю вола, чы корову и виддамъ гроши, а завтра той, що продавъ, прынесе мени гроши назадъ и скаже: верны мени вола, чы корову, то я й мушу вернуты?

Олеся. То вольна продажа, а це...

Лукерія Степановна. Ой, дочко, чы не дуже вже багато ты розуму набралась зь книжокъ? Вельку ты вагу берешъ на плечи, гляды, щобъ не спиткнулася. Не даромъ я натякала скільки разивъ батькови, що пора тебе до рукъ прибраты. Черезъ тебе вже й наймычкы мени грубиянствуютъ, що ты зь ними зь усима мало не посестрылась, и черезъ то вони мене й вухомъ не ведуть.

Олеся. Бо вы не вмiете зь наймычкы ками поводитысь.

Лукерія Степановна. Це бь то ты мене вчытемешъ, якъ мени зь наймычкы ками поводитысь?

Олеся. Кажуть, що зь боку виднищъ. Я й кажу, що бачу. Колы бь вы

змогли сами прыдывытысь до вашого повоженя, то й побачылы бь. Напрыкладъ, сегодня вы сыдыте зь ними поручъ и выявляете свои скаргы, особлыво якъ зь батькомъ посварытесь, то выявите й те, чого бь не следъ ницому знаты; а завтра починаете ихъ ни за що, ни про що лаяты та грызты. Взычаєте и не гречнымы, та не звычайнымы словами. Ну, вона и не втерпе, огрызетця.

Лукерія Степановна. А я повинна ий змовчаты?

Олеся. И вона така жь людина.

Лукерія Степановна. *(Кланяетця)*. Спасыби тобі, донечко! То це ты вже мене до наймычкы ривляешъ, до якои небуть репаной мугыркы?

Олеся. А хйба вы зь паньского роду?

Лукерія Степановна. Коженъ за свои гроши пань!

Олеся. Та пань, тилько зь ничого боку.

Лукерія Степановна. Такъ, такъ!.. Тебе тилько послухай, то ты наговорышь повнисеньку хату и кимнату!

Олеся. И на вищо намъ у паны лизты? Скільки не квитчай ворону у павине цирье, а вона все такы не буде павою, а вороною. Е, мамо, поговирка: видко пана и по халявахъ. Видъ чогось вона зъявлася. Паны, мамо, першъ усею люде образованни.

Лукерія Степановна. То по твоему, я вже и не образованна?

Олеся. А вже жь, що ни.

Лукерія Степановна. Ахъ ты жь, стерво учене! То я тебе якъ схоплю за косы!

Олеся. Оце якъ разъ доладня розмова.

Лукерія Степановна. Ичъ, якъ змiюку вивчылы соби на радисть!

Олеся. Змiюка? А годыны ще не пройшло, якъ пры Марфуши плакалыся, що якъ то вамъ тяжко буде розризня-

тися зь дочкою-єдинычкою, колы прыйдетця замижъ виддаты, що якъ голосытмете та вбыватытетесь...

Лукерія Степановна. И голосытмю! (*Почына хныкаты*). Все слизонькы выплачу та выголюю... Хиба буде мени зь кымъ пожурытися, теплымъ словцемъ перемовытятся?...

Олеся. На що вже и теплищой розмовы, якъ ось заразы?...

Я В А III.

Ти жъ и Киндратъ Антоновичъ.

Киндратъ Антоновичъ. А що цеты, старушка, розхлюпалась?

Лукерія Степановна. Такъ соби. (*Сина Олесю за рукавъ*). Мовчы!

Олеся. Заблгнулося мами задалегидь оплакаты мене; ще й женихивъ нема, а вони вже выражають мене зь двору.

Киндратъ Антоновичъ. Женихивъ якъ собакъ, абы твоя охота.

Олеся. А я маю де объ чимъ зь вами поговорыты.

Киндратъ Антоновичъ. Шкода, що я не маю теперъ часу. Идить краще у домъ та готуйтеса до чаю.

Олеся. Ще рано до чаю лагодытись.

Киндратъ Антоновичъ. Стара, тамъ треба распорядытись, щобъ на вечерю що небуты...

Лукерія Степановна. Заразы иду. (*Пшла*).

Киндратъ Антоновичъ. А ты, Олеся, пиды зь Левоньдомъ Петровычемъ время препровожденіе...

Олеся. А що, ему скучно? А мени зь нимъ не весело.

Киндратъ Антоновичъ. Все жъ такы, винъ нибы гость у насъ. Вернувся оце видъ предводителя, та такы засмученый.

Олеся. Якъ вы, тату, скинчылы зь нимъ за землю?

Киндратъ Антоновичъ. По закону. Видъ закона я а ни на ступинь.

Олеся. Якъ же по закону?

Киндратъ Антоновичъ. Га? (*Оглянувся*). Отъ зачымъ ишовъ, про те й забувъ! Иды, я заразы тебе дожену. Треба подывытись, чы законопатылы отого жолоба? И що за каторжный народъ, докы не тукнешъ десять разивъ, то ничего и не зрбляють. (*Пшовъ*).

Олеся. Обрыдъ вже мени Леоньдъ Петровычъ зь своимы розказнямы про Петербургъ. Балака про таке, що мене а ни крыхоткы не цікавытъ; а якъ спытала, якъ поступыты на хвершальски курсы, то винъ того и не знае. (*Пшла*).

Киндратъ Антоновичъ. (*Самъ*). Що це Олеся почына вже соваты своего носа нибы туды, куды бъ и не слидъ? Э, цего то вже я не вхвалывъ.

Я В А IV.

Леоньдъ Петровычъ изъ хвиртки.

Леоньдъ Петровычъ. Кондратъ Антоновичъ! А ты вотъ куда забрался? Все хлопчешъ, да хлопчешъ.

Киндратъ Антоновичъ. Такы вже нашъ таланъ, що мусымо увесъ викъ, повзаючы на вколюшкахъ, копійку ту зь земли вышкребаты.

Леоньдъ Петровычъ. Тебъ ли еще сѣтовать на судьбу?

Киндратъ Антоновичъ. Самъ не жалуюся, а печинкы ныють.

Леоньдъ Петровычъ. Ты съ ноющей печенкой еще меня переживешъ. (*Выйма папыросу и закурюе*). А я нарочно тебя искалъ, чтобы кой о чемъ потолковать...

Киндратъ Антоновичъ. Я дуже люблю слухаты, якъ вы балакаете про Петербурхъ, про чужы земли... Такъ ловко розказуете, неначе я самъ тамъ бувъ

и все бачывъ. А вже якъ почнето росказуваты про царскій дворці та про памятникы, такъ я й не заснувъ бы николы, все слухавъ бы.

Леонидъ Петровычъ. Здѣсь, я думаю, намъ не помѣшаютъ? Сядемъ!

Киндратъ Антоновычъ. Я постою.

Леонидъ Петровычъ. Зачѣмъ же? *(Сиди на жолобѣ).*

Киндратъ Антоновычъ. Мы вже привыкли уважать васъ, ще за покойного вашего батюшки, Петра Григоровыча, царство имъ небесне, вичный покой ихъ душечки!

Леонидъ Петровычъ. Значить, ты чувствуешь, что мой покойный отецъ для тебя сдѣлалъ?

Киндратъ Антоновычъ. Хто, я? Чувствую и дитямъ, и онукамъ накажу, якъ помыратыму, щобъ чувствовали. Та якъ и не чувствовать? Та я за душечку покойного мого благодителя що-года, на Петра, паныхиду правлю.

Леонидъ Петровычъ. Онъ, дѣйстви-тельно, вывелъ тебя въ люди!

Киндратъ Антоновычъ. Вони, дитлительно, вони! Вони постановили мене на ноги, ще я всякъ кажу. Та колы бъ не вони, досы вже мене й черва стрискала бъ. И, Боже, Боже, що то була за предобродительна душечка!

Леонидъ Петровычъ. Былъ я сего-дня у предводителя дворянства.

Киндратъ Антоновычъ. Знаю,—меня Лѣвка росказувавъ. Ще й до адвоката заиздылы?..

Леонидъ Петровычъ. Лѣвка что нибудь лишнее наплелъ? Вѣчно суетъ свой носъ.

Киндратъ Антоновычъ. Ни, винъ ничего такого не казавъ. Росказувавъ тилько якъ господынъ предводитель дворянства цилувалыся зъ вами и сами подсаживалы васъ у хвایتонна. Казавъ, правда, що чувъ и те, якъ господынъ предво-

датель бовкнулы про мене не звычайне слово: шкуродеромъ мене звельчали! Але я того и вухомъ не веду. Конешне, вони господынъ предводитель дворянства, то имъ и можна вельчаты насъ услякмы именами: имъ никто не затуле рота.

Леонидъ Петровычъ. Мало ли что о комъ за глаза не говорятъ.

Киндратъ Антоновычъ. Намъ и въ очи и по за очи кажутъ, але мы нибы того не дочуваемо; ведемъ свою напряду, свою политыку. И зъ адвокатомъ зволили совитуватця?

Леонидъ Петровычъ. Ты, вижу, всё ужъ знаешь? Поподчивалъ Лѣвку, а потомъ выспросилъ?

Киндратъ Антоновычъ. Лѣвка самъ дуже словоохотливый; а чаркы горилкы чому й не даты тому, котрый потребляе?

Леонидъ Петровычъ. Имѣние теперь твое, по закону ты совершенно правъ.

Киндратъ Антоновычъ. Я, якъ бачите, видъ закона а ни на ступинь.

Леонидъ Петровычъ. Но знаешь ли ты, что если ты возьмешь у меня имѣние въ той цифрѣ, въ какой оно у тебя было заложено, тогда я окончательно разоренъ.

Киндратъ Антоновычъ. О, де жъ такы, а служба ваша у Петербурзи?

Леонидъ Петровычъ. Служба? Миѣ теперь либо въ петлю, либо пулю въ лобъ.

Киндратъ Антоновычъ. Та що це вы, Богъ зъ вами, не лякайте мене! Це вы певно пидпылы трешкы; звычайно, гостюавшы у господына предводителя, то вже не безъ того? У насъ тутъ бувъ одинъ панокъ, господынъ Козубьскый, певно знавалы?—И такый же приятный бувъ чоловичокъ, ну якъ тилько пидопье, заразъ голову въ петлю. Разивъ зъ пята вырятовувалы, а на решти такы не встерглы—повисывся. И яки есть кой-катори господа охочи до петли.

Леонидъ Петровычъ. Мое положене безвыходное.

Киндратъ Антоновичъ. Тошно, що не завидне. Такъ, такъ... А вы не плошайте, надійтесь на Бога.

Леонидъ Петровичъ. А ты мнѣ морали не читай.

Киндратъ Антоновичъ. Сколько у васъ тѣи гордосты! Отаки були покійни Петро Грыгоровычъ, ваши батюшка, царство имъ небесне, вичный покій ихъ душечци.

Леонидъ Петровичъ. Перестань панихиду пѣть! Не возьмешь же ты у меня землю по тридцати рублей за десятипу? Вѣдь она стоитъ, по крайней мѣрѣ, по сто рублей, а тебѣ досталось съ банковскимъ долгомъ по пятидесяти семи.

Киндратъ Антоновичъ. Це правда, що земелька хочъ куды, я и и по сту двадцять не видамъ.

Леонидъ Петровичъ. Ну, вотъ видишь?

Киндратъ Антоновичъ. Кажу жъ, що не видамъ и по сту двадцять! И хочъ вона мени по закону досталась, а все жъ такы довичне мольтыму за васъ Бога.

Леонидъ Петровичъ. Я не нуждаюсь въ твоихъ мольтвахъ.

Киндратъ Антонов. Та вже, сколько хочте, гнивайтесь соби, а я видъ своего заповиду не видступлюся: я вже васъ и въ граматку запысавъ и двичи на чашточку подававъ о здравіи!..

Леонидъ Петровичъ. Я тогда буду здоровъ, когда ты мнѣ уплатишь остальные.

Киндратъ Антоновичъ. Якъ вы кажете?

Леонидъ Петровичъ. Сколько ты мнѣ прибавишь?

Киндратъ Антоновичъ. За вищо?

Леонидъ Петровичъ. За землю! За землю мою, которая тебѣ досталась чуть ли не задаромъ. Сколько ты намѣренъ мнѣ добавить?

Киндратъ Антоновичъ. У мене такого намирения нема.

Леонидъ Петровичъ. Да вѣдь ты меня ограбилъ!

Киндратъ Антоновичъ. Сохрани мене Господь! Я по закону.

Леонидъ Петровичъ. Припомни, что когда срокъ аренды истекалъ, мнѣ другіе всегда гораздо больше предлагали; а ты падалъ мнѣ въ ноги, ползалъ, пресмыкался, рыдалъ!..

Киндратъ Антоновичъ. Правда. Панамъ дуже подобаетця, щобъ передъ ними повзали на вколюшкахъ, та слизьмы имъ ноги обывалы. Хлибомъ ихъ не годуй, тилько кланяйся имъ! Повзавъ и я передъ вами, ну и выповзавъ. И кожень разъ буду вамъ за те вдячный!

Леонидъ Петровичъ. Замолчи! Я отъ твоихъ причитаній скоро съ ума сойду!

Киндратъ Антоновичъ. Не знаю вже, якъ зъ вами й говорыты!

Леонидъ Петровичъ (*почына ходыты*). Отець мой призрѣлъ тебя, приютить, потомъ сдѣлалъ тебя управляющимъ, наконецъ, отдалъ тебѣ имѣніе въ посессию; и ты въ какихъ-нибудь 24—25 лѣтъ сдѣлался чуть ли не первымъ богачемъ въ уѣздѣ.

Киндратъ Антоновичъ. О, до того ще далеко! Я оккуратно, чысло въ чысло, вашему покійному батюшци, царство имъ небесне, вичный покій, посессиони гроши высылавъ, видъ сердца ихъ выдрывавъ, а высылавъ оккуратно. Було картопельку зъ сиривцемъ йимъ, а посессиони гроши у срокъ высылаю. Може видъ тѣи стравы у мене и дитокъ тройко въ одинъ годъ преставылись? Упокой, Господы, младенцивъ: Петра, Василя и Марыну! Зазнавъ я въ волю лыха... Разъ тилько и напысали мени вашъ батюшка пысьмо. лыбонь, видъ трыдцятото октября?—воно и досы у мене за образомъ хра-

нытця.—Пышуть: „Кандратъ, кажись ты плутуешь.“ И такъ, мовъ у сердце ударылы мене тымъ словомъ. Треба було высылаты посессіони 25-го октября, а я ихъ задержавъ до 5-го ноября.

Леонидъ Петровычъ. Такъ ты ничего мнѣ не прибавишь?

Киндратъ Антоновичъ. А памятаете, якъ два лита пидъ рядъ у насъ бувъ страшный невражай, у поли все выгорило; напысавъ я вамъ пысьмечко, кривавыми влизьмы ёго пысавъ, а вы а ни копійечкы мени не скостылы съ посессіонныхъ, ни одного рублыка. Письмо за письмомъ прысылали: „высылай немедленно деньги!“

Леонидъ Петровычъ. Ты больше мнѣ ничего не скажешь?

Киндратъ Антоновичъ. Коли вгодно, розмовляйте вы, а я дуже охочый слухаты розумни речи.

Леонидъ Петровычъ. У тебя, Кондратъ, нѣтъ ни стыда, ни совѣсти!

Киндратъ Антоновичъ. Позвольте... оцёго предмета не слідъ бы касатись, бо це дуже делихатна вещь. Хиба то безсовисно, що я не досыпавъ ночей, не дойдавъ шматка хлиба, та все працювавъ, щобъ себе и семью свою зарятувати видъ злыднивъ? А то не безсовисно, що вы батькивщину програвалы въ карты, та жбурялы тысячи на всяки дурныци та вытрыбенькы?

Леонидъ Петровычъ. Это не твое дѣло.

Киндратъ Антоновичъ. Хиба то стыдно мени, що я, рады дитей своихъ, повзавъ у васъ у ногахъ? А вы у годный годъ вырвалы у мене останни дви тысячи и купылы якійсь нимкени каблучку на ручку?

Леонидъ Петровычъ. Довольно!

Киндратъ Антоновичъ. Якъ то „довольно?“ Вы взычаєте мене образливимъ

словомъ, та ще й бороните видповидаты? Якъ же то: довольно? И закоренилому душегубови судъ дае способы выправитись; а вы, не знаю вже, по якому закону, хочете мене судыты! Позвольте вамъ ще й те прыгадаты, що вы у мене гостюете, и здаеця, що вси мы догождаемо вамъ, якъ уміемо; а вы за нашу хлибъ-силъ жбуряете у вичи не звычайными речамы... Це вже зовсимъ не по хрыстіянськи, та й не по дворянськи, ваше высокоблагородіе!..

Леонидъ Петровычъ. Да, ты правъ... я виноватъ!.. Не сердись!.. (*Протяга руку*).

Киндратъ Антоновичъ. Николы у мене на васъ сердца не було, бо я завжди памятаю, що вы сынъ мого благодителя.

Леонидъ Петровычъ. Ты ужъ купи у меня коляску, мебель и все остальное. Какъ же ты, вновь испеченный помѣщикъ, будешь ѣздить въ телѣгѣ, или сидѣть на самодѣльномъ стулѣ?

Киндратъ Антоновичъ. Це инча ричъ, и якъ що не дорого визьмете, по-Божому, то можна буде купыты.

Леонидъ Петровычъ. Я видѣлъ, какъ ты, третьяго дня, трясся въ городъ на какой-то бѣдѣ!

Киндратъ Антоновичъ. Краще жъ я йиздытиму на биди, нижъ вона на мени. Продайте вже мени и икону роспятіе!

Леонидъ Петровычъ. Нѣтъ, ни за что!.. Это память отъ моей прабабки, это работа знаменитаго итальянскаго художника.

Киндратъ Антоновичъ. Не продасте мени, то продасте якому-небудь жыдови, и грихъ вамъ буде, ей-ей, грихъ!

Леонидъ Петровычъ. Ну, объ этомъ послѣ. Такъ пойдемъ, прицѣнимся къ остаткамъ моего величія. А ловко ты обдѣлалъ дѣльце. (*Пишлы*).

Я В А V.

Власъ (*выходить из вудкамы и, обернувшись, балака до когось за лаштунку*). А за вищо винъ мене прожене, хйба я волокомъ, чы павукомъ ловытиму? Не боюсь я ёго. На вудку йде рыба прохана.. (*Розмотуе вудку и закъда*). Ачъ якый короныще вывернувся. (*Пидгукуюе тыха*). Та йды бо сюды, посыдымо рь купи. Га? Ну, якъ соби знаешъ. А ну-ну, клюй, клюй!.. (*Вытяга вудку*). А! зирвалася, а буза ловкенька рыбина. (*Поправляе червячка*).

Я В А VI.

Власъ и Олеся.

Олеся. А хто тобі, Власе, позволявъ тутъ рыбу вудыть?

Власъ. Хто жь, якъ не самъ соби? (*Поплывавъ червячка, закъда вудку*). Надо мною нема пана!

Олеся. Найбильшый?

Власъ. Найголицый!

Олеся. Черезъ те и смилывый такый?

Власъ. А вже жь. Кому жь и буты смилывымъ? Образаты не вгадаешъ чымъ, унійматы нема за що, одійнаты нема чого.

Олеся. Балакучый!

Власъ. У мене языкъ слухняный: звелю—меле и шеруге, не звелю—зразу загальмуе.

Олеся. Дай мепи одну вудочку, и я половлю.

Власъ. Зновъ бовтатымете, усю рыбу росполохаєте.

Олеся. Я буду тыхо закъдаты.

Власъ. Побачымо! А якъ ляпатымете по води, заразы вудку видйму, дарма що це вашъ берегъ. (*Дае йй вудку*).

Олеся (*закъдаючи вудку*). А що, бачышь?

Власъ. Не дуже то зугарно, та ничого.

Олеся. Давно прыйшовъ?

Власъ. Оце свижо.

Олеся (*сида*). Клюе?

Власъ. Одна зирвалася.

Олеся. Велька?

Власъ. Не мала.

Олеся. Яка завбильшкы?

Власъ. А вы не вмјете мовчки сыдаты?

Олеся. А хйба що?

Власъ. Рыба чуе, то й не пидйде до вудокъ. Вы думаете, вона дурнища видъ васъ! Сядте ось сюды на сыту, а то въ болото убабляетеса. (*Пидстела сыту*).

Олеся. А тобі якъ краще, щобъ я мовчала, чы щобъ балакала?

Власъ. Однаково.

Олеся. Черезъ що?

Власъ. Та годи бо вамъ. Ондечкы у васъ клюнула.

Олеся. Бачъ, я щастлыва за тебе.

Власъ. Це й безъ клеу звисно!

Олеся. Чымъ же я щаслыва?

Власъ. Та хочъ бы и тымъ, що колы бь оце дръга белькотала, то я давно бь ии прогнавъ.

Олеся. А мене шкода прогнаты?

Власъ. Тягнить бо, тягнить! Э—э, бодай васъ! Вы не тямте, якъ пидсикты, а ще беретесь вудыты. Дайте, я поправлю червячка. (*Поправля*). Якъ тилько почне клюваты, то попускайте вудлыще, а якъ вже поведе, отоди пидсикайте. (*Закъда вудочку*). Ось якъ треба закъдаты.

Олеся. Ты мјтець.

Власъ. Хто коло чого ходе. Тыхо жь, ц-сь!..

Олеся (*помовчала*). А вышкомъ можна спытаты?

Власъ. Про вищо?

Олеся. Чомъ ты, Власе, не нанався до насъ, якъ тебе хотили нанаты?

Власъ. Нанався—продався, а я соби цины не складу, та ще не такъ соби, якъ своій воли.

Олеся. Не любышь, щобъ тобою хто орудувавъ?

Власъ. Безъ того не можна. А тилько якъ не по правди оруднують, то краще здохнути зъ голоду.

Олеся. То бѣ то у насъ не по правди оруднують?

Власъ. Скажете, по правди?

Олеся. Чымъ же не по правди?

Власъ. Общытують, выщытують ни за вищо штрафы, на харчи сутугы... Дывитця, дывитця: ондечкы у васъ поворушыла.

Олеся (*помовчала*). Мало чого не плетуть. Нанявся бѣ самъ, то й довидався бѣ, чы й справди у насъ не по правди оруднують.

Власъ. Не наймусь! У мене скажена натура: докору, або косого погляду—не стерплю; роботою хто попрекнувъ бы, перрвався бѣ!...

Олеся (*помовчала*). Я не разъ чую, якъ ты выспивуешъ у ночи; я твій голось зразу пизнаю. Кого ты приспивуешъ?

Власъ. Самого себе. Часомъ не спытця, ну й почнешъ думаты и самъ не зчуется, якъ на умъ сплыне яка-небудь псня.

Олеся. А про вищо жѣ ты думаешъ?

Власъ. Про вищо... Мало про вищо!

Олеся. Може про те, що хату треба поправыты, повитку нову постановыты?..

Власъ. Стоить обѣ тимъ думаты! Абы достаткы, то можна не то що поправыты хату, а й нову постановыты. А докы нема достаткывъ—сыдитымемъ и въ продраний. Надъ чымъ же тутъ думаты?

Олеся. Тебе що инче може цыкавыть?

Власъ. А, мабуть, инче... А вамъ що до того?

Олеся. А хйба не можна спытаты?

Власъ. Чому не можна?.. (*Помовчавъ*). О, чуєте, у калыни технувъ соловейко!... Ухъ, и залываетця жѣ винъ здорово на зори.

Олеся. Ты любышь слухаты его спывъ?

Власъ. Хто жѣ не любыть? То мій товарищъ. Часомъ у ночи пиду зъ вьятирямы по рыбу, все село покотомъ спыть, ни де ни гомону не чутъ, ни свитла не выдко, тилько винъ, та я переспивуемося соби, ажъ луна йде!..

Олеся. Чы не закоханный ты?

Власъ. А хйба це погано? Ондечкы у васъ потягнула. Ов—ва! Та вы такъ ни одній рыбыны не вловыте.

Олеся (*вытяга рыбу*). А що, не вловыла? (*Здйма*). У кого жѣ ты закоханный?

Власъ. Кохання, по вашому, така ничемныця, що вынявъ зъ души, якъ гроши зъ кешени, та й поклавъ на долони? Якъ вы лохко на це дило дывытесь.

Я В А VII.

Ти жѣ и Павло.

Павло (*гукае зъ саду*). Олександро Киандратовно!

Олеся. А чого тамъ?

Павло (*биля хайрткы*). Идить чаю пыты!

Олеся. Заразъ иду!

Павло. Такъ, такъ... Воно якъ разъ до речи сыдаты поручъ зъ мужыкомъ, та ще й на свыти. Отамъ изъ свыты що-небудь поналазе, та й будете тоди скаржытысь: „ахъ, Павелъ Семеновичъ, што его меня кусаетъ?“

Власъ. А, здрастуйте, господинъ, скородынъ, по прозванію Лепешкинъ.

Павло. Мовчы, дура, не зѣ тобою говорять. (*Пишовъ*).

Власъ (*до Олеси*). Ото наймытъ самый порадошный. (*Пидиймаецця*). Що жѣ, мабуть, и справди пора вамъ чай пыты, а намъ вечерята.

Олеся. А я все збираюсь у гости до твоей матери.

Власъ. Довго збираетесь у гости. Скажить, колы прійдете, я рыбы наловлю, пошануемо васъ, якъ слидъ.

Олеся. На сподиваного гостя багато треба, прійду, колы здумаяу.

Власъ. Дайте мени яку книжку прочитати.

Олеся. Хиба вже наракуешъ?

Власъ. Та вже одну книжку замучывъ.

Олеся. Ачъ якый! А чому жъ, якъ я колысь радыла тоби вчытысь чытати, ты видновивъ: „цуръ ему!..“

Власъ. Видповивъ, а пился того заразъ такы й принявся.

Олеся. Хто жъ тебе навчывъ?

Власъ. Тутъ салдатыкъ вчывъ мого малого брата, а я послухавъ скільки разивъ, а потимъ вже самъ зъ себе домадыкувавъся.

Олеся. А я хотила сама тебе вчыты.

Власъ. Отъ, стоять того дила.

Олеся. Такъ я принесу тоби книжокъ. Прощай! *(Пишла, а потимъ вертається)*. Сегодня у ночи спиватынешъ?

Власъ. Хто его зна!

Олеся. Я выйду послухаты.

Власъ. А якъ не спиватыметця?

Олеся. Що жъ, якъ ни, то й ни. Слухай, Влаسه, чомъ ты у мистечко до ликаря не пидешъ, скільки разивъ я тоби радыла? Марніешъ ты що-дня.

Власъ. Бабы кажуть, що то подвій... А, мабуть, треба буде до ликаря кынутця... Иноди у грудяхъ такъ стысне, що хочъ калавуръ крычы.

Олеся. Отъ бачышь; не жаліешъ ты себе, Влаسه! Бувай здоровъ! *(Пишла)*.

Власъ. Якъ лехко полетила, неначе перына. *(Махнувъ рукою)*. Богъ зъ нею!... *(Зновъ зыркнувъ у слидъ Олеся)*. Мабуть, тебе маты у любыстку купала.. Якъ змалевана! *(Зитхнувъ)*. Хтось щасливый буде... *(Дывытця на вудку)*. О, клюнула! Колы не красноперка, то ракъ. *(Глянувъ на садъ)*. Не

видко вже. *(Зновъ до вудкы)*. Ну, ну смыкны, смыкны ще разъ! Ну, ще!.. *(Зновъ поглянувъ на садъ)*. Наврядъ чы выйдешъ пилню слухаты, абы поморочыты — хытра!.. *(Зитхнувъ)*. Та байдуже! *(До вудкы)*. А, щобъ тебе сипало! Ой, будешъ у ющи! *(Вытяга)*. А що? *(Здійма рыбу)*. Такъ и е, шо красноперка.

Голосъ за лаштункамы: „Власе, гайда! Чуешъ, ты, запареный!..“

Власъ. Мовчы, бисивъ глевтякъ, тутъ саме рослювалася. *(Глянувъ у гору)*. Справди вже пизно, поплавци ледве маёрять. *(Збира вудкы и иде тыхо спиваючи)*:

Ой, ты, дивчыно,
Горда та пышна,
Ой, колы бъ же ты, серденько,
Та за мене выйшла...

Я В А V I I I.

Киндратъ Антоновичъ *(хутко иде)*. Ніякъ не видкараскаюсь видъ Леоньда Петровыча: пий въ одну душу зъ нымъ, та и годи! Десь роздобувъ грошенятъ и понакуповувавъ: вынъ, налывокъ, горилокъ... Теперь всю двирню частуе — разореніе зъ нымъ! *(Чутно спивъ)*.

Я В А I X.

Киндратъ Антоновичъ и Горпына.

Горпына *(иде зъ видрамы и тыхо спива)*.

И по той бикъ гора,
И по цей бикъ гора,
Промежъ тымы крутымы горами
Зходыла зоря.

Ой то жъ не зоря,
То дивчына моя
Чорная, чернобровая,
Галочка моя.

А я за нею,
Якъ за зорею,
Чыстымъ полемъ, воронимъ конемъ,
По надъ Дунаемъ...

Киндратъ Антоновичъ (*пидходе*).
Якый у тебе чудовый голосокъ.

Горпына. Зновъ притепался? Ну, й чого вамъ видъ мене треба?

Киндратъ Антоновичъ. Хотивъ тоби сказати, що твоя маты оце зновъ прыходыла.

Горпына. Я бачыла.

Киндратъ Антоновичъ. Зновъ прохала позычты: борошна, оліи, пшеона, картопли...

Горпына. Та знаю. (*Зитхнула*).
Довы джидуть до нового хлиба, чысто попухнуть зъ голоду. А казала ще зъ осены: не продавайте, мамо, усега хлиба, зоставте про запасъ... Такъ ни, не послухалы — „на податкы, кажутъ, треба!“
Добри податкы, що що-недили, що-свято зъ шыньку и не вылазять.

Киндратъ Антоновичъ. А тоби жалъ матери?

Горпына. Хиба я яка тварюка нечувственна?

Киндратъ Антоновичъ. А малыхъ бративъ та сестеръ тежъ жалъ?

Горпына. О, Господы, ще й допытуютъ, неначе въ сердце шпыгають! (*Утира слезы*).

Киндратъ Антоновичъ. Отъ за те, що ты такъ жалуешъ свою неню и малыхъ бративъ та сестеръ, я дамъ твой матери: борошна, пшеона, картопли... Усега дамъ!

Горпына. А потимъ вдвое видвернете?

Киндратъ Антоновичъ. Даромъ дамъ, чуешъ, не въ позыку, а даромъ. Онъ якый я! А все за те, що ты почитуешъ свою матиръ. Скажи тилько, чого тоби треба, все дамъ. Прийды заразъ писля вечери до бани, тамъ побалакаемо...

Усега дамъ твой нени!.. (*Горпына мовчыть*).

Я В А Х.

Ти жъ и Олеся.

Олеся (*надходячы до хвиртки*).
А то хто балака? (*Прыдывляеця*).

Киндратъ Антоновичъ. Прийдешъ?
Горпына. Я боюсь.

Киндратъ Антоновичъ. Чого жъ ты, серденько, боишься?

Олеся. Лыбонъ таткивъ голосъ?

Киндратъ Антоновичъ. Чого жъ боишься? (*Обійма ю*).

Горпына. Страшно!..

Киндратъ Антоновичъ. Ото страшно? Хиба я звирь якый? Адже ось тутъ стоишь зо мною, чого жъ тамъ страшно? Отакъ же точнисенько и тамъ постоянно; тилько що тамъ никто не постереже, а тутъ не безпешно. (*Цилуе ю*).

Олеся. Що я чую?!

Горпына. Не цилуйте мене, не хочю! (*Вырываеця*).

Киндратъ Антоновичъ. Прийдешъ?

Горпына. У васъ щось гыдко на думци?

Киндратъ Антоновичъ. Що жъ може буты гыдке? Ей-ей ни! Прийдешъ, моя пташечко?

Горпына. Не знаю.

Киндратъ Антоновичъ. Пожалій свою неню, прийдешъ, усега дамъ!.. Мени, бачъ, така дурныця запала въ голову, щобъ ты небезприменно прыйшла до бани — розуміешъ? Пожалій своихъ малыхъ бративъ та сестеръ. Прийдешъ?

Горпына. Може.

Киндратъ Антоновичъ. Зновъ обманешъ?

Горпына. Ни!

Киндратъ Антоновичъ. Дождаты?
Скажи жъ, моя квиточко?

Горпына. Годи вже...

Голосъ Лукерьи Степановны. А де вы, Киандратъ Антоновичъ? Пожалуйте, чогось старшына зъ пьсаремъ прыйхалы.

Киандратъ Антоновичъ. Отъ чортяка принесла! Ну, та я ихъ скоро спровадю... Я жъ дожыдатыму. Поцилуй мене.

Горпына (*видыха ёго*). Гетьте бо! Ондечкы хазяйка наблыжаютця. (*Почына набираты воду*).

Киандратъ Антоновичъ. Вона сюды по захидъ сонця не прыйде: я ии наполохавъ, що тутъ разъ-у-разъ по захидъ сонця мавкы зъявляютьця, а проты бани водяныкъ бовтаетця. Прыйдешъ? (*Горпына мотнула, винз хутко пишовз, пидз нисз мымряючы*.)

Ой и йихавъ панъ Лебеденко,

Та изъ млына изъ мукою,

Гей, зустрічають ёго гайдамакы

Въ темнимъ лузи надъ рикою...

Горпына (*сама собі*). Що жъ, винъ каже, що тилько поцилуе. Нехай собі цилуе, абы позычивъ матери борошна. (*Набравшы видра, йде*).

Олеся (*стала насупротывз неи*). Горпыно!

Горпына. Ой, Боже мій! (*Закрываетьце долонею*).

Олеся. Горпыно! Я ненарокомъ пидслухала... Мени соромно за мого батька... Тилько де жъ и твій соромъ, дивчыно?

Горпына. Я не вычувата... Чепляютьця що, разу...

Олеся. Такъ ты пидешъ до бани?

Горпына. Ой, соромъ!.. (*Почына плакаты*). Простить мене—Олесю голубочку!..

Олеся. Горпыно, я, чымъ зможу, матери твоій допоможу.

Горпына. Не треба, не треба!.. У мене е одежнына: кохта на вати, нови черевыкы, дви спыдныци, два хвартухы, чотыри разкы доброго намыста—виднесу завтра у мистечко, продамъ якому жыдови. Спасыби вамъ, голубонько, що вызволылы мене видъ напасты!.. Оце бъ натворыла сорому... Ой, Боженьку мылосердній! (*Хутко пишла, ховаючы очи*).

Олеся. Що жъ це таке? Такъ тому правда, про вищо мама, въ сердцахъ, не разъ обмовлялысь? Ось черезъ що вона мовъ непрыкаяна, заполохана, забыта!.. Охъ, бидна жъ, бидна моя мамочка! (*Почына плакаты*).

(*Власз спива за лаштункамы, Олеся йде до хвиртки, схыляетьця на плитз и такз зостаетьця до кинця дии*).

Выряжала маты сына

Та й на косовыцю,

Розчесала чорни кудри

Та й на потылицю.

Я жъ думала, мій сыночку,

Що будешъ косыты,

А ты кынувъ косу въ росу

Та й ставъ голосыты.

Ой, колы бъ ты, маты, знала,

Яка мени вада,

То ты бъ мене ожыла,

Щобъ була порада.

(З а в и с а).

Д І Я ІІІ.

Кімната зъ трема дверьма, вбрана, якъ у полупанквѣ. На вѣкнахъ, у горшкахъ, квитѣхъ и цибуля; на стѣнахъ промѣжъ олеограхвычныхъ малюнкамъ е й лубочки; рядомъ зъ дываномъ стоить скрыня и т. д.

Я В А І.

Лукерія Степановна и Олеся.

Лукерія Степановна, сядячы край столу, допивае чай, зъ ливыхъ дверей выходить Олеся.

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Куды це зновъ зібралася? Якъ тилько ранокъ настане, заразъ и повіеся.

Олеся. А чога я въ хати сидитуму?

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Чы приходытця жъ у будень вѣштатысь зъ ранку до вечора—колы не била ричкы, то десь по стѣну, або по селу?..

Олеся. Мабуть, приходытця, колы вѣштаюсь.

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Хиба ты непрыкаяна яка, чы серце ще й досы не одійшло?

Олеся. Знаете, яка я.

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Та знаю жъ, якъ не знаты; прышелѣувата.

Олеся. Вгадады, якъ у око влипылы; отаке жъ у мене и серце. *(Хоче йты).*

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Таки пидешъ? Не можна вже била матери и посядиты, промовыты яке тамъ словце, неначе вона тоби чужа!

Олеся. Мамочко, голубочко! Вы у мой розмови завжды вбачаете якусь соби зневагу, и горенько жъ мое, що не знайду я ни одного такого слова, котре бъ васъ не вражало; а чымъ бы я тилько не поступылася, щобъ васъ заспокоиты?

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Знайшла бъ таке слово, колы бъ захотила.

Олеся. И, Боже мій! Та я й не знаю, якъ бы бажала того...

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Все ты казна що варнякаешъ. Осъ хочъ и заразъ: я

охоча зъ тобою розмовляты якъ налюбощъ, а ты втикаешъ зъ хаты.

Олеся. Якъ же мы балакатымемъ, що мои переконання завжды идуць пбперекъ зъ вашымы, и я не можу таяты свого погляду, а выявляю его голосно; а видциля промѣжъ насъ що-разу и непорозуминне?

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Та, годи бо, годи! Зновъ по вчорашнему заляскотала! Якъ забалакаешъ отакъ кучеряво, то заразъ мени голова почына морочытсы. И якъ у тебе языкъ той повертаеця.

Олеся. Не багато жъ, мабуть, и сегодня мы набалакаемо. *(Помовчала).* Весела розмова. *(Ще помовчала).* И вы мовчыте, и я мовчу. *(Сміється).* „Бувъ соби чоловикъ Сашка, на нему була синя семе-ряжка, на голови шапочка, на спыни латочка, чы хороша моя казочка?“

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Отъ и розвѣсѣлылась. Уси оци дни ходышь насуплена, ажъ жалко на тебе дывытсы. О, зновъ задумалася; чаю хочешъ?

Олеся. Ни, байдуже. *(Сіда).*

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Ты чаю не любышь, а я, Господы, якъ цей напытокъ вхвалыла; особливо люблю его пыты у пыть та ще зъ озюмомъ, здаеця, цылисенькый бы день пыла. А чула, ще е й таки, що пють зъ яблукомъ, або зъ палцыною... Треба буде покуштуваты, може зъ яблукомъ, чы зъ палцыною ще смачнищъ?

Олеся. Покуштуйте, може и смачнищъ. Налыть вамъ може чаю?

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Налый. Отъ розумныця! *(Олеся налива чай).* Якъ захочешъ догодыты матери, то й замиръ ии вгадаешъ: я тилько що хотила про-

стягты руку до чайныка, щобъ налыты, а ты й попередыла мою думку! Ажъ сердце зъ радощивъ сполохнуло. (*Почына хлытаты*).

Олеся. Чого жъ плакаты?

Лукерія Степановна (*вытира очи*). Такъ соби... Не вважай на те. Иноди щось якъ здавить за сердце, якъ стисне, то я такъ и обиллюсь слезами... А видъ чого воно, то и Богъ его святой знае! Отъ вже и полехчало.

Олеся (*подае чай*). Хочъ бы мени яке дило знайти.

Лукерія Степановна. Та хйба жъ мало у насъ дила?

Олеся. Якого? Кружки змываты зъ капусты та зъ бурякивъ, муку сіять, масло бити?.. А ваши наймычкы шо робытмуть, якъ я ихню всю роботу визьму на себе? Та работа мене не цикавить, бо я ии ще зъ малку знала и, колы треба буде—робытму.

Лукерія Степановна. А якои жъ тоби ще роботы?

Олеся. Новои. Така вже въ мене, мамо, якъ бачыте, незупынна натура, шо про все, на вищо не гляну, хотила бъ дызнатись: видкиля воно взялося, за для чого и на вищо?.. Учытись хочу!

Лукерія Степановна. Колысь и мене ци прымхы цикавылы; але за клопотамы замуrowалося все те въ паморокахъ и забайдужылося.

Олеся. Може згодомъ и я дйду до байдужого, тоди и думкы заснуть. (*Помовчала*). Колы бъ булы не видавали мене до школы, то, лыбонь, всимъ намъ краше жылося бъ. Я у писть сметану збирала бъ зъ гладущыкывъ, та крадькома ложку облызувала; а потимъ сила бъ соби передъ дзеркаломъ, гадала бъ на картахъ, та выколювала бъ шпылкою очи червоному королеви, або пекла бъ его у сердце, та все выглядала бъ жывыхывъ. (*Регоче*). Смаковыте бъ було жыття!

Вы тишылыся бъ покирливою дыткою, котра вамъ у поперекъ слова не промове...

Лукерія Степановна. Куды це ты звертаешъ, куды?

Олеся. Батько виддали бъ мене замижъ, за кого захотылы. А теперь хочъ и не багато насъ, тилько трое, але вси мы цышлы нарызнь.

Лукерія Степановна. Вже й нарызнь.

Олеся. Скажете: ни? А вже жъ, шо нарызнь. Я, ледве розвднытця, бижу хутчй зъ хаты и не знаю, куды подытись зъ нуднымы думкамы; вй гнивается, чомъ не допомагаю вамъ курей шупаты, обо гындычокъ пидсыпаты... Батько...

Лукерія Степановна. Шо батько? Чого жъ ты махнула рукою?

Олеся. Знаете добре, чого.

Лукерія Степановна. Скажы спасыби, шо ще не выбывъ! Другый такъ бы выхворостывъ тебе на вси боки, шо й до новыхъ выныкывъ не забула бъ. Якъ же ты посмила сказаты батькови въ вичи, шо винъ не честно поведытця зъ Левоньдомъ Петровычемъ?

Олеся. Якъ у момъ розумови склалыся переконання, такъ я ихъ и выявила. Сами батько колысь повчали мене правду казаты? Було кажуть: „хлебъ-силъ йижъ, а правду рижъ!“

Лукерія Степановна. Мало яки иноди думкы не морочать паморокивъ, а попробуй потураты имъ, зостанесся и гола и боса. Ты думаешъ, шо й у мене сердце не щемытъ, якъ гляну на людыну, котра и гола и голодна? Щемытъ, беда, якъ щемытъ! Иноди зкортытъ мене и допомогты ему; я раптомъ и кынуся допомогты, а потимъ подумаю: а може то такъ Богови завгодно, щобъ та людына злыдни годувала? Нихто, якъ Богъ! Розуміешъ?

Олеся. Найкращый способъ видъ усеого затулятыся Богомъ. Попрохавъ старецъ шматокъ хлеба—„Богъ дастъ!“ Приму-

силы чоловіка злыдни до наглої смерты— „такъ Богу завгодно!“

Лукерія Степановна. А то жь якъ?

Олеся. Не такъ слидъ. (*Помовчала*). Першь було, якъ тилько де промежь людьмы скоитця яка суперека, заразь батько и пытають: „а якъ ты думаешъ, донечко, про се дило?“ Я було скажу имъ свою думку, а вони й додадуть: „отакъ же точнисенко и я миркувавъ!“ И разъ-у-разъ згоджувалысь зъ моимъ переконаннямъ. А теперь, якъ довелось те переконання прывивнять до власной кешени, до власной шкуры, то вже я и сяка и така, и скажена, и дурна?.. „Геть, кажуть, зъ хаты! Наплювать мени на твое переконання!“

Лукерія Степановна. Та годи вже про це, — батько, мабуть, вже й забувъ.

Олеся. Та я не забула.

Лукерія Степановна (*помовчала*). Чула, якый зновъ гармыдеръ бувъ у ночи, въ кимнати Левоньда Петровыча?

Олеся. Байдуже, я спала.

Лукерія Степановна. Добре спала, що цилисеньку ничъ все охала, та щось шепотила.

Олеся. То я у снї.

Лукерія Степановна. Эге, якъ разъ у снї. Знаю я добре, що не у снї. И якый чоловікъ достойный, и гости наиздать все достойни люде; — а якъ понапываютьца, то ще гиришь скажоніють, якъ мужыкы! Цилисеньку ничъ пылы, лаялысь, за шаблі хапалысь!..

Олеся. А нехай соби.

Лукерія Степановна. Може то у Левоньда сердце такъ бунтуе? Слухай, доню, може винъ и справди тебе любе?

Олеся. А я его не люблю!

Лукерія Степановна. А батько якъ хотивъ, щобъ ты выйшла замижъ за Левоньда Петровыча, на нему и чынъ не малый: поручныкъ!

Олеся. И — Господы! Чоловикъ сказавъ зъ пьяну; а вы зъ батькомъ и ради мене виддаты? Ему гроши потрібни, а не я? На вищо я ему?

Лукерія Степановна. И чымъ винъ тоби не до мысли? А мени до мысли. Батько каже: „я его скоро прысмыривъ бы, ще й хазяина зъ него зробивъ бы на вдывовыжу всимъ! Винъ, каже, трохи рознуздався, а ще зъ него можна зробыты людьну!“

Олеся (*встает*). Пиду вже я.

Лукерія Степановна. Була бъ дворянкою, поручныцею!.. Осъ послухай, Олеся, що мени прыверзлось у снї.

Олеся. Що таке?

Лукерія Степановна. Осъ змизкуй, проты чого воно. Уже саме передъ — свитомъ прокынулась я, ажъ дывлюсь, — ще темно, а за стиною галась, гвалтъ... Сюды туды вертилася, — ніякъ не могу заснуты. Дали и не стамылися, якъ задримала — и осъ що прыверзлось мени. — Нибы Левоньдъ Петровычъ оженився на тоби, и жывете вы промежь себе такъ любо та хороше; жывете у Петербурзи, и я у васъ гостю.

Я В А II.

Ти жь и Киндратъ Антоновичъ.

Киндратъ Антоновичъ (*подає папиръ Олеся*). На, прочытай.

Олеся. Що це таке?

Киндратъ Антоновичъ. А те, що я зъ тобою не зговорю, ты завжды забываешъ мени бакы; такъ оце я списавъ усе, якъ умивъ. Прочытай, то може хочъ тоди втямышь, яку гирку выпивъ твій батько на своимъ вику; та тоди вже и докорятынешъ его мошенныка, падлеця!

Олеся (*передивляе папиръ*). Я васъ не докоряла.

Киндратъ Антоновичъ. Прочытай, кажу, та тоди вже й вынурвать батька. Стара, палый мени чаю.

Лукерія Степановна. Вы зъ озюмомъ пытнете?

Киндратъ Антоновичъ. А, уырайся ты зъ своимъ химерамъ. Хтось тамъ бовкнувъ, що грихъ у писть пыты чай зъ сахаремъ, а ты вже й рада вытребенькуваты.

Лукерія Степановна. Кажуть, що сахаръ зъ кистокъ, а кисткы жъ скоромни.

Киндратъ Антоновичъ. Чого не тямышъ, про те не сикайся миркуваты, бо я того ненавижду. (*П'є чай*). Що жъ, ты чытатынешъ?

Олеся (*чытае*). На вищо? Все, що тутъ спысано, я вже чула видъ васъ не разъ. Що отецъ Леоныда Петровыча бувъ лютый чоловікъ, злый, це я знаю. Знаю я, що винъ поневирався надъ вами, знущався... Та не вси жъ таки й паны. Въ семби не безъ выродка.

Киндратъ Антоновичъ. Ага, то теперъ, колы я здобувъ пидъ старість шматокъ хлиба и закутокъ, то мушу все те виддаты сынови его; такъ выходыть по твоему?

Олеся. Я тилько казала вамъ, що не слидъ корыстуватись чужымъ нещастямъ. Земля стоить, сами кажете, вдвое бильшь того, за скільки вона вамъ дисталася.

Киндратъ Антоновичъ. Ну?

Олеся. Ну, и слидъ чуже виддаты.

Киндратъ Антоновичъ. Ты все такы свое правышь?

Олеся. Завжды вы повчали мене казаты такъ, якъ мени моя совість проказуе.

Киндратъ Антоновичъ. Совість? Геть зъ очей зъ своєю совістю!.. (*Вырыва папиръ и жбурля на землю*).

Олеся. Визьмитъ за косы мене, та кулакомъ по голови, може швидчъ прымусите засунуты голову у петлю! (*Хутко гишла*).

Киндратъ Антоновичъ (*зв лякомъ*). Що—о? Нехай мене Богъ боронить! Що вона такъ сказала, ты чула? (*Бижыть*

до двррей). Олесю, вернись! Що це вона? Пиды до неи! Що це вона задумала?

Лукерія Степановна. Стовпотвореніе якесь та й тилько. (*Гишла хутко*).

Киндратъ Антоновичъ. Що жъ це таке коитця? То це бъ то я мушу виддаты те, що кровью та потомъ увесь вискъ здобувавъ? За вищо? Зъ якои речи? Не дамъ, ни карбованця, ни шеляга не дамъ!.. Школярскы прописы и я колысь чытавъ: „последнимъ подѣлись съ ближнимъ. Будь доволенъ малымъ и будешъ ты богатъ.“ Чытавъ и заповиди: „Не пожелай жены ближняго твоего, ни вола его, ни осла, ни всякого скота“... А чы багато такыхъ на свити, котри бъ того не пожелалы? Э, ни, доню, такъ воно не але! Иды замижъ за Леоныда Петровыча, тоди дамъ ёму половыну именія, потому що онука мои будуть дворяне! Та й я била такого зятя мавъ бы пидвышчення и почытування; а Леоныда я прыбравъ бы до рукъ и заставывъ бы ёго дослужытись ажъ до полковныка!..

Я В А III.

Киндратъ Антоновичъ и Леонидъ Петровычъ.

Леонидъ Петровычъ (*входе зъ правого боку пидпылый зъ шаблею вз руки*). Что это ты вздумалъ со мной продѣлывать?

Киндратъ Антоновичъ. А що таке? Леонидъ Петровычъ. Ты приказалъ въ мои комнаты внести боченокъ съ дегтемъ и ещо тамъ какой-то хламъ?

Киндратъ Антоновичъ. Потому якъ вамъ завгодно, а дали такъ не приходитця: вже вси сусиды тюкають на мене, що я вамъ потураю; вся округа зъ мене глузуе, що ніякъ не выкурю васъ зъ хаты. Помылуйте! Це жъ такы прямо божеське наказаніе. Мы люде робочи,

труждаючи—за́ день нато́мьмо́сь, що́ й кистокъ не чуемо; въ ночи треба спочыты, бо якъ на свить поблагословытця, зновъ Господы благословы до пради, а замисць зпочывку мусьмо слухаты, якъ вы зь своимы гостями цилисеньку ничъ бенъкетуете та хокусы прыставляете? Гармыдеръ та галась такый заводите, що́ прямо хочъ зь двору втикай!..

Леонидъ Петровычъ. Гости ужъ разбѣхались, чего жъ тебѣ еще?

Киндратъ Антоновычъ. Мабуть, намъ такы не обмынуты неприя́тностейъ.

Леонидъ Петровычъ. Ты мнѣ не угрожай. Продамъ мебель и уѣду!

Киндратъ Антоновычъ. Якъ окопажи продавали, то й тоди казали: „за-разъ уиду!“ а замисць того, програли гроши...

Леонидъ Петровычъ. Это не твое дѣло!

Киндратъ Антоновычъ. Тошно, що́ не мое дило, а тилько хата це моя.

Леонидъ Петровычъ. Такъ ты вотъ какъ началъ разговаривать?

Киндратъ Антоновычъ. А якъ же зь вами розговорювать?

Леонидъ Петровычъ. Превосходно! Купи у меня мебель и всю обстановку, и я тотчасъ уѣду.

Киндратъ Антоновычъ. Небель ва-ша мени безъ надобности.

Леонидъ Петровычъ. Ну, такъ при-ищи покупателей. Впрочемъ, я уже посылалъ за жидами, и они сегодня явятся. *(Крычитъ)*. Эй, Лѣвка!

Киндратъ Антоновычъ. Що́ це вы хочете?

Леонидъ Петровычъ. А вотъ по-смотришь!

Я В А І V.

Ти жъ и Лѣвка.

Лѣвка. Требовали?

Леонидъ Петровычъ. Перенеси сюда вино и стаканы. Сколько у насъ еще тамъ бутылокъ осталось?

Лѣвка. Двѣ бѣлаго и двѣ краснаго.

Леонидъ Петровычъ. Тащи ихъ всѣ сюды!

Лѣвка. Слушаю! *(Пишовъ)*.

Леонидъ Петровычъ. Я больше ни ногой въ тѣ комнаты, гдѣ ты дѣготъ велѣлъ поставить да хомуты сложить...

Киндратъ Антоновычъ. Не знаю, чого вамъ такъ не подобаетця дѣготъ?

Леонидъ Петровычъ. Нюхай самъ, когда онъ тебѣ нравится.

Киндратъ Антоновычъ. Кажуть, що́ теперъ дохтури дѣгтемъ личать людей, а вамъ дѣготъ не наравытця. А я вчора, передъ обиднею, за васъ на часточку подававъ „о здравіи.“

Леонидъ Петровычъ *(регоче)*. Да? Спасибо! Я постараюсь быть здоровымъ!.. *(Вдывляється у ви́кно)*. „Прощайте вы, поля родныя, ты, степь привольная, прости!“ Чье это стихотвореніе, ты не помнишь?

Киндратъ Антоновычъ. Намъ не время такими пустяками заниматьця.

Леонидъ Петровычъ. Да, всё на свѣтѣ пустяки, кромѣ рубля.

Киндратъ Антоновычъ. Ни, не все!

Леонидъ Петровычъ *(слушаючи)*. Подъ этимъ роскошнымъ клѣномъ какъ часто въ дѣтствѣ я игрывалъ; помню, юношей всегда любилъ понѣжиться въ его прохладной тѣни, вдыхать аромать душистыхъ вѣтвей и уноситься въ за-облачный міръ, въ міръ фантазій и грезъ. Роскошный клѣнъ,—не правда ли?

Лѣвка *(вносе вино въ пляшкахъ на пидноси и стаканы)*. Баринъ, вино принесь!

Леонидъ Петровычъ. Хорошо, ступай! *(Лѣвка пишовъ)*.

Киндратъ Антоновычъ. Довго вже винъ и роскоше, цей клѣнъ. Ловка буде зъ нѣго соха въ кошару.

Леонидъ Петровичъ (*выпивъ стаканъ вина*). Что-о? Ты срубишь его?

Киндратъ Антоновичъ. А доки жь ёму й росты?

Леонидъ Петровичъ. Ты испортишь чудный видъ, дивный ландшафтъ!..

Киндратъ Антоновичъ. Де-яки люде и доси прыгадуютъ ландшахты, якъ бывало покійни батюшка ваши, царство имъ небесне, вичный покій ихъ душечци, захочуть кого зъ мужыкивь выхворостыты, то заразъ видчинять оце саме виконце та й гукають на отамана: „а веды ёго, шельму, суды, пидь оцей ландшахть, разложы ёго пидь оцимъ влѣномъ, у холодку, щобъ сонце ёго не препикало, та всыпъ пятьдесятъ гарячихъ.“ Заразъ розчепирять и почнуть стебать...

Я В А В.

Ти жь и Павло.

Павло. Хазяинь! Тамъ чабанъ прийшовъ, щобъ тютюну продалы. Каже: „ще вчора докурывся до щетну; така, каже, братухо, нудьга обгорнула, що мало не здуривъ.“

Киндратъ Антоновичъ. Почавъ вже розмазувати.

Павло. Я жь тилько кажу, що чоловікъ бидкаеця, каже: „повирышь, братухо, таки думкы въ голову лизуть.“

Киндратъ Антоновичъ. Ну, годи, годи!

Павло. Дывына! Було покійни барынь, Петро Рыгоровичъ, такъ вони требуютъ, щобъ усе имъ товкомъ розказавъ; а тутъ не вспіешъ рота роззявить... Дожылись... (*Пишовъ, махнувшы рукою*).

Леонидъ Петровичъ. Вотъ каковъ ты, Кондратъ. Я недавно только узналъ, что у тебя работникъ цѣликомъ въ рукахъ, ты имѣешь для него: и табакъ, и холстъ, и сапожный товаръ, и чай, и

водку—и на всемъ наживаешь барыши? Самъ торговецъ, кабатчикъ, помѣщикъ и всё самъ—безподобно!

Киндратъ Антоновичъ. Це правда, я все самъ.

Леонидъ Петровичъ. И всё для себя одного и ни для кого ничего?

Киндратъ Антоновичъ. На що жь я другому дамъ, коли й самъ можу управытысь?

Леонидъ Петровичъ. Справедливо. И самъ всё пожрѣшь!

Киндратъ Антоновичъ. Якъ то самъ? Оцѣго то вже я и не розберу?! Вы може думаете, що я, якъ други: шахеръ-махеръ? Ни, у мене и патентъ е, и промыслове свидѣтельство.

Леонидъ Петровичъ. Всё на законномъ основаніи.

Киндратъ Антоновичъ. Такой вже у мене статутъ: видъ закону я а ни на ступинь. Отъ же вы, лыбонь, глузуете зъ мене?

Леонидъ Петровичъ. Напротивъ, я удивляюсь разносторонности твоихъ талантовъ.

Киндратъ Антоновичъ. А прыдывитця вы до цѣго дила зъ ничого боку, не засміетесь. Мужыкови ничого бильшь не треба, щобъ ёму тилько тютюнь, полотно, ремень, а у свято пивкварты—винъ и задоволенный. Я оце недавно завивъ моду, щобъ робочи пылы кырпычний чай. Мужыкъ якъ нажлутытыця цѣго чаю, якъ розицре ёму жывить, то ёму й горюшка мало, тилько знай обдуваетця та посвистуе. И за обидомъ вже винъ зовсимъ меньчъ йистъ; а воно, якъ розмиркуешъ, такъ и выходытъ роцотъ.

Леонидъ Петровичъ. Разумѣтса. Какъ тутъ не нажитьса?

Киндратъ Антоновичъ. Теперечкы выпысую газету „Свѣтъ.“ Зъ неи я все бачу, що у мыру коитця, и годи зъ мене науки, и не треба мени бильшь ніякихъ

кныжокъ, та й николи мени ихъ чытаты.—Я не знаю, на вищо такъ багато кныжокъ пышуть. Якось у городи зайшовъ ненарокомъ у кныжву лавку, якъ глянувъ, такъ ажъ здывувався: усе кныжки, та й кныжки! Прочытавши „Свѣтъ“, я продаю ёго на цыгаркы робочымъ по копійци за лысть; отъ та газета мени неначе и даромъ обиходытця.

Леонидъ Петровычъ (*тымъ часомъ зновъ задывывся у вишко и, не слухаючи Киандрата, промовля*):

И широкую долину,
И высокую могилу,
И вечернюю годину,
И що слылось, говорылось,
Не забуду я...

Киандратъ Антоновычъ. Це, льбонь, списано у господиня Шевченка. У мене е така кныжка „Кобзарь.“ Господинъ Шевченко, вони тежъ зъ мужыкыивъ и потому дуже понятно описують и чувствительно; тилько иноди зразу якъ крутнуть у бикъ, або за хмары—облака... Забалакався зъ вами, а тамъ мене чабанъ дождыда. (*Пишовъ*).

Леонидъ Петровычъ. Какое-то не вѣдомое чувство овладѣло мной, когда я сталъ вглядываться въ эти рельефно выдѣляющіеся на фонѣ дальней синевы безмолвные курганы, просто не хочется глазъ оторвать, всё бы смотрѣлъ и смо-

трѣлъ... Какъ сжмается сердце при мысли, что всё это видишь въ послѣдній разъ... (*швидко видходытъ видъ вишна*). Какъ однако всё это глупо, очень глупо!... (*Почына ходытъ по хати и пидійма папиръ*). Что это? (*передывляеться*). А, что-то вродѣ біографіи. Да, да! Біографія Кондрата. (*Чыта*). Ужъ не мнѣ ли онъ её готовилъ въ презентъ? (*Кладѣ на стилъ*). И такъ, Олеся не захотѣла выйти за мѣня... И хорошо сдѣлала. Къ чему? Зачѣмъ? Поскорѣе отсюда куда-нибудь!

Я В А V I.

Леонидъ Петровычъ и Левка.

Левка. Тамъ жиды явились покупать мебель.

Леонидъ Петровычъ. И отлично. Пора намъ, Левка, отсюда уѣзжать, не ко двору мы здѣсь приплись.

Левка. Да-съ, страна необразованная. Не мѣсто намъ здѣсь!

Леонидъ Петровычъ. Не мѣсто? А гдѣ же мое-то мѣсто? А ты знаешь, гдѣ мое мѣсто?

Левка. Да гдѣ же-съ?

Леонидъ Петровычъ. Твое въ передней, потому что ты лакей, а мнѣ нѣтъ ужъ нигдѣ мѣста!.. (*Быстро уходытъ*).

(Зависа).

Д І Я І V.

КАРТИНА I.

Середына „Марыныной хаты“. Стилъ, лавы, пиль, образы, серныя и таке инче, якъ звычайно у хати незаможного врепака.

Я В А I.

Марына перемыва била порога лажкы; Галя колыше въ люльци дытмыну; на печи сидятъ два невеличкныхъ хлопчына.

Марына. Гляды жъ, доню, якъ прыйде Власъ, то выпешъ ему у мыску щербы

зъ галушокъ; скажешъ, що галушокъ не стало. Щерба ондочки, у печи. Нехай вызьме шматокъ хлеба, та дрибокъ солы, та й пообида. А я збигаю до кумы Гапки, позычу борошна, докы наше змелеться.

Галя. Чую, мамо.

Марына. Я не буду тамъ гаятысь. Часомъ Власъ прыйде и захоче зновъ куды питы, то скажы, що я звелила ему мене подождаты. Чуешъ? А вы, лобурякы, чого позлазылы ажъ на черинь? Геть на двирь! Идить лышь у поле, та нарвить бабокъ, какишу, козельцивъ... Та не поижте всихъ, а й до дому прынесить, и мы зъ Галею трохы посолоньцуемо. Ну, геть, швидче! А ну жъ, хутенько! Чуешъ ты, Андрію? Хведосе? Та высякай бо, капостна лычна, носа!.. А гадкый, а замазура!.. *(Хлопци злазять зъ печи и идуць лыныво зъ хаты)*. Знаю, знаю, чого мнетось. *(Дае по шматку хлиба)*. И колы вы натрискаетесь? *(Хлопци хутко побиглы)*.

Галя. Мамо! А якъ дытына прокынетця, мени можна буде питы за ворота?

Марына. Пидешъ. Та тилько не кыдай дытыны. Та не бый его, якъ плакатиме, заразы зробы ему соску. Та гляды мени, засны отамечкы бия колыскы, то я тебе засну. Взяла бъ пирьячко скубты, або вовну скупты. И сыдыть, скламшы ручки, неначе проты недили, або проты празныка. *(Дае їй сыто зъ пирьямъ)*. На! *(Пышла)*.

Галя. Якъ разъ стану я дерты пирья! *(Встала и пышла хутко у кутокъ)*. Краще зроблю ляльку зъ тихъ тряпочекъ, що мени барышня подарувалы. *(Взяла тряпочкы)*. Ось червоненька. Ой, яки жъ гарненьки!.. Це буде хвартушокъ. А зъ ціи сыней — кохта. *(Почына спиваты)*.

Ой на гори гречка,

Сыдыть зайчыкъ,

Винъ нижкамы чеберяе!

Ой, якъ бы я нижкы мала,

То бъ и я такъ чеберяла,

Якъ той зайчыкъ!..

Я В А II.

Входять Власъ.

Власъ. А де маты?

Галя. Пышлы до кумы Гапкы борошна позмычты. Будешъ обидаты?

Власъ. А що жъ тамъ е?

Галя. Щерба зъ галушокъ. Галушокъ було мало, мы вси поылы. Влыть щербы?

Власъ. Не треба! *(Здйма зъ полыци шматокъ хлиба, бере дрибокъ солы, ложку и мыску, у котру налива воды, и почына йисты)*.

Галя. Маты, Господы, якъ журятця, що ты все кудысь ходышь.

Власъ. Журятця? И дуже журятця?

Галя. А вже жъ дуже. Жалибныхъ писень спивають. И я одній вывчылась, така жалибна-жалибна. *(Почына тыхо спиваты)*.

Де ты, хмелю, зимувавъ,

Що й не розывався?

Де ты, сыну, почувавъ,

Що й не роззувався?..

Сегодня ажъ плакалы.

Власъ. Плакалы?.. И чого?.. Я Гарасимови вятыры лагодывъ: винъ прохавъ...

Галя. Колы бъ, кажуть, здужавъ, нехай бы вештався, де хоче; а то хворый. Замисыць того, щобъ полежаты, а винъ десь ходе.

Власъ. Зовсимъ я не хворый. И хто це напывъ матери, що я хворый? Певно яки-небудь бабы? Я здоровый, якъ быкъ, якъ утрое налыгачъ! Чого я лежатыму! А роботы хто за мене буде? А що я трохы кашляю, такъ це черезъ те, що простудывся... Простудывся, черезъ те теперъ и рыбы не хожу вудыты. И теперъ сыла вудивъ сыдыть по берези, а я дома. Сегодня, мабуть, такы не втерплю, заразы писля обиды визьму вудкы, та на вечерю ловкою рыбы упіймаю. День сегодня чудовый, тихый... Такъ, кажешъ, маты плачуть?

Галя. Плачуть.

Власъ. Бачъ, якъ маты за нами бидкаютця, а отъ ты матери не слухаешъ. Певно маты велилы тоби що-небудь ро-

быты, а ты у лялекъ сила граты? Ты бѣ подумала, що насъ скілько, а маты одни, вони за всима нами пеклуютця. Покинь ляльки та прыймайсь за роботу.

Галя (*наступылась*). Що-дня тилько робы, все робы...

Власъ. А хто жѣ на насъ робытыме, якъ не мы сами? Батько померлы, а насъ на матирь zostалося п'ятеро, мы зѣ тобою старши, то й мусимо и матери допомагаты, и на себе заробляты, и дрибноту доглядаты. Зѣ Андрія тилько ще черезъ годъ буде яка-небудь помичъ, тоди най-мемо ёго куды-небудь гусей або гындычаты пасты; а теперъ винъ тилько йистъ та одежу таска. А потимъ и Хведосъ пидросте... А тамъ ще годъ пройде—и зѣ тебе выйде дивка. Тоди намъ всимъ лехше буде робыты у гуртъ. Такъ, кажешъ, маты плачуть? (*Помовчавъ*). А та... Олександра Киндратовна не прыходыла?

Галя. Учора навидувалась.

Власъ. Та то я знаю, а сегодня?

Галя. Сегодня ще не було. Маты кажутъ: „колы бѣ Власъ оженився, була бѣ у мене помишныця.“

Власъ. Бачъ, бо ты линуеця матери допомагаты, отъ маты и бидкаютця.

Галя. Эге, якъ разѣ линуюся!.. А хйба я вынна, що не могу вымысты хлеба, що не здою коровы гараздъ?..

Власъ. Отъ бачышь?..

Галя. Що „бачышь?“ И воды на-носю, и страву всяку зварю, и сорочки поперу, и всяку роботу... А що у мене нема сылы?.. Уси люде драгують мене еухороброю, кажутъ, що я вѣ батька вдалась. Чы правда, Власе, що татко померлы видѣ чахоткы?

Власъ. Хто це тоби напливѣ?

Галя. Я чула, якъ барышня казали матери, що у татка була чахотка.

Власъ. Яка барышня? Це бѣ то Олександра Киндратовна?.. Може й видѣ чахоткы, Богъ ёго зна!

Галя. Чы вже скоро буде годъ, якъ татко померлы?

Власъ. Писля другои Пречыстои.

Галя. Скілько тоби, Власе, годивѣ?

Власъ. Двадцять. А тоби трынадцять.

Галя. Який ты розумный, усе знаешъ.

Власъ. А ты балакай та не забывай и пирья дерты, а то маты... ты тилько уміешъ зубы заговорюваты. (*Помовчавъ*). Що жѣ, и ожениюсь... На все прыйде своя пора!

Галя. Беры тилько таку, щобъ добра була, матирь почитувала та поважала.

Власъ. Це маты такъ казали?

Галя. А вже жѣ.

Я В А ІІІ.

Ти жѣ и Олеся.

Олеся. Хлебъ та силь!

Власъ. Мылосты просымо. Садовытця у насъ.

Олеся (*дае Гали ласкутыкы*). На тоби ще на ляльки.

Галя. А Власъ грымае на мене, що я у лялекъ граюсь.

Власъ. А ты вже и скаржытысь? Ачъ яка! Звисно, у недилю можна гратысь у лялѣкъ, а не вѣ будень. (*Усмихаецця*). Отъ и вдовольнывся. (*Прыйма мыску и ложку*). Сидайте жѣ бо!

Олеся. Що, це ты полуднувавѣ?

Власъ. Ба обидавѣ. Хлебъ, силь, та вода, то козацька ида! А по вашому ця стравы зветця, мабуть, совусомъ? А нашъ братъ часто и замисць цѣго совусу тилько посоваецця по лави, умне цвилого сухаря, та й... спасыби Богови за хлебъ та силь.

Олеся. А хто вѣ тимъ выненѣ?

Власъ. Звисно, хто. Звычайно мы сами вынни. Вы зѣ кныжокъ мени казали, а я такъ, якъ бачу промежъ людьми, то такъ и обмиркувавѣ. Выходыть, що вси

злыдни видъ того, що коженъ зъ насъ тилько про себе турбуеця; а колы бь мы у спилку завелы яки ремества, щобъ у насъ на сели булы усяки майстри... Та я першый усимъ ремествамъ навчывся бь. Я гарячий до дила. Я бачывъ, якъ у нимцивъ робытця по колоніяхъ, нарочыто туды ходывъ. Вони все сами: и хургоны роблють, и плугы, и віалкы, и машины... У нихъ свои жь шевци, кравци, столяри, ковали, слисари... А главне дило не сыдять склавшы рукъ, завжды робота иде своимъ порядкомъ. Черезъ те жь нимци и въ достаткахъ, а нашъ братъ пухне зъ голоду. Кажуть: „Гримъ не гримне — мужыкъ не перехрестытця“... Це, положымъ, правда, що нашого брата треба пидштовхуваты. Але жь мужыкъ нашъ винъ чоловикъ темный, неосвяченый.

Олеся. Зъ якимъ ты паломъ це говорышь?

Власъ. Я холодно не вию.

Олеся. Роспалывся, а теперь якъ важно дыхаешъ...

Власъ (*здорово дыхнувъ*). Фу-у! Отъ и видсапнувъ. (*Зареготавъ*).

Олеся (*помовчала*). Чомъ ты не ходышь рыбы вудыть?

Власъ (*не дывытця на неи*). Николы було.

Олеся. Вже й не спиваешъ, якъ першь було що-вечора сивавъ?

Власъ. Доспивався... Колы бь можна було вернуты мынуле? (*Зитхнувъ глыбоко*).

Олеся. Хйба мынуле краще було те-перешнего?

Власъ. Лехче жылося, лехче и дыхалося.

Олеся. Бачъ, не послухавъ мене, а скилько разивъ тоби радила пидты до ликаря, у мистечко?

Власъ. Я не про те... На вищо мени ликарь? Не поможе мени ликарь... Я здоровый, якъ дубъ!

Олеся. Чого жь тоби важко?

Власъ. Чого? Годи допытувать (*вставъ и бере зъ полицы книжку*). Нате важъ цю книжку, не до вподобы вона мени.

Олеся. Чому?

Власъ. Не цикавыть мене те, про що тамъ провадытця. Пышетця про якесь село, що яки тамъ вси люде гарни, та ягъ жы-вуть промежь себе любязно, що одне дру-гому допомагають, не лаютця. Наврядъ!

Олеся. Якъ ты похмуро почавъ на все дывытись... якыйсь неймовирный ставъ!

Власъ. А я думаю, що я скаженнымъ ставъ!

Олеся. Отакои!

Власъ. Зовсимъ я зпантелычывся!.. Колы бь я выклавъ передъ вами те, що у мене отуть, у грудяхъ, сами бь ска-заны: скаженный!

Я В А І V.

Ти жь и Марына.

Марына (*до Власи*). Насылу тебе прынесло до дому.

Власъ. Хйба що? Одну ничъ не почувавъ дома, то вже й гниватысь? Я лагодывъ Гарасымови вятыри: винъ не зугарень. Ну, забалакався, засидився; потимъ попрохалы повечерять у купи....

Марына (*поклада клумокъ зъ мукою на лаву*). О, я й не бачу! Здрастуйте!

Олеся. Якъ поживаєте?

Марына. Та, спасыби, дыхаемо. Я, сыну, не про те. Ты вже парубокъ, то й ничъ вся твоя, такой вже законъ. А хочъ бы навидався до дому.

Власъ. Ну, та вже бильшь такъ не трапытця.

Марына. Подумай, що ты, сыну, недужый...

Власъ (*закипивъ*). Вси въ однь голось: недужый, та й недужый!.. Я дужый видъ дужого.

Марына. Отакъ и твій батько все було каже: „не бидкайся, стара, я ще й

тебе переживу!“ Эге, переживъ. Зоставъ мене зъ дрибязкомъ, якъ вутку зъ вутятамы на безкраймъ мори. (*Хлыта*).

Власъ. Це вже вы й плачете? Мамо, вы знаете мене, що я радий перерватись у праці, тилько бъ васъ задоволныты; а слязь я не хочу бачыты... (*Хутко пишовъ зъ хаты*).

Марына. Онъ яке у нѣго серце! Оце якъ сказавъ, що радий и перерватись, то такъ колысь и зроби. Слушайте, серденько, чы не вговорила бъ вы ёго, щобъ винъ оженився; винъ васъ, Господы, якъ шануе, я певна, що винъ васъ послуха. Зсыллася я, серденько, змучылася... Ихъ пятеро, а я одна на ныхъ робитныця въ хати.

Олеся. Вговорыты не берусь... А спытаты можу.

Марына. Спытайте. Ось я заразъ заклычу его въ хату. (*До Гали*). А ты вже й заснула? Отъ капостна дивчына! Пиды лишь у подвирья та трохи провитрысь: занудылася въ хати. Пиды вже, пиды! (*Галля хутко побигла зъ хаты*). Пожалуста, порадыте ему. Тутъ одна дивчына е у мене на прекмети, така жъ ввичлыва, така окуратна...

Олеся. А Власъ же якъ зъ нею?

Марына. Хиба парубкову думку вгадаешъ? Сегодня отъ инчои одхрестытця и одмольтця, а завтра визьме, та й посвата; на котру жъ здавалось, що певно важывъ, гляды, и залышыты. (*Пишла*).

Олеся. И на вищо я сказала, що спытаю его... Якъ я его спытаю? Одначе Власъ зовсимъ не такимъ ставъ, якъ першъ. Де подилась жартовлыва, гостра розмова? Чы давно безпечно та весело розмовлявъ? Що зъ нимъ почынылося? Може закохався? Мене прямо обходыты: ни вчора, ни позавчора и на берегъ не навидався; а першъ самъ казавъ: якъ иноди не пиду

зъ вудкамы, то цилый день нудюсь. Якъ оженитця Власъ, зъ кымъ тоди я буду надъ вудкамы сидиты и розмовляты?.. И не спиватыме вже винъ що-вечора... Отъ же, ей Богу, мени его жаль!..

Я В А В.

Входыты Власъ.

Власъ. Я знаю, чого мене маты послали въ хату. Ну, радые, совитуйте, вговорюйте!..

Олеся. Твоя маты прохала мене, щобъ я тебе спытала: чомъ ты не женился?

Власъ. Чомъ? (*Потупывъ очи*). И вамъ не скажу, и матери, и никому!.. (*Помовчавъ*). Ну, а вы радые?

Олеся. Маты твоя...

Власъ. А вы?

Олеся. Що жъ я?

Власъ (*зыркнувъ на неи*). Эхъ, Олександра Киандратовна! Не бралися бъ вы мене вговорюваты, краще бъ було...

Олеся. Я тебе не вговорюю. Якъ самъ соби знаешъ, такъ и жывы.

Власъ (*дывытця на неи*). А я васъ вговорюю: не ходите вы бильшь до насъ, бо... буде слава на вихъ на васъ и на мене! Гараздъ, ожениюся!.. Вы такъ и матери скажите: „вговорила, и, на котру покажете, ту и посвата.“ (*Хутко пишовъ*).

Олеся. Власе!.. Стривай!.. Гниваотця!.. За вищо жъ... Винъ такъ чудно глянувъ мени въ вичи, такъ глыбоко проинявъ своимъ поглядомъ, що ажъ моторошно зробылося и мовъ мени зацпыло! Не змогла ёму ничогъ й сказать, не мовъ омимила... У погляди его таке щось блеснуло—видъ чого любо робытця на серцеви и страшно!.. Яка я безсердечна, яка черства, яка злюка!.. Дома розпалылася и сюды прынесла отруту на языци... Це

я его розгивала, я, я!.. Дожену его, за-разъ перебалалаю!.. Якъ же мени жаль стало его!.. (*Хоче бигты и зупылетця*).

Серце такъ стыскае, ажъ коле въ грудяхъ!.. Охъ, якъ мени жаль Власа!.. (*Хутко пишла*).

(З а в и с а).

КАРТИНА II.

Садъ. Въ глыбни кону барканъ зъ хвирткою. За барканомъ далеко выдко село; на першнмъ плану ганокъ будынку.

Я В А I.

Киндратъ Антоновичъ и учитель *выходятъ зъ будынку*.

Киндратъ Антоновичъ. Спасыби вамъ, що провидалы, давненько у насъ не бувалы.

Учитель. Все не було зайвого часу: спершу экзамены булы въ школи; а потимъ самъ лагодывся до экзамену, але не спрэмгися и видкладавъ на той рикъ.

Киндратъ Антоновичъ. Що таке? То бъ то хочете ще вчытыся; здаеця, вже й такъ добре вчени?

Учитель. Гс! Такымы вченымы, якъ я, можна багато гребель загатыты.

Киндратъ Антоновичъ. Женати и дитокъ тройко маете, про що бъ инче дбаты, а вы про навукку.—Дыво!

Учитель. Коженъ дбае про те, що ему любийць.

Киндратъ Антоновичъ. Треба дбаты про те, що доходийць. Ахъ-ха-ха. (*Сидаютъ*). Такъ, такъ. Може покурите? (*Дае портъ-табакъ*).

Учитель (*робе цыгарку*). Ого - го! „Пишлы, якъ кажуть, наши въ гору, по два разомъ на веревку!“ Вы вже второй сортъ курите, онъ якъ?

Киндратъ Антоновичъ. Не можна... Знаете, на такій вже лыниа...

Учитель (*закурюе*). Лыниа, це велыка сила. Годылося бъ первый сортъ.

Киндратъ Антоновичъ. Не роцоть, теперъ цина висока на турецкый тютюнь... Не роцоть.

Учитель. Якъ же Олеся пожива?

Киндратъ Антоновичъ. Спытайте, якъ я поживаю; а Олеся що, ий байдушисенько! Откровенно кажучы, я вже й ума не прыберу, якъ на це дило й дывытысь. Чы то Господь насъ нею покаравъ, тилько не знаю за яки грихы, чы може раптомъ свить пишовъ на выворить, такъ що мы старыкы не зоглядилыся и черезъ те ничего не розчовпымо? У насъ теперъ у дому просто смишеніе языкивъ!..

Учитель. Мени и здалось зъ першого погляду, що вы дуже зтурбовани?

Киндратъ Антоновичъ. Якъ жетуть не зтурбуватыся, колы зовсимъ зъ нигъ збывся. Вирите, ночей не сплю, йижа не йде на думку. Оце вже днивъ зъ десятокъ самъ не свій: схоплюсь у ночи, хожу-хожу по хати, думаю-думаю, ажъ голова почне колесомъ ходыты. И стара моя зовсимъ знеслылася сердешна, цилисеньки ночи тежъ не спыть, все охае... Прямо, откровенно кажучы, скрутыла насъ дочка едынчка, якъ бублыкъ.

Учитель. Що жъ трапылося?

Киндратъ Антоновичъ. Выча и корыть мене що-разу, що не такъ роблю, не такъ зъ людмы повожуся, не такъ миркую, не такъ дывлюсь, не такъ балакаю... Все не такъ!.. Всемъ людямъ я такымъ здаюсь, якъ и треба, а дочки мой

инчимъ. Вирьте, що иноди своїми розсужденіями доводе до того, що ажъ зубамъ заскряпашь, и коли бъ на той часъ трапылася пидъ рукою палыця, або батигъ...

Учытель. Що це вы, якъ то можна?

Киндратъ Антоновичъ. Вона такы доскоче свого!

Учытель. Це вже послідне дило.

Киндратъ Антоновичъ. Вона на те веде!

Учытель. Звычайно, що непорозуминя въ семьи це не абы яке лихо... Послушайте моеи порады? Благае вона васъ, щобъ видпустылы вчытись, ну и ввольнить їи волю.

Киндратъ Антоновичъ. Щобъ, якъ ще бильшъ ввчытця, та тоди вже плювала батькови межы очи?

Учытель. Якъ то можна, николи це го не може вчынитися.

Киндратъ Антоновичъ. Ни, не треба намъ ніякихъ навукъ! Нехай сидыть дома, схаменетця. Я цилый вийъ труждався, на вколюшкахъ повзаючы; увесь вийъ злыдни годувавъ, не доидавъ, не допывавъ... А вона всего того не хоче зважыты?

Учытель. Ни, вона добре все розуміе и зважа, тилько, знаете, палка натура, молода ще... Нехай зпершу до всего прыдывтця, може и поглядъ иныйъ виробе; а вамъ треба потерпты...

Киндратъ Антоновичъ. Добре вамъ розсуждаты, а побулы бъ вы у мойй шкюри. Краще бъ вона не знала азъ-буки, та почитувала батька—матирь.

Учытель. А хйба й такыхъ мало, що ни „аза въ глаза“ не тямлять, а вытворяють ще гиршъ?

Киндратъ Антоновичъ. Та воно положымъ. Именно, що свить перевернувся! Вирьте, що иноди сердце такъ заболыть, якъ не розирветця. *(Помовчавъ)*. Оцимы днямы мужыкы почалы, знаете,

налопомъ лизты до мене за позыкою, на попередній видробитокъ: я заховаюсь видъныхъ, а вона нарочыто вышука мене та и пошла ихъ до мене мовъ наумысне прямо нацьковуе!

Учытель. А до кого жъ мужыкчамъ и обертатысь, якъ не до васъ? Мухы завжды до натоки лизуть.

Киндратъ Антоновичъ. Такъ помылуйте жъ! Якъ же я ему позычу, коли я бачу, що не сыла ёго видробыты; мичный може и раднищый бы, коли жъ напозычався ажъ до завязкы, а якъ прыйде часъ видробляты, тоди ёго и рвуть на вси боку... Такъ на вищо жъ мени та рахуба?—Я за свои гроши скрызъ заблаговременно знайду робитныка. Иный наберетця тіеи позыкы, якъ репьяхивъ, та гляды, ще заслабне у робочу пору, тоди годи ему вже й дыхаты, сразу злыдни ёго стрискають... Треба знаты, кого слидъ рятуваты; а порятунокъ безъ товку все ривно, що жбурнуты гроши черезъ голову, або заплющывшы очи.

Учытель. Практично, цилкомъ практично!

Киндратъ Антоновичъ. А якъ же инакше? Конешне, робочи руки потрібни, безъ нихъ у хлиборобствы не обійдесся; але и мужыкъ нашъ такъ вже теперь спаскудывся та замошеннычывся, що не знаешъ, якого вже й способу до него добираты. Виддасы руками, а не выходишъ и ногамы.

Учытель. Який пипъ, така и паравня.

Киндратъ Антоновичъ. Це жъ вы у який бийъ стрыбнулы?

Учытель. Ни въ який, а прямо кажу. Ничого въ свиты не чынитця безъ причыны, на все мусыть буты примирь. Сами кажете, що мужыкъ теперь зопсувався и зъмошеннычывся, стало-быть, першъ винъ такимъ не бувавъ?

Киндратъ Антоновичъ. А не бувъ.

Учитель. Такъ хтось же ёго зонсувавъ и змошоннычавъ?

Киндратъ Антоновичъ. А хто жъ такій?

Учитель. Вы, льбонь, до цего дила бльжчъ стоите, вамъ бы и годылося пошуваты выноватого.

Киндратъ Антоновичъ. Я вже миркувавъ надъ цимъ диломъ, не разъ миркувавъ.

Учитель. Помиркуйте ще...

(Мовчаніе).

Киндратъ Антоновичъ. Давненько, давненько мы зъ вами не бачылся. Може чого-небудь перекусите?

Учитель. Ни, спасыби. Я по дилу до васъ.

Киндратъ Антоновичъ. По якому?

Учитель. Оце тыжнивъ черезъ два у насъ мають буты выборы попечытеля школы, такъ я радывся зъ де-якими хазяинами, и мало не вси прямо такы показують на васъ, и священныкъ тежъ радить васъ прохаты.

Киндратъ Антоновичъ. Спасыби за честь. Конешне, це должность почотна...

Учитель. До цего часу выбиравы у попечытели зъ дворянъ, а теперь пора и зъ другого сословія.

Киндратъ Антоновичъ. А звычайно. Откровенно кажучы, у насъ въ округности видъ дворянъ тилько и зосталось. Мене просятъ, щобъ я и за старосту церковного... Першь старостувалы полковнымы, копытаны... Должность тежъ почотна, тилькы багато одіймае часу.

Учитель. А попечытельство не важка обязанность. Пожертвуйте скилько тамъ десяткывъ у годъ...

Киндратъ Антоновичъ. Такъ, такъ. Чому и не пожертвуваты, а тилько яка мени зъ того корысть?

Учитель. Благодарность видъ вышчого начальства, подяка видъ школярывъ.

Киндратъ Антоновичъ. Положымъ, але выдымости видъ тией подякы, щобъ стало быть кожний бачывъ, якій я добродіятель, такъ и нема. На лоби не буде у мене папысано.

Учитель. Награждають часомъ медалью.

Киндратъ Антоновичъ. А за вищо швыдчъ можна медалю получыты: за церковного старосту, чы за попечытеля?

Учитель. Де ваша служба буде корыстнищъ, тамъ и получыте.

Киндратъ Антоновичъ. Такъ, такъ!.. Та такы, мабутъ, прыйдетця и церковнымъ старостою буты и попечытелемъ.

Учитель. И чого доброго дви медалы получыте?

Киндратъ Антоновичъ. Не то що... Воно, положымъ, и медалы видзнака... А то, що обыдвы должности почотны... Опричъ того, нехай вси знаютъ, що я не скотына и не скныпа, яеъ други, и не зажеря якій—небутъ.

Учитель *(встае)*. То, значить, можно васъ смило выбиравы?

Киндратъ Антоновичъ. Та вже выбиравыте. Воно жъ такы це дило и спасене?

Учитель. А якъ же? Прощавайте до якого часу.

Киндратъ Антоновичъ. Куды жъ такъ скоро?

Учитель. Та мушу тутъ ще де-куды зайты.

Киндратъ Антоновичъ. Може по чарци? га?

Учитель. Та не шкодыть.

Киндратъ Антоновичъ. А якъ не шкодыть, то чому жъ намъ и не чокнутця.

(Пишлы).

Я В А II.

Олеся *(одна, иде зъ за баркана зъ будками, и скилько рыбынъ на куцани)*.

Шукала скривъ Власа,— не знайшла. Взяла вудкы, пишла на ричку. Думала, тамъ знайду ёго, и туды не прыйшовъ. Якъ скучно, неначе безъ него и свить мени не мильный. Та куды жъ це винъ подився? (*Помовчала*). И день сегодня, мовъ на злисть, явнись не веселый, нибы зовсимъ осинний: пташки въ саду вже не щебечуть, лысть на дереви поблидъ, и травця не красуетця вже и пахощивъ не роспуска. Ще жъ тилько ще обробыльсь въ поли, де ще та зима, а навкруги неначе почына все дриматы. Хочъ лысту на дереви ще й рясно, та вже той лысть млявий, сонный; травця, якъ кылымъ, густа, та не такъ вже вона зелене, якъ зеленила позавчора. Ще вчора якась пташка отамъ у кущахъ щебетала неумовно, а сегодня и вона гласу не подае. Тилько витеръ помежъ очеретамы шумить и своимъ неумовнымъ и ривнымъ гуломъ наганя сумдту... Не змогла на ричци и пивгодыны высидыты: очерета глумлять, выють, лоза гнетця, похыляецця и стогне... И тутъ не весело!.. Сумно всюды, всюды тыхо, не мовъ передъ явнымъ лыхомъ. (*Помовчала*). Чого Власъ, якъ спытала ёго, чому не женытця,— утопывъ очы въ землю, довго дывывся, а дали такъ глянувъ на мене, не мовъ загадавъ нерозгадану загадку, у погляди ёго я постерегла заразомъ: и горе, и отчай, и злобу!.. Може винъ закоханный? Скилько разивъ розмовляла зъ нимъ одверто, щиро, якъ другъ, и неже жъ такы не промовыся бъ хочъ словечкомъ, колы бъ бувъ у кому закоханный? И на вищо бъ таився видъ мене? Перерадывся бъ зо мною, розваживъ бы суму... Такъ николы жъ про коханя а ни словечка. И завжды бувъ веселый, гострый, жартовлывий, а оце зразу не мовъ переродывся, неначе зовсимъ не тымъ ставъ. Яка жъ прычына?.. (*За лаштунками чутно Власивъ спивъ, Олеся*

упустыла вудкы и нибы остовнынила).

Безъ тебе, Олесю, пшениченку жаты,
Безъ тебе, серденько, увесь день ску-
чаты.

Якъ день прыйде, то рве душу,
А въ вечери прыйты мушу,

Хоча не раненько,
Олесю серденько!

Безъ тебе, Олесю, сонечко не гріе,
Безъ тебе, серденько, буйный витеръ віе.

Якъ день прыйде, то рве душу,
А въ вечери прыйты мушу,
Хоча не раненько,
Олесю серденько!

Олеся. Безъ Олеся?.. А Олосину, думаешъ, не рве душу? (*Ламае не самовыто руку*). И Олесю безъ Власа сонечко не гріе! И лынула бъ вона до него що-вечора пташкою лехкоккрылою. (*Прыслушаетця*). Не чутъ? Замокъ! Такъ мало не повинно буты! не можна, болаче!.. И все замовкло навкруги, нибы померло. Чы може це мени тилькы такъ вчулося, а винъ не спивавъ зовсимъ; чы нарочыто пустывъ голосъ, щобъ подратуваты? (*Чутно десь далеко Власивъ спивъ*). О, зновъ!.. Спивъ це, чы дывовиддя?.. Не чутъ!.. Зъявывая голосокъ и, якъ марево, розвіявся видъ подыху витра... (*Помовчала*). Якъ сонечко червоно заходыть, певно на дощъ. О, пташечка у лозахъ зашебетала сонечкови на добраничъ. Якъ чудово проминь сонця позолотывъ осокура и хутко, хутко бижыть по лыстяхъ, то зъ дерева на травцю, то зновъ на дерево—неначе граецця; теперъ заховаясь пидъ лыстя и освитывъ ёго зисподу. Ачъ, то блесне, то потемніе. Зновъ червонымъ золотомъ розислався по лыстяхъ, по дереви, по ричци и по всему лугу!..

Я В А III.

Олеся и Марфуша.

Марфуша (*изъ за баркана*). Здорова була!

Олеся. Кто це? А, Марфуша... Насылу Богъ давъ сылу! (*Цилуютця*).

Марфуша. Хоть вы за нами и не дуже, такъ мы жъ зъ вами не байдуже.

Олеся. Справди, я давно у васъ не була... Найшло щось на мене... (*Регоче*). У кимнату пидемо?

Марфуша. Ни, посыдымо тутъ, у садку.

Олеся. Стривай же, я виднесу рыбу та вуден и заразъ вернусь. Сегодня бувъ зовсимъ плохый клевъ, бачышь, якъ мало упіймала? (*Несе рыбу у будынокъ*).

Марфуша (*сама*). Довидаюсь, чы правда жъ тому, що вона покохала якогось простого парубка? Щось, мабуть, е схожого, бо вона такивська; та й люде не стали бъ плескаты. Ну, якъ що тому правда, то убыла гринку, выминяла шыло на швайку: дыяконенка на якогось мугтыряку!

Олеся (*иде*). Я тоби рада, Марфушо!

Марфуша. Щось ты не такъ балакаешъ.

Олеся. Ей Богу, рада! (*Цилуе и*).

Марфуша. Яке въ тебе горяче лице и руки? Може не здужаешъ?

Олеся. Здужаю, цилкомъ не хвора... Що жъ у васъ нового?

Марфуша. Ніякои новыны. Хиба те тилько, що Ныхвинтъ заручывся на Козубьскый.

Олеся. Нехай ему Господь допомагае!

Марфуша. Нудывъ, нудывъ свитомъ за тобою, а дали зъ отчаю шелестъ за рупшыками до Леонылы.

Олеся. Вони будуть щасливы... Коженъ зъ ныхъ задоволеный цилкомъ самъ собою, а це певный закладъ щастя. Леонылы и братъ твй якъ разъ до пары: обое рябое!

Марфуша. Глузуешъ? Чому не глузувати, колы, мабуть, сама такого вже доскочыла щастя, що ни въ казци сказаты, ни перомъ списаты?.. Бачу, по очахъ бачу, що щаслива. Певно до схочу закохалася? Скажы хочъ, въ кого?

Олеся. Куды це ты метнула? Ни въ кого, Марфушо, я не закохана.

Марфуша. Выховуеся? Воно такъ и слидъ зъ подругою поводитысь.

Олеся. Я не хочу таятысь, не вмю... Я закохана лыбонъ въ свою думку, але якъ що и вона не спевнытця, тоди опушу руки и поплыву по течіи, куды вода; туды и я.

Марфуша. Якъ це ты чудно, незрозумило говоришь, що я не розберу ничего?

Олеся. Ото черезъ те, що ты думкамъ моимъ не подруга.

Марфуша. То бъ то ворогъ?

Олеся. Ни сякъ, ни такъ!

Марфуша. Якъ соби хочешъ, такъ и миркуй.

Олеся. Ты не гнивайся, Марфушо. На мене щось тако иноди находыть, колы я себе бачу одною однисенькою, и такъ тяжко, тяжко мени зрбытця. (*Схылыла голову на руку*).

Марфуша (*помовчала*). А въ насъ чутка пройшла.

Олеся. Яка?

Марфуша. Зъ пальца того не высмокчуть.

Олеся. У мене голова горыть, а ты почала балакаты недомовками! Яка, яка жъ чутка?

Марфуша. Тилько не знаю, якъ его на имення, а кажуть: чорнявый, огрядный, ривный, и спивака не абы якый.

Олеся. Чула ты дзвинъ, тилько не знаешъ, де винъ. Я тоби вси, якъ на долони, выложу свои думкы; може ты посміеся надъ нымы — дарма, смійся. Слухай, Марфушо! Часто люде шукають

вѣлетнивъ духа, героявъ, а и до вику ихъ не находятъ, — а знаешъ, черезъ що?

Марфуша. Не знаю, а тилько на вепряжки бачу, що ты знайшла велѣтня, — чы такъ? Кажы швыдчъ, хто винъ, де тутъ такій взявся, що тоби зъумивъ запасты въ душу?

Олеся (*обіймаючы Марфушу, промовля зъ паломъ*). Такой мицной воли, такой одвертой души я не зустрічала. Такъ дывитця прямо на людськи виднѣсыны, такъ глыбоко вдвлятыся въ людську душу и, постеригшы іа лыхи вчынкы, такъ смилыво выголошуваты безъ хвальшы, може тилько чысте и непорочне серце. Душу его можна прыривняты заразомъ: и до дытячой души не пидкупной и до мицного дуба. Не балакучый винъ, а кожны его слово на вагу золота.

Марфуша. Це вже ты такого героя змалювала, що колы бъ и справди зъявився такій, то все на свити пишло бъ на новий ладъ.

Олеся. Не смійся, Марфушо! Такій тилько чоловікъ усему дае инчий смыслъ и въ те, що намъ часто вбачаетця вже мертвымъ, винъ вдувае духъ животворящый.

Марфуша. (*Регоче*). Сердешна дивчына! Казала я тоби не разъ, що не доведуть тебе твои думкы до путя, отъ же и справдылося!.. Ха-ха-ха!

Олеся. А може й справди я тилько въ свою думку закохана? Може и справди я вже некрытомна?

Я В А І V.

Ти жъ и Лукерія Степановна.

Лукерія Степановна (*зъ перевязаною головою*). Здрастуйте, серденько. Давно до насъ пожалувалы?

Марфуша. Оце не забаромъ. (*Цилу ютця*). Що це вы, не здужаете?

Лукерія Степановна (*зыркнула на Олеся*). Э, дайте покы, серденько! Нема, видъ чога здужаты, колы шо-дня такій Вавылонъ... Спасыби, баба Горгоцыха пошптала щось, та слызала зазихъ, потимъ звелила прывязаты до головы лытя выслои капусты — трохы видпустыло.

Марфуша. Що жъ: ломыть, чы стыса?

Лукерія Степановна. Баба Горгоцыха каже, що то супротивныкъ иде видъ сердца до головы.

Марфуша. А не пробувалы росоломъ зъ огиркивъ примочуваты, — тежъ помагае.

Лукерія Степановна. Охъ, серденько, не до росолу мени. Охъ, Боже нашъ мылосердний! А шо, у васъ уже огиркы посолылы, чы ще?

Марфуша. Матужка все чекають дощу. Кажуть: „колы бъ дощыкъ пройшовъ, щобъ день черезъ двое писля того vybrаты, то саме бъ ловкы булы огиркы для солиння.“ (*Олеся встала и тшила до баркану*).

Лукерія Степановна. Ваши матужка велыки скусныця солыты огиркы. Кажете, треба vybrаты черезъ двое день писля дощу?

Марфуша. Черезъ двое, або черезъ трое.

Лукерія Степановна. Колы жъ така теперь засуха, шо и Господы! Учора у вуси у мене такъ засвербило, думала, буде дощъ; отъ же й не було!

Марфуша. Отъ кавунивъ нхто такъ не посолыть, якъ вы. Матужка все збирютця у васъ повчытыся.

Лукерія Степановна. Нехай прыйдутъ, повчу. Лыбонъ вони молодчи видъ мене? Якъ шо молодчи, то можна повчыты, а якъ старши, то хочъ и навчатця — не поможе, не матыме сылы. Треба тилько видъ старшыхъ повчатыся. Ходимъ у кимнату чай пыты, бо вже смерка. У насъ переночуете?

Марфуша. Якъ шо не заважу.

Лукерія Степановна. О, якъ то можна, щобъ заважылы! Така вже до-

рога гостя, така дорога! Де жъ це Олеса? Не любыть вона нашої розмовы, все кудсь далеко думками сяга, ажъ за хмари! (*Тыхо*). Помичаєте, яка зробилась? Вирите, иноди ажъ страшно робытця за нею.

Марфуша. И на мою думку, вона не така, якъ була.

Лукерія Степановна. Бачыте, серденько! Змарнила, зблиднила... Отаке гарненько! У ночы жахаецця, щось говоре кризь сонъ. Скулько разывъ хотила поклькаты бабу, щобъ пошептала—не хоче Олеса!.. (*Ще тыхше*). Вы бъ и роспыталы, може бъ вона вамъ прызналася, що въ ней на думци?

Я В А V.

Ти жъ и Киндратъ Антоновичъ.

Киндратъ Антоновичъ. А йды, стара, наливай чай. А, здрастуйте! Якъ ваше здоровьячко?

Марфуша (*чоломжаецця*). Спаснби. Батюшка и матушка вамъ кланяютця.

Киндратъ Антоновичъ. Благодарю. Дывына коитця у свити! И куды воно йдетця и до чого?.. Такъ оце мене мовъ молоткомъ по выску ударыло. Чуєте? (*Олеса здалеку появилась*). Оце свижо прочытавъ у „Свити“—Леонидъ Петровичъ, у Харкови, въ гостынници застрелывся.

Олеса (*у бикъ*). Якъ? Що? (*Зъ лякомъ бижыть въ глыбину кочу и зныка*).

Лукерія Степановна. Царство ему небесне...

Киндратъ Антоновичъ. Що це ты, здурила? За самостратныка грихъ молитесь!

Лукерія Степановна. Охъ, Господы, просты мене гришну!

Киндратъ Антоновичъ. Иды жъ, готуй тамъ до чаю. Дывына коитця! Де жъ це Олеса?

Лукерія Степановна. Пишла черезъ хвиртку на нызъ, чогось до ричкы пошвандала. (*Пишла зъ Марфушою*).

Киндратъ Антоновичъ. Це Олеса, якъ провида, що Леонидъ стратывъ себе, якъ разъ чогось налыхотворыть. Ще, бороны Боже, колы бъ и вона не наложыла на себе ручокъ. Оди образовани люде, то вони якись лехводухы, не терпячы, заразы голову у петлю, або пулю въ лоба!.. Та невже жъ я мусывъ Леонидови доплатыты? А що жъ бы люде сказалы? Дурнемъ прозвалы бъ мене, скаженимъ!.. Бо такы дурнемъ бы и бувъ; тоди мене слидовало бы посадовыть въ самашодный домъ. Чогось такъ мотарошно стае на серцеви, якъ подумаешъ: жывыи бувъ чоловикъ, а потимъ взявъ та й застрелывся. Не выненъ я въ тимъ, а ныбы выненъ. Не знаю, чы сказаты Олеси зразу, чы нехай довидаецця, якъ сама прочыта?.. Було бъ мени дати Леонидови зъ тысячу рубливъ, нехай бы доихавъ до Петербурга, та тамъ вже... А то въ Харкови. Черстве у мене сердце, жорстоке?.. Треба буде зъ Олесею мянхче... Серце у нею золоте, правдыве... И вродытця жъ така! Дывына!

Я В А VI.

Павло и Киндратъ Антоновичъ.

Павло. Що жъ вы, господинъ хазяинъ, общыталы мене та и мовчыте?

Киндратъ Антоновичъ. Якъ ты посмивъ черезъ горницы пройты, хто тебе пустывъ?

Павло. Якъ першъ ходывъ смилыво, такъ и теперь пройшовъ; що мени дывына по горныцяхъ ходыты?

Киндратъ Антоновичъ. Хто тебе провивъ, пытаю?

Павло. Нихто, самъ пройшовъ. Самъ знаю вси ходы и переходы. Пожалуйте золотого!

Киндратъ Антоновичъ. Якого золотого?

Павло. Мого, котрого вы мени не додали.

Киндратъ Антоновичъ. Коли ще бувъ рощотъ, а ты теперь тилько поличывъ?

Павло. Такъ що жъ, що теперь? Печеличывъ и бачу, що вы мене обмошенчылы. Виддайте золотого, бо такъ не честно!

Киндратъ Антоновичъ. Пиды геть! Я тебе велю зъ двору въ шыю!

Павло. Руки коротки!

Киндратъ Антоновичъ. Що таке? Ахъ ты жъ...

Павло. Та не вдарышь? А вдарышь, штрафъ заплатышь!

Киндратъ Антоновичъ. Геть мени заразъ! (Наступа на него).

Павло. Та не вдарышь? Виддай золотого, тоди и пиду!

Киндратъ Антоновичъ. Я тоби не выненъ!

Павло. Не виддасы?

Киндратъ Антоновичъ. Не виддамъ!

Павло. Не виддасы?

Киндратъ Антоновичъ. Сказавъ разъ, и шабашъ.

Павло. Ты ще Павла не знаешь, дастця винъ тоби въ знакъ!

Киндратъ Антоновичъ. Гей! Кто тамъ е у двори, визьмить цего скаже-ного видцяля!

Павло. Я тоби золотого не подарю, а тебе спалю!

Киндратъ Антоновичъ. Що? А хто тамъ е, идить сюды! Чуете, що винъ говоре? Постривай же, завтра я становому на тебе донесу!

Павло. Я твого станового такъ точнисенько боюсь, якъ и тебе. Мене може нанято за лакея до генерала Яновського, такъ отъ ты и знай, хто такыи теперь Павло! А ты думаешь, що я въ тебе

зновъ чередныкомъ буду, а не дидеешь. А золотого я тоби не подарю. (Пишовъ у хвиртку).

Киндратъ Антоновичъ. Чого добро-го, ще й справди пиддале. Винъ ска-женный! Теперь кожного остерегайся; онъ якъ распаскудывся капостный народъ. Чуетъ ты, кручений, вернись! (У бикъ). Хай ему лыхе зъ его золотимъ! (До Павла, котрый зъявляеться на хвиртци). На тоби золотого. Хочъ я тоби и не выненъ, але у мене охота е подарувать тоби!

Павло. А у мене нема охоты подяку-вати, бо винъ мий! (Взявши гроши). И зъ тымъ хочъ и до свяданя! (Пишовъ).

Киндратъ Антоновичъ. Николы зъ мугырякы не жды добра, а зъ дворового тимъ паче; винъ тебе-що разу радый у ложки воды утопыты! (Иде въ будынокъ).

Олеся (хутко бижыть). Я мушу батькови у вичи выявыты всю его про-вину, выявыты такъ, якъ вона у моимъ розумови зкладаеться, а потимъ хочъ и зъ кручи головою! (Прыслушаетця). Лыбонъ Власивъ голосъ? (Зупынылась).

Я В А VII.

Власъ и два старосты проходятъ за бар-каномъ.

Староста. Бачъ, ще й не стемнило гараздъ, якъ мы управылыся, потому по-нимаемо: якъ и шо! Иды жъ, склыкай на сватаня товарищывъ. (Пишлы).

Власъ. Спасыби вамъ! (У бикъ). Ко-лы бъ швыдчъ звинчатыся. На котру маты сказали, ту и посватавъ. Завжды обмы-навъ и николы навить и не балакавъ зъ нею, а теперь посватавъ. Цикавый буде шлюбъ... Вволнывъ матерну волю, нехай знаютъ, якыи я покирлывый! (Зхопывъ себе за груды). Пропаду... А, такъ мени й треба, щобъ не роспускавъ сердца, не задывлявся на нерывню! Олександра Кин-

дратовна хотила зо мною погратыся, якъ китъ зъ мышою?.. Ни, я тоби не выгратка!..

Олеся (*пидходе*). Власе! Наслу я тебе зустріла. Я тоби хотила сказаты...

Власъ (*кланяетця*). Не треба бильшъ, все вже сказали... Просю васъ, Олександра Киндратовна, на весилля.

Олеся (*зв жахомъ*). Що таке?

Власъ. Побравъ рушныкы у Олеси Грынченковой. Весилле въ недилю. Прощавайте. (*Хутко пишовъ*).

Олеся. У Олеси?.. И вона Олеся? То це ты їй прыспивувавъ: „безъ тебе, Олеся, сонечко не гріе!“ А я думала, я марила!.. Власе, Власе, ты жъ въ край розбывъ мое сердце!.. (*Упала на землю*).

Я В А VIII.

Марфуша и Олеся.

Марфуша. Вже стемнило. Певно Олеся зъ нымъ розмовля за барканомъ. А ну, пидкрадуся та послушаю. (*Иде и натыкаетця на Олеся*). Ой, що це? (*Прыдывляетця*). Олеся!.. Нибы заснула!.. Вона не жыва! Ой, Боже мій!.. (*Бижыть*). Киндратъ Антоновичъ! Лукерія Степановна!

Я В А IX.

Ти жъ, Киндратъ Антоновичъ и Лукерія Степановна.

Киндр. Ант. и Лук. Степ. Що тутъ таке трапылось?

Марфуша. Не знаю, що зъ Олесею, мовъ не жыва.

Киндр. Ант. и Лук. Степ. (*кыдаютця до Олеси*). Олеся! донечко! Ой, Боже мій! Що жъ це таке? Певно довидалась про Левоньда.

Лукерія Степановна. Охъ, безталанна жъ я сиротыночка! Однимъ одна дытына, одну выгодувала, и та... Ой, Боже мій!.. (*Рыдае*).

Киндратъ Антоновичъ. Олеся, голубко, разкрий же очыци! Донечко моя, промовъ же хочъ словце! Олеся, прости мене!.. Я вчыню твою волю, загадай, що хочешъ, я все зроблю, тилько не сыроти мене на старосты литъ! Я-жъ не думавъ, я-жъ не гадавъ, щобъ ты такъ близько все прыймала до сердца!.. Ой, горенько, ой, лышенько!..

Марфуша. Цытте, вона дыше!..

Олеся (*роскрыва очы*). Де я? Охъ, стривайте!.. Десь дзвонить далеко... Охъ, голова яка важка. (*И пидіймають*). Витру дайте, душно, витру...

Киндратъ Антоновичъ. Що це зъ тобою почынылося? Скажы, мое дытя!

Олеся. Ногы пидложлюютця. (*И вѣдутъ до скамейкы и сажаютъ*). Що це и справди зо мною? Вже ничъ, чы це у мене въ очахъ темніе?

Киндратъ Антоновичъ. Ничъ, донечко, давно вже ничъ.

Олеся. А бувъ день, ясный день, сонце червонило, заходило, пташкы щебеталы... Чого жъ зразу небо заволокло хмарами и раптомъ потемнило?.. Може я сплю?

Киндратъ Антоновичъ. Очумайся, голубко.

Олеся. Ни, я не сплю! Це тато, ось мама, це Марфуша?.. Я вже не сплю! А спала, довго спала, а думала, що то навспряжки! Тата бачыла у снѣ. Вы нибы взяли мое сердце и такъ боляче давылы, а зъ него кровь капала така гаряча!..

Марфуша. Яка страховына!

Киндратъ Антоновичъ. Що це зъ тобою, мое дытяточко?..

Олеся. Спала я, довго спала, теперъ проснулась... Охъ, який дывний, який то страшный бувъ сонъ!..

Киндратъ Антоновичъ. Господь зъ тобою, любе дытяточко мое!

Олеся. Якъ любо, тату, вы промовляете. Якъ тепло робытця на сердцеви видъціи розмовы... Промовляйте до мене, якъ

найтеплищъ, якъ найриднищъ, бо я нещастна, я зневажена, зражена!.. Охъ, якъ давить мене той сонъ. Покохала я козака зъ душею великою, зъ широкою волею, зъ глыбокымъ сердцемъ, зъ свитлымъ розумомъ. Стривайте, якъ его имення? Забула! Заразъ знала и забула. И не треба, боляче прыгадуваты. Я дыхала его подыхомъ, думала его думками, дывылась его очыма, балакала его мовою... Сказавъ бы винъ мени: „замовкны!“—Я раптомъ онимила бъ; сказавъ бы: „помры!“—зципыла бъ уста и не дыхнула бъ. Цилкомъ винъ опанувавъ мною. Коны его не було зо мною, то и сонечко не свитыло и не грило, и зиркы згасалы, и мисяць заволякѣвся хмарою... И потимъ винъ мене зрадывъ... Другу кохавъ, другій спивавъ; а я его кохала!..

Киндратъ Антоновичъ. Боже! Во-на не мовъ зтерлася!..

Олеся (*зарыдала*). Ни, то сонъ бувъ, любый и тяжкый сонъ!.. Винъ прыдавывъ мое сердце... Нема чымъ жыть... Помру я... Однаково!..

Киндратъ Антоновичъ. Господь зъ тобою, дытя мое, жывы...

Лукерія Степановна. Тоби ще рано помираты.

Киндратъ Антоновичъ. Заспокойся, доню! Щырою промовою ты збудыла сердце мое, спевны жъ свою думку, кот-

рою ты жыла. Не могу бильшь тоби суперечыты! Иды, куды тебе веде твоя думка, довчайся, вышуйкай довичней правды; а потимъ повчатынешъ и насъ. Може и справи мы трохы вынни проты тебе, черезъ те, що не видаемо, що творимо?..

Олеся. Що я чую? Тату, це ваша промова? Зновъ така жъ щыра, якъ колысь, зновъ така жъ тепла?

Киндратъ Антоновичъ. Завжды я бувъ тоби батькомъ, а не злымъ витчымомъ.

Олеся. Якъ крикнуть и умицняютця мои сылы!.. Е зновъ мени жыть!.. (*Цилуе его руки*).

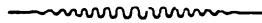
Киндратъ Антоновичъ. Нехай тебе Господь благословить на новый путь!.. Не прокльнай тилько батька.

Олеся. Не прокльнатыму, а що-ранку й вечера молытымусь за васъ Господеви! (*Пада на вколюшкы*). Воженьку щедрый, ты зглянувся надо мною.

Лукерія Степановна. Ой, Олесю жъ моя, Олесю! На кого жъ ты мене покыдаешъ?

Олеся (*цилуе їи руки*). На оту мою зирочку, котра зразу такъ весело въ неби засяла. Коны вамъ стане сумно, тоди вдывитця въ неи пыльно и забудьте все, що навкругы васъ коитыметця, и зирочка та роскаже вамъ вси думкы вашой Олеси.

З а в и с а.

ДЖИГУНЪ.

Юмедія въ 3-хъ дѣяхъ, въ спивомъ.

ЛЫЦЕДІИ:

Пылыпъ Галушка.
Векла, его жинка.
Явдоха, ихъ дочка, дивчына.
Якымъ Бруньо.
Натря, его жинка.
Сыдиръ Журавель.
Мотри, его жинка.
Павло Вдовыченно, парубокъ (сумазводъ).
Терешно
Власъ } парубкы.
Радьно }
Демко }

Стеха } молодыци.
Луня }
Явдонымъ, десятныкъ.
Старшына.
Пысарь.
Соцькый.

Десятныкъ, парубкы, дивчата и народъ.

Діетця на сели.

ДІЯ І.

Вулиця, зъ обонхъ бокивъ хаты, повиткы, тыны, дерева. По хатахъ свитло горыть. Смерка.

Я В А І.

Явдоха (*выходячы зъ ливои хаты, оглянулася боязко, потимъ бижыть до пречилка*). Колы бъ же швыдчъ Павло прыйшовъ, вже зовсимъ смеркло. Вида, якъ кортыть мене почуты, якъ винъ уміе такъ улесливо розмовляты, що хочъ яку дивчыну зъ ума зведе, що на яку, кажутъ, глянувъ двичи-трычи, та вже й ёго. Чы й справди жъ? Ни, не вирою. И якъ бы то винъ змигъ мене зъ ума звесты, ябъ я того не захочу! А може зна такого наговору, чы прыговору, або пидкурюе чымъ? Ну й кортыть же мене зъ нимъ побалакаты, и кортыть, и

боязко—нибы ажъ страшно! може винъ вже стоить за хатою, та не насміе сюды пидійты? Не вспивъ зо мною сёгодня зустритысь, якъ вже зразу й почавъ моргаты, а потимъ спытавъ: „якъ васъ зовуть?“ Ого-го, якъ разъ такый не насміе!.. А очи жъ у нёго,—я такы прыдывылася,—прямо проклятуци! Куды Терешкови до нёго, далеко й ходыть! Якъ вдывылася въ Павла, то ажъ сама соби здывувалася, якъ я першъ Терешка кохала? Та чы кохала жъ я ёго? Терешко у недилю била церкви сказавъ, що у виторокъ прыйде, отъ тоби й маешъ, тадже сёгодня жъ вивторокъ?.. Певно пытатыме: „чы прыслаты за рушныкамы?“

Що жь я ёму скажу? Скажу, нехай прысыла ажь писля Дмитра, ей-Богу, такъ такы й скажу: ажь писля Дмитра!..

Я В А II.

Явдоха и Терешко.

Терешко. Добры-вечирь!

Явдоха. Терешко? Отъ тоби!

Терешко. Гайда, Явдою, за повитку, щось скажу.

Явдоха. Не можна, не можна! заразъ маты выйдуть... Батько, та й батько—слаби... Маты заразъ побижать по бабу.

Терешко. По яку?

Явдоха. Якъ по яку? По ту, що.. Ось, якъ бо ий?..

Терешко. Нехай клычуть Квачыху. Нема кращой бабы, якъ Квачыха, вона обручемъ гоить, набье тилько на тебе обруча и хочъ яку болисть прожене. Мій старший братъ Иванька такъ зовсимъ бувъ упавъ на жывить, що не робылы—не помогло; а вона, якъ набыла на него обруча, заразъ прогнала...

Явдоха. Ой, вже маты йдуть!.. Иды соби... завтра або-що приходь...

Терешко. Эхъ, шкода!.. Ну, то я завтра прийдю.

Явдоха. Або писля завтра... (*Терешко пишовъ*).

Явдоха. Насылу здыхалась! Ну що, якъ Павло надйшовъ та, побачывшы Терешка, вернувся? Прынесло жь отого Терешка! Що жь ёго у свити Божому подіяты? Спиваты якось не прыходьтця, почують сусиды, заразъ скажутъ: здурила дивка, спива на воротахъ, неначе нема ий левады, або выгона. Що жь ёго робыты, якъ даты Павлови звистку, шо я тутъ? Заспываю. А що мени до того, що сусиды скажутъ, нехай соби скриплять зубамы, нехай скрегочуть, де захотилось спиваты, тамъ и спиваю. (*Спива*).

№ 1. Пры дорози нывка,
На ній матерынка;
Тамъ дивчына жыто жала
Сама чорнобривка.

Вона жала-жала,
Сила спочываты,
Схылылася на рученьку
Та й стала думаты.

Ишовъ козакъ дорогою:
„Помогай би женце!“
Дивка ёму видказала:
„Здоровъ бувай, серце!“...

У недилю тая слава
По всимъ сели стала,
Що дивчына козаченька
Серденькомъ назвала.

Я В А III.

Векла и Явдоха.

Векла (*выходячы з хаты*). Чого це ты завыла пидъ хатю, нема тоби инчого мисьця? Иды лышь, лягай спаты, завтра у досвита пидемо у якономію до машыны.

Явдоха. Весело мени зъ вами буде: ни до кого ни заговоры, ни усмихнысь... Або вы заставайтесь дома, або я.

Векла. Теперь цина гарна поденнымъ, теперь можна добре заробыты.

Явдоха. На вишо вамъ ще ти гроши, лыбонь въ достаткахъ жывемо?

Векла. Не тямышь, що говорышь... Иды мени спаты!

Явдоха. Хиба ще не всию выпатысь?

Векла. Чы не прываблюешъ оце якого?..

Явдоха. Може. Не викъ же мени дивваты?

Векла. Дурна ты, я не про те, а що не та теперь пора. Прыйде осень, тоди й настоясся и намылуесся зъ своимъ мындрусомъ... якъ шо винъ у тебе е.

Явдоха. Нема ни якого.

Векла. Такъ я тоби й повірила. Що жъ то ты: чы облыччѣмъ така не-вдала, чы не тяжуща до роботы, чы безпряданница, що ни жоденъ хлопѣць на тебе й доси не скинувъ окомъ?

Явдоха. Хай имъ лыхе тимъ хлопцямъ!..

Векла. Та ходимо жъ у хату!

Явдоха. Та не хочу.

Векла. Якъ то не хочу? Це ты мене драгуешъ? Ой, додратуєся ты зо мною, що я тебе за косы потягну.

Явдоха. Попробуйте?

Векла. Осъ тилько не пидешъ мени заразъ, то такого стусяна дамъ межи плечи!.. Такы стовбычшы? Стій же, осъ я заразъ збудю батька, винъ тоби за-дасть!..

Явдоха. Та що це тако?

Векла. Отъ, ей-Богу, збудю батька!

Явдоха. Та йду вже. Отъ ще нака-заніе! (*Пшла в хату*).

Векла (*сама*). Чы не Павла це вона виглядала?.. Не мовъ пошестъ яка завелась на сели у насъ, отакъ отой Павло! Докы косовыця та жныва, то ще сякъ-такъ, а якъ прыйде осень, потимъ зима, то такъ и зоры за дивкою, щобъ не спантелычывъ отой бубовиръ!.. Якъ прыйшовъ ще позаторикъ зъ города, зъ наймивъ, та якъ понаносывъ усякою одежи та грошой, то такъ и опанувавъ селомъ. Де вечорныци, тамъ винъ першый всякъ частуе, всимъ даруе: намыста, стежки, дукачы, канаветы!.. Де хрыстыны, и туді ёго втысне. И отакечкы всимъ дивкамъ та не одній и молодыци позадурювавъ головы. И вылупытця жъ отака проява!.. Кума Стоха казалы, що бачылы, якъ сёгодня Павло зустривъ за селомъ нашу Явдоху и почавъ тамъ передъ нею выхылясы та выкрутасы строиты... Що не кажы, а хороший —вражній сынъ!.. Ко-лы бъ же не такой волоцюга! (*Пшла в хату*).

Я В А І V.

Катря (*вийшла з хаты, що з ливого боку*). Двичи сёгодня Павло пройшовъ по нашій вулиці; якъ вздрила ёго кризь викно, то такъ серце затрипотило, ледве встояла на ногахъ. Певно нави-дувався дизнаты, чы дома мій чоловікъ. Дома, бодай ёго болячка задомыла, и никуды чортякы не вырядять ёго!.. Други люде стають пидъ хуру, чы тамъ за ко-робку молотыты, а мого ничимъ и не выкурышъ зъ хаты. Охъ, и занудылася жъ я за Павломъ, не мовъ шалепа ходыла. Охъ, серце мое, трудне лышенько мени зъ тобою.

Я В А V.

Якымъ и Катря.

Якымъ (*на порози*). А чого ты й доси вештаєся по подвирьї?

Катря. Та я той... Богу молылася...

Якымъ. Хйба въ хати не можна по-молытысь?

Катря. Я люблю до зирокъ молы-тысь.

Якымъ. Ой, Катре, щось ты оце у ве-чери дуже зазорила, разивъ уже зъ пять: то зъ хаты выскочышъ, то въ хату вско-чышъ?..

Катря. Та такъ, щось нйбы млосно мени стане въ хати, я й выбйжу.

Якымъ. Чы не за старе думаєшъ прынятысь?

Катря. Отъ же я вже й забула, а ты самъ нагадавъ... Я вже почала забуваты, якъ ёго и наймення...

Якымъ. Не замулой мени очей, знаю я, що ты спышъ и бачышъ Павла.

Катря. Якого Павла?

Якымъ (*передражнюе*). „Якого Пав-ла!..“ Ачъ, нйбы й справди забула.

Катря. А, це ты про того?

Якымъ. Та не про инчого жъ!

Катря. Слухай, чоловіче! Вынна я була, ты бывъ мене, й я мовчала; а якъ почнешъ не по правди поневиряться надо мною,—не стерплю и нароблю тобі такого шарварку, що й рады не дасы соби и на свить не зглянешь!..

Якымъ (*здывованно*). Га? Це жъ якъ ты зо мною, по якому?

Катря. Тоди розберешъ, якъ пизно вже буде.

Якымъ. Та це?..

Катря. О, вже й розгнивався? Та нехай тому... Павлови, чы якъ ёго?.. Хай ёму рябый бись прыснитця... (*Зареготала*). Ой, и спаты жъ хочу!.. (*Позиха*). Ходимъ вже, мій голубчычокъ волохатенькій, у хату (*лаццтыця др него*).

Якымъ. Ачъ, размонизылася!

Катря (*лабузничючысь, прыспивуе*).

№ 2. Чоловиче мій,

Ты порадо моя,

Та порадь же мене,

Прыголубъ же мене...

(*Хутко поцилувала ёго и побигла вз хату*).

Якымъ. Дыва, поцилувала! Отъ и розберы иі! Та якъ гаряче поцилувала!.. Лыбонь такы й навспряжки вона любе мене? Такъ же поцилувала, що ажъ й досы щока горить... Ну, й скажи на мылость Божу, а я думавъ... Якъ бачу, то зовсимъ такы схаменулася. Завтра пиду у крамницю, куплю ий на шараванъ жовто-гарячого, а на хвартухъ зеленого!.. Отъ и розберы иноди людыну? (*Иде вз хату, тыхснько спиваючы*).

№ 2. Ой у мене жинка

Не абы якая,

Круглесенька, билесенька,

Та ще й чорнявая!

Я В А VІ.

Павло (*выходе, оглядаючысь*). Чы посвыстомъ, чы спивомъ даты звистку Яв-

доси? Лыбонь я трохи спизнывся, зъ Варькою забалакався. Каже: „не ходи, постій ще!..“ Ухопыла за полу и не пуска, ледве вырвався, та драла сюды, думаю: тутъ мене краща выгляда!.. (*Оглядаецця*). Одначе, щось не выгляда? Якъ ще раницъ Явдоха не впала мени въ око? Выйшовъ сегодня зъ лугу, ажъ бачу: якась дивчына выбигла на шпыль, проты череды, глянувъ на неи и нибы у перше побачывъ! На голови биленька хусточка, зъ габою, сама чорнява, хвартухъ червоный та рясный, увесь у крапешыкахъ та въ квіточкахъ, а постать вся мовъ змалевана. Зійшлыся: я кивнувъ головою, усмихнулася, дали я моргъ на неи, вона и соби, я и вдруге—моргъ, а вона й повела очима, нибы промовыла словами: прыйды! Якъ васъ зовуть? пытаю. „Якъ вчора звали, такъ й сёгодня!“ И мовъ витромъ иі здмухнуло. Я до пастуха: якъ зовуть оту дивчыну? „Хиба, каже, забудь, що Явдоха!“ Забудь, я й зроду не знавъ, якъ иі зовуть. И колы вона зросла? Ци дивчата ростуть, якъ ти будякы! Щось у Явдоси е таке, чого у другихъ дивчатъ я ще й не постерегавъ, ей-ей!.. Ну, прылыпла жъ до моихъ думокъ, онъ якъ прылыпла, прямо про всихъ дивчатъ забудь, про неи одну тилько и думаю. (*Выгляда*). Не выдко жъ иі й досы? Хиба кашлянуты? (*Кашля*).

Я В А VІІ.

Власъ и Павло.

Власъ (*проходе вулицею*). Добри-вечирь!..

Павло. Вже когось чортяка несе!

Власъ. То ты, Терешку?

Павло (*одвертаецця*). Проходь, проходь своєю дорогою!..

Власъ. Та я не тее... (*Пишовъ*).

Павло (*вдывляецця*). Це Власъ?.. Куды жъ це винъ? Ага, знаемо, куды.

(Кашля). Г-мъ, нема ии, отъ штука?!..
 (Помовчавъ). Заспиваты бѣ? Ондечки
 Брунькова хата, почуе Катря, заразъ вы-
 бжыть—помиша... Обрыдла вже мени
 Катря, морока зъ нею та й годи: серизъ
 втыснетця и не мовъ поперекъ горлянкы
 мени стане! А тамъ дали хата Журав-
 ливъ, тамъ Мотря... На вищо отакъ
 щидьно ставляють хаты на сели: одна
 била другой?.. Здійметця галасъ у од-
 нимъ подвирьи, то й у сусидськихъ якъ
 ярмарокъ. Кажуть: „хата-покрышка.“
 Добра покрышка, що у одній хати чхны,
 а въ другій скажуть: доброго здоровьяч-
 ка! Чого доброго, може, и не диждусь Яв-
 дохы? (Почына тыхенько спиваты).

№ 3. Зелений яворе
 На яръ похылвся,
 Молодой козаче,
 Чого зажурвся?

Чого зажурвся,
 Чого засмутвся,
 Чы волы прыстали,
 Чы зъ дороги збывся?

Волы не прыстали,
 Зъ дороги не збывся,
 Тимъ я зажурвся,—
 Безъ доли вродився.

Я В А VIII.

Якымъ и Павло.

Якымъ. А хто це тутъ выспивуе?

Павло (у бикъ). Отъ тоби й маешъ?
 Катринъ чоловікъ. (До него). Добри-
 вечеръ! (Простяга руку).

Якымъ (не дае руки). Добра-ничъ!
 (Помовчавъ). Якъ це тоби й досы ни-
 хто нигъ не поперебывавъ?

Павло. Быть—треба купыть!

Якымъ. Та вже я прыставъ на те,
 щобъ и заплатыты.

Павло. На мене спроста цины не скла-
 дешъ.

Якымъ. Якъ визьму я оце выла, або
 ципа, та безъ торгу такъ виддубасю
 тебе!.. Сатанайдолъ!..

Павло. У выль, якъ и въ ципа, два
 кенци!..

Якымъ. Гляды, щобъ я не побывъ
 ихъ обохъ на твоій спыни.

Павло. И що бѣ то було, колы бѣ
 такыи бувъ дужый, якъ сердытый?

Якымъ. Добрымъ людымъ спочывокъ,
 а ёму, чортовому бугаёви, спивы.

Павло. Ну, й чого бѣ ото я репету-
 вавъ, мовъ на жывить?

Якымъ. Не заговорюй мени зубивъ:
 вони у мене не боляты.

Павло. Дай Боже, щобъ николы не
 болилы: нема нуднищой болисты, якъ зубы.

Якымъ. Е таки люде, що замовляють.

Павло. Ни робыты тоби, ни спаты,
 ни йисты!..

Якымъ. Баба Квачыха замовля, и
 Архыпыха може...

Павло. А дидъ Тыркуль не може?

Якымъ. Тыркуль? Не знаю...

Павло. А баба Чачавычыха?

Якымъ. Чачавычыха?.. Не треба мени
 ни Чачавычыхы ни Тыркула, я тебе пы-
 таю: чого це ты зновъ прытепався на
 нашу вулицю?

Павло. Ты все про свое?

Якымъ. Ну-да, про свое!..

Павло. Мабуть, за кимсь скучывъ, а
 може й за мною?

Якымъ. Що-о?

Павло. Не всимъ же я пійстрякомъ
 въ очы, якъ тоби.

Якымъ. Мало тоби другихъ вулицъ,
 чортывъ жеребець!..

Павло. Ну-да!

Якымъ. То-то, що „ну-да!“

Павло. Нуда нудыть, лыхо вялялыть!

Якымъ. Чого тебе, пытаю, нечыста
 зновъ сюды прынесла?

Павло. Та нуда жъ, кажу.

Якымъ. Я тебе якъ нудакну!.. Слухай, одійды, чуешъ, видъ гриха! Бывъ я багато разивъ Катрю за тебе.

Павло. Отъ катюга!..

Якымъ. Самъ ты катюга!.. У останне вже такъ виддубасывъ, що бильшь тыжня вылежала.

Павло. Мало бывъ!..

Якымъ. Що—о?

Павло. Зновъ що—о?! Не знаю, якъ вже за тобою й потрапляты.

Якымъ. Браше иды на ризнь.

Павло. Можна й такъ.

Якымъ. О, ты розумный!

Павло. О, ты дурный!

Якымъ. Га?

Павло. Та ты жъ кажешъ, щобъ я йшовъ на ризнь зъ тобою?

Якымъ. Отъ сатана, винъ прямо за-быва мени бакы.

Павло. Я що-разу, якъ зустріну тебе, то й думаю: ось кому призначено тилько слухаты, а винъ беретця розмовляты?..

Якымъ. Тьху ты!.. Чуешъ бо ты, крученый! У мене жъ тройко малыхъ дитей: на кого вони зостанутця, якъ я за тебе прыбью Катрю такъ, що вона, бороны Боже, й дуба дастъ? Хто дитямъ дастъ пуття, хто ихъ догляне? Оженигысь у друге?.. Воно, пожалуй, можна, за цимъ дило не стало бъ, е, хвалыты Господа, за вищо й весилля видбуты, за вищо й руки зачепыты... Ну, а якъ визьму ще гиршу?..

Павло. Оце розумна ричъ, хвалю! (*Бере его за руку и трясе*). Такъ бы ранищъ почавъ балакаты а то...

Якымъ. Подумавъ, подумавъ и сказавъ: шабашъ!

Павло. Хиба дурень такъ обмиркувавъ бы, той зразу почавъ бы катуваты. Ну, выбачъ мени, що я тебе дурнемъ назвавъ. Хвалю, ей Богу, хвалю. (*Бве его по плечи*).

Якымъ. Ну-да. Шкода дитей. Найменьчому хлопцеви оце після Маковія пишовъ другій рикъ, ну тамъ же таке втишне; сказать, зовсимъ воно пупьянокъ, а вже каже: „тату, тату!“ И рученятка простяга.

Павло. Невже? И оце вже край розмовы?

Якымъ. Край. Иды, будь ласка, видъ мои хаты и не скушай.

Павло. О, а я думавъ, що ты скажешъ: ходимо жъ въ хату?

Якымъ. Въ хату? (*Дыгытця ему в зичи*). Слухай ты, ты! У, скаженный поглядъ!.. А очи брехлывы такъ и бигають!...

Павло. Ты все такы тые жъ, а я тоби скажу, що ты мене усовистывъ. Коны бъ ты отакъ давнищъ зо мною побалакавъ... Теперь и я скажу: шабашъ паморокы заморочуваты. (*Здйма шапку и кланяетця*). Просю васъ, Якыме... Якъ васъ по батющци?

Якымъ. Га? Якъ? Максимовичемъ.

Павло. Нызенько просю васъ, Якыме Максимовичу, до мене за старосту.

Якымъ (*здывуався*). Якъ? Що-о?

Павло. Кажу жъ: усовистылы мене, и оце наважывся схаменутысь.

Якымъ. Та неуже?

Павло. Бачу, що нагрйшывъ у волю, пора каятысь. Тилько не знаю, чы стацхъ Господь вику на спокуту?

Якымъ. Оце вже ты нибы й по людськи забалакавъ!

Павло. Якъ тилько Богъ допоможе одружытысь, то що-года ходытму на прощу. Якъ думаете, де швидче зпокутуюсь?

Якымъ. Про це спытай у старыхъ людей.

Павло. Спытаю.

Якымъ. Ну, нехай тоби Господь допоможе!...

Я В А IX.

Ти жъ и Журавель.

Журавель (*на порози своєї хаты*).

А хто то гомонить?

Якымъ. Свои люде.

Журавель. То вы, свате Якыме? Зъ кымъ то вы розбалакались?

Павло (*хутко*). Не кажыть!

Якымъ. Ага, боіся? (*До Журавля*). Та це мій братуха...

Журавель. Про вищо жъ вы? Мо, що трапылось?

Якымъ. Ни, ничего...

Журавель. А я чую, шось балака, подумавъ: мо, що-небудь неблагополучно?..

Якымъ. Ни, все благополучно.

Журавель. Чы спивалы вже перши пивни? Чы, мо, вже й другі?

Якымъ. Вже.

Журавель (*позиха*). Мо, на завтра буде годынка? (*Пишовъ вз хату*).

Якымъ. До кого жъ думаешъ за рушныкамъ?

Павло. Та ще й самъ не знаю... Хіба ось цю. (*Показуе очыма на Тымошеву хату*).

Якымъ. Явдоху? Валяй!..

Павло. Мабуть, такъ и зробімо.

Якымъ. Я тоби іи высватаю, ей-ей, высватаю. Стривай бо, колы це? Позавчора, такъ, такъ, позавчора... Эге, позавчора бижыть зъ водою видъ крыныцы, поздоровкалась та й пыта: „дядьку“? Бачышь, я ій такы дядькомъ довожусь. — У третихъ, чы въ четвертыхъ? Бо мои покійни батько, царство имъ небесне, вичный покій, та булы дядькомъ у другыхъ іи матери; а маты моя держалы до хреста іи батька сестру меньчу... Эге, та й каже: „дядьку! скажыть мени правду, якый у насъ на сели парубокъ найкращый?“ Я такы хотивъ сказаты на тебе, бодай тебе чортяка... Отъ же, лыбонь, мени вже й не прыходыця тебе лаяты,

що клычешъ за старосту? Ну, що жъ, треба правду сказаты: ты найкращый; а я сказавъ ій: хіба ихъ мало?..

Павло. То вы радыте?

Якымъ. Радю, онъ якъ радю! И высватаю, падлець я буду — высватаю. А хто жъ за пидстаросту?

Павло. Поклычу будь кого.

Якымъ. А звычайно. Не въ пидстарости сыла, а въ старости. Я якъ старостувавъ ось у старшого Журавленка, у Петра, то тилько взявъ Лимпаду, значыть жиньку, его Лимпаду, отакечкы за плече, вывивъ іи у сини, промовывъ два слова... Я знаю такы два слова, що хочъ яку дивчыну высватаю. Це вже, братъ, моя паравія!..

Павло. Ага, бачу що й до васъ эт голямы рукамы не пидступай?

Якымъ. Та де, що знаемо й можемо!.. А якъ оцей, Сыдиръ Журавленко, бравъ за себе Мотрю, то вже я бувъ за пидстаросту, а Гнатъ Чепурко за старосту. Слухай, Павле, признайся мени, якъ попови на духу: на тебе мусыть Мотря плакатысь?

Павло. Не знаю, на кого, тилько не на мене.

Якымъ. Простраховылась! Якъ почалы на весилы допытуваты іи — мовчыть, мовчыть, якъ воды въ ротъ набрала. Потимъ Сыдиръ почавъ: признавайся, каже. — Мовчыть. А Гнатъ, хочъ винъ іи староста, ну, не тяме жъ закову; такъ я тоди Сыдорови й кажу: що ты дывыся ій у мордяку, бый іи, нехай признаетця. Недзя, такый вже законъ споконъ-вѣку: провныла, треба быть!.. Ну, й важка жъ рука у Сыдира: морснувъ разъ, Мотря похытнула, морснувъ у друге — юшьюк вымылася и впала на лаву.

Павло. Призналася?

Якымъ. Мовчыть, якъ онимила! Недзя, братъ, ихъ не быть — законъ!.. Закона недзя несповняты. Такъ то!.. Ну, й влятый ты, Павле, до бабьячого кодла!

Павло. Кляти й вони до насъ.

Якымъ. Невже? *(Регоче)*. Ты певно знаешъ такого слова, або зилля?

Павло. А хибя шо?

Якымъ. Певно знаешъ?

Павло. А якъ знаю?

Якымъ. Бо безъ слова не можна. Отъ и я знаю два слова. Хочешъ: я тебе навчу, а ты мене?

Павло. Не хочу.

Якымъ. И скилько жъ ты дивчать звивъ зъ ума?

Павло *(зитха)*. Не мало! Увесь вихъ покутыватимусь.

Якымъ. Покутуйся, братъ, бо то грихъ. Я тобі скажу, хочъ бы ты й не признався, що ты знаешъ такого слова, такъ мени давно призналася Катря.

Павло. Призналася? Ачъ яка!..

Якымъ. А колы жъ за рушныками?

Павло. Колы?... Треба бъ зъ Явдохю перебалакаты...

Якымъ. Та що зъ нею балакаты, стоять того дила. Нехай я краще зъ нею побалакаю, сразу высватаю. Такъ колы жъ?

Павло. Подумаю... Вы спаты ще не хочете?

Якымъ. Ни, я розбалакався... Шкода, що мы якось такъ на сухо перебалакаты.

Павло *(выйма гроши)*. Кого бъ послать?

Якымъ. Хибя збигаты самому? Мовчи! Отъ-то чы не Явдохя?.. Вона. Иды жъ та перебалакай зъ нею скилько сливъ, докы я вернусь; а я збигаю до Лахмана. Лахманъ сегодня свижой горилкы привизъ. *(Взяв гроши)*. Я тобі ии высватаю, це моя паравхвля!.. *(Пишовъ)*.

Павло. Насылу здыхався. Чы Явдохя жъ то? *(Иде на зустрічъ)*. Явдохя, ты?

Я В А Х.

Мотря и Павло.

Павло *(здыгувався)*. Мотря?!..

Мотря. Ц-сь!.. *(Оглянулася)*. Явдоси вже свить замакитрюешъ?

Павло. Чого такъ важко дыхаешъ? *(прыдывляється)*. Якъ змарнила сердешна, очи позападали!

Мотря. На ладанъ дыхаю, мабуть, скоро здохну... Такъ мени и слидъ!..

Павло. Голосъ якъ зминився!..

Мотря. Мало ще зъ ума позоводивъ, до Явдохы дорижку топчешъ?

Павло. Бють тебе нещасну!.. Якъ мени тяжко дывытысь на тебе!..

Мотря. Не шкодуй мене, я пропаща! Пошкодуй Явдохы, не стопчы ии чести, якъ мою стоптавъ, не ославлюй батькаматирь, вона жъ у ныхъ одна.

Павло. Глянувъ на тебе, и не мовъ отерпело мое серце, ажъ у груди кольнуло!.. Якъ бы намъ зъ тобою завтра або-що перемовиты?..

Мотря. Загубивъ, загубивъ ты мене, Павле! *(Упала ему на плече и зарыдала)*.

Павло. Отакъ, загубивъ!.. Хибя жъ не казавъ: пидожды до весны—свататимусъ?

Мотря. Поповодивъ весну, потимъ водивъ до осени, та ще хотивъ поповодиты?

Павло. И не водивъ бы.

Мотря. Батько й мати прыстали: „иды замижъ за Сыдира, у него и достаткы, ёму й хата зостаеця після батька, и надилъ!“ Сказала я тобі, а ты що мени видповивъ?

Павло. Що жъ видповивъ? Сказавъ: иды, колы е охота, а я ще погуляю.

Мотря. Гарна порада! Все сусиды почалы вже шепотиты; Демидъ скилько разивъ онуджувавъ проты мене хлопцивъ; а разъ пьяный ставъ выхвалятысь: „я ий, важе, докажу свого и косу смолою вымажу!“ Поскаржылася тобі, а ты хочъ бы словечкомъ мене заспокоивъ... Охъ, пропаща жъ моя голивонька!..

Павло. Яка ты чудна, Мотре! Мени хочетця ще погуляты, а й тобі казавъ:

давай ще погуляемо, а оженигысь будь колы успіемо; ты не повирыла мени, а теперь терпышь муки?.. Що за неволя женигысь рано? Оженигыся, тоди вже ни на вулицю, ни на вечорныци, ни поспивать тоби, ни пожартувать... Грихъ, кажутъ. У мене не така натура, щобъ я сразу все залышывъ: нагулявся бъ у волю, тоди й оженигыся бъ... А то неначе жывий лягай въ домовыну.

Мотря. Щось говорышь нечуване, не людське... Ничого не розберу! Охъ, пропаща я, пропаща!..

Павло. Чого пропаща? Та годи бо тоби хлыпаты. Мы ще зъ тобою пожывемъ... Завтра, якъ смеркне, выйды за городы.

Мотря. Бороны Боже!.. Ачъ що выгадавъ.

Павло. Щось рыпнуло дверыма.

Мотря. Колы бъ ще не постерегли!.. (побигла).

Павло. Я дожыдатыму! Отъ якъ ще Катря зъявтыця, тоди не дадутъ сьгодня побачытысь зъ Явдохю...

Я В А Х I.

Явдоха и Павло.

Павло (тыхо). Це хто? (Прыдывляецця). Явдоха?

Явдоха. Може й не вона (соромытця).

Павло. За те, що заставымы такъ довго дожыдаты, платить штрапа.

Явдоха Якого?

Павло. Цилуйте мене заразы, ажъ трычи!

Явдоха. Та ну-те бо, не пустуйте!.. Ачъ чого захотылы? Та пустить бо!

Павло. Ну, й дывчынка жъ, якъ лялечка, якъ цяпечка!.. И вродытця жъ отаке бисыня, що сразу захопыть тебе такъ, що ажъ въ очахъ тоби потемние, и ныбы ажъ захлебнеся!.. Що жъ, запла-

тыте штрапа, чы може скажете: иды соби, парубче, геть? То я й пиду. Прощайте!

Явдоха. (Хана его за руку). Куды жъ вы?

Павло. Може вы кого другого чекаете?

Явдоха. Ой и хытри жъ, хытри!..

Павло. Кто, я? Та другый бы на моймъ мисыци, котрый хытрий, та смилывый, то отакъ бы ухопывъ васъ, обійнявъ, прыгорнувъ до сердца, та и не выпустывъ бы до самисенького свиту!.. (обнима ю).

Явдоха. Ой, вы мене задавыте!

Павло. И задавлю таеы, якъ не заплатыте штрапа.

Явдоха. Ну, я одынь тилькы разъ, та й буде (цилуе).

Я В А Х II.

Ти жъ и Катря.

Катря (крадучысь позады ихъ). Ты ось якый, прыдысвить!

Явдоха. Задоволнылысь?

Павло. Ни, мало.

Явдоха. Ну, нате вамъ ще разъ (цилуе).

Павло. А я васъ за це у десятеро (цилуе ю).

Катря. А щобъ тоби губы потрыскалысь!.. (Зника въ Тымашеву хату).

Явдоха. Та годи бо, ще й шочу процилуете, буде дирка.

Павло. Що жъ то за устынькы солодки, що жъ то за зубонькы перлови!.. А оченькы! Дай, я гляну въ твои очыняточка!

Явдоха. Ну, гляньте!.. (пидводе очы).

Павло. Ясни, якъ весняне сонечко, свитли, якъ небо, ласкавы, якъ сонъ чаривный!.. Красо моя, квыточко моя, цвйте мій рожевий!..

Явдоха. Ой, хтось зъ хаты иде!.. Втыкай, заховайся!..

Павло. Тыкать вже никуды, бо и зъ цьго боку щось манячыть. (Явдоха втыка за хату).

Я В А XIII.

Галушка, Векла, Катря, Павло и Якимъ.

Галушка (*гризно до Павла*). Якого ты биса тутъ тынаесся?

Павло (*Вклоняетця*). Добри-вечирь!

Галушка. Що це таке за...

Якимъ. Могорычъ (*показуе пляшку*).

Векла. Який могорычъ?

Якимъ. Осъ выкушайте, тоди й знагымете (*налыва*). Жалаемъ доброго здорвячка...

Галушка. Та... Кушайте на здорвячко! Тилько я не розберу?...

Якимъ. (*Выпывъ и частуе Галушку*). Простю покорно!..

Галушка (*бере чарку*). Зъ якою жъ причыны пыты?

Якимъ. А осъ зъ якою. Черезъ скилько день ждять насъ до себе на полюванне, бо у вашъ двиръ та забигъ нашъ звиръ.

Векла. Який звиръ?

Якимъ (*показуе на Павла*). А оце нашъ ловець-молодець.

Павло (*сита его за рукавъ*). Згодомъ бы?

Якимъ. А я тоби велю кланятсь.

Павло (*Кланяетця*). Мылосты прося выкупаты.

Галушка. Ни, не пытыму!

Векла. И я не пытыму, и въ руку не вызьму!..

Якимъ. За що жъ вы насъ зниважате, чы, по просту сказать, кантавужете? Мы васъ не сылуемо: чы буде дило, чы

не буде, а воза мазаты треба, бо якъ не пидмажемо, зъ мисця не рушимо, о такъ отутъ, бияя вашою хаты, завязнемо та й стоятымемъ. Перве дило: выкушайте, хочъ губы вмочыть. Платыты намъ за горилку не будете, бо мы зъ тихъ крайвъ, шо живлятця чужыною.

Галушка. Не знаю, шо вамъ казаты й шо гадаты?.. (*До Веклы*). Це халепа!.. Га?

Катря. (*Пидкралася до Павла*). Завтра смеркомъ бияя Оверковой крныци дожыдатыму, не грыйдешъ—стережысь! (*До Веклы*). Титка! чы дасте жъ вы мени сыта? Мени у до свита борошно сياتы.

Якимъ. И ты тутъ? Чуешъ, Катре! Я хочу оженыты оцего сатанадола!

Катря. Пора!..

Галушка. Що жъ я... Я чарку горилкы выпью, а про те, шо вы натякаете, мушу полизнуваты. (*Пье горилку*).

Явдоха (*прокравшысь по за хатою, стала на порози*). Могорычъ пють, Господы, чы е хто у свити счаслывшій видъ мене? (*Хутко пишла въ хату*).

Якимъ (*частуе Веклу*). Мылосты прося.

Векла. Выкупаты можна, а дило це сразу не приходытця... (*пге*).

Якимъ. А я знаю таки два слова!.. (*Налыва*). Катю, выпій и ты зъ нами. (*Частуе Катрю, до Павла*). Шо, не вмю розмовляты? Це моя паравхвია...

(З а в и с а).

Д І Я І І.

По загородами. Въ глыбни вербы, лоза, очеретъ, калына; межъ городамы вулиця, на вугли, пидъ вербою, крыныця, дали мріе село. Надъ вечоръ.

Я В А І.

Павло и Радько, *сидячы на тыну проты крыныци, спиваютъ.*

№ 4. Ой зачула моя доля,
Що не буты мени дома;
А бутъ мени у неволи,
У некрутскому приёми.
Козаченько догадався,
По вулицямъ зашатався,
До дивчыны заховався.

Радько. Що жъ, пидемъ на якономычскій тикъ, тамъ теперъ била машыны дивчатъ та хлопцивъ сыла ноче: цилу ничъ жарты, реготъ, спивы... Вже де-котри поверталысь зъ заробиткивъ зъ Дону, то що силу понаносылы новыхъ писонь, гайда и мы якои навчымосъ.

Павло. Не пиду, не хочу. Колы бъ мене цикавылы нови писни, скільки бъ я ихъ доси знавъ!

Радько. Чого жъ вони тоби не наравлятця?

Павло. Таеъ. Ни ладу, ни складу.

Радько. Ни, е ловки писни. Ты жъ не чувъ ось ция?.. Тилько що я ии ще до краю не довчывъ (*спива*).

№ 5. Рано, рано мисяць сходе,
Ще ранище купецъ встае;
Просыдивъ винъ до пивночи,
Прытомывъ свои глаза.
А въ пивночь къ ёму прыходыть
Его верная жона.
Гей, зайды ты, жона, прочъ,
Головушки не морочъ.
Завтра въ Харькивъ уизжаю,
Бо товару въ лавци нѣтъ!
Нѣту красного товару,
Нѣту денегъ ни гроша...

Павло. Чортъ батька-зна яка!

Радько. Не, братъ, ловка! Тутъ вона дали якось...

Павло. Не хочу слухать (*встае*).

Радько. А що жъ по твоёму краща: „та лугомъ иду, берегомъ иду?“ Або „та й оре Семень, оре!“

Павло. Мени вони кращи.

Радько. И такъ вже ти луга та оранка обрыдлы, та ще про нихъ спивать? Отъ чортъ не выдавъ!.. А цю чувъ? (*спива*).

№ 6. Послidyній день красы моей
Юкрасывъ Божій светъ,
Ювыдю море, небеса,
А родыны наврядъ...

Я В А І І.

Ти жъ, Власъ, Терешко, Демко и други парубны.

Власъ. Бачъ, хто тутъ затыга новои?.. Добры-вечиръ!

Демко. А мы оце прямуемо у якономію, на тикъ. Гайда разомъ!..

Радько. Та я ось Павла тягну — не хоче!

Демко. Парамоньтця?

Власъ. Якъ не хоче, то й не треба!

Демко. А може ты, Павле, нанявся крыныци стерегты?

Павло (*почына свыститъ якусь писню*).

Терешко. Щось я помичаю, що въ Павла шыя свербыть.

Демко. А може ребра?

Терешко. Я сёгодня прочувъ новыну, тилько не знаю, чы тому правда?

Демко. Чы не про Варьку Гупаленкову?

Власъ. Або може про Гапку Рябковеву?

Терешко. Коли ты хочешъ зъ нами товаришувати, то ты такъ не робы!

Радько. И я тоби давно хотивъ сказати, що хочъ ты мени, Павле, и свать у первыхъ, а такъ робити не по парубоцьки.

Павло. Чы не хочете, братьця, покурыты; турецкій табачокъ, сёгодня Лахманъ привизъ зъ города. (*Выйма табачныцю*).

Власъ. Почимъ хунть?

Павло (*чыта на паперци*). 15 копійекъ четверть, значить 60 копійекъ хунть.

Радько. Я пробувавъ табачокъ ловкій.

Терешко. А я ненавию турецького, тилько лоскоче у роти. Ни, Павле, ты все оте занехай, бо будешъ бытый.

Павло. Справди? Тилько коли бъ не выйшло на те, що якъ то кажуть: „ладно дядя хахла бьётъ, тилько въ дяди мазка идётъ!“

Терешко. Побачымо, у кого мазка потече?!

Павло. Побачымъ, сказавъ слипый, почувемо, сказавъ глухий.

Демко (*куре*). Ну, й ловкій же табачокъ, пахъ якій гарный иде!

Власъ. Такъ то, Павле. Задуривъ свить одній, другій и годи, а то ты вже зовсимъ розбештався.

Терешко. Брунько Якымъ у недилу хвалывся: постановлю, каже, громади пять видерь горилки, щобъ на Павла написали прыговора, щобъ ёго геть зъ села!

Павло (*схочивъ*). Гайда, братьця, заразъ до Якыма! Якъ що Якымъ згоденъ у ричахъ зъ Терешкомъ, тоди я становлю парубоцству видро горилки и даю пять цилковыхъ на корогву до Божого храму.

Терешко. Ходимъ, я тебе докажу!

Радько. Ну, свате, начувайся!

Власъ. Не пошкодуемо кулакывъ! Горилка горилкою, а й тельбухамъ гивнетця не разъ!.. (*Идутъ*).

Павло. Стійте! А якъ Терешко зберхавъ?

Вси. А й справди, що жъ тоди?

Терешко. Тоди плюнь мени межи очи пры вселюдно!

Павло. Хочъ и дешево хочеть выкупытысь, одначе нехай и такъ. Ходимъ!..

Я В А III.

Ти жъ и Якымъ.

Павло. Отъ якъ разъ до речи!

Якымъ (*чоломкаетця зъ Павломъ*). А, гаспадынъ скаварадынъ! Здорови булы, хлопци! (*Вси шапкуютьця*). Що жъ вы мовчкы идете, бодай васъ въ стриху головою!.. Якъ мы колысь парубкували, то де було зберетця юрба, тамъ и спивы, тамъ и жарты, музыкы, таньци!.. Куды вамъ до насъ?!..

Павло. Просю васъ, Якыме Максимовичъ, скажыть ось парубоцству: за кого вы мене маєте?

Якымъ. За Павла, та ще й Андріевыча.

Павло. Може личете мене за харьцызца, або гульטיפаку, гульвыса?

Якымъ. А ни Боже мій!

Павло. А коли бъ обчество написало прыговора, щобъ мене геть зъ села, чы вы бъ дали руку на пидпись?

Якымъ. А хйба я скаженный, чы якъ? Та нехай мени рука всохне!..

Павло (*кланяетця*). Дякую вамъ.

Якымъ. Ото й по всёму?

Павло. Та й тилько.

Якымъ. Заходъ же надъ вечиръ до мене... Я оце кыкавъ Мыхайла Джерю... знаешъ... (*морга*), шо вчора. Винъ якъ разъ такый, якого намъ треба (*зновъ морга*). Мы зъ нымъ по одній—по другій, и дило въ шапци!.. Прощавайте, добри молодци! Не маю часу, та й не прыходитця мени зъ вами у патёкы заходыты (*пишовъ*).

Павло. Ну, Терешку?

Терешко. Що жь, плюй мени въ пику!

Павло. Шкода слыны. Падлець ты, оть що!..

Радько. Ну, я бь цёго Терешкови не подарувавь!

Демко. Та дай ёму, Павле, у мордяку!

Павло. За вищо? А ты кращій видь нёго? Ты жь оце свижо збирався личыть мени ребра, а за вищо? Чы ты мене постеригь колы у чимь лыхимь?

Демко. Люде базикають, ну, звисно...

Павло. То це якь хтось тамь скаже: Демко злодй, Демко мошелныкь!.. то я заразь повинень тоби скрутыты руки назадь, та й набытысь у волю?

Демко (*сміетця*). Ну, то ще хто кого подужавь бы.

Павло. Хочь бы ось и Влась. Винь, братьця, мае мене за ласуна, а самь нибы бь то й не ласый до дивчать. А хто позавчора мало не до свита простоявь зь Хотыною, пидь Гарасымовою левадою, хто улещавь и: „и кохаю тебе, и свататьму?..“ А вчора не ты хйба пытавь Демку: чы прысылаты за рушныкамы?..

Влась (*регоче*). Тьху, ты, бузовире! Та ты, мабуть, такы й е видьмакь, або упирь?..

Павло. Терешко гостре зубы на мене за Явдоху. Гайда, якь смеркне, до Явдошной хаты, выйде Явдоха: зь кимь вона пріязниць розмовлятыме, того й верхь буде. Прыстаешь на це?

Терешко. Та ты на словахь, якь на цымбалахь!

Павло. Все вы уміете зь за вугла цькуваты!

Терешко. Бо ты вже, мабуть, пидсынавь чогось Явдоси, або пидкупывь и чимь?

Павло. То вже мое дило. А ты пидсып ий такого, щобь видсагнулась видь мене?

Терешко. Я не видьмакь!

Павло. То кынься по знахаркахь, то по ворожкахь!..

Терешко. Та хай ий чорть, тій Явдоси, щобь вона тоби луснула!..

Павло. Може ще хто, хлопци, наважатця звернуты мени вязы, то выходь?

Парувкы (*промежь себе у пивголосо*). Та, ну тебе!.. Хай тоби абы що!.. Ще справди чимь пидкурышь! Або у яку звиряку переынешь!..

Терешко. Зь якои речи люде кажуть, онь хочь бы и про Мотрю, що за Сыдиромь Журавленкомь?..

Павло. Зь такой жь, якь и ты, якь и Влась, якь и вси!..

Терешко. Зь пальця того не высмокчешь!

Павло. Не бйсь, высмокчуть и зь нигтя. Одынь ляпнувь, другій не розчолопавь, а третій не второнавь, й стала така купа брехни, що й на оберемокь не заберешь. Ну, вамь у якономію, а мени стелетця нича дорога. Прощавайте! (*Збывз шапку на бохырь и пишовз, стиваючы*).

Ж 7. Добри-вечирь тоби, зелена диброва,
Переночуй хочь ниченьку
Мене молодого.

Не переночую, бо славоньку чую,
А про твою, козаченьку, головоньку
буйную!..

Добри-вечирь тоби, ты, темный байраче...

Влась. Оть зь такымь й поспорь!..

Демко. Не тилько самь выправитця, а ще й тебе пошые въ дурни.

Влась. Що не кажы, а голова въ нёго повна!

Радько. И на сливы мытець. Або нехай проты нёго хто вытанцюе: гайдука, чы торбана, чы хочь й запорожського козака?

Терешко. Хокусныкь и бильшь ничого! Тьху!..

Радько. Хто тоби, Терешку, сказавь, що Якимь хотивь купыты на Павла прыговора?

Терешко. А, йды геть! И ты не кращій видъ Павла...

Одннъ зъ парувкивъ. Та за приговора й я чувъ.

Демко. О, а чомъ же ты и досы мовчавъ?

Парувокъ. Щобъ и мени Павло забывъ багы, якъ Терешкови?

Терешко (*заскреготавъ зубамы*). Ну!..

Власъ. Та ну ёго къ нечистій матери!.. Гайда!.. (*Заводе писню, останни подхоплюють*).

№ 8. Де жъ ты шлявся—волочывся,
Що до мене опизнывся?
Я не шлявся—не волочывся,
Я зъ жоною побранывся.
Бывъ я жонку—напастывъ,
Чуть живу на свить пустывъ.
Дурякъ, дурякъ ты, Ванюша,
Дурна твоя голова;
Если будешъ жонку быть,
Перестанъ къ миня ходыть;
Ты зъ законною жоною
Довжонъ вику дожывать,
А зо мною молодую
Одну дочку почувать (*пишлы*).

Я В А І V.

Якымъ. (*Иде зъ видрамы по воду*).
Ачь, якъ ловко зачынають, неначе до-
стометни салдаты. Це така що я ще,
лыбонь, и не чувъ.

Я В А V.

Хивря и Янымъ.

Хивря. Здрастуйте, зъ середю!

Якымъ. Спасыби, будьте и вы...

Хивря. Чого це вы сами по воду,
хйба Катря нездужа?

Якымъ. Ба ни!.. Тамъ зъ малымъ
хлопьямъ пораетця... Мабуть, на зубы...

Тамъ таке втишно, вже каже: „тату!“ и
ручонятка простята.

Хивря. Якъ же вы теперь зъ Кат-
рею поживаете?

Якымъ. Хвалыты Бога, у насъ такъ
уже нибы якъ и въ людей.

Хивря. Тьху-тьху-тьху!... Щобъ не
зглызты. Стало быть, злюбылся?

Якымъ. Неначе бъ то...

Хивря. Пора, пора...

Якымъ. А якъ же не пора? Треба
прывыкаты одно до другого.

Хивря. Ще бъ не треба? Тройко вже
дитей, хвалыты Господа мылосердного!..

Якымъ. Вола зъ воломъ, мовлявъ,
роспаруешъ та зъ другимъ ёго спаруешъ,
й той прывыкне, а мы жъ, здаеця, люде?..
Я, якъ ото скоро взявъ за себе Катрю,
то тры обидни поклоны бывъ, щобъ Гос-
подь видвернувъ мене видъ Докіи. Памья-
таете, мабуть, що я Катрю взявъ за себе
зъ пересердя, а вона тежъ—описля вже
мени призналася—подавала рушныкы за
мене зъ пересердя—на Дмитра Жевер-
жія. Отакъ, мовлявъ, не думанно, не
гаданно побралыся, та ще й зъ пере-
сердя, а живемо. Пишовъ зъ старостамы
до Докіи,—не виддають, я зъ пересердя
до Катри. Такъ, кажу, тыжнивъ зо два
зо мною щось таке діялось, що ажъ
страшно. Дывлюсь на Катрю, а бачу
Докію! Та вже коваль, старый Ярошъ,
трычи розбовтувавъ жузельцю и дававъ
мени пыты; а маты звелилы: тры обидни
поклоны быты; видтоди, якъ рукою зняло.
(*Тимъ часомъ набравъ воды*). Про-
щайте! (*Пишовъ*).

Хивря. Ходить здорови! (*Набира
воду и заводе писню*).

№ 9. Якъ у саду, такъ у лиси
Соловейко на горыси,
А возуля на калыни;
Десь мій мыльнй на Вкравни.

Я В А VI.

Стеха и Хивря.

Стеха. (*Идучи з другого боку з видрами*). Якои це вы? Ой давно жь, давно я ии не чула. Здрастуйте, кумасько, зь середю!

Хивря. Спасыби, будьте й вы! Иноди сплине тоби на мысли така, що ты про неи й не думаешь, а якось ненарокомъ и заспиваешь.

Стеха. Колысь и я ии знала... А хорошиї у вась голось, кумасю!..

Хивря. Де тамь вже?.. Бувь колысь, та, якъ то кажуть, позычкы зьили, хиба намь, кумо, мало клопоту? Тутъ не то що спиваты, а й говорыты иноди важко тоби.

Стеха. Эге! А ну-те, ну-те, почнитъ цией пьсьни зь початку, и я пидтягну.

Хивря. Стривайте, якъ же бо ии? Каже: (*спивають*).

№ 9. Якъ у саду, такъ и въ лиси
Соловейко на гориси,
А зозуля на калыни,
Десь мій мылий на Украини,
На коньку wygrавае,
На сонечко поглядае:
Чы высоко сонце зходе,
Чы низенько заходе?
Ой, десь моя мыленькая
Смутна, якъ тинь, ходе.
Видно мылу по билому,
Що журытця по мылому.

Хивря. Отъ тоби... Це жь я дали й забула? Ба такы й забула!..

Стеха. Колы вже вы забулы, то я й зь роду-вику не нагадаю.

Хивря. Ще на тимъ тыжневи спивала, якъ вязала просо; а це не мовь вывїяло ии зь паморокивь!..

Стеха. Охъ, не до спививь намь. Що жь тамь нового чутъ на вашими бутку?

Хивря. Сваха Гаврылыха недужа пропасныцею.

Стеха. И досы?

Хивря. Эге! Вже що имь не робылы,—не выда. На тимъ тыжневи щетынныкъ, чы той пакъ, рашывець выминявь у ныхъ щетynu на голкы та на грыбе-нець, такъ каже: „высидить тры вечирнихъ зори у хливи, межъ свыннымы, до другихъ пивнивь—кыне!..“

Стеха. Кажете: до другихъ пивнивь? Що жь, кынула?

Хивря. Ни, трусе й досы, трусе та й трусе!

Стеха. До хвершала не выдалысь?

Хивря. Ба выдалысь. Давь бувь чогось такого червоненького у плящечци и звеливь пыты. Ажъ це прыйшла до ныхъ Йвга, зовиця ихня, глянула на ту плящечку та й каже: „не пийте!..“

Стеха. Черезъ що жь то?

Хивря. „Не поможе!“ Каже: „дававь винь и мени, каже, отакого, видь перелогивь—не помогло!“

Стеха. Кума Рымарыха одержалы пьсьмо, видь сына—салдата. Пыше: „Мамонько моя родненькая—благородненька! Не тревожьтесь и не печалуйтесь, що я въ болныци лежу, бо мени у жывотахъ страждане, що я вже ундерхыцерь, то й трудно мени... Тилько пришлить мени хочъ рублыка денегъ на прегметы...“ Отъ забула, на яки прегметы? Эге, на прегметы, каже... Потимъ всимъ вже кланяетця. Каже: „и сваси Стеси, це бь то мени,—кланяютця низенькымъ поклономъ и прыятнымъ словомъ...“ Такъ тамъ вси голосылы, такъ голосылы, що й Господы! Кумынь онукъ Петя чыта, а мы вси голосымо!.. Учора виднесла куми Рымарыси золотого, щобъ якъ посылатымуть видь себе гроши, то щобъ и мого золотого послалы.

Хивря. Нехай тамъ хочъ почаствуетця зь товаришамы за ваше здорвячко.

Стеха. Эге, нехай!..

Хивря. А у кумы Хрысти разомъ ажъ двое дитой заслабло.

Стеха. Скажыть на мылость? Пошесть бы то?

Хивря. Мабуть. Я имъ казала: кнѣтесь до хвершала. Кажуть: далеко йты, ажъ за девять верстовъ, та ще чы й поже?..

Стеха. Такъ, такъ... А не знаете, карасною не пробували поиты? Пивъ ручочки нехай бы дали, дуже помога. Даныло Семеновичъ, ось той що позаториєть купивъ земельку у грапа...

Хивря. Це бѣ то отой багатый Крывопьятенко?

Стеха. Эге жѣ, винь, винь!.. Хвалывся пьсареви, а пьсарь вже намъ перехвалывся. Пьсарь, бачте, намъ кумомъ доводитця, — винь ториеъ державъ до хреста нашу Мокрынку.

Хивря. Та якъ же, знаю!

Стеха. Та ото жѣ Крывопьятенко и хвалывся пьсареви, що: „самъ, каже, своихъ дитой видхожуе и завжды карасною, дуже помога“.

Хивря. Треба буде сказаты куми Хрысти. Крывопьятенко певно жѣ чоловікъ — тямущый.

Стеха. Ще бѣ ни? Пьсарь каже, що то чоловікъ на всю округу образованный: мало не пивторы тысячи десятинъ земли, у хвайтонови издыть, домъ пидъ жалізною покрывлею, и самъ при часахъ зъ золотымъ ланцюжкомъ навкругу шыи..

Хивря. Яка жѣ то карасныя?

Стеха. Та ото жѣ, що свитять.

Хивря. Це бѣ то: гасъ?

Стеха. Эге жѣ!

Хивря. У сестры Палажки свыня опоросылась дывьятьма, та тройко зразу и задавыла.

Стеха. Не доглядили?

Хивря. Кажыть, що щось наврочыло, або назыхнуло, бо вже такъ глядила, такъ

доглядала!.. Господы, якъ сердешна Палажка голосыла!..

Стеха. Ще бѣ не голосыты? Отакъ ревла Ганна Щепковхъ, невестка Хроська, якъ у нихъ тельця одійшла, вирите, такъ ревла, шо ажъ у нашій хати гуло, и стекла у викнахъ бренилы!

Хивря. Тамъ ще у васъ новына. Кажуть, що нибы бѣ то Павло зъ Варькою Гупаленковою почавъ ханькы мяты?

Я В А VII.

Ти жѣ и Павло.

Павло (*у бикъ*). Про мене щось скрекочуть. (*Ховаецця*).

Стеха. Ну, й супостать же отой Павло! Хвалыты Господа, шо у мене нема дочокъ на видданни. Старшія повмералы, а цимъ ще зась. Моій Гальци оце тилько писля Семена пшовъ чотырнадцятый.

Хивря. А у мене, слава Господеви, усе сыны, усе сыны, хочъ бы мени одне дивча!

Стеха. Постерегаєте, кумо, шо наше село зъ кожнымъ годомъ нибы псуецця?

Хивря. Та, мабуть, воно и скрызъ такъ.

Стеха. Чы за нашої жѣ памьяты, якъ ще мы дивувалы, чы водылося жѣ отаке?

Хивря. А й чы давно жѣ то було?

Стеха. Ну, вже, я за свое дытя, то отому Павлови прямо выколупала бѣ очи зъ лоба!

Павло (*у бикъ*). Сердытенька нівроку!

Хивря. И то жѣ якый анцыбыль! Кажуть, на яку дивку чы молодыцю задывывся, та вже й ёго, прямо и не видхрестытця и не видмольтця.

Стеха. Ачѣ, якый уредный! А я, вирите, бачыты его не могу: такый винь мени гыдкый!

Павло (*у бикъ*). Ну, це вже побачымо.

Хивря. Ни, кумо, не гыдкый, певно вы его гараздъ не розглядилы, тамъ якъ змалеваный, матери его хринь!

Стеха. Бачыла я его добре: якыс гадючы очы и чортачый посмихъ... Хай ему лыхе!..

Хивря. Прощайте! (*Иде*).

Стеха. Ходить здорови!

Хивря (*зумылася*). Чы правда, що вашъ чоловикъ купывъ вже нового кожуха?

Стеха. А хйба що?

Хивря. Де ще та зима, а у васъ уже и кожухъ новый на килочку. (*Пишла*).

Стеха. Я така, кумо, волю кохаешъ. то й даруй, на подарункы и дуже ласа! Оце жъ, лыбонь, я й забарылася? (*Иде*).

Павло (*на зустричъ*). Здравеньки булы, тётю!

Стеха (*полохнулася*). Тьху, нехай тоби грець! Оце!..

Павло. Чого жъ полохаецесь?

Стеха. Зійды зъ стежки, осоружный!.. Геть!..

Павло. Чы не вы часомъ, тетю, загубыли отамъ на вугли дукача?

Стеха. Якого тамъ дукача?

Павло. Лыбонь срибного? Натя! (*Дае їй дукача*).

Стеха. Новый.

Павло. Не вашъ?

Стеха. Та ще й позолочуванный!..

Павло. Якъ надинете на шыю, то вси здвуютця. Краса до красы, и хочъ картину малюй. Такъ то, тётю!

Стеха. Виддай его другий. (*Дае*).

Павло (*не бере*). Жбурнить его черезъ голову: колы не вамъ, то й никому!

Стеха. Винъ же не дешовый?

Павло. Сорокъ копіекъ цина, а може й полтынныкъ!

Стеха. Та жбурлять?

Павло. Жбурляйте смилыво, що вамъ моихъ грошой шкодувать? Думавъ догодить—не зъумивъ, самъ выненъ—жбурляйте ёго!

Стеха. Самъ жбурны!..

Павло. Чого жъ вы насупылись такъ на мене? Краще плюньте мени въ вичи, багнюбаю жбурнить у тварь, стерплю; хочъ одынъ же ласкавый поглядъ.

Стеха. Скаженный! Ей-Богу, скаженный!

Павло. Боже, що жъ то за очы!..

Стеха. Отъ напасть!

Павло. Таке свижэ лычко, таки ривни бривкы у перше бачу!.. Колы бъ я змигъ хочъ разочокъ обгорнуты отой чудовый станочокъ, поцилуваты у той румьяный выдочокъ!..

Стеха. Я тебе отакъ и поцилую долонею по щоци!.. Геть, харцызе!..

Павло. Картино моя! Чы грихъ, чы не грихъ, а не сыла моя дали терпныты! (*Обійма їй и цилуе у губы*).

Стеха. Чы ты не сказывся часомъ, тьху, тьху!..

Павло. Моя ты красо, моя ты чаривныце!.. (*Звоз цилуе*).

Стеха. Геть, геть! Отъ халепа! Якъ ще хто почуе, побаче!..

Павло. Пропаду, здурію, скажусь, якъ ты мене не поцилуешъ!..

Стеха. Одійды, бо почну гвалтувать!..

Павло. Колы такъ, нехай же мій грихъ на твою душу?.. Рубленая крыныченька, приймы мое тило!.. (*Ныбы хоче кынутысь у крыныцю*).

Стеха (*зв лякомъ*). Зупынысь, чы ты зъ розумомъ?..

Павло. Хочъ прыторкнысь до губъ, бо заразы сторчъ такъ и нирну!..

Стеха. Що мени робыты зъ тобою, дыволе? (*Павло пидставля губы*). Та на вжо! (*поцилувала*) Неначе й помоглося?

Павло. Чаривныце моя! (*Цилуе їй*). Отакъ, отакъ!..

Стеха. Та годи вже тоби... отъ допався!..

Павло. Скажешъ, не солодко цилую?

Стеха. Де тамъ не солодко? Ой, въ очахъ темніе, голова крутытця!..

Павло. Втикай до дому, докы не впала!

Стеха (*чепурно йде, оглядаючысь*).
И не сибирный же ты?!

Павло. А ты не каторжна?

Стеха. Я заразь ще прыбизжу!..

Павло. Мене не зостанешь!

Стеха. Я не забарюсь!..

Павло. Не хапайся!

Стеха. Пидожды!..

Павло. Думаешь, ще поцилую? Ачъ, якъ розласувалася!

Стеха. Що-о? То ты?.. Ой, грихъ... Це сатана! Зъ очей искри, зъ рота поломна!.. (*хутко побигла*).

Павло. Тю-гу! Вернись, бабко, ще пожартую, вернись, жовта дыне, ще поцилую! (*регоче*). А що, гыдкый я тоби? Одначе, вже й смерка. Чого це Катря кылкала мене до цїем крыныци? Ще чого доброго зъ дытнюю сюды прытелющтыця? А й справди хлопчыкъ неначе вылытый я!.. Стривай, це жъ котра спива?

Я В А VIII.

Явдоха и Павло.

Явдоха (*спива всю писню за лаштункамы, ажъ вз кинци выходе*).

№ 10. Ой, жаль мени того вечорочка,

Що я не гуляла; (2)

Ой, жаль того парня,

Що я утерjala.

Та не сама жъ я утерjala,—

Ненька не пускала, (2)

Не пускала ненька у хати,

Гляну на шпылѣчокъ, (2)

Чы не подастъ мій мыленькый

Та хочъ голосочокъ? (*выходе*).

Павло. Це Явдоха! (*Прысида за плитъ*). А ну, подамъ голосокъ (*спива тыхо*).

№ 11. Ой и зйды, зйды

Ты, зиронько та вечерняя,

Охъ и выйды, выйды, } 2
Дивчынонько моя вирная. }

Явдоха (*пизнала и спива шуткуючы*).

Не подоба зирци

Изъ вечира та заходыты,

Не подоба дивци

Що-вечира та выходыты. } 2

Павло (*пидходе*). Чому жъ не подоба? Ага, и въ биленькый хусточки, и хвартухъ той самый крапчастый.—Ловко! (*чолжмаецця*).

Явдоха. Ой, Павлычу, не виддадутъ мене за тебе.

Павло. Онъ якъ?

Явдоха. Батько й маты кажутъ, що ты гулотяй, дурьсвить!..

Павло. Та-акъ!..

Явдоха. Що ты тилько завьяжешъ мени свить!..

Павло. То бъ то наскрызъ мене бацать?.. Г-жь... (*усмихаецця*).

Явдоха. „Ему,“ кажутъ, абы задурты тебе... насьметця, а дали кыне!..

Павло. И ты вирышь цѣму?

Я В А IX.

Ти жъ и Терешко

Терешко (*здалеку*). Явдоха зъ Павломъ? Ага!

Явдоха. Я... я не знаю... И вірю и не вірю...

Павло. А хочешъ, я тебе навчу, що робыть?

Явдоха. Ой, навчы жъ, серденько, навчы, любый!

Павло. Давай, отакъ, якъ оце стоимо, утечемо?

Терешко (*у бикъ*). Онъ якъ!

Явдоха. Ой, де жъ такы?

Павло. Чого полохаецця? Не виеъ такъ жытымешъ, згодомъ и звинчаецця!

Явдоха. Хи! (*Закрыла очи долонямы*).

Терешко *(у бикъ)*. Мерщій згвалтую людей *(побигъ)*.

Павло. Ну?

Явдоха. Страшне таке говорышь!..

Павло. Такъ-то ты мене любышь?

Явдоха. Ой, Боже мій, винъ ще й не вире!..

Павло. Якъ бачу я, то не буде ни якого товку зъ нашого коханья.

Явдоха. Павле, якъ це ты говорышь? Ажъ дивно якось слухаты!... Зовсимъ не такъ, якъ учора?

Павло. Кохай Терешка, ёму таке коханне знадобытця!.. *(Хоче йты)*.

Явдоха. Ой, не кыдай мене, дай же мени хочъ подуматы!..

Я В А X.

Ти жъ и Катря.

Павло. Не я тебе покидаю, а моя шербата доля!

Катря *(голосно)*. А хто то бованіе?

Явдоха *(злякалась)*. Ой, лышко!.. *(Хутко втика)*.

Катря *(пидходе до Павла)*. Перешкодыла мылуванню? Чого такъ дывысса на мене? Такъ зрадивъ, що мене вздривъ, що ажъ языка прыкусывъ!..

Павло. Чого ты, Катре, хочешъ видъ мене?

Катря. Колы бъ тямыла, сказала бъ, колы бъ змогла—вымовыла бъ!.. Вздрила тебе и дывлюсь, вдывляюсь, очей не одведу!..

Павло. Ты, Катре, замижня, не моя...

Катря. Твоя я, тилькы твоя... Пиду за тобою, куды скажешъ, пиду й не оглянусь!..

Павло. У тебе диткы е.

Катря. Не жаль мени ихъ!.. Я не могу безъ тебе жыты!.. Павле! У чоловіка у схованьци лежать гроши, мало не дви сотни, я визьму ихъ, втечемо:

на Динь, въ Басарабію, за Днипръ!.. Куды хочешъ втечемо, зъ гришмы всюды намъ гарно буде!..

Павло. Доженуть!..

Катря. То ось якій ты смилывый? А тоди якъ пидлабузнывавсь до мене, казавъ: утечемо, насъ нигде не знайдуть. Казавъ: хочъ знайдуть, то въ домовыни, та й тамъ у купци!..

Павло. Думавъ тоди, що можна выховатысь...

Катря. Не те думаешъ, не те! Але того, що ты оце свижо задумавъ, не буде, николы не буде!.. Чувъ, що одна покритка, у той часъ, якъ іи коханець сядивъ вже на посади зъ другою, прынесла дытynu и поклала передъ нимъ на стилъ?.. Чувъ, якъ друга молодыца такому жъ бузовирови наробыла мяса,—повисылася на воротяхъ у ёго подвирьй?.. Чувъ, що торякъ одна дивка прынесла своему зрадыкови дытynu у церкву, у ту саму хвилью, якъ той ставъ зъ другою, щобъ винецъ взяти?

Павло. Чувъ! И те чувъ, и друге, и десяте чувъ!..

Я В А XI.

Ти жъ и Мотря.

Мотря *(у бикъ)*. Зъ кымъ то Павло?

Катря. Я на все пиду!

Мотря *(у бикъ)*. Катринъ голосо!

Павло. Хочешъ мене заполохаты, чы якъ? Прыйде пора, тоди й полохатымешъ, а теперъ видкоснысь!

Катря. Оце й всего за два роки вирного коханья? Памьятай же ты, що каятымесся,—не покаесся, десять рокивъ здыхатымешъ,—не здохнешъ! Втикаешъ зо мною?

Мотря. Що-о?

Катря. Втикаешъ,—кажы?

Павло. Ни!..

Катря (*не слуха*). Сюды идуть...
Передумай! Въ пивночы ждатыму била
млыннвѣ тебе!

Мотря (*у бикъ*). Якійсь гвалтъ, сюды
бѣжать (*зыка*).

Павло. Не прійду, бо бильшь я не
твѣй...

Катря. А то ты таеъ зо мною!

Я В А XII.

Ти жъ, Галушка, Векла, Янымъ, Терешко,
десятныкъ и народъ.

Терешко (*выбѣга*). Осъдечкы вонь!

Останни. Де вонь? Держы, ловы!

Павло (*встае супроты всихъ*). Жабы
квакнулы, свини хрякнулы, сполохалысь
горобци—зъявылысь молодци.

Галушка (*хутко идучы до Катри*).
То ты таеа слухняна, дочко?

Векла (*зъ заду*). Я жъ тоби нака-
зувала: не смѣй мени и за поригъ!..

Янымъ (*зъ заду ихъ*). Слушайте,
сваты! Въ тимъ гриха нема, що вонь
соби на одынци, бо, сказать, вонь не-
наче вже й заручени.

Галушка. Втикаты збиряеся?

Векла. Покынуты отця-неньку? Певно
и гроши выкрала зъ скрени?

Галушка. Мовчышь? (*придивляе-
ця*). Та це?..

Векла. Катря!

Янымъ (*не мовъ ониживъ*). Га?

Галушка. Де жъ Явдоха? (*до де-
сятныка*). Свате, постережить Павла, я
дожену Явдоху (*побѣгъ*).

Векла. Я певна, що вона вкрала гроши
и видала оцѣму бузувирови? Свате, звъя-
жыть ёго!..

Десятныкъ. Що жъ, Павле, мы тебе
звъяжымо! (*звъяжуть его, Павло не
пручаеця*).

Катря (*до Яныма*). Ну, що жъ, бый
мене, катуй!.. ще по де вуды е частына
жывого мисьця: у груды ще не бывъ!..
(*хутко пишла*).

Янымъ. Я жъ тоби!.. Ахъ, ты жъ
супостатка!.. (*пишовъ за нею*).

Павло (*звъязаный*). Звъязали, якъ
вурча, або ягна—вдоволнылысь? Куды жъ
мене поведете?

Векла. Ведить ёго въ холодну; ёму
Явдоха передала гроши!..

Терешко. А що, Павле, чые зверху?

Павло. Маладець! Завтра я подарую
тоби червону шапку (*новелы Павла*).
А знаешъ, на вищо? Щобъ вси бачылы,
що ты дурень!

(З а в и с а).

Д І Я III.

На переднѣмъ плану велыка хата, вѣкно зъ рѣштуваннемъ, дали дѣри зъ замкомъ; дали други
дѣри; надъ нымъ табычка: „Волостное Правленіе;“ дали вѣсна. Передъ свитомъ.

Я В А I.

Павло и Явдокымъ.

Явдокымъ (*стоитъ бѣля запер-
тыхъ дѣрей зъ ломакою. Павло за
вѣкномъ спѣва*).

№ 12. Та не журь мене, моя маты,
Бо я й самъ журуся,

А якъ выйду за ворота,
Видь витру валюся.

Осидлаю кониченька,
Коня вороного,
Нехай несе чыстимъ полемъ
Мене молодого.

Въ чыстимъ поли трава росте,
Катранъ зеленіе,

Въ чыстимъ поли своя воля,
Тамъ сердце не мліе.

Явдокымъ. Ну, й що ты все сумныхъ спивашь? Тутъ и такъ нудно, а винь... Онъ мени треба бъ було, якъ зоря, у поле та просо скосыты, бо якъ ще зъ день простойть — высыплетця, а тутъ стій, та стережы тебе проклятушого!..

Павло. Така ваша служба!

Явдокымъ. Знаю и безъ тебе. Що за скаженный народъ! Не мигъ, бачъ, винь безъ бійкы обійтысь?

Павло. Вы це про кого?

Явдокымъ. Знаешъ, про кого.

Павло. Я не бывся!

Явдокымъ. Такъ я тоби й повирывъ! Побывся бъ завтра, чы тамъ колы у друге время, звисно, безъ бійкы не можна промежъ парубодствомъ, бо вони, якъ бугая.

Павло. Вы ще спать не хотите?

Явдокымъ. Не твое дило!..

Павло *(почына свыститъ)*.

Явдокымъ. Не свысты!

Павло. Чому?

Явдокымъ. Ненавидю!.. *(позиха)*.
Передъ свитомъ кожного чоловика сонъ зморе... Моднихъ писень не спивашь?

Павло. Ненавидю!

Явдокымъ. Черезъ що?

Павло. Черезъ те саме, черезъ що вы ненавидыте свыстунивъ.

Явдокымъ. Ага, я купывъ своему малчыкови школяреви книгу: „новейшой песелныкъ“, тамъ моднихъ писень сыла! У недилу, або въ празныкъ посядутця канальски школяры, заберутця пидъ повитку де, або въ хливъ, якъ почнуть чытать та голоса доберать—смиха!.. Чудоза тамъ е модня песня „ѳхавъ козакъ за Дунай.“ Ты лыбонъ тежъ грамотный?

Павло. Та що жъ, що грамотный?

Явдокымъ. Де жъ ты навчывся?

Павло. Полюдыхъ. Одначе, вже обрыдло мени сыдиты тутъ, пора втикаты.

Явдокымъ. Ну-ну, я тебе ось цимъ кіемъ втечу!

Павло. Схочу: визьму у жменю писку, сплету нагая, трыхну тричы, и кинь якъ змій заразы отутъ затупотыть.

Явдокымъ *(зъ лякомъ)*. Та ты?.. *(Гризно)*. Ты не лыхотворь! Невже ты й справди такый? Я чувъ де-що про тебе?

Павло. Дайте мени шматочокъ вугилля, або крейды..

Явдокымъ. На вищо?

Павло. Змалюю на стини коня, сяду й пойду.

Явдокымъ. Я тебе пойду! Слухай, ты не дражны мене!..

Павло. А глянте на мене!

Явдокымъ. Га? Ну, на вищо ото ты банькы вытрыщывъ? На вищо очима крутышь, неначе колесамы?.. Та цуръ тоби, тьху!

Павло. Перехреститъ мене дядьку, то я сразу счезну.

Явдокымъ. Я тебе счезну! Не перехрестю, ачъ якій! Та ну тебе, на вищо ты кладешъ зубамы? *(у бихъ)*. Ей-Богу, у мене лизе чубъ до горы!..

Павло. Ага, бойтесь? *(Спива)*.

№ 13. Кармалюкъ хлопецъ

По свиту ходе,

Не одну дивчыну

Зъ розуму зводе (2).

Явдокымъ. Оце писня! Якъ, якъ вона на слова? *(стае плечима до вишна й слуха, у той часъ Павло просовуе крижъ рѣштуванне руку, здѣйма зъ Явдокыма шапку и надива ему свого картуза козыркомъ назадъ)*.

Не одну дивчыну,

Не одну вдову,

Билаву, румьяну,

Ще й чорноброву (2).

Явдокымъ. Ну, й ловка жъ! *(Павло кладе ему за комира пятака)*.

Ты кума моя,

Ты душа моя,

Ой, скажи мени,
Де хата твоя (2).

Явдокимъ. Ажъ танцювати хочетця.
(*Павло выйма у него зв за пазухы люльку, зламае скільки головокъ изъ сирныкивъ и наклада въ люльку, дали прытрушуе своимъ тютюномъ и зновъ кладе люльку ему за пазуху*).

А моя хатка
Надъ бережечкомъ,
Прыйды, вармалюче,
Назову сердечкомъ (2).

Явдокимъ. Ажъ ноги не встоять на
мисьци (*топа ногами*).

А моя хатка
Надъ долиною,
А зовуть мене
Магдалиною (2).

Явдокимъ. Кинець?

Павло. Ни, вона ще довга!

Явдокимъ. Доспивуй до краю, до-
спивуй!..

Павло. Зъ першу покурю.

Явдокимъ. Якъ вона? (*спива*).

А моя хатка,

А моя хатка...

Дивы, не наведу, не потраплю!.. Коли бъ
мій школяръ почувъ, зразу перенявъ бы.

Павло (*круте цыгарку*). Дядьку, я
такъ й справди чаклунъ.

Явдокимъ. Що це чаклунъ?

Павло. Накладаю зъ тьми, що зъ
рогами. Не вирыте? А одійдять трохы
видъ викна.

Явдокимъ. Я одійду, а дубину дер-
жатыму на поготови: якъ тилько почнешъ
лязты у викно, такъ по выску й цопну
(*стае*).

Павло. Який вы тютюнъ курите?
(*закурюе*).

Явдокимъ. Махорку.

Павло (*хутко промовля*):

Гарбузь—кабанъ,
Тютюнъ—табакъ,

Булька въ бульку,
Тютюнъ въ люльку.

Загляньте теперь, який у васъ тютюнъ у
люльци?

Явдокимъ. Ни якого нема, бо я цопи-
лець выкурывъ. Бачъ, нагадавъ про люльку,
и вже кортитъ хочъ разъ смывнуты. Хйба
цибуха трохы верышу? (*загляда въ люль-
ку*). Що за прычта? Повна люлька тютюну
та ще й не простого!.. Чы не оказія?

Павло. Отъ и покурить!..

Явдокимъ. А й ловкій же табачокъ!
Колы жъ це ты мени у чорта давъ,
здаецця жъ, овсимъ не дававъ? Чы може
це справди чортячы хвыгли! (*У люльци
загорилысь головки зв сирныкивъ*). Тьху,
нехай тоби лыхе!.. (*кыда люльку*).

Павло (*регоче*). А що, згадали ро-
гатого, отъ винъ и вскочывъ у люльку
та й почавъ пшыкать.

Явдокимъ (*згодомъ взявъ люльку
и загляда*). Хочъ бы тоби цурочка зо-
сталась тютюну... Отъ тоби й покурывъ!
(*нюха*). Чымъ паганымъ тхне...

Павло. Нате вже мого. (*Кладе въ
люльку тютюну*).

Явдокимъ (*закурывъ*). О, зовсимъ
не той смакъ!

Павло (*промовля хутко*):

Шапка бирка,
Шапка крымка,
Не знать, який масты,
Треба тоби пропасты.

Це жъ вы на вищо взяли мого картуза?

Явдокимъ. Я не бравъ, на вищо
мени твій картузь?

Павло. А що жъ у васъ на голови?

Явдокимъ. Моя шапка. Осьдечкы...
(*здейма зв головы картуза*). Тьху ты,
сата...

Павло. Зновъ згадали, й зновъ буде
лыха!

Явдокимъ (*зв лякомъ*). Невже?.. Та
я... Слухай, та не морочъ мене... Де жъ
моя шапка?

Павло. Ондочки-о! (*Показуе въ гору, въ ту хвильку пидкыда шапку*).

Явдокымъ. Тю, дывы, видкиля летьть? Це ты, мабуть, пидкынувъ?

Павло. Бачыте, бачыте, ондочки полызъ въ хмары!

Явдокымъ. Хто?

Павло. Не хто жъ другій, ягъ винь!

Явдокымъ. То бъ то нечыстый? Чого жъ бы ёму до хмаръ сикатысь?

Павло. Певно полызъ кого-небуть скушати. Що то капнуло зъ хмары?

Явдокымъ. Де, куды?

Павло. Вамъ за комира.

Явдокымъ (*вытяга зъ за комира пятака*). Дывы, пятакъ!

Павло. Це жъ винъ вамъ на росплодъ упустывъ. Завьяжыть же того пятака у калытку и николи не миняйте ёго, то завжды у васъ будутъ гроши.

Явдокымъ. Справди? Заховаю. (*Хова въ калытку и завьязуе*). Заховаю на вики (*у бикъ*). Чы зъ хмары винъ впавъ, чы ты самъ ёго за комира засунувъ—однаковисенько мени, бо це гроши, а не полова.

Павло. Вирыте тепертъ, що я де-що можу?

Явдокымъ. Ты й справди думаешь прыспаты мене своими хвыглямы та втекты, не на такого насочывъ!

Я В А II.

Ти жъ и Мотря.

Павло (*уздрившы Мотрю*). Мотря?..

Явдокымъ. Га?

Павло. Кажу: ондочки вже у тій хмари шпетця. Дывитця, дывитця, дядку!

Явдокымъ. Невже? (*дывытця на хмару*). У тій хмари? (*у бикъ*). Навспряжки це винъ, чы одводе очи?

Мотря (*хутко наблыжаецця до вики*). На, та хочъ попойжы, а то опухнешъ зъ голоду! (*Дае хлиба*).

Павло (*до Мотри*). На гроши, бижи хутенько до шинку, прынеси пляшку горилки: треба ёго пидмогорычыты, щобъ заснувъ (*дае гроши, Мотря побигла*).

Явдокымъ. Щось мабуть порошыть мени очи, що ниякъ не побачу?

Павло. Та куды жъ вы дывытесь? Я жъ вамъ казавъ: дывытесь у цей биекъ. Отъ и прозивалы.

Явдокымъ. У цей, а я въ той встроимвъ баньки (*у бикъ*). Я очи одведу, а вуха насторожу, якъ тилько лизтеме у виєно, то такъ и свысну ломакою по любви.

Я В А III.

Ти жъ и Стеха.

Павло (*уздривъ и*). А, бабушка, слыхомъ слыхать.

Стеха. Ц-сь!.. (*показуе ему, щобъ оддивъ очи Явдокымови*).

Явдокымъ. До кого це ты?

Павло. Та хйба жъ не бачыте въ хмари? Ондочки перекынувся у пыкату бабу и йиде верхи на гндыкови (*мане до себе Стеху*).

Явдокымъ. Може й справди?

Стеха (*хутко пидходе*). На тоби твого дукача, цилисеньку ничъ винъ пикъ мени душу!

Павло (*усмихаецця*). Невже горячицй видъ моихъ поцилункивъ?

Стеха. Смиеся, а я тоби не ворогъ. На терпуга та вызволяйся, бо буде лыхо!.. Тебе збираютця ризкамы выпарыты. (*Дае терпуга*).

Явдокымъ (*у бикъ*). Що воно тамъ бормоче?

Павло. Отъ за це ще колысь поцилую!

Стеха. Хай тобі зь твоимъ поци-
лункомъ!.. Слухай, Павле, ты забудь те,
не ославь мене... *(побигла)*.

Павло *(до Явдокыма)*. А що, ба-
ччте ёго, роздывылысь?

Явдокымъ. Хочь ты мени очи по-
выдовбуй, не бачу! Це ты може туману
насунувъ мени на очи? Слухай, ты цёго
не робы, бо...

Павло. Стривайте, заразъ видеуну,
то вы ёго тутъ побаччте.

Явдокымъ. Кого? Того, що той... Не
треба, не треба. Нехай сюды не приходе!..
(у бикз). Може й справди винъ зь такыхъ?

Павло. Та винъ зъявтыця молодыцею.

Явдокымъ. Невже?

Павло. Та ще й гарною, и прынесе
горилкы.

Явдокымъ. Овь? Воно хочь, мовлявъ,
и на сторожи, а по чарци не шкодыло бь.

Павло. Пидійдите сюды, я вамъ здму-
хну тумана *(Явдокымъ стае проты его)*.
И на схидь, и на захидь, и на пив-
день, и на пивничъ хмары розійдитесь,
а дядькови очи прояснитесь. А що, ба-
ччте вже?

Явдокымъ. Ондечкы ось наближаецця,
чы не винъ? *(показуе на Мотрю)*.

Павло. Не полохайтесе жь и мовчть.

Я В А І V.

Ти жь и Мотря.

Павло *(до Мотри)*. Иды, иды
смильво. Дядько Явдокымъ мовчатимуть.
Виддай пляшку дядькови. *(Мотря дае
Явдокымови пляшку и чарку и иде
до бикна)*.

Явдокымъ *(взявз пляшку и чарку,
на бикз)*. Чы не оказія? Перекинувся
у Мотрю Журавлеву. А смачна? *(до Мо-
три)*. Смачна, пытаю?

Павло. Тилько, дядьку, не хрестить
горилкы, бо вся выхлюпне зь пляшкы,
якъ тютюнъ зь люлькы.

Явдокымъ *(у бикз)*. Чы й справди жь
це рогатый та перекинувся у Мотрю?..
А може то сама Мотря? А мени що до
того, нехай соби!.. *(Дывытыця на пля-
шку)*. Мабуть така смачна, що и зара-
зомъ язкы зь нею проковтнешь? Доки не
бачывъ горилкы, доты нибы й байдуже
було, а теперь вже и коргыть... що жь,
я выпью одну, зь одній не охмелію!..
*(на-
льва и дывытыця на горилку)*.

Мотря. Дай мени твою руку! *(пры-
пада до руку и плаче)*.

Явдокымъ *(вытывз)*. Оце такъ го-
рилка! Тю, й не розкуштувавъ!.. Яка жь
це горилка? *(Нальва)*.

Павло. Жаль мени тебе, Мотре! Э,
що буде, то й буде! Слухай, Мотре! Да-
вай, гей, утечемо куды - небуть далеко,
далеко!..

Мотря. Ни, годи!..

Явдокымъ. А що якъ це не горилка,
а що-небуть инче?..

Павло. Утечемо!

Мотря. Мени шляхъ одинъ—въ до-
мовину! Колы й справди шкодуешъ мене,
иды зь села, щобъ я тебе довго не ба-
чыла, доки й не забуду... Прощай! бильшь
тебе не побачу!.. *(хутко пишла)*.

Явдокымъ *(вытывз)*. Стривай, стривай,
не лийся такъ не выдео, а то зновъ
не розкуштуя... ба такы й не розку-
штувавъ.

Павло *(у бикз)*. Пора за роботу
прыйматесь: вже скоро й свитатыме. *(По-
чына пиляты)*.

Явдокымъ *(вытывз)*. О, теперь, ма-
буть, и годи!? Стривай, чы я одну вы-
пывъ, чы дви? Отъ же й не памьятаю!
Та хочь и дви, то шо третій воно не
то що не шкодыть, а такы годытця. *(На-
льва)*. Будьмо! *(вытывз и наслуха)*.
Що воно шкварчыть?

Павло. Почувъ?.. пагано. Придетця
спиваты, або шо. Дядьку! А цю вы пи-
сню чулы колы-небуть?

Явдокимъ. Спивай, спивай, тилько не сумной!

Павло (*спиваючи, пиляе рештуванне*).

№ 14. Ой, джигуно, джигуне,
Якый ты ледащо,
Ведуть тебе до пана,
Самъ не знаешъ, за що?
Тоди будешъ знаты,
Якъ будуть караты,
И на руки и на ноги
Дыбы надиваты...

(*Зупынывся*). Уморився! Половина вже готова, заставлю ще дядька спиваты. Дядьку, а за ёго здоровля й досы вы не выпылы? А винъ сердытця, ажъ головою кыва!

Явдокимъ. Невже?.. Де жъ винъ?

Павло. Ондечкы на верби. Скажыть же: дякую тобі, Харло Вельзевуловичъ, що ты почаствувавъ мене!

Явдокимъ. Та де винъ, що я ёго не бачу? Ага-га, бачу, бачу, бачу!.. (*налыва*) Будь здоровъ! (*выпыва*).

Павло. А теперъ ще зовсимъ задовольте, заспивайте ёму якои.

Явдокимъ. А що ты думаешъ, що я не можу? Якои жъ ёму?

Павло. Якои знаете, яка спаде на думку.

Явдокимъ. Мабуть, заспиваю хвацькою. Ось цией (*спива*).

№ 14. Деревенька не большая,
Салдатамы занятая,
Ремъ! Ремъ, такы ремъ-ремъ-ремъ!

На кватыри салдаты Яшка,
А хазяинъ воръ Игнашка,
Ремъ и т. д.

А хазяинъ воръ Игнашка,
У нёго дочка Наташка.

Ремъ и т. д.,

Вона щогольно ходыла,
По тры бани въ день топыла.
Ремъ и т. д.

По тры мыла измывала,
По тры плаття надивала.
Ремъ и т. д.

Павло (*пиляе*). Готово, хочъ и въ походъ!

Явдокимъ. Га?

Павло. А теперъ можете по трудахъ ще пидкрыпытись.

Явдокимъ. Я можу (*налыва и выпыва*). Я, братъ, не опьяню, ни!.. Ще выпью и байдужисенько (*выпыва*). Я и зъ тобою можу и зо всякымъ... Воно оце пытво, воно не уредне... Главне дило: пый, а розуму держысь, а втекты все такы не втечешъ, ни!..

Я В А В.

Ти мъ и Катря.

Катря (*пидбига до вкна*). Вызволяйся яко мога, бо буде лыхо!..

Павло. Не боюсь!

Катря. Ламай рештуванне, бо бытнуть!

Павло. Не покурять!..

Катря. Ой, горенько! Ты повно не ймешъ мени виры!.. Слухай же! Якымъ бывъ мене налыгачемъ, дали ухапывъ сокыру, замахнувся, затрептила я, и тило на мени похолонуло. Щобъ злыштыгись смерты, я звернула на тебе лыху провину, сказала, що буцимъ то ты наважався ёго отроиты; винъ почавъ допытуваты: якъ и чымъ ты хотивъ ёго звесты зъ свита... я не тямлю, що выгадала и що зплела!.. Тилько пилса того винъ змылувався надо мною!..

Павло. Онъ яку пидвела машыну!..

Катря. Колы бъ не сказала того, зарубавъ бы. Не гнивайся, мій лебедьку, страшна выдюча смерть, охъ якъ страшна!.. Черезъ мои наклепы тобі буде лыхо! Якымъ цилу ничъ бигавъ по хатахъ и згвалтувавъ на тебе громаду... Ламай рештуванне и втикай у той гай, що за ричкою, въ ночи зустрінемось била гострой скели. Гроши я взяла сто висимдесять симъ карбованцивъ... Зъ гришмы намъ буде добре!.. (*побигла*).

Павло. Чы заснувъ уже? (*тыхо*). Дядьку, а дядьку?

Явдокимъ (*бормоче*). Якъ же я могу?.. Просо сыплетця.. Такъ не прыйдетця.. Ей-ей, ни! Дай ты мени заразъ не пятака, а три цилковыхъ—не могу.. Купы мени заразъ хургона—не пойду... Новейшой пеленныкъ... служба... сыды... бозаразъ: кресь по вуху, кресь по зубахъ... на що выпустывъ... (*задримава*).

Павло. Треба скорій удираты, щобъ и справди не выпалы. Онъ чога Катря накопила!.. Що жъ, треба й Катрю пожалиты, выдюща смерть до чога тилько не призведе (*вылазе кризъ вишно*). Куды Катря сказала простуваты? У той гай, що за ричкою? Ни, Катре, Богъ зъ тобою и зъ твоими гришмы, ще, бороны Боже, пидъ каторгу пидведешъ! Треба прытулыты рештуванне, щобъ зразу не догадалысь. Рештуванне зъ чортъ-зна якого зализа; а все-таки тѣти Стееси спасибо за терпуга (*прытуля рештуванне*). Такъ льбонъ буде держатись? А терпугъ нехай иде въ будякы! Отуды-о!.. (*жбурля терпуга*). Куды жъ теперь? Треба послухатись Мотри. Шкода такы ии сердешной! Махну, мабуть, въ городъ и тамъ не пропаду. Прощай, село, прощайте, дивчата, и молодыци! Кого то вы безъ мене вохатымете, за кого одна одній очи выдыратымете?.. Не разъ гикатымусь и въ сны вамъ вбачатымусь!.. А ловка дивчына Явдоха, такыхъ не хитрыхъ въ городи не знайдешъ!.. Шкода, що... Чы може зостатысь? Ой ни, багато вже разивъ выкручывався, а цей разъ щобъ не було вавы!.. Ну, стружить ногы прудчищъ, бо якъ доженуть, то выплюють ажъ по трыцять перве чысло! (*хутко пишов*).

Я В А VI.

За лаштунками спивають парубкы и потимъ проходятъ черезъ конз.

№ 15. Зажыгала свичку воску ярого,
Дождыдала дружка розудалого.

Вотъ стучыть, вотъ гремыть
Подъ окошечкомъ.

А чы воръ то прыйшовъ чы разбойны-
чокъ.

Це не воръ прыйшовъ, не разбойнычокъ,
Я, твій прежній прыйшовъ полюбовны-
чокъ.

Ты садысь, садысь, разлюбезной мой,
Не садытця прыйшовъ—не ложытця,
Я жъ до тебе прыйшовъ распросытця:
Чы позволышь душа яхронытця?

1-й парубокъ. А ну, гукнемо на
Павла, чы обизветця?

2-й парубокъ. Не зачынай ёго!

3-й парубокъ. Краще, давайте вы-
зволемо ёго!

1-й парубокъ. А якъ дызнаютця?

2-й парубокъ. Мовчыть, ондечкы де-
сятныкъ слухае!

3-й парубокъ. Чуєте, вже свыстоць
подае машына? Доспывуймо (*спивають*).

Яженись ты, падлецъ разбезсовистой,
Ты беры, посватай мою подругу:
Въ одній школи мы ябучалыся,
Въ одво платячко юбыралыся,
Въ одной чашочки юмывалыся,
Въ одного падлеца завохалыся.

Я В А VII.

Дивчата проходятъ, спиваючы.

№ 16. Маша съ крысой забралась,

Та у яму попалась,

Ой ли, ой да люли!..

Десь не взявся господинъ,

На крылечко восходывъ,

Ой ли!..

Десь не взявся тутъ хозаръ,

Понисъ крысу на базаръ.

Ой ли!..

Нихто крысы не купе,

Никто даромъ не беретъ.

Ой ли!..

(*Выходятъ на конз*).

1-а дивчына. Невже сыдыть? (*показуе очима на холодно*).

2-а дивчына. Сыдыть бидененькій.

1-а дивчына. А ну, кашляну, чы почуе (*кашля*).

2-а дивчына. Тикаймо, ондечкы десятныкъ!

3-я дивчына (*гука зв за лаштункивз*). Пидождить, сестрычкы, пидемо разомъ! (*выбига*). Добрыдень! Не чулы, дивчатка, яка сегодня цина на машыни?

Дивчата. Яка другимъ, така й намъ, тама почуемо (*пишлы, спиваючы*).

Десь не взявся татарынь,
Винъ не руськой чоловикъ,
Ой ли!

Почавъ крысу торгувать,
Пивтора рубля давать,
Ой ли! (*Пишлы*).

Я В А VIII.

Старшына, пысарь, Якымъ, Галушка, Журавель, соцькій, десятныкы, народъ и диты.
Вси стають била волости.

Якымъ. Господынь старшына! Я становлю мирови пять видерь горилкы, щобъ тилько дали мени на Павла такого прыговора, щобъ его у саму Сибирь, щобъ стало быть дали мени настоящего сибирного прыговора!

Старшына (*до пысаря*). Чы е такый законъ у крестьяньскому положенію, бо я што недавно за старшыну, то й не роздывывся?

Пысарь. Все выдно будетъ по дѣлу (*до Якыма*).

Старшына. Ну да, выдко буде по дилу!..

Якымъ. Жинка мени призналася, што винъ клыкавъ мене за старосту на глумъ, винъ хотивъ уступыты у мою господу, та якъ я йныстому, то щобъ у той ментъ пидсыпаты мени чогось у страву, хочъ гровткивъ зъ гадючыхъ крапанокъ,

хочъ жабычои ропи, щобъ мене зъ свита звесты, щобъ посиротиты моихъ дитокъ. То за це подозвольте мени привселюдно плюнуты Павлови межи очи и хочъ дви чы даты ёму по мордяци.

Старшына (*до пысаря*). Чы е такый законъ? Бо я ще не довго...

Пысарь. Щобъ морду? Положымъ, що въ положеніи прямого указанія нема, й въ закони не начытувавъ, по ежолы у васъ есть къ тому желаніе, чтобы удовлетворыть просьбу онаго просытеля (*показуе очима на Якыма*), то можна законъ и обойтыть.

Якымъ. Здилайте мылость, господынь старшына, обійдите и удоблетворить.

Старшына. Воно... Буде выдко по дилу!

Галушка. Стара гвалту наробыла, што нибы бъ то Явдоха викрала гроши й ему передала, але то неправда; то я радивъ бы такъ: всыпаты Павлови двадцять пять гарячихъ — покаетця, а не покаетця, можна ще.

Журавель. Всыпаты мо й слидуе... А якъ ёго видъ насъ подали, то мо ще краще буде... Мо спокійнище... Чоловикъ, котрій трудящій, мо наробытця за день...

Старшына. По дилу буде все выдко!..

Народъ. А вже жъ, що по дилу воно зразу буде выдко!

Старшына (*шепочетця зв пысаремз*). Га? Ну да... Бо якъ я ще недавно... (*До соцького*). Выводьте пидсудымого.

Пысарь (*до Явдокыма*). А ты, небоже, спышь?

Явдокымъ (*зхопывся*). Га? (*Хова пляшку за пазуху*). Де жъ я сплю? Ни, я не сплю!..

Старшына. Чы цилый замокъ?

Пысарь (*огляда*). Замокъ цилый и заперть.

Старшына. Одмыкайте!

Явдокымъ. Якъ то^о можна спаты, хйба я не тямлю?

Пысарь (*одимкнувъ замка и видчынывъ двери*). А нутва съ, мусю, деревенской мартоплясь, пожалуйста на цугундеръ!

Старшына. Ну жъ, выходи!

Якымъ. Ачъ, який упортій! Та за це одне слидъ на него сибырного приговора!

Старшына (*гризно до Якыма*). Не сякайся! Выдко по дилу буде!.. (*гука*). Чуешъ, ты, марзавецъ, выходи!

Пысарь. Соцький и десятскій! Ступайте, тягните его за барки, передъ глаза господына старшины! (*соцький и десятныкз кынулысь въ холодну*).

Соцький (*зъ холодной гука*). Тутъ никого нема!

Вси. Якъ нема?

Соцький. Осъ тилько дукачъ, чы що? (*выносе*).

Пысарь. Подай сюда! (*бере дукача, у бикз*). А, серебряній? (*голосно*). Приобщимъ къ дѣлу! (*хова въ кешеню*).

Старшына (*до Явдокыма*). Де жъ арештантъ?

Явдокымъ. Выходить, що й справди вылетивъ.

Вси. Якъ вылетивъ?

Явдокымъ. Взявъ въ жменю грудочку земли, поплювавъ, злипывъ конька, сивъ на него, трахнувъ гарацныкомъ и фью!.. (*свыснувъ*).

Пысарь. Штука не тилько хытрая, но даже полосатая!

Старшына (*до Явдокыма*). Та ты не брешешъ часомъ? Ты, лыбонь, пьяный?

Явдокымъ. Хто, я? Що мене почастувавъ харло, тошно!..

Старшына. Харло? Який харло?

Явдокымъ. Харло, той... Якъ бо ёго по батющи? Та той, що не пры хати згадуючы... Я думавъ, що то не винъ,

ажъ выходить, що то винъ... Осъ и пляшка... Якъ бы я самъ пывъ, то всю выпывъ бы... Отъ тоби й пьяный (*подае пляшку*).

Пысарь. Подай! (*пье нахыльци*). Да, водка! (*Ще пье*). И довольно изрядная!.. (*Ще пье*). И не ботаническая, а настоящее — сорока трехъ градусное хлѣбное вино.

Старшына. Якъ же воно теперь оце саме дило?

Явдокымъ. А я и ока не заплющавъ!..

Галушка. Отъ такъ пройдысвить!..

Журавель. Мо винъ ушырь, а мо видмакъ!..

Якымъ. Ахъ ты жъ сатанамдолъ!..

Старшына (*до пысаря*). Чы може жъ буты, щобъ справди злипыты конька?.. Бо якъ я ще недавно...

Пысарь. Хотя и рѣдко, но бываетъ. Во дни моей юности, читавъ я одно такое дѣло про пана Твардовскаго. Такъ той продавъ душу чорту, а потимъ еще и чорта одурачивъ. И такъ, а подай-ка рюмку!

Явдокымъ. И рюмка, звольте! (*подае*).

Пысарь (*налива и пидносе старшыни*). Приступимъ къ составленію протокола.

Якымъ. Доброго здоровлячка пывшы! (*старшына здоровкаетця*).

Я В А IX.

Зъ другого боку выходятъ: Радько, Власъ и Демко.

Демко. Теперь до сниданку заснуть, а потимъ за ципа.

Власъ. Коли бъ батько не постерегли, а то не дадутъ и на одне око заснуты...

Радько (*позиха*). А здорово хочетця спаты. Я оце де-небудъ у рову впаду

та й спатыму ажъ до обидь *(почына спиваты, и останни пидтягують)*.

№ 17. Ой, ты, грушыця кучерявая,
Кучерявая, ще й кудрявая,
Ты когда, грушыця, взошла-выросла,
На высокъ заборъ похыллася.

Старшына *(выывз)*. Вы, марзавцы, чого роскрычалысь?.. Не бачыте, що тутъ началство диломъ заняте?.. *(Власъ, Демко и Радько хутко розбигаютьця)*.

(З а в и с а).

КУПЛЕТЫ.

ТЕРЕ-ФЕРЕ-КУКУ!

(Перероблена зъ польского).

Нема въ свити правды,
Самъ свить ставъ зрадливый
Брехня серизъ пануе
Та правду гальмуе!..
За гривню братъ брата,
Готовъ обидраты:
Остатню худобу,
Остатню свытну
Грабуе, руйнуе
Обдерту хатыну!..
А прыйде жъ часъ правды,
Часъ страшного суду,—
Та за такы штуки
Зададутъ: „Тере-фере-куку!..“

Водай васъ дивчата,
Яки вы хороши,
Якъ у батькивъ вашихъ
Въ кешеняхъ е гроши:
Мы не добаваемъ,
Що вы кривобоки,
Горбати, безноси,
Ряби, кыслоокя...
Давайте намъ гроши,—
Будете хороши!
Батьки-жъ щедри словомъ
Та скупи на руку,—
Вернулись одъ шлюбу:
„Де прыдано?“
Прыдано: „Тере-фере-куку!“

Купецъ въ фабрикантивъ
Товаръ забирае,
А имъ замисць грошей
Роспыскы черкае,—
Де бидный не выплаче
Винъ тамъ позычае;
И вси ёму вирять,—
Бачъ, лавкы винъ мае!
Паны и банкыры
За нёго въ цоруку..
Прыде жъ часъ роспыскамъ,—
То винъ таку штуку:
„Пятачокъ за рубъ—не хочете?“
Эге-ге! „Тере-фере-куку!“

Колысь то хтось думавъ:
„Може, Богъ поможе,
Зберетця народу
И въ кресла и въ ложи.“
Та й не поскупився
На сее, на тое—
„Богъ дасть, все вернетця,
Ще може и втрое!“
Та грае, спивае,
Ажъ пить зъ чола льетця!..
Надивъ окуляры,
Та ще й прыклавъ руку,
Глянувъ по театру—
Эге-ге! „Тере-фере-куку!“

Настали вже часы,
 Що теперъ вси классы
 „Тере-фере“ грають
 И „куку“ спивають:
 Купци, фабричанты,
 Шевци, музыканты,
 Адвокаты, докторы,

Найбільше актёры,—
 Ци на вси часы
 Свистять на вси гласы!
 Тяжко пидпырати
 Правду и науку,
 Колы у кешеняхъ:
 Фью-фью-фью! „Тере-фере-куку!“

КУМЪ ГАВРЫЛО.

Якъ·вийиздывъ кумъ Гаврыло
 У поле ораты,—
 Кобыльчына ёго сыва
 Почала брыкаты.
 Винъ кобылу ципкомъ чеше,
 А кобыда въ визокъ креше.
 Винъ почавъ йи штрыкаты,
 А вона ще гиршь брыкаты!
 „Нё, слипа, нё, крива,
 Нё, проклята, тпру, сапата,
 Нё!..“

А сусиды, злыи люде,
 Сталы реготаты,
 Що не буде кумъ Гаврыло
 Сёгодня ораты!
 Розгнивався кумъ Гаврыло,
 Що глузуютъ люде,—
 Якъ почавъ перещыть сыву,
 Ажъ шкура йй гуде!..
 „Нё, слипа, тпру, крива,
 Нё, проклята, тпру, сапата,
 Тпру!..“

Затялася кобыльчына—
 Ни ступня видъ хаты!..
 Ой, не буде кумъ Гаврыло
 Сёгодня ораты!
 Кумъ ще дужче розгнивався,—
 Взявъ зъ воза дубыну,

Та по ребрахъ, та по спыни
 Почавъ мирять сыву;
 „Нё, слипа, тпру, крива,
 Нё, проклята, тпру, сапата,
 Нё!..“

Якъ дремене кобыльчына
 Буды очи драла,—
 Поламала визокъ въ цуркы
 И хомутъ порвала.
 Кумъ Гаврыло на впереймы
 Сыву доганяты...
 Ой, не буде кумъ Гаврыло
 Сёгодня ораты!
 „Тпру, слипа, тпру, крива,
 Тпру, проклята, тпру, сапата,—
 Сёкъ, сёкъ, сёкъ, тпру!..“

Визокъ лежить, сыва стоить
 Ще й хвостомъ махае:
 Нема колись, нема люшень
 И дугы чортъ-мае!..
 А зъ хомута тилько слава,—
 Що й не полататы...
 „Теперъ бачу, що сёгодня
 Тпру мени ораты!
 Тпру, кумцю, тпру, Гаврыле,
 Тпру, серденько мое мые,
 Тпру!..“

У Д О В Ы Ц Я .

(Невидомого автора, мною перероблена и на музыку положена).

Удовыцю я любывъ,
Подарункы йй носывъ:
Носывъ сало, носывъ свичкы,
Носывъ мясо, носывъ стричкы,
Носывъ гречку, черевычкы,
Носывъ просо, носывъ макъ,—
Ось воно якъ!

Носывъ жыто и пшеницю,
Букурузу, печавыцю,
Поросята и качята,
И курчята, и гусята,
Носывъ такы й грошенята
За чортови бровенята,—
Онъ бува якъ!

А разъ таке теля прыперъ,—
Докы донисъ, трохы не вмеръ!..
А вона мени зрадыла
Та паньча полюбыла!

Ну, нехай вже було бъ за що,
А то тамъ таке ледацо,
Що тилько: тьфу!

А теперъ я крычатому,
На все село гукатому:
Отдай мени сало, свичкы
Отдай мясо, отдай стричкы,
Отдай гречку, черевычкы,
Отдай просо, отдай макъ,—
Ось воно якъ!

Отдай жыто и пшеницю,
Букурузу, печавыцю,
Поросята, и качята,
И курчята, и гусята,
И все тее, що ты зъйила
Верны мени усе циле,—
Ось тоби що!

Г А Н Д З Ю - К Н Ы Ш Ъ .

Чы чувалы вы, мыряне,
Про те диво, що у насъ
Той Явтухъ, що свыни пасъ,
Вже теперъ зробывся паномъ?
Зъ старшыною покумався,
Пывъ зъ нымъ чай и цилувався;
А на свадьбы у дяка
Зъ попадею гопака
Такъ гацавъ, ажъ кура встала!..
Що жъ? така пора настала:
Въ кого гроши—
Той хорошій;
А безъ выхъ мовчы та дышь!
„Отъ тоби, Гандзю-кнышь!“

Бувъ шынкаръ у насъ въ селя:
Каптанокъ ёго въ смоли,
Засмальцёванный подранный..
И самъ жыдъ такый поганный,
Що на нёго й глянуть гыдко!..
Але-жъ такъ бува не ридко,
Що вродливый ходыть босый
А никчемный дере гроши!
Такъ и Срулыкъ не дримавъ,—
Людей живцемъ обдыравъ:
Надравъ грошей,
Ставъ хорошій..
А безъ выхъ мовчы та дышь!
„Отъ тоби, Гандзю-кнышь!“

Найизжавъ до насъ въ село
 Чоловичокъ,—звался Павло.
 Купувавъ гиндыкы, куры,
 Вовну, хлибъ, ягнята шкуры.
 Довы бувъ ще дуже бидный,
 То зъ ускымъ бувъ якъ ридный;
 А теперъ насъ видцурався
 Та зъ панамы полыгався,—
 Всимъ панамъ чоломъ дае,
 Въ мирового кохвѣй пѣе:
 Надравъ грошѣй—
 Ставъ хорощѣй...
 А безъ ныхъ мовчы та дышь!
 „Отъ тоби, Гандзю-кнышь!“

Бувъ панокъ у насъ заможный,
 Мавъ кешени не порожни,
 Мавъ земельку, вивци, кони
 Въ табуни и на прыпони!
 Булы коровы и волы...
 Жывы-жъ та Господа хвалы!
 Такъ де-жъ? Скортило за гряницю!

Чортъ-ма грошѣй,—винъ пшеницю
 Жыдамъ продавъ. Недостача,—
 Пишла й земля на прыдачу!..
 Вивци й кони
 На прыпони—
 Все пойхало въ Парыжъ!..
 „Отъ тоби, Гандзю-кнышь!“

Отавъ дѣтця на свити:
 Мужыкови нудно въ свити,
 А купцеви у жупани!..
 А паны, найбилше пани,—
 Такъ и пнутця у столыцю,
 А звидтилъ вже за гряницю!
 И чого бъ то имъ прыспило
 Туды йихать? хиба дило?
 А вытришкы-жъ продаваты,
 Вытребенкы купуваты,
 Гроши сѣять,
 Хвостомъ вѣять:
 Хвистъ zostавсь,—то й весь барышь!..
 „Отъ тоби, Гандзю-кнышь!..“

Б Ы Ч О К Ъ .

У Панаса бувъ бычокъ,
 Четвертакъ, чы третячокъ;
 Тамъ такий бычокъ добрячий
 И въ роботѣ не ледачий...
 Скоилась ёму прычына,—
 Певно, хтось вже такъ зробивъ,—
 Що все гаспыдсьека лычына,
 Разъ-у-разъ хвостомъ крутивъ!

Що за дѣво? каже Гнать,
 Рындычкы рябой свать:
 Де вже я не пробувавъ,
 Ну такого не выдавъ!
 Ходывъ пидъ хуру ажъ въ Гадессъ,
 Тамъ вже бачывъ всихъ чудесъ:
 Малпу своїмы очима
 У нимця бачывъ за плечыма...

Выгоить взялася Приська,
 Макотрущына невестка.
 То жъ вже баба на вси боки:
 Чы прыстрить, або урѣкы,
 Чы зъ очей бува, чы зъ витру—
 Визьме глекъ, або макитру,—
 Коло пупа щось пошепче,
 Зразу тоби и полегча!

И що вже вона не робыла,
 До схидъ сонця въ лугъ ходыла,
 Якесь виляла все збырала,
 Та шепчучы прыкладала
 До хвоста тому бычкови:
 Добрый дѣготъ и бочковый,
 Прыкладала мяту, руту,—
 А винъ усе хвостомъ тымъ круте!

На базарь Панась пойхавъ.
Тилько що у городъ вѣйхавъ,—
Ажъ десяцькій переймае,
„Куда ѣдешъ ты?“ гукае.
—На базарь!—„Эхъ, дурналяцъ!“
Та й пиднявъ вже патерыцю,—
А бычокъ ёго по пыцу
Тимъ хвостомъ, мовъ вихтемъ: ляцъ!
Прычепився жъ до Панаса
Той москаль, мовъ-бы репьяхъ,

Або пьяныця до квасу,
Заразъ въ часть ёго потягъ!..
Ледве за рубъ лыха збучся!
Отъ, Панась въ село вернувся,
Взявъ совыру, якъ рубнувъ,—
Такъ хвоста и одитнувъ
По самисенькое тпруте!..
А винъ и тимъ цурпалкомъ круте!..

КОЛЫ БЪ СВИНИ ТА РОГЫ.

Немае у свити кращого добра,
Якъ е своя хатка, хоча бы й стара,
Тилько бъ дотепно була збудована,
Вшыта та верыта, мовъ бы гаптована!
Била хатыны крныця, левада,
А у хатыни дружина порада!..
То я вже й не знаю чого ще бракуе?
Одначе, не воженъ такъ якъ я мизкуе!

Отъ хочъ мій сусида,
Чумачокъ Трохымъ!..
Батькы ёго що-року,
По силъ ходылы въ Крымъ,
Прыдбала худобы
Повни оборы,
Видъ хлиба, видъ скарбывъ
Вгыналысь коморы!..
Що жъ, Трохымъ мій здуривъ,
Що й рады не дати:
„Зроблюсь, каже паномъ,
Збудую палаты,
Напну хракъ, пальчаткы,
Ботыкы на ногы!..
Воно ёму й прыстало,
Такъ якъ свини рогы!

Старшына нашъ, може
Чулы, Горобецъ!
Тамъ такыи товстыи,
Пыкатыи, мовъ купецъ,—

Якъ йивъ винъ борщъ *зз такомо*
Та юшку зъ водою,
Тоди бувъ, мовъ хортъ той,—
Пиджарый собою..
Першъ мы ёго знали
За Харька, та й годи;
А теперъ, — гны вышче!
Воны; „благородьде!..
Прыйшовъ ты де нѣго,—
Заразъ вкляняйсъ въ ногы..
Щобъ то выйшло, якъ бы дати
Такый свини рогы?..

Чы въ васъ е урядныкъ,
Чы може нема?
А въ насъ е,—винъ зветця:
„Пидхвистокъ Хома!“
Винъ першъ по панахъ все
Лаузою бувъ,
Черезъ те жъ бачъ це прызвище
И урядъ здобувъ.
И теперъ надъ мырянами
Сылу винъ мае:
Зъ кожного знущаецця,
Кожного лае!..
У тихъ, що вмють мыскы лызати,
Велькая сыла!
Якъ бы имъ та дати рогы,—
Лыха бъ наробылы!..

Чы не расказаты
 Вамъ ще на останцы,
 Якъ у насъ по селахъ
 Всяки обдыранцы,
 Называють гроши,
 Якъ людей мордуютъ;
 Якъ на слёзахъ злыдняхъ
 Глытам панують!..

Чы вартъ, братцы слова,
 Чы варте и працы?
 Скажуть: не йमितъ виры
 Брехливый собаки?
 Бо въ насъ въ сели усе гараздъ
 И все—слава Богу!
 А винъ бреше, бо самъ той звиръ,
 Що не мае рогивъ!..

М. Л. Кропивницькій.

ПОВНЬЙ

ЗБИРНИКЪ

ТВОРИВЪ

Томъ II.

1. Глытай, або жъ павукъ. 2. Вій. 3. На руинахъ. 4. Передъ
волею. 5. Залеты соцького Мусія (письни въ лыцяхъ).

ХАРЬКОВЪ,

Паровая Типо-Литографія М. Я. Дрейшпуля, Рыбная улица, № 23.

1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Апрелья 1902 года.

О Г Л А В Ъ:

	Стран.
Глытай, або жъ павукъ	1
Вій	41
На руинахъ	83
Передъ волею	109
Залеты соцького Мусія (письни въ лыцяхъ).	171

Глытай абожъ Лавукъ.

Драма у 4 діяхъ и 5 одминахъ.

(Выправлена наново).

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ 3 февряля 1900 г. № 768.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Ёсыпъ Степановычъ Бычокъ, багатый чоловікъ, лить пидъ 60.

Мартынъ Хандоля, багатый селянынъ, лить 40, навписля злыдень.

Вустя, жинка Мартынова, лить 35.

Стеха, пидстаркувата молодыця.

Олена, їи дочка.

Андрій Кугутъ, чоловікъ Оленынъ.

Хрыстя, дивчына, подруга Оленына.

Иванъ Павловычъ, заїзжый мищанынъ.

Юдко, шынкаръ.

Збирщыкъ.

Киндрать, хлопецъ, наймытъ Бычкывъ.

1-й }
2-й } чоловікы.
3-й }

1-я }
2-я } молодыци.

Дивчынка, лить 8.

Хлопчыкъ, лить 4.

Грудне дытя.

Парубкы, дивчата и селяне.

Межь 1-ою и 2 дією проходытъ годъ и девять день; межъ 2-ою и 3-ю—
скилькы годынъ; межъ 3-ю и 4-ою—трое день.

Діетця въ Херсонщыни.

Д і я І - а.

Вулиця на сели. У праворучь домохъ зъ деревлянымъ дахомъ и ганочкомъ, лворучь шынокъ зъ таблычкою: „роспывочно и на выносъ“, дали хаты, огороды, крыныци и т. и. Въ глыбыни витрякы:

Я в а І - а.

Бычокъ и Мартынь (*стоять била домка*).

Мартынь (*пидъ чаркою*).

Ёсыпе Степановчу! Слушайте сюды: я жъ кажу, не дае Юдко Мартынови на-бирь, не дае!.. Нетреба, Мартынь пытыме на готови... Ого-го, поздоровъ Боже Ёсыпа Степановча, то й гроши по всякъ часъ знайдутця.—Чы такъ?

Бычокъ.

А хто жъ, мылостывый государю мій, окримъ мене, усихъ вась рятуге и вызволя зъ усякои оказіи?

Мартынь.

Вы, спасыби вамъ. И багато людей по виць вамъ будутъ вдячни за вашу прыхильнисть... Хочь де-яки люде й кажутъ: „не вирь Ёсыпови, бо винъ тебе втопе“!..

Бычокъ.

Яки жъ то люде?

Мартынь.

Та хйба жъ кожного згадаешъ? Вже колы я вамъ кажу, що говорюють, то такъ воно и е.

Бычокъ.

Не люде то, а недолюдкы! Бачъ, вже

имъ жытте мое по Божому, та мое чесне повоженне зъ людьмы завадыло гиришь болякы, черезъ те й пащекують.

Мартынь.

А такъ, такъ... За для того, мовлявъ, и языкъ у роти, щобъ винъ теленькавъ.

Бычокъ.

Ото, государю мій мылостывый, заздрить тымы людьмы орудуе и прымушуе ихъ лыхословыты на кожного чесного чоловика (*зитхае*). Я жъ кажу, що инчий, учувшы про себе таки речи, сказавъ-бы: „не вартъ писля цего робыты добре людямъ, хай имъ врагъ“!.. Ось що инчий сказавъ бы.

Мартынь.

Ну, да, ну да!

Бычокъ.

А я цего никому не скажу; николы я не зверну зъ того шляху, на який напутывъ мене самъ Господь и якымъ належыть иты кожному богобоязному чоловику; я николы не перестану допомагаты кожному бидоласи, якъ и доперва допомагавъ, и кожного вызволятыму зъ оказіи й навчатыму на все, якъ найкраще...

Мартынь (*зитхае*).

Спасенна вы душа!

Бычокъ.

Нехай мене замисць дяки кленуть, нехай, навить, плюють мени межы очи, а я зъ свого шляху не зверну!..

Мартынъ.

Спасенна вы душа!.. Ну, й голова жъ у васъ!.. Не даромъ вже й старшына каже про васъ: „у тій голови розуму, мовъ два клало, а третій топтавъ“!.. Слушайте сюды, що я вамъ казатиму: нехай що хочуть базикають, а я плюю на те пашекуванне, ниhto мени не забъе бакы!.. А вже колы Мартынъ плюе, то й вы плюйте!..

Бычокъ.

Не плюю, мылостывый государю мій! Бо я памъятаю, по всякъ часъ памъятаю, що Господь милосердный усихъ насъ судытме...

Мартынъ.

Кажуть, що вы мене й горилку навчылы пыты... Це зновъ брехня! Я самъ навчывся... Що я першъ не пывъ, такъ що жъ?... Не пывъ, бо не тямывъ, якый у горильци смакъ; а правда?

Бычокъ.

Ще бъ не правда!.. Горилка ласый напытокъ; а кримвъ того, винъ звеселя духъ и надае одвагы чоловикови и смилосты!..

Мартынъ.

Ого-го, ще й якъ надае!.. Та я, якъ напыюсь, тоди беры у мене все, що хочъ беры, усе продамъ безъ торгу... Зразу руки перебывъ и шабашъ!.. Навить и самого себе продамъ!.. Одноче, прощавайте, куме, бо пасухо не стоить зъ вами розмовлять!.. (*Иде*).

Бычокъ.

Памъятай же, государю мій, що тепера ты выненъ мени вже пивтораста безъ двоухъ.

Мартынъ.

Якъ? Ажъ пивтораста?! Ого-го!.. Э, ни, стрывай! Я заразъ переличу. Писля риздва я взявъ у васъ сорокъ? Ачъ, дума, що я не памъятаю!.. Такъ, сорокъ! Писля литнѣго Мыколы—ще сорокъ?.. А що, ты думавъ, що я забуду?.. Ще сорокъ! Тепера—зновъ трынадыцять?.. Та й годи жъ?.. (*Бормоче, личуче на пальцяхъ*). Трынадыцять, сорокъ, та ще сорокъ, та ще й трынадыцять...

Бычокъ.

Ну, та прыклады ще процента?

Мартынъ.

Процента? Онъ що! Такъ ты жъ такъ и кажы... Хиба якъ процента прыкладешъ, то воно нибы й такъ выходить... Ой, ни, не такъ!.. О тутъ, на проценти якась плутанына!.. Але й процентыкъ напухъ: пивтораста безъ двоухъ?.. Фю-фю-фю!.. Дерете вы, выбачайте у цимъ слови, якъ зъ ридного батька!..

Бычокъ.

Дывно мени слухаты таки речи, та ще й видъ кого? Здаеця, що ты и не дурень на свити, та й усе село тебе мае за чоловика зъ не-абы якою головою!.. Розсуды жъ, будь ласка, тилькы не полинуйся, а розсуды гарненько, що процентъ на гроши, усе одно, що прыплидъ, або жъ урожай!..

Мартынъ.

Та воно, якъ по совисты, то правда. Але жъ, зъ одного боку воно показуе такъ, а зъ другого инче облычче!.. Бачте, якъ

по совисты, такъ у грошахъ не бува: ни падижу, ни неврожая, а усе тилькы прыплидъ!.. Не даромъ въ писни про грошовытого спиваетця, що, каже: „не потіе, не хворіе, карбованьци личе, та всімъ дули тыче“!

Бычокъ.

„Дули тыче“? Може инчий и тыче, тилькы не я. А ты спытай мене: скільки моихъ грошей пропада на людяхъ; мало я ихъ роздавъ на вичне отдавне?.. Правда, що кожонъ зна, якъ ось и ты, що у мене тако вже чудне серце, що якъ тилькы уздрю убогого, то навить готовъ и сорочку останню зъ себе здйняты, та ему виддаты... Оця то позыка на вичне отдавне и е той падижъ, та неврожай!..

Мартынъ.

Ачъ, якъ ловко вымадыкувавъ!.. И я жъ кажу, що воно трохи нобы й на правду скидаецця, але жъ...

Бычокъ.

Ну, ты вже почавъ щось такє плєсать, що й купы не держытця!..

Мартынъ (*цмока губамы*).

Ов-ва! Поньмаете!.. Яки бо вы палки, куме, вже й розгнивальсь?.. Гей, кумцю, кумцю!..

Бычокъ.

Ну, ну, личы вже швидчъ, скільки по твоему ты мени выненъ, бо мени никола тутъ зъ тобою.

Мартынъ.

Не пеклуйтєся, цє вже турбація не вашои парахвін, отъ що! Вы соби ду-

маете: „кумъ мій теперь пьяный, а до того ще й дурный, ажъ крутытця, то й не потрапе поличыты“? Ов-ва!.. Не велька сумà, личылы мы й не таки копыталы!.. (*Бормоче*) Сорокъ та ще сорокъ!.. (*Бьє себе по лобови*). Ось тутъ у мене цила кыга! А ще й до того, дякуючы вамъ, трохи грамотный, хочъ мало дрюкованый!.. Э, куме, не знаете вы цїен головы, вона у мене надъ уси кыжкы въ свити!.. (*Зновъ бормоче*). Сорокъ, та ще сорокъ, та ще й трынадыцять!.. Теперь процента... Сюды онъ скількы, а туды стількы.. Та визьмы зновъ прыплидъ, та врожай... Ежєлы... Полагаецця, щобъ по совисты... (*Дывытця у гору и бормоче*). Такъ! До копйкы, до денежкы такъ!.. А скількы жъ пакъ?

Бычокъ.

Сказавъ же, що пивтораста безъ двоухъ.

Мартынъ (*смїєтця*).

Такъ и въ мене якъ разъ выходытъ! Ну, скажи на мылость Богу: именно пивтораста безъ двоухъ,—якъ чорне на билому!.. Заплатымо! Ого-го!.. Мартына ще й у тры тысячи не вберешъ!.. Слава Господєви, е волыкы, е й коровьята и овечата и хлиба мало не повенъ тикъ!.. О, та й допечу жъ я бисовому Юдкови! Вже не дає мени набиръ!.. Не даешъ, матери твой зъ хвостомъ! Осьдечкы гроши, пытыму на готови!.. А скажыть, кумцю любезный, чы то вже ваши штукуы?

Бычокъ.

Яки ще тамъ штукуы?

Мартынъ.

Щобъ Юдко не дававъ мени набиръ?

Бычокъ.

Бо-зна, що вы выгадуєте!.. Слухай,

куме, якъ пакъ по батюшци тебе вельчаты, все забуваю?

Мартынъ (*зитахнувъ*):

Забуваєте? Г-мъ, дивно!.. Не вельчайте мене ни якъ, то краще буде! Ой, бачу я, що вже вамъ Мартынъ обрыдъ, та остогыдъ? Плювать мени за це на васъ. Ось що! Пропью оци гроши и шабашъ!.. Аминь!.. Бигатымете зновъ за Мартыномъ, якъ чортъ за гришною душею!.. А чы давно мене мало въ руки не цилували и Радывоновычомъ вельчали, а це вже й забулы? Ловко!..

Бычокъ (*ласкаво*).

Та що на васъ, куме, сегодня напало?

Мартынъ (*видвертаеця*).

Не говори до мене а ни же, а ни слова!..

Бычокъ.

Вже й пошуткуваты зъ вами не можна? Слухайте, куме, Радывоновычу, государю мій?

Мартынъ (*сердыто*).

Ну?

Бычокъ.

Повернить бо ваше лыце до мене.

Мартынъ (*повертаеця и вже каже мняхче*).

Ну?

Бычокъ.

Визьмить, будь ласка, ще два карбованьця, та й нехай вже полови волы будутъ моиы? Берить, добру цину даю!

Мартынъ.

Вы це зновъ якои-жь? Тиен, що вчора й позавчора? Ось же слухайте сюды. Васъ ще никто сегодня у вичи не лаявъ, никто? Отъ же я, якъ не побоюсь гриха, хочъ вы мени й кумъ, а вылаю!.. Що бъ я половыхъ воливъ продавъ за пивтора-ста? Вы знаете, яки ти волы: зо дна моря вынесуть!.. (*Иде до шынку*). Гей, збырайсь голога, Мартынъ гуляе! (*Спива*).

Дай горилкы, жыде Юдко,

Ты жъ, музыко, заграй хутко,

Я музыци поклонюся,

Бо вже дали не попхнуся!..

(*Крычыть*) Гей, Юдку! становы видро горилкы!.. Становы два заразомъ, матери твой зъ хвостомъ!.. Ого-го, у Мартына ще буде на що пыты; ще буде та й буде. (*Пишовъ у шынокъ*).

Бычокъ (*гука въ подвирье*).

Гей, хлопче, Киндрате! Чы ты тамъ на подвирьи?

Я в а 2 - а.

Киндратъ и Бычокъ.

Бычокъ.

Чого ты такъ лизешъ, веначе тры дни не ивъ?

Киндратъ.

Бо такы кримъ глевкого хлиба ничого не ивъ.

Бычокъ.

А що я тебе пундыкамы годуватыму, чы ласощаы?

Киндратъ.

Такий хлибъ, що й собака подавытця!..

Бычокъ.

Не базикай! Пиды заразъ на село, та поклычъ мерщій до шынку Панаса Горбатого, та Свырыда Куцого, скажы имъ, що Мартынъ гуля и ихъ запрошуе на могорычъ, чуешъ?.. Пиды, пиды ху-тенько, а я вже дамъ тоби бублыка.

Киндратъ.

Эге, скільки вже разивъ казали: „дамъ бублыка“, та й ни разу не дали!

Бычокъ.

А брешешъ, хлопчысько! А якъ ты говивъ, не давъ я тоби ажъ два бублыка?

Киндратъ.

Эге-ге! То колы жъ ще було?

Бычокъ.

Ну, сегодня вже дамъ, тилькы зби-гай мерщій... (*Киндратъ побигъ*) Щось сегодня Олена и ни разу по воду не ходыла. Чы не занедужала? Може про-гавывъ я ии?. Тилькы жъ, лыбонь, дывывся я въ обыдва ока... И дивкою муляла Олена мени очи, а якъ выйшла замижъ, то не мовъ рукамы вхопыла мене за сер-це... Тилькы про неи одну и думаю!.. Охъ, якъ сердце стрепенулось!.. (*Дывытия*). Ни, це зовсимъ не вона.

Я в а 3 - а.

Бычокъ и Вустя.

Вустя.

Це вы зновъ позычылы Мартынови гроши?

Бычокъ.

А хiba у мене звираче сердце?.. Чо-ловикъ просыть, то я й мушу зарятуваты!

Вустя.

Добрый порятунокъ! И це жъ вамъ не грихъ спюваты чоловика, та ще й кума?

Бычокъ.

Хочъ ты, государыне моя, и кума мени, а якъ все село мае тебе за люди-ну зъ щербатымъ розумомъ, то й у мене нема охоты розмовляты зъ прышелеповато-ю. (*Хоче йты въ домокъ*).

Вустя.

Вже я й прышелеповата?.. А чы дав-но була: „и кумушка и голубочка“?.. Кто жъ мене й ославывъ прыдурковатою, якъ не вы?

Бычокъ.

Верны вже все лыхо на мене!..

Вустя.

А була бъ певно розумною, якъ бы звирылась на ваше лебезуванне?.. Якъ пидсыпалысь до мене та горнулысь, то белькоталы: що я й красуня, що й сердце ваше запалыла,—тоди я тежъ була пры-шелеповатою?..

Бычокъ.

Я щось не збагну, про що ты вер-зешъ?..

Вустя.

Верзу?.. Треба бъ було тоди, якъ вы вскочылы за мною у комору, та почалы чортъ-зна що плесты, гукнуты на чолови-ка, та пры нёму надаваты ляпасивъ, щобъ ажъ морда спухла, о тоди бъ не звелы-чалы мене прыдурковатою.

Бычокъ.

Ничого я такого не памятаю...

Вустя.

Стыда у вась нема!.. Колю бѣ не соромъ, гукнула бѣ на все село: гляньте, люде добри, на оцего спаселника!.. Тьфу, мерзото!.. (*Пшла въ шынокъ*).

Бычокъ.

Ачь, яка!.. Тыхоня-тыхоня, а якъ прыдывыся, такъ въ ній цила купа чортивъ!.. (*Оглядаеця*). Гараздь, що вона не пащекувата, а друга славыла бѣ... А полови волю Мартынови добри, заплющывшы очи сто висимдесять дадутъ... Хиба накынута рубливъ зъ пять?.. Мабуть прийдетця, докы Мартынъ до розуму не дійшовъ...

Я в а 4 - а.

Стеха и Бычокъ.

Стеха (*йдучы вулицею голосить*).

Охъ, матинко, цинують, цинують! Одна-однымъ коривка зостанетця!.. Чымъ же я содержуватому дитвору дрибненьку?..

Бычокъ (*прислухаеця*).

Хто це? Оленкина маты!.. (*Иде їй на зустріч*). Государыне моя, чоге це ты такъ голосышь? Що тамъ, за прытычына трапылась?.. Соромъ тоби, государыне моя, такъ бидкаться!.. Чы не я жѣ колысь пеклувався обѣ тоби, чы не я жѣ що разу вызволявъ тебе зъ усякои оказіи?.. Правда, що я теперъ вже не вхожий до твоєї господы, вже більшь року не знаю, якъ и двери видчиняютця въ твой хати, то й не знаю, якъ тамъ и що... Бо зять твій ставъ щось до мене не такимъ, якъ першь... (*Зитхае*). Богъ зъ нымъ! Бувъ я вамъ, якъ ридный, а теперъ гиршь чужого. Охо-хо-хо!.. И скортило жѣ твой дочци йты за молодого,

отъ теперъ и бидкайся!.. (*Оглянувся и тыхо балака*). А казавъ тоби скільки разивъ казавъ: виддай мени свою Оленку, нехай у мене хазаякою буде, господаынею, бачъ, не послухала?

Стеха.

И що жѣ бы-то я була за маты, щобъ пхала свою дытynu на поталу, та на поковоль людямъ, на глумъ усѣму хрещеному мирови?

Бычокъ.

Охъ, государыне моя, не то шлюбъ, що пипъ звинча, а то, що Богъ благословить!..

Стеха.

Щобъ я свою дытynu та сама ще й на грихъ пидвела? Бороны Боже!

Бычокъ.

Все те дурныця, що ты говорышь! Хиба мало людей живе такъ... А прыдывысь, якъ вони живутъ, далеко краще, нижъ винчани: вси шанують ихъ, вси почитують...

Стеха.

Дуже?.. Зазнала и я тиен пошанобы та почитування, зазнала такъ, що й досы вадыть!.. Докы до любовы, доты и въ шаноби; а якъ остогыдіе, тоди йды, голубко, куды очи дывлятця, та ховайся зъ своимъ соромомъ видъ людей! Люде, добродію, ворогы! Привитають такимъ призывцемъ, що й по вѣкъ его не збудеця!.. (*Оглянулася*). Я жѣ вамъ розказувала, що якъ ще я була дивкою... Довелося мени дизнаты почитування!.. Иноди доходило до того, що хочъ визьмы та вкоротай соби вику, або йды за першого ледащыцю, чы пьянюгу, щобъ

маты хотъ яку небудь заступу!.. Й му-
сыла питы за чортъ-зна кого, мовъ въ
воду шубовстнула. И вже що довелось
терпиту на одыньци видъ чоловіка, про
те знали боки, та печинкы, за те пры
людяхъ була замижнею и хазяйкою...
Хвалыты Бога, якъ не якъ, а пережы-
ла те лыхо, бодай воно на мени и око-
шылось...

Бычокъ.

Плювать на те пащекуванне!

Стеха.

Звисно: вамъ плювать, а намъ вид-
бувать!..

Бычокъ.

Мало чого люде не плещуть языкомъ,
сказано: „языкъ безъ кистокъ“.

Стеха (*почына зновъ хлытатъ*).

Ой, хтожъ мене порадыть, хтожъ ме-
не порятуе въ мой тяжкый прыгодоньци?..

Бычокъ.

И е кому порятуваты, е! Слухай, стара.
Щобъ ты вже запевне знала мою доб-
ристь и мою прыхыльнисть до чужого го-
ря, и щобъ твій и зять упевнився, що
я завжды радый допомогаты у нужди, то
мушу и на цей разъ порятуваты тебе...
Напередъ кажу, що запевне знаю, що
може ты цихъ грошей вже й по вискъ ме-
ни не виддасы, але, якъ той казавъ: де
уже наше не пропадало?.. (*Усмихаєт-
ця*). Ты думаешъ, що я не чувъ, якъ
ты вже не разъ лыхословыла мене пе-
редъ людмы и скаржылась на мене?..
Чувъ, бо въ мене скрызъ е вуха. И не
соромъ тоби?..

Стеха.

Та це жъ якыйсь ворогъ таке спливъ!

Бычокъ.

Нехай и ворогъ... Такъ допомогты,
га? Мушу и на цей разъ вызволыты те-
бе зъ оказіи, мушу... И вже не за для
тебе це роблю, а шукаючы души свой
спасенія... За для Бога це роблю!..

Стеха (*хапа его руки и цилуе*).

Охъ, батечку жъ мій, я вже й не
знатыму, якъ за васъ Бога молыты!

Бычокъ.

Отъ за ци словеса вельке тоби спа-
сыби! Молысь за гришну мою душу, чес-
ная вдово!.. Охъ, гришни мы, гришни!..
Ходимо до горныци, я дамъ тоби гро-
шеняты!.. (*Пшлы*).

Я в а 5 - а.

Олена.

Олена (*выходе зъ-за лаштункивъ
збентежена*).

Куды жъ це маты пишы? (*Гука*). Мамо,
мамо!.. Певно до глытая пишы!.. Уже збир-
щыкы поцинувалы тельцю, ось-ось и до скры-
ни доберутця, лыбонь и одежу хочуть цину-
ваты... (*Задумуєтця*) Чы давно жъ бу-
ла тая годынька, що тилькы и думокъ
мени було, щобъ побачыты мылого, почу-
ты его люблю розмову, прыгорнутысь до
его серця!.. А вже воно нибы у сні мени
ввыжаетця; вже мій рай пахучый зарос-
тае терномъ колючымъ; вже безпечне, та
свитле щастя, мовъ пташечкою пролыну-
ло, мовъ вихремъ пронеслося... Тилькы
иноди нибы ще замыготыть передъ очыма
весела згадка про те щастя и пиддуре
на мить хворе сердце, а черезъ хвыльну
зновъ у душу заповза сумна думка и за-
квитчует ин отрутою-зиллемъ! Не всыпуче
що-денне бидуванне зъятрюєтця въ души
незгоенною болячкою и прыдавлює ин, мовъ

скыбою важкою. Тяжко жыты у свити зъ щырымъ коханнемъ! На що биднымъ людямъ въ грудяхъ чуле серце? Чы не лехче бь було жыты безъ почуття, бидкатысь съ холоднымъ серцемъ?.. (*Закрываетъ рукою очи*).

Я в а 6 - а.

Бычокъ, Стеха и Олена.

Стеха (*вже пидъ чаркою на порози*).

Воно правда, добродію, що краще, якъ хата добре вкрыта, а свята гарно зшыта!.. Ну, та вже колы хвортуна плаче!..

Бычокъ (*побачывъ Олену*).

Здоровенька була, Олено Юхымовно! (*Сміється*) Загордувала, що вже и не витаеця зо мною?

Олена.

Чому жь и не привитатысь? (*Кланяеця*). Та й чымъ бы то я мала гордувати? Мамо, идить мерщій до дому, бо тамъ вже й до скрыни добираютця.

Стеха.

А дули имъ зъ макомъ!.. Осьдечкы гроши. (*Показуе гроши*). И тельчка первисточка буде у хливци и одежынка въ скрынци. Зась имъ та дули зъ макомъ! Охъ, дытно моя люба, дытно моя панявочко, краще бь мени було бачыты тебе за нелюбомъ у роскоши та въ добри, нижь за мылымъ та въ нужди. Прощайте, Ёсыпе Степановичу! Пошлы Вамъ Господы щастя й вику и куды тилькы думка ваша сягне, щобъ усе такъ сталося, якъ забажаеця. (*Пшла*).

Я в а 7 - а.

Бычокъ и Олена.

Бычокъ.

Але ты ще краща стала, якъ дивкою була!

Олена.

То нехай воно пры мени и зостанеця.

Бычокъ.

Чого жь ты такъ зкоса на мене поглядаешъ, мовь бы ягвятко на вовка? (*Усмихаеця*). Хиба у мене такый страшный поглядъ?

Олена.

Ни, поглядъ у васъ лысычий, та вовча думка.

Бычокъ.

Ай-ай-ай! а рученята яки стали чорни?

Олена.

Онъ у васъ и били руки, а душа...

Бычокъ.

Жыве тобою, тобою дыше!..

Олена.

Чы вамъ же прыстало балакаты про коханне? Видъ васъ вже землю смердыть!

Бычокъ (*сміється*).

Не сердься, моя квиточко! (*Хоче ии обняты*). Золото не молодычка!

Олена.

Ну-ну, рукамы воли не давайте! Ачь яки! передъ людмы вдаете зъ себе святого та божого, а на одыньци—бисови ридня!..

Бычокъ.

Нащо жь Господь и дае красу, якъ не на те, щобъ на неи задывлялысь?

ОЛЕНА.

Та хочъ бы й такъ, то не вамъ вже про коханне казаты!

Бычокъ.

Чому-жь то такъ?.. А я все такы кажу, що люблю тебе, якъ дочку, якъ...

ОЛЕНА.

Знаю я васъ!

Бычокъ (*зитахнувъ*).

Ты все жъ такы не ймешъ мени виры, що я добрый чоловикъ?

ОЛЕНА.

Добрый!.. Якъ спыте, то істы не просыте!

Бычокъ.

Усе шуткуешъ та жартуешъ? И дай Боже, мовлявъ, шуткуваты, абы не сумуваты... (*Зитхает*). Боже мылый! Уснимъ людямъ я любязный, тилькы тоби, моя горлычко, моя квиточко... Чогожь зновъ шпыгаешъ мене гострымъ поглядомъ? Вирь-не вирь мени, а я скажу напрямкы, що одынь твій ласкавый поглядъ и пань я надъ панамаы!..

Я в а 8-а.

Ти жъ и Мартынь.

Мартынь (*пиджавшысь до Бычка*).

Ёсыпе Степановичу, кумцю любезный, я на тебе десять разивъ ласкаво гляну, тилькы позычь мени ще на видро горилкы? (*Олена пишла*).

Бычокъ (*зъ серцемъ*).

Чортяка тебе пиднесла!

МАРТЫНЬ.

Не гнивайтесь! А гарна молодычка, га? А маты ии ще краща була,—на все село, та й на вкругы не було кращой дивкы... Та панычь звивъ съ ума. Бувъ тутъ такой панычь... Эхъ, кумцю, кумцю, бодай васъ курка вбрыкнула! Давай пять рубливъ, та й беры полови,—хочешъ?

Бычокъ.

Охъ, переплатю льбонь трохы, але нехай вже. (*Бъе по руци*). Пиды жъ до волосты та напышы распсыку.

МАРТЫНЬ.

Що? Куды? До волосты?.. Ов-ва!.. Стало быть нема вже Мартынови виры, нема? Такъ отъ же зъ мисця не зворухнуса, не похнуса!.. Давай, кажу, пять рубливъ? Не даешъ? (*Крычитъ*). Юдко, гей! Беры чемерку, беры шапку, беры чоботы!.. Гей, збирайся, голота, Мартынь гуляе! (*Сизъ доли и розбувається*). Ого-го, у Мартына ще буде на що пыты, ще буде та й буде! Юдко, беры сорочку, беры чоботы, беры!..

Бычокъ.

Та вгамуйся, не репетуй. Ходимъ у господу, тамъ и гроши дамъ.

МАРТЫНЬ.

Ни въ тынь, ни въ ворота, сударыне криворота! Гей, куме, памьятай прыказку: „коваль клепле, докы тепле“!.. Гляды, щобъ я не прохолонувъ!

Бычокъ.

А завтра на яки похмылытесь?

МАРТЫНЬ.

Оце вже не твое дило, та й не попове,—отъ що! Слушайте, голубе сызый, кумцю любезный: не будьте вы свынею,

колы васъ вельчаютъ, не будьте тымъ,
що моркву рые!.. (Стива).

Ой, пье Байда
Медь, горилочку,
Та не день, не два,
Та не годиночку.

Давай пять рублѣй, бо якъ розсер-
дюсь не продамъ половыхъ. Гей, Юдко!
Иды сюды. Беры чоботы, беры штаны,
беры сорочку. (Зъ шынку выбига жьдѣ).

Бычокъ (выйма гроши).

Та на вже, що зъ тобою подієшь?

МАРТЫНЪ.

О тутъ поклады, била мене!

Бычокъ.

Чы годытця жъ хазяиновн отакъ по-
середь вулицы валятысь?..

МАРТЫНЪ.

Не чхай мени въ нисъ, нехай тоби
бисъ! Сидай и ты рядомъ. Не хочешъ?
Ого-го! Дуже закопыливъ губу!

Юдко.

Мартинъ Радивоновичъ, такъ не бла-
городно.

МАРТЫНЪ.

Що? Що ты тамъ гарчышь? На гро-
ши! Стій же тутъ, докы я доспиваю.
(Стива).

Прыйшовъ до него
Царь турецькый:
„Що ты робышь, Байдо,
„Байдо молодецькый“?
„Визьмить Байду
„Извьяжите,
„Та за ребро гакомъ,
„Гакомъ зачепите“!

Тамъ винъ и досы высить, сердега!
(Зитхае). Юдку, пидведы мене! (Жьдѣ
пидводе). Ты може думаєшь, що я пьяный?

Юдко.

Сохрани мене Богъ, ни въ какую
слючаю!

МАРТЫНЪ.

Веды мене пидъ пахвы, непаче манзелю!..
(Жьдѣ взявъ его пидъ руки). Гей,
збирайсь, голото, Мартынъ гуляе!.. Про-
пывъ волю полови, пропывъ?..

Юдко.

Дай Богъ, дай Богъ!

МАРТЫНЪ.

Почнемо зъ рябыхъ!.. Ого-го, у Мар-
тына ще буде за що пыты, ще буде тай
буде!.. Юдку, дай я тебе поцилую!.. (Ци-
луеця).

Юдко (у бикъ).

Прыходытця зъ свынею цилуватысь,
фе!... Треба хамули потуряты.

МАРТЫНЪ (штовха жьда въ шыю).

Видченяй. бисивъ капцане, дверн! (Пи-
шовъ зъ жьдомъ въ шынокъ).

Бычокъ (одынъ).

Почынай, Мартыне, зъ рябыхъ, а ме-
ни й на руку ковинька: будутъ и ряби
моимы! Треба буде на всякый случай на
волю векселя заготовыты, щобъ пидпы-
савъ Мартынъ, то воно спокійнищъ бу-
де. (Сида на ганокъ и зитхае).
Охъ, засила мени Олена и въ голову
и въ сердце, якъ той цвяхъ засила!..
Та невже жъ вона и завжде такъ бу-
де зо мною? Чы я ий такый гыдкый,
чы осоружный?... Та друга бъ зъ ра-
дистю пишла бъ на даровый хлибъ та на
гарну одежу!.. Треба буде подарувать ий
срибни сережки та ще й позолочувани...
Хиба подаруваты заразомъ и хустку на
голову? (Задумався). Чы не можна бъ
якъ небудь Андрия спровадыты зъ села

куды небудь у наймы? Або чы не звернуты на него провину, що винъ весною укравъ у мене коняку? Поки выправитця, то все такы мисяцивъ зо два подержуть въ острожи... Свидкивъ можна буде пидкупыты... Безъ Андрія я певнищъ оборудувавъ бы свое дило... Отъ такъ и почуваю, нибы голосно щось у серцеви промовля: Олена, Оленка, Оленочка!... Ажъ у очахъ туманіе!.. Прямо: навожденные!

Я в а 10-а.

Иванъ Павловичъ и Андрій Кугуть.

Ив. Павловичъ.

А, слихомъ слыхать, Ёсыпа Степановича у вечи выдать!

Бычокъ (*у бикъ*).

Отъ чортяка тебе прынесла! Ще чаю, або кохвию попросыть... А мени зъ тебе корысты, якъ зъ быка молока. (*До него*) Якъмъ це васъ витромъ до насъ занесло?

Ив. Павловичъ (*чоломкаетця*).

Дилâ, дилâ! Ажъ голова трищыть одъ етихъ самыхъ диловъ, которы... Тутъ чалавечка хочу по ликумендарціи найняты, та отъ ни якъ до совокушности не провзойдёмъ!

Бычокъ

Якого чоловичка? (*Побачывъ Андрія*).
Чы не Андрія?

Ив. Павловичъ.

Да! Вотъ этого самага, который издесъ состоитъ на лице.

Бычокъ (*зъ крикомъ*).

Андрія?

Андрій.

Та мене жъ!

Бычокъ (*у бикъ*).

Поможы Боже! Ще краще безъ гриха. (*До Ивана Павловича*). То чого жъ тутъ?.. Мылосты прюсю до господы.

Ив. Павловичъ.

Значыть, даю я ему на годъ висимдесять? А работа яка: наглядать за хазяйствомъ и всякою, значытця, процендурую, —значыть, будемъ такъ говорить: якъ за прыкащыка беру.

Бычокъ.

Та вамъ кращого робитныка якъ Андрій не знайти. И честна людына, така вже честна!... Вже кого, кого, а Андрія и я посовитую и прямо поручусь вамъ за него!..

Ив. Павловичъ.

Чувъ, чувъ одъ людей! Слихавъ, слихавъ!... Звисно, я не стану копыталь жбурлять такъ, за рады Бога, бо то трудове. А, значыть, посовитувався тутъ зъ де-якымы хазяинамы, ну и... А мени такого чалавечка и треба, щобъ винъ не лежёнъ бувъ и у хазяйствы за всякимъ сословіемъ, щобъ було якъ свое око! (*До Андрія*). Одначе спытай хочъ и Ёсыпа Степановича, чы дасть тоби теперь хто бильшу пину?

Бычокъ.

А якъ цина?

Андрій.

Тутъ не про цину ричь!

Ив. Павловичъ.

А будешъ вирно служыты и всяки дила провзводыть, такъ я й прыбавлю какой рубъ чы й болшь тово...

Андрій.

Що говорыть? Цина гарна, у насъ

такихъ цинъ и не чутъ... Одна беда, що далека сторона!

Ив. Павловичъ.

Якажъ то далека сторона, що будемъ такъ говорити, и двохсотъ верстовъ не буде?

Андрій.

А хиба то близько?

Бычокъ (*хихика*).

Ой, далека жъ, далека сторона, ажъ на киньци свита!.. Звидцы не выдко... (*До Ив. Павловича*). Вы жъ тильки розмиркуйте: одне, що далека сторона, а друге, що тутъ зостанетця жинка молода, такъ страшно покидаты, щобъ иноди на самоти не знайшла соби забавкы!..

Андрій (*блеснувъ очима*).

Ёсыпе Степановичу! Моя жинка, то мій и соромъ буде, а вамъ до цего дила зась!

Бычокъ (*у бикъ*).

Ого, який баский! (*До него*). Гарачый якъ у гóрни зализо!

Ив. Павловичъ.

Запорожська кровъ! Люблю такихъ маладцевъ! Гарачый чалавекъ, будемъ такъ говорити, до всякого дила гарачый!..

Бычокъ.

А я тоби, Андрію, мушу вже по приятельски сказаты, тилькы ты, голубчыку, не гнивайся на мене. Колы-бъ ты швыдче найнявся то, може й мени швыдче виддавъ бы позыку?

Андрій (*червоніючи*).

Ёсыпе Степановичу! Не прыстало путаты чужого чоловика у наши зъ вамы рахункы!.. Дуже вже часто стали вы дорикаты мене тією позыкою!

Бычокъ.

Господь зъ тобою! Якъ вже я тебе дорикаю, той не знаю! По Божому зъ тобою обихожуся. Хочъ по правди кажучы, ты, голубе сызый, нибы й честы вже не знаешъ... Ще торикъ належало виддаты.

Андрій (*заскреготивъ зубами*).

Годи, Ёсыпе Степановичу! Не знаю хто зъ насъ честы не зна! Вы-бъ краще розказалы, якъ та позыка складалась?

Бычокъ.

Ачь, ачь!.. Отъ и роботы добро людямъ!..

Андрій.

Ну, та що вже тутъ!.. Засунувъ шыю въ ярмо, то треба везты! Я іду, я согласень!..

Ив. Павловичъ.

Хвалю! Значыть, маладецъ! Щобъ уся ета процендура зразу: іду, або не іду! Маладецъ, одно слово, маладецъ!

Бычокъ.

Отъ и слава Богу! Ходимъ же до мене у господа и тамъ вже побалакаете соби любенько.

Ив. Павловичъ

И документально. Документальность первое дело.

Андрій.

Можна й тутъ балакаты! Я не крадене продаю, а свій питъ, свою кривавыцю!..

Ив. Павловичъ.

О, ни! У хати якось благороднещъ... Та вже воно й смеркае.

Андрій.

Про мене, ходимъ хочъ и въ хату.

Бычокъ (до *Ив. Павловича*).

Мылосты жъ просю хлеба-солы одкушаты и чаю-сахару одпыты.

Ив. Павловичъ.

Благодать вашему дому!

Бычокъ (*бере Андрія за плече*).

Отъ ты все ныбы сердыся на мене, а я, ей Богу, тоби добра бажаю.

Андрій (*зитахнувъ*).

Бачу, бачу добре, та не вмю до ладу подякуваты. (*тишы въ домохъ*).

Я в а 11 - а.

Мартынъ (*на порози шынку*).

Гей, Ёсыпе! Беры полови волы, тилькы дай мени ще тры цилковыхъ. Юдко каже, що я вже допывсь до завязкы, що вже бильшь не выпью!... Хто, я не выпью? Та я однимъ духомъ выпью цилу кварту!... Я видро ще выпью, цилу бочку!... Юдко мене не зна хто я?... Мене никто не зна!... Я тилькы самъ знаю, хто я? Я старшына, я староста, я соцькый!... Я все!... Я становый, ей ей, я становый!... Га? Де становый? А що мени становый!... Я его не боюсь!... нехай идетъ сюда!... Я, я никого не боюсь!... Що ты мене штовхаешъ? Какое ты моишь польное пряво штовхать мене? Одійды, а то усю морду розчавчу!... Ахъ, ты-жь!... (*Замохнувся и спавъ*).

Я в а 12 - а.

Андрій и Иванъ Павловичъ.

Ив. Павловичъ.

Такъ стало, будемъ такъ говорыть, завтра и въ дорогу.

Андрій.

Я своимъ словомъ не торгую и набирь его не даю!

Ив. Павловичъ.

Маладець, гаворыть, якъ по писаному! Такъ у ранци сходимо до волосты и всю тамъ механыку, на счетъ условія... Щобъ, значыть, будемъ такъ говорыть, ни якого продолжительного хвакта, ни якои процедуры... А що, писарь вашъ любыть прыношепія?

Андрій.

А де жъ ты писари, котри цего не люблять?

Ив. Павловичъ (*розвивъ руками*).

Що ты вдіешъ? Здырство, одно слово, грабизъ! Нема чести, у яму честь закопалы!... (*вернувся въ домохъ*).

Андрій (*самъ*).

Важко буты вольнымъ и не маты воли, страчуваты сылы на чужу корысть: чужу ныву обробляты, а свою занедбаты. А ще тяжче не знаты просвитлой годыны и не бачыты краю гиркій праці!... Побыла вже лыха годына, якъ чужа ныва, та позыченный серп!... И не вже такъ и гнутысь до вику? Ни, ще на вкругы мене засяе юсно сонечко, ще доля усмихнетьця! Одинъ рикъ попрацюваты до втомы, до знесылення и лыхо одлыне!.. Допикъ ты мене, Ёсыпе Степановичу, твоею ласкою: „позыку, каже, знаетъ, а на виддачу не дбаешъ“. Я не дбаю, я не працюю? Грудына та спына про те знае та оци кистляви руки въ пухыряхъ! Добрый ты чоловікъ, Ёсыпе, тилькы не впадай тоби въ руки, живцемъ облупышь? Ты допомагавъ мени и радывъ, спасыби, тоби, докы не скрутывъ мене, мовъ палыгачемъ, твоею позыкою? И заразъ мене порадывъ, тилькы що ця твоя порада гиршъ нижъ зрада: вырвавъ ты у мене слово твоимъ дориканнемъ, я зъ гарячу давъ его и теперь вже ни за що не зламаю! Луче бъ ты мене ножемъ поренувъ, та не корывъ

гадыно, твоими гришмы! вытягъ ты зъ мене жылы, щасте мое надломавъ, сердце мовъ кровью обльвъ!... Слизъ ще не выпывъ моихъ, багато ще ихъ зосталось!.. (*Вытира очи рукавомъ*)... Соромъ, плакаты козакови! А Олена? Що зъ нею буде, якъ довидаецця про неминучу тяжку розлуку? Охъ, та не можу жъ я дати терпѣти, гнутысь и вклонятысь передъ тымъ, котрый моимъ же саломъ, та по мой шкури маже, котрый корыстуетця моею кривавыцею и за мою гирку працю мене жъ зноважа!... Скрепысь сердце, высохнѣти очи!...

Олена (*выходе*).

Ты тутъ, Андрію?

Андрій (*здрогнувъ*).

Олена?!

Олена.

Чого ты такой? У тебе слёзы на очахъ!... Може що лыхе вчынылось?

Андрій.

Я... я наваясь въ одъїздъ, на рикъ!...

Олена.

Въ одъїздъ, безъ мене?.. Охъ, сердце, сердце!... О, дайте жъ мени отруты-зилья!... Мылый покидае! Рвысь сердце, зъ грудей, туманься розуме, пожежою палайте мрїи!... Пропаца я, пропаца!.. (*Зомлилая пада Андрієви на руки*).

Андрій (*зъ крыкомъ*).

Оленко, що зъ тобою? Зомлила!... рученьки похолонули... Не бьетця сердце!... Олесю!... Олесю!... Боже, Боже!... Олесю, промовъ жо хочъ словечко!... Зиронько моя, не зворушуй моєи одвагы!... Олесю, я слово зломаю, чуешь?.. (*Рыдае*). Од-

крыла оченята?.. Чого жъ, серденько, такъ пыльно дывыся на мене?... Ни, я не можу розризнытысь зъ тобою, нехай умру у ярми, пропаду у кормызи, а тебе я не покыну!

Олена (*довго дывытця на него, дали ледве промовля*).

Стрывай, стрывай!... На рикъ? Тильки на рикъ?... А тамъ зновъ будемо у купи, зновъ щастя, зновъ рай!... Дывысь, дывысь мени, въ вичи: прямо, любо, весело, щасливо, дывысь!.. Охъ, якъ я тебе кохаю! Помру безъ тебе! (*Тыхо плаче*).

Андрій.

Не кажи, не кажи такъ!...

Олена.

Завьяне сердце и оченьки погаснуть!... Стрывай, подумаю, я подумаю... (*Помовчала*). Ничего не зрозумію!.. Безъ тебе зостатысь? Дай сюды руку, до сердца, такъ!... Ідь, ідь, мій соколе, мій свите, моя думко!... Охъ, вяну жъ я, вяну, якъ квиточка на вогни!... Ідь, ідь мылый!... Швыдче ідь! Серцемъ тебе благословляю! (*Одійма его руку видъ сердца*). Прощай!

Андрій.

Боже мылый! Одынъ Ты бачышь мое сердце, переповнено кривавыхъ слизъ!.. Усе я тутъ покидаю: сердце, душу, думки, надїи и таланъ!... Теперъ я биднищъ видъ старця! Зглянься жъ надо мною бидолашнымъ!

Олена (*пада на колѣна*).

Боже мылосердный! Благаю Тебе Едъного, зъедыняючи въ благании вси мои слезы, вси мои думки, осыротиле сердце, въ слезахъ потоплену душу, прыспы, Боже, мое сердце, докы мій Андрій, мое

кохане, прылыне до мене голубонькомъ сызокрылымъ!.. Боже, порадыку едныи, уста мои не зможутъ вымовыть передъ Тобою мого горенька, слизонькамы вымытого!...

Андрій (*туле ім до сэрца*).

Богу, Богу едному покыдаю тебе, моя вирная, едныя дружыно!

Зависа.

Д і я 2-а.

Хата Стехы. Стылъ, покритый старенькою скатертыною; две лавы, тилъ, скрыны и де-яке сбижже.

Я в а 1-а.

Стеха, Олена, Збирщыкъ.

СТЕХА (*сыдыть била столу*).

И це жъ вы по Божому робыте, по людському?.. Берить одежу, не багато ім зосталось, грабуйте усе!.. Якъ не зволикайся, якъ не думай, а не одишхнешъ видъ себе злыднивъ: чы сегодня, чы завтра йты по пидъ виконню зъ торбами, хиба не однаково?

ЗБИРЩЫКЪ.

А що жъ про зятя и досы нема чуткы?

СТЕХА.

Нема! Вже сегодня девятыи день, якъ и рикъ мыпувъ, а его нема, та й нема!

ЗБИРЩЫКЪ.

И не вже Андрій за цилый рикъ и одного лыста не прыславъ?.. Дывно... Може туды пошта не доходить?.. Е таки земли, що ще пошта не доїзжа... Ворожокъ не пыталы?

СТЕХА.

Вже кыдалысь мы и по ворожкахъ и по ворожбытахъ... А Оленка то вже выгула и выплакала такъ, що й слизъ у очахъ не стало!

ОЛЕНА.

Не вси, не вси ще слезы выплакала! Воны е, та запеклысь била сэрца!

ЗБИРЩЫКЪ.

Бува й такъ, бува... Дывно, дывно!.. (*Помовчавъ*). Такъ такы навспряжки кажешъ, стара, що нема грошей?

СТЕХА (*зъ жалемъ*).

Нн, шуткую я!

ЗБИРЩЫКЪ.

Я черезъ те, бачышь, що е й про межъ нашого брата: инчий такый, що хочъ ты его печи або рижъ, не дае... (*Идучы зъ хаты*). Такъ сегодня прыидемо опысуваты. (*Пшшовъ*).

Я в а 2-а.

Ти жъ безъ Збирщыка.

ОЛЕНА.

Мамо, що жъ це зъ нами буде?

СТЕХА.

Думай вже ты, доню, а мени лыхо зовсимъ паморокы забыло! Такы, мабуть, я здурила, бо ничого не збагну... Якъ кажуть люде, то такъ, мабуть, воно и е, що покыпувъ пасъ Андрій на выкы вични!..

ОЛЕНА.

Страшно, мамо, страшно!

СТЕХА.

Вже жь певно не даромь и ворожка тильки похытала головою, а дали сплюнула трычи та махнула рукою... Чому вонаничого не сказала? Мабуть щось лыхого е... Теперь одна надія на Ёсыпа Степановыча.

ОЛЕНА.

Охъ, не нагадуйте мени про него!

СТЕХА.

А въ кого жь намь помочи шукаты?

ОЛЕНА.

Не знаю... (*Задумалась*). Завтра выженуть зъ хаты!.. Куды жь пидемо: на выгнѣть, по пидѣ тынню? Де жь ты, Андрію, де жь ты, порадо моя?

СТЕХА.

Байдуже ему про насъ!

ОЛЕНА (*лама руки*).

Охъ, яка жь пекельна ваша мова! Отруить краще мене, нижь маю слухаты таки речи!

СТЕХА.

Тебе отруить, а самій куды подитись зъ трема диточками малымы? Чы всихъ повбываты, а потимъ и самій зъ кручи ввызъ головою?

ОЛЕНА.

Не знаю,ничого не знаю,ничого не зрозумію!.. Спытала бь у серця, колы жь и воно мовчыть; давно его не чую, немовъ вмерло воно!.. Нибы крыга у грудихъ сперлася!.. А може, мамо, Андрій вже недалеко? Стривайте! Адже сегодня пысарь повинень вернутись зъ города, мо-

же и лыста видѣ Андрія привизѣ? Побижу, та спытаю!.. Охъ, сердце мое замерлее, чого ты такъ стрепенулось ралтомъ? Ты щось певно вищуешъ мени: чы горе, чы радисть?.. (*побигла*).

СТЕХА (*сама*).

Бидна, бидна дытныо моя! Зеушыла тебе журба, звьялыла недоленька. (*Ламаруки*). Чы мы въ чимъ кого скрывдылы, чы кого прогнивылы, що зъявылася така напасть, котра прымушуе насъ до наглои смерти? Чы вже жь й досы каруюсь я за те, що колысь послушала нерозумного дивочого серця и пишла на грихъ; за те, що колысь покохала до забуття и, занехаявши соромъ и забувши Тебе, Боже Мылосердный, осоромыла себе и весь ридъ!.. Карай, карай мене, мій щастный талапу! Мало ще я покарана! (*Рыдаючи пада на стилъ*).

Я в а 3 - а.

Бычокъ (*входе*).

Чого ты, стара, що дня голосышь?

СТЕХА.

Хто чымъ багатый, то тымъ и цяцкаеця.

Бычокъ.

Чувъ я, що хатку твою хочуть цинувать? Шкода! Бачь, дочка твоя не велила мени и на поригъ показуватись, а я такы прыйшовъ: не могу я бачыты людуну въ нужди та въ гори, та щобъ не прыйты та не даты порады розумной або допомогы якои?.. А де жь дочка прыдзыглевана?

СТЕХА.

Побигла десь, якъ нависна. (*Зитхнувши*). Я вже й думокъ не прыберу, що зъ моею Оленкою подіялось?

Бычокъ.

А що тако?

Стеха.

Зпершу було и поплаче й посумуе, а дали й схаменетця и повеселища... Першъ було схопытця у ночи, упаде передъ образомъ на вколишки и почне молытись; та й молитця якось не по людськи, не молитвами, а по своему, щось тако говоре, що й не розберешъ; я озвусь до неи, то вона й замовкне. А це вже мисяцивъ зо-два то, льбонь, и про Бога забула.

Бычокъ (*жашнувся*).

Про Бога?!

Стеха.

А оци девять день, що минулы пилля года Андріеви, то вона вже, мовъ несамовыта; вже й не пизнаю я ии, не наче то не моя дытына!

Бычокъ.

Погано, погано! Уже колы про Бога почала забуваты, то це зовсимъ погано!

Стеха.

Таки жъ подумайте: за цилисеный рикъ, а ни висточки видъ Андрія!..

Бычокъ.

Можна, можна забуты про все, тильки не про Бога! Отъ я николы не забуваю Бога... Хиба вже й присисты?

Стеха.

Сидайте, добродію!

Бычокъ.

Сяду, государыне моя! Охъ грихы, грихы наши тяжки: якъ вже не оберегайся, якъ

не обмынай его, а не обмынешъ; бо увесь мыръ на грихахъ стоить, якъ на сохахъ, грихамы вскрытый, грихамы вшытый!.. Помиркуемо наприкладъ, объ тымъ, що навкругы насъ діетця: пьянство, сварка, лайка, грабижъ... Братъ брата обдырае, сынъ батька обкрадае!.. Кыдають виру, ламають прысягу, на Бога навить скаржатця! Охо-хо-хо! Куды скинешъ окомъ, такъ на тебе грихы и посыплотця, якъ грядъ, якъ горохъ!.. Бо вси мы вынни: кожый за себе и за всихъ... Сказано жъ: „и во грисехъ роды мя маты моя“!..

Стеха.

Охъ, якъ я вже не молюсь Господеви, то й не знаю, хто молитця?.. Денно и ноцно молюсь, та мабуть мои молитвы не вгодни Богови!.. Охъ, гришни мы, гришни!..

Бычокъ (*помовчавъ*).

Що жъ, сударыне моя, говорила ты зъ дочкою про мое дило?

Стеха.

Говорила! Такъ що жъ, въ одну душу кажо: „не пиду на грихъ“!..

Бычокъ.

Грихъ? Ты певно не вмючы, щось не такъ промовыла?.. Я клычу не на грихъ, а за хазяйку до себе, за господиню; а тамъ вже, якъ що вона прывыкне до мене, то... Я хочу, щобъ вона доглядила мое добро и мене, а я за те подякую не абы-якъ... А якъ Господь може, що й Андрій вернетця благополучно, то я й его прыиму, якъ брата, якъ ридного сына... Розуміешъ ты все це?

Стеха.

Колы бъ вы самы зъ цео побалакали, та ще по вченому, то може бъ вона й послухала васъ.

Бычокъ.

Тоби, государыне моя, якъ матери, якось нибы... благопристойницъ. Звычайно, що треба урезонити ин уміючы и здалеку... Такъ бы-то це дило обладнати, щобъ усимъ намъ добре було и людського поговору щобъ обмынуть?.. Е таки слова, котрымы можна урезонити, тильки треба ихъ знати... Слово—велька сыла!...

Стеха (*хлыта*).

Я жъ кажу, колыбъ вы позаторикъ, якъ ото почалы умызгатысь биля Оленки, якъ ще вона була дивкою, такъ, кажу, колы бъ вы тоди по закону думалы одружытысь зъ нею, то я бъ ин й прысылувала до шлюбу зъ вами!

Бычокъ.

На вищо сылуваты? Де сылуютъ, тамъ нема путя. Окримъ того, государыне моя, видъ не винчанон жинки бильшъ шанобы, нижъ одъ винчанон! Багато людей переступа черезъ законъ, та ще й якъ... Та й живутъ соби благополучно та хороше... Ты жъ знаешъ, що я чоловікъ не слепый и бачу ўсе це у книгахъ, своимы очыма бачу; я вже не одынъ десятокъ книжокъ перекидавъ, докы до всего добывся. Я бачу и розумію гараздъ, якъ воно й що у свити конця. И кажу тоби ще разъ, що уси мы переступаемо черезъ законъ, увесь миръ!.. Дарма, що я отутечкы живу, мовъ бы у закутку, иначе я добре бачу, що й по всему свиту діетця: у який бикъ однимъ окомъ тилькы скыну, заразы увесь свить, уся округа такъ и зъявйтця передъ моими очыма, мовъ на долони!

Стеха.

Та про це що й казать: уси люде, у одынъ голосъ кажуть, що вы чоловікъ выдающий и до всего знаете.

Бычокъ.

Знаю, та ще й добре знаю! Багато доброго знаю, не мало й злого... Тилькы що злого я людямъ чыныты не хочу, бо я богобоязный чоловікъ.

Стеха (*озыраетця*).

Чутка йде по селу про васъ, що нибы вы ажъ девять суботь проты велькодныхъ святъ ходылы пидъ опустъ, покы якусь чорну книгу здобулы?

Бычокъ.

Ходывъ и здобувъ!.. И та книга выявила мени увесь свить. Я спогляну на чоловіка отакъ кризь пальци, то сразу догадаюсь чымъ винъ и дыха. А гляну на зори, то вгадаю, що діетця за двадцять верстовъ видциля... До всего, государыне моя, добравъ я розуму, до всего я вчений!

Стеха (*помовчала*).

Охъ, гришни мы, гришни! Ось посыдьте трохи, а я пиду пошукаю Оленку, може вдвохъ чы не прысогласымо? (*Пшла*).

Я в а 4 - а.

Бычокъ (*самъ*).

Сегодня зновъ прийшовъ видъ Андрия лысть, ось-ось незабаромъ прыбуде й самъ: часомъ Олена довидаетця про лыста, то у мене вже е другый на поготови. (*Выймае*). Осьдечкы винъ! Нехай несе до кого хоче чытаты, тутъ добре написано. А хйба я мало передававъ старій гришмы та хлибомъ? Та щобъ такъ мое добро и пропало ни за понюхъ табакы? О, ни, ни! Хочъ на тыждень, хочъ на день, а Оленка буде мою!.. Перши лысты одъ Андрия я рвавъ або палывъ, теперь же самъ напысавъ... Та я задавивъ бы себе своимы властнымы руками, колы бъ пересвидчывся у тимъ, що зъ

гришмы не матыму чого зхочу!.. На що жъ и гроши тоди, на бисового батька воны, колы за ныхъ не можна купыты увесъ свить? Спалыть ихъ, въ воду жбурнуть, за витромъ пустыть!..

Я в а 5-а.

Олена (*вбига*).

Де лысть видъ Андрія?

Бычокъ.

Вже довидалась? Певно пысарь сказавъ? Нема въ мене ніякого лыста!

Олена (*просе*).

Видайте, батечку, голубчыку! Видайте!

Бычокъ (*зитхнувши*).

Бидна, бидна ты сыроточко! За цылый рикъ диждалась одного лыста, та й той... Жаль мени тебе, дуже жаль! Я хотивъ затаиты его видъ тебе, та пысарь побачывъ, що зъ Херсона и догадався видъ кого... Думаю: якъ затаю, то винъ все ривно выкаже... На, на!.. (*Дае лыста*).

Олена (*цылуе лыста*).

Тутъ, тутъ мой мрiн, мiй спокiй, мiй таланъ! (*Входе Стеха*). О, сердце мое, бидне сердце, щаслыве сердце, щаслыве!.. Тутъ мiй смутокъ, тутъ мой и радости!.. (*Розгортывшы лыстъ, дывытця на него*). О, горенько, жъ, мое тяжкее, о, Боженьку мiй! Яка я нещаслыва, що не вмiю й словечка прочытаты!.. Винъ, мiй мылий, пыше до мене, винъ балака зо мною, витае мене, а я... Одне бъ тилькы словечко прочытаты своимы очыма и я бъ половины сердца видала! Охъ, яка жъ я безталанна, яка я бидна: я тилькы плакаты умiю, та рыдаты, та серце кровью облываты!

Бычокъ.

Дай вже я тоби прочытаю.

Олена (*не слуха его*).

Ни! Я пиду заразъ до пысаря, або до дядька Мартына; воны мени его прочытають якъ слидъ, а вы не зугарни! (*Побигла зъ хаты*).

Стеха (*до Бычка*).

Що жъ тамъ Андрiй пыше?

Бычокъ.

Краще не пытай! Другу вже покохавъ, ось що! И не вернуся, каже, школы, и не сподивайся мене бачыты.

Стеха (*зъ крикомъ*).

Охъ, Боже жъ мiй! Що жъ це у свити дiетця? Лышенько не выпуче, прычепылося жъ ты до насъ гиршъ пропащныци... Проклятый Андрiй, проклятый! А якъ же вона его любила, якъ кохала, якъ янголы люблять Бога!

Бычокъ.

Годи тоби вже, стара, убыватыся: що зъ воза впало—пропало! Грихъ тоби такъ однiєю дытыною пеклуватыся и побыватыся, а про другыхъ забуваты, а у тебе ще ихъ тройко, треба поберегты себе за для того дрибязку, що воны будутъ безъ тебе, якъ горобенятка безъ матери, якъ голубеняточка безъ ненькы-голубкы!

Стеха.

Знаю, що тяжкый грихъ, колы жъ не могу я забыты тiен зневагы, тiен наругы видъ того недолюдка, Луцыперового сына, пекольнои души!.. Проклятый ты, Андрiю, на цимъ и на тимъ свити!..

Бычокъ.

Не прокльнай, стара, ходимъ краще

заразъ до мене, та й порадымось, якъ найкраще, по ридному...

СТЕХА.

Та хочъ и ходимъ.

Бычокъ (*у бикъ*).

Треба їн пидпонтъ. (*До неї*). Вирь, що ниhto такъ щиро не порадыть тебе, якъ я... А про зраду Андрієву треба занехаяты дило...

Я в а 6 - а.

Ти жъ и Олена.

Олена (*мовъ несамовыта*).

Мамо, мамо, рятуй мене!.. Зрадывъ, зрадывъ мый!.. Нема мого Андрія, нема мого соньця!.. Охъ, и гыну жъ я, гыну, якъ горлычка безъ голубонька!.. Боже, покарай Андрія, пошлы на него невымовне лихо: щобъ не мавъ винъ ни хвылыны супокою, ни жадной хвылыночки свитло! Окруты серце его гадыною шыпучою, що бь пыла зъ него кривъ по рисочци, докы й вику его! Оповый его спокій чорною хмарою, влий въ его душу вогню пекельного, щобъ тлила—не стливала, щобъ горила и кипила смолою смердючою!.. (*Пада на лаву*).

СТЕХА.

Донечко моя люба, лышенько мени зъ тобою!

Бычокъ (*встивъ*).

Прощайте, бидолагы! Гирко мени дывиться на ваше тяжке горюваннечко, не могу я... Слезы мене душать... Здаецця: яке мени дило до чужого клопоту, а оть плачу, якъ дытына!.. Охъ, тилькы не забувайте, що у васъ одынъ zostався прыятель по веякъ часъ прыхыльный до васъ: я! Охъ!.. Прыходь, старенька, дамъ тоби пайридинцу пораду. (*Шисовъ*).

СТЕХА.

Донечко, донечко, дытыно моя люба! заспокойся жъ хочъ на хвылыночку!.. Не вбывай же мене своимъ жалемъ!.. Слезамы та смуткомъ не вернешь того, що вже мынулось!

Олена (*пидходе хутко*).

Мамо! Прыдывляйтесь до мене, вдывляйтесь въ мене пыльно! Кажить мени щыру правду, якъ Богови Святому, чы вже жъ змарнила моя врода, завьяла моя краса?.. Чы вже жъ погасло въ очахъ моихъ безкрае чаривне щасте, уста мои стерялы чаривный посмихъ; чы злынялы чорни бровы, лыченько змарнило? За що жъ Андрій мене зрадывъ? Винъ пыше, що покохавъ другу, кращу й багату! Багату!.. А я бидна, я убога!.. А де жъ винъ знайде таке серце?.. Моя краса, мои кари очи, уста рожеви,—на вищо вони? Це все никчемныця, безъ багацства все це не вить-що!.. Та друга у гарній одежи, у дорогому намысти, въ шатахъ, а я въ латаній сорочци? У багацстви вся сыла!.. О, постривай же, мій коханий Андріечку, уберусь и я въ оксамытъ, та въ золото!.. Одягнусь кралею!.. Идить, мамо, заразъ до Ёсыпа Степановыча: нехай иде сюды, нехай заразъ несе гроши, бильше, бильше грошей!.. Чого вы дывытесъ такъ на мене? Я боялася гриха, бо боялася Бога: въ Андрієвій правди, въ его сердцеви було все мое щасте, весь спокій, вси надін! Андрій зрадывъ, стоптавъ правду, зламавъ слово, и нема у моимъ сердцеви Бога!.. Теперь я гриха не боюсь, а бидности та злыднивъ—не хочу бильшь!.. Не жахайтесъ, мамо. Кычте мерщій Ёсыпа Степановыча! Не я перва, не я й остання. Чымъ я краще видь другихъ?.. Идить же, идить скориче!.. (*Выпыха матиръ зи двери*). На грихъ иду, на покволь людямъ, на радисть са-

тани и всимъ пекельнымъ душамъ!.. Зроблюсь видьмою, чакливницею, перекинусь у пташечку манисеньку, у звирия, у комашку дрибнесеньку и знайду тебе, Андрію, зраднику, кате мій!.. Не ты посмієся надо мною, а я надъ тобою посміюсь, привселюдно посміюсь!.. Геть слезы зъ очей!.. Геть смутокъ!.. Смійтесь очи, співайте устоньки!.. Писню, писню, та голосну!.. Уси, уси писни забула!.. Не згадаю ни одной... Згадала... (*Промовчала*). Якъ вона?.. Голосу не одведу... (*Почына тихо спивати, нибы промовля*).

Въ киньци гребли
Шумлять вербы,
Що я насадила,
Нема мого мыленького,
Що я полюбыла.
Ой, немає и не буде:
Поихавъ за Десну,
Росты, росты, дивчынонько,
На другуя весну.
Росла, росла дивчынонька,
Та й на пори стала,

Ждала, ждала мыленького,

Та й плакаты стала. и. т. д.

(*Промовля*). Росла... та й плакаты стала... „Та й плакаты стала“? Чого? За чымъ плакаты? А я й плакаты перестала... (*Задумалась*) Охъ, Андрію!.. Боже, просты мене!.. Въ чимъ просты?.. Въ чимъ я согришыла?.. Не знаю... Нема Андрія!.. (*Упала на вколюшки*). Боже, Боже!.. (*Тупе рукою лобъ*). Невже я забула усихъ мольтовъ? Я жъ мольтася, що дня мольтася, а теперъ забула... Уси мольтвы забула?.. Неначе паморокы мени забыто, немовъ розумъ замурувало мени стиною!.. Душа жада мольтысь, въ серцеви жъ мертво, въ голови якийсь мотлохъ... Немовъ збожевила я!.. (*Встала, похитнувшись и безсыла упала ни лаву*). Не вмію ни мольтысь, ни думаты, ни плакаты... Забула все, все забула!..

Зависа.

Д і я З - а.

Обставыны ти жъ, що и въ 2-й дѣи.

Я ва 1 - а.

Олена (*сидыть биля столу, схылывши голову на руки*).

Андрію, Андрію, отруто моя! За вищо жъ ты, голубе мій, кате мій, зрадывъ мене, за вищо? Невже та друга цилкомъ вытрунула зъ твоихъ думокъ и серця ту, котра колысь тишыла тебе ласкавымы ричама, голубыла тебе горячымы поцилункама, радувала та видганяла видъ думокъ и серця смутокъ и горе—голосочкомъ—дзвиночкомъ?.. Невже забудъ и зустрічь: въ гаю, биля крыныци пидъ вербою, въ поли?.. Чы можна жъ й до смерты все те забыты?..

Я ва 2 - а.

Хрыстя и Олена.

Хрыстя (*зъ видромъ вбига и поставивши видро биля порога, пружо-гомъ кыдається до Олены*). Здрастуйте—не застуйте!.. Здорова, Оленко! О! чого це ты така засмучена?

Олена.

Хиба не знаешь мого горя?

Хрыстя.

Отъ тоби и маешь! А я це простяглась до тебе за порадою. (*Зъ смуткомъ*). Отъ и купыла я соби на спидныцю, та на хвартушокъ: и нови чоботы купыла, и

сережки!.. Усякого добра повнисеньку скрыню накупила! Въ скрини пусто и въ кешени не густо!... Ажъ дви весны и два лита заробляла поденно: велики гроши видавала батькови до рукъ, а пятакы, та гривни виховувала видъ батька, та й виховала мало ажъ не шість карбованцивъ, отъ ей Богу, що правда! А вчора, якъ прыйшли оти здырщыкы, бодай ихъ за печинкы взяло! та якъ почалы цинуваты... Батько бидкаютця, та объ полы рукамы бьютця, маты плачуть, а дитвора дрибна, якъ пидниме ревы та галась! И, лыхо, хочъ зъ хаты втикай! Мене за серце якъ ухопе, якъ ухопе!.. И вже, сестрычко, й не тямлю, якъ я вбигла въ комирчыну, вытягла зъ пидъ соломьяныка свій кладъ, вбигла въ хату, та й жбурнула ёго здырщыкамъ межы очи, такъ такы й жбурнула, отъ ей Богу! А дали, якъ заголосю! И обидаты не сила, покы не досыдилась, та не доголосилась до того, що батько ажъ налаялы и мало не побыли!... Отъ тоби, Хрысте, и спиднычка нова, отъ тоби й чобиткы зъ пидкивкамы! Прыйде Риздво, уси-жъ-то, уси дивчатка вырядятця, якъ квиточки, якъ лялечкы—у нове та въ модне, а я одна, мовъ та сыритка, буду у старенькому... Нихто й глянуты не зхоче на мене, уси хлопци видчахнутця видъ мене, бо, звисно, у старенькому!...

Олена.

Не печалуйся, щebetушечко, кому ты до вподобы, той и въ старенькому зачепе!...

Хрыстя.

Я й колядуваты не пиду: ни на вулицю, ни на скобзалку не выйду, ховатимусь видъ людей!.. (*Помовчала, потимъ зпотання*). Хиба признатись тоби, сестрычко?

Олена.

Певно покохала?

Хрыстя.

Ей-Богу, я тоби признаюсь, а ты, зозулечко, порадь мене найкраще! (*Зновъ озырнулася*). Я вже зовсимъ подала слово Максими, казавъ, що пнсля Дмитра, прыйде зъ старостамы. И люблю-жъ я его, Господы, якъ люблю! А що якъ батько та не захочуть мене виддаты за Максима?

Олена.

Не хапайся замижъ!..

Хрыстя.

Такъ кажу жъ тоби: люблю ёго, що й души, навить, не чую! А якъ винъ мене любить, Господы! якъ дуже любить! Мы вже кохаемось соби давно, давно!.. А спытай: якъ мы понялися соби, такъ ажъ чудно! У Петривку, на другимъ тыжневи, у вивторокъ, зустрилысь на громадськйй гребли, по той бикъ ставу, и якъ кумедно зустрилысь: ходыла я, бачъ, гусяць шукаты. Хожу по надъ ставомъ, та все: гусю-гусю, гусю-гусю!.. А вони заплылы ажъ геть пидъ очерета, та знай хлюпошутця соби, та глытають ряску. Почало вже й сонечко спочываты, а дали вже й смеркло, я все хожу по берези, якъ манія, та клычу гусяць: гусю-гусю, гусю-гусю!.. Дали тилькы що зйшла на греблю, ажъ зыркъ: иде на зустрічь, поривнявсь зо мною: „добрывечирь“! каже. А я зразу такы его впизнала и не мовъ отерпла, не памятаю, чы отказала я ему що, чы ни, бо такъ засоромилась, що й Господы! Чую, що лице мое, сестрычко, мовъ вогнемъ запалыло и серце нибы стало росты, шырытысь, нибы тисно ему въ грудихъ... Склепыло мени уста и словечка не промовлю, стою, нибы зачарована,

отъ ей-Богу правда! Дали винъ пытае: „що це зъ тобою, голушко“? а я мовчу, неначе камьяна! Дали взявъ мене за руку и стыха промовывъ: „не даромъ мене мовъ маню, сюды вело, то жъ сердце по-ударемъ було“!.. Отъ цієї мовы все въ мени нибы загорилось и понялось помнемъ: не мовъ та любя мова понеслась геть по ричци и далеко-далеко луною одклькнулася и нибы все замовкло навкруги и витрець затыхъ, и хвыля пэлягла, и очереть задримавъ!.. А въ грудихъ тепло-тепло такъ, ажъ нибы млосно робытця... Черезъ яку годьну плеснулася рыбка проты зори, я стрепенулася и нибы очумалась и тоди тилькы почувла свое сердце, почувла, якъ воно выразно токотыть, неначе що его наумысне пидтовкуе... Хочу глянуты ему въ вичи, хочу забалакаты до него и не можу... „Може я тоби, моя квиточко, не до любви?“ Спытавъ и хотивъ выпручаты свою руку зъ моеи, а я вдержую и такъ щильно стьсаю ин, нибы боюсь упустыты свою долю, свое щасте!.. И вже й не памьятаю, якъ винъ мене прыгорнувъ и почавъ цилуваты. Довго-довго цилувавъ, и все щось промовлявъ та такъ-же любо, мовъ бы соловейко щebetавъ, що слухаешъ те щebetанне и неначе бѣ-то ничего й не зрозуміешъ, почнешъ зитхаты несамохить, дали й слезы польютця, а ты ихъ и не зупыняешъ...

Олена.

И все бѣ слухала того соловейка и не наслухалася бѣ!

Хрыстя

Эге-жъ, такъ, такъ!.. А дали, охъ, соромъ!.. И я его поцилувала. Цилуемось, та тыснено одно другого до сердца!.. И чымалу жъ такы годьну мы такъ простоялы, бо якъ прыйшла до дому, то вже наши спалы, ниде по хатахъ не свиты-

лось!.. Заглянула въ хливець. ажъ и гусята дома!..

Олена (*зитхнула*).

И все те мынетця, якъ любый сонъ и розмаецця, якъ марево въ осени!..

Хрыстя (*зъ лжкомъ*).

Що ты говоришь, сестрычко! Не лякай мене!.. (*Помосчала*). Ото увійшла я тыхесенько у повитку, та й лягла... Що жъ ты думаешъ, сестрычко, не спытця та й годи! Тилькы що заплющу очи, такъ винъ и маріе передо мною, такъ ёго облычче и змалюетця передъ моими очыма! Чую: перши певни проспывалы, дали—други, ажъ и трети... А соловейко десь далеко-далеко такъ и выляскуе, такъ и выляскуе, ажъ луна йде! Почалы вже й гусята на ставку герготаты, зашавкотилы утята, ластивочка на бантыни тыхо-тыхо защебатала... Зовсимъ уже почало на свить благословытысь! И черезъ превельку силу заснула я, та такъ заснула, що ледве-ледве маты розбудылы. Якъ збудылы, та й пытають: „якого це ты, доню“?..

Олена.

Андрія у снi клькала?

Хрыстя.

Максыма! Его Максымомъ звуть.

Олена.

Хиба?

Хрыстя.

Я якъ зхоплюсь та зъ коморы, та на втёкы... Ажъ бияла ричкы зупынылася: и тилькы тоди й опамьяталася, якъ зъ ричкы свижю водыцею умылася... (*Ненарокомъ глянула у викно*). О, до васъ гости йдутъ: Ёсыпъ Степановычъ!.. (*Схопылася*). Прощай, сестрычко!.. (*Побигла*).

ОЛЕНА.

Ось и смерть моя иде! А я й кры-
хотки не лякаюсь и не здригнусь!..

Я ва 3-а.

Бычокъ. (*входе*).

Ну, що, янголятко мое, вже заспо-
коились?

ОЛЕНА.

Заспокоилась!.. Не плачу й не сумую...
А згодомъ буду реготать!

Бычокъ.

Дай Господы! (*Оглядається, вхо-
дить Стеха*). Позвольте, биля васъ
присясты?

ОЛЕНА.

Сидайте! Чого-жъ вы такъ здалеку?
сидайте ближче! Знаете, якъ у пьсьни спи-
вається: „зелененький барвиночку, стелся
ще ныжче, а ты, мылый, чернобровый,
присунься ще ближче“... Я Андрієви
колысь приспівувала цю пісню: и вамъ
бы заспівала, та не нагадаю... якъ ще
була зарученою, то Господы! якъ я лю-
была Андрія, було жду зирочки вичирнеи,
якъ пожовкла травця слезынкы-росынкы!
Було выстою зъ мылымъ одъ вечир-
неи зори до раннеи, цылую, мылюю его
кари очи, его чорни бровы, слухаю его
розмову и не наслухаюся!.. И здавалось
мени, що въ ту хвилью все замовкало и за-
мерало, не мовъ закохане, не мовъ за-
чароване тимъ безкраймъ коханнемъ!.. И
небо, и зори, и місяць билылицый нобы
усмихалысь радисто и втишалысь на-
шымъ коханнемъ; витрець нобы боявся
подыхнуть, щобъ не сполохаты своимъ по-
вивомъ того невымовного щастя; и соло-
вейко нимивъ и затыхавъ, прыслухоу-
чысь до тихъ любыхъ ричей, щобъ зав-
тра переспіваты ихъ на увесь миръ най-

любиче, найголосниче!.. Х-мъ, давно дав-
но це було!.. Ёсьпе Степановичу, багато
е у васъ грошей?

Бычокъ.

Стане, сударыне моя, на мій викъ!

ОЛЕНА.

А на мій?

Бычокъ.

И на вашъ стагыть!

ОЛЕНА.

Добре тому на свити жыты, хто гро-
шовытый: куды окомъ скыне, усе его, чо-
го забагнетця всего купе?

Бычокъ.

Охъ, не все!.. Окريمъ грошей, треба
маты ще й таланъ.

ОЛЕНА.

У васъ винъ е! Сами сегодня упев-
нытесь!..

Бычокъ (*до Стехи*).

А що-жъ вы, Степаныдо Михайловно,
стонте биля порога, мовъ сырота, ставляй-
те на стиль, що вы тамъ прынеслы:
здається, тамъ усего доволи е, тилькы чар-
кы бракуе?

Стеха. (*порядкуе*).

И чарку заразъ подамъ. (*Подає*).

ОЛЕНА.

Бачте, мамо, якъ васъ шанують, що
вже Михайловною вельчають!.. (*Сміст-
ця*). Михайловна!.. А мене якъ по бать-
кови? Мамо! Якъ мого батька звалы?..
Ха-ха!.. Чудно якось на свити конця!..
И що мени на думку сплыло? Г-мъ!.. Ко-
лысь-то, ще якъ я була малою, та вит-
чымъ за щось выбывъ мене та й вып-

хавъ зъ хаты. Господы! якъ мене, ненавидывъ витчымъ, черезъ те дуже час-то й бывъ, зъ сынякивъ никола не выгоувалась... Ото я й пишла соби плачучы до ричкы, сила на камени, та й хлыпаю въ кулакъ; ажъ чую, щось нибы спива, я глянула у бикъ. дывлюсь: лежыть пидъ вербою, у холодочку якыйсь нанычъ и выпивуе, и та писня запала ще видтоди мени въ думку:

„Одному доля запродала одъ краю до краю, А другому зоставыла те, де заховають!“

Г-мъ! „Те, де заховають!..“ Черезъ що-жъ це воно такъ, Ёсыпе Степановичу! що „другому те, де заховають?..“

Бычокъ.

Потому, що все видъ Бога!..

Олена.

Такъ?.. А ще дывнищъ ось що. Учора я була замижня, а сегодня: ни жинка, ни дивка!.. И учора ще я не ненавидыла васъ, Ёсыпе Степановичу, Господы! якъ ненавидыла, а сегодня здається вы мени не такимъ вже гыдкымъ, та страшнымъ... А ништо-жъ-то не вгада, що завтра буде? Може завтра я васъ покохаю!..

Бычокъ.

Дай Господы! Дай Господы!..

Олена.

Перстни принесли?

Бычокъ.

Осьдечкы (*Дае перстни*).

Олена.

Яки блескучи! А намысто?

Бычокъ.

Ось и намысто!

Олена (*плече въ долони*).

Ой, яке хороше, та дороге!.. Давай-те сюды!.. Можна надить? Я надину!..

Бычокъ.

Хиба я вамъ на те его прынисъ, щобъ воно у скрыни лежало?

Олена (*примиря на себе*).

Дороге та блескуче!.. Оця то блескучистъ и красуе очи, пидкупае розумъ, дурить сердце и ламае волю! Чомъ вы дзеркальця не прынесли?... Або пострывайте, я подывлюсь на себе у видро!.. (*Выжить до видра зъ водою*).

Бычокъ.

Завтра усе получите, чого сегодня бракуе!.. Выпьемъ жъ зъ вами, Степаныдо Михайловно, а Олени Юхымовни пиднесемо канхветивъ! (*Подаетъ ей канхветъ*)

Олена.

Ни, и я выпью зъ вами!..

Стеха.

Чы ты зъ розумомъ? Никола не пыла!..

Олена.

А теперь пытиму. „Горилочка тумма—зведе хочъ кого зъ ума!“ а мене на розумъ наведе!.. Тилькы не звить мене Юхымовною... Це мого витчыма звалы Юхымомъ. Я Павловна. Звить мене, Ёсыпе Степановичу, Павловною!.. (*Регоче*).

Бычокъ.

Ну, дай же Боже, щобъ усе було гоже!

Стеха (*зитае*).

А що негоже, того не давай Боже!

Бычокъ.

Пью за ваше здоров'ячко, Олено Юхим... Павловно! Бажаю вамъ, щобъ вы повикъ були весели та щасливи!

ОЛЕНА.

О, я буду весела, буду щаслива!.. За гроши куплю и щастя и талань!..

Бычокъ (*до Стехи*).

Выкушайте!

СТЕХА.

Пошли жъ вамъ Боже чого ваша праведна душечка забажае! Охъ, батечку, не занастить же моеи дытны! (*Плаче*).

Бычокъ.

А хйба жъ надъ нами Бога нема?

ОЛЕНА.

Якъ вамъ не соромъ, мамо, плакаты? (*Регоче*). Виддасте мене замижъ, та й плачете? Налывайте, Ёсыпе Степановичу, и мени, та повнищъ, у шчерть! (*Вытыва*). Охъ, якъ же запекло, духъ зовсимъ зупыныло!..

Бычокъ.

Заижете солодкымъ, сразу полехша.

ОЛЕНА.

Ни-ни, налейте ще!

СТЕХА.

Що се ты, доню?

ОЛЕНА.

Мамо! Теперъ вже не ваша печаль! Було за першою чаркою спыныты, доки не знала якый вь горильци смакъ!.. Лийте, Ёсыпе Степановичу! (*Бычокъ налива*). Повнищъ! (*Вытыва*). Уй, яка вогневна!.. Теперъ я зовсимъ весела! И горе, якъ рукою зняло!.. Охъ, якъ у голови усе пи-

шло на выворить!.. Якъ Андрій мене сватавъ, тоди я не пыла, бо дурна була... Ха-ха-ха!.. Якъ чудно все навкругы!.. Ёсыпе Степановичу! Чому вы вже заразомъ и музыкъ не нанялы? Адже сегодня мы й весилле справымо: чортяка на смитныку насъ звинча!.. (*Регоче*). Ще перстень е? Ондечкы на руци у васъ. Давайте его сюды, надиньте на цей палець!.. Я хочу багато-багато перетпивъ!.. Я жадна на перстни!.. И на гроши жадна!.. А цей перстень... (*Зрыва зъ пальця перстень*). Хай винъ пропаде, це Андривъ перстень!.. (*Кыда его до долу*). Теперъ я зъ Андріемъ розвинчаласъ. Пийте, Ёсыпе Степановичу, пийте, мамо, а я вже вдоволыласъ!..

Бычокъ.

Отакъ и краще! Дай Господы, дай Господы!

ОЛЕНА.

Мамо, внесить мени ту сорочку, що я вышывала Андріеви, вона тамъ у комори; я ии подарую своему молодому. (*Стехи пишла*). Ёсыпе Степановичу! Обнимить мене, та мицно-мицно! (*Бычокъ прыгорта ии*). Охъ, не такъ, не такъ! Щобъ тепломъ обдало все тило, щобъ вогнемъ всю запалыло!.. Цилуйте мене солодко, палко!.. Цилуйте жъ такъ, щобъ у очахъ потемнило, щобъ сердце розжеврилось!.. (*Цилуе его*) Отакъ, отакъ!.. (*Одныха его*). Геть, холодни губы, якъ у мертвеця, лице, якъ лядъ! Охъ, якн жъ вы гыдки, гидчищъ видъ жабы! (*Стеха вертуласъ зъ сорочкою*).

Бычокъ.

Лице потепліе и губы розжеврютця, якъ прыгортатыметця до сердца така квиточка, така кралечка! (*Хоче обнять ии*).

ОЛЕНА (*схопыласъ*).

Визьмить, Ёсыпе Степановичу, цю сорочку! Мамо, треба молодому хустку

почепыты! Шкода, нема! Хоть бы яку стареньку?... Отаки мы злыдни... Хоба прычепыты мотузочку? А я, Ёсыпе Степановичу, панського роду, буду пыты горилку, якъ воду! (*Регоче*). Бачыте, хочъ злыдни мы та зъ пыхою! Породыла мене маты у панськимъ будынку, а выховувала по хливахъ, та по мурахъ... Батько видцурався, маты дочку выкохала, до розуму довела и зъ розуму звела!..

Стеха:

Доню, доню, грихъ тоби! Чымъ ты мене докоряешъ?

Олена.

Не докоряю, мамо! Я сама не тямлю, що верзу, бо мало выпыла. (*Ухопыла пляшку и тве нахылъци*).

Бычокъ.

Олено Юхы... Павловно! Годи бо вамъ, такъ негодытця.

Олена (*виддае*).

Теперь вдоволнылась! Зовсимъ розумъ пропыла!.. Усе закрутылось передъ очыма... Охъ, якъ на души лехко!.. Мамо, пора молодымъ князеви й княгynie постилъ слаты!.. Ёсыпъ Степановычъ — князь, а Олена Павловна — княгыня!.. Ха-ха-ха!..

Я в а 4-а.

Ти жъ и Мартынъ.

Мартынъ (*обирванный, трясетця видъ переполою*).

Господы Вышній, чы я въ тебе лышій: якъ пють, то мышають; якъ бють, то зъ мене починають.

Бычокъ (*гнизно*).

Чого ты, пьяниго, прычвалавъ? (*До Стехы*). Якъ це вы не замкнулы дверей?

Мартынъ.

На весилле прычвалавъ! (*Помовчавъ*). Пьянигою вельчаешъ мене, передъ людъмы зневажаешъ? А хто жъ довивъ мене до цего? Гей, куме, Ёсыпе Степановичу, стержысь!..

Бычокъ (*ласкаво*).

Ну, годи, годи, не возомъ тебе зачепывъ... Сидай!

Мартынъ (*сида*).

Мени вже ничего терять, усе рышывъ; ще душа е у мене, не торгуйся жъ зъ нею, дорого заплатышь, цины не складешъ!

Бычокъ.

Ну, просю жъ тебе, замовчы!

Мартынъ.

Мовчу! (*Схылывъ голову на руку*).

Бычокъ (*до Стехы*).

Почастуйте его, мамо! Позвольте вже васъ вельчаты мамою?

Стеха.

И яка я вже маты?

Олена.

Вельчайте, вельчайте! А мене якъ вы будете вельчать?

Бычокъ.

Жинкою моею люблю.

Олена.

А люде якъ мене вельчатумуть?

Бычокъ.

Частуйте, мамо! (*Стеха частуе Мартына*). Яке жъ людямъ дило?

Мартынъ.

Не жалуй, стара, наывай повнищъ!

Теперь у тебе зять багатый! (*Выпивъ*).
Ромъ? Давно я не пивъ рому! Пам'ятае-
те, Ёсыпе Степановичу, якъ мы ще бу-
лы прыятелямы и жылы у добрый злаго-
ди?.. Вы тоди мене все ромомъ частува-
лы!.. Налый, стара, ще? (*Выпивъ*).

Олена (*до Мартына*).

Дывитця, дядьку, якого я соби чоло-
вика прыдбала, правда винъ ще зовсимъ
молодой?

МАРТЫНЪ.

О, ще молодой: перша голова на
вьязяхъ!

Бычокъ (*у бикъ*).

Отъ чортяка его прытаскала!

Олена (*до Мартына*).

Чого вы таки понури, та нобы смут-
ни? Дывитця, яка я весела?

МАРТЫНЪ (*мотнувъ головою*).

И я заразъ повеселищаю! Налый,
стара, ще!.. (*Выпивъ*). И ты, Оленко,
пый! Дурныця все! Честь, честне пово-
женне, чесне жытте, душа правдыва, чу-
ле сердце—все це дурныця! Гроши усе-
му голова! Не загадуй напередъ, що бу-

де, а жывы тымъ, що сегодня е!.. А не-
ма й нетреба!.. Зъ грошыма все бу-
де... А розцвындрывъ добро—пропадай
зъ голоду!.. Давай, давай, стара, швыдчъ
ще чарку, поky за сердце не вхопыло!..
(*Пье*). Нехай краще языкъ задубіе и за-
ниміе, щобъ зацпыло и въ сердцеви и въ
голови!.. Нехай буде такъ, якъ во-
но е!.. Що жъ я вже й спивать почну,
такъ вже до спививъ и порыва!..

Бычокъ.

Отакъ бы й давнищъ. Заспиваемо бо-
жественнон. (*спива*).

Боже, зры мое смыренне...

МАРТЫНЪ.

Ни, не циеи!.. Пидтягуйте лышь. (*По-
чына спивать*).

Ой, хто пье, тому нальвайте,

Хто не пье, тому не давайте. и т. д.

(*Бычокъ, спиваючы обнима Олену
и цилуе*).

Олена (*одныха его*).

Охъ, якъ гыдко мени!.. Де пляшка?..
(*Ухопывши пляшку, пье нахыльци*). А
я буду пыты побагато!.. (*Зареготала и
пада до долу*).

Зависа.

Дія 4-а. Одмина 1-а.

Рублена крыныця, на роздорижжи, въ глыбныи поле и возлиссе.

Я в а 1-а.

Два чоловика вертаютця зъ поля,
зъ косамаы.

1-й чоловикъ.

Не пиду я завтра на сходку, хай ий
врагъ; якого я тамъ дидька не бачывъ?
Я краще одпочну! За шість день такъ
намахаеся косою, що й не знаешъ: чы

кистки въ тоби тамъ въ середени, чы
болячки та пухыри.

2-й чоловикъ.

Ну, а якъ зновъ нахынуть копійкы:
на земство, на волость або на школу, або
тамъ ще на яки вытребенькы?

1-й чоловикъ.

Нехай нахыдають,—одну шкуру зде-

руть, не дви! Та й хиба не однаково: чы та копійка у кешени телипатыметця, чы пиде на обчество, папуши тютюну на неи не купышь, такъ на чортового батька вона мени?

2-й чоловикъ.

Чудный ты! Копійка до копійки, то вже й дви?

1-й чоловикъ.

Велька сумѧ? Пару воливъ купышь! Сядемо та пидождемо Гната! (*Сидаютъ*).

2-й чоловикъ.

Зъ копѧкъ, брате, выроста копыталь!

1-й чоловикъ.

Брехня!

2-й чоловикъ.

Чы тоби казавъ Свырыдъ Напханько, що ото якъ тягали его до посередныка, за побыте Бычкове просо, такъ посередныкъ, каже, совитувавъ, обидратъ Ёсыпа Степановыча за старшыну.

1-й чоловикъ.

Це бъ то Бычка? Винъ и самъ уже себе обидравъ! Хто выненъ ему гроши, та не оддае, то винъ безъ суда лизе въ хату, та й грабуе!..

2-й чоловикъ.

А чы мае жъ винъ право?

1-й чоловикъ.

Спытай его. Мабуть, що мае, колы грабуе?

2-й чоловикъ.

Пры велькыхъ копыталахъ, та ще й грамотный зело, то его й сыла и правда. И де винъ стилькы грошей набравъ? Я

такъ думаю, що его и въ пять тысячъ не вберешъ?

1-й чоловикъ.

Мабуть, що не вберешъ!.. Чувъ я, що нибы то винъ зъ двирськихъ, зъ лакызивъ: у якогось повковныка служивъ, такъ той, якъ померъ, а винъ хапнувъ у него гроши изъ шкатули, та й затаивъ... Скилькы не допытувалы, однимъ лыцемъ: „не бравъ, каже, хоч и пидъ прысягу!“ О такъ. Продавъ Бога, та й запанувавъ, та й обдера мыръ хрещеный!

2-й чоловикъ.

Охъ, обдера, та ще й здорово обдера!.. Хто разъ попался у его лещата, то вже годи пручатись!.. Хочъ его душа може й чортамъ запродана, за те жъ самъ винъ усе наше село держыть въ кормызи!.. Це ще гиршъ настало, якъ за крипацтва?..

1-й чоловикъ.

Може й гиршъ!.. Побачымо!..

2-й чоловикъ.

То все жъ такы панови вклонявся, а теперь мусышь кланятыся постолови! Тепера такъ настало, що у кого гроши, то той и панъ.

1-й чоловикъ.

И жаба—рыба, бо въ води живе! Дай лышень тютюну на люльку, бо въ мене й на подзвинне нема! (*Набыва люльку и запалюе*).

2-й чоловикъ.

А якъ винъ мене оплутавъ, такъ на вдывовыжу! Заслабъ позаторикъ мий хлопчына, Дмитро, я, знаешъ, бидкаюсь: сюды-туды, за бабами, за шептунами... Ко-лы це рыпъ двери, ввиходыть Ёсыпъ, поздоровкався зо мною, та мерщій до хлоп-

ця и ну била него шептаты, та вычитуваты, та сплевуваты; дали выйнавъ балцаночку зъ якоюсь мазею, та й почавъ хворого шаруваты. Що жъ ты думаешь? Доки баба-шептуха прышкандыбала, винъ и отходывъ хлопця,—ей Богу правда! И ото зъ того случаю и почавъ винъ до мене учащаты и почавъ надаваты мени грошей на видробитокъ, а я дякую, та радю, що Господь пославъ несподивану помичъ: Подывывся бъ ты на него, якъ було увйде въ хату, то такъ дитвора и вкрые его, такъ и облипе,—бо заразъ: тому бублычка дасть, тому грудочку сахарю, а инчому й копійку. А якъ прыйшлося видробляты, такъ я тоди тильки почухався у потылицы, вже мовчу, та тильки потерпаю... Поденному цина карбованецъ, а ему роблю за полтинника, бо на позыку винъ прыкыда тоби процента та выгоду!.. О, розуміешь?

1-й чоловикъ.

Павукъ, одно слово, павукъ! Скризь навкругы роскыдавъ павутынне, и яка бъ мушка, чы комашка поткнулась, то заразъ и заплутаеця. А глянешъ на него зъ боку, такъ такого богобоязного зъ себе вдае, що й...

2-й чоловикъ.

И ловко якъ вдае!

1-й чоловикъ.

Жывымъ, мовлявъ, на небо лизе.

2-й чоловикъ.

Винъ такы характерныкъ, бо до всего зна!

1-й чоловикъ.

О, зна!

2-й чоловикъ.

Винъ и знахаръ, и ворожбытъ и ко-

нуваль... И въ церкви, навить, всимъ дякамъ порадокъ дае!

1-й чоловикъ.

И на вси гласы воспивае!..

2-й чоловикъ.

До всего добравъ способу?

1-й чоловикъ.

Мудра, мудра голова! (*Помовчавъ*). Я ему выненъ три двадцять! Отъ же завтра визму та й виднесу, хай ему врагъ зъ его гришмы!.. Вже вдруге мене не пийма: одно черезъ те, що я горилкы не пью, а вдруге...

2-й чоловикъ.

Ёсыпъ навчыть пыть! Онъ Мартынъ Хандоля зпершу тежъ горилкы не вжывавъ, а якъ пиймався у лапы Ёсыпови—роспывся и звився ни на що! Жинка зъ дитымы пишла у наймы, а винъ бувъ у шынкаря за попыхача, зъ десятой чаркы, доки дуба не давъ!.. Ликарь, якъ полосувавъ, то казавъ, що то въ Мартынови горилка зайнялася. (*Глянувъ у бикъ*).

Я в а 2-а.

Ти жъ и 3-й чоловикъ.

3-й чоловикъ.

А ну, рушаймо до дому.

2-й чоловикъ (*пиднявся*).

Чого такъ довго барывся?

3-й чоловикъ.

Та тамъ докосювавъ Бычкове просо!

2-й чоловикъ.

А ты багато ему выненъ?

3-й чоловикъ (*махнувъ рукою*).

И не пытай! Достанетця батькивщина и дитямъ и онукамъ!..

1-й чоловікъ.

Ни, мене вже не ввійма удруге!.. Одне черезъ те... (*Пшшлы розмовляючы*).

Я в а 3-а.

Гуртъ дивчать зъ граблями, клунками и т. п.

(*Спиваючы проходять черезъ коня зъ поля*). Надъ моими воротами
Чорна хмара стала,
А на мене молодую
Поговорить и слава.

А я тую чорну хмару рукавцемъ розмаю,
Перебула поговори, перебуду й славу.
Тече ричка невеличка зъ холодного краю,
Нема мого мыленького зъ за рички Дунаю.
Росло, росло та й пожовкло зеленее жыто,
Ой, десь мого мыленького за Дунаемъ вбыто.
Тече ричка невеличка, бережочки зносе,
Молодая дивчинонька за мылымъ голосе,
Тече ричка не величка та й не высыхае,
Не покыне козакъ дивку, якъ вирно кохае.

Я в а 4-а,

Стеха (*выходе озвучаючысь*).

Тутъ, тутъ Андрия дождятуму! Винь сюды мусыть иты, цымъ шляхомъ! Винь скоро повиненъ иты... Вчора розказувавъ якийсь проізжий, що обмынувъ Андрия по цей бикъ Мыргороду... Чого жъ винь иде до насъ? Мало ще горя накоивъ, теперъ хоче у вичи посміятись?.. Такъ не диждешъ же!.. Тутъ тебе, ироде, дождятуму!.. Не допущу до Олены, ни!.. Своими властными руками выдеру тоби очи зъ лоба!.. Изгрызу руки твои, тило изшматую!..

Я в а 5-а.

Выходятъ дви молодыци зъ поля, у одній трое дитей и колыска за плечыма, у другои одежда и грабли.

1-а молодыця (*до дивчинки*).

Зновъ волочешъ грабли? Кажу тоби:

визьмы на плечи, бо зубье поламлешъ!.. (*До хлопця*). Та не опынайся бо, Степане, иды швыдче. Ондечкы й хата наша... Онъ череда вже иде до ставу... Прийдемо до дому: здоимо коровку, дамъ вамъ молочка.

2-я молодыця. (*гука за лапштунками*).

Свахо, Галько! Та пидождиць-бо, чого вы такъ поспишаєте?

1-я молодыця.

Эге, добре вамъ, що у васъ е кому за худобою доглянуты, а мени жъ ще треба й проты череды йты, и овечать отбыты зъ отары, и каченять зъ ставу прыгнаты!..

2-я молодыця (*выходе*).

А чоловікъ що робытме?

1-я молодыця (*регоче*).

Э, дайте покій зъ моимъ слынявымъ!.. Ему бъ тилькы до хаты доплентатысь, то заразъ и заляже спаты, мовъ ведмидь у берлози, и вечеряты его не добудыся.

2-я молодыця.

А у мене чоловікъ за всымъ пеклуецця: я прийду до дому, сяду на лави, о такъ руки згорну и за холодну воду не визьмусь...

1-я молодыця (*регоче*).

Кому яке щасте!

2-я молодыця (*усмихаецця*).

Нехай господарюе, а я буду пануваты! (*Побачыла Стеху*). Дывитця, дывитця, свахо, ондечкы хтось стоить! А хто то?

1-а молодыця.

Та хай йй лыхе! Хиба не пизнаетъ? (*До дивчинки*). Не дывысь, Ярынка, на неи, грихъ!..

2-я молодыця (*регоче*).

Перекупка, що торгує дочкою?.. Ачъ, якъмь гарнымь платкомь закуталась!

1-я молодыця.

Винь ій дешево достався!.. Ачъ, яка пыхата! Зовсимь бы пани, та шкода: хвисть закаляный! (*До дивчинки*). Не дывысь-бо, кажу тобі, на неи, бо бытому!

2-я молодыця.

Хто бь мене продавъ, якъ бы я сама не схотила? А такъ вже: яка маты, така й дочка.

1-я молодыця.

Яке симьячко, таке й зилечко! (*Глянула на село*). Ондечкы й коровка наша, якъ бижить до хаты. Маню-маню-маню! Телось-телось!.. (*Пшилы*).

Стеха (*одна*).

„Яке симьячко, таке й зилечко“!.. Кленить, ганьте, паскудьте!.. Охъ, люде, люде!.. У звира лютого швыдче зъявытця жаль, у гадыны холодной бильшъ знайдетця тепла у серцеви, нижъ у вась!.. Дитямъ забороняють дывытысь на мене!.. невже я така велька гришныця?.. А все черезъ кого? Черезъ Андрія все це вчынылося!.. Проклятый, проклятый Андрію!.. Черезъ тебе и Оленка загнуты мусыть. Охъ, Боженьку мылый!.. Пошлы мени заразъ смерть раптову, тилькы не попускай на глумь людський та на знущенне!.. Бо лехче вмерты, нижъ викъ видь сорому очи ховаты!.. (*Хоче кынутысь въ крыницю*). Грихъ и це тяжкий грихъ!... Охъ! И жыты не стерпучо и душу жыву грихъ занастыты!.. (*Рыдає. У цей ментъ чутно спивъ Андрія*). Що? Я не помиляюсь!.. Це его, Андривъ спивъ!.. Винь спиває, радіє, що отруту зь собою Оленци несє!.. О, Боже, дай же мени сылы розшматуваты ту гадыну!

Андрій (*спива за лаштунками. На 3-мъ або на 4-мъ куплети зъявляється на конз*).

Щука рыба въ мори, гуляє доволи,
А удовынъ сынъ хороший, та нема ему воли.
Тилькы жь ему воли, що въ чыстому поли,
Осидлає коныченька, та гуляє доволи!
Гуляє, гуляє, ниhto жь не спынає,
Та тилькы жь ему сывый соколонько
Надъ головою литає.
Сывый соколоньку, ты высоко литаешъ,
Чы далеко мого сына въ ватази выдаешъ?
Твій сынъ на могыли коня попасає,
Та тилькы жь ему сывый соколонько у голоньци ськає!..

Я в а 6-а.

Андрій (*зупыняється и знима шапку*).

Слава Тоби, Мылосердному, що довивъ мене благополучно до ридного села, а думавъ що вже его й не побачу. (*Прывдывляється*). Щось стоить! Не вже Олена? Я пысавъ ій, щобъ сегодня якъ разъ сподивалась. Олено, ты?

Стеха.

Ни, це я, мій любый зяте!

Андрій (*зрадивъ*).

А, здрастуйте, паниматусю! А чому жь Оленка не выйшла? Може заслабла? (*Хоче поцилувать ии въ руку*).

Стеха (*видтыха его*).

Геть, ироде!

Андрій.

Паниматко, що це зь вами? Кажить, кажить: у вась нибы щось страшно на думци?

Стеха (*жахається*).

Це... це не Андрій!

Андрій.

Богъ зъ вама, паниматусю! Прыдывитця на мене, хіба й справди такъ дуже змарнивъ? Та якъ и не змарниты? Тяжка работа, ажъ заслабъ бувъ! За те жъ, мамо, и заробывъ стилькы!..

Стеха.

Це мана, мана!

Андрій.

Якъ? Я й не знаю, що зо мною буде, якъ побачу Оленку?.. Ходимъ же, мамо, швидче до дому, серце порываецця и якъ не выскочыть зъ грудей.

Стеха.

Туманомъ и вогнемъ заразомъ мени мозокъ заволокло!..

Андрій.

А що, дуже зрадила Оленка, якъ прочтала лыста видь мене? То я, мамо, самъ лыста пысавъ, мене тамъ одынъ панычъ, спасыби ему, навчывъ. Я теперь можу усяку кныжку прочтаты и всякый ликъ запысаты и на щотахъ можу... Вже теперь мене ништо не обдурить! Та що зъ вама, паниматко?

Стеха (зъ крыкомъ).

Одурено насъ, одурено! Обморочено!.. Пропаци, вси пропаци! (*Бижыть видъ Андрія*).

Андрій.

Що воно таке? Кого одурено, кого обморочено? Побигла!.. Чы не трапылосъ чого, бороны Боже, зъ Оленкою? (*Швидко пишовъ до села*).

Ява 7-а.

За лаштунками парубоцькый гуртъ.

Одынъ зъ парубкивъ.

Ану, затынай „дуба“, чы дотанцюю я ажъ до села? (*Спиваютъ, одынъ танцююе*).

Ой дубъ-дуба, дуба, дуба,

Ой дивчыно моя люба,

Набрехала на мене,

Що я ходывъ до тебе,

Черевычки куповавъ

Хвыгы-мыгы дарувавъ,

Стрички прости и шовкови

И чоботы сапьянови,

Хустку гарну, хвартушыну,

И спидныцю й корсетыну,

И намысто, и каблукчу,

На биленьку твою ручку...

Якый батько, такый сынъ—

Выносылы зъ дижкы сыр:

До рябон кобылы

На залеты ходылы!

По пидъ тыномъ, коло саду

Бижыть дивка зъ винограду,

А за нею и маты

Бижыть дочку перейматы:

„Вернысь, кажу, чы ты чуешъ?

Куды ты такъ чемчыкуешъ“?..

На вульцю, моя маты,

Зъ парубками жартуваты!..

Танцювала, дриботила,

Докы спаты не схотила,

Прокынулась та по хати

Пишла знову танцюваты!..

И ногама выбывала,

И словами промовляла:

Сюды, сюды, парубьята,

Въ мене хусточка квитчата,

И спидныця изъ кытайкы,

Хвартушына зъ каламайкы!

По базарю я ходыла,

Черевычки тамъ купыла...

Хлопци, хлопци, вси до мене,

Чорни бривонькы у мене...

Ой дубъ-дуба, дуба, и т. д.

Зависа.

Одмина 2-а.

Велька кимната, нибы у панськимъ будынку; скількы столовъ, покритыхъ дорогымы скатеркамы, ризнымы на колірѣ; дзыгылы жовти и чорни, шахва. На однімъ столі скількы кныжокъ у старыхъ переплетахъ, на стини патреть якогось военного.

Я ва 1-а.

Бычокъ (*ходить по хати*).

Думаю, думаю и ни на чимъ не зупинюсь! Николы мени ще не доводилось бути у такой прыгоди, якъ теперъ: не сегодня—завтра повиненъ Андрій прыбути, треба бѣ Олену якъ небудь зъ моеи хаты выпровадыты, а самому на який часъ куды-небудь зъ села дали заіхаты, помы все уляжетця та втыхомырытця... А якъ ты іи выпровадышь зъ хаты, колы зовсимъ зтерялась? Циленський день и ничъ все щось балака, або регоче, то почне голосыть... И такъ голосыть, що ажъ луна по хати йде!.. А учора мало мене не задавила: якъ ухопыла за горло, ледве-ледве руки іи рознявъ. Та куды це стара проты ночи повіялась? Сумно якъ одному въ хати... Якъ почне смеркаты, то прямо якось ажъ няково одному въ свой хати... Напысавъ сегодня до прыятеля-адвоката, щобъ давъ совить и пораду. Чортъ мени надавъ впусыть Олену до себе въ господу, хай бы сыдила у матерыній хати, певницъ бы було дило... А теперъ выкручуйся, якъ знаешъ. Неначе и не остеригся якъ вона опынылась въ мой господи!.. Увесь викъ розумно робывъ дила, такъ киньци зъ киньцямы ховавъ, що й наймудрищый не розплутавъ бы, а отъ пидъ старистъ натворывъ такого, що й не знаю, якъ выкрутытысь!.. Якъ що адвокатъ завтра не прыіде, поіду самъ до него и тамъ вже якось винъ мени порадыть!.. (*Помовчавъ*). Отакъ вже третю ничъ ходю, якъ вар-

товый; боюсь и прылягты, щобъ часомъ сонному чого не поробыла. Наробывъ халепы, ускочывъ ажъ по самисеньки вуха!.. Правду кажуть, що якъ кого Богъ захоче покараты, то першъ усепо паморокы одибь!.. (*Пидходе тыхо до боковыхъ дверей*). Лежыть... Заплющыла очи... Може заснула? (*Одійшовъ*). Прохавъ де кого зъ сусидскихъ молодыць, щобъ прыйшлы до ней на ничъ, такъ уси боятця, жахаютця!.. Лыбонь люде, а гиршъ звирякъ!.. (*Походывъ*). Сказать бы, що я вже не вчений на цій погани? Зкортило на старистъ! Мало-жь бидкався хочъ бы и зъ своею винчаною жинкою, докы вона не вкрала у мене двисти карбованыцывъ, та не втекла?.. И голодомъ морывъ, и въ лехъ заперавъ, и посереду зимы въ ополонци купавъ, бывъ, нивечывъ... А такы прывивъ до того, що втекла! Теперъ ще гирша халепа! Ну, поморочъ, Ёсыне, голову, розмиркуй!.. Ни, вже зарикъ дамъ: докы й вику мого не зальщытысь до того проклятого зилля, до гаспедськныхъ молодыць... Прыдбавъ соби клопоту та ще й за свои гроши! Розиръ мени зъ нею... Звъязався зъ дыяволовою дочкою, а теперъ морочся, та ще й рехидъ такый пиде, що й сказаты страшно!.. Може ще прыйдетця ликаря найматы, за лыкы платыты... Краще бѣ вже вмерла шывидчъ, все одно не выгоитця!.. О, Господы! Зовсимъ голову загубывъ... Охъ, гришень, гришень!.. Та куды це стара подилась?.. Пиду, чы не умовлю кого, щобъ прыйшовъ на ничъ... Самому страшно зъ нею! (*Пышовъ*).

Я в а 2 - а.

Олена (*прожогомъ выбігає*).

Яку чудну іграшку выгадавъ Андрій: заховавсь, а ты его й шукай! Уси закуточки обходила... Нема! Я спала, а Андрій підійшовъ крадькома, та й поцилувавъ мене... А самъ и заховався... Ачъ, якъ гаряче поцилувавъ, усе лице пашпуть!.. Знайду, знайду тебе, та й прыгорну до сердца!.. Щильно-щильно обійму рукамы!.. Де жъ це винь? (*Вздрила малюнокъ на стини*). Цыть!.. Винь тутъ!.. Я заразъ чула его голосъ! (*Тыхо*). Цыть, мовчы, почую!... Мы его одуримо! Ходимъ, ходимъ зо мною, я знаю де заховатись!.. Чуешъ, якъ щось у комни гуде?.. То видьмы прылетили на кочергахъ, прельтили за мною, клычуть зъ собою на бенкетъ!.. (*Зрыває зъ себе платокъ*). Розпатлай мени волоссе... Я тежъ видьма. А ты й не знавъ?.. Давай швидчъ метлу! Пора, пора летити!.. А гроши дай сюды, я заховаю такъ, щобъ ништо не знайшовъ! Зъ гришмы добре жыть, а безъ ныхъ краще пропасть!.. (*Шукає по закуткахъ чогось*). Дежъ вона?.. Тутъ, тутъ заразъ була! (*Бижыть и нобы щось хапає өз руку зъ доливкы*). Осьдечкы, осьдечкы Андрієва правда, ось у жмени держу! Не дамъ тобі! (*Промовля чуло*).

А вже тая правда

Та й кривдою стала,

А вже тая чорнявая

Тужыть перестала!..

Де мое дороге намысто? Де мои перстни? До Андрія поїду, наряжусь, якъ пава, якъ краля, и въ вичи ему заребочусь! (*Показує*). Дывысь, дывысь, якъ его коханка—полюбовниця на мене боязко дывитця? Чого ты такъ на мене вызвирылась? Визьмы его, голубко соби; я тилкы затимъ и прыхала, щобъ поглузоваты та насміятись надъ вами обома!.. Осьдечкы мій чоловік! (*Прытаньцевує*).

Я за него захылюсь, захылюсь,
Та й никого не боюсь, не боюсь!

Прощайте, зоставайтеся здоровеньки, та не згадуйте насъ лыхомъ!.. Ха-ха-ха! Ёсыпе, Ёсыпе! Швидчъ до дому, тамъ дытына мала плаче, треба ии погудуваты; а то маты нагодують ии баговиннемъ, або гловкымъ лободяныкомъ!.. Бачъ, бачъ, вже й подавылась дытына!.. Мамо, мамо, що вы робыте? Дывитця, вже дытына зовсимъ посынила!.. Знаешъ що? Купы мени сынего на спидныцю! Сынего, сынего такого, щобъ ажъ очи у себе брало. Лягай, мылий, спаты, а я цилисеньку ничку не спатыму та плакатыму... Памьятаешъ, Андрію, сердце, якъ я тебе въ дорогу выражала! Памьятаешъ, серденько, якъ я тобі, плачучы, прыспивувала!.. Забула, якъ вона на голосъ?

Та лягай спочыть, мій мыленькый,

А я постиль постелю;

Трети пивни заспивають,

То я тебе розбудю...

Забула, голосъ!... Памьятаешъ? Бачъ, зъ журбы за тобою усе позабувала. (*Прыспивує*).

Та вставай, вставай, мій мыленькый,

Годи тобі спаты,

А вже жъ твои вороны кони

Та й посидлани стоять!..

Охъ, прыгорны жъ мене, зогрій мое сердце, биля твого теплого сердца!.. Охъ, якъ же мени любо, якъ мени тепло!.. Стрывай, нагадала!.. Пидъ перелазомъ, проты Бычковой хаты о крыньця! Такъ? У тій крыньци сыдыть жаба зелена-зелена!.. То не жаба, не вирь, то Ёсыпъ!.. Стережысь!.. Охъ, не ходы туды!.. Чуешъ, якъ жаба скрегоче!.. Скынъ, скынъ ии зъ мене! Впылася въ тило, кровь пье!.. Стрывай, я ии вбью!.. (*Вхопыла палыцю и кыдаєтця, потимъ почына жбурлять кныжкы зъ столу*).

Я в а 3-а.

Бычокъ и селяне, потимъ **Андрій** и пастухъ.

Бычокъ.

Отакъ, якъ бачыте, люде добри... За вищо мене Господь покаравъ, тр я й не знаю? (*Побачывъ Андрія*). Андрій?

Андрій.

Я! Не сподивались гостя? Выбачайте, що трохи спизнявся: довго шукавъ своєї хаты, та ледве потрапивъ у вашу!.. Може звечевья сполохавъ васъ, то вже не гнивайтесь, Ёсыпе Степановичу!

Олена (*зъ крыжкомъ*).

Хто це? Хто це? Андрій?!. А де жъ та розлучныця, твоя полюбовныця?

Андрій

Хто ты, молодьце, ты мени щось не познаку?.. Скидыаеся трохи на мою Олену, тильки щось дуже гарно зодягнена и простоволоса!.. Ни, це пани якась, а не моя Олена!

Олена.

Що, що такє?.. Мозокъ мій схне. У голлови порожне! Давыть мене, стыскае клищами зализными!.. Зперло у грудихъ!

Андрій.

Чому жъ, Ёсыпе Степановичу, не просыте мене сидаты? А я бильшь двохсотъ верстовъ пишки йшовъ и дуже стомывся! Поспилавъ до васъ на весилле!.. Кого жъ це вы высваталы? Спасыби вамъ, вельке спасыби: и за вашу прыязнь, и за щыру пораду, и за вашу прыхильнисть до моеи жинкы! Велька вамъ дяка, честный вы чоловік! Взялы мою жинку, розирвалы мое сердце, пошматувалы душу, соромомъ

покрылы мою голову!.. Одне тилькы не честно: не витаеете мене и не дякуете?

Бычокъ

Я твоєи жинкы не держу, беры ии хочъ заразы!

Олена (*шепоче*).

„Беры ии хочъ заразы“!..

Андрій.

Якъ же це такъ? Натишылысь, а теперь беры?

Бычокъ.

Я ии не сылюю взявъ!

Андрій.

Сама бъ то на грихъ пишла?

Бычокъ.

Сама!..

Олена (*шепоче*).

Сама!..

Бычокъ.

Чого жъ ты ще видъ мене хочешъ?

Андрій.

Порады! Радылы вы багато разивъ, порадыте и въ останне: якъ мени тепера буты? Вы чоловікъ вчений, письменный!.. А де жъ лысты ти, що я черезъ васъ пысавъ до Олены?

Олена (*шепоче*).

Лысты пысавъ до Олены“... Андрій не пысавъ... Андрій пыше: „покохавъ я другу, крацу и багату“... Пыше: „николы не вернусь... Не сподивайсь мене бачыты“... Я й не сподиваюсь...

Андрій (*заскрыпывъ зубами*).

А?!. Теперь я все зрозумивъ! Пе-

кельна душе, сатаю?.. Вдовольный же себе до кинья!.. Визьмы нижъ, ударь мене ось куды!.. (*Розхристуе сорочку*). Доковай мое тило, бо душу мою ты вже убывъ!

Олена (*зкрыкуе*).

Андрій, мій Андрій!..

Андрій (*видныха и*).

Геть видь мене!.. (*Олена пада мертва*).

Я в а 4 - а.

Ти жъ и Стеха.

Андрій.

А ось и' порадыця, ридна ненька! (*До Стехы*). Поможить паніи пиднятысь; бачте, панъ и зъ мисця не зворухнетця! Ачь, якъ навчылася падаты, наче й справди зомлила!

Стеха (*прыпада до Олены*)

Доню, доню, доню моя!.. (*Зъ лякомъ*). Вона мертва!

Андрій.

Мертва? Ни, то вона прыкыпулась мертвою!.. (*Одыха и*). Одійды, стара, годи вже вамъ мене морочыты! (*Нахыляецця до Олены*). Померла... Померла!.. Ни, ни, не правда!.. Олено! Олено! Оленочко!.. Не лякай мене: я зъ персердя одипхнувъ тебе, зъ велького жалю зневаживъ тебе!.. Оленко, пробачь, пробачь мени! Промовъ хочъ словечко!.. Одкрый оченята!.. Дывысь, це я передь тобою, твій любый, твій коханный!.. Боже, Боже! Закрылись на вьки оченькы, склепылись рожеви устонькы; замовкло сердце... А хто жъ мене теперь привитае сыротыну, хто дасть мени порадоныку,

хто приголубе?.. Олено!.. Оленко!.. На ко-го жъ ты мене покынула? (*Прынавъ до неи плаче, дали дывытця ий въ лице*). Холодный страшный, докирливый поглядь!.. (*Вставъ*). Люде добри, мыръ хрещёный!.. Дывитесь, дывитесь, якъ зпущаютця надъ нами ти, що святе пысьмо своими очыма бачають; ти, що правдою торгують, честь людську топчуть ногамы и Бога купують!.. Дывитесь, у него повна хата образивъ!.. Церква — не хата! Винъ Богу мольтця по трычи на день и все поклоны бье и цилисеньку обидню выстоюе на вколюшкахъ!.. А мы, слипый народъ, якъ небудь лоба перехрестымо и въ церкву не вчащаемо, черезъ неспромижнись та втому до знесилення, черезъ те й не вміемо такъ праведно, по Божому жыты!.. (*Наступа на Бычка*). Та порады же мене ты, богопродавче, якъ мени зъ тобою помырытысь?

Бычокъ (*зъ лякомъ*).

Рятуйте, хто въ Бога вируе...

Андрій (*ухопывъ Бычка за груды*).

Ты мене рятувавъ увесь вькь, я жъ тоби и виддячу!.. (*Ненарокомъ побачывъ у пастуха нижъ на пояси, выхоплюе нижъ и бье Бычка*).

Бычокъ (*пада*).

Охъ, Боже Мылосердныи!..

Андрій

Що, митко? Рука не зхыбыла? (*Жбурыля зъ лякомъ нижъ*). Люде добри, берить мене, вьяжить, закуйте въ зализю!.. Убыйте!.. Я мертвецъ...

Стеха (*прыпада ему до нигъ*).

Охъ, убый же, убый мене, мій сы-

ночку, мій зятеньку!.. Я бильшь усихъ
вынна!.. Я дочку пидвела на соромъ!..
Охъ, убый же, убый мене!..

Андрій (*дывляця зъ презирствомъ
и чуло промовля*).

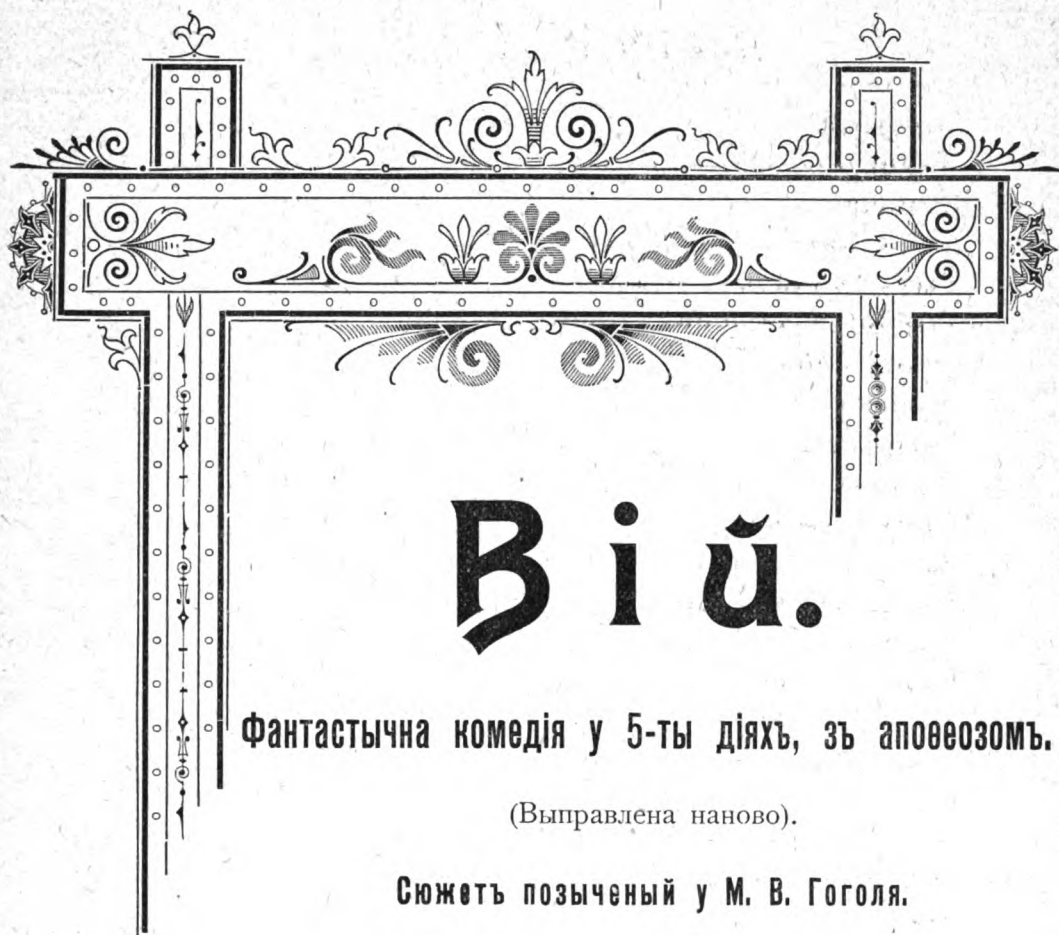
Тебе убыты?.. Рука не здймаеця
на таку гришныцю, на таку гадыну—ма-
тирь!.. Зоставайсь на поковоль, та на

глумъ усему хрещеному мырови!.. Хай
люде цураютця та каютця по тоби!..
(*Прыпада до Олены и почына ры-
дать*). Горлычко моя, серденько мое!..
На кого жъ ты мене покынула на цимъ
холоднимъ, зрадливымъ свити?.. (*Зави-
са тыхо спада, Бычокъ стогне*).

Зависа.

3-го Февраля 1899 г.
г. Москва.

В і ѱ.

Фантастычна комедія у 5-ты діяхъ, зъ апофеозомъ.

(Выправлена наново).

Сюжетъ позыченый у М. В. Гоголя.

ЛЫЦЕДІИ.

Сотныкъ

Панна, сотныкивна.

Нянька.

Хома Брутъ, хвылософъ.

Тытъ Халява, богословъ.

Тыберій Горобецъ, рыторъ.

Стара баба.

Дорошъ.

Свырыдъ.

Оверко.

Хаймъ, шынкаръ.

Хайка, его жинка.

Панъ Хорунжый.

Чабанъ.

Чередныкъ.

Петро, телятныкъ.

Табунщыкъ.

Горпына, молодыця.

Перекупка, бублейныця.

Панны.

Мужыкъ зъ возомъ.

Баба.

Мужыкъ.

Соцькый.

Цыганъ.

Дивчына.

Вій.

} переодягнени бурсаки.

**Панны, бурсаки, перекупки, козаки,
дивчата и народъ.**

Д і я 1-а.

Базаръ у Києви на Подолі.

Я в а 1-а.

Перекупки (спивають).

Допоможы, Боженьку,
Та вкорыстуй гоженько
Намъ на добрый торгъ,
Щобъ товару не баблялы,
Щобъ поцинно куповалы—
Все за гроши, а не въ боргъ.

Бублейныця.

Въ мене бублыки пухкеньки,
Мняки та румьяни!..

Прянышныця.

Въ мене прянычки солодки,
Свиженьки медяни!..

Сластеныця.

Сластененьки на маслыци, ажъ тече,
Нихто другый проты мене не спече!

Я в а 2-а.

Ти жъ и бурсаны выходять зъ се-
минарськой брамы.

Мы ныни, лышь отъ сна возставъ,
Весели точымо вси лясы,
Ибо желанный день наставъ:
Отыдемъ зъ мыромъ во своясы.
Не хоцемъ знаты никого,
Никого днесъ мы не вбоимся,
Запасъ вчынывъ для чрева своего,
Мы зъ alma mater распростымся.

1-й Граматыкъ.

Васылю, пострывай. Осъ глянь, я вси

бабки забравъ зъ собою, ажъ кешени
обдулысь. Будемъ гратысь дорогою?

2-й Граматыкъ.

Давай зминяемъ зо мною на горобе-
нятокъ,—дывысь ось яки? (*Показуе го-
робенятъ*). Дасы дви пары за одне
горобеня? (*Видходять, розмовляючы*).

1-й Рыторъ.

Хто тя такъ, Олексію, свыснувъ въ
одесную, що гуля на щоци зъявылась,
мовъ кулакъ?

2-й Рыторъ.

А тебе хто морснувъ въ ошую, пидъ
окомъ посадывъ сынякъ,—мабуть була
рука не легенька?

1-й Рыторъ (до 3-го).

Ой-ой-ой, якъ губу ты розъюшывъ, де
це такъ?

3-й Рыторъ.

Не вимъ, звидкиль взялася ця беда?

1-й Рыторъ.

А може почавъ вже свершаты ночни
похожденія? (*Балакають нышкомъ*).

Халява (до Хома).

Учора було у мене ажъ дви папуши,
а сегодня нема а ни щенту, а ни стеб-
лыны!

Хома.

Фью, це шкода, це кешьке дило!

Халява (до другого богослова).

Позычь на люльку, Миколаю.

Богословъ.

Тай у мене и попилу нема, пожды,
мотнусь ось по рундукахъ — стяжаю; те-
перь же а ни коринчыка нема!

Хома (п.люе).

Погаю. А якъ нудно зъ перепою!..

Халява.

Колыбъ було се ночьюо добою, свер-
шылы-бъ на корчму набигъ, та похмелы-
лысы-бъ, а въ день якось боязко.

Хома.

Дневное свитыло смуща одвагу? То
то-жь бо й е. Днемъ тилькы подумаешъ
о стяжаніи и вже червоніешъ и душа
гряде во пьяты.

Халява.

Ну, я и въ день, якъ плохо лежать,
то можу. Невже вчора здорово перебор-
щывъ?

Хома.

Краще не згадуй, а то ажъ досадно
робытця. Просто беда якъ нудно и въ
тельбухахъ гуде.

Перекупкы.

Паныченькы бравесенькы,
Бурсаченькы гарнесенькы,
Сюды-сюды, голубчыкы, до мене,
Добырайте ось свиженьке у мене.

Бублейныця.

Ось бублчыкы румьяни та гожи.

Сластеныця.

Сластененькыхъ приречкивъ може.

Прянышныця.

Ось прянычкы солодонькы на меду,
Ей же Богу, нехай зъ мисця не зйду.

Бублейныця (до Хомы).

Ходить, паныченьку, сюды, давненько
вась чекаю.

Халява.

Чы чуешъ, Хомо, гука на тебе буб-
лейныця, що въ жовтому очипку. А яка
моргуха!

Хома.

Веселу, бачъ, натуру мае. (Пидхо-
де до бублейныци). Добрыдень, красу-
ни титци.

Бублейныця.

Яка вже тамъ красуня: вихтемъ зма-
левапа, сажою пидведена. (Регоче).

Хома (спива).

Моя ты люба щebetунне!
У тебе и товаръ смаченькый,
А ще смачници губкы.

Бублейныця.

Якый брехливый, моя ненько!

Хома.

Невже не виришь, моя любко?
Ахъ, азъ тебе кохаю
Такъ пламенно и страстно,
Вздыхая ежечасно!..
Не видя же страдаю,
Що даже Боже мой!

Бублейныця.

Ну й бреше ловко, ой-ой-ой!

Халява и други.

Що винъ ій тамъ тороче,
Хымерне певно щось ажъ надто,

Вона відь реготу сокоче,
Мабуть скромне щось, де-факто!

Хома.

Рум'яненкокий выдочокъ,
А бривкы, якъ шнурочокъ
И зубкы—перлы били!

Бублейныця.

Глядять-же, щобъ васъ не побылы.

Хома.

Ласкави оченята мыли.
Ахъ азъ тебе кохаю и т. д.

Бублейныця.

Ну й бреше ловко ой-ой-ой!

Халява и други.

Шо винъ ій тамъ тороче и т. д.

Халява.

Одначе чого жъ це я воронъ ловлю.
(*Пидходе крадькома до бублейныци*).

Хома.

Нехай въ туртуры провалюсь, нехай
пожре мене самъ адъ, колы не кохаю те-
бе до... до умопомраченія! (*Шепоче ій
на вухо*).

Халява (*краде бублыкы и запыха
въ кешеню*).

Ниякъ засунуть не вмудрюсь, ты ихъ...
туды, вони назадъ, ты ихъ исты, а вони
гратысь!..

Я в а 3 - а.

Авдыторы (*выходячы зъ брамы*).

Граматыкы и рыторы,
Воздайте мзду авдыторамъ!
Вельковозрастни остолопы,
Носящии на тваряхъ тропы;
А котрый здумае зхытрыты,
Того по лапахъ будемъ быты.

Граматыкы и Рыторы (*ховаючысь за
бильныхъ*).

Мынулося ваше панство,
Ясновельможнее гетьманство.

Вси, опричь авдиторивъ.

Мы ныни лыпъ отъ сна возставъ,
Весели точымо вси ласы,
Ибо желанный день наставъ:
Отыдемъ зъ мыромъ во своясы.
Не хочемъ знать мы никого,
Никого днесъ мы не вбнимся,
Запасъ вчынывъ для чрева своего,
Мы зъ alma mater розпростымся.

(*Авдыторы чванливо проходять*).

Я в а 4 - а.

Ти жъ и Тыберій Горобецъ.

Тыберій.

Братіе, смиритесь, внемлите, къ ре-
чамъ моимъ слухъ преклоните.

Хоръ.

Селенціумъ, паціенціумъ!..
Тыберій щось намъ промовленціумъ!

Тыберій.

Возрите! Ідутъ на базаръ возы, ве-
зуть селяне на продажъ всяку живнисть:
поросята, чуєте якъ кувикають? Качкы
такають, гусы герготять, куры сокочуть!
Давайте жъ не вдарымъ лыцемъ въ боло-
то и заспываемо яку небудь кантату, та
такъ, щобъ у селянына ажъ морозъ по
за шкурою пишовъ, щобъ зпершу винъ
здывувався, а потимъ заголосывъ; тоди
уже винъ мусытыме даты намъ всякои
живности и овощивъ до схочу; а це
намъ на дальный путь само потрибне.

Халява.

Молодецъ Тыберій! Такъ будемо-жъ
спиваты жалибно и торжественно!

Тыберій.

Я почуваю вже добру поживу.

Халява.

Гайда навпереймы, онъ до того воза, на котримъ зъ клитки виглядають гындычи головы. (*Вси пишлы*).

Я в а 5 - а.

Ти жъ и Панна Сотныкивна,

Хома (*до бублейницы*).

Такъ онъ якъ я тебе кохаю—вирышь?

Бублейница.

И присягнетесь? (*Тыхо говорятъ*).

Панна.

Колыбъ мени его ще хочъ разъ останній побачыты? (*Побачыла Хому*). Осьдечкы винь!.. Такъ, такъ, я не помыляюсь, це винь, котрого я торикъ уперше побачыла, котрый ще видтоди опалывъ мое сердце! Теперъ я не мовъ оживаю, смутокъ и горе одлынули видъ мого сердца!.. Це винь! Шкода, що не самъ, зъ перекупкою розмовляе... Не осмилюсь пидійты...

Бублейница.

Така-бъ-то й справди гарна?

Панна.

Хочъ бы жъ словечко зъ нымъ перемовыты. Самій пидійты—не зручно, Кого-бъ-же попрохаты, щобъ?..

Бублейница.

Годи пустословыты!

Хома.

Ввергаешъ, жено, мя въ печаль!

Панна.

Якъ зветця винь, колы-бъ спытаты у кого?

Бублейница.

Кажу-жъ вамъ, що не вирю, не вирю!..

Панна (*постерега*).

Лыбонь винь не розмовля зъ перекупкою, а зальцаетця?..

Бублейница.

Рукамъ воли не давайте!

Хома.

Помру, пропаду!..

Панна.

Невже винь ии коха? (*Хома обійма бублейницу*). Що бачу? Винь прыгорта ии, обійма!..

Бублейница.

Гетьте!.. Якъ ще хто побаче!

Хома.

Не сыла моя дали здержуватись. (*Почыни ии цилуваты, а другою рукою бере зъ корыта бублыкы и затыха вз кеменю*).

Панна.

Ой, Боженьку!.. Такъ, такъ, винь ии коха! Нащо жъ я це побачыла, ой, смерте моя!

Я в а 6 - а.

Ти жъ и Халява.

Халява (*несучы сало и ковбасы*).

Е и сало и ковбасы: кой-що выпрочавъ, а кой-що стяжавъ!

Панна (*до Халявы*).

Скажы, будь ласка, хочу я спытаты...

Халява (*зъ жажомъ*).

Про вицо?

Панна.

Якъ звать онъ того, що... Кто винъ?

Халява.

Хвылософъ то е, Хома Брутъ!.. (*Питовъ*).

Панна.

Отрута то моя и скруха!.. Побачыла-зрадила, спизнала-помираю! Алежъ це помильно, безглузде коханне, помре въ мой души! (*Хома лбезуючы видходе на бикъ зъ бублейницею*).

Хома.

Кажу тобі, моя чаривнице, що страчу себе, колы не поклычешъ мене сегодня на смачный обидъ.

Панна (*спива*).

Ой, чы давно жъ те було,
Що мое биле лычко цвило,
Якъ рожевый цвить?

Чому жъ такъ раптомъ свить
Не мовъ померкъ мени й огыдъ?

Хай дивоча краса змарніе,
Хай коса руса посывіе,

Въ очахъ чаривный проминь згасне,
Душа боляща нышкомъ засне—
Пропало, вмерло все въ мени!

Ни до кого прихылыться,
Ни съ кымъ жалемъ подилыться,

Нихто серденька не вспокое,

Охъ, нихто трудне не загое...

Охъ, и тяжке жъ мое горе! (*Иде*).

Хома (*зничевъя побачывъ панну*).

Ахъ, щожъ то за лычко блиде та гарне, а постать, поглядъ?..

Я ва 7-а.

Ти жъ и Нянька.

Нянька (*до панны*).

Мій Боже мый! ажъ ось де ты, а я вже такъ була злякалась. Якъ це ты видбылася видъ насъ? А мы тебе по всій церкви дывылись, и въ подвирья Брацьвого, и въ садку...

Панна.

Я... Ходимъ. Не знаю, якомъ заблудылася я и тутъ опынылася...

Нянька.

Ты, мовъ, не прытомна? Ходимъ мерщій! Що це зъ тобою почынылось?

Панна.

Охъ, стій, дай ще разъ подывлюсь, въ останне, бильшь не побачу!..

Нянька.

На кого подывыся?

Хома.

Божественна краса!

Нянька.

На чью ты такъ задывылася вроду,
чы на кари очи, чы на гнучкый станъ, чы на жупанъ дорогой, самоцвитный?..

Панна.

Вже надывылася до схочу, бильшь не побачу!

Д У Э Т Ъ.

Панна.

Покохало мое сердце
Его до загыну,

Нянька.

Що ты кажешъ? Це хтось зглазывъ сердцешу дытыну!

Панна.

Палають мріи, думки мутніють,

Нянька.

Ручки холонуть, уста пиміють.

Разомъ.

Ой, якъ же серденько ^{твоє}_{моє} трипоче,
Немовъ изъ грудей выскочыть хоче!..

Панна.

Торикъ я его уздрила,
На викъ закохалась!..

Нянька.

Чы не зъ того, голубонько,
Що noci жахалась?

Панна.

А винъ, зъ другою тутъ женихався...

Нянька.

Ой, хто жъ винъ такый,
Звидкиль винъ взявся?

Разомъ.

Ой, якъ же серденько ^{твоє}_{моє} трипоче,
Немовъ изъ грудей выскочыть хоче!..
(*Пишлы*).

Я в а 8-а.

Ти жъ и Халява.

Халява (*до Хома*).

Пора намъ, друже, въ путь дорогу!

Хома.

Ты бачывъ заразъ, хто вона и звидкы?

Халява.

Якась-то панна, а звидкы?

Хома.

Чы не мана то?

Халява.

А, нехай соби! (*Махнувъ рукою*). По-
держъ лышь мою керею, (*кыда ему на*
руку керею), а я пиду, стяжаю бака-
ли. (*Пишовъ*).

Хома.

То не панна, то якась дывна, чудо-
ва мрія!..

Я в а 9-а.

Селянынъ выйдуть на вози, поручъ
зъ нымъ сьдыть Баба. На вози уся-
ка живнисть и огородына.

Халява.

Братіє, сюды! (*Бурсакы, отричъ*
Хома збигаютьця до него). Видкашляй-
тесъ мерщій! (*Задає тонъ*). Уть-ми-
соль-уть!

К А Н Т А Т А.

Бурсакы.

Хто вбогому всечасно помогає,
Въ бедахъ стомленна захищає,
Незримо въ комъ добро тече,
Во оному завжды Богъ живе!
Хто дилому помога, не словомъ,
То той соби прыготовывъ

Хома.

Ой, що жъ то за дывна краса:
Очи, якъ зиронькы сяють,
Бривонькы чорни, руса коса,
Чы вже жъ колы злыняють?

Бублейныця (*пидходе*).

Чого замыслывся, паньчу?
Ну годи сумувать, я врию,

Житте на небесахъ нове,
 Въ takimъ-бо завжды Богъ живе.
 И ты, о, чоловиче, возмицаешъ
 Въ соби свій рай, бо сердце маешъ
 Чыстйшее, мовъ скло нове.
 Въ тоби-бо завжды Богъ живе.

А щобъ подать тоби надію,
 Обидаты до себе клычу.

Хома.

Не бачывъ никола такой:
 Струнка та хороша на дыво!..
 Прощай на вики супокою,
 Ни що мени на свити вже не мыло!

Бублейныця, разомъ зъ вурсаками и Хоמוю:

Яки солодки словеса,
 Наскризь мене проймають,
 За тежъ и сало й ковбаса
 Зъ обидомъ васъ чекають!

(Бублейныця щось шепче Хоми, вимъ засмученый).

Я в а 10-а.

Пидыздять ще возы.

Селянынъ *(до бабы).*

Ось прыдывысь мени въ вичи, Марьяно, та й скажы: чога це воны раптомъ слизьмы появлясь? Ей-ей же, я, а ни на крыхотку не пьяный, та й хиба-бъ же здуривъ я, щобъ до обидни пыты, а отъ слизь здержаты ни якъ не могу, дывысь, якъ течуть, неначе ажъ дзюрчать! А отъ вгадай, черезъ що?.. Мабуть черезъ те, що оте, що школяри спивають, щось надто хытро-мудре, абожъ вчене!

Баба.

Певно. Тилькы чога це воны такъ задристно поглядають на птыцю та на поросятъ? Онъ той, лупатый, якъ вытрищывся!

Селянынъ *(плаче).*

Богъ зъ ными! Давай вже имъ печене и варене!

Обое *(даючы).*

Молитесь, братики, за насъ.

Баба.

Я звуся Марьяна.

Селянынъ.

А я Опанасъ!

Обое.

За родытеливъ помершыхъ тежъ помолитесь!

Бурсаки.

Ого-го, ще й якъ помолымось! *(Забирають дарыну, ховають въ мишки и йдутъ до другихъ возивъ).*

Селянынъ.

Сказано жъ-бо: „премудристь“! А що воно, чы мы жъ втнемо?

Баба.

Хиба дякъ розтлумачыть?

Селянынъ.

А може те, що сегодня живемо, а завтра?..

Баба.

А Богъ его святыи знае.

Селянынъ.

Велька вумнисть заховуетця у тихъ словесахъ.

БАБА.

Охъ, грѣхы наши тяжки.

СЕЛЯНИНЪ.

Эге жъ. Все, мовлявъ, Боже, тильки грѣхы наши... О, Господы, возвахъ!..

ХАЛЯВА (*гука*).

А ну, братіє, до гурту! Гляньте, якъ днёвне яркее свитыло радисно зійшло и всю прыроду освитыло, звеселыло все навколо и нашъ жаданный путь! (*Декламує*).

Зазеленилы травы-лопухы,
Запили птыци-питухы!

Нужъ, мерщій скидаймо чоботы й онучи, та ховаймо у мишки; у кого на плечяхъ зайве верхотурье—скидай и его, бо вже бачу, що буде намъ душно йты пидъ спекою лучей палающего свитыла, ибо ни хмарки въ высокостяхъ. (*Роззуваяють и ховають онучи, а чоботы чепляють на пальци*).

Вси (*спивають*).

Кондыціи жаданни наступылы,
Нась всихъ до дому видпустылы,
Идемъ, идемъ мы въ дальній путь,
Чого жъ намъ бильшь барытысь тутъ?

ХАЛЯВА (*пидходе до Хоми*).

Хомо, а нумо рушаймо въ дорогу.

ХОМА.

Хиба за мною тильки й дило стало?

Бувлейныця (*тыхо до Хоми*).

Прыходьте жъ сегодня до мене, ковбасы и сало васъ ждуть, та ще й вароныкы зъ сметаною!..

ХОМА.

О, вселюбезная вдовыце! Смачни твой іства, а ще смачнищи речи, але жъ азъ днесъ сыце опечалень! (*Иде до гурту*).

Ф И Н А Л Ь.

БУРСАКЫ.

А-ну, а-ну, а-ну, а-ну!
Мерщій ставаймо, дружнищъ въ лаву,
Забудьмо бурсу нависпу
И дружно воспоемъ на славу!

ПЕРЕКУПКИ.

Паныченькы бравесенькы,
Школяркы гарнесенькы,
Благаемо мы васъ,
Згадуйте про насъ.

БУРСАКЫ.

А вже жъ, а вже жъ, а вже жъ,
Що намъ не разъ гыкнетесь,
Не разъ, не два дрибнымы
Слизьмы обильтесь!

СЕЛЯНИНЪ И БАБА (*здысовано*).

Тильки що спивалы сумнои,
Теперь, чы-ба, заспывалы якои?!

БУРСАКЫ.

Мы въ отчій домъ стопы своя на-
правымъ,
И вси заботы zde оставымъ—
О кныгахъ мудрыхъ и ученьи
Отложымъ попеченье.

ХАЛЯВА.

Ой, гопъ, та по малу,
Якъ пошыла штаны зъ валу,
Якъ пошыла та й надила,
Кажуть люде, що до дила!

ХОРЪ.

Гопъ, мои гречаныкы, гопъ, мои били,
Чого жъ мои гречаныкы на скорыни силы!

ХАЛЯВА.

Прыхалы панычи,
Гречаныкы у печи,
Прыхалы школяри
Гречаныкы на столи!

ХОРЪ.

Гопъ, мои гречаныкы, гопъ, мои били,
Чого жъ мои гречаныкы на скорыни силы.
(*Одызъ бурсакъ почына танцювать,
останни пидсливуютъ, пишылы*).

ЗАВИСА.

Д і я 2-а.

Мара воде.

Я в а І-а.

Хома и Халява (въ глыбыни). Тыберій (за лаштункамы).

Хома. (спива жалібно)

Вже вся прырода погрузылась
Въ дрімоту сладостныхъ надій,
Чого жь душе моя смутылась,
Ужлы печалень жребій твій?
Той образъ панны не забытній,
Винь скрызъ ввыжаецця мени,
Чаривный поглядъ и могутній,
Его не злышусь я и въ сні!..

Халява.

Годи, друже, спиваты, завивъ такой сумной!.. Ты глянь, якъ зразу навколо потемнило, замовкло все и не мовъ онимо, хочъ бы де гласъ що подало?

Хома.

Тяжко мени на серцеви, думкы мутятъ душу!.. (Гука) А говъ, Тыберію!

Халява (гука).

Вайло!

Тыберій (выдгукую).

Опричь треклятыхъ репяхивъ, лысычи норы тутъ повсюду... Хай ему врагъ зъ такою ходою, я дали йты-вже-бъ не хотивъ.

Хома.

Шукай, шукай тамъ шляхъ, паскудо, бо якъ не шукатымешъ, чупрына буде мнята зновъ.

Тыберій.

Та куды жь винь у ката счезъ той шляхъ? Отъ морока!

Халява.

Чы не драгуе оце насъ бись?

Хома.

Стрывай, чы то не вербы? (Прысида).
Неначе манячять?

Халява.

Въ ночи бурьянъ здаецця за лись, а копыця за цилу гору.

Хома.

Це дывына! Здалось, що заразь мусывъ хутирь буты?

Халява.

То-то що здалось!..

Хома.

Чы тамъ у пляшци не зосталось хочъ крапыны?

Халява.

Де тамъ зостанецця, помынай якъ звалы?..

Хома.

Хочъ пропадай!

Тыберій (гука).

Це певно якась мара насъ заплутала!

Хома.

Ни чортового кулака не выдко!

Тыберій.

Даремно блукатымемъ всю ничъ.

Хома.

Колы бъ хочъ на серцеви не такъ було тяжко... Ця ничъ!..

Халява.

Ничь справди дуже темна. Коли бь хочь хутирь швидчть зъявився...

Хома.

Лыбонь ця ничь намь такь не обидетця?

Халява.

Чы не видьма намь яка оце шкодыть, може навмисне водыть?

Тыберій.

Оце такь прыгода: не пры дорози и не пры обнози, а вь степу, мовь на безкраимь мори!..

Халява.

А, знаешь, друже, що? Чы не лягты намь о туть та пидночуваты, а свитомь можна роздывытысь, куды мы забрелы; а то, щобь де у кручу не ввалытысь та вязывь не поскручувать?

Хома.

Щобь до знесмылення втомывшись лягты, не пидкрепывшись хочь шматкомь хлиба, або що? Щобь отуть розтягнутысь, не мовь голодный песь?..

Халява.

То сядемо та хочь взуемось. (*Сиди и взуаетця*). А цыть! Онь, чуешь, загуло?.. Ну й жывить же мени пидвело такь, що здаетця стрискавь-бы й собаку!

Хома.

Чы не нечыста сыла то-гуде? Зпершу водыла, теперь завыла!..

Халява.

Нехай вые.

Тыберій (*гука*).

Лыбонь, гень-гень могогла!

Хома.

Ачь, якь вые!

Халява.

Я... я не боюсь.

Хома.

Та й я не то, щобь той... Та й сумно жь!

Тыберій.

Ой-ой!.. Спиткнувся! О туды кь бису! Все верхотуріе подралось, зосталось одне рубье та лахмитте!

Хома.

Теперь вже гуде!.. Давай хочь гукатымемь, щобь тугу розигнать. Чы може заспираемь?

Халява.

А я оце думаю, чы не майнуты мени, замисць дому, на запорижке?

Хома.

Оть ще выгадавь. Пожды, на той рикь може у купи майнемь?

Халява.

Чы й справди? Ну, то давай хочь и спиватымемь. А це буде найзручниць якь у двохь, або ще килькохь пидмовимо?

Хома (*спива*).

Де ты бродышь, моя доле,

Не докльчуса тебе?

Досы-бь можна дыке поле

Прыгорпуть до себе.

Все пытаю все шукаю,

Ажь серденько извьляльв!

Чы на мори ты зь купцямы

Дилышь зь краму баряши,

Чы вь хоромахь зь панянкамы

Ты регочесся вь ночи?..

Ой змылуйся, моя доле,

Прыйды до мене хочь на чась,

Хочь посыдь же бия мене,

Той тому я буду радь!

Чы пры мисяци въ осочи,
Чешешъ косы русалкамъ;
Чы на неби, кризь виконце,
Сучишъ дули биднякамъ?

Все пытаю, все шукаю и т. д.

Чы у поли, пры долини,
Дыкимъ макомъ ты цвितешъ,
Чы у лузи, на калыни,
Ты зозулею куешъ?

Ой змылуйся, моя доле... и т. д.

Халява.

Ще вже надто завелы жалибно.

Хома.

Щось лыхе конця зо мною.

Тыберій.

Куды не сунься, одынь будякъ!..

Халява.

Перепочуемо тутъ.

Хома (*встае*).

Ни, ночуваты тутъ не зручно. (*У
цей ментъ зъявляеця на першимъ
плану хутиръ и вогонь у вихни*).

Халява.

Чы то не хутиръ?

Хома.

Такъ и е, що винь, хутиръ!

Я в а 2 - а.

Тыберій (*выбига*).

Тыберій.

Гляньте, гляньте, хутиръ онде!

Халява (*бѣ его въ лобъ пальцемъ*).

Чого радіешъ, stulte homo, бачымо и
безъ тебе що хутиръ!

Вси трое.

Ходимо жъ, будемо просытыся,
Щобъ насъ пустылы ночувать.

Та цуръ просыты, не видступать,
Хочъ-бы прыйшлося въ кулачки бытыся!

А нужъ-бо разомъ. (*Пидбигають до
воритъ и гукають*). Видченить!

Я в а 3 - а.

БАБА СТАРА (*зъявляеця на порози,
зъ лыстаремъ*).

Хто тамъ такъ гризно гомоньты?

Хома.

Пусты, бабусенько, до хаты.

Халява.

Насылечку сюды прыбылыся!..

Тыберій.

Та такъ нещасни потомылыся!..

Вси.

Що хочъ живцемъ тутъ помераты!

Баба.

А хто васъ зна, що вы за люде?

Хома.

Народъ мы, бабко, хитровчений,
Письменни люде мы, не прости.

Баба.

Ой, задамо вамъ хутко хлосту,
Чы часомъ вы не бусурмены?
У мене повенъ двиръ народу!..

Тров.

Мы хрыстьяньського вси роду.

Халява.

Ще не яка небудь проява,
Азь есмь богословъ, Тыть Халява.

Хома.

А зъ нымъ, ось поручъ тутъ,
Хвылософъ, Хома Бруть!

ТЫБЕРІЙ.

А третій, - бравый молодець:
Рыторъ, Тыберій Горобець!

ХАЛЯВА (*до Хомы*).

Я носомъ чабака, лыбонь, вже чую?

ХОМА.

Мабудь на наше щасте чумаць въ
двори ночуе, можна буде поживытысь.

ТЫБЕРІЙ (*тыхо*).

Мени здалеку ще пахтыть чахоня,
та ще й свижопросольна.

Вси.

Давайте не видчепно просытысь, щобъ
впустила. Ой, бабусенько, впусти, спа-
сеніе соби заробышь!

БАБА (*дывляючы у щилыну*).

Ни якъ не роздывлюсь зъ просоння!
Роздывляється).

Яки жъ здорови лобурякы,
Не мовь, изъ лугу гайдамакы!
Ни, не пушу я васъ пьянюгъ,
Геть хвлызопы й богословы
И вси учени пустословы,
Щобъ не смердивъ вашъ тутъ и духъ...
Не хочу я такихъ гостей, боюся...

ХОМА.

Умылосердсь-бо, любая бабусе,
Зогрій юнцивъ, во отчій домъ грядущихъ:
Де тилькы зможешъ, тамъ насъ прымоствы,
Лышь на ничъ, просымо, всихъ трехъ впусти!

БАБА.

Та й остогыдлы жъ вы вже, прокля-
тущи. Ну, йдите! (*Видчыня браму*).

ТРОЕ (*прожогомъ*).

Це орtime, це bene!..

БАБА.

Якъ тилькы жъ вкрадете що въ мене,
То вже просю не здывуваты,
Геть повыпыхаю въ шыю зъ хаты,
Хочъ вы и вчене добродійство,
Та ще на васъ спустю й собакъ!..

ХАЛЯВА.

Чы пиде жъ въ умъ таке злочынство
И на що отаке казаты?

(*Пританцуючы, співа*).

Ой, бабусенько, гарненька,
Не старенька-молоденька,
Де зможешъ тамъ насъ прымоствы,
Хочъ на печи, хочъ на перыни,
Або на лави, чы на скрыни,
Видь гризныхъ стыхій захысты
Охладивающи члены!..

ТРОЕ.

И будешъ днесъ превознесонна
Ты намы за сіе до хмаръ!

БАБА (*маха рукою*).

Выдалы мы такихъ прочварь!..

ХОМА.

Колы мы що, чы якъ нибудь,
Або тамъ що, або або-що,
То нехай намъ будь-що будь
И таке вже, шо й не знать-що!

Щобъ у ничъ свить-соньця намъ не ба-
чыть, а въ день ни зиркы, ни мисяця и
хай насъ мынуть пекельни муки, колы
мы—не мы! (*Халява краде зъ воза
рыбу*).

БАБА.

Та годи вже Лазаря спиваты! Выдалы
мы такихъ не разъ, шо словами душу
вывертае, а тымъ часомъ руки въ кешени
запускае.

Халява (*у бикъ*).

Не знаю, чы чабака чы карася потягъ, а щось помирне.

БАБА.

Геть видъ возивъ подали, щобъ часомъ ваши вчени руки, не зачепылись за чумацьку рыбу.

ХАЛЯВА.

Ну и якъ бы мы такъ умудрылись?

ХОМА.

Це жъ, слава Богу, въ дворн, а не на роздорижжи, щобъ... (*Побачывъ у Халявы въ кешии рыбу, перекрада*).

ТЫБЕРІЙ.

Це-бъ було вже справжне злодійство! (*Краде зъ воза рыбу*).

ХАЛЯВА.

Це не про насъ ричъ! (*Краде вдруге*).

БАБА.

Годи розводять теревени!

ХОМА.

Та й неймовирна-жъ ты, бабусю!

БАБА.

За вами хвылозопамы треба маты добре око, пидголыте такъ, що и не зоглянеся.

ХАЛЯВА.

Може хто другый пидголе, тилькы не мы (*Тягне рыбу зъ воза*).

БАБА.

Годи плескаты ка-зна що!

ХОМА.

А шо, бабусенько, колыбъ хочъ трипкы слизокъ Адамовыхъ, якъ той казавъ?

БАБА.

Обійдеся и безъ слизокъ.

ХОМА (*на бикъ*).

Бодай тебе бисъ ухопывъ!

ХАЛЯВА.

Ну, то де жъ мы, бабко, будемъ спаты?

БАБА.

Оцей, пидъ прыпичкомъ у хати. (*Штовха Тыберія*).

ТЫБЕРІЙ.

На тоще брюхо, та ще й на сухо?

Ну щожъ робыть, смырся духомъ. (*Пишовъ у хату*)!

БАБА (*до Халявы*).

А ты, отамечкы въ комору. Тилькы я тебе запру, бо щось ты мени здаеся не такимъ якъ люде.

ХАЛЯВА.

Ну щожъ, я прыставъ и на те, щобъ хочъ и въ комору, я не спорю; а тилькы що на сухо, якось не звычайно и ажъ чудно!..

БАБА (*закрываючи комору, до Хома*).

А тоби, чорнявий, въ хливи буде найкраще: зъ одного боку сажъ, а зъ другого теляча закута.

ХОМА.

Сусидство обобичъ пахуче.

БАБА (*сміється*).

За тежъ тепло такъ, що й печи не треба, заснешъ якъ на пуховикахъ; а ще якъ прыверзетця у сні яка небудь краля, хочъ така якъ я, то й зовсімъ тобі буде якъ зъ медомъ! (*Регоче*).

ХОМА.

Ни, краще, бабко, не ввыжайся у сні, а то на смерть перелякаєшъ.

БАБА.

Ну, годи, спи вже... Ось-ось, мабуть, и пивни заспивають.

ХОМА (*дывитця на небо*).

Визъ вже зовсімъ сторчъ ставъ.

БАБА (*дывитця на зори*).

Онъ и дивка выйшла вже по воду, а волосожаръ, не мовъ, захмарывсь, мабуть на дощъ та на негоду! (*Пшла бормочучы у хату*).

ХОМА.

Въ хливи переночувать, оце такъ— такъ! Ну шо жъ, якъ кажуть, на безрыбьи и ракъ рыба, а на безлюдди и зъ Хоми панъ. Постелю-жъ я мерщій жупанъ, сиричъ единственну хламыду и зъ мыромъ азъ ко сну отыду. (*Роздягаєтця и стелєтця*). Земле, обратися въ ложе пухове, звычайно, що сіе совпадене намъ не нове! (*Дяга*). Стривай, потрапезую зъ голодухы. (*Выйма зъ кешени рыбу*). Отъ, колыбъ ще чарочку сывухы (*Ість*).

ХАЛЯВА (*зъ коморы*).

Амісе, ты щось, лыбонь, ісы?

ХОМА.

Эге жъ, завязку зъ тіен ковбасы, що ты самъ стрискавъ всю въ дорози.

ХАЛЯВА.

Вична пам'ять ій, небози, смачна покійничка була.

ХОМА.

Ну, будемъ спать.

ХАЛЯВА.

Колы-бъ мы оце були на Подоли, вже-бъ хочъ кровь зъ носа, а добулы-бъ хочъ по невеличкій чарчынни?

ХОМА

Ненагадуй, хай ій врагъ, оскомыну тилькы нагоньшъ. (*Сплевує*). Здаєтця, за яку небудь пивчарку дався-бъ зуба вырвати... И нагадавъ-же! (*Сплевує*). А хай ій абы-що. (*Въє по морди свиню, котра просовує рыло*). А ты вже и зъявилась тутъ? Чю-чю! Хочъ й пидкрепився та якось не по людськи, на сухо. Колы-бъ швидче заснуты, щобъ не смоктала такъ досада за серце. (*Помовчавъ*). Хотивъ-бы я дизнатись, чы то була панна, чы мана?... Неначе, колысь, десь іи бачывъ?...—А де?—Ни, не прыгаю. А яка нижна, не мовъ квитка, а била, якъ снігова хмара, чаривна, якъ любый сонъ!.. И вродытця-жъ, на жалъ, така краса! И де вона зросла, видкиль зъявилась?.. Лыбонь, торикъ я такы іи бачывъ, але на одну мить, чы може ще давнищъ?.. (*Позила*). Чого це у мене такъ очы засвербили? Десь я іи такы бачывъ... Хто вона? Мабуть величного роду, це выдко и зъ постати и по походу. (*Дрима*). А може вона видьма? Може нарочыто перекинулась, щобъ... (*Дрима*). Видьмы завжды зъявляютьця въ пивничъ... Трети пивни крыкнуть—счезають... Якъ зразу десь задзвенило!.. Це у мене въ уси... Дзинь!.. Панно, роскоше, квитко!.. Ще бъ побачыты іи разъ и вмерты.. (*Засыта*).

(*Въ глыбни засявъ місячний про-
минь, Панна зъявляеться въ блакити
неба*).

Панна (спива).

Въ той ментъ якъ тебе я спизнала,
Дытячымъ серденькомъ такъ покохала,
Що думала про тебе шо день и шо ничъ,
И вбачався ты нибы, якъ въ снѣ, такъ и
въ вичъ:

Зъ чыстымъ серденькомъ,
Якъ дытяча слеза,
Зъ свитлою душею,
Якъ та рання роса,
А ты, охъ!.. Отруто моя,
Лыха скрухо моя,
Другую покохавъ!

Охъ, за вищо-жъ мій вѣкъ молоденькый, за
вищо пропавъ?

Охъ, за вищо жъ мій выдочокъ, марненько
завъявъ?

Бодай твое сердце, та шо день сушылось,
Бодай твои думы та шо день труились,
За те, о, зрадныку любый, шо другу ты
покохавъ,

За те, шо мій вѣкъ

Даремно прочавъ,
За те, шо выдочокъ мій,
Не цвивши, завъявъ!.. (*Зныка*).

Хома (*зхопывся*).

О, панно! Красо!.. Постій, зупыньсь!..
Це певно хтось напливъ на мене якусь
нисейитныцю!.. Я тебе одну кохаю, тобою
дышу!.. Може черезъ те тоби здався, лебезу-
номъ, шо нибы биля бублейныци умызгав-
ся? Ей же, ей, сіе я лышь, кажучы одверто,
свершавъ по традыци, для рады чрево-
угожденія, идя на кондыци въ невидомое
пространство,—по образу пишехожденія!..

Я ва 4-а.

(*У хливи видчыняються двери и панна
перекынула въ стару бабу, тыхо
виходе*).

Хома.

А шо тоби, бабуся, тутъ треба? чо-
гожь мовчышь? (*Баба наблыжаеться*).
Послухай, бабко, теперь же пистъ, Пе-
тривка.... ни, ни, я зовсимъ не такѣ ле-
дащо, шобъ.... У мене и на думци нема,
шобъ оскоромытьсѣ, та ни зацо на свити!..
Поклады о тутъ заразъ передо мною тысячу
дукативъ, то тоди звырессѣ, шо я зовсимъ
не зъ тыхъ. шо прывселюдно очи въ не-
беса возводять, а на одыпци гриховодять.
(*Баба наблыжаеться*). Якъ страшенно
у тебе очи блещать, та хай тоби лыхе!..
Отъ навязалась!.. У мене вже, нибы, по-
чына чупрына лызты до горы..... Бабуся,
та геть-бо, змылуйся!.. Богъ зъ тобою!..
Оце напасть.... (*Баба хапа его за руки*)
Ой, шо зо мною коитця? Душно! Горыть
у мени!.. Морозъ по тилу, мовъ ольвомъ
всего мене залива, отерпаю!.. (*Хоче бытты
и не може, баба розставля руки*).
Рукъ не можу пиднести, одеревенилы! Ой,
пусты, бабусенько! Рады Бога, я, я!..
(*Баба склада ему руки, нагына го-
лову, скажа ему на спыну и почына
бытты митлою*).

Якъ сердце выразно затокотило!..

Ой, нози мои, нози втомлени,

Задриботилы, наче шаленни!..

Прагнуть вже мчатсь въ степы незупынно,

Черезъ боры, лугы й долины!..

Раптомъ на сердцеви повеселило,

Внызу такъ ясно все замыготило:

Трава, дерева, байраки, горы,

Яры, долины, могылы, море....

Я бачу зъ осоки русалочки сплывають,

То порынуть вони, то вырынають,

Спывають гарно, мовъ дичата въ поли,

А голосочки чысти, якъ дзвничкы!..

Ихъ лонѣ, персы ихъ-билищъ со-
рочки...

Ихъ очи сяють, мовъ яснѣн зори....

А ныжче шо, не роздывлюсь?..

Музыка гра, пташки спывають,

Квитки головками кывають...
Прощайте, выще понесусь!

(Зныка, а через хвилыну летыть въ гори)

Ажъ ось колы я рэзтлумачывъ,
Якый це бись мене вкульбачывъ.

(Почина закльнать)

Цуръ тоби, пекъ,
Симсотъ болячокъ и глекъ!
Паскудо проклята,
Гыдото пыката,

Закльнаю тебе ладаномъ и кадыломъ,
Страшною свичкою и кропыломъ,

Иды ты, жабьяча зводныце,
Гадюча гриховодныце—

Не на людське горе,
А въ пуцу та въ нетры,
За лёдове море,
Де ни дерева, ни травы,
А сингове поле,
Скала на скали—

Симъ кнпъ болячокъ твой голови!

Туть тоби не видьмуваты,
Моен жовтои косты не сушыты,

Кровы зъ монхъ жылъ не смоктаты,
Серця тоби мого не вяляты.
ТЬфу, тьфу, тьфу, тьфу!

(Зныка, а через хвилыну на баби иде)

А, скинула!

Теперь-же и я тебе напарю,
Шобъ вдруге такъ не мордувала.

(Бъе ии митлою и зныка, потимъ женется за нею зъ полиномъ и бѣе).

Панна *(ледве промовля).*

Не могу бильшь!

Хома.

Заговорила? *(Пидбига)* Не видьма
це, що бачу я?

Панна.

Охъ, Хома, помираю я! *(Закрыва очи и пада).*

Хома.

Якъ, шо таке? це дывына, чы справжня панна? *(Пизнае)* Це вона, вона? Це та! Зомлила? Цежь та, шо бачывъ я враньци, на базари. О горе мени злочинцеви, прочвари! Померла, га? Я вбывъ ии? Я, я вбывъ! О, Божа сыло, дай ий жыты, Тебе благаю!.. Иде хтось тамъ? Ни, хтось гукае?! Кудыжь подитыся мени? О, страхъ напа на мя и трясовыця, куды, кудыжь мени сокрытьця?! *(Тика зъ усихъ нигъ).*

Зависа.

Д і я 3-я.

Корчма на Чухрайливскимъ шляху.

Я ва 1-а.

Хаимъ *(ходячы по хати, спива мелодію безъ словъ).* **Хайна** *(въяже панчуху)*

Хаимъ *(глянувъ у вично).*

Ой, любуню, Хаю, ой вей, вже, лыбонь дидько несе нашего папа, а за нымъ цила юрба халамындыкивъ. Це вже винь шось выгадавъ! Я вже, неначе, боюсь...

Хая *(пидбига до вична).*

Ты кажешъ: „Халамындыкивъ?“ Яки-жь то халамындыкы, ты прыдывысь, мамуню, то зовсимъ не халамындыкы. Хиба таки буюають халамындыкы? То бурсаки, вони певно вже идуть на кондыци; забудь, якъ торникъ вони тутъ проходили, або й позаторникъ, то разъ недолычылысь мы гындыка, а вдруге двоухъ гусей?.. Треба

буде сказаты наймычци, щобъ стерегда добре птыцю. (*Гуки у двери*) Марто, Марто, а де ты тамъ? (*Голосъ за лаштунками*: „А чого тамъ?“) Позагонь усю птыцю у закуты, та позамыкай!

Хаимъ.

Ой, Хаи! Мени чогось млосно стае, я не знаю чого моя смилливість зовсімъ покынула мени,—га?

Хая.

Ша, Хаимъ, ша! Ще трохи потерпы.

Хаимъ.

Думаешъ, шо сегодня панъ мене не шмагатыме? А чого жъ мои плечи вже сверблять?

Хая.

Нехай шмага, абы дававъ дукаты.

Хаимъ.

Ой, я бъ вже не хотивъ и дукативъ.

Хая.

Не хочешъ дукативъ, ты, Хаимъ, не хочешъ дукативъ? Хиба вони погано бряжчать; тоби не до вподобы, якъ вони бряжчать?

Хаимъ.

Ой, Хаи! Якъ побачывъ я пана, то розумъ мій зовсімъ перекрутыся... Мени здаеця що шкура дорожче ніжъ дукаты?

Хая.

То тоби такъ здаеця: шкура загоитця, а дукаты... (*Выйма зъ кешени и пидкыда на долони*) Чы чуешъ якъ вони дзвенять? Чы е у свити краща пisenя, чы музыка надъ цю пisenю? А якъ буде ихъ у насъ десять сотъ?..

Хаимъ.

Скільки мы теперъ маемо, Хаи?

Хая.

Вже маемо симсотъ.

Хаимъ.

Ще тры сотни?

Хая.

Панъ дае по дукату за нагай.

Хаимъ.

Хаи, я вже смилывымъ зробывся, нехай швидче панъ бье. Ой, тры сотни ще!

Хая (*спива*).

Якъ матымемъ десять сотъ дукативъ,
То заразы покынемъ оцю хату,
Покынемо корчму цю, цей степъ,
Та купымо камьяныцю й склепъ.
Гандлюватымемъ памыстомъ,
Хутромъ оксамытомъ та едвабомъ,
Кармазыномъ...

Хаимъ (*зрадивъ ажъ танцюе*).

Ой-вей, ой-да-драдомъ,
Хопа-хопа, ой-ды-де-драдомъ!

Хая.

Матымемъ дукаты, то буде намъ шана,
Не будемъ боятыся найбильшого пана.
Якъ дукаты бряжчатывуть,
Вси будутъ витаты насъ гречно;
А мы зовсімъ безпечно
Гандлюватымемъ усякымъ кромомъ,
Найдороччимъ!

Хаимъ (*танцюе*).

Ой-вей ай-да-драдомъ,
Хопа, хопа, ай-ды-де-драдомъ!

Я в а 2 - а.

Панъ Хорунжий, за нимъ, Халява,
Горобецъ, бурсаны, кобзарь и челядь

(Спиваютъ).

Не хвѣля реве то на морн,
Не витерь то вые у поли,
То нашъ панъ хорунжий гукае,
Юнацтво до себе склыкае.

Хорунжий.

Гей вы брави юнакы,
Уси жвани козака,
Прыіздыть до мене въ гости,
Въ мене хата на помости,
Въ мене вына дорогн,
Въ мене коныкы баскн,
Будемъ пыты та гуляты
Злыднямъ жалю задаваты.
Змінвъ коней окульбачымъ,
Полювать въ степы поскачемъ.

Гуляй до схочу козаце,
Доки твоя доля скаче!

(Входятъ)

Панъ (гука).
Гей, жыде!

Хаймъ.

Ось я вже тутъ! (Пидносе на тарилци чотыри чаркы).

Панъ.

А, догадався! Дуката маешъ (Пье).

Оце за здравіе! (Пье)

А це за упокій! (Пье)

Оце за всіхъ васъ (Пье)

А це за гришныхъ насъ!

Хаймъ.

Чы хоче панъ, шобъ я вже ему потанцювавъ?

Панъ.

Не забигай напередъ розумомъ, шобъ не звыхнувся!

Частуй всю челядь до схочу,
Пий коженъ, хлопци, по завязку,
Сидай соби до хто вхвалывъ,
А я, хочъ туточки, на лавн. (Сивъ).

Бурсакы.

Це, пане, орtime, це bene!.. (Пють)

Панъ.

Ну-жь, розташовуйтеся мерщій та
втнѣть якеесь лыцедійство.

Халява.

Бардзо трудно, вельможный пане,
Быблйного щось выконаты,
За не, коллега нашъ едыный,
Хвылософъ, имямъ: Хома Брутъ,
Вельмы вдатный выконалець:
Иродіады, Пентефрн,
И прочыныхъ коварныхъ жонъ—
Въ пути сокрыхся. Где, не вемы.

Панъ.

То втнѣть не хытре щось, абы хы-
мерне.

Халява.

Потщимся, пане нашъ вельможный,
Вамъ выконаты интормедъ несложный,
Дабы персони вашій догодыты,
Все мусымо пайщырше учыныты.

Панъ.

Доладня мова твоя й люба,
Ты вчений, бачу, не-абы якъ!
Ну, хутко-жь, заразъ все владпайте.

Халява (до бурсакывъ).

Братіе, завису роспынайте! (Бурсакы
беруть вельке рядно и перегоро-
жують хату, идуть потимъ за
рядно).

Панъ.

Гей, жыде! Граемъ въ загадокъ зъ тобою,
Доки воны тамъ впорядкують.
Котру вгадаешъ—маешъ тры дукаты,
А не вгадаешъ—будемо шмагаты?

Хаимъ.

Я згоденъ вгадувать сегодня,
Завтра й пися завтра,
И, и.... Я хотивъ-бы шо-дня!

Панъ.

А ну-жъ, вгадуй хутко, зразу.
„А що сегодня не гуло,
Чого учора не було,
А завтра не вгадаешъ?„

Хая (*тыхо*).

Хиба ты не вгадаешъ, Хаимъ? (*Показуе на небо*).

Хаимъ.

Це, мабудь, буде гримъ, пануню?

Панъ.

Тры дукаты взявъ, жыдуню! (*Дает*)
А ты, жыдивко, не втручайся,
Пють не до тебе, й не витайся.
А ну загадуй, жыде, ты,
Твоя черга теперь, мерщій?

Хаимъ.

А ось яку я загадаю вамъ.
„Хто заразомъ спивае й скаче,
Въ одпорядъ сміється и плаче,
Въ мить обертае радисть у горе,
Перелита горы й переплива море?“

Панъ.

Звычайно: „думка!“ Гей, Авраме, а
выспъ ему одынъ десятокъ! (*Гайдуки готують нагаи*).

Хаимъ.

Я загадаю другу, пане!
На вицо-жъ заразь быть,
Мы може будемъ квыть?.

Хая

Хаимъ! Нехай шмагають!..

Хаялава (*переодягнений*).

Вельможного пана позволю спытаты,
Чы призволяете намъ почынаты?

Панъ (*до Хаима*).

Я своего тоби не подарую!
Десять нагаивъ у боргъ закарбую!

(*До Хаялавы*)

Хай почынають, призволяю!

Хаялава (*вернувся за рядно, тамъ
почына хоръ спиваты*).

Днесь рады вельможного пана,
Мы дійство комедійне утворымо,
Жлы точію мы тымъ догодымо,
То намъ воздастця справжня шана.

Панъ.

Сказаты по правди, писнь передмовна,
Превельмы скусна и надто чудовна.
(*Рядно розгортуется на дви половины, бурсакъ, переодягнений мужыкомъ, тягне на мотузци другого, зо-
дягненого козою*).

Хоръ

Антинь козу веде,
Превражая коза не йде,
Винъ ин вижками,
Вона его рижками,
Винъ ин палюгою,
Вона его дрыгъ ногою!

Жыдъ (*переодягнений бурсакъ вы-
бигъ на зустричъ*).

Кезеле, кезеле, куды це ты Антона
ведешъ?

Мужыкь.

Чы ты, жыдого, не ослипъ?

Жидь.

Хиба це ты ін ведешъ, а я думавъ
що вона тебе?

Мужыкь.

Проходь, проходь!

Жыдъ.

Ну, продавай мени кезеле.

Мужыкь.

Гайда на торгъ, а тутъ не продамъ.

Жыдъ.

На торгу за гроши, а тутъ въ боргъ.

Мужыкь.

„У боргъ?“ Ачъ якый, пиды ты геть!

Жыдъ.

Де ты, Антоне, шапку цю купывъ?
Вона тобі зовсимъ мала. (*Почына натя-
гати ему шапку на очи*).

Мужыкь.

Та видчепысь ты, сатано!

Жыдъ.

Ой вей, яке страшне!

Мужыкь.

Ахъ ты-жь, собача паро!

Жыдъ.

А ну, попробуй, а ну вдарь?

Мужыкь.

Ой, ударю!

Жыдъ.

На, зыжь! (*Дае ему дулю*).

Мужыкь.

Ахъ, ты жь падлюча тварь!.. (*Бье его*).

Жыдъ.

Ой, гвултъ! А ну-ну ще вдарь, ще
вдарь!

Мужыкь (*бье*).

На тобі ще, на!

Жыдъ.

Ой, вейзь-миръ! Держить, ловить, убывъ
мене, хамула!

Соцькый (*вбига и два чоловіка-
поняти*).

А хто тутъ на весь живить гвалтуе,
началство турбуе?

Жыдъ.

Вьяжить его, берить, винъ убывъ ме-
не, я вже умираю!.. Ой, вей! до пана
пидсудка ведить его хутко! Винъ мое
кезеле мени одибравъ и потимъ по морда,
по голова и по всему тилу бывъ мене и
щипавъ!.. Ой, у середьни мени погано!

Соцькый.

Антоне, чы тожь правда?

Мужыкь.

Та бреше, чортивъ сынъ, шахрай!

Соцькый.

Та цешъ, лыбонь, твоя коза Антоне,
я-жь ін у тебе бачывъ? (*До жыда*) То
це ты хотивъ чоловіка зобидыты? Берить
жыда за вуха та й тягнить до пана оса-
вула. (*Жыда тягнуть*).

Жыдъ.

На вищо за вуха? (*Одбывається, жыда
повелы*).

Соцькый до (Антоня).

Але, Антоне, побь намь справжней правды довидатись, то мусышь у корчму зайты, постановышь могорычу, тоди твое буде зверху.

Мужыкъ.

Та я не видь того. (Пишлы).

Хорь (спива).

Антинь козу виде и т. д.

(Тыберій Горобець, передягнений дивчиною, другый бурсакъ—козакомъ).

Передягнений козакомъ (спива).

Іхавъ козакъ за Дунай,
Сказавъ дивчынн: „прощай!“
Ты коньку воронькый
Скачы та гуляй!

ТЫБЕРІЙ.

Постій, постій, козаче,
Твоя дивчына плаче,
Якъ ты мене покидаешъ,
Тилькы подумай!

КОЗАКЪ.

Билыхъ ручокъ не ламай,
Карыхъ очей не стырай,
Мене зъ вѣины изъ славою
Къ соби дождай!

ТЫБЕРІЙ.

Не хочу я ничего
Тилькы тебе одного,
Ты, мій мылый, будь здоровъ,
А все пропадай!

ХОРЬ.

Іхавъ козакъ за Дунай и т. д.

(Проходятъ).

Пань (вытира очи).

Оцю прегарно утялы,
Мене ажъ слезы пронялы.
Гей, жыде! Хутко дай запыты.

Ханмь (подае).

Вельможный пань, тонкий на слезы!

ПАНЬ.

Та писня розбудыты може
Въ души пытанн розмаити!

(Бурсакъ, одягнений цыганомъ, тягне
другого одягненого конемъ).

ЦЫГАНЬ.

Гей крыця, не лошыця,
День быжитъ, тры дни лежыть,
Море перескоче,
Хвоста не замоче!
Гадзя-бо, годи басуваты,
Купуй, свате, коня змія!

МУЖЫКЪ.

Та ему пора здыхаты! (Рогоче).

ЦЫГАНЬ.

Та ты глянь!

МУЖЫКЪ.

Хиба здуривъ я
Таку здохляку куповаты,
Та ій давно пора здыхаты,
Лыбовъ тры чысныци до смерти?

ЦЫГАНЬ.

Хрестъ тебе побый, пишовъ четвертый!

МУЖЫКЪ.

Десятокъ?

ЦЫГАНЬ (сміється).

Бравый ты хазяинь.
Давай нащо небудь зминяемъ?
А що то тамъ, у торби въ тебе?

МУЖЫКЪ.

Оце въ мишку? та це овесь.

ЦЫГАНЬ.

Ото-бъ-то винь уже и весь?

Мужыкъ.

Хиба тобі багато треба?

Цыганъ.

Та помы що, то буде зъ насъ,
Несы за мною.

Мужыкъ.

Такъ-якъ разъ,
Шобъ такъ, безъ торгу, и понисъ?

Цыганъ.

Та ты-бо дуже вередливый,
А дай я оберну тебе въ коняку;
А шобъ конемъ не бувъ брыклымъ,
Вчеплю ке цурку на мордяку?
Нужъ, ну, давай скорій свій нисъ!

Мужыкъ (*зъ лякомъ одступа*).

А хай тобі прыснитця бисъ! (*Втика*).

Цыганъ (*крычить*).

Валю, валю, переймайте,
Злодюзи утекты не дайте!

Соцький (*бизыть зъ двома поня-
тымы*).

А хто тутъ гвалтуе,
Началство турбуе?

Цыганъ.

Ловить ворягу, переймайте!

Соцький.

Де жъ злодій?

Цыганъ,

Онъ винъ, доганяйте! (*Чоловики про-
биглы и приводятъ чоловіка зъ
мишкомъ*).

Загляньте вы ему въ торбыну,
Побачыте що тамъ овесъ.

Мужыкъ.

Овесъ и е, овесъ, еге-жъ!

Цыганъ.

Хай вылизуть тобі баньки изъ лоба,
колы не овесъ!..

Халава (*одягнений козакомъ, выбига*).

А хто тутъ заразы гвалтувавъ?
Шо тутъ вчынылось, яка дывына,
Народу багато, а бійкы нема?

Соцький.

Оцей та въ цего вкравъ овесъ.

Мужыкъ.

Та бреше цыганъ, якъ той песь!

Цыганъ.

Колы не кравъ,
Чого-жъ втикавъ?

Мужыкъ (*показуе на цыгана*).

Бо винъ хотивъ мене конемъ зробыты.

Халава.

Шо жъ треба васъ тутъ розсудыты.
(*До цыгана*) Овесъ у тебе звидкы взявся?

Цыганъ.

У мене, батечку, вродывъ.

Халава.

А де-жъ вродывъ: на поли, чы въ
городи?

Цыганъ.

Де слидъ тамъ и вродывъ, тай годи.

Халава.

А чымъ его ты змолотывъ?

Цыганъ.

Що й молотыть его, на вищо?
Хиба я вже за всіхъ дурнищый?

ХАЛЯВА.

То такъ ты вмѣшь хлибъ робыты?

ПАНЬ *(регоче)*.

Ой, будуть цыгана лупыты!

ХАЛЯВА *(почына бытъ цыгана ма-
лахаемъ)*.

Оце тоби, вражий сыну,
Напередъ щобъ не брехавъ,
Шобъ цыганячу натуру
Ты на другихъ не звертавъ.

ЦЫГАНЬ.

Ну, годи-годи жартуваты,
Вже й такъ ажъ питъ мене обльвѣ!..

ХАЛЯВА.

А щобъ навуку ты вхвалывъ,
Халяндры мусышь танцюваты.

(До пана).

Теперь, вельможный добродію,
Мы просымо васъ выбачаты,
Та автора поменьчъ картаты,
За цю незграбну лицедію.
Цыгане халяндры вамъ потанцюють,
Мене жъ горилкою та медомъ почастують,
На тимъ и скинчыте ся интермедія,
Рядно закрывемъ и finita comedia.

*(Цыганъ и цыганка танцюють ха-
ляндру)*.

ПАНЬ *(розохоченый, притонуе но-
гами)*.

Оце такъ-такъ! Не вдержу й нигъ!
А стійте, годи вже ціен!..
Максыме, швыдчъ утны мои!

(Бандурыстъ хоче граты).

ХАИМЪ *(до пана)*.

Хтось киньмы до корчмы пидбигъ!

ПАНЬ.

Грай, Максые, бо нигъ не вдержу!
(Почына танцюваты).

Я в а 3-я.

Тижъ, Дорошъ, Свырыдъ, Оверно
и Хома Бругъ.

(Входятъ спиваючы).

Тры диды, тры диды
Полюбылы бабу,
А четвертый манисенький
Прычепывся ззаду.
Тремъ дидамъ, тремъ дидамъ,
Баба дули тыче,
Четвертого маненького
За чупрыну смывчѣ!..

ПАНЬ.

Дороше, ты?

Дорошъ.

Здорови будьте, пане!

ПАНЬ.

А звидкиля це и куды?

Дорошъ.

Не чулы нашої биды?
У хутори въ насъ коитця погане:
Панна наша помырае!

ПАНЬ *(зитха)*.

Шкода! Хай Богъ ин прыймае,
Въ руци Создателя есмы!

Дорошъ.

Це зъ Києва вернулись мы,
Ось и псалтырныкъ зъ нами тутъ.

ХАЛЯВА й ДРУГИ *(впизналишы Хому)*.

Видкиль це взявся, Хомо Бругъ?
Куды ты зъ хутора пропавъ?.

Хома.

Колыбъ я все вамъ розказавъ!..

Дорошъ *(до другихъ козаківъ)*.

Гайда въ кутокъ, ажъ гонь онъ
въ той,

А тутъ намъ быть... яюсь не той...

*(Пишли въ кутокъ, тамъ силы за
стилъ, жидъ подавъ имъ горилку).*

Халява *(до пана)*.

Оце той, пане, выконалець,
Богыни Талиі коханець!

Панъ *(зрадивъ)*.

То визьмено его зъ собою.

Хома.

Увы, сего не можна учынить,
Дондѣже обречень судьбою,
По воли привелебного ректора,
Тяжкую службу видслужить,
Дабы во впредь текущи дни,
Прыять вельку и багату мылость.

Панъ.

Що ректоръ тутъ вмишавсь шкода,
Сварытсь зъ нымъ намъ не рука.

Халява.

То розкажи-жь намъ, звыдкы взявся,
Що за прытычына така?

Хома.

О, друзи, братіе! внимайте,
Миркуйте та на вусь мотайте.
Якъ тилькы я въ хливи прилигъ,
Колы це чую: загуло!
Потимъ неначе хтось пробигъ
Конемъ!.. Дмухнуло, мовъ крыло
Якои птыци... Сонъ знемигъ
Раптово... Чы заснувъ?—Не знаю.
Прокынувъ, очи розтуляю,

Вдвляюся и бачу: видьма
Ввиходе въ хливъ, иде до мене
И витрища страшенно бильма!..

Вси.

Чы ба, яка страховына
То певно видьма, то вона!..

Хома.

Бере за голову мене, нагнула
И въ мить на спыну мни прыгнула,
И ну метлою мене хвоскаты!..
Чымало я ии возывъ,
А потимъ самъ на неи сивъ,
Та якъ почавъ уже шмагаты,
Вона тоди пыцать, кавчаты!..
На решти выхремъ обкрутнулась,
И въ ментъ у панну обернулась,
Упала, стогне... зыркъ! Це та,
Що въ Києви, не мовъ свята,
На мить зъявилась предо мною.
„Ой, Хома, каже, я вмираю!..“
Що потимъ сталося зо мною,
Куды подилось все — не знаю?
Прокынувъ въ ранци, похмельвся,
И ледве-ледве роздыввся,
Що я въ бублейницы у хати.

Вси.

Отъ и нехай який мудрій вгадае,
Чого на свити тилькы не бувае?..

Хома.

Не вспивъ очуматысь якъ слидъ,
Ажъ шустъ, вонгае въ хату дидъ,
Нашъ стражъ изъ бурсы, и гукае:
„А йды до ректора, шукае
Давно тебе, щобъ швыдчъ послать
Надъ мертвымъ псалтыря чытать“...
Прышовъ я, ставъ було казаты,
Щобъ инчого кого пославъ,
Що я зовсимъ забувъ уставъ...
Такъ винъ веливъ мене звязаты...
Дядькы, спасыби имъ, скрутылы...

Пань.

Чогожъ вы, хлопци, осовили?..
Ну що-жъ? Хоми псалтырь чытаты,
А намъ пора и въ путь рупаты...
Жыдѣ! Беры барыло швыдчѣ на визъ,
Поїдемъ заразъ мы до мене въ лисъ,
А потимъ до мого двора.
А ну-жъ, збираймося, пора!

Халава.

Прощавай-же, друже, Хома,
Здоровъ zostaвайся,
Якъ skinчышь благополучно,
У Кыевъ вертайся.

Вси (*Видходячы*).

Якъ выхавъ панъ хорунжий
У поле гуляты,
Перевисывъ черезъ плече
Сагайдакъ багатый.
Грай море, грай сыне,
Гайда-гула-гу! (*Пшлы*).

Дорошъ.

А ходы, пане хвылозопе, до насъ.
Господь-Богъ зъ нымы, зъ отымы панамы,—
сидай лышь о тутъ поручъ, поговорымо та
гробачка заморымо та й рушымо дали.
(*Налыва и частуе*).

Хома (*сивъ*).

То такъ, дядьку, ты мени й не ска-
жешъ, зъ чого ваша панна захворила?
(*Выпывъ*).

Дорошъ.

Господь зъ нею, хай соби.

Свырьдъ.

Авже-жъ!

Хома.

Давно вона хворіе, чы може оце сви-
жо зпрынчылось?

Дорошъ.

Зновъ такы своей!

Свырьдъ.

Цикавый!

Хома.

Хатня вона у васъ, чы може бильшъ
жыла по людяхъ?

Дорошъ.

Траплялося усякъ.

Свырьдъ (*до Хома*).

Та ты бо не вѣдайся, ненавидю!

Хома.

Зъ людьмы якъ вона поводылась?

Дорошъ (*налыва*).

Краще выпьемъ! (*Пьютъ*).

Свырьдъ.

Господь вже зъ нею! Може вже й
померла, то нехай надъ нею земля перомъ.

Хома.

А вчылась де вона?

Дорошъ.

Вчылась де?

Свырьдъ.

Вчысь—не вчысь, а якъ пиде на грихъ
та на безголивье!..

Хома.

Сварлыва була, чы?..

Дорошъ.

Траплялося и сякъ и такъ...

Свырьдъ.

Та не рушъ ии, Господь зъ нею таѣ
годи. А отъ краще угадай, видъ чого ми-
сяць въ неби свитѣ?

Дорошъ.

Штука угадаты: видъ того свите, що є чымъ. Не було-бъ чымъ, не свитывъ-бы.

Свырьдъ.

Ба ни! Господь такъ звельвъ „Свиты!“ сказавъ. Отъ винъ и свите. Ходы-но, гей, Дороше, почоломкаюсь зъ тобою. (*Чоломкаютця*).

Дорошъ (*до Хома*).

Ну, а скажы мени, чому васъ тамъ у бурси вчать: чы тому, що й дякъ чытае, чы инчому чому?

Свырьдъ.

Отъ про це, то я вже й не пытавъ бы, бо такъ призначено ему и винъ розуміе, а правда?.. Хома! Дай, почоломкаюсь зъ тобою.

Хома.

Чому не почоломкатысь, а тилькы... (*Цилується*).

Дорошъ.

Ни, стрывай, стрывай, я тебе спытаю... Ото що въ церквѣ дякъ чыта, чы воно вписыано у ти кныжки, що въ бурси вчать?

Свырьдъ.

О Боже мій, Боже мій! Ну и на вищо бѣ такъ казаты? Якъ Божа воля вчыныла, то й не слидь переменяты—грихъ!

Дорошъ.

Я хочу знаты, якъ воно въ кныжкахъ?

Свырьдъ.

О, Боже мій, Боже мій! Ну и па вищо?.. Оверку, почоломкаемось зо мною! (*Чоломкаются*).

Дорошъ.

Я неодминно пиду въ бурсу, тамъ вывчуся всему, всему!

Свырьдъ.

О Боже мій, Боже мій! Бидный я, бидный, нещасливый! (*Пада на стілз и плаче*) Другимъ лехко живетця, а мени!..

Хома.

А чого це ты, дядьку, розхлыпався?

Дорошъ.

Бо хоче, сиромаха, выпыть. (*Налыва*) На, на!

Свырьдъ (*пше*).

Нема у мене ни батенька, ни ненькы, ни братика, ни сестрыци!.. Сырота я на свити! О, Боже мій, Боже мій!..

Хома.

И я, панове, сырота, ось видпустить мене на волю, спасеніе свой души заробыте?

Свырьдъ.

Давайте, пустымо его, воно-жѣ сырота. Нехай соби йде... О Боже мій, Боже мій!

Дорошъ.

Ни, не пусты, я зъ нымъ поиду въ бурсу и вывчусь всему, всему! Ке, почоломкаюсь зъ тобою? (*Цилується зъ Хомаю*) А потимъ я зновъ звьяжу тебе, щобъ ты не втикъ!

Хома.

Нема у васъ, панове, Бога въ серцевѣ!

Дорошъ.

Я-жѣ хочу въ бурсу, а якъ вже мени чого забagnetця!..

Свырьдъ.

Ну и на що отаке казаты? О Боже мій, о Боже мій! Богъ впорядкувавъ все якъ слидъ и Богъ зъ нымъ, хай все такъ и буде, а ты, Дороше, не мишайся въ це дило... Почоломкаюсь зъ тобою! (*Ци-лується*).

Хома.

Не добри вы люде, Богъ зъ вами! Ну, колы вже такъ, давайте, допьемю останкы, тай рушимо дали, вже смерка. (*Бере чарку и промовля*)

О горилице, великая мученице,
 Прошла ты кризь вогонь и воду,
 Проходишь и нашу немощну утробу,
 Приводишь насъ у биду—прыгоду.
 Якъ взяли тебе зъ вынныци,
 Та налылы въ склянныци,
 Посадовылы за стилъ, на лавыци,
 Почалы зъ тобою панькатысь,
 Почалы тоби кланяться.
 О, славная мученице горилице!
 Сама ты у золоти ходышь,
 А насъ до рубья доводишь,
 Розумныхъ дурными,
 Багатыхъ бидными,
 Пидданными робышь.
 Подобаеся ты попамъ и панамъ,
 Всимъ неборакамъ сирымъ и намъ.
 Якъ мы тебе напываемся,
 Злыднямы пышаемся,
 Багатырямы вбачаемся,
 Зъ кожнымъ братаемся,
 Якъ гындыкы надуваемся,
 За чупрыны тягаемся,
 Въ болоти валяемся.

Дорошъ.

То цуръ же ій, пекъ, проклятій грихо-
 водныци,
 Симъ кипъ болячокъ, пекельній звод-
 ныци!

Хома.

Проклынаю тебе, одъ нигъ до лоба,
 Иды пидъ тры чорты дьявольска худоба!
 Не йды до головы,
 Не завдавай намъ биды,
 А йды до брюха
 Та выжены звидты нечыстого духа!..
 Ось и вся вамъ промова моя.

(*Хоче пыты, але въ цей моментъ у стины зъявляється парсуна панны*).

Панна.

Охъ, Хома, помираю я!

Хома (*зъ лямомъ кынувъ чарку*).

Вона, видьма!.. Вы чулы, бачылы, вона?

Вси.

Ничого мы не бачылы!

Хома.

Тикать скорище звидциля! (*Выбига зъ хаты*).

Дорошъ.

Та це намъ пеня оцей бурсакъ! Чы винъ це бува не зъ пьяну, або може очи заслиплюе? Здаеця-жъ не багато мы й выпылы: кварть зо дви не бильшь, та чы й выпылы? А може це винъ задумавъ задаты драла? Гайда мерщій доганяты!

Свырьдъ.

Пусть его, винъ сырота.... О Боже мій, о Боже мій! (*Вси пишылы, инчи швыдко, и инчи зъ повагомъ*).

Дорошъ (*гука*).

Держы, ловы, вяжы!

Зависа.

Дія 4-а.

Біля кухні сидять за сирномъ: табунщыкъ, чередныкъ, Оверко, Свырьдъ, за другимъ сирномъ молодыци и дивчата.

Я в а 1-а.

(Спивають).

Тай скучно зъ ложкою въ руци,
Сидить та въ двери заглядаты,
Не мовъ пишли по толоци
Кырпычъ на топыльво збираты.
Горпыно—говъ! А де ты тамъ?
Давай мерщій галушокъ намъ!

Табунщыкъ *(Помовчавъ)*.

Не несе, що за прычына? Я сегодня
бачывъ вовка.

Чередныкъ.

Гайдай розказувавъ, що бачывъ, нибы
зновъ у ночи горили гроши, на тій мо-
гыли, що за шляхомъ.

Свырьдъ.

Чого тильки въ земли нема? Уся-
чны тамъ е доволи. О Боже мій!

Табунщыкъ.

Чабанъ, Кузьма, не даромъ каже, що
въ земли закопана и доля.

Свырьдъ.

А чья—не вгадаешъ! О Боже мій!

Я в а 2-а.

Ти-жь и Петро.

Петро.

Чы не забудъ я тутъ свого гарапныка?

Дивчына.

Ов-ва! Петро у новыхъ штаняхъ!
Хто це тоби пошывъ?

Петро.

Мабуть ништо, якъ маты?

Табунщыкъ.

Вамъ такихъ не зшыть, дивчата.

Дивчына.

Чому не зшыть, яка велька труднысть?

Чередныкъ.

Та яки рясни штаны та шыроки!

Табунщыкъ

И якъ вони ему прыстали!

Петро.

За те-жь не дешево и стали.

Я в а 3-я.

Ти-жь и чабанъ.

Чабанъ.

Чы не zostавывъ я тутъ свои шапки,
десь одбигъ!

Табунщыкъ.

А може тоби треба Гапкы? Осьдечен
вона!

Чабанъ.

Та нехай ій.... Байдуже!

Дивчына.

Чого-жь такъ дуже запышався?

Я в а 4-а.

Ти-жь и Горпына (*Зъ галушками у двоохъ мыскахъ*).

Вси.

Чого такъ довго тамъ барылась? Тебе-бъ тильки по смерти посылаты.

Горпына.

Не попухнете зъ голоду. Кажить краще: царство небесне, вичный покой! наша панночка вже преставылась!..

Тавунщыкъ.

Отъ тоби и маешь!..

Чабанъ.

Не даромъ у мене вчера цилый день нись свербивъ, це вже прыкмета: якъ тильки нись здорово засвербыть, хтось, де-небудь помре!..

Свырьдъ.

О, Боже мій! Нехай надъ нею земля перомъ. (*Почынають всерчатъ*).

Тавунщыкъ.

Петре, сидай та повечеряй.

Петро.

Та я вже повечерявъ.

Тавунщыкъ.

Вечеряй, колы дають, іство не заваде; а завтра може пиде такой шарварокъ, що никола буде и пообидаты.

Петро.

Тай повечеряю, мабуть! (*Сиди*).

Чабанъ.

Якъ тильки нись здорово засвербыть...

Тавунщыкъ (*до чабана*).

А ты чого стовбычышь?

Чабанъ.

Та, мабуть, и я вдруге повечеряю.

Тавунщыкъ

Цыгане не будутъ снятся.

Свырьдъ.

Жыла, жыла тай померла... Онъ якъ!

Горпына.

И чого-бъ, здаеця ий помираты: жыла у достаткахъ, та у роскошахъ, а отъ!..

Чабанъ.

Смерть, такъ вона.... Кого схоче, того и скосе, махнула косою и нема людны.... Я-жь Кажу, що не даромъ у мене нись свербивъ...

Петро.

Торишню ничъ зновъ щось колошка-ло телять.

Горпына.

Що-жь, якъ не видьма?

Я в а 5-а.

Ти-жь, Дорошъ и Хома.

Дорошъ.

О теперь не шкодыть и галушокъ по-поісты.

Горпына (*до Дороша*).

Чулы, дядьку?

Дорошъ.

Не тильки чувъ, а вже насъ клюшныкъ и почаствуавъ за упокій. Оце вамъ той самый бурсакъ, що буде надъ нею чытаты псалтыря.

Хома.

Здорови будьте, молодци й дивчата,
и вы браве козацтво!

Вси.

Бувай здоровъ и ты.

Хома.

Ой вы, дивчата, ой вы молодичкы,
а чому-жъ у васъ не жовти черевычкы?
Хлибъ та силь.

Вси.

Садовитесь до гурту.

Хома.

Я-бъ хтивъ бия дивчатъ, либонь,
тутъ галушкы смачнищи? (*Бере одну
дивчыну за рукавъ*) А якъ гарно у
тебе вышита сорочка. (*Щина їи*).

Дивчына.

А ну, ущипны ще разъ, то такъ ля-
паса и дамъ!

Хома.

Ого, зъ перцемъ!

Табунцыкъ.

Вона у насъ зъ хриномъ! (*Регоче*).

Дорошъ (*до Хома*).

Не варта зъ поганню возытись, сидай
зо мною поручъ, краще буде...

Хома.

Ну, посунься, дядьку. (*Пидморгуе*)
Така чорнява дивчына, така гожа, а на-
турою зъ беззубою бабою схожа!

Чередныкъ (*зареготавъ*).

Ай, бурсакъ, утявъ!

Чабанъ.

Шо то якъ чоловікъ вчений, то вже
якъ прикладе що, то нибы прилипе!

Чередныкъ (*до Дороша*).

Чы правду кажуть, шо нибы наша
панна, не пры хати та й не проты ночи
кажучы, нибы зналася зъ тымы, шо не
то що, а Богъ зъ нымы?.

Хома (*здывованно*).

Це-бъ то покійныця?

Дорошъ.

Та вона, сказать по правди, цила
видьма!

Хома.

Видьма?

Дорошъ.

Та я хочъ заразъ заприсягну!

Хома.

Це-жъ шо за новына? А чомъ-же
ты, дядьку, якъ я дорогою роспыту-
вавъ тебе про панну, ничего такого не
казавъ?

Дорошъ.

Не казавъ, а теперъ кажу, шо вона
достометна видьма и зъ чортамы зналася!

Хома.

Ты жъ звидкы про це довидався?

Свырьдъ.

Ну и на шо, Дороше, о таке казаты? О,
Боже мій!

Дорошъ.

Я звидкы довидався? А звидты я до-
видався, шо панна іздыла не разъ и на мени.

Хома.

Іздыла, и давно?

Свырыдъ.

О Боже мій, о, Боже мій! Такъ, Дороше не можна! Чудный ты якый!

Дорошъ.

Ну, а чого жъ я буду мовчаты, чого? Та я й попови це скажу. Та, якъ по правди казаты, то кожна баба видьма!

Свырыдъ.

Ни, Дороше... Ну и на вищо? О, Боже мій, Боже мій! У котрой е хвостыкъ маненькый, та истинно видьма.... Така вже прыкмета, що-бъ коженъ завжды тямывъ, хто винъ е!..

Дорошъ.

Та кожна баба видьмою стае, якъ тилькы почына стариты.

Свырыдъ.

Що-бъ кожна, ни! О, Боже мій!..

Дорошъ.

А я кажу, що кожна!

Горпына.

Ну, вже й завзяты-жъ козарлюгы и вы, мовъ ти годовани кнуры, таке выгадують зъ жыру!..

Дорошъ.

Хто памьята псаля Мыкыту?

Чередынкъ.

Стрывайте, про псаля Мыкыту, я роскажу найкраще, бо винъ мени доводывся кумомъ.

Дорошъ.

Такъ що жъ що кумомъ, а я складнице роскажу.

Вси.

Кажы, кажы! Нехай Дорошъ каже. Мовчить та слушайте!

Дорошъ.

Ты, пане брате, хвылозопе,
Чы чувъ що про псаля Мыкыту?
Такыхъ, якъ винъ людей на свити,
Мабуть, не густо и бувае.
Та то-жъ кожнисеньку собаку,
Мовъ батька роднаго, винъ знавъ.
Ось цей Мыкола, що теперь
За псюрныка его настановылы,
Хочъ винъ, якъ мовыты по правди,
Парняга те жъ соби моторный,
Тилькы-жъ супроты Мыкыты,
Щобъ винъ тамъ якъ, або инакъ,
А прямо ка-зна що, помы!..

Тавунцыкъ.

Та й достометну-жъ правду чеше,
Не мовъ сокырою винъ теше!

Дорошъ.

Бувало зайця вздрыть винъ швыдче,
Чымъ хто пидъ носомъ втре табаку.

Горпына (*показуе на Свырыда*).

У дядька разъ-у разъ пидъ носомъ
Блещыть табака, ажъ рудіе...
Утритъ, бо такъ дывытысь гыдко!

(*Сплевуе*).

Свырыдъ (*вытираетця*).

Та то не шкодыть, можна й втерты.

Дорошъ.

Бувало раптомъ якъ свисоне:
„А ну, Розбой, а ну, Швыдько!“

Самъ на кони о такъ прыляже,
 Прышультця, якъ понесетця,
 И вже тоди и не вгадаешъ
 Хто обжене кого мерщій—
 Чы винъ собакъ, чы ти его.
 Ему горилкы дмухонуты
 Видъ разу квартиру—наплювать!..

Свырьдъ.

Тай я, якъ захочу, то зможу!

Вси.

Мовчы, мовчить-бо, цытьте!

Дорошъ.

Одначе-жъ винъ зъ якого часу
 Почавъ на панну задывлятысь.
 Чы й справди въ ній винъ закохався,
 Чы та ему щось поробыла?

Тавунщыкъ.

Ну й достометно-жъ промовляе
 Такъ кожне слово, якъ рубае!

Дорошъ.

Ото таке щось зъ нымъ вчынылось,
 Що ставъ винъ зовсимъ ка-зна чымъ,
 Що, навить, гыдко и згадаты.
 Панна позыркнѣ на него,
 А винъ и поводъ зъ рукъ упусти.
 Розбой вже Бровкомъ винъ клыче,
 А Ляхву Галпыкомъ назве—
 Помилку до помилкы такъ и ныже!
 Разъ панночка прыйшла до стани,—
 Мыкыта чыстывъ тамъ коня.
 „Мыкыто, каже, дай-но я
 На тебе нижку покладу!“
 А винъ, дурбыло, и зрадывъ.

Тавунщыкъ.

Такъ, такъ, це правда. Отъ дурный!
 Та я-бъ не дався, а ни защо!

Дорошъ.

Панна нижку пидняла.—
 Пухку, биленьку, та ще й голу;
 Мыкыта глянувъ—затремтивъ,
 Не тямлячы себе, нагнувъ винъ спыну,
 Схопивъ за голи ниженята панну
 И выхремъ чурхонувъ по полю....
 Вернувся въ станю вже надъ вечерь,
 Мовъ пьяный, млявый, ледве живый,
 Почавъ видъ тоди схнуть, мовъ триска...
 Якось прыйшли у ранци въ станю,
 Ажъ дывлятця, за-мищъ Мыкыты,
 Видро порожне тамъ стоить
 Та купка попилу лежить,—
 Згоривъ геть чысто самъ изъ себе!..
 То ось який бувъ псаръ Мыкыта.

Тавунщыкъ.

На всю округу, на пивъ свита!..
 Вичня память тоби, куме,
 Хорошый бувъ ты чоловікъ!

(Довго мовчять).

Чередныкъ.

Казавъ Омелько Коверляга,
 Що зъ него видьма кровь спыла
 Видерь зъ чотыры, якъ не бильшъ.
 Який колысь изъ себе грубый бувъ,
 А теперь, мовъ тинь яка... (Пауза).

Чаванъ.

А чоловікъ зъ того села,
 Що генъ надъ кручою дзвиниця,
 Казавъ, шо е въ ныхъ молодыця,
 Шо зна отъ видьмы заговиръ. (Пауза).

Петро.

Учора выхремъ черезъ двиръ
 Смеркомъ промчалась. (Пауза).

Чередныкъ.

Рукавыци
 У Гната вкрадени нови!..

ТАВУНЦЫКЪ.

Хочь-бы онъ, якъ торикъ, мени
Все въ вичи сунула копыця!..

СВЫРЫДЪ.

А про Шепчыху ты чувавъ?

Хома.

А хто жъ така була Шепчыха?

Дорошъ (*регоче*).

Якъ бачу, тамъ у васъ у бурси
Багато вчать, та мало тямлять.

СВЫРЫДЪ.

То розкажу я про Шепчыху.

Вона жъ мени

Таки зъ ридни:

Братъ ин у другихъ,

Максымъ, Остапивъ,

Державъ, сказать, мою небогу,

Павла Гнылыченка дочку.

ТАВУНЦЫКЪ.

Якъ змиркувать, то наче бь-то й зъ
ридни.

СВЫРЫДЪ.

Е на сели у насъ козакъ,

Шептунъ,—о такъ его и дражнять,—

Шептунъ, тай годи! Хочь сказать,

Винь liebe трохи пидбрехнуты;

А часомъ liebe й де що вкрасты,

Але-жъ... Все жъ бувъ якъ слидь козакъ.

(*До Дороша*) А що то въ тебе тер-
чыть зъ кешени? Дывитця, ей же ей,
пляшка! Чы не калостный чоловьяга и
досы насъ не почастувавъ?..

Дорошъ (*выйма пляшку*).

По правди сказать, я неначе про неи
й забувъ. (*Частуе*).

СВЫРЫДЪ (*вытывъ*).

Теперь мова пиде лехче.

Разъ сивъ винъ зъ жинкою вечерять,

Писля вечери ляглы спать:

Лягла Шепчыха у подвирьи,

Шептунъ же лигъ на лави, въ хати....

Ба ни, вона на лави въ хати,

А винъ послася у подвирьи.

Горпына.

И не на лави лягла,—доли!

Дорошъ (*зыркнувъ на неи, потимъ въ
землю, потимъ зновъ на неи*).

Якъ скину зъ тебе я запаску,

То щобъ не выявылося де що!

Горпына (*зъ лямомъ*)

Та цуръ тоби!

Дорошъ.

Отъ же мовчи!

СВЫРЫДЪ.

Посередь хаты, у колысци,

Лежало ихъ дытя грудне,

Було вже, мабуть, зъ годъ ему,—

Забувъ, чы дивчынка, чы хлопчыкъ?

Лежыть Шепчыха доли й чуе,

Що за дверыма песь шкребетця,

Шкребетця клятый песь тай годи!

А вые такъ, що хочъ втикай!

Звычайно, баба и злякалась....

Бабы, воны такый уже народъ,

Якъ тилькы смеркнетця на двори,

То покажи ий языка кризь двери,

Душа прожогомъ шугне въ пяты.

Горпына.

О, вы смилыви! Хочь бы вже не
хызувалысь, та частишь пидъ носомъ та-
баку вытералы!

СВЫРІДЬ (*вытира носа*).

Чого їй нись мій такъ увіся?

Де-яки.

Горпыно, не мишай!

СВЫРІДЬ (*до Горпыны*).

Ну, глянь, теперъ вже чисто, додыв-
ляйсь... Нись тай нись! (*Регитъ*).

Де-яки (*нетерпыливо*).

Кажы, кажы!

СВЫРІДЬ.

Лежить, трясетця й стала думать:
„Устану та по морди дамъ,
Щобъ перестала клята выты“.
Бере у руки коцюбу,
Тыхенько двери видчыняе
И тилькы трошки видхылыла,
Ажъ їй собака шустъ пидъ ноги,
Та пльгъ прожогомъ до колыскы.
Шепчыха, зыркъ! ажъ то не песь,
А наша панночка... И— лыхо!
Та не така якъ слидъ їй буты.
А сыня-сыня! Тилькы очи
Горять, мовъ вугилле у кузни!..
Вхопыла биднебку дытынку,
Горлянку миттю прокусыла
И ну смоктаты зъ неи кровь...

Дивчата и молодыци.

Ой, годи, страшно, не кажить! Ды-
витця, лыбовъ хтось бижыть сюды! (*Вси
зъ лякомъ озыраютця*).

Я в а б - а.

Ти жъ и Юхымъ.

Де-яки.

Це Юхымъ!

Тавунщыкъ.

Та ништо-жъ инчий!..

ЧАВАНЪ.

Винъ-же, винъ!

Юхымъ.

Чы тутъ Дорошъ та бурсакъ? Мерщій
до сотныка идить!

Горпына.

А що панъ плаче?

Юхымъ.

Ни! Тилькы такой похмурый, якъ ничъ:
и страшно и жалко глянуты!

Дорошъ.

Якъ иты, то йты! (*Встае*)

Хома.

Шкода кыдаты таку кумпанію, та що
робыть?

Юхымъ.

Сербнитъ по чарци, щобъ розмову
вона вамъ розвьязала. Ось, клюшныкъ на-
цидывъ суліюку, щобъ вси добромъ покій-
ныцю згадали.

Дорошъ.

Та нехай тому языкъ руба стане,
хто ии лыхомъ помьяне! (*Частуютця*).

Хома (*выпывъ*).

Та наливай уже и другу.

Юхымъ (*налива*).

Пый. (*Хома выпывъ*). А може й третю?

Хома.

Та мабудъ не завадыть? (*Пье*) О, те-
перъ хочъ и ходимъ!

Вси.

Ну, нехай тоби Богъ допоможе чер-
виньцивъ скильки заробыть, якъ що впо-
добаеся панови сотныкови.

Свырыдъ.

Нашъ, панъ добряча душа и щедра,
абы тильки ему догодывъ.

Чередынкъ.

Якъ выдчытаеся благополучно, тоди
и насъ почаствуешъ?

Хома.

Можна буде! Налый-но ще одну, зем-
лячо! (*Выпывъ*) Колыбъ оце заразы му-
зыкъ, була-бъ закаблукамъ работа.

Де-яки.

Отъ людына, такъ людына!

Хома.

Э, гуляй! Музыкантивъ, неодминно
музыкантивъ!

Тавунщыкъ (*до чабана*).

Лаврине, ушкварь на сопильци! (*Ча-
банъ почына гратъ на сопильци, Хо-
ма танцюе, вси пидстивають*).

Хоръ.

Якъ-бы мени або сякъ, або такъ,
Якъ-бы мени запорожський козакъ,
Якъ-бы такы молодой, молодой,
За рученьку поводывъ-поводывъ!..

Зависа.

Дія 5-а.

*Велька кимната, перегорожена коллонами, за котрымы по середыни ро-
зипнута, чорна зависа, видкиля выдко труну, у котрій лежыть панна,
зъ бокивъ горять дви воскови свички; зъ одного боку лежыть на столи
товста книга, въ реминныхъ палатуркахъ.*

Ява 1-а.

Панны сусидки и нянька.

Панны.

Сумною звисткою, вмиль оголошеною,
На горе намъ прыйшлось тутъ зъявытыся,
Надъ подруженькою слизмы вымытыся,
У розцвитній доби смертью скошеною.

Нянька.

Чы ій воленьки не було
У роскошахъ пожить,
Чы ій доленьки не було,
У добри походыть?
Забагнулося чого—
Все зъявлялося,
Заманулося чого—
Все скорялося.

Панны.

Сумною звисткою и т. д.

1-я Панна.

Розскажи будь ласка, голубонько намъ,
Зъ чого таке лыхо зъявылося вамъ?

Нянька.

О, колыбъ я раницъ догадалася,
Що въ перивню вога закохалася,
Увесь свить-бы облитала я,
Зиллячка того прыдбала-бъ я,
Що видъ любощивъ видволожуе,
Видъ лыхыхъ людей васъ видхожуе.

1-я Панна.

Негаданне горе, несподиване!

2-я Панна.

И въ сны намъ про це не марилося!

Нянька.

Зкоилось, якъ на грихъ, це торикъ по
весни,
Зъ прощи, зъ Києва, мы вернулись,
Стала схнуть вона та жахатись у сні
И що Божій день билышъ задумуватсь...
Вже якъ немощна була, то призналася,
Що въ неривню вона закохалася.

1-я Панна.

Колы-бъ же знатте, де зилле те буяе,
Що серце дивоче пидъ розумъ скоряе?

Нянька.

И благала мене и наказувала,
Щобъ отцю я того не росказувала,
Тилькы-бъ воленьку іи уволныла я,
Щобъ подружечокъ преклоныла я,
Та щобъ каяльсь по ній,
По голубоньци мой!

1-я Панна.

Яка-жъ тяжка печаль лунае,
Въ твоихъ сумотнихъ словесахъ,
Нехай вже Богъ іи приймае
И дасть ій спокій въ небесахъ.
Ходимо-жъ, сплетемо ій винокъ
Изь найкрацыхъ пахучыхъ квитокъ!

(Пшли).

Я в а 2 - а.

Сотныкъ *(входе тлжко засмученый)*.

Чы е де у свити тяжчее горе
Надъ те невымовне, що встыгло мене,
Лютьця мои слезы, якъ ричка у море,
Душа у молитви до Бога лынэ;
А хто-жъ розибье тяжкую цю тугу,
Хто розгорюе, розваже мене?
Пшовъ-бы я вику дожыты до лугу,
Такъ старый... вже до земли мене гне!..
Охъ у одынци, якъ въ поли быльнцы,
Въ забутти безславному вику змарнувать,
Та найлютища, найтяжча годыпа
Въ яку нема кому й рады подать.

Я в а 3 - я.

Дорошъ и Хома *(входятъ)*.

Хома.

Велькоименитому панови
И привельможному сотныкови
Найныжче уклоняюся! *(Кланяется)*.

Сотныкъ.

Хто ты есы, и звидкы, и якого роду?
Та якъ и на имення, скажи, ты звуть?

Хома.

Изь бурсакивъ, азъ есмь рабъ Божий
Хома Брутъ!

Сотныкъ.

А хто, скажи, бувъ твій отецъ?

Хома.

Не видаю, вельможный пане.

Сотныкъ.

А маты хто була твоя?

Хома.

И матери такожь не знаю.
Звычайно, здраво розмышляя,
Повынна була буты й маты,
А хто вона була и звидкы,
Колы жыла и якъ—сказать
По истыни, то тежь не знаю.

Сотныкъ.

Колы ты познаемься, признайся,
Зъ мою безталанною дочкою?

Хома.

Не знаемьсь зъ роду-вику,
Вельможный пане, зъ панночкамы;
И скилькы не живу на свити,
Не мавъ николы зъ ными дила.
На вищо-бъ мавъ ихъ зачопаты?
Та цуръ имъ, по просту сказаты.

Сотникъ.

То якъ-же те намъ розтлумачить,
Що їй зхотилося призначить
Тебе, по ній псалтырь чытать?

Хома.

Господь-Богъ видае про тее.
Доводылось не разъ чувать:
Паны пидь часъ сплетуть такее,
Що й грамотниций не розвьяже;
Та й поговорка е така:
„Скачы, враже, якъ панъ каже!“

Дорошъ.

Я чувъ таку и видъ дяка.

Сотникъ.

Чы правду-жь кажешъ, пане хвылозохве?

Хома.

Та хай мене нечыстый вхопе!
Та що-бъ мене тутъ передъ вами
Небесный гримъ торохнувъ такъ,
Щобъ не зоставъ видъ мене й знакъ!

Сотникъ *(до неби очи зводе)*.

Его и власть и судъ надъ намы.

(До труны).

Колы-бъ ты, доню, довше прожила,
Я певенъ, що правда на верхъ-бы
сплыла.

Сказала: никому не давай чытаты,
А пошлы у Киевъ, ажъ до бурсы,
тату,

Щобъ привезлы бурсака, Хому Брута,
Хай молытця тры ночи по мени“.

Потимъ додала вже, нибы у снї:

„Винь знае!“ И очи закрыла.

Що знае?—Почуе могыла!

(До Хома).

А може постынкъ ты велькый,
Життемъ святымъ видзначывсь їй,

Чы добродійнымы диламы,
Що такъ вподобала вона тебе?

Хома.

Хто я? та я, вельможный пане,
Лышь непристойно говорыты,
Та я, вже ничого робыты,
Сказать вамъ безъ обынякывъ,
Я зъ найшкодлывшыхъ бурсакивъ:
Пидь четверъ страшный, у ничъ—
Забравсь къ бублейныци на пичъ....

Сотникъ.

Ну, годи, такъ призначено
Тоби съ сегодня почынать.

Хома.

Осмилюсь, вашеци, сказать....
Конешне, азъ емь чоловікъ,
Письму святому врозумленый,
По сорозмирности, то й слидъ
Чытать, егда письменный....
Тилькы на цей разъ, думка така,
Дьякона треба, або дяка—
Воны до цего презвычайни
И знаютъ обыходъ, якъ треба,
А я... Тай гласъ мій не печальный
И самъ я такъ... якась незгреба!

Сотникъ.

Ну, годи ка-зна що плескаты,
Що заповидано зроблю;
Заслужышъ—будешъ нагороду маты.

(Гризно)

А шуткувать я не люблю:
Пивсотни наганывъ зкоштуешъ зразу
Якъ не послухаешъ мого прыказу.

(Иде до труны).

Хома *(у бикъ)*.

„Пивсотни!“ Абы спына крипка,
Смашненька зъ часныкомъ утрибка!

Сотникъ (до жертвои).

Я не объ тимъ печалуюсь, моя дытно,
Що ты въ початку литъ веелыхъ, мо-
лодыхъ,

На горе и печаль покинула мене старого,
Найбільшь шкодю я, голубонько моя,
объ тимъ,

Шо въ викъ вже не впизнаю ворога того,
Котрый, въ пори твого квитчатого розвытку,
Тебе такъ люто вырвавъ изъ обіймищъ
жызны.

Колыбъ дизнався я, хто змигъ подуматы
Зневажыты тебе хочъ словомъ прыкрымъ,
То свидокъ Богъ, не вздривъ-бы винъ
своихъ дитей,

Якъ шо такый старый винъ, якъ и я,
Ни отця, ни неньки, якъ шо винъ юныхъ
литъ;

И тило его выкынуто було-бъ у степъ,
На покормъ птыци хыжій та звираци лютій...
Горенько-жъ мени, моя ты полева нагідко,
Зозуленько моя ты, моя ясочко;

Що прожыву мій викъ останній безъ утихы,
Втыраючи дрибни слизонькы полою,
Котри ричкою течуть зъ моихъ старыхъ
очей,

Тоди якъ ворогъ лютый буде веселытысь
Та зъ потання глумытысь надъ древнимъ
старцемъ.

Я ва 4-а.

Нянька и панны сусидкы (вносять
квиткы).

Панны и нянька.

На вичню розлуку тебе мы квитчаемъ,
Приймы ты останню видъ насъ послугу,
Квитчаючи тя, мы гирко рыдаемъ,
Въ тоби-бо теряемъ щыру подругу.
(Шоклавыи на труну квиткы вид-
ходяты),

Сотникъ (показуе Хоми мисце де
статы).

Тутъ мусышь ты псалтырь чытаты,
. А я пиду лысты пысаты,

Гостей склыкаты на ралець,
Дочку зряжаты пидъ винецъ!
(Пишовъ).

Хома.

Ну щожъ, тры noci видроблю,
Червиньцивъ жменю зароблю,
Жупанъ соби такый утну!..
Надъ кымъ чытатыму, а ну?
(Здалека дывытця на мертву).

Дивча, ще молоде, гарненьке,
А лычко нижне та биленьке!.. (Стива).

Та чы се жъ тая квитка полева, пахуча,
Що всю долыну роскишно скрашала,
Що витрець на неи холодный подунувъ,
Вона, й не розцвившы, раптомъ зовьяла?
Та чы се жъ той дубъ высоченный, шо
вчора

Могутно, роскишно та гордо буявъ,
А ныни вже винъ лежыть вверхъ корин-
немъ,

Бо налетивъ выхоръ и дуба зламавъ.
Такъ и твое, красе, юна дивчыно,
Житте молоде швыденько пройшло,
Вчора жыла ты, а ныни прахомъ стала
И имня зъ тобою у труну пишло!..
(Пидходе бльжче и пизнавши жа-
хається).

Видьма!... Зновъ вона, я пизнавъ ии...
О, Вышни сылы, захыстити мене!...
Хочъ очи ии нибы й закрыты,
Вона все-жъ дывытця такъ гостро!
(Прыдывляється).

А то шо? По щоци онъ потекла слеза,
То не слеза, то крапля кровы!
Та шо жъ це коитця и де я?
(Закрыва долонямы очи, помовчавъ).
А може то мени здалось,
Що то вона?... А вже-жъ здалось...
(Погляда зкоса).

Хочъ бы й вона, то вже жъ померла
И вже не ветане зъ домовыны,
Бо слова Божого боитця.
Худчий приймусь псалтырь чытаты..
Було бъ найкраще не дывытысь

И страху ниякого не було-бъ...
 Та чы справди-жъ я злякався?
 Серце стука въ перебий!...
 Це выпывъ лышню, черезъ те
 Мени й здалося не витъ-що!
 Мабуть не можна тутъ курыты?
 Оце зовсимъ вже не гараздъ.
 Якъ-бы курнуть и страхъ пройшовъ бы...
 Хиба понюхать тютюньцю?.

(Выйма папушу зъ кешени и нюха).

А добрый тютюнець, мицный!
 Ну що, якъ справди вона встане,
 Пидійметця та выгляне зъ труны?
 О, ни! *(Церельстуге)*. Видкиль почать
 чытаты,
 Лыбонь вже щось я й не збагну?!
 Ну що, якъ справди пидведетця?
 Щось хруснуло? *(Дывытця на жертву)*.
 Ба ни, лежить.

А що якъ визьме та й устане?

(Чутно спивають пивни).

Ага, онъ пивни вже спивають.
 Чы други вже? Колябъ ще трети,
 Тоди видьмамъ вже швандяты зась!

(Глянувъ на труну).

Га? що? Чыя то голова
 Зъ труны, неначе, выглядае?
 Пидводытця!... Лыбонь, встае!
 Уже выходе зъ домовыны!..
 До мене хоче прыступыты!..
 Швыдчъ заклянаніе втворыты!

(Обчиркуе себе навкругы).

Хрестъ на мени,
 Хрестъ на спыни,
 И зъ бокивъ скрызъ хресты,
 Хресты мене захысты.

Панна *(ставшы передъ труною, спива)*.

Прийды до мене, Хомо, хочъ на хвы-
 лynu,
 Я жъ вся до тебе, мылый, серденькомъ лynu,

Охъ, прийды, прийды, любый козаче,
 Душа моя наболилая вся по тоби плаче!

*(За лаштунками ныбы луною от-
 даеця остання стричка).*

Хоръ.

Душа моя наболилая вся по тоби плаче!

Хома.

Мени жаль ии и страшно!

Панна.

Я-жъ тебе, любый, обйму и прыголублю,
 Тоди тилькы спизнаешъ, якъ тебе люблю,
 Польшемъ зъ тобою до моеи хаты,
 А мои жъ-то хаты, роскишни палаты.

Хоръ.

А мои жъ-то хаты роскишни далаты!

Хома.

Серце умливае, розумъ мутніе!..

Панна.

Въ моиъ пидземниъ, роскишниъ царстви,
 Ты будешъ найпершый у всиъ госпо-
 дарстви,
 Ходимо-жъ, ходимо, мій любый, зо мною,
 Я буду тамъ вично твоею рабою!

Хоръ.

Я буду тамъ вично твоею рабою!

(Панна стае невыдыма).

Хома.

Ныбы спивъ той дывовынный лунае у
 хмари:
 Чы се мрія, чы се чудо, чы мара, чы
 чары?!

Чы усни все це, чы въ явъ?
 Мовъ заморокъ мене обнявъ!
 Затыхло... ну, пора чытаты,
 Увагъ ни на що не звертаты,
 То й пройде страхъ!

*(Чутно шелестъ, тихый гоминъ,
дали свистъ и трискотня).*

Лыбонь щось знову?

*(Вылита зъ за колоннъ труна и по-
чына зъ свистомъ лятаты по ким-
нати и надъ Хомаю).*

Труна и сонмъ пидземныхъ сыль,
Летючи мыши, упыри,
Кругомъ труны, вызу, въ гори!...

Я чую витерь видъ ихъ крыль,
Воны регочутця, шыплять,
Скрегочуть, квакають, свыстять,
Невпынно клацають зубамы,
Воны хотять мене пожрать?!
(Труна счеза за колоннамы).

Панна *(зновъ зъявляеться).*

Найпрудчого пошлите змя,
Хай приведуть скориче Вія!

Голосъ *(за лаштункамы).*

Гей, де ты, швидче, Фарнагія,
Царыця каже весты Вія!

Голосы.

Ведите: Вія, Вія, Вія!
(Панна зныка).

Хома.

Въ очахъ усе вже помутылось
И сердце бытись зупынылось...
Уста сципляе смертний страхъ!
Кого ведуть-то?

*(Упыри, видьмы, вороны, кажаны
и усяка чортовина навкругы Вія
встятця).*

Я в а 5 - а.

Вій.

Пиднимить вика, не бачу й стинь.

Хома.

У жылахъ кровь замѣрла...
Ахъ!

(Упыри пиднимають Вієви вика).

Вій *(побачивъ Хома).*

Берить, хапайте, осьде винь!

*Хома мертвый падае, инчи про-
валяютьця, инчи вылітають, инчи
выповзають).*

З а в и с а.

А П О Ч Е В О З Ъ.

*Межъ коллонами зависа пидіймаеться, тамъ, выдко панну, котра сидить
на вогненнимъ крысли, передъ нею на вколочкахъ стоить Хома, панна ему
передае атрибунъ власти.*

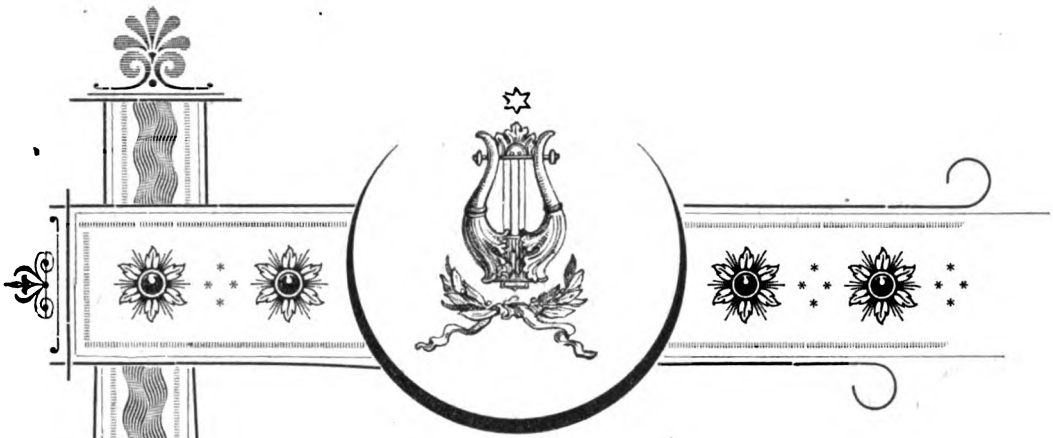
Хоръ духивъ.

Теперь намъ радистъ жаданна зъявилась,
Що наша царыця розвеселылась,—
Коханецъ зъявився передъ ии очи

И свитомъ засяявъ у царстви ночи!
Тьмо возлыкуй, отъ сна пробудысь,
Радисный гимнъ у пидземь несесь!..

З а в и с а.

НА РУИНАХЪ.

Комедія въ 1 діи.

ЛЫЦЕДІИ.

Рафаиль Владимыровичъ Смородына, молодой панъ, военный.

Прокопій Демыдовичъ Шклянка, землевладелецъ изъ дворовыхъ.

Параскева Мытровна, его жинка.

Хвеса, ихъ дочка.

Петро Михайловичъ Кулыкъ, сусида, землевладелецъ, изъ мужыкинвѣ.

Шлема Капланъ, швецъ.

Гершко Столяровъ, кравецъ.

Цфейферъ, немецъ-колонистъ.

Тыхонъ, изъ старыхъ слугъ.

Степка, молодой лакей.

Явдокымъ, дворовый.

Діетця въ сели.

Кимната дуже гарна, але нечепурна, по де-куды обидрани обои, по стинахъ замусляни и занехаяни картъны, плисень скривъ, павутыни, потѣкы, копоть... Мебель стародавня не зъ дешевыхъ.

Я в а 1 - а.

Смородына (*сидитъ край столу зъ газетою въ руки и зъ цыгарою; на столи пляшкы зъ выномъ*).

Нѣтъ ничего интереснаго и сегодня въ газетахъ. Какъ вчера такъ и нынче, каждый день одно и тоже: воровства, грабежи, убійства, ажіотажъ, крахи!... (*Устае и ходе по хатѣ*). Надоѣло до тошноты сидѣть въ этомъ захолустьи, болѣе двухъ недѣль свожу какіе-то нелѣпые счеты и никакъ не могу окончательно раздѣлаться съ остатками барскаго комфорта—съ разной наслѣдственной рухлядью, мебелью, экипажами и еще тамъ какимъ-то хламомъ.... За все время, что здѣсь сижу, только и видѣлъ раза два предводителя дворянства. Помѣщики—одни сдали имѣнья въ аренду и сами куда-то испарились, другіе—при помощи земельного банка, вылетѣли въ трубу,—вотъ какъ и я, третьи продали имѣнія крестьянамъ, либо кулакамъ.... И теперь весь этотъ районъ заполоненъ новыми землевладѣльцами, все бывшими кабатчиками, да прикащиками... А давно-ли, кажись, такъ весело, такъ беззаботно проводилось здѣсь время?... И вдругъ словно всѣ въ разсыпную и этотъ нѣкогда мирный райскій уголокъ превратился въ пустыню оскуднѣнія, въ пріютъ торгашей и барышниковъ.... Грустно, грустно!...

Я в а 2 - а.

Тыхонъ и Смородына.

Тыхонъ (*оглядаючысь*).

Панычу!

Смородына.

Что тебѣ?

Тыхонъ.

Чы правда тому, що вы видѣ насъ идете?

Смородына.

А ты и до сихъ поръ все сомнѣвался? Да, уѣзжаю! Уѣзжаю совсѣмъ и навсегда!...

Тыхонъ.

А имѣные-жъ якъ, а хоромы, а?...

Смородына.

Все это принадлежитъ теперь Прокофію.

Тыхонъ.

Та невже то правда? Де-жъ винъ таку сылу грошвы набравъ?

Смородына.

Объ этомъ слѣдовало-бы его спросить. А впрочемъ ему и не особенно много пришлось доплатить.... Покойный мой батюшка жилъ не такъ какъ въ настоящее

время должно жить, поэтому и надѣлалъ массу долговъ: сперва имѣнье заложилъ, потомъ перезаложилъ, а ужъ я прикончилъ... Ну вотъ Прокофій и купилъ его съ публичнаго торга.

Тыхонъ.

То це Прокошка стане тутъ панувать?

Смородына.

Да, теперъ онъ полновластный здѣсь господинъ.

Тыхонъ.

Ана вищо-жъ це вы такъ попустылы?

Смородына.

„На вищо?“ Я тоже не умѣю жить такъ, какъ должно нынче жить.... Такъ воно трапылось!...

Тыхонъ.

Гарна трапа! Я здавна такы постерегавъ, ще якъ Прокошка бувъ за отамана, а потимъ за ключника, пры покойному вашому папаша, царство имъ небесне,—щю винъ здорово ихъ обкрадавъ.

Смородына.

А слыхаль-ли ты пословицу: на то и щука въ морѣ, что бы карась не дремалъ?

Тыхонъ.

Щука? Ни, Прокошка це не щука, а гадъ. Отой самисенькій гадъ, щю кажутъ десь винъ у чужихъ земляхъ выплокуетця и пожера не жувавшы усяку звірыну и людуну.... Бувало панъ пошлють Прокошку за покупками, або звелять хлибъ продаты, то вже мы вси двирьски знаемо напередъ, щю винъ грошыкы переполовынеть....

Смородына.

Поздно ужъ объ этомъ трактовать!

Тыхонъ.

Кинецъ-бы то всёму? Стало быть воно такъ вызнача: котрый бувъ зъ розумомъ та безъ чести—тому теперъ пануванне; а котрый боявся краджкы якъ вогню—тому злыдни?... (Оглядаеця). Паньчу! Ну, а выно, котре здавна ще у лѣху зосталося, воно те жъ Прокошкыне теперъ?

Смородына.

Развѣ его тамъ много осталось?

Тыхонъ.

Та було чымало. Покійни ваши папаша ящыками его куповалы... А теперъ, мабуть, Прокошка его попереховувавъ. Такой не перехова?... Гадъ, однимъ льцемъ гадъ!... Якъ-же мы теперъ будемо безъ васъ?

Смородына.

Этого ужъ я не знаю.

Тыхонъ.

А я знаю! Теперъ воно кожному выдымо, щю я за те, щю не кравъ—зостався у дурняхъ!... Ловко? Не слидъ було зывать: честь заховаты у одну кешеню, а те щю плохо лежало—у другу!... Теперъ хочъ живцемъ пропадай!... Прокошка проковтне насъ, не жувавшы. Куды-жъ намъ теперъ?

Смородына.

Ты не знаешь куда вамъ, а я тоже хорошенько не знаю: куда мнѣ? Мы какъ будто на перепуты.

Тыхонъ.

Ни, на руинахъ! Але щю вамъ? Вамъ скрызъ шляхы простягысь.

Смородына.

Такъ воно тоби здаецця?

Тыхонъ.

Бо вы барынь!

Смородына.

Вотъ въ этомъ-то и... штука, что баринъ я!

Тыхонъ.

Отъ тоби и Прокошка, маладца!... Сокиль зъ мисця, а ворона на мисце? Тилькы не ворона, а достомитный гадъ!...

Я в а 3 - а .

Тижъ и Шклянка.

Шклянка (до Тыхона).

Ты чого сюды прыперся? Отъ-же я тоби сегодня такы шыю намылю! (*Смородына чыта газету*).

Тыхонъ.

Та я той... по дилови....

Шклянка.

Це такъ обкопуешъ дерева въ саду?

Тыхонъ.

Хиба то лакейска работа?

Шклянка.

Колы служышъ у мене, то робы все што звелю. Сегодня мени треба лакея, ты—лакей; а завтра пошлю тебе на инчу роботу: чы скоть пасты, чы свыней,—ты пастухъ.

Тыхонъ.

За ридныхъ панивъ цѣи моды зъ роду-вику не було, щобъ лакей....

Шклянка.

А въ мене моя мода. А не хочешъ скорятыся мойй моди, то убирайся зъ двору пидъ тры чорты!...

Тыхонъ.

Чы чуете, панычу? И уберусь!... Отъ визьму та зъ панычомъ и поїду.

Шклянка.

Ты такы панычеви и потрибный!

Тыхонъ.

А вже жъ што потрибный. Правда, панычу?

Шклянка.

Тамъ ще у Петербурси не бачылы такыхъ, якъ ты.

Тыхонъ (до Шклянки).

Згадаете Тыхона, якъ пизно вже буде, каятыметесь та не вернете. Якъ понаїздять на праздныхъ гости: хто имъ у васъ порадокъ безъ мене дасть?...

Шклянка.

Почны базикаць!...

Тыхонъ.

Лѳвки паны повылуплювалысь, што не тямлять кому де сисы и якъ яку страву исты—чы ложкою, чы выделкомъ?

Шклянка.

Абы було што исты, а способу доберуть; абы було де сисы. (*Сидает*).

Тыхонъ.

Подасы ёму шалхветку, а винъ нею носа сякае!...

Шклянка.

Иды, иды вже видциля!...

Тыхонъ.

Паньчу, визьмете мене зъ собою?

Смородына.

Нѣтъ, не возьму.

Шклянка (*регоче*).

А що, Тыхоне, поїхавъ покосомъ?

Тыхонъ.

Якъ що такъ, то я въ городъ подамся.

Шклянка.

Туды тобі й дорога скатеркою просалась. Иды та мерщій складай чаймайданы, щобъ на поїздъ не спизнявся.

Тыхонъ.

Ну-ну, дожились!... Отъ тобі и здрастуй: честь есть, а хлиба дасть Бигъ!... (*У бигъ*) Гадъ достометный, кракадывъ! (*Пшиовъ*).

Шклянка.

Цила юрба зосталась оціен наволочидармоїдивъ, нащадкивъ паньскои прымхы!.. Лизе до тебе у вичи, клянда, скимлыть, щобъ взяты ёго, хочъ за шматокъ хлиба... Пошкодіешъ его, визьмешъ, пидгодуешъ трохы, пиджывышъ, винъ заразъ и почне тобі теревени розводыты; а роботы ни якои зъ нѣго не пытай.... Оця гаспидська хабѣта и зныщыла панивъ, вона ихъ стрискала. Щобъ годуваты десяткамы о такыхъ лежнивъ, то треба-жъ маты мылліоны капыталивъ, та й тихъ не выстачыть!...

Смородына.

Ну, довольно!... Къ чему объ этомъ?..

Шклянка.

Не наравытця?... Вамъ все не наравлятця мон речи, а я, ей-ей, добра вамъ бажаячы....

Смородына (*пѣе выно*).

Кстати! Много-ли еще вина осталось тамъ въ погребѣ?

Шклянка (*у бигъ*).

Ага, ось про що Тыхонъ тутъ язычыть!... (*До него*) Де жъ тамъ выно те зосталось? Порожнихъ пляшокъ чымало е... Желаете хйба пляшкы порожни забраты?... А вына, лыбонъ, одна чы дви пляшечкы?... По правди кажучы, не додывлявся гараздъ, бо якъ воно мене не цикавыть...

Смородына.

Что же покупщики мебели не являютя?

Шклянка.

И мій совитъ продать-бы вамъ найскорій мебули та окопажи...

Смородына.

Да я объ этомъ только и хлопочу!

Шклянка.

А що я вамъ посоветую?...

Смородына.

Что такое?

Шклянка.

Якъ сберутця куповаты ваши мебули и усяки прычандалы... Хочъ воны ти мебули мени зовсимъ не потрібни...

Смородына.

Ты и не покупай.

Шклянка.

Стрывайте-бо. Кажете: „не покупай!“ а ежелы купыть хочетця? Мовлявъ: и хочетця и колетця... Ну, якъ и мы звынемо сыдиты на мянкому, то на тверде

чы скортыць сiсты? Це-жъ все ривно, .
що пiсля солодкаго гирке iсты? У мене жъ
до того ще й натура чудна якась: якъ
тыльки сивъ на мняке, кортыць заразь и
лягты; а якъ чоловикъ ляже, то чы довго
ему й заснуты?... Може черезъ те и
паны зъ де бильшого таки вутли та мляви
до працы, що вони звыклы все на мня-
кому сьдiты?..

Смородына.

Но къ чему эти разглагольствованiя?

Шклянка.

Якъ то къ чому? Чувалы вы про
Макущенка?

Смородына.

Что про Макущенка?

Шклянка.

Ось послушайте. Якъ купывъ винъ у
господына Бугаевского землю зъ хоромамы
та зъ мебулямы, то заразь такъ и зпан-
тельчывся....

Смородына.

Мнѣ же какое дѣло до какого-то Ма-
кущенка?

Шклянка.

„Каково-то?“ О, ни, вы такъ не
кажить!... Макущенко зовсимъ не *какой-
то!* Винъ чоловикъ именьтѣй, мало не
шисть тысячъ десятинь земли мае. Ачъ
що кажутъ: *какой-то?*... То чоловикъ
зъ великимъ розумомъ и зъ несчислен-
нымы копыталамы. Випъ изъ лакеивъ, а ма-
ло вже не въ дворяне выперся!... Вы-бъ
подывылысь скильки у него медаливъ та
ордеривъ!... Отъ тоби и „какой-то!““

Смородына.

Ну и преклоняйся предъ нимъ, если онъ
тебѣ такъ нравится, а мнѣ-то что-же?...

Шклянка.

Стрывайте-бо. Теперыча винъ почавъ
у картъ грать, выно пыть загрынышне и
ажъ двi кгазеты получае!... Накупывъ
дочци хартиплянивъ; а сынивъ—одного
у охвыщеры хоче призвесты, а другого
лагодыть до гимназиi... Такъ якъ вы объ
цѣму полагаете?

Смородына.

Да мнѣ то какое дѣло до него?

Шклянка.

Якъ по вашому розсужденiю, чы сли-
дуе такъ?

Смородына.

Слѣдуетъ-ли такъ дѣтей воспитывать,
какъ онъ, что-ли?

Шклянка.

Именно.

Смородына.

А по твоему надо, что бы изъ доче-
рей выходили кухарки, а изъ сыновей
свинопасы. Такъ, что-ли?

Шклянка.

Хочъ и не зовсимъ такъ, но почты....
Мое понятые, штобъ жинка першъ усѣго
знала якъ зварыты страву, якъ сорочку
пошыты, якъ хату опорядыты.... А до
хвыгливъ-мыгливъ можна призвычаятысь
и описля, бо то не хытра штука.

Смородына.

Ну вотъ и дай совѣтъ твоему име-
ниту Макущенку, что бы и онъ твоей
методы придерживался.

Шклянка.

Стрывайте-бо. Выдыте, скильки я не
прывывлявся до пань, та до панночокъ,
то постеригъ, що вони точно моды усяки

чудесно понимаютъ; ну, до хазяйства, або до господарства, такъ и зовсимъ не зугарни. Черезъ те, на мою думку, якъ тилькы трохи-трохи, мовлявъ, похытнетця дило, вони заразъ падають духомъ, умливають, та ногамы пацають.... Отъ, ихъ заразъ и спобигае скоропостыжне розореные и злыдни!... И зновъ чоловікъ, котрый вмитыме свыней пасты, такъ той знатыме цину кожній денежци.—Чы такъ я розсуждаю?

Смородына.

Ахъ, если-бы ты только зналъ, какъ ты мнѣ надоѣлъ ужъ своей философіей?

Шклянка.

Справди? А я желавъ-бы зъ вами бысидувать якъ найчастыщъ...

Смородына.

Сдѣлай мнѣ, пожалуйста, одолженіе, пошли ты сейчасъ чоловіка за жидами, покупщиками мебели, потому что я, кажется, скоро тутъ съума сойду.

Шклянка.

О, нехай Богъ боронить!... Я вже посылавъ, ще вчера посылавъ, у мистечко за жыдами, а сегодня сповистывъ сусидивъ и тутъ одного нимця-колониста.

Смородына.

Поскорѣй-бы продать все это и уѣхать.

Шклянка.

И уіхать? Ловко!... Стало, быть безъ послидствій?

Смородына.

Что такое?

Шклянка.

Ничого.... То я такъ обмовывся. Уізжайте, уізжайте!...

Смородына.

Объясни пожалуйста!

Шклянка.

Що-жъ тутъ объяснять? Ежели безъ некоторыхъ послидствій, такъ треба скорій вамъ іхать.... И кстаты незабаромъ прыспіють жныва, а тамъ и молотба... Мени знадоблятця кимнаты, у котрыхъ вы жывете... Вымбаривъ у мене нема, всего одынъ—куды я зъ хлибомъ подинусь? Ваши покійни папаша все хвыгели на-строювали, щобъ було де гостей прийматы, а про вимбари не пеклувались.... Хлибця у мене, дякуваты Господеви, вродыло доволи, абы спроможнисть убраты ёго въ свій часъ. Такъ я ршывъ половыну дома зайняты пидъ зерно.

Смородына.

Ты барскій домъ намѣрень въ амбаръ превратить?

Шклянка.

А що-жъ цармонытысь зъ нимъ? Я вже зъ хвыгыливъ хливы перероблюю. Покійный барынъ, такъ бувало ще хлибъ на пни стоить, якъ вони вже ёго увесъ продадутъ, а намъ спишыть продавать ёго ничого, нехай лежить докы цина пидросте; въ загрыныци мы не хапаемось и въ Петенбурхы не вчащаемо...

Смородына.

Да, да! И умно поступаете, вы лучше насъ умѣете жить.

Шклянка.

Ни, ще не зовсимъ навчылись, але стараемось. О, то наймудрища навука, умиты жыть!

Смородына.

Ты кстаты и паркъ ужъ сруби?

Шклянка.

Це вы розумный советъ даєте: зрубаю и паркъ! Намъ у проходку ходить нема часу, та й доки ти дерева ростымутъ?

Смородына.

Такъ, такъ. практично; а что практично то умно... Ты о какихъ-то послѣдствіяхъ намекнулъ.... Что это за послѣдствія хочъ я понять?

Шклянка.

Значыть жалаете, щобъ я откровенно?.. Можно и откровенно. Будемо мы такъ розсуждать: я пры семействі, а вы квалеръ....

Смородына.

Ну-ну?

Шклянка.

Такъ я на щоть женскаго положенія...

Смородына.

Что-же это за женское положеніе?

Шклянка.

Не хытруйте, паньчу!... Бачу я, що вы добре розуміете, куды воно йде?...

Смородына.

Послушай, Прокофій! Ты хочешъ меня вывести изъ терпѣнія?...

Шклянка.

Невже вамъ не ясно? Та це-жъ кожному ясно, такъ ясно, що й присвичувать не треба!... У мене одна дочка, друга, третя...

Смородына.

Ну, такъ что-же?

Шклянка.

А люде.... Кто людямъ зможе затулыты рота? Одному не успіешъ затулыты, якъ вже десятеро роззявлять.... Намъ-же на вищо це?

Смородына.

Да что такое „це“?

Шклянка.

Значыть, я про усяки *морали*... Кольсь тамъ вы, походячы по садку, зачепылы мою старшу дочечку, Хвесю.... Розмовлялы зъ нею, чы пожартувалы?... А люде постерегли и почалы язычыты.

Смородина.

Вотъ что? Это.... Это ужъ совсѣмъ ново для меня!...

Шклянка.

Язычество? Не дывуйтеса!... У насъ ихъ сыла сыльна тихъ язычниківъ, бо то таке зилле, що безъ посіву родыть. Такъ кажу, почалы язычыты, чы по вашому сплѣтнычатъ; а теперь вже галять, що нобы-то вы думаете свататы Хвесю.

Смородына.

Я!... Да съ какой стати?

Шклянка.

Га? Нема икстаты?... Бачыте, отъ воно и выходыть, що безъ послідствій.... Понимаете теперь?

Смородына.

Увѣряю же тебя, что я никогда и не думалъ жартовать съ твоей дочерью!..

Шклянка.

Вамъ, звисно, воно шуточкы, а намъ... Бачыте теперь сами, що вамъ вже нобы и не зручно тутъ засыжуватъсь.

Смородына.

Это, какая-то сплетня, наглая ложь!...

Шклянка.

Ну, що-жъ, ежелы выдрикаетесь, то идьте собі зъ Богомъ!...

Смородына.

И кто это могъ такъ истолковать мое поведеніе, по отношенію къ твоей дочери?

Шклянка.

Що дочка моя не пры воспытаніи и малограмотна?... За те вона многоденежна! Я те жъ малограмотный, одначе и господынь справныкъ зо мною прыятельствуютъ и въ гости до себе запрошуютъ и господынь земскій началныкъ садовлять мене у гостыній... А згодомъ, може дасть Богъ, що я и у губернатора сыдитыму за обидомъ? Макущенко хвалывся що вже сыдивъ не разъ.

Смородына.

Да пусть онъ сидитъ хоть и у министра, мнѣ до этаго дѣла нѣтъ!... Но мнѣ обидно даже, что какой-то сплетникъ!...

Шклянка.

Гордуйте сколько завгодно, а на рѣшты сами колысь переконаетесь, що за гришмы далеко теплицъ дыхаетця, нижъ за грамотностью.

Смородына (*не слуша*).

Вѣжать отсюда поскорѣй!... Да что-жъ это покупатели и до сихъ поръ не ѣдутъ? (*Пишовъ до вѣкна и дывытця*).

Шклянка.

Значыть рышительно безъ послидствій?.. (*Помовчавъ*) А я вамъ скажу ось якъ. Ежелы вже на те пишло, то дило но

стало-бъ за тимъ щобъ хочъ и въ перву гильдю запысатысь... Купецьки-жъ дочки выходятъ замижъ и за вченыхъ и за князивъ?..

Смородына (*шука въ кышеняхъ*).

Гдѣ это мой портъ-сигаръ? Эй Стѣпка! Гдѣ этотъ дуракъ? Вѣчно каналья уходитъ куда-то!... (*Пишовъ въ боковы двери*).

Шклянка (*въ слидъ*).

Такъ ты такой? До тебе зъ Богомъ, а ты зъ рогомъ?.. Ачь, дворанынь, грамотій! Ваше высокоблагородіе!... А исты чы е що у высокоблагородія? Бачъ, злыдень, а кырпу до горы пидійма. Я жалавъ тебе наградыть, а ты... Идъ къ бисовому батькови! Я знайду своимъ дочкамъ и полковникивъ, а може и генераливъ!...

Я в а 4 - а.

Параскева Мытровна и Шклянка.

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Ну, що старый?

Шклянка.

Скільки вже разивъ прохавъ я тебе, щобъ ты не звала мене *старымъ*? У нашимъ становищи не звычайно обиходытысь по простому...

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Колыжъ звыкла... Думка сказаты такъ, а языкъ визьме та й белькне по своему.

Шклянка.

Колы на панивъ закандзюбылись, то слидъ и панськихъ звычайивъ ужываты.

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Та звиспо безъ прымхивъ не можна; але якъ воно ще недавно, то...

Шклянка.

Що-жь упоралась?

Параскева Мытр.

Позлывала зъ пляшокъ у бочонки били вына вси у одынъ бочонокъ злыла, а червони у другый.

Шклянка.

О такъ безпечнице... (*Показуе очыма на кимнату, куды пишовъ Смородына*). А то опаска брала, щобъ не довидася.

Параскева Мытр.

Якъ вже наповныла бочонокъ зъ червонымъ, такъ одна пляшка ще зосталася, а я взяла та й вылыла ии у биле.

Шклянка.

Все ривно выно. А чы воно биле, чы червоне, чы червонувате, то однаковисенько на скусъ...

Параскева Мытр.

А вже-жь, абы выно. Ну що-жь старый, чы то пакъ. Що, мій другъ, балакавъ ты зъ Рахваломъ?

Шклянка.

Зъ Рахванломъ-бо.

Параскева Мытр.

Та все ривно.

Шклянка.

Пиды ты зъ нымъ побалакай.

Параскева Мытр.

Якъ? Що?

Шклянка.

Не туды Рахвалъ дывытця... Безъ никоторыхъ послидствій.

Параскева Мытр.

Хиба?

Шклянка.

Бо винъ дворанынъ, высокоблагородіе!...

Параскева Мытр.

Ачъ, злыдень, обшарпанецъ!... То чого жъ ему тутъ и засыжуватись, швыдчъ его здыхайся!...

Шклянка.

Ученый, воспытаний!...

Параскева Мытр.

Не вмила, капостна дивчына, привабыты, не вмила. Зъ лыця якъ и я вда-лася, та натурою зовсимъ не въ мене. Онъ якъ я була колысь!...

Шклянка.

Краще не згадуј про минуле.

Параскева Мытр.

Чому?

Шклянка.

Якъ воно теперъ безъ никоторои надобности, то на вищо-жь згадувати?

Параскева Мытр.

Ты й досы може ревнуешь?

Шклянка.

Пустяковыну провадышь...

Параскева Мытр.

Не по батькови, якъ бачу, и Рахвалъ пишовъ.

Шклянка.

Ще-жь такы? Отъ уже того я не терплю!...

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Бувало покійнычокъ у зальцяни ка-
же мени: „хочешъ Паша, я розведу тебе
зъ Прокошкою и самъ оженюся на тоби?..“

Шклянка.

Оцёго-то вже николи винъ не казавъ!..

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Хрестъ мене побый, що казавъ. Щобъ
я до завтрёго не дожыла, колы не казавъ!..
Не вирышь?..

Шклянка.

Ой, гляды! Покара тебе колы небуды
Господь за те, що о такъ за дарма кля-
несся, и не зоглянесся, якъ покара.

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Пыпоть тоби на языка!..

Шклянка (*усмихається*).

А що, злякалась? Иды вже, бо онъ
Рахвиль вертається сюды.

ПАРАСКЕВА МЫТР.

А ну, прыревнуй ще до Рахвала!..

Шклянка.

Що це на тебе сегодня найшло?

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Не наравытця?... Ну, годи, мій другъ,
то я пошуткувала.... Не вмила, канальска
дивчына, прывабыты, не вмила!.. (*Шила*).

Я в а 5-а.

Смородына (*входе*).

Можетъ быть покупщнки сегодня и
не явятся?

Шклянка.

Чого-бъ имъ не явытысь? Являтця!..
Такъ я зъ мебулямы ось якъ обмиркувавъ...

Смородына.

Что нибудь новенькое? Порадуй?

Шклянка.

Хочъ вы зъ нами безъ некоторыхъ
последствій, але мени шкода, буде якъ
жыды, або други покупщыкы, обдурять
вась на мебуляхъ...

Смородына.

Будто?

Шклянка.

Вирьте совысты!... Такъ я согласенъ
ось якъ. За кожную вещь, котру жыды у
вась выторгують; я гривенька на руб-
лыкъ набавляю и нехай краще ти мебули
туть зостанутся...

Я в а 6-а.

Ти жъ и Степка.

Смородына.

Послушай ты франтъ, ты гдѣ это вѣчно
пропадаешь?

Степка.

Положымъ, што хрантъ, ну толькы у
меня сапогы не въ рантъ и жылетъ не
пике и носъ не въ табакѣ...

Смородына.

Что такое?

Степка.

Ну-да. И голова не въ салѣ, и не
хожу по залѣ.

Смородына.

Ты кажется пьянь?

Степка.

А ежели и такъ?... Тамъ жыды при-
ѣхалы.

Смородына.

А, наконецъ-то!...

Шклянка.

Такъ вы согласни на мое розсужденіе?..

Смородына.

Да... Хорошо!... (*До Степки*) Зови жидовъ!..

Шклянка.

Я самъ ихъ покличу. (*Пишовъ*).

Смородына.

Ты это по какому же случаю надрызгался?

Степка.

По самому торжественному.

Смородына.

Мнѣ это, милый, не нравится.

Степка.

Какъ угодно. Вы пожалуйста мнѣ рачетъ, потому что я больше служить не согласенъ.

Смородына.

Это почему?

Степка.

Не имѣю согласія.

Смородына.

Да почему-же?

Степка.

Потому какъ каждой чаловекъ ищеть хвундамента своего и какъ я хвундаментъ отыскавъ...

Смородына.

Какой фундаментъ?

Степка.

А такой. Што прежде, значить, я былъ по книжному говоря: безхворменной субъектъ, а теперъ найшоль я якорь спасенія... Ежели чаловекъ найдетъ свой хундаментъ, либо якорь спасенія, то тутъ ему надобно и вхопытца обома руками и сейчасъ невыдымо и домъ на томъ хундаменти возростеть.... Такъ и книга Соломонъ-Мартынъ Задека пророчествуить. Втикать отъ своего таланту — развѣ я какой сумешедчой дуракъ?...

Смородына.

Въ комъ же это твой хундаментъ?

Степка.

У Магдалыни Мытровни.

Смородына.

Вотъ такъ убилъ бобра! (*Сметця*).

Степка.

Што вона сколько нубудъ рябувата, такъ ета катастрохва провозшла у нее опосля того, какъ вона була клюшныцей у одного барына; и ногу ей одну, не въ мою миру, звело видъ оспенной боллизни позаторикъ...

Смородына.

Да она же старуха?

Степка.

И на ето я безъ вниманія!... Главное дѣло дви тысячы рублыковъ, готовенькихъ. Штожь мени отнять у неё, чы какъ?... Тепера какъ вона сестра тутошней хазяйки, то я смѣло могу поступыть за прыкащыка до Прокопыя Демьдовича, разви не прямой ращотъ?

Смородына.

И ты рѣшилъ ужъ это безповоротно?

Степка.

Даже уже и поблагословылись. То ись, признаюсь вамъ, барынь, какъ увыдавъ я у неѣ капиталы, выняла вона ихъ, значыть, изъ сундучка и такъ вотъ показуе мени, такъ верыте, меня неначе лыхорядка затрусуда.... И такое у мойй голови упрямое согласіе зъявилось: либо убыть ии, либо женыця!... Тольки на штожь убывать? Ето, кажетця, и гриховно и безъ надобности?...

Смородына.

Хорошь ты, какъ вижу, гусь!...

Степка.

Што жъ, я жалаю быть капиталнымъ чалавекомъ.... Вы мнѣ, барынь, сегодня пожалуйте и ращотъ.

Смородына.

Сегодня?

Степка.

Да, безотложно!... Потому што завтра мы и до винця, штобъ все дѣло скоропостыжно...

Смородына.

Хорошо.... Поди-ка узнай, почему это жиды такъ долго не идуць?...

Степка.

Барынь! А вы можете быть у меня за шахвера?

Смородына.

Нѣтъ.... Я, вѣроятно, сегодня къ ночи уѣду отсюда.

Степка.

Жалко!... Придетця отыскувать другого какогось порядочного шахвера.... Вотъ тыбъ и „вопросъ, почему ходышь бось!“...

А отвѣтъ: „сапоговъ нѣтъ!“ Неприятная иллюстрація!... (*Дшшовъ*).

Смородына.

Всѣхъ обуяла страсть къ наживѣ, всѣхъ заповолнилъ капитализмъ, всѣхъ до Степки включительно!... (*Ходе по кимнати*) Однако куда-же я отсюда поѣду? Въ Петербургъ? Но туда безъ денегъ нечего и носъ показывать; а денегъ нѣтъ и въ перспективѣ никакого наслѣдства не предвидится. Скверно, глупо, обидно!.. Ужь не записаться-ли мнѣ и впрямь кандидатомъ въ земскіе начальники? Предводитель кстати совѣтываль... Мы съ нимъ въ какомъ-то родствѣ, онъ долженъ хлопотать обо мнѣ... Да неужто-же и въ самомъ дѣлѣ я не поѣду въ Петербургъ? Увы, увы!... Развѣ я смогу продолжать службу на какіе нибудь 50 рублей въ мѣсяць? Это не мыслимо!... Прощай Петербургъ!... Прощайте товарищи лихіе, друзья беззаботные, собутыльники безшабашные!... Прощай Палкинъ, Кюба, Акваріумъ, Аркадія!... Прощай цыганка Соня!.. Ахъ Соня, Соня!... (*Насписуе*) „Ночи безумныя, ночи“... (*Помовчавъ*). А интересно-бы на всякій случай освѣдомиться, сколько-бы Прокофій далъ за своей Хвесей? Вѣдь Хвеса не дурненькая собой!... А состояніе Прокофія, говорятъ, и въ триста тысячъ не упрячешь... Даль-ли бы онъ тысячъ сто за Хвесей? Сто тысячъ, вѣдь не дурно!... Даже хорошо, очень хорошо!... Тогда можно и Петербургъ навѣститъ и Аркадію и Соню!...

Я в а 7 - а.

Смородына и Хвеса.

Хвеса.

Папаши тутъ нема?

Смородына.

Сейчасъ былъ.

Хвеса.

Уізраете?

Смородына.

Да, пора ужъ, загостился я у васъ.

Хвеса.

Хочъ-бы подарували мени шо небудь на пам'ятку?

Смородына.

Что же вамъ подарить? (*На бикъ*) У нея очень не дурной профиль! (*До неи*). Ну, вотъ, хотите, я подарю вамъ коммодъ, или другую вещь?..

Хвеса.

Коммодъ? Винъ-же не дешевый!..

Смородына.

Такъ что же?.. Возьмите его себѣ.

Хвеса.

Спасыби. Отъ пам'ятка, такъ пам'ятка. Куды жъ вы уізраете?

Смородына.

Да, вѣроятно въ Петербургъ. (*На бикъ*). Она очень миловидна!.. (*До неи*). А вы бы не хотѣли, чтобы я отсюда уѣхалъ?..

Хвеса.

Хиба я могу вамъ заборонить?

Смородына (*на бикъ*).

Покрасѣла. Какъ хороша въ ней эта стыдливость!.. (*До неи*). Но вы бы не были противъ того, чтобы намъ... что бы намъ почаще видѣться?

Хвеса.

На вицо?

Смородына (*на бикъ*).

Какъ она наивна! Да это одинъ восторгъ!.. (*До неи*). Какъ это: „на вицо?“

Хвеса.

Хиба я ще на васъ не надывылася?

Смородына.

Какъ? Но, но, скажите, я нравлюсь вамъ?

Хвеса.

Мени такъ николи и въ думку не впадало.

Смородына.

Отчего же? Ну, а что если-бы... если-бы я сдѣлалъ вамъ предложеніе?

Хвеса.

Яке предложеніе?

Смородына.

Если-бы посватался за васъ?

Хвеса.

Попробуйте прислать старостивъ, побачите якого гарбуза вчеплю имъ, що й не дотягнуть!..

Смородына.

Что такое?

Хвеса.

Ось присылайте, лышень, старостивъ!

Смородына.

Вы, вы... А развѣ у васъ есть уже женихъ?

Хвеса.

Вамъ про те не слидъ знаты.

Смородына.

Вотъ что?.. Но вашъ отецъ...

Хвесья.

Хотивъ бы, щобъ я за васъ пишла замижъ? Чула я це вже двадцять разивъ!.. Мало чого отцevi не схотилося бъ, такъ я жъ маю свою волю.

Смородына.

Значить, вы не желаете быть дворянкой, барыней?

Хвесья.

Мало бъ чого кому не зхотилось, такъ хотій же не выстача. Яка зъ мене була бъ дворянка, чы барыня? Зверху панство, а въ середини—хамство; про людей—тыхо, а про себе—лыхо?!..

Смородына.

Вы, вы совсѣмъ не похожи на... многихъ!.. Вы такъ трезво смотрите... Да, вы съ характеромъ... Мнѣ кажется, что я могъ-бы полюбить васъ!

Хвесья.

Колы до цѣго часу не полюбылы, то вже на дали не варта и сподиватысь.

Смородына.

Я теперъ только обратилъ на васъ вниманіе и вижу, что вы далеко не то, чѣмъ я воображалъ васъ... Серьёзно!.. Васъ нельзя не уважать... не полюбить!..

Хвесья.

А я васъ николы не полюбыла-бъ.

Смородына.

Благодарю за откровенность. Это почему же?

Хвесья.

Не знаю почему!.. Вы не до души мени? Окримъ того, вы вже й стари за для мене...

Смородына.

Старъ? Да мнѣ всего 30 лѣтъ.

Хвесья.

Хиба-жъ не стари? У насъ такого дохожалого парубка дядькомъ дражнють... Ондечкы у васъ и голова лысіе!.. А вже жъ дядько!

Смородына.

Ну, вы ужъ слишкомъ щедры на комплименты...

Я в а с - а.

Тимъ и Шклянка.

Шклянка (до Хвеси).

А тебе маты гукае, тамъ муку привезлы зъ млына, треба переважыть и запысать.

Хвесья.

Заразъ иду. Папашо! Мени Рахвалъ Владимыровичъ, спасыби имъ, подарувалы отой коммодъ.

Смородына.

Да, да, возьмите его себѣ!..

Шклянка.

Бачышь, дурочко, яки вони до тебе добреньки; а ты певно и подякуваты не тямышь до ладу?

Хвесья.

Чого жъ-бы то я була така незвычайна? Я ихъ подякувала, ось спытайте!..

Смородына.

Да, да!.. (До неи). Я надѣюсь, что мы съ вами останемся друзьями?

Хвесья.

Якъ це такъ.

Смородына.

Вы не будете меня лихомъ поминать?

Хвеса.

За вищо-жъ? Охъ, треба бигты, а то мама лаятумуть. (*Хутко пишла*).

Шклянка.

Про вищо вы тутъ зъ нею розмовлялы?

Смородына.

Да такъ, вообще... Я долженъ тебѣ сказать, что она весьма не глупая дѣвучка.

Шклянка.

Та ий и ни въ кого було вдатесь дурною! Стрывайте жъ-бо, щоты я й забувъ прынести, а покушчыкы вже йдутъ. (*Пишовъ*).

Я в а 9 - а.

Ти жъ, Шлема и Гершко.

Шлема.

Вотъ и ми! И Гершки Столяровъ иждесь!..

Гершко.

Мое подценіе! (*Простяга руку Смородыни*). Не признаете мине?.. (*До Шлемы*). Вони, кажеця не признаютъ мине?.. Вдивительно, га? Сколькы разовъ шиль кастюмчикъ, какъ вы били отаково исцо клейне дытю.

Смородына.

Ахъ, помню, помню! Ты всегда портилъ мнѣ платье и отецъ часто трепалъ тебя за пейсы.

Гершко.

Ну, што било шкверного, зачиво споминать? Луче всегда хорошиво споминать... Какъ жарко на въздыхъ... Можно стаканъ вино?

Смородына.

Пожалуй, пей!

Гершко (*налива и пье*).

Хорошиво вино! Я люблю хорошиво вино...

Шлема.

Каково можете имѣть необходимость отъ насъ? Вы присылали мужикъ за нами, га?

Смородына.

Я мебель продаю... Но васъ пока только двое?

Шлема.

Это ницево, ми и два можимъ хорошиво деньги давать.

Смородына.

Авось кто нибудь еще явится?

Гершко.

Я буду обсматривать мебель. (*Пишовъ въ бокови двери*).

Шлема (*оглядается*).

А разви, звините, этотъ Прокошки, этотъ грабительныкъ, машельникъ, та онъ исцо не вшево у васъ обграбиваль?

Смородына.

Я этихъ разговоровъ терпѣть не могу!

Шлема.

Звините. Я только хотѣлъ вамъ исказать, што какъ мой папонькы, которій биль большущиво прыятель изъ вашего папашу...

Смородына.

Не выдумывай, пожалуйста!

ШЛЕМА.

Побей мене въ душу Господь! Ваши папаша та они такъ аважали моево папоньку, што дай Богъ мине такечки!.. Моего папоньку школьки разовъ хотѣли брать увъ пашессіи имению, у вашиво папашу, ну тольки этотъ шарлатанъ, халамыдникъ Прокошки...

СМОРОДИНА.

Замолчи!.. Я не хочу тебя больше слушать.

ШЛЕМА.

Я молчу!.. Я молчу, но тольки я долженъ говорить... Когда этотъ паскидникъ, хамулы, онъ изъ мене кровь смокчить, то зачиво я не могу изъ него кровь смокчить, га?..

Я в а 10-а.

Ти жь, Шклянка зь щотами и Гершко, зь боковыхъ дверей.

ШЛЕМА.

А, Прокопій Демидовичъ, какъ вашево здоровли?..

ШКЛЯНКА.

А тоби на вищо?

ШЛЕМА.

Ну, жвесно!..

ГЕРШКО.

Прокопій Демидовичъ уше шуткують?..

СМОРОДИНА.

Ну-сь, господа покупатели?

ШЛЕМА и ГЕРШКО.

Что таково?

СМОРОДИНА.

Да вотъ относительно мебели?

ГЕРШКО.

„Относительно мебели?“ Шлеми, ты видиль относительно мебаля?

СМОРОДИНА.

Я продаю всю мебель, что здѣсь и тамъ въ тѣхъ комнатахъ, кромѣ вотъ того коммоды.

ШЛЕМА.

А почему „кромѣ вотъ того коммоды?“

СМОРОДИНА.

Онъ подаренъ мной.

ШЛЕМА.

Слишишь Гершки: „онъ подаренъ мной!“ Хорошій камодъ!

ГЕРШКО.

Хорошій камодъ.

СМОРОДИНА.

Затѣмъ: картины, драпри, зеркала...

ГЕРШКО.

Шлеми, слышишь? Они продають: картины, драпри, зеркала...

ШЛЕМА.

А камоды не продають.

ГЕРШКО.

Они говорають: „онъ подаренъ мною“.

ШЛЕМА.

Превосходнаго камодъ!..

ГЕРШКО.

Што нибудь особеннаво!.. А Прокопій Демидовичъ не купують: мебаль, картины, зеркала?..

ШКЛЯНКА.

Воно мени безъ надобности.

Гершко (до Смородины).

Вы позволяете обсматривать: мебаль, картины, драпри, зеркала?...

Смородына.

Ты ужь разь осматриваль?.. Ну, осмотри еще. (Показуе рукою у другу кимнашу).

Гершко.

А тоть камодь не продаете?

Шлема.

Отличнаго камодь!.. Это што нибудь аособеннаво.

Гершко.

Ну они гово́ратъ: „онъ подаренъ мною“.

(Гершко и Смородына одійшли у бокови двери).

Шлема.

Прокопъ Демидовичъ! Вы не будете намъ мишать куповать?

Шклянка.

Видчепсы ты видь мене! На бисового-батька мени ти небули?

Шлема.

Я знаю, вы благородново человекъ. Я вшегда гавару: нема у насъ у вся акружности таково благородново, якъ Прокопъ Демидовичъ!..

Шклянка.

Справди?

Шлема.

Не верыте? Какъ цесный человекъ!..

Шклянка.

И я скризь тобою хвастаюсь, кажу, нема у насъ на всю округу такого, якъ Шлема Капанъ, мошелныка.

Шлема.

Вше ви шуткуете, хай будете здорови.

Шклянка.

Та шуткую-жь. Чуешь ты, чортивъ свате! Вы Рахванлови великой цины не давайте за небули. Ты прыдывсы до ныхъ гарненько: хочь воны и червоного дерева, або горихового...

Шлема.

Уй, червоново, не можетъ быть? (Обгляда крисло). Побей мене въ души Господь, это антыкъ...

Шклянка.

Якый антыкъ? Дешевше купыте, бильшый барышъ матымете. Тутъ якъ дизнаетця Макущенко та приближить...

Шлема.

Уй, нехай винъ краще не приближить!.. Это грабытельныкъ, халамыдныкъ!..

Шклянка.

Рахванль прохавъ, шобъ я за нимъ пославъ.

Шлема.

Ну и што же?

Шклянка.

Та ще не посылавъ, а мабуть оце заразь пошлю.

Шлема.

Не треба!.. Зачиво этотъ шарлатанъ?.. Нашъ магарычъ, понимаете?

Шклянка.

Ну, гараздъ.

Шлема.

Ви високоблагородный человекъ! Благодарю вамъ за вашиво хорошово слова!..

Я в а 10-а.

Ти жъ, Смородына и Гершко.

Гершко.

Ужасно жарко. Можно пить вино?

Смородына.

Пей!

Гершко.

Хорошево вино! Я люблю хорошиво вино. Шлѣми, ты не пиль этава вино? Попробуй, какова хорошиво вино... (*На-лыва ему, Шлема подходе и пье выно; обое почынають джерготать, иноди чутно бразы: „антыжъ“, „ихъ бинъ аидъ“, „халамыдныжъ“, „шволоцъ“, „ето што-нибудъ особеннаго“*).

Шклянка (*до Смородыны*).

Гляньте, якъ змовляютця.

Смородына.

Ну-сь, господа, торговцы?

Гершко.

Ша, Шлеми? Што таково!

Шлема.

Ша, Гершки! Что таково?

Смородына.

Да относительно мебели?

Гершко.

Относительно мебели? Шлеми, ти исцо не видилъ у та компати относительно мебели? Иди, обсматривай!... Га? Ужасно жарко!.. (*Пье выно*).

Шлема.

Какъ жаль, что тотъ камодъ, та онъ не продаетця.

Гершко.

Они-жъ говорятъ: „онъ подаренъ мной!“

Смородына.

Не лучше-ли будетъ, если мы устроимъ нѣчто вродѣ домашняго аукціона?

Гершко.

И хорошиво дѣла.

Шлема.

Хто больше? Отличнаво коммерція. Хочу обсматривать мебуль, картины, драпри... (*Пишовъ у другу комнату*).

Гершко.

Ужасно жарко! (*Пье выно*).

Смородына.

Эй, Степка! (*Входитъ Степка*). Позови тамъ еще кого нибудъ и выносите сюда всю мебель изъ тѣхъ компатъ.

Степка.

Слушаю-сь. (*Гука у двери*). Явдокыме! Дядьку, Тыхоне, а йдите сюда! (*Входятъ Тыхонъ и Явдокымъ*).

Смородына.

Выносите сначала диванъ. (*Пишли слугы*). А ты, Прокофій, записывай за сколько какава вещь будетъ продана.

Гершко.

Акиратнаго коммерція!

Шклянка.

Вы командуйте, а я стукатыму, якъ на аукціонахъ бува (*Выйма запысну книжку и оливоцъ*).

Шлема (*входе*).

А знаете чево я вамъ искажу? Мебуль довольно подержаново, обивкы дира-

вое... Прокопъ Демидовичъ, кладить вы цину по шовисти.

Шклянка.

Ни, я не хочу заплутуватись у це дило; я тильки запысуватому, котрый зъ васъ яку вещь купе и за яку цину.

Гершко.

И хорошава дѣла. Можетъ бить Шлеми дороже будетъ давать, а я предлагаю за диванъ крайнява цина, по шовисти, десять рублей. Шлеми, кимъ геръ! (*Пышлы у другу кимнату*).

Тыхонъ (*Несучы зъ Явдокимомъ дывана*).

Якъ посчезло панство у нашимъ край, то такъ посчезнуть и небули...

Шклянка.

Ты бѣ краще не роспускавъ своен верши.

Тыхонъ.

Хиба я неправду кажу?.. (*Постановышы дывана, пышлы*).

Я в а 11 - а.

Ти-жь и Кулыкъ.

Кулыкъ (*крычытъ за дверыма*).

Отъ того я ненавижду, отъ того я не вхвалывъ!..

Шклянка.

О, це вже Кулыкъ у чимсь непорядокъ запримитывъ.

Кулыкъ (*входе*).

Тьфу, гыдота, бачыты не могу!..

Шклянка.

Чого це вы разквокталысь?

Кулыкъ.

Чого ненавижду, того ненавижду!..

Шклянка.

Поздоровкайтесь-же зпершу.

Кулыкъ.

Та хочъ и здраствуй! (*Чоломкается*). Тильки якъ ты мени не выкоренышь отого чортъ-зна чого. то я и въ двиръ до тебе не загляну.

Шклянка.

Скажить-бо товкомъ, що таке?

Кулыкъ.

На вищо ты насіявъ баклажанивъ на баштани, на вищо?

Шклянка.

А хиба що?

Кулыкъ.

Ненавижду! Выкорены, щобъ и близько не смердили.

Шклянка.

Ну, то вже жиноче рукомысло.

Кулыкъ.

И жиньци скажи, щобъ выкореныла, бо такъ ненавижду, що ажъ зъ души мени верне!.. (*До Смородыны*). А вы ще тутъ, паньчу? Довгенько гостюете! Я думавъ, що вы вже до Петенбурха доіздыте. Здрастуйте! (*Подае руку*).

Смородына.

Мы съ вами незнакомы!

Кулыкъ.

То будемо знакоми. (*Хана его за руку*). Та ну-те, не царамоньтесь!.. Мене звать Кулыкъ. Тильки не той кулыкъ

що на болоти кричить „кыгыкъ“. Бо-то чайка-чубайка!.. (*Регоче*). Колы-жь вы видь насъ видьзидыте?

Смородына.

Это мое дѣло!..

Кулыкъ.

Я чувъ, що у васъ тамъ довгивъ багато, чы правда?

Смородына.

Отстаньте!..

Кулыкъ.

Хочете, я васъ навчу якъ видь довгивъ утукать?

Смородына.

Я не нуждаюсь ни въ чьихъ совѣтахъ!..

Кулыкъ.

Хиба думка выплатить? Чымъ-же?

Смородына.

Это не ваше дѣло!

Кулыкъ.

Я вамъ ось що посовитую. Зоставайтесь краще зъ нами. Я кому не посовитую, то все на добре! Отъ булы-бъ у Прокопія за писаря, у окономіи; винъ вамъ карбованчыкывъ зъ пивтораста давъ-бы на рикъ! Тилькы що Прокопій клятый до работы, зъ робочого выдавлюе олію!..

Смородына.

Давайте ваши совѣты кому нибудь другому!..

Кулыкъ.

Що „другому“, я вамъ совитую.

Смородына.

Это, наконецъ, на... надоѣдаетъ!..

Кулыкъ.

Отъ у мене два онуки до грамоты ажъ пыщятъ, вы-бъ ихъ вчылы... Я рублыкывъ зъ пять, або й шість, давъ-бы вамъ у мисяць, га?

Смородына.

Отвяжитесь вы отъ меня! Если вы явились покупать мебель, такъ покупайте...

Кулыкъ.

Я на таки дурныци не купецъ. Сидитыму на ослони краще, або на пеньку, нижъ на крисли. Вы посовитуйте, щобъ я взявъ ще газету въ руки, та встроимывъ очи въ неи, якъ дурный Макущенко!.. Онукывъ грамоты вчыть треба, це правылно; а намъ слидъ зоставаться такымы, якымы и до цего часу булы... Согласни, панычу?

Смородына.

Да оставьте же меня въ покоѣ!..

Кулыкъ.

Можна и зоставить. (*До Шклянки*). А де твоя жинка? Пиду и скажу йй, такъ: якъ що, кумо, не выкоренышь заразы баклажанывъ, такъ я тоби бильше не кумъ! (*Пшшовъ*).

Смородына (*вслидъ ему*).

Что за нахаль!..

Шклянка.

Винъ точно що чудакъ... Ну, тилькы добродительный! Що разу на Риздво и на Велыкдонъ намина грошей рубливъ два-тры на копійки та й роздае бия церкви бидноти... Винъ мае бильшь тысячи десятынъ земли, а зъ отого кожуха, що на нему не хоче переодягтысь,—не то що въ сердука, а хочъ-бы въ джыгетыкъ,

чы въ чемерку... Вже годивъ зъ пятнадыцять, якъ я его знаю, все винъ носыть отого кожуха; увесь полатаный, геть зашкарубъ и чымъ тилькы не смердыть видъ того кожуха, а винъ его носыть!..

Я в а 12 - а.

Ти жъ и Пфейферъ, потимъ Шлема и Гершко.

Пфейферъ.

Моргень! Что, уже продавалъ мебель, чы не продавалъ мебель?

Гершко.

И ви, Августъ Карловычъ, хотитю куповать?

Пфейферъ.

Не твоя тѣла!

Шлема.

Зачиво ви таки сердиты?

Пфейферъ.

Пашля къ свѣнья!..

Гершко.

Вусъ?

Пфейферъ.

Мальчить!.. Вы жыдовскыи челоувѣки. (*Показуе на Шлему и Гершка*). Эти двѣ гроссъ-мошенныкъ!.. Онъ мени пшевыцъ куповаль, я не успиваль глязъ отворочаль, онъ мене сычасъ надуваль!.. О, шортъ!.. Какой мебель продавалъ?

Смородына.

Продается по частямъ. Вотъ сначала этотъ диванъ.

Пфейферъ.

Пятнадцать рубль.

Шлема.

Што такова? Шестнадцать!

Пфейферъ.

Зъ палтинныкъ!

Гершко.

Уй, вы даете 16-ть съ полтиномъ?— 17-ть!

Шлема.

Восемнадцать!..

Гершко.

Хорошаво гешефтъ! Ви слышите, это Шлема даеъ восемнадцать!.. Пусть пакнпаеъ Шлемы.

Пфейферъ.

Двайцать. (*Мовчять*).

Шклянка.

Стукать?

Смородына.

Никто не прибавитъ? (*Шлема и Гершко джерготятъ*).

Пфейферъ (*выйма трубку*).

Вы позволяйтъ файка?

Смородына.

Пожалуйста, курите. (*Дае штычки*).

Пфейферъ.

Ихъ данке. (*Закурюе. Тыхонъ и Явдокимъ выносятъ крисла*).

Тыхонъ.

И на оцимъ крисли сыдитыме яка небудь симъ день невмывана мордяка!.. Гай, гай, мылый Боже!

Шклянка.

Ты зновъ сикаеся зъ розмовою?

Степка.

Кресла вси сюда зносятъ?

Смородына.

Господа, какъ вы желаете?

Пфейферъ (*до Смородыны*).

Вы позволяйтъ смотрить?

Смородына.

О, сдѣлайте одолженіе. (*Иде съ Пфейферомъ у другу кимнату, за нымы Тыхонъ*).

Гершко.

Хорошего коммерція, побей мени Богъ!

Шлема.

Прокипъ Демидовичъ, якъ вы думаете объ етого немецкого колбаса, га?

Шклянка.

А чога-жь вы зивалы? Отъ нимчура и выхопе усе, якъ зъ рукъ:

Гершко.

Вы его звалы, чи вы его не звалы?..

Шклянка.

Та звавъ же, на лихо!.. (*Идхотля до боковыхъ дверей и дывлятця*).

Степка (*въ глыбыни*).

Знайшовъ золоту цепку у столыку, видъ часнвъ, про неи, мабутъ, ни Прокопій, ни Рахврилъ Владимыровичъ не знаютъ, а мени вона знадобытця... Рублыквивъ двадцять пять стоятъ. (*Пишовъ*).

(*Смородына и Пфейферъ входятъ*).

Пфейферъ.

Позли эти кресла, я покупалъ на вся оптомъ.

Смородына.

Тѣмъ лучше. Такихъ кресель подлюжины,

Шлема.

Назначайте цина, гашпадинъ Пфейферъ, потому что ви бальшущаво пурецъ.

Гершко.

Они таково важнаво, какъ Бисмаркъ.

Пфейферъ.

Ви... жидовски лёшадь, эти, которымъ изъ длинны уши... Дасъ эзель!.. (*До Смородыны*). За кресли пятнайцать рубль.

Гершко.

Слишилъ, Шлема? Когда такъ, нехай двадцать!

Пфейферъ.

О, сокраменто!.. Двайцать одна!

Шлема.

Звынить, у васъ багато скаженихъ грошей, чы не багато? Ну, я зъ полтинникомъ.

Пфейферъ.

Двайцать два!

Гершко.

Это мине нравытця, побей мени въ душу Господь! Я зъ полтинникомъ.

Пфейферъ.

Двайцать три.

Шлема.

Гершки, ша! Гаспада! Ми зъ Гершкомъ больше не можемъ предлагать. (*Мовчатъ*).

Смородына.

Прокофій, запиши.

Шклянка.

Стукнемо и запышемо. (*Запысуе*).

Пфейферъ.

Вы позволить потробный осматриваль остальной вещь, штобъ.. я оснакомиль..

Смородина.

О, разумѣтся. (*Пишлы вси въ другу бокову дверь, окримъ Шклянки*).

Шклянка.

Лыбонъ, немецъ высоко уже цину нагавъ на крисла? Я боявся допустыты Макущенка, а тутъ Хвейхеля прынесло... Ну, та вже колы винъ купуе, то та небылъ варта тихъ грошей. Нимци, вонъ те жъ тямущи, бо не даромъ и поговирка е, що немецъ и облызлану выдумавъ.

Тыхонъ (*проходе*).

Ажъ боляче дывытысь, що таке добро переходе чортъ-зна кому... Посчезне чысто все!..

Шклянка (*догоня его*).

Зъ такымы злодюгамы именно що чысто все посчезне! (*Вытяга у него зъ кешени невеличкый глиняный бюстъ*). На вищо це ты вкравъ? (*Выйма сахаръ*). А сахаръ де це ты взявъ?

Тыхонъ.

Де взявъ? А може я купывъ? Хиба я не можу купыты соби сахарю?

Шклянка.

А за яки гроши? (*Вытяга зъ его кешени якыйсь дрибязокъ*) О, ключъ, якыйсь... Пряжка! тры гудзыка!.. (*Входятъ Смородына, Пфейферъ, Шлема и Гершико*). Дывитця, господа! Осьдечкы ти злодюгы, котри зажерлы у щентъ наше благородне дворанство. Якъ ёго устере-

жеся хатного ворога, котрый сегодня украде тры грудочки сахарю, а завтра потягне вже ажъ шнеть; а потимъ почне красты конхветы, табакъ... Згодомъ и до шкатулькы зъ гришмы доберетця... Бачыте, ось у него ключъ? А на вищо цей ему ключъ, якъ вы думаете, на вищо?

Тыхонъ.

Та я его ще позаторикъ знайшовъ била гребли, чортъ его зна видъ чога винъ?..

Шклянка.

А на вищо винъ тоби?

Тыхонъ.

Та ни на вищо.

Шклянка.

Брешешъ, брешешъ!.. Геть съ горныць, сегодня жъ роцотъ получышь. Ще подякуй мене, що я тебе до станового не выдпровадю.

Тыхонъ.

Якъ роцотъ, той роцотъ. Жалкуватымешъ за Тыхономъ, та пизно буде!.. (*Пишовъ*).

Шклянка.

Отъ межъ якымы мошелныкамы та грабытельныкамы доводытця намъ денно и ночью працоваты!..

Смородына.

Перестанемъ объ этомъ. Господинъ Пфейферъ сторговаль у меня все остальное за двѣсти тридцать пять рублей. А экипажи отдѣльно за двѣсти рублей. Сочти-ка, сколько всёхъ денегъ. Степка, укладывай мои вещи и сейчасъ отправляйся на земскую почту и закажи мнѣ тройку лошадей до вокзала.

СТЕПКА.

Слушаю! (*Пишовз*).

Шклянка (*поцывтавз*).

Четыреста симдесять висимъ рубливъ.

ПФЕЙФЕРЪ.

Эти верни, да, да!.. 478 рубль. (*Выймае бумажныкъ*) Получить задаткомъ, черезъ два часъ я присылай за мебель, экипажъ и остальной денга.

Шклянка.

Ни, стрывайте. У насъ своя умова зъ Рахванломъ Владимировичомъ. Якъ додаты до тыхъ грошей десять процентивъ, то выйде пятсотъ двадцать пять рубливъ и висимдесять копіекъ. Звольте получить. (*Дае Смородыни гроши*).

ПФЕЙФЕРЪ.

Васъ исъ дасть?

Шлема и Гершко.

Што таково?

Шклянка.

Така, бачыте, умова про межъ насъ була, что пнсля торгу, я набавлю по гривеннику на рубъ и небыль и окопажн зостанутця за мною.—Правда?

Смородына.

Да, разумъется. (*Пишовз у свою кимнату*.)

ПФЕЙФЕРЪ.

Эти, эти... Зашгъмъ?.. Не понимайтъ!.. Прыслалъ, торговалъ, отнималъ!.. Допнеръ ветеръ!.. Тайфель, шортъ!.. (*Хутко пишовз*).

ШЛЕМА.

Я, по крайній мери, доволниъ, што Прокопъ Демидовичъ обманули этово нищкаво колбаса.

ГЕРШКО.

Хорошево гишефтъ, побей мине Господь! Какъ вжасно жарко! (*Циде зъ пляшкы*). И вже вино нема!..

Шклянка.

А вы думалы, господа, що я дозволю вамъ обмошенничувать сына мого покойного барына, мого благодителя? Ни, не на такого наскочылы.

ШЛЕМА.

Гершки, слишишь? Благодарю вамъ за этово самаво деликатнаво слова! Если вже по правда говорить, то ми не знаемъ хто изъ насъ обмошенничывалъ ихъ высокоблагородіе господинъ Рахвайль Владимировичъ,—понимаете, га? Нѣтъ, не понимаете?

ГЕРШКО.

Шлеми, ани неначе не панимають; но они хорошо понимаютъ!..

ШЛЕМА.

Гершки, ша!

ГЕРШКО.

Я вамъ скажу, хорошиво слова, Прокопій Демидовичъ! Знаете што? Ешли таково гашпада какъ ви, такого образованово, таково деликатниво какъ ви,—понимаете? та будутъ много иждесь пакипать земли и дѣлать разнаво комерческаво гешефтъ изъ мебулемъ и всякомъ старымъ вещи, то намъ вже нада будить завшгъмъ утнкатъ изъ отечество!.. Понимаете?

ШЛЕМА.

Гершки, ша! Они теперъ поннмають. Гихаръ! (*Пишль*).

З а в и с а.

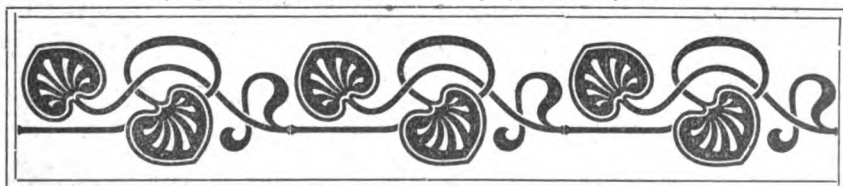
Передъ волею

*Драматички малюжкы
у 5-ты дѣяхъ
(Дѣтця въ 60 и 61 рокахъ)*

Хъ представленію дозволено, Спб. 16 Марта 1901 г. № 1824.

Л Ы Ц Е Д І И.

Арыстархъ Рафаиловичъ Пидгайный, багатый помещыкъ.
Орыся, его дочка, панна.
Шкорупскій, помещыкъ, старый панъ.
Пани Шкорупьска, его жинка.
Деревьянка, бидный помещыкъ.
Гордецька, помещыця.
Буба, } и дочкы, панны.
Кика }
Помпеенко, старый панъ, багатый помещыкъ.
Его сынъ, юнкеръ.
Головацька, помещыця.
Сынъ ии, хлопецъ 10 рокивъ.
Макарюкъ, на мыльци, бидный помещыкъ.
Перепичка, панъ, багатенькый помещыкъ.
Завойко, помещыкъ.
Панычъ.
Панна.
1-й пидпанокъ.
2-й пидпанокъ.
Становый приставъ.

Диброва, Петро Петровичъ, капельмейстеръ.
Юрко, скрипачъ, молодой хлопецъ.
Бухветчыкъ.
Вартоломей, отаманъ.
Дося, горнышна.
Нянька.
Сохвія.
Прохоръ.
Баба Репыха.
Яшка, башмашныкъ.
Потапъ.
Сылыхвонъ.
Мокрына.
Хведька, хлопецъ.
Палажка.
1 и 2 чоловики.
Васылына, крепостна Перепичкы.
Васыль, } бродягы.
Семень, }
Остапъ, }
1-й и 2-й перевозчыкы.
Шысаръ.
Десятныкъ.

}
 } крепакы
 } Пидгай-
 } ного.

Паны, поромщыкы, кучері, музыкы, слугы и народъ.

Дія 1-а.

Після обіда. Залъ. Столы покрити скатерками, скрізь посуда, пляшки, ножи, виделки, чарки, стаканы. Зъ правого боку фортепіано, біля него тютюбрь. Обставины багати и роскошни.

Я в а 1-а.

Селыхвонъ, Потапъ, Дося и други слуги збирають зъ столовъ посуду, скатерки, пляшки и инче.

Селыхвонъ.

Ну й сыла-жь гостей сегодня до насъ зъіхалось!

Дося.

Ще тильки це панночка наши прыіхалы зъ учення и вже такый банкетъ, а що жъ-то буде, якъ замижъ видаватымуть?

Селыхвонъ.

Справжнихъ панивъ сѣдило за столы, мабуть, не меньчь якъ на пивсотни, а що полупанкивъ та пидпанкивъ...

Дося.

Одніи птыци переризано, ажъ страшно вымовыть!.. *(Понесла ложки и виделки).*

Потапъ.

Цыплять мало не сотню перевелы, десятка зо два каплунивъ, гындыкивъ...

Селыхвонъ.

А поросять хіба мало?

Потапъ.

Трое телять, пьятеро ягвять...

Селыхвонъ.

А скільки выпыто горилкы та вынь усякихъ? Шампаньского, мабуть, пляшокъ десятка зо два... Бухветчыкъ однихъ недопыткивъ позлывавъ пляшокъ зъ чотыри!

Потапъ.

Мени на шампанське такъ хочъ и наплювать, а отъ до солодного іства, то разъ-у-разъ такъ и верне рота: здаетсья, колыбъ моя воля, то и въ день и въ ночи тильки одне солодке и івъ бы, тильки солодкимъ и годувався бъ.

Селыхвонъ.

А въ мене гостецъ солодного зовсимъ не пріймае: якъ зымъ, хочъ шматочокъ меду, заразы и губы пухнуть и нисъ набряка...

Потапъ.

Кому ты оце патякаешъ? А хто позавчора варенне у кладовій трискавъ, що ажъ за вухамы ляцало?

Селыхвонъ.

Такъ то жъ варенне, а я тоби кажу про медъ...

Потапъ *(дражнить его)*.

„Про медъ!“.. Бачывъ я, якъ ты и медъ трискавъ...

Я ва 2-а.

Ти жь и два пидпанна.

1-й пидпанокъ (гука).

Гей, подай вогню! (*Сылыхвонз по-
дае сирничокъ*).

2-й пидпанокъ.

И мени! (*Закурюють*).

1-й пидпанокъ.

А ловки у Пидгайного цыгары!

2-й пидпанокъ.

У Помпеевка кращи.

1-й пидпанокъ.

Мы зь тобою сегодня ни разу и не
чокнулись.

2-й пидпанокъ.

Невже? Такъ давай чокнемся. (*На-
львають вино и чокаются*).

1-й пидпанокъ (*пье*).

Яке це вино?

2-й пидпанокъ.

Та що тамъ розбирать, не однаково
хиба? (*Пьють*).

1-й пидпанокъ.

Чуешь? Пидхожу я сегодня до пы-
катого Шкорупьского та й кажу: дозвольте
зь вами чокнутысь? А винь зареготавь
зь горда та й каже: „хочь и не треба!“
Ну, пострывай же. Будешь ты прохаты,
щобь я тебе на выборахъ пиддержавь...
Ему давно кортыть у предводители... Я
жь тебе пиддержу: за мисць одного два
черняка покладу!...

2-й пидпанокъ.

А я маю зуба на самого пана-ха-
зяина. Ты бачывь, якъ винь мене пры-
витавь?

1-й пидпанокъ.

Ни, а якъ?

2-й пидпанокъ.

„Льбонь, каже, я вась уперше бачу?“
Чы чуешь, винь мене у перше бачыть!..
И торикъ бувь у него на полюванни, и
позаторикъ на Велькдень, и ще дав-
нищъ, на Риздво... А винь мене уперше
бачыть!... По загрыняцяхъ що года гасае,
такъ винь вже нашего брата не добача,
вельке цабе!... Ну, пострывай, я тоби
зильбу пыху!... Чванытця тимь, що жин-
чыне добро мотае! Це всимь вже видно,
що винь и жинку въ домовыну загнавь.

1-й пидпанокъ.

Я зь нымь сегодня и зовсимь не
прывитався, нехай буде вдячный мени за
те, що я прыхавь до него.

2-й пидпанокъ.

А знаешь, що я тоби скажу? Що не
говоры, а дочка у пана хазяина гарненька.

1-й пидпанокъ.

Що, колы бь ты бувь трохы мо-
лодчымь?...

2-й пидпанокъ.

Колыбь же то, вона бь моихь рукъ
не мьнула!

1-й пидпанокъ.

Невже?

2-й пидпанокъ.

Вирь! Давай зь досады выпьемь.

1-й пидпанокъ.

Давай. (*Вытываютъ*).

2-й пидпанокъ.

Якъ бы мени хочъ пять годъ зъ плечей... Одначе, я бильшъ сюды а ни ногою, калачемъ, винъ мене не заманыть!.. Винъ мене у перше бачыть!..

1-й пидпанокъ.

А якъ попросыть прыиздыть?

2-й пидпанокъ.

Хяба що попросыть. Ты куды звидцы?...

1-й пидпанокъ.

До Малышевскихъ, тамъ завтра панна Пазя именинница. А ты куды?

2-й пидпанокъ.

А я до Радышевскихъ, сегодня тамъ панахыда.

1-й пидпанокъ.

Писля завтра у Назаровыхъ хрестыны.

2-й пидпанокъ.

Прохалы?

1-й пидпанокъ.

Ни.

2-й пидпанокъ.

Поїдешъ?

1-й пидпанокъ.

Поїду. Бува якъ не поїду, щобъ не розгнивальсь?

2-й пидпанокъ.

Такъ мы тамъ мабутъ зустринемось. Поїду и я, мабутъ, до Малышевскихъ, тамъ

сегодня буде венгерське, а у Радышевскихъ на вына скуповато.

1-й пидпанокъ.

Хяба? такъ и я краще до Малышевскихъ. (*Побиглы*).

Потапъ.

Що то воля.

Сылыхвонъ.

Та ще й панська: куды скортило, туды й поїхавъ.

Я в а 3-я.

Ти жъ и бухветчыкъ.

Бухветчыкъ.

Вы й досы бабляетесь бия посуду, все зъ розказнями, а дила хочъ й не пытай, бухветчыкъ подавай за васъ одвить. Ножи та виделки й досы не вычищени, самувари и досы не настаповлени, а хто выненъ—бухветчыкъ! Ну жъ, воловозьтесь шпарчій!... Успіете видлежаты боки, якъ панъ у загрыаницю поїдутъ!... Хто оту пляшку вже спорожнивъ, адже повна була?

Сылыхвонъ.

Тутъ заразъ прыбигло двое полупанкывъ, ось ти... Якъ бо ихъ? Перченко и Репченко. Выпылы та й майнулы!...

Бухветчыкъ.

Ну, и вѣлыся жъ мени оти полупанкы, не то що все повыпывають, а й повылызуютъ! (*Потапъ и Сылыхвонъ пишылы зъ посудю*). Була повнисенька пляшка, якъ вже зъ за столу повставалы, а теперь тилькы на деньци.

Сылыхвонъ (*ввиходе и бере зновъ посуду*).

Чы панъ до Риздва выдуть у за-
грыныцю, чы пisia Риздва?

Бухветчыкъ.

А тоби шо?

Сылыхвонъ.

Та я про Соньку хотивъ спытаты,
чы й ин визьмутъ зъ собою, якъ торикъ
Дуньку?...

Бухветчыкъ.

Яка вона тоби Сонька, яка? Сохвія
Мыколаевна, а не Сонька!... Коны панъ
ин прыблызылы до себе, такъ вже вона
тоби стала не Сонькою, а Сохвією Мы-
колаевною,—розуміешъ? Тебе прыблызять
и ты будешъ не Сылыхвонемъ, а... Якъ
твого батька звать?

Сылыхвонъ.

Даныломъ.

Бухветчыкъ.

Стало бутъ, тебе вельчатумуть тоди:
Сылыхвонемъ Даныловычомъ. Бува часто
такъ, шо иноди и самъ чоловікъ не вгада
чимъ винъ завтра буде. Прымеромъ, се-
годня заснувъ Грышкою, чы Ванькою, а
завтра прокынувся Грыгоріемъ Васыле-
вычомъ, або жъ Иваномъ Семеновычомъ!...

Сылыхвонъ (*идучы*).

Хотивъ бы я завтра прокынутысь
Даныловычомъ.

Бухветчыкъ (*самъ*).

Не ти вже часы настають, не ти, якъ
колысь... Першъ паны пылы выно такъ,
шо бильшъ половины его зоставалось у
стаканахъ та чаркахъ, а теперъ... Отъ
й поживляйсь теперъ зъ недопыткывъ...
(*Пишовъ*).

Я ва 4-я.

Дося и бухветчыкъ.

Дося.

Дывитця, дяю, яку стричку подару-
валы мени панночка?

Бухветчыкъ.

А ты жъ поцилувала ихъ у ручку?

Дося.

А вже жъ.

Бухветчыкъ.

Вумныця.

Дося.

Воны не давалы руки, а я такы по-
цилувала!

Бухветчыкъ.

Двичи вумныця! Именно: не дае, а ты
наважайся поцилуваты й такы неодминно
поцилуй. Вумныця! Бачыла, якъ я разъ-
у-разъ панови цилую ручку, а потимъ у
плече? Вумныця, по дядькови пишла.

Дося.

Я жъ такъ, якъ и вы...

Бухветчыкъ.

Паны дуже люблять, щобъ имъ руч-
кы цилувать. Часомъ провынышъ, вони
наважаютця тебе вдарыты, вже й замах-
нутця, а ты ухапы ихъ за ручку, поци-
луй и заразы сердце у ныхъ одйде!...

Дося.

А якъ панночка ловко говорятъ по
простому и не забулы!...

Бухветчыкъ.

Чого жъ бы вони забулы, на те вони
людына?

Дося.

У нихъ и книжки е таки, зъ котрыхъ вони читають по простому... До сихъ двирьскихъ витаютця, та такъ хороше!...

Бухветчыкъ.

По маменьци пишли. И покойница, царство имъ небесне, таки жъ были ласкави та прятни. Не дожили побачыты свою единочку зрелюю.

Дося.

Скільки тоди литъ панночки було, якъ пани померлы?

Бухветчыкъ.

Годъ шить, або сить? Зъ тѣи добы все у насъ пишло шыворить на выворить...

Дося.

Чы вы те жъ, дядю, за покойною панією прийшли у прыдане, якъ и наши татко?

Бухветчыкъ.

Авже жъ!... Насъ трыста двадцять семей сюды перегнано зъ полтавычны, тутъ була земля пустопорожня. У нашихъ панивъ було багато земли, по всехъ губерняхъ, — бильшь двадцяты тысячивъ десятинь було.

Дося.

А у пана хйба не було своихъ людей та земли?

Бухветчыкъ.

Це бь-то у цего пана, у папаши пашон паночкы, у Пидгайного?

Дося.

Эге жъ?

Бухветчыкъ.

Було ще за батькивъ кой-що та й те загуло. (*Дасъ їй пляшкы*). Несы оци пляшкы до бухвету, бо якъ набижать — повылызують.. (*Досъ пишла*). Свое загуло, а оце вже годивъ зъ десятокъ жинчыне мота, та ни якъ не промота... По загрыныцяхъ що года іздыть, у картъ грае, зъ дивчатымы воловозытця... Отъ вже Соньку накынувъ окомъ, а чы на довго? Горпыну залышивъ, якъ и Домку, або Приську; Дуньку десь за грыныцею кынувъ... Ненажерльвий!... Гараздъ хочъ за те, що переставъ навозыты чужыхъ; а то были тутъ и хранчужанкы, и аглычанкы и всяки!... И не потрапышь, бувало, якъ имъ и годыты...

Я в а б - я.

Орыся и бухветчыкъ.

Орыся.

Здрастуйте, Сафронъ Васылевычъ!

Бухветчыкъ.

Якый я вамъ Васылевычъ? Сафронъ та й годи.

Орыся.

Я васъ ще не бачыла. Якъ поживаете?

Бухветчыкъ (*ловя руку*).

Подозвольте-бо! Та такы жъ дозвольте.

Орыся.

Ни, не треба, не хочу!...

Бухветчыкъ.

За вищо жъ вы гниваетесь на мене?

Орыся.

Я не гниваюся, а мони такъ не подобаетця.

Бухветчыкъ (*цилує їй руку*).

А мы завжды повинни...

Орыся.

Пожалуйста, бильшъ такъ не робить, а то я й справди гниватымусь.

Бухветчыкъ.

Такъ було и ваши мамонька кажутъ, царство небесне, вичный покой ихъ душеньци... „Не треба кажутъ, не смій цилувать“... А я все такы не одійду, докы не поцилую имъ обохъ ручокъ.

Орыся.

Мама добрую була до васъ?

Бухветчыкъ.

И Боже мій! До кого вони не були добрую? Ангольска душа. Вы манёнъки булы, не гараздъ памятаєте мамашу?... То булы благодужна душечка!...

Орыся.

Отакою и я буду до васъ, тилькы просю, въ память моеи мамы, бильшъ николи не цилуйте мени рукъ. (*Иде до вилна*). А якъ гарно въ сели, куды не скынь окомъ скрызъ краса!...

Бухветчыкъ (*на бикъ*).

Невже й справди розгнивалась?... Ни, ни, не вирою!... Якъ-то можна, щобъ я гнивался, якъ мени руки цилуватымуть?.. Манижытця?... (*Пишовъ*).

Я в а 7 - я.

Гордецька, Буба и Кика.

Гордецька (*до Орыси*).

Щаслывы вы, Орысю, що идете зъ напою за гряницю.

Орыся.

Хто вамъ це сказавъ, що я іду? Папа самъ іде.

Гордецька.

А чому жъ-бы вамъ и не поїхать?

Буба.

Побувать въ Парыжи?...

Кика.

Въ Вѣни, въ Берлини?...

Орыся.

Папу я тилькы стиснула бѣ... Та й колы то ще винъ іде: у генвари, або у феврала, а у насъ теперъ ще тилькы сентябрь. Я висимъ рокивъ не була дома и теперъ хочу пожить въ сели; а на той рикъ, може й мени скортыть въ Европу?

Буба.

А мени село такъ спротывило!...

Кика.

Я вже не разъ казала мами, що рада за першого женьха выйти, хто-бъ винъ не бувъ, тилькы-бъ швидчъ зъ деревни... (*Пишлы*).

Я в а 8 - я.

Шкорупскій, Шкорупсьна и Деревьянка.

Шкорупскій.

Це вже щось тутъ не по моему зативають, якый ще тамъ концертъ? И такъ музыка ревла и пивчи горло дерлы, за обидомъ, що й досы у вухахъ лунае.

Деревьянка.

Дочка жъ пана Пидгайного скнычыла навуку, ну, отцеви и кортыть похваста-

тысь передь гостями, якъ вона гра на фортепіани. Це похвально и правоучительно для другихъ.

Шкорупскій.

Скризь ты носыся зъ своимъ правоучительствомъ, якъ дурень зъ пысаюю торбою!... Найкращый правоучитель черево. Найлысь гости и одпусти ихъ до дому; а концертъ це вже насыліе...

Шкорупська.

Та замовчы-бо, старый воркотуне! Тоби тилькы-бъ видлежуваты боки.

Шкорупскій.

И найкраще. Чоловикъ чимъ бильшь спыть, тимъ меньчъ гришыть. У мене наймудрищый звичай: якъ тилькы гости скинчылы обидь, гукнувь на слугъ, щобъ гостямъ заразы коней подавалы, а самъ на бокову; и гости вже знаютъ, що имъ ничого засыжуватысь, заразы за шапки и геть зъ двору. А я звелю заразы позачынять виконныци та повыгонаты мухъ, потимъ скину зъ себе геть все чысто и зостанусь якъ маты вродыла, клычу двохъ покоевокъ, щобъ пятыкы чесалы, а моя Мынодора Порхвыровна у головци мени ськае...

Шкорупська.

Е чымъ хвалытысь?

Деревьянка.

Пятыкы чесать и въ головы ськаты, це було голивне дило ще за предкивъ нашихъ, блаженнои памяты. О, благословенна старына, згадаешъ тебе и тилькы зитхнешъ!... Именно, що жытте було: ни печали, ни въздыханія... А ловко певно спытця пидь лоскитъ пятокъ?

Шкорупскій (до жинкы).

Мыдосю, якъ ты думаешъ, чы не поіхаты намъ оце заразы до дому?

Шкорупська.

Не ловко... Адаже прохалы зостатысь?..

Шкорупскій.

То-то що прохалы. Хотивъ бы я теперь буты краще непроханымъ... (Сиди). Ничого робыть... Та колы бь вже швидчъ почыналы?

Деревьянка.

Може звелить податы вамъ файку?

Шкорупскій.

Яку ще тамъ „файку“ выдумавъ? Люлька, або трубка, а то: ще „файка!“... А ну, гукны! Та нехай и тоби подадуть. Я зъ собою беру завжды тры-чотыри люльки, докы одну докурю, щобъ друга вже була набыта. Ты Вахштабъ курышь?

Деревьянка.

Ни, Жукова.

Шкорупскій.

Покынь Жукова, куры Вахштабъ! Я сорокъ тры рокы курю тилькы Вахштабъ.

Деревьянка.

Та я можу и „самъ—крыше!“ Гей, Кырылло! Люльку твоему панови и мени. (Слуга подае люльки).

Я в а 9-я.

Гордецька, Буба и Кика.

Гордецька.

И добре вона гра? (Сиди).

Буба.

Слухаты можна.

Кика.

У кого е охота.

БУБА.

Ну, це вже ты, Кико, зь заздрощивь кажешь!

КИКА.

Пожалуйста, не выгадуй, Буба! Безь всякихъ заздрощивь кажу, що вси ин таланты въ ин багацстви.

ГОРДЕЦЬКА.

Годи вамъ сперетчатись. Звиспо, що багацтво кожного дме и наддае пыхы.

Я в а 10-я.

Помпеенко, сынъ его юнкерь и ще гости.

Помпеенко (*розгниваный*).

Якый я старецъ? Я тебе пытаю: якый я старецъ?

ЮНКЕРЬ.

Та це жь, тату, виршь такый.

ПОМПЕЕНКО.

Якый у чорта виршь? Тыче на мене рукою и каже: „старецъ!“

ШКОРУПСКІЙ.

Що вчынилось?

ПОМПЕЕНКО.

Пани Головацька мене звеважыла. Вывела проты мене своего сынка и каже: „промовляй“. Той показуе отакечкы пучкою на мене и каже: „старецъ!“ Якый я „старецъ?“ У мене 10 т. десятинъ земли, а я: „старецъ?“ Старецъ зь торбама ходить, а я помищыкъ!...

ЮНКЕРЬ.

Кажу жь вамъ, що то виршь такый Державына:

„Науки юношей пытаются,
Отраду старцамъ подаютъ!“...

ДЕРЕВЬЯНКА.

Це правда, що у господына Державына е такый виршь. Старецъ означа: ветхый чоловикъ, преклонныхъ, або почтенныхъ лить. А то ще е такый виршь:

„О ты, что въ горести напрасной
На Бога ропщешь челоувкъ!“

ПОМПЕЕНКО.

Та воно справди? А хто жь-то такый той Державынъ?

ДЕРЕВЬЯНКА.

Господынъ Державынъ, тайный совитныкъ и кавалерь.

ПОМПЕЕНКО.

А!.. А я думавъ... Ну, якъ що е, то... Тилькы до чого винъ той виршь склавъ?

ДЕРЕВЬЯНКА.

Для вразумленія и назыданія.

ШКОРУПСКІЙ (*до жинкы*).

Ну, Помпеенка ни якимъ виршомъ не врозумивъ, бо винъ зь роду-вику ни одной кныжки не прочытавъ.

ШКОРУПСЬКА (*до него*).

Та годи-бо тоби!

ШКОРУПСКІЙ (*тыхо*).

Малограмотный дворянынъ, а въ предводители хоче.

Я в а 11-я.

Головацька зь сыномъ.

Головацька (*до Помпеенка*).

Вы безь прычыны, Помпей Дорофеевичъ, розгнивались на мого Васю.

Помпеенко.

Та то вышло якось... Воно, непорозуминіе... Выбачте мени. (*На биж*). Тайный совитныкъ и кавалеръ, а виршы склада,—за для чого?

Я в а 12-я.

Макарюкъ (*на мыльци*), за нымъ слуга.

МАКАРЮКЪ.

Антуанъ, трубку! (*Слуга подае*). Ты, ты въ постолахъ? Хиба я тоби не приказувавъ надить чоботы?

Антонъ.

Захарко прыбигъ у поле: „кыдай, гука, плуга та швыдчъ иды зъ паномъ ихать; надивай лирвею“...

МАКАРЮКЪ.

Запорю!...

Антонъ.

Хрестъ мене побый, винъ ничего не казавъ за чоботы. „Надивай, каже, лирвею!“..

МАКАРЮКЪ.

Запорю, на смерть запорю!.. (*Сивз*).

Я в а 13-я.

Панна и панычъ.

Панна (*зъ квиточкою въ руци*).

Чого вы бажаєте оцій квиточки?

Панычъ.

Бажаю їй увесь викъ цвисты и пышатысь красою.

Панна.

А вгадайте на кого я загадала?

Панычъ.

Ни, не вгадаю.

Панна.

Ця квиточка це я.

Панычъ.

Гараздъ, що я не побажавъ їй завъннуты. (*Силы и нышкомъ розмовляють*).

Я в а 14-я.

Завойко, Перепичка и Васылына.

Завойко (*на порози*).

Це буде всимъ зневага, велика зневага!...

Перепичка.

Кого я тимъ зневажу, кого? Пани наши знаютъ все и ихъ ни чымъ не здывуешъ; панночки жъ на стилькы наивни, що ничего не знаютъ. А въ тебе новороссійскій моралысте, нема Васылыны, чы Мотри? А у инчого е дви, або й тры?.. Вы ховаетесь зъ своими, а я не ховаюсь. Эхъ вы, святоши!.. Слушайте, господа дворяне, тверези не пьяни! Хочъ я и пидъ чаркою, одначе не на стилькы щобъ забытысь: хто я и де я!...

Головацька.

Це вже якыйсь скандалъ!..

Перепичка.

Помняетесь, цилкомъ помиляетесь!... Будьте спокойны!... Я знаю де можна дебошырить, а де й зась!... Дозвольте мени вамъ нызенько уклонитысь и попрохаты пробачення... Оце била мене, моя Васылына, моя крепостна, моя... Не бійтесь, я їй не дозволю систи въ вашимъ присуствіи: дысцыплына, субординація и мордобытіе!... Я хочу Васылыну просвитыть на щотъ музыкы, бо вона у

мене дурна, якъ вивця; вона тильки й чула якъ чередникъ гра на зубовій дудци „метельцю“, а свинарь на виграни „чоботы“...

Я в а 15-я.

Пидгайный и Орыся.

Пидгайный (*веде Орысю пидъ руку*).

Не соромся, доню, и покажи гостямъ, що отець не даромъ обь тоби клопотався. (*Пидводе до фортепiano*).

Орыся.

Я не соромлюсь... а тильки за для чого це?

Пидгайный.

Я такъ того хочу.

Орыся.

Хиба? (*Глянула на Васыльну*). Ахъ, яка жь чудова украинська одежа! А сорочка якъ гарно вышита!... (*Пидходе до Васыльны*). Хто вамъ такъ гарно вышивавъ?

Васыльна.

Я сама...

Перепичка (*Васыльни*).

Ручку, ручку швидчъ панни поцилуй!...

Васыльна (*лове руку Орыси*).

Подозвольте...

Орыся.

Ни за що на свити. Такъ поцилуемся. (*Цилується зъ Васыльною и потимъ иде до фортепiano*).

Перепичка (*до Завойко*).

Бачывъ? Панна цилується зъ мужычкою!...

Завойко (*до него*).

Така ін и маты була.

Пидгайный.

Заграй же намъ, Орысю, мы хочемо слухаты. (*Сиди. Орыся розгорта ноты и гра щось классычне, гости ще бильши сходятця и сидають. Все слухають зпершу тыхо, а потимъ починають потыху гомонить*).

Помпеенко (*до сына*).

Та колы жь вона гратыме?

Юнкеръ.

Вона жь вже грае.

Помпеенко.

Чортъ батька-зна що брынькае!... Я не розберу.

Завойко.

Колы бь заграла Варшавського марша, а це щось...

Шкорупскій.

Стояло зоставатысь, щобъ отаку нисенитныцю слухаты?...

Деревьянка.

Сія музыка лышь для слуха вразумительна и назидательна!... (*Орыся скинчыла, починаютця оплескы*).

Юнкеръ.

Папенька, плещить-бо!

Помпеенко.

Хиба треба? (*Плеще*).

Шкорупскій (*плеще*).

А може воно й справди щось путяще?...

Завойко.

А все такы нема ничего крацого, якъ Варшавскій маршъ, або: „ой не ходы Грыцю“... *(Плеще)*.

Перепичка *(до Васылыны)*.

Ну, якъ тоби?

Васылына.

На мени чогось усе тило терпне, не наче я на неби...

Пидгайный.

Гей, поклычте сюды капельмейстера и Юрка.

Шкорупскій.

А це жъ ще що буде?

Шкорупська.

Та мовчы-бо!...

Завойко.

У, Юрко здорово гра Варшавського марша, або Кармалюка.

Помпеенко.

Послухаемо ще Юрка.

Шкорупскій.

А пися Юрка, може увйде свынаръ та заграе: „свыня въ рипи, поросята въ моркви?“... *(Регоче)*.

Шкорупська.

Та й невгомонный же ты.

Я в а 16-я.

Капельмейстеръ Диброва и Юрко, зъ скрипкою.

Пидгайный.

Ну, Петро Петровычъ, похвастайте намъ вашимъ ученыкомъ!

Диброва *(кланяючысь панамъ)*.

О, зъ гордистю скажу, що маю кымъ похвастаты. *(До Юрка)*. Уклонысь панамъ. *(Юрко кланяетця)*.

Панна *(зъ квіточкою)*.

Якый красавецъ!

Буба.

Крепакъ, а така импозантна фігура!...

Кика.

Ему прыставъ бы гусарскій мундырь!.. Ментыкъ, долманъ, чикчиры!...

Диброва *(пидводе Юрка до фортепiano)*.

Панно, Орысю! Колысь, якъ вы ще булы моею ученыцею, я постеригъ у васъ талантъ музыкальный и не помилься. Дозвольте жъ рекомендовать вашій ласци ось другый талантъ.

Орыся *(не дывлячысь на Юрка)*.

Чы не про него мени татко говорывъ?

Диброва.

Певно про него. Проаккомпанируйте ему серенаду Шуберта. *(Росклада ноты на пюпитри)*. Уклонысь, Юрку, панночци. *(Юрко кланяетця)*.

Орыся *(глянула на Юрка)*.

Ты... давно граешъ?.. Якъ твое имя?

Юрко *(глянувъ на неи и затремтывъ)*.

Давно граю?

Диброва.

Хиба ты не розуміешъ про вищо тебе пытають? Панночка пытають, чы давно ты

на скрипци граєшъ и якъ твоє імня.
Кажы: чотыри роки якъ граю, а імня—
Юрко.

Юрко (*промовля*).

Чотыри рока... Юрко... (*Тыхо*). Хо-
димъ звидцы, ходимъ...

Диброва.

Ц-сь! (*Тыхо ему*). Ты ошаливъ,
чы що?..

Юрко.

У мене щось голова... въ очахъ...
Бога рады, ходимъ...

Диброва (*ему*).

Опамьятайся! (*До панны*). Засоро-
мывся бидный хлопецъ зовсимъ. Промовте
до него слово, щобъ винъ набрався сми-
лосты. (*До Юрка*). Опамьятайся...

Орыся.

Не соромся, Юрку... Ну, прилагодься,
заразъ гратымемя... Чого ты такой?

Юрко.

Я не знаю... Не втямлю...

Орыся.

Заспокойся... Ну, почнемо?

Юрко.

Почнемо. (*Грають. Юрко чимъ
дали все бильшъ забуваетця и вид-
даецця цилкомъ музици. Все на-
вкругы затыхають*).

Помпеенко (*тыхо*).

Хочъ и не розумію, такъ почувую!

Деревянка (*деклямуе*).

„О ты, что въ горести напрасной
На Бога ропщешъ человекъ!..“

Кика.

Скільки експрессіи!.. Яка техныка!..

Шкорупскій.

Теперь вже и я не шкодую, що зо-
стався.

Переписчка.

Чого ты, Васылыно, плачешъ?.. Годи
не соромъ мене!..

Васылына.

Не могу!.. Нибы маты мене докоряе,
нибы батько клене! (*Выбигла*).

Панна (*зъ квиточкою*).

Яка роскошна и чула душа у Шу-
берта.

Завойко.

Чортъ его батька зна! Лыбонъ це
ще краще видъ Варшавського марша?
(*Оплески*).

Пидгайный (*пидійшовъ до Диброви
и стыска ему руку, а Юрка хлопа
по плечи*).

Браво, браво!..

Диброва (*до Юрка*).

Кланяйся!

Юрко.

Кому?

Диброва.

Кланяйся панамъ. Ты очмаривъ?..
(*Тимъ часомъ панны пидійшли до
Орыси и витають їи*).

Юрко.

Швыдчъ ходимъ... душно тутъ...

Пидгайный (до гостей).

Прошу всихъ въ садъ, тамъ чека нась чай и кофе. (*Гости розиходяця*).

Шкорупскій (до жинкы).

Николы не сподивався, щобъ у мужыка така чулисть була!.. (*Пишлы*).

Юнкеръ.

Зостанемось, папенька, на вечеръ. Певно и въ вечери гратымутъ?

Помпеенко.

Отъ и кажы пися цего, що у скрипци нема языка. (*Пишлы*).

Перепичка (до Завойко).

Васыльна, якъ корова реве, та й у мене оказались очи на мокримъ мисцевѣ! (*Пишлы*).

Диброва.

О теперъ и мы ходимъ.

Орыся (до Юрка).

Якый у тебе дужый и слухняный смычокъ!.. Честь вамъ, Петро Петровычъ! Честь и слава!.. (*До Юрка*). Гарно граешъ.

Юрко.

Такъ вже певно николы не заграю!

Диброва.

Винъ сегодня якыйсь непрытомный!.. Визьмы жъ ноты... (*Пишовъ*).

Орыся.

Кажешъ, не заграешъ вже такъ? Чому-жъ то?

Юрко.

Не заграю!..

Орыся.

Чого ты такый?

Юрко (*глянувъ йъ въ вици*).

А вы на вицо таки?

Орыся.

Яка жъ я?

Юрко.

Не вмю вымовыть...

Орыся (*дае ноты*).

Визьмы оци ноты, передывысь, у вечери гратымемъ.

Юрко.

Такъ вже николы не заграю!.. (*Бере ноты*).

Орыся.

Черезъ що жъ то?

Юрко.

Николы, николы! (*Пишовъ хытаючысь*).

Зависа.

Дія 2-я.

Через рикъ. Збоку невеличкий домокъ, вскрытый гонтою, зъ ганкомъ и трема викнами; зъ другого боку, на другимъ плану, людська кухня; на останнимъ плану задній фасадъ панських хоромивъ, зъ балкономъ и террасою. Навкругу дому садъ, дали село, ще дали перелисочки и поле. Надъ вечиръ.

Ява 1-я.

Репыха и Орыся (*выходять крадькома съ хоромивъ до саду*).

Орыся.

Оглянься на вкругу, щобъ не постерегли.

Репыха.

Не бійтесь, нема никого. Пизенько вы мене поклыкали и щобъ було признайтесь раницъ?

Орыся.

Мовчы вже...

Репыха.

Досю треба задобрыты, щобъ держала языка за зубамы... Осьдечки и вона. (*До Доси*). Ну?

Ява 2-я.

Ти жъ и Дося.

Дося (*иде зъ саду*).

Не выдко пикого.

Репыха (*до Орыси*).

Ходимте жъ мерщій!..

Орыся.

Дося!.. Ты вмєшь держать языка на прыпони?.. Мовчатимєшь, то й тоби краще буде.

Дося.

Про вищо? (*Репыха и Орыся пишли въ садъ*). Куды це вони пишли? Яка жъ це близнь у панночки, що бабу Репыху поклыкали? (*Оглядається*). Х-мъ, Репыху!... Панночка велеть мени держаты языка на прыпони... Ой, щось це не даромъ! А ну, пиду за ными назырци. (*Пишла въ садъ*).

Ява 3-я.

Вартоломей и тры хлопця (*идуть видъ воротъ*).

Вартоломей.

Я жъ скильки разивъ наказувавъ вамъ, щобъ не спалы?.. Бачъ, яку правулу: соби взяли!

Два хлопця.

Мы, дяденька, ей Богу не спалы! То гедзь располохавъ телять, вони й побиглы въ горохъ!..

Вартоломей.

Якый гедзь? Гедзь тилькы у Спасивку сиче скотыну. Ось я вамъ задамъ гедза!

Два хлопця.

Ей-Богу, дяденька, мы не спалы!

Вартоломей.

Ходимъ, ходимъ до конюшни!..

Два хлопця.

Ей-Богу, дяденька, мы неповинни!

Вартоломей.

А хто жь повиненъ? Хто, пытаю, вынень?.. (*До третего*). А ты чога мовчышь?

3-й Хлопецъ (*Хведька*).

А що я казатиму? Все одно бытмете.

Вартоломей.

И бытиму, тебе бытиму!..

Хведька.

Та мене жь...

Вартоломей.

Бо ты й вынень.

Хведька.

Та я жь.

Два хлопця.

А вже жь винь! Мы ему кажемо: „давай, Хведько, наведемо телятъ на стерни, щобъ въ горохъ не вперлысь“... А винь каже: „чортъ его поберы горохъ, хйба винь людськй, винь панськй!“...

Хведька.

Це бь-то я отакечкы казавъ?

Вартоломей.

Ахъ ты, харцызе! То ты такый?

Два хлопця.

Винь, дяденька, вась лаявъ, ще такъ погано лаявъ: у батька—матирь!.. И казавъ на вась: „барыло“.

Хведька.

Я казавъ?

Два хлопця.

Та ты жь. Каже: „Вартоломей-Кутлумей!“ Це у нихъ, дяденька, е така собака куштрубата, Кутлумеемъ дражнять...

Вартоломей.

То ты такый!

Хведька.

Колы вирыте имъ, такъ бйте мене!...

Два хлопця.

А не казавъ ты, що дяденька: „катъ, парло, котолупъ?“...

Вартоломей (*вхопывъ Хведьку за вухо*).

Ахъ ты жь чортивъ выплодку! Я жь тоби заразомъ покажу: и ката, и парла, и котлумей!... (*Повывъ до конюшни*).

Ява 4-я.

Дося (*бжытъ зъ саду*).

Та невже жь це я бачыла своими очыма? Мабуть я сию, мабуть це мени у снй ввыжаецця?..

Ява 5-я.

Мокрына и Дося.

Мокрына (*зъ людськои кухни*).

Чого це ты, небого, все въ садъ бйгаешъ, що тебе напало?

Дося.

Не пытайте, не пытайте. бо все ривно не допытаецься ничего, мовчатиму якъ камьяна, якъ нима!.. Не заступайте-бо мени дороги, пустишь!..

Мокрына (*стала проты неї*).

То ты такъ зо мною? Це ты и титци ридній не скажешъ? Спасыби, диждалась чести видь небогы!..

Дося.

Ой, Боженьку! Я зо страху й забула, що вы мени титка!.. Ой, wybачте мени!.. Тилькы жъ вы, титкс, Бога рады, никому а ни словечка... Ой, страшно и вымо-выты!..

Мокрына.

Кажы вже швыдчъ?

Дося.

Оцимы властнымы очыма бачыла, щобъ мени свита сонця не вздриты!..

Мокрына.

Що бачыла, що?

Дося.

Заразь баба Репыха прыходыла. Бачылы?..

Мокрына.

Ни, не бачыла. Чого жъ-то вона?

Дося.

Чы насъ вихто не пидслуха?

Мокрына.

Ну, ну?

Дося.

Прийшла баба Репыха до панночки и почалы вони вдвохъ шепотиты, я й насторочыла вуха, якъ мене дядё бухветчыкъ повчалы, щобъ завжды насторочувала вуха... Шепотять, тай шепотять!..

Мокрына.

Та про вищо жъ? Ты мене мучышь!..

Дося.

Стрывайте-бо! Дали послалы мене въ садъ подывытысь, чы нема тамъ кого. Вертаюсь я зъ саду, ажъ вони обыдвы вже идуть мени на зустричь!..

Мокрына.

Ну, ну?

Дося.

Воны въ садъ и я за ными назыр-немъ. Доходять до ричкы, бачу, зупынылысь; я й соби отдаля зупыныласъ. Чую, панночка кажуть: „смерть моя прыйшла, не можу дали йты!“... Баба Репыха тягне ихъ, а вони не можуть. Дали панночка пуць до долу, упалы на траву, та якъ почалы качатись. Памьятаоте, казала я вамъ, що панночка Юрка покохала, не вирылы?..

Мокрына.

Ну, ну, ну?

Дося (*оглянуласъ*).

Богъ пославъ панночки сына.

Мокрына (*жажнуласъ и ажъ прысила*).

Сына?

Дося.

Щобъ я свита сонця не вздрила!..

Мокрына.

Сына?!

Дося.

Эге-жъ, Репыха поклала дытя межы кущи, а панночку взяла пидъ пахвы та й повела прямо въ ричку и давай купать; а я мерщій пидповзла до кущивъ, розгорнула пелюшкы, дывлюсь: хлопчыкъ

и живисенькый!.. Цытте! Ондечкы панночка вертаютця въ хоромы.

Мокрына.

Хи, сердешна! Ледве йде. Бачышъ, що то страхъ, винь пересылюе усяку болить.

Дося.

Присядьте! (*Присидаютъ за плотомъ*).

Орыся (*ледве переступа*).

Лыбонь, ни хто не постеригъ!.. Охъ, въ очахъ темніе!.. (*Хытаючысь пишла въ хоромы*).

Мокрына.

А де жъ дытя?

Дося.

Певно Репыха взяла до себе?

Мокрына.

И ты вповаешъ, що якъ мы мовчатимемъ, то други й не довидаютця?

Дося.

Нехай довидаютця, нехай и плещуть, абы не мы.

Мокрына.

Авже жъ. Почнуть язычты, вирь мени! У насъ народъ бозувирный! Глянь, хто ото крадетця по пидь плотомъ! Бигты мерщій, захожуватысь вечерю варыты!.. (*Побигла*).

Дося.

Справди щось сюды надкоде.

Я ва 6-я.

Юрко и Дося.

Дося.

Юрку, ты?

Юрко (*пидходе*).

Якъ бачышъ.

Дося.

Вернувся?

Юрко.

Никуды втикагы безъ бумагы.

Дося.

Панночка звелилы жъ тоби, щобъ не вертався, докы сами тебе не розшукають... Тебе жъ, бороны Боже, тутъ закатують!.. Ой, що жъ це буде?

Юрко.

Що буде, того, мабутъ, не обмыну!

Дося.

Та ты жъ и не знаешъ ничего? Адже панночка вже маты.

Юрко.

Що, що ты сказала? Маты?!

Дося.

Сына породыла...

Юрко.

Сына?.. Що жъ теперъ?.. Вона хвора, дуже хвора? Кажы, кажы!..

Дося.

Хвора, а тилькы жъ и терпяча на вдывовыжу.

Юрко.

Бидна, бидна мучоныця, безшасна!.. О!.. Досю, я звирь, лютый звирь!.. Досю, я мушу и побачыты!... (*Ломае руки*).

Дося.

Я заразь пиду, шепну панночци!..

Юрко.

Стривай! Може не треба? Хвора, сполохається!.. Досю, я зтеряюсь... Хто жь мене порадыть?.. Одна ще надія... Чы капельмейстеръ дома?

Дося.

Ему здорово погиршало, мабудь скоро й помре... Все пытавъ про тебе де ты?

Юрко.

Пиду до него, винь мене якъ батько порадыть.

Дося.

А якъ ты змарнивъ, ажъ почорнивъ!

Юрко.

Голодь не титка! За трое день охлявъ та знемигся, хочъ живымъ пропадай. Якъ сказала мени Орыся втикаты, я й майнувъ, не взявшы, навить, и хлиба шматка... Тыльки водою и живъ... Пиду до Петра Петровнича!.. (*Пишовъ у домкѣ*).

Дося.

Охъ, на чимъ воно все оце окоштыця? Не знаю, чы розказаты дядькови бухветчыкови? Мовчатому, а якъ допытуватимуть—признаюсь. Звисно, дядько, грихъ имъ не сказаты!.. (*Пишла въ хоромы*).

Я в а 7 - а.

Сохвія и Палажка.

Сохвія.

Куды це Юрко и справди подився, трое день и очей въ село не наверне?

Палажка.

А що тоби до Юрка, пытаю?

Сохвія

Казала вже тоби не разъ.

Палажка.

Казыся ты видъ жыру, я тоби ось що скажу—казыся!

Сохвія.

Спытай у моего сердца, чы ему до жырування?

Палажка.

Ты жь панська полюбовныця, чы зручно жь тоби объ Юркови думаты? Ты повинна знаты одного пана.

Сохвія.

А панъ хйба тилькы мене одну зна?

Палажка.

Мало чого... Винь на те панъ, ты въ его воли.

Сохвія.

Я панова полюбовныця, не по свой охоти; а Юрка покохала я своею волею.

Палажка.

Мало кого тамъ не покохала!..

Сохвія.

Цыть!.. Чуешъ? (*Крызъ вкна дожка чутно мелодію на скрытци*). Це винь грае, винь! Ей Богу, винь!.. Бачъ капостный, винь у двори, а я думала: змандрувавъ!.. Чуешъ, якъ жалибно выграе?

Палажка.

Я ненавидю жалибныхъ, колыбъ пидъ ногу загравъ.

Сохвія.

Охъ, якъ же въ мени все сколошкалося, не мовъ всю мене пожежою поняло!..

Палажка.

Почны хвыгли-мыгли строятъ!...

Сохвія.

Затаила бѣ въ соби духъ и слухала бѣ его безъ краю, безъ втомы!..

Палажка.

Годи тобі шпандёрить!

Сохвія.

Вже замовкѣ... На вищо такъ скоро переставъ гратъ?

Палажка.

Тынды-рынды!.. Ходимъ вже.

Сохвія.

Палазю, выкличъ сюды Юрка.

Палажка.

Оттакон! Чого я потепаюсь у хвыгель, щобъ тамъ по щын надавали?

Сохвія.

Бачышь, яка ты? А скільки я тобі передавала канхветивъ и всякихъ ласощивъ? А ты онъ яка!

Палажка.

Вже тобі якъ чого замарудытся, не наче малій дытны! Ну, вже пиду. (*Пшла у домокъ*).

Сохвія (*сама*).

Скажу ему прямо, що не могу дали безъ него жыты: нехай або свата мене, або такъ бере... Виддали жъ панъ першихъ своихъ полюбовныцъ замижъ, нехай и мене виддадутъ. Хроську виддали за Грышку лакея, Хыму за кучера Карпушку, Лукерію за... Нехай и мене виддадутъ за Юрка.

Я в а С-я.

Мокрына и Сохвія.

МОКРЫНА (*худко выбигла*).

Сохвіе! Що я чула, що я чула?..

Сохвія.

Вы завжды почувете ось стилькы, а наговорыте онъ скилькы!...

Мокрына.

Думаешъ, скажу тобі? А що, кортыть? Отъ же, ни за-що не скажу.

Сохвія.

И я вамъ не скажу.

МОКРЫНА (*цикаво*).

Про вищо? Невже й ты чула, видъ кого-жъ?

Сохвія.

Що треба було те й чула, а видъ кого—хиба не однаково?

Мокрына.

Росплескалы вже! И бачыла? А мене, Господы, якъ кортыть побачыты... Давай побижымо та хочъ у викно зазырнемъ?

Сохвія.

Куды побижымо?

Мокрына.

До бабы Репыхы. Дытына тамъ.

Сохвія.

Дытына? Яка дытына?

Мокрына.

Не манижся, ты знаешъ и я знаю... Побижымо жъ та хочъ глянемо! (*Потягла Сохвію*).

Палажка (*выходе*).

Не насмила поклыкаты Юрка, постояла въ сняхъ трохи та й вернулася... Де жъ це Сохвія? Чы не капостна дивка, втекла! Бачъ, яку дурочку зъ мене встругнула!.. Я жъ тобі видячу, пострывай... (*Пшла*).

Я в а 10-я.

Диброва и Юрко.

Диброва.

Бачышь, зновъ блукавъ десь, ажъ трое день,—схудъ та змарнивъ... И що въ тебе за натура така? Забривъ кудысь и байдуже ему, що тутъ объ нимъ пеклуютця... Сегодня зовсимъ невдало гравъ на скрипци: хапаняна якась, неспокій, раптовистъ, а не гранне... И смычкомъ нибы зовсимъ не твоя рука водыла... Чымъ мы передъ паномъ похвастаемо?

Юрко.

А!.. Моя душа болыть, мозокъ болыть!... Лыбонь, я вже не людина а манія!..

Диброва.

Що таке? Це вже щось нове выгадуешъ!.. Чы не про волю зновъ почавъ мариты? Пожды, хлопче, потершы... Дастъ Богъ, прийде вона!..

Юрко.

Ни, вже воли мени не диждаты!

Диброва.

Чому жъ-то такъ?

Юрко.

Не диждаты мени воли... Колы сподиваютця нашего пана до дому?

Диброва.

Якъ не сегодня, то завтра.

Юрко (*зъ жажомъ*).

Справди?

Диброва.

Позавчора прийшовъ лыть до управляющого, щобъ цымы днямы дожыдали.

Юрко.

Такъ раптово, такъ худко?..

Диброва.

Пора ему й вернутысь; бильшь пивроку якъ зъ дому выхавъ, можна изыдыты свить вздовжъ и впоперекъ. Та що це зъ тобою?

Юрко.

Осьдечкы вона смерть моя, вже передъ моими очыма стоить!..

Диброва.

Смерть?.. Що це ты?..

Юрко.

Не счувсь и не зоглянувся я, якъ погыбель вхопыла мене за горло!..

Диброва.

Чы ты не стерявся часомъ?

Юрко.

Охъ, краще бъ я стерявся, щобъ разомъ позбутысь всего и все забыты!

Диброва.

Ховаеся зъ чымъ видъ мене?

Юрко.

Сховаюсь видъ людей, а чы сховаюсь видъ Бога? (*Домае руки*). А-а!.. Та на мылость же Божу, рады усего найсвятйшого, покажитъ мени людину юныхъ литъ, зъ палкимъ серцемъ, зъ чулою душею, людину, котра, уздрившы вабливу

красу дивочу, почувшы ридну душу, щобъ не закохалася на выкы, до забуття,—не вважачу, на те, чы ривня та краса ему, чы ни? Покажить, благаю васъ, таку мени людынѹ и тоди я всевитній злочынецъ, харцызь, псыголовець!..

Диврова (*жахнувся*).

Такъ ось воно що? А я жъ тебе скільки разивъ допытувавъ, скільки разивъ остерегавъ?

Юрко.

Яка сыла на свити може остерегты сердце?

Диврова (*оглянувся*).

И вона тебе коха?

Юрко.

О, колы-бъ ни, було-бъ пивъ горя! Колы бъ не кохала, чы стала бъ матирью?

Диврова.

Якъ? Що такъ?!..

Юрко.

Сегодня породыла сына!

Диврова.

Ой!.. Та це жъ... Що жъ оце такъ?

Юрко.

Смерть моя, кажу жъ вамъ, погыбель!.. Якъ бачыте, я стою на краю прирвы: назадъ ходу нема, прыходытця пльгаты у бескету!..

Диврова.

Правда, що остаецця одне: свить за очи?

Юрко.

Я й пишовъ бувъ та, якъ бачыте, вернувся!..

Диврова.

Треба жъ якось рятуватись? Ахъ ты жъ бидолага, бидолага!..

Юрко.

Памьятаете ще той ментъ, якъ гравъ я зъ нею серенаду Шуберта? Памьятаете, выйшовъ я тоди зъ хоромивъ, мовъ пьяный, мовъ зачарованный!..

Диврова.

Такъ, такъ!..

Юрко.

Видтоти ще почалось. Якъ тилькы зустрився у перше зъ ии поглядомъ, якъ тилькы почувъ у перше ии промову, то мовъ заморокомъ мене оповыло, мовъ выхремъ закрутыло... Видтоди очи мои скризь шукалы тилькы ии одну, тилькы ии одну вони скризь бачылы, тилькы ии одну хотылы бачыты; вона одна заступыла мени весь ридъ и весь мырь... Думкы про неи заволодылы всею моею истотою!.. Якъсь разъ, писля сумной безсонной ночи, пишовъ я ранкомъ въ садъ и ставъ пробиратись въ гущыну, щобъ десь далеко видъ людськихъ очей повыснуты на котрій гыляци... Звернувшы зъ стежки въ кущи, почувъ я, що хтось голосно вымовывъ мое имня. Я зразу пизнавъ той дорогой, незабутній поклыкъ!.. Чую, клыче у друге. Обернувся я и весь затремтивъ, вона, якъ янголь, стояла передо мною и такъ ласкаво та хороше дывылась мени въ вичи... А дали забалакала до мене та такъ прывитно та чуло, не мовъ ридна маты... Почала потимъ роспытуваты про отця, про неньку, про ридъ... Колы довидалась, що батько мій померъ, промовыла: „а въ мене мама померла“. И такъ же чуло промовыла, що раптомъ очи мои залылысь слызмы и я, рыдаючи, упавъ передъ нею на вклошкы... Вона пидвела мене, вытерла

мон очн своєю хусточкою и почала заспокоювати... Через невелику годину сказала: „пора до дому“. Мені звелила зостатись и пристояти трохи, щоб хто не постеригъ... Ось вамъ початокъ моєи смерты, а край вы знаете. Теперъ вы бачыте який стоить передъ вами виронокъ, бузувирь!.. Никчемный пиднижокъ, негідный рабъ, червякъ мерзенный—видважывся закохатысь у панну и самъ вподобався панни!.. Але на вищо жъ Господь давъ цему рабови таке жъ палке, таке жъ чуле серце, якъ и вильній людныи?..

Диброва.

„На вищо?“ ... Вика, друже, мынають, якъ люде, здіймаючы руки до неба, пытають: „на вищо и за вищо? За чьи грихы й провны?“... А видповидь, якъ кажуть: „въ хмари гуде та на землю не йде!“

Юрко (*махнувъ рукою*).

„Симъ бидь—одинъ одвить“. Що-жъ, нехай панъ приздыть, я волю прийняты найтяжчу кару; я того заслужывъ и я мушу самъ у всимъ признатись!.. Такъ прямо и скажу: пане! хотилы вы выхаваты зъ вашого пидданка, щось надзвычайне; пророкувалы, що колысь той пидданокъ своимъ музыкальнымъ таланомъ дывуватыме мырь и тимъ надасть вамъ пыхы, але вы помилылысь. Пидданокъ вашъ здыуе васъ нечуваннымъ злочынтвомъ, винъ ужалыть васъ въ самисеньке серце!..

Диброва.

Цыть, ты здуривъ, ошаливъ!.. А про панну забувъ? Про ии соромъ тоби байдуже?

Юрко.

О, Боже мій!.. Такъ, такъ, я ошаливъ, я збожевиливъ!.. Та радьте жъ, радьте, що мені подяты?..

Я ва 11-я.

Ти жъ и Дося.

Дося.

Юрку! Иды, тебе панночка клычуть.

Юрко.

Справди?.. (*Зрадивъ*). То я ии ще побачу?.. (*Хутко пишовъ*).

Дирбова (*самъ*).

Винъ мене надто стревоживъ!... А що жъ я ему поражу?.. Охъ, горе, горе, глыбоке ты, якъ море и тимъ таке не-нажерльыв!.. Треба щось вдяты?.. (*Пишовъ въ доможъ*).

Я ва 12-я.

Сохвія (*идучы зъ саду*).

Мокрына божылась, що панночка вже маты, але дытны такъ такы мы й не побачылы, певно Репыха выхове!.. Такъ ондечкы де вси думкы Юркови, а я, дурна марила?. Не судылось зазнаты мені щастя, мабуть мене маты проплакала!

Я ва 13-я.

Сохвія и Вартоломей.

Вартоломей.

А, здрастуйте, якъ здоровлячко? Чы ще пидскакуете, скажемъ, Сохвие, ще й Мыколаевно?.. (*До хлопцивъ*). Гетьте, по своихъ мисцяхъ! (*Хлопци пишлы*).

Сохвія (*до Вартоломея*).

Я маю до васъ пыльне дило.

Вартоломей.

А я до васъ. Выходыть дило на дило, якъ шапка на голову!.. Ге-ге-ге!..

Сохвія.

Коли пана сподиваютьця до дому?

Вартоломей.

Ага, скучылы?

Сохвія.

Ще бь не скучыла? За кымъ же менѣ й скучать бильше?..

Вартоломей.

Тошно и хорменно, по всій правыли... Ачь, и по всій вашій лыци такъ и выдко, якъ те скучанне, неначе пасмамы по телесахъ розповзлося: и сюды и туды... Але, на мои очи, вы видь скучання покращала, велька втиха буде панови, якъ побачать васъ отакою...

Сохвія.

А може вони знайшли соби тамъ кращу?

Вартоломей.

Де, у загрыныци? Та въ свити нема такой, якъ вы! Вы, сказать, прямо перво-сортня фыгура!.. Слушайте, Сохвію, скажемо, ще й Мыколаевно! Якъ пань прыідутъ, будь ласка, попрохайте у ныхъ, щобъ подарували мени дубочкивъ десятка зо два, на сволокы, до новои хаты. Скажить, що, мовлявъ, Вартоломей такъ стараецця, такъ стараецця!.. Ябъ вони те перь до васъ палають, то все за для васъ зроблють?..

Сохвія.

А якъ я не зумію выпрохаты?

Вартоломей.

Хто, вы? Якъ вы не зуміете, то хто жь у насъ зуміе? Управляющий ще въ субботу видобравъ лыста, що пань мають тужь-тужь прыбуты; на мою думку,

якъ не сегодня, то завтра въ ранци прыбудуть.

Сохвія.

Невже? Це правда? Хотила бь я поіхаты имь на зустричь?

Вартоломей.

Та невже? Отъ ловко вы прыдумалы!.. Ідьте, ей Богу, ідьте?.. Ондечкы якъ разь кони запрягають, котри ідутъ на пидставу панови, заразь и ідте. Не забудьте жь про дубкы. Скажить: такъ Вартоломей стараецця, такъ стараецця!..

Сохвія.

Такъ я поіду. (*Иде до конюшни*).

Вартоломей.

Стійте, не такъ! Давайте руку! (*Сохвія дае*). И другу. (*Худто цилуе їй руки*). Ось якъ треба!

Сохвія (*вырыва руки*).

Що це вы, дядьку, зь якои речи?.. Не треба! Де жь такы?

Вартоломей.

А я кажу, що треба. Скажете, що я не почитую васъ? Я цилую ручку тилькы панови нашому, попови та попади, якъ и бухветчкькъ нашъ; и, якъ бачыте, ще й вамъ... Ну, й краса жь вы, прямо малевана-пысана!..

Сохвія (*усмихаецця*).

Годи вамъ умызгатысь...

Вартоломей.

Глядять же, попрохайте за дубкы. Скажить: такъ Вартоломей стараецця, такъ стараецця...

Сохвія.

Скажу, скажу. (*Пшла*).

Вартоломей.

Якъ прыдыввся я до неи гарненько, такъ вона зовсимъ выходить дивка хвасоньста!.. Мовлявъ. хочъ кому оскомыну зибье!..

Я в а 14-я.

Якивъ и Вартоломей.

Якивъ.

Слухай ты, котолупе! На вищо ото ты, Степанового хлопчыну, Хведьку, такъ одшмагавъ, що ажъ кровь позакипала?

Вартоломей.

За дило. Ежели когда загадано тоби яку службу, такъ ты сповняй ии по всій хворменій правылн.

Якивъ.

И тоби не грихъ оттакъ знущатысь?

Вартоломей.

Ты мени не пипъ и не дякъ, той не не тоби я сповидатумусъ.

Якивъ.

Воно жъ дытя ще. А колыбъ твого хлопця такъ сполусуваты?

Вартоломей.

Чого ты опе уідаеся?

Якивъ.

Такъ спысавъ, що й прысеты хлопцеъ не може.

Вартоломей.

Нехай телятъ не пуска въ шкоду.

Якивъ.

Не одынъ же винъ пасе, ихъ тамъ ажъ трое. Такъ тимъ двомъ ничого, а все на одному окошылось?

Вартоломей.

Мени николы розбираты хто зъ нихъ бильшь вынень, я видшмагавъ того, на котрого моя думка впала, котрого першого мое око постерегло, той и вынень.

Якивъ.

Але жъ панъ не дозволювъ тоби такъ катувать.

Вартоломей.

А ты спытай пана, якъ прыде, чы дозволювъ?

Якивъ.

И спытаю!

Вартоломей.

Спытай, спытай! Може звелать мени спысаты той опытъ на твой спыни?

Якивъ.

Нехай звелать, не первына.

Вартоломей.

Охъ, и постараюся жъ спысаты, я вже добре настальвъ на тебе зубы!

Якивъ.

Гей, Вартоломею, людоіде! Забруднивъ ты душу твою кривдою великою, схаменысь чоловиче, бо буде тоби лыхо!..

Вартоломей.

Що ты мене полохаешъ? Що ты почавъ мени кахвесты чытать? Геть!..

Якивъ.

Ховатымешъ ты колысь видъ людей очи!...

Вартоломей.

Я панськый наказъ сповняю, по всій хворменій правылн! Ты мене волею по-

лохаешъ? Не буде воли!.. Чуешъ? Та скорищъ у мене на долони волоссе выросте, нижъ воля буде!..

Якивъ.

Згадаю я тоби тоди вси смугы, котри ты позначывъ на моимъ тили, воны у мене вси перелечени и закарбовани; поставлю я ихъ тоби передъ очыма, якъ свичкы!

Вартоломей.

Мени на все оте, що ты белькочешъ, наплювать! Отъ ыродъ, прычепывся. И колы ты, сатано, дійдешъ до розуму?

Якивъ.

Якъ що до такого якъ у тебе, то не варта й доходитъ...

Вартоломей.

А якый же у мене розумъ?

Якивъ.

Базарный—сегодня такый, завтра инчий.

Вартоломей.

Мелы бисе, чортъ тебе второпа... Та другой бы на твоему мисъдеви, бувшы такимъ майстромъ, що й чоботы пошыешъ и ботыкы та ще трохы й грамоты утнешъ, такъ винъ онъ якъ старався-бъ доголыты панови... Скильки разивъ и панъ казали: „колы-бъ Яшка не пьянствувавъ та не грубиянствувавъ, то я его озолотывъ-бъ!“..

Якивъ.

Нехай тебе панъ озолотить, хочъ до половины, а дали посеребритъ, ловкый выйде болванъ!

Вартоломей.

Самъ ты болванъ! Правдывый сатана, ыдолъ!.. Тьфу! (Пишовъ).

Якивъ.

И якъ земля тилькы держыть цего гаспеда?.. (Пишовъ у другой бикъ).

Я в а 15-я.

Юрко (идучы зъ хоромивъ).

Сердешна Орыся, якъ тинь!.. Каже, щобъ я швыдчъ ишовъ зъ села, а куды я пиду? Краще бъ я загнувъ оттуть, биля нен!.. Та куды жъ мени прямувать? Цилкомъ замороченый я!..

Диврова (у вики).

Юрку, я тебе жду!

Юрко.

Га? Хто мене?.. А це вы, Петро Петровычу? (Пишовъ въ домокъ).

Я в а 16-я.

Вартоломей (выходе зъ людської, зъ полумыскомъ и ложкою).

Оце такъ галушечкы. Тутъ, льбонь, истыметця ще смачнищъ, нижъ у хати; тутъ, сказать, и воздухи и не выдаютця, мухы. (Исть). У литку николы не зысы до путя въ хати, на двори краще истця. (Исть). Чы далеко жъ то Сонька зустрине пана? Колыбъ вона выпрохала у пана дубкы. Куховарко! А всыпъ мени ще.

Я в а 17-я.

Мокрына (выходе зъ людської).

Не вже ще истымете? Пятыи полумысокъ? (Пишла).

Вартоломей.

Хто багато робе, той багато и истъ. Всыпъ, всыпъ. А юшка яка смашна, що ажъ ложку хочетця облизать. Ба такы й облыжу. (Лыже ложку).

Я в а 18-я.

Яківъ, Вартоломей, потимъ Прохоръ.

Яківъ.

Ты мытець и ложки лызаты, а я думавъ, що тилькы тарилкы?

Вартоломей.

Чого прилизъ? Дай, рады Бога, хочъ поісты до путя.

Яківъ.

А хйба мени не треба вечеряты? Трискай, трискай!...

Прохоръ (*подає Вартоломееви пляшку*).

Пожалуйте.

Вартоломей.

Справный ты, Прохоре! Тебе бь тилькы за горилкою й посылаты.

Прохоръ.

Ге, що вы думаете? Горилка це найкращый кинь, безъ батога везе!..

Вартоломей (*выпивъ*).

На жь и тоби чарку. (*Дав*).

Прохоръ.

Горилыця-мученыця! (*Выпивъ*). Нистеметна жывыця, такъ все въ середини й зворушыла! (*Почына істы*).

Вартоломей (*до Якова*).

Може й тебе почаствувать?

Яківъ (*сплевуе*).

Не частувавъ раниць, не частува-
тымешъ и до вику.

Вартоломей.

Не вже не диджусь такон честы?

Яківъ.

Щобъ ты знавъ.

Вартоломей (*пидносе*).

Та ну вже, пий!

Прохоръ.

Пий-бо, Якове! И чого бь ото я куражывся?

Вартоломей.

Пий, кажу! Та ну жь?..

Яківъ.

Колы такъ прыльпаешъ, то давай, я самъ себе почастую!

Вартоломей.

Ни, пий зь моихъ рукъ.

Яківъ.

Не пытому!

Прохоръ.

И ненавидю я, колы людына почне пышатысь, мовъ свыня на мотузци!..

Вартоломей.

Ну, на, почастуйся самъ.

Яківъ.

Будьмо здорови! (*Взявъ пляшку и выльва зь неи горилку до долу*).

Прохоръ.

Глянь, сказывся чоловникъ!

Вартоломей.

Виддай сюды!

Прохоръ.

Дай краще я выпью! Грихъ розливать, горилка вона жь зь хлиба святого!..

Якивъ (*виддає пляшку*).

На, вылыжы поденкы.

Прохоръ (*бере пляшку*).

Першъ, Якове, я тебе мавъ за розумного, ажъ бачу ты адієть!... Пысаныи адієть!..

Якивъ.

Бачывъ, Вартоломею, який я? (*Пишовъ*).

Вартоломей.

По всій хворменій правыли марзавець!...

Прохоръ.

Ось трошки въ ямку набигло. (*Припада и пье*).

Вартоломей.

Ну й ты свиньяка, зъ калюжи прямо хлебчешъ?..

Прохоръ.

Воно ничего... Земля свята, а морду можна обмыть, на вищо жъ добро пропадатиме? Отъ и шабашъ. А теперъ пиду вмьюсь. (*Пишовъ*).

Вартоломей.

Яки е люде ненажерливи!.. Куховарко! А всыпъ мени ще галушокъ. (*Мокрына взяла мыску*). Неначе й наївся, а ще кортыть. (*Мокрына подає*). Ловка страва галушкы!.. (*Мокрына пишла*).

Я в а 19-я.

Юрко и Диброва.

Диброва.

Ховай же краще документъ и зъ Богомъ въ путь. Теперъ ты вже не Юрко, а отставный губернский регистраторъ, Петро Петровычъ Диброва. Тилькы не забудь

казаты, що тоби 25 годивъ. Цыфру чотыри я переправывъ на два, а пять ни якъ не переправышь, на едыныцю, або й на тры.

Юрко.

То це прыходытця брехнею жыть?

Диброва.

А що жъ: „не можна черезъ тынь, лизь по пидъ тыпъ“. Мени документа не треба, Богъ и безъ него скоро вже мене прийме...

Юрко.

Господъ зъ вами, що це вы кажете?

Диброва.

Правду, хлопче, кажу... Не гай часу, иды... Та грошей даремно не розцвындрюй!

Юрко.

Чымъ я вамъ за вашу ласку виддячу?

Диброва.

Згадаешъ добрымъ словомъ, отъ и виддяка. Якъ дійдешъ до чужого села, наймай пидводу до Днипра, а за Днипромъ, въ Херсонщынни та Катеринославщынни, прыстронся десь въ оркестръ и жытымешъ, якъ и люде... Иды...

Юрко.

Прощайте! (*До хоромивъ*). Прощай моя скрухо, моя свята мученыце!..

Вартоломей (*до Юрка*).

А куды ты, Юрку. Зновъ у байбузы?

Юрко (*здригнувъ*).

Вартоломей?

Диброва (*до Вартоломея*).

Оце вже не твоє дило. Я маю право посылаты своихъ ученыкывъ куды схочу. (*Юрко пишовъ*).

Вартоломей.

Та звисно... Я не то що, а...

Диброва.

Ото жь и по розмови!.. (*Пишовъ въ домохъ*).

Вартоломей.

Не хоче капольмейсторъ зо мною прытелювать и проты бухветчыка надчма губу... Ну, та якъ ты до насъ не дуже, то намъ на тебе хочъ и наплювать!... (*Доивъ*). Ажъ ось колы, неначе, вдовольнися. Куховарко, визьмы посудину. (*Мокрына взяла*). Теперъ хочъ и до дому навилатись, мабутъ, и жынка чогось зварила на вечерю... Доки дійду, воно тамъ у середини утрусытця, такъ іство на іство не завадыть. (*Пишовъ*).

Мокрына (*сама*).

Чортивъ кабанюга, цилисенський день триска та горлянку дере!.. Перемяю худчій посуду та збигаю до Репышиной хаты... (*Пшла въ хату*).

(*Хвилину нема никого на кону*).

Я в а 20-я.

Петро (*верхы взідыть на двиръ*).

Гей, чы чуєте, челядышци й скарбовыки! Мершій сходьтесь, збирайтесь, панъ ідуть, панъ ідуть!... Збирайтесь вси!... (*Чутно дзвинки й бубенчыжы, стукъ колесъ*).

Вартоломей (*бжыть засапавшысь*).

Що тутъ за гвалтъ?

Петро.

Чуєте жь, панъ ідуть!

Вартоломей.

Та певже? Отъ тоби й повечерявъ у друге! (*Крычуть и метушытця*).

Гей, вы! Чы вси вы на своихъ мисцяхъ?.. Чому бия ворить хвынари не засвичени?.. Я жь казавъ, я жь наказувавъ!.. Що за народъ бузувирный!.. Прохоре, де ты? Забувъ свое дило?.. Хвынари!..

Прохоръ.

Не забудь, а несподиванно!.. (*Побигъ*).

Вартоломей.

Хай въ хоромахъ свитять свитло!.. Де повари, лакен?.. (*На бикъ*). А бухветчыкъ, льбонъ, у попа въ гостяхъ?.. Треба за нымъ послать... Гей, самувари ставляйте!.. А ну, живо, хутко! Не грывны на васъ, не тюкны, то й вухомъ не поворухнете!.. Тильки жрать вамъ, та боки видлежуваты. Я жь вамъ казавъ, я жь вамъ наказувавъ!.. Старался бы такъ, якъ я що-дня стараюсь!..

Я в а 21-я.

Пидгайный и Вартоломей

Пидгайный (*зъ хоромивъ*).

Гей, Вартоломею!

Вартоломей.

Чы-ба, панъ вже й дома! Тутъ, пане. Здравія жалаемъ! (*Уклонився и поцелувавъ руку*).

Пидгайный.

Порядкуешъ?

Вартоломей.

Такъ тошно! Стараюсь, щобъ все по хворменній какуратности!

Пидгайный.

Де управляющий?

Вартоломей.

Позавчера поіхалы на ярмарокъ, ка-
залы, що якъ не въ неділю, то въ по-
неділокъ вернутця.

Пидгайный.

Въ хазяйстві все благополучно?

Вартоломей.

Слава Господови! Такъ все благопо-
лучно, якъ краще й не треба.

Пидгайный.

А въ дому якъ?

Вартоломей.

По всій хворменій правыли.

Пидгайный.

Гей, нянько! Позвать мени няньку.

Я в а 22-я.

Т и ж ь и нянька.

Нянька.

Я тутъ, ваша мылость. (*Тимъ ча-
сомъ сходятьця двирьски, кланяют-
ця, цилують Пидгайному руку*).

Пидгайный.

Де панна? Невже такъ рано лягла
спаты? Чы може... въ гости куды по-
іхала?

Нянька.

Ни, вони дома.

Я в а 23-я.

Т и ж ь и Диброва.

Диброва (*зъявляетьця на ганку*).

Арыстархъ Рафаиловычъ прыхавъ!..
(*Тремтыть*).

Нянька.

Воны трошки не здужають.

Пидгайный.

Якъ?.. Ну, стара кочерго, ты мени
одвнть дасы за все! Ковальскими кли-
щами звелю тоби останни зубы повысмь-
куваты!..

Я в а 24-я.

Т и ж ь и Орыся.

Орыся (*пересылюе себе*).

А, татусь, зъ щаслывымъ поворо-
томъ... А я гуляла въ саду, чую якыйсь
лементъ...

Пидгайный.

Здрастуй, здрастуй, моя пташко, моя
провынцялочко!.. Якъ же ты тутъ безъ
мене? Чого неначе млява?...

Орыся.

Отъ выгадки!.. Пропасныця трусыла,
теперь кынула... (*Цилуетця*).

Пидгайный.

Щожъ, посылала за ликаремъ?

Орыся.

Ни... Писля трехъ пароксызмивъ пе-
рестала трусыть.

Нянька (*на бикъ*).

Сердешна, ледве на ногахъ стоять!..

Орыся.

Я така рада, що вы прыхалы, що
хочъ и заразъ пишла бъ у танецъ.

Пидгайный.

Справди? (*Цилуе її и голубыть*).
А мени сказали...

Орыся (*тривожно*).

Що?... Хто?...

Пидгайный.

Але жь я теперь цилкомъ заспокоився... Радію, втихо моя, моя лялечко, що ты не хвора... Та яка жь ты гарненька. Нянько, скоричь мени чаю!

Нянька (*иде шепочучы*).

Боже, змылуйся надъ нами!

Пидгайный.

Ну, моя провинціялочко... За мисць т.ньцивь, я за чаемъ хочу послухаты твое гранне... Я багато привизъ тоби новыхъ ноть...

Орыся.

Гараздъ заграю.

Пидгайный.

Прывизъ тоби ще одну новыну. (*До людей*). Идить по своихъ мисцяхъ. (*Люде тишлы*). Мы, серденько, на сблыженни великон реформы.

Орыся.

Я чытала де що...

Пидгайный (*тыхо*).

Мусымо задалегидь зважыты и обмиркуваты ти видносныны въ яки не забаромъ станемо зъ тымы, котрыхъ до цего часу жытте и смерть булы въ нашій владі, въ нашій воли... Треба выробыты такі умовы, котри бь допомоглы намъ, не опынытысь раптомъ въ безвыходнимъ и фальшывимъ становыщи.

Орыся.

Найкраще задалегидь проявыты людскієт и мылосердіє.

Пидгайный.

Такъ, такъ... Гей, Вартоломею!

Вартоломей (*зъявляеця*).

Я тутъ, пане.

Пидгайный.

Тутъ повинна быты у подвирьи Сохвія.

Вартоломей.

Такъ тошно, вони тутъ.

Пидгайный.

Нехай иде геть зъ двору... Ни, посадовы ии въ лехъ!

Вартоломей.

Сохвію, стало быть?.. Мыкола...

Пидгайный.

Я по двичи не загадую!

Вартоломей.

Слухаю, пане. (*На бикъ*). Отъ тоби и дубкы!.. (*Пишовъ*).

Пидгайный.

Та заразъ поклыкаты до мене Юрка.

Диброва (*скрыкнувъ*).

Юрка?.. Ахъ!.. (*Захытався и ставъ*).

Орыся (*зъ лякомъ*).

Боже мій!

Пидгайный.

Що, що такє?

Орыся.

Не знаю... Тамъ, Петро Петровычъ...

Пидгайный.

Що тамъ трапылось?

Прохоръ (*пидбигъ до Дибровы*).

Погане дило, папе. Господынь ка-
польмейсторъ...

Пидгайный (*хутко иде до домка*).

Що зъ вамы, Петро Петровычъ? Роз-
ступитесь, дайте витру... (*Пидійма Диб-
рову зъ Прохоромъ, Орыся и двирськи
навкругы*).

Диброва (*ледве промовля*).

Слава Богу, що диждавъ... Приіхалы...
Жытте мене покидае... Путь пройденъ...
Наставъ финаль... А Юрка... Его я по-
славъ по ликаря, не гнивайтесь...

Пидгайный.

Вы малы на те право, за вищо жъ
гниватись!

Диброва.

Спизнытця ликарь... Арыстархъ Ра-
файловычъ, простить... не догодывъ...

Пидгайный.

Я завжды вамы бувъ задоволенный...

Диброва.

Свить въ очахъ гасне... Де панна
Орыся?.. Не бачу...

Орыся (*пидходе*).

Я тутъ, Петро Петровычъ.

Диброва.

Вповайте на Бога... Арыстархъ Ра-
файловычъ, Юрко... талантъ надзвычай-
ный!.. Рады таланта, Богомъ закльнаю...
Талантъ... (*Помирае*).

Пидгайный.

Перомъ тоби земля не втомный робит-
ныку! Однести же небижчыка въ ким-
нату, та прыберить его въ Божу дорогу.
Вартоломею! Худчий послать до попа,
щобъ ударывъ у дзвинъ, по номершому,
дякъ, щобъ заразы ишовъ чытаты псалтыря.
Скажи, щобъ трое день по селу не чутно
було не спививъ, ни таньчивъ, це пре-
ставылась правдыва и щыра душа!...
(*Иде*).

Орыся (*падае батькови на плече*).

Охъ, я слизь здержаты не могу!..

Пидгайный.

Поплачь, поплачь... Винъ стоить того,
щобъ его оплакаты!..

З а в и с а.

Д і я 3 - я.

*Садъ. Зъ правого боку бесидка густо заросла выноградомъ, по середыни
тополева дорижка, зъ ливого боку, на першимъ плану, прыччлохъ панського
будынку. Выызу, у пидвальнымъ этажи, невеличке виконце, зъ залызымы
гратками.*

Я в а 1 - я.

Сохвія, Палажка и хлопецъ.

Сохвія (*у викни*).

Бигай та скажи мойй сестри Прысьци,
що я вже четвертый день сыжу въ леху
замкнена.

Хлопецъ.

Заразы побижу. (*Побигъ*).

Сохвія.

Невже Мокрына мени набрехала про
панночку? За вищо жъ вона пидвела

мене пидъ панській гнивь? Пиды, роспытай ии, Палазю!

Палажка.

Не пиду. Годи вже тоби зъ мене дурочку строити, не пиду!

Сохвія.

Кажу жъ тоби, що такъ любо панъ зо мною розмовлявъ, якъ зустріла его на великимъ шляху, такъ щильно прыгортавъ, цилувавъ, мылувавъ!... А теперъ мене закинуто въ лехъ, якъ злодійку, або душоубку!..

Палажка.

Ось до речи Якивъ иде, его попрохай; а мене бильшь и не клычъ до себе, не згожусь я тоби ни на яку послугу, бо боюсь!.. Прощай! (*Побигла*).

Я в а 2 - а.

Якивъ и Сохвія.

Якивъ (*пидходе до вкна*).

Сыдышь. пташко-кинарко? А чому жъ голосно не поешь?.. Мене те жъ позавчора посадовылы, потимъ ослобонылы. Ослобонылы и не были, отъ такъ штука!.. Вартоломей и лозы намочывъ и зубамы скрипывъ... Щожъ воно оце означа, що завжды были, а теперъ не бють? Загадка та ще й не проста! А тебе за вищо держать?

Сохвія.

Не знаю, мени зовсимъ не втямки!..

Якивъ.

А я тоби скажу за вищо. Панська ласка до порога, розуміешъ? Сегодня ты любя, а завтра геть зъ очей!... А каполь-мейстера вчора поховалы,—чула? Пивчи спивалы, музыкы гралы... Вен byly зо-

дигнони въ чорне, въ брузументы... Сумно, такъ сумно було!.. Пивчи и музыкы плакалы, зъ двирськихъ де-хто тежъ плакавъ... А спытай чого вони плачуть? Ничае, на цимъ свити краще, чы що? Я не плакавъ, не змигъ... Ще видтоди, якъ виддалы мене въ обученіе у городъ, такъ ще видтоди выбыто зъ мене вси слезы. Дома я бувъ у матери одынчыкъ, пестованый, а хазяинъ попався мени катюга!.. Охъ, сколько винъ сылы зъ мене взявъ. ажъ страшно згадать!.. Мене двичи зъ петли выратовувалы... Такъ одынъ пидмастерій мене навчывъ, каже: „выпный Яшка и не буде такъ бійка дошкулять“. Съ того разу я почавъ пьть, зъ чотырнадцаты лить пью... Чымъ бильшь мене хазяинъ бывъ, тымъ бильшь я пывъ. Вернувся зъ обучения и думавъ покинуты горилку. ажъ и тутъ мене зразу за грубиянство выхворостылы та такъ, що зъ мисяць прокачався... Видтоди я що дня заливаю за галстукъ. Давно заливаю, мене бють. деруть, а я заливаю за галстукъ!... А теперъ ни вчора, ни позавчора мене не были,—правда, загадка?

Сохвія.

А панъ вчора бувъ на кладовыщи?

Якивъ.

Бувъ, такы сумный!.. Все помремъ... И я помру, и панъ помре... Може панъ того й сумовавъ?.. Сумуй не сумуй, а не одвертыся. Ну, я згоденъ хочъ и заразы руки скласты. Нема мени кого покидать. нема за кымъ и жалкувать... И за мною ни хто не пожалкуе. Стало быть, кругомъ квыть. Тилькы одна думка ще цікавить мене. Що буде, якъ люде й справди джудутця воли? Пэдуріють, показатця!.. Хотивъ бы я хочъ одынъ день дыхнуты волею, а тоди вже й смерты!..

Сохвія.

Вы чулы про панночкынь грихъ?

Якивъ.

Про який грихъ?

Сохвія.

Невже ничого не чулы?

Якивъ.

Ни!

Сохвія.

А панна не хвора?

Якивъ.

Здоровисенька, сегодня ии бачывъ. Правда, що вчора на кладовыщи ии не було...

Сохвія.

Де заразъ панъ?

Якивъ.

Поіхавъ до когось у гости, ще вчора на ничъ поіхавъ!..

Сохвія.

Якове, зробіть мени одну ласку, я знаю, у васъ щыра душа!..

Якивъ.

Горе мени зъ тією душею. Отъ колыбъ мени Вартоломеева душа.

Сохвія.

Зробіть мени ласку?

Якивъ.

Зроблю, дви, або й тры. Кажы яку?

Сохвія.

Мени треба бачыты бабу Репыху. Натэ вамъ ось карбованця, виднеситъ Репыси и скажитъ, щобъ заразъ прыйшла сюды.

Якивъ.

Ты чы не чарувать часомъ задумала пана? Я не згоджусь на такую послугу. Правдою все зроблю, а брехнею-ни! Мій вхваль такой: „по правды роботы, по правды й очи вылизутъ“.

Сохвія.

Бороны мене Боже чаруваты!.. Ни, мени треба правды довидатысь про одне дило.

Якивъ.

Гляды жъ, не обдуры мене. Пиду и заразъ прытаскаю тоби Репыху. Слухай, Сохвіе!.. Ты може хочешъ втекты, такъ я тоби и безъ бабы дамъ пораду: сокыра, або терпугъ и на воли!..

Сохвія.

Эпершу мени треба зъ бабою порадытысь.

Якивъ.

Якъ знаешъ. А я тоби и шляхъ покажу, куды и якъ втикаты. Ну, пиду по бабу. (*Взявъ карбованця и пшовъ*).

Я ва 3-а.

Дося (*иде черезъ садъ*).

Що це й досы не выдко Репыхы? Видколы панночка ии дожыдають... Може дытя заслабло?.. Якъ на голкахъ мы зъ нянькою день и ничъ. И колы цему край буде?

Сохвія.

Здрастуй, Дося!

Дося:

Цуръ тоби, якъ злякала!

Сохвія.

Пидійды бльжче.

Дося.

Щобъ хто побачывъ?

Сохвія.

Боисся?

Дося.

Кого?

Сохвія.

Вартоломея.

Дося.

Ну, це ще хто его зна, хто тутъ старшій,—чы Вартоломей. чы мои дядё, бухветчыкъ?

Сохвія.

Чы вже панъ довидався про панночкынь грихъ?

Дося.

Про якый грихъ? Слухай, Сохвіе! Я тоби не титка Мокрына, отъ що. У мене языкъ коротчый! Може бувъ грихъ, а теперъ его нема!

Сохвія.

Хиба панночка задавила дытynu?

Дося.

Пыпотъ тоби на языка, бешыха тоби на мордяку!.. Ачъ, зъ якого краю забигла!.. (*Хутко пишла*).

Сохвія.

Ага!.. Е грихъ, е!..

Я в а 4-я.

Вартоломей и Сохвія.

Вартоломей.

Такъ онъ яка новына: Юрко втикъ? Я такы завжды, якъ гляну було на него,

заразъ такъ и подумаю: втече! И отъ на мое й вышло.

Сохвія.

Вартоломею.

Вартоломей.

А дали якъ? (*Одвертається*).

Сохвія.

Це вы такъ зо мною поводитесь?

Вартоломей.

А ты жъ хто така? (*Дивиться*). А, я й не признавъ вашого свынятельства, выбачайте!.. (*Кланяється*). Така примитна парсона, а я й шапки не знаявъ... Ще разъ выбачайте!

Сохвія.

Отакои чести диждалась!

Вартоломей.

Кому честь, а кому й по потылицы. Я й руки цилувавъ, а вона онъ якъ мѣни виддячыла!.. Що ты таке панови наплела, що вони тебе зненавидылы?... И я теперъ тебе тежъ ненавидю!.. А дубки выпрохала? Я тоби дубкивъ по викъ не забуду!...

Сохвія.

Воно, мабуть, и завжды такъ, що пры лыхій годыни и прыятели стають ворогами?...

Вартоломей.

Ну, ну, ты мени такого не кажи!... Докы ты була полюбовныцею, доты я тебе й почитувавъ; а теперъ, якъ ты панови спротывылась, то й я тобою гыдую, по всій хворменій правыли гыдую!... Ось пострывай, завтра мы тебе зодягнемо у пистреву спидныцю та въ лычаки; обмажемо косу смолою, ще й перьямъ попры-

сыпымо, якъ колысь Прысьци, та й гайда на хутирѣ гындычать та гусой доглядаты!..

Сохвія.

Та швядчѣ удавлюсь, нижѣ дамся на знущенне!.. Не диждете!..

Вартоломей.

Побачымо. Будуть тоби не разѣ дубкы гыкатысь!.. (Пишовѣ).

Сохвія.

О, шроде, выпортку чортачый!..

Я в а б - а.

Яквивъ, згодомъ Репыха.

Яквивъ.

Сохвіе, плачешъ?

Сохвія.

Не до плачу мени. Де баба Репыха?

Яквивъ.

А я, Сохвіе, выпывъ... Осьдечкы и видьма повзе.

Репыха (*надходе*).

Самъ ты видьмакъ.

Яквивъ.

Дывы, дывы, якъ очи вырѣчыла!... Хочешъ мене стрискаць? Чортового батька вгрызешъ!..

Репыха.

Скаженимъ бувъ змалку, такимъ зоставсь и до останку.

Яквивъ.

Гадюка миняе шкуру, а я не гадючого кодла... Пиду бунтовать!.. Бый

шкуру барабанную, на те вона й шкура! Пидмочуй та дужчѣ выколочуй!... (Пишовѣ).

Репыха (*Сохвіи*).

Це жѣ за вицо на тебе напасть? Була полюбовныцею, теперъ стала колодныцею?..

Сохвія.

Лыхо не по деревахъ ходыть, а по людяхъ... Рятуйте мене, бабуся!..

Репыха.

У чимъ же ты провныла?

Сохвія.

Скажете вы мени правду?

Репыха.

Чы людську правду, чы Божу? У котрій хати правда стоить за порогомъ, тамъ ий и на языци нема мисьця.. Божу жѣ правду кажуть тилькы одному Богови...

Сохвія.

Мени вы скажете правду?

Репыха.

Яку зручно, таку й скажу.

Сохвія.

Скажить мени про панночкынѣ грихъ.

Репыха (*жахнуласть*).

Якый грихъ?

Сохвія.

Де панночкына дытына?

Репыха.

Ты певно збожевилила? Цуръ тоби, пекъ! Тикаты видѣ тебе мерщій!..

Сохвія.

Ага, ховаете очи?.. Мокрыпа казала!

РЕПЫХА.

Бодай Мокрыни послыпыло! Брехня, симсотъ десять-сотъ разъ брехня!..

СОХВІЯ.

Докажу, я на всихъ докажу, не выхováетесь!

РЕПЫХА.

Навиженна, неприторенна!.. На, тоби твого карбованьця, хай ему врагъ!.. Брехня, симсотъ десять-сотъ разъ брехня! (*Вынула въ вѣкно гроши и пишла*).

СОХВІЯ.

Е, е грихъ, я певна въ тимъ!... Треба швидчъ вызволытись зъ леху!..

Я в а 8 - а.

Прохоръ и Сохвія.

Прохоръ (*подає въ вѣкно Сохвіи пирога*).

На! Сестра прислала тоби пирога, тилькы никому не кажи, що я принисъ, чуешь?

СОХВІЯ.

Дядьку, Прохоре! Чы памятаете вы, що я була до васъ доброу?

ПРОХОРЪ.

Памятаю и николы не забуду. Добра я николы не забувавъ. Ты завжды мене частувала... молодця!

СОХВІЯ.

Я дамъ вамъ пять карбованьцивъ, ось, нате карбованьця на завдатокъ. (*Дає*).

Прохоръ (*дывитьця на гроши*).

Справди карбованецъ!..

СОХВІЯ.

Допоможить мени утекты звидцы.

ПРОХОРЪ.

Хи!.. (*Ажъ присивъ зо страху*). Втекты? Таке страшне кажешъ... Пять карбованьцивъ дасы?

СОХВІЯ.

Принесить мени сокыру, або терпуга.

ПРОХОРЪ.

Я принесу сокыру, або терпуга, ты вызволыся; а потимъ якъ тебе ушймають—выкажешъ на мене?

СОХВІЯ.

Щобъ я не диждала святого прычастя, щобъ мене земля не прыняла, колы выкажу!..

ПРОХОРЪ.

Дасы, кажешъ, ще пять карбованьцивъ, чы зъ оцымъ пять?

СОХВІЯ.

Дамъ шість ще!..

ПРОХОРЪ.

Ого! Колы такъ, стій!.. Я заразъ принесу сокыру и терпуга!.. Та якъ же ты втечешъ? Я цилый вѣкъ збираюся у бига и вже скільки разивъ зовсимъ бувъ зибрався, а отъ ни разу не втикъ... Якъ люде втикалы, такъ и мене що разу пидмовлялы, а я такы не втикъ... А разъ умовылы такы и я зайшовъ зъ ними ажъ за село... Колы це раптомъ, веначе що поперебивало мени ноги, ей-ой!... Не могу зъ мисьця ступыты!.. Чы не штука, скажешъ? Упавъ на шляхъ та й кажу: що хочте робить зо мною, а я дали не пиду. Вони вылаялы мене гарненько, ще й быть хотылы, та не було часу... Люде пишылы, а я полежавъ-полежавъ на шляху, та якъ схоплюсь, якъ дремену назадъ въ село!.. Отаке бува зъ людною!.. Гляды жъ, симъ цилковыхъ!.. (*Пишовъ*).

Сохвія.

Вывольсь и всихъ выведу на свижу воду!.. И Вартоломееви утру носа!..

Я в а 9-а.

Репыха и Орыся (*проходятъ въ бесидку*).

РЕПЫХА.

Кажу жъ вамъ, що такъ и галаснула: „докажу, на всихъ докажу!“

ОРЫСЯ.

Що жъ, нехай доказуе... Не сегодня-завтра выявтыця... Бабусю!.. Якъ тилькы смеркне прынесы мени сына: якъ я его не бачу, то мени выжаетця нибы винъ померъ, або занедужавъ...

РЕПЫХА.

Не бійтесь, живисенькый-здоровисенькый!..

ОРЫСЯ.

Я хочу его бачыты. Зъ учорашнёго вечора не бачыла его и скучыла,—прынесы!..

РЕПЫХА.

Охъ, лыбонь, слидкують вже де-котри!..

ОРЫСЯ.

Що буде, то буде—прынесы! Я не могу такъ довго его не бачыты!..

РЕПЫХА.

Ваша воля... Зустричайте жъ насъ въ киньци дорижкы, на мистку. (*Пшла*).

ОРЫСЯ (*сама*).

Ни, треба все це скинчыты и якъ найскорищъ. Я мушу все выявтыты отце-

ви, нехай судыты мене... Дали терпиты не стача здоровля... Надломыльсь мои сылы, знемоглась я, знервничалась... А де жъ я сыль визьму на боротьбу зъ тимъ, що попереду мене чека?.. Може отецъ вже догадуецця?.. Може и винъ мучытця?.. О, певно! Учора обмовылся: „якъ бы, каже, була тому правда, що мени про тебе наплелы“... И такъ страшно и жалбно глянувь на мене!... Догадуецця, певно догадуецця!.. Ну щожъ, нехай... Колыбъ Репыха швидчъ прыпесла сына; колы мій сынъ буде зо мною я зразу осылю, и страхъ и соромъ одлынуть видъ думокъ... А що я вчыныла соромлявого, що вдіяла страшного?... Хйба серцемъ любыты грихъ, хйба серцемъ любыты соромъ?.. Ни, я не боюсь, бо я не преступна... Що покохала я неривню, то хйба въ тимъ мій соромъ, хйба въ тимъ мій и грихъ?.. Чый судъ справедлывищій, и чыего суда я повинна страшытыся—людського, чы Божого? Я жъ не задавыла моен дытыны и не струила, не видреклась я видъ неи и не выкынула въ прирву, якъ слипе щеня!.. И Бога я тимъ не прогнывила!.. А людський судъ?.. Нехай люде судыты мене, нехай отецъ судыты,—Богъ за мене!.. Ухылятыся и выховуватыся дали нема змогы!.. Я повинна швидчъ прызнатыся, щобъ жыты вкупи зъ сыномъ, рады сына!.. Ще е у мене тяжкый обовязокъ: я мушу Юрка обороныты видъ отця, бо надъ нымъ отецъ може проявыты свою владу въ страшенній сылы!.. Ось що страшыты мене и я не мовъ падаю духомъ... А може отецъ пожаліе мене, пожаліе мого сына, може змылуецця и надъ Юркомъ?.. Я жъ одна у отця!.. Одна!.. (*Заплакала*). Охъ, таточку жъ мій риднесенькый, пожалій же свою безшасну едынчку!.. Де жъ ты барыся? Прыбувай же мерщій до домоньку, пожалій ты свою доненьку!..

Я в а 10-а.**Дося и Орыся.**

Дося (*выбигає зь хоромивз*).

Панночко! Панъ прыхалы зь гостей и таки сердыти. Мабуть багато грошей програлы?..

Орыся.

Прыхалы?.. Досю, стій! На вищо ты поросказувала людямъ? Не добра ты!..

Дося.

Я жъ тилькы Мокрыни...

Орыся.

Не хороше ты зробила!..

Дося.

Воны жъ мени титка!..

Орыся.

Не хороше, не хороше! (*Прислухаетця*). Таткивъ голосъ... (*На бикъ*). Чы теперь признатись, чы згодомъ? (*До Доси*). Досю! Бижы до бабы Репыхы, скажи, щобъ швидчъ несла мени сына!..

Дося.

Ще рано, постережуть... Нехай, якъ смеркне!..

Орыся.

Ни, пора! Ходимъ до мистка, може вже вона несе? (*Пшлы*).

Я в а 11-а.**Пидгайный и Вартоломей.**

Пидгайный (*на балконн*).

Такъ въ городи Юрка нема?

Вартоломей.

Нема!.. Я завжды думавъ що Юрко неодминно втече, було гляну на него, тай кажу соби: втече!..

Пидгайный.

Не повинно-бъ?.. Г-мъ. (*Помовчавъ*). А ты набрежавъ мени, що въ хазяйствн все благополучно.

Вартоломей.

Якъ? Благополучно, именно благополучно по всій хорми и какуратно...

Пидгайный.

Тадже виль рябий здохъ?

Вартоломей.

Тошно, що одійшовъ... И Богъ его зна зъ чого винъ: чы павука зывъ, чы такон росы вхопивъ?..

Пидгайный.

И лошыця, що одъ каплаухон?

Вартоломей.

Тошно... росчыхнулась... Ожеледа, пидскобзнулась... Куповалы цыгане, давалы девять карбованьцивъ, такъ управляющій не продаль.

Пидгайный.

А лошакъ видъ буланон?

Вартоломей.

Лошакъ?.. То вже, зависно... Проты него чоловикъ сылы ни которон... Ежели не злюбыть, зведе усяку товарыну, хорменно зведе.

Пидгайный.

Що ты варнякаешъ?

Вартоломей.

Це вже кого завгодно спытайте. На те винъ хазяинъ.

Пидгайный.

Якый хазяинъ?

Вартоломей.

Домовый, стало быть. Сказать, прямо не злюбывъ лошака и затырывъ его у ясла... Я скилькы разивъ казавъ управляющому: убийте, кажу, пожалуста, сороку. Высила-бъ на бантыни сорока, не посмивъ-бы...

Пидгайный.

Про яку ты мени сороку торочышь, чортова ты ворона?

Вартоломей.

Та я хочъ и заприсягну!.. Не прыступе тоди, ни за що не прыступе, якъ сорока выситыме на бантыни.

Пидгайный.

Не мишало-бъ тебе повисыты на бантыни, щобъ трохы одтухъ!..

Вартоломей.

Я старався, ночей не досыпавъ, хлеба не доідавъ...

Я в а 12 - а.

Ти жъ и Якивъ.

Якивъ (за лаштунками).

Бый кожухъ—буде теплищъ, бый мужыка—буде дурнищъ!.. (Побачывъ Пидгайного). Здравія желаемъ, зъ похмилля помираемъ! Вы панъ наши, а мы пидданкы ваши; а колысь прыйде воля и усмихнетця доля!.. А докы воли нема, пане, велить Вартоломееви спустыть мени кровь, бо бунтуе!.. Бый шкуру барабанную!..

Пидгайный.

Зновь назюкався?

Вартоломей (тыхо).

Винъ тутъ безъ вашои мылосты, що ддя напывався та все про волю бекавъ... Бунтовавъ!.. Прыкажить всыпать ему 25-ть.

Пидгайный.

Чы не свербыть у тебе спына?

Вартоломей (тыхо).

Винъ бунтаръ. Хорменный!..

Пидгайный.

Мовчы.

Якивъ.

Ваше высокоблагородіе! Кажуть, що Юрко втикъ? И добре зробывъ!.. Це я его навчывъ втикать. Втикай, кажу, и шабашъ!.. Торикъ Дмитро втикъ, Петро каларнытысть,—я й тихъ навчывъ. Втикайте, кажу, хлопци!..

Пидгайный (Вартоломее).

Скажы, щобъ его взяли звидцы!

Якивъ.

И щобъ выхворостылы!

Вартоломей.

Гей, визьмить его! (Два чоловика подбигаютъ до Якова и берутъ его).

Якивъ.

Бый шкуру барабанную! Вартоломее! Я и тебе навчу якъ втекты!.. Барынь! Прыкажыть Вартоломееви, щобъ лозы намочывъ, та видличывъ!..

Пидгайный.

Замкнутъ его зновь въ лехъ!..

Якивъ.

А быть не треба? Отъ такъ штука: ведуть и не бьютъ! Я такъ не согласенъ!.. (Его повелы). Бый шкуру!.. (Спива):

Куды мене поведете?
 Пидь лотоки.
 А що мени постелете?
 Спнишь осоки!..

Пидгайный (до Вартоломея).

Визьмы двоохъ чоловікивъ и идь шукать Юрка. Тилькы я тоби Вартоломею, забороная быть его,—чуешъ? Щобъ ты и пальцемъ его не зачепывъ! (*Пишовъ въ хоромы*).

Вартоломей (*здывованно*).

Щобъ и пальцемъ?.. Що воно таке? Лыбонь, це и нашъ панъ и нибы не нашъ?!.. Яшку не звелилы быты, Юрка щобъ и пальцемъ не зачепыты!.. (*Пишовъ дычучысь*).

Я в а 13 - а.

Прохоръ и Сохвія.

Прохоръ (*дае Сохвіи теруга*).

На, вызволяйся! Тилькы памьятай, що висемь карбованьцивъ—чуешъ? (*Пишовъ*).

Сохвія.

Колыбъ швидчъ вже смеркало. (*Почына пылять ґраткы и прислухытысь*). Охъ, клята неволе, умицны мои сылы, допоможи вызволытысь, а воля настальты мій розумъ и загартуе помсту!.. (*Смеркае. Въ аллеи зъявляютьця Репыха, Орыся и Дося. У Орыси дытына на рукахъ. Дося иде въ хоромы, а Орыся и Репыха въ бесидку*).

Я в а 14 - а.

Репыха и Орыся.

Орыся (*сила у бесидци*).

Мое янголяточко, мое немовляточко!
 О, колыбъ ты змогло промовыты, ты бь

найкраще и пайщырше порадыло твою маму! (*Туле дытыну до серця*). Охъ, якъ же хороше мени зъ тобою, мій еднчыку!.. Якимъ чаривнымъ тепломъ зогриваєшь ты мене!.. На вицо жъ я, моя дытыно, съ тобою такъ на довго розризняюсь, на вицо виддаю тебе чужымъ людямъ, въ чужу хату?... Чому жъ ты, мій сыночку, мусышь буты не въ свой, а въ чужій хати? Осьдочки жъ и наша хата, а тебе въ ній нема!.. Голубьяточко мое! Тулю тебе до серця и сердце трипоче, радіе, сповняетця сыламы и надіямы!.. Та чы довго жъ я ще крадькома тулытыму тебе до лоня, выховуватыму по закуткахъ таемныхъ?.. Охъ, не сыла жъ моя зъ тобою бильшь розризнитысь!..

Репыха.

Не сыла, та мусыте!..

Орыся.

Та я жъ зтеряюсь безъ тебе, занедужаю, помру, колы ще хочъ на день розризняюсь зъ тобою!.. Та що я за маты буду, колы видъ тебе видречусь? Нехай же иде сюды отецъ, нехай вси идуць, я пры всихъ голосно вымовлю, що ты мій сынъ!

Репыха.

Що-бо вы говорыте? А соромъ, а глумъ?

Орыся.

Я швидчъ переможу соромъ и глумъ, нижъ розлученне зъ моимъ сыномъ!

Репыха.

Розлученне лехче перемогты, нижъ те, що воно й досы не хрещене? Колыбъ его намъ якъ у хрестъ увесты? А то, якъ бороны Боже, обминуть у ночи!

Орыся.

Хто обминуть?

РЕПЫХА.

Не знаете хто? Я цилисенькы noci не сплю та все стережу, всю колысочку хрестыкамы та божкамы обвешала...

ОРЫСЯ.

Я не пойму, про вищо вы кажете?

РЕПЫХА.

Адже розказують, що о тутъ десь не подалечку, та черезъ якийсь тамъ случай, не вспилы дытны охрестыты, все, бачте, видкладалы зо дня на день; ажъ воно й пришло, якъ разъ у пивночи, якъ вси хатни поснулы та й переминыло... У раньци дырлятыця, ажъ за мисць дытны лежить въ колысци, не мовъ кошени, або не мовъ цуденя, щось таке... А цытьте, що воно? Чуєте, нибы щось стукнуло? (*Прислухаютьця*).

ОРЫСЯ.

То вамъ вчулося!..

Сохвiя (*Вылазитъ кризь вiкно*).

У бесидци панна и Репыха!.. А што у панны на рукахъ?.. Дытныа!.. (*Шобыла въ хоромы*).

РЕПЫХА.

Давайте вже мени парубка, пора намъ и до дому. Хто его зна, якъ мы й греблю перейдемъ, що вже зовсимъ стемнило, а воно не хрещене!.. У досвита зновъ прийдемо въ гости, а теперъ проведить насъ до мистка.

ОРЫСЯ.

Пождить ще!..

Я в а 15-а.

Ти жъ Пидгайный и Сохвiя.

Сохвiя (*показуе*).

Ондечкы, въ бесидци!

ОРЫСЯ (*побачыла*).

Татко?!..

РЕПЫХА.

Давайте мерщiй дытну!..

ОРЫСЯ.

Пизно вже! (*Репыха зныкае*).

Пидгайный (*до Орыси*).

Такъ тому правда?

СОХВИЯ.

Бачте, пане, що я не сплетныця!..

ОРЫСЯ.

Сохвiе, геть звидцы!.. Межъ батькомъ и дочкою полюбовныця не свидокъ!.. (*Сохвiя зныка*).

Пидгайный.

Такъ ось воно що?

ОРЫСЯ.

Я передъ вами зъ усiєю моею провыною!

Пидгайный.

Такъ ось якъ ты виддячыла за выхованне и все пеклуванне! А де жъ герой цего срамотного роману, де винъ? Сховавала? О, хаме, гадыно!. Я жъ на тоби помщусь за весь мiй соромъ!..

ОРЫСЯ.

Я одна вынна! Помщайтесь на мени одний!.. Кленусь могылою матери, одна я вынна!

Пидгайный.

Не смiй тревожиты праха твоеи матери твоимъ гыдкимъ вчынкомъ, ты заплямыла его на выкы!

ОРЫСЯ.

За те вы завжды были святы передъ моею мамою, не тилькы пры житти iн, а й пiсля смерти...

Пидгайный.

Ты смієшь мене дорикаты? Геть, зъ очей моихъ?

Орыся.

Вы корыстаєтесь правомъ батька, сы-
лоу державця, чы владоу рабовладильця,
що прогоните мене?..

Пидгайный.

Ты... Ты найлютіиший мій ворогъ!..
(*Вхопывся за голову*).

Орыся.

Вы смилыво такъ ображаєте мене...
Вы потаскухоу мене вельчаєте... А хіба
въ мене нема сылы и права сказаты
вамъ, що то неправда? Ни, е! Богъ моя
сыла и мое право! Вертаю вамъ ваше слово...
Що я непокирлыва, невдячна, своевольна—
все це може й правда, тилькы я не по-
таскуха!.. Я не виддала мои дытны
людямъ, не видреклась видъ неи, не
струила їи и не задавила,—совість моя
свитла передъ Богомъ!..

Пидгайный.

О, краще бь ты неродылася на свить
Божій!..

Орыся.

Про це вамъ зручницъ знаты!.. Ну,
сыну, жєнуть насъ, ходимъ, пора... (*Ды-
тына почи нахыкать*).

Пидгайный.

А, цей мени пискъ!.. Стій, куды ты?
Ты дытныачимъ плачемъ згвалтуєшь всю
двирню!.. Ничь вже!..

Орыся.

Теперь мени и въ ночи вся шляхы
видни!..

Пидгайный.

Такой соромъ, такой позоръ!..

Орыся.

Не плачь, сыну! Дамо слезамъ волю
якъ опынымость на простори,—межь небомъ
та землю. Прощайте, тату... На выкы!
(*Захыталась и вхопылась за стовпъ,
дытына падає зъ рукъ*).

Пидгайный (*пидхоплює дытыну*).

Божовильна, ты вбєшь дытыну!.. Що
зъ нею? Гей, нянько!.. Нянько, скорій
сюды!..

Я в а 16-а.

Ти жь и нянька.

Нянька.

Я тутъ, ваша милость.

Пидгайный.

Визьмы ось цєго... вылупка!.. (*Даетъ
їй дытыну*). Це ты, ты вынна! Це ты
такъ доглядила!.. (*Пиддержує Орысю*).

Нянька. (*взяла дытыну*).

А вжежь що я! Хто жь бильшь и
вынєнь, якъ не я? Я була що разу вынна
и за покійну паню, котру выглядила и
выпєстыла... Вы мене й за неи докорялы,
а теперь...

Пидгайный.

Мовчы! Принєсы мерщій воды!.. (*Нянь-
ка побигла и черезъ мить вертаєтця
зъ шклянкою воды*). Вона не дыше!..
Ось до чого своя воля довела!.. (*До
нянькы*). Жыва, дыше!.. Мерщій постылъ
приготуй!

Нянька.

Такъ бы й спочатку... А то хвору,
немощну дытыну, дорикаты почалы... Їи и
такъ сердешний тяжко.

Пидгайный.

Мовчы беззуба!.. Тебе годылось бы
провчыты!.. Доглядила?

Нянька.

Треба жъ вамъ на комусь здісь зир-
вати, а то іжа не така смашна буде, то
зирвить на мени...

Пидгайный.

А, замовчы!.. За ликаремъ треба-бъ...
Прыйдетця привселюдно вьявити хатній
соромъ!.. А покы що, за бабкою якою
послаты? Яка у насъ бабка найкраща?

Нянька.

Яка жъ, якъ не Репыха? Найкорыст-
нищи ликы будуть, якъ вы прыголу-
быте ии й пожаліете.

Пидгайный.

Вчы, вчы мене!.. Поможы несты! (*Не-
сутъ Орысю*). О такой каламутъ, о такє
позорыще!.. (*До нянькы*). Ты хочъ ни
кому не розбовтуй!..

Зависа.

Д і я 4 - а.

*Писчаный берегъ Днипра. Кущи, лозы, дали очереты. Въ глыбыни ры-
балський куринь и неводы, блыжче примистъ до порома.*

Ява 1-а.

Василь и Семень.

Василь (*пидплыва до берега*).

Дно, дно, я намацавъ ногою дно, ста-
вай смилыво!..

Семень (*пидплыва*).

Невже переплывлы? Слава Господєви!
(*Выходитъ на берегъ, важко дыха,
дали сида; на ногахъ у него пута*).

Василь (*Выходе зъ воды*).

Спочынь, докы я знайду каменюку,
розибьемо кайданы та й заразъ дали
майнемъ, бо тутъ довго засыжуватысь не
безпєчно. Генъ, генъ тамъ, у плавняхъ спо-
чынемо, та на всю ничъ и дременеъ у
Херсонщину. Мени тутъ уси шляхы зна-
єми. (*Шука*).

Семень (*ледве дыха*).

Охъ, якъ сердце стука! На середыни
якъ пидхопыло мене быстрею, я ажъ зля-
кавсь... Думаю: закрутыть, потягне на дно...

туть мени жаба и пыть дасть... Почавъ
вже, „отчу нашу“ проказуваты... А що
воно ото за курєни?

Василь (*несе каменя*).

Рыбалськи! А ну, попрубуємо лань-
цюга, чы мищно загартованый? (*Почына
розбываты*).

Семень.

Може-бъ не тутъ, а дали?... Курєни
блызько?..

Василь.

Та про межъ рыбалоць нашего брата
бурлачни сыла; а що въ херсонщыни та
въ бассараби, такъ тамъ однимъ нашимъ
братомъ блатнимъ тилькы й роблять. У
рыбалоць тилькы ничего не зачепай, такъ
и воны тебе не зачеплять; а пидцупышь
що--бытымуть, доженуть и виддубасять!..
Воны завжды на ничъ, биля курєня, кла-
дуть окраєць хлиба, а часто й кулишу
зоставляють, щобъ який мандривецъ по-
годувався...

СЕМЕНЬ.

И що воно зъ тымъ човномъ сталося, що винъ розвалився?

ВАСЫЛЬ.

То не човенъ, а душогубка проклята! Лытвынкы кинулы, якъ ничемныцю, а мы поласылись на неи. Доки по течіи пльылы — держалася, а якъ повернули проты воды — зразу и розвалилася. За себе я певенъ бувъ, що вырятуюсь, а за тебе, що ты въ зализахъ, страхъ боявся!..

СЕМЕНЬ.

Ге, я ще змалку здорово пльваю. Якъ бувъ ще за пидпасыча биля панського яливныка, то якъ прыженемъ було яливныкъ на тырло, то я, якъ улизу въ ставокъ, то пльваю ажъ до полудня. Я можу й горилицы, и зъ вымахомъ и бокаса и стовбуна... А що пирнаю, такъ бувало черезъ увесь ставокъ перепирну!...

ВАСЫЛЬ.

А за що це тебе спуталы?

СЕМЕНЬ.

Хотилы у москали запакуваты, а я и втикъ...

ВАСЫЛЬ.

А я, братъ, вже шостый разъ втикаю, пьять разивъ втикавъ все весною, а це попробувавъ ще въ осены. Мени дома не сыдытця. (*Розбывъ ланцюгы*). Готово! Иды жъ, ланцюже, къ чортамъ на вырынкы!.. (*Жбурля въ ричку*). Якъ тилькы весною зазеленіе по проталынахъ травця, якъ тилькы защецбече жайворинокъ, то такъ мене и занудыть мандривка. Хотилы мене батько оженыты и дивчыну вже по сваталы и таку дивчыну окуратну... Завтрабъ намъ до винця іхаты... Ото я й пишовъ у вечери до неи. Сыдымо соби, балакаемо, ажъ чую хтось спива:

Та немає въ свити гиршъ никоМУ,
Якъ бурлаци молодому...

Мене неначе щось невыдыме такъ раптомъ и видсунуло видъ неи. Глянувъ я на дивчыну, нобы вже то не та, а якась друга... Дывывсь, дывывсь я на неи, а дали й кажу: гарна ты дивчына, та не тоби я женышына. Тоди пружогомъ видъ неи. Оглянувся вже якъ наша дзвинця ледве маячила... Оттаке! Пора намъ пидгодуватысь тай мандруваты дали. А де жъ твоя торба?

СЕМЕНЬ.

На жъ тоби, згубывъ! Отъ и пиджывылись пырогамы, що маты дали на дорогу. Певно мотузка перервалася и торба пишла на дно.

ВАСЫЛЬ.

У мене тилькы и е шматокъ цвилого сухаря та ложка. (*Выйма сухарь и ложку*).

СЕМЕНЬ.

Та й у мене зосталыся тилькы ложка то голодный жывить.

ВАСЫЛЬ (*Грызе сухарь*).

А добрячий сухарь, якъ брусь, скильки мочь у води и не розмокъ. Мабуть винъ позаторишний? Посербаемо хочъ водыци, за мисць борщу. Ов-ва! (*Маца въ кишени*). И солы нема, а ни дрибка!

СЕМЕНЬ.

Безъ солы не кортитыме пыты и згага не пектыме.

ВАСЫЛЬ.

На жъ и тоби половыну, пиджывысь. (*Перебыва каменемъ сухаря и дае*). Я вже не впершъ такъ обидаю. (*Бере зъ ричкы ложкою воду и заіда сухаремъ*). А правда тутъ смачна вода?

СЕМЕНЪ.

На воли и вода смачнищъ видь борщу.

ВАСЫЛЬ.

Ця ричка тече зъ вильного краю, черезъ те и вода въ ній солодка. А цыть! Що воно гупотыть?

СЕМЕНЪ (*пиднявся*).

Сюды бижыть щось киньмы!

ВАСЫЛЬ.

Въ шелюгы мерщій, за мною!.. (*Побиглы въ шелюгы*). Падай на землю!... (*Помовчавшы пидводе голову*). Що воно? Трое коней, а одынъ тилькы вершныкъ? Стій, це нашъ чоловикъ, ей-ей нашъ!.. А ну, гукну. Остапе! О, оглянущя. Винъ и е, Остапъ. Остапе, куды поспишаешъ, чы не на ярмарокъ?

ОСТАПЪ (*гука*).

А ты жъ хто такой?

ВАСЫЛЬ.

Прыдывысь.

ОСТАПЪ.

Нѣвже Васыль? Ты зновъ втикъ?

ВАСЫЛЬ.

А ты по якому былету?

ОСТАПЪ.

Стрывай, роскажу. Осъ тилькы коней прышну!

ВАСЫЛЬ.

Щось мени и кони ци познаку.

Я в а 2 - а.

Ти жъ и Остапъ.

ОСТАПЪ.

Здоровъ! Давно тутъ?

ВАСЫЛЬ.

Оце свижо переплывлы, бачъ и досы не обсохлы.

ОСТАПЪ (*на Семена*).

А цей звидкъ?

СЕМЕНЪ.

Зъ Блыгадыровои.

ОСТАПЪ.

По воли?

СЕМЕНЪ.

Ни, на вздогынцы за волею.

ОСТАПЪ.

Стало быть, намъ по дорози? Ну, здоровъ? (*Чоломкаютця*).

ВАСЫЛЬ.

Чы іство у тебе е яке?

ОСТАПЪ.

Два хлиба и чотыри тарани.

ВАСЫЛЬ.

А мы голодни!

ОСТАПЪ.

Я васъ пидгодую. (*Хутко пишовъ за лаштункы*).

СЕМЕНЪ.

Выдко, що Остапъ друзьяга.

ВАСЫЛЬ.

Въ неволи найшырище товаришуванне.

ОСТАПЪ (*вертаецця зъ крайцею хлиба и двома таранямы*).

Нате, годуйтесь. Колюбъ ты знавъ, Васылю, якъ я ускычывъ бувъ у капканъ.

Василь.

Невже? (*Ість*). Оце такъ хлибъ.

Сементъ.

И тарань ловка.

Остапъ.

Прокрадався я въ наше село, щобъ побачитись зъ жинкою та зъ дитьми та й наризався на самого пана? Бачу, не перельвки, упавъ на вколюшки и ставъ прохаты, щобъ помылувавъ. Такъ винъ гукнувъ на людей и звеливъ забыть мене у зализа. Э, думаю, колы ты такъ зо мною, то я жъ тоби не пидданокъ... У ночи продеръ стриху въ леху, въ який мене замкнулы, та въ конюшню, бачу, стоять гарни кони, такъ я за мисць одніи конякы зачепывъ ажъ трое. Проїзду по узъ хоромы, ажъ це панъ кризь викно й пита: „а хто то іде?“ Це я кажу, пане. Спокойной вамъ ночи, приятного сва. Та якъ дремену. Вже свитаты почало, якъ я прыпынывъ коней, доїзжаючи до Днипра. А оце тилькы що переплывъ.

Василь.

Що жъ ты теперь робытимешъ зъ киньмы?

Остапъ.

А те, що оце заразъ вси трое сядемо та й поїдемо, а тамъ десь коней продамо й будуть у насъ гроши. Колы товаришувать, то товаришувать по правди!

Василь.

Оце але!

Сементъ.

Отъ спасена душа!

Остапъ.

И ничого бильшь и часу гаяты, пидгодувальсь, такъ и гайда. (*Пшшлы*).

Я ва 3-я.

Юрко и два гребця.

Юрко (*зійшовъ зъ човна*).

Спасыби, що перевезлы. Ось вамъ и плата за перевизъ. (*Дає гроши*).

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Два семыгрывенныка, чы не малувато?

Юрко.

Такъ же договорялысь.

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Що жъ, що договорялысь? Мало чого не бува... Договорялысь. Договоръ договоромъ... А правда, Андрию, що малувато?

2-й ГРЕБЕЦЬ.

Ще бъ не малувато?.. Воно якъ що той... неначе такъ, що й зовсимъ малувато.

Юрко.

Скільки жъ вамъ набавить?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Скільки жъ?.. У такимъ, скажемо, випадку, то вже коженъ мусить тямты... Бачте, виходить такъ, що мы оце перевезлы, а щобъ якъ пиде дило на опытъ, то й не знаемо кого перевезлы?.. На случай набижить началство: „кого перевезлы?..“ Звисно, опаска бере... Чы такъ, Андрию?

2-й ГРЕБЕЦЬ.

А вже жъ... И опаска и началство... Якъ же можна?.. Недзя!..

Юрко.

Скільки жъ, пытаю, набавить?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Набигають бува начальныкы и берутъ опытъ: „што, реблята, не перевозылы како-такого?“ А мы й не знаемо.

2-й ГРЕБЕЦЬ.

Эге жь... А мы й не знаемо. Звисно якъ бы мы знали.

Юрко.

Я жь вамъ сказавъ, що я чыновныкъ.

1-й ГРЕБЕЦЬ.

А чого жь воно неначе не выдко, щобъ вы были чыновныкъ? Чы правда, Андрию?

2-й ГРЕБЕЦЬ.

Не выдко... Выходыть, скилькы не вдывляйся, а не выдко...

Юрко.

Вы грамотни?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Богъ мылувавъ.

2-й ГРЕБЕЦЬ.

Безъ надобности!..

Юрко.

Якъ же вы розберете мій документъ?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Тамъ е печати: одна зверху, друга зъ исподу.

2-й ГРЕБЕЦЬ.

Безъ печативъ не можна. Началство прыказуе, щобъ по печатяхъ...

Юрко.

Такъ мы й до вечора не порозуміємось. Кажить, скилькы вамъ набавыть?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

А що, Андрию, якъ мы оце звьяжемо его та й повеземо назадъ?

2-й ГРЕБЕЦЬ.

А такы звьяжемо.

Юрко.

Що, звьяжете? (*Гризно*). Та якъ вы смієте?

1-й ГРЕБЕЦЬ (*не смилыво*).

А ну, Андрию, берысь за него.

2-й ГРЕБЕЦЬ (*тыхо*).

Може у него пидстолець захованый, або шпада?

Юрко.

А ну, ну, попробуйте.

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Якъ сами не подужаемо, гукнемо, ондечкы, до куренивъ, рыбалкы допоможуть.

Юрко.

И я гукну, побачымо кому допоможуть?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Андрию, чы гукать?

Юрко.

Гукайте, гукайте!

2-й ГРЕБЕЦЬ.

А що, якъ воно справи чыновныкъ?

Юрко.

Ну, гукайте жь, або я гукну?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Може й справи?.. Разъ гримне, неначе чыновныкъ, а вдруге вже й ни?..

2-й ГРЕБЕЦЬ (*тихо*).

Ще, щобъ не креснувъ бува по зубакъ?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Та вже дайте намъ якого тамъ грывенника.

ЮРКО.

Не стояло бь даваты... (*Дає*). Соромъ вамъ отакечкы робыты, соромъ!.. А ще й людьмы звутьця!..

1-й ГРЕБЕЦЬ (*до другого*).

Тикаймо!

2-й ГРЕБЕЦЬ.

Прощавайте...

ЮРКО.

А якъ васъ звать?

1-й ГРЕБЕЦЬ (*видступа до човна*).

Якъ звать?..

2-й ГРЕБЕЦЬ (*сизъ въ човна*).

Худчий, Мытрохване!.. (*Болы першый гребецъ сизъ*). Не, братъ, не покурышь!.. (*Хутко поплылы*).

ЮРКО.

Ачь, дряпизныкы!.. (*Помовчавъ*) Доки бувъ на тимъ боци—хапався переплыты, а переплывши—почуваю вже, що сумъ и отчай обступають мене... Одынокый, видкнутый далеко видъ усего дорогого и ридного... И навкругы тутъ такъ сумно: пискъ, шелюгы, верболозь... Витерь гуде!.. А той берегъ якый зеленый, якъ тамъ сонечко ясно свите!.. Ондечкы й шляхъ, котрымъ я іхавъ, якъ повывся пидъ гору; а тамъ дали, межъ вербами, то счезне, то зновъ стежечкою замаячїе... Село Писчане мріе, генъ Ганнивка... У Покотылові тилькы

крыла витрякивъ маячать... А наше село тамъ десь далеко, нибы потонуло въ синій мгли. Я тутъ вольный, а душа моя не мовъ закута въ тяжкы кайданы!.. Та чы переживу жь я розлученнє зъ Орысею? А сына мого я й не бачывъ!.. Я тутъ стеряюсь, помру!.. (*Ухопывся за голову*).

Я в а 4-а.

Пысарь и Десятныкъ.

ПЫСАРЬ.

Треба поспизаты до порома, бо вже ондечкы наблыжається. А докы що, зробымо и на цимъ боци опрось.

ДЕСЯТНЫКЪ.

Вы, лыбонь, зовсимъ залылы слыш!.. Намъ же велено не зъ сегобочныхъ опыты браты, а зъ тогобочныхъ.

ПЫСАРЬ,

Мовчы... (*Пидходе до Юрка*). А позволте васъ спытать, хто вы будете?

ЮРКО.

Якъ? А вамъ на вицо?

ПЫСАРЬ.

Желаю опросыть.

Десятныкъ (*тихо до пысаря*).

Та не чепайте! (*На бикъ*). Придетця тягты его до Днипра та голову змочыть... (*До пысаря*). Не чепайте!..

ПЫСАРЬ (*десятныкови*).

Ць-сь!.. Мовчатъ!.. (*До Юрка*). Хто вы такый и яке ваше званіе?

ЮРКО.

Я чыповныкъ.

ДЕСЯТНЫКЪ.

О, бачыте!

ПЫСАРЬ (*десятникови*).

Ц-сь! (*До Юрка*). Чыновныкъ?
Ого-го! Которого класса?

ЮРКО.

Класса?.. Хйба вамъ не однаково?

ДЕСЯТНЫКЪ.

Та не прысикуйтесь.

ПЫСАРЬ.

Не розсуждай! Розсужденіе положено
власти, сиречь мени, а подчынному—еди-
ное повывненіе! (*До Юрка*). Я те жъ
чыновныкъ. Якый на васъ чынь?

ЮРКО.

Той... Губернскій Регистраторъ.

ПЫСАРЬ (*радисно*).

Нѣвже? И азъ въ тимъ же чыни
обритаюсь. Губернскихъ Регистраторивъ
не багато чыслытця на лыце, лыбонь, на
всю Россію насъ тилькы двое и е. Поз-
вольте зъ вами почоломкаться. (*Чолом-
каютця*).

ДЕСЯТНЫКЪ.

Ну, якъ що той, то... (*До Юрка*).
Доброго здоровьяча? (*Простяга руку*).

ПЫСАРЬ.

Осады! Подчынненіе и безмолвствіе!
(*До Юрка*). Де прохождение службы
совершалы?

ЮРКО.

Тамъ, де треба було.

ПЫСАРЬ.

А именно?

ЮРКО.

Служывъ я въ Полтави... Годи вже
балакаты, мени никола.

ПЫСАРЬ.

А знавалы вы тамъ Тытулярнаго Со-
витныка Ныкодима Порхвыровича Ку-
лябку?

ЮРКО.

Ни, не знававъ.

ПЫСАРЬ.

Не може буты... То бувъ чоловікъ—
ума палата! А знавалы вы Коллежского
ассесора Тыховія Васылевича Жарка?

ЮРКО.

Не знававъ.

ПЫСАРЬ.

И Жарка не знавалы? Та хто жъ
Жарка не знававъ? Мала дытына знала...
А знавалы вы?

ДЕСЯТНЫКЪ.

Ондечкы вже поромъ пидходять. Хо-
дите, я вамъ трохы намочу голову, бо вы
уже здорово росхыталысь.

ПЫСАРЬ.

Пиды и намочы соби мордяку! Мовчы
товстолобий истуканъ! (*До Юрка*) А
позвольте заглянуть у вашъ документъ.

ЮРКО (*выйма карбванця и дае*).

Ось вамъ.

ПЫСАРЬ.

Ага!.. Теперъ выдко хто вы... (*От-
ходитъ зъ десятникомъ*).

Я ва 5-а.

(*До прымиста пидходе поромъ, зъ
берега сунувъ людъ; на пороми гра
музыка*).

КУЧЕРЬ.

Ондечкы нашъ панъ, а за нимъ цила
юрба панивъ.

Завойко (*гука зъ порома*).

Чы кони е?

Кучеръ.

Е, пане!

Завойко.

А скильки троекъ?

Кучеръ.

Чотыри, пане!

Завойко.

И хургонъ е?

Кучеръ.

А якъ же. Карета, натычанка, довгуша, шарабанъ и дви пидводы прости.

Завойко.

О, розмистымось вси! Панивъ въ экипажи, а музыку на просту пидводу.

Юрко (*вдывляється*).

Панъ Завойко! Колыбъ мене не примитывъ? (*Одвертається*). Пиду, пидводу пошукаю. (*Иде*).

Завойко (*бижить зъ порома*).

Юрку, пидожды. Я тебе ще здалеку впизнавъ. (*За Завойко идуть паны, дали музыки, народъ. Пысаръ и десятныкъ про межъ народомъ ходять и берутъ хапаныну*).

Юрко.

Отъ халепа! (*На бикъ*). Треба буты смилитимъ. (*До него*). Помилаетесь... Вы мене не знаете.

Завойко.

Що, я помиляюсь? (*До гостей*). Панове! Я васъ потишу дымомъ, якого вы ще й не чулы! Гей, а подайте сюды скрипку! Осъ хто намъ заграе!.. (*При-*

носять скрипку). На, грай мени заразъ варьяци: „ой не ходы Грыцю“... Або Варшавьского марша заграй. Оцей, панове, грае, такъ грае!

Юрко.

Кажу жъ, що вы помилаетесь...

Завойко.

Винъ такъ грае, щс я ажъ плакавъ...

Юрко.

Выбачайте, мени нема часу бавытись...

Завойко.

Ни, Юрку, я тебе не пушу!.. (*Хана его за руку*). Ты мени заграешъ. Не хочешъ грать Грыця, грай Кармалюка. (*Спива*).

Повернувся я зъ Сибири,
Нема жъ мени доли,
Ой здаеця не въ кайданахъ
А все у неволи...

Юрко.

Що це за напастъ?

Деревьянка (*зъ пидввязанымъ окомъ*).

Слухай, не зачепай-бо кожного!... Може на два ока и мени винъ здався бъ за Юрка.

Завойко.

Та хiba жъ це не Юрко?

Деревьянка (*до Юрка*).

Выбачте ему, винъ трохи пидпыльий!... Зъ пьяну трохи мени ока не выбывъ!..

Завойко.

Юрку, це ты, чы не ты, призывайся?

Юрко (*крыкомъ*).

Це напастъ!

Завойко.

Ну, похожий же на Юрка, якъ колесо на колесо.

Деревьянка (до Юрка).

Знаете, якъ кажутъ: „звернить дурный пьяному“... Выбачайте, мы вси елыко можаху!...

Помпеенко (гука виддаля).

Ходимъ, ходимъ, пора іхать.

Завойко.

Отъ штука!

Помпеенко.

Ідемъ, ідемъ, а то я такый, що розгниваюсь и заразы назадъ голобли поверну!..

Завойко (до Юрка).

Ну й схожий же зъ Юркомъ, якъ дви крапли горилкы! Ты граєшь на скрыпци?

Юрко.

Зъ роду—вику не гравъ!..

Помпеенко.

Отъ же я вернусь на порома!

Завойко.

Ну, якъ що такъ, то выбачайте!.. Гей, музыкы! Грайте марша!.. Трумъ, трумъ, трумъ!.. (Бере пидъ руку Деревьянку). Ходимъ, канцуре, я тоби друге око пидобью!.. (Шилы, музыка грає).

Пысарь (пидходе до Юрка зъ десятикомъ).

Онъ якъ наше дворянство гуляе! И такъ юрбою цилу осень и зиму видъ одного до другого іздять: полюють, у карть грають, бенкетуютъ!..

Юрко.

А скільки буде звидцы до Павлыша?..

Пысарь.

До Павлыша? Заразы вамъ выщытаю. (Личыть на пальцяхъ).

Поромщыкъ (гука).

А ну, сходьтесь до порома, хто іде на той берегъ, сходьтесь, бо заразы рушымо!

Юрко.

Заразы рушыть?.. (Іде до порома).

Пысарь.

Куды жъ вы? До Павлыша онъ куды. Ходимъ, тамъ за горбомъ е корчма... Пидводу наймете до Павлыша... (Зновъ личе).

Я ва 6-а.

(Вартоломей иде видъ куренивъ зъ двома чоловикамы).

Вартоломей.

Пидгодувались у рыбалокъ. теперь поідемо дали. А стійте, чы то не Юрко?

Чоловики.

Винъ и е! (Хутко пидходятъ до Юрка).

Вартоломей.

Здоровъ будь, Юрку.

Юрко (зъ лякомъ).

Варто... Чого вамъ треба?

Вартоломей.

Тебе намъ треба, хорменно тебе... А давайте путо, замкнемо его!

Юрко.

Якъ сміете!.. Я вильный чоловикъ!..

Пысарь (до Юрка).

Оборонимо!.. (До Вартоломей). По якому праву?

Юрко (*писареві*).

Ось, прочитайте мій документъ!.. (*Дає бумагу и карбованця*).

ПИСАРЬ (*заглянувъ у документъ*).

Такъ, врно и безперечно! Отставный губернский регистраторъ!

ВАРТОЛОМЕЙ

Помыслите, винъ нашъ, биглый!

ПИСАРЬ.

Мовчатъ! Ты хто такой?

ВАРТОЛОМЕЙ.

Началство его! Я отаманъ!

ПИСАРЬ

Иды жъ отаманувать до своего пана, а тутъ я началство! Забью тебе въ кайданы и пошлю такимъ этапнымъ путемъ, що ты и въ три роки не дійдешъ до своего села.

ДЕСЯТНИКЪ.

Мы, братъ, це можемо!

ВАРТОЛОМЕЙ,

Якъ, мене, началство?

ПИСАРЬ.

Я тобі покажу началство! Присякався до губернского регистратора. Ты знаешь, що насъ тильки двое на всю Россію!.. (*Розмовля зъ Юркою*).

ВАРТОЛОМЕЙ (*до чоловікивъ*).

Штука!

Чоловики.

Дывына!

ВАРТОЛОМЕЙ.

Дви дывыны! Одна, що началство на началство наперлося, а друга, що думалы, що то Юрко, ажъ то не Юрко.

Я в а 7-а.

(*Зъ горы иде Перепичка зъ Васылыною и кучеромъ, его тягне за полу Завойко*).

ПЕРЕПИЧКА..

Пусты-бо, а то вылаю!

Юрко (*на бикъ*).

Панъ Перепичка! Нова халепа!..

ЗАВОЙКО.

Идемъ-бо до мене.

ПЕРЕПИЧКА.

Не поїду, пусты!..

ЗАВОЙКО.

Все тилькы съ своею Васылыною возытця!..

ПЕРЕПИЧКА.

Кажу жъ тобі, що не маю часу!

ЗАВОЙКО.

Теперь я розгнивався на тебе такъ, що вже мы зъ тобою розбрато—брато, на выи вични!.. (*Пишовъ*).

ПЕРЕПИЧКА.

Про мене, якъ соби хочешъ. Скорій, скорій, Васылыно. Чы ты наливку взяла? Свырыде, несы покупкы на порома. Отъ тобі и здрастуй, поромъ вже видчалывъ. (*Гука*) Пидожды! Вернись, прычалъ до берега!.. Га? Скильки? А дули зъ макомъ не хочешъ? Беры самыгрывонного!..

Га? Ни, пивкарбованьця не дамъ? Свырыде, забирай покупки до корчмы, подождемо до завтра. (*Свырыдъ пшиовъ*). Чого намъ хапатысь, хиба надъ нами капа? (*Побачыгъ Юрка*) Знаема людына!..

Юрко (*на бикъ*).

Теперь вже никуды?

Перепичка (*до Юрка*).

Ты це куды? Васылыно, пизнаешъ?

Пысарь.

Це губернский регистраторъ!

Перепичка.

Це, тоби пысарю, зъ перепкою регистратыть въ очахъ. Винъ пидданный мого сусида, пана Пидгайного.

Юрко.

Помиляетесь, пане!..

Вартоломей.

И намъ здалось зпершу, що це нашъ Юрко!

Перепичка.

Це винъ и е!

Пысарь (*до Юрка*).

Дайте вашъ документъ.

Юрко (*дае*).

Ось...

Пысарь (*чыта*).

Губернский регистраторъ въ отставкѣ, Петръ Петровычъ Диброва.

Перепичка.

Диброва? Ха-ха-ха!

Вартоломей.

Це бь-то нашъ капольмейстеръ? Такъ винъ вже пятый день якъ померъ.

Юрко.

Померъ!!

Перепичка (*до Вартоломея*).

А ты въ погоню?

Вартоломей.

Та оце жъ насъ трое.

Перепичка.

Такъ и берить его.

Вартоломей.

Давайте швыдчъ путо!

Перепичка.

Хочъ ты, Юрку, и гарный музыка, а втикать зась... Подзвоны жъ за те кайданами. Дисциплина, субординация и повиновение властемъ прыдержажымъ! Ходимъ, Васылыно. (*Пшилы. На Юрка надивають путо*).

Пысарь.

Я думавъ, що ты справи губернский регистраторъ, а ты рабъ, смердъ?.. Выходить, що я тилькы одинъ на всю Россію и зостався.

Зависа.

Дія 5-а.

Кимната Орыси.

Я ва 1-а.

Орыся и нянька.

Орыся (*пыше бляя столу, нянька качае люльку*).

Напысала отцеви все, що пидказало серце, все на що навивъ мене розумъ, бо дали терпихъ не сыла... Я повинна розшукаты и Юрка и обрятуваты его. Може винъ де въ тюрьми уже? Певно. Винъ такый не хитрый!.. Може вже де упіймалы и знуцаютця надъ нымъ?.. Ни, такъ дали не можна... Юрко мій мужъ передъ Богомъ и передъ моимъ сыномъ и мусыть бути моимъ мужомъ и передъ людьмы. Нянько! Якъ тилькы татко прыде до дому, вы однесете ему отъ сей лысть.

Нянька.

Воны зновъ мене проженуть и не дадутъ ны якои видповиди.

Орыся.

Тоди я сама пиду до него! Доки жъ терпихому?

Нянька.

И васъ не допустятъ на свои очи. Хиба я ихъ не знаю? Оттакъ було вони и зъ покойною панею, вашою мамою, якъ розгниваютця на ныхъ, то цилый мисяць, або й бильшь, слова до ныхъ не промовлять. А спытайте, за вищо розгниваютця? Було мама ваша плачуть—плачуть, ажъ занедужають... „Краще бъ винъ, кажуть, мене вылаивъ, або побывъ, а то мовчыть“...

Орыся.

Прытерпила моя мама?..

Нянька.

И-и! Та мабутъ и вамъ не краща доля судылася. Поласылыся ваши мама на мундыра та на чорни вуса... Выйшы замижъ проты воли своихъ родителей... Нигде правды диты, папаша ваши были красыви на всю округу... Ото жъ, якъ скоро поженылыся, то щось зъ годъ жылы дуже гарно, такъ гарно, що й сказать... Тыхо, любо та хороше. Все було цилуютця та мылуютця. Ухоплять було маму папаша на руки та й носятъ по кимнатахъ, якъ дытину... Бо такы дытною й были, наврядъ чы було имъ и шістьнадцать годивъ, якъ ихъ винчали... На другой рикъ, мамаша ваши поїхалы погостюваты до родителей. Охъ, краще бъ було имъ не издыты! Воны гостюють тамъ, а папаша тутъ бенкетуютъ, та въ картъ грають... Найбильшь любылы у картъ граты... А шо вони тихъ грошей попрогравалы!.. И хто ихъ тилькы не оббиравъ?.. Бувало день и ничъ музыка реве, пивчи деруть горлянку!.. Насклькають парубкивъ та дивчатъ... Оттоди чортъ пиднясь и Луньку—красыва була, ну и вподобалась панови... Ажъ ось прыхалы и пани до дому, якъ разъ тоди вони важки ходылы вами... Панъ зпершу выховувалы Луньку, а дали якось все й выявылося... Видтоди и почалась сварка, слезы, дориканне... Писля Лунькы, зъявылась Пашка, дали Мотря... Та всихъ ихъ и не переличышь. И почалы ваши мама побыватись. Було прыбижать у спальню, ухлопютця за груди, та якъ закрывчатъ: „охъ серце, серце!“.. Ажъ ось и вы знайшылся, папаша ныбы трохи й схаменулыся; але черезъ скилькы мисяцивъ зновъ пишло по старому. Скилькы разивъ хотылы мама покы-

нуты папашу, такъ родытели ихъ, стало быть, ваши дидушка й бабушка, якъ почнуть стыдаты ихъ та вговорюваты. „Хиба, кажуть, можна законъ ломать? Нихто тебе не сылувавъ, сама пишла за него; а колы пишла, такъ и жывы“. А дидушка, ще було й додадутъ поговирку: „бачылы очи що куповалы“.. Онъ що! „Якъ тамъ кажуть, не жытымешъ зъ мужомъ, та все жъ у закони; а покинешъ его, то таке тоби призывце прылиплять, що мы того сорому й не переживемо!..“

Орыся.

Выходьтѣ: хочъ живцемъ пропадай, а жывы зъ чоловикомъ, котрый надъ тобою знущаетця, зневажае?..

Нянька.

Авже жъ. И въ церкви промовляють, якъ винчають, щобъ жона боялася мужа.

Орыся.

Боятись тоди, якъ е за що боятись.

Нянька.

Хто его зна, якъ тамъ воно означа!.. Законъ вже такый.

Орыся.

Ни, нянько, колы чоловикъ лома прысягу й жону миняе на другихъ, то та жона мае владу покинуты такого мужа.

Нянька.

Ни, недзя, законъ!..

Орыся.

Мама дуже любыла папу и черезъ те це могла его покинуты; певно вона дуже шанувала и своихъ родытеливъ, не хотила ихъ, зневажыты и прынесла себе въ жертву.

Нянька.

Може й такъ... А тилькы, що проты закону ни якъ не можна, великый грихъ!.. Почалы ваши мама хвориты та сохнуты... Найбилшь жалувалыся на сердце, що все воно имъ нимило... Разъ якось у литку взяли вони васъ за ручку и пишлы въ садъ проходытись.

Орыся.

Це я прыгадую... Якыйсь тоди трапывся надзвычайный випадокъ, бо мама плакала дуже, потимъ хутко повела мене въ домъ...

Нянька.

Панъ бавылыся съ Хроською, у бесидци, а мама й побачылы... Якъ убиглы вони въ спальню, якъ ухопылыся за сердце, то не мовъ замерлы... Видтоди вже вони й не всталы зъ лижка... А черезъ тыждень и Богу душу виддалы. Царство небесне, вичный покой ихъ душечци!

Орыся (зъ жахомъ).

Цего я не знала!... Такъ ось що?... Вы таки новыны мени розказалы, про котри мени и въ думкахъ не верзлося... И писля цього я мушу почытуваты мого отця?

Нянька.

О, що це вы кажете? А звисно мусьте!..

Орыся.

За вищо?

Нянька.

Та Господъ зъ вамы, що це вы кажете, вони жъ вамъ отець!..

Орыся.

Винъ доконавъ мою матиръ, винъ! Ни, бильшь нема мени за що его почытуваты!.. Вы жахааетесь? Жахааетесь черезъ те, що не вмiете всего того розумомъ обсягнуты, про вищо заразъ сами мени розказалы?

О, колыбъ вси люде заразомъ прозрили и змогли зрозумити, що про межъ ныхъ е таки, у котрыхъ пидъ овечюю шкурою ховаеця звиряча душа та жорстоке серце,—певно тоди на свити вчынывся-бъ великый гвалть!..

Нянька.

Та воно мабутъ такы оце чы не кинець свита?

Орыся.

Страшно, страшно подумать що творитця про межъ людьмы!..

Нянька.

За те жъ ховалы паню зъ якою пыхою, такъ неначе у казци я те чула, або у снѣ бачыла. Вси музыкы, пивчи и двирськи булы зодягнени у чорне, зъ билимы брузументаы. А попивъ, попивъ, лыбонь, ажъ шистъ ихъ було!... Зъ усѣи околицы позъїздылысь паны, вси дывувалысь... Якъ прынеслы на кладовыще та постановылы домовыну быля склепу, заразы одынъ пипъ вынявъ зъ кешени бамажочку и почавъ чытатъ, довго, довго щось вычитувавъ, а паны все слухалы, та хыталы головаы... У мене ажъ ноги зомлилы стоючы... Якъ проспивалы: „со святымы!“ то папаша якъ прыпалы до домовыны та якъ почалы голосыты!.. Ледве, ледве видорвалы ихъ видъ труны. Все крычалы: „просты мене, Мархвынько!“...

Орыся.

Яке лицемирство, яка малевныча забавка почуттемъ, яке лжыве поведженне!.. (*Зарыдала и впаала на подумкы*). Страшно, страшно!..

Нянька.

Оттакон! А чого жъ плакаты? Не тревожете вже ихъ кисточокъ!.. Вы думаете легко ихъ душепѣци, якъ вы оце голо-

сыте?.. Нехай имъ на тимъ свитѣ полекыстѣ та спокій!..

Орыся (*сирко усмихаеця*).

А таткови на цимъ?

Нянька.

Не кажите такъ, голубонько! Може папаша каютця, онъ якъ каютця!.. Почимъ знатъ?..

Ява 2-а.

Ти жъ и Дося.

Дося.

Панночко! Тамъ прыйшовъ до васъ Якивъ башмашныкъ!

Орыся.

Чого ему?

Дося.

Каже: „пиды скажы, щобъ дозволылы доступыты?“

Орыся.

Пьяный певно?

Дося.

Ни, не выдко щобъ... Балака якъ слидъ.

Орыся.

Впусты его. (*Дося пишла*).

Нянька.

А я бъ не пустыла, завжды чортъ зна-що варняка, про волю, то що... Ажъ боляче слухаты!.. А що его сердешного пополупылы за ту волю, отъ же не каеця!.. Запекла людына! На мою думку, ни яка скотына не выдержала бъ стилькы бійкы, скилькы его полосувалы!

Орыся.

Що це вы кажете? Невже его такъ багато были?

Нянька.

Хиба тилькы его? Кого тутъ не были?

Я в а з - я.

Ти жь и Якивъ.

Якивъ.

Панночко! Подозвольте промовыть до васъ слово. Якъ мы пиддани ваши, бо мы за вашою мамашою прыйшлы у прыдане, то надъ нами найвышча воля ваша. Такъ подозвольте мени постраждать, я волю прыйняты всю кару!..

Орыся.

Яку кару?

Якивъ.

За Юрка! Нехай мене панъ закажутъ на смерть, а Юрка нехай помилуютъ.

Орыся.

Ни, Якове, коженъ чоловікъ самъ повиненъ нести кару за свою провину.

Якивъ.

Якъ теперь Юрка упіймалы...

Орыся (*зъ страхомъ*).

Хто це вамъ сказавъ?

Якивъ.

Заразъ Прохоръ прыхавъ зъ города и бачывъ своимы очыма, що Юрка вже ведуть.

Орыся.

Ведуть? О Боже, щожъ це буде?..

Якивъ.

Въ зализахъ ведуть.

Орыся (*крычыть*).

Въ зализахъ? У васъ, Якове, дороге, безцинне серце... Але не вы, а я мушу захыстыты Юрка. Далеко его ведуть?

Якивъ.

Ось-ось скоро и въ двиръ уведуть.

Орыся.

Досю! Бижы на зустрічъ и скажы, щобъ Юрка заразыть сюды вель. Скажы, що я такъ велью, я ваша господиня! Чуешъ?

Якивъ.

Именно господиня наша, прырожденна господиня.

Орыся.

Скажы, що хто тилькы посміе не послухаты мене, тому буде горе,—чуешъ?

Дося.

Чую, панночко! (*Хутко пишла*).

Якивъ.

Вси мы першъ усего васъ повинни слухаты. Звелилы-бъ вы мени, що завгодно зробыть, васъ послухаю, вамъ скорюся и все зробию; а щобъ надо мною показувавъ владу Вартоломей, чы бухветчыкъ?.. Ни! (*Пада на вколюшкы*). Ще разъ благаю, подозвольте за Юрка постраждаты! Нехай влиплять мени 750 лозъ и буде якъ разъ десять тысячъ. Я вси удары переличывъ, все у мене закарбовано!

Орыся (*зъ лякомъ*).

Що вы говорыте? Десять тысячъ?.. (*Пидводыть его*). Встаньте, Якове, встаньте заразыть!.. Я дуже вдячна вамъ, за вашу щыристь, але жертвы вапоня не прыйму. Юркова провина—моя провина и мы мусымо вдвохъ одбуты кару!..

Я ва 4-а.

Ти жь и Дося.

Дося (*вбигла*).

Ведуть, ведуть Юрка.

Я ва 5-а.

Ти жь, Юрко (*въ зализахъ*), Вартоломей, два чоловіка и де хто зь двирни.

Орыся.

Геть заразъ ланцюгы!

Якывъ (*Вартоломееви*).

Ты чуешъ, катюго? Панночка, прырожденна твоя господня, прыказують зализа знять?

Вартоломей.

Щобъ не втикъ.

Юрко.

Пидіймы Вартоломеоу очи до горы та глянь людамъ въ вичи. Хиба я зугарень утекты? Ты хотивъ показаты надо мною свою владу и сылу!..

Орыся.

Здійнять заразъ зализа!

Вартоломей.

Ежели што... (*До людей*). Одимкнить! (*Здіймають зализа*).

Орыся.

До мене, Юрку. Ты мій мужъ, я це привселюдно скажу. Не выховався ты?.. Все ривно, я скоро сама бъ тебе видшукала!.. Ховатысь дали даремно!..

Юрко.

Куды мени втикать? Зразу впизналы и...

Я ва 6-а.

Ти жь и Сылыхвонъ.

Сылыхвонъ.

Панъ прыхалы!

Орыся.

Прыхавъ?.. Стій, Юрку, тутъ бия мене...

Я ва 7-а.

Ти жь и Пидгайный.

Пидгайный (*входьтъ*).

А, впіймалы! Зачимъ привелы его въ хоромы? Въ холодну его!.. (*Люде кыдаютця до Юрка*).

Орыся.

Стійте! (*Заступа Юрка*). Тату! Его тутъ мисце, бия мене.

Пидгайный.

Що? Ты сміешъ такъ казаты? Ведить его въ холодну.

Орыся (*хапае кынжалъ*).

Ни, не поведете! Тату, схаменитця! Кого кажете весты? Мужа вашой дочкы, батька мого сына?—Не попущу!..

Пидгайный.

Винъ мій пидданный! Винъ мій найлютищый ворогъ!.. Берить его!..

Орыся.

А ни зь мисця! Я ваша прырожденна господня, велю вамъ не чепать Юрка!

Пидгайный.

Такъ ты ось якъ?.. Ты тутъ господня, а не я?.. (*Пидбига до Юрка и хоче его вхопыты*).

Яквивъ *(кыдаеця ему въ ноги)*.

Пане! Быйте мене, а Юрка помылуйте!.. Вбыйте мене!..

Пидгайный *(видкыда ногою Яквива)*.

Геть!.. *(Бъе Юрка по щоци)*.

Орыся.

Ахъ! Карай мене Боже!.. *(Заносытъ надъ батькомъ кыжалгъ и падае мертвою)*.

Юрко.

Що зъ нею?.. *(Прыпада)*. Мертва!.. Померла!.. Вона померла!..

Пидгайный.

Померла?.. Не може быть!.. *(Прыпада до Орыси)*. Не дыше!.. Холоне!.. *(Схопывся)*. Що жъ це?..

Нянька.

Це кара Господова!.. Убылы жинку, убылы дочку, убыйте жъ ще и онука!.. *(Кыдаеця до люльки, бере дытыну и пидносытъ до него)*. А потимъ и насъ всихъ закатуйте!..

Пидгайный.

Боже! Гнивъ Твій праведный и кара Твоя занадто мала!..

Я ва 8 - а.

Ти жъ и бухветчыкъ.

Бухветчыкъ.

Становый прыхавъ, каже: по „неотложному дилу“.

Я ва 9 - а.

Ти жъ и становый.

Становый.

Прошу прощеня! Чиновникъ отъ Министерства прыглашаетъ васъ пожаловать завтра, въ 10-ть часовъ утра, въ церковь для присутствованя при чтеня Высочайшаго Манифеста объ освобожденя крестьянъ.

Пидгайный.

О, колыбъ вы зъявылись хвильною раницъ, я може не бувъ бы прычыною смерти моеи единой дочкы!..

Становый.

Какъ? Неужели?..

Крестьяне *(встали на вколюшкы)*.

Мылосердный Боже Ты зглянувся надъ нами бидными!

Юрко.

На вищо мени теперъ воля?.. *(Ломае руки)*. Орысю, Орысю!.. *(Ханае кыжалгъ)*. Не хочу я безъ тебе жыты!..

Пидгайный *(одійма у него кыжалгъ)*.

Ты мусышь жыты за для твого сына, и мого онука!..

Юрко *(прыпада до трупа)*.

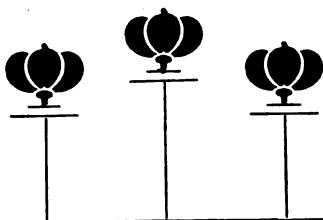
Орысю, Орысю!..

Зависа.

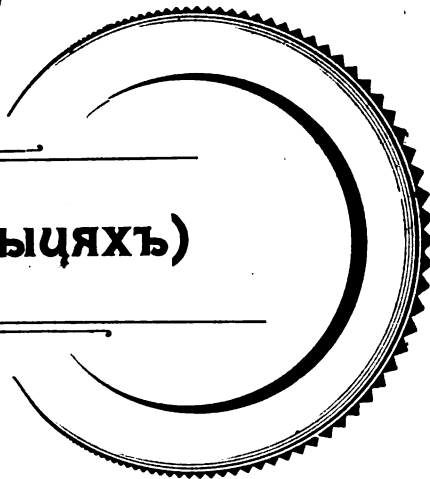

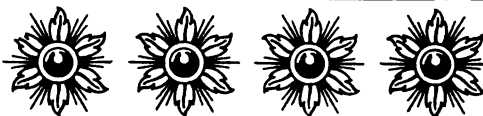
Залеты
соцького **Муся**

(Лисьни въ лыцахъ)

Оперетта-дивертисментъ у 3-хъ діяхъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ.

Яцько, селянинъ.

Яцьха, его жинка.

Галына, ихъ дочка.

Стецько, селянинъ.

Стецьха, его жинка.

Максымъ, парубокъ, коханецъ Галынынъ.

Ганна, подруга Галынына.

Мусій, соцькій, удивецъ.

Сельскый пысарь.

Дивчата, парубки, диты и народъ.

(Діється въ осени, на сели).

Д і я 1-а.

*Зъ правого боку хата Яцька, зъ ливого перелазъ зъ огороу; вуголъ хаты
Максымовои; въ глыбини кону прорвана гребля, черезъ котру перекынуто
кладку. Сутеніе.*

Я в а 1-а.

*(Зъ ливого боку чутно спивъ парубо-
чий, а потимъ вчувається зъ пра-
вого и дивочый. Зпершу зъявляються
на гребли парубкы).*

Парубкы (хорз).

Вылиталы орлы
Зъ за крутой горы,
Вылиталы, буркоталы,
Роскоши шукалы!

Скільки жъ не литаты,
Треба внизъ спустытысь,
Ой, у поли тры дороги,
Треба розлучытысь.

Дивчата.

Дивчата, скорій,
Сестрыци, мерщій,
Будемъ тутъ стоять,
Хлопцивъ дратувать!

Здымаймо кладку и колоду,
Нехай бредуть черезъ воду.

(Здіймають кладку и колоду).

Парубкы.

Онечкы дивчата—гу!
Дивчата до насъ?

Дивчата.

Знаемо мы васъ!
Шкода, насъ вы не обманете,
До себе не переманете.
Пошукайте краще броду,
Або бредить черезъ воду,
А мы кладку заховаемо,
Краще безъ васъ погуляемо!

Парубкы.

Сонце нызенько,
Вечиръ блызенько,
Выйды до мене,
Мое серденько.

Дивчата (сміючысь).

Нызенько?
Блызенько?
До тебе?
Мое серденько.

Черезъ риченьку,
Черезъ болото,
Подай рученьку,
Мое золото!

Разомъ.

Тай оженимось,
Тай будемъ жыты,
Зъ тобою, серденько,
Бога хвалыты!

Ганна.

Ой ты дубе кучерявий,
Лысть на тобі рясний,
Ты козаче уродливый,
Словами прекрасний.
Слова твои ласкавыи,
Та чортова думка,
Доки тебе не любила,
Гула якъ голубка!

Парубокъ.

Чы це жъ не соромъ вамъ, дивчата,
Тако надъ нами вивторяты?
А якъ пидемс въ салдаты,
Будете безъ насъ скучаты!

Дивчына.

И справди, дивчата, яки мы дурни,
Це жъ у останне гуляють вони,
Це жъ все наши новобранци,
Завтра зъ села выйдуть въ раньци.

Здамося, сестрыци, на ихъ благанне
Тай погуляймо на прощаванне!

*(Вси збигаютъ зъ гребли и стають
вз коло).*

Ну ставаймо въ коло,
До млынивъ у гору
Поведемъ танецъ,
Веселый ралець!

(Мала дивчына стае у коло).

Чомъ сиренький горобчычокъ
Тай зажурывсь, тай засмутывсь?
Горобчычокъ дыбъ-дыбъ-дыбъ,
Сиресенький стрыбъ-стрыбъ-стрыбъ!
Болять въ мене ниженьки
Поломани кисточки!

Горобчычокъ дыбъ-дыбъ и т. д.
Болять въ мене крылечка
Обскубалы пирьячка!

Горобчычокъ дыбъ и т. д.

(Вси бижать за лаштункы).

Ява 2-а.

Яцько и Стецько *(пидъ чаркою).*

Ой куме, куме, добра горилка,
Выпьемо, куме, мы зъ понедилка!
Складимось, куме, шагивъ по сорокъ,
Выпьемо, куме, ще й у вивторокъ!
Продаймо, куме, рябу тельцю,
Выпьемо, куме, щеи у пятныцю!

Стецько.

Адже въ тебе е дочка?

Яцько.

Такъ якъ квиточка!

Стецько.

А у мене, куме, сынъ.

Яцько.

Якъ же, знаю: Гарасымъ?

Разомъ.

Отъ бы вдарить по рукахъ,
Оце було бъ саме въ смакъ!
А що наши бабы скажуть,
Чы вони на тее важуть?

Яцько.

Моя Хивря кароока,
Тамъ якъ засокоче,
Тамъ якъ заскрегоче,
Достойтно, мовъ сорока!

Стецько.

Та й моя пацекувата,
Якъ розверещытця,
Якъ распорошытця,
То тисна бува и хата!

Разомъ.

Горе намъ зъ бабамы,
Кольбы мы це сами,
Заразъ якъ зійшлыся,
Цупко бъ напылыся!

Яцько.

Треба Хиврю попытаты!

Стецько.

То гайда до мене въ хату,
Вопа въ мене вже давно,
Товче просо на пшоно!

Яцько.

Невже? а я й не знавъ!

Стецько.

Ага... А ты й не знавъ?

Разомъ

То ходимъ, чога жъ дриматы,
Може вдастця поладнаты,
Може Богъ поможе,
То все буде гоже!
Горе намъ зъ бабами... и т. д.

Яцько.

Зайдемъ кумонёчокъ
Въ новенькый шинёчокъ,
Смыкнемо восьмуху,
Щобъ набратись духу!

Стецько.

Богъ зна чы диждемо,
Вдруге того свята!

Яцько.

Люблю тебе, куме,
Якъ ридного брата! (*Циллюютця*).

Разомъ.

Горенамъ зъ бабами... и т. д. (*Пишлы*).

Я в а 3-я.

(*Галына зъявляецця на порозы*).

Вже й смерка, а Максима й досы
немае? Невже за те розгнивався, що вчора
трохы его подратувала? Може й не прыйде

сегодня зовсимъ? (*Чутно сопилку*). Хтось
гра! (*Прыдывляецця*). Винъ! Та якый
насуплений та смутный! Втечу въ хату!..
(*Побигла въ хату*).

Я в а 4-а.

Максымъ (*зъявляецця на перелази
зъ сопилкою, догравшы стива*).

Гыля, гыля сири гусы
Та на тыху воду,
Клыче козагъ дивчыноньку,
Къ соби на розмову!

(*Галына выглянула и зновъ захо-
валась*).

Порадь мене, дивчынонько,
Якъ ридная маты,
Ой чы мени женытця,
А чы тебе ждаты?

Галына (*зъявляецця на порозы*).

Ой я жъ тебе, козаченьку,
И ражу й не ражу:
Я зъ тобою вечеръ стою,
На инчого важу!

Максымъ.

Бодай тебе, дивчынонько,
Зъ твоею радою,
Я до тебе зъ щырымъ сердцемъ,
А ты зъ неправдою.

Максымъ.

Бодай же ты, дивчынонько,
Та такъ замижъ выйшла,
Якъ пры бытій дориженьци
Яра рута зійшла.

Галына.

Бодай же ты, козаченьку,
Та такъ оженився,
Якъ у млыни на камени
Кукиль уродыся!

РАЗОМЪ.

Помылуйте мою душечку, душечки мои благодущныи! Жывъ я соби смърно та тыхо, якъ належыть всякому хрыстыянынови и богобоязному чоловикови: у будень на работи,—у степу, чы у подвирьн; а въ недилю, або въ празнычокъ,—до храму Господнего. Писля обидни пообидаетшь, потимъ спочынешъ... А писля спочынку куды жъ бильшь, якъ не до шынку? Бувъ бы я жонатый, инча-бъ и розмова була; а то удивецъ та ще й бездитный! Пройшовъ такъ рикъ, пройшовъ и другый, а на третій почавъ я сумуваты, та такъ засумувавъ, що ажъ зъ лыця змарнивъ!.. Отъ ридня моя и почала радытысь, що щобъ тутъ таке вдіяти, щобъ задопомогты мени, щобъ я зъ сумоты не роспывся, або не здуривъ!.. Думалы, думалы, а дали зробылы ршённы: оженыты мене. Що жъ, кажу, я можу! И заразъ же накынувъ соби окомъ дивчыну... Оттуть вона и живе, Галыною звется: батько ии Яцько, маты Яцьха, ото вся родословня и сословня!.. Э, пострывайте, каже дидъ Мыкола! Першь нижъ оженомо, давайте настановымо его соцькимъ! Я й подумавъ соби заразъ: якъ соцькимъ зроблюсь, тоди певно Галына безъ супереки пиде за мене замижъ. „Що жъ, пытають, согласной?“—Согласной, кажу. Охъ, мыленьки мои, душечки мои благодущныи и не легко жъ того чына носыты. Вирыте, тилькы що я зъиздывъ въ городъ, купывъ оцего гедзета и брукы, почепывъ оци клейноды, запылы мы мого-рычу, якъ и почалы мене ганяты по селу, якъ жеребця на аркани. Хто іде, хто йде, тилькы й чуешъ: „подавай лошадевъ!“ Спрывныкъ іде: „подавай лошадевъ!“ Становый іде: „подавай лошадевъ!“ Дохтуръ, хвершалъ: „подавай лошадевъ!“ На що вже кушарка, и та репетуе: „подавай лошадевъ!“.. Прямо нема тоби супокою, а ни Боже мой! О, лыбонъ вже щось бижыть зъ дзвинкомъ! (*Прислухається*). Ни, то Явтухова корова реве! За чотыри мися-

ця зовсимъ одбигавъ ноги; помылуйте, що дня, якъ скажений, пужаю по селу. О, вже зъ цего боку щось дзвеныть! (*Прислухається*). Ни, то Свырыдова собака дзявка. Видъ дзвинкывъ, та видъ талабончыкывъ дзвеныть у вухахъ, не мовъ, на дзвиньци. Помылуйте, я такъ не согласной! ось и заразъ, люде добри вже спочывають, а я гасаю по селу, якъ нависный, бо прыйшла бумага видъ урадныка, за лумеромъ першымъ, чы за 25-имъ, не розберу?..

Урадныкъ ще вчора звеливъ,
Щобъ заразъ я всимъ обявывъ,
Шо е бумага видъ самого,
Видъ прыстава станового.

„Щобъ хлопци не смыли:
А ни у картъ граты,
А ни жартуваты,
Ни писень спиваты,
По вулицяхъ не ходылы
Та все по хатахъ сыдилы.

„Надинъ, каже, бляху
Та завдай всимъ страху“.

Думавъ, якъ здобуду я чына,
Мене покохае дивчына,
Галыною ось що зовется,
А вона ще гиршь сміється.

„Не ходы до хаты,
Собакъ дратуваты,
Убирайся къ бису,
Чортывъ дармовисе,

Выбый, каже, хвистъ объ тынь,
Плювать мени на твій чынь!“..

Отъ и надивъ бляху,
Соби завдавъ страху! (*Помовчавъ*).

Одначе Гали щось не выдко!
Не вже жъ не выйдешъ, моя рыбка?

(*За лаштунками гукають: говъ-говъ!*)

Гукають зновъ! (*Гукають*).
А де вы говъ? (*Помовчавъ*).

Колы засунувъ въ ярмо шыю,
То, мабутъ, ничого робыть,

Дія 2-а.

Середина Яцькової хати, чепурна але не багата. Зправа пичъ, зліва вхідні двері, по середині хати проти вікна стилъ, дали мысникъ, жердка, скриня и т. и. Смеркає, горить свитло.

Ява 1-а.

Галына (*сидячи біля вікна, сумує*).

Ой у саду, на вишеньци,
Соловейко щебетавъ;
Пидь вишнею козаченько
Дивчиноньку улецавъ:
„Не йди, мыла, за другого,
Пожды мене молодого“.
Дивчинонька гирко плаче,
Соловейко все те баче
Та щебече: тѣхъ, тѣхъ, тѣхъ!
„Чого тужышь, чого плачешъ,
Серце розриваешъ?
Чы вже жъ мене молодого
Не вирно кохаешъ?
Не плачь, мыла, я вернуся,
Тоди зъ тобой одружуся“...
Дивчинонька гирко плаче,
Соловейко все те баче... и т. д.
Не вернувся козаченько,
Померъ на чужини,
Поховалы чужи люде,
Въ чужій домовини.
А дивчына якъ зачула,
У садочокъ улынула,
Тужыть, вяне, гирко плаче: и т. д.

Максымъ (*спива за вікномъ*).

Та по пидь мостомъ трава росте,
Щука хвилью гоне,
Товарышу, вирный брате,
Чомъ дивчына не говоре?

Галына.

Прийшовъ такы, а я сумую,
Прыкнуса, мовъ-бы й не чую!

Максымъ.

Ой, дивчыно моя мыла,
Говоры зо мною,
Якъ не будешъ говорыты,
Умру, серце, за тобою!

Галына.

Ни, не хочу бильше драгуваты,
На що жалю завдаваты?
Ой ты умрешъ изъ вечора,
А я умру въ ранци,
Нехай же насъ поховають,
Зъ тобою, серце, въ одній ямци!
(*Пры останнйхъ двоухъ стричкахъ
входе Максымъ*).

Ява 2-а.

Максымъ.

Галыно, що чую? Я серця не чую!
Промовъ же, промовъ же, ще словечко,
Нехай же забється мое сердечко?

Галына.

Люблю, люблю, люблю!

Разомъ.

Люблю тебе ^{дивчыно} _{козаче},
Прыслухайсь, якъ серце у грудихъ
скаче,
То жъ видъ кохання, то жъ не зъ
роспукы,
Поможы намъ, Боженьку, звязаты
руки!

Максымъ.

Вирю тобі, мое серце,
А шо скаже маты?
Не видасть тебе за мене,
Бо я не багатый!

Галына.

Завтра стану я благаты
Неньку свою любу,
Щобъ не сылвала мене
Замижъ за нелюба!

Разомъ.

Люблю тебе дівчино
козаче и т. д.

Галына.

Скоро вже й пивничня доба,
А матери и досы нема,
Пишлы просо потовкты,
Пора бь уже имъ и прыйты.

Максымъ (*наслуха*).

Стрывай-бо, нибы щось спива? (*Пид-
бига до вкна*). Лыбонь двое?.. Йдуть
сюда!..

Галына.

Невже? Охъ, лихо!

Максымъ.

Цыть, Галю, тыхъ!
Свитло, погасы мершій,
Тай гайда звидциль худчій!

Галына.

Не чуть?

Максымъ

Ба йдуть! Ц-сь, ц-сь!
Люблю тебе дівчино
козаче и т. д.

Я в а 3-я.

Яцько, Стецько и Стецыха (*спивають
'за лагитунками*).

Та напыймося, родыно,
Щобъ намъ жыто родыло,
И жытечко, и овесь,
Щобъ зибрався ридь увесь.
Свахо, видченая, та гостей впускай,
Ну жь-бо, ворущысь, устань, пробудысь!

Яцько.

Жинко, видчыйнай, та гостей впускай.
Чы ты жинко спышь? (*Входять
у хату*).

Отъ тоби кпышь!

Свате, це вы свичку погасылы?

Стецько.

Ни!

Яцько.

Навожденные!

Стецько.

Скушеные!

Стецыха.

Попущеные!

Яцько.

Темно въ хати, мовъ въ печи,
А ну, свате, дужчь крычы.

Стецько.

Гей, хто въ хати озовыся,
Гей, хто у темній оклыкныся,
Та выкрышемъ вогню
Та засвitemь свичку, не журыся!

Яцько (*спиткнувся на мишокъ и
впавъ*).

Стовкла, бачу, Хымка просо,
Колыбъ не набыты носа!

Стецько и Стецыха.

Куды насъ ты прытысь?

Яцько.

Мовъ бы въ леху темно.

Стецько и Стецыха.

Та нехай же тоби бись!

Яцько.

Не лайтесь даремно,
Намацаю заразы свичку,
А ты, свате, давай швыдче шпычку!

Стецько.

Хто жь шануе такъ кумивъ?

Стецьха.

Певно, куме, ты здуривъ.

Яцько.

Не гнивайтесь, кумы любі,
Заразь и порадокъ буде,
Тилькы бь мени знайты свичку,
А ты, свате, давай швыдче шпычку!

Стецько.

Ой ты люба моя жинко,
Гайда краще мы до шпынку.

Стецьха.

Яцько збывся зь панталыку,
Наплюй, сердце, ему вь пыку!

Яцько.

Ось, намацавъ вже я свичку,
А ты, свате, давай швыдче шпычку.

Стецько.

Та продавъ чоловікъ бугая...

Стецьха.

Жинка корову й теля.

Ой, мужу, та напыймося,
Та покаймося,
Зь горилкою розпрощаймося.

Стецько.

Друже мій, я жь мужь твій!

Стецьха.

Дружно моя, я жь жона твоя!

Яцько.

Давай, давай, свате, шпычку,
Я засвѣтю свичку!

Стецько.

Та продавъ чоловікъ хату...

Стецьха.

Жинка рогачь и лопату.

Ой, мужу, та напыймося,
Та покаймося,
Зь горилкою розпрощаймося!

Стецько.

Друже мій, я жь мужь твій!

Стецьха.

Дружно моя, я жь жона твоя!

Яцько.

Давай, давай, свате, шпычку,
Я засвѣтю свичку!

Стецько.

Та продавъ чоловікъ овечать...

Стецьха.

Жинка квочку и курчать,

Ой мужу, та напыймося,
Та покаймося,
Зь горилкою розпрощаймося.

Стецько.

Друже мій, я жь мужь твій!

Стецьха.

Дружно моя, я жь жона твоя!

Яцько.

Давай, давай, свате, шпычку,
Я засвѣтю свичку!

(Стецько и Стецьха виходять зъ хаты).

Чого вь хати стало тыхѣ?

Де вы, Стецьку и Стецьхо?

Не чуть! чы не мара, у лехъ мене
це завела?

(Свѣтитъ сирныка).

Та це не свичка, а ломака! *(Кыда качалку).*

Чы не бисова маряка,
Ачъ, чога тутъ натворыла?!

Я в а 4-а.

Яцыха (*за лаштункамы*).

Пыку всю ему побыла!

Яцько.

Стрывай, це жинка галасае!

Яцыха.

Де жъ це мій Яцько блукае?
Колыбъ швыдчъ вернувсь до хаты,
Серце на ему зирваты!

Яцько.

Буде, Яцьку, лыхо, сыды краще тыхо!

Яцыха.

Та щобъ я та за Мусія
Свою Галю виддала,
Не загляне бильшъ и въ хату,
Прожену дрючкомъ зъ двора,
И Яцькови задамъ чосу,
Натовчу, якъ кишку носомъ!

Яцько.

Ото гаспидська лычына,
Начувайсь теперь чупрына.
Отъ же йде вже, йде сюды,
Де сховатись видъ биды?
Куды, куды, куды?... (*Бигае по хати*).

Це чортячий лехъ, бо й пичъ
Та ще и тепленька,
А ну, Яцьку, лизь мерщій
Та лизь потыхеньку. (*Вылазятъ на пичъ*).

Яцыха (*вбига*).

Ахъ ты гайдамако!
Ахъ ты розбишако!
Соцький, бачъ, велька птыця!
А що, зъивъ ляща по пыци? (*Свите*).
Шожъ це въ хати нема Гали?
Вже вси люде полягали.

Яцько (*роздывляеця*).

Моя хата, чы не дыво!

Яцыха.

Тильки въ шыньку свитло блыма
Та въ росправи ще блещыть...
Де жъ це Яцько?

Яцько (*засовуетя дали на пичъ*).

Яцько спыть!

Яцыха.

Хто тамъ на печи?

Яцько.

Яцьку, мовчы!

Яцыха.

Нужъ-бо, озовысь?

Яцько.

Цыть, не ворумысь!

Яцыха.

Чы це, Яцьку, ты? (*Дѣрга его*).

Нужъ-бо, швыдче пробудысь,
Мій любый розмаю,
Чы давно ты спочываешъ,
А я тебе лаю?
Не гнивайся, мій ты мужу,
Що лаяла тебе дуже!

Яцько.

Ну тай спавъ же оце цупко! (*По-зыха*).

Ты давно прыйшла, голубко?

Яцыха.

Чы ты знаешъ що вчынылось,
Я зъ Мусіемъ заразы былась!
Я на прызби, бачъ, заснула,
А винъ, чортова мачула,
Прычепывся тай въ росправу...
Хиба мае винъ те право?

Яцько.

Казавъ тоби разъ,
Казавъ тоби два,
Ой, не пий ты горилочки,
Бо зведе зъ ума!
А ты мене дорикаешъ,
Сама жъ що-дня кулкаешъ!

Яцыха.

Сватавъ Гальку, дзускы бисе,
Рябий канпуръ, дармовисе!..

Яцько.

Робы такъ, якъ я,
Пий та не що-дня,
А звычайно, въ свято
Выпый не багато.
А ты мене дорикаешъ,
Сама жъ що-дня кулкаешъ!

Яцыха.

Годи, годи вже повчать,
Пора тоби й замовчать!

Яцько.

Мовчы ты, то краще буде,
Скажешъ слово—война буде!

Яцыха.

Що?! Зъ просоння ты, чы може зъ
перепую?
Чы довго будешъ мене дратувати?
Я тебе протурю зъ хаты!

*(Кыдається на него зъ коцюбою,
Яцько схопивъ макогона).*

Я в а 5 - а.

Мусій, пысарь и два чоловика.

Мусій.

Пане пысарю, пышы протокола!

Пысарь.

Позвольте, сяду я за стола?
Во-первыхъ, што пысать?

Мусій.

Я заразъ буду дыхтувать.
Пышы! За чуба соцького вхопыла
И прысульствіе зъ джержета збыла!

Пысарь.

Якый законъ тутъ пидвесты?

Мусій.

Щобъ заразъ ризокъ прынести,
Оттуть гарненько розипыть,
Тай всыпать двадцать пять!

Яцько и Яцыха.

По якому праву?

Мусій.

Це не вамъ пытать,
Ни слова, мовчать!..
Прыйдете въ росправу,
Тамъ и прочытаемъ,
Перше жъ видшмагаемъ,—
Пысарю пышы!

Пысарь.

Во-первыхъ, што пысать?

Мусій.

Якъ тоби не знать?

Пысарь.

Положымъ, знаю во-первыхъ,
Но што же будетъ во вторыхъ?

Мусій.

Берить Яцыху, розипыть!.. *(Галы-
на входе).*

Галына.

Люде добри, пидождите,
Не соромте ненькы, (2)
Пры старосты литъ!
Визьмить краще, замистъ ненькы,
Мене розипыть,
За матирь не страшно
И житте згубыты!

ПЫСАРЬ.

Во-первыхъ, што пысать?

МУСІЙ.

Пышы такъ. Якъ що Яцыха соглас-
нія виддаты замижъ свою дочку Галыну,
за пана соцького Мусія, тобъ-то за мене,
то я Яцysi, выбачаю!

ПЫСАРЬ.

Цего закона я не знаю! (*Входе
Максымъ*).

Максымъ (*тыхо Мусію*).

Пане соцький, видкыньтеся видъ Га-
лыны, колы вамъ шкода своихъ реберъ,
нась тутъ зибралось бильшь пивсотни...
А за такую честь, я вамъ роблю ось яку
честь: клычу васъ до себе за старосту!

Я в а б - а.

Входять парубны и дивчата.

МУСІЙ.

А чого сюды зибралысь,
Чы я вамъ ще не казавъ,
Чы бамагы не чытавъ,
Щобъ въ ночи вы не тынялысь?
Геть, заразъ звидциль, геть!
Геть, кажу вамъ, геть!

ХОРЬ.

Ой ты, брате, ты Мусію,
Чы бачывъ ты чудасію,
Шо чоловікъ за столомъ,
Пошывъ кожухъ постоломъ?
Ай да Мусій, ай да чудасій!

МУСІЙ.

Геть, кажу вамъ, звидцы, геть!

ХОРЬ.

Ой ты, брате, ты Мусію,
Чы бачывъ ты чудасію:

Шо чоловікъ за хатою,
Ловывъ рыбу лопатою?
Ай да Мусій, ай да чудасій!

МУСІЙ.

Я соцький тутъ, кому завгодно,
Заразъ одведу въ холодну!

ХОРЬ.

Який соцький ты безъ бляхы!
Геть же, швыдче на вси шляхы,
Геть же, къ бису убирайся,
Въ другой разъ не попадайся,
На цей разъ иды не бытый. (*Драж-
нять*).
Гаръ-гаръ-гаръ, який еердытый!

МУСІЙ.

Таке поношеные!
Я заразъ напишу отношеные, про-
шеные, доношеные!..

(*Его и пысаря выпыхають*).

ЯЦЫХА.

Мене ты, доню, захыстыла,
Видъ сорому и видъ зневагы,
Цилкомъ ты сердце полоныла,
И я не маю бильше звагы:
Хто до мысли йды за того,
Не сушы ты сердца своего!

Галына (*бере за руку Максыма*).

Це жъ той, мамо, соловейко,
Що въ садочку щебетавъ,
Це жъ той, тату, козаченько,
Що зо сну мене жахавъ.

МАКСЫМЪ.

Це жъ та сыза голубонька,
Що я зъ нею воркувавъ,
Це жъ та люба дивчынонька,
Що я щиро покохавъ!

МАКСЫМЪ И ГАЛЫНА.

Спаруйте насъ до купонькы,
Щобъ щастя мы зазналы,
Та щобъ усн добри люде,
На насъ дывувалы!

*(Хоръ у друге співа ці жъ слова,
Максымъ и Галына кланяються)*

*батькови и матери по трьчи въ
ногы. Передъ цымъ Яцыха, порадыв-
шысь зъ Яцькомъ, бере рушныкъ и
простиля доли, а Яцько бере хлїбъ
и благословля).*

З а в и с а.

Д і я 3-я.

*Та жъ хата, передъ вїкномъ стилъ, кругомъ лавы, за столомъ Галына,
прыбрана по весильному, кругомъ неи дружкы; на столи гильце, коровай
и страви.*

Я в а 1-а.

Галына, дружкы, Яцько и Яцыха.

Дружкы.

Гусла гудуть,
У двіръ идуть,
Та рано, рано
Та ранесенько!
Та наряджайся,
Дивко Галыно,
Та рано, рано, и т. д.

Ганно.

Ну жъ, Галыно, уставай,
Гостей дорогихъ витай,
Молодого зъ буярамы,
Свѣтлоньку изъ свашкамы!

Яцько и Яцыха.

Вже буяре бїля ворить зупыняются,
Вже зовыци у свѣтлоньку задыв-
ляются!

Дружкы.

А вже гости на перемости,
А Галына не йме виры,
До Бога рученькы зносять,
Свого батенька просятъ.

Галына.

Захочай мене, ты мїй батеньку,
За стїны камьяныи,
Обсады жъ мене, ты мїй батеньку,
Запашненькимъ васылечкомъ.

Яцько и Яцыха.

Сховаю тебе, донечко моя,
За столы тесови,
Обсажу тебе, донечко моя,
Пышнымы дружкамы,
Обмыю тебе, донечко моя,
Дрибенькымы слизонькамы!

Дружкы.

Грайте музыкы, грайте,
Та въ двіръ не вїзжайте,
Ще жъ Галына не ваша, а наша,
Бо ще жъ вона тай не зряжена,
На посади не посажена!

Гости *(на подвірїи)*.

Ой, докы мы та стоятымемъ,
Сыру землю та топтатымемъ,
Червонымы чобиточкамы,
Золотымы пидкнвочкамы.

Дружкы.

А у синечкахъ трь верхы
Та нукуды Максымови ввїты,
Треба ему соколовкомъ летиты,
Щобъ бїля Галыны сѣдиты.

(За лаштунками).

Пусты, свате, въ хату,
Тутъ насъ не багато,
Четверо, чы пятеро,
А всихъ девьятеро;
А якъ же мы оглянемся,
То и въ хату не вберемся.

Яцько и Яцьха.

Годи-бо вамъ гостей дратуваты,
Пора вже ихъ гречно частуваты.

Дружкы.

Просымо, буяре, въ хату,
Годи травыцю топтаты,
Червонымы чобитками,
Золотымы пидкивками.

Яцько.

Просымо въ госпуду вступыты,
Хлиба-солы поісты
И меду-вына попыты.

Я в а 2 - а.

Мусій (старостою, за нымъ свитыл-
ка, потимъ Максимъ, 2-й староста,
буяре и гостю).

Мусій.

Якъ маемо грызтысь та сварытьця,
Давайте будемо краще мырытьця,
Чы такъ, Яцьку, та Яцьхо? (Частуе).

Яцько.

Якъ такъ, то й такъ!

Яцьха.

Авже жъ що такъ!

Вси.

Нехай тій сварци лыхо!

Мусій.

Вирьте, сваты, що я не ворогъ вамъ,
Весилле на славу спорядкую самъ.
Чы такъ, Яцьку, та Яцьхо? и т. д.

Пидстароста.

Старосто, пане пидстаросто!

Мусій.

А мы ради слухаты!

Пидстароста

Благословить молодому въ госпуду
вступыты, молоду звеселыты? Разъ!

Мусій.

Богъ благословить!

Пидстароста.

И вдруге?

Мусій

Богъ благословить!

Пидстароста.

И втрете?

Мусій.

Богъ благословить! Вси тры разы
Богъ благословить!

Дружкы.

Ой ишовъ Максимъ на посадъ,
Зустріча его Господь самъ,
Зъ долею щасливою,
Зъ доброю годиною!

Дружкы.

Здвынулысь стины, якъ буяре силы,
Ще гирше здвинутця, якъ горилки
напьютця.

Ой вы, старосты, вы люде ста-
тецкіи,

А вы, буяре, вы сыны отецькіи,
Де жъ вы, старосты, коныкивъ
здобувалы,

А вы, буяре, жупанивъ позычалы?

Старосты и буяре.

Ой вы, дружочки, вы наши голубочки,
Десь вы, дружечкы, сорому не маете,
А що вы-бо насъ за коней пытаете?
Забарыла насъ та Максимова маты,

Ласкавымы словамы,
Солодкымы медамы,
Былымы калачама,
Выражала насъ
Зъ скрипкамы, зъ цымбаламы.

1 Дружка.

Свитылочко панно,
Вечеряй ты зъ намы,
Та не будь така пышна,
Якъ у саду вышня.

Свитылка.

Ой, якъ бы жъ я панна,
Не сыдила бъ зъ вами,
Сыдила бъ зъ панамы,
Зъ кращымы, якъ зъ вами.
Не велила маты
Зъ вами вечеряты,
А велила маты
Зъ вами погуляты! (*Сила за
стиль*).

Дружки.

Одъ столу до прыпичка,
Утоптана дорижечка,
Матинка утоптала,
Вечеряты подавала.

Галына и Максимъ (*кляняються*).

Частуй, батеньку, частуй,
Щастямъ, долею даруй,
А якъ же $\frac{\text{я}}{\text{вона}}$ жыва $\frac{\text{буду}}{\text{буде}}$
 $\frac{\text{я}}{\text{вона}}$ тебе не $\frac{\text{забуду}}{\text{забуде}}$.

Дружки.

Ой, ходыла та Галына по городу,
Та садыла садъ-выноградъизъприходу,
Та й забула воритечка зачыныты
Та й мусыла свого батенька розбудыты.

Галына.

А я жъ тоби нызенько уклонюся,
Дрибненькымы слизонькамы умыюся.

Пиду, пиду, мій батеньку, та й видь
тебе,
Зостанеться рута-мята вся у тебе.

Дружки.

Старосто старесенький,
Голубчыкъ сывесенький,
Выведы насъ изъ хаты
На двирь погуляты,
Выведы изъ за-столу
У хатыноньку простору.

Мусій.

Чы не криви вы, чы не горбати,
Чы вміете хочъ потанцюваты.

Дружки.

Мы не криви, мы не горбати,
Уміємо танцюваты,
Ударымо пидкивкамы,
Заморгаемъ бривонькамы,
Пане старосто,
Пане пидстаросто.

Вутка йде, вутеняты веде:
И на рясочку и на попасочку,
На холодную водыцю,
На зеленую травыцю.

Максимъ и Галына.

Просымъ дорогихъ гостей,
За стиль захожаты,
Нашого хлиба' солы,
Досыть ужываты.

Чымъ Богъ пославъ, годуйтеся,
Нашимъ щастемъ дывуйтеся.

Всему роду вклоняемось,
Просымъ веселытеся,
До нашего ублагання
Серцемъ прыхылытеся.

Чымъ Богъ пославъ и т. д.

Мусій.

Розступитеся, мыряне,
Молодыта погуляють:
Сегодня до схочу нагулятеся,
Завтра рано до виньця споряжатысь.

Сваты, диды, батькы,
Сидайте за чаркы,
Сидайте за стиль въ рядъ,
Кохайтєся на молодягъ.

Вси.

Музыкы, почынайте граты!

Мусій.

Нальвайтє чаркы, свате.

Вси.

Грайтє скрипки и цымбалы,
Гудитъ басы на пропале!

Дружка.

Нумъ, дружечкы, нумъ, сестрычкы,
Паруймося,
У Галыны, на весили,
Натанцюмося.

Цє жъ останне ии дивуванячко,
Завтра прыйде зъ нею розставанячко.

Вси.

Ну жъ, гукнемо на все село
Та выведемъ голосницъ,
Грайтє музыкы дрыбницъ!

Ой, полола горлыця лободу, ло-
боду,

Та послала прыпотня по воду,
по воду,

Лєты, лєты, прыпотню, не барысь,
На чужіи голубонькы не дывысь!

Лєтивъ, лєтивъ прыпотєнь та й вто-
мысь,

На пивъ шляху дориженькы зупы-
нысь,

А на тєє горлыця не дбає,
Лєдацюгу прыпотня все лає.

Бодай тоби прыпотню сто бисивъ,
Що полєтивъ по водыцю та й
засивъ,

Я жъ тоби чубчычокъ обскубу,
Я жъ тоби крылєчка обирву!

Вжє не будєшь бильше ты литаты,
Та чужіи горлыци кохаты,

Сыдитымєшь у куточку на печи,
Та істымєшь грєчаныи калачи!..

*(Писля стиву буярынъ зъ дружкою
танцюють).*

З а в и с а.

Головни друкарські помилки.

Сторінка.	Строчка.	Надруковано.	Повинно бути.
3	11	нетреба	не треба
9	31	щастя	щасте
9	34	така жь помилка	
10	29	за	зь
12	19	нись	нись
—	20	выдчений	видчений
15	25	юсне	ясне
—	29	знаеть	знаеть.
16	13	высохнуть	высхнуть
18	19	талану	талане
21	11	Някого	Някого
—	25	а у тебе	а у тебе жь
22	25	постривай	постривай
23	19	похавъ	похавъ
26	22	якъ	Якъ
—	27	цялую	цялую
—	13	всего	все
28	24	зажте	заіжте
29	11	рышывъ	рышывъ.
30	20	новеселищаю	повеселищаю.
—	22 и 23	повоженне	поводженне
33	6	и т. п.	и т. п.
33	и 34 сторінки въ усихъ явахъ за мисць: я, повинно бути: а.		
34	23	тепла	тепло
—	29	невже	Невже
36	26	Няково	Няково
37	3	играшку	ыграшку
—	17	предытели	прылетели
38	1	3-а	3-я
—	19	познаку	по знаку
39	1	приголубе	прыголубе
—	34	въ зализо	въ зализа
44	14 и 15	То то-жь бо	Тото жь-бо
45	38	3-а	3-я
46	17	помыляюсь	помыляюсь
47	21	свить	свить,
52	23	найзручнщъ	найзручнщъ
—	29	пригорнуты	прыгорнуты
54	7	мабудъ	мабудъ
55	16	ну щожъ	ну, щожъ
58	5	розгдумачывъ	розгдумачывъ
—	7	почина	почина
—	19	враньци	въ ранци
68	35	чоломкаются	чоломкаютця.
—	28	цялуется	цялуецця
73	13	роднаго	ридного
74	14	Задывлятысь.	Задывлятысь.
75	29	терчытъ	стерчытъ
80	27	жахається	жахаецця

Сторінка.	Строчка.	Надруковано.	Повинно бути.
80	32	прывдвляется	прывдвляецця
81	20	найпершый	найпершымъ
—	32	усни	у снй
82	16	побачывъ	побачывъ
86	1	позтому	по этому
—	25	что бы	чтобы
87	26	исты	істы
89	20	что бы	чтобы
—	32	что бы	чтобы
99	30	что бы	чтобы
112	17	чокаются	чокаютця
114	14	прыблыжмлы	прыблыжылы
115	33	нашои паночки	нашои панночки.
116, 117, 118, 119, 120 и 121	въ усихъ явахъ за мисць: я, повинно бути: а.		
123	23	граеть	граешъ
124	1	2-я	2-а
—	2	вскрытый	вкрытый
124, 125 и 127	сторінки въ усихъ явахъ за мисць: я, повинно бути: а.		
128	7	мабудъ	мабудъ
129, 130, 132, 134 и 135	стор. въ усихъ явахъ за мисць: я, повинно бути: а.		
135	22	зысы	зысы
—	29	17-я	17-а
136	1	18-я	18-а
137, 138 и 139	стор. въ усихъ явахъ за мисць: я, повинно бути: а.		
141	9	не втомный	невтомный
—	29	1-я	1-а
143	23	3-а	3-я
144	29	4-я	4-а
147	2	здоровля	здоровья
149	29	помираешъ	померашъ
150	21	висемъ	висимъ
151	30	тревожиты	тревожыты
154	38	винця	виньця
156	35	спасена	спасенна
159	24	здоровьача	здоровьачка
—	18 и 19	ходате	ходимте
161	2	похожий	похожий
—	6	сходьтесъ	сходьтесъ
164	21	Ны	Нй
—	—	видповиди	видовиди
165	35	ихъ.	ихъ
—	5	Найбилшъ	Найбильшъ,
173	7	вчуается	вчуаетця
—	8	зъявляются	зъявляюцца
176	11	привикаты	прывыкаты.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ

А. С. КЕТЛЕРОВОЙ,

*Николаевская пл., 29 * Екатеринославская ул., 34*

въ Харьковѣ.

107 3947

.K73

1095

v. 1-2

